РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В шести томах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик А.О. ЧУБАРЬЯН (главный редактор)
член-корреспондент РАН В.И. ВАСИЛЬЕВ (заместитель главного редактора)
член-корреспондент РАН П.Ю. УВАРОВ (заместитель главного редактора)
доктор исторических наук М.А. ЛИПКИН (ответственный секретарь)
член-корреспондент РАН Х.А. АМИРХАНОВ
академик Б.В. АНАНЬИЧ
академик А.И. ГРИГОРЬЕВ
академик А.Б. ДАВИДСОН
академик А.П. ДЕРЕВЯНКО
академик С.П. КАРПОВ
академик А.А. КОКОШИН
академик В.С. МЯСНИКОВ
член-корреспондент РАН В.В. НАУМКИН
академик А.Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор исторических наук К.В. НИКИФОРОВ
академик Ю.С. ПИВОВАРОВ
член-корреспондент РАН Е.И. ПИВОВАР
член-корреспондент РАН Л.П. РЕПИНА
академик В.А. ТИШКОВ
академик А.В. ТОРКУНОВ
академик И.Х. УРИЛОВ

МОСКВА НАУКА 2013

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

Том 4

Мир в XVIII веке

Ответственный редактор тома
доктор исторических наук С.Я. КАРП

МОСКВА НАУКА 2013

УДК 94(100)«654»
ББК 63.3(0)5
В84

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 13-01-16020

Редакционная коллегия:
А.Б. Каменский, С.Я. Карп (ответственный редактор), *М.С. Мейер, М.А. Петрова* (ответственный секретарь), *Н.Ю. Плавинская, И.М. Смилянская, А.В. Чудинов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *С.А. Мезин,*
доктор исторических наук *А.Л. Рябинин*

Всемирная история : В 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. : Наука. – 2011. – ISBN 978-5-02-036725-8.
Т. 4 : Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп. – 2013. – 787 с. – ISBN 978-5-02-038037-0 (в пер.).

Авторы тома знакомят читателей с картиной мира в XVIII в., сложившейся в современной исторической науке, а также с проблематикой новейших исследований, посвященных судьбам основных регионов в этом столетии. Традиционный взгляд на Просвещение как на культурный феномен, действие которого ограничивалось европейскими странами и сферой их влияния, обогатился представлением об этой эпохе как о качественно новой стадии глобального взаимодействия культур. Стремительное развитие контактов Европы с другими цивилизациями дало современникам богатую пищу для размышлений о единстве и разнообразии судеб стран и народов. Имеют ли ценности, тесно связанные с наследием европейского XVIII века – практика свободы, права человека, вера в прогресс, – абсолютный и универсальный характер? Стоит ли бороться за их распространение? Или следует признать неизбежность сосуществования различных систем ценностей, причем не только в мире, но и в рамках отдельных стран? Как в этом случае они будут интегрироваться в процесс глобализации? Эти вопросы, уходящие корнями в эпоху Просвещения, звучат сегодня особенно актуально.

Для историков и более широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-036725-8
ISBN 978-5-02-038037-0 (т. 4)

© Институт всеобщей истории РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2013

ВВЕДЕНИЕ: ВОСТОК И ЗАПАД В XVIII ВЕКЕ

Мир искони делился на две части – Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа ⟨...⟩ На Востоке мысль, углубившись в самое себя, уйдя в тишину, скрывшись в пустыне, предоставила общественной власти распоряжаться всеми благами земли; на Западе идея, повсюду распространяясь, вступаясь за все нужды человека, алкая счастья во всех его видах, основала власть на принципе права; тем не менее, и в той, и в другой сфере жизнь была сильна и плодотворна; там и здесь человеческий разум не имел недостатка в высоких вдохновениях, глубоких мыслях и возвышенных произведениях.

П.Я. Чаадаев. Апология сумасшедшего (1836)

Противопоставление Востока Западу не только ошибочно, но и контрпродуктивно. Чем меньше мы будем использовать это противопоставление для описания захватывающей истории различных интерпретаций и конфликтов, тем будет лучше. ⟨...⟩ Одно из важных достижений современной теоретической мысли заключается именно в осознании того почти общепризнанного факта, что культуры гибридны и неоднородны, что ⟨...⟩ цивилизации настолько связаны друг с другом и настолько взаимозависимы, что их своеобразие не поддается никакому схематическому и упрощенно-разграничительному толкованию.

Эдвард Саид. Ориентализм (Послесловие к изданию 1994 г.)

На самом деле привычное разделение мира на Запад и Восток, характерное для XIX и XX вв., не было столь очевидной данностью для европейцев XVIII столетия. Судя, например, по фреске Дж.Б. Тьеполо «Аполлон и континенты», украшающей епископскую резиденцию в Вюрцбурге, их воображению представлялись скорее четыре части света или четыре континента – Европа, Азия, Африка, Америка. На этой фреске, созданной в 1752–1753 гг., Европа восседает, как ей и подобает, на троне, опирающемся на быка, в окружении символов литературы и искусства, эмблем христианства и воинской славы. Азию символизирует женщина в тюрбане, утонувшая в складках широких одежд; она сидит на слоне, ее окружают мудрецы, воины и рабы. Африка предстает пышногрудой чернокожей красавицей, расположившейся на лежащем верблюде в окружении слуг, торговцев, диковинных животных и птиц. Америка изображена роскошной индианкой в головном уборе из перьев, сидящей верхом на аллигаторе. У нее за спиной – лук; у ее ног – коленопреклоненный бородач, поддерживающий огромный рог изобилия – символ природных богатств.

В Европе XVIII в. аллегории четырех континентов встречались повсюду – в скульптурных ансамблях площадей, садов и парков, на живописных

полотнах, гравюрах, географических и игральных картах, в фарфоровых статуэтках, украшениях салонных часов, среди прочих элементов интерьера и архитектурного декора в стиле барокко или рококо и даже в театральных дивертисментах. Разумеется, все они соответствовали определенным иконографическим нормам, которые позволяли немедленно распознать континенты и имели свою традицию, восходившую к эпохе Великих географических открытий. О ней напоминали современникам и версальские росписи Ш. Лебрена и Ш. де Ла Фосса, и глобусы В. Коронелли, и, конечно же, грандиозные римские памятники, символизировавшие вселенский триумф христианства (католической Реформы), – плафон иезуитской церкви Сант-Игнацио, расписанный А. Поццо, или фонтан «Четырех рек», воздвигнутый Дж.Л. Бернини на площади Навона.

Эти образы отражали сформировавшийся к тому времени у европейцев взгляд на мир, и взгляд этот был определенно европоцентристским. Америка и Африка олицетворяли в глазах наших предков дикость и могли похвастаться в лучшем случае своей экзотической красой и естественными ресурсами; за Азией признавалась некоторая сила и мудрость, но и она не могла равняться с великолепной царственной Европой. Имела ли подобная картина мира хоть какие-то реальные основания или же была лишь негативной умозрительной конструкцией, служившей идеологическим обоснованием колониальной экспансии?

Некоторые ученые склоняются сегодня к последнему мнению, хотя и признают, что вынуждены оперировать весьма приблизительными и фрагментарными статистическими данными, опираясь при этом на далеко не бесспорные методики их реконструкции. Так, английский политолог Дж. Хобсон, ссылаясь на выкладки швейцарского историка экономики П. Бэрока, утверждает, что в 1750 г. совокупный ВВП стран Востока составлял 220% от совокупного ВВП стран Запада, в 1830 г. – 124% и что Западу удалось «догнать» Восток по этому показателю только к 1870 г. Правда, категорию «Запад» упомянутые авторы толкуют весьма расширительно и включают в него Европу, обе Америки, Россию и Японию. Несколько иная картина складывается при попытке определить ВВП на душу населения, но даже и в этом случае П. Бэрок настаивает, что к 1750 г. по этому показателю страны Востока и Западной Европы мало чем отличались друг от друга. На основании этих и других подобных данных Дж. Хобсон и его единомышленники готовы сделать вывод, что традиционное представление об отсталости стран нынешнего «третьего мира» связано не столько с историческими реалиями, сколько с колониальным мышлением.

Другие авторы оспаривают приведенные цифры (так, британский экономист А. Мэддисон полагает, что страны Западной Европы превзошли страны Востока по подушевому ВВП уже в XVI в.) и особенно их интерпретацию, призывая к сравнительному изучению развития упомянутых регионов в гораздо более широких хронологических рамках. Подобный подход позволяет увидеть, что к началу II тысячелетия Китай, Индия, страны Ближнего Востока в результате длительной эволюции, внедрения множества технологических и организационных инноваций, использования сравнительно эффективной «природной машины», активизации внутренней и внешней торговли существенно опережали страны Западной Европы во многих сферах хозяй-

ственной и культурной жизни: урожайность зерновых и подушевое производство железа (в Китае) были в 3–5 раз выше, уровень урбанизации и ВВП в расчете на душу населения в среднем в полтора-два раза превышали западноевропейские аналоги, а показатели грамотности, отражающие степень развития человеческого потенциала, на Востоке оказались в 5–10 раз выше, чем на средневековом Западе. Более того, некоторые важные атрибуты расширенного воспроизводства обозначились впервые не в западноевропейских странах, как это нередко до сих пор считается, а на Востоке, в Китае, на рубеже I–II тысячелетий, т.е. за многие сотни лет до начала «промышленных рывков» в странах Запада. Затем, с XII в. началась стагнация или даже некоторое снижение (в отдельные периоды) подушевого ВВП стран Востока (при абсолютном росте объемов ВВП). Причины стагнации восточных экономик требуют дальнейшего изучения, однако уже сейчас ясно, что замедление темпов их развития не было инициировано западноевропейской экспансией и колонизацией, ибо началось раньше.

XVIII в. завершил длительный период накопления институциональных, культурных и иных предпосылок, позволивших изначально более бедным, слабым, но гетерогенным, конкурирующим друг с другом, более активным обществам Запада сформировать модель интенсивного экономического роста и еще до начала промышленного переворота обогнать страны Востока по социально-экономической результативности. Анализ самых общих макроэкономических показателей свидетельствует, что в XI–XVIII вв. примерно 1/6–1/7 прироста ВВП стран Запада была связана с увеличением совокупной производительности, т.е. разницы в темпах между динамикой выпуска и приростом совокупных затрат. За этот же период общий индекс человеческого развития увеличился примерно в 4 раза, тогда как в среднем по основным регионам Востока (Китай, Индия, Ближний Восток) он в лучшем случае не изменился. Отставая по общему уровню развития от ведущих азиатских государств на рубеже I–II тысячелетий в 2,4–2,6 раза, западноевропейские страны к концу XVIII в. превзошли их по этому индикатору уже почти вдвое, в том числе по уровню грамотности взрослого населения в 3,0–3,5 раза.

«Европейское чудо» оказалось возможным в силу ряда обстоятельств, многие из которых еще нуждаются в уточнении. Отчасти благодаря географическим факторам западноевропейцы, как известно, сумели в целом избежать социально-политических катаклизмов, связанных с нашествиями с Юга и Востока. В то же время многократные попытки объединения Европы изнутри силовыми способами в конечном счете терпели неудачу. Так или иначе, в том числе благодаря географической фрагментации, в Западной Европе постепенно сложилась своеобразная (быть может, уникальная) система более или менее равновесных конкурентно-контрактных отношений, препятствовавшая образованию губительной для прогресса монополии власти. Сформировались относительно независимые, децентрализованные источники силы и влияния: церковь, города, феодалы, гильдии, университеты…

В обстановке острой внутренней и внешней конкурентной борьбы за сравнительно ограниченные (по сравнению с Востоком) ресурсы государство в западноевропейских странах оказалось вынуждено в большей степени, чем на Востоке, учитывать интересы подданных (в том числе низов), предоставлять им больше экономических, социальных и правовых услуг. В силу

этого обществам ряда стран Запада в позднее Средневековье и Новое время удалось аккумулировать немалую социальную энергию, необходимую для трансформации их отсталых экономических систем, активизации механизмов общественного саморазвития.

Несмотря на бедность преобладающей массы населения, частые (хотя и не такие разрушительные, как на Востоке) войны, стихийные бедствия (хотя опять-таки менее масштабные, чем на Востоке), западноевропейские общества к XVIII в. в целом обеспечили известный рост массы и нормы производительных накоплений. Этому способствовали социально-институциональные особенности европейского сообщества, отмеченные выше, а также развертывание протоиндустриализации, сопровождавшейся освоением ряда собственных инноваций и применением технических и технологических изобретений Востока, рост городов, региональной и мировой торговли, секуляризация церковной собственности, успешное наступление на общинные земли и практики. Немалую роль сыграли такие факторы, как повышение степени имущественной и личной безопасности торговца и ремесленника; активизация предпринимательской деятельности вследствие Реформации и распространения протестантской этики; рост и укрепление «третьего сословия»; колониальная экспансия европейских государств.

По оценкам ряда исследователей, норма чистых капиталовложений (без учета изменения запасов) увеличилась с 1–2% в XI–XIII вв. до 3–5% в XVI–XVIII вв., а валовых – соответственно с 3–4 до 5–7%. В Западной Европе в XI–XVIII вв. средняя капиталовооруженность труда возросла примерно в 3 раза (для сравнения: в Китае в XII–XVIII вв. этот показатель едва ли увеличился более чем на две трети, хотя до того, в IX–XI вв., он вырос в 3–4 раза). В странах Западной Европы среднее число отработанных часов на одного занятого в год возросло с 2100–2300 во II–IV вв. до 2400–2600 в XII–XIII вв. и до 2700–2900 часов в конце XVII– середине XVIII в.

Еще на пороге Нового времени жители многих западноевропейских стран стали более жестко придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и планирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от одной десятой до одной четверти населения брачного возраста не имели семьи), более поздние браки, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной и прежде всего Северо-Западной Европы (а также Японии) в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня.

В доиндустриальной Европе произошли и другие важные изменения, подготовившие генезис современного экономического роста. Доля занятых в сельском хозяйстве сократилась с 80–84% в XI в. до 62–66% в 1800 г. Показатель грамотности взрослого населения, составлявший в XI в. не более 1–3%, к концу XVI в. преодолел отметку в 10% и к началу XIX в. достиг уровня 44–48%.

Судя по приведенным данным, а также сведениям о структуре совокупного производительного капитала, можно предположить, что если в Средние века происходило замещение природных производительных сил в основном живым трудом и лишь отчасти физическим капиталом, то в XVI–XVIII столе-

тиях картина изменилась: живой труд все более активно заменялся физическим (основным) и человеческим капиталом. Таким образом, в доиндустриальных обществах Запада происходило сравнительно быстрое наращивание материально-вещественных компонентов производительных сил. Но наиболее высокими темпами увеличивались энергоинформационный потенциал, средства коммуникации и качественные характеристики человеческого фактора (прежде всего грамотность, квалификация, а также мобильность и предпринимательская активность), что, вероятно, явилось ключевым моментом в западной модели развития.

В целом за период с XI по XVIII в. совокупный ВВП крупных стран Запада вырос более чем в 15 раз, в то время как в Китае он увеличился в 3,5–4,0 раза, в Индии вдвое, а на Ближнем Востоке он, возможно, сократился на одну четверть или треть. Но и к началу XIX в. суммарный производительный и потребительный потенциал Востока оставался по-прежнему весьма внушительным. По экономической мощи Китай вдвое превосходил крупные страны Запада, которые в совокупности уступали также Индии. Вплоть до середины XVIII в. половина всех напечатанных в мире книг была на китайском языке.

Сравнительный анализ динамики и факторов развития помогает лучше понять специфику нашей собственной страны, которой традиционно приписывают промежуточное положение между Востоком и Западом. На самом деле в конце XVII в. Россия в целом была более отсталой, чем крупные страны Запада и Востока. Уровень урожайности зерновых был у нас примерно вдвое меньше, чем в Западной Европе, и в четыре раза меньше, чем в Китае, Индии, Египте. Уровень урбанизации не превышал 5%, в то время как в крупных странах Востока и Запада он достигал 10–15%. В России грамотность взрослого населения не превышала 2–5%, т.е. была вдвое-втрое меньше, чем в Китае, и в 4–5 раз меньше, чем в странах Западной Европы. Подушевой ВВП в России был в 1,5–2,0 раза ниже, чем в странах Запада, и в 1,5 раза меньше, чем в Китае и Индии. Как известно, Петровские реформы, и последовавшие за ними преобразования были чрезвычайно противоречивы. В стране нарастал культурный раскол, происходило увеличение несвободы и удельного веса принудительного труда. При этом, вопреки бытующим представлениям, действительные темпы экономического развития оставались в России XVIII в. крайне низкими. Миф об их резком ускорении имеет не только идеологические корни. Этот миф возник еще и потому, что в фокусе внимания исследователей все время оставался мануфактурный («современный») сектор – он рос в среднем на 3–4% в год. Однако даже к концу XVIII в. он не превышал 3–5% ВВП, в то время как остальная часть экономики (традиционный сектор) росла примерно теми же темпами, что и численность российского населения. В России ВВП в расчете на душу населения увеличивался в XVIII в. в лучшем случае на 0,1% в год. Для стран Западной Европы этот показатель был в 2–3 раза выше. Отставание России от стран Запада на протяжении XVIII столетия продолжало нарастать, при этом она продолжала отставать и от Китая, в том числе и по уровню урбанизации. В начале XIX в. этот показатель не превышал 5–7%, в то время как в среднем по Западной Европе он составлял 11–13%, в Китае – 7–8%, в Индии – 9–13%, на Ближнем Востоке – 14–16%. Несмотря на создание Академии наук,

университета и ряда других учебных заведений, средний уровень грамотности населения на рубеже XVIII–XIX вв. оставался сравнительно низким: 2–6% среди женщин и 4–8% среди взрослого мужского населения. Он в 8–10 раз уступал показателям по западноевропейским государствам и в 3–5 раз – по Японии и Китаю. Сказывались слабая «буржуазность» городов, засилье крепостных порядков, несамостоятельность церкви.

Все это никак не отменяет того факта, что XVIII в. ускорил включение России в общеевропейские и общемировые процессы: начавшись с бурных Петровских реформ и создания Российской империи, раскинувшейся от Балтийского моря до Тихого океана, он завершился для нее, как и для всей Европы, Французской революцией.

Европа в целом привычно воспринимает XVIII столетие как век фундаментального разрыва с прошлым, век провозглашения новых политических принципов, на которые она ориентируется до сих пор. Одним из ключевых элементов новой политической философии и культуры стало представление о существовании общих закономерностей развития всех народов, обязательных этапов сложного процесса эволюции человеческого общества. Идея прогресса захватила умы, адаптировалась к локальным контекстам и в конце концов стала знаменем целой эпохи, систематически противопоставлявшей настоящее прошлому, апеллировавшей к будущему и испытывавшей острый интерес к неизведанным мирам. Между тем традиционное представление о Просвещении как о культурном феномене, действие которого ограничивалось европейскими странами и сферой их влияния, за последнее время обогатилось представлением об этой эпохе как о качественно новой стадии глобального взаимодействия культур. Материальной основой этого нового качества послужил целый ряд факторов: переселение больших масс людей, вызванное широкомасштабной колонизацией и работорговлей; усиление взаимозависимости различных региональных рынков (товаров, труда и капитала); формирование мирового рынка отдельных товаров (чая, пушнины, хлопка, ворвани, золота…); создание огромного торгового флота, необходимого для их транспортировки; щедрое государственное финансирование морских экспедиций, проложивших навигационные маршруты между океанами; становление трансконтинентальных империй и соответствующих им бюрократических моделей; бурный рост транснациональных торговых корпораций, таких, например, как британская и голландская Ост-Индские компании. Стремительное развитие контактов с Европой привело к глубоким социально-экономическим, политическим и интеллектуальным сдвигам (часто драматическим) в жизни многих неевропейских обществ. Что же касается самих европейцев, то участившиеся встречи и столкновения с другими цивилизациями не только укрепили их в мысли о собственном превосходстве, но и позволили отнестись к этой мысли критически, взглянуть на себя со стороны. В то же время эти контакты дали богатую пищу для размышлений о единстве и разнообразии судеб различных народов. Имеют ли ценности, тесно связанные с наследием европейского XVIII в., – практика свободы, права человека, вера в прогресс – абсолютный и универсальный характер? Стоит ли бороться за их распространение? Или следует признать неизбежность сосуществования различных систем ценностей, причем не только в мире, но и в рамках отдельных стран? Как в этом случае они будут интегрироваться

в процессе глобализации? Какую роль в нем будет играть динамика дальнейшего развития Запада и Востока? Каковы перспективы их дальнейшего взаимопроникновения? Эти вопросы, уходящие корнями в эпоху Просвещения, волнуют людей и сегодня и во многом объясняют их особый интерес к XVIII столетию.

* * *

Редколлегия и авторы тома не ставили своей целью подготовить учебное или справочное пособие. И хотя читатель найдет в нем богатый фактический материал, посвященный судьбам отдельных стран и регионов в XVIII в., наша общая задача была все же несколько иной. Мы попытались создать панораму современных подходов к изучению этого столетия, по-новому взглянуть на протекавшие в нем процессы, на его место в истории.

Мы пользуемся случаем, чтобы выразить благодарность всем коллегам, принявшим участие в обсуждении тома, а также редакторам издательства «Наука» – В.Н. Токмакову и Г.В. Шевцовой, приложившим руку к его совершенствованию.

Мы также благодарны Международному центру по изучению XVIII века (Ферней-Вольтер, Франция), безвозмездно предоставившему в наше распоряжение факсимильные репродукции карт из «Атласа всех известных частей земного шара» Ригобера Бонна, опубликованного в качестве приложения к третьему изданию «Истории обеих Индий» аббата Рейналя (1780).

ЕВРОПА: ПРОСТРАНСТВО, ЛЮДИ, СОЦИУМ

ОБРАЗ ЕВРОПЫ. ГЕОГРАФИЯ, КЛИМАТ

В своей замечательной книге «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» Ф. Бродель представил Европу одним из густонаселенных пространственных «полюсов» нашей планеты. В процессе изучения этого «полюса» накопилось множество интеллектуальных традиций, содержащих исторические мифы и интерпретации, не вполне согласующиеся между собой. Поэтому сегодня история Европы невозможна без осмысления репрезентаций. Понятие «репрезентация», активно вошедшее в гуманитарное знание на рубеже 1980–1990-х годов, помогает историкам исследовать в тесном переплетении идеи, представления и практики, выявляя способы думать, действовать, чувствовать, свойственные европейцам. Европа представляет собой не только западную часть материка Евразия, но и определенную культурную общность, которая не ограничивается пространством от Атлантики до Урала, но присутствует также в Америке, Австралии и других частях мира. Однако в данной главе, рамки которой заданы структурой настоящего тома, мы будем говорить о Европе в ее традиционных границах. В любом случае перед нами не одна культура, но множество культурных миров, которые пересекаются, взаимодействуют и перемешиваются. Культурная составляющая европейской идентичности в полной мере была осознана именно в XVIII столетии. До этого Европа ассоциировалось не с европейской цивилизацией или культурой, а с понятием «христианский мир».

Современный французский философ Ж.Ж. Вюнанбурже отметил, что в геополитических представлениях о «горизонтальных границах» Европы отсутствуют пределы, способные точно зафиксировать ее местоположение. Атлантика представляет собой одновременно предел и начало (трансАтлантика), а Урал служит как препятствием, так и мостом в «Азию». Такая особенность географического положения многое проясняет в образе самой Европы. Не случайно мифический мотив «похищения» пронизывает европейскую культуру, начиная с Античности. Легенда о том, как глава олимпийской семьи богов Зевс в облике белоснежного быка похитил финикийскую принцессу по имени Европа и увез ее на остров Крит – неисчерпаемый источник вдохновения для поэтов и художников. Этот сюжет присутствует на греческих вазах и античных фресках, на полотнах знаменитых живописцев – Тициана и Рубенса, Рембрандта и Веронезе, Тьеполо и Буше, Клода Лоррена и Валентина Серова. Сцена похищения Европы, взятая с мозаики из Спарты III в. до н.э., изображена и на монете достоинством в 2 евро.

В истории Европы значительное место занимают завоевания, конфликты и миграции больших масс населения. При этом любопытство и мобиль-

ность – непременные составляющие европейской идентичности. В XVIII в. этот «пионерский» дух проявился в стремлении к путешествиям и приключениям, в активном поиске новых объектов для приложения энергии и сил. Такими объектами для европейцев стали новые земли во всех странах света. Открытие, изучение, освоение этих земель и борьба за них – важная страница европейской науки и колониальной экспансии. И то и другое приобрело в XVIII в. новый масштаб и качество. Это обстоятельство повлияло на самоопределение Европы по отношению к другим регионам мира. Европейцы уверовали в собственную исключительность и долго упивались ею, создав целые библиотеки книг, в которых континент представлен центром мировой цивилизации. И хотя попытки преодоления подобной установки предпринимались еще просветителями, она продолжала доминировать вплоть до конца XX в. Новое время, как известно, стало эпохой широкой экспансии европейских ценностей, знаний и технологий по всему миру, связанной во многом со становлением индустриального общества, которое зародилось в этой части света. Однако превосходство Европы, даже если оно действительно имело место, было порождено совокупностью географических и исторических обстоятельств, в которой немалую роль играли случай и насилие.

Европу XVIII в. европейцы века Просвещения, как и современные историки, представляют единой и одновременно разделенной. В «Размышлениях об универсальной монархии» Ш.Л. Монтескье писал: «Отныне Европа – единая нация, состоящая из множества наций, и Франция с Англией нуждаются в процветании Польши или Московии так же, как каждая их провинция нуждается в остальных». Единой эта часть света обычно выступала по отношению к остальному миру, который стремилась изучить, подчинить и «цивилизовать». В своем же собственном доме Европа всегда была многоцветной «мозаикой», сложенной из различных стран, народов и культур.

На первый взгляд, определение границ Европы в историческом исследовании не имеет принципиального значения. Любая пространственная целостность – часть света, регион, страна – представляет собой лишь один из инструментов, необходимых для решения конкретных исследовательских задач. Однако относительно недавно стало ясно, что проблема границ и выбора историком масштаба исследования не так проста. Долгое время, размышляя о нациях, государствах или географических регионах, таких как Западная, Восточная, Северная, Юго-Западная или Центральная Европа, ученые просто «опрокидывали» в прошлое современное представление о географическом пространстве. Но по мере развития социальных и гуманитарных наук неудовлетворенность традиционной национальной или региональной «оптикой» нарастала. В конце XX в. внимание историков привлекла междисциплинарная проблематика «воображаемой географии» и «ментальной картографии».

Давно было замечено, что в западноевропейском интеллектуальном дискурсе XVIII в. (в размышлениях философов, ученых трактатах, записках путешественников, частной переписке) преобладало дихотомическое деление Европы на Запад и Восток, на цивилизованную и полуцивилизованную части, куда вместе с Россией были включены Польша, Чехия и Венгрия. Американский историк Л. Вульф в книге «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (1994) проанализировал интеллектуальные практики XVIII в. и показал, что Восточная Европа во

«Европа». Карта Р. Бонна. 1780 г.

многом была плодом философского и географического синтеза. Ее «изобрели» люди эпохи Просвещения. Разумеется, восточноевропейские земли и их население существовали (в целом к востоку от территорий, которые присвоили себе статус центра мира). Оставленные авторами эпохи Просвещения описания не были выдумками. Изобретение же состояло в том, что между этими землями устанавливалась связь, основой которой являлись наблюдения, вобравшие в себя и факты, и вымыслы. Аналитическая категория «Восточная Европа» возникла благодаря осознанию такой связи.

Относительная близость Восточной Европы делала ее удобной для культурного конструирования: в нее въезжали, к ней обращались, ее населяли, наносили на карту. Однако «изобретение» Восточной Европы одновременно было и конституированием Европы Западной, которая осознавала свою собственную идентичность и аргументировала свое превосходство. Переписка западных философов с русской императрицей, проекты физиократов и другие тексты того времени показывают, что Восточная Европа создавалась как «опытное поле», на котором Просвещение пыталось найти применение некоторым своим социальным теориям и политическим мечтаниям. «Просвещение выстроило в одну линию, разделившую континент на две части, все свои самые важные вопросы – о природе человека, об отношении нравов и цивилизации, о претензиях исследовать их», – пишет Вульф.

К концу века была создана карта Европы, на которой географические данные располагались в соответствии с философскими приоритетами, а философские вопросы задавались в рамках географических изысканий. Стрелки компаса, обозначая парные направления – Север–Юг, Запад–Восток, – позволяют составить на основе такой карты ограниченное число комбинаций. Если до XVII в. в воображаемом разделении Европы основополагающей считалась дихотомия Север–Юг, то Просвещение сочло важным разделить континент на Запад и Восток (хотя деление на Север и Юг также сохранялось). Этим бинарным оппозициям были приписаны культурные значения: просветители размышляли о Восточной Европе в таких терминах, как варварство, цивилизация, дикость, граница, живописность, поучительность. «Можно описать изобретение Восточной Европы как интеллектуальный проект полу-ориентализации», – замечает Вульф, демонстрируя тем самым генетическое сходство исследуемых им интеллектуальных практик с изученным американским ученым Э. Саидом феноменом ориентализма.

Норвежский политолог А. Нойман убедительно показал, что механизм конструирования регионов аналогичен механизму формирования образа нации в коллективном сознании, описанному его американским коллегой Б. Андерсоном. «Ментальные карты», являясь воплощением различных принципов организации географического, политического и цивилизационного пространств, всегда субъективны. Например, в годы распада «советского блока» многие «центральноевропейские» интеллектуалы, пытаясь определить новое географическое положение своих государств, использовали Россию так же, как французские деятели эпохи Просвещения Восточную Европу, – в качестве «конституирующего иного» для создания «своей Европы». Это означает, что интеллектуальная история двух последних столетий все еще воздействует на наше восприятие сходств и различий на европейском пространстве. Более того, границы регионов Европы, как свидетельствует

обширная литература, посвященная исследованию ментальных карт, меняются в зависимости от географического положения того, кто о них размышляет. Иными словами, современные исторические и геополитические образы, опирающиеся на авторитет науки нашего времени, так же как ментальные карты, созданные в эпоху Просвещения, неизбежно субъективны и требуют к себе критического отношения.

Рельеф, климат, геология, животный и растительный мир Европы в целом образуют весьма благоприятную среду для человеческой жизни и деятельности. В трудах историков долго доминировало мнение, что среда обитания людей в этой части света в Новое и Новейшее время отличалась стабильностью. Лишь недавно ученые выяснили, что на самом деле все Северное полушарие примерно с 1550 до 1850 г. переживало так называемый «малый ледниковый период», в течение которого глобальная температура на планете понизилась на 1–2 °С. Именно тогда береговая полоса Гренландии, которая некогда позволила Эрику Рыжему назвать этот остров «зеленой страной» (дат. Grønland), начала сужаться под натиском ледников. Похолодание ощущалось и в Европе. Зимой замерзали каналы Голландии и Венеции. Покрывались льдом прибрежные воды Адриатического и Черного морей. Люди без опаски катались на санках по Темзе и Дунаю, а ледяное поле Москвы-реки служило местом регулярного проведения зимних ярмарок и народных гуляний. Климатический минимум в Европе пришелся на 1645–1710 гг., однако на протяжении всего XVIII столетия в разных ее регионах отмечались необычно низкие температуры (благодаря изобретению термометра для XVIII в. сохранились достаточно точные сведения о температурном режиме), а также другие аномальные метеорологические явления. В 1710–1730 гг. произошло кратковременное потепление, но уже в середине 30-х годов холод вновь стал наступать. В 40-е годы в зимние месяцы метели нередко бушевали в Париже и Лондоне, Вене и Берлине. Из-за обильных снегопадов замирала жизнь в городах Швеции и Германии. Чрезвычайно холодные зимы регулярно отмечались в разных районах Франции. В частности, в Париже температура опускалась очень низко (до –24 °С) в 1709, 1740, 1784, 1788, 1789, 1795 гг. В такие зимы Сена покрывалась толстой коркой льда (что парализовало доставку в город продовольствия и топлива), замерзало вино в погребах, трескались колокола во время звона, люди гибли от холода.

Европейцы обстоятельно фиксировали все необычные природные явления. Различные источники упоминают о суровых зимах, холодных и дождливых веснах, засухах, наводнениях, градобитиях, грозах и ураганах. Это не удивительно: неблагоприятные природные явления нередко имели катастрофические последствия для урожая, а значит, и для жизни людей. Можно сказать, что человек того времени был фаталистом. Природные катаклизмы долго воспринимались как проявление Божьей кары. Чтобы отвести несчастье от семьи, прихода, общины, в Новое время, как и в Средние века, люди прибегали к помощи молитвы и колокольного звона. Повсеместно звучали молебны о прекращении засухи, наводнений и прочих бедствий. Французский историк И.М. Берсе пишет: вплоть до революции во Франции «весной и летом в колокола звонили во время грозы – чтобы разогнать тучи; зимой – чтобы приблизить наступление тепла; в разное время года – чтобы вызвать

дождь или прекратить его в зависимости от того, что мешало нормальному ведению хозяйства: засуха или избыток влаги». Непредсказуемый природный мир вызывал у людей, прежде всего у простых тружеников, благоговейное почитание. В то же время природные катастрофы порой побуждали лучшие умы Европы задумываться об основах человеческого существования. Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г., во время которого погибло, по разным сведениям, от 60 до 90 тыс. человек, а город превратился в руины, поразило современников и побудило Вольтера усомниться в существовании предустановленной гармонии. Не случайно его «Поэма о гибели Лиссабона» имела подзаголовок: «или проверка аксиомы “Все благо”».

Образованные европейцы воспринимали физико-географические особенности своего континента в духе европоцентризма, связанного в то время с процессом самоидентификации Европы и включавшего в себя целый ряд фундаментальных идей. В частности, огромным успехом в XVIII столетии пользовалась идея «географического детерминизма». У этой идеи многосложное коллективное авторство, но чаще всего ее отцом называют Ш.Л. Монтескье, поскольку именно его «климатическая теория» оказалась особенно востребованной. «Власть климата сильнее всех иных властей», – писал Монтескье в трактате «О духе законов» (1748). Именно климат определяет «характер ума и страсти сердца» людей, влияя на формы правления и законы, установленные в тех или иных странах. Этот постулат позволил французскому философу обосновать «великую причину слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии». Монтескье полагал, что сосуществование в Азии очень холодного и очень жаркого климатических поясов обусловило резкий контраст в характерах азиатских народов. В результате воинственные и храбрые обитатели холодных стран смогли в этой части света подчинить себе изнеженные и робкие народы жарких стран, породив рабство и деспотизм. Европа же, напротив, лежала в умеренном климатическом поясе, поэтому ее народы оказались «равно мужественными». Степень активности соседних европейских народов примерно одинакова, и поэтому в рамках этого пространства столь трудно подчинить один народ другому. «Вот отчего в Азии свобода никогда не возрастает, между тем как в Европе она возрастает или убывает, смотря по обстоятельствам».

Сходные мысли высказывал немецкий мыслитель И.Г. Гердер: «Люди – податливая глина в руках климата», – утверждал он в трактате «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Пытаясь понять причины различий внутри человеческого рода, Гердер искал естественнонаучные законы, определяющие связь человека с природой. «Климатические картины жизни» множества народов – от камчадалов до обитателей Огненной Земли, – слагающиеся из «высоты, на которой расположена та или иная область земли, ландшафта, плодов и растений, пищи и питья, людей, образа жизни человека, его занятий, одежды», позволили ему показать воздействие климата на органы человеческих чувств и воображение. Органическую зависимость человека от природы подчеркивали не только Монтескье и Гердер. Философы и ученые многих стран Европы в XVIII столетии активно обсуждали вопрос о том, как естественная среда воздействует на физическое, умственное и социальное развитие народов.

Исследования первых «историков климата», появившиеся на рубеже XIX–XX вв., отличались наивным антропоцентризмом и были посвящены не столько изучению самого климата, сколько вопросу о его влиянии на жизнь людей. После появления фундаментального труда французского историка Э. Ле Руа Ладюри «История климата с 1000 года» (1967), а также исследований других климатологов, этот подход можно считать преодоленным, хотя в исторических работах еще встречаются представления о прямой зависимости между состоянием окружающей среды и различными историческими явлениями, в том числе социальными и политическими. «Если климатическое объяснение и содержит в себе долю истины, поостережемся все же от чрезмерных упрощений», – предупреждал историков Ф. Бродель.

ЖИЗНЬ, ОПЕРЕЖАЮЩАЯ СМЕРТЬ: НАСЕЛЕНИЕ

В историографии европейский XVIII век принято называть последним веком Старого порядка. Данный термин родился в годы Французской революции, и чаще всего ученые используют его применительно к Франции, имея в виду три столетия – XVI, XVII и XVIII. В других странах Европы были собственные «старые порядки», иногда с иной хронологией. Авторы декретов Национального собрания 4–11 августа 1789 г. и преамбулы Конституции 1791 г., обосновывая необходимость революции, подробно описывали Старый порядок как определенный тип общества с характерными для него социальными, юридическими и ментальными структурами. Однако историки уже более двух веков спорят о конкретно-историческом содержании этого периода. В историографии обычно рассматривают XVI–XVII вв. как время зрелости структур Старого порядка, а XVIII столетие связывают с интенсификацией перехода от «традиционного» мира к «современному».

Сегодня довольно трудно определить численность населения Европы и ее динамику при Старом порядке. Надежной статистики в те времена не существовало, поэтому ученые располагают небольшим количеством достоверных данных, которые к тому же плохо согласуются между собой. Однако при вероятной неточности цифр не вызывает сомнений общая тенденция к росту населения, особенно явно проявившаяся во второй половине XVIII столетия. Принято считать, что население Европы возросло примерно со 118 млн человек в 1700 г. до 140 млн в 1750 и затем до 187 млн в 1800 г. В масштабе всего человечества (приблизительно 900 млн человек к 1800 г.) это был беспрецедентный рост, который отчасти объясняет повышенную мобильность европейцев, в том числе и их активное переселение в Новый Свет.

Стремительно увеличивалось в XVIII в. население Британии. В начале столетия оно составляло около 9 млн человек, а в конце – 16 млн. При этом во второй половине века население росло почти в два раза быстрее, чем в первой. В Брабанте с 1709 по 1784 г. количество жителей удвоилось. Во Франции примерно в этот же период прирост составил более 10 млн человек (16 млн в 1715 г. и 26–27 млн в 1789 г.). В европейской части России численность населения увеличилась с 18 до 27 млн, хотя отчасти этот рост был обусловлен присоединением к российскому государству новых земель. В Италии произошел скачок с 13 млн человек в начале до 18 млн в конце XVIII столетия. Даже в ослабленной глубоким кризисом Испании численность населения в эту эпоху увеличилась с 6 до 10 млн человек. В то же время в некоторых уголках Европы в течение столетия население не только не увеличивалось, но даже уменьшалось. Подобная ситуация отмечалась, например, на территории современной Румынии, на Балканах, в некоторых других районах, причем демографическая стагнация могла проявлять себя не только в сельской местности, но и в городах. Так, численность населения Реймса в период с 1694 по 1770 г. практически не изменялась (около 25 тыс. человек), и лишь к 1789 г. она выросла до 32 тыс., хотя это означало лишь возвращение к состоянию 1675 г. Население Венеции в период с 1702 по

1797 г. немного уменьшилось – со 138 до 137 тыс. Тем не менее эти данные не опровергают вывод о том, что общая динамика была положительной.

Любопытно, что сами современники воспринимали ситуацию иначе. Многие философы и экономисты XVIII в. были убеждены, что мир, особенно их собственный, становился все более безлюдным. «Европа и теперь еще нуждается в законах, благоприятствующих размножению населения», – утверждал Монтескье в «Духе законов». Р. Уоллес в «Диссертации о численности населения в Древнее и Новое время» настаивал на том, что человечество процветало на Земле до потопа, но со времен Античности стало сокращаться в численности. Попытки Д. Юма, поддержанные затем Вольтером и аббатом Рейналем, опровергнуть это убеждение не находили большого числа сторонников. Проблема «депопуляции» – систематического уменьшения численности населения Европы – обсуждалась вплоть до самого конца столетия, пока на смену ей не пришла проблема «перенаселенности», сформулированная Т.Р. Мальтусом в 1798 г. Однако медленный прирост населения далеко не всеми воспринимался как проблема. Напротив, там, где экономические условия не позволяли обеспечить существование быстро возраставшего количества людей, возникали серьезные трудности. Так происходило, например, в Ирландии и в ряде германских государств во второй половине века. Чаще всего негативное влияние на демографическую ситуацию оказывали миграционные процессы и войны. Но главное, вероятно, заключается в том, что жизнь европейцев XVIII в. все еще зависела от «враждебной» (Дж. Блэк) окружающей среды.

Ф. Бродель ввел в науку понятие «биологический Старый порядок», имея в виду совокупность отношений, возможностей и ограничений, столетиями определявших жизнь «традиционного» мира обитателей Европы и других частей света. В этом мире доминировал живой (непосредственный) человеческий труд и «естественная природа». При таком порядке вечная демографическая игра рождений и смертей пребывала в состоянии некоторого равновесия: то, что приносила жизнь, забирала смерть. Неотъемлемыми составляющими биологического Старого порядка являлись высокая смертность, хроническое недоедание населения, частые вспышки массового голода, беспомощность людей перед эпидемиями и стихийными бедствиями. Все это свидетельствовало о высокой зависимости человека от сил природы. «Давление этого порядка едва смягчается во время подъема в XVIII в., разумеется, по-разному, в зависимости от места и времени, – пишет Бродель. – Лишь определенная часть Европы, даже не вся Западная Европа, начинает от него освобождаться».

Действительно, все XVIII столетие отмечено кризисами повышенной смертности. Чаще всего они были связаны с голодом, который вызывал массовую гибель людей (хотя уже и не в таких масштабах, как в Средние века). Так было в испанской Валенсии в 1708–1709 гг., во многих районах Франции, в Палермо и Флоренции в 1709–1710 гг. До революции французы пережили как минимум шестнадцать голодовок в масштабе всей страны и сотни локальных. Два неурожая подряд вели к катастрофе: вымирали целые семьи. В провинциях Турень и Анжу в 1739 г. население было вынуждено питаться травой. В 1730 г. катастрофический голод отмечался в Силезии.

В 1771–1772 гг. около 7% населения Богемии погибло только вследствие продовольственного кризиса. В целом в эти годы в результате неурожаев цены на продовольствие в германских землях выросли в десять раз, а смертность – в четыре раза. В 1772 г. в Саксонии от недостатка хлеба умерли 150 тыс. человек. «Великий голод» обрушился на Неаполитанское королевство в 1763–1764 гг. В 1740–1742 гг. сильно пострадали от голода Скандинавия и Ирландия. Свирепствовал голод и в Восточной Европе, причем повсеместно от него страдали не только города, но и деревни. Крестьяне, как ни парадоксально, часто испытывали его грозное воздействие гораздо острее, чем горожане. Специальные меры местных властей, направленные на обеспечение городов продовольствием, нередко защищали их жителей, во всяком случае, несколько смягчали ситуацию, тогда как крестьяне полностью зависели от своих запасов.

Весьма высоким в Европе оставался и общий уровень смертности. В первую очередь это касается женщин и детей. Для Франции XVIII в. смертность новорожденных и рожениц была настоящим бедствием, хотя в годы правления Людовика XV эти показатели стали снижаться благодаря совершенствованию медицины и распространению новых гигиенических норм. В практике родовспоможения начали применяться специальные инструменты. На смену знахарям постепенно приходили обученные акушерки. Помимо женщин-акушерок, которые порой даже ездили по деревням, чтобы подготовить будущих матерей к рождению ребенка, росло число профессиональных акушеров-мужчин.

В Европе эпохи Просвещения люди иногда доживали до восьмидесяти–девяноста лет, но шанс умереть от старости все же был невелик. По выражению французского историка П. Шоню, старость «была всего лишь счастливым случаем». Немало жизней уносили болезни. Они часто принимали вид эпидемий, и самой страшной среди них, как и в Средние века, оставалась «моровая язва» – чума. В конце 1700 г. эта «многоголовая гидра» прокатилась по Восточной Европе. Венгрия тогда потеряла около 10% населения. В Ливонии умерли около 125 тыс. человек. В 30–40-х годах XVIII в. чумные эпидемии периодически вспыхивали в Османской империи, в Венгрии и на Украине. Около 45 тыс. человек погибли от чумы на Сицилии и в Калабрии. На Балканах чума свирепствовала практически каждые десять лет: в 1710, 1720, 1730, 1740, 1770 и 1780 гг. «Черная смерть» неоднократно проникала и на север Европы, однако размах бедствия среди русских и финнов, в жизни которых баня играла важную роль, был несопоставим с тем, что пережили их западные и южные соседи. Еще в начале XVII в. шведский дипломат Петрей де Эрлезунда отмечал в своей «Истории о Великом княжестве Московском», что «моровая язва» чаще появлялась на границах Московии, чем во внутренних ее областях. Тем не менее в 1770–1771 гг. в Москве от чумы погибли около 100 тыс. человек, а Киев потерял примерно 18% жителей. Московский чумной бунт 1771 г. стал одним из крупнейших социальных потрясений екатерининского времени: в городе, парализованном эпидемией, ежедневно умирали до 900 жителей. Последний раз страшная гостья появилась в Российской империи в 1783 г., опустошив Херсон. И все же чума постепенно отступала. В Шотландии последняя масштабная эпидемия отмечалась в 1649 г., в Англии – в 1665 г., в Испании – в 1685 г., в Италии –

в 1743 г. Во Франции чума поразила южные провинции в 1720–1722 гг. В Тулоне и Марселе эта последняя в истории страны эпидемия была на редкость вирулентной. Погибла добрая половина жителей Марселя. По свидетельству современника, улицы были полны «трупов, наполовину сгнивших и объеденных собаками». Чума распространилась на Прованс, часть Лангедока (Жеводан), Лимузен, Авиньон и достигла Оверни. Эпидемия 1800 г., пришедшая из Марокко в Испанию, несмотря на свою силу, была локализована в Андалусии. Последние крупные нашествия чумы на Европу поразили Балканы в 1828–1829 гг. и 1841 г.

Помимо чумы людям угрожало множество других болезней. Распространенным заболеванием была натуральная оспа. Она неоднократно становилась причиной массовой смертности в Милане (1707, 1719), Вероне (1726), Венеции (1760), Вене (1787). Французский врач С.А. Тиссо, практиковавший в Швейцарии в 70-х годах XVIII в., считал оспу самой распространенной болезнью: «Из каждых 100 человек она поражает 95, и один из семи заболевших умирает». Способ получения этих статистических данных неизвестен, поэтому их нельзя считать вполне достоверными. Тем не менее специалисты полагают, что можно говорить о своеобразном оспенном синдроме XVIII в. Страшная болезнь поражала людей независимо от ранга и социального статуса. Среди жертв оспы в XVII–XVIII вв. было немало коронованных особ: штатгальтер Нидерландов Вильгельм II Оранский, английская королева Мария II, французский король Людовик XV, император Священной Римской империи Иосиф I, российский император Петр II.

Эпидемический характер (особенно среди бедноты) носила дизентерия. Острые вспышки этого заболевания отмечались во Франции в 1706 г. и в Нидерландах в 1741 г. Периодически давали о себе знать тифы. Серьезной проблемой был грипп, эпидемия которого в течение века несколько раз принимала общеевропейские масштабы (1733, 1742–1743 и 1753 гг.). Болезни провоцировали и климатические особенности тех или иных регионов. Так, население Средиземноморья мучила малярия. Ее вспышки в 1784–1787 и 1790–1792 гг. стали настоящим бедствием для Испании, где за это время погибло около 500 тыс. человек. От малярии страдали также жители Северной Германии, Восточной Польши и Литвы. В Швеции свирепствовал туберкулез. Особенно серьезные его эпидемии пришлись на 70-е и 80-е годы. В течение всего столетия та же болезнь терзала жителей Нормандии. Стойкая форма туберкулеза, пришедшая, вероятно, из Индии, прочно обосновалась в Европе и оставалась одним из самых распространенных заболеваний в XIX столетии. Сезонные миграции населения, а также перемещения армий во время почти не прекращавшихся военных действий в той или иной части континента также способствовали распространению заболеваний. Например, болезни, свирепствовавшие в русском легере в 1700 г. под Нарвой, распространились на шведов; русские войска, побывавшие на Балканах в период русско-турецкой войны 1789–1791 гг., принесли в Россию тиф.

Подавляющее большинство европейцев XVIII столетия воспринимали эпидемии как наказание, ниспосланное свыше. Уроженец Лангедока Пьер Прион писал в связи с известием о чуме в Марселе в 1720 г.: «Эта болезнь была карой Господа, который разоряет народы, разгневавшие его». Такому представлению соответствовали и способы «борьбы» с несчастьем: мессы,

молебны, религиозные процессии. К примеру, в феврале 1723 г. вся Франция торжественно отметила прекращение чумы на юге страны: в Париже на Гревской площади, в саду Тюильри, в Бастилии палили из пушек; в соборе Нотр-Дам пели «Te Deum»; торжественные мессы прошли во всех городах королевства.

И все же мировосприятие людей в последний век Старого порядка стало меняться. Они все активнее брали на себя заботу о преодолении своих несчастий, хотя традиция объяснять их происками врагов, ведьм, евреев или собственными грехами также сохранялась (даже во второй половине XVIII в. в Авиньоне и Провансе можно было встретить процессии флагеллантов). Борьба с голодом побуждала заботиться об увеличении плодородности земли. В Нидерландах крестьяне начали применять глубокую вспашку и механическую сеялку. Шире стало практиковаться восстановление почвы посредством чередования продовольственных, кормовых и технических культур. По мнению А.Д. Люблинской, традиционные севообороты, принятые во Франции (трехполье на Севере и двуполье на Юге), не истощали почву даже при нехватке удобрений. Тем не менее на плодородных почвах Парижского района пары́ в системе трехполья использовались под выпас овец, что позволяло удобрять такие земли перед посевом пшеницы. Сохранение паров было данью традиции, но отнюдь не означало агротехнической отсталости: крестьяне всегда осторожно принимали всякие новшества. Однако не без влияния «новых агрономов» XVIII в., которые настоятельно рекомендовали травосеяние, во второй половине века изменился состав ярового поля. Половину его занимал овес, а на другой половине сеяли клевер, бобовые культуры (горох, бобы, чечевицу) и яровую пшеницу, что было важным нововведением. Расширялся ассортимент продовольственных культур. Культивирование картофеля, кукурузы и гречихи помогало европейцам справляться с голодом в случае не́урожая зерновых и улучшало структуру их питания. В пригородах разрастались сады и огороды – их продукция поставлялась на городские рынки и отличалась разнообразием. Власти все активнее вмешивались в торговлю и распределение продовольствия. В кризисные годы во многих странах, в частности в Англии, в германских землях, во Франции и России, создавались склады-запасы зерна. Во Франции в течение всего столетия регламентировалась хлебная торговля и цены на зерно. Смягчению продовольственных кризисов способствовало также развитие внутренней и международной торговли продуктами питания. Транспортная система совершенствовалась, позволяя осуществлять все более дальние и все более значительные по объему продовольственные перевозки. В Европе, особенно в западной ее части, развивалась сеть дорог. Англичане в XVIII в. продублировали дороги для гужевого транспорта системой каналов. Во Франции в 1745–1775 гг. даже самые отдаленные провинции были соединены с Парижем удобными «королевскими дорогами».

Во второй половине XVIII столетия возник принципиально новый подход к борьбе с болезнями и высокой смертностью населения. В результате усилий ряда выдающихся государственных деятелей, врачей и правоведов (Й. Зонненфельс, Г. ван Свитен, И.П. Франк, Ж.М.Ф. де Лассон, Ф. Вик Д'Азир, П. Кабанис, А.И. Васильев и др.) сначала во владениях Габсбургов, затем

во Франции и России, профилактика заболеваемости и восстановление здоровья в случаях его утраты начали рассматриваться как важнейшие средства обеспечения «внутренней безопасности государства». Врачебные корпорации этих стран постепенно утратили прежнюю независимость, врачи превратились в должностных лиц, наделенных полномочиями «контроля и принуждения», а их профессиональная деятельность стала одним из инструментов государственного управления.

Была разработана и начала активно внедряться концепция так называемой «медицинской полиции», представляющая собой научно обоснованный и законодательно закрепленный комплекс мер государственно-полицейского вмешательства в частную и общественную жизнь подданных с целью «охраны и восстановления их здоровья».

Комплекс мер «медицинской полиции» включал пять главных направлений практической деятельности органов государственной власти. Условно говоря, первое из них состояло в создании и организации работы высших государственных врачебных инстанций. В Австрии такими инстанциями стали Санитарно-придворная депутация (1753) и реформированный в начале 50-х годов венский медицинский факультет, во Франции – Королевское медицинское общество (1778) и Санитарный совет (1802), в России – Медицинская коллегия (1764), Врачебные управы (1797), Медицинский совет и особая экспедиция департамента Министерства внутренних дел (1803). В отличие от существовавших прежде медицинских и санитарных комиссий и коллегий (канцелярий), занимавшихся главным образом контролем над аптеками, проведением судебно-медицинских освидетельствований, выдачей разрешений на врачебную практику и оповещением о возникновении эпидемий, вновь созданным структурам вменялось в обязанность установление полного административного и научно-методического контроля над деятельностью всех врачей в государстве.

К числу первоочередных задач этих структур относилось осуществление непрерывного сбора данных о заболеваемости на всей территории своих государств, выявление связи заболеваемости с особенностями физической и социальной среды обитания людей, разработка на основе этих материалов лечебно-профилактических рекомендаций, доведение их до сведения практикующих врачей и осуществление постоянного надзора за их неукоснительным соблюдением. По меткому выражению М. Фуко («Рождение клиники»), французское Королевское медицинское общество служило «местом централизации науки, регистрирующей и решающей инстанцией для всех областей медицины... официальным органом коллективного сознания патологических феноменов, сознания, которое разворачивается... в пространстве нации».

Организация непрерывного сбора информации о заболеваемости служила одновременно и целям раннего выявления эпидемий. При возникновении «в одном месте в одно время» более пяти случаев одного заболевания представители центрального органа управления должны были лично выезжать на место вспышки и проводить противоэпидемические мероприятия. Кроме того, названные высшие государственные врачебные инстанции занимались привлечением врачей на государственную службу и их равномерным распределением по территории государств, активно участвовали в разработке и

совершенствовании врачебно-санитарного законодательства, осуществляли экспертизу публиковавшихся медицинских сочинений.

Руководство этими структурами осуществляли люди из ближайшего окружения коронованных особ, пользовавшиеся их абсолютным доверием и поддержкой: в Австрии – лейб-медик императрицы Марии Терезии барон Г. ван Свитен, во Франции – лейб-медик Людовика XVI Ж.М.Ф. де Лассон, в России – барон А.И. Васильев и граф В.П. Кочубей.

Второе направление деятельности органов государственной власти в сфере внедрения медицинской полиции – борьба с шарлатанами и обеспечение населения квалифицированными врачами. Основным средством борьбы с шарлатанами и знахарями были полицейские меры по выявлению и суровому наказанию лиц без медицинского образования, занимавшихся медицинской деятельностью. Для увеличения количества врачей и повышения уровня их профессиональной подготовки была проведена масштабная реформа высшего медицинского образования, предусматривавшая отмену на медицинских факультетах большинства университетских свобод и отказ от канонической университетской традиции. Согласно этой традиции, насчитывавшей к середине XVIII в. более пяти веков, медицинские факультеты не готовили врачей, пригодных для практической деятельности, а выпускали широко образованных в теоретическом плане медиков – кандидатов (бакалавров) медицины, не имевших права на самостоятельную врачебную практику. Желавшие получить такое право (а это была лишь часть выпускников медицинских факультетов) должны были пройти послеуниверситетскую практическую стажировку под руководством опытного врача и сдать специальный экзамен.

В ходе реформы деятельность высших медицинских учебных заведений была полностью переориентирована на подготовку и выпуск врачей с правом на самостоятельную практику. Важнейшим условием этой переориентации стала организация клиник и введение клинического преподавания, предусматривавшего обязательное обучение студентов навыкам самостоятельной работы с больными. Кроме того, были отменены свобода преподавания для профессоров и свобода обучения для студентов, разработаны и внедрены обязательные учебные программы, организованы строгие этапные и выпускные испытания, которые одновременно служили и государственной аттестаций на право врачебной практики. В Австрии эти преобразования были осуществлены в 50–80-е годы XVIII в. благодаря прямому вмешательству государства в деятельность университетов. Во Франции – путем ликвидации медицинских факультетов университетов, признанных оплотом средневековой корпоративной медицины, и создания в 90-е годы XVIII в. учебных медицинских заведений нового типа, так называемых «школ здоровья» (в Париже, Страсбурге, Монпелье). В России в конце XVIII – первой четверти XIX в. были фактически использованы оба пути: организованы две медико-хирургические академии (в Санкт-Петербурге и Москве), четыре медицинских института (в Вильно, Москве, Казани, Харькове) и реорганизованы медицинские факультеты пяти университетов (Москвы, Казани, Харькова, Вильно и Дерпта). На протяжении XIX в. аналогичные преобразования были осуществлены в подавляющем большинстве стран Европы.

Третье направление – разработка совместными усилиями врачей и правоведов специального врачебно-санитарного законодательства. Уже первый опыт внедрения системы мер медицинской полиции показал, что действовавших общих законов недостаточно для эффективного решения проблем «охраны и восстановления здоровья», а существующие отдельные медико-санитарные нормативные акты не соответствуют уровню развития медицинской науки и практики.

В 60-х годах XVIII в. началась активная разработка новой системы юридических норм, регулирующих порядок взаимоотношений между людьми «во всем, что касается сохранения их здоровья», и обеспечивавших возможность как для каждого отдельного лица, так и общества в целом, защиты от опасных для здоровья действий со стороны других лиц. Были установлены ответственность и правовой статус врачей; регламентированы создание и деятельность государственных органов, участвующих в решении проблем охраны здоровья.

Разрабатывались новые и совершенствовались действовавшие законы против фальсификации съестных припасов и торговли испорченными, вредными для здоровья потребителей продуктами; об охране чистоты воздуха, об обороте ядовитых веществ, о порядке погребения мертвых тел, о благоустройстве городов и другие законы, регламентирующие «санитарную жизнь государства». Особое внимание уделялось законам, на которых основывались мероприятия против распространения эпидемических и заразных болезней. В XVIII в. наибольших результатов в этом направлении удалось достичь в Австрии, где был разработан и 2 января 1770 г. высочайше утвержден «Санитарный норматив» – первый специальный свод врачебно-санитарных правил и установлений, обязательный для исполнения на всей территории империи.

Четвертое направление – формирование государственной системы помощи нуждающимся, детям-сиротам, престарелым и инвалидам. Актуальность этой задачи в контексте становления медицинской полиции определялась результатами исследований эпидемических процессов, выполненных в конце XVII – первой половине XVIII в. Они показали, что, во-первых, именно в этих группах населения наблюдались максимальные показатели заболеваемости и смертности, а во-вторых, что эпицентрами возникавших эпидемий чаще всего становились места массового скопления нищих.

Если еще в первой половине XVIII столетия действия государства в отношении наиболее уязвимых групп населения основывались на наказании, угрозах и применении силы, а призрением занималась, главным образом, церковь, то во второй половине столетия в России, Австрии, Франции, ряде германских государств забота о нищих, престарелых и инвалидах была юридически признана непременной обязанностью государства.

Началась реконструкция старых и строительство новых богаделен, приютов, работных, инвалидных, воспитательных и сиротских домов. Развернулась масштабная больничная реформа, предусматривавшая значительное расширение больничной сети за счет строительства новых больниц и передачи в управление органов государственной власти церковных больниц и приютов. Например, во Франции только за период с 1775 по 1794 г. было организовано 11 крупных больничных учреждений. Госпитали (Necker, Cochin,

Beaujon, Hôpital des vénériens, Clinique de Perfectionnement, Maison Royale de Santé, 1775–1785) созданы заново; Salpêtrière (1787) и Charenton (1791) отделены от сиротских домов; St. Antoine, Val-de-Grâce, Maternité (1792–1794) возникли в результате закрытия и преобразования одноименных монастырей. Кроме того, были построены новые корпуса в госпиталях Hôtel-Dieu (1790, 1801) и Charité (1790). В результате количество коек, например, в госпитале Charité увеличилось с 200 до 500. В России в конце XVIII – начале XIX в. больницы на 25–200 коек были открыты во всех губернских городах. В Вене в 1784 г. состоялось официальное открытие знаменитого госпиталя Krankenhaus на 2 тыс. пациентов.

Одновременно разрабатывались и внедрялись новые принципы больничного строительства, постепенно ликвидировавшие прежнее ужасающее положение дел в сфере оказания стационарной медицинской помощи. Была полностью устранена традиционная практика помещать больных в огромные общие палаты на десятки человек вне зависимости от их пола, возраста и характера заболевания. Вновь создававшиеся и реконструировавшиеся больницы и госпитали были разделены на корпуса или отделения, которые, в свою очередь, состояли из «тематических» палат («лихорадочные», «хронические», «неизлечимые», «венерические», «послеоперационные», «сумасшедшие» и др.). Было рассчитано предельное число коек в палате, оптимальный объем воздуха и воды, необходимые для каждого пациента; выделены особые помещения для операционных, приема и свидетельствования больных, вскрытия трупов. По инициативе выдающегося французского врача Ф. Пинеля были отменены традиционные жесткие меры «усмирения» психически больных (заковывание в кандалы, содержание в казематах, систематические телесные наказания и пр.), для них введены прогулки, организована трудотерапия.

Решающий вклад в разработку проблем больничного строительства внесла учрежденная в 1777 г. во Франции специальная «Комиссия по делам больниц», а также созданный в 1801 г. Центральный административный совет больниц Парижа, членом которого являлся один из главных идеологов французской госпитальной реформы П. Кабанис.

Пятым направлением стала практическая деятельность органов государственной власти в области обеспечения санитарного благополучия и формирования здоровых условий жизни населения. Основоположники концепции «медицинской полиции» были совершенно убеждены, что главными причинами возникновения эпидемий, высокой заболеваемости и смертности являются чудовищное санитарное состояние городов, практически полное отсутствие у населения личной чистоплотности и элементарных представлений о возможной опасности для здоровья со стороны различных факторов окружающей среды, существование множества крайне опасных для здоровья обычаев и привычек.

Подавляющее большинство частных домовладений и общественных зданий было переполнено разлагающимися нечистотами. По улицам европейских городов постоянно текли зловонные потоки отходов человеческой жизнедеятельности, которые, просачиваясь в подземные водоносные горизонты, загрязняли колодцы и реки. Моющих средств для уборки помещений или целей личной гигиены не существовало. Мылись в основном в естествен-

ных водоемах, причем редко. Нижнее и постельное белье являлось исключительной редкостью, а верхнюю одежду не меняли неделями. Запахи немытого тела, пота, гнилых зубов, обилие насекомых (блох, вшей) считались нормальными явлениями. Ели преимущественно руками, которые в лучшем случае ополаскивались или вытирались о тряпку. Процветало преднамеренное и непреднамеренное детоубийство, алкоголизм, проституция. Темные, узкие, неровные улицы в сочетании с отсутствием тротуаров и правил дорожного движения служили постоянным источником травматизма, а в тот период любая рваная рана, перелом или сильный ушиб зачастую становились причиной тяжелой инвалидности или смерти.

Во второй половине XVIII в. начинается систематическая целенаправленная работа по исправлению описанного положения дел посредством широкого внедрения мер личной (индивидуальной) и общественной гигиены и профилактики.

Внедрение мер личной гигиены состояло в развертывании пропаганды среди населения элементарных медицинских знаний и практических гигиенических рекомендаций в отношении правильного питания, поведения, личной жизни, ухода за детьми, опрятности и содержания в чистоте собственного тела и жилища, пребывания «в чистом и свободном воздухе и умеренной теплоте». Особое внимание уделялось разъяснению смертельной опасности тесных физических (в том числе и сексуальных) контактов с незнакомыми людьми.

Использовались все существовавшие инструменты влияния на массовое и индивидуальное сознание. Огромными тиражами издавались научно-популярные пособия и наставления, плакаты, открытки, детские назидательные книги, которые бесплатно распространялись среди населения. Плакаты вывешивали для всеобщего ознакомления в местах наибольшего скопления людей. Университетские профессора и наиболее авторитетные врачи выступали с публичными популярными лекциями, которые широко рекламировались в газетах. Была задействована и церковь: по воскресным и праздничным дням проводились специальные мессы, на которых разъяснялись правила личной гигиены. Эти правила адаптировались для каждого прихода и напоминали молитвы, «чтобы даже самые невежественные лица и дети смогли их повторить».

В XVIII в. началось массовое производство зубного порошка; получили распространение носовые платки, ночные рубашки, столовые приборы; открывались общественные бани; был изобретен и получил признание ватерклозет со смывом клапанного типа и водяным затвором. Чистая одежда, отсутствие неприятных запахов и насекомых превратились в самые модные веяния времени, и постепенно сформировалось представление о том, что «цивилизованный» человек – это прежде всего человек вполне чистый и опрятный.

В сфере общественной гигиены и профилактики основные усилия органов государственной власти были сосредоточены на санитарной очистке и благоустройстве городов и проведении непосредственных противоэпидемических мероприятий.

В городах развернулась активная работа по освещению улиц, строительству тротуаров и каменных мостовых, дождевой канализации. При закладке

новых городских районов предусматривалось строительство прямых и значительно более широких улиц. Началась борьба с обычаем выливать на улицы нечистоты; организовывались новые свалки, закрывались или выносились за черту города зловонные кладбища.

Так, в Париже в 1780 г. было закрыто гигантское кладбище Невинных, располагавшееся на правом берегу Сены в непосредственной близости от Центрального рынка и вызывавшее многочисленные нарекания местных жителей. В 1786–1788 гг. останки похороненных здесь людей (точнее, их верхний слой) были эксгумированы и погребены в катакомбах (бывших городских каменоломнях). Таким же образом были очищены еще 17 парижских кладбищ и 300 церквей. В 1784 г. император Иосиф II запретил хоронить мертвых в церквах и внутри городских стен; в предместьях главных городов владений Габсбургов были открыты новые кладбища. Из соображений экономии он предписал хоронить умерших в легких гробах многократного использования, снабженных люком, через который тело легко «соскальзывало» в яму; трупы при погребении обильно посыпались негашеной известью для дезинфекции.

Важнейшей особенностью противоэпидемической работы во второй половине XVIII – начале XIX в. стало существенное ограничение использования карантинных мер. Врачи и прежде считали карантины по меньшей мере бесполезной мерой для борьбы с эпидемиями, поскольку никакие войсковые заслоны не могли препятствовать распространению испорченного воздуха, а именно он, согласно господствовавшим тогда представлениям, служил причиной возникновения эпидемических болезней. Более того, многие врачи прямо указывали, что карантины были не просто бесполезны, а приносили существенный вред, так как лишали целые города и районы подвоза самых необходимых пищевых продуктов и вещей, что, в свою очередь, только способствовало увеличению заболеваемости.

Однако к этой позиции врачебного сообщества прислушались лишь в XVIII в., когда против карантинов активно выступили стремительно набиравшие влияние представители торгово-промышленного капитала. Хранение товаров в судовых трюмах на протяжении 40 и более суток приводило их в абсолютную негодность. Фабрики, оказывавшиеся внутри карантинных зон, лишались подвоза сырья и возможности сбыта готовой продукции, что оборачивалось колоссальными убытками. Неудивительно поэтому, что решение полностью отказаться от карантинов впервые было принято в Англии в 1720 г. В других странах карантины устанавливались лишь в случаях возникновения эпидемий чумы*, а основными противоэпидемическими мерами стали раннее выявление эпидемических заболеваний, изоляция больных и дезинфекция.

Началось внедрение специальных средств борьбы с отдельными эпидемическими заболеваниями. Для борьбы с натуральной оспой предпринимались попытки использовать вариоляцию – способ оспопрививания путем заражения здоровых людей «оспенным ядом», взятым у больных легкой формой

* Так было, например, на европейских границах Османской империи в 1753 и 1770 гг. В 1772 г. «чумной карантин» был установлен в Москве. Морской карантин действовал в 1778 г. на Неаполитанском побережье. В 1781 г. Сардинское правительство приняло меры для предотвращения распространения чумы с территории Балкан.

оспы (от лат. variola – «оспа»). Этот способ, традиционно применявшийся в Китае и Индии, в 20-х годах XVIII в. проник в Англию через Турцию и к середине столетия стал активно применяться во многих странах Европы. Однако по мере его распространения накапливались данные о том, что прививки часто приводили к развитию тяжелых форм оспы и даже становились причиной возникновения эпидемий. Эти данные определили отказ от проведения вариоляций и сыграли важнейшую роль в разработке в 1796 г. английским врачом Э. Дженнером принципиально нового, надежного и сравнительно безопасного способа оспопрививания – вакцинации (от лат. vacca – «корова»).

Для борьбы с сифилисом были разработаны два различных подхода к ограничению его распространения проститутками. Один из них, реализованный по инициативе Марии Терезии в Австрии в 50–70-х годах XVIII в., предусматривал совершенную ликвидацию проституции. Проституток выявляли, подвергали жестоким телесным наказаниям и пыткам, а затем высылали из городов. Наказание за сводничество было еще более суровым (вплоть до смертной казни). Другой путь, впервые апробированный во Франции в 70-е годы XVIII в., состоял в сохранении традиционной для Европы терпимости к проституции и введении ее санитарной регламентации. Проститутки обязывались проходить регулярные врачебные осмотры, публичные дома находились под постоянным надзором санитарных врачей и др. Второй путь оказался более эффективным и в XIX в. был взят на вооружение большинством европейских государств.

Практическая реализация всего представленного выше комплекса медико-полицейских мер, потребовавшая огромных усилий и немалых средств, в XVIII в. еще не дала желаемых результатов. Показатели заболеваемости и смертности (особенно детской) оставались чудовищно высокими. Однако европейские государства не только не отказались от избранного пути, но, напротив, умножили свои усилия по внедрению концепции медицинской полиции. Более того, уже в начале XIX в. резко увеличилось число стран, начавших реализацию аналогичных преобразований. Решающую роль в этом сыграло ясное осознание политической целесообразности предпринимавшихся усилий. Как справедливо отметил М. Фуко, городские больницы, богадельни, приюты, воспитательные и работные дома, подконтрольные государству учебные заведения оказались прекрасными дисциплинарными институтами, а санитарно-гигиенические нормы и правила – весьма эффективным инструментом государственного управления, способным играть важную роль в поддержании устойчивости политической системы и действующей вертикали власти. Руководствуясь прежде всего этими мотивами, европейские государства продолжили активно внедрять и совершенствовать концепцию медицинской полиции, что в дальнейшем привело и к прорыву в вопросах предупреждения болезней, обеспечив резкое снижение заболеваемости и смертности еще до открытия антисептики и возбудителей инфекционных болезней.

Эффективнее стала борьба с таким бедствием, как городские пожары. В условиях высокой плотности населения, обилия легковоспламеняющихся материалов и широкого использования открытого огня в быту и в ремесленном производстве пожары являлись страшным бичом, уносившим множество жизней и производившим невероятные опустошения. После «Великого лондонского пожара» 1666 г., уничтожившего более 13 тыс. жилых зданий, власти

многих столиц и крупных городов Европы приняли ряд специальных мер: жителей обязывали следить за состоянием дымоходов; ремесленников, работавших с огнем, побуждали селиться на окраинах города или поближе к водоемам; сокращалось деревянное строительство. В XVIII в. было запрещено возводить деревянные здания в лондонском Сити. В Париже больше не появлялось фахверковых построек, и все жилые дома сооружались исключительно из бутового камня. Из европейских городов и даже из деревень постепенно исчезали соломенные крыши – их сменяли черепичные и шиферные. В России в Петровскую эпоху каменное строительство было сконцентрировано в Петербурге, но в 1775 г. возведение деревянных построек было запрещено в центральных кварталах Москвы – в Китай-городе и Зарядье. В начале столетия профессии пожарного в Европе еще не существовало. С огнем обычно боролись расквартированные в городах военные, иногда члены монашеских орденов и, конечно, сами жители. Одним из первых профессиональную пожарную команду сформировал муниципалитет Парижа в 1760 г. Через десять лет она состояла уже из 146 регулярных и 14 сверхштатных пожарных. В их распоряжении имелись экипажи с бочками для воды, противопожарные поршневые насосы. Топоры, крючья, ведра, лестницы и прочие орудия борьбы с огнем размещались на складах в разных концах города. Члены команды несли круглосуточное дежурство, но на то, чтобы стянуть все силы к загоревшемуся зданию, уходило много времени: пожарные жили не на казарменном положении.

Во второй половине XVIII в. «биологический» Старый порядок, основа крестьянской цивилизации, постепенно уступает место новому, в котором инициатива окончательно переходит к городам и технике. В развитых странах Европы машины превращают работника в придаток механизма, хотя и не вытесняют еще физический труд. Все более важное место в повседневной жизни начинают занимать такие пространства, как казарма, санитарно-гегиенические учреждения, школа, тюрьма, фабрика, где человек становится объектом дисциплинирования. Повышается ценностный статус грамотности, квалификации, предпринимательской активности. Человеческое тело постепенно утрачивает большую часть своих семиотических функций, которые играли огромную роль в жизни средневекового социума. Дольше всего сохраняют свое значение в качестве своеобразного «театра» греховного тела эшафот и пыточная камера: публичные казни практиковались в Европе до конца XVIII в. Однако размышления и дискуссии о ценности человеческой жизни, об отмене пыток и смертной казни постепенно меняют отношение к преступнику (см. также гл. «Просвещение и власть»). В уголовном законодательстве большей части европейских стран во второй половине века происходит смена способов наказания. М. Фуко в книге «Надзирать и наказывать» показал, как примерно с 1750 по 1840 г. в Европе исчезали публичные казни с применением пыток. Вместе с ними исчезало «казнимое, пытаемое, расчленяемое тело, символически клеймимое в лицо или плечо, выставляемое на публичное обозрение живым или мертвым». Вещественным свидетельством этой перемены является гильотина, введенная во Франции 1792 г. в качестве универсального и «гуманного» орудия казни, способного мгновенно лишить человека жизни, избавив его от мучительной агонии. К тому же гильотина вводилась как символ равенства – казнь через обезглавливание не составляла более привилегии знатных.

МИРЫ, УТРАТИВШИЕ РАВНОВЕСИЕ: ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

В XVIII столетии основная масса населения Европы проживала в сельской местности. Экономика большинства европейских стран оставалась аграрной. Единственным исключением из этого правила, пожалуй, являлись Нидерланды. Доминирование аграрного мира в XVIII в. подтверждается не только численностью производителей, занятых в сельском хозяйстве (в начале века даже в наиболее развитых странах Западной Европы она доходила до 70%), но и объемами производства, структурой экономических кризисов, многими другими показателями. Естественно, аграрные проблемы всегда вызывали интерес думающих современников. Особенно активно они обсуждались во второй половине XVIII в., когда под влиянием идей физиократов просвещенные европейцы, в том числе люди, облеченные властью, стали обращать внимание на условия труда и жизни земледельцев.

Об этом свидетельствуют, в частности, широкие дискуссии по аграрным проблемам, проходившие в разных странах Европы. В России созданное под покровительством Екатерины II Вольное экономическое общество в 1766–1767 гг. провело конкурс, участникам которого было предложено ответить на вопрос: «Для пользы общества, в чем состоять долженствует собственность земледельца, в недвижимом ли (имуществе) или в движимом, или в обоих, и какое он на то или на другое иметь может право?» Это было первое в истории России публичное обсуждение вопроса о предоставлении крепостным крестьянам личной свободы и наделении их правом собственности. Важно подчеркнуть, что инициатива подобной дискуссии исходила от властей. На петербургский конкурс поступило 162 сочинения, среди авторов которых были известные физиократы П.П. Мерсье де Ла Ривьер и Ж.Ф. Мармонтель. В конкурсе принял участие и Вольтер, писавший, что «землевладелец возделывает свое имение лучше, чем имение другого», и что данный вопрос при согласии всей нации должен решаться в пользу народа. Победителем конкурса стал доктор гражданского и канонического права француз Беарде де Лабей. Он выступал за постепенное освобождение крестьян, но призывал к осторожности, советуя вначале передать крестьянам в собственность движимое имущество, а затем маленькие участки земли. При этом добровольное согласие помещиков автор считал обязательным условием решения вопроса. Вторую премию получило сочинение русского законоведа А.Я. Поленова, предлагавшего радикально ограничить власть помещиков над крестьянами. Петербургский конкурс не имел практических последствий для жизни крестьянства, но стал первым обвинительным приговором крепостному праву в России.

Подобные конкурсы организовывались и в других странах. Например, в 1783 г. Академия наук, искусств и словесности Шалона-на-Марне в Шампани проводила конкурс на тему: «Каковы способы улучшения во Франции условий жизни хлебопашцев, поденщиков и трудового люда, проживающего в деревнях, а также их жен и детей?» «Разум и опыт, – писал один из участников конкурса, – заставили нас осознать, что первым и единственным источником богатства, как для частных лиц, так и для государства, является земля

и что ее возделывание – самая надежная основа благосостояния семей, славы тронов и могущества империй». Авторы конкурсных работ осмысливали состояние земледелия во Франции, руководствуясь теорией естественного права, и указывали пути улучшения условий труда и жизни земледельцев. Они решительно критиковали «варварский, абсурдный» характер регламентов, касающихся использования земель, экспорта и сбыта продовольствия, плохое состояние дорог, налоговый произвол, таможенные сборы, сеньориальные права, десятины, хлебную монополию, отсутствие должной помощи тем, кто трудится на земле. Эта критика красноречиво свидетельствует о внимании просвещенной элиты к аграрным проблемам и дает некоторое представление о положении дел во французской деревне.

Участников конкурсов земля интересовала в первую очередь как поле хлебопашца. Разумеется, крестьянский мир был шире участка земли, на котором трудился крестьянин. Европейские крестьяне жили и работали не только на равнинах, но и в горах, в дельтах рек и на морских побережьях. Они активно пользовались лесом, осваивали пустоши, принимали участие в осушении болот. Особенности ландшафтной среды наряду с социокультурными условиями во многом определяли образ жизни крестьянской семьи. Русский историк П.Н. Ардашев сравнил Францию последнего века Старого порядка с лоскутным одеялом, имея в виду бесконечное разнообразие аграрного пейзажа, природных, географических условий в широком смысле, а также специфику административной, правовой структуры и т.п. Это разнообразие обнаруживается в XVIII в. на территории любой страны на всем европейском пространстве. В то же время характерной чертой крестьянского мира была относительная стабильность. Земледелец во все времена, в том числе в интересующий нас период, неразрывно связан с ритмами природы. Долгими веками вырабатывался необходимый для жизнедеятельности крестьянской семьи и функционирования крестьянского хозяйства устойчивый ритм в его многогранных связях с природными условиями, в том числе оптимальные правила использования пашни, пастбища, леса, пустоши, болот, речной и озерной воды. Все эти элементы играли в каждой конкретной местности определенную роль в поддержании равновесия крестьянского хозяйства.

Общей чертой сельского хозяйства Европы XVIII столетия, при всех его региональных особенностях, оставалась довольно низкая производительность. Для основной массы населения урожай был ключевым фактором в индивидуальном и коммунальном богатстве. Зерновые выращивали даже там, где, по мнению современников, рациональнее было бы сосредоточить усилия на животноводстве или на овощных культурах. Проблема увеличения объемов сельскохозяйственной продукции долгое время решалась путем освоения новых площадей. Наиболее значительным прирост пахотных земель был в России. Это обусловливалось, с одной стороны, существенными территориальными приращениями, а с другой – наличием неосвоенных просторов. В Западной и в Центральной Европе, где больших и удобных целинных участков практически не осталось, под плуг шли даже маленькие пустоши и неудобные склоны.

Несмотря на расширение сельскохозяйственных площадей, в условиях активного роста населения недостаток продовольствия оставался для европейцев проблемой первостепенной важности. Такая ситуация, вызывая

социальное напряжение во всех государствах, стимулировала внимание к агрикультуре. Стремление к рационализации хозяйственной деятельности, подкрепленное верой в экономический прогресс, являлось одним из главных приоритетов Просвещения. Совершенствование севооборота, селекция в растениеводстве, племенное животноводство, более активное использование удобрений, мелиорация способствовали повышению урожайности культур и росту поголовья скота во многих странах Западной Европы. Родиной интенсивного земледелия стали Южные Нидерланды. В XVIII в. многие нововведения, доказавшие свою эффективность в сельском хозяйстве Фландрии и Брабанта, были заимствованы англичанами. Там утвердилась знаменитая норфолкская система земледелия, основанная на четырех- или шестипольном порядке севооборота с включением травосеяния (вика, клевер, райграс) и кормовых культур (репа, турнепс). Норфолкская система предполагала разделение фермерского владения примерно на два десятка участков, которые использовались одновременно и не требовали вывода земель «под пар». Культуры на этих участках чередовались в определенной последовательности, зависевшей от качества почв и климатических особенностей местности.

Несмотря на то что в большинстве европейских стран по-прежнему преобладали парцеллярные хозяйства, где крестьяне трудились не покладая рук с утра до ночи в том же ритме и нередко с таким же результатом, что и их далекие предки, XVIII столетие стало временем постепенного углубления сельскохозяйственной специализации регионов, развития рынка сельскохозяйственной продукции, совершенствования способов ее хранения и транспортировки.

Городской мир эпохи Просвещения и по численности населения, и по занимаемой территории существенно уступал миру сельскому. Историками собрано много сведений о размерах европейских городов при Старом порядке, однако дошедшие до нас цифры не всегда достоверны. Тем не менее тенденцию к росту, особенно во второй половине века, можно признать очевидной. Наиболее урбанизированным пространством Европы являлись Нидерланды. Здесь уже в XVII в. половина населения жила в городах, хотя они и не отличались большими размерами. Впрочем, малые города преобладали повсюду – в них проживало до половины европейского городского населения. Из девятнадцати «мегаполисов» мира с населением, превышавшим к середине XVIII в. 300 тыс. человек, в Европе находились лишь Лондон, Париж, Неаполь и отчасти Стамбул (европейцы продолжали именовать его Константинополем).

По единодушному признанию современников, крупнейшим городом Европы был Лондон. В то время как население большинства крупных городов Англии не превышало 50 тыс. человек, в ее столице в середине XVIII в. проживали до 600–700 тыс. человек и около 1 млн – в конце столетия. Столица Французского королевства уступала Лондону, хотя и не намного: по приблизительным оценкам в начале XVIII в. в Париже проживало около полумиллиона человек, а к 1789 г. эта цифра выросла до 600–650 тыс. Другие города Франции существенно отставали: по некоторым данным, население Лиона в середине века едва перевалило за 100 тыс. человек, Бордо насчитывал примерно 90 тыс. жителей, Нант – 80 тыс., а такие города, как Гренобль или Брест, – около 20 тыс. каждый. В целом горожане в начале столетия со-

ставляли примерно 15% от общей численности населения Франции. И хотя городское население росло в три раза быстрее, чем сельское, тем не менее, к 1789 г. только 7,5% населения страны проживало в крупных городах с числом жителей более 20 тыс.

В силу исторических причин достаточно урбанизированным регионом являлась Италия. Самый большой из итальянских городов, Неаполь считался по тем временам третьим в Европе. К 1742 г. в нем проживали 305 тыс. человек, а во второй половине века эта цифра выросла почти в полтора раза. За Неаполем, хотя и со значительным отрывом, следовали Рим, Милан, Палермо, Флоренция, Генуя, Болонья, Турин и Верона. В Лиссабоне накануне катастрофического землетрясения 1755 г. проживали 260 тыс. человек, что составляло примерно 10% всего населения Португалии. Крупнейшим городом Центральной Европы была столица австрийских Габсбургов Вена, насчитывавшая около 230 тыс. жителей. На востоке Европы своей многолюдностью выделялась Москва. Число ее жителей по разным источникам составляло в середине века 200–230 тыс., а в конце века – 400 тыс. человек. Быстро росло и население Петербурга: если в 1750 г. в новой российской столице насчитывалось всего около 74 тыс. жителей, то в 1800 г. – около 220 тыс. Тем не менее общий уровень урбанизации в России оставался довольно низким: в российских городах проживало примерно 5% населения страны.

Размышление о городском мире Европы XVIII в. предполагает ответ на вопрос, который лишь на первый взгляд кажется простым: что такое город? В старых толковых словарях это понятие обычно определялось как совокупность множества зданий, улиц и кварталов, окруженных рвом или обнесенных крепостной стеной. Унаследованные от Средневековья зримые границы городов рождали у людей ощущение защищенности, отделенности от внешнего мира и некоторой статичности. В государственных масштабах городские сообщества издавна обладали целым рядом административных, налоговых и торговых привилегий, что способствовало утверждению их превосходства над сельскими земледельческими сообществами.

В XVIII в. это ощущение превосходства не исчезло, а напротив, лишь утвердилось. Зато представление о закрытости и статичности городского пространства стремительно уходило в прошлое. Города разрастались и перестали вмещаться в свои прежние границы. Изменились функции городских стен и ворот: из оборонительных сооружений они превратились в таможенные барьеры. Начал бурно изменяться архитектурный облик многих европейских городов, особенно столиц. В результате к середине столетия в просвещенных кругах сложился новый взгляд на город как на изменчивое, динамичное пространство, в высшей степени разнообразное по своим функциям. В этом отношении примечательна статья «Город» Л. де Жокура, опубликованная в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера в 1765 г. Она не только представляла город как организованное архитектурное пространство и как феномен древней истории, но и включала в себя десятки мелких рубрик, которые давали определение портовым, торговым, ганзейским, имперским, королевским, муниципальным, сеньориальным и иным типам городов, подчеркивая разнообразие их налоговых, юридических, административных или экономических статусов.

Л. Бретез. Западная оконечность о-ва Сите и левый берег Сены. 1739 г.

Администраторы, инженеры, архитекторы, экономисты, медики эпохи Просвещения немало размышляли о различных функциональных сторонах городской жизни и пытались их усовершенствовать. Французский историк Б. Лепти в этой связи заметил, что город являлся «одновременно целью и инструментом пространственной политики Просвещения». Европейцы понимали, что значение городов определяется не только количеством горожан. Именно в городах концентрировались центральные управленческие институты европейских государств, а также богатства, таланты, амбиции. Сюда перебирались все, кто хотел добиться славы и влияния. Города являлись центрами образования и культуры, старинных ремесел и мануфактурного производства, торговли и религиозной жизни, оставаясь, как и в Средние века, главным источником инноваций.

Характерными приметами большинства городов того времени оставались узкие, извилистые и неровно мощенные улочки, приземистые дома, построенные из легких материалов, чрезвычайная перенаселенность и скученность жилых кварталов, частые пожары, проблемы с водоснабжением, антисанитария. Однако уже в начале XVIII в. во многих странах намечается системная реорганизация городского пространства, а во второй его половине в движение пришла вся Европа. По словам французского историка П. Шоню, «восемнадцатый век устраивается в городе поудобнее». Муниципалитеты повсеместно занимаются составлением подробных планов своих городов, в том числе так называемого «Плана Тюрго».

«План Тюрго» – самый знаменитый план столицы Франции – назван по имени заказчика, Мишеля Этьена Тюрго (1690–1751), купеческого старшины Парижа в 1729–1740 гг. Исполнителем заказа стал Луи Бретез, член римской Академии Сан-Лука, объединявшей выдающихся художников и архитекторов. Работа над планом началась в 1734 г. Бретез ходил по городу, вооружившись пропуском, проникал во дворы частных владений, зарисовывал фасады домов, сады и отдельные улицы. Вполне вероятно, у него имелись помощники, но мы ничего не знаем о них. В результате он создал двадцать больших рисунков «угольным карандашом», составивших основу нового плана Парижа. Первые листы, гравированные Клодом Люка, были отпечатаны летом 1739 г. тиражом 2600 экземпляров. Одна часть тиража была переплетена в телячью кожу и сафьян, другая – собрана и закреплена на ткани, свертывавшейся в рулон. В развернутом виде двадцать листов плана составляли прямоугольное полотно размером 250,5 на 322,5 см, а в переплетенном – великолепный том in folio.

При всей своей точности план Тюрго предлагал зрителям несколько идеализированный образ Парижа, который далеко не во всем совпадал с Парижем реальным. Чтобы изобразить на своем плане все улицы, пространства перед церквами, дворцами и большими общественными зданиями, а также площади, переулки и тупики, фасады и крыши домов в трех измерениях, Бретезу пришлось отступить от научной точности – скривить горизонт, увеличить ширину основных транспортных артерий и уменьшить ширину Сены. К тому же он выбрал архаичный (даже для своего времени) способ ориентации плана: ось северо-запад – юго-восток, слева направо.

Разумеется, пустота улиц на плане не дает представления о повседневной жизни Парижа, его криках, запахах, нечистотах, животных, бродягах, о дыме каминных и печных труб… Мастер не показывает ничего, что могло бы нарушить представление о царящей в городе гармонии: на его плане не найти ни руин, ни временных построек (например, бараков и прилавков на Новом мосту). Именно так план Тюрго и Бретеза воздействовал на зрителя, формируя у него образ великого города.

Архитекторы разрабатывают планы реконструкции старых и обустройства новых кварталов. Не только такие крупные центры, как Лондон, Париж, Мадрид, Неаполь или Берлин, но и менее значительные города – Лимож или Ренн во Франции, Бат в Англии, Эдинбург в Шотландии, Кассель в Германии и ряд других – разрушают или перестраивают свои старые стены, благоустраивают площади и набережные, облагораживают кварталы, выравнивают и расширяют улицы для движения экипажей. Екатерина II велела срыть все «исторические ветхости» Белого города в Москве – стены, башни, ворота. На месте этих крепостных сооружений по проекту архитектора Н. Леграна проложили Бульварное кольцо. Тогда же были срыты и исторические сооружения Земляного города – земляной вал и его каменные и деревянные башни.

Европа переживает настоящий строительный бум. Повсюду вырастают новые дворцы и доходные дома, театры и присутственные места, банки и торговые ряды, учебные заведения и воспитательные дома, госпитали и больницы. Появляются новые типы производственных, жилых, усадебных, дворцовых и культовых зданий. Меняется архитектурный стиль: на смену барокко и рококо приходит неоклассицизм. Совершенствуется строительная техника, используются новые строительные материалы. Большую роль в модернизации городского пространства играла политика властей. По воле Петра I на берегах Невы за несколько лет выросла и превратилась в один из красивейших городов Европы новая российская столица Санкт-Петербург. «Строительная лихорадка» так захватила Екатерину II, что ее эпоха стала временем расцвета городского строительства. На финансовую поддержку монархов опирались многие масштабные стройки Парижа, Вены, Праги, Берлина, Мадрида…

Разумеется, несмотря на все перемены, города Европы сохраняли немало архаичных черт и не могли полностью избавиться от накопленных веками проблем. Напротив, некоторые из них усугублялись под влиянием модернизации. В частности, в социальной топографии многих городов увеличивались различия между ухоженными кварталами привилегированных центров и менее благоустроенными окраинами. Серьезной проблемой, особенно во второй половине века, в ряде регионов стала миграция в города сельских жителей и иностранцев. Прилив населения одновременно стимулировал расширение городских пространств и их трансформацию. Не прекращалось соперничество между городами в сфере фискальных и иных привилегий.

Длительное время историки считали рост городов в XVIII в. одним из проявлений экономического подъема. Однако связь между этими двумя процессами не столь прямолинейна. Многие городские сферы деятельности слабо или весьма опосредованно влияют на экономику. Темпы развития городов зависят от их географического положения, политического и культурного статусов, экономической «специализации». Так, находившиеся в динамичном северо-западном регионе Европы Лондон, Париж и Амстердам оказались в более выигрышном положении, чем Неаполь или Стамбул, которые располагались в «застывшем» Средиземноморье. Столицы повсеместно имели безусловное преимущество перед провинциальными центрами. Торговые города росли быстрее, чем города ремесленные. Трансатлантическая торговля способствовала процветанию европейских портов. Быстро крепли новые промышленные центры Англии – Ливерпуль, Манчестер, Бирмингем, Бристоль.

В то же время по всей Европе старые города испытывали сложности в связи с развитием сельской индустрии. Рассеянная деревенская мануфактура оказалась настолько конкурентоспособной, что ряд производств переместился в сельскую местность, где им не мешали развиваться ремесленные гильдии и цехи. Нередко деревенская промышленность отвоевывала у городской целые производственные операции, что также требовало перестройки уже налаженного в городах процесса выпуска определенных товаров.

Несмотря на быстрые темпы урбанизации, город и деревня в XVIII в. еще не были разобщены. Многие горожане были выходцами из сельских регионов и в течение жизни не прерывали родственных, культурных и экономических контактов с родными краями. Развивались традиционные экономические отношения между городом и деревней: деревня поставляла в город продукты земледелия и ремесла, город предоставлял деревне широкий спектр товаров собственного производства, рынок сбыта, рабочие места, оказывал образовательные, юридические и иные услуги. В течение века особенно возросла роль связей, порожденных рассеянной деревенской мануфактурой. Горожане нередко вкладывали средства в покупку земли, а состоятельные сельские жители, переселяясь в города, обычно сохраняли за собой имевшуюся ранее земельную собственность. Во Франции при Старом порядке около 50% земельных владений принадлежало людям, большую часть года проживавшим в городах. К взаимной выгоде обеих сторон сельские регионы поставляли в города сезонную рабочую силу, причем подчас специализированную (подробнее об этом см. гл. «Путешествия»). Поденная оплата на стройках многих городов увеличивалась весной, когда толпы сезонных рабочих возвращались к своим сельским заботам, и уменьшалась осенью, когда людской поток шел в обратном направлении, из деревни в город. Деревня не только обеспечивала город рабочими руками – в некоторых странах она даже «выкармливала» городских младенцев. Во Франции это явление имело массовый характер: по данным полицейской сводки 1780 г., в руки деревенских кормилиц ежегодно попадало 16 из 21 тыс. новорожденных парижан. Сохранение малышей в родной семье или их вскармливание вблизи от дома было привилегией обеспеченных горожан, поскольку услуги кормилиц в городе стоили дорого. Простолюдины, как правило, обращались к наемным кормилицам в деревнях и городках, расположенных в радиусе 50 лье от Парижа. По мнению Э. Ле Руа Ладюри, в двух важнейших сферах – мануфактурном производстве и в начальном воспитании детей – город XVIII в. все еще находился в зависимости от села. В то же время городская управленческая элита почти везде контролировала жизнь прилегающей сельской округи. В частности, регламенты городских рынков предусматривали особые правила торговли для жителей окрестных деревень. Достаточно тесными были и культурные связи. Крестьяне участвовали в городских праздниках и религиозных церемониях, искали в городе помощи в кризисные годы, принимали участие в городских протестных движениях.

ОБМЕН: РЫНОК, ДЕНЬГИ, КРЕДИТ

При Старом порядке обмен, по мнению Ф. Броделя, был «еще не в состоянии соединить всю сферу производства со всей сферой потребления», поскольку значительная доля производства по-прежнему находилась вне сферы рыночного обращения и работала «на натуральное потребление». Тем не менее обмен оказывал организующее влияние на производство и потребление, на всю человеческую жизнь, являясь «тем узким, но чрезвычайно активным пространством», где зарождались «живые импульсы, стимулы, нововведения, инициативы, озарения, динамика роста и сам прогресс».

Это влияние распространялось и на самих людей. Современные аналитики полагают, что в пространстве рынка формируется не только агрессия, но и терпимость к неравенству, к вызовам конкуренции, к индивидуализму. Рыночные отношения развивают также предприимчивость, находчивость, изобретательность. Уже в начале XVIII в. английский мыслитель Бернард де Мандевиль в сатирической «Басне о пчелах» (1714) имевшей подзаголовок «Частные пороки – общая выгода», писал о том, что зависть и тщеславие способны служить трудолюбию, а связанное с ними стремление к роскоши и расточительности – один из главных двигателей торговли. Конечно, рыночные отношения уходят своими корнями в глубокую древность, однако идеи Мандевиля широко обсуждались современниками. Дискуссии вокруг этих идей обогащали проблематику взаимосвязи экономики и морали, которая занимала важное место в экономической мысли эпохи, в том числе в творчестве А. Смита.

Рыночные процессы, механизмы обмена играли огромную роль в развитии мобильности европейского общества. Циркуляция товаров и капиталов постоянно побуждала людей сниматься с насиженных мест, перемещаться в пространстве, отрываться от дома то на короткое время, то надолго. Крестьяне и сельские ремесленники везли плоды своего труда на базары или в соседние города, торговцы экзотическим товаром снаряжали заморские экспедиции, разносчики бродили по стране, предлагая покупателям не только набор товаров, но и ассортимент услуг (плетенье стульев или шляп, точку ножей и пр.), ремесленники перебирались из бедных краев в процветающие, подчиняясь колебаниям рынка труда… Однако мобильность общества была отнюдь не только горизонтальной. Экономическая жизнь стимулировала вертикальную мобильность, позволяя одним обогащаться и подниматься по общественной лестнице, вынуждая других по разным причинам опускаться на социальное дно. Сегодня историки интенсивно изучают формы, масштабы и каналы социальной мобильности в XVIII в., стремясь выявить возможные точки ее пересечения с мобильностью пространственной.

В век Просвещения «экономика обмена» распространилась по всему континенту достаточно широко, хотя до XIX в. это пространство динамичной жизни представляло собой «плотный, но достаточно тонкий слой». Но именно здесь, как показал Бродель, протекали процессы, которые он назвал «играми обмена». В них были задействованы экономические, административные, законодательные, географические, исторические, технологические,

социальные, психологические, политические и множество иных факторов. Характеризуя «процесс распределения» в Европе XVIII в., американский историк С. Каплан писал, что он зависел от уровня развития транспорта и путей сообщения, от технологий хранения продукции, от развитости рыночной сети, от форм организации хлебной и мучной торговли, от степени интеграции и коммерциализации мельничного дела и хлебопечения, от состояния посреднических коммерческих структур и кредитных учреждений, от местных продовольственных привычек, от отношения к использованию пищевых суррогатов, от локальной структуры потребления, от связей между городом и деревней, от конкуренции внутри страны, от региональных особенностей законодательной практики и социально-экономического регулирования, от деятельности судов и полиции, от коллективной памяти и ментальных установок по отношению к торговле и законам, от степени заинтересованности региональных и центральных властей в местных делах и от многого другого.

Размышляя об «экономике обмена» при Старом порядке, Ф. Бродель выделял два уровня: на нижнем осуществлялись базарная и лавочная торговля, торговля вразнос; на верхнем действовали ярмарки и биржи. В первом случае речь идет о традиционном рутинном обмене, который происходил в привычных для людей местах и не требовал значительных перемещений товаров. Именно такой обмен господствовал в повседневной торговой жизни деревень, сел, малых и больших городов. В ней все было знакомо и предсказуемо: календарь торговли устойчив, ассортимент товаров давно сложился, цены относительно стабильны, информация доступна для всех, вероятная прибыль легко просчитывается. Наряду с таким «общественным рынком» (Бродель использует английский термин public market), подчинявшимся традиционной регламентации, формируется и действует рынок «частный» (private market), на котором правила игры устанавливаются спонтанно, а между производством и потреблением образуются коммерческие цепочки посредников. Примером такого обмена можно считать практику прямых закупок крестьянской продукции с последующей ее перепродажей по более высокой цене.

В подобной ситуации возникают явления, которые уже не вписываются в «рыночную экономику», хотя и могут быть связаны с обменом. Ф. Бродель обозначил их словом «капитализм», которое получило распространение после выхода книги В. Зомбарта «Современный капитализм» (1902). Возражая против полного отождествления «рыночной экономики» и «капитализма», Бродель указывал на их качественное различие и подчеркивал, что последний характеризуется особой конъюнктурностью, высокой приспособляемостью к обстоятельствам и стремлением к господству. Поле его деятельности гораздо шире, чем обычная «рыночная экономика», а интересы капиталистов выходят за пределы ограниченного национального пространства. Особенно ярко «процесс капитализма» проявляется в торговых операциях, предполагавших перемещение товаров на большие расстояния: такая торговля не подчинялась правилам повседневного обмена, использовала длинные посреднические цепочки и обеспечивала огромные прибыли. Во всех странах Европы складываются небольшие, но очень активные группы негоциантов, специализирующиеся на торговле такого рода. Успешные предприниматели-капи-

талисты, по словам Броделя, «присваивают все, что в радиусе досягаемости оказывается достойным внимания – землю, недвижимость, ренты...» Яркие примеры деятельности такого рода в XVIII в. дает фамильная история Ротшильдов, роль которых в последующей финансовой истории Запада хорошо известна.

В Европе XVIII столетия интенсивно развивались обе формы обмена. Процветал «общественный рынок» – важнейшее связующее звено между городом и деревней. В Испании, Англии, Баварии лавки просто «пожирали» пространство городов, а порой и деревень. Очень многолюдной оставалась и армия торговцев вразнос. В то же время в разных уголках Европы уверенно набирал силу «частный рынок». Его развитие стимулировалось в том числе крупными закупками для снабжения городов и армий, а также расширением прямых закупок у крестьян, которые не могли торговать на рынке, но нуждались в деньгах для оплаты налогов и сборов. Власти пытались контролировать подобную рыночную активность, однако ее эффективность все чаще побуждала их закрывать глаза на нарушения регламентации в сфере торговли. В новых условиях большие оптовые ярмарки в ряде стран (в Голландии, Англии) постепенно становились убыточными и приходили в упадок, но они сохраняли свое значение в регионах с традиционной и малоподвижной экономикой, являясь одним из важных способов экономических связей на внутреннем рынке. Особенно много ярмарок действовало в России, Польше, Италии, в ряде провинций Франции.

Заметно оживились европейские биржи. Если в XVII в. лидером на этом поприще был Амстердам, то в XVIII столетии его потеснил Лондон, с которым пытались соперничать Женева, Париж и Генуя. Собственные биржи появились в Берлине, Ла-Рошели, Вене, в заокеанском Нью-Йорке. Впрочем, по свидетельству итальянского путешественника М. Торча, амстердамская биржа даже в 1782 г. оставалась одной из самых активных в Европе и по объемам займов все еще превосходила лондонскую. При этом голландские спекуляции были ориентированы на внешний рынок. С 60-х годов за кредитами к голландцам обращались курфюрсты Баварии и Саксонии, короли Дании и Швеции, Екатерина II и даже американские инсургенты. В 1782 г. две трети голландских капиталов приходились на внешние займы и государственный долг, причем доля Англии составляла 83% от общей суммы внешних займов Нидерландов. Обитатели шумного биржевого пространства быстро проникли во все финансовые центры Европы. Это спекулятивное сообщество (современники его не жаловали) играло важную роль в формировании тех «ухищрений и приемов», которые Ф. Бродель связывал с понятием «капитализм». Благодаря биржам деньги и кредиты начали циркулировать по всему европейскому пространству, поверх границ.

Торговая экспансия в XVIII в. явилась одним из важнейших факторов экономического подъема, который обозначился уже в 20–30-е годы и стал активно набирать скорость во второй половине века. Надежной статистики мало, но накопленные историками данные свидетельствуют о заметном росте объемов внутренней торговли, активизации межрегиональных обменов, увеличении дальности перевозок. Например, транспортные потоки по Рейну между Майнцем и Страсбургом в 40–80-х годах возросли на 70%. Концентрация капиталов в торговле по-прежнему опережала их накопление в

промышленности. Особенно успешно развивалась внешняя торговля. Она повсеместно находилась под пристальным надзором государственной власти, однако это не могло остановить развитие частного предпринимательства. В частности, судовладельцы на свой страх и риск организовывали торговые экспедиции независимо от торговых компаний. Заморскую торговлю стимулировали прогресс навигации, многим обязанный новейшим изобретениям, таким как секстанты Дж. Хэдли и Дж. Берда, морской хронометр Дж. Харрисона, и развитие системы страхования морских грузоперевозок. Именно в XVIII в. возникла знаменитая страховая компания, названная по имени ее основателя Э. Ллойда, владевшего с конца 80-х годов XVII в. кофейней в лондонской гавани. Здесь часто встречались моряки, владельцы судов и коммерсанты, здесь же заключались договоры страхования судов и грузов. Европейские купцы и негоцианты действовали во всех частях света. Из Азии в Европу поступали изделия восточных ремесел – индийские хлопчатобумажные ткани, китайский и японский фарфор, а также чай, кофе, сахар, пряности. Из Америки в Старый Свет доставлялся табак (впрочем, его уже начали выращивать в некоторых не слишком развитых районах Европы). В Америку европейцы продолжали поставлять «людской товар» – обращенных в рабство африканцев.

Лондон являлся одним из ведущих европейских перевалочных пунктов заморской торговли. И хотя в XVIII в. британская столица не сумела утвердиться в качестве монопольного лидера (в XVII в. эту роль играл амстердамский порт) и ей приходилось делить славу центра мировой торговли не только с Амстердамом, но и с Бордо, Гамбургом, Лиссабоном, тем не менее общая тенденция складывалась в пользу Великобритании. К началу столетия она явно обгоняла Голландию и по уровню развития своих мануфактур, и по темпам роста торгового флота. Так, в 1702 г. в ее распоряжении находилось 3300 торговых судов, а в 1764 г. – уже 8100. Двойной рост водоизмещения торгового флота в этот период (с 260 тыс. до 590 тыс. т) и расширение колониальной торговли стали важнейшими составляющими ее торговой гегемонии, которая крепла в течение всего века. Британские владения в Америке служили емким рынком для сбыта мануфактурных товаров метрополии (см. гл. «Эволюция Британской империи»). Прочными оставались позиции английских товаров и сырья (шерсти, угля) и на континентальном рынке. К примеру, только за первую треть XVIII в. в четыре раза выросла английская торговля с Португалией. Реэкспорт колониальных товаров, доля которых в торговом обороте Великобритании постоянно росла, привел к заметной активизации прибалтийской торговли. Англия поставляла колониальные товары в Россию и германские государства. До начала революционных войн европейское направление оставалось важным в английской торговле.

Основным конкурентом Великобритании на протяжении всего столетия оставалась Франция. Объем французской внешней торговли в 1720–1780 гг. вырос в четыре раза, в том числе колониальной – в тринадцать раз. Особую роль играли Вест-Индские острова с их рабовладельческими плантациями (с конца XVII в. до 1789 г. количество рабов выросло с 40 до 500 тыс.). На работорговле, ввозе и перепродаже сахара, кофе, хлопка, индиго богатели атлантические порты Франции Нант, Бордо, Гавр. Крупнейшим портом для заморского хлеба стал Марсель. В Бордо экспорт колониальных товаров вели

французские торговцы, а перепродажу в Северную Европу контролировали главным образом иностранные фирмы: в самом начале века большинство из них принадлежало голландцам, но с 1730 г. заметнее стало присутствие немцев.

За вторую половину века значительно расширилась торговая сеть России, хотя формы внутреннего обмена преимущественно оставались традиционными: ярмарки, базары, торговля вразнос. Численность базаров увеличилась более чем вдвое, а количество ярмарок – в 6,4 раза. Всероссийское значение приобрела Макарьевская ярмарка, действовавшая на левом берегу Волги, в 88 км ниже Нижнего Новгорода. Сюда стекались товары со всей страны – пушнина, зерно, ткани, рыба, изделия из металла... Всего в конце века активно действовало около 30 больших ярмарок. Стабильно росла российская внешняя торговля: только за годы правления Екатерины II ее объем вырос примерно в четыре раза. Ведущее место в ней занимали европейские страны: Англия, Голландия, Дания, Франция, Португалия. Активизировалась и торговля со странами Востока, куда вывозили железные изделия, ткани, кожи, бумагу, сукно, посуду. В самом конце XVIII в. начала подниматься черноморская торговля. В целом внешнеторговый оборот России в течение столетия вырос почти в девятнадцать раз, хотя отсутствие собственного торгового флота стесняло развитие внешнего обмена. Тем не менее накопление капиталов шло медленно, а накопленное не всегда использовалось с выгодой. Внешняя торговля долго находилась в руках иностранных посредников. С середины XVI в. на российском рынке доминировали англичане, во времена Петра I лидерство перехватили голландцы, но к 30–40-м годам англичане вновь опередили голландцев и в течение XVIII в. занимали лидирующие позиции в русской внешней торговле. Россия продолжала вывозить главным образом сырье, однако структура экспорта несколько расширилась: помимо льна, конопли, пеньки, кож, леса, меха и пшеницы стало вывозиться и железо.

В XVIII в. европейцы сделали шаг вперед в деле унификации календаря, что было очень важно не только с политической, но и с экономической точки зрения: это облегчало решение проблем поставок товаров, сроков их транспортировки, хранения и пр. Старый юлианский календарь, действовавший в Европе с 46 г. до н.э., был отменен папой Григорием XIII еще в 1582 г., и в начале XVIII столетия большинство европейцев уже жили по григорианскому календарю (разница между старым юлианским и новым григорианским стилем в XVIII в. составляла 11 суток). В 1752 г. на новый стиль перешла Великобритания со своими колониями, в 1753 г. – Швеция. Россия за ними не последовала, однако модернизация календаря произошла и в ней: если до конца XVII в. россияне вели летоисчисление от «сотворения мира», а новый год отсчитывали с 1 сентября, то Петр I ввел начало года с 1 января 1700 г. и летоисчисление от Рождества Христова. На григорианский календарь Россия перешла лишь 14 февраля 1918 г.

И в Европе, и за ее пределами сохранялись проблемы, связанные с разнообразием мер и весов. В Пруссии стандартизация в этой сфере была проведена в 1773 г. Во Франции унификацию национальной системы мер и весов удалось осуществить лишь в годы революции: 1 августа 1793 г. Конвент принял решение о введении обязательного стандарта в виде метра, килограмма

и литра. На момент введения метрической системы в Европе насчитывалось не менее четырехсот различных по величине единиц измерения, имевших одинаковое название и применявшихся в разных странах. Петр I увязал русские меры длины (сажень, аршин) с наиболее распространенными в то время в мире английскими (ярд, фут, дюйм), но меры веса довольно долго оставались смешанными (фунт, пуд, золотник). В Неаполе реформа стандартов блокировалась неспособностью найти устраивающее всех измерение объемов оливкового масла. В Великобритании каждый регион сохранял собственные стандарты веса и длины.

Стандартизация монеты представляла собой не менее важную и сложную задачу. Так, начиная с 1665 г. в основе денежных расчетов Франции лежал турский ливр, однако серебряные монеты достоинством один ливр в обращении практически не встречались. Зато имелось великое разнообразие иных монет самого разного достоинства: медные денье, лиарды и су (соль); полусеребряные соль и двойной соль; серебряные экю и их многочисленные фракции (от половины до двадцатой части экю); золотые монеты – пол-луидора, луидор и двойной луидор. Ситуация с монетным обращением в стране была настолько запутанной, что повседневное использование монеты требовало особой компетенции, которой обладали немногие. Проблема унификации денежного обращения была решена во Франции лишь в 1795 г. с введением франка. Особой пестротой отличалась денежная система Священной Римской империи германской нации. Здесь в XVIII в. циркулировали имперские рейхсталеры, золотые талеры и конвенционные талеры, дриттельталеры, гульдены, шиллинги, марки, штюберы, гротены, гутенгрошены, мариенгрошены, крейцеры, пфенниги, шварены... Согласование в 1750 г. курса валют германских государств положительно повлияло на финансы и торговлю, «талер Марии Терезии» постоянно укреплялся и оставался одной из основных валют Европы до середины XIX в. В Испании единство в денежном обращении было достигнуто в 1718 г. В России монетная реформа Петра I предоставила удобные средства платежа в виде серебряных и медных монет, набор номиналов которых был основан на десятичном принципе. При этом Петр привел русский серебряный рубль к весовой норме международной торговой монеты – талера. Основной русской разменной монетой XVIII в. была медная копейка. Поскольку стоимость меди менялась, менялся и вес копейки. В 1703–1741 гг. из 1 пуда (16, 381 кг) чеканилось медных монет на 20 рублей, а в дальнейшем количество медных монет, чеканенных из 1 пуда, только увеличивалось. В Великобритании к середине 70-х годов фактически сложился золотой стандарт (законодательно закрепленный в 1816 г.), т.е. денежная система, при которой деньги чеканились в золоте, а металлическая стоимость золотых монет равнялась их номиналу. Банкноты при этой системе разменивались без всяких ограничений на золото, а серебряные деньги играли роль разменной монеты.

Для огромной массы людей монета являлась главным орудием обмена: в повседневной практике в ходу были металлические деньги. Однако издавна в Европе наряду с монетой использовались другие оборотные средства: векселя, банковские чеки, бумажные банкноты (самые ранние из европейских бумажных денежных знаков появились в Швеции в 1661 г.). В связи с оживлением экономики и ростом населения нехватка денег давала о себе

знать повсеместно. Эту сложную проблему каждая страна решала по-своему, но везде такое решение предполагало государственное вмешательство в сферу обращения и финансов. Специалисты связывают стремительный подъем Европы во второй половине XVIII в. с совершенствованием ее финансовых инструментов. В первую очередь речь идет о биржах, банках и различных формах кредита.

В большинстве европейских стран банковские институты выросли «снизу» – из меняльных контор и лавок, которые вначале производили различные денежные операции (ломбардные, учетные), а потом превратились в специализированные учреждения, основой деятельности которых стали кредитные отношения. Первый центральный банк, не государственный, но созданный при поддержке государства, появился в Англии в 1694 г. Тогда для ведения войны с Францией английскому правительству потребовался крупный заем, и несколько состоятельных негоциантов объединили свои капиталы. В благодарность за услугу государство предоставило Банку Англии исключительное право на эмиссию банкнот, которые могли свободно разменяваться на золото, а также право размещения государственных займов. В результате выпущенные банком банкноты вошли в платежный оборот страны. Кроме того, была сформирована эффективная система управления государственным долгом через этот банк, которая действовала в течение полутора веков.

В Россию идею биржевой торговли привез из Голландии Петр I. Но несмотря на перенос столицы в Петербург и учреждение здесь биржи в 1703 г., центром российской торговли оставалась Москва, а московские купцы не спешили отказываться от привычной организации торгов в пользу европейской биржевой практики. На протяжении всего XVIII в. Петербургская товарно-сырьевая биржа оставалась единственной в России и обслуживала главным образом балтийскую международную торговлю через петербургский порт. Только в следующем столетии биржевая форма торговли получила распространение на территории Российской империи: в 1834 г. открылась биржа в Кременчуге, в 1839 г. – в Москве, в 1842 г. – в Рыбинске, в 1848 г. – в Одессе. Что же касается банков, то, как показала И.Н. Левичева, специфика России – небольшие объемы свободных капиталов, малочисленность прослойки экономически свободных людей, высокие риски торговых операций, слабая правовая обеспеченность – затрудняла формирование частных учреждений, поэтому до середины XIX в. банковское дело находилось в руках государства. Некоторые банки, например Артиллерийский и Медный, создавались для решения определенных задач и вскоре закрывались. В 1754 г. возникли Дворянский и Купеческий банки. Однако основная масса денежных средств, аккумулированных в Дворянском банке, шла на потребительские, непроизводительные цели и по сути являлась формой поддержки сословия. Купеческий банк предназначался для развития коммерции, но раздача долгосрочных и бессрочных ссуд быстро опустошила его, и в 1770 г. он практически прекратил свою деятельность.

Помимо государственных и частных банков, в Европе действовали многочисленные акционерные компании. Они были необходимым, но весьма уязвимым элементом европейского экономического пространства: взаимоотношениям частного и государственного капитала не хватало прозрачности,

а потому их сотрудничество не всегда было успешным. Хорошо известны финансовые потрясения, которые испытали Франция и Англия в 1715–1720 гг. В обеих странах, наряду с Ост-Индскими компаниями, инвестировавшими средства в заморскую торговлю, были созданы фирмы, вкладывавшие деньги в государственные обязательства – Компания Южных морей в Лондоне и Компания Миссисипи в Париже. С их помощью власти рассчитывали реструктурировать государственные долги, заменив правительственные облигации акциями новых торговых образований. Поначалу оба предприятия развивались успешно, биржевики быстро подняли цены акций, спекулятивная лихорадка набирала обороты. Но вскоре «финансовые пузыри» лопнули. Паника захлестнула не только Париж и Лондон, но и другие финансовые центры Европы. Произошел первый международный биржевой крах, последствия которого в масштабах экономики начала XVIII в. иногда сравнивают с мировым финансовым кризисом 1929 г. Крах банка Джона Лоу в 1720 г. подорвал доверие к идее национального финансового института во Франции, поэтому значительную часть французских финансовых операций в XVIII в. осуществляли швейцарские банки. Банковское и кредитное дело замерло в королевстве на несколько десятилетий, а сложная финансовая система Франции аккумулировала в себе слабости Старого порядка. Англия преодолела кризис значительно быстрее, отчасти потому что Банк Англии почти не участвовал в авантюре 1720 г. Быстрое восстановление и дальнейшее развитие английских финансовых институтов стало одним из условий промышленной революции в Британии.

Европейские государства довольно рано осознали необходимость регулирования сферы рыночных отношений. Длительное время эту политику регулирования называли политикой «меркантилизма». Однако в последние десятилетия историки все чаще отказываются от использования этого понятия, поскольку экономические идеи и теории, лежавшие в основе подобного регулирования, были слишком разнообразны и не вписываются в единую стройную систему. Кроме того, реальная государственная политика, как правило, была ситуативной и формировалась под влиянием конкретных обстоятельств. Чаще всего потребность в регулировании возникала в связи с войной, которая всегда требовала денег. Существовали и сугубо экономические причины, которые диктовали те или иные решения в сфере торговли и финансов.

Финансовая политика английских правительств, связанная с займами, кредитами и использованием государственного долга в качестве экономического инструмента, на протяжении всего столетия вызывала критику соотечественников и удивление континентальной Европы. По выражению Ф. Броделя, «в этой по видимости опасной игре происходила эффективная мобилизация жизненных сил Англии». Именно в ней историки видят важнейший источник ее могущества, которое проявилось в небывалом подъеме, связанном с промышленной революцией, и в успехах в борьбе за мировое лидерство сначала с Нидерландами, а затем с Францией.

В России в 1762 г. специальным указом был учрежден банк с правом выпуска банковских билетов, однако эта мера не была реализована, и только русско-турецкая война 1768–1774 гг. вынудила российские власти пойти на более решительные действия в сфере денежного обращения. В 1769 г. были

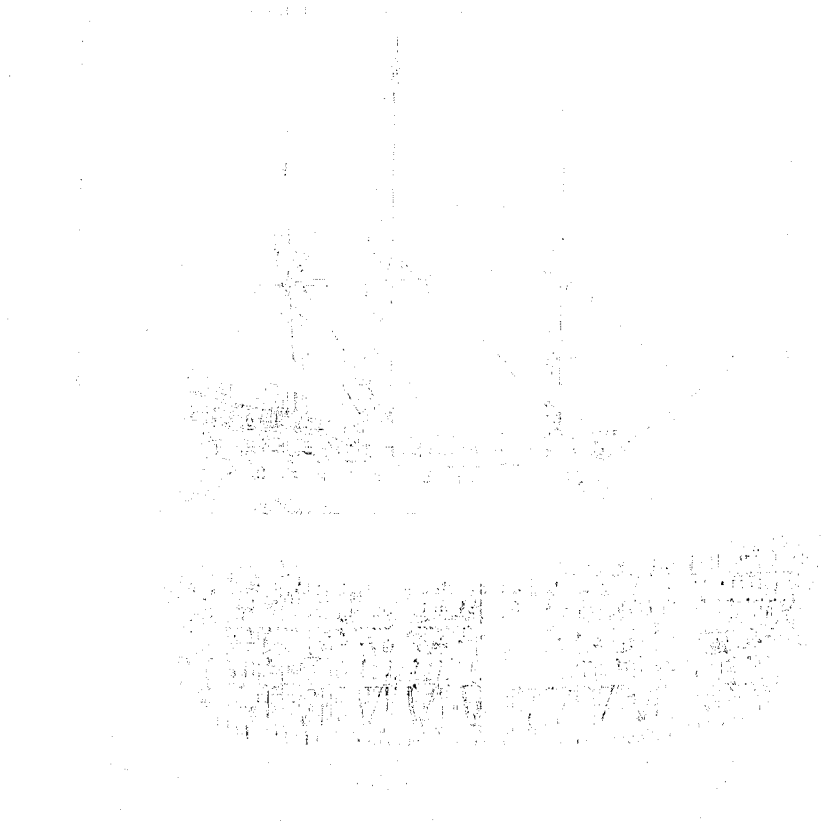
учреждены Ассигнационные банки в Петербурге и в Москве, с помощью которых правительство рассчитывало покрыть военные расходы. В 1786 г. был учрежден единый Государственный ассигнационный банк, который помимо бумажной эмиссии мог чеканить монету, покупать металл за рубежом, учитывать векселя. Однако выстроить эффективную систему коммерческого кредита Россия не сумела. Ее банки играли ничтожную роль во внутренней и внешней торговле, а российские купцы, в отсутствие надежных кредитных институтов, использовали собственный капитал.

Во второй половине XVIII в. активизировался процесс формирования национальных рынков Европы, однако развивались они весьма неравномерно. Пожалуй, только Англия сумела добиться в этом трудном деле явного успеха. Национальный рынок становится здесь «распределителем задач». Важнейшая роль при этом принадлежала Лондону, главному экономическому и политическому центру страны. Определенное значение имело и островное положение Англии, защищавшее британскую экономику от давления иностранного капитала. Переход к периоду национальных экономик в Европе исследователи связывают именно с формированием национального английского рынка.

ЛЮДИ И ТЕХНИКА. НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ф. Бродель полагал, что «техника есть сама толща человеческой истории». Она постоянно воздействует на человеческую жизнь, то подталкивая ее вперед, то удерживая в определенном равновесии. Это означает, что техника подобно культуре заполняет все пространство истории. Именно поэтому специалистам по истории техники никогда не удается охватить ее целиком. Как правило, они освещают отдельные страницы в развитии техники в связи с определенными историческими явлениями (войны, вооружения, промышленные революции и т.д.). В традиционной историографии история техники изучалась преимущественно в связи с историей науки. Пытаясь преодолеть односторонность таких подходов, Бродель стремился включить исследование техники в рамки недостижимой «тотальной истории», ясно понимая, что «техника объясняется историей, и в свою очередь, объясняет ее, хотя корреляция, в одном или в другом смысле, никогда не бывает полной».

Отечественные специалисты по истории техники, такие как И.С. Прочко, А.П. Шершов, В.В. Запарий, С.А. Нефёдов и другие, приводят в своих работах немало примеров влияния технических новаций на ход истории в Новое время. Так, налаженное на шведских заводах в 1610 г. по инициативе нидерландского мануфактуриста Луи де Геера производство легких чугунных пушек повлияло на ход Тридцатилетней войны: во многом благодаря именно легкой артиллерии Швеция стала хозяйкой Центральной Европы. Спустя полвека, в 1700 г. шведский король Карл XII разгромил под Нарвой русскую армию. Он мог бы двинуться на Москву, но был уверен, что Петр не сумеет оправиться от поражения, и пошел на Польшу. Он знал, что русские до войны закупали качественное железо в Швеции, но не знал, что на Урале были обнаружены богатейшие залежи руды, и в Каменске по приказу Петра I уже строился чугунолитейный завод. Осенью 1701 г. там заработала первая домна, а в 1703 г. завод дал почти 600 пушек – в четыре раза больше, чем было потеряно под Нарвой. В сражении под Полтавой в 1709 г. большая часть атакующей шведской пехоты была уничтожена огнем русской артиллерии. Освоение шведской военной техники стало одним из шагов России по пути модернизации. Уральская руда была лучше шведской, а созданная Петром металлургия вскоре стала одной из мощнейших в Европе. Первым начальником уральских горных заводов был голландский инженер Г.В. де Геннин, его преемником – учившийся в Швеции В.Н. Татищев. Русские металлурги и артиллерийские инженеры вскоре превзошли своих учителей-иностранцев. Под руководством графа П.И. Шувалова в 1757 г. было создано лучшее артиллерийское орудие тех времен – «единорог». Оно могло стрелять как бомбами, так и ядрами, обладало лучшей, чем у гаубицы, баллистикой, но большим калибром и меньшим весом, чем пушка. Через два года в битве при Кунерсдорфе русские «единороги» были успешно применены против пруссаков. «Единорог» стал новым оружием России, появление которого существенно усилило ее вооруженные силы.



Линейный корабль третьего ранга. Гравюра. 1728 г.

С.А. Нефёдов приводит примеры, показывающие, что борьба за господство на море была связана с развитием кораблестроения. Голландский флайт, изобретенный в конце XVI в., превосходил испанские каравеллы по скорости и маневренности. Новый корабль позволил голландцам значительно увеличить дальность перевозок и развернуть невиданную по масштабам морскую торговлю. В XVII в. им принадлежало 15 тыс. кораблей – втрое больше, чем остальным европейским народам. Прибыли от монопольной посреднической торговли способствовали процветанию Нидерландов, но активное морское соперничество во второй половине XVII столетия они проиграли. Новой владычицей морей стала Британия. Историки техники полагают, что решающую роль в ее победе сыграли достижения в кораблестроении. Английские корабелы усовершенствовали конструкцию корпуса судов и их оснастку, отказались от тяжелых и дорогостоящих украшений. Еще в 1637 г. английский флот получил первый трехмачтовый линейный стопушечный корабль – «Sovereign of the Seas» (Властелин морей), а к концу XVIII столетия Англия построила больше ста таких кораблей. Трехмачтовые корабли,

имевшие полное парусное вооружение, стали более прочными за счет реализации ряда новых инженерных идей и тщательной покраски корпуса судов.

Разумеется, во всех этих ситуациях главную роль играла не столько техника сама по себе, сколько деятельность людей, направленная на решение конкретных задач. Создание и применение новой техники было лишь одним из способов достижения цели. В частности, совершенствование артиллерии сопровождалось не только изменением веса и устройства орудий, но и реорганизацией осадной артиллерии, решением проблемы с подвозом снарядов и т.п. Не случайно европейские государства (Австрия, Франция, Пруссия) заимствовали у России некоторые новации в организации артиллерийского «хозяйства». Так, прусский король Фридрих II первым на Западе по примеру Петра I ввел конную артиллерию, превратив ее в самостоятельную боевую единицу. Создав чугунолитейное производство в Тульском, Олонецком, Уральском и Петербургском округах, Петр I со своими ближайшими помощниками обеспечил металлом кораблестроение и оружейников. Немало зависело от руководителя и организатора того или иного дела. Например, в России после смерти П.И. Шувалова многие его нововведения, оправдавшие себя в ходе Семилетней войны, были отменены. Иными словами, влияние технических инноваций на ход истории всегда зависит от множества конкретных обстоятельств. При этом очень важны условия, стимулирующие усвоение новых идей, изобретений и открытий, такие, например, как юридический статус изобретений или отношение к изобретателям. Так, английская «патентная революция» середины XVIII в., законодательно защитив интеллектуальные права собственности, позволила авторам изобретений получать прибыль от своего труда, что стало важным стимулом для развития технической мысли.

Лишь в некоторых случаях совокупность факторов выливается в успешную промышленную революцию. Такая революция началась в Англии в 60-х годах XVIII в., а в следующем веке распространилась на другие страны Европы. Термин «промышленная революция» впервые был использован французским экономистом Ж.А. Бланки в 1837 г. Вслед за ним его стали применять Р. Оуэн и Ф. Энгельс (1845). После публикации в 1884 г. «Лекций о промышленной революции» А. Тойнби (дяди знаменитого историка цивилизаций) термин прочно обосновался в исторической лексике, однако споры о его содержании продолжаются до сих пор. Французский историк П. Манту еще в начале XX в. убедительно показал, что в XVIII столетии процессы, получившие название «промышленная революция», проявились только в Англии, причем даже здесь они затронули незначительную часть населения, а в производственной сфере были локализованы в отдельных отраслях и районах. Однако в течение XX в. вышло немало работ, в которых темпы промышленной революции, масштабы технического прогресса и его социальные последствия оказались существенно форсированными. Не случайно примерно с 70-х годов XX в. эта тема стала объектом многочисленных дискуссий. За последние два-три десятилетия ее историография заметно обновилась. Это обновление многим обязано трудам экономистов Л.Е. Бирдцелла, Ж. Брассёля, Д. Норта, Н. Розенберга, историков Ф. Броделя, Р. Камерона, С. Полларда, Т.С. Эштона, П. Верле, Ф. Крузе и др.

Исследователи сходятся во мнении, что стержнем первой промышленной революции Нового времени был переход от мануфактуры, основанной на ручном труде, к фабрике, где важнейшей производственной силой стали машины. Этот переход нередко называют промышленным переворотом, который в марксистской традиции связывали со сменой способов производства. Однако его не следует сводить лишь к совокупности технических открытий и к распространению машинного труда. Промышленная революция включала в себя не только становление производства индустриального типа, но и радикальное преобразование экономических, социальных, политических и культурных структур и институтов на всем европейском пространстве. Она сопровождалась ослаблением прежних норм регламентации труда и развитием свободной конкуренции, становлением фабричной системы, поиском новых видов энергии, широким использованием материалов, не встречающихся в природе, и пр. Уже в историографии 40-х годов XX в. было установлено, что изменения затронули все сферы жизни людей, в том числе интеллектуальную, религиозную и ментальную.

Долгое время историки стремились показать содержание этой трансформации, разделяя ее по секторам и изучая, как развивалось сельское хозяйство, что происходило в технике, какие изменения наблюдались в промышленности, торговле, в сфере транспорта и т.д. В литературе накопилось множество объяснений промышленной революции, в которых акцентируется какой-либо один ее аспект – технические инновации, модернизация аграрной сферы, демографические процессы, рост городов, успехи внешней торговли, финансовая революция. Однако сегодня такие интерпретации уже не устраивают специалистов. Сама идея ключевых факторов, достаточных и необходимых условий, породивших промышленную революцию, была поставлена под сомнение. Главное, что отличает новые историографические подходы – это отказ видеть в промышленной революции некую «сущность», обладающую априорными характеристиками, которые вначале формулируются, а затем «обнаруживаются» в исторической реальности. Историки стремятся избегать упрощений, связанных с анализом предпосылок этого сложного исторического явления. Так, масштабная международная дискуссия о «протоиндустриализации» как подготовительной фазе промышленной революции показала, что прямую преемственность здесь установить невозможно. Одни регионы, охваченные «протоиндустриализацией», оказались вовлечены в процесс индустриализации уже в конце XVIII в., а другие (Голландия, Швеция, Франция) по разным причинам добились на этом пути заметных успехов только в следующем веке. Впрочем, еще П. Манту писал о том, что мануфактура лишь логически может рассматриваться как ступень к фабричной системе. Современные исследования показывают, что даже в Великобритании вплоть до середины XIX в. преобладали традиционные способы производственной деятельности, и только к этому времени промышленность страны становится действительно новой. Ученые поставили также под сомнение наличие жестких причинно-следственных связей между различными составляющими происходящих перемен. Это не означает, что они отказались от установления таких связей. Речь идет о более тонкой интерпретации полученных результатов, а также о более сбалансированной аргументации, учитывающей

вероятностный характер исторического развития, нелинейность и содержательность исторического времени.

Промышленная революция – это длительный процесс, включавший в себя множество разнообразных событий. В этой связи историки стали осторожнее использовать термины «революция» и «переворот», подразумевающие резкий скачок в развитии. Кроме того, стараясь уйти от безмерной «широты» понятия «промышленная революция», исследователи все чаще используют более узкое понятие «индустриализация». Растянувшись более чем на столетие примерно с 1760 до 1880-х годов, индустриализация так или иначе затронула всю Европу. Поэтому ее всестороннее рассмотрение возможно лишь на конкретном материале XVIII и XIX вв. Лидером в этом процессе, как уже отмечалось, во второй половине XVIII в. стала Великобритания. В науке накопилось большое количество мнений по поводу природы и содержания «английского чуда», но вопрос о том, почему именно эта страна стала родиной промышленной революции, до сих пор остается открытым. Интерес к нему был актуализирован в конце прошлого века в связи с попытками ряда ученых показать, что промышленная революция имела шанс начаться по обе стороны Ла-Манша, в частности во Франции, и лишь стечение обстоятельств, во многом случайное, сделало англичан «первой индустриальной нацией».

Важную роль технических инноваций в реорганизации промышленного производства Великобритании в XVIII в. никто не отрицает, хотя масштаб их распространения и отдача от использования до начала XIX в. были скромнее, чем это виделось исследователям революционного технического переворота. Одним из самых важных изобретений XVIII в. считается создание парового двигателя. Разработка его была связана с решением практических задач в горнодобывающей отрасли, таких, в частности, как откачка воды из шахт, глубина которых в Англии в конце XVII в. составляла 120–180 метров. Первые успехи были достигнуты Т. Севери и Т. Ньюкоменом на рубеже XVII–XVIII вв. «Атмосферный двигатель» Т. Ньюкомена начали использовать в Англии не раньше 1712 г. В основе его работы лежало понимание природы атмосферного давления. Несмотря на то что машина была громоздкой, энергоемкой и малопроизводительной, с 1729 г. ее применяли не только в Англии, но и в Австрии, Франции, Бельгии, Германии, Венгрии, Швеции. Через пятьдесят лет Джеймс Уатт так изменил конструкцию, что потребление топлива сократилось на две трети. Эффективность повысилась за счет использования отдельного цилиндра для конденсации пара. Машина была запатентована в 1784 г., и к концу века в различных областях производства Великобритании действовало около 500 паровых двигателей Уатта. Однако лишь в начале XIX в. был придуман паровой двигатель высокого давления, значительно расширивший сферу применения изобретения Уатта.

Наибольший эффект технические инновации имели в тех отраслях, где уже сложились условия для благоприятного развития. Активнее всего менялось положение дел в текстильной отрасли, которая в те времена повсеместно являлась одной из ведущих производственных сфер. Начало ее трансформации было положено еще в 30-е годы внедрением так называемого «летающего челнока». В 1764 г. Дж. Харгривс сконструировал механическую прялку «Дженни». Спустя пять лет 1769 г. Р. Аркрайт изобрел прядильный станок на водяном приводе. А в 1785 г. патент на механический ткацкий станок офор-

мил Э. Картрайт, хотя только в начале следующего века изменения и усовершенствования сделали его вполне надежной машиной.

Одним из важнейших проявлений промышленной революции в XVIII в. стал поиск новых так называемых «неодушевленных» видов энергии. Длительное время главными источниками энергии помимо силы животных и человека служили вода и ветер. В Англии и на континенте в течение всего XVIII в. имелось много мастерских, получавших энергию от водяных и ветряных мельниц. Во Франции, согласно записке, представленной выдающимся военным инженером и будущим маршалом С. де Вобаном на имя короля в 1694 г., насчитывалось около 95 тыс. таких мельниц. Они мололи зерно, откачивали воду из шахт, приводили в движение простые механические устройства. Мощность мельницы, в зависимости от ее расположения и размера, в XVIII столетии в среднем составляла пять лошадиных сил. Особенно много ветряных мельниц располагалось на берегах Северного и Балтийского морей, где их средняя мощность составляла десять лошадиных сил. Американские экономисты Н. Розенберг и Л.Е. Бирдцелл подчеркивают, что производительность машин, которые можно было привести в движение с помощью мельницы, была небольшой и не требовала разделения функций владения, управления и непосредственного участия в производстве. На ранних этапах индустриализации, даже в Британии, вода оставалась главным источником энергии. Во второй половине века водяные колеса и турбины модернизировали, и во многих областях водяные мельницы долго соперничали с паровыми двигателями. Поскольку мощность первых паровых машин составляла примерно двадцать лошадиных сил, начавшаяся в 90-е XVIII в. в хлопкопрядильном производстве замена водяных установок на паровые машины не вызвала резких перемен.

Основным источником тепловой энергии оставался древесный и каменный уголь. Им не только отапливали помещения, но и применяли его в производстве стекла, кирпича, в пивоварении, в соляной промышленности, в производстве сахара, в металлургии. Идея использования каменного угля в металлургии появилась еще в XVI в. Но перевод производства металлов с древесного угля на каменный оказался делом сложным и длительным. Способ коксования каменного угля перед загрузкой в доменную печь был разработан А. Дерби и впервые удачно применен в 1709 г. Семья Дерби на протяжении всего века трудилась над совершенствованием чугунолитейного производства. Однако производительность плавильной печи, работавшей главным образом на древесном угле с использованием энергии воды, в XVIII в. была невелика. Чугун оставался дорогим и очень хрупким материалом из-за высокого содержания углерода. Использование парового двигателя в металлургии привело к увеличению количества доменных печей, работавших на коксе, с 31 в 1775 г. до 81 в 1780. Но массовое производство ковкого чугуна стало возможным лишь после того, как Г. Корт в 1784 г. усовершенствовал процесс пудлингования (передела чугуна в мягкое малоуглеродистое железо), который изобрели в 1766 г. братья Т. и Дж. Кранедж. Темпы производства железа удвоились менее чем за двадцать лет: с 60 тыс. тонн в 1788 г. до 125 тыс. тонн в 1796 г. В свою очередь, прогресс металлургии способствовал увеличению объема угледобычи. Но только в начале XIX в. кокс вытеснит древесный уголь на металлургических предприятиях.

Размышляя об английской индустриализации, современные исследователи обращают особое внимание на деятельность людей и институты, т.е. ее механизмы, правила и условия (юридические, экономические, моральные, политические). Так, Н. Розенберг и Л.Е. Бирдцелл подчеркивают, что переход от системы ремесленных мастерских к фабричному производству требовал не только средств и свободных рабочих рук, но также предприимчивости, инициативы и волевых усилий, направленных на изменение управленческих навыков и организации производственного процесса. Они считают, что решающее значение в ходе индустриализации имели масштабы распространения фабричной системы и связанный с этим рост производства. В полной мере и то, и другое проявилось только в XIX в. Фабричная организация оказалась непригодной для торговли, транспорта, страхового дела, книгоиздания и прочих отраслей, но фабрика оставалась вне конкуренции как производственное пространство, существенно расширяющее возможности для использования механической энергии. Кроме того, фабричная система позволяла улучшить организацию производственной деятельности, стимулировала разделение труда, стандартизацию промышленных изделий, снижение издержек производства и реализации, обеспечивая, в конечном счете, более эффективное использование потенциала работников и машин. Даже в текстильной промышленности, где роль технических изобретений трудно переоценить, еще до появления новых машин возникла потребность в централизации производства тканей и управления этим процессом. Французские историки, настаивающие на том, что у Франции тоже имелись возможности стать родиной промышленной революции, именно этот аргумент приводят в качестве одного из решающих. Широкое распространение сельской рассеянной мануфактуры в стране в первой половине XVIII в., а также наличие развитых текстильных централизованных мануфактур в Бретани, Лионнэ, Фландрии, Эльзасе, в долине Роны уже в XVII в. хорошо известно. Французские предприниматели подобно английским собирали работников под одной крышей для того, чтобы преодолеть негативные стороны организации производства в мануфактуре рассеянного типа.

Темпы укоренения фабричной системы также зависели не только от технических инноваций, но и от специфики отрасли. Розенберг и Бирдцелл убедительно показали это на примере гончарного производства. Задолго до широкого распространения двигателя Уатта производство керамики было перенесено из небольших мастерских под крыши фабрик. Если текстильное производство было специализированным (крутильщик производил пряжу, ткач – ткани), то в керамическом каждое изделие проходило через множество рук. Поэтому в керамической промышленности XVIII в. инновации были направлены не на механизацию производства, а на само изделие. Главные изменения здесь были связаны с открытием технологий изготовления фарфоровой глины и «костяного фарфора». Кроме того, английские гончары перешли от дров к углю, и поэтому производство сконцентрировалось в Стаффордшире, где имелись и глина, и уголь. К 1787 г. здесь уже действовало большое количество небольших керамических фабрик, где в среднем трудились по сотне работников. Гончары раньше текстильщиков заменили водяные колеса паровыми двигателями, которые использовались для измель-

чения глины, смешивания красок, вращения гончарных кругов. Причем это было сделано на уже работающих фабриках.

Технологические и организационные инновации, начиная примерно с 1750 г., стали играть более заметную роль в росте богатства Британии. Однако этот успех во многом определялся состоянием английской торговли, наличием свободных капиталов и рабочей силы, характером отношений собственности и других институциональных установлений, которые уже сложились к тому времени. Можно сказать, что оснащенные новым оборудованием фабрики являлись результатом деятельности не только организаторов производства и изобретателей, но и торговцев, банкиров, горняков, литейщиков XVIII в. Они работали в среде институтов обмена, которые уже тогда были описаны Адамом Смитом, а сегодня основательно изучены.

Если раньше, осмысливая природу английского «чуда», ученые акцентировали внимание на преимуществах Великобритании, проявившихся к середине XVIII в., то теперь они стараются учесть и относительные слабости в ее развитии. Среди преимуществ национальной истории Англии обычно отмечают выгоды островного географического положения, развитую торговлю, сложившийся внутренний рынок, заинтересованность аристократии в коммерческой деятельности. Британия раньше континентальных государств пережила эпоху первоначального накопления капитала и создала систему государственной власти, которая настойчиво искала способы регулирования взаимоотношений между предпринимателями, а также между предпринимателями и государством. Независимость предпринимателя, гарантированная государственными законами от произвола как в производстве, так и в торговле, была главной заботой английского общества XVIII в. Благоприятным фоном для развития промышленности являлась также относительная стабильность политической и религиозной жизни, всего британского жизненного уклада XVIII столетия. В то же время, в отличие от Франции, которая в XVIII столетии располагала внушительным земельным фондом, лесом, минеральным сырьем, рабочей силой и прочими традиционными ресурсами, в Англии ощущался их недостаток. Чтобы компенсировать его, потребовались специальные усилия и оригинальные решения, в том числе технические и организационные. Нехватка леса стимулировала эксперименты с коксом в поисках новых видов тепловой энергии, дефицит рабочей силы побуждал активнее использовать машины, ограниченность земельного фонда делала выгодным финансирование промышленных проектов и т.п.

Однако силы истории, действующие в географическом пространстве страны, не являются только национальными и должны рассматриваться в более широком контексте. Эта актуальная для современной науки мысль была сформулирована еще А. Тойнби, ссылавшимся на авторитетное мнение английских исследователей промышленной революции в Великобритании. Действительно, хорошо известна особая роль Британии в Атлантике, занимавшей в начале Нового времени в мировой торговле такое же место, какое принадлежало Средиземному морю в Средние века. Английские заокеанские колонии стали для метрополии емким рынком сбыта, поскольку были ориентированы в отличие от колоний испанских или португальских не на добычу золота и серебра, а на интенсивный товарообмен со Старым светом (см. гл. «Эволюция Британской империи»). Немаловажно и то, что многочисленные

войны XVII–XVIII вв. причинили Британским островам меньший ущерб, чем континентальным государствам. Напротив, потребности обеспечения европейских армий и флотов поддерживали массовый спрос на английские товары и укрепляли ее экономику. Некоторые инновации того времени, такие, например, как доменные печи на коксе или оборудование для подземных горных работ Англия просто заимствовала в других странах. Работе с такой техникой англичан обучали специально нанятые иностранные горняки. В целом ряде новых для Англии отраслей промышленности (на бумажных и зеркальных фабриках, на стекольных, литейных, сахарных заводах и т.д.) трудились рабочие и ремесленники из Нидерландов, Германии, Франции, Италии, привнося в страну новые технологии и навыки. Технический прогресс Британии подпитывался бурным расцветом точных и естественных наук во всей Европе.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК

Длительное время ученые изучали порядок и беспорядок в разных «департаментах» исторического знания. Общественный порядок как безусловное благо и ценность исследовался преимущественно в русле институциональной истории, а беспорядок, понимаемый негативно, как антипод порядка, был важнейшим объектом истории социальной. Однако за последние десятилетия ситуация изменилась. Трагический опыт XX в., открытие неопределенности как имманентной составляющей природного и социального миров, а также становление постнеклассического знания актуализировали идею самоорганизации, которая присутствовала уже в древнегреческой и восточной философии, но в Новое время оказалась на периферии интеллектуального поиска. В конце 1970-х годов интерес к самоорганизации социальной жизни объединил философов, антропологов, социологов, юристов, психологов и историков. Изучение дискурсов о «беспорядке» в междисциплинарном режиме показало, что любой из них предполагает определенную концепцию «порядка». В то же время ученые выяснили, что «беспорядок», вопреки видимости, содержит в себе позитивное начало, без которого невозможны социальная динамика и креативность разнообразия. Переосмысление взаимосвязи порядка и беспорядка, а также более основательное изучение каждого из них позволили понять, что «один включает в себя другой». Нобелевский лауреат И.Р. Пригожин видел в этой констатации «главное изменение, которое происходит в нашем восприятии универсума сегодня».

Тема порядка и беспорядка имеет не только мировоззренческое, но и экзистенциальное измерение, поскольку вопрос об условиях гармоничного социального развития остается открытым. Кроме того, в нее органично включена власть как универсальный феномен социокультурного взаимодействия, пронизывающий всю сферу общественных отношений и на всех уровнях чреватый конфликтами. Изучая социум Старого порядка, М. Фуко назвал проявления таких конфликтов «иллегализмами». По его мнению, во Франции преобладала в этот период абсолютистско-деспотическая модель власти, стержень которой составляло «право суверена над жизнью и смертью». Одновременно в недрах европейских сообществ примерно с конца XVI в., как показали Н. Элиас, М. Фуко, Р. Мюшамбле и другие ученые, постепенно формировались новые правила организации властных практик, основой которых являлась дисциплина. Соперничество этих разнородных логик властных отношений усложняло социальные связи, модифицируя сети порядков и характер конфликтов.

Конфликтный потенциал европейских сообществ XVIII в. был очень высоким. Напряженными в течение всего столетия были межгосударственные отношения в Европе и за ее пределами (см. гл. «Pax Europea: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира»). На территории многонациональных империй – Османской, Российской и Священной Римской – неоднократно разворачивались национально-освободительные движения, тесно связанные с международными отношениями. Самыми значительными из них были антигабсбургское восстание в Венгрии под руко-

водством Ф. Ракоци (1703–1711) и восстание польских патриотов 1794 г. во главе с Т. Костюшко. Эпоха Просвещения была периодом критического переосмысления прежней системы ценностей, коренного изменения мировосприятия, активизации деятельного начала в жизни людей. В таких условиях управленческая элита разных стран искала ответ на два главных вопроса: каким образом остановить разложение Старого порядка и как консолидировать процесс становления порядка нового. Революции, произошедшие в Северной Америке, Франции, Швейцарии, Нидерландах, Бельгии, повысили значимость этих вопросов для современников. Историки долго размышляли о соотношении Старого порядка, который революции XVIII в. разрушали, и вариантов нового порядка, предлагаемых в ходе этих революций. При этом в обществах Старого порядка исследователей интересовали главным образом явления, связанные с приближением неизбежной революции. Лишь в последние десятилетия в центре внимания ученых оказались процессы самоорганизации социумов того времени, а также наследие Старого порядка в современной Европе.

Революция, изображавшаяся ранее как радикальная форма «беспорядка», теперь исследуется все чаще в тесной связи с темой «порядка». Например, американский историк Дж. Маркофф в книге «Отмена феодализма: крестьяне, сеньоры и законодатели во Французской революции» (1996) показал, каким образом участники революционной драмы сделали «антифеодальные» преобразования стержнем революционного законодательства. В конфликтном взаимодействии крестьян, сеньоров и законодателей (его воплощение автор видит в наказах депутатам Генеральных штатов 1789 г., законодательстве 1789–1793 гг. и в народных движениях) происходила не только радикализация первоначальных установок, но и создавался порядок, предполагающий, по выражению современного французского историка М.Н. Бурге, «перевод морального и социального состояния социума в позитивное право». Деятели Французской революции противопоставили иерархической организации Старого порядка концепцию общества, состоящего из свободных граждан, обладающих равными правами. Они пытались заменить правление, основой которого являлась наследственная власть короля, государством, гарантирующим равенство всех перед законом. Но люди и тогда понимали, что закон сам по себе не способен обеспечить общественный порядок. Так, итальянский правовед Ч. Беккариа в своей знаменитой книге «О преступлениях и наказаниях» (1764) писал: «Невозможно свести бурлящую деятельность людей к геометрической строгости без исключений и неясностей. Подобно тому, как неизменные и простейшие законы природы не препятствуют отклонениям в движении планет, человеческие законы также не могут при бесконечных и диаметрально противоположно направленных силах притяжения, наслаждения и боли предупредить столкновения и нарушения в жизни общества». Неизбежная неполнота социального закона приводит к тому, что его применение зависит от практического толкования, традиции и прецедентов. Гармоничный социум в идеале должен иметь «законодателя», способного перевести на язык высокой политики и закона волеизъявление «народа». Однако в реальной жизни «законодатель», как правило, ориентируется на «народ», сведенный к теоретической абстракции, а его протестное поведение воспринимает как «беспорядок». Кроме того, в период революции, как известно,

имели место народные движения, прямо направленные против революционного законодательства. Со своей стороны французские революционеры дополняли законы революционного времени, регламентировавшие жизнь французов, новой политикой в сфере культуры. В частности, они пытались использовать праздник как способ воспитания масс, формирующий человека и гражданина: в процессе сотворения праздника, как показала французская исследовательница М. Озуф, «политика соединяется с психологией, эстетика с моралью, пропаганда с религией». Однако, несмотря на то что многое в этом направлении было сделано, свобода и справедливость оставались мечтами, а установление равенства всех перед законом потребовало новых усилий всего французского общества и длительного времени.

В XVIII столетии низы имели возможность выражать свое настроение преимущественно в практиках, связанных с нарушением стабильности и установленного порядка (традиционные народные празднества, схожие с теми, что в официальных документах Франции характеризовали как дикие, непристойные, шутовские – fêtes baladoires, бунтовщические плакаты, запрещенные процессии, различные социальные фобии, нередко перераставшие в массовую панику, мятежные сборища, стачки, восстания, революции). Подобно тому как европейские теологи, руководствуясь собственным представлением об истинной вере, воспринимали магию и суеверия как нечто враждебное религии, люди, ответственные за общественный порядок, видели в различных проявлениях «феномена оспаривания» лишь нарушение установленных норм. Жалобы на «беспорядки» переполняют документы эпохи, однако это не означает, что Европа в течение XVIII в. пребывала в состоянии постоянного брожения. Напротив, несмотря на ясно выраженное экономическое и социальное неравенство, открытых конфликтов было немного. Люди искали компромиссы и находили их. Тем не менее конфликтная сторона жизни давала о себе знать. За рамками революционных движений, которые отличались особым размахом, чаще всего имели место спонтанные кратковременные вспышки «коллективного насилия» по отношению к установленному порядку. Детальное изучение конкретных проявлений такого «насилия» показало, что оно было связано не столько с реальным положением дел, сколько с его восприятием. Разумеется, роль природной, экономической, политической, социальной и прочей конъюнктуры нельзя не учитывать. Во всех случаях она была очень важна, и об этом много написано в традиционной историографии. Однако историческая анатомия открытого протеста, представленная в новейшей литературе, свидетельствует, что такой протест всегда сопровождался преодолением определенного порога возможного и невозможного, изменявшегося в зависимости от репрезентаций и культур.

Один из острейших внутренних конфликтов Европы XVIII в. был связан с проблемой обеспечения населения товарами первой необходимости. Вспыхивавшие повсеместно волнения называли «хлебными бунтами», так как для основной массы европейцев хлеб оставался главным продуктом питания. В связи с тем что большая часть ресурсов использовалась для удовлетворения самых элементарных нужд, забота о прожиточном минимуме, в буквальном смысле о хлебе насущном, имела первостепенное значение, сливаясь в критических ситуациях с правом на существование. В различных регионах Европы этот минимум был разным, но в целом низкий уровень жизни боль-

шей части населения ни у кого не вызывал сомнения. Тем не менее современные исследователи, изучая конфликты с учетом поведения людей и их восприятия, отказались от традиционной интерпретации, в соответствии с которой историки вслед за современниками объясняли продовольственное волнение по упрощенной формуле «нищета–голод–бунт». Реальная политика в сфере обращения везде была ареной постоянных «переговоров» и компромиссов. Даже в таких развитых странах Западной Европы, как Великобритания и Франция, продовольственный вопрос на протяжении всего XVIII в. (и первой половины XIX в.) оставался объектом постоянных столкновений разных «порядков». Власти предержащие поддерживали свой «порядок»: определяли место продаж, их организацию, регламентировали цены и усмиряли доступными средствами нарушителей таких предписаний. С другой стороны, потребители, жители города и деревни, которые, считая политику властей безнравственной и не очень эффективной, пытались противопоставить ей собственный «порядок» в этой сфере. Э.П. Томпсон, изучивший продовольственные движения в Англии XVIII в., показал, что основой такого «порядка» являлся свод «моральных правил или естественных прав и традиционных обычаев», которые он назвал «моральной экономией бедноты». Протест вызывали как посягательства на эти морально-экономические правила, так и реальная нищета. Иными словами, борьбу за хлеб в последний век Старого порядка нельзя представлять лишь как коллективные психозы, спровоцированные голодом или его угрозой. Поведение людей во многом определялось также веками формировавшимися в народном сознании представлениями о справедливом, правильном с точки зрения простого труженика распределении продовольствия. Практика таксаторских выступлений (установление в ходе бунтов «справедливой» цены на хлеб или муку) не только противостояла фритредерской политике абсолютизма, но и свидетельствовала о зреющем в массах убеждении, что государство обязано вмешиваться в сферу распределения в пользу неимущих и малоимущих, что право на жизнь выше права собственности. Не случайно вспышки продовольственных движений нередко были связаны с частыми и непоследовательными попытками реорганизации сферы хлебной торговли. Ярким примером такого народного движения является «мучная война» 1775 г. во Франции, вызвавшая отставку А.Р.Ж. Тюрго и отмену его реформ.

Весьма конфликтной в европейских сообществах Старого порядка была сфера государственного принуждения. Важнейшей формой такого принуждения являлся налог. В начале Нового времени во всех государствах Европы шел поиск эффективной фискальной системы, позволяющей не только пополнять казну, но и сохранять социальную стабильность. В Западной Европе общая тенденция проявлялась в стремлении заменить прямые налоги косвенными. Во Франции необратимый переход от прямого налогообложения к косвенному был начат еще при Ж.-Б. Кольбере. Однако результаты новой политики податное население ощутило в полной мере только в XVIII столетии. Примерно к середине века косвенные налоги составляли большую часть поступлений в казну. Нельзя сказать, что этот переход французская администрация сумела реализовать только «сверху». Во Франции и других европейских странах (Италия, Испания, Россия) XVII в. был насыщен массовыми антиналоговыми движениями, которые власти, реформирующие фиск, не могли не

учитывать. Однако в XVIII в. масштабные «крестьянские войны» остались в прошлом, протест против различных видов государственного принуждения, включая налоги, как бы рассеялся. Имели место главным образом небольшие бунты, спонтанно возникающие и столь же быстро затихающие. Единственное исключение – самое мощное в истории России народное восстание под предводительством беглого донского казака Емельяна Пугачева (1773–1775), в котором важнейшим мотивом был протест против «регулирующей» власти государства.

Восприятие налога в разных странах Европы зависело от множества конкретных обстоятельств, но практически всегда присутствовали фактор новизны и ощущение несправедливости. Бесчисленные рыночные поборы, взимавшиеся у городских ворот королевские и местные таможенные сборы, ввозные пошлины приводили к тому, что во всех европейских странах население не только изобретательно уклонялось от налогов, но и бунтовало. Самыми непопулярными оставались налоги на соль и напитки. Несмотря на то что власти пытались упростить и упорядочить систему сбора этих налогов, проблемы оставались. Во Франции, например, размер налога на вино и напитки менялся ежегодно в зависимости от урожая и рыночной цены, сохранялись большие территориальные различия. То же самое было с соляным налогом – габелью. Впрочем, в XVIII в. этот налог уже не провоцировал столь масштабного сопротивления, как в век предыдущий. Возможно, потому, что к концу XVII в. система габели стабилизировалась. Страна была разделена на шесть неравных частей, в каждой из которых существовал свой уровень этого налога и порядок его взимания. Однако в XVIII в. слова «габель» и «габелёр» ассоциировались в массовом сознании с более широким набором явлений, чем налог на соль. Их связывали с покушением на провинциальные привилегии, с насилием над правами, освященными традицией и волей королей (некоторые провинции были освобождены от уплаты габели, если в прошлом откупились от нее или если это освобождение было одним из условий их присоединения к Французскому королевству). Поэтому введение любого нового налога часто сопровождалось слухами о введении габели, а в ходе открытого протеста звучали угрозы в адрес габелёров, которых на самом деле и близко не было. Кроме того, сохранялась почва для контрабандной торговли, которая пользовалась активной поддержкой населения и периодически приобретала характер массового антиналогового движения. В декабре 1724 г. интендант провинции Дофине писал, что в «каждой деревне контрабандисты имеют сообщников, которые всегда готовы сесть на коней и следовать за ними ⟨…⟩. Нет деревни, которая могла бы задержать контрабандистов или отказать им в убежище ⟨…⟩ вся страна за них». Во Франции самое известное движение такого рода возглавлял разорившийся торговец Луи Мандрен (казнен в 1755 г.). Банды контрабандистов орудовали и в других странах. Случалось, что репрессии против контрабандистов провоцировали открытое сопротивление. Повседневным явлением были конфликты со сборщиками налогов, многочисленные злоупотребления которых порождали судебные тяжбы и жалобы во все инстанции, нередко выливаясь в мятежи, не всегда вызванные лишь «объективной» тяжестью налога или повинности.

Помимо централизованного налога европейские государства Старого порядка принуждали население к исполнению иных повинностей, например

к различным отработкам. Одна из них была связана с необходимостью совершенствования транспортной системы. Во Франции генеральный контролер Ф. Орри в 1738 г. возложил на крестьян дорожную повинность (*корве*). Каждый крестьянин обязан был отработать от 6 до 40 дней в году на строительстве дорог. Кроме того, так называемая королевская барщина обязывала предоставлять тягловый скот и повозки для военных нужд. За отказ выполнять дорожные работы и укрывательство тягла сельские коммуны наказывались. В период министерства Тюрго «барщина» была временно отменена, а с начала 1780-х годов откуп от натуральных работ стал правилом. Тем не менее в источниках встречаются сведения об открытых крестьянских выступлениях в связи с этой повинностью. Многие наказы Генеральным штатам 1789 г. просили о восстановлении дорожной повинности и отмене денежного сбора. Объясняя свою позицию, крестьяне отмечали, что деньги собирались, но дороги оставались без ремонта. Протесты российских крестьян против барщины, сопровождавшиеся требованиями перевода на оброк, широко распространенные на протяжении всего XVIII в., историки считают проявлением борьбы крепостных за хозяйственную самостоятельность.

Крестьянство играло решающую роль в пополнении казны, являясь почти везде главным налогоплательщиком. Практически во всех странах за счет крестьян комплектовались армии. Неудивительно, что крестьяне участвовали в самых разных движениях протеста как в сельской местности, так и в городах.

В России распространенной формой протеста было бегство податного населения на окраины империи – в Сибирь, на Дон, в Поволжье, на Украину, а также в Польшу и Прибалтику. Со второй половины XVII в. стали приписывать крестьян целых волостей к заводам, где они должны были отрабатывать подушную подать и оброк. По закону приписные крестьяне считались государственными, их нельзя было заставлять работать во время сельской страды. Однако на практике эти предписания постоянно нарушались. Поэтому в ряде районов бегство приписных крестьян от заводчиков приняло массовый характер (например, в 1726–1727 гг. на Олонце и на Урале). Польские историки считают, что побег являлся одной из самых действенных форм крестьянского сопротивления в Речи Посполитой. В середине XVIII в. венгерские крестьяне бежали в Турцию. В условиях аграрного перенаселения крестьяне и рабочие из различных стран и регионов – Англии, Ирландии, Италии, Испании и прочих – в поисках лучшей доли, преодолевая огромные трудности, уезжали в Америку.

Разумеется, и в России, и в других странах Европы периодически дело доходило до открытого сопротивления. Мощное восстание, охватившее огромные территории Дона, Поволжье, уезды Центральной России, а также часть Украины, вспыхнуло в 1707 г. в ответ на попытку правительства выслать с Дона всех беглых. Возглавил бунтовщиков казак Кондратий Булавин. Властям пришлось использовать войска. Все городки в верховьях Дона, населенные беглыми крестьянами, были уничтожены. Уже с конца XVII в. приписные крестьяне тульских и старорусских заводов стали протестовать против нарушений правил, приводящих к невозможности заниматься сельскохозяйственным трудом, против издевательств заводчиков и снижения расценок. В 1752 г. после оставшихся без ответа жалоб во все инстанции

восстали крестьяне демидовского завода в Ромодановской волости Калужской провинции. Неоднократно восставали монастырские крестьяне Шацкого, Бежецкого и других уездов. Во многих актах протеста участвовали старообрядцы, что значительно усложняло социальный состав движений протеста и борьбу с ними. Российское правительство боролось с постоянными побегами крестьян. В 1750–1763 гг. по этому поводу была издана целая серия указов, однако они плохо выполнялись. Во время работы Уложенной комиссии, созванной в 1767 г., крестьянство в своих наказах протестовало против налогового бремени, малоземелья, самоуправства чиновников, требовало расширения своих прав в торговле и промыслах.

В Чехии и Моравии крестьяне в XVIII в. боролись уже не столько против конкретных повинностей, как в XVII в., сколько за общее улучшение своего социального статуса. Именно в этом русле разворачивалось большое восстание 1775 г. чешских и немецких крестьян под предводительством Антонина Нивлта. Восстание было жестоко подавлено, однако власти издали новый барщинный патент, в соответствии с которым размер барщины зависел от имущественного положения крестьянина. В 1781 г. был опубликован патент о ликвидации личной крепостной зависимости в Чехии, Моравии, части Силезии, находившейся под властью Габсбургов. Поводом для большого крестьянского восстания в Трансильвании в начале 1780-х годов, главным образом православных румын, стало распоряжение правительства о переводе пограничных деревень на военное положение с освобождением населения этих деревень от крепостных повинностей. Носились слухи, что власти решили освободить всех крестьян, поэтому попытки господ удержать их в прежнем повиновении вызвали взрыв ярости. Восставшие разрушали господские усадьбы и требовали отменить все привилегии дворян, утверждая, что это соответствует воле императора. Руководители восстания были казнены, но несколько месяцев спустя летом 1785 г. Иосиф II объявил об отмене крепостного права на всей территории Венгрии.

Органической частью повседневной жизни французов в последний век Старого порядка были мелкие стычки с жандармерией (maréchaussée). Они вспыхивали по любому поводу. Попытки полиции или территориальной милиции (созданной в 1688 г. при военном министре Ф.М. де Лувуа) наводить порядок неизменно вызывали отпор как недопустимое вторжение в коммунальную жизнь, где веками вырабатывались собственные приемы социального контроля. Население Франции в XVIII в. воспринимало жандармерию как предельно одиозный институт, и это хорошо понимали современники. Так, в одном рукописном новостном листке от 11 мая 1750 г. приводится выдержка из частного письма по поводу семидневного восстания во французской столице: «Поскольку в Париже, как и в других местах, смертельно ненавидят тех, кого называют стражниками или судейскими, нет ничего неожиданного в этих бунтовщических сборищах бесконечного числа людей, воодушевляемых женщинами».

Во всех странах Европы множество разнообразных конфликтов возникало на почве аграрных отношений. Однако в XVIII в. конфликт в недрах сеньории или помещичьего хозяйства редко принимал форму крупных насильственных столкновений. В условиях углубляющегося социального расслоения деревни наиболее крепкая часть крестьянства использовала экономическую

конъюнктуру в своих интересах, а для значительной массы сельских жителей все большее значение приобретала борьба за хлеб. Во взаимоотношениях между землевладельцем и крестьянином сформировалось устраивающее обе стороны соотношение «автономности» и «зависимости», без которого относительно мирное сосуществование внутри аграрного сообщества было бы невозможно. Разумеется, помимо бесконечных судебных процессов и разного рода пассивных форм сопротивления крестьяне нередко прибегали и к открытому протесту. Они отказывались платить землевладельцу повинности и недоимки, уважать сеньориальные права и баналитеты, всем миром решительно боролись против попыток сеньоров или помещиков присвоить общинные угодья, лишить их прав пользования лесами и пустошами. Чаще всего поводом для такого протеста становились попытки ввести новые платежи, восстановить забытые привилегии, а также применение насилия по отношению к крестьянам при взимании поборов. Ситуация общины осложнялась еще и тем, что землевладельцев, как правило, поддерживало государство. Например, в Англии в 1761–1792 гг. в соответствии с парламентскими актами было огорожено 500 тыс. акров пахотной земли. Во Франции серией эдиктов и постановлений 1760–1770 гг. правительство поощряло «аграрный индивидуализм», раздел общинных угодий, освоение пустошей и осушение болот. Известный американский историк и социолог Ч. Тилли полагает, что самые яркие формы крестьянского сопротивления усилению государства в Европе были связаны с возросшим в начале Нового времени спросом на ресурсы, в первую очередь на все необходимое для ведения войн: на людей, продовольствие, жилище, одежду, оружие, деньги. Систематическое уклонение от воинской повинности, расквартирования войск, налогообложения, принудительных работ и реквизиции имущества на военные нужды, по словам ученого, «создавали европейским крестьянам репутацию хитрецов и упрямцев».

Еще один аспект конфликтной стороны повседневной жизни европейцев – волнения рабочих. Ф. Бродель назвал историю таких волнений «пунктирной». Во всех странах ремесленники, подмастерья и рабочие боролись против притеснений хозяев, купцов-посредников, мануфактуристов и заводчиков. Эти разрозненные и кратковременные сцены протеста практически невозможно корректно обобщить в связи с их чрезвычайным разнообразием, а также распыленностью и противоречивостью сохранившихся о них сведений. Тем не менее нередко дело доходило до серьезных конфликтов, требовавших вмешательства властей и применения репрессий. В Англии, Франции и Нидерландах в конце века зарегистрированы первые выступления против машин, позже получившие в литературе название луддитских движений (по имени некоего Неда Лудда, которому приписывалось уничтожение двух чулочных станков в 1779 г.). В условиях повышения мобильности рабочей силы власти пытались разными способами подчинить своему контролю эту стихию. В некоторых странах для рабочих вводились индивидуальные «удостоверения», содержащие идентификационные данные о работнике и краткую характеристику его трудовой биографии: во Франции это были рабочие книжки (livrets d'ouvriers), в германских государствах – «сведения» (Kundschaften).

Носителем бунтарского поведения в доиндустриальной Европе чаще всего являлась протестующая толпа. По источникам ее социальные «лики»

в каждом конкретном случае различимы, но не вполне достоверны. Современники – администраторы, полицейские, судейские, – докладывая о волнениях и восстаниях, как правило, не располагали точной информацией о происходящем. Поэтому историки, восстанавливая социальный состав участников бунтов на основе этих свидетельств, имеют дело с «интуитивной социологией». Основную массу мятежников обычно составляли малоимущие слои населения. В городах – ремесленники, подмастерья, лишенные работы или получающие мизерную заработную плату наемные рабочие, служащие, домашняя прислуга, бежавшие от нищеты в город и не нашедшие там работы крестьяне – весь городской мелкий люд, на плечи которого в условиях неблагоприятной конъюнктуры ложился груз продовольственных, промышленных и финансовых трудностей. В сельской местности – малоземельные крестьяне, арендаторы и поденщики, сельские ремесленники, виноградари, работники рассеянной мануфактуры, сезонные сельскохозяйственные рабочие. Во всех «сборищах» активную роль играли женщины, энергия и инициатива которых имела порой решающее значение. В то же время в источниках сохранилось множество свидетельств о «соучастии» в бунтарских выступлениях дворян, представителей духовенства, буржуа, местных администраторов разных уровней, судейских, лавочников, булочников в том числе. Столь же разнороден социальный состав выявлявшихся в ходе судебного расследования «вожаков» отдельных бунтов. В каждой деревне, городском квартале, округе были свои «горячие головы», которые в критических ситуациях предлагали нестандартные решения. Среди вожаков помимо простолюдинов были также состоятельные собственники, нотариусы, прокуроры, дворяне, муниципальные чиновники, священники, торговцы. При этом надо учитывать социальную пестроту и гибридность социальных типов Старого порядка, а также далеко не полное соответствие современных социальных категорий реалиям того времени.

Не менее сложным делом оказывается и прояснение вопроса о мишенях открытого протеста. В каждом конкретном случае они тоже достаточно различимы – это налоговые служащие, лесничие, землевладельцы и их помощники, сборщики десятины, судейские, местные власти, хлебные торговцы и спекулянты, отдельные предприниматели. Базовым фоном протеста в XVIII в., как и во все времена, было материальное и социальное унижение, бедственное положение людей. Но можно ли при строгом рациональном анализе точно указать конкретных его виновников? Не следует ли говорить скорее о «козлах отпущения», которых настойчиво искала и всегда находила мятежная толпа? Современники оставили множество свидетельств о явной непричастности жертв того или иного мятежа к злоупотреблениям, произволу и прочим непосредственным причинам открытого протеста. Кроме того, немало конфликтов и открытых столкновений происходило между отдельными профессиональными корпорациями ремесленников, между неимущими крестьянами и зажиточными фермерами, между жителями соседних деревень, городскими и сельскими жителями. Длительное время историки народных движений объясняли эту сложную мозаику противоречий исключительно социальным противостоянием. И лишь в последней четверти прошлого века стало понятно, что любое поведение имеет «культурное» измерение. Впрочем, социальная солидарность униженных, обездоленных, почти

ничего не имеющих, с одной стороны, и обеспеченных, богатых – с другой, ясно ощущается в различных формах открытого протеста. Но даже в конкретной ситуации социальное противостояние часто ускользает от «точной» реконструкции и с трудом поддается корректному обобщению.

Однако социальная солидарность была не единственным средством, сплачивающим людей во время волнений. История открытого протеста свидетельствует о значительной роли локальной, корпоративной, профессиональной солидарности различного типа, имевшей нередко «вертикальное» измерение. Например, наличие локальной солидарности обнаруживается во многих крестьянских восстаниях против налогов, в лесных правонарушениях, в движениях, направленных против «чужаков», пришельцев, в продовольственных «бунтах-препятствиях», когда бунтовщики мешали торговцам вывозить хлеб за пределы своей местности. По мнению французского историка И.М. Берсе, в этих движениях «единство бунта было единством местности». Возможно, локальная солидарность являлась в XVIII в. и основой солидарности межсословной. Так, в «хлебных» бунтах и в тех случаях, когда центральные власти пытались изменить местные правила коммунального существования, требования протестующих нередко поддерживали местные власти. Многие городские восстания против государственных преобразований, такие, например, как Астраханское восстание 1705–1706 гг. или движения за конкретные реформы, объединяли представителей разных сословий. Ярким примером такого «позитивного» протеста является массовое движение в восточных провинциях Нидерландов (Гелдерланд, Утрехт, Оверэйсел) в первой трети XVIII в., вошедшее в историю как борьба за «новый порядок». Требование демократизации органов местного самоуправления, выдвинутое бюргерами, поддержали городские низы и крестьяне. Только с помощью войск регентская элита сумела добиться повиновения.

Поскольку местные власти отвечали за общественный порядок и проводили в жизнь все новые решения, связанные с транспортом, торговлей, налогами и прочими вопросами повседневной жизни, протестное поведение чаще всего проявлялось на локальном уровне. Как правило, именно нововведение было поводом для конфликта населения с представителями «государственного интереса» на местах. Однако было бы неверно представлять эти отношения как постоянно углубляющийся конфликт. Все зависело от конкретных обстоятельств, среди которых не последнюю роль играли личные качества отдельных представителей местных властей, а также культурные традиции населения. Более того, открытый конфликт с местными властями при Старом порядке был скорее исключением, чем правилом. Даже не ожидая от местных властей особой помощи, люди все равно были вынуждены обращаться к ним для решения повседневных проблем.

В последние десятилетия историки существенно пополнили наши знания о народных движениях в европейских странах: накоплен большой фактический материал, обновились его интерпретации. Современные подходы позволили по-новому представить институты и практики государства Нового времени (État modern) – администрацию, законодательство, правосудие, фиск, армию, полицию, реформы в духе «просвещенного абсолютизма» и пр. (см. гл. «Просвещение и власть»). В то же время историки обратили внимание на важность ритуализованного поведения в конфликтных ситуациях.

Британский антрополог М. Дуглас подметила, что в ритуалах «признаются потенциальные возможности беспорядка». В частности, «нерассуждающий ритуализм» составлял основу праздничной народной традиции, которая выполняла некоторую психотерапевтическую роль в обществе. В ходе праздника находили выход примитивные инстинкты, насилие, сексуальность, которые в повседневной жизни подавлялись церковными и светскими властями. Нередко перерастая в бунты, народные гуляния и праздники вынуждали уважать неписаные нормы и поддерживать локальную солидарность. Можно сказать, что это был важный социокультурный инструмент в деле формирования умения «жить вместе». Во Франции одной из самых распространенных форм действа такого типа был шаривари (charivari). Изначально он представлял собой реакцию коммуны на неравный брак. К шаривари прибегали также жители одной местности (коммуны, квартала), чтобы наказать супругов, неохотно выполняющих свои семейные обязанности. В XVIII в. шаривари использовали как предлог и для того, чтобы публично выразить какие-то назревшие требования, приструнить нарушителей коммунальных норм, даже если эти нарушения не были связаны с брачными отношениями. Как выяснил Э.П. Томпсон, изучив английский вариант шаривари (rough music), то же самое происходило в Англии.

Историки народных движений (Н. Земон Дэвис, И.М. Берсе, Э. Томпсон, А. Фарж, А. Корволь и др.) показали, что в начале Нового времени многие жесты праздника органично входили в бунтарское поведение. Их можно назвать фольклорными элементами открытого протеста. Очень часто открытое народное выступление начиналось ударом колокола. Бой набата повсеместно являлся традиционным знаком какой-либо опасности. К нему издавна прибегали в случае пожара, наводнения, града, засухи. В колокол звонили при приближении разбойников, банды нищих, с его помощью предупреждали расположившихся в деревне контрабандистов о приближении служащих налоговых ведомств. Иными словами, это был привычный сигнал к началу массового коллективного действия. Понимая особую роль коммунального колокола, символизировавшего локальную солидарность жителей, блюстители порядка пытались регламентировать его применение. Французские власти в качестве предлога использовали широко распространенное убеждение в том, что звон колоколов способен разогнать тучи, предотвращая тем самым грозу и связанные с ней неприятности. Борьба с этим обычаем, судя по количеству сохранившихся свидетельств, была настойчивой, но не очень успешной, поскольку крестьяне и горожане упорно сопротивлялись.

Бой барабана – столь же обычное явление в народных манифестациях, как и колокольный звон. Использовались также другие музыкальные инструменты. Неизменно сопровождала каждое проявление открытого протеста инвектизация речи. Длительное время историки обращали внимание лишь на те крики и возгласы участников народных волнений, в которых выражались требования бунтовщиков, как, например, «Долой налоги!» или «Да здравствует король без габели!» Однако психологи и этнологи полагают, что любая бранная речь несет в себе смысловую нагрузку: взламывая табу, люди, не отдавая себе в этом отчета, выражают свой протест. Ругательства при этом уже сами по себе выполняют известную психотерапевтическую роль, принося

психологическое облегчение. Кроме того, инвектива была одним из способов карнавализировать событие, не дожидаясь карнавала, помогая бунтовщикам включаться в иное, отличное от повседневности временное измерение. Широко распространенной фольклорной чертой открытого народного протеста была маскировка, присутствовавшая в разнородных народных движениях во всех странах. Участники народных движений чернили лица, или напротив, выбеливали их мукой, надевали на глаза тряпичные маски, переодевались в женские платья и пр.

В протестующей толпе времен Старого порядка, как и в любом другом социальном образовании, ритуал был одним из способов, регулирующих взаимодействие его участников между собой и с окружающим миром. Традиционные атрибуты праздничной народной культуры – колокол, барабан, маски, танцы, травестия – служили символическими средствами, которые позволяли бунтовщикам руководствоваться нормами, веками складывавшимися в протестующей толпе. Эти средства, обеспечивая необходимое для эффективного коллективного действия сочетание управляемости с субъективной свободой, были важнейшими элементами самоорганизации прямого народного действия.

Формировалась протестующая толпа, как правило, спонтанно. Однако с самого начала своего существования в непредсказуемом сценарии бунта она была занята поиском смысла происходящего или, говоря словами М. Вебера, «производила смысл». Ключом к пониманию этого смысла могут быть слова «идентичность» и «легитимность». Осознавая свое место в ситуации, толпа прежде всего выясняла распределение ролей, определяя реальных или воображаемых врагов («их»). Вместе с тем для сплочения противостоящего этим врагам «мы» важно было обосновать свое право на существование и действия. С этой целью в процессе самоидентификации протестующая толпа изобретательно отбирала средства, накопленные в ходе предшествовавшего социокультурного опыта. В частности она искала, живо адаптировала и создавала различные идеи-образы, используя их в своих интересах. Большую роль при этом играли слухи, которые в период кризисов, отчасти заменяя информацию, помогали людям определить стратегию поведения. Во Франции в течение всего XVIII в. народ будоражили слухи об отмене старых налогов в связи с началом войны или смертью короля, о том, что молодых людей, в том числе детей, насильно забирают в колонии. В устойчивую легенду трансформировались слухи о намерении торговцев, булочников, перекупщиков, спекулянтов и самого короля уморить народ голодом. В России хорошо известна мобилизующая роль слухов о «хорошем» царе-самозванце, в других странах тоже распространялись похожие слухи. Так, годы спустя после смерти Ф. Ракоци (1735) в среде венгерских крепостных ходили слухи о его возможном возвращении: молва связывала с этим надежды на уравнение крестьян в правах с помещиками. В то же время в оппозиционно настроенной к Габсбургам дворянской среде Ракоци почитали как борца за дворянские вольности и привилегии. На территории Речи Посполитой в связи с Конституцией 1791 г., которая минимально затронула деревню, ширились слухи, что крепостное право отменено и что шляхта скрывает это от крестьян. Последние отказывались повиноваться господам, а власти вынуждены были в ряде случаев использовать войска. Подобные слухи становились устойчи-

выми компонентами коллективной памяти, своеобразными мифами, которые передавались от одного поколения к другому.

Среди способов легитимации бунтовщического поведения неизменно присутствовали апелляции к властям (в том числе к верховной власти короля или царя), а также имитация их действий. Общим местом в проявлениях открытого протеста было подражание стандартным юридическим процедурам, постоянное подчеркивание лояльности и активное использование элементов народной культуры, чтобы убедить окружающих, в первую очередь облеченных властью людей, в «хорошем порядке» своего поведения, смысл которого лишь в том, чтобы заявить о «законных» требованиях.

Стремление заставить услышать себя, доказать свое право на вмешательство в ход событий и вместе с тем не нарушать существующих предписаний парадоксальным образом совмещалось во многих бунтах. Выраженные публично на площади, на улице эти желания, переплетаясь, придавали бунтовщическому поведению такое сложное содержание, что современники, а вслед за ними и историки квалифицировали его как «непостижимое». Подробно описывая «странное» поведение бунтовщиков 18 апреля 1775 г. в доме подозреваемого в продовольственных махинациях советника парламента в период продолжительного бунта в Дижоне, современник писал: «Не могу Вам дать представление об опустошении, которое тогда было совершено. В самом деле, это что-то непостижимое…»

Смысл легитимации бунтовщического поведения – утверждение «порядка» посредством запрещенного законом действия – абсурдный с рациональной точки зрения, ускользал от современников. Возможно, отчасти это было связано также с широко распространенным мнением, что толпа не способна действовать самостоятельно. Отсюда идея заговора, которую так часто использовали современники, а потом и историки для объяснения «странных» проявлений протеста. Накопленные историками народных движений материалы и наблюдения показывают, что бунтовщики не только отвергали новое, но и отстаивали свои права, требовали считаться с нормами и ценностями своей культуры. Они были убеждены, что ведут борьбу за общее дело, за общий интерес против людей, которые думают только о собственной выгоде. Справедливость «моральной экономии», которая позволяет существовать каждому, отвергала сторонников экономии, основанной лишь на выгоде. Более того, бунтовщики заставляли уважать себя как людей. Основой эгалитарной народной утопии, в полный голос заявившей о себе в ходе восстаний и революций XVIII в., было право на жизнь и свободу для всех. Конечно, вербально эта утопия вряд ли могла быть сформулирована в лоне устной традиции, однако ее образный мир, проявлявшийся в красноречивых поступках, улавливали наиболее чуткие современники, которые перевели его на язык высокой философии и большой политики. Мысль о том, что «единственной целью всякого управления должно быть поддержание прав человека», была в разных вариантах сформулирована интеллектуалами последнего века Старого порядка. Она пронизывает десятки правовых актов эпохи. Но вызревала эта мысль долго и мучительно в недрах народной жизни. Отрицая те или иные аспекты установленного порядка, бунтовщики противопоставляли ему свой идеальный порядок, в основе которого было право на существование. Сопротивляясь утопии рациональной, бунт предлагал свою собственную

утопию, экзистенциальную. И проблема, вероятно, заключается не в том, чтобы определить, которая из них лучше, правильнее, прогрессивнее. Важно, что обе они существуют в любом социуме, развитие которого во многом зависит от того, как эти утопии взаимодействуют, взаимно питают, корректируют, усложняют и упрощают друг друга во времени и пространстве.

Этимология слова «бунт» (révolte), по мнению известного лингвиста и философа Ю. Кристевой, корнями уходит в санскрит, приобретая значение «разоблачение» (devoilement, decouvrement). Иными словами, «бунт» означает «снятие всех покровов», «возвращение назад», «начало всего заново». Как показали современные исследования народных движений, открытый протест (бунт) в раннее Новое время по своим функциональным особенностям точно соответствовал такой этимологии. Он был не только проявлением социального противостояния, но и одним из способов самоорганизации народной культуры. Свидетельство тому – наличие фольклорных элементов в народных волнениях, очевидная связь бунтарского поведения с праздничной народной традицией. Открытый протест в XVIII в., как правило, имел оборонительный характер, являясь ответом на попытки установить новые правила существования. В условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры всякое нововведение, любое изменение устоявшегося уклада жизни воспринималось как «агрессия», чреватая ухудшением ситуации. Эта черта присутствовала в каждом акте открытого протеста независимо от его содержания, формы, социального характера. Можно сказать, что бунт того времени представлял собой способ действия, «облегчавший» адаптацию к новому. В то же время перформатив бунта был своеобразным волеизъявлением, в ходе которого происходила небывалая в обычное время мобилизация возможностей народной культуры и концентрация образов социального воображаемого. Например, для француза образ «врага» ассоциировался с габелёром, нуворишем, эмигрантом; для простого россиянина такой собирательной фигурой часто выступал «плохой придворный». Одновременно бунт являлся актом народного «правосудия»: бунтовщики отказывались признавать себя виновными в нарушении закона, нередко имитируя в ходе прямого действия, как уже отмечалось, принятые в обществе юридические процедуры. Просвещенные современники разделяли такое представление: в административной переписке, в юридических документах часто встречается мысль о том, что в ходе бунта «народ вершит закон по-своему». Историки видят в нем также «примитивный политический жест» (С. Каплан), поскольку «народ», выходя на «улицу», вторгался в политическое пространство, упрекая управляющую элиту в неадекватном использовании властных полномочий с позиций традиционно понимаемой «справедливости». Случалось, что бунтовщики даже брали на себя обязанности властей. Примеры такого «присвоения власти» можно найти в истории Пугачевского бунта.

В то же время бунт неизбежно становился одной из самых доступных для униженных и слабых форм мести. Любой «праздник непослушания», как и календарный праздник, это не только хронотоп символического действия, но и царство аффектов: помимо злобы и ненависти, связанных с желанием отомстить и наказать, в ходе восстаний всегда присутствовали отчаяние, ревность, любопытство, зависть. Важнейшим мотивом коллективного действия в последний век Старого порядка, как и во все времена, являлись страх

и надежда. Страх перед голодом заставлял крестьян и горожан бунтовать против вывоза продовольствия за пределы определенной местности. Окончание войны, смерть государя, важные реформы везде порождали надежды на перемены к лучшему, временно ослабляя социокультурное напряжение. Ж. Лефевр одним из первых убедительно показал влияние эмоций на историю Французской революции: «Великая надежда», связанная с созывом Генеральных штатов 5 мая 1789 г., на полтора месяца приостановила народные движения; «Великий страх» июля–августа того же года вынудил Национальное собрание принять решения, покончившие со Старым порядком в стране.

Сочетание репрессивной функции, эмоционального напряжения и элементов народной культуры порождало взрывную смесь непредсказуемой и необычайной силы. Однако не следует думать, что народный бунт всегда «бессмыслен» и «беспощаден». Эта знаменитая пушкинская характеристика сегодня воспринимается лишь как метафора социальной стихии. Современные историки убедительно обосновали существование своего рода «правил бунта», носителем которых являлась протестующая толпа. Особый словарь народного бунта и его жесты поразительно соответствовали конкретной обстановке; определенная логика обнаруживается и в динамике каждого происшествия.

В то же время история протеста свидетельствует о постепенном включении простолюдинов в систему государственной нормативной регуляции общественных отношений. Так, непопулярность налога, по мнению И.М. Берсе, – не только показатель его провоцирующей роли, но также индикатор важности социальной практики, на которую направлен данный налог. Например, вводя обложение процедурных актов, власти признавали тем самым место судебного разбирательства и крючкотворства в социальном регулировании. Разумеется, степень подобной «институциализации» в пространстве Европы была различна. В странах более развитых в правовом отношении она была выше, в других процесс находился в самом начале. Во Франции, например, возросший в XVIII в. поток судебных тяжб между общинами и сеньорами свидетельствует о все более активном включении обитателей французской деревни в официальный юридический порядок. Простые люди все чаще стали прибегать к судам для решения своих самых разных, причем не только имущественных проблем. Показателем втягивания простолюдинов в установленную институциональную систему правовых отношений является также особая роль «бумаги» в народном протесте: она воспринималась как символ и орудие угнетения. Например, в конфликтах по поводу сеньориальных или общинных прав бунтовщики требовали предъявления «феодальных» актов и поместных описей. Налоговые списки, долговые расписки и другие деловые бумаги мятежники искали, рвали, разбрасывали или сжигали на кострах в местах проведения публичной казни. Иногда «бумага» играла провоцирующую роль в истории мятежа или с ее помощью потенциальные бунтовщики анонсировали прямое действие, вывешивая бунтовщические плакаты на дверях домов и церквей или направляя контрибуционные послания влиятельным людям. Нередко смутьяны требовали «бумагу» от властей для закрепления и подтверждения своего успеха: не доверяя устным обещаниям отменить налог или снизить цену на хлеб, они добивались письменного

распоряжения. Наконец, «бумага» являлась одним из способов легитимации бунтовщического поведения. Чаще всего мятежники апеллировали к указам государя, который в их глазах олицетворял закон. Иногда они ссылались на постановления местных властей. А восставшие рабочие Сент-Антуанского предместья, шествуя по улицам Парижа весной 1789 г. с виселицей, на которой были прикреплены манекены фабрикантов Ревельона и Энрио, кричали, что они исполняют постановление третьего сословия Сент-Антуанского предместья, приговорившего этих заводчиков к повешению.

В марксистской традиции народные движения исследовались преимущественно в контексте теории классовой борьбы, которая представлялась как «движущая сила истории». Сегодня такой подход во многом утратил свое значение. Тем не менее очевидно, что бунт в традиционном обществе являлся не только средством, облегчавшим восприятие нового, но и острой формой развития социальной общности. Важнее конкретного результата бунта (который порой не достигался, но очень часто и достигался: снижался размер налога, приостанавливалось его взимание, уменьшалась цена хлеба, наказывались взимавшие недоимки виновники насилия и проч.) было наступавшее за ним «отрезвление» всех участников социальной драмы: как тех, кто представлял существующий порядок, так и тех, кто его оспаривал. Жестокое подавление мятежа в отдельной стране, городе, деревне надолго входило в коллективную память, а осознание риска, связанного с открытым протестом, на десятки лет делало его невозможным. В то же время многочисленные случаи различных уступок и амнистии участников народных движений рассматриваются теперь не только как свидетельство ослабления властей, но и как признание того, что бунт не обязательно означает разрыв традиционных социальных связей, что сохранение статус-кво лишь посредством репрессии невозможно. Значение этих движений заключается, вероятно, не только в том, что они подтачивали Старый порядок и готовили новый, но и в том, что они служили своеобразным сдерживающим фактором в динамике социума, не позволяли резко разрушать традицию и обеспечивали сохранение главной нравственно-генетической линии эволюции.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЕРАРХИИ И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ НРАВОВ»

В историографии 1960–1970-х годов многих исследователей вдохновлял предложенный видным французским историком Э. Лабруссом проект реконструирования подлинной социальной структуры раннего Нового времени путем обобщения множества данных массовых серийных источников. Лабрусс и его последователи ставили перед собой цель: выявить, описать и расположить в иерархическом порядке все группы, из которых состояло общество XVIII в. К настоящему времени историки отказались от этого амбициозного замысла и уже не предпринимают заранее обреченных на неудачу попыток воссоздать исчерпывающую и «подлинную» социальную иерархию прошлого. И дело не только и не столько в том, что он трудноосуществим, так как подобный синтез может стать лишь результатом бесчисленного количества исследований, проведенных на локальном и региональном уровнях. Главное, ушло в прошлое само положенное в основу данного проекта представление об обществе как пирамиде, состоящей из кирпичиков – социальных групп.

Уже патриарх «глобальной истории» Ф. Бродель называл общество «множеством множеств», поясняя, что «иерархический порядок никогда не бывает простым, любое общество – это разнообразие, множественность; оно делится наперекор самому себе, и это разделение есть, вероятно, самое его существо». С ним солидарен английский историк Э. Ройл, по мнению которого, высказанному в книге «Современная Британия: социальная история, 1750–1985» (1987), «наверное, правильнее было бы рассуждать не об “обществе”, а об “обществах”, так как жизненный опыт большинства населения был не национальным, а локальным или приходским. Отношения были вертикально структурированы и скреплены локальными узами почтения снизу и патернализма сверху».

От лабруссовского проекта «глобальной» социальной истории и от макросоциологических подходов историки, изучающие феномен социального, повернулись, во-первых, в сторону микроистории и истории повседневности, исследуя на микроуровне сети вертикальных и горизонтальных социальных связей и скептически относясь к возможности подверстать их под некие универсальные категории типа «сословие» или «класс». Как выясняется, такого рода исследования, проведенные на микроуровне, открывают больше возможностей восстановить социальные связи индивидов и групп в их многообразии, чем широкие обобщения в масштабе целой страны или континента. Группа изучается и характеризуется через сети своих социальных связей и поведение составляющих ее личностей (социальных акторов). Во-вторых, современные работы по социальной истории отличает внимание к языку, к понятийному аппарату, с помощью которого люди описывали социальные реалии своего времени; коллективные представления людей прошлого рассматриваются как фактор, образующий группу и формирующий ее идентичность.

ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЛЮДЕЙ XVIII ВЕКА

В сознании образованных людей XVIII в. существование универсальной реальности под названием «общество» стало уже признанным. При этом в их представлениях оно было тесно связано с понятием «государство», и четкое различие между ними не всегда проводилось. Связь между обществом и государством, устанавливаемая в теории, проявлялась и на практике: именно государство претендовало на ведущую роль как в определении принципов общественного устройства, так и в создании и поддержании социальной иерархии.

В представлениях о том, что такое общество и из кого оно состоит, сталкивались два, на первый взгляд, противоречивших друг другу принципа: естественного, природного равенства людей, с одной стороны, и неравенства, имманентного любой общественной организации, – с другой. Это противоречие разрешается, если принять во внимание, что, рассуждая о принципах общественного устройства, ученые люди XVIII в. привычно разделяли естественные и позитивные законы. Естественными признавались законы, существовавшие от природы, независимо от воли людей, позитивными – законы, устанавливавшиеся в человеческом обществе законодателями. Считалось, что, согласно естественному закону, все люди от природы равны. В то же время позитивные законы создавали в обществе неравенство гражданских статусов, объяснявшееся неравенством силы, богатства, талантов, знаний, происхождения или пользы, приносимой обществу. Таким образом, равные от природы индивиды объединялись в общество, состоящее из неравных по статусу групп.

Представления о группах, составляющих человеческое общество, были многообразными и противоречивыми. Историки при описании общества XVIII в. обычно пользуются понятием «сословие». Его широко употребляли и современники, изображая общество как иерархически упорядоченное объединение сословий. Не случайно понятия «сословие» и «порядок» в европейских языках могли обозначаться одним и тем же термином (напр., англ. – order или франц. – ordre). Вот как раскрывалось значение термина «ordre» в «Универсальном словаре» А. Фюретьера (гаагское изд. 1727): «Положение вещей согласно состоянию, месту и рангу, отвечающим их природе или функциям. Творец разместил все части мироздания в должном порядке. Цепь вторичных причин есть порядок, установленный Провидением. Если нарушен порядок или экономия в человеческом теле, человек должен погибнуть…» Тот же установленный свыше порядок, по Фюретьеру, регулирует и «различие людей и корпораций как на собраниях, так и на церемониях. Штаты Франции состоят из “трех сословий”: Церкви, дворянства и третьего сословия. Духовенство состоит из двух сословий, первое сословие включает кардиналов, архиепископов и епископов, второе – сословие аббатов, деканов, каноников и прочих священнослужителей. У римлян были сословия сенаторов, всадников и народа». Исходя из принципиальной тождественности сословного устройства и порядка как такового, в одном из своих обращений к королю Франции Парижский парламент – верховный суд страны – доказывал, что сословное устройство общества является есте-

ственным и необходимым: «Французская монархия, по своей конституции, состоит из нескольких различных и отделенных друг от друга сословий. Это различие положений и людей заложено в основе нации; оно родилось вместе с ее нравами; оно есть драгоценная цепь, связующая государя и подданных. Без различия положений не было бы ничего, кроме беспорядка и смуты ⟨...⟩. Мы не можем жить при равенстве положений; необходимо, чтобы одни командовали, а другие подчинялись ⟨...⟩. Все обязаны содействовать нуждам государства. Но в самом этом содействии всегда обнаруживаются порядок и гармония».

Подобные идеи не были чужды и просветителям. Влиятельные интеллектуалы XVIII в. видели в сословиях с присущими им правами и привилегиями основу общественного порядка и гражданской свободы. Общепризнанный в глазах современников авторитет в политико-правовых вопросах Ш.Л. де Монтескье (1689–1755) учил, что монархия – а государства XVIII в. в подавляющем большинстве своем были монархиями – не может существовать без привилегированного дворянства: «Монархическое правление, как мы сказали, предполагает существование чинов, преимуществ и даже родового дворянства. Природа *чести* требует предпочтений и отличий». В противном случае монархия вырождается в деспотию. Чтобы этого не произошло, в монархическом государстве необходимы «посредствующие каналы, по которым движется власть», или «посредствующие власти»: «Самая естественная из этих посредствующих и подчиненных властей есть власть дворянства. Она некоторым образом содержится в самой сущности монархии, основное правило которой: “Нет монарха, нет и дворянства, нет дворянства, нет и монарха”. В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом». Ему почти дословно вторил шевалье де Жокур в статье «Дворянство», написанной для «Энциклопедии» Дидро и Даламбера: «Всякая монархия, где совсем нет дворянства, есть чистая тирания: дворянство связано некоторым образом с самой сутью монархии, основная максима которой – нет дворянства, нет и монарха, а есть деспот, как в Турции. ⟨...⟩ В монархическом государстве самая естественная посредствующая и подчиненная власть есть власть дворянства; уничтожьте его прерогативы, и вы тотчас же получите либо народное, либо деспотическое государство». Британский философ-просветитель Дж. Толанд призывал в целях сохранения порядка в обществе не обучать детей профессиям, не свойственным их родителям, дабы ничто не нарушало наследственности сословного статуса.

В статье «Сословие», помещенной в «Энциклопедии», Л. де Жокур (1704–1779) обосновывал представления о сословных различиях, заложенных в самом естественном порядке вещей: «Сословиями в государстве называют различные классы и объединения людей с их особыми правами и привилегиями. Невозможно уничтожить или существенно изменить сословия государства, пока дух и характер народа пребывают в своей первозданной чистоте и силе; но они окажутся извращенными, если будут утрачены дух и характер народа; это извращение, а тем более уничтожение сословий неизбежно приведет к гибели свободы». В этом рассуждении Жокура примечательны два обстоятельства: во-первых, сословные привилегии представлены в качестве национальной традиции и гарантии свободы, а, во-вторых, термины «сословие» и «класс» употреблены автором как синонимы, что вообще было характерно

для языка XVIII в. Аналогичным образом и в «Словаре английского языка» С. Джонсона (первое изд. – 1755) термин «сословие» (estate) определялся как «ранг, достоинство», а его синоним «order» – как «общество достойных особ, отмеченных знаками чести; ранг, или класс».

Помимо больших групп, таких как духовенство, дворянство, буржуа или простолюдины, сословиями называли также самые разные социальные и профессиональные группы, обладающие особым статусом или привилегиями. Так, говорили об «адвокатском сословии», епископат именовали «первым сословием», а приходских священников – «вторым сословием духовенства» и т.д. Согласно таким представлениям, общество состояло не из трех или двух, а из множества сословий.

Размышляя о взаимоотношениях между сословиями или классами, авторы XVIII в. выстраивали три типа моделей общественной структуры: трехчастную, бинарную и многоступенчатую. Первая из них признавала за каждым сословием особую социальную функцию. В политико-юридическом дискурсе того времени воспроизводилась традиционная средневековая трехчастная модель разделения общества на сословия: oratores – молящихся, т.е. священнослужителей, bellatores – воинов, под которыми подразумевались дворяне, laboratores – трудящихся. Помимо юридических трактатов, эта модель воплощалась и на практике в организации центральных и местных органов сословного представительства, в которых обычно имелись палаты духовенства, дворянства и «третьего сословия» (горожан).

Свою особую трехчастную модель общества – но не сословную, а основанную на критерии экономической роли той или иной социальной группы – разработали французские экономисты школы физиократов. По словам их лидера Ф. Кенэ (1694–1774), «нация состоит из трех классов граждан: *класса производительного, класса собственников и класса бесплодного*». К производительному классу Кенэ относил земледельцев, создававших своим трудом все богатства нации; к классу земельных собственников – государя, землевладельцев и священнослужителей, которые существуют на доходы от труда производительного класса; и к «бесплодному классу» – граждан, выполняющих все прочие виды труда, помимо земледелия. Труд «бесплодного класса», с точки зрения Кенэ, оплачивается совместно производительным классом и собственниками. Другой видный экономист А.Р.Ж. Тюрго (1727–1781), взяв за основу схему Кенэ, интерпретировал ее по-своему. Он разделил общество на классы земледельцев (производительный класс), ремесленников (наемный класс) и земельных собственников (незанятый класс). Первые два не имеют никаких других доходов, кроме плодов своего труда. Последний, по Тюрго, не будучи вынужден трудиться, чтобы обеспечить себе пропитание, мог заниматься удовлетворением таких общественных потребностей, как ведение войны, администрация и правосудие.

Наряду с трехчастными бытовали бинарные модели общества, согласно которым одна его часть противопоставлялась другой: просвещенные верхи – простонародью, привилегированные – непривилегированным, дворяне – простолюдинам, земельная аристократия – буржуазии.

Во Франции этот антагонизм получил осмысление в виде так называемой романо-германской проблемы. Граф А. де Буленвилье (1658–1722) в своих исторических трудах доказывал, что Французское королевство возникло

в результате германского завоевания Галлии и завоеватели-франки стали родоначальниками благородного дворянского сословия, тогда как простолюдины являются потомками покоренных галло-римлян. Споры вокруг идей Буленвилье продолжались во Франции на протяжении всего XVIII в.

В представлениях английских консерваторов земельные собственники-аристократы обладали полным набором всевозможных добродетелей, солидным классическим образованием, эстетическим вкусом, по-отечески относились к народу, являлись носителями подлинного патриотизма и продолжателями лучших национальных традиций. В отличие от них денежным воротилам по определению полагалось гнаться за прибылью и потому быть людьми мобильными, предприимчивыми, рациональными, дисциплинированными, работящими и все в жизни оценивать исключительно с утилитаристских позиций. В сжатой, афористичной форме такого рода представления выразил английский политик и мыслитель Г. Сент-Джон Болингброк (1678–1751), которому принадлежит ставшая крылатой фраза: «Землевладельцы – вот подлинные хозяева нашего политического корабля, а денежные люди – всего лишь пассажиры». Эти образы бытовали не только в среде английских тори: они широко тиражировались на страницах романов и театральных подмостках и таким образом внедрялись в сознание современников. Кроме того, их нельзя считать исключительно британскими. «Негоциант – иностранец в своем отечестве», – вторя Болингброку, утверждал Кенэ. Но не все современники разделяли такую точку зрения. Знаменитый писатель Д. Дефо, например, считал, что и дворяне, и буржуа преследуют свои узкоэгоистические интересы, а отличает их друг от друга «земельный интерес» у одних и «денежный» у других. Разумеется, в реальной жизни между дворянами, с одной стороны, и купцами и банкирами – с другой, могли устанавливаться равноправные партнерские отношения, заключались смешанные браки. Но общественное мнение XVIII в. относилось к таким бракам, скорее, негативно, что проявилось в знаменитой графической серии У. Хогарта «Модный брак» (1745): изображенная художником история женитьбы обедневшего лорда на дочке богатого купца закончилась чередой супружеских измен и гибелью всех персонажей.

Иную интерпретацию антагонизм аристократии и буржуазии получил в Германии, где популярным стало противопоставление поверхностной и космополитичной аристократической «цивилизации», с одной стороны, и глубокой, серьезной и национальной буржуазной «культуры» – с другой. Суть антитезы культура / цивилизация четко сформулировал И. Кант: «Благодаря искусству и науке мы в высшей степени культивировались. Мы чересчур цивилизовались в смысле всякой вежливости и учтивости в общении». К сфере культуры, помимо искусства и науки, Кант относил и нравственные принципы, а к цивилизации – лишь соблюдение внешних приличий. Эта антитеза проецировалась на социальное разделение аристократии и буржуазной по происхождению интеллигенции. И.В. Гёте в «Страданиях юного Вертера» восклицал устами своего героя: «Что это за люди, у которых всё в жизни основано на этикете и целыми годами все помыслы и стремления направлены к тому, чтобы подняться на одну ступень выше!»

Что же касается многоступенчатых моделей, то их авторы представляли общество в виде иерархически выстроенной сверху донизу пирамиды. Так,

по мнению педагога Дж. Нельсона (1710–1794), английское общество состояло из пяти классов – дворянства, джентри, благородных купцов (genteel trades), простых купцов (common trades) и крестьян, – причем каждый следующий класс занимал низшую ступень по сравнению с предыдущим.

Сложная и нацеленная на максимальную полноту охвата модель общественного устройства была разработана в самом конце XVII в. в недрах административного аппарата французской монархии. В это время во Франции вводился новый налог – капитация (подушная подать), и, согласно составленному в 1695 г. тарифу, все население страны – от наследника престола до поденщиков, лакеев и трактирных слуг, за исключением сохранившего налоговый иммунитет духовенства, – было разделено на 22 класса независимо от сословной принадлежности и в соответствии с размером уплачиваемого налога. Рожденный в финансовом ведомстве тариф капитации ни в коей мере не претендовал на научное описание общества и был продиктован исключительно фискальными целями. Вместе с тем в этом документе отразился свойственный администраторам абсолютной монархии утилитаристский взгляд на общество: значимым критерием у них выступало не столько происхождение и сословный статус человека, сколько его способность материально содействовать нуждам государства.

СОСЛОВИЯ И ПРИВИЛЕГИИ

С правовой точки зрения, европейское общество XVIII в. оставалось сословным: юридический статус индивида, гражданские и политические права, которыми он обладал, зависели от его происхождения и принадлежности к тому или иному сословию. Определенные категории людей – дворяне, священнослужители, а в ряде стран также чиновники и буржуа – образовывали сословия и обладали привилегиями. Сословиям была присуща тенденция к эндогамии. Каждое отдельно взятое сословие имело свою внутреннюю иерархию. Высшими сословиями, как правило, считались духовенство и дворянство. Они представляли собой узкую прослойку населения: к духовенству принадлежало не более 1%, а численность дворянства колебалась приблизительно от 0,5% жителей Швеции, 1,0–1,5% – Франции, Италии и государств, входивших в Священную Римскую империю, и до 3% и более в Испании, Венгрии и России. Самый высокий в Европе процент дворянства среди населения (8–10%) был в Польше. Привилегии дворянства, духовенства и прочих категорий социальной элиты, объем и характер которых в каждой стране имел свои особенности, символизировали главенствующее положение этих сословий в обществе.

Так, высокий социальный статус дворян символически утверждался через принадлежавшие им почетные права: носить шпагу, иметь особого типа герб, занимать специально отведенные для них лучшие места в церкви во время службы, на празднествах и публичных церемониях, членство в рыцарских орденах, титулы и особые формы обращения. Дворянской привилегией являлись и специфические правила наследования имущества, такие как майораты (переход земельных владений к старшему в семье по мужской линии), «дворянские разделы» (порядок, при котором один из наследников,

обычно старший, получал основную часть недвижимого имущества) и фидеикомиссы, лишавшие наследников права отдавать в залог, дробить и продавать родовые земельные владения. Привилегии, связанные с порядком наследования, были нацелены на поддержание материального благосостояния дворянских родов.

Целый ряд почетных прав приносил их обладателям вполне реальные выгоды. Во многих странах представители привилегированных сословий либо освобождались от налогов, либо платили только часть их, значительно меньшую, чем остальные категории населения. В католических странах духовенство, как правило, не платило налогов. Дворяне в целом ряде стран полностью или частично утратили свои налоговые привилегии в результате возросших государственных расходов и потребностей казны в налоговых поступлениях. Наиболее широкими привилегиями, распространявшимися как на прямые, так и на косвенные налоги, по-прежнему обладали дворяне в Пруссии и Венгрии. Прусские дворяне-юнкеры уплачивали в государственную казну пошлину на экспорт зерна и (с 1717 г.) ежегодный налог за освобождение от военной службы. Только в самом конце XVIII в., в 1799 г. их обязали на общих основаниях вносить таможенные пошлины на экспорт любых товаров и на импорт предметов роскоши. В Швеции закон, принятый в 1723 г., гарантировал дворянам исключительное право на владение земельным участком, не облагавшимся налогами. В России дворяне освобождались от прямых налогов, но платили косвенные, обеспечивавшие бóльшую часть доходов в государственную казну.

Дела, касающиеся священнослужителей, в католических странах рассматривались в особых церковных судах. В них действовали нормы не светского гражданского или уголовного, а канонического права. Однако особо тяжкие преступления, такие как оскорбление величества, бунт, чеканка фальшивой монеты или убийство, входили в компетенцию исключительно королевских судов, и церковным судам не полагалось рассматривать дела подобного рода.

Дворяне во многих странах не были подсудны судам низших инстанций; их дела разбирались в апелляционных или высших судах (в России такой порядок определялся «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г.). В основе этой привилегии лежали традиционное право дворянина на суд короля и право быть судимым равными себе. Для дворян устанавливалась особая судебная процедура и полагались особые наказания за совершенные правонарушения. Они освобождались от таких наказаний, которые в данной стране считались позорными. Так, во Франции и Испании дворянам полагалась смертная казнь через отсечение головы; повешение и колесование считались бесчестящими и применялись только к простолюдинам. Когда в Португалии в 1758 г. первый министр С.Ж. де Помбал разрешил колесовать приговоренных к смерти дворян, современники увидели в этом оскорбление, нанесенное всему португальскому дворянству. Дворяне освобождались и от телесных наказаний. В Испании к дворянам не применялись пытки, кроме расследования дел о государственной измене. При рассмотрении дел в суде английские лорды, дворяне Австрии и Богемии освобождались от принесения присяги: одного их слова считалось достаточно. Привилегии защищали дворянскую собственность: в Кастилии кредиторы по закону не могли

забрать за долги имущество дворян. В Польше и Венгрии дворяне обладали неприкосновенностью личности и имущества, пока их вина не была доказана. Вообще польские дворяне пользовались самыми широкими в Европе судебными привилегиями. Вплоть до 1768 г. они не могли быть приговорены к смертной казни за убийство крестьянина: за это им полагался только штраф. Но все перечисленные выше привилегии не означали, что дворян наказывали за совершенные проступки легче, чем простолюдинов: их наказывали по-другому, а за некоторые преступления (такие как воровство, клятвопреступление, мошенничество) – даже строже. В то же время как владельцы феодов и сеньорий дворяне сами могли обладать судебной властью и возглавлять сеньориальные суды, в которых разбирались гражданские и уголовные дела крестьян.

Для дворянства были характерны определенные типы карьеры (в первую очередь военная, а также дипломатическая и гражданская государственная служба) и особый жизненный уклад, который современники определяли как «дворянский образ жизни». Это понятие включало в себя жизнь на доходы от земельных владений, запрет на профессиональное занятие торговлей, промыслами и ручным трудом, общение с людьми своего круга, особенности быта (в частности, исключительно важное место в жизни дворянина занимала охота) и воспитания (обязательное обучение не только наукам, но и верховой езде и владению оружием). Свое социальное превосходство дворяне утверждали через престижное потребление, зачастую превышавшее их финансовые возможности. Не случайно, по словам одного французского аристократа, «большую часть знатных семей разорили дома», убранство которых должно было соответствовать не уровню доходов, а статусу их хозяев. Когда внук маршала де Ришелье, не сумевший полностью истратить подаренные ему деньги, вернул их деду, тот выбросил кошелек в окно, дав таким образом своему отпрыску наглядный урок подобающего дворянину статусного потребления.

Отличительными чертами дворянства признавались знатность происхождения, личные благородство и честь. Монтескье видел в чести основу дворянской этики и принцип монархического правления. Эта мысль Монтескье получила развитие в упомянутой выше статье шевалье де Жокура «Дворянство» из «Энциклопедии»: «Дворянство руководствуется честью, диктующей ему подчинение воле государя; но честь, в то же время, диктует ему, что государь ни в коем случае не может заставить его совершить бесчестящий поступок. Но больше всего на свете честь диктует дворянству служить государю в ратном деле: это почетная профессия, приличествующая дворянам, ибо ее превратности, подвиги и самые ее тяготы ведут к величию».

В европейском обществе XVIII в. дворянство составляло признанную элиту. Дворянские манеры, образ жизни, моды, поведение почитались образцом изысканности и хорошего тона. Преуспевающие простолюдины стремились аноблироваться, чтобы юридически закрепить свое социальное возвышение, и достижение этой заветной цели становилось бесспорным показателем жизненного успеха. Не имея дворянского звания, богатый и респектабельный простолюдин не мог претендовать на принадлежность к высшим слоям общества. Престиж дворянского звания повышал социальный статус его обладателя и помогал обзавестись нужными связями в обществе.

Правовой статус и привилегии сословий устанавливались и регулировались государством. Политика государства в отношении сословий была противоречивой. С одной стороны, правители европейских стран видели свою опору в высших сословиях и гарантировали их привилегированное положение. Так, в Швеции, согласно изданному в 1723 г. закону, дворяне обладали исключительным правом занимать высшие государственные должности. Во Франции военный ордонанс, принятый в 1781 г., оставлял право на получение высших офицерских чинов за теми, кто имел в роду не менее четырех поколений дворянских предков. В России в конце XVIII в. завершилось законодательное оформление сословной структуры общества, что нашло выражение в принятии жалованных грамот дворянству и городам (1785). В них фиксировались право дворян на владение землей и предпринимательскую деятельность, неотчуждаемость дворянских имений, освобождение дворян, купцов первой и второй гильдий и именитых граждан от телесных наказаний, освобождение дворян от личных податей.

С другой стороны, в фискальных целях правители отменяли или ограничивали налоговые привилегии высших сословий. В 1718 г. после окончания войны с Турцией Габсбурги попытались лишить налогового иммунитета венгерское дворянство. Тогда же, в начале века и Гогенцоллерны решили заставить дворянство Бранденбурга платить земельный налог. Правда, обе попытки не увенчались успехом. Испанские Бурбоны в 1716–1718 гг. обложили прямым налогом население Арагона, включая и дворян.

Во Франции дворяне с 1695 г. платили подушную подать – капитацию, с 1710 г. – десятину (прямой налог в размере 10% земельных доходов, введенный на время войны за Испанское наследство), а с 1749 г. – сменившую ее двадцатину (5%-ный налог). Здесь на примере взаимоотношений дворянства и государственной власти хорошо видно противоречие между желанием монархии поддержать дворянство как военное сословие (что нашло выражение в военном ордонансе 1781 г.) и необходимостью модернизировать фискальный механизм и обложить налогами привилегированных.

В 1749 г. и в Баварии государство отменило налоговые привилегии дворянства. В том же году пришел конец освобождению от прямых налогов дворян Богемии и Польши. В 1763 г. были упразднены дворянские налоговые привилегии в Саксонии, в конце века – в принадлежавших Габсбургам Ломбардии и Галиции.

В Швеции во второй половине XVIII в. вопрос об уравнении представителей различных сословий в правах стал предметом острых дискуссий в обществе и политических дебатов в риксдаге. Это произошло в условиях, когда в шведском обществе заметно выросла прослойка состоятельных и образованных людей – чиновников, предпринимателей, врачей, публицистов, школьных и университетских преподавателей. К середине века они составляли около 2% населения страны, и сохранение дворянских привилегий вызывало у них все большее возмущение. В итоге в 1789 г. риксдаг принял постановление, серьезно ограничившее привилегии дворянства: создавался комитет, наделенный функциями правительства и наполовину состоявший из представителей податных сословий; устанавливалось правило назначать на государственные должности (за исключением высших) по способностям, невзирая на происхождение; крестьяне получили право покупать дво-

рянские земли. Постепенно в Швеции различные государственные должности все чаще стали занимать недворяне.

Попытки налогообложения привилегированных сословий в ряде стран легли в основу фундаментального конфликта, разрушавшего консенсус между социальными элитами и абсолютной монархией. Налогообложение переросло в XVIII в. в большую социальную проблему: с одной стороны, современники осознали всю ее важность, ощущая на себе тяжесть растущего фискального бремени и размышляя над возможностями более равномерного распределения налогов и более эффективного их взимания, а с другой – элиты, обеспокоенные нарушением своих налоговых привилегий, начали оспаривать политику государства. Крайним проявлением этого конфликта стал подъем дворянской оппозиции во Франции в 1787–1788 гг., предшествовавший началу революции.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ИХ РОЛЬ В «ПРОЦЕССЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Французский социолог П. Бурдьё, размышляя о генезисе государства Нового времени, которое он вслед за М. Вебером называл бюрократическим в отличие от династического государства позднего Средневековья, придавал особое значение свойственным разным типам государства способам воспроизводства политической элиты. Основное противоречие государства Старого порядка, соединявшего в себе черты как династического, так и бюрократического государства, заключалось, по его мнению, в сосуществовании наследственной и бюрократической элит. «Династическое государство, – по словам Бурдьё, – утверждает способ воспроизводства, основанный на наследственности и идеологии крови и рода, который антиномичен способу воспроизводства государственной бюрократии ⟨...⟩ здесь сосуществуют два взаимоисключающих способа воспроизводства: из них бюрократический, связанный, в первую очередь, с системой образования, а следовательно, с компетенцией и заслугами, подрывает самые основы династически-генеалогического способа воспроизводства, самые принципы его легитимности – кровь и рождение».

Правда, изучая общественную и политическую жизнь XVIII в., далеко не всегда можно обнаружить столь четкое различие между династическими и бюрократическими элитами. Наследственность, кровнородственные связи, клиентелизм и профессионализм могли выступать не только как взаимоисключающие принципы, но и как взаимодополняющие стратегии сохранения и воспроизводства правящей элиты. Становление государства Нового времени способствовало обновлению правящей верхушки и дворянства в целом на основе меритократических принципов. При этом сама королевская власть выступала движущей силой обновления системы дворянских ценностей и политических практик. Абсолютная монархия, привлекая дворян в судебно-административный аппарат или жалуя дворянское звание за добросовестную государственную службу, содействовала тому, что на традиционные дворянские ценности, такие как верность суверену, воинская доблесть, слава предков, накладывались подчас трудно совместимые с ними новые, свойственные образцовым чиновникам (дисциплина, усердие, компетентность).

В большинстве европейских стран богатство, нажитое в сфере предпринимательства, не могло обеспечить тот высокий социальный статус и доступ к властным рычагам, какими обладала земельная аристократия. Престижные должности при королевских, императорских и княжеских дворах, офицерские звания в армии, высшие ступени в церковной иерархии, ключевые позиции в государственной администрации и судебной системе в центре и на местах, как правило, были заняты дворянами. Человеку незнатного происхождения, невзирая на личные заслуги, образование и компетентность, гораздо труднее было стать старшим офицером, епископом, высокопоставленным чиновником или губернатором колонии.

Во Франции из 75 человек, занимавших министерские должности на протяжении XVIII в., лишь трое были недворянского происхождения. Провинциальные интенданты и губернаторы были потомственными дворянами, преимущественно старых родов. Право быть представленными к королевскому двору имели самые родовитые дворяне, способные документально подтвердить дворянское происхождение своей семьи не позднее 1400 г. Среди офицерского корпуса недворяне составляли менее 10%, причем они имели чины младших офицеров. Примерно таким же (от 9,3 до 11,25% в разные годы) было число магистратов недворянского происхождения в составе Парижского парламента. В некоторые провинциальные парламенты доступ недворянам вообще был закрыт. Выходцы из дворянских семей пополняли и ряды высшего духовенства. В 1789 г. только один французский епископ происходил из недворянской семьи.

Противоречие между династическим и бюрократическим принципами, на которое обращал внимание Бурдьё, было разрешено во Франции в ходе революции конца XVIII в. путем институционального и персонального обновления властных элит и утверждения, по крайней мере, в принципе бюрократического способа их воспроизводства, что на практике вовсе не исключало наследственности социопрофессионального статуса. Важную роль в этом обновлении сыграло упразднение такого своеобразного государственного института, получившего особенное развитие в этой стране, как продажа и наследование должностей в судебно-административном аппарате.

Согласно распространенному в XVIII в. мнению, в британском обществе, в отличие от французского, правили деньги и талантам была открыта дорога, но и в этой стране половину кабинета министров в 1744 г. составляли люди с герцогскими титулами, а в середине 60-х годов в числе министров оказался только один недворянин. Среди 65 человек, входивших в британский кабинет министров в 1782–1820 гг., оказались лишь шестеро недворянского происхождения. В английском парламенте, помимо аристократической по определению Палаты лордов, сыновья и другие члены семей пэров, баронеты и их родственники занимали 54% мест в Палате общин (по данным 1784 г.), а сельские джентри преобладали среди мировых судей в графствах. Верхушку британского общества во второй половине века составляли немногим более тысячи английских пэров, баронетов и рыцарей (их число выросло с 1096 в 1750 г. до 1386 в 1800 г.), 68 шотландских пэров и 25 аристократических семейств Уэльса.

В итальянских государствах господствующее положение занимал городской патрициат. Власть в городах Италии принадлежала узкому, замкнутому

кругу аристократических семей. Например, в Милане аппарат управления держала в своих руках олигархия, состоявшая из 60 титулованных фамилий.

Своеобразную и важную роль играло дворянство, особенно высшее, в монархии Габсбургов. Представители богатых и знатных семей немецкого, чешского и венгерского происхождения вращались при дворе, занимали должности в государственном аппарате, и именно эта космополитическая среда являлась в условиях XVIII в. единственной социальной силой, объединявшей многонациональную монархию.

В юго-западной части Германии (Франконии, Швабии, Рейнской области и Гессене) сохранялось 1,5 тыс. небольших земельных владений, собственники которых – имперские рыцари – имели особый статус и привилегии. Они не подчинялись территориальным князьям и зависели непосредственно от императора. Имперские рыцари были объединены в союз; чтобы быть принятыми в ряды имперского рыцарства, требовалось предъявить доказательства нескольких поколений дворянства. Они сумели сохранить свой особый юридический статус и высокое социальное положение вплоть до 1806 г., т.е. до самого конца существования Священной Римской империи германской нации. Удалось им этого достичь во многом благодаря строго определенным матримониальной стратегии, демографическому поведению, типам карьеры и порядку наследования имущества.

На католическом юго-западе Германии были сконцентрированы церковные княжества, в которых архиепископы, епископы или аббаты осуществляли как духовную, так и политическую власть. Правящую элиту этих государств образовывали имперские рыцари. Они доминировали в соборных капитулах, назначавших князей-епископов и собиравших доходы с подвластных территорий. Ввиду того что заседание в соборных капитулах обеспечивало рыцарским кланам политическую власть наряду с ощутимыми материальными выгодами, церковная карьера стала основной в среде имперского рыцарства.

Доступ в соборные капитулы регулировала система доказательств дворянства, сложившаяся в Средние века. Каждый кандидат должен был представить на рассмотрение капитула свое генеалогическое древо с подтверждающими документами. В одни соборные капитулы принимали только высшее дворянство (имперских графов и князей), в другие – только имперских рыцарей, но повсеместно отвергали аноблированных и выдвигали жесткие требования к числу дворянских предков (как правило, требовалось дворянство в четвертом или пятом поколении и по мужской, и по женской линии). Существование подобного порядка привело к тому, что соборные капитулы удерживала в своих руках небольшая группа семей. Хотя титул главы церковного княжества и являлся выборным, фактически он переходил по наследству, как правило, от дяди к племяннику.

Отличительной особенностью демографического поведения имперского рыцарства было ограничение рождаемости. Семья доверяла биологическое воспроизводство клана одному из сыновей, который женился по достижении совершеннолетия на девушке из знатной семьи и обеспечивал продолжение рыцарского рода.

Наследование земельных владений и прочего недвижимого и движимого имущества было подчинено сложному своду правил, имевших целью

воспрепятствовать растрате и отчуждению семейного достояния. Раздел наследства в XVIII в. стал редким исключением. Львиная доля имущества переходила к сыну, которому предназначено было вступить в брак, и при этом ставились многочисленные условия, ограничивавшие возможность продажи и иных способов отчуждения наследственных владений.

Сплоченный, дисциплинированный и ориентированный на церковную карьеру, клан оставлял индивиду мало свободы в выборе супруги, карьеры и в распоряжении имуществом. Каждый член семьи должен был всеми силами содействовать поддержанию высокого социального статуса рыцарского рода. Но для этого дворяне должны были обладать целым рядом определенных личностных качеств: развитым чувством долга и семейной чести, готовностью поступиться личными интересами и принести их в жертву ради блага семьи. Формированию этих качеств способствовали воспитание, регулярные встречи родственников, семейные обряды и церемонии, семейные реликвии и архивы, а также принудительные санкции в виде лишения наследства, применяемые против тех, кто не соблюдал установленных правил. Широко распространенная практика представления доказательств дворянства, со своей стороны, развивала генеалогическую память и способствовала тому, что аристократия хорошо знала свою многочисленную родню и поддерживала обширные родственные связи. Все это вместе взятое формировало представление о дворянском роде как о единой цепи, где каждый человек является звеном, связанным с предками и потомками узами семейной солидарности.

Общественные отношения в европейских странах регулировались на основе системы клиентел, пронизывавшей весь социум сверху донизу. Вокруг принцев, монарших фаворитов, министров и влиятельных аристократов группировались разветвленные клиентелы. В их состав входили придворные, чиновники центральной и местной администрации, военные, столичные и провинциальные дворяне, финансисты и негоцианты. У многих из них, в свою очередь, тоже образовывались клиентелы. Влиятельные патроны помогали сделать карьеру, получить титул, орден или иную монаршую милость, решить дело в суде, заключить сделку. Возникающая таким образом сеть социальных связей была основана на принципах личной заинтересованности, верности и выгоды.

Социальные отношения, складывавшиеся в европейских колониях в Новом Свете, отличались от тех, что существовали в метрополиях. Общество британских колоний Северной Америки отличалось высоким уровнем социальной мобильности по сравнению с Европой. Его элиту составляли плантаторы-рабовладельцы и зажиточные торговцы. Это была «аристократия богатства», не отличавшаяся родовитостью, хотя плантаторы и пытались копировать стиль жизни английского джентри. В колонии Испании и Португалии на американском континенте были перенесены характерные для этих стран сословные порядки, которые переплелись здесь с расово-этнической иерархией, основанной на идее превосходства европейцев над «цветным» населением. В результате правовой статус жителей испанских и португальских колоний зависел как от их сословной принадлежности, так и от этнического происхождения и цвета кожи.

Важным средством воспроизводства социальной иерархии была матримониальная стратегия. У представителей самых разных слоев общества при

заключении браков преобладало стремление найти партнера, равного по статусу. Впрочем, знатные мужчины зачастую брали жен из богатых и влиятельных семей более низкого происхождения: хорошее приданое или занимаемая тестем должность в таких случаях компенсировали недостаток знатности, помогая жениху упрочить материальное положение и социальный статус рода. Благорасположение монарха, высокая государственная должность или богатство представляли собой социальный капитал, который мог обмениваться на престиж древнего имени. Как правило, подобные союзы не наносили урона чести знатной семьи, так как женщина в браке обретала имя и статус супруга.

Во Франции представители самой высшей аристократии, герцоги и пэры, вступали в браки с женщинами менее знатного происхождения: только 35,7% герцогов и пэров женились на дочерях герцогов, а остальные вполне могли породниться с дворянскими семьями более низкого ранга и вступали в брак даже с девушками из семей «дворянства мантии», правда, чаще всего это были дочери министров. Подобная относительная открытость была свойственна и высшему английскому дворянству, где у половины пэров жены хотя и происходили из дворянских семей, но по рождению не принадлежали к титулованной знати. Проведенное Л. Стоуном исследование матримониальной стратегии английских дворян показало, что они предпочитали заключать браки в своей среде, могли также жениться на дочерях государственных служащих и судей, но доля браков с наследницами купеческих капиталов составляла не более 10%, причем на протяжении века она неуклонно снижалась (подсчеты основаны на данных по графствам Нортумберленд, Нортхэмптоншир и Хертфордшир). Феномен смешанных браков часто наблюдался в некоторых германских княжествах: например, дворяне Гессен-Касселя женились на дочерях офицеров как дворянского, так и недворянского происхождения; в 1750–1799 гг. у 24% из них жены по происхождению были простолюдинками.

Если дворяне подчас не гнушались жениться сами и женить своих сыновей на купеческих дочках, то брак женщины-дворянки с банкиром или негоциантом считался мезальянсом, так как для девушки брак с человеком ниже ее по происхождению и положению означал бы понижение прежнего социального статуса. По этой причине женщины из высших и средних слоев общества старались избегать мезальянсов и в результате выходили замуж реже, чем крестьянки и девушки из городских низов. В частности, более трети дочерей британских аристократов, которым не нашлось подходящей партии, оставались старыми девами, сберегая таким образом честь знатного рода.

Исключительно жесткими императивами регулировался матримониальный выбор у германского имперского рыцарства. Оба супруга должны были обладать безупречным генеалогическим древом: не только всем дедам и прадедам, но и всем бабкам и прабабкам как жениха, так и невесты полагалось принадлежать к родовитому дворянству. Эти предписания были зафиксированы в фамильных документах, и, согласно завещаниям и брачным контрактам, те, кто осмелился бы нарушить их, лишались наследства. В результате круг брачных связей рейнских рыцарей оказался узким и замкнутым. Кроме редких исключений, повлекших за собой санкции со стороны семей,

выбор супругов происходил среди старого дворянства, не допускавшего в свои ряды аноблированных.

При выработке подходов к интерпретации процессов, происходивших в обществе XVIII в., и взаимоотношений между различными составлявшими его группами, между элитой и народом большую роль сыграли концепции «цивилизации нравов» и «придворного общества», предложенные крупным немецким социологом Н. Элиасом. Элиас обратил внимание на то, что в период, начиная с позднего Средневековья и эпохи Возрождения и заканчивая XIX в., происходили такие изменения в поведении людей, которые он назвал «процессом цивилизации», понимая под этим усиление индивидуального самоконтроля, выработку умения обуздывать грубые привычки и дикие нравы. Отмеченные изменения в бытовом поведении (усложнение правил хорошего тона, воспитание чувства стыдливости и умения подавлять естественные физиологические импульсы) Элиас связывал с происходившими одновременно политическими и социальными переменами. Формирующееся абсолютистское государство осуществляло «социальное дисциплинирование», устанавливало контроль над обществом (в первую очередь, над социальными элитами) и диктовало ему свои нормы и правила поведения. Со временем контроль, установленный извне, становился привычным и приводил к выработке индивидуального самоконтроля. Механизмы самоконтроля над чувственными импульсами вырабатывались прежде всего у дворянской и чиновничьей элиты, которую Элиас обозначил понятием «придворное общество». Именно здесь рождались нормы цивилизованного общения, которые впоследствии распространялись «сверху вниз»: сначала на буржуазию, затем на более широкие слои городского населения и в конечном счете на все общество в целом.

В современной историографии труды Элиаса сохраняют авторитет, хотя его концепции не раз подвергались критике по двум основным направлениям. Во-первых, возражения вызывает упрощенное противопоставление грубых и необузданных нравов Средневековья дисциплинированному и цивилизованному поведению человека Нового времени. Исследования ученых-медиевистов показывают, что поведение средневековых людей было не менее нормативным, хотя сами нормы, разумеется, отличались от тех, которые утвердились в более позднее время. Во-вторых, историки отказываются от представления об утверждении социальных норм как об однонаправленном движении сверху вниз: от социальной элиты к низам общества. В свете исследований последних лет картина выглядит сложнее: при всей эталонности «придворного общества» каждая социальная страта имела свои нормы поведения и стиль жизни. Стремление подражать высшим слоям общества сочеталось у тех, кто не принадлежал к ним, со следованием собственным традициям.

> «Хорошее общество ⟨...⟩ действительно существует, но так как у нас очень часто новые слова являются выражением какой-нибудь новой нелепости, то и этим словом, явившимся на смену выражению хороший тон, в последнее время стали чрезмерно злоупотреблять. Хорошее общество не ограничивается определенным кругом людей и может состоять как из представителей самых богатых классов, так и из людей, обладающих средним достатком. Обычно оно там, где меньше притязают на это наименование, так часто упоминаемое и так трудно

определимое. В настоящее время каждое общество заявляет на него свои права. Отсюда – ряд крайне забавных сцен. Председатель утверждает, что советник не обладает тоном хорошего общества. Чиновник делает такой же упрек финансисту; коммерсант находит адвоката напыщенным, а этот в свою очередь не желает разговаривать с нотариусом. И все они, вплоть до прокурора, высмеивают своего соседа – судебного пристава. Эти взаимные обвинения заслуживали бы кисти Мольера» (*Луи Себастьян Мерсье*. Картины Парижа, 1781–1790).

Известный французский писатель П.А.Ф. Шодерло де Лакло в романе «Опасные связи» (1782) в образах виконта де Вальмона, маркизы де Мертей и президентши (т.е. супруги председателя судебной палаты) де Турвель выразил привычные и понятные современникам представления о различных социальных типах: с одной стороны – циничных и аморальных придворных аристократах (виконт и маркиза), с другой – почитающих принципы морали и религии, воспитанных в янсенистском духе «дворянах мантии» (представленных в данном случае женой парламентского магистрата). Работы историков – от изучения матримониальных стратегий до исследования личных библиотек, структур жилища, повседневной жизни и костюма представителей разных слоев общества – также демонстрируют, что чиновники, финансисты и купцы далеко не всегда и не во всем стремились копировать стиль жизни придворной аристократии и придерживались своих особых моделей поведения и социокультурных ориентиров.

Людям самого разного социального положения были свойственны представления о чести, достоинстве и престиже. У крестьян и ремесленников тоже был свой «этикет», строго регламентировавший их поведение и внешний вид. Простой ремесленник из маленького швабского городка Лайхингена мог быть подвергнут аресту за появление на публичном торжестве в рабочей одежде. Конфликты, связанные с защитой чести и достоинства, у простонародья случались не реже, хотя и развивались по иному сценарию, чем среди дворян. Так что «цивилизация нравов», по всей видимости, представляла собой процесс более сложный, чем распространение единообразного эталона поведения «сверху вниз», от придворной аристократии до городского плебса и крестьян, и в разных социальных группах бытовали свои нормы поведения, отличавшиеся от тех, что были распространены в кругу аристократии.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

При очевидном наличии резких социальных контрастов граница между элитой и народом не была непроницаемой, и существование в обществе юридических сословных барьеров не являлось непреодолимым препятствием для социальной мобильности. Ряды дворянства постоянно пополняли выходцы из других сословий, в первую очередь юристы, чиновники, лица свободных профессий, купцы. Многим удавалось обрести дворянский статус благодаря государственной службе (о роли петровской Табели о рангах в формировании дворянского сословия в России см. гл. «Становление Российской империи»). Другим распространенным каналом вхождения во дворянство была покупка дворянских земель и титулов богатыми горожанами.

Процесс аноблирования в разных странах имел как общие черты, так и особенности.

Во Франции путь наверх по социальной лестнице обычно становился результатом усилий многих поколений семейства. Потомки разбогатевших крестьян переселялись в город, становились судьями, адвокатами, прокурорами, нотариусами, врачами, купцами. Они покупали дом в городе, а со временем – и земли в окрестностях и начинали «жить благородно», не занимаясь ни ремеслом, ни торговлей. «Дворянский образ жизни» составлял необходимую предпосылку будущего аноблирования. Примером характерной для Франции успешной вертикальной мобильности может служить семья министра короля Людовика XV аббата Терре. Его отец-финансист получил дворянство в 1720 г., за спиной у него остались несколько поколений мелких чиновников и буржуа, а вел свое начало род Терре от богатого крестьянина, жившего в середине XVI в.

Как полагают некоторые историки, к 1789 г. почти половина французских дворян получила дворянство после середины XVII в. По другим подсчетам, на протяжении XVIII в. во Франции дворянский статус получили приблизительно 10–11 тыс. семей, или в общей сложности около 50 тыс. человек из примерно 300–400 тыс. дворян в стране. Такие масштабы личного обновления дворянского сословия вызывались политикой французских королей, продававших большое количество должностей в судебно-административном аппарате и аноблирующих грамот. Покупка целого ряда должностей давала право на потомственное или личное дворянство. Эта политика, широко практиковавшаяся начиная с XVI в., преследовала две цели – пополнение казны и создание слоя непосредственно зависимых от короля чиновников. Так складывался слой должностного «дворянства мантии», социальные позиции которого становились со временем все более прочными. К XVIII в. потомки аноблированных при Франциске I королевских секретарей и магистратов насчитывали уже по пять-шесть и более поколений дворянских предков, что давало им право считаться родовитыми дворянами.

В Англии ряды мелкого сельского дворянства-джентри подчас пополняли богатые фермеры из крестьян. Преуспевающие горожане перенимали дворянский образ жизни, а некоторые дворяне в свою очередь могли заниматься торговлей. По мнению Даниэля Дефо, за несколько десятилетий около 500 крупных имений в радиусе ста миль от Лондона были скуплены торговцами, так что «разбогатевший купец возвышается до джентри, а разорившиеся джентри опускаются до торговли». Наблюдая, как богатые купцы выдают дочек замуж за джентльменов, писатель восклицал с горечью: «Разве будут в следующем столетии стесняться их крови, подмешанной к крови древней расы?» В то же время торговля давала возможность дворянам найти выход из финансовых затруднений: «Обедневшие джентри, чье состояние пришло в упадок, обычно подвигают своих сыновей на торговые дела, и они… зачастую восстанавливают благополучие семьи. Так купцы становятся джентльменами, а джентльмены – купцами». «Это земноводное существо под названием джентльмен-купец», как говорил о нем Дефо, стало, по его мнению, распространенным социальным типом, и далеко не все современники относились к этому «существу» с подобным снобизмом. Напротив, некоторые считали преимуществом английского общества по сравнению с кон-

тинентальным то, что здесь, «если человек богат и хорошо образован, его принимают на равных с джентльменом самого древнего рода». О стремлении купцов вести дворянский образ жизни, не расставаясь при этом с привычной деловой хваткой, писал Адам Смит в 1776 г.: «Купцы обыкновенно стремятся стать сельскими джентльменами, и если им это удается, они ведут хозяйство лучше всех». В Великобритании, в отличие от стран континентальной Европы, не существовало юридических сословных барьеров и привилегий, отделявших дворян от простолюдинов. Но, с дворянской точки зрения, последние тем не менее являлись людьми второго сорта.

В целом исследования историков показывают, что представления о присущей английскому обществу XVIII в. высокой социальной мобильности были сильно преувеличенными. Что бы ни думали на этот счет современники, преуспевшие английские предприниматели в большинстве своем вовсе не стремились расстаться с привычным родом занятий и перейти в разряд сельских джентри. Изменить таким образом свою жизнь решили только 8% лондонских купцов и банкиров. Остальные проявляли не меньший интерес к земельной собственности и тоже активно скупали имения, но это были в основном загородные виллы, призванные служить для новых хозяев лишь местом отдыха. Как свидетельствуют проведенные на региональном уровне исследования Л. Стоуна, доля людей, наживших богатство в сфере предпринимательства, среди общего числа земельных собственников была незначительной, а доля тех, кто имел какие-либо семейные связи с миром бизнеса, сильно различалась по графствам, колеблясь от менее 10% до 40%. Преувеличенными выглядят и представления современников о том, что младшие сыновья из дворянских семей, вынужденные сами зарабатывать себе на жизнь, активно занимались торговлей. Младшие сыновья обычно шли на военную или гражданскую службу, в адвокатуру, в священники, но крайне редко – в торговлю. Правда, бывали и исключения. Например, приблизительно половину колониальных торговцев Глазго в последней трети XVIII в. составляли младшие сыновья сельских джентри. Но следует обратить внимание на одну немаловажную деталь: это были сыновья джентри в первом поколении – те, чьи отцы сами прежде были купцами.

По своим культурным ориентациям и способам проведения досуга английские купцы и банкиры XVIII в. отчасти сближались с дворянством; все они могли общаться на приемах, балах, скачках. В то же время смешения между ними не происходило, и в Лондоне, например, они жили изолированно друг от друга. Согласно свидетельствам современников, купцы из лондонского Сити и обитатели аристократического Вест-Энда по своим обычаям, манерам и интересам отличались, подобно двум разным народам. Важным институтом английской общественной жизни были преимущественно аристократические по составу клубы, куда не принимали купцов. Так что хотя личные, семейные и деловые связи между земельными собственниками-дворянами и денежными воротилами и устанавливались, но разделявшая их социальная дистанция в английском обществе XVIII в. все же сохранялась.

В Пруссии дворян и простолюдинов разделял характер государственной службы. В этой стране традиционно на гражданской службе были заняты простолюдины, тогда как офицерские звания в армии составляли монопольную привилегию дворян. Гражданская служба – в случае успеха и милости

короля – давала людям низкого происхождения шанс аноблироваться, и, таким образом, личные заслуги становились фактором социального возвышения наряду с дворянским происхождением. Фридрих II, по мнению которого воплощением истинно прусского духа был офицер-дворянин, сократил политику аноблирований и предпочитал назначать на административные посты дворян. В результате во второй половине XVIII в. возвышение простолюдинов оказалось затруднено и социальная мобильность ограничена. При этом на протяжении всего столетия значительная часть прусского дворянства предпочитала вообще не служить и жить в своих имениях.

Несмотря на наследственность привилегированного статуса, вхождение дворянства во властную элиту не было запрограммированным и требовало от представителей этого сословия выработки определенной стратегии. Дело в том, что унаследованная от предков принадлежность к благородному сословию не всегда коррелировала с материальными возможностями вести достойный дворянина образ жизни. Обедневшее дворянство представляет собой любопытный социальный феномен, демонстрирующий, как могли возникать и разрешаться (или не разрешаться) на практике противоречия между юридическим статусом и социальными реалиями. Сохранение своей дворянской идентичности и передача ее по наследству потомкам в действительности не совершались автоматически, а зависели от различных заинтересованных сил. Во-первых, от политики государства, которое само создавало чиновное дворянство, принимало различные меры в пользу дворян, поддерживало их материально и в то же время часть из них исключало из рядов сословия, внося в списки налогоплательщиков. Во-вторых, от поведения самих дворян, которые стремились разными способами предотвратить обнищание семьи.

Политика государства по отношению к бедному дворянству была двойственной. С одной стороны, монархи считали своим долгом оказывать поддержку обедневшим представителям высшего сословия. В частности, за казенный счет создавались военные школы, открывавшие путь для карьерного роста юношам из родовитых, но малообеспеченных семей. Так, места в основанной в 1751 г. Парижской Военной школе были указом короля зарезервированы для сыновей бедных дворян, которым следовало представить доказательства своего происхождения от четырех поколений дворянских предков.

С другой стороны, государство время от времени устраивало «чистки дворянства» с целью выявить лиц, незаконно пользующихся налоговыми привилегиями. И жертвами таких «чисток» зачастую становились обедневшие дворянские семьи, чей образ жизни признавался несовместимым с принадлежностью к благородному сословию. В Испании с самого начала XVIII в. государство предпринимало попытки избавиться от «дворянского плебса», и особенно эта политика активизировалась во второй половине века. В 1758 г. король Фердинанд VI установил плату за право подтверждения дворянства, а в 1785 г. Карл III обязал представлять письменные доказательства принадлежности к дворянству. В результате подобных мер численность дворянства в Испании в 1768–1797 гг. сократилась с 722 до 400 тыс. человек. Аналогичные меры принимались в Пруссии. В России в ходе податной реформы Петра I мелкие помещики-однодворцы были записаны в категорию государственных крестьян.

Возможность остаться в рядах высшего сословия во многом зависела и от самих дворян, от их активного желания сохранить свою дворянскую идентичность. Для этого важно было утвердить ее в глазах окружающих. Подтверждению дворянского статуса могли служить военная карьера и регулярное участие в работе сословно-представительных органов (в частности, обедневшие дворяне французской провинции Бретань с неизменным усердием являлись на сессии провинциальных штатов, демонстрируя тем самым свою принадлежность к высшему сословию). Большую роль играли также матримониальные стратегии: дворяне женились на дочерях чиновников, торговцев или зажиточных крестьян и поправляли таким образом материальное положение с помощью богатого приданого, другие заключали поздние браки для сокращения числа наследников, а некоторые – обычно младшие сыновья – вообще воздерживались от вступления в брак. Совместные браки между дворянами и простолюдинами зачастую интерпретируются историками как проявление характерного для общества XVIII в. «слияния элит». Однако, как показывают некоторые современные исследования, мотивы поведения дворян могли быть при этом прямо противоположными. Например, упомянутые выше бретонские дворяне выбирали такой тип брачных союзов не потому, что считали простолюдинов равными себе. Напротив, унаследованный от предков дворянский статус являлся для них высшей ценностью, и они готовы были на все во избежание деклассирования рода и ради сохранения преемственности его дворянской идентичности.

Проблема «слияния элит», широко дискутировавшаяся в историографии второй половины XX в., вряд ли поддается однозначному решению. В обществе XVIII в. сосуществовали противоречивые тенденции: если в мире парижских салонов интенсивно шла трансформация традиционной социальной иерархии и разрушались межсословные барьеры, то дворяне, жившие в небольших провинциальных городках, хранили верность традиционным сословным ценностям, стремились к кастовой замкнутости, были закрыты для новых веяний и культуры Просвещения.

По традиции единственно достойными дворянина занятиями считались военная служба, помощь государю советом (т.е. участие в работе органов государственного управления) и жизнь сельского сеньора. Профессии, связанные с ручным трудом или нацеленные на извлечение прибыли, такие как ремесло и торговля, представлялись неблагородными, и за подобного рода занятия дворянам грозило лишение привилегированного статуса. За соблюдением «запретов на профессии» следили, в первую очередь, сборщики государственных налогов, вносившие нарушителей в списки налогоплательщиков. Особенно строгими такие запреты были в Испании, менее жесткими в других странах. В Англии вообще отсутствовали формальные запреты для дворян заниматься предпринимательством, и английские джентри могли безбоязненно торговать и владеть мастерскими. Подчас в разных провинциях одной и той же страны правила и запреты, касающиеся дворянского предпринимательства, существенно различались. Примером своеобразного местного обычая может служить «спящее дворянство» французской провинции Бретань. По традиции бретонские дворяне могли заниматься торговлей, не рискуя утратить благородный статус, – считалось, что на это время их дворянское достоинство как бы «засыпало». Обедневшим дворянам не возбра-

нялось самим обрабатывать землю, так как это занятие считалось нацеленным на пропитание, а не на извлечение прибыли.

Постепенно запреты на предпринимательскую деятельность дворянства отменялись. Во Франции со второй половины XVII в. издавались законодательные акты, признававшие за дворянами право заниматься заморской торговлей, судостроением, владеть мануфактурами и банками, и в результате к концу XVIII в. недопустимыми для них остались лишь розничная торговля, ремесла и труд по найму. Более того, королевская власть жаловала дворянство особо преуспевшим негоциантам и промышленникам, признавая тем самым их деятельность достойной уважения и полезной для государства. Даже в Испании правительство попыталось создать «деловое дворянство»: в 1682 г. был издан закон, по которому за дворянами, участвовавшими в создании мануфактур, сохранялся их сословный статус. Впрочем, последствия этой меры были незначительными: хотя некоторые испанские дворяне и преуспели на новом поприще, но таких оказались лишь считанные единицы, а среди большинства победила приверженность традиционным образу жизни, роду занятий и сословным ценностям.

В то же время и дворяне со своей стороны в XVIII в. все более активно меняли модель поведения: участвовали в акционерных компаниях, сдавали землю в аренду, создавали мануфактуры. Тяга к предпринимательству, ранее характерная для английского дворянства, распространилась теперь и на континенте. При этом дворяне руководствовались разными мотивами. Для одних новый род деятельности был средством поправить пошатнувшееся материальное положение, для других – результатом модного увлечения экономикой и агрономией, для третьих – проявлением филантропии (богатые сеньоры учреждали промышленные предприятия, чтобы дать заработок неимущим сельским жителям и обучить их навыкам ремесла). Так, во Франции герцог Орлеанский был хозяином крупных полотняных мануфактур и поощрял внедрение в производство технических новинок, герцог де Шуазель интересовался новыми способами литья стали, а герцог де Лианкур основал в своем имении полотняную мануфактуру и прядильню, обеспечившие работой окрестных бедняков.

Отношение общественного мнения к этим новым процессам было неоднозначным. Во Франции в середине века развернулась целая дискуссия о дворянском предпринимательстве. Споры были вызваны публикацией книги аббата Г.Ф. Куайе «Торгующее дворянство» (1756). Автор ратовал за предоставление дворянам полной свободы заниматься любыми видами деятельности и доказывал, что предпринимательство не только даст самим дворянам возможность обогатиться, но и принесет процветание всей стране. Критики возражали ему, что каждый должен заниматься своим делом: купцы – торговать, а дворяне – служить королю со шпагой в руке. Средства к существованию дворянам, по мнению этих критиков, должна давать не коммерческая прибыль, а королевские вознаграждения и доходы от имений. В противном случае произойдет смешение сословий и, следовательно, подрыв общественных устоев.

Сословные характеристики далеко не описывали всей сложности социальных реалий XVIII в. Среди духовенства, особенно в католических странах, существовал разительный контраст между богатством высшего клира – кар-

диналов, епископов и аббатов, – происходивших, как правило, из родовитых дворянских семей, и бедностью приходских священников. Тех и других разделяла не меньшая социальная дистанция, чем дворянина и крестьянина, судью и лавочника. Внутри дворянства существовала своя иерархия, основанная на происхождении, древности рода, титулах, богатстве, занимаемых постах, близости ко двору. В Великобритании средний уровень доходов дворянской семьи колебался от 7668 ф. ст. в год у пэров до 935 ф. ст. у низшего джентри. А от имущественного положения во многом зависел социальный статус: банкиры и негоцианты на равных общались с дворянами в салонах и масонских ложах, путем брачных союзов они могли породниться с высшей титулованной знатью, тогда как беднейшие дворяне по образу жизни уже мало чем отличались от крестьян. Современники осознавали несоответствие между официально установленной иерархией сословий и жизненными реалиями. В частности, Ф. Кенэ писал, что «дворянство темного происхождения и скромного положения большого уважения не заслуживает», тогда как «богатство и известность создают высшее дворянство, крупных собственников, наших магнатов».

Фактором социальной дифференциации являлась и принадлежность к институтам государственной власти и управления. Выдвижение на государственные посты было, как правило, делом не личным, а семейным, так как общество XVIII в. отличалось высокой степенью наследственности социопрофессионального статуса и типа карьеры, а в ряде стран, в частности во Франции, многие государственные должности продавались в собственность и переходили по наследству. Существовавшие социокультурные барьеры не совпадали с сословными: так называемая «элита Просвещения», сложившаяся на основе общих ценностей и культурных ориентаций, охватывала образованный и критически мыслящий круг людей, в который входили представители дворянства, буржуазии, духовенства, чиновников, литераторов, юристов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ И В ГОРОДЕ

Немаловажную роль в формировании различных типов социальных связей играло место проживания: город или деревня, столица или провинция. Сословные барьеры в деревне были особенно резкими (с одной стороны – сеньор, лендлорд или помещик, с другой – обязанные работать на него крестьяне), а в городе более нюансированными и внешне не столь контрастными.

Социальные различия и взаимоотношения в деревне основывались на иерархии земельных держаний. Земля оставалась фундаментальной ценностью в обществе XVIII в. Она представляла собой основной источник доходов дворянства, а в католических странах и духовенства. В разных странах в их владении находилось от 20–30% до половины земель. В ряде стран постепенно все большее количество дворянских земель переходило в руки представителей других сословий. Высшие чиновники и богатые буржуа, подобно дворянам, как правило, являлись крупными земельными собственниками. Владение землей не только обеспечивало стабильный доход, но и открывало путь вверх по социальной лестнице, давало простолюдину возможность

аноблироваться. Над основной массой сельских жителей-крестьян возвышались занимавшие привилегированное положение крупные землевладельцы (сеньоры, лендлорды, юнкеры, помещики и т.д. – соответственно национальным особенностям); ими могли быть дворяне, буржуа или монастыри. Сеньор являлся верховным собственником земли, получая на этом основании с крестьян земельные ренты, обладал почетными правами и судебной властью.

Хотя сеньориальными правами могли пользоваться представители разных сословий, в большинстве своем сеньоры были дворянами. Исключение составляла Дания, где в первой половине XVIII в. 44% сеньорий принадлежали простолюдинам. В глазах современников сеньориальные права служили одним из важных признаков благородного статуса, поэтому простолюдины стремились их приобрести. В то же время не все дворяне были сеньорами. Правители могли жаловать своим подданным дворянство за гражданскую и военную службу (как это происходило, например, в России или Пруссии), и такие новоиспеченные дворяне не обязательно становились землевладельцами-сеньорами или помещиками. Не имели сеньориальных прав и малоимущие, безземельные дворяне, особенно многочисленные в Польше, Венгрии и Испании.

Жизнь в деревне в большинстве стран протекала в рамках общины, определявшей ритм сельскохозяйственных работ, правила землепользования и выпаса скота, порядок оказания взаимопомощи и поддержки малоимущим. Главы семейств регулярно собирались на сход для обсуждения общих дел и выбора уполномоченных, представлявших интересы общины в ее сношениях с сеньором и с государственной администрацией.

Промежуточное положение между сеньорами и крестьянами занимали в той или иной мере интегрированные в жизнь деревенской общины сельские священники, судьи, нотариусы, сборщики налогов, торговцы, фермеры, управляющие имениями. Важную роль в жизни общины играл священник: он сопровождал прихожан на главных этапах их жизненного пути (крестины, свадьба, погребение), помогал обездоленным, выступал заступником перед лицом государства и сеньора, организовывал школы, к его помощи обращались неграмотные и малограмотные крестьяне, когда требовалось написать письмо или подать жалобу. Ему были понятны нужды и чаяния прихожан, так как по образу жизни он мало от них отличался и ему зачастую, подобно им, приходилось заниматься сельским хозяйством. Приходские священники в большинстве своем были людьми незнатного происхождения, среди них встречались и выходцы из крестьянских семей.

В Европе выделялись три основных варианта сельского хозяйственного и жизненного уклада. В Западной Европе преобладал сеньориальный порядок: лично свободные крестьяне облагались рентами и повинностями в пользу сеньора за право владеть и распоряжаться своими земельными держаниями. К востоку от Эльбы – в Восточной Германии, Чехии, Венгрии, Польше, России – продолжалось «второе издание крепостничества», и крестьяне, прикрепленные к земле, юридически и фактически утратившие свободу передвижения, обязаны были отрабатывать барщину в господских владениях. Наконец, в Англии на смену исчезнувшей сеньориальной системе пришла передача земельных владений крупными собственниками-ленд-

лордами в аренду предпринимателям-фермерам. Каждая из этих хозяйственных моделей предполагала особый тип социальных отношений.

Среди крестьян существовала своя внутренняя иерархия, основанная на размерах их земельных держаний и уровне доходов. Материальный и социальный статус едва сводивших концы с концами поденщиков и слуг был несопоставим с положением богатых фермеров, по образу жизни смыкавшихся в ряде стран с низшими слоями сельского дворянства. Велика была также разница с точки зрения социального положения и юридического статуса между лично свободными крестьянами Западной и крепостными Восточной Европы.

Социальные различия в городах, как уже отмечалось, были более сложными, но от того не менее значимыми, нежели в деревне. Там бок о бок проживали люди разных сословий: дворяне, священники, чиновники, судьи, банкиры, купцы, ремесленники, лица свободных профессий, городские низы. Правда, люди в городах предпочитали жить «среди своих» и поэтому отдельные улицы и целые кварталы имели выраженную социальную специфику. Например, в Париже дома высшей придворной знати были сосредоточены в Сен-Жерменском предместье, а магистраты Парижского парламента жили, в основном, в старом аристократическом квартале Марэ. Вместе с тем города XVIII в. еще не знали четкой социальной сегрегации по кварталам, так что ремесленные мастерские и торговые лавки зачастую могли соседствовать с дворянскими и буржуазными особняками. Ряд характерных для города форм общения и досуга – уличные праздники, карнавалы, балы-маскарады, театральные спектакли – носили публичный характер и собирали людей из самых разных слоев общества. Городское население отличалось как географической (за счет притока жителей из деревни), так и социальной мобильностью (за счет возвышения одних и обнищания других). В городе статус индивида определялся не только его происхождением и сословной принадлежностью, но и богатством, образованием, личными способностями. В большинстве стран Европы дворяне, если им позволяли средства, стремились жить в городах, а аристократия – в столицах. Россия отличалась некоторой спецификой, связанной с появлением новой столицы. Петр I в 1712 г. перевел двор в Санкт-Петербург и своим указом определил 1212 дворянских семей, которым надлежало выстроить себе здесь новые дома и переехать в них на постоянное место жительства. Дворяне вынуждены были подчиниться, но и во второй половине XVIII в. многие из них, даже имея дома в Петербурге, предпочитали по выходе в отставку уезжать в Москву или в свои имения.

Дворяне и церковные прелаты занимали высшую ступень в социальной иерархии европейского городского населения. Городскую элиту наряду с ними, составляли самые богатые и знатные жители недворянского происхождения (городские магистраты, судьи, чиновники, адвокаты, нотариусы, банкиры, купцы, крупные рантье), которые назывались по-разному: в Германии – бюргерами, во Франции – буржуа (как собирательное понятие – буржуазия).

Каждая из недворянских элитных групп характеризовалась определенным набором специфических черт и особым самосознанием. Так, адвокатов отличали общность профессии, образование, правовая культура и неписа-

ный кодекс поведения. Все это вместе взятое превращало их в сплоченную группу, несмотря на большие различия в уровне и типе доходов. Осознание собственной идентичности и общественной пользы своей профессии на протяжении всего XVIII в. питало карьерные, литературные и политические амбиции адвокатского сословия, являвшего собой пример того, как в обществе формировалась новая элита на принципах профессионализма, компетенции, образования и личных заслуг.

В городах были сосредоточены богатства, таланты, власть, культура. Урбанизированное меньшинство в политическом, экономическом, социальном и культурном отношениях доминировало в обществе и определяло вектор его развития. Сам по себе правовой статус любого горожанина был привилегией, отличавшей его среди крестьянской массы. Этот статус и объем связанных с ним прав сильно различались в разных городах и странах. Особенно широкими привилегиями обладали городские буржуа, или бюргеры. Важнейшей из них было право избирать и быть избранным в городской совет. В большинстве крупных городов Франции буржуа не платили главного прямого земельного налога – тальи, были подсудны только местным городским судам, освобождались от постоя солдат, могли беспошлинно покупать дворянские имения и ввозить товары в город, пользовались преимуществами при вступлении в права наследования, имели право носить оружие и обладать гербом.

Разбогатевшие на торговле, финансовых операциях и других видах предпринимательства горожане, как правило, покупали землю, которая была для них, с одной стороны, надежным вложением капитала, а с другой – знаком социального восхождения семьи и залогом возможного в будущем аноблирования. Обретение в конечном счете дворянского статуса традиционно оставалось главным показателем социального успеха. Недворянская верхушка отчасти сближалась с проживавшими в городах дворянами по роду своих занятий и источникам доходов, подражала их образу жизни, соединялась с ними путем брачных союзов, стремясь в перспективе влиться с ними на равных в ряды привилегированной элиты. И те и другие могли занимать места в городских советах, судах и административных органах. Они образовывали узкую привилегированную группу. Так, все муниципальные должности в большом французском портовом городе Марселе удерживали около десятка семейств, связанных между собой брачными узами и отношениями кумовства.

В европейских городах сохранялась цеховая организация ремесла и торговли со всеми ее атрибутами: наследственными монопольными правами, статутами, дисциплиной труда, внутрицеховой иерархией, нормами поведения, взаимопомощью. В некоторых городах цеховые мастера входили в состав органов управления и являлись частью местной олигархии. Средний слой городского населения образовывали лавочники, хозяева трактиров, мелкие служащие, рантье, ремесленники, люди свободных профессий, врачи, хирурги (в XVIII в. это были две совершенно разные профессии, и социальный статус хирурга был гораздо ниже, чем статус врача, так как хирург занимался ручным трудом), аптекари. Самым предприимчивым и удачливым горожанам из средних и низших слоев удавалось разбогатеть, в основном благодаря успешной торговле, а зачастую и полулегальному ростовщичеству.

Низшие, численно преобладавшие, слои состояли из рабочих, поденщиков, уличных торговцев, слуг. Их благосостояние не было обеспечено, они жили буквально на грани нищеты и голода, и в любой момент неблагоприятные обстоятельства – плохая конъюнктура, конкуренция, невнесенная плата за товар или услуги, наконец, просто болезнь – могли отбросить их на самое дно, в ряды бездомных и нищих.

Подавляющее большинство людей в XVIII в. жили на пороге или за порогом бедности. Безземельные крестьяне, солдаты-дезертиры, беглые подмастерья, погорельцы, вдовы, сироты и калеки пополняли стекавшиеся в города толпы нищих и бродяг. В Кёльне их было 12–20 тыс. на 50 тыс. жителей, в Лилле – более 20 тыс. человек (более половины отцов семейств в этом городе были освобождены как неимущие от уплаты подушной подати), в Кракове – 30% населения города. В Лиссабоне в середине века постоянно находились до 10 тыс. бродяг, а в Париже – более 90 тыс. человек, не имевших ни постоянного жилья, ни заработка. Отношение к ним со стороны властей и общества в то время было двойственным. С одной стороны, церковь, монархи, городские муниципалитеты и частные лица занимались благотворительностью и помогали обездоленным. С другой – власти, поддерживаемые в этом общественным мнением, старались очистить города от нищих и бродяг. Полиция их отлавливала и отправляла в тюрьмы, приюты, больницы, работные и исправительные дома, на каторжные работы, но на их место прибывали все новые и новые. Бедность в XVIII в. преимущественно рассматривалась не как фатальная неизбежность, а как социальное зло, с которым необходимо бороться. Одну из попыток найти выход предпринял Т.Р. Мальтус (1766–1834), сформулировав «естественный закон народонаселения». В «Опыте о законе народонаселения» (1798) Мальтус объяснял бедность таким образом: народонаселение растет быстрее, чем имеющиеся в его распоряжении средства существования. По его мнению, единственно возможным способом преодолеть этот разрыв могло бы стать ограничение рождаемости. В теории Мальтуса, вызвавшей признание одних и острую критику других, отразилось осознание бедности как острейшей социальной проблемы и вместе с тем бессилия справиться с ней какими бы то ни было известными способами – будь то благотворительность, политика реформ или стимулирование экономического роста.

ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?

Понятие «Просвещение» возникло именно в XVIII столетии, причем этот термин и его производные у разных европейских народов имели свою собственную судьбу, свои собственные коннотации. Французы избрали слово «Lumières», которым обозначили атмосферу эпохи, движение чувств и идей. Немцы прибегли к неологизму «Aufklärung», подразумевавшему абстрактный интеллектуальный демарш. Их примеру позднее последовали англичане, предложив понятие «Enlightenment». Итальянцы и испанцы вначале пользовались словами «lumi» и «illuminati», «luz» и «ilustrados», а уж затем ввели в оборот «Illuminismo» и «Ilustración». В любом случае все эти слова содержали одну и ту же метафору – образ света, пробивающегося сквозь тьму. Свет во все времена символизировал добро, добродетель и знание, а тьма – зло, порок и невежество. Если поначалу речь шла о просвещении светом религии – постижении божественной истины, то затем на первый план выдвигается другой свет, о специфике которого мы можем судить, например, уже по названию посмертно опубликованного известного текста Декарта – «Разыскание истины посредством естественного света, который сам по себе, не прибегая к содействию религии или философии, определяет мнения, кои должен иметь добропорядочный человек относительно всех предметов, могущих занимать его мысли, и проникает в тайны самых любопытных наук» (1701).

В начале 1780-х годов в Пруссии разгорелась полемика о сути Просвещения и его пределах. В 1780 г. по инициативе Фридриха II Берлинская академия наук и изящной словесности объявила конкурс на тему «Полезно ли для народа обманывать его, либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибочных заблуждениях?» Победителем был признан математик И. Кастильон, который пришел к следующему выводу: «Учитывая существующий моральный и культурный уровень народа, обман его либо же оставление его в неведении относительно намерений, целей и поступков власть имущих является морально правильным при условии, что действительно служит причиной его счастья». Эта тема получила развитие на страницах журнала «Berlinische Monatsschrift». Новый виток полемики спровоцировала редакционная статья И.Э. Бистера о возможности гражданского брака для людей «просвещенных» и необходимости церковного оформления брачных уз для всех остальных. За статьей Бистера в декабре 1783 г. последовала возмущенная реплика берлинского пастора И.Ф. Цёльнера. Придерживаясь вполне «просвещенных», но умеренных взглядов, Цёльнер сокрушался по поводу прискорбного падения нравов и распространения безбожия под

влиянием французского образа мыслей, прикрывающегося именем Просвещения. В примечании к своему тексту пастор сформулировал знаменитый вопрос «Что такое Просвещение?» В сентябре 1784 г. на него ответил «немецкий Сократ», основоположник еврейского Просвещения – Гаскалы – М. Мендельсон, который подробно проанализировал понятия «Aufklärung», «Kultur» и «Bildung». Он считал, что последнее аккумулирует в себе первые два и означает такое развертывание человеческих способностей, которое «не сводится к чисто интеллектуальным моментам» (Aufklärung), но нацелено на целостное становление человека и общества. При этом именно «Aufklärung», по его мнению, призвано было научить человека должным образом пользоваться свои разумом. Эту мысль независимо от Мендельсона развил И. Кант, который в том же журнале опубликовал в декабре 1784 г. свой не менее знаменитый ответ на тот же вопрос. «*Просвещение*, – писал Кант, – *это выход человека из состояния своего несовершеннолетия*, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». Причина несовершеннолетия по собственной вине «заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* – имей мужество пользоваться *собственным* умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения. ⟨…⟩ Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный век*, то ответ будет: нет, но мы живем в век *Просвещения*». Суть Просвещения и одновременно его задачу Кант видел в постепенном развитии свободы мысли, которое, воздействуя на «образ чувствования» народа, постепенно подготовило бы его к «свободе действий» и оказало бы благотворное воздействие на «принципы правительства». В любом случае Просвещение представлялось Канту скорее сложным процессом, полным противоречий и далеким от завершения, чем неким набором готовых постулатов, вполне поддающихся однозначному определению. Не случайно Ю. Хабермас и М. Фуко считали определение Канта одним из высших проявлений рефлексии Просвещения.

Между тем в исторической науке Просвещение долгое время рассматривалось как относительно однородный идейный блок, как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно увязывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта; затем оно распространилось и на так называемую «периферию» Просвещения – идеи и деятельность их последователей в Италии, Испании, Португалии, Польше, России, на Балканах… Это восприятие было во многом связано с традиционным взглядом на Просвещение сквозь призму Французской революции. Оно родилось еще в годы самой Французской революции, нуждавшейся в идеологическом обосновании, и закрепилось в XIX в., для которого эта революция стала важнейшей точкой отсчета. Этот подход получил новый мощный импульс в XX в., поразившем мир новыми, невиданными по масштабу революциями, диктатурами и мировыми войнами. Независимо от того, поднималось ли Просвещение на щит как «философская революция» (Э. Кассирер), космополитическое идейно-политическое движение, возглавлявшееся интеллектуалами-реформаторами (Ф. Вентури), или же осуждалось за манипуляцию массами (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Р. Козеллек), постоянное (вольное или невольное) соотнесение Просвещения с

Революцией и ее последствиями неизбежно приводило к упрощению – в нем искали и находили черты, либо роднящие его с эпохой великих социальных потрясений, либо свидетельствующие о принципиальных различиях между ними.

Ситуация начала меняться с развитием нового направления – социальной истории Просвещения. Оно явилось плодом взаимодействия социально-экономической истории Старого порядка (Л. Февр, Э. Лабрусс, Ф. Бродель) и литературоведения (школа Г. Лансона), обогатившегося отдельными элементами истории, психологии и социологии. Именно социальная история позволила историкам Просвещения в 70-х годах XX в. выйти за рамки традиционной истории идей, рассматривавшей этот феномен только в связи с Французской революцией. Сторонники нового направления отказались от привычных методов исследования, в основе которых лежал анализ отдельных идей или событий, а предпочтение отдавалось изучению взглядов наиболее крупных авторов, отраженных в их наиболее известных трудах. Они сосредоточили внимание на обществе, на его экономических и культурных механизмах, учитывая при этом концептуальные и ментальные возможности эпохи, а также разницу между контекстом, в котором те или иные идеи рождались, и тем контекстом, в котором они циркулировали. Взаимодействие различных уровней исторической реальности (социального, экономического и культурного), взаимоналожение различных периодов исторического времени, учет фактора longue durée – все это стало предметом специального осмысления. Историки стали изучать ментальности, взаимоотношения между различными социальными группами и интеллектуальную продукцию при помощи прикладных количественных методов, используя серийные источники (например, серии архивных документов, относящихся к коллективным феноменам или систематически воспроизводимым ситуациям). Новые подходы доказали свою плодотворность – так, новаторский труд Р. Дарнтона об издательской судьбе «Энциклопедии» и ее читателях, исследование Д. Роша о провинциальных академиях открыли перед историками совершенно новые перспективы изучения Просвещения.

В 1980-е годы в исторической науке началась общая переориентация подходов, в самой гуще которой, по точному наблюдению В. Ферроне и Д. Роша, оказалась «новая культурная история Просвещения». «Глубинным истоком этой переориентации, – пишут они, – было осознание очевидной ограниченности возможностей интеллектуальной и социальной истории в том виде, в котором они до сих пор существовали. Интеллектуальная история отдавала явное предпочтение изучению творческого сознания индивида или активных интеллектуальных элит, рассматривая их в полном отрыве от ментальных структур эпохи. Это вело, с одной стороны, к переоценке функции идей в истории, а с другой – к недооценке коллективных механизмов производства и распространения этих идей, к пренебрежению институциональным контекстом и условиями формирования мыслительного стиля эпохи. Что касается социальной истории, она уделяла повышенное внимание социальным структурам, бессознательной и серийной составляющей менталитета, но в результате исследователи совершенно забыли о значимости процесса изменения и инновации, о том, какую роль играло не только производство, но и индивидуальное творческое потребление продуктов культуры». Современ-

ный историк не желает более рассматривать культуру как преимущественно интеллектуальный феномен, связанный с деятельностью элит, ни следовать схеме «народной культуры» как «экзистенциальной техники защиты личности от гнета повседневной реальности и отрицательного опыта». Культура охватывает весь социальный горизонт и «предстает перед глазами историка как структура, которую он анализирует с точки зрения динамики взаимоотношений между практиками и представлениями». Историки обращают все большее внимание на циркуляцию ценностных категорий, понятий и символов, которая приобрела в XVIII столетии особый размах на фоне ускорившихся процессов перемещения товаров и людей. «Учет этих факторов ⟨...⟩ позволяет материализовать взаимоотношения между происходившими в обществе трансформациями и перемещениями, с одной стороны, и духовными и философскими сторонами бытия – с другой. Появляется возможность проследить эти трансформации, то всматриваясь в непосредственные изменения материальной среды, то изучая новые формы общения, влиявшие на формирование публичного пространства, то анализируя способы усвоения новаций отдельными людьми и социальными группами – способы, отражавшие эволюцию отношений коллективного и индивидуального, публичного и частного начал».

Современная наука рассматривает Просвещение как особую культурную эпоху, как самостоятельный культурный объект, как «исторический мир», который необходимо изучать и реконструировать. Рош и Ферроне говорят о Европе эпохи Просвещения как о «специфическом операционном поле рационализирующего дискурса и рационализирующих практик, которые характеризовали процесс рождения нового способа осмысливать историю, мораль, политику ⟨...⟩ придали совершенно иное значение религии и искусству, перевели общение людей на особый язык символов и кодов, положив в основу практику свободы и систематическое публичное использование разума во всех областях». В следующих главах речь пойдет о наиболее существенных координатах и практиках этой новой культурной системы.

ПОНЯТИЯ «АБСОЛЮТИЗМ» И «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Современная историческая наука рассматривает XVIII в. как время становления государства современного типа, формирования базовых представлений об отношениях между властью и населением и в целом сферы политики в том виде, в каком они в основном сохранились до наших дней, будучи характерны для исторической эпохи, закат которой некоторые исследователи связывают с возникновением «информационного общества» и глобализацией конца XX – начала XXI в. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что рассматриваемые процессы эволюции государственных институтов и связанных с ними представлений даже на Европейском континенте в XVIII в. в разных странах шли с разной интенсивностью и имели свои особенности.

Ключевыми понятиями, используемыми историками при описании типов политической власти XVIII в., являются «абсолютизм»* и «просвещенный абсолютизм». Значение первого из этих терминов непосредственно связано с его происхождением: он зародился во Франции, где после 1614 г. и вплоть до 1789 г. не собирались Генеральные штаты и, таким образом, власть короля не была ограничена представительными органами. Именно такой тип политической власти, т.е. неограниченную монархию, и принято именовать абсолютизмом, и не случайно именно Франция XVII–XVIII вв. считается своего рода «классическим» примером абсолютной монархии, воплощенной в приписываемых Людовику XIV, но в действительности никогда им не произносившихся словах «государство – это я». Впрочем, теоретическое обоснование неограниченной монархической власти принято связывать с работами французского философа Ж. Бодена (1530–1596) и английского мыслителя Р. Филмера (ок. 1588–1653). Так, один из политических трактатов последнего прямо назывался «Патриарх: Защита естественной власти королей от неестественной свободы народа». Однако закрепление самого термина «абсолютизм» произошло в значительной мере под влиянием просветительской, а затем и революционной критики Старого порядка во Франции.

Несмотря на широкое распространение этого термина в исторической науке XIX–XX вв., при его применении к истории других стран Европы историки всегда сталкивались с определенными трудностями, что нередко порождало острые научные дискуссии. В конечном счете в историографии сложилось представление как о разных вариантах абсолютизма (например, западном и восточном), так и о его особенностях в разных странах, проявлявшихся в том числе в его различной исторической роли. Например, американский историк-марксист П. Андерсон полагал, что западный абсолютизм «был компенсацией за исчезновение крепостничества», в то время как восточный, наоборот,

---

* Термин «абсолютизм» появился в самом конце XVIII в.; до этого (уже в XVI в.) употреблялось словосочетание «абсолютная власть». См. также гл. «Традиции развития государственности: абсолютизм» (Всемирная история. Т. 3. М., 2013).

«средством консолидации крепостничества». Вместе с тем в современной историографии появляется все больше работ, авторы которых вообще сомневаются в продуктивности использования категории «абсолютизм» в качестве инструмента исторического познания. Так, по мнению специалиста по истории Австрии и германских государств раннего Нового времени Ч. Инграо, политический режим, подобный режиму Людовика XIV, нигде больше в Европе XVIII в. не существовал. Биограф этого монарха Ф. Блюш указывает на то, что образованными французами XVII–XVIII вв. абсолютная власть короля воспринималась одновременно и как ограниченная. Они не отождествляли абсолютную власть короля с деспотизмом, и Блюш отмечает, что его герою в практической деятельности приходилось сталкиваться с многочисленными преградами своей власти. Английский историк Дж. Блэк выделяет для европейских стран XVIII в. такие ограничения королевской власти, как сопротивление претензиям центральных властей, нередко слабый контроль монархов над своими правительствами, а также бытовавшие представления о пределах монархической власти. В особенности, по его мнению, подобные ограничения были характерны для больших стран Европы, где, как правило, существовал дефицит квалифицированных чиновников, коммуникации между отдельными частями страны были плохими, а большинство правительств испытывало недостаток в финансовых средствах. Ввиду неразвитости статистики, считает Блэк, центральным властям было трудно получить адекватную информацию о положении дел, из-за чего правители фактически оказывались в зависимости от местных властей и вынуждены были сотрудничать с наиболее влиятельными политическими силами. С тем, что «ни в теории, ни на практике власть… не была неограниченной или свободной от любых законов (legibus solutus), т.е. “абсолютной” в истинном смысле», согласен венгерский исследователь Е. Сюч, особо подчеркивающий неточность самого понятия «абсолютизм». Наконец, российский историк А.Н. Медушевский, с одной стороны, констатирует, что «абсолютизм предстает в историографии как общеевропейское явление, закономерная стадия развития государственности на всем европейском континенте», а с другой – солидаризируется с мнением немецкого исследователя Р. Виттрама, считавшего, что «абсолютизм» – это лишь «инструмент познания, нечто условное, идеальное, существующее только в воображении историка, а не в реальной жизни».

В свою очередь понятие «просвещенный абсолютизм» родилось из представлений о трансформации во второй половине XVIII в. системы управления большинства европейских стран под влиянием идей Просвещения, следствием чего стали масштабные проекты реформ. Считается, что, отринув представления о божественном происхождении своей власти, монархи этого времени попытались дать ей рациональное обоснование и пришли к осознанию своего долга служить «общему благу». К числу «просвещенных монархов» принято относить прежде всего прусского короля Фридриха II, австрийского императора Иосифа II и его брата Леопольда II, шведского короля Густава III, российскую императрицу Екатерину II и короля Испании Карла III. Сам термин «просвещенный абсолютизм» восходит к трудам немецких гегельянцев первой половины XIX в., считавших, что именно приверженность Фридриха II политике просвещенного абсолютизма помогла Пруссии, в отличие от Франции, избежать революционных потрясений. Дру-

гая исследовательская традиция восходит к 20–30-м годам XX в. и связана с заменой «просвещенного абсолютизма» «просвещенным деспотизмом».

В современной историографии обращается внимание на то, что само Просвещение было различным в разных странах Европы. В работах последних лет также подчеркивается, что политика просвещенного абсолютизма не означала, как правило, резкого поворота, а являлась продолжением и развитием политики предшествующего времени. В историографии не существует единой точки зрения и на хронологию просвещенного абсолютизма. Традиционно ему отводится примерно 50 лет с момента восшествия на престол Фридриха II в Пруссии (1740) и до начала Французской революции (1789), но некоторые исследователи склонны толковать это понятие расширительно, находя его черты (в том числе, например, в России) и в начале XVIII в., и в первой половине XIX в. Однако многие историки в принципе сомневаются в целесообразности использования этого понятия. Так, уже упоминавшийся Ч. Инграо отмечает, что просвещенный абсолютизм не мог существовать, даже если правители были просвещенными, поскольку они не были абсолютными. Немецкий историк Г. Бирч считает, что прежде чем применить данный термин к тому или иному монарху XVIII в., надо убедиться в том, что он действительно отверг концепцию божественного происхождения собственной власти и обосновывал ее рационалистически, что он был включен в «дискурс Просвещения», а также найти эмпирические подтверждения того, что конкретные просветительские идеи оказали влияние на практическую деятельность данного монарха и его министров. Поскольку обнаружить все три компонента, как правило, невозможно, Бирч считает использование термина «просвещенный абсолютизм» непродуктивным и заменяет его понятием «реформаторский абсолютизм». Напротив, М. Умбах полагает, что если под «просвещенным абсолютизмом» понимать процесс государственного строительства, включающий расширение и рационализацию административных структур, а также сотрудничество с элитами, то это понятие оказывается вполне пригодным для описания целей соответствующих политических режимов. В целом же, как отмечают исследователи, длительное применение термина «просвещенный абсолютизм» привело к тому, что историки все время сравнивали теорию Просвещения с политической практикой и, находя несоответствия, разочаровывались в «просвещенных» монархах. Осознав это, они стали больше внимания уделять тому, что было реально сделано правителями XVIII в., а не тому, что сделано не было, в результате чего удалось выявить многие достижения, имевшие долговременное историческое значение.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЕВРОПЕ XVIII ВЕКА

На первый взгляд, с точки зрения форм политического устройства, европейское пространство XVIII в. было достаточно однообразным, поскольку абсолютное большинство стран этого времени являлись монархиями. Однако при более внимательном рассмотрении в организации политической власти обнаруживаются значительные различия. В таких странах Европы, как Франция, Пруссия, Испания, Португалия, Дания, Савойя-Пьемонт, а также

в небольших германских княжествах монархии были наследственными, переход трона от одного монарха к другому регулировался законодательством и, по крайней мере, формально королевскую власть ничто не ограничивало, кроме общих представлений об обязанности монарха соблюдать божественные и естественные законы, а также охранять жизнь и собственность своих подданных. На практике же король должен был, как правило, считаться также с интересами церкви, юридических сословий, разного рода корпораций, судебными институциями и органами местного управления. При этом в некоторых из названных стран существовали учреждения парламентского типа*, право созыва которых, впрочем, принадлежало королям. Последние стремились по возможности этим правом не пользоваться. Так, не только во Франции, как уже упоминалось, Генеральные штаты не собирались с 1614 по 1789 г., но и, например, в Португалии после 1698 г. кортесы не собирались до 1820 г. Шведский король Карл XII во время коронации 1697 г. впервые в истории страны отказался подписать королевскую присягу, которую традиционно подписывали шведские короли, сам возложил на себя корону и не созывал риксдаг в течение всего периода своего правления.

Другой тип монархии был представлен Англией, где после потрясений середины XVII в., Славной революции и принятия в 1689 г. Билля о правах, окончательно ограничившего права короля в пользу парламента, в 1714 г. воцарилась Ганноверская династия и установился период относительной политической стабильности, покоившейся на взаимном признании сложившегося политического порядка. Похожая политическая система постепенно сформировалась и в Швеции, где после смерти в 1718 г. Карла XII власть вновь перешла к риксдагу. В 1720 г. там был принят конституционный акт и наступила «эра свобод», ознаменовавшаяся борьбой политических партий «шляп» и «колпаков» и продолжавшаяся до 1772 г., когда вступивший на престол Густав III осуществил переворот и стал постепенно сосредотачивать власть в своих руках. В 1789 г. он осуществил новый роялистский переворот, издав «Акт единения и безопасности», предоставлявший ему почти неограниченные полномочия. И хотя в 1792 г. Густав III был убит, созданный им политический режим просуществовал до 1809 г., когда в Швеции окончательно установилась конституционная монархия.

Совершенно особая, выборная модель парламентской монархии существовала в Речи Посполитой (польск. Rzeczpospolita – республика), где король избирался на съезде (сейме) польской шляхты. При этом согласно действовавшим законам король не обладал практически никакой реальной властью, в то время как любой из членов сейма имел право наложить вето на его решения. Показательно, что с точки зрения людей того времени подобный политический режим иногда воспринимался как республиканский. К началу XVIII в. распри, которыми всякий раз сопровождались выборы очередного короля, в значительной мере ослабили польскую государственность и фактически вопрос о наследнике польского престола решался в спорах между ведущими европейскими державами, главную роль среди которых играла Россия, не жалевшая денег на подкуп участников сеймов. Попытки последнего

---

* Такие монархии иногда называют парламентскими, но существовавшие в них представительные органы носили сословный характер и имели средневековое происхождение.

польского короля Станислава Августа Понятовского изменить политический строй и усилить королевскую власть отчасти реализовались в Конституции 3 мая 1791 г., но поскольку соседи Польши были заинтересованы в сохранении в этой стране слабого политического режима, принятие Конституции стало прологом к окончательному уничтожению польской государственности в ходе разделов страны между Россией, Пруссией и Австрией.

Более близким к действительно республиканскому было в XVIII в. политическое устройство Венецианской республики (до 1797 г.), таких городов-государств как Генуя, Лукка и Женева, а также Республики Соединенных провинций (Нидерландов). Но и между ними было немало различий. В Венецианской республике и городах-государствах политический режим имел в значительной мере олигархический характер, т.е. реальная власть была сосредоточена в руках нескольких богатейших семейств. Верховная власть в Республике Соединенных провинций принадлежала Генеральным штатам, в которых были представлены депутаты всех семи провинций страны, а также Государственному совету. Наряду с этим сохранялись и должности провинциальных наместников – штатгальтеров (статхаудеров), которые занимали принцы Оранского дома. После смерти в 1702 г. штатгальтера Голландии Вильгельма III Оранского, который, будучи избран английским королем, осуществил англо-голландскую унию и проводил политику ущемления интересов голландского купечества в пользу английского, должности штатгальтеров главных провинций были на время ликвидированы и вновь восстановлены в 1747 г. Однако уже в конце века, в 1795 г. под влиянием Французской революции и при поддержке французских войск был свергнут последний штатгальтер Вильгельм V и провозглашена Батавская республика. В 1798 г. там была принята конституция, ликвидировавшая все сословные привилегии.

Различия в политическом устройстве разных стран не препятствовали тому, что многие из них одновременно были империями, обладавшими значительными заморскими колониями. Таковыми были, в частности, Англия, Франция, Испания, Португалия и Нидерланды. Помимо этих морских империй существовали и крупные континентальные империи: Священная Римская, Оттоманская (Османская) и Российская.

Император Священной Римской империи, чьи владения включали Австрию, Венгрию, часть Италии, Южные Нидерланды и отдельные территории Южной Европы, формально избирался курфюрстами, представлявшими германские государства (Баварию, Богемию, Ганновер, Пруссию, Саксонию и др.). Фактически же, начиная с XV в., императорский трон за редким исключением почти автоматически переходил по наследству представителям династии Габсбургов. Осложнения возникали, если, например, не оказывалось прямого наследника мужского пола. Так, после смерти императора Карла VI (1740) ему наследовала его дочь Мария Терезия, что вызвало войну за Австрийское наследство, закончившуюся, впрочем, подтверждением прав императрицы, хотя и потерявшей отошедшую к Пруссии Силезию. Верховным правителем Османской империи, владения которой простирались в Азии, Африке и Южной Европе, являлся султан, получавший власть по наследству, но не по нисходящей линии, а от старшего брата к младшему. Реальная власть, однако, находилась в руках великого везира, за чью должность шла постоянная политическая борьба, нередко заканчивавшаяся дворцовыми

переворотами. В России первый законодательный акт о престолонаследии, появившийся в 1722 г., наделял императора правом самому назначать себе преемника и лишь в 1797 г. был окончательно установлен порядок наследования престола по мужской нисходящей линии.

Исследователи политических режимов XVIII в. отмечают, что ни один из них в полной мере не соответствовал современным представлениям о демократии, поскольку даже в странах, где существовали органы представительной власти, не было всеобщего избирательного права, права человека не были законодательно закреплены, а законодательство в целом было основано на неравенстве прав отдельных социальных групп. В политической мысли XVIII в. демократия зачастую ассоциировалась с анархией и властью толпы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ

XVIII век стал временем окончательного формирования современных представлений о государстве как автономном институте, являющемся источником легитимной власти и существующем независимо от того, кто конкретно является правителем. Эти представления постепенно, на протяжении всего столетия вытесняли в основном доминировавшую до этого патерналистскую модель власти. Впрочем, процесс этот протекал в разных странах неравномерно и трансформированная патерналистская модель еще долго сосуществовала с новыми представлениями. Важнейшую роль в их формировании в XVII в. сыграли достижения естественных наук, породившие веру человека в способность с помощью разума познавать и изменять не только окружающий его природный мир, но и устройство общества. Вера в силу человеческого разума воплотилась в трудах представителей рационалистической философии XVII – начала XVIII в. Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Дж. Локка и других, в которых получила развитие идея естественного права как совокупности принципов, правил, прав и ценностей, продиктованных естественной природой человека и в силу этого не зависящих от конкретных социальных условий и государства. В свою очередь идея естественного права легла в основу теории общественного договора, отвергшей представления о божественном происхождении государства и, соответственно, всякой власти. Создатели теории общественного договора утверждали, что государство возникает как продукт сознательного творчества людей, как результат договора между ними, заключая который они передают государству часть своей свободы, а взамен оно обеспечивает их безопасность, гарантирует их права и собственность. Власть и общество, таким образом, связаны системой взаимных обязательств, а также ответственностью за их невыполнение. Отсюда делался вывод о том, что, если правитель злоупотребляет властью, договор с ним общества может быть расторгнут.

В интерпретации теории общественного договора мыслителями XVII–XVIII вв. были и определенные различия. Родоначальником этой теории в Новое время считается Г. Гроций, чьи идеи были развиты Т. Гоббсом в его «Левиафане» (1651). В их трактовке государство являлось высшей ценностью, воплощением «общего блага», на которое был обязан трудиться каждый подданный, а монарх представал олицетворением государства, что служи-

ло обоснованием неограниченности его власти. Однако уже Дж. Локк («Два трактата о государственном правлении», 1690) перенес акцент с отчуждения в результате договора естественных прав человека на их обеспечение, и в его интерпретации это служило обоснованием конституционной монархии. Наиболее радикальная трактовка была дана Ж.Ж. Руссо в его сочинении «Об общественном договоре» (1762), содержавшем резкую критику современных ему государственных и правовых институтов. Идеи Руссо нашли отражение в идеологии и деятельности якобинцев.

Возникновение на рубеже XVII–XVIII вв. новых представлений о сущности государства и их дальнейшее развитие на протяжении всего века Просвещения явилось не только фактом истории идей, но и результатом политических процессов. В частности, оно было теснейшим образом связано с начавшимся еще в предшествующем веке процессом становления в Европе национальных государств как государств нового типа. Одной из характерных черт этих новых государств был светский характер власти, нуждавшейся в разного рода политических теориях ради собственной легитимации и использовавших их в качестве средства управления.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII ВЕКА

Переосмысление сущности государства заставляло задуматься о наиболее эффективных способах управления и, соответственно, о путях достижения «общего блага» как его цели, порождая новые политические теории. При этом характерно, что на рубеже XVII–XVIII вв. и в первой половине столетия политические теории, как правило, являлись неотъемлемым компонентом общефилософских и даже общенаучных сочинений, а их авторы, как, например, немецкие философы Г.В. Лейбниц и Х. Вольф, соединяли размышления об организации политической власти и решении задач воспитания подданных с занятиями математикой, физикой и другими естественными науками.

Одной из наиболее влиятельных политических теорий XVIII в. явился камерализм – учение об управлении государством, во многом предшествовавшее современной науке администрирования. Основные идеи камерализма были сформулированы уже Г. Гроцием и С. Пуфендорфом, однако в XVIII в. они были развиты немецкими учеными-полицеистами, некоторые из которых, как, например, И.Г. фон Юсти, занимали специальные кафедры камерализма в университетах Галле, Гёттингена, Франкфурта и др. Учение камерализма охватывало три сферы жизни общества – финансы, государственное хозяйство (экономию), понимавшуюся несколько шире, чем то, что позднее стали именовать экономикой, и полицию, под которой также имелись в виду не просто органы правопорядка, а в целом система государственного контроля и управления. Представления камералистов о государственном хозяйстве основывались преимущественно на идеологии меркантилизма, делая акцент на торговом протекционизме. Организация же административного управления, по их мнению, должна быть основана на системе отраслевых ведомств с четко регламентированной компетенцией каждого из них в строго определенной сфере общественной жизни и с распространением их власти на всю территорию страны и все категории населения. Внутренняя организа-

ция всех государственных учреждений должна быть единообразной и также строго регламентированной, как и деятельность каждого отдельного чиновника. Вся система государственного управления должна была превратиться, таким образом, в хорошо отлаженный и рационально организованный механизм, бесперебойность и эффективность работы которого обеспечивалась системой регламентов, инструкций и строгого контроля. Поскольку при этом целью государства являлось «общее благо», то необходимо было поставить на службу ему не только государственных чиновников, но и каждого подданного, для чего требовалось создать систему законов, строго регламентирующих и его не только общественную, но и частную жизнь. В этой концепции фактически не было места отдельному человеку как личности, наделенной определенными правами, – он воспринимался лишь как составная часть государства, слуга, обязанный трудиться на «общее благо».

Тип государства, основанного на идеях камерализма, принято называть «регулярным» или «полицейским» государством, но при этом надо иметь в виду, что для людей XVIII в. это наименование не было еще связано ни с какими негативными ассоциациями. Идеи камерализма получили распространение в основном в протестантских странах. Так, в Швеции еще в конце XVII в. на их основе была создана система административного управления, взятая затем за образец Петром I в России. Но особенной популярностью камерализм пользовался в Пруссии, сперва при Фридрихе Вильгельме I, а в особенности при Фридрихе II. Именно в Пруссии и в России теория камерализма оказала наибольшее влияние на политическую практику, законодательство и административное управление и в значительной мере способствовала созданию в этих странах национальной бюрократии. Однако во второй половине века популярность камерализма пошла на убыль, поскольку в экономической сфере на смену меркантилизму пришло учение физиократов, а в политической сильное влияние приобрели идеи Ш.Л. де Монтескье, представленные в его книге «О духе законов» (1748). Они оказали огромное влияние на всю европейскую политическую мысль XVIII столетия.

Развивая идеи Аристотеля, Монтескье выделял три типа организации политической власти – деспотию, монархию и республику. Выбор той или иной формы политического правления он тесно увязывал с географическим положением и климатом страны. Отвергая в целом деспотию как власть нелегитимную и разрушительную для народа, Монтескье высоко ценил республику, но при этом считал ее пригодной лишь для небольших по территории стран. Что же касается монархии, то ее основу французский философ видел в сословном строе, образуемом наделенными правами и привилегиями юридическими сословиями, причем непосредственной опорой трона, по его мнению, являлось дворянство. Однако в полном соответствии с теорией общественного договора главной обязанностью монарха он полагал заботу о благе подданных, а основным инструментом для этого считал законотворческую деятельность. Именно создание справедливых законов, обеспечивающих благосостояние и безопасность общества, становилось, таким образом, целью монархического правления. При этом Монтескье оговаривал, что эти законы должны соответствовать традициям и обычаям народа и являться письменным оформлением его естественных прав. С сочинениями Монтескье и его последователей связано и понятие «фундаментальные законы».

Само это понятие было известно и ранее, но теперь ему была дана новая трактовка: в фундаментальных законах следовало зафиксировать основные взаимные права и обязанности власти и подданных, которые и должны были составить правовую основу государства.

Важнейшим достижением Монтескье как политического мыслителя считается разработка им теории разделения властей, которая впоследствии легла в основу представлений о демократическом устройстве государства. В действительности эта идея была впервые выдвинута еще Дж. Локком, но именно у Монтескье она получила развернутое обоснование. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную должно было, по его мнению, обеспечить баланс политических сил и служить средством предохранения против сосредоточения власти в одних руках, а значит, и против деспотизма. С теорией разделения властей тесно связано и важное для Монтескье понятие политической свободы, сформулированное им как право человека делать все, что разрешено законом. Обеспечить политическую свободу могло, по его мнению, лишь разделение властей, ибо «когда законодательная власть объединена с властью исполнительной в одном лице либо в одном аппарате магистрата, свободы быть не может, ибо налицо законное подозрение, что сам монарх или же сенат может принять тиранические законы, чтобы затем тираническим образом заставить их исполнять». Родиной европейских свобод Монтескье считал Скандинавию, а образец обеспечивающего политическую свободу разделения властей видел в современной ему Англии и, хотя, по-видимому, знал, что сами англичане, например Г. Болингброк, достаточно резко критиковали политический режим своей страны, замечал: «Мне не пристало судить, пользуются ли англичане в настоящее время этой свободой. Достаточно подтвердить, что она санкционирована законами, а все остальное не имеет значения». Идея политической свободы, разработка которой была продолжена и другими деятелями Просвещения, была важна еще и потому, что в отличие от камерализма предполагала признание ценности отдельной личности и ее прав. Целью просвещенной монархической власти становилось уже не столько абстрактное общее благо, сколько широко толкуемая «безопасность» всех и каждого.

Идеи Монтескье очень быстро завоевали популярность и распространились по всей Европе, заложив основы представлений о правовом государстве. Они послужили отправной точкой всех последующих появившихся до конца столетия произведений политической мысли. Почитателями Монтескье были и многие коронованные особы, и практикующие политики. Так, у Монтескье были заимствованы около половины статей Наказа Екатерины II Уложенной комиссии, герцог Леопольд Тосканский на портрете кисти П. Батони изображен с книгой «О духе законов» в руках, а магистраты парижского парламента активно использовали ее лексику уже в ремонстрациях 50–60-х годов XVIII в. Знакомство с идеями Монтескье и даже усвоение лексики его сочинений не означало, впрочем, что они являлись прямым руководством к действию. Исследователи отмечают, что, хотя деятельность чиновников парижского парламента в XVIII в. отмечена ростом оппозиционности по отношению к королевской власти, усилением корпоративного духа и осознанием себя «рупором» нации, идейно их позиции практически не менялись на протяжении нескольких веков и мало изменились даже тогда, когда они стали

цитировать Монтескье, а позднее и Руссо. И Фридрих II, и Иосиф II, и Густав III полагали, что реализовать свою миссию просвещенного монарха они в состоянии, только сосредоточив всю власть в своих руках. Так, Густав III активно использовал заимствованную у Монтескье фразеологию и, в частности, понятие фундаментальных законов уже при установлении нового политического порядка в Швеции в 1772 г., утверждая что «эра свобод» на деле обернулась властью аристократии. Но одновременно он восхищался сочинением «Естественный и основной порядок политических обществ» (1767) П.П. Мерсье де Ла Ривьера – одного из видных французских физиократов, отстаивавшего абсолютную власть монарха и утверждавшего, что образование и свобода выражения откроют подданным глаза на очевидность принципов социального устройства и заставят их поддерживать законного монарха, наделенного неограниченными полномочиями. Все правление Густава прошло под знаком борьбы с представительными органами, а будущий австрийский канцлер В.А. Кауниц уже в 1750 г. жаловался, что Совет Брабанта возомнил себя толкователем законов и даже прав короны и «стремился лишь к созданию опасной промежуточной власти между правителем и подданными по образцу, данному Монтескье».

Если камерализм как политическое учение был тесно связан с экономической теорией меркантилизма, то пришедшая ей на смену теория физиократов, считавших, что богатство государства зависит в первую очередь от сельскохозяйственного производства, охватывала не только экономическую, но и политическую сферу. По мнению физиократов, единственным законным источником государственных доходов являлись доходы, получаемые от земли. Соответственно, они выступали за свободную торговлю и низкие пошлины. Важное место в рассуждениях физиократов занимало понятие личного интереса, поскольку они считали, что только сам индивид в состоянии определить, какие именно продукты ему нужны и как именно их можно произвести. Следующий логический шаг в их рассуждениях был связан с понятием частной собственности на землю, без которой успешное развитие сельского хозяйства, по их мнению, было невозможно. Обеспечение гарантий частной собственности и прав личности трактовалось физиократами как обязанность верховной власти и, более того, ее основная функция, а государственный строй, по их мнению, должен был быть основан на природе человека. Наиболее четко эти идеи сформулированы в сочинениях Мерсье де Ла Ривьера, который в беседе с Екатериной II утверждал даже, что правителю не следует издавать какие-либо новые законы, поскольку все они уже созданы Богом. Показательно, однако, что у истоков учения физиократов стояли практические политики: руанский магистрат П. Буагильбер (1646–1714) – автор экономических памфлетов, в которых он резко критиковал теорию меркантилизма, отстаивал интересы крестьянства и сельскохозяйственного производства и выступал за минимальное вмешательство государства в экономику, и А.Р.Ж. Тюрго (1727–1781), являвшийся некоторое время генеральным контролером финансов при Людовике XVI. Однако подлинным основателем учения физиократов считается Ф. Кенэ (1694–1774) – личный врач Людовика XV и мадам де Помпадур, полагавший, что «чистый доход» дает только земля. Протеже Кенэ был другой видный физиократ, П.С. Дюпон де Немур (1739–1817), возведенный Людовиком XVI в дворянское достоинство. В 1789 г. он

стал депутатом Генеральных штатов, а в 1790 г. – председателем Учредительного собрания. Эмигрировав после революции в Северную Америку, Дюпон де Немур через Т. Джефферсона оказал определенное влияние на формирование экономической политики Соединенных Штатов, а его сын основал фирму «Дюпон», ставшую одной из крупнейших в мире химических компаний.

Еще одно течение политической мысли XVIII в. было связано с отношением к республиканской форме правления. С одной стороны, с республиками ассоциировались политические свободы, что нашло, в частности, отражение в сочинениях Дидро, Гельвеция, Даламбера и других французских просветителей. С другой – сами республики того времени демонстрировали слабость государственных институтов, упадок и власть олигархии. Впрочем, с основанием Северо-Американских Соединенных Штатов сторонники республики получили сильный аргумент, поскольку этот пример продемонстрировал возможность победы республики над монархией и установления республиканского строя не только в небольших странах и городах, причем строя, основанного на идеях Просвещения.

Важной идеей XVIII в., постепенно завоевывавшей политическое пространство, стала идея веротерпимости. Ее активными сторонниками выступали уже французский мыслитель П. Бейль, автор «Исторического и критического словаря» (1695–1697) и Г.В. Лейбниц, ратовавший за создание своего рода экуменистической «республики знаний», объединяющей ученых разных стран вне зависимости от вероисповедания. Распространению идеи религиозной веротерпимости способствовало также почти повсеместное уменьшение политического и экономического влияния церкви, а также появление идей ученых-популяционистов, связывавших благосостояние стран с размерами населения. Еще в первой половине – середине XVIII в. в большинстве европейских стран, включая Англию и Голландию, религиозные меньшинства были ущемлены в правах. В 1750-е годы последнюю волну направляемых государством репрессий испытали французские гугеноты; австрийская императрица Мария Терезия, обнаружив в Верхней Австрии небольшую общину протестантов, выслала ее в Трансильванию, а российская императрица Елизавета Петровна на предложении разрешить въезд в Россию еврейских купцов начертала: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»*. Однако уже дело Каласа 1762 г., побудившее Вольтера написать «Трактат о веротерпимости», и дело Сервена 1764 г.**, в защите которого Вольтер также принял деятельное участие, стали заключительными эпизодами в истории официального преследования французских протестантов, а в 1787 г. Людовик XVI восстановил их гражданские права, ущемленные со времени отмены Нантского эдикта в 1685 г. В Англии еще в 1753 г. был принят билль о натурализации евреев, а в 1778 г. ликвидирована дискриминация католиков. Французская революция принесла гражданские права сперва французским евреям-сефардам, а затем и евреям, проживавшим на

---

* Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. IX. № 8840.

** Негоциант-кальвинист Ж. Калас был ложно обвинен парламентом Тулузы в убийстве собственного сына, якобы желавшего перейти в католичество, подвергнут пыткам и казнен. П.П. Сирвен был ложно обвинен в убийстве своей дочери, будто бы желавший перейти в католичество, и приговорен тем же Тулузским парламентом к смертной казни.

территории Германии, оккупированной войсками Наполеона. В многоконфессиональной Российской империи с 60-х гг. XVIII в. прекращается преследование старообрядцев, а православным священникам, жаловавшимся на мусульман, строивших мечети вблизи церквей, Екатерина II велела передать: «Как всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и она из тех же правил, сходствуя Его святой воле, и в сем поступает, желая только, чтоб между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали» (подробнее см. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения»).

Хотя основанные на новом представлении о государстве идеи общественного договора, «общего блага», фундаментальных законов, взаимных прав и обязанностей монарха и подданных, политических свобод и т.д. составляли своего рода «мейнстрим» политической мысли XVIII в., патриархальные и патерналистские представления о монархической власти были по-прежнему сильны и широко распространены. Наиболее ярко это проявлялось, в частности, в способах репрезентации власти в разных странах, например во Франции и в России. Так, во время коронации Людовика XVI был воспроизведен традиционный средневековый обряд исцеления наложением рук короля на 2000 калек, а в России царствующие особы представали в образах «царя-батюшки» («отца отечества») и «матушки государыни». Патерналистская модель власти воспроизводилась и на уровне семьи – в отношениях между мужем и женой, отцом и детьми.

ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА

Как и в иных сферах общественной жизни, XVIII век – это время становления новой политической культуры, которая на протяжении столетия постепенно обзаводится собственными нормами и правилами и приобретает относительно упорядоченный вид. Этот сложный процесс был напрямую связан со становлением новых представлений о государстве и распределении ролей разных действующих лиц в формировании сферы политики. Очевидно при этом, что в разных странах изменения политической культуры шли с разной интенсивностью и зависели от национальных традиций, особенностей политического строя, а также от развития правовой сферы и закрепления в законодательстве прав отдельных политических акторов.

Поскольку большинство стран того времени являлись монархиями, важнейшая роль в политическом процессе принадлежала двору. В целом институт двора в XVIII в. достигает пика в своем развитии. Именно двор с его этикетом, наполненными важным идеологическим смыслом символическими ритуалами и церемониями в первую очередь осуществляет репрезентацию верховной власти и создает ее образ как для подданных, так и для внешних наблюдателей. При этом, даже воспроизводя средневековые ритуалы, придворные церемонии все больше теряют сакральный смысл и приобретают светский, театрализованный характер, все более наполняются политическим содержанием.

Своего рода образцом для подражания стал для Европы XVIII в. двор Людовика XIV и его преемников. Пышность, многочисленность и богат-

ство двора становятся своего рода мерилом величия страны, ее значения и влияния, а между европейскими монархами возникает негласное соревнование в придворной роскоши. В определенной степени исключение составляла Пруссия, где Фридрих II позиционировал себя в большей степени как бюрократа на троне и институт двора практически не сложился. В остальных же странах значительно возрастают расходы на содержание двора. Своеобразный рекорд в этом отношении был поставлен в Баварии, где в начале столетия расходы на двор составляли до 75% государственного бюджета. В некоторых небольших германских государствах эта цифра достигала 50%. Во Франции при Людовике XV на двор тратилось лишь в два с небольшим раза меньше, чем на армию, флот, заморские колонии и внешнюю политику вместе взятые. В России при Екатерине II расходы на двор возросли с 10,9 до 13,5% бюджета.

В силу особенностей политического устройства большинства стран XVIII в. именно двор являлся центром их политической жизни, и именно внутри него шла политическая борьба. Поскольку решающую роль в формировании политики, в особенности внешней, считавшейся занятием королей, играл монарх (именно по этой причине побудительные мотивы внешней политики многих стран этого времени по-прежнему диктовались не столько национальными, сколько династическими интересами), то и политическая борьба в значительной мере сводилась к борьбе за влияние на него и получение к нему доступа. Обеспечить его могло получение придворных должностей, которые поэтому часто ценились выше, чем должности в системе административного управления. Распределение же придворных должностей зависело как от традиций (некоторые придворные должности являлись наследственным достоянием определенных аристократических семей), так и от родственных связей и финансовых возможностей претендента. Чрезвычайно развит был институт клиентелы.

Борьба за влияние на монарха вела к разделению его окружения на многочисленные фракции, отстаивавшие, как правило, вполне определенные интересы. Поскольку при этом двор являлся не только политическим институтом, но и своего рода домохозяйством монарха и включал членов его семьи, то разные политические фракции часто группировались вокруг наследника престола, супруги монарха и т.д. Важную роль в формировании политики в XVIII в. играл фаворитизм, получивший особенное распространение во Франции и России, где вокруг мадам де Монтеспан и мадам де Помпадур, Э. Бирона и Г. Потемкина также складывались фракции, с одной стороны, обеспечивавшие их политическое влияние, а с другой – через них влиявшие на монарха. Именно фаворит нередко становился автором важным политических и иных инициатив верховной власти. Так, во Франции при поддержке мадам де Помпадур в 1751 г. была основана Военная школа (Ecole Militaire), в России И.И. Шувалов стал основателем Московского университета и Академии художеств, а фаворит датской королевы Каролины Матильды И.Ф. Струэнзе осуществил важные внутриполитические реформы. Однако внеправовой характер института фаворитизма нередко приводил к тому, что фаворит становился жертвой борьбы придворных фракций. Так случилось, к примеру, с отправленным в Сибирь в резуль-

тате дворцового переворота в пользу принцессы Анны Леопольдовны герцогом Бироном и с казненным реформатором Струэнзе, который был отрешен от власти фракцией вдовствующей королевы и наследного принца Фредерика.

Хотя в странах, где власть монарха была законодательно ограничена, политическое значение двора было не столь велико, роль монарха в определении политического курса оставалась значительной и даже такие крупнейшие английские политики XVIII в., как Р. Уолпол, У. Питт и лорд Норт вынуждены были искать поддержки не только у парламента, но и у короля. Вместе с тем в этих странах, и прежде всего в Англии и Швеции, в противостоянии вигов и тори, «шляп» и «колпаков» формируются прообразы современных политических партий и складываются нормы межпартийной борьбы.

Примечательно, что в Англии существенную роль в этой борьбе уже с начала XVIII в. играет пресса, причем не только газеты, но и знаменитые сатирические журналы, в которых публиковались политические памфлеты. Будучи по преимуществу орудием в руках политиков, пресса именно с этого времени постепенно превращается в самостоятельную политическую силу. Число ежегодно продаваемых в Англии газет выросло с 2,5 млн экземпляров в 1713 г. до 12,6 млн в 1775 и 16 млн в 1801 г. Лишь в одном Лондоне к концу века было 16 ежедневных газет. В Австрии при Иосифе II издавалось около 200 газет, а некоторые голландские газеты, например «Gazette d'Amsterdam», получили международную известность и широко распространялись в том числе во Франции. Развитие периодической печати привело к возникновению особой культуры кофеен, читален, баров, парикмахерских, клубов и других общественных заведений, где люди собирались для чтения газет, обмена политическими новостями и их обсуждения. Эта новая практика приобщала к политической сфере широкие слои населения, включая и тех, кто не имел правовых рычагов воздействия на нее. В свою очередь это заставляло и власть внимательнее относится к настроениям народа, создавать специальные службы для выяснения общественных настроений и даже пытаться воздействовать на них, в том числе путем целенаправленного распространения слухов.

Английский журналист и политик Джон Уилкис (1725–1797) был политическим противником герцога Бьюта, в 1762 г. занявшего пост премьер-министра Англии. Поскольку герцог издавал газету «The Briton», то для борьбы с ним Уилкис основал собственную и назвал ее «The North Briton», что намекало на шотландское происхождение Бьюта. В апреле 1763 г. Уилкис выступил в Палате общин с яркой речью, в которой обрушился с резкой критикой на короля Георга III за подписание Парижского мирного договора. При этом он потрясал 45-м номером своей газеты, в которой опубликовал соответствующую передовую статью. Сама цифра номера газеты была прозрачным намеком на восстание якобитов 1745 г., которое принято было называть просто «45» и которому, как считалось, сочувствовал Бьют. Король счел себя оскорбленным речью и публикациями Уилкиса и приказал его арестовать. Однако позиция журналиста пользовалась в народе широкой поддержкой, и возмущенные толпы его сторонников скандировали: «Уилкис, свобода, номер 45!» Вскоре, ссылаясь на парламентские привилегии, Уилкис доказал незаконность ареста и снова занял свое место в английском парламенте.

На политической сцене XVIII в. определенную роль играли различные выборные местные и общенациональные представительные органы. Их власть, реальные полномочия и возможности формировать политику были в разных странах различны. Наиболее могущественным был английский парламент, но ничего подобного ему больше на европейском континенте не было, если не считать, конечно, польского сейма, наделенного огромной властью, но не способного ею распоряжаться. Дискриминационный характер избирательного права также не обеспечивал всенародного представительства. Так, даже в Англии примерно из 9 млн населения в конце века правом голоса обладали лишь около 350 тыс. человек. В Польше сейм избирали примерно 150 тыс. шляхтичей. Несколько иначе обстояло дело с местными выборными органами большинства европейских стран, в частности городскими, в формировании которых принимали участие почти все представители взрослого населения. Претендентам на выборные должности приходилось проводить напряженные избирательные кампании, в которых зарождались многие агитационные практики, получившие развитие в последующее время, включая распространение листовок, плакаты, граффити на стенах домов и т.д. В России местные выборные органы, наделенные хоть какими-то полномочиями помимо фискальных и полицейских, появились лишь в последней четверти века, и для того чтобы при отсутствии соответствующих традиций население осознало возможность использовать выборы в качестве рычага воздействия на власть, потребовалось продолжительное время.

Наряду с представительными органами политическим влиянием в Европе XVIII в. пользовались и действовавшие через них различные сословные, профессиональные и иные корпорации, обладавшие законодательно закрепленными привилегиями. Это были и провинциальные дворянские корпорации, и отдельные города, и купеческие и ремесленные гильдии, и церковные организации. Хотя административная власть еще в основном не приобрела самостоятельный характер, и правительство, как правило, не было в полной мере отделено от двора, все большее влияние в XVIII в., по мере осознания значения эффективного управления, приобретает бюрократия. Особенно интенсивно этот процесс шел в странах, где был взят на вооружение камерализм и где активно происходила профессионализация чиновничества.

Процессы секуляризации общественной жизни не исключили полностью из политической сферы и церковь, продолжавшую сохранять значительное политическое влияние. Одновременно с этим вопросы, относящиеся к внутрицерковной жизни, сохраняли политическое значение. Так, например, изгнание иезуитов в разных странах Европы осуществлялось светскими властями и началось с Португалии, где маркизу де Помбалу удалось обвинить их в покушении на жизнь короля Жозе I. Напротив, в России Екатерина II разрешила деятельность иезуитов ради распространения своей власти на католические общины (прежде всего отторгнутых у Польши земель) в противовес власти папы. В то же время влияние религиозных течений, как, например, янсенизма, далеко выходило за рамки богословия, формируя политические и социальные представления (см. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения»).

РЕФОРМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Оптимистическая вера в возможность с помощью разума и знаний усовершенствовать организацию общества и достичь «общего блага», с одной стороны, и распространение представлений о том, что забота об этом есть обязанность власти по отношению к своим подданным – с другой, поставили в центр политики многих европейских стран XVIII в. понятие реформы. При этом важным отличием правительственных реформ этого столетия от преобразований предшествующего времени стало то, что они являлись не столько вынужденной реакцией власти на возникающие проблемы, сколько осознанной политикой по созданию новой реальности. Распространение идей Просвещения привело к тому, что население ожидало от своих правителей целенаправленной работы по совершенствованию жизни подданных, а сами правители видели в этом свой долг. Своего рода канон правителя-реформатора, как считают некоторые историки, был создан в первой четверти XVIII в. Петром Великим, сумевшим с помощью реформ превратить Россию в одну из ведущих мировых держав. Однако ожидания населения, как правило, вовсе не означали готовность к переменам, и многие реформаторские попытки наталкивались на активное сопротивление со стороны различных корпораций, социальных и национальных групп.

Интерес и тяга к преобразовательной деятельности имели два важнейших последствия. Во-первых, поскольку реформы следовало проводить, опираясь на точные знания, немало усилий было направлено на сбор разного рода сведений о своих странах, причем зачастую эти усилия инициировались и направлялись самими правительствами. В специализированных журналах по правоведению, медицине, сельскому хозяйству, естественным наукам, военному делу и другим, читателями которых были в значительной мере чиновники, а также все, кто имел досуг для чтения, печатались статьи, наполненные статистическими данными о торговле, финансах, военном потенциале, демографических показателях и т.д. Власть тратила много энергии на то, чтобы представить управляемое ею пространство своих стран в виде цифр, измерений и конкретных данных, изучая состояние дорог, мостов и водных коммуникацией, динамику цен на продукты питания и их качество, уровень образования населения, способы использования природных богатств, число нищих и бродяг, степень распространенности суеверий и пр.

Во-вторых, XVIII век стал веком прожектерства – активнейшей деятельности по составлению разного рода проектов переустройства всего и вся, от управления государством, системы образования, судопроизводства и экономики до способов ловли бродячих собак. В эту деятельность были вовлечены представители самых разных социальных слоев, а сам проект как способ самореализации стал в XVIII в. одним из наиболее распространенных и популярных литературных жанров. Разнообразные проекты также печатались в периодической печати и в еще большем количестве подавались монархам, правителям и министрам.

Поскольку основным средством осуществления преобразований считалось законодательство, эта историческая эпоха стала еще и временем активного законотворчества, непосредственное участие в котором принимали нередко сами монархи. Однако действенность новых законов и, соответ-

ственно, соотношение между реформаторскими намерениями властей и реальностью не всегда еще хорошо изучены, следствием чего является в целом достаточно скептическое отношение историков к результатам реформ XVIII в. Впрочем, нередко исследователи ищут результаты реформ непосредственно после издания соответствующих законодательных актов, в то время как для того, чтобы они принесли конкретные плоды, зачастую требовалось довольно продолжительное время.

Именно в реформах XVIII столетия в наибольшей степени отразилось влияние Просвещения на политическую сферу. Самые впечатляющие попытки преобразований были предприняты в Пруссии, Австрии, Португалии, Дании, Тоскане и в некоторых небольших германских государствах. При этом реформам XVIII в. в разных странах были свойственны многие общие черты. Они, как правило, были многосторонними и направлены одновременно на такие сферы, как административное управление, финансы, торговлю, образование, здравоохранение, право и т.д. Ряду из них был свойственен антиклерикализм, утверждение принципов веротерпимости, расширение и закрепление гражданских свобод.

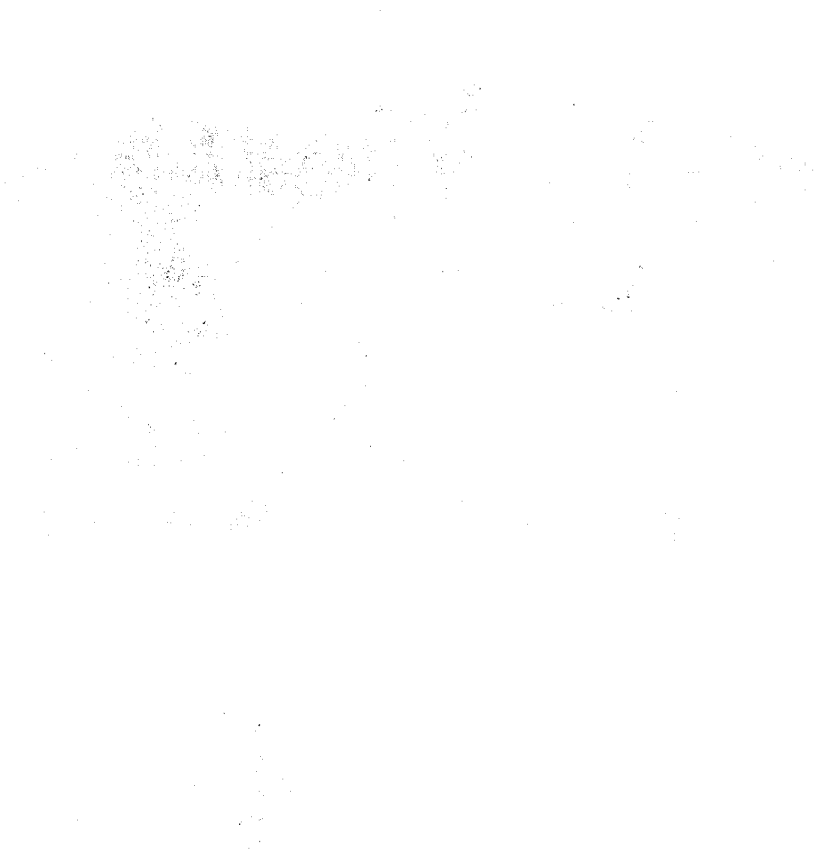
Ярким примером, демонстрирующим, при каких условиях реформы могли быть успешны, является история маркиза С.Ж. де Помбала (1699–1782), первого министра португальского короля Жозе I. Придя к власти в 1750 г., Помбал энергично взялся за дело совершенствования административного управления и упорядочения финансов. Для этого была основана регулярная полиция, сокращены расходы на содержание двора, создан особый штат сборщиков податей (которым было назначено достаточно высокое жалованье, призванное ослабить угрозу злоупотреблений), предприняты меры для заведения новых промышленных предприятий, расширены сословные привилегии купечества и ослаблена власть дворянства. Однако положение министра не было достаточно прочным, а его полномочия оставались ограниченными вплоть до Лиссабонского землетрясения 1755 г., унесшего десятки тысяч жизней. Сохранивший присутствие духа Помбал лично отдавал распоряжения, вызвал войска для поддержания спокойствия, раздавал съестные припасы и боролся с разбоем и воровством. Относительно быстро под его руководством был отстроен Лиссабон. Поведение Помбала в это тяжелое время способствовало росту его авторитета и доверия со стороны короля. Когда же он расправился с иезуитами, сперва выслав их из страны, а затем конфисковав все их имущество, он стал фактически полновластным хозяином Португалии. Возложив на правительство ту роль, которую иезуиты играли в сфере образования, Помбал основал ряд бесплатных училищ и открыл в Лиссабоне «королевскую коллегию дворян» – специальное учебное заведение для отпрысков знатных фамилий. В средних школах было введено изучение родной литературы, философии, португальских законов и учреждений, расширено преподавание математики, причем изменилась методика преподавания, создан штат квалифицированных преподавателей, приглашены лучшие преподаватели и профессора из Италии, составлены новые учебники. Венцом реформы образования стало преобразование Университета Коимбры, в котором было расширено изучение и преподавание естественных наук. Помбал также осуществил судебно-правовую (издан кодекс законов, а суд выделен в отдельную ветвь власти) и военную (усовершенствована система

комплектования армии, введена строгая дисциплина, назначено жалованье солдатам) реформы.

Благодаря этим преобразованиям, опиравшимся на огромные доходы от колоний в Латинской Америке и проводившимся железной рукой, Португалии удалось отстоять свою независимость в борьбе с Англией и Испанией и после отставки маркиза в 1777 г. на какое-то время сделаться процветающей, динамично развивающейся страной. Если Помбал находился у власти более четверти века, то датскому реформатору Струэнзе было отведено лишь два года. За этот срок он успел ввести свободу печати, упорядочить деятельность высших органов правительственной власти, установить твердый государственный бюджет, усовершенствовать судопроизводство, отменить пытки, улучшить положение крестьян заменой натуральных повинностей денежными, уравнять права граждан, отменить многие привилегии дворянства, запретить азартные игры и пр. При этом если Помбал был жесток прежде всего со своими непосредственными врагами иезуитами, то Струэнзе вообще мало считался с людьми. Так, например, сокращая государственные расходы, он уволил без всякой пенсии значительное число чиновников.

Судьбы Помбала, после отставки попавшего под суд и приговоренного к смертной казни (она была заменена пожизненным изгнанием из столицы), и Струэнзе, кончившего жизнь на плахе, наглядно показывают, что, как бы ни были широки полномочия первых министров, в конечном счете они полностью зависели от воли и поддержки своих королей. Сами же монархи – король Пруссии Фридрих II, австрийский император Иосиф II, его брат великий герцог Тосканский Леопольд, короли Сардинии Виктор Амадей II и Карл Эммануил III и другие – были более свободны, хотя и им удавалось воплотить в жизнь далеко не все свои замыслы. Успех реформ в значительной мере зависел от расстановки политических сил, от поддержки преобразований населением, а также от особенностей конкретных стран. Так, весьма различны были результаты деятельности Фридриха II и Иосифа II, которые оба были поклонниками Просвещения, примерно одинаково понимали свое назначение как правителей своих стран, оба были трудолюбивы и все свое время тратили на рутинную работу управления. В Пруссии уже при Фридрихе Вильгельме I была осуществлена реформа центрального и местного административного аппарата, основанная на принципах унификации и рационализации. Фридрих II провел финансовую и налоговую реформы, окончательно покончил с крепостным правом, ввел всеобщее начальное образование и создал образцовую, одну из сильнейших в Европе армий, резко изменив международный статус своей страны. Умирая, он оставил своему наследнику в государственной казне 55 млн талеров, сбереженных на случай войны.

Иосиф II также продолжил административную реформу, начатую Кауницем еще в правление Марии Терезии, и превратил в конечном счете управленческий аппарат империи в хорошо отлаженный механизм. Однако, в отличие от относительно небольшой и однородной в политическом отношении Пруссии, под властью Иосифа находилась обширная империя, в которой разные территории имели различный политический статус, и сделать то, что в основном удалось в России Екатерине II, т.е. распространить унифицированные принципы управления на все имперское пространство,



Фридрих Великий. Гравюра с картины В. Кампхаузена. 1872 г.

ему не удалось, в частности, потому, что это вызвало волнения в Венгрии и Австрийских Нидерландах. Несколько более успешной была его политика в отношении церкви: вслед за русской императрицей, в 1764 г. осуществившей секуляризационную реформу, император закрыл несколько сот монастырей и значительно сократил число монахов и монахинь. При этом деньги, отнятые у церкви, пошли на создание семинарий, школ, заведений для глухонемых и иные благотворительные цели. В свою очередь Екатерина II именно с Иосифом II советовалась по поводу создания в России системы начального школьного образования и именно по его совету пригласила

известного педагога Ф. Янковича де Мириево, который и разработал план реформы.

Заботу об образовании проявляли в XVIII в. многие европейские монархи, создававшие сети начальных училищ, основывавшие новые университеты и опекавшие уже существовавшие. За этой заботой, особенно в Германии, стояло осознание необходимости подготовки квалифицированных кадров чиновников. С другой стороны, заботиться об образовании подданных монарху предписывали новые, основанные на идеях Просвещения представления о его монаршем долге. Но и то и другое свидетельствовало об окончательном приобретении наукой и образованием в XVIII в. высокого общественного статуса. Более того, в той же Германии этого времени престиж того или иного княжества определялся и наличием в нем университета, а в университете – известных ученых. Поэтому, например, ландграф Гессен-Кассельский Фридрих II (1720–1785, правил с 1760 г.) не жалел денег, переманивая в университеты Марбурга и Ринтельна известных профессоров из Лейпцига и других городов, соблазняя их высоким жалованьем. Впрочем, его забота об университетах простиралась столь далеко, что он фактически диктовал профессорам, чему и как следует учить студентов.

По мнению некоторых историков, гораздо больше возможностей для воплощения в жизнь реформаторских замыслов было в небольших странах, не вовлеченных в крупные международные конфликты. Пример Леопольда Тосканского (1747–1792, герцог Тосканский в 1765–1790 гг., император Священной Римской империи Леопольд II в 1790–1792 гг.) представляет собой явное исключение из этого правила. Ему удалось провести успешную судебную реформу, однако, поддержав сторонника янсенистов Ш. де Риччи (1741–1810), епископа Пистойи и Прато (1780–1791) в его намерении реформировать церковь, он столкнулся с таким сопротивлением, что вынужден был отступить. Когда же Леопольд самолично составил проект конституции Тосканы, предусматривавший ограничение его собственной власти в пользу представительных органов, он не нашел поддержки ни у местных элит, ни у своего брата Иосифа II.

НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ ИДЕИ И ИХ ПРЕТВОРЕНИЕ В ПРАКТИКУ

Политическая мысль и философия века Просвещения придавали огромное значение закону. Именно по этой причине состояние права и судопроизводства, которые в первую очередь должны были обеспечивать права подданных и их безопасность, сделалось объектом наиболее острой критики и реформаторских усилий власти. Юристы большинства европейских стран этого времени составляли влиятельную и могущественную корпорацию, о которой Дж. Свифт в «Путешествиях Гулливера» (1726) писал, что это «многочисленное сословие людей, смолоду обученных искусству доказывать при помощи пространных речей, что белое черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это платят». Вместе с тем и в этой сфере в XVIII в. также появляются новые идеи, заложившие основу современных правовых представлений.

Процесс выработки новых подходов к вопросам права был начат уже Монтескье, который в полном соответствии с названием своей книги «О духе законов» немало внимания уделил рассуждениям о том, какими они должны быть. Принципиально важным был сам демонстрируемый Монтескье подход к закону, его убеждение, что законы не есть нечто сакральное и неизменное, они не даны раз и навсегда, но должны меняться вместе с обществом. При этом законы должны быть понятны каждому, а для этого они должны быть написаны простым и ясным языком. Путаные и противоречивые законы, написанные языком, недоступным простому человеку, считал Монтескье, бесполезны, поскольку им невозможно следовать. Особое внимание философ уделил уголовному законодательству. Законы, по его мнению, не должны быть жестоки, поскольку такие законы не предотвращают преступления, а лишь ожесточают людей. Напротив, мудрый правитель издает мягкие законы, которые смягчают нравы. Эти идеи Монтескье были откликом на уже начинавшееся, в частности в Англии, где он провел немало лет, обсуждение проблем соотношения преступления и наказания, вызванное начавшейся гуманизацией общества. Монтескье полагал, что дух законов должен соответствовать духу времени и потому, например, незачем публично подвергать преступников физическим мучениям. Характерно, что в те же годы, когда стремительно росла читательская аудитория сочинения Монтескье, английский борец с преступностью и писатель Г. Филдинг в своих памфлетах также выступал за отмену публичных казней.

Сочинение Монтескье подготовило переворот в правовой мысли Века Просвещения, но совершила его книга итальянца Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», изданная впервые в 1764 г. и настолько быстро ставшая популярной, что уже двумя годами позже ее положения вошли в «Наказ» Екатерины II. Если книга Монтескье была философским трактатом со свойственными этому жанру сомнениями и склонностью к компромиссу, то книга Беккариа была логически выверенным, четким и однозначным текстом, основанным на принципах рациональности и предлагавшим конкретную программу реформы уголовного права. Исходя из теории ассоциации понятий, итальянский правовед утверждал, что только если наказание неотвратимо следует за преступлением, человеческий ум соединяет эти два понятия и тогда наказание выполняет свою функцию устрашения преступников и предотвращения преступлений. Но отсюда же делался важнейший вывод о соразмерности преступления и наказания. Именно неотвратимость наказания, а не его суровость способна играть превентивную роль, предупреждая преступления. Людям свойственно со временем привыкать к жестокости, и она перестает выполнять свою первоначальную функцию. Итак, наказание – это прежде всего способ сделать основанное на общественном договоре государство лучше, это мера устрашения и предотвращения будущих преступлений, а не месть преступнику, поэтому оно должно быть быстрым и неотвратимым, приговоры должны выноситься публично, а мера суровости должна соответствовать тяжести преступления. Следующим логическим шагом для Беккариа был протест против смертной казни. По существу он впервые сформулировал соответствующие аргументы, к которым с тех пор никто ничего не добавил: у государства нет права лишать людей жизни,

а смертная казнь не является ни необходимой, ни полезной для нравов общества мерой наказания.

Исходя из понятия тяжести преступлений, Беккариа предложил и их классификацию. Поскольку в конечном счете борьба с преступностью, уголовное право и система наказания имеют целью всеобщее благо, обеспечиваемое общественным договором, самым тяжким преступлением является государственная измена, предательство. Следующее по степени тяжести – это сопряженное с насилием преступление против личности или его собственности и, наконец, третье – это нарушение общественного спокойствия. Законы, определяющие наказания за эти преступления, должны быть простыми и ясными, а судьи должны не интерпретировать их, а лишь определять, нарушен ли закон и какое именно преступление совершено. При этом доказательство преступления, по Беккариа, это обязанность следствия, результат криминологической работы, и доказательства эти должны быть ясными и неопровержимыми. Отсюда выводился важнейший для правоведения последующих веков принцип презумпции невиновности. Другой вывод был связан с неприемлемостью пытки как средства дознания, не имеющего ничего общего с доказательством преступления.

Осуждая бессмысленную жестокость следствия и определяя наказание как средство устрашения, Беккариа одновременно утверждал, что для борьбы с преступностью необходимо в первую очередь заботиться о благосостоянии народа и его просвещении, т.е. бороться с социальными корнями преступности. Коснулся он и некоторых характерных явлений своего времени. Так, дуэли, считал он, могут быть искоренены, если государство обеспечит человеку защиту его чести. Необходимо отменить неэффективные наказания за самоубийства, оставив их в руках Господа. Безнравственно объявлять премии за поимку преступников, поскольку это лишь развращает общество и свидетельствует о слабости государства. Наконец, человек имеет право на защиту и потому нужно разрешить ношение оружия. Этот последний аргумент особенно пришелся по вкусу отцам-основателям США, и впоследствии Беккариа, цитировал, в частности, Т. Джефферсон.

Свой вклад в развитие правовой мысли XVIII в. внесли и англичане У. Блэкстон (1723–1780) и Дж. Бентам (1748–1832). Первый из них, автор четырехтомных «Комментариев к английским законам», появившихся в 1765–1769 гг. и вскоре переведенных на французский язык, вошел в историю как ученый-правовед, во-первых, наиболее основательно разработавший положения естественного права и, во-вторых, юридически обосновавший права собственности. Многие предложенные Блэкстоном формулировки были использованы уже в Конституции Соединенных Штатов, а ссылки на него до сих пор можно встретить в постановлениях Верховного суда США. В частности широкую известность имеет так называемая «рацио Блэкстона»: «пусть лучше десять виновных избегнут наказания, чем пострадает один невинный». Собственность же, по Блэкстону, есть исключительное право одного индивидуума владеть имуществом, но обеспечиваемое и реализуемое с помощью государства. Вслед за Беккариа английский юрист считал, что уголовное право должно состоять из постоянных, единообразных и всеобщих законов, основанных на справедливости. Он критиковал беспорядочный характер принятия парламентом новых законов, нарушающий принципы

естественного права, но при этом полагал ненужной и опасной кодификацию английского права.

Оппонентом Блэкстона, сторонником кодификации и противником естественного права был Бентам, автор известного «Введения в принципы морали и законодательства» (1789). По его мнению, претензии естественного права были не более чем фикцией, общественным предрассудком, выдаваемым за всеобщее правило. Закон, считал Бентам, это производное от норм законодательства и ничего более. Истинными мотивами поведения человека являются боль и удовольствие, и потому все законодательство должно быть построено, исходя из понимания его утилитарной пользы для умножения человеческого счастья. Поскольку утилитарность являлась для Бентама ключевым понятием, он считается родоначальником утилитаризма.

ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ

Историкам неизвестны точные цифры, характеризующие размах преступности в XVIII столетии, но они сходятся в том, что практически для всех европейских государств этого времени это была одна из самых острых проблем, причем речь идет преимущественно об организованной преступности, о бандах, терроризировавших целые регионы. Распространению этого явления способствовали многочисленные войны, следствием которых становилось разорение определенных областей, обнищание населения и появление большого числа вооруженных людей, которые по окончании войны не могли найти работу или просто не способны были вернуться к мирной жизни. Так, к примеру, бандитизм стал основной проблемой Испании по окончании войны за Испанское наследство, а в России он приобрел особенно широкие масштабы с началом Северной войны.

Бандитизм представлял собой угрозу не только личной безопасности подданных, но и государству, поскольку разбойники почти безнаказанно орудовали на проезжих дорогах, нанося значительный ущерб торговле, воруя почту и уже тем более делая ненадежной пересылку денег. В Австрии пик дорожных грабежей пришелся на 1776 г., а в Англии один из современников замечал, что «если в ближайшее время не будет найдено средство для борьбы с растущим злом, то скоро англичане перестанут путешествовать». В пограничных районах и гористых местностях преступники промышляли контрабандой, а борьба с бандитизмом была особенно затруднена. Так, к примеру, знаменитый французский разбойник и контрабандист Л. Мандрен, прославившийся своей борьбой с таможенниками, был в конце концов пойман на территории Савойи и затем колесован. Примечательно, что «подвиги» Мандрена, как и его соотечественника Л.Д. Бургиньона по прозвищу Картуш, англичанина Дж. Филда и их российского «коллеги» Ваньки Каина обросли легендами, а сами они превратились в героев фольклора.

Не меньшую проблему для властей представляла собой и уличная городская, а также бытовая преступность. При этом в городах своего рода криминальными центрами становились, как правило, разного рода питейные заведения, служившие притонами разбойникам всех мастей. Возможностей для борьбы с преступностью у властей было немного, поскольку процесс

становления регулярной и сколько-нибудь профессиональной полиции, не говоря уже о сыскной службе, в большинстве европейских стран проходил как раз в течение XVIII в. Так, заслуга создания профессиональной полиции в Лондоне в 1749 г. («the Bow Street Runners») принадлежит знаменитому автору «Тома Джонса» Г. Филдингу, являвшемуся по совместительству главным магистратом города, и его брату Джону. Последний прославился тем, что, будучи слепым, мог различить по голосу около 3 тыс. преступников. По его же инициативе в 1750-е годы в Лондоне и его окрестностях были организованы конные патрули. Братья Филдинг стали также впервые издавать полицейскую газету, где печатались описания преступников и, таким образом, возникла основа для архива криминальных досье. Работа органов полиции практически во всех странах затруднялась их разобщенностью и подчиненностью местным властям. В Австрии подчинение их центральной власти явилось одной из задач реформ Иосифа II. В Англии в 1785 г. парламент обсуждал проект билля о создании в Лондоне единого полицейского управления вместо многочисленных констеблей и стражников, но отверг его, опасаясь ограничения местных свобод. Зато ирландский парламент принял аналогичное решение для Дублина. Однако в целом, особенно в первой половине века, основная тяжесть обеспечения безопасности лежала на самом населении, которое традиционно, в качестве одной из городских повинностей, должно было участвовать в охране правопорядка.

Система наказаний преступников, с которой Европа вступила в XVIII в., оставалась весьма жестокой, мало изменившейся со времен Средневековья. Практически повсюду преступников подвергали смертной казни, телесным наказаниям, каторжным работам или, как в Англии, ссылке в заморские колонии. Казни при этом по-прежнему проводились публично, собирая толпы зевак, приходивших поглазеть, как человека будут вешать, четвертовать, колесовать или сжигать на костре. Нередко на эшафот вводили сразу несколько человек – одного казнили, другого клеймили каленым железом, третьему отрубали руку и т.д. Значительно реже в качестве наказания применялось лишение свободы, да собственно и тюрьмы, как особая система пенитенциарных учреждений, стали появляться лишь во второй половине века. И лишь иногда, когда государство в этом нуждалось, преступникам заменяли наказание службой в армии.

Характерной особенностью большинства стран в XVIII в. была неупорядоченность законодательства, сосуществование норм обычного права и писаного права, а также то, что в пределах одной страны на разных территориях часто действовали различные законы. Даже Фридриху II не удалось в полной мере распространить действие прусских законов на отвоеванную у Австрии Силезию. В Испании начала века Филипп V предпринял энергичную попытку распространения кастильских законов на все остальные области страны, включая Арагон, Валенсию и Каталонию, но это почти не коснулось гражданского и семейного права, а в Наварре и Области басков местное законодательство продолжало действовать в полном объеме. Большое разнообразие законодательных норм и практик вплоть до второй половины века наблюдалось в Священной Римской империи, итальянских государствах и т.д. Помимо этого сама система судопроизводства была, как правило, весьма запутанной, поскольку судебными полномочиями обладали разные местные

и коронные учреждения, а иногда и церковные органы. Обычным явлением практически во всех странах была судебная волокита, а запутанность законодательства открывала перед судьями широкие возможности толкования законов по своему усмотрению, а следовательно, и злоупотреблений.

Не лучшим образом обстояло дело и с юридическим образованием. В основном оно сосредотачивалось в крупных, прежде всего немецких, университетах, имевших соответствующие традиции. Высоким уровнем юридического образования славились также университеты Глазго и Эдинбурга в Шотландии, и уже в 1760-е годы там у А. Смита учились русские студенты, ставшие потом первыми профессорами права в Московском университете. Во многих других странах правовое образование ограничивалось просто знакомством с законами, и судейству учились как обычному ремеслу. Качество юридической подготовки судей и адвокатов нередко вызывало множество нареканий, но, как справедливо подчеркивают историки, это говорит скорее не о том, что понизился уровень судопроизводства, а о том, что возросли запросы общества. К тому же люди, в той или иной степени имевшие отношение к этой сфере жизни, все же принадлежали к образованной части общества, и не случайно именно из этой среды вышло немало деятелей Просвещения и их почитателей.

УСИЛИЯ ПО КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОПЫТКИ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ

Вне зависимости от распространения и степени влияния идей Просвещения на правителей разных стран уже с самого начала XVIII в. большинством из них остро осознавалась необходимость привести в порядок, кодифицировать действующее законодательство, состоявшее, как правило, из множества разнообразных законодательных актов, в течение столетий принимавшихся верховной властью. В реализации этой задачи видели непременное условие рационализации управления и повышения его эффективности. Вместе с тем кодификационные задачи сводились не только, а иногда и не столько к систематизации существующего права, а к созданию нового, причем с течением времени, по мере того, как завоевывали популярность новые правовые идеи, именно эта задача выходила на первый план.

Своего рода пионером в деле кодификации законодательства явилась Дания, где первый кодекс, хотя и носивший традиционный характер, появился уже в 1688 г. Двумя годами ранее кодификационная работа началась в Швеции. Она длилась несколько десятилетий и завершилась лишь в 1734 г. принятием кодекса, также во многом традиционного, но до сих пор составляющего основу шведского права. В 1723 г. в Пьемонте был издан кодекс Виктора Амадея II, но попытки распространить его действие на все провинции королевства вызвали сопротивление, в частности миланских дворян, отказавшихся служить в армии короля именно в знак протеста против этих попыток. В Австрии в 1709 г. Иосиф I создал комиссии для выработки единого законодательства для Богемии и Моравии. В 1713 г. подобная же работа началась в Пруссии. Она также затянулась надолго, и позднее Фридрих Вильгельм I поручил ее С. фон Кокцеи, в 1738 г. занявшему пост министра юсти-

ции. С приходом к власти Фридриха II она была продолжена, и в результате Кокцеи, ставший при новом короле канцлером, получил прозвище «Геракла, расчистившего Авгиевы конюшни Прусского права». Ему действительно удалось сделать немало, но окончательно процесс кодификации в Пруссии был завершен уже после смерти и Кокцеи, и Фридриха II, в 1794 г., когда появился Прусский генеральный кодекс.

Разрабатывавшийся в 1753–1755 гг. гражданский кодекс в Австрии утвержден не был, и работы по кодификации в этой области права растянулись до 1811 г. Зато в 1787 г. был издан основанный на принципе равенства перед законом уголовный кодекс, известный как Кодекс Иосифа II. Действие его распространялось на все немецкие провинции империи и Галицию, отменяя на этих территориях конкурирующее право и, таким образом, способствуя централизации управления. Однако распространить его действие на Австрийские Нидерланды не удалось, и после смерти Иосифа кодекс был фактически отменен. В 1751–1756 гг. шла работа над кодексом в Баварии, в 1763 г. законодательная комиссия была создана в Саксонии, в 1751 г. кодекс законов был составлен в Неаполе, а в 1755 г. – в Модене. На протяжении всего XVIII в. попытки кодификации законодательства предпринимались и в России, но так и не увенчались успехом.

Идеи просветителей в области права сказались на характере кодексов второй половины столетия, прежде всего в части смягчения наказаний. Так, Кодекс Иосифа II исключил многие религиозные и нравственные преступления; смягчением наказаний было отмечено и законодательство Фридриха II. Общей почти для всех европейских государств стала тенденция отмены пытки. Однако эта идея пробивала себе дорогу совсем непросто. Так, в Австрии в 1766 г., несмотря на усилия Кауница, Большой Совет постановил сохранить пытку и клеймение преступников и снова подтвердил свое мнение в 1771 г., в результате чего пытка сохранялась вплоть до 1787 г. Во Франции пытка как средство получения признания была отменена в 1780 г., но до 1788 г. она применялась для добывания имен сообщников уже после вынесения приговора. Екатерина II в своем «Наказе» резко осудила применение пытки и позднее запретила ее законодательно, но на практике она продолжала использоваться. Что же касается смертной казни, то впервые в мировой истории она была фактически запрещена в России в царствование императрицы Елизаветы Петровны, но затем вновь возобновлена. В 1786 г. в Тоскане смертную казнь отменил верный последователь Беккариа великий герцог Леопольд, на следующий год его примеру последовал его старший брат – император Иосиф II.

Предпринимались также попытки упорядочения и централизации судопроизводства. Еще при Марии Терезии, в конце 1740-х годов в Австрии было осуществлено разделение центральной административной и судебной власти, а затем то же самое было сделано на уровне провинций, где вместо Сенатов юстиции при местных правительствах возникли апелляционные суды, подчиненные Департаменту юстиции. В Бадене подобная же реформа была осуществлена лишь в 1790 г. Судебная реформа во Франции, которую попытался провести в 1771 г. канцлер Р.Н. де Мопу, направленная на централизацию судебной власти, была отменена уже вскоре после его отставки в 1774 г.

Тенденции, выразившиеся в совершенствовании организации судопроизводства, смягчении наказаний, отмене пыток и даже смертной казни, были связаны не только с распространением новых идей и смягчением нравов, но и с более сложными изменениями общекультурного характера, в том числе некоторых нравственных и эстетических представлений. Одним из таких характерных для XVIII в. явлений было расширение сферы частной жизни – приватного как оппозиции публичному. Менялось и отношение к смерти и человеческому телу. Если прежде акт смерти зачастую носил публичный характер и у постели умирающего собирались все домочадцы, включая слуг, а иногда даже случайных прохожих, то теперь смерть становилась частным, семейным делом и лицезреть ее слуг уже не допускали. Кладбища постепенно теряли свою функцию места публичных гуляний, и их все чаще переносили за границы города. Изменения в быту, улучшение условий жизни, появление понятия комфорта делали человека более чувствительным к боли и вызывали отвращение к физическим страданиям, что также повлияло на представления о правильном наказании. Характерно в этом отношении изменение восприятия публичных казней. С одной стороны, они теряли первоначальную функцию морального урока, когда обязательным элементом церемонии было публичное покаяние преступника. Постепенно привыкшая к виду смертной казни толпа стала воспринимать ее как своего рода празднество, приобретавшее карнавальный характер. Осужденному на казнь, которого, как правило, проводили по улицам города, зрители подносили вино, сам он облачался в яркое праздничное платье, нередко отпускал острые шутки и веселил толпу. В результате в Лондоне в 1783 г. было отменено существовавшее несколько веков традиционное шествие, сопровождавшее преступника к месту казни. С другой стороны, представители образованных слоев общества все больше испытывали ужас и отвращение не только при виде казни, но и ее атрибутов. Так, в Голландии еще до того, как в 1795 г. публичные казни отменили вовсе, по требованию горожан были уничтожены сделанные из камня постоянные плахи и теперь для казни всякий раз сколачивали новую деревянную. Изменения в общественных настроениях сказывались и на числе выносимых смертных приговоров. В Амстердаме в первой половине века в год приговаривали к смерти в среднем пять человек, а во второй – трех.

В целом с начала XVII и до середины XVIII в. система наказаний претерпела значительные изменения, в центре которых находилось появление института тюрьмы. Сами тюрьмы как места лишения свободы, конечно же, существовали и до этого, но использовались почти исключительно в качестве мест предварительного заключения для содержания преступников до вынесения им приговора. Как форма наказания за преступления тюрьмы не рассматривались. При этом общество практически не задумывалось над условиями содержания: в одном помещении, как правило, находились мужчины, женщины и дети, убийцы, мелкие воришки и должники. Заключенных свободно посещали родственники и знакомые, распивавшие с ними спиртные напитки и игравшие в азартные игры. Стражники водили в тюрьмы проституток и всячески наживались, оказывая своим подопечным всевозможные услуги. Современники отмечали, что в тюрьмах того времени заключенных

можно было отличить от всех прочих лишь по цепям, которыми их приковывали к стене.

После вынесения приговора, если он не был смертным, преступников часто отправляли на принудительные, каторжные работы. Во Франции местами скопления каторжников были в основном крупные портовые города, как, например, Марсель. В Англии, начиная с 1776 г., создавались плавучие тюрьмы на Темзе, в Портсмуте и Плимуте. Днем каторжники работали в порту, а на ночь их, закованных в кандалы, отводили на корабли. Помимо этого широко распространены были и особые учреждения тюремного типа – исправительные и работные дома, отличавшиеся от обычных работных домов тем, что труд в них был не добровольным, а принудительным. При этом в обществе все в большей степени складывалось убеждение, что мелкие преступления должны наказываться главным образом именно принудительным трудом.

Исправительные и работные дома, приюты для нищих и дома для умалишенных, богадельни для престарелых и немощных – все эти и им подобные учреждения образовывали единую систему, выполнявшую, с одной стороны, функцию социальной заботы о подданных, а с другой – социального дисциплинирования населения. В подобных заведениях царила строгая дисциплина, вся жизнь в них была регламентирована и организована на патерналистских принципах: их обитатели образовывали общину по типу семьи во главе с главным надзирателем. Наибольшее развитие эта система получила в Англии, где еще в 1601 г. было впервые принято законодательство о бедных. В 1662 г. появился Акт об облегчении положения бедняков, но само «облегчение» было организовано по приходскому принципу и распространялось только на тех, кто имел родственные связи в определенном церковном приходе. В 1696 г. в Бристоле специальным парламентским актом была создана Корпорация нищих, основавшая работный дом, совмещенный с исправительным домом для лиц, совершивших мелкие преступления. Этому примеру последовали другие города, и к 1776 г. существовало уже около 2 тыс. подобных заведений, в которых обитали около 100 тыс. человек. В Лондоне в исправительный дом был превращен отстроенный в 1666–1667 гг. после Большого пожара дворец Брайдуэлл. Показательно, что в нем в течение семи дней содержались и пойманные полицией нищие, которых затем высылали в их приходы.

В XVII – начале XVIII в. в разного рода исправительных учреждениях содержали не только преступников, но и тех, кого было необходимо изолировать от общества, в том числе по просьбе родственников. Зачастую, если это касалось людей состоятельных, они не работали, а за их содержание вносилась плата. Однако по мере распространения идеи принудительного труда в качестве наказания становилась очевидной необходимость создания для преступников особых мест заключения. Это и стало одной из побудительных причин возникновения тюрем современного образца. Одновременно с этим, по мере развития идеи свободы, формировалось и представление о том, что лишение ее также может быть формой наказания преступника. При этом признание завоевала и мысль Беккариа о том, что не следует наказывать дважды за одно и то же преступление, а значит, тюремное заключение должно предоставлять преступникам сносные условия существования и не должно превращаться в форму пытки. Ставший в 1773 г. главным шерифом Бедфордшира

Дж. Говард впервые начал самолично посещать местные тюрьмы и, придя в ужас от увиденного, объехал затем несколько сот подобных заведений по всей Англии, дабы убедиться, что то, с чем он столкнулся, было свойственно не только подведомственным ему учреждениям, но и всем им подобным. В 1777 г. он опубликовал сочинение под названием «Состояние тюрем», в котором подробно описал увиденное. Особое внимание автор обращал на необходимость создания в тюрьмах условий, препятствующих распространению болезней и не дающих возможностей надзирателям наживаться на заключенных. Выступление Говарда имело большой резонанс в английском обществе и послужило толчком к тюремной реформе, результатом которой стала система тюрем современного типа.

Большую популярность в этот период приобретает также идея одиночного заключения как наиболее адекватной формы наказания закоренелых преступников. В 1793 г. американец К. Лаунс опубликовал памфлет, в котором подробно обосновывал эту идею, и уже в 1796 г. законодатели Нью-Йорка предоставили судьям право выбора между изоляцией преступников в одиночных камерах или приговором их к тяжелому физическому труду. В самом начале XIX в. в Массачусетсе преступников приговаривали к отбытию части срока в одиночной камере, а части на каторжных работах. К. Лаунс был инспектором знаменитой тюрьмы на Уолнат-стрит в Филадельфии, которая считается одной из первых в мире тюрем нового типа. Она была специально перестроена после того, как в 1787 г. было основано Филадельфийское общество облегчения ужасов общественных тюрем, представившее местным властям отчет о ее состоянии. В тюрьме были построены специальные камеры для одиночного заключения, созданы мастерские для заключенных, приняты меры по улучшению санитарного состояния, произведено разделение преступников по категориям, с тем чтобы совершившие тяжкие преступления не находились вместе с остальными. Впрочем, быстрый рост населения Филадельфии привел к тому, что к 1795 г. в небольших камерах теснились от 30 до 40 заключенных.

Наряду с общей тенденцией гуманизации судебного процесса и системы наказаний конец XVIII в. отмечен и появлением противоположных взглядов, наиболее ярким представителем которых был Дж. Бентам. Он выступал за максимально жесткий, хотя и не угрожающий здоровью, режим содержания заключенных. Свои представления он воплотил в проекте так называемого Паноптикона – тюремного сооружения, построенного таким образом, чтобы каждый заключенный находился под ежеминутным контролем надзирателя.

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Долгое время историография религиозной жизни XVIII в. была по существу историографией секуляризации ab negativo. Эпоха Просвещения представлялась эпохой упадка веры под натиском научного мировоззрения и рационализма, эпохой заката влияния церкви, полностью подчиненной режиму просвещенного абсолютизма. Кульминацией процесса секуляризации стала Французская революция.

К началу 1990-х годов стало очевидным, что эта классическая картина, которую британский историк М. Голди окрестил «героической мифологией секуляризации», не столько отражала реалии XVIII в., сколько служила потребностям идейных и политических дебатов последующих веков. Исследования последних десятилетий пролили новый свет на разнообразие форм существования и реформирования всех религиозных конфессий, углубили представления о народной религиозности и религиозном инакомыслии XVIII в. Церковь, чья историография была долгое время загнана в «гетто» специализированной дисциплины церковной истории, заняла полноправное место в исследованиях политической, социальной и культурной истории.

Эти исследования также продемонстрировали, что Просвещение отнюдь не означало разрыва с религией. Идеи просветителей были во многом связаны не только с наследием античности и Ренессанса, английских деистов и Спинозы, но и, как показал еще в 1932 г. К. Беккер, с традициями христианского богословия. Даже знаменитый антиклерикализм Просвещения был вариацией, разумеется, блестяще артикулированной, многовековой традиции критики продажности, цинизма и тирании римской курии и жалкого состояния рядового духовенства.

Многие просветители полагали, что религия подлежала не уничтожению, а реформированию. Очищенная от суеверия и предрассудков, «истинная» религия представлялась фундаментом нового, гуманного и разумного общества, в котором интеллектуальная свобода сочеталась с торжеством закона и порядка.

Для значительного числа современников истинное Просвещение было неотделимо от «истинного христианства», а идеал интеллектуальной свободы предполагал свободу религиозной мысли.

В ПОИСКАХ «ИСТИННОГО ХРИСТИАНСТВА»

Как и в эпоху Реформации, в XVIII столетии стремления защитить историческое наследие христианства и найти пути духовного обновления во многом определяли религиозную жизнь христианского мира.

В католицизме эти искания были связаны с переосмыслением наследия блаженного Августина. Католическая Реформация, расцвет которой пришелся на рубеж XVII–XVIII вв., ставила своей целью воспитание в рядовых верующих горячего и искреннего стремления к спасению. Этот идеал, однако, приходил в противоречие с учением Августина, согласно которому спасение

человека, лишившегося свободы воли в результате грехопадения, зависело исключительно от божественной благодати, а даром благодати были наделены избранные, чье искупление было заранее предопределено божественной волей. Противоречие получило разрешение в богословии иезуитов. Утверждая, что Создатель, одарив человека инстинктивным чувством собственного несовершенства, открыл ему путь к искуплению, иезуиты с помощью логических манипуляций, которые составляли основу их знаменитой казуистики, доказывали, что любой человек, даже закоренелый безбожник, проявивший способность к истинному раскаянию, найдет путь к спасению. Практическим воплощением такого взгляда на спасение стала организация пышных церемоний, сопровождавших католические праздники и богослужения.

Противовесом барочному благочестию стал квиетизм (от лат. quies, quietus – спокойствие, пассивность) – школа мистического и медитативного богословия, систематизированная испанским мистиком М. Молиносом (1628–1696) и развитая Ф. де Салиньяком де Ла Мот Фенелоном (1651–1715) и Ж.М. Бувье де Ла Мотт Гийон (1648–1717). Идеалом квиетистов было полное растворение в Божественной воле, отрешение от материального мира, достигаемое путем непрерывной внутренней молитвы. Несмотря на то что квиетизм был осужден папой Иннокентием XI еще в 1687 г., он пользовался в XVIII в. огромной популярностью не только у католиков, но и у протестантов, и у православных.

С жесткой критикой иезуитской сотериологии выступали и представители августинского крыла католического богословия. Их течение стало известно под несколько расплывчатым термином «янсенизм» (по имени голландского теолога К. Янсена, 1585–1638). К середине XVIII в. янсенизм завоевал широкую популярность во Франции; эту популярность подкрепляли известия о многочисленных чудесных исцелениях, происходивших в приходах янсенистских священников. Значительным влиянием пользовались и янсенистские публикации, в особенности журнал «Nouvelles ecclésiastiques», основанный в 1728 г. Вопреки, а может быть, и благодаря проклятиям Рима, к середине XVIII в. янсенизм стал поистине международным движением.

Дебаты об истинной вере захватили и протестантские конфессии. Они подстегивались обострением религиозно-политического противостояния в Европе и наступлением на права протестантов в Саксонии, Франции, Британии, империи Габсбургов. Протестантские анклавы на католических территориях, лишенные церковных организаций и возглавляемые мирскими проповедниками и пророками, стали эпицентрами спиритуалистических движений. Отмена Нантского эдикта (1685) вызвала волну хилиастических движений среди гугенотов (в частности, севеннских пророков и камизаров), которые были окончательно подавлены только в 1710-х годах. В начале XVIII в. в Силезии (где протестанты подвергались давлению со стороны не только Габсбургов, но и польских иммигрантов-католиков) и в Богемии (где насильственное возвращение подданных в католицизм сопровождалось усилением крепостного права) разразилась волна религиозных «пробуждений», видений и пророчеств. Религиозное брожение двинулось на запад с потоком беженцев, усиливая беспокойство не только католических, но и протестантских властей.

Один из наиболее пугающих призраков религиозных войн – призрак религиозного «энтузиазма» – стал лишним доказательством глубокого кризиса, в котором находились и лютеранская, и реформатская церкви. Спасение виделось в возвращении к истокам Реформации – к идеалу спасения верой единой (sola fide) и основанной на Писании (sola Scriptura). Между тем академическое протестантское богословие занималось скорее систематизацией догматики отцов Реформации, нежели поисками ответов на требования современной жизни, а протестантское богослужение с его акцентом на проповедь зависело от риторического искусства пасторов и при отсутствии такового становилось рутинным начетничеством. Протестантские церкви, которые не могли рассчитывать на услуги миссионерских орденов, были не в состоянии противостоять миссионерскому натиску католиков.

В лютеранстве ответом на этот кризис стал пиетизм – система практического благочестия, разработанная саксонскими богословами Ф.Я. Шпенером (1635–1705) и А.Г. Франке (1663–1727). Поставив своей целью возрождение учения Лютера об оправдании верой, Шпенер и Франке дополнили лютеранскую догматику средневековым мистицизмом, ренессансным спиритуализмом и оккультизмом, а также английской пуританской традицией. Пиетисты призывали не к разрыву с лютеранской церковью, а к ее обновлению, движущей силой которого должны были стать сами верующие, воздвигшие «истинную», «внутреннюю церковь» в своих душах.

В 1691 г. конфликты с саксонскими властями заставили Шпенера и Франке перебраться в Бранденбург. Здесь их учение получило поддержку Гогенцоллернов, для которых пиетисты оказались естественными союзниками в борьбе с влиятельной лютеранской ортодоксией. Кроме того, Гогенцоллерны проводили антисаксонскую политику, так что покровительство пиетистам сулило и явные политические выгоды. Новый университет в Галле, основанный в 1694 г. как противовес университету Лейпцига, стал центром набирающего влияние пиетистского движения.

Франке развил учение о внутренней церкви в целую программу коренного переустройства христианской жизни, которая включала реформу духовного и светского образования. Огромную роль Франке отводил книгопечатанию; основанная им типография в Галле выпускала книги на многих языках. Особой популярностью пользовались труды «Об истинном христианстве» (Vom wahren Christentum) И. Арндта и «Жертва угодная» (Pia Desideria) Шпенера. Эти труды стали европейскими «бестселлерами», выдержавшими многочисленные издания и переведенными на многие языки, в том числе и на русский. Наиболее важным компонентом программы Франке было создание сети благотворительных учреждений – знаменитого Сиротского Дома, народных школ, учительских семинарий, аптек и Библейского института. Франке и его последователи также разработали чрезвычайно эффективную модель миссионерской деятельности. Пиетистские миссии распространялись не только в Европе, но и в Америке, Азии и Африке. Особой активностью агенты Франке отличались на Ближнем Востоке и в петровской России. После Полтавы Франке взял на себя духовное окормление шведских пленных-лютеран в России, и Тобольск – место ссылки шведских военнопленных – стал на некоторое время городом пиетистского возрождения. В 1722–1724 гг., когда шведы вернулись домой, они принесли с собой пиетизм, ставший одним из

ведущих духовных движений шведского лютеранства. Значительным влиянием обладал пиетизм и в Британии, где в числе наиболее влиятельных последователей Франке были Г.В. Лудольф (1655–1712), секретарь принца Георга, и его ученик А.В. Бёме (1673–1722).

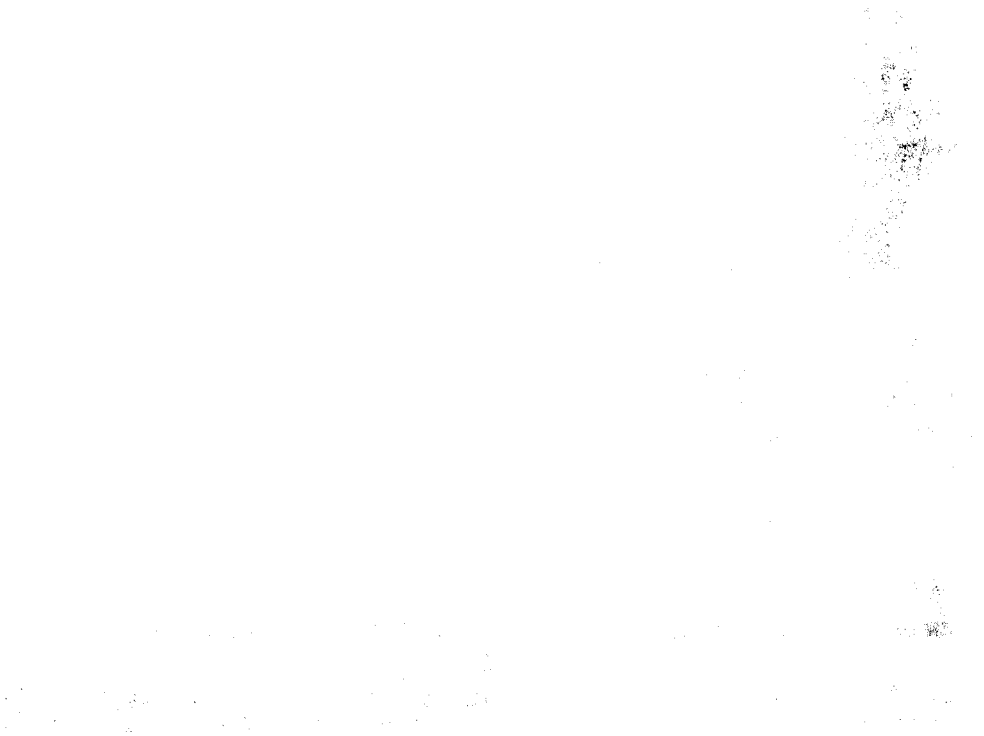
В кальвинизме вера в то, что несовершенства христианской жизни коренятся прежде всего в несовершенстве вероучения, привела к тому, что духовное обновление кальвинистские богословы связывали с догматическими реформами. В Нидерландах это стремление вылилось в движение «Дальнейшей реформации» (Nadere Reformatie). Здесь еще в начале XVII в. реформаты раскололись на два лагеря – ортодоксальных кальвинистов, настаивавших на буквальном толковании доктрины предопределения, и арминиан, которые допускали возможность искупления для всех истинно верующих. К началу XVIII в. арминианизм распространился в Швейцарии и реформатских германских княжествах, особенно в Бремене, где работал один из наиболее влиятельных богословов эпохи Ф.А. Лампе (1683–1729). Влияние арминиан было сильно и в Англии.

Англиканскую церковь, возникшую в свое время как компромисс между католиками и протестантами-пуританами, разрывали противоречия между сторонниками Высокой Церкви и Низкой Церкви. Высокоцерковники полагали, что таинства были единственным залогом спасения, а сторонники Низкой Церкви вслед за арминианами считали, что литургика и церковная иерархия не играют роли в спасении верующего, а задача церкви состоит в образовании верующих, в оказании помощи в понимании Библии, а также в организации благотворительности. Участие в религиозных спорах помимо англикан принимали и пресвитериане, изгнанные из церкви во время Реставрации, и протестантские диссентеры (конгрегационалисты, квакеры, баптисты и прочие протестанты, отказавшиеся принять доктринальные стандарты англиканской церкви).

Особенностью английской религиозной полемики была ее политизация. Поскольку высокоцерковники были, как правило, сторонниками тори, а латитудинарии и диссентеры – вигов, то богословские и эклезиологические споры превращались в парламентские дебаты, порождавшие море памфлетов, проповедей, сатирических произведений, наполненных обвинениями оппонентов в «папизме», деизме, безбожии, сектантстве и предательстве английских национальных интересов.

Растущее разочарование в конфессионализме протестантских ортодоксий выразилось в росте экуменических настроений. В начале 1720-х годов граф Н. фон Цинцендорф (1700–1760), саксонский протестант, вдохновленный «филадельфийскими» идеалами христианской утопии, попытался создать в своем имении Гернгут (недалеко от Дрездена) христианское мини-государство, свободное от конфессиональной исключительности. В 30-е годы гернгутская община, охваченная раздорами, была распущена местными властями, но Цинцендорф перевел колонистов в Веттерау, близ Франкфурта-на-Майне.

В истории протестантского экуменизма в XVIII в. заметное место принадлежит и методизму – эклектической и в значительной степени внеконфессиональной системе благочестия, основанной Дж. Уэсли (1703–1791) и Дж. Уитфилдом (1717–1770). Методизм сочетал пиетистское учение о внутреннем христианстве с евангелическим проповедничеством и общественным активизмом, он вобрал в себя традиции самых разных школ пуританского



«Показной энтузиазм». Гравюра с картины Дж. Гриффитса. Ок. 1755 г.

мистицизма, квиетизма, пиетизма, ортодоксального кальвинизма и гернгутерства. Основатели методизма рассматривали его не как отдельную церковь, а как универсальный метод благочестия. Методизму принадлежала значительная роль в генезисе волны религиозного возрождения, захлестнувшей американские колонии в 1740-х годах. Это движение, известное как «Великое пробуждение», вобрало в себя разнообразные конфессиональные течения и версии личностной веры и, будучи надконфессиональным движением, сыграло важную роль в сплочении американских колоний и в формировании американского евангелического христианства.

Развитие христианского рационализма повлияло на появление и иных версий преодоления конфессиональных раздоров. Полемическая активность все более уступала место естественному, библейскому и нравственному богословскому творчеству. В частности, богословы физико-теологической школы, такие как С. Паркер (1640–1688), И.Я. Шейхцер (1672–1733), У. Дергам (1657–1735) или Ж.А. Турреттини (1671–1737), полагали, что путь к истинному познанию Творца лежит не в схоластических спекуляциях и логических умозаключениях, а в эмпирическом познании Его творения. Достижения науки, раскрывая тайны природы, демонстрировали величие Божие, а потому, считали физико-теологи, важно обнаружить великий замысел Творца в деталях – от строения лепестков цветка до движения звездных сфер.

Но физико-теология оказалась легко уязвима. Такие догматы, как теодицея или троичность Божества, по существу неразрешимые методами

рационального доказательства, демонстрировали фундаментальную пропасть между разумом и верой. Хаос, катастрофы, войны и эпидемии также явно не вписывались в картину рационального мира, созданного совершенным Творцом. Лиссабонское землетрясение (1755), уничтожившее многочисленные церкви и монастыри и унесшее жизни не только явных грешников, но и тысяч невинных, стало событием, породившим растущий скептицизм относительно возможности человека проникнуть в пути Провидения. И тем не менее значительное число богословов, в особенности протестантских, полагало, что основные постулаты христианского вероучения были глубоко рациональны.

Принципы христианского рационализма были с наибольшей полнотой развиты Х. Вольфом (1679–1754), одним из наиболее влиятельных мыслителей XVIII в. Поставив богословие на научную, математическую основу, Вольф не только освободил его от конфессиональных пут, но связал веру и разум как взаимодополняющие начала человеческого знания. Рационализм лег и в основу неологической школы богословия, представителями которой были такие влиятельные берлинские богословы, как Иоганн С. Землер (1725–1791), И.И. Шпальдинг (1714–1804) и А.В.Ф. Зак (1702–1786). Неологи, опираясь на историко-критическую интерпретацию библейского канона, рассматривали христианство прежде всего как моральное учение и, соответственно, не видели противоречий между Просвещением и христианством. Они видели основную задачу богословов в очищении христианства от наслоений псевдотеологических спекуляций, мифов и предрассудков и в воспитании нравственных принципов христианского сострадания, благотворительности и послушания.

Идеалы «разумного христианства», свободного от диктата церковной ортодоксии и от эксцессов религиозного «энтузиазма», направляли и течения просвещенного католицизма, влияние которого чувствовалось от Италии до Ирландии. Итальянец Л.А. Муратори (1672–1750), англичанин Дж. Лингард, ирландцы А. О'Лири (1729–1802) и Ч. О'Конор (1710–1791) подчеркивали, что истинный католицизм не только гарантировал порядок и послушание властям, но и был религией разума и интеллектуальной свободы.

Во второй половине XVIII в. христианский рационализм (в особенности его радикальное крыло) стал, однако, все чаще подвергаться критике. С одной стороны, противовесом идеалу «разумной веры» стали новые формы мистической духовности – от учения шведского мистика Э. Сведенборга, последователи которого организовали свою собственную церковь в 1787 г., до розенкрейцерства и высоких степеней масонства. С другой стороны, надконфессиональные тенденции в христианском рационализме возродили риторику защиты исторического церковного наследия. Полемические выпады против «нового язычества», «натурализма», т.е. отождествления Творения с Творцом, а также сведения христианства к морали, наполняли страницы не только проповедей и религиозных трактатов, но и светских журналов.

Православный мир, так же как и Запад, все XVIII столетие не чужд был спорам об истинном христианстве и праведной вере. Наиболее массовым течением (вне официальной церкви) оставалось старообрядчество, последователи которого настаивали на том, что «истинным» может считаться лишь

«древлее благочестие», а потому отказывались принимать канонические, обрядовые и культурные «новины». С середины XVII в. церковный раскол, последовавший за реформой патриарха Никона, углублял разобщенность дотоле единой православной паствы, вызывал взаимную ожесточенность старообрядцев и «никониан», доводил тысячи старообрядцев до бегства, противодействия властям и самосожжений. Еще в 1666 г. церковный собор, на котором присутствовали и восточные православные патриархи, проклял противящихся обрядовой реформе. Церкви казалось, что, поскольку все самые образованные иерархи, большинство священников и мирян во главе с самим самодержцем приняли нововведения, то пройдет немного времени и раскол среди православных удастся преодолеть. Однако старообрядческому движению предстояло пережить все гонения и сохраниться в качестве самостоятельного течения. Правда, не имея единого центра, старообрядчество не смогло сохранить единства, с рубежа XVII–XVIII вв. оно оказалось раздробленным на два течения – поповство и беспоповство, а те, в свою очередь, на многочисленные согласия. Раздробления, конфессионализация больших и малых групп и сопровождавшие этот процесс споры о священстве, о возможности молитвы за царя, об Антихристе, о браках в отсутствие священника и т.д. продолжались все XVIII столетие, давая импульс для обширного религиозно-полемического творчества.

Поповское направление старообрядчества признавало возможность принять священников, поставленных официальной церковью, после их отречения от «никонианской ереси» и исполнения ряда очистительных обрядов. Эти священники могли совершать полную службу, но в пределах России церкви для них были закрыты. Поэтому поповское («беглопоповское») направление имело своим центром приграничные земли в Речи Посполитой – Ветковские монастыри на реке Сож – туда для совершения таинств тянулись многие старообрядцы с Дона, Яика, Кубани, из Центральной России. Свой центр в Москве за Рогожской заставой им удалось легализовать только при Екатерине II в 1771 г.

Беспоповское направление в старообрядчестве настаивало на том, что все священники, поставленные в сан по «новым» книгам и «никонианским» обрядам, неправедны и не могут совершать церковной службы и таинств. В беспоповстве сильнее, чем в поповстве, прозвучала идея о «последних временах» и была развита эсхатологическая традиция. Наибольшее влияние в беспоповстве XVIII в. имел возникший в Карелии близ Поморья Выговский центр поморского согласия со своими поселениями, монастырями и скитами, великолепной библиотекой, иконописной и книгописной школами. В том же 1771 г. (когда в Москве свирепствовала эпидемия чумы) старообрядцы-беспоповцы смогли создать свой центр и в Москве у Преображенской заставы.

Находясь в оппозиции, старообрядчество объединяло активных жителей города и деревни, людей разного социального происхождения от князей и бояр до крепостных и работных людей. Желание следовать вере своих предков гнало их с насиженных мест: в поисках религиозной свободы они возглавили миграционные процессы на окраины России, в частности в Сибирь, а также за рубежи империи – в приграничные земли Речи Посполитой, Османской империи, в Прибалтику.

В России XVIII в. значительно больший отклик, нежели в предшествующие столетия, получили и реформационные идеи, которые увлекали русских людей, сомневающихся в почитании святых, мощей, икон, признании необходимости института церкви-посредницы между верующими и Богом. На православной почве эти идеи породили сектантские течения. В начале XVIII в. в Москве, в середине XVIII в. среди крестьян Тамбовской и Воронежской губерний получают распространение настойчивые призывы отказаться от иконопочитания, познать Бога «духом и истиной», а не через совершение церковных обрядов и таинств. «Духовные христиане» вскоре появились и в других губерниях Российской империи, прежде всего южных. В 60–80-е годы XVIII в. происходит конфессионализация течений: образуются «секты» духоборцев (у истоков течения стоял С. Колесников) и молокан (во главе встал С. Уклеин). В их религиозных исканиях правительство более всего беспокоил полный отказ от клятв, присяги, ношения оружия, а соответственно, и от воинской службы.

В XVIII в. в России существовали и довольно многочисленные группы мистическо-экстатического толка – «Людей Божьих», «хлыстов», скопцов. Хлысты собирались на «радения» для того, чтобы войти в состояние экзальтации и почувствовать, как «силой Святого Духа» они сами и их единоверцы перевоплощаются в пророков, во Христа или Богородицу (отсюда и название – «христовство»; или по орудию, которым некоторые себя доводили до экзальтации – «хлыстовство»). На хлыстовские «радения» собирались люди разного социального положения, среди участников было немало представителей духовенства – монахов, монахинь, священников; впрочем, хлысты не отвергали церковной службы, не уклонялись от исполнения церковных обрядов и не имели своей централизованной организации. Общей практикой подготовки верующего к «радениям» был крайний аскетизм, и именно стремлением удалиться от плотских соблазнов объясняется появление скопчества, развившегося из христовщины во второй половине XVIII в.

Поиски путей духовного обновления в православном мире привели и к развитию христианского рационализма, который выразился прежде всего в растущем интересе к западной учености, янсенизму, квиетизму и пиетизму. Такие греческие православные мыслители, как Н. Феотоки (1731–1800) и И. Моисиодакс (ок. 1725–1800) открыто исповедовали рационалистические принципы. Во время своего ректорства в Афонской академии в 1753–1759 гг. Евгений Булгарис (1716–1807) включил в программу труды Декарта, Лейбница и Вольфа. Во второй половине века влияние христианского рационализма ощущалось в произведениях русских и украинских ученых-богословов – митрополита Георгия (Конисского) (1717–1795), митрополита Гавриила (Петрова) (1730–1801), протоиерея кремлевского Архангельского собора Петра Алексеева (1727–1801) и в особенности митрополита Платона (Левшина) (1737–1812).

Итак, поиск «истинной» веры, разумной или исполненной мистицизма, захватил в XVIII в. все страны христианского мира, привел к развитию и углублению процессов конфессионального размежевания как на Востоке, так и на Западе, включая Американские Штаты. Однако конфессионализация в Век Просвещения, в отличие от прошлых веков, не породила тех жестоких религиозных войн, которые еще помнила Европа.

Все XVIII столетие и государи, и церковные властители, и религиозные полемисты, и их светские оппоненты так или иначе вынуждены были откликаться на вызовы времени, блестяще сформулированные трудами идейных вдохновителей Просвещения. А потому и важнейшие вопросы Просвещения – борьба с теократией, воспитание веротерпимости, искоренение «энтузиазма» и «суеверий» – нередко определяли направления государственной и церковной деятельности.

«БОГУ – БОГОВО, А КЕСАРЮ – КЕСАРЕВО»: ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ

В XVIII в. общей тенденцией развития государств христианского мира стало все более активное вмешательство светских властей в дела церкви. Сама по себе эта тенденция была не нова. Еще Аугсбургское (1555) и Вестфальское (1648) мирные соглашения провозгласили принцип cuis regio eius religio (правитель определяет веру), тем самым признав право государей регулировать религиозную и церковную жизнь в своих владениях (jus reformandi). По мере того как церковь все чаще рассматривалась не только и не столько как божественное установление, а как институт человеческого общества и, соответственно, предмет реформ и усовершенствования, государство все решительнее вмешивалось в церковные дела. Во имя интересов «общего блага» и во имя «интересов самой церкви», которую желали «освободить от мирских забот», коронованные реформаторы все реже были склонны считаться с экклезиологическими и каноническим традициями. Эти усилия находили поддержку у просвещенных философов, политиков-прагматиков, а также у реформистски настроенного духовенства, которое наращивало свое политическое влияние.

В католических странах отправной точкой дебатов о взаимоотношениях светской и церковной властей стала критика «теории двух властей» или «двух мечей», согласно которой церковь объявлялась носительницей благодати и ее власть определялась как законодательная (auctoritas); государству в этой теории отводилась подчиненная, исполнительная (potestas) роль. Теория «двух властей» или «двух мечей» в XVI в. была отвергнута Реформацией, а с XVII в. все более утрачивала поддержку и в католической среде. Одним из наиболее эффективных средств борьбы с курией была королевская привилегия запрещать хождение папских булл, в том случае если они противоречили законам государства (Placetum regium). Критика церковного примата папы выразилась в консилиаризме – т.е. учении о соборе (consilium) всего духовенства или же синоде епископов как о верховной власти в церкви. Все большее влияние получали и сторонники канонической независимости национальных церквей от Рима, например галликане.

Консилиаристские и галликанские настроения были особенно сильны среди янсенистов, склонных рассматривать церковь как «утлый сосуд», наполненный всеми грехами «града человеческого», отказывавших ей в монополии на спасение, и, следовательно, в претензии на особое положение в обществе. В отсутствие подлинно апостольской церкви янсенистские богословы, такие как выдающийся бельгийский канонист З.Б. ван Эспен (1646–

1728), отводили государству ведущую роль в делах национальных церквей. В Испании, Португалии, Италии, Испанских Нидерландах, империи Габсбургов и католических германских землях именно эти круги обеспечивали поддержку монархий в проведении церковных реформ.

В Испании, Португалии и итальянских владениях, где государи играли важную роль в воплощении тридентских реформ середины XVI в., традиция государственного управления церковью была твердо укоренена. Опираясь на эту традицию и сочетая средневековую концепцию регализма, т.е. верховенства королевской власти, с современными экономическими теориями, правительства Испании и Португалии развернули кампанию против средневековых корпораций, и прежде всего церкви. Всесильный С.Ж. де Карвалью-и-Мелу, маркиз де Помбал (1699–1782), фактический правитель Португалии, не отрицая прерогатив церкви в вопросах доктрины, стремился подчинить церковную организацию и ее ресурсы интересам национальной политики. В Испании король Карл III (1759–1788) санкционировал широкую программу церковной реформы, которая подразумевала использование ресурсов церкви для вполне светских нужд – народного образования и даже заведения мануфактур. В 1768 г. герцог Пармский закрепил за собой право регистрации всех папских булл и бреве и запретил духовенству обращаться в Рим без его разрешения.

Великий герцог Тосканский Леопольд (1747–1792) отдал инициативу церковной реформы в руки церковного же собора, но на этом соборе в 1786 г. председательствовал янсенист – епископ Пистойи и Прато Ш. де Риччи (1741–1810). Собор не только принял решение о реформах епархиального управления и духовного образования, но и наметил меры по ограничению влияния монашеских орденов, очищению литургики и агиографии. Только после волнений в Пистойе и отставки Риччи в 1791 г., когда Леопольд покинул Тоскану и был уже австрийским императором, постановления собора были осуждены папской буллой и отменены.

В отличие от большинства католических стран, где янсенизм выступал в качестве союзника королевской власти, французские янсенисты оказались в состоянии войны не только с Римом, но и со своим королем. Людовик XIV, ярый приверженец теории «une foi, une loi, un roi» (единая вера, единый закон, единый король), рассматривал янсенизм как прямую угрозу своей власти. В 1711 г. был стерт с лица земли монастырь Пор-Рояль-де-Шан, цитадель янсенизма, и король потребовал, чтобы Рим положил конец янсенистской «ереси». В 1713 г. Климент XI выпустил буллу «Unigenitus», проклинавшую книгу янсенистского богослова П. Кенеля. «Unigenitus» вызвал глубокий политический кризис, который отнюдь не разрешился со смертью «короля-солнца» в 1715 г. В 1730 г. «Unigenitus» стал во Франции законом, а против янсенистов началась кампания систематических репрессий. В результате янсенизм из сотериологической богословской школы превратился в политическую партию, располагавшую мощной поддержкой судебных палат (парламентов), богословских факультетов университетов, прежде всего Сорбонны, и общественного мнения. В 1731–1732 и 1750 гг. конфликт вылился в политические кризисы, ознаменовавшиеся открытыми столкновениями между короной и ортодоксальными епископами, с одной стороны, янсенистами и парламентами – с другой.

Непросто складывались во Франции и отношения между епископатом и приходским духовенством. По словам А. Реймона, автора трактата «Права кюре» (1776), поскольку «в своем приходе кюре – это епископ», приходское духовенство должно было играть и равную роль с епископатом в делах управления церковью. Движение кюре, известное как ришеризм (по имени Э. Рише, который еще в начале XVII в. доказывал, что приходские священники были равны епископам), в XVIII в. становилось все более влиятельным во многом благодаря поддержке некоторых янсенистских канонистов, а также представителей третьего сословия. В июне 1789 г. несколько кюре, покинув свое первое сословие, даже присоединились к третьему сословию и вошли в состав Национального собрания.

Однако в ходе Французской революции реализация идей церковной реформы оказалась радикальнее былых проектов. В июле 1790 г. был принят декрет о гражданском устройстве духовенства, который порвал с церковными традициями, сделав духовенство частью государственной машины. Большинство клира отказалось ему подчиниться. Тем не менее гражданскую присягу принесли многие священнослужители, в том числе и такие видные янсенисты, как А. Грегуар и Ж.-Б.Ж. Гобель. Они верили, что новый, патриотический католицизм, очищенный от предрассудков и воплощавший идеалы раннего христианства, станет источником обновления религии и государства. В 1795 г. аббат Грегуар и его сторонники объявили о создании новой национальной церкви. Были созваны два собора – 1797 и 1801 гг., которые не только предложили кардинальные реформы французской церкви (выборы священников прихожанами, создание соборной системы церковной администрации, очищение католицизма от ритуализма и суеверий), но и воссоединение с протестантизмом и православием, а также передачу верховной власти в католической церкви генеральному или экуменическому собору. Тем самым была предпринята еще одна попытка воплотить идеалы консилиаризма.

В германских католических землях, где традиция Landeskirchen (церкви, управляемые городским магистратом или принцем, который именовался Landesvater, т.е. отцом всего княжества) утвердилась еще до эпохи Реформации, государи, согласно Вестфальским соглашениям 1648 г., обладали практически неограниченной юрисдикцией над церковью. Особенно сильными были позиции государства в империи Габсбургов, которые после побед над исламской Османской империей рассматривали династию как живое воплощение австрийского католического благочестия – Pietas Austriaca. Необходимость церковной реформы стала очевидной еще в царствование Марии Терезии (1740–1780): императрица была убеждена, что из-за неэффективности церковной организации борьба с протестантизмом не только оказалась на грани провала, но и породила мощное протестантское возрождение. В 1753 г. Мария Терезия начала переговоры с Римом о реформе церковных, в частности монастырских, доходов, которые она желала использовать на дело Контрреформации.

Став соправителем своей матери Марии Терезии, Иосиф II в 1765 г. в своем плане церковных реформ пошел значительно дальше. В 1780 г., будучи уже полновластным императором, он создал Комиссию духовных дел, которая провела реформу приходской системы, системы духовного образования и сократила на треть число монастырей (нетронутыми остались только

те обители, которые занимались медицинской помощью или образованием). Иосиф смог проводить реформы без оглядки на Ватикан благодаря поддержке феброниан (последователей епископа Трирского И.Н. фон Хонтхайма (1701–1790), публиковавшегося под псевдонимом Февроний) – сторонников канонической независимости немецких церквей от Рима. Однако реформы Иосифа II вызвали и протесты (особенно в Австрийских Нидерландах), а после его смерти большинство из них было отменено.

Противоречия между Римом, оппозиционным духовенством и европейскими монархиями в XVIII в. достигли кульминации в кампании, которая привела к роспуску Общества Иисуса. Эта кампания продемонстрировала упадок политического влияния Ватикана и рост власти государства в церковных делах. Подозрительность в отношении ордена иезуитов зрела давно, и ее разделяли в самых различных кругах. Светские правительства в поисках путей пополнения казны, опустошенной Семилетней войной, все чаще обращали взоры на богатства иезуитов, которых они рассматривали как преторианскую гвардию Ватикана. Духовенство национальных церквей было недовольно деятельностью иезуитских миссий, находившихся вне юрисдикции епископов и зачастую конкурировавших с местным приходским духовенством. Прочие монашеские ордена полагали, что иезуиты, с их активным участием в светской жизни и коммерческой деятельности, компрометировали идеалы монашеского аскетизма. Особой враждебностью к иезуитам отличались янсенисты.

Кампания против иезуитов началась в Португалии. Помбал в марте 1758 г. потребовал от папы Бенедикта XIV запретить иезуитские организации, и португальское правительство незамедлительно захватило имущество иезуитов. После того как в 1756 г. коммерческие предприятия французских иезуитов на Мартинике обанкротились, руанский, парижский и другие парламенты, в которых было сильно влияние янсенистов, один за другим подвергли орден запрету. Когда папа Климент XIII в 1762 г. выпустил особое бреве с протестом против преследования ордена, парламенты отказались его регистрировать, а Людовик XV был вынужден в ноябре 1764 г. подписать эдикт о запрете иезуитского ордена и конфискации его имущества. Примеру Португалии и Франции последовали Парма, Неаполь и Испания. Несмотря на это давление, папа Климент XIII упорно сопротивлялся. Только после его смерти в 1769 г. новый папа Климент XIV, заручившись молчаливым согласием Марии Терезии, выпустил послание «Dominus ac Redemptor» (1773), которое прекращало деятельность Общества Иисуса. Наиболее парадоксальным последствием этой истории было то, что изгнанные иезуиты нашли пристанище в протестантских странах – Пруссии, североамериканских колониях, Дании, Голландии – и в православной Российской империи (крупнейший коллегиум иезуитов существовал в Полоцке до 30-х годов XIX в.).

В протестантизме проблема взаимоотношения церкви и государства получила принципиальное разрешение в ходе Реформации. Отвергнув теорию «двух мечей», Лютер и Меланхтон создали теорию «двух царств», основанную на представлении о церкви как о духовном братстве верующих и о государстве как орудии поддержания гражданского мира. Согласно «теории двух царств» государство могло регулировать «внешнюю» жизнь церкви (те ее

Бреве «Dominus ac Redemptor» о роспуске Ордена иезуитов. 1773 г.

аспекты, которые не имели отношения к спасению), но не имело права вмешиваться в дела совести, которые оставались неотъемлемой прерогативой церкви. Но если лютеранство все-таки сохранило иерархическое устройство церкви, реформатство пошло дальше, создав принципиально новую экклезиологическую модель – пресвитерию (т.е. собрание верующих, в котором пасторам и мирским старшинам принадлежали равные права).

Теория «двух царств», лежавшая в основе церковно-государственных отношений в большинстве протестантских стран, оказалась особенно эффективной в Пруссии, где кальвинистская династия Гогенцоллернов управляла страной с преимущественно лютеранским населением.

В Британии, где король имел высокий титул защитника веры, прерогативы королевской власти в церковных делах были на деле существенно ограничены, а дебаты о церковно-государственных отношениях находились

в зависимости от парламентской политики. Церковь возглавлялась Конвокацией – церковным собором епископов, в котором ведущие позиции занимали представители Высокой Церкви. В 1717 г. Георг I (1714–1727) распустил Конвокацию, покончив с влиянием оппозиционных епископов в Палате лордов и переведя англиканскую церковь под управление парламента. После роспуска Конвокация не собиралась до 1854 г. Тем не менее высокоцерковникам удалось сохранить ведущие позиции в англиканской церкви (и эти позиции особенно усилились после Французской революции), а их представления о церкви как незыблемом основании государства сохраняли влияние в течение всего XVIII столетия.

За роспуском Конвокации в Британии последовал и конец епископальной церкви Шотландии. Шотландский протестантизм был преобразован по пресвитерианскому образцу, а английская церковь была вынуждена признать не только независимое существование пресвитерианской церкви, но и роль Генеральной Ассамблеи Шотландской Кирки (Kirk), которая стала de facto парламентом.

Православный мир в качестве идеала отношений церкви и государства воспринял от Византии концепцию «симфонии» (или, как переводили в России, «согласия», «совещания»), которая рассматривала церковь и государство как равные, отдельные и независимые институты. На протяжении веков принцип равновесия духовной и светской власти далеко не всегда удавалось соблюдать, но во второй половине XVII в. в России конфликт между царем и патриархом стал знаком крушения «симфонии»; окончательно равновесие разрушила церковная реформа Петра Великого.

После смерти патриарха Адриана в 1700 г. Петр долго подыскивал себе покорного и европейски образованного главу церкви, но в конечном итоге в 1721 г. при содействии Феофана Прокоповича принял решение об отмене патриаршества, которое, по мнению Феофана, было безнадежно заражено «папежским» духом. Во главе церкви встал Синод, обладавший, как настаивал Феофан, «силой и властью патриаршей, или едва ли не большей, понеже Собор». Синод задумывался национальным «полномощным правительством», независимым от иностранных единоверных патриархов («не под властию цареградского патриарха прибывающее»). Наконец, высочайшие резолюции на синодальные пункты от 22 апреля 1722 г. разъясняли: «понеже Синод в духовном деле власть имеет как Сенат, того ради респект и послушание равное отдавать надлежит и за преступление наказание».

По существу реформа разделила правовое пространство на два домена – духовный, находившийся под управлением Синода, и гражданский, которым управлял Сенат. Церковная администрация в значительной степени должна была создать паритет Сенату. Как и над Сенатом, над Синодом осуществлялся прокурорский надзор. «Духовный Регламент» (1721) стал церковным аналогом Генерального Регламента. Синод, как и Сенат, подчинялся непосредственно императору-помазаннику Божиему, который своей верховной властью христианского императора должен был предотвратить не только вмешательство церковных властей в чисто мирские дела, но и государственной бюрократии – в дела церкви.

Однако провести четкую границу между светским и духовным доменами оказалось затруднительным. При учреждении Синода под юрисдикцией церкви находились дела церковного имущества, духовенства, иноверных исповеданий, брака и развода, религиозного образования клириков и мирян, надзора за нравственностью, но, как показала история, все эти дела могли легко интерпретироваться как «относящиеся до гражданства» и, соответственно, становиться предметом интереса светской администрации.

В течение XVIII в. государство не оставляло попыток ограничить пределы церковной юрисдикции. Уже Петр I изъял из ведения церкви дела о наследствах, статусе незаконных детей, изнасиловании и кровосмешении. В царствование Анны Иоанновны были предприняты попытки, правда, безуспешные, лишить Синод правительствующего статуса и превратить его в коллегию.

Елизавета, а затем и Петр III начали процесс секуляризации церковных земель, который завершился уже при Екатерине II. В 1764 г. Екатерина учредила Комиссию о церковных имениях, чтобы решить проблему финансирования деятельности церкви. Самым важным мероприятием этой Комиссии (распущенной в 1785 г.) и стала секуляризация церковных имений, существенное сокращение числа монастырей. Тогда же указами императрицы из сферы церковной юрисдикции были изъяты дела о расколе и иноверных исповеданиях, а также надзор за общественной нравственностью и «суевериями»; были предприняты и серьезные (но неудавшиеся) попытки перевести под светскую юрисдикцию белое духовенство.

ИЗ ПИСЬМА ВОЛЬТЕРА ЕКАТЕРИНЕ II ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1774 г.

«⟨...⟩ Умоляю Вас, Мадам, включить в Ваше уложение закон, недвусмысленно запрещающий целовать священников кому бы то ни было, кроме их любовниц. Правда, Иисус Христос позволил Магдалине целовать себе ноги, но наши, как и Ваши священнослужители не имеют ничего общего с Иисусом Христом.

Действительно, в Италии и Испании дамы целуют руки монахам-якобинцам и кордельерам, и эти шельмецы слишком вольно ведут себя с нашими дамами. Я бы хотел, чтобы петербургские дамы оказались хоть немного более гордыми. Будь я петербургской дамой, молодой и привлекательной, я бы целовал руки только Вашим храбрым офицерам, обратившим в бегство турок на море и на суше, а они могли бы целовать меня куда угодно. Но я никогда не согласился бы целовать руку монаха, часто весьма грязную...

А пока что позвольте мне, Мадам, поцеловать статую Петра Великого и край платья Екатерины еще более великой. Я знаю, что ее рука красивее рук всех священнослужителей ее империи, но осмеливаюсь прильнуть лишь к ее стопам, белизной не уступающих снегам ее страны».

С петровского времени неизменным осталось лишь требование к церкви служить на благо империи. Эта служба выражалась в обязательном праздновании «высокоторжественных» дней тезоименитств членов императорской семьи, в постоянном контроле за православными подданными императора (посредством учета всех исповедующихся и причащающихся, а совершать эти таинства надлежало не реже двух раз в год), в наставлении паствы основам веры и идее «общественного блага», в чтении в церквах важнейших государственных указов, рескриптов, манифестов.

Несмотря на существенные различия в западном и российском опыте церковно-государственных отношений вектор развития светских абсолютистских тенденций был общим – победа «кесарей» и подчинение церквей государству. Но это государство по-прежнему носило конфессиональный характер, и единая государственная религия, поддерживаемая светской властью, по-прежнему рассматривалась как залог или идеал политической стабильности. Однако в дебатах о веротерпимости этот идеал оказался под сомнением.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ

Призыв к веротерпимости, сформулированный такими выдающимися просветителями, как Джон Локк и Вольтер, стал одним из основополагающих в XVIII в. Идеи толерантности легли на почву, подготовленную предшествующими поколениями христианских мыслителей. Еще до наступления века Просвещения голландские арминиане и английские латитудинарии доказывали, что большинство различий между христианскими конфессиями не были принципиальными и, следовательно, не стоили той крови, которая была пролита во имя «истинной веры». Принятие тезиса о том, что вера является предметом не человеческих установлений, а Божьих, не подлежащих ни государственному, ни церковному регулированию, нередко вело к признанию за каждым христианином права на свое собственное понимание христианства (разумеется, при условии, что его убеждения не нарушают гражданского спокойствия). Некоторые христианские лидеры, такие как основатель Род-Айленда Р. Уильямс (1603–1683), распространяли это право не только на христиан, но и на евреев и мусульман.

Концепция гражданской веротерпимости и легализации статуса религиозных меньшинств к началу XVIII в. уже сформировалась. Реалистически настроенные политики были вынуждены признать, что попытки обратить «еретиков» в «истинную веру» не только оказались бесплодными, но породили кровопролития и гражданские войны. Для поддержания гражданского мира потребовались компромиссы, и к середине XVIII в. прагматики уже сходились во мнении, что любые религии, которые разделяли основополагающие постулаты христианства – веру в единого Бога, силу Провидения и жизнь вечную – имели равные права на существование.

Но едва ли можно предположить, что идеи толерантности легко были усвоены всеми государства в равной мере. Стран, отличавшихся конфессиональным плюрализмом, где риторика свободы совести органично сочеталась с соображениями экономического или политического характера, было не так много. Среди них – Соединенные провинции, где, несмотря на то что реформатство было государственной религией, правящая династия, озабоченная прежде всего поддержанием гражданского спокойствия, не препятствовала формированию общин евреев, католиков, а также многочисленных протестантских беженцев. В Америке разнообразие религиозного ландшафта, препятствовавшее установлению единой государственной церкви, привело к формированию позиции невмешательства государства в религиозные дела (см. также гл. «Война за независимость и образование США»). Создатели

американской Конституции (1787), несмотря на давление англикан Вирджинии и конгрегационалистов Новой Англии, добивавшихся установления государственной церкви, воздержались от формулировки религиозной политики. Основной закон новой республики никак не оговаривал положение церкви, за исключением клаузулы в Статье VI, которая запрещала какие бы то ни было религиозные цензы для кандидатов на государственные посты. Первая поправка к Конституции, принятая в 1789 г., провозглашала, что Конгресс не имеет права законодательно ни поддерживать, ни запрещать какую бы то ни было религию.

В значительной части европейских монархий сторонники веротерпимости наталкивались на влиятельное и хорошо организованное сопротивление. Теологи различных конфессий продолжали доказывать, что само существование «ересей» несет прямую угрозу «истинной вере», а монархи опасались, что снисходительность к «иноверным» может повлечь рост религиозного сепаратизма, что в свою очередь выльется в новый виток религиозных войн. А потому в большинстве стран акты о веротерпимости были избирательными, их необходимость диктовалась не столько идеями свободы совести, сколько соображениями экономической выгоды, юридической преемственности, национальной безопасности или международной репутации.

В Британии дебаты о веротерпимости с конца XVII в. отличались особой остротой. Объектом репрессий стали все католики, а также английские, шотландские и ирландские «диссентеры» – пресвитериане, квакеры, баптисты и прочие христиане, не принявшие доктрины англиканской церкви.

Билль о веротерпимости (1689), не облегчивший положения католиков, легализовал британских диссентеров, даровав им право отправлять публичное богослужение. Но наравне с католиками, протестантские диссентеры подпадали под статьи Актов о религиозном цензе (Test Acts, 1673, 1678), согласно которым причастие по англиканскому образцу было условием вступления на государственную службу. Многочисленные попытки отменить «религиозный ценз» все XVIII столетие наталкивались на организованное сопротивление парламента.

Политика по отношению к диссентерам была особенно циничной, учитывая, что и парламент, и церковь постоянно выступали в защиту зарубежных протестантов, предоставляя убежище (а также государственные субсидии) многочисленным беженцам, от французских гугенотов до моравских братьев.

В отличие от протестантских диссентеров британские католики не имели поддержки в общественном мнении внутри страны. Антикатолицизм, возведенный в статус национальной идеи еще со времен Великой Армады, усилился в особенности после восстаний якобитов (сторонников свергнутых Стюартов) 1690–1691, 1715 и 1745 гг. Именно в это время в Британии серия антикатолических правовых актов (Penal Laws) по сути поставила английских и ирландских католиков вне закона. Только с 1778 г. в Британии и Ирландии католики, отказавшиеся от признания претензий римского папы на светскую власть, а династии Стюартов – на трон, получали права наследования, владения землей и могли служить в вооруженных силах. Смягчение антикатолического законодательства было обусловлено вполне прагматическими соображениями, например тем, что британское правительство нужда-

лось в пополнении армии. Однако даже половинчатые меры в отношении католиков встретили в протестантском обществе яростное сопротивление, кульминацией которого стали антикатолические погромы в Лондоне, известные как «бунты Гордона» (Gordon riots, 1780). Уравнять права католиков и протестантов Британия смогла лишь в 1829 г.

Далеким от идеала веротерпимости было в Британии и положение евреев. Так называемый «Еврейский Билль» (Jew Bill) – акт английского парламента (1753), который давал евреям право на натурализацию в награду за верность правительству во время якобитского восстания 1745 г., – вызвал шумные протесты, которые включали антисемитские демонстрации и даже погромы, поэтому он был отменен уже в 1754 г. Полная «эмансипация» английских евреев стала возможной только в 1845 г.

Во Франции борьба за веротерпимость была связана с обсуждением статуса гугенотов. В конце XVII в. отмена Нантского эдикта не вызвала особых протестов со стороны католического образованного общества, главным образом благодаря эффективной пропаганде, которая представляла гугенотов агентами Лондона и опасными фанатиками. К середине XVIII в. взгляд на отмену Нантского эдикта изменился: теперь она представлялась как акт деспотизма, поставивший тысячи французских подданных вне закона и нанесший непоправимый урон не только репутации, но и экономике Франции. Общественную борьбу за права гугенотов поддержали некогда их яростные противники янсенисты, и наибольшую известность получил в это время запрещенный властями трактат янсенистов Г.Н. Мольтро и Ж. Тайе «Вопросы о христианской веротерпимости» (1758). Во время Семилетней войны защитники гугенотов указывали на их лояльность и патриотизм, а Вольтер начал свою знаменитую кампанию за реабилитацию доброго имени Ж. Каласа, тулузского гугенота, казненного в 1762 г. по ложному обвинению в убийстве собственного сына. В конечном итоге во французском обществе стало превалировать мнение, что французское подданство предполагает право на свободу вероисповедания, и несмотря на сопротивление ортодоксальных епископов, в 1787 г. Людовик XVI был вынужден даровать гугенотам право совершать частные богослужения и признал законными их браки. Эдикт о веротерпимости во Франции никак при этом не коснулся нехристианских конфессий, в частности евреев, положение которых в корне изменила лишь Французская революция.

В германских землях и в Польше дебаты о веротерпимости носили скорее юридический, нежели богословский характер и касались статуса основных христианских конфессий (католической, лютеранской и кальвинистской), установленного еще в Вестфальском мирном договоре 1648 г.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в Пруссии. Нейтрализовав с помощью пиетистов возможную лютеранскую оппозицию, Фридрих Вильгельм I проводил политику привлечения «полезных» религиозных общин, которые не только приносили экономические выгоды, но и помогали в соперничестве с Габсбургами. Права и привилегии были дарованы французским гугенотам, евреям, изгнанным из Вены в 1670 г., а также протестантам, изгнанным из владений зальцбургского архиепископа в 1732 г.

Фридрих II также полагал, что насаждение «истинной веры» не входит в обязанности государства. Ради обеспечения лояльности своих подданных он

преодолел свое неприятие папского Рима и подтвердил традиционные права и привилегии католиков Силезии, присоединенной в 1742 г., и польских территорий, отошедших по первому разделу Польши (1772). Тем не менее он оставил за собой право вмешиваться в административное управление католической церкви.

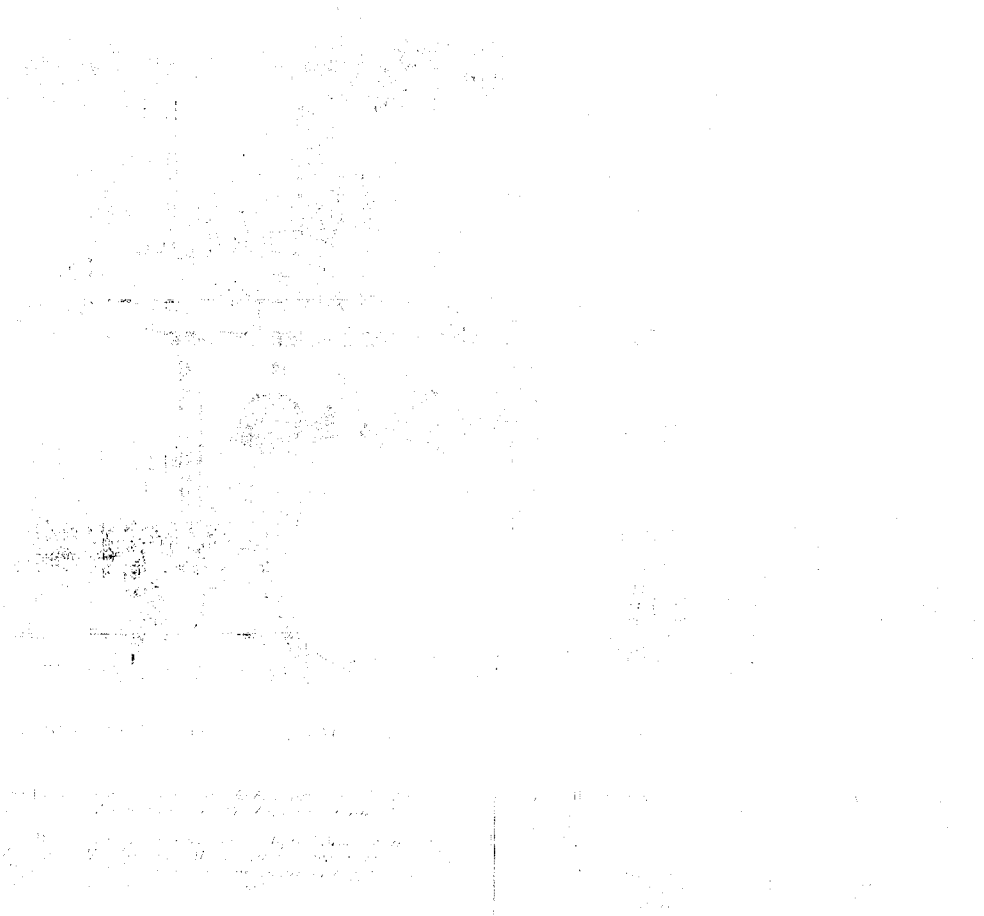
По отношению к евреям (чей статус не оговаривался международными соглашениям) Фридрих II проводил значительно более жесткую политику, главным образом руководствуясь желанием добиться скорейшей ассимиляции еврейских общин. Его Генеральный Регламент (1750) был настолько суров, что Мирабо назвал его «людоедским». Только после смерти Фридриха эмансипация евреев в ноябре 1787 г. была вынесена на обсуждение особой комиссии (Reformkomssion) и, исходя из того что «улучшение положения евреев должно находиться в точном соответствии с их полезностью для государства», были приняты некоторые налоговые послабления.

Впрочем, и в еврейской среде началось встречное движение в сторону если не религиозной, то культурной интеграции. Становление еврейского Просвещения – Гаскалы – неразрывно связано с именем М. Мендельсона (1729–1786), своими философскими трудами и переводами обосновывавшего совместимость иудейской веры с европейской образованностью и политической эмансипацией. Влияние Мендельсона на развитие идей немецкого Просвещения и реформированного иудаизма оказалось весьма значительным.

Права религиозных конфессий в Пруссии были окончательно оформлены в Эдикте о религиях 1788 г., составленном видным розенкрейцером И.Х. Вёллнером (1732–1780), советником короля Фридриха Вильгельма II (правил с 1786 по 1797 г.). Преамбула Эдикта провозглашала основной миссией монархии защиту догматической чистоты прусского протестантизма (за это Эдикт подвергся суровой критике в просветительских кругах как документ, узаконивший государственный «фанатизм»). Образцом «догматической чистоты» становился общий катехизис (Landeskatechismus), а Эдикт о цензуре (1788) помогал усилить контроль за теми, кто позволял себе «слишком вольно толковать основные положения своей веры». Но при этом Эдикт о религиях гарантировал свободу вероисповедания не только традиционным конфессиям, т.е. лютеранам, кальвинистам и католикам, но и всем религиозным общинам, проживавшим в королевстве, в том числе евреям, менонитам и гернгутерам. Прозелитизм был запрещен для всех без исключения.

Австрийские Габсбурги традиционно придерживались курса на насаждение католицизма в своих владениях, и их политика в отношении некатолических конфессий, сформулированная в 1733 г. императором Карлом VI, сочетала политические репрессии с миссионерским давлением.

Только правление Иосифа II ознаменовало полный разрыв с политикой насильственного насаждения католицизма. Патенты, изданные в 1781–1782 гг., снимали налоговые и религиозные ограничения с протестантов, православных и евреев. Эти патенты не только способствовали поощрению банковской, ремесленной и торговой деятельности, они стали признанием неэффективности политического конфессионализма и представляли империю как подлинно просвещенную монархию. Но и у австрийской толерантности были свои ограничения: протестантам, например, разрешалось только



Сцены ужасной трагедии в Торуни. Гравюра. 1725 г.

частное богослужение, а любой подданный, желавший зарегистрироваться в качестве протестанта, должен был пройти шестинедельный период увещания у католического священника; моравским братьям Иосиф II вообще отказался даровать свободы.

В Польше, которая в XVI столетии пользовалась репутацией оазиса терпимости и религиозной свободы, в течение XVII – первой половине XVIII в. происходило систематическое наступление на права некатолических исповеданий. Протестантам и православным было запрещено совершать публичные богослужения, была введена католическая цензура для всех публикаций религиозного характера. Усиливалось и судебное преследование диссидентов. Так, в 1713 г. офицер-лютеранин был приговорен к смертной казни за то, что затеял богословский спор в Люблинской таверне. 20–30-е годы ознаменовались волной подобных процессов, среди которых наиболее известным стало осуждение лютеранских властей Торуни в 1724 г.: бургомистр и

члены городского магистрата были приговорены к смертной казни по обвинению в святотатстве, выдвинутому местными доминиканцами и иезуитами. «Торуньская кровавая баня» надолго стала примером «фанатизма» польских католиков и вызвала протесты многих некатолических стран, в том числе и России.

Однако основной целью антидиссидентского законодательства в Речи Посполитой было не насаждение католицизма, а исключение диссидентов из состава правящего класса, изгнание их из сейма. Начало этой кампании относится к 1717 г., когда сейм принял серию законов, направленных на предотвращение вмешательства протестантской Саксонии (чьим курфюрстом оставался польский король Август II) в польские дела. Опасения по поводу иностранных влияний, проводимых через диссидентов, сохранялись и в дальнейшем. Несмотря на все усилия последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, попытки облегчить статус диссидентов провалились. Этим воспользовались Россия и Пруссия, проводя первый раздел Польши – акт, который Вольтер приветствовал как победу веротерпимости над фанатизмом польского католицизма.

Территориальные завоевания XVIII в. превратили и православную Россию в многоконфессиональную империю, подданные которой исповедовали католицизм, ислам, иудаизм, буддизм и язычество. Необходимость оформления политики по отношению к неправославным исповеданиям становилась очевидной. И если в начале XVIII в. Петр только подтвердил гарантии свободы вероисповедания для иностранцев, приглашавшихся на русскую службу, то во второй половине XVIII в. екатерининская Россия стала одним из первых государств, где принцип веротерпимости был закреплен законодательно. В «Наказе» Уложенной комиссии Екатерина II, ссылаясь на то что «дозволение верить по своему закону умягчает... сердца», способствует «тишине Государства и соединению граждан», подчеркивала, что «порок запрещения или недозволения различных вер» особенно опасен в Российской империи, «распространяющей свое владение над столь многими разными народами». Помимо этого императрица отмечала в «Наказе», что вопросы веры должны подчиняться «разумным законам», которые позволили бы «всех сих заблудших овец паки привести к истинному верных стаду». Хотя новое Уложение принято не было, идеи «Наказа» все-таки получили развитие в законодательстве 60–80-х годов XVIII в.

С целью обеспечить лояльность российских мусульман перед русско-турецкой войной Екатерина II посетила в Казани мечеть и приветствовала татарских старейшин на их родном языке (и действительно, никакой оппозиции со стороны российских мусульман в периоды русско-турецких войн не последовало). В 1773 г., в ответ на жалобу казанского архиерея на то, что в Казани мечети строились «близ благочестивых церквей», Екатерина, ссылаясь на статьи «Наказа», указала, чтобы «отныне Преосвященным Архиереям в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать, а предоставлять оное все на рассмотрение светских команд». Со второй половины XVIII в. в России светская власть запрещает и насильственное крещение мусульман, а с 1788 г. в Уфе был создан муфтият, который взял на себя управление делами всех мусульман Поволжья. Позднее были созданы духовные управления мусульман

Кавказа, Закавказья, Оренбурга; в конце XVIII – XIX в. открывались многочисленные мусульманские школы.

Менялась и политика в отношении евреев. Если императрица Елизавета Петровна заявила, что не желает иметь прибыли от «врагов Христовых» и не допустила евреев торговать в Российской империи, то Екатерина гарантировала свободу вероисповедания еврейскому населению, вошедшему в состав России после первого раздела Польши. Были восстановлены права кагала, т.е. еврейского самоуправления, существенно ограниченные до этого в Польше. Право еврейского населения вступать в городские сословия и входить в органы самоуправления городов Российской империи гарантировалось Городовым положением 1785 г. Указы о черте оседлости, опиравшиеся на давнюю европейскую практику, появились только в 1790-х годах, в том числе после жалоб московских купцов на еврейскую конкуренцию. Они предписывали евреям, исповедующим иудаизм, селиться только на западе Российской империи от Белоруссии и Курляндии до Крыма.

После первого раздела Польши католики и униаты, веками считавшиеся главными врагами русского православия, получили дозволение на строительство церквей. Тем не менее российская императрица, как и прусский король, оставляла за собой право вмешиваться в дела католической церкви и тщательно следить, чтобы все распоряжения, приходящие из Рима, получали силу только с ведома российских государственных властей.

Политика веротерпимости при Екатерине II распространилась и на русских старообрядцев. Указом 1763 г. уничтожалась Раскольничья контора и все дела, связанные со старообрядчеством, были переданы из церковного в ведомство светского правительства. Синоду предписывалось не заводить никаких комиссий подобного рода и освободить всех заключенных, содержащихся в синодальных и консисторских тюрьмах. Бежавшие за рубеж старообрядцы приглашались на родину, а с 80-х годов отменялся и обременительный «двойной оклад» (удвоенные подати), введенный Петром I.

Правда, из всех мероприятий, утверждающих основы веротерпимости в России, именно смягчение политики в отношении старообрядцев вызвало более всего протестов видных иерархов русской церкви. Митрополиты Гавриил (Петров) и Амвросий (Зертис-Каменский) указывали, что если политика по отношению к иностранным исповеданиям не представляла особой опасности для русских (поскольку «в кирхах публичных и мугаметанских зловериях» богослужение производится не на русском языке), то «раскольники-льстецы к нам по наружности близки, ибо от нас и произошли и наших же, а не чужих совращают… и те же таинства, что и мы святотатски действуют». Гавриил также подчеркивал, что Петр I был суров с «раскольниками яко народными мятежниками», а «вселенские и российские патриархи… [их] не за маловажных суеверов, как ныне многие о них думают, но за сущих еретиков признавали». Опасения по поводу излишней снисходительности к раскольникам высказывали и некоторые представители просвещенной элиты, например М.М. Щербатов. В своей «Статистике в отношении России» (1776–1777) Щербатов предупреждал, что старообрядцы, которые «суть неприятели правительства», пользуются особым авторитетом среди «простого народа», ибо придерживаются «строгой жизни» и «упражняются в торговле и ремеслах». Однако были в России и иные мнения относительно старообряд-

чества. Так, митрополит Платон (Левшин) полагал, что в основе «раскола» лежали «малости ничего не значащие», что преследования «раскольников» были неоправданными, а их присоединение к господствующей церкви должно совершаться только просвещением и снисхождением. В 1781 г. благодаря усилиям митрополита Платона, Никифора Феотоки и Г.А. Потемкина было введено единоверие, в рамках которого старообрядцам разрешалось молиться по старым книгам, при условии, что они будут принимать священников от синодальной церкви. При Павле I единоверцы получили государственный статус, но редкие переходы старообрядцев в единоверие ни в XVIII в., ни позднее серьезных успехов в преодолении раскола не принесли.

В отношении сектантства политика Екатерины мало отличалась от курса ее предшественниц – Анны и Елизаветы, которые поручили особым духовно-светским комиссиям расследование и пресечение деятельности хлыстов (1733–1739 гг. и 1745–1756 гг.). В 60–90-е годы при Екатерине также затевались процессы в связи с появлением и быстрым распространением духоборчества и молоканства, в это же время наказанию подверглись и члены скопческих групп. Однако репрессии и ссылки, которыми церковь и государство ответили на «новоявленные ереси», только способствовали их распространению: вокруг ссыльных «еретиков» быстро образовывались группы их единоверцев. «Мягкие» меры, предложенные Екатериной в 1773 г., хоть и ограничивали права Синода в преследовании иноверных, но вовсе не обязывали светскую власть терпеть «еретиков» и «фанатиков», тем более что и указов о жестоком наказании «хулящих веру православную» никто не отменял, а потому до самого конца XVIII в. не прекращались и расследования по делам нонконформистов.

В 1790-е годы границы екатерининской веротерпимости заметно сужаются. Наиболее показательным в череде других дел стал арест известного книгоиздателя и писателя Н.И. Новикова. В 1792 г. Новикова обвиняли прежде всего в принадлежности к масонству, а Екатерина, как, впрочем, и некоторые представители духовенства, склонна была считать мистическое масонство, в особенности московских розенкрейцеров, «обществом нового раскола», «сектой», основанной на суровой дисциплине, обладающей своими собственными клятвами, обрядами и даже «алтарями», к тому же финансируемой из-за границы. Вот тогда-то и пришлось высочайше указать на то, что свобода вероисповедания в екатерининской России распространялась только на традиционные конфессии и никак не касалась «новоявленных» вольнодумцев.

ИСКОРЕНЕНИЕ «СУЕВЕРИЙ», ИЛИ ГОНЕНИЕ НА «НАРОДНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ»

В течение всего XVIII в. и светская власть, и религиозные институции продолжали активно вмешиваться в духовную жизнь христианской паствы, ставя задачу исключить из религиозных практик верующих не только «фанатизм» и «энтузиазм», но и «суеверия».

Хорошо известно, благодаря прежде всего работам Ж.-К. Шмитта и Ж. Делюмо, что superstitio (переведенное лишь в XVII в. на русский как

«суеверие») появляется в европейском лексиконе как противоположность religio в значении культа бога «ложного» уже в III-IV вв. С «суевериями» сражались блаж. Августин и Фома Аквинский. С течением времени слово superstitio приобретало новые и новые коннотации, а война против суеверий не прекращалась. На Западе с равной жестокостью, особенно с эпохи Реформации и Контрреформации, ее вели и католики, и протестанты; с конца XVII в. в словесную войну против «суеверий» включились и просветители.

При всем разнообразии толкований этого понятия следует признать, что и на Востоке, и на Западе христианского мира «суеверием» в XVIII в. чаще всего именовали придание преувеличенного значения неканонической словесности (апокрифам, магическим и прогностическим текстам) и «внешнему обряду» (включая карнавальную стихию, «фольклорные» формы поклонения местным святыням, мощам, статуям или иконам и др.). Борьба с «суевериями» включала борьбу с колдовством и магическими практиками, с несанкционированными церковью формами почитания сакрального, а также просвещение паствы и надзор за «богоугодным» чтением. Определение «суевер» превращалось в ключевое всегда, когда «просвещенные» желали дистанцировать себя от «простецов», но эта дистанция могла превратиться и в пропасть, когда «правильные» католики, протестанты или православные не желали признавать у своих собратьев права на «иное» благочестие или «народную веру».

Эта «народная вера» («народное христианство», «религия простецов» – терминология до настоящего времени вызывает полемику исследователей) была верой во Христа, хотя, вобрав в себя различные по генезису верования, она нередко значительно отличалась от религиозной системы, проповедуемой конфессиональными институциями. Важной чертой народных религиозных представлений является несистематизированность, отсутствие в них органичной целостности. При этом своеобразное переплетение магических, языческих верований и христианства, часто противоречивое по своей сути, являлось устойчивым и затрагивало основополагающие для религиозного сознания представления о добре и зле, о могуществе Бога и Сатаны, о соотношении земного и потустороннего. С наибольшей ясностью о сложности и противоречивости «народного христианства» свидетельствуют многочисленные материалы о «народном иконопочитании» и культах святых заступников; те же противоречия заметны в «народной демонологии», в отношении к магическому — и как к запретному, и как к традиционно апробированному предшествующими поколениями, необходимому во всех сферах жизнедеятельности. Объяснение многих парадоксов народной религиозности кроется, по-видимому, в преобладании эмоционального восприятия над логическим, с одной стороны, и в прагматизме, потребительском отношении к божеству – с другой. Магия сохраняла свое самостоятельное значение как путь достижения желаемого тут же, через выполнение несложного ритуального действа-требования, дополняющего или заменяющего христианскую молитву-прошение. Наконец, индивид часто осмыслял абстрактные богословские идеи Бога, добра и зла в конкретно-чувственных образах, что могло приводить к «снижению» сакрального до грубо телесного и, как казалось «просвещенным», до кощунственного или «смехового».

В Век Просвещения все эти и ранее порицаемые черты «грубой» веры простецов стали казаться еще более вопиющим вызовом разнообразным идеалам «истинной веры», будь то идеал «внутренней церкви» пиетистов, догматический пуризм янсенистов, пуританский мистицизм, православная сотериология или принципы христианского Просвещения. Однако формы борьбы с «суевериями народа» уже с конца XVII в. начинают меняться. Прежде всего изменения коснулись стратегии искоренения «колдовских» практик: согласно новым законам ведьм и колдунов постепенно перестают пытать и сжигать как еретиков, все чаще выдвигая против практикующих магию обвинения в мошенничестве.

Во Франции эдикт «О наказании предсказателей, магов, колдунов и отравителей», запрещавший судам признавать «пакты» с дьяволом за реальность и последовательно трактовавший ведовство как занятие обманщиков-«соблазнителей» появился в 1682 г. В Пруссии подобные акты были приняты в 1714 и 1721 гг.; в Англии и Шотландии законодательно преследование за колдовство было отменено парламентом в 1736 г. В России императрица Анна Иоанновна в 1731 г. подписала указ, направленный на искоренение суеверий и волшебства, прежде всего как «обманства». В 1766 г. законодательством Габсбургской империи также было прекращено преследование колдовства как мошенничества и безумия (но в этом акте Марией Терезией не была, впрочем, отменена система наказаний за пакт с дьяволом и порчу). Само основание для колдовских процессов – признание демонологической сущности колдовства – законодательно уничтожается только с конца 1770-х годов, тогда же и екатерининская Россия оказалась на уровне лучших законодательных образцов своих европейских соседей.

Однако прекращение преследований со стороны государства далеко не сразу изменило отношение на низовом уровне: самосуды против ведьм и колдунов отмечались в христианском мире еще и в XIX, и в XX веках.

В сфере регламентации обрядов, сопровождающих почитание сакрального, достижения были еще более скромными. С одной стороны, в католических странах церковные власти установили беспрецедентный контроль за приходской жизнью. Был введен институт обязательной индивидуальной исповеди и регламентирован порядок паломничеств, религиозных шествий и местного почитания святых. Протокол канонизации, составленный папой Бенедиктом XIV предписывал тщательный научный анализ свидетельств, который был призван доказать сверхъестественную природу чудотворства и тем самым положить конец «фальшивым» чудесам.

В Баварии, на Сицилии, в Лангедоке и Бретани развернулась борьба католического духовенства с исполнителями приуроченных к Страстной неделе мистерий, объявленных несовместимыми с благочестивыми предпасхальными занятиями прихожан. В Испании исполнение мистерий в Великий Четверг было даже официально запрещено в 1780 г. королем Карлом III (хотя надолго пережило время запрета). При этом часть духовенства, а в особенности иезуиты, открытой войне против народных «суеверий» предпочитали красочные театральные процессии, зажигательные проповеди и массовые покаяния, пропаганду, апеллировавшую к эмоциям. Богородичное богословие, разработанное иезуитами, положило начало и народному культу Мадонны, который пережил и Французскую революцию, и Наполеоновские войны.

Растущие ряды критиков иезуитов охотно использовали в борьбе против Ордена Иисуса обвинения в поощрения «суеверий».

В Австрии время пышных религиозных шествий, рост числа паломников к святыням, расцвет католических орденов, включая иезуитский, пришлись на эпоху Марии Терезии. Только в 1780-х годы уже при Иосифе II была сделана попытка запретить пышные паломнические шествия, шествия братств и орденов, уменьшить число праздников, сопровождавшихся народными гуляньями. В это же время в Тоскане Синод и епископ Пистойи в ходе реформ, о которых уже упоминалось, также попытались регламентировать народное благочестие и упорядочить уличные религиозные шествия. Однако и в Австрии, и в Тоскане после серии крестьянских выступлений реформы были свернуты.

В России в «реформе благочестия», начатой Петром I, обнаруживается немало общего с Западом: указы об обязательной исповеди, запреты устраивать крестные ходы, делать привесы к иконам, требования изымать чудотворные иконы из частных домов, регламентировать иконопочитание и иконописание, культы святых и мощей. Однако в дальнейшем с середины XVIII в., параллельно с продолжающимися попытками устранить из религиозной жизни российских подданных наиболее «грубые суеверия», жесткая регламентация религиозных практик начала ослабевать: в 1757 г. с причислением к лику святых Димитрия Ростовского возобновляются канонизации, к концу XVIII в. стали действовать некоторые из закрытых и заброшенных монастырей, через опыт старчества началось возрождение монашеской духовности.

Очевидно, наибольшие успехи в борьбе с «суевериями» были достигнуты на ниве просвещения духовенства и паствы, причем не только на западе, но и на востоке Европы.

В соответствии с духом времени желающие искоренить «суеверия» пробовали призвать на службу ratio, противопоставляя суевериям веру «разумную». С начала XVIII в. даже в объяснении колдовства начинают доминировать рационалистические доводы (например, наркотические галлюцинации) и опубликовавший в 1702 г. «Критическую историю суеверных практик» П. Лебрен (1661–1729) рекомендует «суеверам» изучать физику и биологию, чтоб отличать естественное от сверхъестественного. Появилась потребность в составлении «инвентарей» собственных суеверий, и вот вслед за знаменитым «Трактатом о суевериях» (1679) Ж.-Б. Тьера разного рода «словари» суеверий стали популярны от Британии до России.

Впрочем, большинство авторов статей, проповедей, литературных произведений, разоблачающих суеверия, как, впрочем, и некоторые представители государственных и церковных властей весь XVIII век проявляли излишний оптимизм. Они надеялись, что подвергнутая осмеянию и наказанию, поруганная проповедниками, вера в призраков и колдунов, в полуязыческих богов и ворожбу, как и все прочие суеверия, постепенно исчезнет. Этот оптимизм зиждился на убежденности в успехе просвещения, в том, что через доброе законодательство, катехизацию, учительство и проповедь удастся преодолеть церковные нестроения, расколы, утвердить единое «благочестие». Некоторые авторы напрямую заявляли, что уже «чрез… соединенныя силы величайших ученых мужей… многие суеверные предрассудки истреблены» (Словарь натурального волшебства. М., 1795).

Но и «разумные основания», апелляция к «рассудку» и «здравому смыслу» не смогли существенно поколебать устои «суеверной» религиозности, да и вряд ли были осмыслены основной массой верующей паствы. В массовом сознании вера все так же была далека «рассудку», и такие особенности «народной веры», как сочетание надежды на спасение во Христе с верой в «волшебство», преданность святыне, готовность к «чуду» и потому постоянное ожидание «чудес» от икон, мощей, источников и многое другое – не прошли «проверки» на принятие «новой культуры» и идей Просвещения. Очевидно, что от «простого» народа ждали другого христианства, но он демонстрировал удивительную способность переосмысливать и перетолковывать полученные знания в прежних категориях, включая их в религиозную систему, выпадающую из логики богословской или светской науки.

Рассуждения о «разумной вере» грозили при этом религиозным устоям паствы «ученой», все чаще проявлявшей религиозное вольнодумство, склонность к течениям сектантства, к «натурализму» (деизму), а некоторые и к «афеизму».

Во второй половине XVIII в. наступило некоторое отрезвление, именно тогда в письме 1771 г. к Е.Р. Дашковой Дидро признался: «Первая атака против суеверия была очень сильна, сильна не в меру. Однако раз люди осмелились атаковать предрассудки теологические, самые устойчивые и самые уважаемые, им невозможно уже остановиться...» А на исходе столетия в 1786–1787 гг. М.М. Щербатов, не преминув похвалить усилия Петра в борьбе с суевериями, сетовал: «...отнимая суеверие у непросвещеннаго народа, он самую веру к божественному закону отнимал... урезание суеверий и самыя основательныя части веры вред произвело: уменьшились суеверия, но уменьшилась и вера...»

В истории церкви и христианских конфессий XVIII век, безусловно, оставил свой след, но на многие вопросы, поставленные Просвещением, ни светские, ни церковные деятели, пожалуй, так и не нашли однозначных ответов.

В большинстве европейских государств XVIII век был отмечен «просвещенными» реформами церкви, и эти реформы имели своим важнейшим последствием укрепление позиций светской власти в ущерб власти церковной. Однако такая важная составляющая церковных реформ, как «очищение» церкви и просвещение паствы реализовывалась менее успешно.

Идеи «разумной веры» не только не одержали окончательной победы над «энтузиазмом» и «фанатизмом», но и породили неожиданный ответ. Сама Французская революция продемонстрировала взрыв «фанатизма» и хилиастической экзальтации. В то время как некоторые наблюдатели отдавали себе отчет, что это явление, по выражению А.В. Суворова, представляло собой «новый, также ужасный феномен: политический фанатизм», многими события во Франции были восприняты как возвращение времен религиозных войн, развязанных на этот раз масонами или безбожниками-просветителями.

Неудовлетворенность «рационализацией веры» и «секуляризацией» богословия привела и к развитию разнообразных форм мистической духовности, усилился интерес к аскетической и мистической традициям в православном исихазме, окрепли течения «мистического сектантства».

В Европе заговорили о том, что тайные организации мистиков проникали в самые верхи церкви и государства. Подозрения вызывали тайные общества, в особенности масонские ложи и квазимасонские организации, вроде баварских иллюминатов или авиньонского общества Нового Израиля. Слухи о всемогущем ордене иллюминатов заставили в 1784 г. баварского курфюрста Карла Теодора запретить все тайные общества (несмотря на то что иллюминаты были обществом рационалистов, их смешивали со всевозможными оккультными обществами). В России проявлением похожих опасений стало «дело Новикова». Так что далеко не везде декларируемая политика толерантности прошла испытания на прочность.

Развитие коммерческого книгопечатания привело к тому, что богословская мысль перестала быть монополией господствующей церкви и стала достоянием публичной сферы, но это лишь усилило религиозные искания, отнюдь не «упорядочив» конфессиональной системы христианского мира. Идеал рационального христианства оказался не менее утопичным, чем идеал конфессиональной целостности или идеал единой христианской вселенной.

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Вопросы образования и воспитания в XVIII в. перестали считаться прерогативой светских и церковных властей и сделались предметом обсуждения всего образованного общества. Эволюция сферы интимной жизни, новое понимание природы ребенка, забота об общем благе определили место воспитания в общественном мнении эпохи. Философы поставили под сомнение эффективность прежних практик воспитания и обучения. Педагогам поручалась важная миссия – формировать нового индивидуума в соответствии с новыми моделями человеческих отношений. Но не во всех вопросах представители передовых течений расходились с традиционным взглядом на воспитание. В этом проявился двойственный характер эпохи, сложным образом сочетавшей в себе старое и новое. Те же противоречия наблюдались и в истории воспитательных практик, которую не всегда просто соотнести с историей педагогических идей. Обе отразили главный конфликт века Просвещения – оппозицию старой латино-христианской цивилизации и новой «цивилизации Опыта». Мы сосредоточим внимание на воспитательных практиках этой эпохи и в меньшей степени на истории педагогических идей.

Век Просвещения стал поворотным в воспитании детей в среде буржуазии и дворянства. Сферы частной и публичной жизни имущих слоев получили более четкие очертания. Частная жизнь стала давать больший простор чувствам, которые несколько потеснили соображения экономической целесообразности брака, превалировавшие до середины XVIII в. Любовь для буржуазной семьи приобрела большее значение, чем прежде: ее теперь все чаще искали в семье, а не за ее пределами. Нормами семейных отношений становились уважение, интерес к партнеру, взаимное терпение.

Сенсуализм Локка, Кондильяка и Руссо существенно изменил взгляд на ребенка. Стержнем философии Локка стало отрицание врожденных идей. Утверждая, что дети не «открывают» идею Бога, а постепенно выстраивают ее, Локк подчеркивал роль педагога, призванного не только вести воспитанника к построению адекватной, позитивной идеи Творца и освоению логических законов, но и соотносить форму, в которой преподносятся эти понятия, с уровнем развития и способностями ребенка. Подобные мысли были во многом созвучны идеям Руссо, который в своем «Эмиле» (1762) писал, что воспитание должно следовать естественному ходу развития детей. Руссо видел в ребенке кладезь качеств, заложенных природой, и полагал, что их необходимо оградить от развращающего влияния общества. Именно поэтому он считал книги вредными, делая исключение для «Робинзона Крузо», воплощавшего руссоистский идеал личности. Важное место в системе Руссо занимали физический труд и внутренняя свобода ребенка.

Под влиянием этих идей шло осознание законов и потребностей детства как особого периода человеческой жизни. К концу века в домах немецких бюргеров и французских буржуа появились детские комнаты. В привилегированных слоях постепенно распространялась практика контрацепции, что тоже косвенно свидетельствовало об изменении отношения к ребенку: детей

становилось меньше, но родители эмоционально сближались с ними, больше следили за их здоровьем и воспитанием, тратили на это больше средств. В семье появились книги для детей и периодические издания, посвященные проблемам семейной жизни и воспитания. В середине века под влиянием педагогической литературы, и в первую очередь Руссо, многие женщины привилегированных сословий стали сами кормить детей грудью. В европейской семье детьми, особенно в первые годы их жизни, занимались женщины. У них также была и другая функция – представлять супруга в обществе. В профессиональной сфере безраздельно царил мужчина: он обеспечивал семью и занимал положение главы семейства, которому подчинялись жена и дети. Эти роли родителей проецировались на детей, которым давалось соответствующее воспитание.

В дворянских семьях примерно до пяти лет мальчики и девочки воспитывались дома вместе. Ими занимались гувернантки, но посильный вклад в их развитие вносила и мать. На начальном этапе воспитания, в согласии с идеями Локка и Фенелона, использовались игры. Дети из зажиточных семей обычно ограждались от контакта со сверстниками-бедняками. Подросших мальчиков посылали в коллегиумы, латинские школы или в пансионы.

Распространению коллегиумов в Старом и Новом Свете немало способствовали иезуиты. Под их началом в середине XVIII столетия в Европе действовали около 700 подобных заведений. Воспитанниками иезуитов были многие выдающиеся люди: Мольер и Декарт, Тассо и Гольдони, Дидро и Вольтер. Еще в конце XVI в. Общество Иисуса разработало особую программу – «Ratio Studiorum», основой которой в старших классах стали риторика, теология, философия и классические языки. Курс философии включал логику, аристотелеву физику, метафизику и этику, а курс математики – эвклидовы «Начала». Старшим классам предшествовали пять младших, в которых изучали риторику, гуманитарные предметы, латинскую грамматику. В России к коллегиумам по программе приближались духовные семинарии, выросшие из архиерейских школ, но уровень преподавания в них был невысок. Екатерина II писала: «Семинаристы нынешние обыкновенно в некоторых местах обучаются латинскому и греческому языку от неискусных учителей, не знают иных учений, как только самые школьные и первые основания латинского языка, не обучаются ни наук философских и нравоучительных, не знают истории церковной, ни гражданской, ниже положения круга земного и мест, на которых в рассуждении других народов живут. Набираются они в семинарии от отцов и матерей большею частью неволею и содержатся без разбора, способные с тупыми и негодными, а иногда прибираются по голосам, дабы певческую повседневную должность отправляли, которая их и от того малого учения иногда отводит».

Обучение в иезуитских коллегиумах ориентировалось на античную культуру и мертвые языки. Несоответствие этого образования потребностям современного человека вызывало резкую критику просветителей, в частности Даламбера. Но у иезуитов были и другие враги – Сорбонна и Парижский парламент. В 1764 г. они добились изгнания ордена из Франции, что положило конец педагогической деятельности иезуитов в королевстве (на их место пришли ораторианцы), а после того как в 1773 г. папа Климент XIV запретил Общество Иисуса, закрылось большинство иезуитских школ Европы.

Не все обучающие конгрегации придерживались консервативных программ. Во Франции и Голландии действовали школы Пор-Рояля, которыми руководили янсенисты. В них преподавалась история, математика, естественные науки, даже танец и музыка. Конечно, янсенисты использовали латынь, но читать они учили сначала на родном языке. Обучение чтению на родном языке стало настоящей революцией в дидактике. Пиаристы – patres piarum scholarum – члены католического ордена, созданного в XVII в. для безвозмездного обучения детей, ввели ежедневное обучение родному языку, преподавали на нем историю. Их деятельность получила распространение в Италии, Испании, германских землях и особенно в Польше.

Потребность в современном образовании породила новый тип учебных заведений – пансионы. В них латынь отходила на второй план, иногда вообще исчезая из программы, зато большое внимание уделялось живым языкам, в первую очередь французскому. Французский был главным предметом в пансионах Нидерландов. Важное место он занимал и в программах русских пансионов, особенно в екатерининское время. Следом шли немецкий и русский, изредка встречался итальянский, английский же в России изучался мало. Внимание к немецкому языку объяснялось и запросами русских учеников, и потребностями немецкоязычного землячества. К тому же именно немцы содержали большинство пансионов. «В домах» латынь также преподавалась редко: русское дворянство почти не соприкасалось с классической традицией, обычно начиная свое образование с французского. Латинско-польское и греческое влияние, проводником которых в России в XVII в. были польские, украинские и греческие просветители (Петр Могила, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, братья Лихуды), а главным очагом – Славяно-греко-латинская академия в Москве, не проникло в глубину дворянского общества. Хотя латынь еще оставалась языком науки, французский стал новым lingua franca Европы и использовался в ряде профессий, например среди негоциантов северных стран, а дворянам позволял участвовать в жизни двора и культурной элиты любого уголка Европы. Неудивительно, что французы и франкоязычные швейцарцы стали главными воспитателями европейского дворянства.

Содержатели пансионов старались развивать у детей интерес к предмету. Они обучали их математике (алгебре, геометрии, тригонометрии) и тем дисциплинам, которые закладывали основы специальных знаний – счетоводству, механике, географии и др. Программы приспосабливались к региональным условиям. К примеру, в пансионах Дюнкерка преподавали гидравлику и навигацию, а на северо-востоке Франции вводили фламандский и немецкий языки. В России действовали пансионы для купеческих детей и частные школы с военным уклоном для дворянских отпрысков. Обычной практикой было преподавание музыки. Неотъемлемой частью образования стало воспитание «хороших манер», которые все больше ассоциировались с французской культурой. Новые веяния в педагогике побуждали уделять внимание здоровью и физическому развитию детей. При Екатерине II число пансионов в России выросло. В Петербурге в 1782 г. их было 32, всего же во второй половине века в столице действовали не менее 90 частных учебных заведений (почти все они содержались иностранцами). В 1784 г. в Москве работали одиннадцать пансионов. Как правило, там учились сыновья чиновников среднего

уровня или иностранных купцов. Аристократия предпочитала давать своим детям домашнее образование.

Услуги домашнего учителя, особенно человека с рекомендациями, стоили дороже, чем обучение в пансионе. «Энциклопедия» Дидро и Даламбера проводила различие между précepteur – человеком, дающим знания, и gouverneur – воспитателем, прививающим ребенку нравственные качества и формирующим его ум. Философы отдавали предпочтение гувернеру как светскому воспитателю, поскольку коллективное воспитание в Европе в значительной степени еще находилось в руках церкви. Но Руссо был уверен, что, оплачивая услуги гувернера, родитель перекладывает на чужие плечи работу, которую он должен делать сам. В то же время «Эмиль» рисовал образ идеального воспитателя: он должен быть молодым, должен стать ученику другом и не разлучаться с ним до его совершеннолетия… Следуя теории «общественного договора», у Руссо гувернер воплощал законодателя, чьи отношения с учеником строились на согласии. Многие гувернеры привносили руссоистские идеи в свою практику. В России примером подобной практики можно считать воспитание Жильбером Роммом графа Павла Строганова.

Среди гувернеров встречались люди разного культурного уровня. В России домашними учителями нанимались военные и судейские чиновники, колонисты, сбежавшие из поволжских поселений, и университетские преподаватели. В Швеции двумя-тремя пансионами руководили профессиональные педагоги, но остальными – нотариусы, полковые священники, часовые мастера и прочие случайные люди. Общее место мемуаров XVIII в. – упоминание о неквалифицированности заезжих педагогов. Историки до последнего времени принимали эти свидетельства за чистую монету, не обращая внимания на то, что значительная их часть относится к периоду, когда в общественном мнении распространились галлофобские настроения. Учителей-профессионалов действительно было мало, и для работы гувернером иногда хватало владения французским языком. Существенно другое: при катастрофической нехватке педагогов во многих странах, в том числе в России, приток даже непрофессиональных преподавателей играл важную роль.

В России гувернеры и содержатели пансионов с 1757 г. проходили обязательную аттестацию, и документы комиссии Петербургской Академии наук позволяют оценить их квалификацию. В первый год на экзамен явились 24 француза, 26 немцев и несколько представителей других наций. Абсолютное большинство – 18 французов и 14 немцев – знали грамматику французского языка. Семеро французов владели немецким, двое – итальянским, пятеро – латынью. Из немцев двое могли учить итальянскому, десять человек знали латынь, а один – греческий язык. Немцы в целом оказались более учеными: географию могли преподавать 12 немцев и 7 французов, право и философию – только немцы (4 человека), историю – 10 немцев и 4 француза, арифметику – 6 немцев и 5 французов. Среди немцев было больше выпускников университетов. В аттестации одного из французов, Лебрена, говорилось: «Ежели кто доволен одной практикой французского языка, как то дети малолетние учатся оной более, нежели по регулам, то реченной Лебрын к такому делу употреблен быть может». Во вторую половину царствования Екатерины II в когорту гувернеров влилось немало высокообразованных

людей, таких как Давид Марат-Будри, Шарль Франсуа Массон, Фредерик Сезар Лагарп, Жильбер Ромм…

Когда герцог Аренберг из Австрийских Нидерландов просил известного педагога Шарля Роллена подыскать для сына гувернера, знания не были главным критерием: в первую очередь требовались «вежливость и умение жить в свете». Гувернер Антуан Жозеф Дезессар, работавший в России, видел свою задачу в воспитании добродетели души (или сердца) ученика и в передаче знаний, необходимых для «учтивого, приятного человека и доброго гражданина». Согласно «Словарю Французской Академии» (1764), «учтивый человек» (honnête homme) соединял в себе качества, необходимые для жизни в обществе. В представлении людей Просвещения такой человек должен был быть знаком, пусть даже поверхностно, с разными областями знания и заботиться об общем благе. По мнению Н. Элиаса, этот исконно дворянский идеал воспитания, соответствовавший идее о цивилизованном обществе (société policée, société civilisée), во Франции получил распространение также в среде буржуазии, однако этого не произошло в Германии. В XVIII в. многие считали, что такое воспитание ведет к поверхностной, лицемерной вежливости, по сравнению с которой естественность дикаря едва ли не предпочтительнее. Мирабо-отец писал о «лживости» и о «варварстве» нашего цивилизованного общества. Для авторов словаря Треву (1752) вежливость (civilité), которую гувернеры считали целью воспитания, была лишь умением людей скрывать свои недобрые чувства по отношению к другим.

В XVII–XVIII вв. фигура гувернера находилась в центре острой полемики, в которой оценивались преимущества и недостатки частного воспитания по сравнению с государственным. Знать серьезно подходила к выбору учителя: родители наводили справки, требовали рекомендаций, ведь речь шла о воспитании молодого аристократа. Гувернер становился посредником между несколькими поколениями в дворянской семье, ему поручалось привить воспитаннику формы поведения и моральные ценности дворянства, даже если сам он не всегда принадлежал к привилегированному сословию. Гувернер не был слугой, но его положение в доме порой мало отличалось от положения прислуги, а пренебрежение со стороны работодателей нередко приводило к острым конфликтам. Так, гувернер Дезессар был вынужден жаловаться на своего хозяина, бригадира И.М. Игнатьева, в московскую полицию. Основанный в Петербурге бароном де Чуди журнал «Литературный хамелеон» (1755) разъяснял читателям, что воспитание дворянского отпрыска вряд ли будет успешным, если семья будет смотреть на гувернера как на слугу.

Важным элементом дворянского воспитания были образовательные путешествия. Традицию «Grand Tour» ввели англичане, но распространилась она в Европе повсеместно. Англичане считали, что «Grand Tour» позволял посетить очаги европейской культуры, сравнить политическую систему Англии с системами континентальных государств, овладеть иностранными языками и даже получить первый сексуальный опыт. Поездки длились порой больше года, и отпрыски знати по несколько месяцев проводили в Германии, Франции, Италии, а позднее – в Греции. При этом посещение Парижа вызывало порой опасения – считалось, что французская столица полна соблазнов, от которых следует оградить молодого дворянина.

Во время своих путешествий молодые люди нередко брали частные уроки или записывались на один-два семестра в европейские университеты. Так юные князья Борис и Димитрий Голицыны (старшему в начале путешествия было 13 лет, младшему 11), отправившиеся в «Grand Tour» по Европе в 1782 г. в сопровождении гувернера Мишеля Оливье, около шести лет провели в Страсбурге, где университетские профессора преподавали им математику, латынь и историю, местные учителя давали уроки немецкого и английского языков, музыки, танцев и фехтования, а географии, грамматике, чтению и арифметике их обучал сам Оливье, регулярно сообщавший родителям об успехах своих воспитанников. Затем братья провели несколько лет в Париже и совершили турне по Италии, посещая достопримечательности, осматривая художественные коллекции и приобретая произведения искусства.

Французский гувернер появился во всех уголках Европы и даже за ее пределами, что способствовало распространению французской модели воспитания и сглаживанию различий в воспитании дворянства разных стран. Сын екатерининского вельможи А.С. Строганова Павел с 1779 по конец 1790 г. находился на попечении учителя-француза Жильбера Ромма, и все эти годы оказались заполнены разнообразными поездками. Первые семь лет были посвящены изучению России от Белого моря до Черного, от западных границ до Урала, а в июле 1786 г. Ромм повез воспитанника в Европу: Германию, Швейцарию, Францию. Составленный им план путешествия предполагал практическое, опытное изучение природы и человеческой деятельности во всем их многообразии. Как писал один из очевидцев обучения юного графа, рассказы Ромма всегда сопровождались демонстрацией. Мальчику показывали угольные копи, шелковые фабрики, металлургические и оружейные заводы, типографии, знакомили с крестьянским трудом. Однако всеобъемлющий план образовательных путешествий Павла Строганова не был выполнен до конца – в конце 1790 г. по требованию императрицы А.С. Строганов вернул сына в Россию из революционного Парижа.

Воспитательные практики дворянства в разных странах были схожи. В Петербурге, Берлине и Лондоне использовались одни и те же методики, одна и та же учебная литература (грамматики Ресто и Де Пеплие, «Детский магазин» Лепренс де Бомон, «Телемак» Фенелона и др.). Однако имелись и свои особенности. К примеру, до середины XVIII в. русские аристократы охотнее нанимали гувернеров-гугенотов и швейцарцев-протестантов, поскольку в обществе царило недоверие к католикам. Но во второй половине столетия учителей-гугенотов в России стало намного меньше, чем, например, в Пруссии, Голландии или Великобритании – основных очагах Refuge. Русская знать предпочитала учителей-иноземцев, а шведские аристократы охотно использовали своих соотечественников даже при обучении французскому языку.

Образование привилегированных сословий стало в XVIII в. государственным приоритетом. Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762) обусловливал освобождение от обязательной государственной службы требованием обучать дворянских отпрысков «благопристойным наукам». В основе этого требования лежала идея общего блага, почерпнутая в западноевропейских трактатах: образование не было только частным делом, оно должно было приносить пользу

обществу. Обедневшая знать не всегда могла дать своим детям достойное образование, поэтому государство создавало специальные, чаще всего военные, учебные заведения для небогатых дворян. Таковы Военная школа в Париже, Королевская военная школа для сирот в Дублине, немецкие дворянские академии (Rittersakademien), Кадетская школа в Карлскруне (Швеция), Сухопутный, Пажеский, Морской, Артиллерийский и Инженерный кадетские корпуса в России. Несмотря на военную специфику этих заведений, большое внимание в них уделялось общей культуре. Если в петровское время в дворянском образовании России превалировал профессиональный утилитаризм, то в елизаветинскую и екатерининскую эпоху возобладали ценности гуманитарного образования дворянина и гражданина. В момент основания Сухопутного шляхетного кадетского корпуса (1731) на первом месте стояла военная подготовка, но затем верх взяли гуманитарные дисциплины и иностранные языки. Важную роль в жизни кадетов занимал театр, организованный Ф.Г. Волковым и А.П. Сумароковым. Воспитательные идеи, царившие в стенах этого учебного заведения, отразились в контракте, заключенном при посредничестве Дидро с Пьером Шарлем Левеком (будущим историком России), поступавшим в кадетский корпус гувернером: ему предписывалось избегать принуждения, выбирать для занятий интересные темы, внушать подопечным благородные манеры, формировать у них ровный и веселый характер. Контракт запрещал гувернеру заниматься делами, которые могли бы отвлечь его от воспитания подрастающей элиты, и подчеркивал, что он работает не только для заработка.

В XVIII столетии в российских учебных заведениях для дворян было много преподавателей-иностранцев. Только в Сухопутном шляхетном корпусе работали более 70 французов. Там трудились автор французской грамматики Луи Бужо и издатель Пьер Жак Дюплен, поступивший туда библиотекарем по рекомендации того же Дидро. Математику преподавал пастор Абель Бюржа; всеобщую историю и риторику – Гальен де Сальморан, издатель «Русского Меркурия», в прошлом секретарь Вольтера. Упомянем также историка России Никола Габриэля Клера (Леклерка) и Жана-Батиста Модрю дю Бокажа, автора методик обучения чтению (позже он опубликовал во Франции грамматику русского языка). Инспектором корпуса был талантливый педагог и инженер Пьер Потье де Ла Фромандьер.

Прогресс женского образования в XVIII в. отражал эволюцию роли женщины: она уже не только представляла мужа в свете, но и сама становилась участницей общественной жизни. Хороший вкус прочно связывался в общественном мнении с французской манерой воспитания, поэтому светская женщина – воплощение вкуса и утонченности – не могла не владеть французским языком. Женское образование отвечало требованиям новой светской культуры: в нем было мало учености, но оно развивало умение вести беседу, танцевать, музицировать… Широко практиковалось обучение в пансионе или женском монастыре, хотя обычно девочки проводили там немного времени. Во Франции треть из них покидали стены пансиона уже через год. Учебная программа девочек не включала «науки», ограничиваясь иностранными языками, катехизисом, рукоделием, иногда – историей. Основное внимание уделялось хорошим манерам, морали, трудолюбию, скромности. Для

обучения девочек создавались особые руководства, «грамматики для дам» и прочие пособия.

В Париже каждая пятая-шестая девочка непременно посещала какую-нибудь школу, хотя две трети учились в благотворительных заведениях для бедных, поскольку пансионы были доступны лишь состоятельным буржуа и дворянам. В России мальчиков в пансионах поначалу было намного больше, чем девочек, но затем соотношение изменилось. В царствование Александра I смешанные пансионы были запрещены. В 1820 г. в столице действовали 20 пансионов для мальчиков и 25 для девочек, причем численность последних продолжала увеличиваться, отражая растущее значение женского образования. Это повсеместно сказывалось на уровне грамотности: в конце XVIII столетия три четверти парижанок могли собственноручно подписать свой брачный контракт.

Важной педагогической идеей того времени была идея формирования нового человека в закрытых учебных заведениях, родственная мыслям Руссо о пагубном влиянии общества на душу ребенка. Екатерина II не любила «Эмилева воспитания», но в 1764 г., в соответствии с положениями «Генерального учреждения о воспитании юношества обоего пола» И.И. Бецкого, в Петербурге было основано заведение для девочек из дворянских и разночинных семей – «Воспитательное общество благородных девиц», более известное как Смольный институт. Смолянки изолировались от внешнего мира, ограничивалось даже их общение с семьей. Почти до конца века Институт возглавляла француженка Софи де Лафон. Западноевропейские путешественники считали, что Смольный – копия Сен-Сира, школы, основанной в конце XVII в. фавориткой Людовика XIV госпожой де Ментенон. Но французский дипломат Корберон скептически оценивал компетентность персонала и результаты обучения в Смольном.

Доступ к более разнообразному и качественному образованию способствовал появлению женщин, выдающихся своими талантами и ролью в обществе. Среди них были хозяйки салонов, писательницы, педагоги, даже ученые. Этот прорыв наблюдался не только во Франции, где общественная жизнь неотделима от имен маркизы дю Шатле, госпожи де Ламбер, госпожи Жоффрен, госпожи дю Деффан, но и в других частях Европы. Швейцарская писательница голландского происхождения Изабель де Шарьер стала автором эпистолярных романов и разрабатывала педагогические теории. Россиянка Е.Р. Дашкова участвовала в политической жизни, а в 1783 г. стала директором Санкт-Петербургской Академии наук и первым президентом Российской Академии, созданной по ее инициативе для изучения и усовершенствования русского языка. Известна репутация самой «Семирамиды Севера» – Екатерины II – как законодательницы и покровительницы наук и искусств. Тем не менее традиционные представления о роли женщины были еще сильны, и даже философы, за редким исключением, видели в ней лишь мать семейства. Правда, Кондорсе утверждал, что по своим естественным правам женщины равны мужчинам и заслуживают достойного образования, однако его взгляды разделяли немногие. «Энциклопедия» осуждала расовое неравенство, но не ставила вопроса о равенстве полов. Большинство людей продолжали считать, что женщина – существо умственно и физически слабое, не нуждающееся в равном с мужчиной образовании.

Консервативные взгляды преобладали и в дебатах о доступе народа к знаниям. Вольтер писал: «Мне кажется, что очень важно, чтобы нищие были невежественными», «образование нужно давать не чернорабочему, а буржуа». Руссо соглашался: знания – не для простых людей, детям селян они не нужны. Испанский просветитель Гаспар Мельчор де Ховельянос считал, что образование народа полезно для общего блага, но крестьянину незачем изучать метафизику, ведь «правильное распределение» знаний должно укреплять социальную пирамиду. Физиократы и Кондорсе критиковали подобные взгляды, но первые выступали с позиций экономической необходимости, ссылаясь на то, что технический прогресс требует углубления знаний, а второй выдвигал социальную аргументацию: народ должен получать образование, чтобы знать свои права и уметь их защищать.

Влияние традиционных идей сказывалось и в книгах, предназначенных для народного чтения. Они отражали взгляды образованных слоев общества на цели и пределы образования для бедных: нужно было дать простолюдину элементарные знания, необходимые в повседневной жизни, и навязать ему определенные модели поведения. Книжки для народа изобиловали историями о добродетельных бедняках, «щедрых хлебопашцах», верных слугах. Элита верила в возможность морального совершенствования низов, но не мыслила их участия в изменении устоев общества (хотя революция была уже близка), поэтому герои подобных повествований редко оказывались вовлеченными в сферу политики.

Светская власть увязывала проблему образования низов с заботами об общественном порядке и экономической выгоде, в чем сказывалось давнее влияние меркантилизма. Меркантилисты видели могущество государства в материальном производстве и торговле. Народ в этой модели являлся производителем материальных благ, прирост которых зависел не от эффективности труда, а от количества рабочей силы. Считалось, что образование отвлекает народ от работы, ведет сельское хозяйство и торговлю к упадку. Еще Ришелье полагал, что науки могут вытеснить коммерцию, а избыток культуры способен подорвать авторитет власти, поэтому он писал в «Политическом завещании», что крестьянам и ремесленникам следует закрыть доступ в коллегиумы. Кольбер, в свою очередь, предлагал свести программу «малых школ» к чтению, письму, счету и навыкам ремесла.

Церковь, светские власти и высшие классы были единодушны и в том, что поведение простолюдинов необходимо контролировать. Бродяги и попрошайки угрожали общественному порядку. Бедность считалась следствием недостатка трудолюбия и моральной ущербности. На ребенка из бедной семьи смотрели как на потенциального тунеядца и преступника. Католическая церковь видела в обучении бедняков инструмент влияния на моральные устои и считала это своей пастырской обязанностью. Еще большее значение образованию народа придавали протестанты, для которых личное знакомство христианина со Священным писанием было обязательным. Поэтому церковные конгрегации активно развивали систему благотворительных школ. В первой четверти XVIII в. в Лондоне их было больше сотни, а число учеников приближалось к 5 тыс., причем треть из них составляли девочки. С XVII в. в Европе разрабатывались педагогические системы, ставившие ребенка под строгий контроль. В Скандинавии, Великобритании, Ирландии,

США возникли «работные дома», имевшие целью перевоспитать бездельников и занять работой бедняков – взрослых и детей. Условия жизни в них были суровые, одежда и даже прически регламентировались. Строгий контроль за поведением детей и их социализацией осуществляло Братство христианских школ, основанное в 1684 г. Жаном-Батистом де Ла Саллем. Ученики лассальянцев находились под постоянным наблюдением учителей, а за стенами школ поведение детей регулировалось системой взаимных доносов. Когда в 1784 г. епископ французского города Тура открыл пять учебных заведений Братства, король выразил свое одобрение, указав, что школы помогают «уберечь детей рабочих и ремесленников от безделья и развращенности нравов». В большинстве благотворительных школ Европы по старинке практиковался индивидуальный метод – каждый ученик ждал своего часа, чтобы рассказать вызубренный урок. В заведениях Ла Салля занятия были групповыми. Суровое обращение уступало место более гуманному, и хотя на практике физические наказания иногда применялись, формально в Братстве они были запрещены: новые веяния в педагогике побуждали заменять принуждение развитием интереса к учебе.

В России не было христианских конгрегаций, подвизавшихся в сфере обучения, но церковь и светские власти уделяли внимание образованию простолюдинов. В 1721 г. «Духовный регламент» предписал архиереям открыть в епархиях школы. К 1725 г. их было уже более сорока. Кроме чтения и письма там иногда обучали грамматике и риторике. В петровские времена возникла и светская начальная школа, известная под именем «цифирной», но породила ее не забота об образовании народа, а необходимость подготовки священников, моряков и студентов для Славяно-греко-латинской и Морской академий. В среде, поставлявшей учеников, культурные потребности были низки: духовенство, солдаты, приказные отдавали детей в учебу под нажимом властей. Население рассматривало это как новую повинность и добивалось освобождения от нее, поэтому вскоре цифирные школы опустели. Из более 2 тыс. учеников, набранных к 1727 г., лишь пятая часть закончила полный курс. В 1744 г. восемь последних цифирных школ объединились с гарнизонными школами.

Увеличение количества бесплатных религиозных и светских начальных школ способствовало повышению уровня грамотности, но нельзя забывать и о роли частных учителей. В Англии, а затем в Новом Свете получили распространение «дамские школы» и hedge-schools, в которых женщины или мужчины на дому или под открытым небом давали уроки элементарной грамотности. Определяющими факторами в XVIII в. оставались социальный статус, место жительства и пол ученика: дети из зажиточных семей получали лучшее образование, чем простолюдины, дети горожан – лучшее, чем жители деревни. Сложность социальных связей в городе вела к распространению грамотности даже в низших социальных слоях. Как показывают исследования Д. Роша, описи имущества французских простолюдинов все чаще включали доверенности, контракты, завещания. Даже любовная и семейная переписка перестала быть исключительной прерогативой высших классов.

Трудовые навыки и необходимые для той или иной профессии элементы общего образования ребенок из бедной семьи получал сначала дома. Сын крестьянина или ремесленника с раннего возраста, иногда с шести-семи лет, помогал отцу в поле, на ферме, в пекарне или в мастерской. Затем мальчика

нередко отдавали в подмастерья знакомому мастеру, который учил его своему ремеслу.

Педагогические дискуссии Просвещения не исчерпывались спорами об образовании для женщин и простолюдинов. На исходе Старого порядка темой дебатов стала роль университетов в жизни общества. Чтобы лучше понять их место в культуре XVIII в., необходим небольшой экскурс в предыдущие века. Пик популярности университетского образования пришелся на конец XVI – середину XVII в. С середины или конца XVII в. до второй половины XVIII в. во многих университетах (Саламанка, Оксфорд, Кембридж и др.) число студентов сокращалось. Красноречивы данные по Кембриджу: более 500 студентов ежегодно записывались туда в 1620-е и только 120 – в 1760-е годы. В девятнадцати кастильских университетах в конце XVI в. учились почти 20 тыс. студентов, а в начале XVIII в. – менее 5 тыс. Эта картина – новый штрих к нашим представлением об эпохе Просвещения.

Популярность университетского образования в XVI–XVII вв. объясняется несколькими причинами. Складывание системы централизованного управления сопровождалось ростом бюрократии, что позволяло людям с университетским дипломом получать доступ к должностям в государственном аппарате и повысить свой социальный статус. Притоку студентов способствовало укрепление судейского сословия. Церковь нуждалась в образованном духовенстве. Массовый приток небогатого студенчества историография назвала «образовательной революцией». Согласно этой концепции, ряды студентов пополняла главным образом мелкая и средняя буржуазия. Но изменились и образовательные модели дворянства. Рыцарское воспитание, достаточное военному или придворному, уже не удовлетворяло тех, кто претендовал на высокие посты в государственном аппарате, поэтому интерес дворянства к университетам повышался. Однако в середине XVII в. бюрократический аппарат оказался перенасыщенным, и университетский диплом стал менее притягательным. Такую модель развития европейских университетов предложил английский историк Л. Стоун. В свою очередь его голландский коллега В. Фрейхоф связывает уменьшение числа студентов в XVIII в. с изменением роли университетов. Если в Средние века их функцией были не только передача знаний, но и сертификация статуса, то в эпоху Просвещения университетский диплом, оставаясь свидетельством о квалификации, перестал быть лицензией на определенное социальное положение. Рост книжной продукции и углубление специализации знания вели к тому, что в XVIII в. общая подготовка переместилась в коллегиумы, а университеты сосредоточились на подготовке к профессиональной деятельности в нескольких областях.

Разница между количеством студентов в XVI–XVII вв. и XVIII в., возможно, была меньше, чем представляется, ведь переход из одного университета в другой (peregrinatio academica) достиг апогея именно в начале XVII столетия. В Лейдене во второй четверти XVII в. число студентов-иностранцев доходило до 51%. Сходная картина наблюдалась в Кракове. Медицинский факультет Монпелье в XVI в. притягивал к себе студентов из разных стран Европы, в середине XVII в. основной его контингент составляли французские подданные, а в конце Старого порядка – главным образом жители Прованса. После Варфоломеевской ночи в университетах Базеля и Лейдена

училось гораздо больше французов, чем в толерантном XVIII столетии. Конфессиональный раздел Европы и последствия Тридцатилетней войны, усилившие контроль абсолютной монархии над населением и над образованием элиты, усложнили переход студентов из одного университета в другой. Власти многих европейских стран запрещали подданным учиться за границей и не признавали дипломы иностранных университетов. Аристократы, которых «Grand Tour» заносил в иностранные университеты, мало влияли на общую картину. Поэтому считать век Просвещения временем большой мобильности студенчества не вполне корректно.

Данные о числе студентов интересно сопоставить с численностью мужского населения (женщины не учились в университетах до начала XIX в.). В Германии, Англии, и во Франции в XVII в. в университет записывались более 2,0–2,5% восемнадцатилетних юношей, а в середине XVIII в. эти данные близки к 1%. Исключение составлял университет Коимбры – там рост численности студенчества пришелся как раз на середину XVIII в., что было вызвано популярностью в Португалии канонического права, которое в Кастилии, например, почти никого не интересовало. Почти повсюду кризис веры привел к упадку факультетов теологии, в то время как факультеты права и медицины и в XVIII в. пользовались популярностью.

Уменьшение числа студентов можно связать и с сужением социальной базы университетов. Так, в XVI столетии в Оксфорде число «плебеев» среди учащихся достигало 55%. Но в течение XVII в. там наблюдался массовый приток дворян, поэтому в XVIII в. число представителей низших сословий сократилось в Оксфорде до 10% и к началу XIX в. они почти полностью исчезли с университетской скамьи. В свою очередь дворянство стало отдавать предпочтение закрытым сословным заведениям (военным школам и коллегиумам), в которых, в отличие от университетов, преподавались танцы, фехтование и иностранные языки.

Университетская система России в XVIII в. находилась еще в зачаточном состоянии. Конечно, Петербургская Академия наук, основанная в 1724 г., была не только научным, но и образовательным учреждением, однако число студентов ее Академического университета было очень незначительным: за 1726–1733 гг. нам известно 38 имен, среди которых преобладали сыновья осевших в России немцев. В Московском университете, открывшемся в 1755 г., до конца XVIII в. студентов было не более сотни в год, хотя всячески поощрялось поступление дворян: с 1756 г. дворяне, зачисленные в армию и в университет, могли продолжать учебу, получая право на производство в офицерский чин. И все же они неохотно записывались в университет. Сказывались вековые традиции, да и знания, подкрепленные университетским дипломом, еще не стали в России условием для успешной карьеры. Наиболее просвещенные и богатые дворяне предпочитали посылать сыновей в университеты Западной Европы.

Несмотря на географическую близость, число русских студентов в немецких университетах в начале столетия было невелико: протестантское богословие и римское право в России не были востребованы, а штат медиков до конца XVIII столетия пополнялся преимущественно иностранцами. И все же в первой половине века россияне учились в Кёнигсберге, Лейпциге, Лейдене и особенно в Галле, где преподавали Христиан Томазий, Август Герман Франке и Христиан Вольф. В петровские времена на учебу отправля-

лись (иногда принудительно) боярские дети и сыновья начальников приказов. Затем наступила пауза, затянувшаяся до елизаветинских времен. Начавшиеся в 1736 г. научные поездки студентов Академии наук (в числе первых в Марбург отправился М.В. Ломоносов) общей картины серьезно не изменили. При Елизавете среди студентов, учившихся за границей, преобладали богатые малороссийские дворяне, которых по-прежнему привлекали Лейпциг, Страсбург, Гёттинген и Лейден. Университеты католических стран спросом не пользовались. По подсчетам А.Ю. Андреева, наибольшее число студентов из России – не менее 350 человек – записались в немецкие университеты в екатерининское царствование, с середины 60-х до конца 80-х годов XVIII в. Эти молодые люди, в равной мере представлявшие центральные губернии, Малороссию и российских немцев, ехали на учебу уже по доброй воле – государственная инициатива сменилась частной. В Гёттингене россиян опекал историк Людвиг Август Шлёцер, в прошлом – профессор Петербургской Академии наук, в Страсбурге их куратором был директор Дипломатической школы Иоганн Шёпфлин. С началом Французской революции поток русских студентов в Европу стал иссякать, а в 1798 г. Павел I запретил своим подданным выезжать за границу для обучения.

Важно учитывать взгляд общества на функции университета. В XVII в. голландские университеты привлекали множество студентов, поскольку давали знания, необходимые как на административном, так и на коммерческом поприще. В XVIII в. венцом образования стал диплом в области права, открывавший доступ к должностям в городском управлении. Дети коммерсантов к университетам заметно охладели, зато они стали охотнее посещать академии и кабинеты для чтения: именно туда переместилась публика, тяготевшая не к традиционной университетской (философия, право, теология), а к новой культуре (точные науки, живые языки), в которой коммерсанты видели основу своего ремесла. Академии, число которых во Франции с 1715 г. до начала революции утроилось, представляли модель общения, в которой достигался социальный компромисс между светской культурой дворянина и профессиональной культурой буржуа. Важным центром общения и обмена информацией стали и масонские ложи.

Очень часто университеты упрекали в игнорировании новых течений мысли. Сегодня историки стараются не смотреть на университет эпохи Просвещения как на исключительно консервативный институт, противостоявший новым формам общения. В XVIII столетии росло число кафедр, в программу вводились новые дисциплины, например политическая экономия. Но католические университеты в целом действительно оставались далеки от передовых идей своего времени. Более восприимчивыми к новым веяниям оказались немецкие протестантские университеты, где в XVIII в. сложился принцип единства научного исследования и преподавания внутри самоуправляющегося университета, свободного от давления внешних сил, но пользующегося государственной поддержкой.

В XVIII в. разные социальные группы впервые громко заявили о своих образовательных потребностях, все чаще требуя от властей их удовлетворения. Наказы французов Генеральным штатам 1789 г. показывают, что эти потребности росли с ростом уровня грамотности. Наиболее радикально звучали наказы Шампани и Иль-де-Франса – регионов, расположенных вблизи Парижа: в них ставились вопросы бесплатных школ, жилья для учи-

телей, их профессиональной подготовки, а само образование трактовалось как право народа. В Ниме, где традиционно крепкими были позиции протестантов, звучали требования секуляризации школы, что объяснялось стремлением гугенотов освободиться от опеки католического духовенства. В Нижней Бретани обучение грамоте волновало только горожан, малограмотные нормандцы рассматривали образование как наставление народа в христианстве, а жители Лангедока и лионцы вообще ограничились признанием своей культурной отсталости. Интересно сравнить французские наказы с русскими, направленными в екатерининскую Уложенную комиссию (1767). Русские дворяне ратовали за государственную поддержку образования для малоимущего дворянства, но высказывали пожелания создавать школы и для других сословий. Некоторые предлагали ввести обязательное обучение детей купцов и крестьян и даже взимать штраф с нерадивых учеников. Звучали и соображения конфессионального порядка. В частности, предлагалось развивать систему православных школ в провинциях, населенных иноверцами. Ряд депутатов-крестьян высказывались за создание школ для своего сословия, но большинство дворян считали, что землепашцу образование не нужно.

Формирование государственной системы начальных и средних школ началось прежде всего в многонациональных монархиях (Пруссия, Австрия и Россия), которые использовали школы как инструмент контроля и пропаганды. В Пруссии школьная реформа Фридриха II (1763) сделала начальное образование обязательным и определила для него круг предметов и учебных пособий. В том же 1763 г. генеральный прокурор парламента Бретани Ла Шалоте опубликовал «Опыт народного образования», быстро переведенный на ряд европейских языков, в том числе и на русский. Он обосновывал необходимость государственной системы образования для подготовки национальных кадров. В Польше Комиссия народного образования стала первым «министерством просвещения» в Европе.

В России в 1782 г. была создана Комиссия об учреждении народных училищ под председательством П.В. Завадовского. В основу ее деятельности лег план, разработанный сербским педагогом Ф.И. Янковичем де Мириево, который в 70-х годах активно участвовал в создании австрийской системы народного образования. В результате были учреждены главное и малые народные училища, определены содержание преподавания, учебные пособия, принципы образования, в том числе классно-урочная система.

На юге Европы, в Италии и Испании, где последняя треть века ознаменовалась серьезными экономическими проблемами, власти видели в школе инструмент контроля над простолюдинами, недовольными своим положением. Желание установить государственный контроль над школой распространилось и на другие страны, например на Данию и некоторые немецкие государства. Во Франции Учредительное собрание, а затем и Конвент разрабатывали идею образования как государственного приоритета. Следуя рекомендациям Кондорсе, были задуманы начальная (для детей всех слоев населения) и средняя школа (для тех семей, которые могли долго обходиться без рабочих рук детей). Эти средние школы, называемые центральными, а позже императорскими лицеями, уделяли больше внимания точным наукам и меньше латыни. Но государственная система начального и среднего образования сформировалась в Европе только в XIX в.

ЧТЕНИЕ

В эпоху Просвещения новые знания и идеи распространялись по Европе быстрее, чем раньше. Это происходило благодаря формированию принципиально новой практики чтения. Количество печатных текстов увеличивалось, они становилось разнообразнее. На фоне «книжного бума» появлялось множество журналов и газет. Формировалась читающая публика, а точнее различные группы читающей публики, интересы которых все больше научались различать и удовлетворять авторы, издатели и книготорговцы.

На протяжении всего века быстро росло количество книг. Р. Шартье приводит следующие цифры: в 1710 г. в Англии было издано около 21 тыс. томов, а в 1790 г. – 65 тыс. В 1765 г. на ярмарке во Франкфурте было представлено 1384 наименования книг, в 1785 г. – 2713, в 1795 г. – 3275, в 1800 г. – 3906. Сама идеология Просвещения диктовала повышение роли книги в интеллектуальном пространстве. В среде элиты распространялась мода на библиотеки. Монархи, вельможи, философы собирали ценные книги и рукописи. Престиж такого собирательства был невероятно высок. Библиотека кардинала Ломени де Бриенна насчитывала в 1780-е годы более 100 тыс. томов. Ценнейшая коллекция маркиза Антуана Рене де Польми д'Аржансона стала основой современной Библиотеки Арсенала в Париже. Книжные коллекции рассматривались как несомненная ценность, их дарили, завещали, покупали. После смерти Вольтера Екатерина II приобрела его библиотеку, а библиотеку Дидро выкупила еще при жизни философа, назначив его своим библиотекарем.

Чтение все больше входило в повседневную жизнь, и домашняя библиотека становилась обычным явлением. Если в конце XVII в. собрание книг французского дворянина или судейского чиновника составляло 1–20 томов, то в 1780-е годы такой человек не мог обойтись без библиотеки в 300 томов и более. Библиотеки духовных лиц также выросли с 20–50 до 100–300 томов. Довольно обширные собрания книг – от 20 до 100 томов – появлялись в течение XVIII в. и у зажиточных городских буржуа.

Рост числа потребителей печатной продукции в XVIII в. ускорялся благодаря распространению грамотности. Так, во Франции с 1690 до 1790 г. количество грамотных мужчин увеличилось с 29 до 47%, а грамотных женщин – с 14 до 27%, причем в столице процент их приближался к ста.

В XVIII в. начали читать представители тех социальных групп, для которых раньше это не было характерно. Изучение описей имущества умерших слуг, рабочих и ремесленников показывает, что книги занимали в них все больше места. Книгоноши доносили дешевые лубочные сборники сказок, поучительных историй и до деревни.

Моду на чтение запечатлело изобразительное искусство того времени: до нас дошло множество изображений людей за книгой, матерей, обучающих чтению своих детей, читающих ремесленников или крестьян. Образы читателей встречались на картинах и гравюрах, на фарфоре и фаянсе, даже на жилетных карманах для часов. Увлеченно читающих людей можно было встретить повсеместно. Источники фиксируют «манию чтения», «читатель-

ское исступление», «читательскую лихорадку». Медики воспринимали массовое пристрастие к чтению как эпидемию, говорили о его губительных последствиях. По их мнению, соединение неподвижности тела и напряженной умственной работы влекло за собой неминуемое физическое истощение. Беспокоило их и бегство читателей от реальности в мир вымысла.

Книгоиздательский и книготорговый бизнес интенсивно развивался, едва поспевая реагировать на огромный и возраставший спрос. Такая ситуация должна была породить рост цен на книги, однако он нивелировался несколькими факторами. Во-первых, типографий становилось все больше, и хотя принципиальных изменений в технологии книжного дела по сравнению с эпохой Гуттенберга пока не происходило, организация производства книг улучшалась и оно интенсифицировалось.

Во-вторых, одним из последствий стремительно растущего спроса на книги стал характерный для XVIII в. феномен контрафактной продукции – издание и распространение книг без соответствующей привилегии или без ведома авторов. Известный парижский издатель Шарль Жозеф Панкук специально заказывал за границей контрафактные перепечатки своих собственных изданий и книг Королевского печатного двора, которые продавал. Это было гораздо дешевле, чем осуществлять новое издание. В выигрыше в конечном счете оказывался читатель, получавший книгу по более доступной цене.

Наконец, в-третьих, во второй половине века в моду вошли читальни, а также выдача книг напрокат в лавках и даже на уличных лотках. В читальнях можно было получить газеты и журналы, подписка на которые стоила дорого, воспользоваться справочниками, словарями, альманахами, познакомиться со злободневными новинками. За скромную плату желающие могли абонироваться на чтение нескольких десятков книг в год. Появилась возможность брать книги на время на дом.

Читальни зачастую возникали при книжных лавках и нередко соединялись с кафе. Они неизбежно становились центрами интеллектуального общения, культурного обмена, формирования общественного мнения. На протяжении XVIII столетия в Англии зафиксировано 380 читален: 112 – в Лондоне и 268 – в других городах. Во Франции первая читальня появилась в 1759 г. в Лионе. При Старом порядке функционировало, по меньшей мере, 13 читален в Париже и 36 – в провинции. Подобные читальни, содержавшиеся в основном книгопродавцами-иностранцами, действовали и в России.

Существовал и еще один способ обмена печатными изданиями – общества любителей книги, покупавшие книги в складчину. Они распространились в той же Англии, а с 1770-х годов – в Германии, где к концу века их число достигло 200. В такие клубы читателей принимали независимо от сословного статуса, что способствовало развитию демократических форм общения. Они являли собой новое публичное пространство, неподконтрольное власти, где можно было свободно говорить о чем угодно. Услугами читален пользовались городские буржуа, торговцы, рантье, люди свободных профессий, преподаватели, студенты, зажиточные ремесленники. Они получали доступ практически ко всем богатствам современной литературы, из них формировался новый тип читателя. О читателях другого рода рассказывал Луи Себастьян Мерсье в своих многотомных очерках «Картины Парижа» (1781–1788).

Он описывал «букинистов», уже в середине XVIII в. раскидывавших свои лотки под открытым небом французской столицы. Они обслуживали самых простых и непритязательных клиентов, глотавших книги прямо на улице. «Есть произведения, которые так будоражат умы, что букинисту приходится разрезать том на три части, чтобы нетерпеливые и многочисленные читатели успели его прочесть. В этом случае оплата за чтение устанавливается не поденная, а почасовая».

Прошли времена, когда книга являлась малодоступной редкостью, была велика, дорога и тяжела; когда текстов было мало, и с ними имели дело избранные; когда к одной и той же книге за неимением других обращались вновь и вновь; когда, собравшись вместе, читали вслух только религиозные сочинения. В XVIII в. книжки встречались повсеместно, они уменьшились в размере: появились форматы in-12, in-16, in-18, влезавшие в карман. Читать стало возможно в карете, на прогулке, в постели. «Если вспомнить старые тяжелые тома in-folio, переплетенные в дерево и кожу, с латунными застежками, а потом взять в руки маленькую книжечку карманного формата, то можно почувствовать себя счастливым», – писал немецкий писатель Иоганн Пауль Рихтер, публиковавшийся под псевдонимом Жан Поль.

Читали теперь по большей части для себя и про себя, пробегали тексты один за другим, часто не задерживаясь. На смену благоговейному почтению к книге и безграничному доверию к ней приходило более свободное, непринужденное и критическое отношение. Люди все больше привыкали к чтению как к будничному делу. Не прекращавшийся поток все новых и новых сочинений вырабатывал навык быстрого овладения содержанием, анализа смысла и оценки читаемого, позволявший без промедления перейти к следующему тексту.

Наряду с подобным чтением XVIII столетию было присуще и другое: сосредоточенное, интенсивное, изучающее. Произведение перечитывалось, заучивалось наизусть, цитировалось, проецировалось на себя, становилось образцом для подражания, формировало поведение. Так читали модные романы Бернардена де Сен-Пьера, Ричардсона, Руссо, Гёте. В условиях, когда сознание секуляризировалось, а церковь теряла авторитет, лишившийся ее поддержки человек видел в писателе наставника. Именно поэтому, в частности, чтение становилось столь модным среди образованных женщин. Романы в эпоху Просвещения воспитывали читательниц, но они воспитывали также и писательниц: XVIII в. знал множество английских, немецких, французских романисток.

Кардинально изменился качественный состав печатной продукции. Резко возросло количество периодических изданий. Если за первое десятилетие XVIII в. известно 40 французских и 64 немецких периодических издания, то за 1770-е годы – соответственно 188 и 718. До начала Французской революции количество периодики росло в состоявшей из мелких княжеств Германии гораздо быстрее, чем в большой централизованной Франции. Впрочем, именно во Франции с 1789 г. начался настоящий газетный бум: по подсчетам исследователей, количество читателей газет достигало во время революции около полумиллиона человек.

В начале XVIII в. периодика делилась на информационные листки, сообщавшие новости, не сопровождая их комментариями, и газеты, комментиро-

вавшие новое в науке и литературе. Постепенно эти функции совмещались; периодика формировала «просвещенную» читательскую публику, общественное мнение. В газетах текст обретал новую роль: информирования, политической дискуссии, агитации, пропаганды.

До XVIII в. львиную долю книг составляли сочинения религиозного характера. В течение столетия происходила быстрая и существенная диверсификация печатной продукции. По подсчетам Р. Шартье, в 1720 г. религиозная продукция в Париже составляла, например, треть, в середине века – четверть, а в 1780-е годы – всего одну десятую часть всех выпускаемых книг. Книга становилась источником развлечения, эстетического наслаждения, наконец, знания. Новый читатель интересовался также беллетристикой, драматургией, поэзией. Именно такие книги печатали теперь книгоиздатели.

Огромную часть печатной продукции составляло то, что было запрещено цензурой. Книготорговцы называли такую продукцию «философической литературой». Как правило, к ним относились, во-первых, собственно философские книги, подвергавшие критике устои власти и общества; во-вторых – порнография; в-третьих – любая сатира, публицистика, памфлеты, скандальные хроники, разоблачения. Спрос на «философические» книги стабильно оставался очень высок, торговать ими было опасно, но выгодно.

Новый взгляд на роль образования, а также утвердившиеся в обществе «вкус и привычка получать образование посредством чтения», как писал просвещенный министр двора Людовика XVI Кретьен Гийом Ламуаньон де Мальзерб в 1775 г., порождали очень высокий спрос на философские трактаты вроде «Духа законов» Монтескье. Модно стало читать научные труды, универсальные издания, описания путешествий. Появлялись и распространялись разного рода учебные книги, компиляции и популяризации.

Издательское дело почти везде, кроме Англии и Голландии, подлежало предварительной цензуре со стороны властей. В России вплоть до 1783 г. в связи с относительно невысоким статусом книги в жизни общества, цензуру осуществляли не специальные органы, а главы ведомств, имевших свои типографии: Синода, Сената, Академии наук, Славяно-греко-латинской академии, Московского университета, Артиллерийского, Морского и Сухопутного кадетских корпусов и некоторых других.

Цензура заключалась в выдаче привилегий и разрешений на издание книг. Кроме того, как светские, так и церковные власти могли осудить на изъятие и на уничтожение уже вышедшую книгу. На территории Испании, Португалии и Италии сдерживающее воздействие оказывал папский «Индекс запрещенных книг», который продолжал пополняться. Впрочем, инквизиция была уже не столь сильна. Что же касается судебных приговоров книгам, то они способствовали росту спроса на запрещенные издания. Разрешительная цензура часто оказывалась весьма либеральной, цензорские посты могли занимать люди, сочувствовавшие философским идеям. В феврале 1752 г. по приказу Королевского совета была запрещена продажа первых двух томов «Энциклопедии»: власти сочли, что они «способны расшатать устои королевской власти, укрепить дух непокорства и возмущения и своими темными и двусмысленными выражениями посеять заблуждения, распущенность нравов и неверие». Мальзерб – в ту пору директор Королевской палаты книгопечатания и книжной торговли (т. е. главный цензор) – должен был издать приказ

об изъятии рукописей последующих томов. Он и выпустил такой приказ, однако накануне предупредил об этом редактора издания. «Ваши слова меня весьма удручают, – отвечал Дидро, – я никак не успею вывезти все рукописи, к тому же, за сутки трудно найти людей, которые возьмут на себя заботу о них и у которых они будут в безопасности». «Пришлите их все ко мне, – отвечал Мальзерб, – у меня никто не станет их искать!» Действительно, у Мальзерба материалы «Энциклопедии» оказались в полной сохранности.

Власть ничего не могла поделать с победным шествием печатного слова. «Оказалось, что бывают обстоятельства, когда недостает храбрости дать книге гласное разрешение, но при этом невозможно ее запретить», – писал тот же Мальзерб. Цензура выдавала так называемые негласные разрешения, за которыми, якобы, должны были последовать официальные.

«Литературная республика» оказывалась сильнее правительства. Постепенно менялся и статус литераторов. В новых условиях появлялась возможность зарабатывать литературным трудом. Руссо в 1759 г. продал издателю рукопись романа «Новая Элоиза» за 2160 ливров. Мармонтель после успеха романа «Велизарий» (1767) получил за следующий роман «Инки» (1777) 36 тыс. ливров. Это были огромные деньги.

Впрочем, громкий успех небольшого числа прославленных авторов для подавляющего большинства пишущих людей оставался призрачной мечтой. Почти половина трехтысячной армии французских литераторов середины 1780-х годов не имела никакого положения в обществе и никакой службы. «Жалкое племя, которое пишет для того, чтобы жить», – презрительно отзывался Вольтер об авторах, готовых за деньги написать что угодно. Жаждавшие сделать писательскую карьеру люди нанимались сотрудниками энциклопедий, словарей, антологий, «библиотек для чтения», занимались переводами. Из них рекрутировались публицисты, памфлетисты и пасквилянты. Стремление выдвинуться, обратить на себя внимание часто толкало их к резкости, они клеймили, разоблачали, срывали покровы.

В исторической науке давно обсуждается вопрос о том, какую роль революция в практике чтения сыграла в подготовке Французской революции конца XVIII в. Несомненно, в революционных событиях многие видели воплощение идей философов, ставших общеизвестными именно благодаря чтению. Несомненно также и то, что в 1787–1789 гг. литераторы и публицисты внесли существенный вклад в разжигание политического кризиса. В дальнейшем роль печатного слова в политической жизни Европы продолжала нарастать.

ПУТЕШЕСТВИЯ

К началу эпохи Просвещения на карты были нанесены общие очертания Америки и Африки. Однако освоение их внутренних пространств только начиналось. Европейцы еще почти не представляли себе Австралию, Океанию, а также загадочное «южное море». Естествоиспытатели из разных стран, любители приключений, офицеры, миссионеры и служащие торговых компаний отправлялись в далекие путешествия. Двигала ли ими жажда познания, острых ощущений или наживы, следовали ли они христианскому цивилизаторскому или служебному долгу, все они способствовали гигантскому обогащению географических представлений в XVIII в. Передовая научная мысль придавала очень большое значение географии, поскольку связывала общественное и государственное устройство с естественными условиями. Научные общества и академии стремились придать любым далеким экспедициям упорядоченный научный характер; в их состав включались астрономы, ботаники, рисовальщики.

Сведения о Южной Америке долгое время поступали в Европу почти исключительно через испанских и португальских католических миссионеров. Научное освоение континента началось около 1740-х годов. Так, французский исследователь Шарль Мари де Ла Кондамин провел несколько лет в Перу с экспедицией Академии наук (1736–1743). В частности он совершил плавание по Амазонке, где изучал флору, фауну и туземное население бассейна реки. В это же время французские и английские путешественники (Пьер Франсуа Ксавье Шарлевуа, Джонатан Карвер, Артур Доббс и др.) обследовали Североамериканский континент.

С середины века и особенно после Семилетней войны европейцы начали освоение бассейнов африканских рек, постепенно углубляясь внутрь континента. В 1757 г. француз Мишель Адансон выпустил «Естественную историю Сенегала». В 1761 г. в районе реки Оранжевой голландская экспедиция Хендрика Хопа впервые увидела неизвестное «четвероногое в семнадцать футов высотой» – жирафа. После экспедиции 1777–1778 гг. Уильяма Паттерсона и Роберта Гордона появились описания готтентотов. В начале 1770-х годов шотландец Джеймс Брюс поднялся к истокам Голубого Нила. В самом конце столетия английские путешественники исследовали Нигер. В результате экспедиций Карла Линнея, Витуса Беринга, Степана Крашенинникова и других исследователей в кругозор европейской науки вошли земли Севера, Сибирь, Камчатка. В 1768–1771 и 1772–1775 гг. были совершены Первое и Второе кругосветные путешествия Джеймса Кука, обследовавшего Австралию и Тихий океан, доплывшего до южных полярных льдов и доказавшего, что на юге Земли нет обитаемого континента. Еще раньше, в 1766–1769 гг. вокруг света обошла экспедиция француза Луи Антуана де Бугенвиля, исследовавшего Новые Гебриды и открывшего ряд тихоокеанских островов (см. гл. «Океания»).

Увеличение числа экспедиций по освоению новых земель и новых путей объяснялось, разумеется, не только просветительским стремлением познать мир. Оно было связано и с колониальным соперничеством европейских

держав. Присоединенные к метрополиям заокеанские территории служили источником богатства и являлись фактором престижа. Кроме того, они позволяли решать проблему перенаселения, например, в Великобритании, где в результате аграрного переворота бродяжничество превратилось в общественную проблему. К 1740 г. английские колонии в Северной Америке насчитывали около 1 млн выходцев из метрополии. На порядок ниже было в это время число выходцев из Франции в ее американских владениях: около 90 тыс. человек.

Постепенно, особенно для той же Британии, заморские территории все в большей степени становились рынком сбыта товаров. Не случайно именно эта страна, опережавшая другие в модернизации хозяйства, в XVIII в. окончательно победила и в борьбе за колонии. В результате закончившейся в 1763 г. Семилетней войны ей достались почти все французские владения в Индии и в Америке (Канада и Восточная Луизиана). Англия приобрела ряд важных островов Центральной Америки и Флориду. Образовалась огромная британская колониальная империя, доминирующая в морской торговле. Однако в результате колониальная политика держав, уступавших «владычице морей», только активизировалась. Количество далеких экспедиций после Семилетней войны заметно выросло.

Постоянный приток новой информации обогащал представления европейцев об индейцах Америки, аборигенах Океании, африканских племенах или народах Дальнего Востока и Крайнего Севера. Случалось, что путешественники учились говорить на языках местных племен, стремясь глубже понять их обычаи. Презрительное отношение к дикарям-туземцам, складывавшееся со времен Великих географических открытий, постепенно менялось. Оно вступало в противоречие с просветительской идеей равенства прав людей. Руссоистский идеал естественной жизни побуждал относиться с большим вниманием к нравам и обычаям народов, «близких к природе».

Для XVIII столетия были характерны не только заморские путешествия, нацеленные на открытия мира, но и повышенная мобильность внутри европейского пространства. Бедняки и бродяги снимались с мест в поисках работы и пропитания, инородцы и иноверцы – в поисках религиозной свободы, политические эмигранты – спасаясь от преследований… Более мобильными стали даже те, кто не покидал родных краев надолго: поездка на карнавал или ярмарку, участие в религиозном празднестве или в процессии паломников тоже являлись своеобразными путешествиями, и люди отваживались на них все легче и охотнее.

Население Европы на протяжении XVIII в. неуклонно росло и, несмотря на то что подавляющее большинство европейцев продолжали жить в деревне, быстро перераспределялось в пользу городов. Это происходило прежде всего за счет повышения мобильности, обусловленной экономическими, политическими и конфессиональными причинами. В Англии начавшийся промышленный переворот давал возможность терявшим почву под ногами вчерашним крестьянам искать новые занятия в городах. Аналогичные процессы намечались и в других странах Европы. Города, как магниты, притягивали к себе огромные массы людей, стремившихся заработать или сделать карьеру.

В Голландии к 1795 г. 65% населения проживало в городах. В Пруссии горожане составляли примерно четверть населения. Быстро росли города-

гиганты (подробнее гл. см. «Миры, утратившие равновесие: город и деревня»). Значительную часть населения городов составляли сезонные мигранты. В Париже существовали профессии, традиционно ассоциировавшиеся с приезжими из той или иной провинции: водоносами обычно работали овернцы, трубочистами и чистильщиками сапог – савояры, среди строительных рабочих преобладали уроженцы Лимузена. Тот, кто не мог прокормиться у себя дома, рассчитывал найти работу в огромном городе, а устроившись, помогал вновь прибывавшим землякам. Некоторые мигранты приезжали в Париж лишь на сезон, а потом возвращались домой, к семье. Однако немало встречалось и тех, кому возвращаться было не за чем и кто хотел навсегда остаться в городе.

Нередко мигранты уезжали так далеко от дома, что фактически меняли родину. Учителя, портные, строители, цирюльники, актеры ехали из Италии, германских земель, Франции в Польшу или Россию в поисках выгодного применения своих навыков. С 1760-х годов Екатерина II приглашала в Россию немцев, французов, швейцарцев для освоения земель и улучшения хозяйственной деятельности в Поволжье и других регионах. Внутреннюю «колонизацию» малозаселенных земель руками переселенцев практиковали и другие деятели эпохи «просвещенного абсолютизма» – Мария Терезия и Иосиф II в Банате, Галиции и Буковине, Пабло Олавиде от имени Карла III – в Сьерра-Морене.

На протяжении XVIII в. на континенте не уменьшилось число конфессиональных эмигрантов. Гугеноты перебирались из Франции в Голландию или Германию, евреи – из Польши в Голландию или Британию. В последнее десятилетие века Европу наводнили политические эмигранты из революционной Франции. Кто-то пускался в далекое плавание за океан. Многие делали это, стремясь избавиться от нищеты, спастись от религиозных преследований, надеясь на новую жизнь в колониях. Других вывозили туда насильственно – для освоения новых земель, для очистки городов Старого Света от бродяг и преступников.

В колониях действительно начиналась совершенно другая жизнь. Расставшись с прошлым и оказавшись в чужом пространстве, люди распоряжались собой по-новому. В 1776 г. европейские колонисты создали на Американском континенте свое государство. Опираясь на гигантские ресурсы Нового Света, американцы сумели использовать и достижения европейской культуры, как материальной, так и духовной, включая, прежде всего, Просвещение.

В XVIII в. резко увеличилось число путешествий в соседние страны. Этому способствовало развитие транспортной инфраструктуры в Западной Европе. Во второй половине века благодаря строительству шоссейных дорог значительно повысилась быстроходность сухопутного транспорта. Сеть удобных шоссе, на которых располагались станции почтово-пассажирских контор, расходилась во все стороны из Парижа, из Лондона и других городов. По ним двигались многоместные кареты (дилижансы), перевозившие небогатую публику. Знать передвигалась в частных каретах. Путешественники, отправлявшиеся в недалекие поездки, использовали двуколки. Военные предпочитали передвигаться верхом. Бедняки шагали пешком с котомками за плечами. Вдоль дорог возникали постоялые дворы, гостиницы, трактиры.

Здесь встречались путешественники из разных мест, принадлежавшие к разным социальным группам. Гостиницы становились территорией знакомств, общения, обмена информацией, познания нового. Это отразилось в романах XVIII в.: приключения героев нередко разворачивались на постоялых дворах.

Путешествие превращалось в необходимый элемент культуры. В общественном мнении оно составляло существенную часть жизненного опыта просвещенного человека. Особое место отводилось ему в воспитании молодежи: образовательное путешествие («Grand Tour») должно было способствовать расширению кругозора юноши, постижению мира на собственном опыте, избавлению от предрассудков. По родной стране путешествовали ради приобщения к народной жизни. Такое путешествие было призвано воспитывать патриота, будущего деятеля на благо общества. Посещение культурных центров Европы – Парижа, Рима, Лондона – считалось необходимым для приобщения к высотам духа. Желательным также признавалось путешествие в более или менее экзотические земли, ибо без этого невозможно постичь пути, по которым идет в своем развитии человечество, осознать ценность цивилизации.

Особая роль и популярность путешествий в XVIII в. не могли не отразиться на характере и содержании печатной продукции и на чтении. Во-первых, возникал спрос на информацию для отправлявшихся в дорогу: карты, планы, описания маршрутов, путеводители. Во-вторых, просветительская мысль способствовала повышению внимания публики к чтению о далеких землях и народах, кругосветных странствиях и далеких походах. Эта мода возникла в Англии, но быстро была подхвачена во Франции, откуда и распространилась по всей Европе.

Монтескье в трактате «О духе законов» связывал различные формы правления с географическими условиями, в которых развивались народы. Огромную важность новым сведениям об удаленных уголках земного шара придавал Дидро. К составлению статей для «Энциклопедии» он привлекал видных естествоиспытателей, таких как Бюффон и Ла Кондамин. Огромный успех получила «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях», написанная аббатом Рейналем при участии Дидро и некоторых других авторов и выдержавшая три издания с 1770 по 1781 г. Рассказывая о колонизации, «История обеих Индий» критиковала деспотизм, церковь, выступала против рабства.

Об экспедициях в дальние страны все больше писали не только в словарях и энциклопедиях, но даже и в газетах. В 1746 г. аббат А.Ф. Прево по заказу правительства начал выпускать многотомную «Всеобщую история путешествий». Первые тома писатель просто переводил с английского языка, но постепенно вырабатывал свой стиль повествования об обычаях и нравах Нового Света, севера Европы, Дальнего Востока, используя при этом отчеты о реальных экспедициях и другие источники. Тома этой серии издавались небольшим форматом и предназначались для широкой публики. Они становились своего рода справочным изданием, где систематизировались географические и исторические сведения о разных регионах.

Путешествие, ассоциировавшееся с открытием нового, с познанием истины, заняло особое место и в европейской беллетристике XVIII в. Литера-

торы отправляли своих героев в странствия, дабы те увидели несовершенство общественного устройства и прониклись новыми идеалами. Об этом повествовали «Персидские письма» Монтескье (1721), «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна (1768). Вдохновившись реальной историей шотландского моряка Александра Селкирка, который более четырех лет провел на необитаемом острове, Даниэль Дефо написал знаменитый роман «Робинзон Крузо» (1719) – гимн человеку, побеждавшему обстоятельства и обретавшему себя. В «Путешествиях Гулливера» Джонатана Свифта (1726), в «Истории Тома Джонса, найденыша» Генри Филдинга (1749) и во многих других романах странствия героя становились метафорой его мужания, самоосуществления. Наконец, бывало, что роман, построенный как рассказ о путешествии героев (как «Жак-фаталист» Дидро), рассматривал философские вопросы о смысле жизни, свободе человека или предопределенности его судьбы.

ФИЛАНТРОПИЯ

Термин, в древнегреческом языке обозначавший «человеколюбие», появился в европейской литературе в эпоху позднего Средневековья, но утвердился и вошел в моду именно в XVIII столетии. В средневековом христианском мире благотворительность осуществлялась преимущественно церковью или под ее руководством. Помощь нищим, призрение сирот и калек воспринимались как религиозный долг, определяемый идеей евангельской любви к ближнему. Духовенство исполняло его от имени всего сообщества.

В XVI–XVII вв. постепенно возрастала роль государства в этой сфере. Рост населения, особенно в городах, повышение мобильности потребовали от властей новых усилий. Им приходилось больше думать об общественном благе. Выброшенные на обочину жизни маргиналы представляли огромную проблему, однако административное ее решение неизбежно обретало репрессивные формы. Главным благотворителем выступало ответственное за общественный порядок государство, ставившее перед собой задачу принудительного «перевоспитания» бродяг. Учреждая дома призрения, больницы и приюты, обеспечивавшие минимальные человеческие потребности, оно жестко принуждало маргиналов к повиновению и карало их самостоятельное поведение, представлявшее угрозу для «порядочных» подданных.

Государственная система призрения нищих и политика преследования за бродяжничество возникли в Англии в самом начале XVII в. Именно там вследствие аграрного переворота проблема раньше других стран приобрела особую остроту. Философы-просветители подчас резко критиковали английскую систему призрения как негуманную и неэффективную, однако аналогичное законодательство против нищих и бродяг развивалось и в других странах Европы. В Испании бродяг отлавливали, инвалидов и детей помещали в приюты, а здоровых забривали в солдаты. Во Франции в 1724 г. специальный королевский указ предписал изолировать нищих в больницах, причем на их содержание правительство выделило средства. Здорового человека, вторично пойманного за сбором милостыни, клеймили. В мае 1750 г. в Париже вспыхнул бунт, вызванный действиями властей: полиция, ловившая на улицах бродяг, воришек, безработных и проституток для отправки их в колонии, перестаралась, арестовав нескольких подростков из семей ремесленников и торговцев. В 1764–1767 гг. в стране возникла сеть домов заключения для бродяг. За один только 1773 г. были задержаны 72 тыс. человек, из которых 48 тыс. оказались в домах заключения.

Принудительное государственное регулирование передвижения и поведения людей, особенно тех, кто стоял на нижних ступеньках социальной лестницы, диктовалось реальными потребностями общества того времени. Однако оно отличалось жесткостью, неповоротливостью, злоупотреблениями и недостаточной эффективностью. По мере распространения просветительских идеалов, подобное понимание общественного блага выглядело все более архаичным и нетерпимым.

В XVIII в. происходило общее смягчение отношения к лицам, преступившим закон. Признание их достойными сочувствия, перевоспитания, помощи

отражалось в просветительской художественной литературе. Все больше осознавалась необходимость проявления гуманности, недопустимость излишней жестокости наказания. Возникла идея ответственности общества за совершенные преступления (см. «Просвещение и власть»).

Примерно в середине века в публицистике оформился еще один сюжет общественной дискуссии: рабство и работорговля, которые невозможно было примирить с идеей равенства людей. Борьба против рабства началась в Англии и ее заокеанских колониях, где против него первыми выступили квакеры, требовавшие также судебной реформы и разработки справедливого закона о бедных. Их поддержали философы-просветители – Дидро, Рейналь, Джон Миллар. Вскоре после образования США рабство было отменено во многих северных штатах, однако в других оно сохранялось, будучи экономически выгодным. Активную борьбу против него вели многочисленные общества за освобождение рабов, действовавшие как в Америке, так и в Европе. В их деятельности участвовали будущие деятели Французской революции – Бриссо, Кондорсе, Лафайет, Мирабо. Английское и французское «Общества друзей чернокожих» заставили власти обратить внимание на эту проблему задолго до того, как рабство в колониях перестало существовать.

Итак, в эпоху Просвещения слово «филантропия» означало не столько помощь бедным, сколько заботу о человеке, стремление обеспечить его благо и даже счастье. Настоящий филантроп часто выступал противником церкви, разоблачал ее ханжество и корыстолюбие и, следовательно, не мог слепо доверять ее проповеди милосердия во имя любви к Богу. Не был он доволен и насильственной благотворительностью, осуществлявшейся государством. Поставив в центр теоретических построений не Бога, а человека, философ XVIII в. уповал на замену принуждения просвещением.

Рассчитывая усовершенствовать общество с помощью разума, просветители желали побороть и все человеческие несчастья – нищету, болезни, несправедливость. В связи с этим вставали две задачи, решение которых требовало серьезных усилий. Во-первых, следовало разработать научные методы борьбы с болезнями и бедностью. Академии объявляли конкурсы, врачи и педагоги принялись изучать предмет (см. подробнее гл. «Жизнь, опережающая смерть: население»). Во-вторых, необходимо было понять, на кого возложить ответственность за реализацию рекомендаций науки. Рядом с церковью и государством появился еще один благотворитель – общественные организации.

В Век Просвещения родилась и процветала частная светская благотворительность. В одном только Париже в 1780-е годы действовали Филантропический дом, Ассоциация судебной благотворительности, Филантропическое общество, Общество материнского милосердия. Принимать участие в деятельности подобных организаций становилось престижно, в них охотно входили представители элиты, аристократы, члены монарших фамилий. Светские филантропы занимались призрением сирот, организацией школ и больниц, раздачей милостыни. Нередко их члены заступались перед властями за обездоленных.

В 1774 г. немецкий педагог Иоганн Бернхард Базедов организовал в Дессау особый воспитательный институт – «Филантропинум», просуществовавший до 1793 г. Здесь применялась разработанная Базедовым педа-

гогическая система, призванная воспитывать детей по «законам природы» (в духе Руссо) и внушать им любовь к ближнему. Дело Базедова продолжили Иоахим Генрих Кампе, Христиан Вольке, Христиан Готхильф Зальцман. Екатерина II, обдумывавшая реформу образования в России, также интересовалась идеями Базедова и в 1784 г. пригласила Вольке в Петербург.

Большое место занимала благотворительность в деятельности масонских лож, также вошедших в моду среди аристократии. «Дух сопричастности, сладость равенства, поддержки и взаимной помощи <…> формируют общими усилиями ту благотворительность, которая составляет основу и смысл масонства» – утверждалось в документах одной из лож. На поддержку неимущих «братьев», их вдов, других «достойных» бедняков и сирот масоны тратили немалые деньги.

Престиж светской филантропии в XVIII в. неуклонно рос, и потому возможности ее были достаточно велики. Однако на вопрос о том, кто должен в первую очередь искоренять общественное зло, Просвещение так и не дало ответа. Оно только поставило вопросы и наметило пути, по которым гораздо позднее предстояло двигаться создателям социального государства.

ФРАНКМАСОНСТВО

Франкмасонству – одной из наиболее специфических социокультурных практик эпохи Просвещения – посвящена огромная литература, и все же, несмотря на обилие исследований, этот феномен трудно поддается интерпретации. С одной стороны, это обусловлено завесой тайны, которая всегда скрывала внутреннюю жизнь лож от взгляда «непосвященных». С другой стороны, масонская проблематика длительное время была и в значительной мере остается крайне идеологизированной, что серьезно затрудняет ее научную разработку.

Сами франкмасоны окружили историю своего сообщества множеством легенд, увязывая его возникновение и с культом «основателя геометрии» Гермеса Трисмегиста, и с легендой о строителе Соломонова храма Хираме, и с традициями друидов, поэтому происхождение масонства всегда было предметом самых различных толкований. Сегодня большинство исследователей солидарны в том, что корни этого явления следует искать не в далекой древности, а в Средневековье, породившем в Западной Европе такую специфическую форму социальных связей, как цехи и гильдии. Ремесленные и торговые корпорации, особенно развитые во Франции, на Британских островах и в германских государствах, на протяжении веков обеспечивали своим членам устойчивый социальный статус, контролировали качество орудий труда и конечного продукта, поддерживали стабильность заработков. Со временем эти замкнутые сообщества стали тормозом на пути экономического развития Европы и постепенно пришли в упадок. Французская революция упразднила гильдии в 1791 г., в Великобритании и немецких землях они исчезли в первой трети XIX в. Общей судьбы избежала лишь корпорация каменщиков, трансформировавшаяся в явление совершенно нового типа – франкмасонство.

Почему именно гильдия каменщиков оказалась способной к такой трансформации? Вероятно, свою роль сыграл коллективный характер ремесла людей, занятых в сфере строительства. Немаловажно и то, что верхушка этого сообщества обладала относительно высоким уровнем образования и культуры, поддерживала тесные контакты с архитекторами, инженерами и другими представителями интеллектуального труда. Мастерские были заинтересованы в состоятельных заказчиках и устанавливали с ними особые отношения. По этим или иным причинам так называемые «оперативные» масоны, непосредственно связанные со строительством, стали допускать в свой круг масонов «спекулятивных» (созерцательных) – лиц иных профессий и представителей привилегированных сословий. Социальный состав лож стал изменяться, и ремесленные корпорации начали превращаться в то, что американская исследовательница М. Джейкоб назвала «элитными клубами общения», – в очаги культуры, в стенах которых вырабатывался особый тип социального поведения и особый дискурс.

По сведениям британского историка Д. Стивенсона, первые шаги в этом направлении в XVII в. сделали шотландские цехи каменщиков, но вскоре те же процессы проявились и в Англии. Одним из первых к английским масо-

нам примкнул антиквар, историк и алхимик Элайас Ашмол, человек выдающихся способностей. В 1650-е годы ряды лондонских «каменщиков» пополнили военный инженер Роберт Мори (Морей), лингвист Джон Уилкинс, архитектор и ученый Кристофер Рен (все они стояли у истоков Лондонского Королевского общества). Однако ложи XVII столетия существенно отличались от лож века Просвещения – они не образовывали единства и не имели «великой ложи», осуществлявшей общее руководство. Кроме того, в XVII в. не существовало мастерских, состоявших исключительно из «неоперативных» масонов: большинство их членов так или иначе были связаны со строительством, и даже там, где преобладали представители других профессий, настоящие каменщики все же имелись. Впервые целиком «созерцательные» ложи сложились в Англии лишь к концу 1690-х годов. Их появление можно считать моментом рождения нового масонства.

24 июня 1717 г. четыре старинных лондонских мастерских – «Гусь и Противень», «Кубок и Виноградная гроздь», «Корона» и «Яблоня» (они носили имена таверн, в которых масоны проводили свои собрания) – решили объединиться в Великую ложу Лондона и Вестминстера и избрать великого магистра. Люди, принявшие это решение, принадлежали к разным слоям общества: среди них были ремесленники, военные, врачи, деятели церкви, представители знати. Первым великим магистром стал «джентльмен» Энтони Сейер. В 1718 г. его сменил «эсквайр» Джордж Пейн, а в 1719 г. – «преподобный» Джон Теофил Дезагюлье. В 1720 г. к руководству снова вернулся Пейн, но в 1721 г. во главе ложи встал герцог Джон Монтегю, а в 1723 г. – герцог Филипп Уортон, и с этого времени жезл гроссмейстера больше не уходил из рук британской аристократии.

Великая ложа Лондона охватывала не всех британских масонов. В 1731 г. собственную Великую ложу учредили ирландцы. В 1736 г. она появилась у шотландцев. Однако в Англии процесс объединения шел особенно стремительно: в 1717 г. в Великую ложу Лондона вошли всего 4 мастерские, весной 1723 г. их было уже 20, к осени – 51. Разрастание шло не за счет новых образований, а путем объединения уже существующих. Правда, из пяти десятков только две мастерские действовали вне столицы, но в 1727 г. ситуация изменилась: под эгиду Великой ложи Лондона перешли масоны Уэльса и Честера. Лишь старинная ложа Йорка, преобразованная в 1725 г. в «Великую», сохраняла свою автономию вплоть до 1792 г.

Огромную роль в оформлении франкмасонского движения сыграл устав, разработанный Великой ложей. Работа над его первой редакцией (1723) велась коллективно, но главный вклад в редакцию второго издания (1736) внес пресвитерианец Джеймс Андерсон, и в истории этот документ остался под именем «Конституций Андерсона». Важнейшими частями «Конституций» являлись «Древние заповеди вольных каменщиков» и «Общий регламент» из 39 статей. Регламент обосновывал полномочия великого магистра и порядок его выборов, фиксировал устройство Великой ложи и ее прерогативы, оговаривал порядок проведения ежегодного праздника и прочее. Наибольший интерес представляют «Заповеди», в частности их первый раздел «О Боге и Религии», который постулировал принципы толерантности и конфессио-

нального нейтралитета. В нем говорилось: «Если в древности вольные каменщики обязаны были в каждой стране принадлежать к религии именно той страны и того народа, среди которого находятся, какой бы она ни была, в настоящее время считается более разумным обязывать их принадлежать лишь к той религии, в которой согласны между собой все люди, оставив им самим точно определять свои религиозные убеждения». «Заповеди» оговаривали, что масон не может быть «неразумным атеистом и неверующим вольнодумцем», но предоставляли ему свободу выбора конфессиональной принадлежности. Французский историк Д. Лигу полагает, что эта гибкая формула, созвучная политике толерантности, установившейся в английском обществе после Славной революции, фактически отвергала лишь тех, кто не разделял веры в «Великого Архитектора Вселенной». Верность экуменизму раннего масонства британские и американские ложи сохраняли и позднее, но на европейском континенте, в частности во Франции и в германских землях, позиция масонов в вопросах веры стала со временем более жесткой. Второй раздел «Заповедей» декларировал лояльность сообщества по отношению к государственной власти и предостерегал братьев от участия в «тайных злоумышлениях». Однако и в этом вопросе орден заявлял о своем нейтралитете: он отказывался исключать из своих рядов того, кто решится выступить против светских властей, поскольку связь масона с ложей считалась неразрывной. Следующие три раздела «Заповедей» регламентировали отношения масона с его мастерской, определяли порядок прохождения ступеней иерархии и обязывали братьев усердно трудиться. Шестой раздел регламентировал поведение масонов в ложе и вне ее.

«Конституции Андерсона» в течение XVIII в. пять раз переиздавались по-английски, пять раз выходили на французском языке и дважды – на немецком. Печатались они и на голландском, и на итальянском, и на испанском. Именно на «Конституции Андерсона», на опыт Великой ложи Лондона (с 1738 г. она именовалась Великой ложей Англии) ориентировались уставы лож «вольных каменщиков», которые с начала 1720-х годов стали стремительно распространяться на континенте и за пределами Европы.

Первыми английский опыт подхватили ближайшие соседи. В бельгийском городе Монсе ложа появилась уже в 1721 г. С этого же года некоторые исследователи отсчитывают историю масонства во Франции, хотя документально деятельность лож фиксируется там лишь с 1725 г. За Францией последовали Португалия и Испания, опередившие Италию и Германию. Вскоре процесс охватил Восточную и Северную Европу – Польшу, Россию, Швецию, Данию и другие страны. Примеру Старого Света последовал Новый: первыми ложу за океаном учредили «вольные каменщики» Бостона. Укоренение франкмасонства происходило под влиянием особенностей того или иного государства, поэтому его судьба и его отношения с властью везде складывались по-разному.

Во Франции процесс обозначился в полной мере в 1732–1739 гг., когда ложи во множестве стали появляться в провинциальных городах. Первенство же скорее всего принадлежало Ложе святого Фомы, названной в честь Томаса Бекета и действовавшей с 1725 г. в одной из английских таверн парижского предместья Сен-Жермен. Во всяком случае ее существование подтверждается документально. «Английский фактор» был поначалу силен:

именно британцы выступали основателями ранних французских лож, а первым французским гроссмейстером стал бывший великий магистр Великой ложи Лондона, известный либертин герцог Уортон (1728). Высокая активность иностранцев-протестантов обусловила легкость укоренения «вольных каменщиков» в городах с протестантскими общинами и в крупных портах (Бордо, Ла-Рошель, Марсель, Монпелье, Ним), не говоря о таком регионе, как Эльзас. Но скоро к ордену потянулись и католики. После образования Великой ложи Франции (1738), получившей патент от Лондона, французское масонство начало объединяться, его численность резко выросла, и по степени влияния оно начало догонять английское, а затем и перегнало его. В то же время его история не обходилась без внутренней борьбы. Конфессиональные трения спровоцировали в 1740-е годы разделение французского масонства на два течения – «английское» (протестантское) и «шотландское» (католическое). В 1750-х годах Великая ложа Франции, где возобладали янсенистские настроения, начала отходить от экуменизма «Конституций Андерсона» и ориентироваться на католическую ортодоксию. Часть мастерских не приняла подобной политики, и в 1760 г. разразился серьезный конфликт, усугубившийся соперничеством титулованной аристократии с представителями третьего сословия. В 1771 г. произошел окончательный раскол: Великая ложа Франции распалась и возникло новое образование – «Великий Восток Франции» (1771–1789).

Масонское движение привлекло к себе немало выдающихся просветителей Франции. Членами братства «вольных каменщиков» были Монтескье, Даламбер, Гельвеций, Гольбах, Кондорсе и многие другие. Триумфальная церемония инициации Вольтера (1778), состоявшаяся незадолго до его смерти в парижской ложе «Девяти Сестер», была воспринята многими как своеобразная передача интеллектуальной эстафеты от философов к масонам.

Особым преследованиям во Франции «вольные каменщики» не подвергались, хотя их отношения с властями не всегда были безоблачными. В 1736 г. Королевский совет выступил против «многолюдных собраний», проводимых без санкции монарха, а в 1737–1738 гг. полиция пыталась припугнуть масонов, разглашая в прессе тайны их обрядов и устраивая облавы. Однако последние в основном коснулись кабатчиков, под крышей у которых ложи проводили свои заседания, а эдикт 1736 г. безнаказанно нарушался. Осудившая масонство булла Климента XII «In eminenti» (1738) государственным законом не стала: Парижский парламент ее не зарегистрировал, посчитав, что одного лишь «королевского неудовольствия» достаточно, чтобы покончить с тайными обществами. Когда же в 1743 г. великим магистром стал принц крови Луи де Бурбон-Конде граф де Клермон, орден и вовсе оказался под покровительством членов королевского дома. Показательно, что накануне революции парижская полиция, пытавшаяся всесторонне контролировать жизнь столицы, деятельностью лож практически не интересовалась.

В Португалию масонство проникло рано, но к моменту публикации «In eminenti» в Лиссабоне действовали всего две ложи: католическая – организованная ирландцами, и протестантская – у ее истоков стояли англичане. Ирландская ложа самораспустилась, как только известия о булле докатились до Лиссабона. Английская продолжила действовать в одиночку, покуда

приток в Португалию ремесленников из Франции не стимулировал появление еще одной структуры: в 1741 г. в столице возникла ложа, на три четверти состоявшая из французов, но через два года она подверглась разгрому, а ее основатель был приговорен к четырем годам галер. После восшествия на престол Жозе I (1750) позиция властей смягчилась, поскольку фактический правитель страны маркиз Себастьян Жозе Помбал относился к деятельности масонов терпимо, а возможно, и сам принадлежал к их числу. Толерантность во времена Помбала вынужденно проявляли и церковные власти, поэтому в 1774 г. «Регламент» инквизиции не упомянул масонов в ряду врагов святой веры. Сеть португальских лож постепенно разрасталась. Ремесленников в них стали вытеснять военные и даже представители духовенства. Ситуация снова переменилась после смерти Жозе I: суд над Помбалом знаменовал политику «искоренения дурных нравов и идей». С 1777 г. на масонов обрушились репрессии, побудившие многих бежать из страны. Тем не менее в 1793 г. некоторые ложи возобновили свою деятельность в Коимбре, Лиссабоне и Порту.

Иная картина наблюдалась в Испании. Хотя первая ложа появилась в Мадриде уже в 1728 г., распространения в XVIII в. масонство там не получило. Исследователи говорят лишь о его «спорадическом присутствии» и объясняют это противодействием испанских монархов и сильными позициями католической церкви. В 1738 г. в ответ на «In eminenti» великий инквизитор Испании издал эдикт, угрожавший «вольным каменщикам» повторным отлучением от церкви (помимо папского) и высокими штрафами. В 1740–1750 гг. состоялись первые процессы (большинство обвиняемых были военными, инициированными за границей). В 1751 г., вслед за второй антимасонской буллой «Providas Romanorum» папы Бенедикта XIV, преследования усилились и вылились в декрет короля Фердинанда VI: орден был объявлен врагом церкви и государства. Его главное прегрешение состояло в нежелании сообщать монарху о своих целях и уставах. В метрополии и колониях, в частности в Лиме, прошли новые антимасонские процессы, причем на скамье подсудимых оказалось немало иностранцев. С началом Французской революции борьбу с масонством подстегнули политические соображения: испанские власти опасались распространения революционных идей. Не случайно особенно много процессов пришлось на 1793–1794 гг. Таким образом, в XVIII в. интегрироваться в испанское общество масонству не удалось.

В германских землях, напротив, оно получило широкое распространение, но развивалось особым путем. Первая немецкая ложа – «Авессалом» – появилась в Гамбурге в 1733 г. и была официально зарегистрирована в 1737 г. Вслед за Гамбургом ложи возникли в Берлине, Мюнхене, обоих Франкфуртах, Марбурге, Лейпциге и других городах. Посвящение в масоны наследника прусского престола, будущего Фридриха II (1738), подтолкнуло к ордену многих владетельных князей Германии. Поддержка представителей власти способствовала тому, что немецкое масонство окрепло и приобрело самостоятельность. «Вольные каменщики» Германии принялись развивать собственные обряды («циннендорфский», «египетский» и др.), в которых огромное значение получили христианские мотивы, религиозная экзальтация и мистицизм. В Германии родилось и влиятельное движение розенкрейцеров, следовавшее изобретенной бароном Карлом фон Гундом системе «строгого

послушания». В целом немецкое масонство было довольно консервативным и иерархичным. Тем не менее ложи оставались пространством интеллектуального диалога, что привлекало к ним таких выдающихся мыслителей, как Иоганн Вольфганг Гёте, Кристоф Мартин Виланд, Готхольд Эфраим Лессинг, Георг Форстер, Фридрих Генрих Якоби. Радикальный в политическом отношении баварский орден «иллюминатов» – «просветленных» (1776–1787), основанный приверженцем французского материализма Адамом Вейсгауптом, стал известен именно благодаря тому, что сознательно имитировал масонство.

В России присутствие масонства отмечается с 1731 г., хотя оформление лож началось лишь после 1740 г., когда Великая ложа Лондона назначила генерала Джеймса Кейта, состоявшего тогда на русской службе, «провинциальным великим мастером» России. Как и во многих других странах, ложи поначалу пополнялись иностранцами, но с 1750-х годов стало постепенно расти число россиян, в том числе представителей знати. В 1772 г. по инициативе тайного советника И.П. Елагина была конституирована Великая ложа России, под управлением которой работали полтора десятка мастерских. Примерно в это же время около десятка лож в разных городах основал барон Иоганн Готтлоб (Иван Карлович) Рейхель, директор наук в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. В 1776 г. елагинские и рейхелевские ложи объединились. В начале 1780-х годов временное распространение в России получила так называемая «шведская система» масонства, а затем началось становление русского розенкрейцерства. Всего в XVIII в., по данным А.И. Серкова, было учреждено не менее 136 лож. Большинство из них действовали в Санкт-Петербурге и Москве, куда к концу столетия переместился центр масонской активности и где на первый план выдвинулись такие крупные фигуры, как И.Г. Шварц и Н.И. Новиков. Деятельность московских розенкрейцеров («мартинистов») в 1786–1792 гг. исследователи считают этапом наивысшего развития русского масонства. Не оставалась в стороне и провинция. Российская география «вольных каменщиков» XVIII столетия включала в себя Архангельск, Вологду, Житомир, Казань, Киев, Орел, Пермь, Петрозаводск, Харьков, Ярославль и другие города. Особенно высока была численность лож на северо-западе империи – в Риге, Вильно, Митаве, Ревеле и Белостоке.

Долгое время власти смотрели на деятельность русских масонов снисходительно. Когда же в начале 1780-х годов «вольные каменщики» стали оказывать влияние на общественное мнение и к тому же вознамерились сделать главой русских масонов великого князя Павла Петровича, Екатерина II повела с ними борьбу. Поначалу она действовала цензурными методами и высмеивала масонство в своих пародиях и комедиях («Тайна противонелепого общества» и др.). Затем начались политические гонения, кульминацией которых стало дело Н.И. Новикова (1792) и вынесенный ему приговор (15 лет заключения в Шлиссельбургской крепости). Антимасонские акции последнего десятилетия XVIII в. лежали в русле общих изменений правительственного курса, вызванного Французской революцией, но Н.Д. Кочеткова полагает, что их следует объяснять не только политическими причинами: это было также моральное поражение Екатерины в борьбе за идейное влияние на общество.

С активным противодействием столкнулось масонство в империи Габсбургов. Там движение «вольных каменщиков» сначала охватило Австрийские Нидерланды, в 1740-х годах достигло Вены, а затем Венгрии и Трансильва-

нии. Непримиримая позиция светской власти (в правление Марии Терезии деятельность ордена была запрещена) и католической церкви сдерживала численность лож, но полностью остановить процесс распространения масонства не могла. Число масонов продолжало расти, особенно среди представителей свободных профессий, и к 1775 г. Вена стала одним из главных центров розенкрейцерства. Когда в 1784 г. получила патент венская Великая ложа, под ее началом оказались более четырех десятков мастерских. С воцарением Иосифа II политика в отношении масонства практически не смягчилась: декрет 1785 г. запретил подданным членство в иностранных ложах, подтвердил запрет на деятельность лож в центре империи и сократил число бельгийских лож до трех. Венский «Великий Восток» подчинился властям: ликвидировав «бунтарские» ложи в Австрийских Нидерландах, он составил список «благонадежных» масонов и проинформировал Иосифа II, что «общее управление масонством отныне полностью соответствует императорским эдиктам». Тем не менее в 1786 г. были запрещены и последние мастерские.

Франкмасонство не было единым ни в организационном, ни в идейном плане. Однако, распространяясь по свету и приспосабливаясь к реалиям различных стран и регионов, оно сохраняло некоторые общие генетические черты. Его закрытость от внешнего мира не была абсолютной, и масштаб явления доказывает, что доступ в ложи повсюду был относительно свободным. Французский историк П.И. Борепер подчеркивает, что масонство эпохи Просвещения не следует трактовать исключительно как «тайное общество». Скорее это было «общество со своими тайнами» – общество, служившее «камерной сценой», на которой представители европейских элит могли свободно самовыражаться в кругу избранных друзей.

Все события в жизни каждой ложи, которая воплощала собой «храм мудрости и света», подчинялись тщательно разработанным церемониям. Театрализованная масонская обрядность, бурно развивавшаяся на протяжении всего XVIII в., использовала сложную символику и атрибутику, в том числе и такую, которая вела свое происхождение от орудий труда каменщиков и строителей (фартук, мастерок, циркуль, линейка и пр.). Специфическая масонская терминология имела иудео-христианские корни. Между братьями (слово «брат» стало традиционным обращением масонов друг к другу) царила многостепенная иерархия, но в ложах практиковались такие демократические процедуры, как выборность должностей и подчинение меньшинства большинству, а также, по крайней мере формально, действовал принцип равенства, в силу которого в стенах ложи теряли значение социальные различия. Формирование пространства эгалитарной социализации – один из важнейших вкладов масонства в культуру Просвещения.

Центральной категорией масонского дискурса была «дружба». Ее производные – тема «союза», «согласия», «гармонии сердец» звучала как в названиях лож, так и в масонских гимнах, речах и текстах. Огромную значимость для масонов имели такие понятия, как «искренность», «умеренность», «чистосердечие», «добродетель», «мудрость». В системе ценностей эпохи масонство немало способствовало утверждению филантропии, благотворительности и гуманности. Оно провозглашало своей целью развитие

гражданских качеств и духовное совершенствование «вольных каменщиков». Однако свою задачу орден видел не только в нравственном укреплении братьев, но и в совершенствовании всего человечества в целом, и это возвышенное устремление было созвучно тому, о чем мечтали философы-просветители. Причины невероятного успеха масонства в XVIII в. еще требуют дальнейшего прояснения, но можно уверенно признать: цели и задачи, которые ставили перед собой «вольные каменщики», лозунги, которые они выдвигали, отражали умонастроения, царившие в рядах просвещенной элиты европейского общества.

Масонство являлось пространством широкой религиозной свободы, но «вольные каменщики» эпохи Просвещения не ставили под сомнение духовно-нравственные принципы христианства и не отказывались от своей связи с ним. Более того, несмотря на заявленную религиозную толерантность, «Конституции Андерсона» пытались закрыть двери ордена перед атеистами. Это не помешало примкнуть к масонству материалисту Гельвецию и некоторым его единомышленникам, но все же в XVIII столетии атеизм казался настолько провокационным, что подорвал бы доверие к ложам, если бы они принялись его проповедовать. В реальности традиционным институтам церкви угрожал не атеизм, а содержавшаяся в масонском дискурсе идея естественной религии, философским выражением которой являлся деизм. Папские буллы были направлены не столько против теологических построений масонов, сколько против попыток духовной эмансипации от власти официальной церкви.

Одним из своих основополагающих принципов франкмасонство провозглашало космополитизм. Официальные документы, рождавшиеся в недрах лож, и тексты, выходившие из-под пера их членов, изобиловали утверждениями, что «родина масона – вселенная», и что «весь мир – одна большая республика, в которой нации являются семьями, а индивиды – членами этих семей». Но космополитизм масонов нередко входил в противоречие с их «патриотизмом». Особенно чувствительными к своей национальной идентичности были французы. С конца 1760-х годов Великая ложа Франции активно сопротивлялась влиянию иностранного, и прежде всего английского, масонства у себя на родине. В 1786 г. «Великий Восток Франции» приветствовал эдикт Иосифа II, запретивший австрийским братьям членство в иностранных мастерских. Французские ложи, особенно ревностно следовавшие иностранным уставам, вступали в конфликт с национальным сообществом. И все же внутри лож национальных барьеров не существовало. П.И. Борепер установил имена более тысячи иностранцев, принятых во французские мастерские на протяжении XVIII столетия. Разумеется, список этот далеко не полон, но и он поражает разнообразием: британцы, канадцы, швейцарцы, голландцы, португальцы, испанцы, итальянцы, датчане, шведы, австрийцы, уроженцы германских земель, остзейцы, ливонцы, россияне, венгры, поляки… Двери французских лож открывались даже для христиан Северной Африки (их членами стали ливанский принц, негоциант-маронит, семеро моряков-алжирцев), хотя в целом исследования Борепера лишний раз доказывают сугубо европейский характер масонства.

Члены лож смотрели на мир как на «единую республику», но у этой республики имелись четкие границы, очерченные христианством. «Конституции Андерсона» изначально предоставляли масонам право «самим опреде-

лять свои религиозные убеждения», но регламенты лож впоследствии были отредактированы так, что формулу «каждый каменщик должен подчиняться той религии, которую он исповедует», сменило требование подчиняться христианской религии. В 1742 г. «Апология ордена вольных каменщиков» утверждала: «Орден принимает в свои ряды только христиан; вольным каменщиком не может и не должен стать ни один человек, не принадлежащий христианской церкви. Евреи, магометане и язычники исключаются из ордена как неверные». В 1776 г. эти слова почти дословно повторил анонимный автор популярных «Философских размышлений о франкмасонстве».

Вопрос о том, следует ли допускать в ложи евреев, периодически дебатировался в разных странах. Английские масоны не проводили такой дискриминации, во всяком случае в документах она не отразилась. Первое свидетельство о членстве еврея в лондонской ложе восходит к 1732 г. Из 23 человек, подписавших петицию об учреждении новой мастерской, поданную в Великую ложу Лондона в 1759 г., более половины были евреями. В том же году в английской столице появилась ложа, состоявшая из одних только евреев, хотя подобная ситуация все же была исключением. В Нидерландах евреи также не встречали серьезных преград для вступления в ложи. Политику открытости вели и ложи США.

Зато французские масоны занимали жесткую позицию. Они проводили различие между ассимилированными евреями, чьи культурные практики почти не отличались от привычек христиан, и теми, кто имел мало контактов с христианским сообществом. Последним доступ во французские ложи был полностью закрыт, а первые все-таки имели некоторые шансы, и многое зависело от имущественного положения и личных способностей человека. Однако даже очень богатым и просвещенным евреям, стремившимся к полноценной социализации, приходилось бороться за право участвовать в культурной и филантропической деятельности ордена, и не всегда эта борьба оказывалась успешной. «Английская ложа» Бордо в начале 1740-х годов лишила членства еврея, обнаруженного в своих рядах, а в 1747 и 1749 гг. дважды отказала в приеме уроженцу Амстердама, принадлежавшему к еврейской общине (позже он без проблем был инициирован у себя на родине). В 1764 г. двери перед иудеем закрыла «Идеальная дружба» Тулузы. Байонская ложа «Ревностная», в создании которой изначально участвовали евреи, распалась, пережив глубокий кризис. Переломить эту ситуацию смогла лишь Французская революция.

Нечто подобное наблюдалось и в германских государствах. Немецкие ложи принимали у себя евреев-иностранцев, прошедших инициацию в других странах, но чинили препятствия немецким евреям, хотя против этого протестовали многие видные масоны, в том числе Лессинг. Приобщиться к ордену не смог даже Мозес Мендельсон – один из самых ярких представителей берлинского Просвещения. Большинство немецких масонов, в том числе и либералы, благосклонно относившиеся к эмансипации евреев, считали, что первым шагом для вступления в ложу непременно должен быть отказ от иудаизма и принятие христианства, пусть даже формальное. Лишь в 1784 г. немецкие евреи получили доступ в Орден азиатских братьев – венскую ложу розенкрейцеров. Сугубо христианским союзом масонское братство счита-

лось и в России: известен лишь один случай приема иудея в петербургскую ложу, относящийся к 1797 г.

В отношении тех, кто исповедовал ислам, дискриминация была повсеместной. Пьер де Сикар, основавший в Льеже «Союз сердец», оговаривал в уставе запрет принимать «евреев, магометан, готов и иных людей, подвергшихся обрезанию при крещении». Жозеф де Местр, упомянув в переписке об одной константинопольской ложе, состоявшей якобы из турок, выражал неподдельное недоумение: как такое могло случиться!? Впрочем, ложи, действовавшие на Востоке, в частности в Константинополе, состояли из негоциантов-христиан, и сведения о проникновении в них мусульман ничем не подтверждаются.

Дискриминация проводилась и в отношении чернокожих. На континенте они еще были редкими гостями, поэтому данная проблема стояла не так остро. Но во французских колониях она ощущалась, и здесь исследователи обращают внимание на двойственность масонства: ложи активно участвовали в обсуждении перспектив общественного прогресса, исподволь способствуя расшатыванию Старого порядка в Европе, но в то же время защищали основы колониализма, поддерживая дистанцию между белыми и цветными. Масон Виктор Малуэ, комиссар на Сан-Доминго, разрабатывавший планы колонизации Гвианы, писал: «Если черный человек уподобится белому, мы увидим, как мулаты становятся дворянами, финансистами и негоциантами… Именно так портятся, деградируют и разлагаются индивиды, семьи и нации».

Наконец, объектом дискриминации были женщины. «Конституции Андерсона» определяли масонство как сугубо мужское сообщество, утверждая: «Люди, принимаемые в члены ложи… не могут быть данниками, ленниками и женщинами». Однако популярность масонских идей в просвещенных кругах делала ложи притягательными для дам, и дело было не только в моде на ношение масонской печатки. Женщины играли важную роль в жизни европейских элит XVIII столетия. Именно они чаще всего царили в салонах, расцветших в XVIII в. по всей Европе и в Америке. И хотя современники иногда посмеивались над «учеными дамами», их права на участие в интеллектуальных дебатах просвещенный век не оспаривал. Почему же такой инструмент самореализации и влияния на общественную жизнь эпохи, как ложи, оставался для них недоступным? Представительницы слабого пола не желали мириться с этой несправедливостью и порой находили поддержку «просвещенных масонов», таких, например, как автор «Опасных связей» Шодерло де Лакло. В результате ситуация стала меняться.

Одни историки утверждают, что первая смешанная мастерская возникла в 1751 г. в Гааге. Другие полагают, что это произошло в 1738 г. в Руане. Тем не менее большинство специалистов уже не отрицают факт существования «женского масонства», уточняя, что «адоптивные ложи» (допускавшие женщин к некоторым видам своей деятельности) действовали только в континентальной Европе (по большей части – во Франции) и что британские и американские «вольные каменщики» остались верны принципам, заложенным «Конституциями Андерсона». Во Франции «адоптивные ложи» долгое время игнорировались официальными масонскими инстанциями, но в 1774 г. «Великий Восток» признал за ними право на существование. Для

дам устанавливался особый – более «приличный» и «щадящий нервы» – ритуал, поэтому большинство братьев считали женское масонство развлечением аристократок. Действительно, «адоптивные ложи» имели подчеркнуто светский характер. Социальная принадлежность в них была важнее, чем пол. Масонами были, в частности, герцогиня Бурбонская, принцесса Ламбаль, госпожа Гельвеций. В 1789 г. число «адоптивных лож» приближалось к сотне. Большинство из них не пережили Французской революции, и в эпоху Империи их осталось не более двух десятков.

Теория «масонского заговора» родилась в самом начале Французской революции. У ее истоков стоял человек, некогда занимавший в масонской иерархии важный пост. Огюстен Шайон де Жонвиль, бывший некогда помощником гроссмейстера Великой ложи Франции графа Клермонского, выпустил в 1789 г. брошюру «Истинная философия», в которой выдвинул против «вольных каменщиков» серьезные обвинения. Тему подхватил аббат Жак Франсуа Лефран. Его памфлеты «Тайна Революции» (1791) и «Заговор против католической религии и государей» (1792) убеждали читателей, что потрясения, похоронившие привычный уклад и традиционную политическую систему, явились результатом злоумышлений могущественного ордена «вольных каменщиков». Его доказательства строились на принадлежности к ордену некоторых видных деятелей революции и на сходстве дискурса и практик масонских лож с дискурсом и практиками Учредительного собрания. К примеру, отмена дворянских титулов и привилегий была, по его мнению, продиктована уставами лож, запрещавшими братьям подчеркивать друг перед другом свой социальный статус. Книги Жонвиля и Лефрана не получили большого резонанса – отчасти из-за слабости аргументации, отчасти потому, что в момент их публикации революция находилась на подъеме и подобная теория не могла заинтересовать широкую аудиторию. Слава разоблачителя «масонского заговора» досталась иезуиту Огюстену Баррюэлю.

Четырехтомные «Записки по истории якобинизма» (1797–1798) эмигрант Баррюэль опубликовал в Англии. «Якобинцами» он окрестил три «секты», которые, по его мнению, выступили единым фронтом «против Бога и Евангелия, против всего христианства в целом», столкнув Францию в пучину революции: помимо масонов в число «якобинцев» он включил французских философов-просветителей и баварских иллюминатов. Расширив круг «заговорщиков», Баррюэль пошел по пути, предложенному Лефраном: он проводил параллели между революционным законодательством и принципами, которые исповедовали «заговорщики», а также вскрывал масонские корни лидеров революции, игнорируя при этом тот факт, что члены лож действовали по обе стороны баррикад. Баррюэль использовал широкий круг источников, и его рассуждения показались современникам убедительными. К тому же изменились исторические обстоятельства. К моменту публикации «Записок» Франция уже пережила и эйфорию первых лет революции, и ужасы Террора, и Термидор. К власти пришла Директория, Европа содрогалась под ударами армии Бонапарта, поэтому антиреволюционный обличительный пафос оказался востребованным. «Записки» имели успех, неоднократно переиздавались и переводились. Идеи Баррюэля, подхваченные Л. Хервасом-и-Пандуро в Испании, Дж. Робисоном на Британских островах, И. фон Штарком в гер-

манских землях, оказали немалое влияние на образ революции в общественном сознании: многие начали ассоциировать масонство с подрывной антигосударственной деятельностью, хотя прежде в нем видели лишь инструмент интеллектуального воздействия на общество.

Уже в 1801 г. бывший депутат Учредительного собрания Ж.Ж. Мунье попытался опровергнуть Баррюэля, утверждая: «Франкмасоны не имели ни малейшего влияния на революцию». С тех пор на протяжении двух столетий «теория заговора» систематически подвергалась критике, однако идеологические мотивы зачастую брали верх над научными доказательствами. Оборотной стороной стремления категорически отмести «теорию заговора» стало то, что любые попытки подойти к проблеме «масонство и революция» с мерками научного исследования казались подозрительными. В последние десятилетия ситуация изменилась. Разумеется, речь не идет о реанимации «теории заговора» – сегодня под ней не подпишется ни один профессиональный историк. Однако, сходясь во мнении, что никаких доказательств целенаправленной деятельности ордена по свержению Старого порядка не существует, ученые признают, что Баррюэль поставил целый ряд серьезных проблем. Их решение не может ограничиться прямолинейным отрицанием или подтверждением «теории заговора» и не должно заканчиваться спорами о том, следует ли нам признавать участие масонства в революции институциональным, или мы вправе говорить лишь об индивидуальной, хотя и массовой, активности членов лож. Масштабы участия «вольных каменщиков» в разработке политического дискурса Просвещения, популяризации тех принципов, которые впоследствии попыталась воплотить в жизнь Французская революция, требуют дальнейшего уточнения. Современные исследования вписывают феномен масонства в широкий социокультурный контекст XVIII столетия и рассматривают ложи как один из множества инструментов социализации, «изобретенных» той эпохой, как специфический тип социальных контактов, который содействовал распространению в обществе идеалов и ценностей Просвещения.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Феномен общественного мнения крайне важен для идентификации Просвещения, хотя едва ли можно утверждать, что само словосочетание и стоящий за ним комплекс проблем возникли только в XVIII в. Массовые установки и царящие в обществе суждения занимали мыслителей с древности, побуждая античных философов клеймить doxa vulgus за поверхностность и изменчивость. В XVI столетии к общественному мнению апеллировал Монтень. В середине XVII в. Паскаль провозглашал: «Миром правит не мнение, а сила, однако использует силу мнение». Несколько десятилетий спустя о моральной власти «закона общественного мнения» размышлял Локк. Тем не менее именно в XVIII столетии, особенно во второй его половине, выражение «общественное мнение» (opinion publique, public opinion, opinione pubblica, öffentliche Meinung) получило привычную для нашего слуха устойчивость и наполнилось новым – политическим – содержанием. Особенно наглядно это подтверждается сравнением двух авторитетных справочных изданий эпохи Просвещения.

Статья, опубликованная в XI томе «Энциклопедии» (1765) Дидро и Даламбера, относила «мнение» к сфере логики. Определяя это понятие как неопределенное суждение сомневающегося разума, автор статьи – Антуан Гаспар Буше д'Аржи – противопоставлял колеблющийся, неверный свет мнения яркому свету рационального знания, и его трактовка мало отличалась от того, что тремя десятилетиями ранее в «Трактате о мнении» (1735) писал Жильбер Шарль Лежандр, маркиз де Сент-Обен. Однако «Методическая энциклопедия» Панкука, издававшаяся с 1782 г., шла уже по совершено иному пути: из томов, посвященных философии и логике, «мнение» переместилось в тома, освещавшие вопросы финансов и правопорядка, попутно обретя семантически значимый эпитет. Утратив прежнюю субъективность и неопределенность «мнения», «общественное мнение» под пером журналиста Жака Пёше превратилось в категорию объективную и рациональную.

Не менее убедительно эволюцию термина отражают тексты, выходившие из-под пера философов Просвещения. В 1750-е годы «общественное мнение» еще понималось ими как коллективное выражение моральных и социальных ценностей, и даже Руссо, который часто использовал это словосочетание, наполнял его более социальным, нежели политическим содержанием: «Ни разум, ни добродетель, ни законы не победят общественного мнения, покуда мы не освоим искусство изменять его», – утверждал он в «Письме к Даламберу о театральных зрелищах» (1758). В середине столетия Мирабо, Гельвеций, Даламбер, Мабли, Гольбах и многие другие считали общественное мнение коллективным суждением в сфере морали или вкуса. Однако к 1770-м годам это понятие приобрело отчетливо политическое звучание, более соответствовавшее просветительскому духу. В 1767 г., добавляя в очередное издание своих «Размышлений о нравах» новый параграф о роли писателей, историк и литератор Шарль Пино Дюкло утверждал: «Из всех властей, власть думающих людей – самая могучая, хоть и невидимая. Сильные мира сего управляют, а думающие люди правят: ведь в конечном

счете именно они формируют общественное мнение, которое рано или поздно укротит или уничтожит деспотизм». Ему вторил аббат Рейналь в «Истории обеих Индий» (1770): «Общественное мнение – непременная составляющая образа правления любой думающей и рассуждающей нации; никогда не следует идти против него, не вооружившись вескими причинами; никогда не следует противоречить ему, не разубедив его». Луи Себастьян Мерсье в четвертом томе «Картин Парижа» (1782) подчеркивал революционное значение произошедших перемен: «Всего тридцать лет назад в наших умах свершилась великая и важная революция: сегодня в Европе общественное мнение обладает такой силой, перед которой ничто не устоит».

Отмеченное просветителями и зафиксированное «Методической энциклопедией» Панкука изменение коннотации термина свидетельствовало о том, что в последние десятилетия Старого порядка общественное мнение стало мощным фактором политической жизни. Эту трансформацию, в результате которой в европейском обществе возник новый своеобразный источник власти, – «высший трибунал разума», обладавший правом выносить суждения по любым значимым вопросам и вынуждавший считаться со своими «приговорами» и абсолютную монархию, и ее критиков, – американский историк К. Бейкер удачно назвал «политическим изобретением общественного мнения».

У этой «незаметной революции» имелись свои социокультурные предпосылки: существенное расширение публичного пространства, усложнение и диверсификация способов коммуникации, развитие инструментов мобилизации общества, игнорировавших прежнюю социальную иерархию и ускользавших от действенного контроля государственной власти. Расцвет прессы и публицистики, растущая доступность печатного слова (которую исследователи называют «читательским бумом»), его способность во многих случаях обходить цензурные рогатки – все это подготовило благодатную почву для становления общественного мнения, а разнообразные формы социальных связей и общения – переписка, светские салоны, масонские ложи, читательские клубы, кафе, академии, научные сообщества и прочее – послужили превосходными площадками для его консолидации. Они действовали подобно сообщающимся сосудам: по словам Р. Дарнтона, общественное мнение в конце Старого порядка формировалось, перетекая из устной формы в письменную, из письменной – в печатную, возвращаясь из печатной в устную и так далее.

Становление общественного мнения как новой политической силы происходило на фоне глубоких трансформаций европейской политической культуры. С большей или меньшей интенсивностью этот процесс ощущался в разных странах, однако его эпицентром, безусловно, стала Франция. Этому способствовали своеобразие ее социального пространства и наблюдавшееся с середины столетия неуклонное нарастание протестных настроений – свидетельство углубляющегося кризиса Старого порядка. Первым толчком к формированию общественного мнения как нового фактора политической жизни многие исследователи считают развернувшиеся во Франции в начале 50-х годов XVIII в. ожесточенные споры вокруг так называемых «свидетельств об исповеди». Неспособность монархии снять напряжение между

ортодоксальным католицизмом и янсенизмом привела к тому, что сугубо религиозный конфликт получил неожиданный по своим масштабам политический резонанс*. В середине 1750-х годов свою лепту в формирование общественного мнения внесли парламенты: эти судебные органы принялись наносить систематические удары по авторитету королевской власти своими «ремонстрациями» (протестами), которые распространялись в виде брошюр и «летучих листков», вызывая живейший отклик у широкой публики. В 1760-е годы администрация Людовика XV не сумела удержать в стенах государственных институтов острые дискуссии о либерализации хлебной торговли и налоговой реформе. Их общественное и политическое звучание оказалось столь громким, что в 1764 г. король даже издал особую декларацию, осуждавшую тех, «кто позволяет себе предавать гласности свои бездарные мемуары и прожекты». Ответом на нее стал вдохновленный Дюпоном де Немуром протест парламента Дижона, в котором подчеркивалась польза свободного обмена мнениями по вопросам, имеющим общественное значение. Важными этапами консолидации общественного мнения явились возглавленные Вольтером кампании за отмену смертных приговоров Жану Каласу (1764) и шевалье де Ла Барру (1766), а также глубокий политический кризис 1770–1774 гг., вызванный разгоном парламентов канцлером Никола Рене де Мопу и спровоцировавший яростную памфлетную войну. Показательно, что уже упоминавшийся в гл. «Чтение» К.Г. Ламуаньон де Мальзерб, в ту пору – один из рупоров парламентской оппозиции, после отмены реформы Мопу провозгласил: отныне все должны подчиняться трем властям – власти законов, власти монарха и власти общественного мнения. Таким образом, за короткий срок в сферу общественного мнения во Франции были вовлечены практически все стороны жизни – религия, политика, экономика, законодательство и судопроизводство.

Общественное мнение являлось инструментом воздействия просвещенных элит на власть, а нередко служило и полем открытой борьбы. Как подчеркивает итальянский историк Э. Тортароло, подъем этой «альтернативной власти» подрывал притязания абсолютизма на право считаться единственным носителем политического дискурса. В то же время общественное мнение порой служило полем диалога власти с просвещенными элитами. Французская монархия была вынуждена принимать новые правила игры. Преамбулы королевских эдиктов становились все пространнее: пытаясь отражать сыпавшиеся на нее удары критики, атакованная власть объясняла и оправдывала перед подданными свои шаги. Не случайно министры Людовика XVI сочиняли в свою защиту анонимные памфлеты и брошюры: только так можно было заручиться широкой поддержкой. Ярким примером диалога власти с

* Французский епископат занял непримиримую позицию по отношению к янсенистам и потребовал, чтобы приходские священники отказывали в последнем причастии лицам, заподозренным в янсенизме. На церковное погребение мог рассчитывать лишь тот, кто располагал свидетельством об исповеди (billet de confession), заверенным кюре из числа сторонников буллы Unigenitus (см. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения»). В 1753–1754 гг. в защиту людей, не имевших такого свидетельства и умиравших без причастия, выступили французские парламенты – высшие судебные палаты. Королевская власть поддержала епископат, обвинив магистратов в эгоистическом отстаивании своих узкокорпоративных интересов. В результате религиозный конфликт вышел на политический уровень, способствуя дальнейшему расколу французского общества.

общественным мнением стали «Отчет королю» (1781) и трактат «Об управлении финансами во Франции» (1784) Жака Неккера. Предавая гласности ранее закрытые сведения о состоянии государственных финансов, Неккер рассчитывал на укрепление собственного престижа, на повышение доверия государственных кредиторов в преддверии будущих займов и даже на устрашение противников Франции картиной ее экономического процветания. При этом человек, занимавший наивысшие посты в королевской администрации, провозглашал общественное мнение универсальным и объективным трибуналом разума. Даже если оно не располагает никакими институциональными рычагами, писал Неккер, оно сильнее любого инструмента политического принуждения, которым располагает государство.

В английской конституционной монархии развитие общественного мнения шло по иному пути. Протестные тенденции там были не так сильны, как во Франции, к тому же установившийся после Славной революции баланс сил позволял парламенту успешно играть роль посредника между властью и обществом. Парламент одновременно мог выступать и как стержень политического консенсуса, и как рупор умеренно оппозиционных настроений, поэтому во внепарламентской среде общественное мнение Великобритании выливалось в оппозицию довольно радикального толка. Успешно соперничать с парламентом она не могла, но в решении некоторых внутренних социальных конфликтов ей удавалось играть существенную роль. Важным этапом развития английского общественного мнения стали дебаты о Французской революции, в которых приняли активное участие такие яркие мыслители, как Эдмунд Бёрк и Мэри Уолстонкрафт, Кэтрин Маколей и Джеймс Макинтош, Уильям Годвин, Томас Пейн и Джозеф Пристли. Дискуссия в прессе и публицистике, развернутая ими в 1790-х годах, оказала огромное влияние не только на формирование политического сознания широких слоев английского общества, но и на их политическую поляризацию в XIX в.

В германском мире, в силу его политического, социально-экономического и культурного разнообразия, общественное мнение не имело такого идейного центра, каким являлся Париж для Франции или Лондон для Великобритании. Кроме того, его консолидация затруднялась тем, что властям нередко удавалось манипулировать газетной журналистикой. Так, Фридрих II умело воздействовал на общественное мнение, публикуя в газетах собственные статьи, освещавшие внешнюю политику и военные успехи Пруссии (часть из них публиковались анонимно под заголовком «Мнение очевидца»), и инспирируя множество других материалов. Жесткая цензура привела к тому, что широкое обсуждение острых вопросов современности, побуждавшее образованную элиту занимать политически активную позицию, переместилось из газет в такие журналы, как венский еженедельник Й. Зонненфельса «Der Mann ohne Vorurteil», веймарский «Deutscher Merkur» К.М. Виланда, гёттингенский «Staatsanzeigen» А.Л. Шлёцера или знаменитое издание И.Э. Бистера и Ф. Гедике «Berlinische Monatsschrift». Эти издания, а также дискуссионные кружки, подобные берлинскому «Обществу друзей Просвещения», созданному в 1783 г., стали важной опорой для формирования общественного мнения в германских землях. В центре его внимания были лозунги политической, экономической и религиозной свободы, реформа судебной системы и борьба со злоупотреблениями властей.

В общественном мнении Италии заряд политического протеста был менее ощутим, а в ряде итальянских земель и в Португалии времен Помбала консолидация общественного мнения прямо стимулировалась реформаторскими усилиями властей. В 1783 г. в «Науке о законодательстве» Гаэтано Филанджиери даже утверждал, что направить общественное мнение в правильное русло могут лишь сотрудничество государей с философами, свобода печатного слова и широкая система народного образования. Однако в целом процесс формирования общественного мнения на Апеннинах и на Пиренейском полуострове протекал медленнее, чем во Франции, Англии или в германских государствах. С одной стороны, сказывалась некоторая ограниченность публичного пространства и меньшая развитость инструментов общественной коммуникации. С другой – это объяснялось монопольным положением католической церкви.

До середины прошлого века историография рассматривала общественное мнение как устойчивый компонент любых развитых обществ и не отмечала особой роли этого феномена в культуре Просвещения. Первыми к осмыслению специфических процессов XVIII столетия, приведших к складыванию публичного пространства, подошли немецкие ученые Р. Козеллек и Ю. Хабермас. Козеллек, будучи историком, задумался над тем, как политическая структура абсолютизма вытесняла критику власти из сферы официального дискурса в пространство «литературной республики», светского салона и масонской ложи. Философ Хабермас выявил фундаментальное значение «трибунала общественного мнения» как специфической категории политической культуры середины XVIII в. и предположил, что общественное мнение позволяло снимать напряженность, накапливающуюся в отношениях между государством и гражданским обществом. Хабермас видел в нем инструмент, с помощью которого буржуазия пыталась ограничивать и трансформировать абсолютную власть. Свой вклад в разработку темы внесли историки Французской революции Ф. Фюре и М. Озуф. Они подчеркивали абсолютный характер «воображаемой власти» общественного мнения, видя в ней зеркальное отражение абсолютной власти монарха. Американский исследователь К. Бейкер наделяет общественное мнение исторической функцией, считая его порогом между абсолютной властью и революционной волей. По его мнению, во французском политическом дискурсе общественное мнение возникает лишь на время, его гегемония длится не более четверти века, но осмысление этого феномена помогает понять переход от Старого порядка к революции. Бейкер также предостерегает от узкосоциологического подхода к общественному мнению эпохи Просвещения, ограничению его поля совокупностью отдельных групп или классов: социальное наполнение этого феномена определяется плохо, и вся конструкция лежит не столько в сфере социологии, сколько в сфере политики и идеологии. Оригинальный подход к проблеме предлагает французский историк философии Б. Бинош: он увязывает феномен общественного мнения с установившимися в европейском обществе XVIII в. императивами толерантности. С его точки зрения, частные мнения смогли консолидироваться в общественное в значительной степени благодаря тому, что вопросы религии и веры вытеснялись Просвещением из общественной сферы в частную.

«ПАРТИЯ ФИЛОСОФОВ»

Распространенное представление о существовании «партии философов» – сплоченной группы единомышленников, объединявшей на общей идейной платформе всех или хотя бы часть мыслителей Просвещения – в значительной степени является мифом. В их среде наблюдалось такое разнообразие политических, экономических, эстетических и религиозных взглядов, которое не могло служить почвой для единения. В разных частях Европы и в Северной Америке Просвещение имело разные временные рамки и окрашивалось в национальные тона. Дистанция, отделявшая Дидро от Смита, а Гольбаха от Гиббона была не меньшей, чем та, которая лежала между французскими материалистами и такими итальянскими мыслителями, как Джанноне и Вико, или же такими немецкими философами, как Лессинг и Кант. Общее национальное пространство также не исключало серьезных расхождений, что подтверждают глубокие межличностные конфликты «столпов» классического французского Просвещения – Вольтера, Руссо и Дидро.

Марксистская историография рассматривала Просвещение в целом как идеологическую подготовку Французской революции, не обращая особого внимания на идейное многообразие, царившее среди философов, и различая их взгляды главным образом по степени радикальности. К «идеологам буржуазии» причисляли и приверженного своим феодальным корням Монтескье, и исповедовавшего «разумное христианство» Джанноне, и протестантского теолога Гердера, и др. Основанием единства признавались вера в рациональное устройство социума, в ценность гуманистического светского разума, в идеалы веротерпимости, гражданской и политической свободы. Все, что не вписывалось в данную конструкцию, попадало в антипросвещение. Но концепция идейной общности Просвещения давно дала трещину. Ф. Вентури вскрыл социальную неоднородность среды философов, а Р. Мортье доказал, что в Просвещении не было ни догм, ни кредо, что его идеалы были гибкими, а порой противоречивыми. В том, что прежде казалось однородным феноменом, выявились свои «периферийные зоны», свои «теневые стороны». Встал вопрос об исторической ответственности философии XVIII в. за нравственный кризис современного мира. Все это размывало прежнюю картину и, казалось, ставило под сомнение саму категорию «Просвещение» (см. гл. «Что такое Просвещение?»). Тем не менее новый путь оказался плодотворным. Двигаясь по нему, историки констатировали, что феномен Просвещения обретает целостность, если рассматривается не в социально-политической и не в идеологической, а в культурной плоскости, если он предстает перед нами не как совокупность великих доктрин, а как подвижная интеллектуальная среда. Этот подход позволил, в частности, по-новому взглянуть на сообщество мыслителей XVIII столетия, и историография последних десятилетий пополнилась целым рядом исследований, в центре внимания которых оказалась фигура «философа».

Важно напомнить: в XVIII – начале XIX в. слово «философ» имело широкое толкование и могло применяться к любому человеку, осмелившемуся взяться за перо, поразмышлять над книгой или просто проникнуться мыслью, будто

он живет в ногу со временем. «Философами» был и порожденный воображением Монтескье перс Узбек, и героиня порнографического романа «Тереза-философ», и персонаж романа Гольбаха «Вояка-философ». Даже Евгений Онегин был «философом в осьмнадцать лет».

Но помимо этого предельно расширительного толкования, XVIII столетие наполнило понятие «философ» особой семантической значимостью. Это громкое и боевое (по выражению итальянского исследователя Дж. Рикуперати) слово стало самоназванием для тех, кого мы считаем властителями дум эпохи Просвещения, и удобной мишенью для их оппонентов, т.е. способом опознавания «свой–чужой». Не важно, что сам Монтескье считал себя «политическим писателем» и никогда не назывался философом, достаточно того, что так его воспринимали современники и потомки. Не важно, что обращение к Даламберу («Мой великий философ») и улыбка по адресу графини д'Аржанталь («Мой полуфилософ») исполнены смысловых нюансов, – важно, что в обращениях к большинству своих корреспондентов Вольтер использовал именно этот «пароль».

Коронованные особы тоже включались в этот круг. «Философами на троне» современники называли тех монархов, которые проводили реформы, воспринимавшиеся как претворение в жизнь идеалов Просвещения: Екатерину II, Фридриха II, Иосифа II, Густава III. В одном из писем 1763 г. Вольтер утверждал: «Философ не позволит ослепить себя блестящими действиями, приводящими в восторг толпу. Он оценивает все поведение монарха в целом, и лишь дав такую оценку, ставит монарха в ряд великих людей или отказывает в этом. Если бы Петр Великий был только военачальником и завоевателем, основателем города и даже создателем флота, он вряд ли заслужил бы похвалы, которыми его осыпают. Но как законодатель, как законодатель-философ, он выше всяких похвал».

Философ XVIII столетия вобрал в себя несколько значимых архетипов. В нем сочетались черты античного мудреца, размышлявшего о природе человека, общества и государства, черты мыслителя-интеллектуала эпохи Возрождения, тяготевшего к культурному универсализму, а также черты вольнодумца XVII столетия, критически взиравшего на окружающий мир. На эту совокупность традиционных черт накладывались новые, отражавшие веяния времени.

Во-первых, новой чертой стало гораздо более интенсивное, по сравнению с прежним, использование печатного слова – художественного, публицистического и журналистского. Это побуждало философов не только выступать в качестве генераторов идей и авторов текстов, но также активно включаться в издательскую деятельность, в процесс распространения печатной продукции. Философы внимательно следили за производством и циркуляцией своих сочинений, поддерживали тесные связи с издателями, прославившимися в деле распространения «философских книг» – Марком Мишелем Реем, Никола Дюшеном, Фортунато Бартоломео де Феличе и др. Порой они брали на себя издательскую инициативу, и здесь наиболее ярким примером, безусловно, следует признать издание «Энциклопедии» (см. гл. «Систематизация знаний. "Энциклопедия" Дидро и Даламбера»).

Во-вторых, философы XVIII в. стремились донести свои идеи до широкого читателя, не ограничиваясь кругом избранных. Гольбах обращался

с атеистической проповедью «Здравого смысла» (1774) к простому народу, Альгаротти писал «Ньютонизм для дам» (1737), Монтескье, Ричардсон, Руссо и Гёте облекали свои размышления в форму эпистолярного романа, маркиз де Сад завлекал философию в будуар… Желание охватить как можно более широкую аудиторию побуждало авторов разнообразить формы, в которые облекалось их слово, делать тексты более доступными. Серьезный философский трактат потеснился, уступив место занимательному философскому роману, повести, сказке, памфлету, словарной или газетной статье.

Наконец, философам XVIII в. было свойственно обостренное внимание к проблемам текущего момента. Они живо откликались на все общественно-значимые события в своих странах и за их пределами, а зачастую сами придавали им общественную значимость, формируя и направляя общественное мнение. Здесь можно вспомнить и роль Вольтера в громких судебных процессах, и выступления Н.И. Новикова, обличавшего бедственное положение крепостного крестьянства в России, и литературное завещание Л.А. Муратори, призывавшее итальянских монархов встать на путь реформ, и многое другое.

Особенно стремительно утверждение традиционного понятия в его новом просветительском статусе происходило во Франции, где культурная среда XVIII столетия была исключительно питательной. По выражению историка П. Азара, философия во Франции «стала общественным делом». Важную роль в этом сыграла статья «Философ», напечатанная в XII томе «Энциклопедии» (1765). Ее авторство приписывается иногда Дидро или Ламетри, но чаще – Сезару Шено Дюмарсе. Статья провозглашала, что «разум для философа есть то, чем является милосердие для христианина», и требовала от философа честности, нравственности и активной жизненной позиции. Этот текст – важно подчеркнуть, что впервые он был опубликован еще в 1743 г. и к тому же опирался на еще более раннюю «Речь о свободомыслии» (1713) английского деиста Энтони Коллинза, – стал для просветителей столь важным манифестом, что Вольтер позднее счел необходимым переиздать его переработанный вариант (1773).

Вольтер внес и личный вклад в формирование обобщенного образа философа Просвещения. На протяжении всей жизни «фернейский патриарх» культивировал особый стиль философского бытия, в котором требовавший сосредоточенного уединения напряженный литературный труд сочетался со стремлением поддерживать широчайшие интеллектуальные контакты, а непримиримость в отстаивании своих принципов не исключала готовности к определенным компромиссам.

Идейные противники просветителей встретили новую «философию» в штыки, но их ожесточенное сопротивление парадоксальным образом способствовало дальнейшей прорисовке ее облика. Французское Просвещение долгое время изучалось исключительно сквозь призму великих мыслителей – Вольтера, Руссо, Дидро и др. В зависимости от идеологических установок одни историки видели в них провозвестников нового строя, другие – вольнодумцев, подтолкнувших Францию и остальную Европу к катастрофе. Однако и те и другие были настолько заворожены масштабом «титанов Про-

свещения», что упускали из виду их оппонентов, действовавших на исторической сцене XVIII столетия. В последние десятилетия исследовательские подходы расширились, и сегодня изучение культуры XVIII в. уже невозможно без учета всех ее составляющих, в том числе и «встречных течений», связанных с философией Просвещения единым кровообращением, а потому неотделимых от нее.

Как и сами философы, их противники не образовывали некоего единого «лагеря». Некоторые исследователи, в частности Д. Массо, предлагают различать в нем три направления, каждое из которых имело свою специфику – «антипросветительство», апологетику и «антифилософию». Разумеется, подобное деление в высшей степени условно. Термин «антипросветительство» – пожалуй, наиболее расплывчатый и спорный из трех – в данном случае охватывает очень широкий спектр идейных течений, объединенных общей оппозиционностью к идее прогресса знаний.

Апологетика имеет более четкие контуры и подразумевает защиту христианства от просветительской критики, а также борьбу с распространением деизма и атеизма. Католическая и протестантская апологетика апеллировала к «доктрине» и пыталась наставить на путь истины тех, кого философы поколебали в вере. Апологетом, в частности, можно назвать аббата Габриэля Гошá, автора девятнадцатитомного сочинения «Критические письма, или Анализ и опровержение различных современных сочинений, направленных против религии» (1755–1763), или Абрахама Шомекса, собравшего в восьми томах «Законные предубеждения против “Энциклопедии”, опровержение этого словаря и критический анализ книги “Об уме”» (1758). В русле апологетики можно рассматривать также журналистику иезуитских «Записок Треву» и янсенистских «Церковных новостей».

Что же касается «антифилософов», их критика, адресованная просветителям, часто касалась доктринальных вопросов, но лежала преимущественно в литературной плоскости. В сущности самой главной претензией «антифилософов» к «философам» был «незаконный» захват культурной и литературной сцены. Это была реакция на рост влияния просветителей в середине столетия, на поток новых «философских» сочинений, захлестнувших французское общество, на попытку установить своего рода интеллектуальный диктат. Стремление философов навязывать публике свое мнение, их готовность осыпать друг друга похвалами, их нетерпимость к критике раздражали современников. Шарль Палиссо, знаменитый своими нападками на энциклопедистов, в «Маленьких письмах о больших философах» (1757) высмеивал «Похвальное слово Монтескье», опубликованное Даламбером в V томе «Энциклопедии». Даже Рейналь, тесно связанный с «партией философов», признавал: «Авторов “Энциклопедии” и “Естественной истории” превозносят до небес. Лучше них никого нет. Это они научили нас думать и писать, они вернули нам вкус к философии и сохраняют его. Только все время задаешься вопросом: а что такого они сделали? Эти господа, безусловно, заслуживают уважения своими знаниями, умом и нравами, но они ослабляют философию надменным, не терпящим возражений тоном, стремлением присвоить себе права литературных деспотов, бесконечным курением фимиама друг другу. Если они предоставят публике свободу и займутся творчеством, им не придется собственными руками возлагать на свои головы лавровые венки».

Среди «антифилософов» не было единства, хотя и между ними порой возникали тактические альянсы (самым действенным оказался альянс Палиссо и Фрерона). Они иногда теряли «бойцов», а иногда, напротив, получали подкрепление с неожиданной стороны. К примеру, с резкой критикой Руссо и Вольтера в свое время выступали аббат Клод Ивон (один из сотрудников «Энциклопедии») и Иоганн Генрих Самуэль Формей (секретарь Берлинской Академии, также сотрудничавший в «Энциклопедии»). Активно действовали на этом поле и апологеты – аббат Дюбо, аббат Шодон, аббат Польян. Очень чувствительный удар по сообществу просветителей нанесла комедия Палиссо «Философы» (1760), поставленная на сцене «Комеди Франсез» и имевшая невероятный успех у публики. Она была направлена персонально против Гримма, Гельвеция, Дидро и особенно против Руссо (изображавший его персонаж ходил по сцене на четвереньках) и потребовала особой мобилизации сил. Ответом на «Философов» Палиссо стала «Шотландка» Вольтера (1760), в которой под именем доносчика Фрелона был выведен журналист Эли Катрин Фрерон, редактор «Литературного года», один из самых ярых «антифилософов». Стрелы Фрерона разили Мармонтеля, Руссо, Кондильяка, Даламбера, Дидро, Гельвеция, Вольтера и др. Немалый урон их репутации нанесла история «какуаков», изложенная в «антифилософских» памфлетах Ж.Н. Моро и Ж. Жири де Сен-Сира (1757) и разрекламированная на страницах журнала Фрерона. Обидное прозвище представляло собой фонетическую игру греческого слова «kakos» (злой) с кваканьем лягушек. Философы-какуаки изображались этими авторами племенем людей с ядом под языком – людей не признающих власти, проповедующих относительность всего сущего и без конца твердящих слово «истина». В качестве действенного способа борьбы с какуаками предлагалось их освистание. «Укусы» Фрерона были так болезненны, что Вольтер заклеймил «ядовитого» журналиста знаменитой эпиграммой: «Однажды на тропе лесной / Фрерон ужален был змеей. / От очевидцев слышал я, / Что испустила дух змея».

В глазах Вольтера Фрерон являлся воплощением «антифилософии». Он не только критиковал идеи просветителей – он старался погубить все их дело. При этом он не был узколобым фанатиком: человек здравого смысла, он воплощал в себе «просвещенный традиционализм», к тому же подкрепленный бесспорным талантом. По мнению французского исследователя Ж. Балку, именно Фрерон, благодаря своей активности на поприще журналистики и исключительной популярности у читателя, добился того, что не удалось философам – узаконил во Франции «власть прессы». Вольтеру трудно было примириться с тем, что этот страстный и ироничный полемист, похожий на него как брат-близнец, стоял не на его стороне.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ. «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» ДИДРО И ДАЛАМБЕРА

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

До начала XVII в. в мире европейских словарей царили тезаурусы древних языков, а также двуязычные и многоязычные словари-переводчики. По словам Пьера Бейля, они устанавливали «связь одного слова с другим», но редко давали место «определению вещей, названных тем или иным словом». Первый моноязычный словарь живого языка «Сокровища кастильского или испанского языка» испанского лексикографа Себастьяна де Коваррубиаса вышел в 1611 г. Годом позже флорентийские ученые выпустили итальянский толковый «Словарь академиков делла Круска». Несмотря на то что языком мадьярской учености оставалась латынь, Янош Апацаи-Чере в 1653 г. издал «Венгерскую энциклопедию». Франция некоторое время отставала, зато в конце XVII столетия там появились сразу три фундаментальных труда: «Французский словарь» Сезара Ришле (1680), «Универсальный словарь» Антуана Фюретьера (1690) и «Словарь Французской Академии» (1694). Моноязычные лексиконы, вызвавшие огромный интерес у читающей публики (о чем свидетельствовали многочисленные легальные и контрафактные переиздания), заставили современников по-новому взглянуть на словарный жанр и осознать, что слова и обозначаемые ими понятия, явления и предметы нуждаются не только в переводе на другие языки, но и в дефиниции.

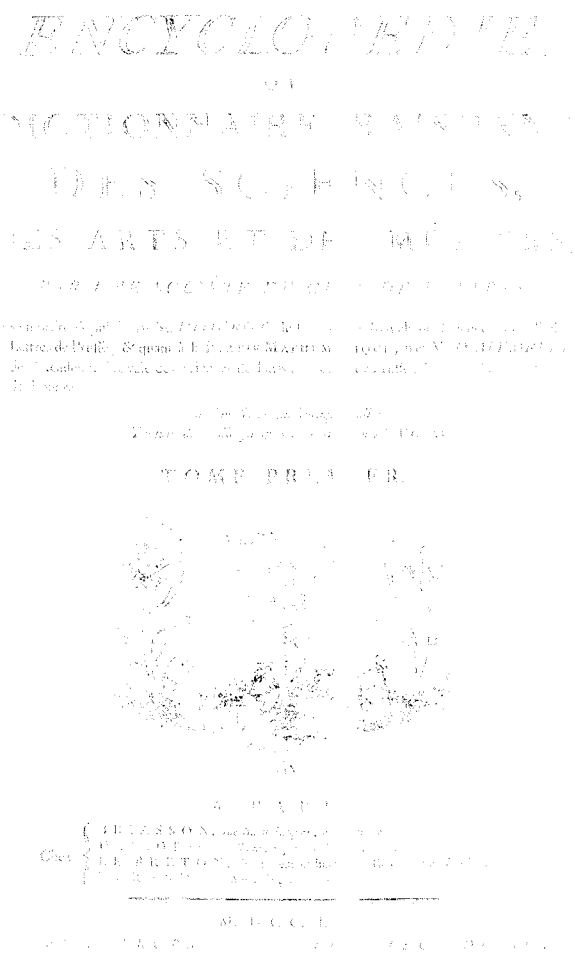
Вопрос о лексическом наполнении этих изданий на некоторое время стал предметом споров. Ученые Французской Академии пошли по пути разграничения лексики «живого языка» и специальной терминологии, ориентируя свой труд на нормативный «обиходный язык», а также на «язык поэтов и ораторов». Фюретьер же, напротив, решился придать своему словарю универсальный характер, включив в него не только обиходную лексику, но и терминологию из сфер науки, техники, ремесла и искусства. И хотя за подобное диссидентство он был исключен из Академии, «бессмертным» пришлось считаться с тенденцией к универсализму и заполнять лакуну дополнительными специализированными словарями: по заказу академиков Тома Корнель, младший брат знаменитого драматурга, подготовил «Словарь терминов искусств и наук» (1694) и «Универсальный географический и исторический словарь» (1708). В дальнейшем сохранялось разделение функций между этимологическими «словарями слов» и толковыми «словарями вещей», однако граница между этими двумя типами изданий всегда оставалась проницаемой.

Разумеется, острые споры велись и вокруг дефиниций. Голландское переиздание «Фюретьера» (1701), в котором издатели позволили себе немного смягчить жесткие суждения автора о религиозных общинах, отрицавших верховенство папства, было сочтено откровенно «протестантским». «Католическим ответом» на этот «вызов гугенотов» стал «Словарь Треву» (1704) – плод усилий анонимных лексикографов из ордена иезуитов. Принципиальное несогласие со многими оценками автора «Большого исторического словаря» (1674) Луи Морери подтолкнуло эмигранта Пьера Бейля к написанию знаменитого «Исторического и критического словаря» (1697). На страницах многочисленных переизданий «Морери», выходивших после смерти автора, печатались статьи французских, швейцарских и голландских ученых, чьи взгляды по тем или иным вопросам зачастую диаметрально расходились.

С началом XVIII в. специализированные и универсальные толковые словари стали появляться повсеместно, словно соперничая друг с другом. В ответ на «Технический лексикон» (1704) англичанина Джона Харриса немец Якоб Лойпольд выпустил энциклопедию техники «Theatrum machinarum» (1724). Едва в Голландии Давид Ван Хугстратен приступил к изданию десятитомного «Большого универсального исторического, географического и критического словаря» (1725–1733), в Англии в свет вышла двухтомная монументальная «Циклопедия» (1728) Эфраима Чеймберза, а в Германии Иоганн Генрих Цедлер начал готовить публикацию «Большого полного всеобщего лексикона» (1731–1754), который вылился в конечном счете в 68 томов in-folio. В Италии ответом на «Универсальную библиотеку, трактующую священные и мирские материи античности и современности» (1701–1709) Винченцо Коронелли стал «Новый ученый и занимательный словарь, трактующий священные и мирские материи» (1746–1751), изданный Джанфранческо Пивати, а Антонио Валлисниери подготовил «Алфавитный очерк медицинской и естественной истории» (1733). Лишь в Испании попытки создать национальную энциклопедию, предпринятые в 30-е годы маркизом де Санта-Круз де Марсенадо, а позже – валенсийскими просветителями А. Бордазаром и Г. Майянсом, оказались менее успешными и закончились неудачей.

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ

Даже такой беглый и, разумеется, неполный обзор позволяет увидеть, с какой силой заявила о себе в XVIII столетии та тенденция к систематизации и классификации знания, венцом которой стала знаменитая «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» Дидро и Даламбера. Ее история началась в 1743 г., когда парижский издатель Андре Ле Бретон задумал опубликовать по-французски «Циклопедию» Чеймберза. Первые годы предприятие буксовало, но в 1747 г. Ле Бретон и его компаньоны Антуан Клод Бриассон, Лоран Дюран и Мишель Антуан Давид доверили дело Дени Дидро и Жану Лерону Даламберу. Новые редакторы придали проекту самостоятельный характер и тот размах, который сделал «Энциклопедию» манифестом Просвещения и самым прославленным сводом знаний западного



Титульный лист первого тома «Энциклопедии». 1751 г.

мира. Ее издание стало коммерческим предприятием нового капиталистического типа, и американский историк Р. Дарнтон даже назвал этот масштабный и дорогостоящий проект, потребовавший решения множества долгосрочных финансовых и организационных проблем, «бизнесом Просвещения».

Серьезными были и цензурные проблемы. В 1752 г. печатание «Энциклопедии» приостановили протесты парижского архиепископа Кристофа де Бомона, возмущенного трактовкой чудес Христа в статье аббата Прада «Определенность». В 1758 г. поводом для приостановки стала публикация атеистического трактата Гельвеция «Об уме». Обвинения в распространении опасных идей заставили Даламбера отказаться от дальнейшего редактирования, и Дидро продолжил эту работу в одиночку, хотя над ним тоже ходили тучи. Екатерина II предлагала ему перенести издание в Россию, под ее защиту, однако он сумел преодолеть трудности, не покидая Парижа, и в 1772 г. первое

издание было успешно завершено. Задуманная как десятитомник, «Энциклопедия» вылилась в 17 томов текстов и 11 томов иллюстраций. Позже вышли еще пять томов приложений и два тома указателей. Дидро не принимал участия в работе над ними, но они вошли в полный комплект первого издания «Энциклопедии». Более 4 тыс. экземпляров многотомника in-folio разошлись мгновенно, хотя его цена была, разумеется, высока. До 1789 г. вышло еще пять переизданий. Их формат уменьшался, количество иллюстраций сокращалось, зато снижалась и стоимость. Комплекты становились доступнее, поэтому общее число подписчиков «Энциклопедии» смогло достичь 25 тыс. человек. Половина из них проживала за пределами Франции.

Создание масштабного свода знаний, включавшего 71 818 статей, потребовало мобилизации лучших умов. К работе над «Энциклопедией» были привлечены 139 авторов. Сам Дидро написал около 6 тыс. статей, Даламбер – более полутора тысяч. Фантастический вклад внес шевалье Луи де Жокур – 17 395 статей – более четверти общего объема. С «Энциклопедией» сотрудничали такие «титаны Просвещения», как Руссо, Вольтер, Монтескье и Гольбах. Статьи по специальным разделам писали скульптор Фальконе, архитектор Блондель, грамматик Бозе, естествоиспытатель Добантон. В когорту энциклопедистов входили Тюрго, Кенэ, Морелле, Мармонтель, Ла Кондамин, Гримм... Разумеется, уровень статей был различным, но в большинстве случаев они были весьма основательными и отражали современное состояние знания.

НОВОЕ «ДРЕВО ЗНАНИЙ»

Отразившееся в позаимствованном у Чеймберза названии стремление очертить круг всех человеческих знаний произрастало на подготовленной почве и восходило к накопленным ранее традициям энциклопедизма. Однако помещенная в конце «Предварительного рассуждения» Даламбера «воображаемая система знаний», схематически представленная в виде разветвленного древа, смело нарушала прежние каноны, являя собой нечто совершенно новое. Р. Дарнтон подчеркивает: вместо того чтобы тасовать научные дисциплины в рамках устоявшейся парадигмы, эта система «замахнулась на отделение познаваемого от непознаваемого, исключив из мира учености большую часть того, что считалось священным». «Энциклопедия» решительно отказалась признать теологию «царицей наук» и (несмотря на некоторое количество осторожных статей, посвященных теологическим сюжетам) высвободила совокупность человеческого знания из плена христианских догматов.

У «древа знаний», взращенного Дидро и Даламбером, имелось немало прототипов. Попытки распутать пестрый клубок человеческого знания, выявить в нем систему и установить определенный порядок предпринимали и Томас Гоббс, и Джон Локк, и Френсис Бэкон, и другие мыслители недавнего прошлого. Ближайшей по времени была схема, предложенная Чеймберзом, который представлял знание в виде двух больших стволов – естественнонаучного и «искусственно-технического, состоящего в дальнейшем применении и развитии естественнонаучных понятий». Последний разветвлялся на внешнее и внутреннее знание (логику). Внешнее, в свою очередь,

делилось на реальное и символическое. К реальным знаниям относились: знание «новейших способностей и свойств тел» (химия); знание их «количественных характеристик» (Чембейрз называл это высшей математикой, но включал сюда и оптику, и гидравлику, и механику, и пиротехнику, и астрономию, и географию, и др.); знание строения органических тел (анатомия); знание «отношений тел к сохранению и совершенствованию» (в этот раздел попали медицина, фармакопея, сельское хозяйство, садоводство, но также «коновальство» и «разведение животных»). Что же касается естественнонаучного ствола, то он, согласно схеме «Циклопедии», разветвлялся на чувственное и рациональное знание, причем чувственное знание определялось как «постижение феноменов или внешних объектов» и включало в себя метеорологию, гидрологию, минералогию, фитологию и зоологию, а рациональным знанием Чеймберз называл «постижение изначальных характеристик или состояний чувственных объектов», относя сюда совокупно физику, метафизику, математику и религию.

Именно это последнее обстоятельство делало «древо знаний» Чеймберза совершенно неприемлемым для французских энциклопедистов. Они не могли допустить, чтобы метафизика и теология стояли на одной ступени с физикой и математикой. К тому же система Чеймберза не оставляла никакого места для главной в их понимании сферы знания – философии. Поэтому Дидро и Даламбер предпочли путь, намеченный другим их предшественником – Бэконом.

Увязывая происхождение человеческих знаний, искусств и наук со свойствами сознания, Бэкон в работе «О достоинстве и приумножении наук» (1623) предложил трехчастное деление: память – воображение – разум. Эти же три «ствола знаний» воспроизвели в своей схеме и создатели «Энциклопедии». Как и Бэкон, Дидро и Даламбер выводили из «ствола памяти» историю, из «ствола воображения» поэзию, а из «ствола разума» философию. Подобная верность первоисточнику даже стоила им в свое время упреков в плагиате, однако в деталях две концепции существенно расходились. Во-первых, изменилась иерархия. Центральное и безусловно доминирующее место в «Энциклопедии» заняла философия, берущая свое начало в разуме. Дидро подчеркивал: «Философское древо – самое подробное и самое важное в нашей системе», тогда как у Бэкона «нельзя обнаружить почти ничего». Этот упрек энциклопедистов был не вполне справедлив. У Бэкона философия тоже была разработанным и насыщенным различными рубриками разделом, но полсотни бэконовских «ветвей», конечно же, выглядели скромно на фоне «густых зарослей» «Энциклопедии»: в схеме Дидро и Даламбера философия имела более полутора сотен рубрик. Разумеется, нашлось среди них место «наукам о Боге». Энциклопедисты даже благоразумно поставили их на самый верх – перед науками о человеке и науками о природе, предвидя неизбежные атаки апологетов. Однако сама мысль подчинить религию философии, т.е. разуму, содержала мощный посыл к секуляризации всей этой сферы знания. К тому же «науки о Боге» оказались на «древе» «Энциклопедии» самой неразвитой ветвью, причем «теология откровения» стояла в одном ряду с «учениями о добрых и злых духах», а «религия» – в одном ряду с «предрассудками», «прорицаниями» и «черной магией».

Новым содержанием в «Энциклопедии» наполнялась и концепция истории, хотя она также сохраняла некоторые черты бэконовской схемы. Бэкон выделял две ветви, осененные единым божественным началом – естественную и гражданскую историю. Естественная включала в себя историю обычных явлений (исследующую природу в ее свободном проявлении), историю исключительных явлений (исследующую различные отклонения от естественного состояния) и историю искусств (механическую и экспериментальную историю, исследующую природу покоренную и преобразованную человеком). Гражданскую историю Бэкон делил на «собственно гражданскую» (в нее входили «мемории, адекватная история и древности»), историю наук и искусств, которую, по мнению философа, еще только предстояло создать, и церковную, подразделявшуюся на множество рубрик, в том числе и историю Провидения.

Дидро и Даламбер предпочли выделить священную и церковную историю в самостоятельные ветви, но оставили их совершенно неразвитыми, без каких бы то ни было дополнительных рубрик. Довольно слабой ветвью на их «древе знаний» смотрелась и гражданская история: энциклопедисты наполнили ее бэконовскими «мемориями, древностями и полной историей». Что же касается естественной истории, то она, на первый взгляд, повторяла схему Бэкона, вобрав в себя такие разделы, как единообразие природы, природные отклонения и природопользование. Однако, коротко описав те сферы знания, которые отражали природу в ее единообразии (небесная история, история атмосферных явлений, суши и моря, минералов, растений, животных и стихий) и в ее девиациях (небесные чудеса, необычайные атмосферные явления, чудеса на суше и на море, диковинные минералы, растения и животные, чудеса стихий), редакторы «Энциклопедии» исключительно подробно, в отличие от Бэкона, прорисовали схему знаний, относящихся к природопользованию. Именно эта ветвь естественной истории оказалась у них наиболее разработанной и оригинальной. На ней нашлось место не только обработке практически всех природных материалов (золота, серебра, железа, камня, драгоценных и полудрагоценных камней, стекла, гипса, шифера, кожи, шелка, шерсти и др.), но и трем с половиной десяткам ремесел – от ювелирного дела до выделки кож. Такое исключительное внимание к различным аспектам человеческой деятельности отражало принципиальную позицию энциклопедистов, наблюдавших в окружающем мире не промысел божий, а труд людей, преобразующих природу.

«Древо знаний», созданное воображением Дидро и Даламбера, воплощало в себе эпистемологическую стратегию Просвещения, в результате которой новая «царица наук» – философия – отвоевывала первенство у теологии, а преобразовательная деятельность человека одерживала верх над Провидением. «Древо» имело не только сугубо теоретическое, но и вполне практическое значение: оно являлось основой системы внутренних отсылок, которые позволяли читателю ориентироваться в гигантском массиве информации, разбросанной по страницам «Энциклопедии». Однако реальность всегда сложнее любой схемы. XVIII столетие не успело закончиться, как стало очевидным, что «система знаний», изобретенная отцами «Энциклопедии», далека от совершенства; что стремительное развитие науки и техники и столь же стремительная специализация и профессионализация

всех областей знания и труда не позволяют человеческой деятельности втиснуться в отведенные ей рамки (правда, энциклопедисты сами предвидели это, оставив одну из ветвей своего «древа» свободной для дальнейшего роста, обозначив ее: «обработка и использование проч.»); что расширение пространственного, временного и аналитического горизонта, зафиксированное «Энциклопедией», продолжается, взрывая изнутри представления о линейном единстве знания. Поэтому второе поколение энциклопедистов, рекрутированное Панкуком, было вынуждено отказаться и от «древа знаний», начертанного их предшественниками, и от алфавитного принципа подачи материала, предпочтя ему тематические блоки.

ПОСЛЕ «ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Издательский триумф «Энциклопедии» имел важные последствия как в сфере книжного производства, так и в сфере интеллектуальных усилий просвещенной Европы. Вслед за «Толковым словарем наук, искусств и ремесел» на европейцев пролился поток разнообразных энциклопедий и словарей, активно конкурировавших друг с другом и готовивших почву для следующего столетия, которое Пьер Ларусс по праву назвал «веком словарей». Роль этих изданий расширялась, они стали восприниматься не только как инструмент познания наук и языков, но и как важный инструмент воспитания, формирования общей культуры человека.

Первым эпигоном «парижской» стала 58-томная «Ивердонская энциклопедия» (1770–1780). Эта блестящая адаптация французского энциклопедизма для читателей-протестантов была осуществлена по инициативе швейцарского издателя Фортунато Бартоломео Де Феличе и пользовалась огромным успехом не только в Швейцарии, но и в Голландии, Германии, Скандинавии, России. Вскоре у Де Феличе появился соперник. Парижский издатель Шарль Жозеф Панкук, выкупив права на переиздание «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, сначала предпринял выпуск указателей и дополнительных томов, при подготовке которых, пользуясь несовершенством авторского права, беззастенчиво использовал материалы «Ивердонской энциклопедии», а затем приступил к изданию собственной оригинальной «Методической энциклопедии» (1782–1832), организованной по тематическому принципу. Это масштабное предприятие растянулось на 50 лет, вылилось в 202 тома (после смерти Панкука дело продолжал его зять) и имело широкий международный резонанс.

В 1768 г. в Эдинбурге родилась «Британская энциклопедия» – консервативный ответ радикальному французскому энциклопедизму. В течение XVIII столетия «Британника» выдержала три переиздания и разрослась с трех томов до двадцати, обретя жизнестойкость, позволившую ей благополучно дожить до наших дней. Одновременно в Италии начал выходить пятнадцатитомный «Словарь искусств и ремесел» (1768–1773) Франческо Гризелини. Кроме того, итальянский читатель получил в свое распоряжение сразу два перевода «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, изданные in-folio в Лукке и Ливорно, а в 1783 г., через год после появления первых томов «Методической энциклопедии», падуанский аббат Джованни Кои запустил итальян-

ское издание «монстра Панкука», растянувшееся до 1817 г. В 1788–1794 гг. перевод некоторых томов «Методической энциклопедии» на испанский язык предпринял испанский просветитель А. де Санча.

Энциклопедические черты принимали многие сочинения, не являвшиеся, строго говоря, словарями, к примеру – «Всеобщая география» Иоганна Хюбнера или «История обеих Индий» аббата Рейналя, ставшая своеобразной энциклопедией колониального мира. В России первая национальная универсальная энциклопедия появилась только в конце XIX в., однако многие справочники второй половины XVIII в., такие как «Церковный словарь» Петра Алексеева (1773) или «Словарь Академии Российской», издававшийся по инициативе княгини Е.Р. Дашковой (1789–1794), нередко выходили за рамки этимологии и грамматики и стремились к добротной энциклопедичности.

Историографические поиски взаимосвязей «Энциклопедии» Дидро и Даламбера с иными толковыми словарями и справочными изданиями Европы ведутся давно и плодотворно. С недавних пор исследователи заинтересовались также тем, какие методологические параллели можно провести между европейскими энциклопедиями и подобными компиляциями, издававшимися на Востоке, такими как «Собрание картин, относящихся до неба, земли и человека» (1609) китайцев Ван Ци и Ван Сыи или «Иллюстрированное собрание трех составляющих вселенной» (1713) японца Тэрадзимы Рёана (1713). В то же время был поставлен вопрос о том, какое хождение имели на Востоке справочные издания Европы XVIII в. В частности французский исследователь Ж. Пруст выявил, что одним из важных путей проникновения европейских научных знаний в Японию стали голландские издания, попадавшие туда на кораблях нидерландской Ост-Индской компании. Особым спросом (хотя он, разумеется, имел свои пределы) там пользовались франко-голландские словари, а также медицинские справочники.

В целом отметим, что современное изучение «Энциклопедии» и энциклопедизма XVIII столетия, главной трибуной которого с 1986 г. является издаваемый международным «Обществом Дидро» специализированный журнал «Recherches sur Diderot et sur *l'Encyclopédie*», сочетает в себе широкую междисциплинарность и разнообразие научных подходов и методов. Классические эрудитские исследования энциклопедических текстов сегодня соседствуют с социологическими и гендерными исследованиями той среды, в которой эти тексты рождались. Изучение визуального ряда идет параллельно с изучением материальной библиографии. В последнее десятилетие исследователи поставили и начали разрабатывать парадоксальную проблему взаимосвязи «Энциклопедии» со «всемирной паутиной» Интернета.

НАУКА В ЗЕРКАЛЕ ИДЕЙНЫХ КОЛЛИЗИЙ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

В культуре XVIII столетия Природа становится первичной реальностью. Критика традиционных общественных институтов и религиозных догм, мистических грез и темных суеверий, схоластической лжеучености и традиционных психологических стереотипов велась от лица Природы и внеисторического естественного разума. В предисловии к «Начальному курсу химии» (1789) А.Л. Лавуазье (1743–1794) писал: «Я старался дать химии такое направление, которое, как мне кажется, наиболее согласуется с природным порядком».

В свою очередь, Природа понималась как саморегулирующаяся система, функционирование которой подчинено строгим, математически выражаемым законам или таксономическим схемам, что составляло основу естественной гармонии. К примеру, одним из важнейших научных достижений П.С. Лапласа (1749–1827) стало доказательство устойчивости Солнечной системы (1773). Вопрос этот стоял уже перед И. Ньютоном, который, однако, вынужден был прибегнуть для объяснения постоянства среднего расстояния планет от Солнца к теологическому аргументу: Бог время от времени вносит поправки в движения планет, что и обеспечивает устойчивость мира. Лаплас сумел решить указанную проблему, используя только закон всемирного тяготения Ньютона, математические методы (теорию возмущений) и данные астрономических наблюдений. Именно в этом и состоит смысл его ответа Наполеону, когда тот обратил внимание на то, что ученый в своих рассуждениях не воспользовался идеей божественного вмешательства в планетные движения. Лаплас, как гласит известный анекдот, сказал тогда императору: «Сир! Я не нуждался в этой гипотезе».

Наука оценивалась мыслителями эпохи Просвещения как идеальное воплощение рациональной деятельности. И такое понимание науки еще долго удерживалось в сознании ученых и философов в последующие времена. При этом под «рациональностью» подразумевали, как правило, мышление, очищенное от страстей, предрассудков или предубеждений, опирающееся на доводы разума и разумно осмысленный опыт, а не на неверифицируемые утверждения типа религиозного откровения. Все явления природы понимались как обусловленные естественными причинами и подчиненные строгим и однозначным естественным законам, тогда как Бог, по выражению А. Франса, был «отодвинут в далекую пропасть первопричин». Впрочем и там его положение оказалось весьма неустроенным*. Отсюда – особый акцент на роли

---

* Вместе с тем для века Просвещения характерен поиск «разумного христианства», черпающего знание о Боге из источников независимых от иррациональной веры и откровения. Многие деисты считали понятия «божество» и «законы Природы» синонимами. Иногда вообще трудно сказать, где в сочинениях того времени (особенно в протестантских странах) заканчивалась натуральная философия и начиналась теология. См. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения».

естественных наук, дающих основу для построения системы знаний о Природе, системы, обслуживающей, в первую очередь, материальные интересы людей. Интерес к абстракциям и отвлеченным умопостигаемым сущностям, к схоластическим универсалиям и к скрытым качествам сменяется уже в XVII и особенно в XVIII столетии интересом к частным проблемам, уходом исследователя в «суету изысканий», нацеленных на испытание естества «горнилом, весами и мерой» (Е.А. Баратынский), на фиксацию конкретных свойств и особенностей единичных объектов природы. В результате уже к середине XVIII в. наблюдается беспрецедентный рост несистематизированной эмпирической информации о самых разнообразных предметах и явлениях. В этой ситуации внимание естествоиспытателей и философов XVIII столетия все более сосредоточивалось на классификационно-типологической и методологической проблематике. Но любая типологизация и классификация предполагают обобщение опытных данных, фиксацию устойчивых признаков сходства и различия, а на более высоких, теоретических ступенях познания включает в себя также построение некой идеальной модели объекта и выработку принципов таксономического описания.

Познавательный метод Э. де Кондильяка (1715–1780), оказавший столь заметное влияние на Лавуазье, предполагал расчленение (реальное или мысленное) вещи, ее свойств и отношений на части, изучение этих частей, а уже затем их соединение в исходное целое, благодаря чему свойства этого целого удавалось интерпретировать в терминах свойств его компонентов. Поэтому идея Лавуазье об ограниченном множестве качественно гетерогенных и аналитически определяемых элементов-носителей некой совокупности свойств отвечала общей рационалистической схеме однозначно и абсолютно детерминированного мира и прекрасно гармонировала с тем, что искали выразители духа времени.

О ПРИРОДЕ ЯЗЫКОМ УРАВНЕНИЙ

Наиболее впечатляющих достижений наука* эпохи Просвещения добилась в таких дисциплинах, как математика, физика (особенно математическая физика), астрономия, химия и биология.

Основные достижения в указанных областях стали результатом научной революции, совершенной в XVII в. Г. Галилеем, Р. Бойлем, Х. Гюйгенсом, Г.В. Лейбницем и прежде всего И. Ньютоном, чья жизнь и творчество (как жизнь и творчество Лейбница) охватили вторую половину XVII и начало XVIII веков. В XVIII в. на основе достигнутого в предыдущие два века было, в частности, положено начало систематическому и целенаправленному изучению параллакса звезд (видимого изменения положения небесного светила вследствие перемещения наблюдателя), что, кроме всего прочего, стало решающим доводом в пользу гелиоцентрической теории. Интенсивно

---

*Более удачным является термин «натуральная философия», поскольку французское существительное «science», как и немецкое «Wissenschaft» означали тогда «знание» или «познание» и вовсе не относились исключительно к познанию Природы. Однако в силу терминологической традиции мы будем употреблять термин «наука», имея в виду, если иное не оговорено, естественно-научные дисциплины.

изучались также движения Луны и планет. В 1718 г. английский астроном Э. Галлей (1656–1742) рассмотрел собственное движение так называемых «неподвижных» звезд, изучение их движений активно продолжалось и в последующие десятилетия (к 1756 г. было известно уже 57 звезд с собственным движением). В 1725 г. его соотечественник Дж. Брэдли (1693–1762) наблюдал аберрацию света неподвижных звезд. Впоследствии он вывел из нее значение скорости распространения света, которое соответствовало величине, установленной датским астрономом О. Рёмером в 1676 г. Результаты, полученные в области астрономии, были обобщены Лапласом в «Трактате о небесной механике», который выходил отдельными томами с 1799 по 1825 г. В 1755 г. И. Кант в трактате «Всеобщая естественная история и теория неба» высказал гипотезу о возникновении планетной системы и звезд в результате сгущения первоначально разреженной материи, состоящей из мелких твердых частиц – подобие того, что сейчас называют метеоритной туманностью. «Представив мир в состоянии простейшего хаоса, – писал Кант, – я объяснил великий порядок природы только силой притяжения и силой отталкивания – двумя силами, которые одинаково достоверны, одинаково просты и вместе с тем одинаково первичны и всеобщи. Обе они заимствованы мной из философии Ньютона». Позднее сходную идею высказал Лаплас в примечании к последней главе своей книги «Изложение системы мира» (1796). Кроме того, Лаплас в той же работе предсказал существование небесных объектов, называемых в настоящее время «черными дырами».

В 1781 г. английский астроном и оптик У. Гершель (1738–1822) открыл планету, которая впоследствии получила название Уран. Эта была первая планета Солнечной системы, открытая в результате математических расчетов и целенаправленного поиска.

Большое внимание в XVIII в. уделялось изучению электрических и магнитных явлений. В 1733 г. французский физик Ш.Ф. Дюфе (1698–1739) открыл существование двух видов электричества (так называемого «стеклянного» и «смоляного»), т.е. положительных и отрицательных зарядов. В 1785 г. Ш.О. де Кулон (1736–1806) опубликовал свою работу об электричестве, в которой сформулировал основной закон электростатики о силе, действующей между заряженными телами («закон Кулона»). Кулон сконструировал соответствующие экспериментальные устройства, прежде всего точные крутильные весы.

Наконец, в XVIII в. появились и некоторые новые естественно-научные дисциплины. Так, в 1738 г. в Страсбурге вышла книга Даниэля Бернулли (1700–1782) (сына Иоганна I Бернулли), заложившая основы развития гидродинамики.

В XVIII в. одной из самых интенсивно развивающихся дисциплин стала химия. В этот период были открыты новые химические элементы (барий, марганец, кобальт, висмут, платина, никель, молибден), а также множество важных соединений. К примеру, шведские химики К.В. Шееле (1742–1786) и Т.У. Бергман (1735–1784) открыли молочную (1782), бензойную (1782), лимонную (1784) и другие органические кислоты. Но самым важным событием в химии и вообще в естествознании века Просвещения, событием, которое на многие десятилетия определило развитие химических исследований во всем мире, стала так называемая «химическая революция», осуществленная

Лавуазье в 1772–1783 гг. По сути переворот в химии конца XVIII в. стал завершающим событием великой научной революции, начатой созданием Н. Коперником гелиоцентрической теории (1543).

Сущность химической революции отнюдь не сводится к ниспровержению теории флогистона (некоей «огненной субстанции», якобы наполняющей все горючие вещества и высвобождающейся при горении) и к замене ее кислородной теорией горения и прокаливания, на чем настаивают сторонники традиционной версии событий. Химическая революция представляла собой куда более глубокий и многогранный процесс, важнейшими, хотя и не единственными компонентами которого стали:

– формирование новых представлений об агрегатных состояниях вещества (создание флогистонной, а затем теплородной модели газа и агрегатного перехода, а также различение понятий «свойство тела» и «состояние тела»);

– выяснение химической роли воздуха и составляющих его газов;

– создание элементаризма нового типа, основанного на понимании химического элемента как «последнего предела, достигаемого анализом», как существующего и в свободном, и в химически связанном состояниях материального тела, носителя определенного и, как правило, достаточно узкого круга свойств.

В области математической физики важнейшие результаты были получены при разработке проблем механики (в том числе и небесной механики) и оптики. Абсолютное лидерство в сфере математики и естествознания на протяжении почти всего XVIII столетия принадлежало Франции. Кроме того, особое место в развитии математики и математической физики XVIII в. занимает творчество Л. Эйлера и представителей семейства Бернулли – выходцев из Швейцарии, живших и работавших в разных странах, в том числе и в России.

Французское математическое сообщество начало формироваться еще в конце XVII века под влиянием Лейбница и братьев Якоба I и Иоганна I Бернулли, а также благодаря усилиям Н. Мальбранша (1638–1715) и членов его «кружка», из которых наибольшую известность получили Г.Ф.А. де Лопиталь (1661–1704) и П. Вариньон (1654–1722). Лейбниц во время своего пребывания в Париже в 1672 г. неоднократно встречался с Мальбраншем и обсуждал с ним философские и математические вопросы. Спустя два года Мальбранш стал профессором математики в Оратории Христа, собрав вокруг себя группу талантливых математиков. Конгрегация ораторианцев (Оратории Христа) возникла в Риме в 1558 г. В капелле при госпитале, основанном Филиппо Нери, по его инициативе стали собираться для совместного чтения и толкования священных книг духовные лица, не приносившие монашеских обетов. Эта конгрегация (утвержденная в 1575 г.) в 1611 г. распространила свою деятельность на Францию. Ораторианцы (особенно французские) получили известность благодаря своим работам в области философии, математики и естествознания. Хотя сам Мальбранш не внес сколь-нибудь заметного вклада в математику, он и члены его группы много сделали для распространения «новой математики» (т. е. дифференциального и интегрального исчислений, аналитической геометрии), созданной трудами Лейбница, Ньютона и Декарта. В 1696 г. Лопиталь, используя идеи И. Бернулли, опубликовал первый

учебник по математическому анализу, излагавший новый метод в применении к теории плоских кривых.

Важная особенность работ братьев Бернулли, Вариньона и других математиков конца XVII – начала XVIII в. состояла в том, что они, как правило, не ограничивались чисто математической стороной вопроса, но применяли методы математического анализа к проблемам механики, в том числе и к теории движения небесных тел, оптики, гидродинамики и к другим дисциплинам. Например, Вариньон разработал методы графической статики, в 1698 г. он предложил концепцию «скорости в любой момент», которая в наши дни известна как «мгновенная скорость»; спустя без малого два года он сформулировал математическое определение понятия «ускоряющей силы» (т.е. ускорения), согласно которому ускорение является производной мгновенной скорости по времени. Позднее к этим вопросам обратился Л. Эйлер. В 1707 г. Вариньон начал свои исследования движения тела в сопротивляющейся среде.

В итоге, в работах указанных авторов были заложены основы аналитической (рациональной по терминологии того времени) механики, развитой затем в трудах Ж. Даламбера, Ж.Л. Лагранжа, Л. Эйлера и др. Без этого важнейшего научного достижения века Просвещения все последующие крупнейшие открытия в естествознании XIX – XX вв. (электродинамика Дж. Максвелла, теория относительности А. Эйнштейна, квантовая механика и др.) были бы немыслимы.

Этот вывод можно проиллюстрировать десятками примеров. Ограничимся двумя, связанными с именем Леонарда Эйлера (1707–1783), пожалуй, самой крупной фигуры в науке XVIII столетия. В 1753 г. Эйлер усовершенствовал теорию движения Луны. На основе его работ гёттингенским астрономом Тобиасом Майером (1723–1762) были составлены лунные таблицы, которые использовались мореплавателями до 1823 г. Однако затем Эйлер пришел к выводу, что необходимо создать другую теорию Луны. Эта вторая лунная теория Эйлера (1772) была оценена по достоинству только спустя сто лет, когда американский математик и астроном Дж. Хилл, опираясь на методику Эйлера, заложил основы современной теории движения Луны.

Другой пример. В 1752 г. Эйлер доказал теорему, утверждающую, что для любого выпуклого многогранника (тетраэдра, октаэдра, икосаэдра и т.д.) числа его граней (Г), ребер (Р) и вершин (В) связаны простым соотношением: В – Р + Г = 2. Именно знакомство с этой теоремой помогло первооткрывателям молекулы фуллерена C_{60} (1985)*, которая стала первым примером углеродного кластера, открывшего новый мир наномерных структур, осознать результаты своих экспериментов и сформулировать гипотезу о структуре фуллеренов.

Исследования в области аналитической механики были подчинены задаче построения механики как дедуктивной науки, аналогичной по структуре геометрии Эвклида. Если Ньютон, закладывая основы классической механики, использовал преимущественно геометрические методы и рассуждения, то создатели «рациональной» механики опирались на аппарат дифферен-

---

* Речь идет о Х. Крото, Р. Смолли и Р. Кёрле, получивших в 1996 г. за свою работу Нобелевскую премию по химии.

циального и интегрального исчислений и на теорию дифференциальных уравнений, которая ими же и создавалась. Иными словами, механические процессы описывались на языке математических формул, а не геометрических репрезентаций, что открывало совершенно новые перспективы для развития этой области знания, в частности позволяло применить законы Ньютона к описанию движений упругих и неупругих тел, а также к вопросам гидродинамики и гидростатики. Кроме того, в XVIII в. ньютоновская механика обогатилась несколькими важными понятиями, например понятием «vis viva» (живая сила), по современной терминологии – кинетическая энергия тела ($mv^2/2$), действие, момент количества движения и др. При этом развитие аналитической механики способствовало прогрессу математики. Например, предложенное Даламбером уравнение колебаний струны (1747), вызвало плодотворную дискуссию между ним и Эйлером о природе математической функции, которая вовлекла в свою орбиту крупнейших математиков XVIII в. – Лагранжа, Лапласа, Монжа и др.

Бурное развитие аналитической механики и гидравлики, других областей науки, стимулировалось не только чисто научными интересами, но и практическими задачами (усовершенствованием двигателей, работающих от энергии движущейся воды, определением зависимости дальности полета пушечного ядра от сопротивления среды, нахождением зависимости скорости судна от сопротивления воды и т.д.). Любопытным примером использования математических методов для решения социальных проблем служат работы Эйлера и Лагранжа, посвященные страхованию.

Физические и математические методы начали применяться также в других науках, в частности в химии и в геологии. Так, в 1792–1794 гг. немецкий химик И.В. Рихтер (1762–1807) опубликовал трехтомный трактат «Начала стехиометрии как способа измерения химических элементов». Французский геолог Ж.Э. Геттар (1715–1786) высказал предположение о закономерностях распространения горных пород, минералов и ископаемых, послужившую основой создания геологических карт, и опубликовал в 1746 г. первую геологическую карту, близкую современной. В 1762 г. немецкий естествоиспытатель Г.Х. Фюксель (1722–1773) ввел в геологию основные стратиграфические понятия и термины, такие, как «пласт» (страта), «залежь» (ситус) и т.п. Когда использование аналитических методов было ограничено или же вообще не представлялось возможным, исследователи обращались к табличным методам систематизации и формализации эмпирического материала (примером могут служить таблицы химического сродства), а также к иным таксономическим подходам.

Вершиной и одновременно итогом развития механики в XVIII в. стала монография Ж.Л. Лагранжа (1736–1813) «Аналитическая механика», опубликованная в 1788 г., спустя сто с небольшим лет после выхода «Математических начал натуральной философии» Ньютона. Все данные Лагранж систематизировал и изложил, используя практически современные математические средства. В статику Лагранж ввел принцип виртуальных скоростей и доказал, что с его помощью обобщаются и остальные принципы механики. В динамике он исследовал отношение моментов сил и моментов движения. Он доказал принцип сохранения «живой силы» (кинетической энергии) и наименьшего действия, изучал движение центра тяжести, вращение тел и

механику жидкостей. Изложение материала было построено таким образом, что каждой определенной главе по статике соответствовала и подобная ей глава по динамике. Лагранж широко использовал в своей книге уравнение, которое впоследствии было названо его именем и которое до сих пор является одним из основных уравнений теоретической физики.

При этом Лагранж с гордостью заявил, что в его работе, основанной на достижениях главным образом Эйлера и его собственных, нет ни одной геометрической схемы, все выражено на языке уравнений. Это заявление отражало очень важную черту естествознания века Просвещения – тенденцию к формализации все возрастающего массива знаний о природных явлениях, что проявилось и в создании систем классификации, и в математизации естествознания, и в проведении исследований, предполагающих высокоточные (по тому времени) измерения. Можно сказать, что наука эпохи Просвещения – это наука систематизирующая и квантифицирующая. В результате и математика, и те разделы физики, которые поддавались математизации (а это прежде всего механика, земная и небесная, и оптика) принимали более абстрактную, рассудочно-рациональную, дедуктивную форму, и эта форма рассматривалась как идеал, к которому должны стремиться не только все науки о Природе, но и науки об обществе.

ОТ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ К БИОЛОГИИ

В отличие от наук, связанных с изучением неорганической природы, подчиненной строгим, математически выраженным законам, концепции о живом находились под влиянием разнообразных философско-мировоззренческих идей. До недавнего времени было принято рассматривать любую биологическую проблему XVIII столетия в свете дилеммы «механицизм – витализм». Однако реально столь жесткого противостояния не было. Механицизм, анимизм, витализм, телеология и теология уживались не только в головах отдельных ученых, но их элементы были представлены в одних и тех же трудах, ретроспективно оцениваемых сейчас как биологические. На самом же деле вплоть до конца XVIII в. отсутствовали и сама биология как наука, изучающая основные черты жизни, и термин для ее обозначения.

Впервые в этом смысле этот термин использовал, не определяя его содержание, в 1797 г. немецкий врач Т. Роозе (1771–1803). Три года спустя о биологии писал другой немецкий врач и антрополог К.Ф. Бурдах (1776–1847), но в широкое употребление новое понятие вошло благодаря французскому естествоиспытателю Ж.-Б. де Ламарку (1744–1829) и врачу из Бремена Г.Р. Тревиранусу (1776–1837). Они в 1802 г. независимо друг от друга определили термин «биология» (Ламарк – в книге «Гидрогеология», Тревиранус – в своем шеститомном труде «Биология, или Философия живой природы», 1802–1821), зафиксировав тем самым ее оформление как специальной дисциплины. До этого отрасли будущей биологии развивались или в рамках естественной истории, рассматривавшей геолого-минералогические, географические и биологические объекты как равноценные, или как сферы медицины, связанные с изучением лекарственных растений, а также анатомии, эмбриологии и физиологии человека. Дифференциация и реформа

естественной истории и медицины завершились к началу XIX в. выделением из них отраслей, связанных с изучением жизни как единого объекта. Само оформление представлений о биологии стало итогом осознания учеными специфики жизни и целостности живых систем, преодоления ими крайностей механицизма и витализма, синтезированных в органицизме (organizism), т.е. в представлениях о несводимости целого к сумме его частей. Недавно это интеллектуальное движение было не совсем корректно названо «витализацией природы» (П. Райл).

На протяжении XVIII в. и механицисты, и виталисты в основном разделяли теологические воззрения и считали, что все сотворено богом для блага человека. Они принимали учение Лейбница о «предустановленной гармонии» и его представления об абсолютной непрерывности явлений, выраженные в афоризме «Природа не делает скачков». Живые существа выстраивались ими в единый ряд, члены которого существовали изначально и были созданы Богом; соответственно, виды были неизменными, допускались лишь внутривидовые вариации (креационизм), а эмбриогенез воспринимался как строго запрограммированный еще в дни Творения (преформизм). Соответственно, и целесообразность живого оценивалась как изначальное свойство организмов, а вся природа описывалась как Храм, свидетельствующий о «мудрой предусмотрительности» ее Творца. Реакцией на механистическую философию, господствовавшую в физике и астрономии, стала публикация большого количества сочинений по «натуральной теологии». В этом отношении типичными были названия книг крупного немецкого зоолога Ф.Х. Лессера «Теология насекомых» (1742) и «Теология раковинных» (1744).

Систематика растений и животных стала первой биологической дисциплиной, сформировавшейся в недрах естественной истории. Начав с классификаций по морфологическим признакам, натуралисты все больше использовали данные об анатомии, эмбриологии, физиологии, биогеографии и экологии организмов, сформировав уже к концу XVII в. понятие «вид» для определения основной формы существования жизни. Объединяя всю информацию о видах, их критериях, свойствах, ареалах и взаимодействиях с другими видами и абиотическими факторами, систематика становилась центром интеграции разрозненных знаний об организмах, добытых не только в естественной истории, но и в других отраслях знания.

К началу XVIII в. стало очевидным, что описание организмов невозможно без классификаций, построенных на иерархии таксонов. Эту работу, начатую в XVII в. И. Юнгом, Дж. Рэем и Ж. Турнефором, успешно продолжил шведский натуралист К. Линней (1707–1778). Он не только описал около 5500 новых видов растений и животных, но и провел коренную реформу классификационной практики. Суть реформы заключалась во введении бинарной номенклатуры, по которой каждый вид обозначался двумя названиями – родовым и видовым, а также принципов синонимики, обязательности цитирования предшествовавших источников и латинских названий для каждого таксона. Линней установил также ступенчатое многообразие органических форм, расположенных в ясной субординации систематических категорий (класс, отряд, род, вид, разновидность), использовал четкие и краткие диагностические признаки (ключи) для определения близких форм и для построения иерархических систем, навел порядок в номенклатурном

хаосе. Он разработал научный язык систематики, введя более тысячи специальных терминов. Хотя церковь враждебно встретила систему Линнея, опиравшегося в классификации растений на половые признаки и объединившего человека, обезьян, лемура и придуманного им «человека-животного» (троглодита) в один отряд приматов, сам Линней не сомневался в том, что сумел в целом верно отразить план Творения. Это стимулировало его к вдохновенной работе над совершенствованием и расширением системы на протяжении всей жизни. Если первый вариант «Системы природы», опубликованный в 1735 г., насчитывал всего 16 страниц, то в тринадцатом посмертном трехтомном издании (1788–1793), подготовленном и существенно дополненном и переработанном И.Г. Гмелиным, их было уже 6257.

Вклад Линнея в разработку теоретической биологии не ограничивался только систематикой. Его по праву считают одним из основоположников экологии. Название опубликованного им трактата «Экономия природы» (1749) оказалось столь удачным, что до сих пор используется в монографиях и учебниках по экологии. Линнею также принадлежит выражение «баланс природы», заимствованное из бухгалтерии. Слова «экономия» и «баланс» указывали прямо на аналогию между обществом и природой. Аналогия как способ доказательства была усилена Линнеем в трактате «О политике природы» (1760), в котором он доказывал, что любой вид участвует в «бизнесе» и все виды тесно связаны общим мероприятием (рынком). Из экономики Линней прямо и легко переходил к биологической теме: порядок – совершенная приспособленность видов к климатическим факторам (горизонтальные связи) и к пищевым связям (вертикальные связи). Жизнь на Земле представлялась ему в виде циклов, выступающих организующим началом порядка природы. Строгую последовательность и преемственность циклов Линней подробно демонстрировал на растительных сообществах, описывая их преобразования от лишайников до зрелого леса (или, как теперь говорят, климаксного сообщества), загнивания деревьев и возможного повтора цикла. Интересна и данная Линнеем характеристика экологической роли насекомых, которые изображены не столько как вредители, сколько как регуляторы численности других видов. Пытался он вычислить и скорости заселения Земли животными и растениями после экологических кризисов, в том числе и после Всемирного Потопа. Фактически Линней построил законченную концепцию общей экологии, повлиявшую на многие исследования в естественной теологии, особенно в Великобритании, что в свою очередь стало важной предпосылкой для возникновения дарвинизма.

Благодаря трудам Линнея систематика была признана точной естественно-научной дисциплиной и стала любимым занятием интеллектуальной элиты вплоть до начала XX в. Описания видов в форме кратких диагнозов позволяли наглядно представить многообразие признаков и стимулировали дальнейшее развитие систематики, где лидирующая роль вначале принадлежала ботаникам. Это объясняется как относительной простотой диагностических признаков растений, так и тесной связью ботаники с медициной, сельским хозяйством и лесоводством, требовавших простых и точных определений для практически значимых видов. Зоологи же продолжали изучать крупные таксономические группы. Зоологической энциклопедией того времени стала «Естественная история» (в 36 т., 1749–1788) Ж. де Бюффона

(1707–1788), продолженная Б.Ж.Э. де Ласепедом и Л. Добантоном. В ней было много очерков о жизни животных, их распространении, связях со средой и др. Фактически в этом издании были заложены основы зоогеографии и аутоэкологии, сформулированы элементы нового трансформизма и новой философии жизни, порывавшей с представлениями Лейбница и вводившей ньютонианство в естественную историю. Бюффон рассматривал организм как целостную систему, взаимодействующую с окружающей средой, а человечество как часть этого взаимодействия. Не случайно выход в свет в 1749 г. первых трех томов этого сочинения многие современные авторы оценивают как одно из важнейших событий в интеллектуальной истории века Просвещения.

КОРПОРАЦИИ РАЗУМА

Важной особенностью развития естествознания в XVIII столетии стала его интенсивная институализация, которая выразилась прежде всего в возникновении новых научных обществ и академий в масштабах, намного превышающих те, что имели место в XVI–XVII столетиях, причем и научные общества, и академии создавались как в крупных городах, в первую очередь в столицах, так и в провинции (American Philosophical Society, 1768; Kurfürstlich-Brandenburgische Societät der Wissenschaften, 1700, преобразованное в 1744 г. в Königlich-Preußische Akademie der Wissenschaften zu Berlin; Linnean Society, 1788; Lunar Society of Birmingham, середина 1760-х годов; Literary and Philosophical Society of Manchester, 1781; Société Philomathique de Paris, 1788; Real Academia Española, 1713; Kungliga Svenska Vetenskapsakademien в Стокгольме 1739 г.; Петербургская Академия наук, 1724 г.; во Франции возникают Académies des Sciences в Монпелье, Дижоне, Тулузе и других городах). Многие из академий, в отличие от научных обществ, финансировались государством. Интенсивно институализирующаяся наука XVIII в. стала важным феноменом интеллектуальной жизни не только таких стран, как Франция, Англия, Пруссия, Италия, но также Швеция, Шотландия (особенно после ее объединения в 1707 г. с Англией), Россия, Испания. Более того, формирующееся классическое естествознание перестает быть чисто европейским феноменом – сообщества ученых возникают в колониях – в Северной Америке, на Сан-Доминго (Гаити), Батавии (Индонезия), Маврикии, Реюньоне и т. д., научные достижения европейцев становятся известными в Китае и в Японии.

Практически каждый ученый XVIII в. был членом хотя бы одного научного общества и/или академии. Разумеется, речь идет об ученых мужского пола, большинство академий и научных обществ не предусматривало членство женщин в своих рядах. Е.Р. Дашкова является одним из редких исключений. Кроме того, она была не ученым, но общественным деятелем. Другой пример – судьба замечательного астронома Марии Кирх (1670–1720), урожденной Винкельман, которая после смерти мужа, Г. Кирха (1710), подала прошение с просьбой занять его место в Берлинском научном обществе в качестве астронома и составителя календарей и таблиц. Но ее обращение даже не стали рассматривать, несмотря на поддержку Лейбница, основателя

этого общества: было заявлено, что Общество выставит себя на посмешище, если издаваемые им календари будет составлять женщина. Только в 1716 г. она получила место ассистента при своем сыне, который возглавил Обсерваторию Общества.

Принадлежность к тому или иному научному институту свидетельствовала о принадлежности индивида к научному сообществу. Кроме того, граждане меритократической République des Lettres постоянно соперничали друг с другом и не могли определить, какие именно заслуги считать выдающимися. В этой перепалке беспристрастных и незаинтересованных не было. Единственный выход виделся в обращении к суду равных, роль же судей играли академии и научные общества, оценивавшие представленные их вниманию труды.

Как правило, научные общества и академии создавались и функционировали либо по британской (Royal Society of London), либо по французской модели (Académie Royale des Sciences). В первом случае число членов не фиксировалось, научных заслуг не требовалось (т. е. в состав ассоциации могли входить не только ученые, но и любители, и люди далекие от науки, которые, однако, интересовались ее достижениями), иерархия среди членов отсутствовала (по крайней мере формально, по уставу, все были равны), жалованья членам не выплачивалось, корпорация существовала на членские взносы и, как бы мы сейчас сказали, спонсорскую поддержку. По такому принципу были организованы многие научные ассоциации Британии, ее американских колоний и Голландии. Во втором случае общество или академия финансировалась короной, а потому число членов было строго ограничено, им выплачивалось жалование в зависимости от места, которое ученый занимал в формальной иерархии данной корпорации. Так были организованы большинство академий и научных обществ континентальной Европы.

Несмотря на рост числа научных «социететов» в XVIII в. их значимость и вклад в развитие науки, а следовательно и их престиж, были, разумеется, различны. Ядро научных организаций составляла «большая пятерка» – Академии наук Парижа, Берлина, Санкт-Петербурга, Стокгольма и Лондонское Королевское общество. Заметим, что только последнее не финансировалось короной (что, кстати, стало одной из причин спада научной активности Royal Society во второй половине XVIII столетия). Государственная поддержка науки (особенно во Франции) способствовала заметному расширению и усложнению как инструментальной базы естествознания, так и тематической структуры естественно-научных исследований (стали возможны научные путешествия в дальние страны, работы по прецизионному измерению длины дуги меридиана, строительство новых и возрождение старых обсерваторий, музеев, лабораторий и т.д.), что, в свою очередь, сближало научные и технологические исследования (например, в таких областях, как картография, усовершенствование различных видов пороха, определение долготы, разработка метрической системы и т.д.).

В XVIII столетии благодаря государственной поддержке были открыты богатейшие ботанические сады экзотической флоры. Так, в Королевском питомнике (La Pépinière du Roi), основанном в 1669 г. в парижском предместье и просуществовавшем до 1828 г., имелось более 50 тыс. растений, собранных в результате финансировавшихся короной ботанических экспе-

диций в разные части света. В России, в 1725–1730 гг., а затем в 1733–1743 гг. были снаряжены Первая и Вторая Камчатские экспедиции, возглавлявшиеся офицером русского флота (уроженцем Дании) Витусом Берингом (1681–1741) и его помощником А.И. Чириковым (1703–1748). В научном плане особенно плодотворной стала Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция, собравшая богатейший материал о географии, этнографии, животном мире и растительности обследованных ею земель. При этом, по свидетельству Г.Ф. Миллера, участника Академического отряда этой экспедиции, поводом к отправлению Беринга послужило желание Парижской Академии наук выяснить, соединяется ли Америка с Азией. С просьбой организовать для этой цели экспедицию Парижская Академия и обратилась к Петру I как к своему сочлену. Во второй половине XVIII в. Санкт-Петербургская Академия наук организовала еще несколько экспедиций, положивших начало комплексному изучению Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока, Русского Севера, Прикаспия и Кавказа, а также наметивших пути хозяйственного освоения их природных ресурсов. Во главе академических экспедиций стояли ученые-натуралисты – П.С. Паллас, И.И. Лепехин, С.Г. Гмелин, И.П. Фальк, И.Г. Георги, И.А. Гильденштедт и другие.

Деятельность академий и научных обществ способствовала интернационализации науки, поскольку их уставы допускали принятие в свои ряды иностранцев и не только в качестве почетных членов или членов-корреспондентов. При этом риторика представителей мира науки, особенно, когда они обращались к властям предержащим, могла быть отнюдь не космополитической. И это вполне естественно, ибо постоянные напоминания государям о соперничестве с соседями помогали ученым получать средства на собственные исследования. Главным препятствием на пути интернационализации науки оказывались зачастую не столько национальные, сколько религиозные (или конфессиональные) различия. Тем не менее они не могли изменить общей тенденции. Еще Ж.-Б. Кольбер предложил голландскому физику Х. Гюйгенсу возглавить только что созданную (1666) Парижскую Академию наук, а главой академической обсерватории сделал итальянского астронома Дж.Д. Кассини (1671). Фридрих II Прусский назначил президентом Берлинской Академии наук французского физика П.Л. де Мопертюи (1746). Пример Петербургской Академии наук, поначалу вообще состоявшей из иностранцев, хорошо известен. Премии Парижской Академии наук (не говоря уже о менее состоятельных академиях Бордо, Амстердама, Стокгольма, Вены и около 30 других) были доступны иностранцам, а с 1719 г. правила, регулирующие академические конкурсы, предлагали зарубежным участникам присылать свои сочинения на латинском, а не на французском языке.

Именно космополитизм отличал научные академии от академий литературных и художественных. Например, во Французскую Академию не принимались даже французы-провинциалы, все ее члены были парижанами. Однако даже провинциальные научные академии – Монпелье, Руана или Бордо – имели корреспондентов в Болонье, Швейцарии, Упсале, Лондоне или Санкт-Петербурге. В большинстве случаев контакты с иностранцами считались престижными и для отдельных ученых, и для научных академий. Членство в иностранных академиях могло способствовать карьере в родном государстве, и академия Бордо вполне расчетливо предлагала именно научные,

а не литературные темы для призовых сочинений с целью прославить Академию «среди всех ученых Европы, поскольку слог и красноречие могут быть оценены лишь в пределах нашего королевства».

Институализация науки в XVIII в. сопровождалась увеличением числа научных изданий, причем не только монографий, но и периодики (характерный пример: в 1789 г. французские химики Л.Б. Гитон де Морво, А.Л. Лавуазье, К.Л. Бертолле, А.Ф. де Фуркруа и другие приступили к изданию журнала «Анналы химии» («Annales de Chimie»), который (после короткого перерыва) с 1816 г. стал выходить под названием «Анналы химии и физики» («Annales de Chimie et de Physique»). Всего же к концу XVIII в. в Европе издавалось около сотни научных журналов.

Развитие науки происходило параллельно с ростом общественного интереса к естествознанию, укреплению социального авторитета науки и научного сообщества, что проявилось, в частности, в распространении такого явления, как публичные научные лекции (особенно в Британии и во Франции), в активной популяризации достижений науки и ее истории, в том, что многие выдающиеся мыслители эпохи Просвещения именно в науке о Природе видели альтернативу культурным традициям Средневековья, а также в том, что концепция «прогресса» сформировалась, главным образом, благодаря экспансии науки в самые разные области человеческой деятельности.

Таким образом, в эпоху Просвещения естествознание и организационно, и тематически, и методологически обрело черты, характерные для развитой классической науки техногенной цивилизации.

НАУКА В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В годы Французской революции положение французской науки резко ухудшилось. Начиная с 1793 г., ученые (К.Л. Бертолле, А. Фуркруа, Г. Монж, А. Лавуазье и др.) стали систематически привлекаться к научно-техническим работам оборонного характера и с их помощью в трудные годы революции действительно удалось сделать немало. К примеру, в 1794 г. было получено 7 млн фунтов боевого пороха, что на 2 млн фунтов больше его запасов, хранившихся во французских арсеналах в 1770-х годах, были созданы новые заводы и мастерские, ежегодное производство ружей достигло 240 тыс., только столица давала 140 тыс., больше, чем во всей дореволюционной Франции, в военном деле стали использовать аэростаты и оптический телеграф, интенсивно велись исследования по созданию десятичной системы мер и т.д. Вместе с тем в августе 1793 г. были закрыты все академии и научные общества, ибо, как было сказано в решении Конвента, «при разумном правительстве не должно существовать никаких паразитических учреждений».

Накануне роспуска академий Лавуазье обратился в Конвент с письмом, в котором напоминал о значении индустрии для жизни и процветания нации. Обращение заканчивалось следующими словами: «...индустрия, которая все движет, все оживляет, сама заимствует свою силу из некоего первичного импульса, который ей дается науками». Но в Конвенте не желали принимать во внимание ни вышеприведенные доводы Лавуазье, ни его предостережение, что «иностранные державы не ждут ничего лучшего, как воспользоваться этим обстоятельством» (т.е. дезорганизацией науки во Франции), ни его предупреждение, что если депутаты допустят, «чтобы ученые, которые составляли Академию наук, удалились в деревню, заняли иное положение в обществе и занялись более прибыльными профессиями, организация наук будет разрушена, и полувека не

хватит на то, чтобы воссоздать поколение ученых». И все же 8 августа 1793 г. Парижская Академия наук (в числе прочих академий и научных обществ) была упразднена.

Закрытие Академии наук и научных обществ стало мощным, но, увы, не единственным ударом по науке и культуре Франции. Большие потери научное сообщество понесло в период якобинского террора. С 1785 г. в составе Академии значилось 48 постоянных членов (академиков). Всего в период с сентября 1792 по ноябрь 1795 гг. скончалось 20 человек, из них 10 смертей были непосредственно связаны с террором. Погибли на гильотине: Ж.С. Байи, Ж.Б.Г. Бошар де Сарон, Ф.Ф. Дитрих, А.Л. Лавуазье, К.Г. де Ламуаньон де Мальзерб, Д.Ф.Р. Менар де Шузи, покончил с собой в тюрьме Ж.А.Н. де Кондорсе, умерли в тюрьме А.Ж. Амело де Шайу и Ж.-Б. де Машо д'Арнувиль, Л.А. де Ларошфуко д'Анвиль, от голода и страха скончался Ф. Вик д'Азир. Иными словами, террор унес почти четверть наличного состава Академии.

С 1792 г. начался уход интеллектуальной элиты из сферы науки и техники. И если генеральские вакансии в революционное время с успехом занимали конюхи, писари и продавцы галантерейных лавок, то ушедших ученых, а также военных инженеров заменить было некому. А над теми специалистами, которые продолжали работу в различных комиссиях, дамокловым мечом нависала угроза очередной политической чистки. Кроме того, «мобилизация ученых» фактически привела к созданию новой системы патроната, в основе которой лежал критерий политической благонадежности. Иными словами, это была система политического ручательства (скажем, Фуркруа ручался за лояльность Шапталя, Вандермонд – за Ассенфраца и т.д.). Террор атономизировал общество в целом и научное сообщество в частности, причем именно в то время, когда требовалась наибольшая консолидация социума.

В тяжелой, казалось бы, совершенно безнадежной ситуации, когда многообразные неблагоприятные для судьбы французской науки факторы (экономический кризис, разобщенность научного сообщества, оскудение научной элиты, репрессии и т.д.) оказались как в резонансе, французскую науку спасло создание сети республиканских образовательных учреждений, в которые удалось привлечь лучшие (из оставшихся) научные силы страны.

Во Франции 1790-х годов образовательный импульс был чрезвычайно силен. Сказалось действие нескольких факторов: традиционно высокий престиж науки и ее практических приложений, поиски путей демократизации образования в революционные годы, потребность в образованных кадрах. Совместить массовость и утилитаризм в рамках старых академий было невозможно, тогда как сделать это на базе специализированных учебных заведений было вполне реально.

Прослеживая эволюцию французских образовательных учреждений естественно-научного и инженерно-технического профиля в 1794–1795 гг., от écoles révolutionnaires до École Polytechnique, можно выявить две тенденции: постепенную деидеологизацию образования и неуклонное повышение роли фундаментальных дисциплин. Кроме того, многие новые школы восприняли традиции дореволюционных учебных заведений. Особую роль в дальнейшем развитии французской науки сыграла Политехническая школа, основанная в марте 1794 г. Она быстро завоевала огромный авторитет. Среди ее учеников были такие известные ученые и инженеры, как С.Д. Пуассон, Ж.Б. Био, Ж. Гей-Люссак, Э.Л. Малюс, Д.Ф. Араго, О. Коши и многие другие. Ее опыт широко использовался не только при перестройке преподавания в ряде старых школ, таких как École des Ingénieurs de la Marine и École des Mines, но и при разработке новых стандартов естественно-научного и инженерно-технического образования.

Именно создание новых и обновление старых образовательных структур спасло французскую науку от гибели, поскольку в этих структурах сохранялись научные традиции, а условия для создания и функционирования научных школ оказались в них вполне благоприятными. Развитие научно-технического образования способствовало также преодолению идеологических стереотипов и антинаучных предубеждений. Образовательные институты давали возможность ученым (в том числе и экс-академикам) вести в их стенах исследовательскую работу, обеспечивали людям науки относительный материальный и психологический комфорт. Наконец, успешная деятельность этих институтов, как правило специализированных, но дававших широкую и глубокую общенаучную подготовку по фундаментальным дисциплинам, способствовала формированию ученого нового типа, не натурфилософа, но широкообразованного специалиста.

«ОТКРЫТИЕ» ПРОШЛОГО

Обычно полагают, что XVIII век стал в истории Европы веком разрыва с прошлым. Между тем, именно в этом столетии произошел колоссальный прорыв в его изучении – в общих чертах была реконструирована «перспектива истории» и видоизменилась «идея истории» человечества. В эпоху Просвещения была создана новая «картина мира» прошлого, начали формироваться основные направления и понятийный аппарат исторической науки. Возникновению понятия «культура», вошедшего в широкий обиход европейской общественной мысли лишь во второй половине столетия, во многом способствовало пристальное внимание европейских интеллектуалов к ее разнообразному материальному субстрату.

Отношение к древностям как историческому источнику сформировалось в эпоху Возрождения (XV–XVI вв.). В Италии повсеместно велись кладоискательские раскопки и сбор «антиков», положивших начало «антикваризму». Употребляющийся ныне термин археология («архайо» – древний, «логос» – слово, мысль, учение) встречался уже у греческих авторов, хотя вплоть до начала XIX в. бытовали восходящие к римским источникам определения слова «antiquitates» – древности, «antiquarius» – антикварий, т. е. любитель старины. Достойными внимания признавались рукописи, эпиграфические и нумизматические памятники, высокохудожественные произведения античного искусства и ремесла, которые воспринимались как иллюстрации к свидетельствам античных авторов. Появились первые опыты описания древностей, систематизации и исследования предметов, оказавшихся в церковных и светских хранилищах. Предметы, найденные случайно или добытые в ходе раскопок, изначально подразделялись на «говорящие» (тексты и надписи на камне, керамике, папирусе, пергамене, бумаге, монетах, печатях) и «молчаливые» (остатки строений, произведения искусства, предметы быта). Различные виды и типы источников требовали разных методов их документирования и критического изучения, что дало импульс к формированию целого ряда историко-филологических* дисциплин с собственными объектами и предметами исследования.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ДРЕВНОСТЕЙ»

Широкое распространение рационализма и гипотетико-дедуктивной методологии познания Ф. Бэкона привело к пониманию того, что наука должна стать делом научных коллективов, получающих поддержку от государства и меценатов. По всей Европе организуется широкая сеть академий, университетов, библиотек, музеев. В XVII в. была создана «большая» Французская Академия (1635) и «малая» Академия надписей и изящной словесности

---

* Термин «филология» был введен немецким антиковедом Ф.А. Вольфом (1759–1824) только в начале XIX в.

(1666), объединявшая филологов-классиков, историков, эпиграфистов и нумизматов. В 1660 г. Карл II Стюарт учредил Лондонское Королевское общество, занимавшееся не только естественно-историческими исследованиями, но и описанием археологических находок; появляются Ассоциация антикваров (1707), общества антикваров в Лондоне (1718) и в Эдинбурге (1728), Общество дилетантов в Лондоне (1733).

В ряде стран были организованы специальные ведомства охраны памятников. По примеру Ватикана и Англии, где смотрители древностей появились в эпоху Возрождения, шведский король Густав II Адольф в 1630 г. учредил Государственный антиквариат во главе с королевским антикварием, отвечавшим за сохранность предметов старины. В 1666 г. была создана Коллегия антикваров, являвшаяся и учебным заведением, и хранилищем археологических находок, позже преобразованная в Архив древностей и объединенная с Государственным антиквариатом (в 1786 г. вошел в состав Шведской Академии истории и древностей).

В XVI–XVIII вв. Европа открывает для себя целый ряд «новых миров» на разных континентах. Начинается освоение земель, «найденных» в эпоху Великих географических открытий. Это немедленно отразилось на составе и качестве музейных собраний – предметы быта восточных цивилизаций и «диких народов» всего мира распространялись как диковины. Интерес собирателей стал дифференцироваться между памятниками античности, местными артефактами и экзотическими древностями, привозимыми из дальних странствий. Наряду с «натуралиями» собрания «артифициалий» разных эпох и народов появились в Кунст- и Вундеркамерах, в XVI–XVII в. открытых по всей Центральной и Северной Европе. Примером подобной коллекции может служить частное собрание голландского путешественника – бургомистра Амстердама и содиректора Ост-Индской компании Н. Витсена (1641–1717), побывавшего в загадочной для европейцев Московии и прославившегося книгой «Северная и Восточная Татария» (1692; переиздана с иллюстрациями в 1705 и 1785 гг.). Знакомство с ним и другими европейскими учеными оказало влияние на мировоззрение Петра I: царь сознательно сориентировал зарождавшуюся русскую науку на европейские образцы, создав в Петербурге публичные Библиотеку и Кунсткамеру (1714) и Академию наук с университетом и гимназией (1724). К XVIII в. сложились крупнейшие художественные хранилища мира: Британский музей в Лондоне (1753), изначально основанный как общенациональное государственное хранилище древностей, музей Пио-Клементино в Ватикане (1771), королевское собрание в парижском Лувре, национализированное и превращенное в музей декретом Национального собрания в 1791 г. (открыт для посетителей в 1793 г.), петербургский Эрмитаж, созданный Екатериной II в 1764 г. как императорское собрание картин и предметов искусства (открыт для публичного обозрения в 1852 г.).

Сочетание понятия «культура» (противопоставленного «природе») с идеей «прогресса» (линейного или циклического) способствовало становлению взгляда на историю как на единый, но сложный процесс, выражающийся в последовательной смене состояний человеческого общества. Изучая культуру бесписьменных народов, просветители пришли к выводу о существовании «доисторического» периода истории и попытались выделить этапы его развития: дикость, хозяйственную основу которого составляли охота и

рыболовство; варварство, характеризующееся развитием земледелия, скотоводства и появлением частной собственности; затем – цивилизация. На смену унаследованного от Ренессанса «античноцентрического» взгляда на историю приходит сложная и полицентричная картина всемирной истории – «другие миры» были включены в общую хронологию исторического развития человечества (см. гл. «Открытие “цивилизации”»).

РОЖДЕНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Еще гуманисты Возрождения подвергали сомнениям достоверность информации письменных источников, отделяя сообщения древних авторов от их позднейших толкований. В эпоху Реформации и особенно в XVII в. под влиянием идей Ф. Бэкона и Р. Декарта были разработаны методы внешней критики источников и проверки истинности сообщаемых ими данных. Яркий пример разительных изменений в изучении исторических источников – сожженная по настоянию церкви сразу после издания книга «Критическая история Ветхого Завета» (1678) французского библеиста, члена ордена ораторианцев Р. Симона (1638–1712). Автор решил проследить процесс появления священных книг как литературных произведений, которые создавались на протяжении длительного времени, попытался воссоздать историю текстов и их толкования, наглядно продемонстрировав методы выявления древнейших частей текста и установления их сохранности.

К середине XVIII в. уже было выработано понятие «исторический факт» и заложены принципы внутренней критики источника и в целом основы источниковедения. Заслуга их разработки принадлежит профессору Гёттингенского университета и почетному члену Петербургской академии наук А.Л. Шлёцеру (1735–1809). Шлёцер сформулировал принципы внутренней критики текста и дал блестящие образцы критических комментированных изданий русских летописей. В число исторических источников он включал, правда, в ранге второстепенных, также монеты, «подземные свидетельства» и «другие вещи, называемые древностями». Историку удалось показать познавательные возможности археологических источников по сравнению с письменными, причем в отдельных случаях он отдавал им предпочтение перед «древними повествованиями»: «Из развалин и могил выходит древняя Булгарская история, которая истребилась было из летописей». Шлёцер показал, что археологические памятники являются единственными источниками для дописьменной истории: благодаря изысканиям на Урале и в Сибири «находят живые следы просвещенных народов, которые в древние времена, быв совсем неизвестны остальному миру, занимались тут горною работою, но знали одну только медь, а не железо».

Новые требования к достоверности и качеству исторических источников были предъявлены авторами «Энциклопедии, или Толкового словаря наук» Дидро и Даламбера (1751–1772). В статье «История» Вольтер отметил лишь три достоверные точки отсчета для построения строгой хронологии: древневавилонские и китайские астрономические записи наблюдений о затмениях и единственный известный в его время эпиграфический документ хроно-

графического содержания – Арундельский или Паросский мрамор*. Египетские пирамиды, предшествующие «всем известным эпохам и всем книгам», для Вольтера оставались символом высокоразвитой, хотя и неизученной цивилизации, а не только остатками «тщеславных усилий» древних царей. Как и Шлёцер, Вольтер осознавал информативную значимость археологического материала и приписывал «молчаливым» артефактам имманентно присущую им достоверность. Энциклопедисты, развивавшие идеи научного и общественного прогресса и постоянно соотносившие прошлое с настоящим, поставили перед историей ряд новых исследовательских задач, решить которые могла только «наука о древностях»: именно она выявляла и изучала памятники, указывающие точные даты событий, и тем самым фиксировала их абсолютную и относительную хронологию.

Собиранием, критическим исследованием и изданием текстов эпохи поздней Античности и Средневековья, разработкой научной хронологии истории в XVII–XVIII в. занимались монашеские конгрегации иезуитов-болландистов и бенедиктинцев. Болландист Д. Папеброх (1628–1714) усомнился в подлинности ряда средневековых документов, но его гиперкритику отверг Ж. Мабильон (1632–1707), член конгрегации св. Мавра и Академии надписей (1701), автор труда «О грамотах» (1681). Работая над 13-томным комментированным изданием «Анналов Ордена св. Мавра» (с 500 по 1157 гг.), он разработал методику экспертизы подлинности документов по почерку, стилю и особенностям их оформления, установил принципы датировки и происхождения рукописей и этим создал основы латинской палеографии и дипломатики. Мабильон разделил письмо на книжное и «дипломатическое» (письмо документа) и выдвинул теорию «национальных типов» письма (вестготского, лангобардского, англосаксонского, меровингского). Последнюю опроверг итальянский антикварий и драматург Ш. Маффеи (1675–1755), доказавший, что эти типы являются результатом переработки древнеримского письма.

Греческая палеография была разработана бенедиктинским монахом-мавристом Б. де Монфоконом (1655–1741). Он четверть века изучал произведения античных и раннесредневековых авторов и работы филологов XV–XVII в., накопивших немалый опыт по чтению и датировке греческих рукописей византийской эпохи из библиотек Италии и Франции, а также единичных греческих папирусов из Египта, которые появились в Европе с XVI в. Фундаментальные «Греческая палеография» (1708) и «Библиотека библиотек новых рукописей» (1739) Монфокона сформулировали принципы греческой кодикологии, эпиграфики и папирологии, которые изучают документы на камне, пергамене (и бумаге) и на папирусах. Автор реконструировал историю греческого письма с древнейших времен до падения Византийской империи (1453), опубликовал первый каталог писцов и первый указатель рукописных коллекций. Рождение папирологии традиционно связывают все же

---

* Marmora Arundeliana, Marmor Parium – памятник, поставленный, вероятно, частным лицом; содержал хронику греческих политических и литературных событий от царствования Кекропа до архонтства Диогнета Афинского 264 г. до н.э. (сохранившаяся часть текста доходит до 355 г. до н.э.). Мрамор был найден в начале XVII в. на о. Парос, привезен в Смирну, в 1627 г. приобретен для лорда Т.Г. Арундела (1580–1646), стремившегося «пересадить Грецию в Англию», с 1667 г. хранится в Оксфордском университете.

не с Монфоконом, а с датой первой публикации египетского папируса из собрания кардинала Стефано Борджиа – Charta Borgiana, которая принадлежит датскому ученому Н.И. Шоу (1788).

Наука о печатях сфрагистика (греческий термин закрепился в XIX в.) вплоть до XVIII в. считалась частью дипломатики. Она разрабатывала приемы датирования документа и установления его подлинности с помощью изучения печатей на нем. Своим появлением она обязана знатоку римского и немецкого права И.Г. Хайнеке или Гейнекцию (1681–1741), автору труда «Германские древности, иллюстрирующие отечественное право», профессору университета в Галле, где он также читал философию, историю литературы, христианские и римские древности.

Начиная с эпохи Возрождения, интенсивно вводятся в научный оборот эпиграфические источники: с 1603 по 1765 г. было опубликовано около 12 сводов надписей, главным образом латинских. Самым крупным из них стал четырехтомник из 15 тыс. надписей (1739–1742), составленный итальянским эрудитом А. Муратори (1672–1750), который одним из первых подверг критическому пересмотру памятники, обследованные именитыми предшественниками, в частности смотрителем древностей при папе Пие IV и крупнейшим фальсификатором античных надписей П. Лигорио (1510–1583). История эпиграфики знает немало примеров не только фальсификаций, но и сознательного уничтожения источников. Так, по поручению Людовика XV в 1728–1729 гг. для собирания надписей и рукописей на Восток был отправлен знаток сирийского языка иезуитский аббат М. Фурмон (1690–1746). В Греции им было собрано 3000 надписей, но известно лишь около 1200 его крайне неточных и небрежных копий. Впоследствии Фурмона уличили в фальсификациях и уничтожении надписей, часть которых он зарывал в землю, чтобы скрыть следы своих подделок и сделать невозможной проверку копий. Рабочим, трудившимся целый месяц под руководством Фурмона на раскопках в древней Спарте, он приказал разрушить оставшиеся руины, чтобы сделать свое путешествие «знаменитым». В письмах к министру внутренних дел графу Ж.Ф.Ф. де Морепа он хвастался своими «подвигами», именуя себя «Фурмоном Спартанским». Спустя 75 лет английский путешественник и коллекционер антиков Э. Додвел (1767–1832) в 1801 г. слышал в Мистре рассказы о варварстве некоего француза, копировавшего надписи и разбивавшего мраморы молотком, чтобы стереть их следы.

Становление латинской эпиграфики как науки состоялось во второй половине XVIII в., когда стали разрабатываться приемы внешней и внутренней критики источников, выделяться виды графических форм (букв, шрифтов), прослеживаться их эволюция и традиционные формулы и системы сокращений лапидарных надписей, совершенствоваться способы их копирования и дешифровки, а также относительной и абсолютной датировки. Основы эпиграфики были заложены трудами уже упоминавшегося вольтеррского антиквара Ш. Маффеи (1749), сочинениями Морчелли о стиле латинских надписей (1780–1781) и Г. Марини, издателя латинских надписей виллы Альбани (1785). В них впервые обоснован принцип точного копирования и издания надписей, без намеренных «приукрашиваний», архаизирований или произвольных дописываний текста публикатором, которые были характерны для эпиграфических трудов предшествующих эпох.

Сходные этапы становления прошла нумизматика. Коллекционирование античных монет, привлекавших внимание своей редкостью и художественными достоинствами, началось в XIV–XV вв., и к XVIII в. сложились тысячи частных собраний по всей Европе. С XV в. стала появляться специальная литература, отражавшая основные формы и приемы нумизматического коллекционирования – тематический или хронологический подбор монет, составление инвентарей, изучение техники и веса монет, определение их коллекционной стоимости. Заслуга антикваров состояла в накоплении, описании и систематизации памятников, разбросанных по разным коллекциям, но главным недостатком их трудов было отсутствие критической проверки издаваемого материала. Некоторые нумизматы использовали элементы внутренней и внешней критики этого рода «древностей»: английский просветитель Дж. Аддисон выступил против аллегорического толкования монетных изображений, широко распространившегося в начале XVIII в.; изучением легенд на монетах занимались дипломат Э. Шпанхайм и венский библиотекарь Э. Фрелих (1752); парижский коллекционер Ж. Пеллерен в издании своей 35-тысячной коллекции греческих монет (1765) впервые использовал географический принцип их распределения по монетным дворам.

Многие частные коллекции в результате войн и революций к концу XVIII в. вошли в состав государственных, королевских и императорских собраний – Кабинета медалей в Париже, Мюнц-кабинетов в Вене и Берлине, коллекций Британского музея в Лондоне, Кунсткамеры и Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Концентрация нумизматического материала дала импульс к созданию основ научной нумизматики, связанной с именем хранителя венского императорского Мюнц-кабинета (с 1774 г.) И.Й.И. Эккеля (1737–1798), автора восьмитомного «Учения о древних монетах» (1792–1798). Эккель ввел критическую проверку материала и систематизацию монет по историко-географическому и хронологическому принципам, не утратившую значения до настоящего времени. Он затронул вопросы весовых систем, типологии монет и техники монетного дела, определения металла, а также попытался применить нумизматические данные для реконструкции политической и культурной истории древнего мира. Перестройку на научной основе средневековой нумизматики предпринял австрийский юрист, профессор Пражского университета Й. Мадер (1754–1815), который также систематизировал монеты, в частности брактеаты, по историко-географическому принципу и разработал шкалу для измерения монет Средневековья и Нового времени.

«РИМСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ» И РОЖДЕНИЕ ЭТРУСКОЛОГИИ

Одной из важнейших особенностей классицизма XVII – первой половины XVIII в. стало обращение к формам античного искусства как к идеальному эстетическому эталону. Это течение было порождено «Римским возрождением», начавшимся в XV в. Монархи и правители Италии и других католических стран использовали римское наследие для доказательства собственной причастности к древним корням. Вечный город становится центром паломничества антикваров, которые стали понимать важность как

можно более точной фиксации и графического воспроизведения памятников старины. Увражные издания «древностей» уже в XVII в. достигают высокого уровня графического оформления – гравюра на дереве со временем была заменена более тонкой гравировкой на меди. К концу XVIII в. появляются совершенные по своим художественным качествам книги, сыгравшие значительную роль в популяризации античного наследия.

К XVIII в. была выполнена графическая фиксация практически всех известных римских архитектурных памятников Италии и Франции. Образцом подобных изданий может служить труд французского архитектора А. Дегоде (1653–1728) «Античные сооружения Рима» (1682), который включал около 150 гравюр руин Вечного города, а также амфитеатра в Вероне. По точности обмеров и качеству оформления книга превзошла все, что было издано до нее, открыв серию высокохудожественных изданий архитектурной графики. Обнаружив в трудах предшественников множество противоречий и ошибок, Дегоде решил представить древности в том виде, в каком он их зафиксировал, без каких-либо попыток приукрашивания и реставрации, и вошел в историю как основоположник точного архитектурного обмера. Его идеи получили развитие в историко-описательном увраже архитектора К. Фонтана (1634–1714) «Амфитеатр Флавиев» (1725), упрочившем новое направление в архитектурно-археологической графике: объективную фиксацию памятника в момент его изучения (в данном случае Колизея в 1708 г.) и его предполагаемой авторской реставрации.

В начале XVIII в. поток европейских путешественников в Италию значительно увеличился. Специально для любителей искусства «знатоки» античности отец и сын Ричардсоны издали путеводитель «Сообщение о статуях, барельефах, рисунках и живописи Италии» (1722), где впервые высказали мысль о возможности восстановления облика утраченных образцов греческой скульптуры по римским копиям. Ричардсоны показали важность фиксации места находки памятника, его детального описания и исследования.

Археологическое изучение Вечного города со времен Возрождения проводилось под контролем Ватикана. Первые масштабные, но хищнические раскопки на Палатине произвел в начале XVIII в. папский комиссар древностей, веронский прелат Ф. Бьянкини (1662–1729), автор книг «Погребальная камера и надписи гробницы вольноотпущенников дома Августа» (1727) и «Дворец Цезарей» (1738). Именно Бьянкини в книге «Всеобщая история, изложенная по памятникам и изображенная в древних символах» высказал мысль, что археологические памятники дают более достоверную информацию о прошлом, чем письменные источники.

Первая четверть XVIII в. знаменовалась взлетом интереса к древностям этрусков и появлением научной этрускологии. Их инициировали великолепные находки в гробницах Тосканы. Уже в эпоху Возрождения флорентийская знать и банкиры, называвшие себя прямыми наследниками этрусских царей, в политических целях поощряли раскопки древних этрусских гробниц. Изучением древностей занималась специально основанная Этрусская академия в Кортоне (1727) с музеем при ней. В 1723 г. англичанином Т. Коуком был открыт трактат шотландского историка Т. Демпстера (1579–1625) «Семь книг об Этрусском царстве», написанный еще в 1615–1618 гг. Этот труд, дополненный комментариями и гравюрами, был опубликован во Флоренции

Ф. Буонаротти (1723–1724) и на столетие стал «Библией» этрускологии, соединив всю известную информацию письменных и археологических источников об этом народе. Флорентийский антикварий А.Ф. Гори, проводивший раскопки в Вольтерре (с 1728 г.), изучил коллекции великого герцога Тосканского и издал «Флорентийский музей» (1731–1762), «Этрусский музей» (1736–1743) и «Этрусские древности». К XVIII в. относятся и первые попытки прочтения этрусских надписей.

Неизвестные ранее архитектура и искусство, генетически связанные с греческой традицией, и артефакты, созданные до 79 г. н. э., стали известны европейцам после открытия остатков римских городов Геркуланума, Помпей и Стабий, погибших в результате извержения Везувия. В 1710 г. при рытье колодца случайно были открыты руины театра в Геркуланме. Этот земельный участок тут же приобрел лотарингский аристократ граф д'Эльбёф, возглавлявший с 1707 г. полк австрийской императорской армии в Неаполе. Он вел раскопки путем пробивания штолен и часть найденных статуй и архитектурных фрагментов отправил во Францию. Но власти Неаполитанского королевства заставили прекратить самовольные раскопки и перекупили участок. В 1738 г. Карл VII, желая пополнить королевские собрания древностей, взял раскопки под свой контроль, но они проводились без четкого плана. В 1750 г. за пределами геркуланумского городища швейцарский военный инженер и архитектор К. Вебер сделал сенсационную находку – открыл так называемую Виллу папирусов (вилла Кальпурния Пизона) с бронзовыми статуями и богатейшей частной библиотекой из 800 греческих и нескольких латинских свитков, которые в результате извержения превратились в хрупкие обугленные свертки. В 1756 г. священник из Ватиканской библиотеки А. Пьяджо изобрел специальную машину, способную открывать свитки без их повреждения, и в конце столетия в научный оборот стали вводиться факсимиле и транскрипции обнаруженных текстов – главным образом произведений Эпикура и его последователей.

Находки на Вилле папирусов стимулировали новые археологические исследования под руководством К. Вебера (1750–1761, 1764–1765). Его помощник, архитектор Ф. де Ла Вега, составлял точные планы раскопов, где отмечал места находок предметов искусства. Вебер, считающийся одним из основоположников полевой археологии, предлагал королю издать отчеты о раскопках, но его инициатива была отвергнута. В 1765 г. раскопки были приостановлены из-за выхода газа в одной из штолен – римский город скрывал 15–20-метровый слой пемзы и шлаков, в котором с трудом прорубали штольни и системы тоннелей 60 см шириной и 170 см высотой.

Вместо Геркуланума с 1748 г. стали раскапывать более доступные руины Помпей. В 1689 г. при устройстве колодца наткнулись на фрагменты фундамента древнего здания и открыли надпись со словом «Помпеи», но найденные остатки были ошибочно отождествлены с виллой Помпея Великого. Руководивший раскопками в 1748–1760 гг. инженер-полковник неаполитанской армии Р.Х. де Алькубьерре был уверен, что исследует Стабии, городище которых было им открыто и исследовано в 1749–1782 гг. Архитектурные остатки Стабий он приказал засыпать, из-за чего место раскопок было затеряно (исследования возобновились лишь в 1950-х годах). Методы раскопок Алькубьерре в Стабиях и в Помпеях с современных позиций не выдер-

живают критики: настенные росписи и напольные мозаики выламывали со своих мест и отправляли в Неаполь, где их вставляли в рамы для экспонирования в королевском музее, а исследуемый участок вновь засыпали землей. Алькубьерре интересовали лишь представляющие художественную ценность находки, остальные уничтожались, как не представляющие интерес для королевского собрания. При его преемнике Ф. де Ла Вега архитектурные остатки Помпей перестали перекрывать вынутым грунтом, землю начали вывозить за пределы городища; открытые памятники реставрировались, менее ценные находки оставлялись на месте для всеобщего обозрения. Окончательно решить вопрос о названии древнего города, погребенного под пеплом Везувия, помогла находка в 1763 г. надписи на пьедестале статуи с упоминанием Помпей.

Открытие остатков трех античных городов наглядно продемонстрировало недооцененную ранее специфику археологического источника – возможность точной фиксации и воссоздания многих аспектов жизни человека античной эпохи, прерванной внезапной природной катастрофой. Короли Неаполя организовали в Портичи музей Геркуланума (1758), которому по богатству античных памятников не было равного в мире. Посетившая Неаполь в 1781 г. княгиня Е.Р. Дашкова посоветовала Фердинанду IV полностью раскопать погибшие города, «все это очистить и расставить в том порядке, в каком каждая вещь найдена», т.е. создать музей под открытым небом, куда допускать посетителей за определенную плату, чтобы окупить расходы на раскопки. В 1740-х годах Неаполитанским королевством были ассигнованы средства на издание описаний и гравюр с древностей Геркуланума: «Описание первых открытий города Геркуланума» М. Венути (1749), «Украшения стен и полов комнат античных Помпей» и др. Для изучения и публикации материалов раскопок была создана Королевская Геркуланская академия археологии в Неаполе (1755–1799), предпринявшая издание восьми объемистых томов серии «Древности Геркуланума» (1757–1792).

Раскопки Геркуланума и Помпей открыли миру высокохудожественные изделия греко-римского ремесла. Под их влиянием в архитектуре и предметах декоративно-прикладного искусства получает распространение стиль «à l'antique». Так, французский архитектор Ш.Л. Клериссо (1721–1820) использовал в проектах интерьеров мотивы помпейских росписей – так называемый «стиль Людовика XVI» или «арабески». Именно Клериссо сопровождал в путешествиях шотландских архитекторов братьев Р. и Д. Адамов, с 1755 г. изучавших древности Рима, затем руины в Спалато (ныне Сплит) в Далмации, Грецию и Египет (1757–1758). Вернувшись на родину, Р. Адам (1728–1792) создал проект реконструкции дворца Диоклетиана в Сплите, признав этот дворец величайшим воплощением римского гения, и опубликовал книгу о нем с зарисовками и планами, выполненными Клериссо (1764). Издание получило большой резонанс в среде антикоманов. В 1770-е годы, Клериссо изучал римские древности Франции и издал увраж с памятниками Нима (1778, переиздан в 1804 г. с текстом Г. Леграна).

По найденной расписной керамике, фрескам Помпей и Геркуланума антикварии смогли оценить античную живопись непосредственно, а не по описаниям древних авторов. Греческие расписные вазы в XVIII в. получили ошибочное название «этрусских», так как античная художественная керамика

стала известна в ходе изучения некрополей Этрурии. Британский посланник в Неаполе, коллекционер и знаток античного искусства У. Гамильтон (1730–1803) собрал значительную коллекцию расписных ваз из раскопок в Южной Италии (часть продана в 1772 г. Британскому музею). Своими «Древностями этрусков, греков и римлян», изданными бароном П.Ф.Г. д'Анкарвилем (1766–1767), он вдохновил Дж. Веджвуда на производство с 1769 г. серий фарфора под названием «Этрурия», а также ваз в греческом стиле.

В традиции антикваризма были написаны труды «папского префекта древностей» Дж.Б. Висконти (1722–1784) и его сына Э.К. Висконти (1751–1818). Последний на средства Ватикана издал каталог античного собрания музея Пио-Клементино (1792) и в конце XVIII в. переехал в Париж, где стал придворным антикварием Наполеона и членом Академии надписей (1804). Согласно Толентинскому договору папы Пия VI и Наполеона (1797), «антики» Ватиканского музея, часть статуй Капитолия, частные собрания герцога Браски, памятники виллы кардинала Альбани были конфискованы победителями и отправлены в Париж. Эти 517 памятников предназначались для открытого в Лувре в 1801 г. Музея Наполеона или Центрального музея. Туда же «по праву войны» в начале XIX в. отправились древнеримские «антики» из Флоренции, Вероны, Модены, Турина; собрание Боргезе, которое Наполеон приобрел у своего зятя К. Боргезе, стало основой Королевского музея в Париже. Их научные каталоги составил Э.К. Висконти, который ошибочно утверждал, что античное искусство в течение 600 лет – от Фидия до Адриана – сохранялось на одинаково совершенной эстетической высоте. С падением Наполеона (1815) при финансовой помощи Великобритании часть древностей была возвращена в Италию, остальные навсегда остались в Лувре.

«ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Раскопки в Геркулануме и Помпеях придали мощный импульс развитию неоклассицизма второй половины XVIII – первой трети XIX в., формировавшегося под воздействием эстетики Просвещения. Значительное влияние на него оказало так называемое «Греческое возрождение» – волна энтузиазма, вызванная открытием в середине – второй половине XVIII в. археологических памятников в Восточном Средиземноморье. В отличие от Италии, страны, входившие в состав Оттоманской империи, из-за «железного занавеса» ислама оставались почти неизвестными европейцам, но в последней трети XVII – XVIII в. поездки в этот регион участились.

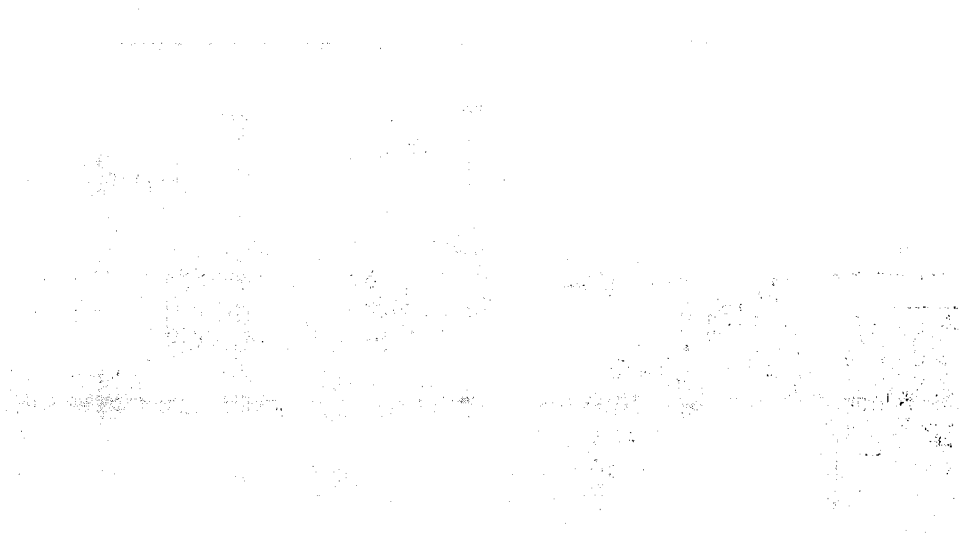
Поиском греческих надписей и рукописей занимались военные, дипломаты, антикварии, художники, ученые-естествоиспытатели. В 1700–1702 гг. по поручению французского короля профессор ботаники при Королевском саде лекарственных растений, член Парижской академии Ж. Питтон де Турнефор (1656–1708) в сопровождении художника королевских садов К. Обри (1651–1743) и немецкого естествоиспытателя А. Гундесхаймера (1668–1715) путешествовал по Греции, Азии и Африке для изучения растений, попутно занимаясь естественно-историческими, археологическими и этнографическими наблюдениями. Экспедиция объехала острова греческого Архипелага, Малую Азию, берега Черного моря, Армению, Грузию и добралась до гра-

ниц Персии. В «Сообщении о путешествии в Левант» (1717) помещены рисунки не только растений, но и скульптур, архитектурных фрагментов, надписей, а также впервые снятые планы ряда античных городов на островах Архипелага и в Малой Азии. Французский врач П. Люка (1664–1737) провел в путешествиях по Востоку и Греции четверть века, собирая коллекции для королевского кабинета и снимая эстампажи надписей, в том числе открытой Турнефором в Анкаре надписи «деяний» Октавиана Августа – так называемого Анкирского памятника (1701), но его описания изобилуют неточностями.

Немецкий математик К. Нибур (1733–1815) возглавлял научную экспедицию, посланную датским королем в Аравию, Персию, Сирию, Палестину и соседние страны (1762–1767), и единственный из пятерых европейцев вернулся домой. Он изучал остатки древних городов, в частности Персеполя, где скопировал ряд клинописных текстов, составил планы увиденных памятников и карты Красноморского побережья Аравии и всего Йемена. Подробные историко-географические сведения приводятся им в «Описании Аравии» (1772), «Описании путешествия по Аравии и другим близлежащим странам по собственным наблюдениям и сведениям, собранным на месте» (1774–1778) и посмертно изданном «Путешествии через Сирию и Палестину» (1837).

Несколько ранее (1737–1742) по Востоку путешествовал английский юрист, впоследствии англиканский епископ, член Лондонского общества антикваpиев Р. Покок (1704–1765). В неоднократно переиздававшемся «Описании Востока и некоторых других стран» (1743–1745) им подробно, хотя и сумбурно, охарактеризованы руины древних сооружений и приведены рисунки, архитектурные чертежи и обмеры, планы городов не только Греции и островов Эгейского моря, но также Палестины, Ливана, Сирии, Месопотамии, Египта, Кипра, Крита и ряда стран Восточной Европы. Покок впервые издал сделанные по беглым наброскам чертежи величественных храмов Баальбека (1737) и изображения других памятников, в том числе находящихся в Афинах, многие из которых были разрушены. Для исследования монументальных памятников Пальмиры и Баальбека по следам Покока в 1750–1753 гг. Обществом дилетантов в Лондоне была отправлена экспедиция Дж. Даукинса (1722–1757) и Р. Вуда (1717–1771) в сопровождении итальянского архитектора Дж.Б. Борра. Ее результаты опубликованы одновременно на английском и французском языках в книгах «Развалины Пальмиры» (1753) и «Развалины Баальбека или Гелиополиса в области Сирии» (1757).

Ряд памятников классической Греции пострадал в ходе военных действий. Так, осада венецианцами Афин (1687) привела к существенным повреждениям скульптур Акрополя, которые в 1674 г. успел зарисовать фламандский художник Ж. Каррей (1649–1726), сопровождавший в путешествии по Греции французского посла в Порте маркиза де Нуантеля. В 1751 г. на средства Общества дилетантов в Афины прибыли живописец Д. Стюарт (1713–1788) и архитектор Н. Реветт (1720–1804), которые в течение трех лет проводили систематические раскопки, обмеры и зарисовки остатков архитектуры и скульптуры. В частности, они изучили исчезнувшие впоследствии памятник Фрасилла под Акрополем и ионийский храм на Илиссе, дважды обследовали Кикладские острова. Ими были изданы «Древности Афин измеренные и



Восточный фронтон Парфенона в Афинах. Гравюра с рис. Уильяма Парса. 1765 г.

зарисованные» в четырех томах (1762–1830). В точных изящных увражах запечатлены не только все памятники афинского Акрополя, но и его ансамбль, представленный как гармоничное единство разнообразных элементов природного ландшафта и архитектуры. Француз Ж.Д. Леруа в книге «Развалины красивейших памятников Греции» (1758) издал собственные зарисовки, отстаивая тезис о первенстве греческого искусства над этрусским и римским.

Общество дилетантов снарядило и «Первую ионийскую» экспедицию (1764–1766) с участием Н. Реветта, Р. Чендлера (1738–1810) и рисовальщика У. Парса (1742–1782). Помимо дополнительного исследования памятников Афин (1765), экспедиция обнаружила остатки дорических храмов на мысе Суний и о. Эгина, изучила древности Малой Азии, Сирии и Палестины, вновь обследовала руины Пальмиры и Баальбека. Книги «Древности Ионии» (1769) и «Ионийские древности» (1812) фактически открыли миру ионийское зодчество Малой Азии на о. Самос, в Приене и в Дидимах у Милета.

В последней четверти XVIII в. французские миссии трижды получали разрешение снимать слепки со скульптур Парфенона. К концу столетия относятся путешествия по Греции и Турции посла Франции в Константинополе (с 1784 г.) графа М.Г.Ф.О. Шуазеля-Гуфье (1752–1817), члена Академии надписей и изящной словесности, впоследствии директора Императорских библиотек и президента Академии художеств (1797–1800) в Петербурге. По его поручению в 1788 г. французский консул Фовель попросту спилил блок подлинных скульптур с «Эргастинами» с восточного фриза Парфенона (ныне в Лувре). Не брезгуя подобными методами, Шуазель-Гуфье собрал большую коллекцию античных надписей и древностей, во многом утраченную из-за событий конца столетия (одна часть погибла во время пожара

в Смирне, другая оказалась на захваченном англичанами судне и попала в Британский музей, третья была отправлена морем в Одессу, но дальнейшая ее судьба неизвестна). После смерти Шуазеля-Гуфье остатки его коллекции были проданы с торгов и попали в Лувр, музей Марселя и другие музеи Франции, а также разошлись по частным коллекциям.

В масштабном вывозе греческих подлинников в Западную Европу не отставали и англичане. Профессор минералогии Кембриджского университета Э.Д. Кларк (1769–1822) проехал всю Южную, Западную и Северную Европу, через Россию попал в Турцию, Грецию, Малую Азию, Сирию, Египет (1790–1802) и привез в Англию 183 ящика экспедиционных материалов, включая мраморы, надписи, рукописи, большинство из которых было вывезено нелегально, т.е. украдено не только в Оттоманской Порте, но и в России. Особенно отличился Т. Брюс, лорд Эльгин (1766–1842), английский посол в Турции (1799–1803), увлекавшийся коллекционированием древностей. На собственные средства Эльгин нанял итальянских специалистов для зарисовки памятников и снятия слепков, причем добился официальных фирманов для получения их доступа на афинский Акрополь за 5 гиней в день. Используя благорасположение султана и подкуп турецких чиновников, лорд получил разрешение на раскопки и снятие скульптур и сумел вывезти в Лондон 12 фронтонных групп, 15 метоп, 56 плит фриза Парфенона, скульптуру Коры с портика Эрехтейона, куски фриза храма Ники, а также надписи и скульптуры из различных мест Греции, большое количество слепков и рисунков. В Лондоне Эльгин, заклейменный лордом Байроном как варвар, разграбивший греческие святыни, организовал публичную выставку привезенных скульптур. В 1816 г. они были приобретены английским правительством для Британского музея.

В середине XVIII в. внимание антикваров привлекли также древнегреческие памятники Италии – дорические храмы VI–V вв. до н.э. Пестума в Кампании, поразившие совершенством форм И.В. Гёте, и остатки зодчества Великой Греции на Сицилии. Первые описал Дж. Антонини (1745); серию рисунков опубликовал французский архитектор Ж. Суфло, посетивший Пестум в 1750 г.; книгу «Развалины Пестума» (1768) напечатал англичанин Т. Мейджор. Если знаменитый итальянский гравер и архитектор Дж.Б. Пиранези (1720–1778) в конце 40-х годов работал над серией гравюр «Виды Рима» и издал несколько томов с исследованиями и реконструкциями практически всех знаменитых античных построек в Вечном городе и его окрестностях, то в последние годы жизни он переключился на греческую архитектуру – выполнил обмеры и сделал зарисовки, ставшие основой для серии офортов греческих храмов Пестума. Памятники Великой Греции были изданы в увражах Ж.П. Уэля «Живописное путешествие на Сицилию» (1782) и аббата де Сен-Нона «Живописное путешествие в Неаполитанское королевство» (1781).

Одним из ярких представителей «Греческого возрождения» был член Академии надписей (с 1747) и Французской Академии (с 1789) аббат Ж.Ж. Бартелеми (1716–1795), долго живший в Италии. В своей книге «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию в середине IV века до Р. Х.» (1788) он попытался воссоздать в художественной форме картину древнегреческого мира на фоне рассказа о достопримечательностях Эллады. Книга получила небывалую популярность во многих странах Европы.

РОЖДЕНИЕ ЕГИПТОЛОГИИ

Сведения о Древнем Египте и других цивилизациях Востока европейцы могли почерпнуть из Библии, сочинений античных и арабских авторов и немногочисленных описаний европейских паломников, дипломатов и путешественников XII–XVII вв. Единичные научные труды – «Пирамидография» английского астронома и антиквара Дж. Гривза (1646) и «Египетский Эдип» немецкого ученого-энциклопедиста иезуита А. Кирхера (1602–1680) представляли данные об истории и памятниках древнеегипетской цивилизации, в том числе почерпнутые из средневековых арабских текстов. А. Кирхер безуспешно пытался расшифровать иероглифическую письменность, но правильно указал на связь коптского языка с древнеегипетским. Он состоял в переписке с Г.В. Лейбницем, который в 1672 г. направил Людовику XIV план завоевания Египта для обеспечения господства Франции в Европе. Более чем через сто лет эта идея была подхвачена Наполеоном. Вероятно, не только антикварные, но и внешнеполитические интересы побудили Людовика XV в 1726 г. отправить на Восток иезуита-миссионера К. Сикара с заданием составить план древностей этой загадочной страны. Сикар первым из европейцев посетил Долину царей – до него не было точно известно, где располагались древние Фивы.

По приказу датского короля Христиана VI в путешествие по Египту и Нубии (1737–1738) отправился блестящий художник, инженер-кораблестроитель Ф.Л. Норден (1708–1742). Этот военный моряк обследовал Александрию и ее окрестности, Каир, все течение Нила вплоть до Верхнего Египта, описал и зарисовал памятники, составил рукописные карты. Результаты поездки обобщены им в труде «Рисунки некоторых развалин гигантских статуй Фив в Египте» (1741) и в двух томах посмертно изданных записок с приложением 159 рисунков «Путешествия в Египет и Нубию» (1755; переизданы в 1795–1798). Капитан Норден подтвердил достоверность описаний древнеегипетских памятников, сделанных античными авторами, и подверг критике сведения, оставленные европейскими путешественниками. Уже упомянутый Р. Покок с томиками античных авторов в руках осмотрел пирамиды, храмы Луксора и Карнака, под обстрелом разбойников добрался до Долины царей, где изучил 14 царских усыпальниц и составил планы пяти из них (1739, 1741). Но все же вплоть до конца XVIII в. цивилизация Древнего Египта оставалась загадочной – египетские иероглифы не были расшифрованы, памятники монументальной архитектуры и произведения искусства большей частью покоились под землей.

Следующую попытку расшифровать иероглифическую письменность предпринял в 1797 г. Г. Соэга (Цоэга) (1755–1809), переселившийся в Италию датчанин, получивший образование в Германии. Он проследил развитие египетского искусства и составил свод известных в Европе обелисков, где все иероглифы были воспроизведены стилистически точно, что позволило проследить их развитие во времени. Соэга доказал отличие знаков для отдельных понятий от звуковых знаков и подтвердил наблюдение Бартелеми, что рамки (картуши) содержат имена фараонов.

Развитие египтологии во многом связано с именем Наполеона Бонапарта, который восхищался Востоком и хорошо знал книги Ф.Л. Норде-

Французские ученые измеряют сфинкса. Гравюра с рис. Д. Виван Денона. 1802 г.

на и К. Нибура. Систематическое исследование Древнего Египта началось во время возглавленной Наполеоном военно-научной экспедиции в 1798–1799 гг., в состав которой входили 50 тыс. солдат и свыше 150 квалифицированных ученых и инженеров (включая архитекторов, антикваров, ориенталистов, художников). В Каире Наполеоном был основан Французский египтологический институт, занимавшийся собиранием древностей. Членом института стал искусствовед и художник Д.В. Денон (1747–1825), сразу заносивший свои впечатления от увиденного на бумагу. Вместе с армией Дезе он пересек весь Египет от Александрии до острова Филе и позднее издал «Путешествие по Верхнему и Нижнему Египту во время кампании генерала Бонапарта» (1802). Книга, иллюстрированная романтическими рисунками Денона, переиздавалась 40 раз и была переведена на немецкий и английский языки.

Военные поражения заставили французов в 1801 г. эвакуироваться из Египта. Собранная Французским институтом в Каире коллекция древнеегипетского искусства, предназначавшаяся для Музея Наполеона, попала в руки противника и разместилась в Британском музее. Результатом занятий французских ученых в Египте стал выход 24-томного «Описания Египта» (1809–1829), которое включало 9 томов описания древностей, выполненых Денономи сопровождавшихся рисунками Ф. Жомара.

Одним из наиболее значимых результатов Египетского похода стало случайное открытие при постройке военных укреплений так называемого Розеттского камня (1799) у западного устья Нила. На базальтовой плите был записан декрет в честь Птолемея V (196 г. до н.э.) на греческом и египетском языках, где египетский текст написан дважды – иероглифами и демотикой (сокращенная скоропись эпохи позднего Египта). Взявшиеся за расшифровку французский арабист А.И. Сильвестр де Саси, английский физик Т. Юнг

и шведский ориенталист Ю.Д. Окерблад смогли понять лишь значение ряда знаков. Сопоставление текстов Розеттского камня дало Ж.Ф. Шампольону ключ к расшифровке древнеегипетских иероглифов (1822), ставшей главным фактором развития египтологии как науки.

«ГОТИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ», ОТКРЫТИЕ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ ЕВРАЗИИ И ДРУГИХ КОНТИНЕНТОВ

Во всех западноевропейских странах, начиная с Возрождения, велось систематическое изучение не только греко-римских, но и национальных «древностей», которое особенно активизировалось в период охватившего Европу движения романтизма. Век XVIII породил «Готическое возрождение» и считался «веком руин», к которым изучающая их археология имела непосредственное отношение. Сложилось целое направление в пейзажной живописи и парковой архитектуре, воспевавшее поэтику руин и историческую бренность всего сущего, быстро завоевавшее популярность. Характерным его представителем был французский художник Г. Робер (1733–1808).

Публикация увражей с изображениями живописных пейзажей с руинами повысила интерес европейцев к исследованию всего загадочного – мегалитов, курганов, развалин укреплений, о которых в письменной истории почти не сообщалось. Романтическое движение, зародившееся в середине XVIII в., стало протестом против рационализма Просвещения, обратной реакцией на абсолютизацию знания, что привело к отторжению принципов неоклассицизма, ставившего во главу угла изысканные античные образцы. Антикварии стали изучать прошлое народной культуры, зачастую сознательно противопоставляя свои исследования изучению недоступных многим из них классических памятников. Этнография была экстраполирована на отдаленное прошлое, и антикварии стали одновременно проводить этнографическое и археологическое изучение артефактов, привлекая этнографические аналогии для археологических интерпретаций. Это направление исследований, получившее развитие уже в XIX в., определяется как «палеоэтнографизм».

Именно в эпоху Просвещения археология начала разрабатывать занимавшие умы интеллектуалов вопросы о происхождении человека и древнейших этапах его развития. Даже в XVIII в. в обыденном сознании некоторым артефактам приписывались сверхъестественное происхождение и магическая сила. «Чертовы пальцы», «громовики» или «волшебные» стрелы и топоры (палеолитические и неолитические кремневые орудия, обнаруживаемые в комплексах эпохи энеолита и раннего железного века) рассматривались как порождаемые ударами молний атрибуты «бога-громовика». Еще в 1593 г. хранитель ботанического сада в Ватикане М. Меркати осознал, что «громовые стрелы» – каменное оружие древних людей, но его трактат был опубликован только в 1717 г. Сходные догадки независимо друг от друга высказывали У. Рудбек (1698), И. Эстерлинг (1714), Н. Магюдель (1730), Г.Ф. Миллер (1740) и др.

Представления о методах решения познавательных задач археологического исследования во многом формировались под влиянием этнографии и

классической филологии. Знакомство европейцев с автохтонными культурами других континентов в XVI–XVIII вв. помогло разгадать назначение таинственных «чертовых пальцев». Французский миссионер-иезуит Ж.Ф. Лафито (1670–1740) в книге «Обычаи американских дикарей в сравнении с обычаями первобытных времен» (1724) отметил сходство общественного строя древних народов Европы с обществами ирокезов и гуронов. Годом ранее А. де Жюссье (1686–1758) сопоставил доисторические каменные изделия Европы с памятниками из Новой Франции и Карибских островов. Он установил, что древние племена Франции, Германии и других стран, не знавшие железа, использовали дерево, изготавливали лодки, охотились на животных, т.е. имели бытовое сходство с «первобытными» народами.

В 1751 г. во Франции был обнаружен клад из семи бронзовых мечей. Находка стала предметом обсуждения Французской академии, в ходе которого Ж.Ж. Бартелеми, сопоставив данные Гомера и Гесиода об употреблении бронзы и железа у греков и римлян, предположил, что в древности варварские народы Европы из-за незнания железа могли употреблять бронзу для изготовления орудий. Около 1766 г. англиканский епископ Ч. Литтлтон высказал мнение, что изделия из камня появились задолго до того, как стал доступен металл, и их можно отнести ко времени, предшествующему римскому завоеванию Британии. Десятилетие спустя английский эссеист и лексикограф С. Джонсон сравнил британские каменные артефакты с современными ему изделиями «диких народов» Океании, заключив, что те и другие были сделаны племенами, не знавшими железа (1775).

«Ученые экспедиции» XVIII в., направленные Петербургской академией наук в отдаленные земли Российской империи, в частности в Сибирь и на Дальний Восток, осуществляли комплексное изучение и сбор артефактов независимо от их культурно-исторической принадлежности. Академические отряды Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции (1733–1743) воочию столкнулись с племенами, живущими в каменном веке. Ученые научились идентифицировать орудия труда и кости животных и даже пытались определить относительную хронологию памятников различного типа. Особое внимание уделялось методичности исследований – тотальной фиксации всех объектов (независимо от их «понятности» и «важности» для науки того времени) при раскопках и разведках, графической фиксации артефактов, приобретению древностей для Кунсткамеры, составлению «ландкарт» и словарей местных терминов, привлечению этнографических параллелей, сопоставлению письменных и археологических источников. Ставилась задача соотнесения предметов, добытых при раскопках, с элементарными функциями жизнедеятельности аборигенов, т.е. этнографического сравнения с фактами их повседневной жизни. Детальное изложение этой академической программы представлено в инструкции академика Г.Ф. Миллера адъюнкту И.Э. Фишеру (1740). Применявшийся учеными комплексно-географический (экосистемный) подход в контексте землеописания различных районов России привел к результатам, не утратившим своего научного значения до сих пор.

Полевые работы дали импульс к рождению собственно археологических методов исследований – фиксации стратиграфических наблюдений и разработки приемов относительной хронологии памятников. Датский епископ, профессор теологии Э.Л. Понтоппидан (1698–1764), автор ряда

«Семь идолов в образе разных зверей». Рис. И.В. Люрсениуса. 1735 г.

исторических трудов и инициатор топографической съемки Дании (1761) раскопал мегалитические захоронения на северо-востоке острова Зеландия. Описание памятников было издано им в первом томе «Трудов» (1745) Датского королевского научного общества, где автор отметил, что кремации, найденные под насыпью, залегают ниже, т.е. являются старше остальных погребений.

XVIII век положил начало применению естественно-научных методов в археологии. Лондонское королевское общество не только изучало органические остатки, но и пыталось определить функциональное назначение древних монументальных руин и сделало первые шаги в исторической атрибуции находок, о которых не сообщали письменные источники. Примером разноплановости исследований общества служат работы выдающегося английского антиквара и археолога У. Стакли (1687–1765). Он изучил следы древних построек в разных областях Англии, стремясь восстановить первоначальный образ исчезнувших сооружений и классифицировать их типы по схожим формам, в частности фиксируя стратиграфию курганов. Особое значение имеют отчеты Стакли о полевых исследованиях 1719–1724 гг., в том числе о мегалитических сооружениях Стоунхенджа (1740) и Эвбюри (1743), которые он вслед за предшественниками некритически приписывал друидам. Его выводы были развиты в фантастическую теорию о связи друидского жречества и Стоунхенджа, в результате чего в обыденном сознании англичан в последующее время эти два понятия стали прочно ассоциироваться.

В сотрудничестве с Лондонским обществом директор Гринвичской обсерватории, астроном Э. Галлей в 1720 г. проследил глубину выветривания, которому подверглись камни, и попытался определить возраст Стоунхенджа – 2000–3000 лет (современная радиоуглеродная датировка – от 3020 г. до 2100 до н.э.). Немец Г. Кейслер, путешествовавший по Северной Европе и

живший в Англии, в книге «Выборочные северные и кельтские древности» (1720) назвал Стоунхендж саксонским памятником, так как мегалитические каменные гробницы были известны и в Шлезвиг-Гольштейне.

Десятки работ по истории отдельных регионов Англии, Германии, Скандинавии были ориентированы на изучение «варварского мрака». Антикварии пытались отождествить конкретные пункты и видимые следы древности с городами, поселениями, племенами, упоминаемыми античными авторами, отчетливо осознавая, что им должны соответствовать определенные археологические материалы. Древние британцы, кельты, германцы, с которыми соотносилось большинство национальных древностей, в этих работах были романтизированы, уровень развития и масштабы их расселения преувеличивались. Стремление доказать, что предки северных европейцев были не дикими охотниками, а народом воинов, художников, философов, приводило к невероятным измышлениям. Так, профессор Упсальского университета У. Рюдбек (1630–1702) прославился сочинением об Атлантиде (1679–1702), в котором утверждал, что платоновской Атлантидой, колыбелью западноевропейской культуры, была Швеция.

Чтобы найти древности «варварских» племен, упомянутых древними авторами, антикварии раскопали сотни курганов, в погребальном инвентаре которых оказался невыразительный массовый материал. Так, Б. Фоссетт (1720–1776) провел раскопки более чем 750 курганов на юге Англии и опубликовал работы об англосаксонских курганах в Кенте (1757, 1773). Дж. Дуглас (1753–1819) издал «Британскую Нению*, или Историю погребений Великобритании» и «Историю британских курганов» (1793), отражающие уровень знаний о британских древностях в конце XVIII в. Во Франции изучением местных древностей во второй половине столетия занимался натуралист и антикварий О.Л. Миллен де Грандмезон (1759–1818), хранитель департамента древностей Парижской национальной библиотеки, автор свода «Национальные древности» (1790–1799) и основатель одного из первых археологических журналов – «Magasin encyclopédique» (1795–1816).

Начало научной скифологии связывают с появлением рукописного сочинения московского стольника А.И. Лызлова (1655–1696) «Скифская история» (1692), где собраны сведения западноевропейских (главным образом поздних польско-литовских) и русских источников о древних племенах Восточной Европы. Первые археологические материалы скифской эпохи стали известны благодаря экспонатам Сибирской коллекции Кунсткамеры и раскопанному генерал-поручиком А. П. Мельгуновым богатому комплексу Литого кургана (1763) в Приднепровье. Так называемый Мельгуновский клад был представлен императрице Екатерине II и по ее поручению изучен академиком Г.Ф. Миллером (1764), который не смог однозначно определить этническую принадлежность этого погребения, ошибочно приписанного им финно-уграм.

В XVIII в. появляются и первые исследования по этногенезу северных и восточноевропейских народов, положившие начало археологической германистике и славяноведению. Исторические труды Тацита получают всеобщее

---

* Нения – в раннем римском фольклоре погребальная песнь, восхваляющая и оплакивающая покойника.

признание после выхода их критического издания с подробными комментариями Ю. Липсия (1574). Но уже в эпоху Реформации внимание немецких гуманистов привлекает «Германия» – комментированное издание этого трактата Тацита было подготовлено Б. Ренаном (Базель, 1519). Опираясь на сообщения Тацита и собственные раскопки «полей погребальных урн» (трупосожжения II тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э.) в Нижней Силезии, пастор Л.Д. Герман (1670–1736) приписал их древнегерманским племенам лугиев и квадов. Ранее и даже в начале XIX в. бытовало мнение, что могильники этого типа сами «растут в земле». Погребения того же типа в районе Гессена были приписаны И. Эстерлингом другому племени, упомянутому Тацитом, – хаттам (1714), причем автор сравнивал найденные каменные орудия, которые считал древнегерманскими, с изделиями индейцев Северной Америки.

Немецкие антикварии попытались дифференцировать германцев от славян по различиям в типах погребальных сооружений, приписывая мегалиты германцам (Г. Кейслер, 1720), а курганы – славянам. Археологические данные в этногенетических построениях о северных и восточноевропейских народах широко привлекал шведский историк, профессор красноречия и философии университета в Галле И.Э. Тунман (1746–1778). Намереваясь прояснить историю древнеславянских племен, польский аристократ граф Я. Потоцкий (1761–1815) предпринял серию путешествий по Европе, Азии и Африке. Он оставил ряд исследований о древних народах, а также издал первый историко-географический атлас территории Восточной Европы, составленный по данным античных и средневековых письменных источников (1805, переиздан в 1823 г.).

ПЕРВЫЕ ОБОБЩЕНИЯ

Артефакты, добытые кладоискательскими раскопками, к XVIII в. исчислялись десятками тысяч. Этот объем эмпирического материала настоятельно требовал систематизации. Первой попыткой его обобщения стал монументальный труд «Древности, истолкованные и запечатленные в картинах» (1719, с дополнением – 1724 г.) создателя греческой палеографии Б. де Монфокона, который параллельно с изучением письменных источников три года собирал в Италии предметы античного искусства, а также изображающие их рисунки и гравюры. Вернувшись во Францию, он издал «Итальянский дневник» (1721) со сведениями о раскопках, заимствованными из работ итальянских антикваров. В «Древностях» представлена античная скульптура, предметы искусства, гравюры античных архитектурных сооружений Италии, Греции, Франции, выполненные в XVI–XVII вв. (с указанием автора и года исполнения), и дана первичная морфологическая классификация памятников по материалу, художественным формам и содержанию. Еще в конце XVII в. Монфокон опубликовал результаты раскопок мегалитических памятников в Кошереле на р. Эр и в первом томе «Древностей» правильно приписал их этнической общности, не знавшей железа. Артефакты рассматривались Монфоконом главным образом как подтверждение изложенных в письменных источниках сведений, а также в качестве материальных свиде-

тельств жизни создавших их людей. Его изданием пользовались многие поколения антиквариев и художников вплоть до середины XIX в.

Во второй половине XVIII в. на фоне неоклассицизма кабинетная европейская археология переходит от рассмотрения древностей как феномена истории (в русле представлений Монфокона) к их изучению как памятников античного искусства. Становление искусствоведчески ориентированного антикваризма связано с именем немецкого историка античного искусства И.И. Винкельмана (1717–1768), папского префекта древностей (с 1763 г.), очевидца первых раскопок Геркуланума и Помпей, создателя методики искусствоведческого анализа памятников на основе сравнительно-исторического метода, автора «Мыслей о подражании греческим творениям в живописи и скульптуре» (1755), «Истории искусства древних» (1763), «Неизданных древних памятников» (1767) и др.

В духе господствовавших в его время идей Винкельман ясно и логически стройно объяснил развитие древнего искусства как закономерную циклическую эволюцию форм, опираясь при этом на научный сравнительно-стилистический анализ доступного материала и его археологическую интерпретацию. Он первым сформулировал смелую обобщающую концепцию, согласно которой каждой исторической эпохе (периоду, культуре, этносу) присущи свои художественные образы, соответствующие определенной духовной структуре; он же предположил, что искусство возникает, развивается и угасает в тесной связи с развитием общества и цивилизации. В качестве факторов, влияющих на развитие художественного творчества, Винкельман рассматривал природные условия, социальную организацию, уровень мастерства и развитие техники. Для большинства его современников стиль определял не эпоху, а человека, т. е. манеру художника. По Винкельману, напротив, «эпоха – это стиль», и задача антиквария – научиться распознавать стилистические особенности древних художественных памятников (стиль и манеру, свойственную тому или иному художнику, эпохе или школе) и их изменения во времени и в пространстве. Для этого надо учиться «смотреть и видеть», основывать выводы на визуальном анализе произведений, выработать умение оценивать памятники по их особому построению («морфологии»).

Сравнительно-стилистический подход Винкельмана дал антикварам собственный метод изучения памятников, который позволял извлечь закономерности из самих артефактов и дополнить данные письменных источников путем сопоставления хронологической даты со стилевыми особенностями предмета. Это позволило в определенной мере освободиться от восприятия археологических памятников как иллюстраций к античной литературе и понять их самодостаточную ценность как источника. Однако созданная Винкельманом картина древности страдала идеализацией. Объем источников, которыми он оперировал, был ограничен, так как в его время науке были известны не сами греческие подлинники (за исключением храмов Афин и Пестума), а лишь римские копии. В соответствии со своей схемой циклического развития искусства, в художественном творчестве Греции Винкельман выделил 4 этапа: древнейший, высокий, изящный, подражательный (греко-римский). Показательно, что его интересовала лишь эпоха расцвета греческого искусства – «подражательный» период как «время упадка» он старался исключить

из своего рассмотрения. Научные принципы, методы и выводы, сделанные Винкельманом, объективировали знания о классической древности и превратили классическую археологию и историю искусств в самостоятельные научные дисциплины. Труды Винкельмана, переведенные на многие европейские языки, долгие годы оставались модным чтением, а для нескольких поколений антикваріев – образцом изданий археологических памятников.

Другой ученый и коллекционер, французский аристократ А.К.Ф. де Тюбьер граф де Кейлюс (1692–1765) вошел в историю археологии и историю искусств не только как автор семитомного «Собрания египетских, этрусских, греческих, римских и галльских древностей» (1752–1767), но и как инициатор первых физико-химических анализов антиков для определения их подлинности. Согласно Кейлюсу, археология обращена исключительно к анонимным объектам древности, которые следует изучать сравнительно-историческим методом; она стимулирует ученых к выводам, исходя из изучения самого предмета. Антикварий рассматривал древности, прояснявшие лакуны в свидетельствах античных авторов о жизни и быте античности, как непосредственные свидетельства определенной эпохи, пытался классифицировать памятники по их материалу и художественным формам. Во главу угла Кейлюс ставил сам артефакт, анализируя его для разъяснения художественного вкуса определенного времени, – он призывал изучать историю искусств, а не историю художников.

В 1767 г. профессор Гёттингенского университета Х.-Г. Гейне (1729–1812) начал читать курс лекций «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян», и после двухтысячелетнего забвения возродил греческий термин, ставший названием «науки о древностях». Почти за сто лет до Гейне, лионский врач и антикварий Ж. Спон (1647–1685) в книге «Ученая смесь о древностях» (1685) уже предлагал вернуться к термину «археология», но только с конца XVIII в. он стал употребляться в контексте истории античного искусства и постепенно вошел в международное употребление, укоренившись в России лишь в начале XIX в. Гейне понимал под «археологией» описание и классификацию памятников древности. При этом он классифицировал ее как один из разделов изучения античной литературы, считая ее наукой эстетической, а не исторической. Именно Гейне в трактате «Исправления и дополнения к Винкельмановской истории искусства древности» (1771) обратил внимание на поспешность выводов великого предшественника, признав за Кейлюсом первенство в познании «механики» искусств.

Гейне создал школу немецких филологов-классиков и археологов. Среди ее наиболее известных представителей были упомянутый Г. Соэга (Цоэга), оставивший исследования по римской скульптуре и египтологии, Ф.А. Вольф (1759–1824), прославившийся книгой «Введение к Гомеру» (1795), которая заложила основу современного гомероведения, И.Ф. Зибенкес (1759–1796), автор первого «Руководства по археологии» (1799–1800), К.А. Бёттигер (1760–1835), основавший первый археологический журнал в Германии – «Amalthea, Archäologie und Kunst». Во многом благодаря школе Х.Г. Гейне немецкое антиковедение почти целое столетие занимало ведущие позиции в мире.

В рамках «науки о древностях», развивавшейся с эпохи Возрождения, к XVIII в. были заложены основы ряда источниковедческих историко-филоло-

гических дисциплин – палеографии, дипломатики, кодикологии, папирологии, эпиграфики, нумизматики, сфрагистики, археологии, истории искусств и др. Обращение к прошлому, прежде всего к античному наследию, в эпоху Просвещения стало базироваться на других, отличных от Возрождения, основах. Со второй половины XVIII в. «неогуманизм» Винкельмана с несравненно большей научной строгостью поставил вопрос о целостном образе античной цивилизации, которая стала рассматриваться не только как идеал, а как определенный этап исторического развития человечества. Открытие других «культурных миров» способствовало появлению новой «философии истории»: выдвижению идеи общественного прогресса, формированию представления о едином историческом процессе, в котором участвуют различные цивилизации и культуры с собственной логикой развития и другими, отличными от европейских, ценностями. Но по объективным причинам различные регионы мира в историко-археологическом отношении не могли быть обследованы одинаково равномерно – лучше была изучена Западная Европа, в меньшей степени – Восточное Средиземноморье и отдаленные уголки Ойкумены. Именно в период антикваризма энциклопедическая «наука о древностях» начала выработку собственных методов полевых и кабинетных исследований, приступила к созданию системы научных организаций с программами изучения конкретных регионов, различных типов и видов источников. Главная заслуга антиквариев той эпохи – создание базы для дифференциации наук историко-филологического цикла в виде публикаций первых корпусов и научных обобщений накопленного материала, осознание необходимости строгой внутренней и внешней критики источников. Благодаря их трудам «открытие прошлого» человечества состоялось именно в XVIII в., но в следующем XIX столетии гуманитарные традиции Просвещения были переосмыслены и детализированы – сотканная энциклопедистами ткань мировой истории была расплетена на отдельные нити.

ОТКРЫТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИИ»

РОЖДЕНИЕ ТЕРМИНА

Слово «цивилизация» наполнилось современным смыслом в век Просвещения. Производное от более древних понятий (лат. civitas, фр. civil(e), civilité) именно в XVIII столетии оно приобрело в социально-политической лексике европейского мира два различных значения, из которых второе утвердилось и дошло до наших дней. Первое значение было узко юридическим. В 1704 г. четвертое издание трактата английского натуралиста и теолога Дж. Рэя «Мудрость Божия, явленная в его творениях» (1-е изд. – 1691) определило словом «цивилизация» трансформацию уголовного процесса в гражданский. Эту же формулировку воспроизвел издававшийся иезуитами «Словарь Треву» 1704–1771): «Цивилизация. Термин юриспруденции. Акт правосудия, превращающий уголовный процесс в гражданский». Данное определение нашло отражение во всех французских справочных изданиях эпохи Просвещения, но почти не прозвучало за пределами Франции.

Второе значение термина, оказавшее более глубокое влияние на современную политическую лексику, восходит к середине XVIII столетия. Оно означает передовое состояние общества и культуры, а также процесс, ведущий к такому состоянию. Глагол и прилагательное возникли раньше существительного: во Франции с середины XVI в., в Англии с 1730-х годов слова «civiliser/to civilize» и «civilisé/civilized» служили синонимами «приобщения к культуре», несли в себе противопоставление «варварству» и означали совершенствование нравов.

Неологизм «цивилизация» почти одновременно родился во Франции (civilisation) и Англии (civilization), а затем был переведен на немецкий (Zivilisation) и испанский (civilización) языки, наполняясь в ходе своего распространения новыми смысловыми нюансами, особенно в Германии, где параллельно закрепился термин «Kultur». Лишь в Италии слово «civilizzazione», появление которого отмечено с 1770 г., не имело успеха, главным образом в силу эстетики языка. Новая смысловая нагрузка, связанная в других языках с термином «цивилизация», к концу XVIII столетия закрепилась в итальянском за старыми терминами «civiltà» и «civile», однако в силу своей статичности они были лишены того исторического размаха, который приобрело данное понятие в английском и французском языках. В конечном счете итальянские термины остались гораздо ближе к трактовке «цивилизации» как «куртуазности» или «благопристойности», вышедшей из недр придворной культуры.

Понятие «цивилизации» выражало идею процесса и несло в себе политический и воспитательный подтекст. Этот подтекст мы находим в сочинениях авторов-иезуитов, в частности в их программе «приобщения дикарей к цивилизованной жизни» (reductio ad vitam civilem). Он обнаруживается и у Юма, который использовал термины «civility» и «refine» в «Истории Англии» (1762). Это же значение можно найти и у Вольтера в «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759–1763). Немецкий термин «Kultur» также подразумевал ускоренное движение истории, трансформацию обществ и

культур, определенный потенциал человечества, который мог быть развит благодаря воздействию Просвещения. Он разом включал в себя и сам процесс цивилизации, и его политические, социальные и педагогические импликации, и его результат, т.е. достижение более высокого, просвещенного уровня политики, общества и культуры.

По всей видимости, существительное «цивилизация» в его новом значении впервые прозвучало в 1757 г. в «Трактате о населении» маркиза Виктора Рикети де Мирабо. «Словарь Треву» издания 1771 г. в числе прочих характеристик «цивилизации» привел и слова Мирабо: «Религия, бесспорно, есть главная и наиболее полезная узда для человечества; это оплот цивилизации; она проповедует братство и постоянно напоминает нам о нем, она смягчает наши сердца». Привязка термина «цивилизация» к религии отражала привычное использование глагола «цивилизовать» в контексте распространения христианства, особенно характерное для сочинений иезуитов. Вводя новое понятие в оборот, Мирабо не дал ему строгого определения, но в его словах отразилось понимание «цивилизации» как процесса. В них звучала метафора становления (подчеркнутая словом «оплот»), а также подразумевалось, что «цивилизация» может быть преподана и что она тесно связана с моральными ценностями. Таким образом, эта трактовка содержала в зародыше три составляющие, которые в дальнейшем определили семантический масштаб слова: историческую, характеризуемую понятиями «прогресса» и «эволюции»; антропологическую, относящуюся ко всей материальной и духовной деятельности человека; воспитательную, ориентированную на целенаправленное совершенствование индивида, общества и человечества в целом.

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ» РОССИИ

Важным этапом выработки нового содержания понятия «цивилизация» стала развернувшаяся во Франции в 1760-х годах дискуссия о путях развития России. Вольтер в «Истории Российской империи» доказывал, что Петр I титаническим усилием воли вырвал свою страну из пут варварства и повел ее по пути прогресса. Руссо в «Общественном договоре» (1762), напротив, упрекал Петра в том, что тот хотел «сделать из своих подданных немцев, англичан, тогда как следовало для начала сделать из них русских». Интерес к этой теме стимулировали стремительный рост влияния Российской империи в мировой политике, а также инициативы петербургского двора по привлечению в страну иностранных колонистов, отразившиеся в манифестах Екатерины II 1762 и 1763 гг.

Видимо, первым, кто перенес на бумагу слова «цивилизация России», стал аббат Никола Бодо, физиократ, издатель газеты «Эфемериды гражданина» (1765–1772). Он сформулировал свою концепцию в четырех статьях, опубликованных в сентябре 1766 г. Применительно к России Бодо рассматривал цивилизацию не столько как исторический процесс, сколько как политический проект, который предстояло поэтапно воплотить в жизнь российским властям. В этом проекте, нацеленном на то, чтобы привести нацию от рабства к свободе, и подразумевавшем в конечном счете отмену крепостного

права (рабства), экономическое и социальное развитие общества, а также формирование свободного класса торговцев и ремесленников, важное место занимала колонизация с опорой на иностранцев. Несколько лет спустя эти размышления Бодо развил Дидро в небольшом фрагменте «О России» (1772), предназначавшемся для «Литературной корреспонденции» Гримма. В «Философских, исторических и прочих заметках различного содержания для Е.И.В. Екатерины II» (1773) и в «Замечаниях на "Наказ"» (1774) Дидро, не отказываясь окончательно от идеи «цивилизации-проекта», тем не менее обратился к идее «цивилизации-процесса». Критическое переосмысление екатерининской политики подтолкнуло его к восприятию цивилизации как медленной социальной эволюции. После возвращения из Петербурга (1774) он связывал свои надежды на приобщение России к европейской цивилизации не столько с личностью императрицы, сколько с долгим и сложным процессом распространения и укоренения в стране принципов свободы и собственности, при становлении и развитии третьего сословия, воспроизводящегося на протяжении многих поколений.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ

В работе «Древность, разоблаченная своими обычаями» (1768) Никола Антуан Буланже соотнес слово «цивилизация» с противопоставлением «дикого» и «цивилизованного состояния»: «Когда народ дикарей оказывается цивилизован, не следует давать ему постоянные и незыблемые законы и тем самым останавливать действие этой цивилизации: надо заставить его смотреть на законодательство, которым его наделяют, как на продолжающуюся цивилизацию». Кондорсе, Рейналь и Дидро во Франции, Томас Пейн в Соединенных Штатах, Георг Форстер, Вильгельм фон Гумбольдт и Иоганн Готфрид Гердер в Германии придали фундаментальной идее, связанной с понятием «цивилизация», философско-исторический масштаб. Кондорсе в своем «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1795) различал десять эпох эволюции человечества, соответствующих десяти «уровням цивилизации» – от «племен», «дикарей» и «варваров» до эпохи Просвещения, которая началась с Декарта и привела к «образованию Французской республики». Десятая и последняя эпоха – образ эгалитарного общества будущего, которое должно родиться на последней стадии цивилизации. По мнению Кондорсе, французы и американцы подошли к этому ближе, чем остальные народы: «Наши надежды на будущее состояние человеческого рода могут быть сведены к трем важным положениям: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами, наконец, действительное совершенствование человека. Смогут ли остальные народы приблизиться к состоянию цивилизации, которого достигли наиболее просвещенные, наиболее свободные, наиболее освобожденные от предрассудков нации – французы и англо-американцы? Сможет ли постепенно исчезнуть та пропасть, которая отделяет последних от порабощенности народов, живущих под гнетом королей, от варварства африканских племен, от невежества?»

В первом издании «Философской и политической истории учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770) о «цивилизации» ничего не говорилось. Но в изданиях 1774 и 1780 гг. Дидро и Рейналь включили термины «цивилизация» и «цивилизованный» (слово «civilisé» употреблялось параллельно со словом «policé») в широкие размышления о европейской заморской экспансии от первых путешествий португальских мореплавателей XV в. до американской революции. Эти термины, тесно связанные с понятиями «прогресса» и «просвещения», отражали осознание особой роли Европы в истории человечества – роли, приобретенной благодаря развитию торговли и промышленности, становлению третьего сословия, изобретению книгопечатания и в конечном счете развитию искусств и наук. Помимо политической нагрузки, особенно заметной в главах о России, эти термины несли в себе признание потенциальной универсальности социокультурного процесса, главным двигателем которого авторы считали торговлю и промышленность, а также генезис трудолюбивого среднего класса как основы экономики. В то же время проекция понятия «цивилизация» на ход истории высветила в «Истории обеих Индий» противоречие между идеологией Просвещения и колониальной реальностью, между претензией Европы на просветительскую и цивилизаторскую миссию и практикой рабовладения и работорговли. В издании 1780 г. десятая книга, посвященная европейским завоеваниям в Карибском бассейне, открывается резкими обвинениями: «Неужели цивилизованные люди, жившие у себя на родине под властью установлений если не мудрых, то, по крайней мере, древних ⟨...⟩, выросшие в культурных городах, где суровое правосудие приучило их уважать себе подобных, могут – все без исключения – поступать наперекор законам человечности, вопреки собственной выгоде, собственной безопасности и тому, что диктуют им первые проблески разума? Неужели они и дальше будут превращаться в бóльших варваров, чем дикари?»

На исходе столетия антропологическая мысль развивалась именно в этом направлении. Томас Джефферсон в посвященных индейцам главах «Заметок о Виргинии» (1784), Готфрид Иммануил Венцель в книге «О природных таинственных силах человека» (1800), аббат Грегуар в капитальном труде «О литературе негров» (1808) – все они доказывали, что общества, как и люди, равны между собой и способны достигнуть той же стадии цивилизации, на которой находятся культурные элиты просвещенной Европы. Книга Грегуара, состоявшая из серии коротких биографий метисов и чернокожих художников и писателей была сразу же переведена на английский и немецкий языки и оказала большое влияние на аболиционистское движение XIX и XX столетий. В конце работы Грегуара содержалось обращение к «европейцам», во многом совпадавшее со взглядами Дидро и Рейналя. Грегуар возражал против мнения, что Европа являет собой продвинутую стадию человеческой цивилизации: «Европейцы, ⟨...⟩ посмотрите, что вы из себя представляете. Уже три столетия тигры и пантеры не так страшны для Африки, как вы. Три столетия Европа, называющая себя христианской и цивилизованной, беспощадно и безостановочно терзает народы Америки и Африки, называя их дикарями и варварами. Она принесла им моральное разложение и уныние, она заглушила голос природы, чтобы обеспечить себя индиго, сахаром и кофе».

Работы Пейна и Гумбольдта дают нам представление о специфическом использовании термина «цивилизация» в североамериканском и немецком культурном контексте. Будучи, подобно Кондорсе, философом и политическим деятелем, американец Томас Пейн подчеркивал в своем главном труде «Права человека» (1792) важность французской и американской революций для поступательного движения человеческой цивилизации. В то же время подобно другим англо-американским мыслителям (Франклину, Джефферсону) он считал, что система власти и, как следствие, политические революции вообще играют особую роль в процессе цивилизации.

В лингвистических трудах 1820-х годов Гумбольдт использовал термин «Zivilisation» в том же значении, что Кондорсе или Пейн, утверждая, что «порыв к свободе и безграничные интеллектуальные устремления освобождают человека от нищеты, бедствий и опасностей». В более поздних сочинениях Гумбольдт признавал превосходство Kultur над Zivilisation. Его эссе «О различиях в строении человеческого языка и их влиянии на духовное развитие человеческого рода» (1830) трактовало Zivilisation как «приобщение к культуре, проявляющееся во внешних установлениях и обычаях народа». Что же касается Kultur (Гумбольдт использовал также термин «Bildung»), то она, с его точки зрения, охватывала высшие сферы духа и мысли, связанные с науками и искусствами и влекомые согласованным и гармоничным движением разума, знаний и чувств человека. Здесь Гумбольдт вслед за Кантом (и отчасти вслед за Гёте) устанавливал иерархическое различие между понятиями «Zivilisierung», «Kultur», и «Moralität», связывая лишь два последних с идеей нравственного, духовного и интеллектуального совершенствования человека.

В том что немецкий дискурс о Zivilisation стал развиваться автономно и пришел к относительному обесцениванию этого понятия, ключевую роль сыграло творчество Иоганна Готфрида Гердера. Фундаментальная логика его философии истории была в принципе близка взглядам Кондорсе или Рейналя: предлагаемая Гердером историческая модель позволяла дифференцировать различные стадии эволюции обществ и культур и ставила Европу «по уровню выше всех остальных народов». К такому выводу Гердер пришел в своем главном труде «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791). Однако между ним и французскими просветителями имелось и различие, связанное с применением понятия «Kultur». В противоположность универсализму термина «Zivilisation» (Гердер никогда его не использовал) термин «Kultur» предполагал фрагментарный взгляд на способы жизни и мышления, присущие индивидам, группам и целым народам. Обобщающему понятию «Zivilisation», которое одновременно содержало и различение уровней эволюции, и постулат цивилизаторской миссии Европы, Гердер противопоставил разнородность культур народов Земли. Их эволюция – философ называл ее «культурной цепью» – и их внутренняя структура были, по его мнению, далеки от рациональности.

Новое значение, приданное Гердером термину «Kultur», и его теоретические последствия сместили антропологическую перспективу понятия «Zivilisation». Предвосхищая подходы современной этнографии, немецкие

философы сосредоточили свое внимание на культурных особенностях народов (в частности, на «национальной культуре») и на способностях индивида к культурной эволюции. Возникший в Германии в начале XIX в. дискурс о поэзии и культуре немецкого народа (Volkspoesie, Volksdichtung), а также зарождавшиеся педагогика и эмпирическая антропология широко вдохновлялись идеями Гердера, о чем свидетельствовали труды педагога и писателя И.Г. Кампе. Об этом же говорил и стабильный интерес немецких элит эпохи классицизма и романтизма к «народным поэтам» и самоучкам, таким как крестьянин У. Брекер или бывший пастух В. Жамере-Дюваль, ставший библиотекарем при Венском императорском дворе и автором известной автобиографии, получившей широкий отклик в Германии.

Отказ от термина «цивилизация», перспектива, открывшаяся с введением термина «Kultur», и цель (ясно различимая, в частности, у Гердера, Кампе, Мендельсона и Песталоцци) – германизировать окружающее Kultur концептуальное поле (с помощью терминов «Versittlichung», «Bildung» или даже «Entbarbarung», т.е. деварваризация) – могут быть истолкованы как реакция на отождествление «мировой цивилизации» с «французской цивилизацией», характерное для многих французских авторов. Так, Мирабо в «Четвертом письме о развращении законного порядка» (1767) подчеркивал, что именно Франция играет роль маяка для всей европейской цивилизации: «Подлинные завоевания человеческих знаний, т.е. их продвижение вперед и распространение, всегда будут приходить из Франции».

Наполеон Бонапарт использовал национальную составляющую понятия «цивилизация» как инструмент легализации своих экспансионистских и завоевательных устремлений. Гизо придал ей новый импульс. Он писал в 1828 г.: «Я полагаю, можно без лести утверждать, что Франция была центром, очагом европейской цивилизации». В «Истории цивилизации в Европе» (1828–1830) он дал этому утверждению следующее обоснование: «Во французском гении есть нечто общепривлекательное, нечто такое, что распространяется с большей легкостью и эффективностью, нежели гений других народов. Будь то наш язык, наш острый ум или нравы – наши идеи везде популярны, они легко воспринимаются массами и легко проникают в них. Одним словом, ясность, общительность и привлекательность составляют особый характер Франции, ее цивилизации. Эти качества делают ее особенно пригодной для того, чтобы шагать во главе европейской цивилизации».

Националистическое наполнение термина «цивилизация» во Франции, особенно с началом наполеоновской эпохи, дискредитировало его в глазах большинства немецких авторов. В политическом дискурсе произошла поляризация понятий «французская цивилизация» и «немецкая Kultur», и впоследствии она неизменно сопровождала все франко-германские конфликты XIX и XX вв., вплоть до памфлетной литературы обеих мировых войн. Зачаток той же поляризации наблюдается и в творчестве швейцарско-немецкого педагога Иоганна Генриха Песталоцци. Наследник идей Просвещения, он был, тем не менее, глубоко критичен по отношению к французскому политико-культурному экспансионизму. Слово «цивилизация» звучало у Песталоцци в крайне отрицательном контексте, а наиболее частыми производными

от этого корня были «Civilisationsverderben» (разложение цивилизации) и «Civilisationsschlendrian» (дезорганизация цивилизации). Глашатаи немецкого национализма (Э.М. Арндт, Ю. Кёрнер, И.Г. Фихте) использовали эти производные применительно к Франции, противопоставляя им немецкие этнические и культурные черты. Таким образом, понятие «цивилизация», изначально и вплоть до наших дней использовавшееся по преимуществу для того, чтобы проводить разграничение между варварством и гражданским обществом, между просвещенной Европой и остальным миром (в историческом и географическом плане), стало более чем на полтора столетия – от Наполеоновских войн до Второй мировой войны – орудием воинствующего национализма. Рожденное во Франции и в Англии для того, чтобы выражать осознание общности ценностей просвещенной Европы, это понятие стало одной из составляющих французского национального дискурса вплоть до конца колониальной эры.

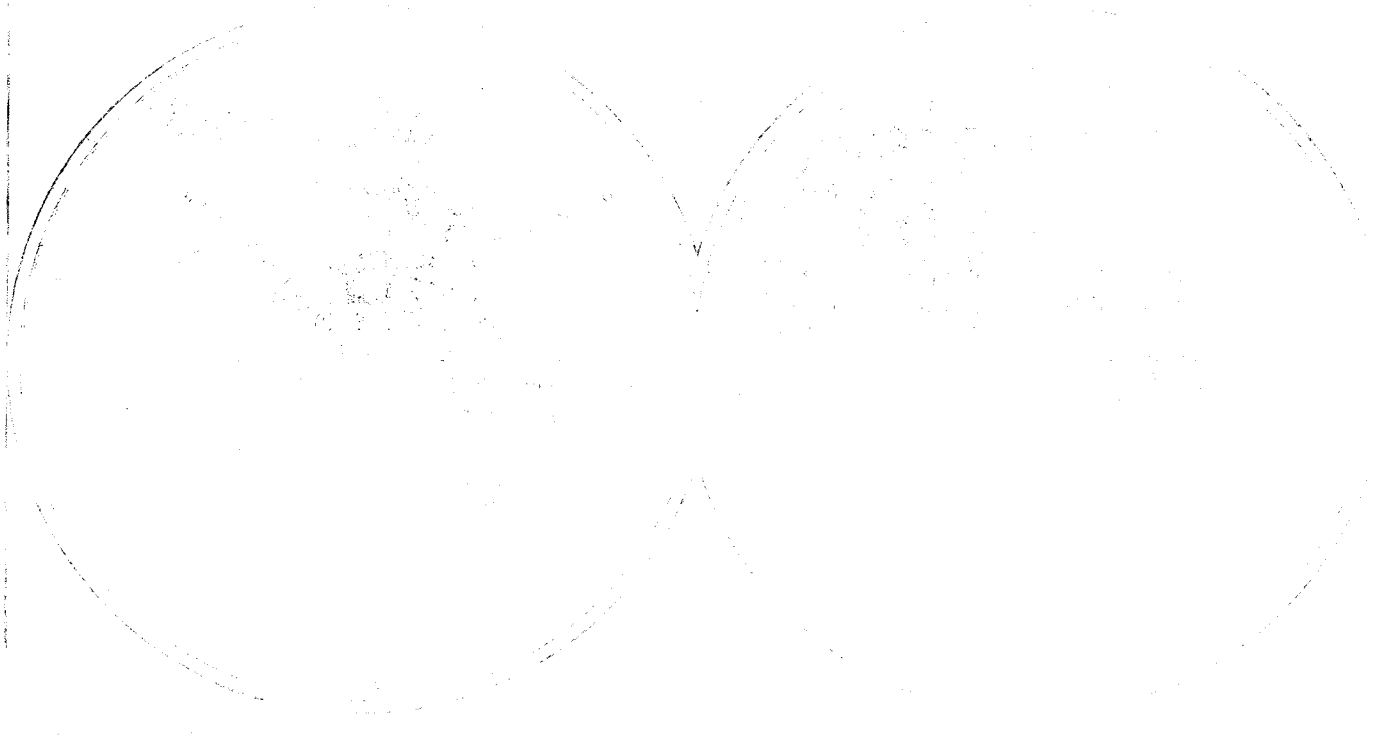
ОКЕАНИЯ

«ЗАТЕРЯННЫЙ МИР»

К началу XVIII в. Океания – совокупность около 10 тыс. островов в центральной и юго-западной частях Тихого океана – оставалась «затерянным миром», далекой от Европы частью Земли, где время как бы остановилось. Островные народы, предки которых совершили беспримерный подвиг, заселив острова и архипелаги, разделенные тысячами миль водных просторов, пребывали в полной или частичной изоляции от остального большого мира. Океанийцы приспособились к жизни на островах, используя те скудные ресурсы, которые могла предоставить им природа. Они были умелыми земледельцами и рыбаками, строили большие парусные лодки-каноэ, умели ориентироваться в океане и находить пути к отдаленным островам по звездам, направлениям постоянных ветров и течений, полетам птиц. Были развиты ремесла: плотницкое дело, плетение циновок, изготовление материи-тапы из луба деревьев, сооружение домов. Высокого искусства достигли резчики по дереву, мастера татуировок, изготовители плащей и шлемов из птичьих перьев. При этом океанийцы не знали металлов и пользовались орудиями, изготовленными из камня, кости и дерева.

Изоляция способствовала консервации океанийских обществ на стадии первобытнообщинных отношений. Открывая острова Океании, европейские мореплаватели как бы совершали путешествие во времени. Родовой строй сохранялся у папуасов и меланезийцев на Новой Гвинее и других островах Западной Океании. Более сложные общественные отношения существовали у микронезийцев и полинезийцев. У них выделялись строго ранжированные общественные группы: наследственные вожди, каста жрецов, простые земледельцы-общинники, рабы из числа военнопленных. На наиболее продвинутых в социальном развитии островах, где разложение родового строя зашло достаточно далеко, возникли условия для создания государств. На Фиджи, Самоа, Таити и Гавайских островах появление европейцев совпало по времени с завершением процессов объединения племен под властью единого вождя – основателя «королевской» династии. В социальном регулировании большую роль играла система запретов-табу. Нарушители подвергались наказанию, вплоть до изгнания из общины. Для того чтобы стать полноправными членами общины, мальчики специально обучались, а затем проходили мучительные испытания-инициации.

Крайним разнообразием отличались религиозные верования океанийцев. У папуасов и меланезийцев существовал культ предков, обожествление сил



«Старый Свет и Новый Свет на двух полушариях». Карта Р. Бонна. 1780 г.

природы (анимизм), тотемизм, когда родовые общины отождествляли себя с определенным животным или птицей. Полинезийцы веровали в существование многих богов-покровителей с верховным божеством Тангароа (Тангалоа) во главе, которому подчинялись другие боги более низкого ранга. Родословная вождей возводилась к божествам, а самые знатные вожди устанавливали свое происхождение от верховного божества. Были разработаны сложные церемониалы, иногда сопровождавшиеся человеческими жертвоприношениями. Выделялись места для поклонения богам (*марае* или *малае*), где ставились их изображения, вырезанные из дерева или камня. Особую известность получили каменные скульптуры острова Пасхи на окраине Восточной Полинезии; здесь же существовала и уникальная иероглифическая письменность (*ронгоронго*). У полинезийцев существовала особая каста жрецов, которая поддерживала связь с богами, организовывала ритуальные церемонии, хранила предания и родословные вождей. По мнению папуасов и меланезийцев, знахари и колдуны обладали тайным знанием, могли наслать порчу на человека и даже содействовать его смерти. Повсюду в Океании бытовала вера в таинственную силу *мана*, благодаря которой человек был способен на успешные дела в хозяйственной деятельности и ратном деле. Ее можно было увеличить, убив врага и съев его часть. Тогда мана убитого переходила к победителю. Обладателями сильной мана оказались европейцы, впервые появившиеся в Океании в XVI в.

ПОЯВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ: ИСПАНСКИЕ И ГОЛЛАНДСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ XVI – XVII ВЕКОВ

За два столетия, прошедших до XVIII в. со времени открытия европейцами Тихого океана (1511 г. – А. д'Абреу; 1513 г. – В. де Бальбоа) и первого трансокеанского плавания (1521 г. – Ф. Магеллан), испанскими, португальскими, а с XVII в. и голландскими мореплавателями были сделаны многие важные открытия: проложены пути в страны Восточной и Юго-Восточной Азии через Тихий океан с востока, через Магелланов пролив; найдены некоторые острова и архипелаги Океании. В 1668 г. появилась первая колония, основанная Испанией на Марианских островах с центром на о. Гуам.

Осваивая Тихий океан, испанцы заботились о поддержании связей между своими колониями в Америке и на Филиппинских островах, разведывали морские пути в страны Азии, создавали на них опорные пункты. На разведанных ими маршрутах состоялись первые открытия островов Океании. Севернее экватора были найдены Марианские острова (Магеллан, 1521 г.), некоторые из Каролинских и Маршалловых островов (Лойаса, 1526 г.; Эспиноса, 1522 г., Сааведра, 1527 г.; Вильялобос, 1543 г.; Торре, 1543 г.; Легаспи, 1564 г.). На юго-западе Океании экспедиция А. Сааведры в 1528 г. повторно (вслед за португальцем Ж. де Менезишем, 1526 г.) открыла Новую Гвинею (или Страну Папуа), архипелаг Адмиралтейства. На юго-востоке Менданья разыскал Маркизские острова и острова Санта-Крус (1595). П. Фернандес де Кирос открыл некоторые острова в архипелаге Туамоту и в других островных группах, обнаружил архипелаг Новые Гебриды (1606).

Испанцы были также увлечены поиском Южного континента, или «страны Офир», откуда, согласно Библии, царь Соломон вывез золото для строящегося Иерусалимского храма. Гипотезу о существовании на юге обширного континента, сопоставимого по размерам с евроазиатским материком, высказывали еще античные географы I–II вв. н.э. Помпоний Мела и Клавдий Птолемей. В Перу сохранялось предание о морском походе правителя империи инков Тупак Инка Юпанки на запад от перуанского побережья. В 1538–1541 гг. Карл V Габсбург заключил ряд соглашений с вице-королем Новой Испании в Америке, поручив ему организовывать морские экспедиции для открытия и колонизации «островов в Южных морях в западном направлении».

Однако большинство испанских открытий становились известными только узкому кругу чиновников. В условиях испано-португальского соперничества эти державы предпочитали держать в секрете маршруты плаваний и сделанные открытия. Отчеты капитанов, дневники экспедиций, составленные карты оседали в архивах. Мореплаватели XVIII в. могли воспользоваться только малой частью сведений, добытых испанцами. Кроме того, координаты островов определялись неточно. Острова наносились на карты с большими погрешностями, ибо в XVI и XVII вв. долготу определяли путем сложных вычислений, и ошибки в несколько градусов были обычными.

Для мореплавателей XVIII в. существенное значение имели открытия, сделанные голландцами в предшествующем веке. С 1595 г. они начали торговлю с Индией, в 1598 г. создали торговые фактории на острове Ява, а в 1602 г. основали нидерландскую Ост-Индскую компанию, которая монополизировала торговлю со странами Южной и Юго-Восточной Азии, а также с Дальним Востоком. Голландцы укрепились в Индии и на Цейлоне, на полуострове Малакка и Молуккских островах. Остров Ява с городом Джакартой, который голландцы захватили в 1619 г. построив на его развалинах крепость Батавию, стал административным и торговым центром, откуда направлялась торговая экспансия Ост-Индской компании.

Поиск Южной земли являлся первоочередной целью морских экспедиций голландцев в Тихом океане. В 1605–1607 гг. В. Янсзон открыл самый северный полуостров Австралии – Кейп-Йорк, остров Принца Уэльского в Торресовом проливе, обследовал южные берега Новой Гвинеи. В 1616 г. Д. Хартог отыскал восточный берег австралийского континента и назвал его Землей Эндрахт. К 1636 г. многочисленные голландские мореплаватели исследовали почти все западное побережье Австралии (Зейдландт), значительные участки южного и северного берегов. Я. Карстенс в 1623 г. обследовал южное и восточное побережья Новой Гвинеи и открыл высочайший хребет острова – Снежные горы.

В 1615–1622 гг. поиски Южной земли вела экспедиция В. Схаутена и Я. Ле-Мера. Они воспользовались проходом в Тихий океан у архипелага Огненная Земля, самую южную оконечность которого назвали мысом Горн. В северной части архипелага Туамоту были найдены четыре острова. Голландцы впервые открыли северные острова Тонга – Тафахи и Ниуатобутабу. Были найдены также острова Хорн, некоторые из атоллов в группе Палау, остров Новая Ирландия, Лавонгай, повторно обнаружены острова Адмиралтейства, впервые найденные в 1528 г А. Сааведрой. В 1642–1643 гг. А. Тас-

ман отыскал остров, названный им в честь генерал-губернатора голландских колоний в Ост-Индии Антони ван Димена Землей Ван-Димена (современная Тасмания), впервые нашел Северный и Южный острова Новой Зеландии, открыл острова Тонгатабу, Эуа и Намука в архипелаге Тонга, архипелаг Фиджи и атолл Онтонг-Джава.

В результате трех англо-голландских войн 1652–1654, 1665–1667, 1672–1674 гг. Голландии удалось сохранить связь со своими заморскими колониями, однако ей пришлось уступить роль ведущей военно-морской державы Англии.

ПО СЛЕДАМ АНГЛИЙСКИХ ПИРАТОВ

Впервые британский флаг на тихоокеанских просторах показал еще в XVI в. пират Френсис Дрейк. В 1577–1580 гг. он организовал грабительский поход на корабле «Золотая лань», совершив второе в истории кругосветное плавание. Главной целью Дрейка было нанести как можно больший ущерб Испании в ее американских колониях. На восточном побережье Южной Америки были разграблены испанские гавани в устье Ла-Платы. Выйдя из Магелланова пролива в Тихий океан, Дрейк прошел вдоль американского западного побережья. На чилийских, перуанских и мексиканских берегах было уничтожено множество испанских кораблей, опустошены важнейшие гавани. Поход Дрейка обогатил Англию, а также географическую науку. Он обследовал второй проход в Тихий океан, впервые найденный испанцем Ф. Осесом в 1526 г., а затем В. Схаутеном и Я. Ле-Мером в 1615 г. Широкий пролив между архипелагом Огненной Земли и Антарктидой получил имя Дрейка.

На рубеже XVII и XVIII вв. ряд плаваний в Южных морях совершил британский пират Уильям Дампир (1651–1715). На острове Ямайка он присоединился к шайке буканьеров, грабивших испанские города и селения в американских колониях. Буканьеры были охотниками на одичавших коров и свиней на Больших Антильских островах и прежде всего на Гаити. Они продавали копченое мясо, шкуры и соль голландским, французским и английским морякам. Буканьеры враждовали с испанцами, владевшими островами. В 1680 г. Дампир участвовал в пиратских рейдах у перуанских берегов. На корабле пирата Джона Кука он вернулся в Тихий океан, где была продолжена охота на испанские корабли, перевозившие золото из перуанского порта Кальяо в Панаму. Ограблению подверглись также несколько мексиканских городов. В 1688 г. Дампир на корабле капитана Рида впервые высадился на западном побережье Новой Голландии – так тогда называлась эта часть австралийского материка.

Однако прославился Дампир не столько своими пиратскими подвигами, сколько сделанными им научными описаниями и открытиями. В 1697 г. он издал первый том своего труда «Плавание вокруг света». Второй том, озаглавленный «Рассуждение о пассатах, бризах, штормах, временах года, приливах и течениях жаркого пояса всего света», появившийся в 1699 г., стал настоящей находкой для мореплавателей. Карта ветровой циркуляции, составленная Дампиром, была настолько точна, что в нее в дальнейшем были внесены лишь незначительные поправки. Он собрал интересные данные о величинах

магнитного склонения в разных точках Мирового океана, солености морских вод. Значительное внимание Дампир уделял сбору этнографических, ботанических и зоологических сведений о странах, где он побывал. В 1703 и 1709 гг. были опубликованы два тома книги Дампира «Плавание в Новую Голландию в 1699 году». Книга «Плавание вокруг света» получила широкую известность. До 1727 г. она семь раз издавалась в Англии, была переведена на французский, голландский и немецкий языки. Британское Королевское общество оценило научный вклад Дампира, избрав его своим членом, а Адмиралтейство поручило ему организовать экспедицию к берегам Новой Голландии для продолжения исследований в Южных морях.

Вступление Англии в войну за Испанское наследство (1701–1714) позволило Дампиру получить каперское свидетельство и начать охоту на испанские суда. В 1703 г. на двух кораблях он отправился в Тихий океан, надеясь на богатую добычу. На необитаемый остров, входящий в состав архипелага Хуана Фернандеса, Дампир за какую-то провинность высадил парусного мастера Александра Селкирка. Позднее матрос был снят пиратской экспедицией В. Роджерса и Дж. Шелвока 1708–1711 гг., в которой Дампир участвовал в качестве кормчего. История Селкирка послужила основой для книги Д. Дефо «Робинзон Крузо» (1719). Роджерсу удалось захватить в северных водах Тихого океана испанский галион, шедший из Манилы в Акапулько. Стоимость добычи составила огромную по тем временам сумму – более двухсот тысяч фунтов. Но получить свою долю Дампир не успел, скончавшись раньше, чем английский суд, уполномоченный разбирать споры между членами команды о разделе добычи, принял соответствующее решение.

Набеги Дампира встревожили не только Испанию, но и Голландию. Нидерландская Ост-Индская компания сочла необходимым организовать специальную экспедицию в Новую Гвинею на трех кораблях, которую возглавил капитан Якоб Вейланд. 22 января 1705 г. она отправилась из Батавии к Новой Гвинее, обследовала полуостров Вогелкоп и широкий залив со множеством островов. Залив был назван в честь Й. Гелвинка, одного из директоров Ост-Индской компании. В дальнейшем в конце XVIII и в XIX в. залив и его острова использовались английскими и французскими мореплавателями, посещавшими новогвинейские воды. Обозначив свой интерес к Новой Гвинее, компания воздержалась от дальнейших шагов по колонизации острова, западная половина которого была присоединена к колониальным владениям Голландии в Юго-Восточной Азии лишь в 1828 г.

Последним крупным плаванием голландцев в Тихом океане стала экспедиция Якоба Роггевена (1659–1729), предпринятая в 1721–1722 гг. Она была организована голландской Вест-Индской компанией для поиска Южной земли. Флотилия была сформирована из трех кораблей, имела на вооружении семьдесят пушек. В плавание отправились двести двадцать три матроса и солдата. В то время между Ост-Индской и Вест-Индской компаниями велась острая конкурентная борьба. Путь с запада в Тихий океан через Индийский был монополизирован Ост-Индской компанией, и Роггевену пришлось пересечь Атлантику. Отправившись в плавание 21 августа 1721 г. из голландской гавани Тексель в Северном море, экспедиция Роггевена 14 января 1722 г. обогнула мыс Горн и вышла в Тихий океан. Разыскивая Южный материк, она достигла 61° ю.ш. Здесь часто встречались плывущие с юга айсберги.

Роггевен высказал предположение, что у южного полюса находится материк, ибо, по его словам, «такие массы льда могут быть только с земли, где царит "всеобщий холод"». Самым ярким открытием экспедиции стал остров Пасхи, на который Роггевен «наткнулся» случайно в поисках земли, обнаруженной в этих краях в 1687 г. английским пиратом Э. Дэвисом. Остров был найден в пасхальное воскресенье 5 апреля 1722 г. Христианский праздник не помешал голландским матросам и солдатам, высадившимся на берег, открыть огонь по островитянам и заняться грабежом. Голландцев особенно поразили огромные статуи, стоявшие на каменных платформах. Местные жители украшали статуи длинными полосами материи, водружали на их головы корзины, наполненные белыми камнями, разводили перед статуями костры и воздавали им почести. 13 апреля 1722 г. Роггевен отправился от острова Пасхи на запад, повторяя маршрут Схаутена и Ле-Мера. В архипелаге Туамоту были открыты семь крупных островов и атоллов, найдены два острова из архипелага Общества. 15 июня 1722 г. ознаменовалось открытием островов архипелага Самоа: Мануа, Тутуила и Уполу. От Самоа путь был продолжен к Новой Гвинее, а затем в Батавию, где корабли Роггевена были конфискованы (главным конкурентом его нанимателей – Ост-Индской компанией), а команды под арестом отправлены в Голландию.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

В первой трети XVIII в. инициатива в освоении Тихого океана окончательно перешла к Англии и Франции. В Англии в 1711 г. была создана Компания Южных морей, призванная содействовать британскому участию в эксплуатации тихоокеанских колоний Испании. Представления о том, что Британия вправе претендовать на испанские владения в Тихом океане, английские читатели могли почерпнуть из уже упоминавшихся работ Дампира, а также из книг других своих соотечественников-мореплавателей Лайонела Уэйфера «Новое путешествие и описание перешейка Панама» (1699), Уильяма Фаннелла «Путешествие вокруг света» (1707), Эдварда Кука «Путешествие в Южные моря и вокруг света» (1712), Вудса Роджерса «Плавание вкруг света» (1712).

Французский король Людовик XIV также начал посылать торговые корабли в Тихий океан. В 1706 г. он планировал создать в Калифорнии опорную базу для французской торговли на Востоке. Однако после заключения в 1713 г. Утрехтского мирного договора, положившего конец войне за Испанское наследство, ни Англия, ни Франция не получили никаких торговых привилегий в Тихом океане и были вынуждены временно отказаться от планов экспансии в Южных морях.

Очередную попытку вытеснить Испанию из ее тихоокеанских владений англичане предприняли в ходе войны за Австрийское наследство (1740–1748). Предполагалось отправить две сильные эскадры: одну для захвата Филиппин, другую к тихоокеанским берегам Испанской Америки с целью поднять восстание в колониях против Испании и, в случае удачи, занять место последней. Реализовать эти обширные планы не удалось. В 1740 г. к тихоокеанским берегам Южной Америки была направлена флотилия из шести

судов, на которых находились 961 человек под командованием Джорджа Ансона. Экспедицию преследовали неудачи. До Тихого океана добрались лишь три корабля; 335 человек скончались от болезней. Не получилось поднять восстание в испанских южноамериканских колониях. Единственной добычей англичан стал испанский галион – слабое утешение при провале основной цели экспедиции. В Англию в 1744 г. вернулся только один корабль. Но и эти итоги британское правительство высоко оценило. Ансон получил высший пост в британском военно-морском флоте – должность первого лорда Адмиралтейства.

Во второй половине XVIII в. планы колониальной экспансии в Тихом океане вынашивались как в Англии, так и во Франции. Правительства этих государств по-прежнему пытались отыскать Южный материк, в открытии которого подозревали испанцев и голландцев, якобы засекретивших до поры до времени сведения о нем. Англо-французское соперничество в этом регионе являлось продолжением конфронтации двух держав в Европе, Америке и Азии. В результате Семилетней войны (1756–1763) Франция потеряла колонии в Америке и Индии. Французское правительство полагало, что обнаружение и колонизация Южной земли способны компенсировать утраченное. В 60-е годы XVIII в. активизировались морские плавания французов в Тихом океане.

В то же время англичане также усилили исследования в Южных морях. Для этого появились благоприятные возможности. Парижский мирный договор 1763 г. закрепил морское преобладание Британии. Захват Манилы в 1762 г. усилил интерес англичан к Тихому океану. В обществе пользовались большим спросом книги с описаниями плаваний в Океании, особенно книги Александра Далримпла «Сведения об открытиях, сделанных в южной части Тихого океана» (1767) и «Историческое собрание нескольких плаваний в южной части Тихого океана» (1770–1771). Появилась потребность в изучении «белых пятен» на картах, составленных в XV–XVII вв. испанцами, португальцами и голландцами. Многие из них принимали отдельные острова, лежащие в разных частях Океании, за берега Южного материка. Неясным оставался вопрос: чем было заполнено это обширное пространство – землей Южного континента или водой? Понятно, что та страна, мореплаватели которой первыми отыщут Южную землю, получала исключительное право на ее присвоение и колонизацию.

Соперничество между Англией и Францией развернулось прежде всего в Атлантическом океане за Фолклендские острова, обладание которыми обеспечивало контроль над проходом в Тихий океан – Магеллановым проливом. В 1763 г. французы вывезли на Фолклендские острова группу переселенцев из Канады, обосновавшихся в январе 1764 г. на острове Восточный Фолкленд. Но планы захвата Фолклендов разрабатывались и британским Адмиралтейством. В июне 1764 г. Джон Байрон (1723–1786), дед знаменитого поэта, возглавил экспедицию на двух кораблях для захвата Фолклендских островов и исследований в Тихом океане. В январе 1765 г. он высадился на острове Западный Фолкленд и объявил его владением британской короны. Далее путь экспедиции пролегал в Тихом океане через архипелаг Туамоту, острова Кука, Токелау, Маршалловы и Марианские острова. Затем Байрон

проследовал через Южно-Китайское море к Малайскому архипелагу, пересек Индийский океан и, обогнув Африку, возвратился в Англию.

Успех Байрона убедил британское Адмиралтейство в необходимости продолжить поиски Южной земли. В 1766 г. в Тихий океан отправилась экспедиция под командованием Сэмюэла Уоллиса (1728–1795) на кораблях «Долфин» и «Суоллоу». Капитаном «Суоллоу» был назначен опытный моряк Филип Картерет (1733–1796). В секретной инструкции Адмиралтейства Уоллису предписывалось найти Южный материк. Экспедиция отбыла из Плимута в августе 1766 г. и 19 декабря достигла Магелланова пролива. Встречные ветры задержали здесь корабли до 11 апреля 1767 г., и далее они плыли раздельно.

Уоллис открыл ряд островов в архипелаге Туамоту и островах Общества. Самым важным его достижением стало отыскание острова Таити (в 1606 г. здесь побывала испанская экспедиция под командованием португальца П. Фернандеса де Кироса). 25 июня 1767 г. Уоллис высадился на северо-западном берегу острова в бухте Матаваи, названной им гаванью Порт-Ройял. Островитяне гостеприимно встретили моряков, которые, правда, привезли с собой неизвестные полинезийцам болезни, включая сифилис. Двигаясь на северо-запад, Уоллис открыл атоллы Увеа, расположенные к северо-востоку от Новой Каледонии, и атоллы Ронгерик и Ронгелап в Маршалловом архипелаге. Обогнув мыс Доброй Надежды, Уоллис вернулся в Англию 20 мая 1768 г.

Картерет, обследуя юго-восточную часть Тихого океана, 2 июля 1767 г. обнаружил одинокий высокий остров, названный им Питкэрном (по имени матроса, первым увидевшего землю). Картерет продолжил свои открытия в архипелагах Туамоту и Санта-Крус. Ему удалось разыскать утерянные испанцами Соломоновы острова, впервые найденные А. Менданьей в 1568 г. Ряд открытий был сделан им и в водах Новой Гвинеи. Картерет задержался в Юго-Восточной Азии на долгое время; с декабря 1767 г. по май 1768 г. он пробыл на острове Сулавеси, а затем три месяца в Батавии, где ремонтировался его корабль. Он вернулся в Англию 20 мая 1769 г., т.е. год спустя после Уоллиса.

ЭКСПЕДИЦИЯ БУГЕНВИЛЯ

Одновременно с английской экспедицией Уоллиса и Картерета и почти по тому же маршруту, совершил первое французское кругосветное плавание Луи Антуан де Бугенвиль (1729–1811). Поскольку Испания со времени заключения Эскориальского договора 1733 г. являлась союзницей Франции в борьбе против англичан, Бугенвиль получил разрешение заходить в порты испанских колоний в Америке. Ему предписывалось обследовать южную часть Тихого океана, найти места, удобные для создания французских баз и отыскать Южную землю. Экспедиция Бугенвиля готовилась и как научное мероприятие. Впервые после Дампира Бугенвиль занялся специальным исследованием магнитных склонений, приливных течений и ветров. Особым заданием являлось уточнение координат островов, открытых ранее испан-

цами и голландцами, и составление достоверных карт юга Тихого океана. В состав экспедиции был включен выдающийся ботаник Филибер Коммерсон.

Бугенвиль отправился в плавание из Франции на фрегате «Будёз» в ноябре 1766 г. Он зашел в Буэнос-Айрес, где к французам присоединились два испанских судна, и в таком составе экспедиция проследовала к Фолклендским островам. Затем «Будёз» направился в Рио-де-Жанейро, где экспедиция была дополнена транспортным судном «Этуаль». В январе 1768 г., через Магелланов пролив Бугенвиль вышел в тихоокеанские воды.

Следуя через архипелаг Туамоту, где Бугенвилем были открыты четыре атолла, экспедиция 2 апреля 1768 г. достигла острова Таити, где девятью месяцами ранее побывал Уоллис. Не зная об этом, Бугенвиль объявил Таити французским владением. Жители острова доброжелательно встретили моряков, а сам остров показался французам воплощением рая на земле. Коммерсон, поклонник Руссо, восторженно писал: «Остров этот предстал предо мною в таком свете, что я назвал его Утопией, или Страной счастливых, то есть так, как окрестил свою идеальную республику Томас Мор… Рожденные под прекраснейшим небом, вскормленные плодами несметно богатой земли, которая щедра, даже не будучи возделанной, управляемые скорее отцами семейства, чем королями, жители этой страны знают одного только Бога, и имя ему Любовь». Бугенвиль более реалистично оценил порядки на Таити и утверждал, что здесь существовало «различие в рангах, в общественном положении и жестокое неравенство». Однако и он был восхищен атмосферой острова.

Далее путь экспедиции пролегал на запад к островам Самоа, открытым в 1722 г. Роггевеном, которые Бугенвиль назвал архипелагом Мореплавателей. 22–23 мая были найдены четыре небольших острова из архипелага Новые Гебриды, а 27 мая – гористый остров, впервые обнаруженный Киросом в 1606 г. и названный им Южной Землей Святого Духа. Бугенвиль убедился, что Кирос ошибался, когда принял открытую землю за часть Южного континента. К западу от острова простиралось открытое море, которое Бугенвиль пересек с востока на запад и дошел до Большого Барьерного рифа, преградившего путь кораблям к неисследованному тогда еще восточному побережью Австралии. Затем, направившись на север, экспедиция достигла Новой Гвинеи. К востоку от нее обнаружили множество мелких островов, названных Бугенвилем в честь короля Людовика XV архипелагом Луизиада. Вслед за Картеретом Бугенвиль обследовал Соломоновы острова, найденные Менданьей в 1568 г. (некоторые географы ставили под сомнение само их существование). Два крупных острова на севере архипелага получили название Бугенвиль и Шуазель. Отсюда путь экспедции пролегал в Новогвинейское море, где были открыты новые острова, обследовано побережье острова Новой Британии. 28 сентября 1768 г. Бугенвиль прибыл в Батавию, а затем пересек Индийский океан, обогнул мыс Доброй Надежды и вернулся во Францию 16 марта 1769 г., завершив первое французское кругосветное плавание.

Экспедиция Бугенвиля поставила под сомнение широко распространенные представления о существовании Южной земли. Во Франции XVIII в. их разделяли математик и астроном Пьер Луи Мопертюи и географ Шарль де Бросс, в Британии – историк и географ Джон Кэмпбелл, географ Джон Кал-

лендер и гидрограф Александр Далримпл. Личный опыт Бугенвиля позволил ему пересмотреть априорные заключения кабинетной науки. Он писал: «География – наука фактов. Дух системы, не выходящий из стен кабинета, не может ничего дать, не впадая в грубейшие ошибки… Я – путешественник и моряк, то есть лгун и глупец в глазах той клики ленивых и надменных писателей, которые в тиши своих кабинетов бесконечно философствуют о мире и его обитателях и упорно пытаются подчинить природу своим вымыслам».

Одну из первых попыток установить торговые отношения с островитянами Океании предпринял французский капитан Жан Франсуа Мари де Сюрвиль (1717–1770). Торговое судно «Сен-Жан-Батист», снаряженное им совместно с двумя предпринимателями, 2 июня 1769 г. отправилось в Тихий океан на Таити из индийского порта Пондишери. 7 октября были замечены гористые острова Соломонова архипелага. Посчитав, что он открыл неизвестные земли, Сюрвиль обследовал восточное побережье цепи островов, протянувшихся с северо-запада на юго-восток. Он нанес на карту северные берега крупных островов Шуазель и Санта-Исабель, восточное побережье островов Малаита. В изучении архипелага французам помогал островитянин, взятый в плен на острове Санта-Исабель. От него Сюрвиль узнал о плаваниях жителей с острова Санта-Исабель к другим островам, вероятно, к населенному полинезийцами острову Онтонг-Джава, для обмена рабами и военнопленными и для приобретения у полинезийцев материи из луба деревьев – тапы. Девятидневное пребывание Сюрвиля на Санта-Исабель было омрачено ссорой с местными жителями, поначалу дружелюбно встретившими французов. Моряки применили ружья против островитян, вооруженных луками и стрелами. Сюрвилю не удалось пополнить здесь запасы провизии. Было решено идти к Новой Зеландии, куда Сюрвиль прибыл 16 декабря 1769 г. Команда, измученная плаванием, болеющая цингой, оказалась на грани вымирания. С момента отплытия с Соломоновых островов 5 ноября 1769 г. и до ухода из Новой Зеландии 1 января 1770 г. умерли 39 моряков. О плавании на Таити пришлось забыть. Сюрвиль стремился поскорее достичь испанских колоний в Южной Америке. Бросив якорь у входа в гавань Кальяо, 8 апреля 1770 г. Сюрвиль с несколькими матросами отправился на берег, однако их шлюпка перевернулась и почти все находившиеся на ней люди, в том числе и сам капитан, погибли.

ТРИ КРУГОСВЕТНЫХ ПЛАВАНИЯ КУКА

Окончательный ответ на вопрос о том, существует ли в Тихом океане Южная земля, дал прославленный английский мореплаватель Джеймс Кук (1728–1779). Он совершил три продолжительные экспедиции, маршруты которых пролегали в тех просторах океана, где предполагалось размещение крупного континента, но встретил в этих районах лишь острова и воду. Кук впервые открыл и поместил на карту восточное побережье Австралии, доказав, что австралийский материк значительно меньше простирается на восток, чем это представлялось ранее. Кук подробнейшим образом обследовал Северный и Южный острова Новой Зеландии, впервые отыскал Новую Каледонию и Гавайские острова. И это только самые главные достижения

его экспедиций. Мореплаватели, совершавшие плавания после Кука, открывали только мелкие острова и атоллы, уточняли местоположение островов и архипелагов, найденных ранее испанцами и голландцами.

Первая экспедиция Дж. Кука (1768–1771) замышлялась как ответ на первое французское кругосветное плавание Л.А. де Бугенвиля. Она стала значительным событием в англо-французском соперничестве в Тихом океане. Формальным поводом для отправки экспедиции в Южные моря явилось редкое астрономическое явление – прохождение Венеры через диск Солнца 3 июня 1769 г. Это явление можно было наблюдать у Северного полярного круга и в тропических широтах южного полушария. Адмиралтейство выбрало местом проведения астрономических наблюдений остров Таити, об открытии которого сообщил вернувшийся из плавания 20 мая 1768 г. Уоллис. Более удобной причины и более надежного прикрытия для разведывательных целей экспедиции Кука было трудно найти. В сверхсекретной инструкции, врученной Британским адмиралтейством Куку, говорилось, что после выполнения астрономических наблюдений на Таити экспедиция должна была направиться на поиски Южного материка между островом Таити и 40° ю.ш. В том случае, если земля не будет найдена, надлежало плыть к Новой Зеландии, а там обследовать ее и нанести на карту берега. Инструкция требовала, чтобы все вновь открытые земли объявлялись британскими владениями. Следовало также составлять «инвентарные описи» богатств найденных земель: лесов, руд, драгоценных камней, плодов и семян. Местных жителей нужно было ублажать, «вручая им в дар безделушки, каковые могут быть у них в цене, и привлекая их к торговле». Верхом лицемерия был пункт, по которому обитаемые острова должны были вводиться во владение британской короны с «согласия туземцев».

Столь разнообразные и широкие задачи, поставленные перед экспедицией, требовали участия в плавании ученых и обширных знаний капитана. Кук обладал бесценным опытом и знаниями в морском деле. Он был превосходным картографом и гидрологом. Составленные им карты отличались особой тщательностью и точностью. Научной частью руководил молодой натуралист Джозеф Бэнкс. В экспедиции участвовали астроном Чарлз Грин, художник Сидней Паркинсон и шведский ботаник Даниэль Соландер.

26 августа 1768 г. экспедиция в составе девяносто восьми человек отправилась в путь на корабле «Индевр». В Рио-де-Жанейро была сделана остановка с 13 ноября по 7 декабря. Затем «Индевр» направился к югу Америки и 11 января 1769 г. достиг Огненной Земли. Пройдя через пролив Ле-Мера мимо мыса Горн, Кук 25 января вошел в тихоокеанские воды. Далее его путь пролегал по хорошо известному маршруту через архипелаги Туамоту и Общества, 13 апреля Кук бросил якорь в таитянской бухте Матаваи. После наблюдений за прохождением Венеры 3 июня экспедиция оставалась на Таити до 13 июля. Затем Кук приступил к обследованию островов к западу от Таити, и с 16 июля по 9 августа обошел всю группу Подветренных островов в архипелаге, который Кук назвал островами Общества (в честь Лондонского королевского общества).

В изучении островов Общества большую помощь Куку оказал молодой полинезиец Тупиа, уроженец острова Раиатеа. Тупиа принадлежал к сословию жрецов-хранителей мифов, преданий, генеалогий знатных вождей.

Полинезийцы обладали знаниями об островах, удаленных на значительные расстояния, великолепно читали карту звездного неба и, ориентируясь по звездам, направлениям постоянных ветров и течений, приводили свои каноэ к нужным островам. Тупиа щедро поделился с Куком сведениями о местоположении многих островов архипелага, которые еще не были известны европейцам. Эти сведения очень пригодились Куку во время второго плавания в Тихом океане.

Покинув Раиатеа 9 августа 1769 г., «Индевр» достиг Новой Зеландии 7 октября. Кук проследовал маршрутом, указанным в секретной инструкции Адмиралтейства. Однако никаких признаков существования Южной земли не было обнаружено. Шесть месяцев, до апреля 1770 г., велись исследования Новой Зеландии, впервые открытой Тасманом в 1643 г. Кук установил, что Новую Зеландию образуют два острова – Северный и Южный, разделенные проливом, названным проливом Кука в честь первооткрывателя. Были обследованы и положены на карту все побережья Новой Зеландии, собраны ценные этнографические сведения о населявших острова маори, составлены коллекции и изучен природный мир. 9 ноября были проведены астрономические наблюдения за прохождением Меркурия через солнечный диск. Кук доказал, что Новая Зеландия не является частью Южного материка.

Пребывание англичан было омрачено преступлением, совершенным лейтенантом Джоном Горном, который застрелил маори за его отказ обменять местную материю на таитянскую. Горн не понес никакого наказания.

Как и на Таити, Кук объявил открытые земли владением британской короны, что явилось основанием для колонизации Новой Зеландии англичанами через 70 лет (1840 г.). Конечно никакого согласия местных жителей на этот акт, как то предписывала инструкция Адмиралтейства, Кук не получал.

Задачи, поставленные перед экспедицией, были полностью выполнены, можно было возвращаться в Англию. Однако Кук предпочел продолжить плавание на северо-запад от Новой Зеландии с тем, чтобы отыскать восточную границу Австралийского материка, носившего тогда название Новая Голландия. За девятнадцать дней, с 1 по 19 апреля 1770 г., «Индевр» совершил переход от Новой Зеландии к восточному побережью Новой Голландии. 20 апреля корабль вошел в широкий залив, который Кук назвал Ботаническим (Ботани-Бей). Здесь семнадцать с половиной лет спустя англичанами было основано первое поселение, перенесенное вскоре в Порт-Джексон. Кук обследовал почти все восточное побережье Австралии и назвал его Новым Южным Уэльсом. В опасных водах Большого Барьерного рифа «Индевр» наскочил на коралловый риф, на ремонт потребовалось два месяца. 22 августа Кук высадился на небольшом острове Поссешн в восточной части Торресова пролива и объявил весь открытый им восточный берег владением британской короны. Пройдя далее к Новой Гвинее, Кук подтвердил открытие Торреса, обнаружившего, что новогвинейский остров отделен от австралийского материка широким проливом. В Австралии участники экспедиции повстречались с аборигенами, собрали этнографическую коллекцию, сделали важные наблюдения о жизни этих людей каменного века. Большую ценность имели коллекции, в которых был представлен уникальный растительный и животный мир Австралии.

На обратном пути в Англию Кук посетил остров Тимор, Батавию и Капстад. Возвращение было трудным. Многих моряков поразила тропическая лихорадка и эпидемия дизентерии, от которой только за одну неделю (25 января – 1 февраля 1771 г.) скончались семь человек.

Первая кругосветная экспедиция Кука завершилась 13 июля 1771 г., а уже 28 ноября того же года он был назначен командиром новой экспедиции, снаряжавшейся для продолжения поисков Южной земли в высоких широтах южного полушария. Торопливость Адмиралтейства объяснялась англо-французским соперничеством в открытиях новых земель. До Англии доходили известия, что в 1769–1771 гг. три французские экспедиции были направлены в Тихий океан с целью отыскания Южного континента.

Вторая экспедиция Кука отправилась на двух судах: «Резолюшн» с экипажем в сто одиннадцать человек под командованием Кука и «Эдвенчер», на борту которого было восемьдесят человек во главе с капитаном Тобайсом Фюрно. В состав экспедиции были включены ученые: астрономы Уильям Уэйлс и Уильям Бейли, немецкий ученый-естествоиспытатель Иоганн Рейнгольд Форстер и его сын Георг восемнадцати лет, ставший впоследствии видным натуралистом, просветителем и общественно-политическим деятелем.

Второе плавание Кука продолжалось с 13 июля 1772 г. до 30 июля 1775 г. Согласно инструкции Адмиралтейства экспедиции следовало вначале отправиться в Южную Атлантику на поиски мыса Сирконсизьон, открытого в 1739 г. французским мореплавателем Жаном-Батистом Буве де Лозье на 54° ю.ш., и принятого им за выступ Южного материка. В действительности это был мелкий островок, который вторично отыскали только в 1898 г. Куку предписывалось пройти на юг как можно дальше, а затем, продвигаясь на восток, продолжить розыски в водах Индийского и Тихого океанов. Для отдыха команд и ремонта судов разрешалось следовать на острова в тропической зоне Тихого океана.

Кук тщательно обследовал пятидесятые южные широты и даже впервые в истории мореплавания 17 января 1773 г. пересек Южный полярный круг. Поиски не дали результата, и экспедиция направилась к Новой Зеландии. По пути корабли расстались. Капитан Фюрно на «Эдвенчере» прошел вдоль берегов Земли Ван-Димена и прибыл к Новой Зеландии, где стал ожидать Кука. 18 мая корабли соединились и направились к Таити по 41–46° ю.ш., с тем чтобы обследовать район, где мог бы находиться Южный континент. 16 августа экспедиция прибыла на Таити. Проведенные исследования позволили сделать Куку следующий вывод: «Поскольку в предыдущем плавании я, как и теперь, пересекал этот океан на пространстве от 40° S и выше, то могу составить суждение....что Южного материка не существует». 17 сентября Кук распрощался с Таити и направился к архипелагу Тонга, острова которого были впервые открыты Тасманом в 1643 г. С 1 по 7 октября Кук побывал на главном острове тонганского архипелага Тонгатабу и острове Эуа. Экспедиция встретила здесь такой же радушный прием, какой был раньше оказан Тасману. Кук назвал архипелаг Островами Дружбы. Далее путь пролегал к Новой Зеландии, где 30 октября корабли Кука и Фюрно окончательно расстались. До 24 ноября Кук тщетно ожидал «Эдвенчер». Затем он отправился на юг для завершения обследования полярных широт. Второй раз за время плавания «Резолюшн» пересек Южный полярный круг и 24 декабря достиг 67° ю.ш. Дальнейший

путь к Южному полюсу преградили плотные льды. Последнюю, третью по счету, попытку прорваться на юг Кук предпринял 11 января 1774 г. Он пересек Южный полярный круг 26 января и к 30 января находился на 71°10′ ю.ш. и 106°54′ з.д. Двигаться дальше мешал сплошной ледяной барьер, и Кук повернул к северу. Лишь 200 км отделяли «Резолюшн» от Антарктиды, а Кука от славы ее первооткрывателя. Эта неудача Кука надолго отвратила мореплавателей от дальнейших поисков земли в южных приполярных морях.

Как и в первом плавании, Кук выполнил главную задачу, поставленную перед экспедицией Адмиралтейством, и мог бы с сознанием исполненного долга вернуться в Англию. Однако он решил продолжить плавание в Океании и наметил дополнительную программу исследований.

11 марта 1774 г. Кук прибыл к острову Пасхи, самому известному и загадочному из полинезийских островов Океании, открытому голландцем Роггевеном в 1722 г. Участники экспедиции были восхищены каменными скульптурами, но они отметили также, что островитяне переживали не лучшие времена, и со времени Роггевена произошли какие-то события, приведшие к упадку культуры и общества. 16 марта экспедиция направилась к Маркизским островам, открытым Менданьей в 1595 г., но оставшимся малоизученными. Кук обследовал архипелаг, подробно и красочно описал его обитателей. Затем 11 апреля был взят курс на Таити для отдыха команды и пережидания зимы Южного полушария. 22 апреля «Резолюшн» бросил якорь в знакомой бухте Матаваи.

Живой, неподдельный интерес к жителям островов Океании был всегда характерен для талантливого мореплавателя. Кук старался понять эту, столь отличающуюся от европейской, культуру. Правда, объяснения давались им в привычных «западных» терминах: верховные вожди назывались «королями», родовая аристократия – «феодалами». У таитян не было моногамных браков, и Куку казалось, что женщины ведут себя легкомысленно. На многих островах Океании отсутствовала частная собственности на землю, и это повергало европейцев в изумление.

ГЕОРГ ФОРСТЕР. «ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА» (1777) О ПРЕБЫВАНИИ ЭКСПЕДИЦИИ КУКА В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

«Со времени отплытия с мыса Доброй Надежды наши матросы не имели дела с женщинами, так что они весьма усердно заинтересовались ими, и по тому, как принимались их ухаживания, было видно, что в здешних местах не очень заботятся о стыдливости и что победа должна быть делом не слишком трудным. Однако благосклонность этих красоток зависела не только от их желания. Сначала надо было спросить разрешения у мужчин, имевших над ними полную власть. Если с помощью большого гвоздя, рубах или тому подобного удавалось купить их согласие, то женщины могли удалиться со своими кавалерами, а после попросить еще подарок для себя. Должен при этом заметить, что некоторые лишь с крайней неохотой позволяли использовать себя для столь постыдного промысла, и мужчинам часто приходилось пускать в ход весь свой авторитет, даже угрозы, прежде чем те соглашались уступить вожделениям парней, которые бесчувственно смотрели на их слезы и слушали их стенания. Кто заслуживает большего отвращения: наши люди, которые считали себя принадлежащими к цивилизованной нации, но могли вести себя столь по-скотски, или эти варвары, принуждающие своих собственных женщин к столь постыдным делам? На этот вопрос я не могу дать ответа. ⟨…⟩

Достаточно печально само по себе уже то, что все наши открытия стоят жизни многим невинным людям. Но как ни тяжки они для маленьких нецивилизованных народов, это поистине сущая мелочь по сравнению с невосполнимым ущербом, который причиняет им разрушение нравственных основ их жизни. Если бы сие зло в какой-то мере компенсировалось тем, что их научили бы действительно полезным вещам или искоренили бы среди них какие-либо безнравственные либо пагубные обычаи, тогда мы могли бы по крайней мере утешать себя мыслью, что, потеряв в одном, они приобрели в другом. Боюсь, однако, что наше знакомство с жителями Южного Моря принесло им только вред; так что, на мой взгляд, лучше всего уберегли сь от него как раз те народы, которые держались подальше от нас».

14 мая Кук отправился для обследования еще одного загадочного открытия испанцев – Южной земли Святого Духа, найденной Киросом в 1606 г. и объявленной частью большого материка. В действительности оказалось, что эта цепь островов, вытянутая с севера на юг. Бугенвиль в 1768 г. обследовал северные острова архипелага, назвав их Большими Кикладами. Кук с 17 июля по 20 августа 1774 г. прошел вдоль всего архипелага и открыл ряд островов в его центральной и южной частях. Всему же архипелагу он дал название Новые Гебриды.

Далее был проложен курс на юго-запад, и экспедиция оказалась в районе, где до Кука не бывал ни один европейский мореплаватель. 4 сентября 1774 г. была замечена земля на 20° ю.ш. и 165° в.д. После Новой Гвинеи и Новой Зеландии третьим по величине в Океании является остров, впервые найденный Куком. Он был назван Новой Каледонией. В каноэ, подошедших к кораблю, находились темнокожие люди, похожие на островитян Новых Гебрид. Их язык отличался от знакомых европейцам полинезийских языков. Как было установлено впоследствии, новокаледонцы и многие другие островитяне Западной Океании принадлежат к меланезийским народам.

От Новой Каледонии Кук 3 октября направился к Новой Зеландии, чтобы оттуда совершить бросок через Тихий океан к мысу Горн и обследовать моря к югу и юго-востоку от мыса. 19 октября «Резолюшн» вошел в бухту Шип-Коув в проливе, разделяющем Северный и Южный острова. 10 ноября Кук отправился из Новой Зеландии к Огненной Земле. В конце декабря 1774 и начале января 1775 г. «Резолюшн» обогнул Огненную Землю и вошел в воды Южной Атлантики. Здесь были открыты остров Южная Георгия и Южные Сандвичевы острова. Затем Кук направился к Кейптауну и достиг его 19 марта. Стоянка здесь продолжалась до 12 мая, а 30 июля Кук завершил второе кругосветное плавание в гавани Спитхед на юге Англии.

Подводя итоги исследований в Тихом океане и приполярных областях Атлантического и Индийского океанов, Кук писал: «Я обошел теперь Южный океан в высоких широтах и пересек его таким образом, что не осталось пространства, где мог бы находиться материк, кроме как вблизи полюса, в местах, недоступных для мореплавания… Таким образом, я льщу себя надеждой, что задачи моего путешествия во всех отношениях выполнены полностью; южное полушарие достаточно обследовано, и положен конец дальнейшим поискам, проводившимся ради Южного материка, который на протяжении почти двух прошедших столетий неоднократно привлекал внимание морских держав и во все времена привлекал внимание географов.

Я не стану отрицать, что близ полюса может находиться континент или земля значительных размеров. Напротив, я держусь мнения, что такая земля там есть, и, вероятно, мы видели часть ее. Чрезмерные холода, множество островов и обширные массы плавающих льдов – все это служит доказательством, что земля на юге должна быть и что эта Южная земля должна находиться или простираться дальше всего к северу против Южного Атлантического и Индийского океанов...». 13 января 1820 г. русские мореплаватели Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев открыли Антарктиду, подтвердив тем самым догадку Кука.

Итак, после двух первых кругосветных экспедиций Кука окончательно выяснилось, что Южного материка, сопоставимого с Евразией, в Тихом океане нет. Однако оставалась еще одна крупная географическая задача – отыскание прохода в Тихий океан на севере американского материка. В Англии в 1745 г. была даже назначена премия в размере 20 тыс. фунтов стерлингов за открытие Северо-Западного прохода. Если бы его удалось разведать, то путь в страны Востока значительно бы сократился и стал более быстрым и удобным, чем маршруты, проложенные мимо мыса Доброй Надежды через Индийский океан или от Южной Америки через Тихий. Беспокойство англичан вызывала также активность России в исследовании островов и западного американского побережья на севере Тихого океана. Экспедиции Беринга и Чирикова в 1728–1741 гг. добились немалых успехов в исследовании пролива между Азией и Америкой, Камчатки, Алеутских и Диомидовых островов, а также северо-западного американского побережья до 49° с.ш. Английский географ Дж. Кэмпбелл в 1748 г. писал: «Если русские продолжат эти открытия, они, возможно, смогут сделать открытия величайшей важности и, вероятно, также скроют это к большой пользе для себя и к большому вреду для остального мира, и особенно для британской нации».

Третья экспедиция Дж. Кука (1776–1779) была направлена на север Тихого океана с главной целью – отыскать Северо-Западный проход. В плавании участвовали два корабля: «Резолюшн» под командованием Кука со 112 человеками на борту и «Дискавери» с капитаном Чарлзом Кларком и командой в 88 человек. В составе экспедиции находились натуралист Уильям Андерсон, астроном Уильям Бейли и художник Джеймс Вебер. «Резолюшн» покинул Англию 12 июля, несколькими днями спустя в путь отправился «Дискавери». Корабли встретились в Капстаде и 30 ноября продолжили путь через Индийский океан на юго-восток.

28 января 1777 г. экспедиция прибыла на Землю Ван-Димена. Здесь впервые англичане увидели жителей острова – тасманийцев, которые показались Куку более примитивными, чем австралийские аборигены. Островитяне не имели одежды, добывали огонь трением, пользовались грубыми каменными рубилами, вели бродячий образ жизни в поисках дикорастущих плодов и моллюсков. Через четыре дня корабли отправились к Новой Зеландии и 12 февраля бросили якоря в гавани Шип-Коув – постоянной базы экспедиций Кука. 25 февраля экспедиция продолжила путь на северо-восток. Были открыты маленькие острова, населенные полинезийцами, Мангаиа, Атиу и атолл Такутеа в южной группе островов Кука.

Исключительно дружеский прием был оказан экспедиции на островах архипелага Тонга. Здесь Кук впервые посетил острова Хаапай, где еще никогда

не бывали европейцы, а также главный остров Тонгатабу и Эуа. Пять недель моряки пробыли в Тонга. Здесь Кук получил сведения о девяносто семи островах, расположенных на громадном пространстве между островами Общества и Новыми Гебридами. 17 июля 1777 г., покинув Тонга, экспедиция направилась на Таити. По дороге 8 августа был открыт остров Тубуаи.

На Таити Кук оставался более трех месяцев до 8 августа 1777 г. и затем направился к северу. 24 декабря открыли остров Рождества из архипелага Центральных Полинезийских Спорад. 18 января 1778 г. были замечены Гавайские острова. Открытие Гавайского архипелага – последнее значительное достижение Кука. В Океании после этого не находили сколько-нибудь крупных островов и больших островных групп.

Кук отметил тот неподдельный интерес, который проявляли полинезийцы к любой мелочи на кораблях: «Никогда еще в прежних и нынешних плаваниях я не встречал туземцев, которые, поднявшись на корабль, столь всему удивлялись, – писал Кук. – Их глаза непрерывно перебегали с одного предмета на другой, и дикость взглядов и жестов свидетельствовала, что им совершенно неведомо все, что они видят, и это нам решительно доказывало, что их никогда не посещали европейцы и что им не знакомы наши товары, за исключением железа; о последнем, однако, им, бесспорно, было известно либо понаслышке, либо по той малости, которая попала к ним в очень давние времена». Участники экспедиции видели у островитян три больших корабельных гвоздя и обломки широких ножей. Возможно, что эти предметы попали на Гавайи от японских рыбаков, чьи суденышки прибивали к островам тропические штормы. Сохранились предания, что в XVI–XVII вв. дважды или трижды море выбрасывало на берег лодки и плоты с какими-то чужеземцами. Очень смутные сведения сохранились о возможном посещении Гавайев испанцами.

За тринадцать дней, что экспедиция провела на Гавайских островах (Кук назвал их Сандвичевыми в честь лорда Сандвича, главы Адмиралтейства), были обследованы и тщательно описаны центральные острова архипелага – Оаху, Кауаи, Ниихау, Лехуа и Каула. Кук собрал исключительно ценные сведения о гавайцах, их быте, социальной структуре, земледелии и ремеслах. 2 февраля 1778 г. корабли отправились в северную часть Тихого океана к берегам Америки для выполнения главной задачи экспедиции.

К Гавайским островам экспедиция вернулась в конце ноября 1778 г., чтобы переждать здесь зиму. Кук обследовал восточные острова архипелага – Мауи и самый крупный остров Гавайи. 17 января 1779 г. корабли вошли в бухту Кеалакекуа. Кук был принят с необыкновенными почестями. Жрецы объявили о пришествии в его лице бога Лоно, мудрого и доброго, способного сделать жизнь островитян счастливой и изобильной. Церемониальные пиршества и потребности моряков в свежей провизии вскоре привели к сокращению запасов еды у местных вождей и многих знатных островитян. 4 февраля экспедиция покинула Гавайи, но уже 11 февраля корабли вернулись, так как путь был затруднен из-за встречных ветров.

Здесь Кука и его спутников ожидала разительная перемена в поведении гавайцев. Островитяне при виде кораблей не бросились к ним на каноэ и не собирались толпами на берегу. Оказалось, что вожди наложили запрет (табу) на берега бухты. 14 февраля произошла первая стычка англичан с гавайцами, и Кук приказал зарядить ружья на случай новых столкновений. Рано утром

Смерть капитана Кука 15 февраля 1779 г. Гравюра с картины Дж. Уэббера. 1784 г.

следующего дня обнаружилось, что украдена шлюпка, стоявшая на якоре у «Дискавери». Кук отдал приказ задерживать и уничтожать все каноэ, которые покажутся в бухте. Для этого были спущены шлюпки с вооруженными матросами и солдатами морской пехоты. На берег отправился сам Кук в сопровождении лейтенанта М. Филипса и девяти солдат морской пехоты. В селении главного местного вождя Кук был принят с почестями: народ пал ниц перед ним и принес свои обычные дары – маленьких свиней. Кук потребовал, чтобы его проводили в дом вождя. Вождь вежливо принял Кука и согласился проследовать с ним на корабль. Два сына вождя, взятые в заложники, уже были посажены в шлюпку. На берегу, куда под конвоем привели вождя, собралась толпа островитян. В это время была открыта стрельба из шлюпок по каноэ в бухте. Раненный англичанами гаваец подбежал к вождю и, встав на колени, умолял его не плыть на корабль. Возбужденная толпа набросилась на конвой, сопровождавший вождя. По другой версии Кук, видя, что вождя не удастся взять без кровопролития, отпустил его и направился к шлюпке. Но тут в бухте раздался новый залп из шлюпок по каноэ. Был убит один из вождей высокого ранга. Это привело гавайцев в ярость. Отбивая нападение, Кук выстрелил и убил одного из островитян. В матросов полетели камни, они отвечали ружейным залпом, но это не испугало гавайцев, набросившихся на англичан. Четверо матросов были убиты, лейтенант Филипс серьезно ранен, а Кук был убит, когда, повернувшись спиной к нападавшей толпе, попытался отдать приказ о прекращении огня.

Экспедицию возглавил капитан Кларк. Он привел корабли на Камчатку в Петропавловск, где вскоре и умер от приступа чахотки. Руководство перешло к Джону Гору, первому помощнику Кука на «Резолюшн». Русские тепло встре-

тили английских мореплавателей, снабдили их свежими продуктами. В благодарность за приют и помощь участники экспедиции подарили много предметов, полученных на островах Океании. Эта коллекция была доставлена в Санкт-Петербург и положила в Кунсткамере начало собранию океанийских редкостей. В дальнейшем коллекция пополнялась уже российскими мореплавателями и путешественниками.

Три экспедиции Кука и его открытия вызвали в Европе колоссальный интерес к Океании. За последнюю четверть XVIII и первые годы XIX в. в водах Океании и Австралии побывало больше кораблей, чем за предыдущие два с половиной столетия. Основными соперниками в изучении и овладении Тихим океаном оставались Англия и Франция. Активизировалась также Испания, вспомнив о своих правах на «испанское озеро».

Вице-король Перу Мануэль де Амат направил несколько экспедиций в Южные моря. Испанцев интересовал остров Таити, архипелаги в Восточной и Центральной Полинезии, где можно было бы организовать опорные базы по образцу существующей на Гуаме. На Таити в 1772 и 1774 гг. побывала экспедиция Доминго де Бонечеа. В 1775 г. на остров прибыла экспедиция капитана Каэтано Лангара. Испанские мореплаватели проявили интерес к архипелагу Туамоту и посетили многие острова и атоллы. В 1775 г. Томас Гаянос и Хосе де Андиа-и-Варела плавали в районе Австральных островов, к югу от Таити. На севере Океании ряд открытий в Каролинском архипелаге совершил в 1773 г. испанский капитан Фелипе Томпсон. Однако планы испанской экспансии в Океании были сорваны из-за англо-испанской войны 1779–1783 гг. и восстания индейцев в Перу в 1780–1781 г. Последним в XVIII в. плаванием испанцев в Океании стал вояж Антонио Маурелье в 1780–1781 гг. Отправившись из Манилы, он совершил переход к Новой Гвинее, посетил архипелаг Адмиралтейства, открыл в архипелаге Тонга группу островов Вавау и нашел еще ряд островов в Центральной Океании.

Франция также не забывала о своих притязаниях на Океанию, хотя время прямых колониальных захватов наступило значительно позже (в 40-х годах XIX в.). В 1772 г. на Новую Зеландию прибыли два корабля, снаряженные на собственный счет Марком-Жозефом Марион-Дюфреном. Здесь 8 июня 1772 г. у Дюфрена произошла стычка с маори, в ходе которой он сам и 26 его спутников были убиты, а затем съедены. Причина этой трагедии до сих пор не установлена. По одной версии, занимаясь ремонтом мачт, люди Дюфрена срубили деревья, защищенные табу, тем самым вызвав гнев туземцев. Согласно другой гипотезе, Дюфрен высадился на берег в том самом месте, где Сюрвиль в декабре 1769 г. сжег селения маори за похищенный ялик. Таким образом, убийство Дюфрена и его людей могло рассматриваться и как возмездие за прошлое преступление белых. Как бы то ни было, капитан Дюклесмёр, возглавивший экспедицию после смерти Дюфрена, в свою очередь жестоко отплатил маори. Были убиты несколько сот жителей и сожжены три деревни. Дюклесмёр оставил Новую Зеландию 14 июля 1772 г. и в ходе дальнейшего плавания побывал на центральных и северных островах архипелага Тонга. Морская активность Франции сократилась в период ее участия в Войне за независимость США, т.е. в 1778–1783 гг. Однако позднее французские корабли обследовали побережье Азии от Суэца до Кореи; в 1784–1789 гг. Франция организовала десять экспедиций в Индийский и Тихий океаны.

Самой значительной из них явилась экспедиция Жана Франсуа де Лаперуза в 1785–1788 гг. Экспедиция на двух кораблях «Буссоль» и «Астролябия» с экипажем в 223 человека в конце 1785 г. отбыла из Бреста и вошла в Тихий океан, обогнув мыс Горн. Лаперуз посетил остров Пасхи, Гавайские острова. Обширные исследования провела экспедиция в северных водах Тихого океана у берегов Аляски, Камчатки и Сахалина. В декабре 1787 г. Лаперуз прибыл на архипелаг Самоа и открыл там самый крупный остров Савайи, а также маленькие острова Маноно и Аполима. Затем он направился к берегам Австралии. Корабли вошли в бухту Порт-Джексон в феврале 1788 г. Французы прибыли на шесть дней позже того, как англичане основали колонию Новый Южный Уэльс в Австралии. Отсюда Лаперуз направил в Париж отчет, в котором кратко описал свое плавание и изложил план дальнейших действий: обследовать острова Санта-Крус и в обход Новой Голландии плыть к острову Маврикий в Индийском океане. Однако этому плану не суждено было сбыться. Корабли Лаперуза пропали без вести. Лишь сорок лет спустя английский капитан Питер Диллон отыскал следы кораблекрушения «Астролябии» у острова Ваникоро. Остатки «Буссоли» были найдены у этого острова только в 1964 г. французской экспедицией. Корабль, как установили, сразу затонул и покоится на глубине 1500–2000 м.

На поиски Лаперуза была направлена экспедиция французского мореплавателя Антуана д'Антркасто. В 1791–1793 гг. д'Антркасто обследовал множество островов и совершил ряд открытий в Юго-Западной Океании. На юго-востоке Земли Ван-Димена (о. Тасмания) в апреле–мае 1792 г. был найден обширный залив, названный Решерш, и остров Бруни. Далее путь пролегал к берегам Новой Каледонии и к Соломоновым островам. Отсюда экспедиция, пройдя проливом между Новой Ирландией и Новой Британией, вышла в Новогвинейское море к островам Адмиралтейства, где, якобы, были замечены туземцы во французских мундирах. Однако следов Лаперуза здесь не обнаружили. После отдыха команды на острове Амбоина д'Антркасто вошел в Индийский океан и, обогнув с запада Австралию, продолжил поиски в Океании. Во время второго посещения Земли Ван-Димена в январе 1793 г. были открыты острова Л'Эсперанс и Рауль в архипелаге Кермадек, названном так в честь Ж.М. Юона де Кермадека, капитана одного из судов экспедиции. От Тонга д'Антркасто проплыл к Новым Гебридам и Новой Каледонии и в апреле 1793 г. открыл острова Ботан-Бопре (названы по имени гидрографа экспедиции) и Юон. Он посетил острова Санта-Крус, но прошел мимо острова Ваникоро, где затонули корабли Лаперуза. Обследовав архипелаг Луизиада, д'Антркасто открыл острова Ренар и Мисима. В июне 1793 г. был найден архипелаг Тробриан и северо-восточный выступ Новой Гвинеи, получивший название полуостров Юон. В июле 1793 г. д'Антркасто тяжело заболел и скончался на острове Вайгео. Экспедиция направилась к Молуккским островам, где корабли были арестованы голландцами. В то время Голландия объявила войну революционной Франции. Из плена французские моряки были освобождены только в 1802 г. Хотя основная цель экспедиции – отыскание Лаперуза – не была достигнута, это плавание значительно обогатило знания французов о юго-западной части Океании, что в дальней-

шем способствовало колониальному захвату Францией Новой Каледонии в XIX в.

В конце XVIII в. интерес к Океании стали проявлять и Соединенные Штаты. Первые американские суда появились в Тихом океане еще в 70-х годах. А в 1787 г. купцами Бостона и Салема была послана торговая экспедиция на двух судах с грузом мехов, который был продан с высокой прибылью в Китае. Вскоре был найден еще один, очень ценимый в Китае товар для торговли – сандаловое дерево, а также жемчуг. Заготовкой сандаловой древесины и сбором жемчуга для американцев занимались жители Маркизских и Гавайских островов. Вслед за торговцами в тихоокеанские воды проникали китобои, использовавшие острова в качестве баз для вытопки китового жира, пополнения провианта и отдыха команд.

К началу XIX в. определились три главные державы: Англия, Франция и США, соперничество между которыми стало определяющим в колониальном разделе Океании. Но уже в XVIII в. Британия опередила конкурентов, заявив свои права на австралийский континент. 26 января 1788 г. в залив Ботани-Бей вошел Первый флот под командованием Артура Филлипа, который доставил свыше 700 каторжников. Вскоре поселение было перенесено в Порт-Джексон. Основанный здесь город Сидней стал столицей Нового Южного Уэльса – каторжной британской колонии. Необходимость в ее создании объясняли тем, что Канада и Северная Америка после обретения последней независимости уже не могли использоваться для приема ссыльных каторжников.

Основание колонии в Австралии обозначило геостратегические интересы Британии в Южном Полушарии. Порт-Джексон стал важной опорной базой для британской деятельности на Востоке и в Тихом океане. Отсюда в том же 1788 г. английские капитаны Томас Гилберт и Джон Маршалл отправились в Китай. В 1789 г. Гилберт опубликовал в Лондоне отчет об этом плавании, в ходе которого были открыты острова, получившие название архипелага Гилберта, а также острова архипелага, названные Маршалловыми. Из Порт-Джексона в Китай в 1788 г. направился капитан Уильям Север, а в Батавию – капитан Джон Шортленд. Их плавания также привели к открытию ряда островов. В 1798–1799 гг. капитаны Джордж Басс и Мэтью Флиндерс открыли пролив, отделяющий Тасманию от Австралии. Остров был присоединен к колонии и использовался как место ссылки. Кроме Нового Южного Уэльса и Тасмании Британия объявила своей собственностью необитаемые острова Лорд Хау (1788), Четем (1791) и Питт (1791).

ВОСПРИЯТИЕ ОКЕАНИИ ЕВРОПЕЙЦАМИ В XVIII ВЕКЕ

Историки, занимавшиеся Океанией XVIII столетия, долгое время интересовались почти исключительно открытиями европейских мореплавателей. Однако за последние десятилетия ситуация изменилась: появились серьезные работы, посвященные образу Океании в европейской культуре, Океании как гигантскому пространству межкультурных контактов.

Новозеландский этнограф и издатель дневников Кука Дж.К. Биглхоул утверждал, что высадка Уоллиса на Таити в 1767 г. имела колоссальное зна-

чение для «всей западной мысли». Признавая всю расплывчатость понятия «западная мысль» и не забывая о том, что для самих таитян прибытие Уоллиса имело иное значение (многие из них были попросту убиты его людьми), современный британский историк Р. Эдмонд готов согласиться с ним: с этого момента представления европейцев об Океании стали играть важную роль в европейской культуре – их влияние прослеживается в Просвещении, Романтизме, христианской философии XIX в., социальных теориях, современной живописи и антропологии.

XVIII век знаменовал собой качественное изменение в восприятии европейцами обитателей «новых миров»: начиная с эпохи Великих географических открытий и вплоть до XVII в. европейцы обращали внимание не столько на расовые или национальные, сколько на религиозные различия между собой и туземцами. В XVIII столетии на первый план выдвинулась естественная история, в категориях которой и происходило теперь конструирование образа «другого». Австралийский историк Н. Томас полагает, что это изменение имело куда большее значение, чем обычно отмечаемый в историографии переход от традиционно благожелательных высказываний об аборигенах в литературе XVIII в. к все более расистским рассуждениям о них, встречающимся в литературе XIX столетия. Независимо от того, считались ли аборигены Океании «благородными дикарями» или «жестокими варварами», характеристики, даваемые им европейцами, должны были отныне исходить из представлений о классификации людей по различным естественным признакам. Экспедиции Бугенвиля, Кука, других мореплавателей второй половины XVIII в. способствовали пробуждению этого нового интереса к первобытным культурам, а описания их путешествий, выходившие большими тиражами, в значительной мере способствовали его росту.

К тому же времени относятся участившиеся попытки представить географические дистанции, отделяющие одни народы от других, во временны́х категориях. Вслед за американскими индейцами народы Океании стали рассматриваться как носители ранних форм цивилизации, а другие народы, прежде всего сами европейцы, как олицетворение прогресса, пройденного человечеством. Этот взгляд помогал европейцам увереннее чувствовать себя на необъятных просторах Океании. Острова наносились на карту, а населявшие их туземцы подлежали классификации с помощью естественно-научного инструментария. Пока Кук записывал в журнал свои впечатления об Океании, Иоганн Фридрих Блуменбах (1752–1840), гёттингенский профессор, основатель физической антропологии, создавал свое описание пяти человеческих рас, различая их по цвету кожи, форме черепа и типу волос («О естественных различиях в роде человеческом», 1776). Он рассматривал расы как разновидности единого человеческого рода, образовавшиеся под влиянием климата.

Большинство работ, посвященных контактам между европейцами и аборигенами Океании в XVIII столетии, упоминают о том, как Бугенвиль, приплыв на Таити, назвал его Новой Киферой – мифическим островом любви и наслаждения («Кругосветное путешествие на фрегате “Будёз” и транспорте “Этуаль” в 1766, 1767, 1768 и 1769 годах», 1771), а Дидро, написавший в том же 1771 г. «Добавление к “Путешествию” Бугенвиля», устами мудрого таитянина Ору критиковал «цивилизованное варварство», т.е. законы,

нравы, обычаи и верования современного ему французского общества. Этот типичный образ спокойного, мужественного и чувственного полинезийца, наделенного природным умом и живущего в согласии с законами природы, – характерный пример использования Океании для создания «негативной истории» европейской цивилизации, а также разоблачения ее колониальных устремлений. Антиколониальные идеи Дидро с особой силой прозвучали в текстах, подготовленных им для «Истории обеих Индий» аббата Рейналя. За первым ее изданием 1770 г. последовало дополненное второе, включенное католической церковью в Индекс запрещенных книг (1774), а затем и существенно расширенное третье (1780 г.), сожженное рукой палача по приговору Парижского парламента. Репрессии властей лишь повысили интерес публики к этому труду обеспечив ему колоссальную популярность.

«Разочарование» европейского общественного мнения в «благородных дикарях» Океании началось после гибели Кука на Гавайях в 1779 г.: она вызвала куда больший резонанс, чем убийство капитана Марион-Дюфрена и его людей в Новой Зеландии в 1772 г. И хотя знаменитый мятеж на британском корабле «Баунти», направлявшемся в апреле 1789 г. с Таити на Ямайку, был поднят его собственным экипажем, он стал еще одним сигналом, «предупреждавшим» европейцев об опасных соблазнах и анархических инстинктах, пробуждающихся под влиянием островов Южных морей. Не случайно Лондонское миссионерское общество, основанное в 1795 г., начало свою деятельность именно с острова Таити, отправив туда свою первую миссию в сопровождении Уильяма Блая, бывшего капитана «Баунти». Стремясь распространить на островах Океании христианство, протестантские миссионеры боролись с такими широко распространенными обычаями туземцев, как каннибализм, убийство новорожденных, сексуальная свобода. Обличение пороков «дикарей», пропаганда протестантской трудовой этики пришли на смену восторженному восприятию прелестей «естественной жизни» Океании. Расширение масштабов деятельности миссионерских организаций произошло уже в XIX в.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Открытие, исследование и освоение Нового Света европейцами – длительный многосторонний процесс, продолжавшийся на протяжении нескольких столетий. Протекая во времени и пространстве, он характеризовался значительной региональной и стадиальной спецификой. Поэтому необходим анализ всех аспектов данной проблемы, с учетом особенностей рассматриваемой исторической эпохи и локальных различий. В этом смысле немалый интерес представляет заключительный этап европейской колонизации американского континента, завершившийся лишь в последней четверти XVIII в. Именно к тому времени сложилась в основном чрезвычайно пестрая многоукладная иерархическая структура, в рамках которой сочетались различные социально-экономические, этнорасовые и культурно-исторические компоненты. Их взаимовлияние и трансформация на протяжении XIX–XX вв. в большой мере предопределили последующую эволюцию Латинской Америки.

ЕВРОПЕЙЦЫ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ, КАЛИФОРНИИ И ВЕСТ-ИНДИИ

В ходе завоевания Америки испанские конкистадоры к концу 20-х годов XVI в., как известно, захватили обширную территорию, простирающуюся от Мексиканского залива до Тихого океана, а в первой половине 30-х годов открыли полуостров Калифорнию. Тогда же португальцы приступили к более или менее планомерной колонизации Бразилии.

Осваивая приобретенные за океаном земли, обе иберийские державы придерживались политики изоляции своих американских владений от внешнего мира, что, разумеется, препятствовало расширению познаний о странах Западного полушария. Так, мадридское правительство, как правило, не допускало в заморские колонии и омывающие их воды иностранные научные экспедиции. В течение всего XVIII и первой четверти XIX в. исключения были сделаны лишь для известной комплексной экспедиции Парижской Академии наук во главе с Ш.М. де Ла Кондамином в Перу (1736–1743) и для знаменитого путешествия А. фон Гумбольдта и Э. Бонплана (1799–1804), которое современники называли «вторым открытием Америки». Даже испанским ученым крайне редко и неохотно давалось разрешение на проведение тех или иных исследований в колониях и публикацию соответствующих материалов. Тем не менее во второй половине XVIII в. там побывали несколько исследователей-испанцев, а в печати появились ценные свидетельства очевидцев.

В их числе был, в частности, изданный в Мадриде трехтомный труд ученого-иезуита А.М. Буррьеля «Сообщение о Калифорнии» (1757). Следует заметить, что это географическое название употреблялось в то время для обозначения региона, чьи границы являлись весьма неопределенными. Испанцы, а вслед за ними и другие европейцы, понимали под Калифорнией, по существу, всё тихоокеанское побережье от южной оконечности одноименного

«Южная Америка». Карта Р. Бонна. 1780 г.

полуострова (именовавшегося Нижней Калифорнией) – мыса Сан-Лукас (примерно 23° с.ш.) – до неисследованного севера, включая иногда Аляску. Территорию, расположенную севернее полуострова, называли Верхней Калифорнией. Первая уже давно входила в состав вице-королевства Новая Испания: там был основан ряд иезуитских миссий, дислоцировались военные гарнизоны. Верхняя же Калифорния оставалась вне сферы испанской колонизации, хотя отдельные мореплаватели доходили до Монтерея, мыса Мендосино и даже до мыса Бланко (43° с.ш.).

Что же касается Южной Америки, то неоценимый вклад в дело изучения ее флоры внес выдающийся естествоиспытатель Х.С. Мутис, руководивший в 80-х годах XVIII в. ботаническими изысканиями в Новой Гранаде. Натуралисты И. Руис и Х. Павон обследовали в 70–80-х годах внутренние районы Перу и Чили. Их отважный соотечественник – мореход и географ А. де Кордова в 1785–1786 гг. проследовал вдоль юго-восточного побережья Бразилии и восточных берегов Рио-де-ла-Платы до Магелланова пролива.

Финальной стадией изучения и освоения американского материка явилось продвижение испанцев в Верхнюю Калифорнию. Оно стимулировалось дошедшей до мадридского двора информацией о приближении русских к северо-западному побережью Америки, получившем импульс в результате Второй Камчатской экспедиции 1741 г. и нараставшем на протяжении 40–60-х годов XVIII в. В 1769 г. из Нижней Калифорнии на север отправились суда «Сан-Карлос» и «Сан-Антонио», а также сухопутные отряды Ф. де Риверы-и-Монкады и Г. де Портолы. Вскоре была основана миссия Сан-Диего, открыт вход в залив Сан-Франциско, учреждена миссия и построен форт на берегу залива Монтерей, основан ряд миссий на побережье между Сан-Диего и Сан-Франциско.

В 1774 г. Х.Х. Перес Эрнандес достиг 55° с.ш., а в следующем году экспедиция в составе трех кораблей (капитаны Б. де Эсета, Х.Ф. де ла Бодега-и-Куадра, Х. де Айяла) продвинулась до 58°. Одновременно Х.Б. де Анса и Ф. Гарсес проложили сухопутный маршрут из провинции Сонора к побережью Верхней Калифорнии, где основали форт и миссию Сан-Франциско. Несколько лет спустя, в июле 1779 г., мореплаватели И. де Артеага и Х.Ф. де ла Бодега-и-Куадра достигли входа в залив Принс-Уильям (61° с.ш.) и объявили эту землю владением испанской короны. То была самая северная точка продвижения испанцев в Америке. Итак, в течение десятилетия граница государственных интересов пиренейского королевства на американском континенте переместилась далеко на север. В дальнейшем изучении этого региона с конца 70-х годов временно возникла пауза в связи с вступлением монархии Карла III в войну против Англии.

Испанская экспансия возобновилась лишь на исходе 80-х годов, когда в Мадрид поступило донесение вице-короля Новой Испании Флореса, будто петербургское правительство планирует направить к берегам Северо-Западной Америки два судна с целью занять Нутка-зунд – бухту в южной части островка Нутка, впервые обнаруженную в свое время на широте 49°30' Пересом Эрнандесом. Чтобы предупредить мнимые намерения России в том районе, колониальные власти снарядили морскую экспедицию Э.Х. Мартинеса и Г.Л. де Аро, которая в 1789 г. прибыла в Нутка-зунд. Русских там не

оказалось, зато выявилось присутствие давних врагов пиренейского королевства – англичан. Провозгласив эту территорию своим владением, испанцы захватили британские суда. В итоге ситуация, сложившаяся на рубеже 80–90-х годов вокруг Нутка-зунда, переросла в затяжной англо-испанский конфликт.

Однако с урегулированием кризиса (октябрь 1790 г.), сопровождавшимся приостановкой экспансии Испании и ослаблением ее позиций на северо-западе Америки, правительство Карла IV вынуждено было фактически ограничить свои территориальные притязания широтой Нутка-зунда. Позднее, вняв доводам вице-короля Х.В. де Гомеса Пачеко, графа Ревильяхихедо и известного морехода А. Маласпины, обследовавшего в 1791 г. северо-западное побережье американского материка, мадридский двор согласился передвинуть северную границу испанских владений в данном регионе еще на один градус к югу – до пролива Хуан-де-Фука (примерно 48°30′ с.ш.).

Несмотря на все попытки могущественных соперников лишить испанцев и португальцев колониальной монополии, столкновение интересов двух крупнейших государств – Англии и Франции, оспаривавших мировое первенство, способствовало сохранению более слабыми Испанией и Португалией большинства их американских колоний. За исключением небольшой Гвианы, поделенной между Англией, Францией и Голландией, а также Москитового берега (восточное побережье Никарагуа) и Белиза (юго-восток Юкатана), объектов британской колонизации, Южная и Центральная Америка вплоть до начала XIX в. продолжали оставаться под испанским и португальским господством.

Лишь в Вест-Индии, за которую на протяжении XVI–XVIII вв. ожесточенно боролись Англия, Франция, Голландия и Испания (причем многие острова неоднократно переходили от одной державы к другой), позиции испанской монархии были значительно ослаблены. К концу XVIII – началу XIX в. ей удалось удержать только Кубу, Пуэрто-Рико и восточную половину Гаити (Санто-Доминго). Западную половину этого острова Испании пришлось по Рисвикскому мирному договору 1697 г. уступить Франции, основавшей там колонию, которую стали называть Saint-Domingue (в традиционной русской транскрипции – Сан-Доминго). Французским владением являлись также захваченные еще в 30-х годах XVII в. Гваделупа и Мартиника в восточной части Карибского моря. Большинство Малых Антильских островов Версальский мирный договор 1783 г. окончательно закрепил за Великобританией, под властью которой кроме того находились, как и раньше, Ямайка, Багамский и Бермудский архипелаги. В 1797 г. англичане овладели испанским островом Тринидад, расположенным близ северо-восточного побережья Венесуэлы. В начале XIX в. они добились официального признания своих притязаний на островок Тобаго, фактически контролировавшийся ими (с некоторыми перерывами) еще с 1580 г.

Подветренные острова (Кюрасао, Аруба, Бонайре) в 30–40-х годах XVII в. перешли к Голландии. Крупнейшие из Виргинских островов (Сент-Круа, Сент-Томас, Сент-Джон), первоначально принадлежавшие Испании, а затем являвшиеся «яблоком раздора» между Англией, Францией и Голландией, в 30–50-е годы XVIII в. купила Дания.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Административно-политическое устройство американских колоний пиренейских держав, введенное в первые столетия Конкисты, к началу XVIII в. осталось в основном прежним. В Северной и Южной Америке наиболее крупными территориями являлись вице-королевства Новая Испания и Перу, а также генерал-губернаторство Бразилия, делившееся на капитании. Бóльшую часть Центральной Америки (за исключением Юкатана, Табаско и Панамы) занимало генерал-капитанство Гватемала. Испанские владения в Вест-Индии и на побережье Карибского моря до второй половины XVIII в. составляли генерал-капитанство Санто-Доминго. В рамках перуанского вице-королевства до 30-х годов XVIII в. существовало генерал-капитанство Новая Гранада.

Однако на протяжении XVIII в. территориальная структура заокеанских колоний Испании (главным образом в Южной Америке и Вест-Индии) и Португалии претерпела существенные изменения. Бразилия в 1720 г. была преобразована в вице-королевство. Аналогичный статус получила в 1739 г. Новая Гранада, куда вошли также Панама и Кито. Куба с 1764 г. была выделена в самостоятельное генерал-капитанство. В 1776 г. появилось еще одно новое вице-королевство – Рио-де-ла-Плата, объединившее обширный регион: Буэнос-Айрес и другие провинции современной Аргентины, Парагвай, Верхнее Перу (нынешняя Боливия), Восточный Берег (Банда Ориенталь), как называли в то время территорию, расположенную на восточном берегу реки Уругвай. В следующем году было создано генерал-капитанство Венесуэла, а в 1778 г. ранг генерал-капитана получил губернатор Чили. В 1795 г. мадридское правительство вынуждено было уступить Франции Санто-Доминго (т.е. и восточную половину Гаити), в связи с чем центр испанского владычества в Вест-Индии переместился на Кубу. Генерал-капитану «Жемчужины Антилл» подчинялись губернаторы Флориды и Пуэрто-Рико, хотя юридически эти колонии рассматривались как находившиеся в непосредственной зависимости от метрополии.

Общее руководство всей политикой, касавшейся заморских владений Испании, наряду с мадридским правительством осуществлял Верховный совет по делам Индий, решения и рекомендации которого подлежали королевской санкции. В каждой колонии высшая власть принадлежала вице-королю или генерал-капитану, обладавшему широкими полномочиями: он назначал губернаторов провинций и прочих чиновников, издавал различные распоряжения, ведал казной, командовал вооруженными силами. Поскольку испанский монарх имел право патроната по отношению к церкви в американских колониях, вице-короли и генерал-капитаны от его имени утверждали в должности священнослужителей из числа кандидатов, представленных епископами. В наиболее важных колониальных центрах существовали специальные административно-судебные коллегии – аудиенсии, выполнявшие, однако, лишь совещательные функции.

Городами и сельскими округами Испанской Америки управляли *коррехидоры* и старшие *алькальды*, а индейскими селениями – наследственные старейшины (*касики*). Заметное место среди институтов испано-американского общества занимали органы городского самоуправления – *кабильдо* или *аюнтамьенто*, в чью компетенцию входили местное благоустройство, муници-

пальные финансы, разбор уголовных и гражданских дел. Деятельность этих учреждений контролировалась колониальными властями. В 80-х годах было введено административное деление на интендантства, состоявшие из округов, и соответственно в Новой Испании создано 12 интендантств, в Перу и Рио-де-ла-Плате – по 8, в Чили – 2.

РОЛЬ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

Одним из столпов колониального режима в Латинской Америке была церковь. Католическая религия являлась мощным средством воздействия на население. Под ее влиянием находилась по существу вся духовная жизнь колоний: церковь ведала учебными заведениями, через инквизицию осуществляла цензуру и т.д. Она владела землей, полученной в дар от короля и знати, по завещаниям и из других источников, имела огромные доходы от ростовщичества, сбора десятины, платы за требы, «добровольных» пожертвований паствы. Духовенство обладало важными привилегиями: оно не облагалось налогами и пользовалось правом особой юрисдикции по всем судебным делам, касавшимся личности или имущества (*фуэро*).

Однако богатство и власть находились в руках представителей высшей иерархии, к которой принадлежали епископы, члены соборных капитулов, должностные лица инквизиции, настоятели монастырей, главы духовных орденов – преимущественно уроженцы метрополии. Большей же части низшего духовенства приходилось довольствоваться скудным жалованьем и весьма скромными даяниями верующих. Неудивительно поэтому, что ей были близки нужды и заботы угнетенных низов общества, а многие рядовые церковнослужители разделяли народное недовольство политикой метрополии.

Этому способствовали также настойчивые попытки мадридского правительства урезать привилегии клира в интересах государства. Королевский указ 1795 г. предусматривал в случае серьезных уголовных преступлений, совершенных духовными лицами, совместное разбирательство дел церковными и светскими судьями. От подобного ограничения судебного иммунитета страдали прежде всего простые священники и монахи, ибо едва ли епископу, канонику или другому прелату, обвиненному в тяжком преступлении, реально грозили арест и суд. Вместе с тем всякое нарушение фуэро наносило удар по корпоративному престижу духовного сословия, основанному на его особых правах.

Рост оппозиционных настроений среди значительной части духовенства надо в первую очередь рассматривать на фоне быстрого распространения сепаратистских тенденций на заморских территориях пиренейской монархии. Оно было обусловлено главным образом обострением политических, экономических и социальных противоречий между мадридским двором и его американскими подданными.

КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Развитие экономики в Латинской Америке XVIII в., как и в прошлом, полностью определялось интересами метрополий, для которых колонии являлись в основном источником снабжения драгоценными металлами и про-

дукцией плантационного хозяйства. Обрабатывающая промышленность развивалась медленно. Мануфактур даже в конце XVIII – начале XIX в. было очень мало. Колониальные власти всячески тормозили прогресс местного производства, чтобы сохранить за метрополиями монополию на импорт готовых изделий. Политика колониальных держав обусловила и состояние сельского хозяйства. Опасаясь конкуренции, власти запретили выращивание винограда, олив, льна, разведение шелковичных червей. Большинство виноградников было уничтожено, а оливковые и тутовые рощи вырублены. Разрешалось разводить лишь такие культуры, которые отсутствовали в метрополиях.

Поскольку покупательная способность основной массы населения, страдавшего от многочисленных поборов в пользу короны, латифундистов и церкви, была весьма незначительна, внутренняя торговля развивалась слабо. Ее росту препятствовали также государственные монополии на продажу соли, спиртных напитков, табачных изделий, игральных карт, гербовой бумаги, пороха и других товаров.

Торговые отношения с иностранными государствами строжайшим образом запрещались. На протяжении большей части колониального периода экономические связи Латинской Америки ограничивались торговлей с метрополиями, причем весь импорт и экспорт облагались высокими таможенными пошлинами. Товары из Испании в Америку и обратно вплоть до последней четверти XVIII в. перевозили специальные флотилии. Они периодически отплывали под усиленной охраной военных кораблей первоначально из Севильи, а с 1717 г. – из Кадиса. Одна флотилия направлялась в Картахену (порт в Новой Гранаде), другая совершала рейсы между Пиренейским полуостровом и портом Веракрус в Мексиканском заливе.

Лишь в 60–80-х годах XVIII в. произошло частичное смягчение торгового режима: испанские колонии в Америке получили возможность торговать между собой, и их порты были открыты для торговли с метрополией, правительство Карла III отказалось от системы флотилий, упразднило некоторые пошлины и уменьшило размеры других. Эти меры являлись составной частью серии реформ, предусматривавших также изгнание иезуитского ордена из всех владений Испании, стимулирование горнодобывающей промышленности, сокращение отчислений в королевскую казну с 1/5 до 1/10 доли добываемых благородных металлов, ряд преобразований административного характера.

В аналогичном направлении шла и реформаторская деятельность всесильного министра Португалии маркиза Помбала (третья четверть XVIII в.). Для Бразилии особое значение имели ликвидация миссий иезуитов и их высылка из страны, отмена рабства индейцев, разрешение основывать мануфактуры, создание торговых компаний, коим предоставлялись монопольные права.

Реформы, проводившиеся почти одновременно Карлом III и Помбалом, являлись испанской и португальской разновидностями политики просвещенного абсолютизма. Продиктованные стремлением правящих кругов Испании и Португалии найти выход из тупика, в который зашла экономика пиренейских государств, укрепить свои позиции в американских владениях, они не подразумевали радикальных перемен в системе эксплуатации колоний, отли-

чались половинчатостью и непоследовательностью. После смерти Карла III мадридское правительство, напуганное революцией в соседней Франции, не решилось продолжить даже робкие попытки преобразований, предпринятые в предшествующий период. Еще более недолговечными оказались реформы Помбала. Вслед за его отстранением от власти (1777) феодальная знать и церковная иерархия добились отмены большинства из них, в частности прекращения деятельности торговых компаний, закрытия почти всех новых промышленных предприятий, восстановления прежних запретительных законов.

СОЦИАЛЬНАЯ И РАСОВО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ

Вследствие происходившего в ходе европейской колонизации массового истребления аборигенов в Латинской Америке возник дефицит рабочих рук. Правительства иберийских метрополий пытались компенсировать его регулярным ввозом негров-рабов из Африки. Однако они составляли большинство непосредственных производителей лишь на островах Вест-Индии, в прибрежных районах Новой Гранады и Венесуэлы, а также в португальской Бразилии. Там сложился способ производства, специфической формой которого явилось плантационное рабство. Оно получило широкое распространение под прямым влиянием процесса первоначального накопления в Западной Европе.

В континентальной же части Испанской Америки (исключая южное побережье Карибского моря) основной рабочей силой продолжали оставаться индейцы. Частично они были подчинены непосредственно короне и управлялись королевскими чиновниками. С них взималась подушная подать, при сборе которой часто допускались злоупотребления. Индейцы не имели права менять место жительства без разрешения властей. Они отбывали трудовую повинность, заключавшуюся в обязательном выделении определенного числа мужчин в возрасте от 15 до 60 лет для работы на рудниках и плантациях, ухода за скотом, строительства зданий, мостов, дорог. Такой принудительный набор рабочей силы в Перу назывался *мита*, а в Новой Испании *репартимьенто*. Индейцы номинально считались лично свободными. Их не разрешалось продавать, дарить, обменивать, завещать, отдавать взаймы или в аренду. Они жили общинами, возглавлявшимися старейшинами. Их труд по закону подлежал оплате и не должен был быть чрезмерно тяжелым. Однако фактически индейцы работали бесплатно (или за жалкие гроши) и неограниченное время. Они были совершенно бесправны и полностью зависели от произвола латифундистов и колониальной администрации.

В процессе захвата земельных участков многих аборигенов сгоняли с земли, и тогда они нанимались к ее новым владельцам в качестве батраков-поденщиков. Некоторым их наделы оставлялись на правах «аренды», причем «арендатор» должен был работать на хозяина и отдавать ему львиную долю урожая. И в том и в другом случае работник оказывался в кабальной зависимости. Значительная часть со временем превращалась в прикрепленных к земле наследственных долговых рабов – *пеонов*. Хотя первые зародыши

пеонажа появились в Новой Испании и Перу еще во второй половине XVI в., более или менее широкое распространение этот институт получил в XVII и особенно в XVIII в. Чилийской разновидностью пеона являлся *инкилино*. Пеонаж представлял собой своеобразную форму крепостничества. Наряду с сельским хозяйством система долгового рабства практиковалась также на рудниках и мануфактурах, собственники которых, уплатив за индейца подушную подать или выдав небольшой денежный аванс, заставляли его для погашения задолженности трудиться на своем предприятии.

В связи с распространением пеонажа институт энкомьенды к началу XVIII в. по существу утратил прежнее значение. Стремясь приобрести дополнительную рабочую силу и увеличить число налогоплательщиков, мадридское правительство издало в 1718–1720 гг. указы, формально упразднявшие энкомьенды в американских колониях. Однако фактически они существовали местами в скрытом виде или даже легально еще в течение ряда лет. При ликвидации энкомьенд крупные землевладельцы сохранили не только свои поместья (*асьенды* и *эстансии*), но практически и власть над индейцами. В большинстве случаев они захватили полностью или частично общинные земли, вследствие чего крестьяне, лишенные свободы передвижения, вынуждены были продолжать работу в поместьях в качестве пеонов. Те, кому удалось избежать этой участи, оказались в прямом подчинении у колониальных властей.

Помимо латифундистов и королевского правительства индейцев закрепощала и католическая церковь, которой принадлежали обширные территории. Владения духовных миссий назывались *редукциями*. Особенно много их было в Парагвае, где обосновался иезуитский орден. Покорив обитавшие в междуречье Параны и ее притоков Уругвая и Парагвая индейские племена гуарани, иезуиты согнали их в 30 редукций, подвластных провинциалу ордена в Кордове (губернаторство Тукуман), а тот, в свою очередь, подчинялся непосредственно генералу «Общества Иисуса» в Риме.

Таким образом, к концу XVIII – началу XIX в. большинство коренного населения Латинской Америки утратило личную свободу, а зачастую и землю. Основную массу его составляли закрепощенные крестьяне, а также рабочие рудников, мануфактур, ремесленных мастерских, грузчики, домашняя прислуга. Однако в некоторых малодоступных районах, удаленных от крупных центров колонизации, оставались племена, не признававшие власти завоевателей и оказывавшие им упорное сопротивление. В отдельных областях существовало свободное крестьянство: *льянеро* – на равнинах (льяносах) Венесуэлы и Новой Гранады, *гаучо* – в Южной Бразилии и на Рио-де-ла-Плате. В Парагвае преобладающей формой землевладения являлись мелкие и средние хозяйства (*кинта*, *чакра*), а в Новой Испании было немало мелких земельных владений хуторского типа – ранчо.

Хотя на протяжении XVI–XVIII вв. в Латинскую Америку ввезли миллионы чернокожих невольников из Африки, вследствие высокой смертности, вызванной непосильным трудом, непривычным климатом и болезнями, их численность в большинстве колоний (кроме Бразилии и указанных выше районов Карибского бассейна) к концу XVIII – началу XIX в. оставалась невелика. Однако население, принадлежавшее к негроидной расе, преобладало

на островах Вест-Индии, было довольно многочисленным в Новой Гранаде, Венесуэле и некоторых других регионах.

Весьма большая этническая группа европейского происхождения делилась на две неравных части. Малочисленную привилегированную верхушку колониального общества составляли уроженцы метрополий – испанцы и португальцы, преимущественно представители родовитого дворянства, а также богатые купцы, в чьих руках находилась торговля колоний. В Америке их презрительно именовали *гачупинами* или *чапетонами**. Они занимали почти все высшие административные, военные и церковные должности, владели поместьями и рудниками. Эти люди кичились своим происхождением и считали себя высшей расой по сравнению не только с индейцами и неграми, но даже с креолами.

Термин «креол» весьма условен и неточен. Креолами в Новом Свете называли родившихся там «чистокровных» потомков европейцев. Однако на самом деле большинство из них имело в той или иной степени примесь индейской либо негритянской крови. Из среды креолов вышла бóльшая часть крупных землевладельцев. Они пополняли ряды колониальной интеллигенции и низшего духовенства, занимали второстепенные должности в административном аппарате и армии. Сравнительно немногие из них подвизались в сфере торгово-промышленной деятельности, но им принадлежало большинство рудников и мануфактур. Среди креольского населения встречались также мелкие землевладельцы, ремесленники, хозяева небольших предприятий. Обладая номинально равными правами с уроженцами метрополий, креолы в действительности подвергались дискриминации и лишь в порядке исключения назначались на высшие посты. В свою очередь, они с презрением относились к так называемым «цветным», третируя их, как принадлежащих к неполноценной низшей расе.

Помимо индейцев, негров и колонистов европейского происхождения в Латинской Америке конца XVIII – начала XIX в. существовала многочисленная прослойка, возникшая в результате смешения (мисцегенации**) различных этнических компонентов, – евро-индейские метисы, мулаты, самбо (афро-индейцы). Они были лишены гражданских прав: не могли претендовать на чиновничьи и офицерские должности, участвовать в выборах муниципальных органов и т.д. Представители этой категории занимались ремеслом, розничной торговлей, свободными профессиями, служили управляющими, приказчиками, надсмотрщиками у богатых латифундистов, составляли большинство мелких земельных собственников. Некоторые из них к концу колониального периода стали проникать в ряды низшего духовенства, превратились в пеонов, рабочих мануфактур и рудников, солдат, деклассированный элемент городов.

Завоеватели стремились изолировать и противопоставить друг другу уроженцев метрополий, креолов, индейцев, негров и метисов. Они делили все население колоний на группы по расовому принципу. Однако практи-

---

* Гачупины (исп.) – люди со шпорами; чапетоны (исп.) – новички, вновь прибывшие.

** Мисцегенация (генетическое смешение) – термин, предложенный шведским американистом М. Мёрнером для обозначения чисто биологической метисации, в отличие от процесса смешения и взаимодействия элементов культуры.

чески принадлежность к той или иной категории определялась зачастую не столько этническими признаками, сколько социальным статусом. Так, многие состоятельные люди, являвшиеся в антропологическом смысле метисами, с успехом выдавали себя за креолов, а дети индианок и белых, жившие в индейских селениях, нередко рассматривались властями как индейцы.

Своеобразно сложились, в частности, отношения между небольшой кучкой испанцев и массой коренного населения в Парагвае, где по ряду причин процесс расовой интеграции протекал в специфических условиях. Потомство от смешанных браков и конкубината европейцев и женщин гуарани по своему внешнему облику, духовному складу, менталитету и положению в парагвайском обществе заметно отличалось от аналогичных групп населения остальных колоний. «Креолами» тут называли всех местных уроженцев, хотя большинство их составляли этнические метисы, у которых из поколения в поколение возрастала доля индейской крови. Они выполняли функции офицеров и чиновников, заседали в городских муниципалитетах – *кабильдо*, владели землей, освобождались от уплаты подушной подати и пользовались иными привилегиями.

ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОЛОНИЗАЦИИ

Отмеченные выше общие черты экономической эволюции, социальной структуры, расово-этнического состава латиноамериканских стран, конечно, не отражают в полной мере сложное многообразие местных условий, существовавших в разных частях этого обширного региона и менявшихся в течение трех столетий колониальной эпохи.

Эти различия определялись особенностями процесса колонизации тех или иных территорий Нового Света. Во многом они зависели от уровня развития метрополий, который был далеко не одинаков. Если в Англии, Голландии и даже во Франции капиталистические отношения развивались достаточно динамично, то в Испании и Португалии, переживавших хозяйственный и политический упадок, элементы капитализма существовали лишь в зачаточном виде. Естественно, что иберийские государства насаждали в своих владениях специфические формы полуфеодальных отношений, а подчас даже плантационного рабства, хотя производство испанских и португальских колоний ориентировалось главным образом на складывавшийся мировой капиталистический рынок. Впрочем, в карибских владениях Франции, Англии и Голландии вследствие почти поголовного уничтожения индейцев тоже эксплуатировался преимущественно труд африканских невольников.

Вместе с тем на характер колонизации существенно повлияла конкретная ситуация в отдельных субрегионах. Так, в Бразилии португальцы застали сравнительно слаборазвитые племена, находившиеся еще на стадии первобытнообщинного строя. Это обстоятельство способствовало тому, что американские владения Португалии стали со временем более или менее единым целым, с сильной центральной властью, а сепаратистские тенденции были выражены весьма незначительно. Большое значение для дальнейшего развития этой колонии имело открытие в XVIII в. богатых месторождений золота и алмазов, ставших главной статьей бразильского экспорта.

Гораздо более пеструю картину представляла испанская колониальная империя, неоднородность которой обусловливалась историческими, географическими, экономическими, политическими, этническими и иными факторами. Колонии Новая Испания, Перу, Новая Гранада возникли в местах наибольшего сосредоточения коренного населения, где до европейского завоевания существовали очаги высоких индейских цивилизаций с далеко зашедшей социальной дифференциацией, рабовладением, зачатками государственности и т.д. Несравненно ниже был уровень развития аборигенов Рио-де-ла-Платы, Парагвая, Чили, не говоря уже об островах Вест-Индии.

В недрах Новой Испании и Перу таились огромные запасы драгоценных металлов, добыча которых превратилась в важнейшую отрасль их хозяйства. В экономике стран Рио-де-ла-Платы и Карибского бассейна, Парагвая и Чили, менее богатых разведанными минеральными ресурсами, доминировали земледелие и скотоводство, причем в Вест-Индии, Венесуэле и на северном побережье Новой Гранады широкое распространение получило выращивание сахарного тростника (одним из основных поставщиков его на мировой рынок стала Куба), табака, какао, кофе и других тропических культур.

Специфика хозяйственных и прочих условий каждой колонии определяла региональные интересы, которые зачастую не совпадали, а иногда порождали острые противоречия. Например, на Верхнее Перу претендовали как власти Рио-де-ла-Платы, так и перуанская администрация. Чилийцы тяготились экономической зависимостью от Перу – главного рынка сбыта чилийской продукции и связующего звена между Чили и внешним миром. Торговле Парагвая и Банда Ориенталь наносил чувствительный ущерб контроль Буэнос-Айреса над основными речными артериями.

В ходе исторической эволюции Испанской Америки с годами постепенно усиливались локальная замкнутость и центробежные тенденции, наложившие отпечаток на административно-политическую структуру колоний. Их обособленность усугублялась также преградами, воздвигнутыми самой природой: огромные расстояния, бурные реки и высокие горы, непроходимые джунгли и безводные пустыни отделяли испаноамериканские страны друг от друга.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Упорное сопротивление народов Латинской Америки произволу администрации и господствующих классов колоний, неуклонно нараставшее на протяжении XVI–XVII вв., достигло апогея в XVIII столетии, когда волнениями были охвачены многие регионы континента и Карибского бассейна. В освободительном движении участвовали главным образом индейские племена, угнетенное крестьянство, городская беднота, негры-рабы и другие группы населения, принадлежавшие к эксплуатируемым низам общества. Представители имущих слоев, включая креольскую знать, также выражали недовольство зависимостью от метрополий. Но они ограничивались участием в верхушечных заговорах и отдельными акциями, мало связанными с вооруженной борьбой повстанцев.

Одно из наиболее крупных антиколониальных выступлений произошло в 20–30-е годы XVIII в. в Парагвае, где креольская верхушка столичного города Асунсьона сместила губернатора и заменила его своим представителем Х. Антекерой. Правительственные войска нанесли поражение созданному восставшими ополчению, а Антекера был арестован и казнен. Однако в дальнейшем в борьбу стала втягиваться более многочисленная часть горожан, объединявшихся в основном вокруг муниципальных органов. «Комунерос», как называли участников этого движения*, вновь отстранили колониальную администрацию и взяли власть в свои руки. В 1735 г. восстание было окончательно подавлено. В наказание королевское правительство лишило Парагвай традиционной привилегии избрания губернатора.

В 1742 г. восстали индейцы Перу во главе с Хуаном Сантосом. После неудачной попытки овладеть столицей вице-королевства Лимой они ушли в горы и еще несколько лет продолжали борьбу. Только к концу 40-х годов их сопротивление удалось сломить.

Неоднократно происходили волнения среди индейцев Новой Испании. Так, в 1761 г. на Юкатане вспыхнуло восстание под руководством пекаря Хасинто, принявшего имя Канек (так звали последнего представителя династии, правившей до испанского завоевания). Губернатор направил против повстанцев войска, нанесшие поражение индейцам. В 1767 г. восстало коренное население провинций Мичоакан, Гуанахуато, Сан-Луис-Потоси. Наибольшего размаха движение достигло в Мичоакане, где жители почти сотни селений во главе с П. де Сориа Вильяроэлем отказались подчиняться властям. Воспользовавшись разобщенностью мятежных провинций, испанцы поочередно подавили восстание сперва в Гуанахуато, затем в Сан-Луис-Потоси и, наконец, в Мичоакане.

В начале 80-х годов Южную Америку потрясло крупнейшее народное выступление в Перу под предводительством Х.Г. Кондорканки, считавшегося потомком последнего верховного правителя инков. Призвав в 1780 г. к изгнанию колонизаторов, он принял имя Тупак Амару, вождя восстания перуанских индейцев начала 70-х годов XVI в., и объявил о восстановлении инкского государства и отмене повинностей, установленных завоевателями, высказал намерение расправиться с королевскими чиновниками. Вскоре 60-тысячная повстанческая армия двинулась на Лиму. Однако в апреле 1781 г. ее разгромили испанские войска. Кондорканки и других руководителей захватили в плен и казнили.

Одновременно массовое движение охватило Новую Гранаду. Там непосредственным поводом явился произвол колониальных властей, которые в начале 80-х годов с целью пополнения казны увеличили налоги и повысили цены на многие товары. Население требовало отмены поборов, отказывалось подчиняться распоряжениям должностных лиц, громило помещения официальных учреждений, казенные лавки и склады. Движением руководил созданный восставшими комитет (коммуна), возглавлявшийся представителями креольской верхушки. Повстанцы двинулись к столице вице-королевства Боготе, причем по мере приближения к ней численность их быстро росла. Встревоженные руководители-креолы предпочли пойти на сговор с властями

---

* От исп. común – большинство; comuna – община.

и распустили свои отряды. Пользуясь этим, вице-король сосредоточил значительные силы, и к концу 1781 г. восстание удалось подавить.

В тот же период в Чили возник так называемый «заговор трех Антонио». Его организовали французы А. Бернэ и А. Грамюссэ, а также богатый креол Х.А. де Рохас. Заговорщики хотели установить республику, управляемую выборным сенатом, распределить землю поровну между всеми жителями, отменить рабство. Арестованные по доносу, они умерли в тюрьме.

Волнения происходили и в португальской колонии Бразилии. В конце 80-х годов в капитании Минас-Жерайс образовалось тайное общество, известное под названием «Инконфиденсия Минейра»*, во главе которого стоял кавалерийский офицер Ж.Ж. да Силва Шавьер, по прозвищу Тирадентис (Зубодер). Он и его сторонники добивались независимости, установления республиканского строя, упразднения сословий, введения свободы торговли, отмены ограничений на развитие промышленности, ряда других преобразований. Выданные предателем, заговорщики были жестоко наказаны: Тирадентиса казнили, а его сподвижников сослали на каторгу.

Революционное движение в американских колониях, особенно усилившееся во второй половине XVIII в., расшатывало устои колониальной системы. Этому способствовало и ослабление международных позиций Испании и Португалии.

КОЛОНИИ И МЕТРОПОЛИИ. РЕВОЛЮЦИЯ В САН-ДОМИНГО

В результате войны за Испанское наследство мадридское правительство вынуждено было предоставить Англии монопольное право ввоза в заокеанские владения иберийского королевства негров-рабов из Африки (договор о предоставлении такой монополии назывался «асьенто»). Сент-Джеймский кабинет передал это право «Компании Южных морей», основавшей фактории в различных пунктах Карибского бассейна. Не удовлетворяясь этим, британские купцы и пираты вели контрабандную торговлю с колониями Испании на островах Вест-Индии и берегах Карибского моря. В ходе англо-испанской войны 1739 г. эскадра адмирала Вернона захватила Портобельо на атлантическом побережье Панамского перешейка. Продолжая военные действия, британский флот атаковал в 1740–1742 гг. Картахену, берега Венесуэлы, Панамы и другие владения пиренейской монархии в Америке. После Семилетней войны англичане в качестве компенсации за возвращение захваченной ими Гаваны заставили правительство Карла III уступить Флориду и удерживали ее в течение двух десятилетий. Во второй половине 90-х годов в итоге войн с Францией и Англией Испания лишилась таких важных для нее вест-индских колоний, как Санто-Доминго и Тринидад.

Португалия со времени войны за Испанское наследство фактически оказалась под протекторатом Англии. Последняя согласно Метуэнскому договору 1703 г. добилась значительных торговых привилегий в португальском королевстве и Бразилии. В конце XVIII в. зависимость лиссабонского двора от

---

* Inconfidência (португ.) – измена, неверность.

Великобритании еще больше усилилась, что позволило «владычице морей» почти полностью монополизировать торговлю с бразильскими владениями династии Браганса.

Тем не менее в связи с началом вооруженной борьбы британских колоний в Северной Америке за независимость Сент-Джеймский кабинет оказался не в состоянии прийти на помощь своему младшему партнеру в затяжном территориальном конфликте с Испанией, вызванном столкновением их интересов на юге Бразилии и в бассейне Рио-де-ла-Платы. В результате продолжавшегося полтора десятилетия противоборства враждующих сторон испанские войска одержали верх. Соглашение, подписанное в Сан-Ильдефонсо (1777), зафиксировало в основном демаркационные рубежи между южноамериканскими владениями двух держав, установленные ранее Мадридским «договором о границах» 1750 г. Однако Португалия вынуждена была пойти на уступки, отказавшись в пользу противника от притязаний на некоторые острова в Тихом океане и Гвинейском заливе.

Созданный европейскими завоевателями режим тормозил развитие американских колоний. Поэтому в конце XVIII – начале XIX в. там усилилось стремление к освобождению от колониального ига. Подъему освободительного движения в Латинской Америке благоприятствовали успешная североамериканская Война за независимость и Французская революция. Под непосредственным влиянием последней произошла революция негров-рабов в Сан-Доминго.

Она началась в августе 1791 г., когда до самой богатой вест-индской колонии Франции докатились вести о революционных событиях в метрополии. Прибывшие на остров комиссары Конвента объявили об упразднении рабства (август 1793 г.), в связи с чем местные плантаторы-рабовладельцы вступили в сговор с англичанами о передаче Сан-Доминго Великобритании. В сложившейся обстановке восставшие рабы во главе с Ф.Д. Туссен-Лувертюром при поддержке французских вооруженных сил изгнали британские войска и освободили восточную половину Гаити, которая также перешла к Франции. В июле 1801 г. была декларирована конституция Сан-Доминго. Подтверждая отмену рабства и равноправие всех граждан, она предусматривала определенную автономию в рамках наполеоновской колониальной империи. Туссен-Лувертюр стал пожизненным правителем страны, но вскоре оказался во французском плену. Лишь его преемнику Ж.Ж. Дессалину удалось разгромить переброшенные из Франции воинские части и провозгласить суверенитет первого латиноамериканского государства Гаити.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Рост революционных настроений в Латинской Америке был во многом обусловлен и распространением идей Просвещения. Несмотря на строгие запреты властей и церкви, сочинения Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, Даламбера, Лейбница и иных авторов, знаменитая «Энциклопедия наук, искусств и ремесел», «История Америки» шотландского ученого У. Робертсона, «Философская и политическая история поселений и торговли

европейцев в обеих Индиях» Рейналя и другие произведения почти с самого момента своего выхода в свет циркулировали по всему региону. Образованные круги латиноамериканского общества имели представление об основных принципах «Декларации независимости», о взглядах и деятельности «отцов-основателей» США Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, А. Гамильтона, Б. Франклина, С. и Дж. Адамсов, о содержании известного памфлета «Здравый смысл» и трактата «Права человека» Т. Пейна. Колониальная администрация пыталась помешать поступлению извне какой-либо информации о событиях, происходивших во Франции и британских владениях в Северной Америке. В ноябре 1789 г. Верховный совет по делам Индий предписал изъять и уничтожить все экземпляры «Декларации прав человека и гражданина», нелегально доставленные в заокеанские колонии. 20 июля 1793 г. мадридское правительство категорически запретило ввозить туда любые печатные материалы с рисунками или эмблемами, имевшими отношение к Французской революции.

Но эти и подобные им драконовские меры не дали желаемых результатов. Невозможно было добиться полной изоляции Иберо-Америки от остального мира и воспрепятствовать проникновению идей свободы, демократии и национального суверенитета. Однако указанные выше внешние факторы лишь стимулировали процессы, происходившие в самих латиноамериканских странах, где уже давно зрели не только материальные, но и идеологические предпосылки освободительного движения.

Наиболее наглядно они проявились в Испанской Америке. В сфере общественной мысли этого региона значительную роль сыграла деятельность целой плеяды выдающихся просветителей: Х.И. Бартолаче, Х.А. Альсате, Х.Б. Диаса де Гамарра-и-Давалос (Новая Испания), венесуэльца С. Родригеса, новогранадского креола А. Нариньо, уроженца Кито Ф.Э. де Санта-Крус-и-Эспехо и многих других. Их произведения, направленные против официальной схоластики, выражавшие уверенность в неодолимой силе общественного прогресса, отстаивавшие необходимость развития культуры, науки, образования, содержавшие критику колониального режима, являлись идейным воплощением стремления широких слоев испаноамериканского общества к освобождению от иноземного владычества и установлению независимости. Изгнанные из Америки историки-иезуиты Ф.Х. Алегре, А. Каво, Ф.Х. Клавихеро, побуждаемые преследованиями ордена со стороны испанской короны, в своих сочинениях призывали изучать прошлое родины, высказывались за отмену рабства, отвергали абсолютизм, а иногда сочувственно отзывались о доктрине народного суверенитета. Воззрения этих видных ученых-гуманистов отражали новые веяния, связанные с пробуждением национального самосознания.

Впрочем, распространение Просвещения даже в среде образованной колониальной элиты зачастую носило поверхностный и эпизодический характер. В целом же в духовной жизни стран региона продолжали доминировать традиционные догматы католицизма. Вместе с тем, основополагающие идеи и ценности европейского Просвещения наложили заметный отпечаток на изменение менталитета той части креольской интеллигенции, которая отвергала привычные моральные установки и глубоко укоренившиеся стереотипы.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Длительный процесс смешения различных этнических компонентов сопровождался установлением определенной культурно-исторической общности метисного, креольского, негритянского и части индейского населения Испанской Америки. Все они говорили на одном языке, исповедовали католицизм. Ранее не связанные между собой территории отдельных племен и народов были объединены в рамках вице-королевств, генерал-капитанств и интендантств, делившихся на провинции, округа и более мелкие административные единицы. Важное значение имело развитие экономических связей и образование внутреннего рынка в каждой из колоний. Под воздействием всех этих факторов на рубеже XVIII и XIX вв. возникли серьезные предпосылки становления наций. Жители региона впервые ощутили свою принадлежность к некой уникальной цивилизации, сложившейся на территории Южной, Центральной, частично Северной Америки и ряда островов Вест-Индии в итоге трехвекового синтеза и взаимовлияния европейских культурных традиций, автохтонного индейского начала и африканских элементов. Они все чаще стали употреблять такие термины, обозначения и понятия, как «нация», «родина», «наша нация», «наша Америка», «мы, американцы», а на страницах издававшейся в Мехико в 1788–1799 гг. «Gaceta de Literatura» появилась даже формула «наша испаноамериканская нация».

Делясь впечатлениями о встречах с жителями Испанской Америки, Гумбольдт писал: «После Версальского мира, и особенно после 1789 г., часто можно услышать сказанные с гордостью слова: “Я вовсе не испанец, я американец”, слова, свидетельствовавшие о всей горечи, накопившейся за многие годы». Перуанский иезуит Х.П. Вискардо-и-Гусман, высланный из Америки, в известном «Письме к американским испанцам», призывая соотечественников свергнуть ненавистное иго метрополии, заявлял: «Для правительства Испании мы неизменно оставались людьми, отличными от европейских испанцев, и это отличие обрекало нас на самое постыдное рабство. Согласимся же, со своей стороны, с тем, что мы – другой народ, и отвергнем нелепую идею единения и равенства с нашими господами и тиранами». Другой перуанец, П. де Олавиде – последователь Руссо и Вольтера, друг энциклопедистов, спасаясь от преследований инквизиции, нашел убежище во Франции. Восхищаясь молодой североамериканской республикой и поддерживая личные контакты с некоторыми ее руководителями, он усматривал в ней достойный подражания вдохновляющий пример для соседей с юга.

Немалую роль в социально-экономической эволюции Испанской Америки рассматриваемой эпохи играли патриотические общества «Друзей отечества», возникшие вслед за Испанией в Кито, Лиме, Гватемале, на Кубе и в других колониальных центрах (90-е годы XVIII в.). Они занимались главным образом проблемами сельского хозяйства и промышленности, народного образования, науки и культуры. Хотя эти общества создавались и функционировали с разрешения и под эгидой властей, объективно их деятельность была направлена против колониальной политики пиренейской монархии, которая препятствовала национальной консолидации испаноамериканцев.

ПРЕДТЕЧА ИСПАНОАМЕРИКАНСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

В конце XVIII – начале XIX в. освободительное движение в американских колониях значительно усилилось. В 1794 г. в столице вице-королевства Новая Испания заговор против колониальных властей возглавил корабельный казначей Х. Герреро, а в 1799 г. аналогичную попытку предпринял там же мелкий торговец П. де ла Портилья. В Венесуэле в 1797 г. был раскрыт антииспанский заговор, в котором участвовали представители креольской элиты под руководством М. Гуаля и Х.М. Эспаньи. В Новой Гранаде распространение идей Французской революции ассоциировалось с именем просвещенного креола А. Нариньо, переведшего на испанский язык и тайно издавшего «Декларацию прав человека и гражданина».

Некоторые борцы за независимость, в большинстве своем из среды имущих классов, надеялись добиться отделения колоний от метрополии при содействии враждебных последней держав – Англии и Франции, а также США. Позиция этих кругов испаноамериканского общества нашла наиболее яркое выражение в деятельности венесуэльского креола Франсиско де Миранды (1750–1816).

Этот незаурядный человек родился в Каракасе в семье состоятельного коммерсанта. Окончив школу и университет в родном городе, он в качестве волонтера принял участие в войне за независимость британских колоний в Северной Америке. Еще тогда в его сознании зародилась мысль об освобождении заокеанских владений Испании от колониального ига. Свои замыслы молодой офицер рассчитывал реализовать при помощи противостоявших пиренейской монархии государств. За многие годы скитаний вдали от родины, в поисках иностранной поддержки вынашиваемых им революционных планов, он провел продолжительное время в Англии и Франции, побывал в США и на Антильских островах, объехал почти всю континентальную Европу, включая Пруссию и другие германские государства, Италию и Грецию, Турцию и Швецию, Голландию и Швейцарию и т.д.

Важнейшим этапом продолжительных странствий Миранды по Европе стало почти годичное пребывание в России (1786–1787). Он посетил Петербург и Москву, Киев и Херсон, Гатчину и Царское село, Выборг и Кронштадт, побывал в Крыму. Путешественник неоднократно встречался и подолгу беседовал с благоволившей ему императрицей Екатериной II, ее всемогущим любимцем светлейшим князем Г.А. Потемкиным, очередным фаворитом А.М. Дмитриевым-Мамоновым, наследником престола Павлом Петровичем, фактическим главой Коллегии иностранных дел графом А.А. Безбородко, малороссийским генерал-губернатором фельдмаршалом П.А. Румянцевым-Задунайским и другими высокопоставленными сановниками.

> Редкий прием при Российском дворе обходился без участия Миранды. Он многократно приглашался к царскому столу, периодически виделся с императрицей на званых обедах и балах. При этом государыня неизменно была с ним приветлива и оказывала знаки внимания: подзывала к себе, заговаривала, ласково улыбалась, шутила, заботливо осведомлялась о самочувствии, спрашивала о чем-то, а если он почему-либо отсутствовал, справлялась у окружающих о причине.

Содержание их бесед, подчас продолжительных, а иногда мимолетных, отличалось большим разнообразием. Иной раз они касались вполне серьезных предметов. Так, под свежим впечатлением от вечера, проведенного в обществе монархини, креол записал в дневнике: «Играл в карты, ее величество расспрашивала меня о нашей Америке, об иезуитах, языках, туземцах; рассказала, как мадридский двор отказался прислать сведения... необходимые для составления задуманного ею словаря всех известных языков. Ее интересовали афинские древности, храмы Минервы и Тезея, Италия, правление Карла III в Неаполе. Затем мы обратились к состоянию искусств в Испании, знаменитым полотнам королевских дворцов, ауто-да-фе, древним достопримечательностям Гранады... Беседа длилась долго и раскрыла передо мной ее сердечную теплоту, человечность, просвещенность, благородные душевные качества» (*Миранда Ф. де*. Путешествие по Российской империи / пер. с исп. М., 2001. С. 97–98).

Чаще, однако, в общении самодержицы всероссийской с галантным венесуэльцем преобладала непринужденная светская болтовня, искусством которой в совершенстве владела Екатерина II, умевшая своевременно вставить приятный комплимент, удачно подать остроумную реплику, проявить мнимую непосредственность. То она допытывалась у заморского гостя, чем вызвана его сегодняшняя задумчивость, то выражала беспокойство по поводу того, что он похудел (не наложена ли на него епитимья?), то с наигранным смущением признавалась, что позволила себе слишком долго вздремнуть после обеда, то предлагала пощупать материю своего платья, то угощала его апельсином и т.п.

Однако, несмотря на теплый прием, оказанный заморскому гостю при петербургском дворе и во влиятельных сферах российского общества, венесуэлец явно не питал иллюзий относительно возможного содействия екатерининской империи его революционным планам. Царица и ее приближенные сочувственно внимали обличительным речам южноамериканца, возмущались произволом и насилиями колониальных властей в Испанской Америке. Но все это вовсе не означало готовности предпринять какие-либо реальные шаги, чтобы прийти на помощь освободительному движению.

Исколесив почти всю Европу, венесуэлец обосновался в Лондоне и в феврале 1790 г. представил британскому правительству проект снаряжения военной экспедиции с целью ликвидации испанского владычества в Америке. Министерство Питта положительно отнеслось к этой инициативе, но ее осуществлению помешали мирное урегулирование англо-испанского конфликта и последовавшее сближение двух держав на почве их совместной борьбы против Французской революции.

В сложившейся ситуации помыслы Миранды и его единомышленников обратились к революционной Франции. В надежде на ее поддержку он в чине генерала вступил в армию Французской республики. Но первоначальные успехи, достигнутые им в боях с австро-прусскими войсками (1792–1793), сменились затем полосой неудач на полях сражений. Возвратившись в Англию, венесуэлец в начале 1798 г. вновь предложил Сент-Джеймскому кабинету послать экспедиционный корпус в Южную Америку. Тогда же он направил премьер-министру Великобритании составленный им «Проект конституции для испаноамериканских колоний», который предусматривал создание огромного континентального государства, простирающегося от реки Миссисипи до мыса Горн и от Тихого до Атлантического океана (исключая Бразилию

Ж. Руже. Франсиско де Миранда в форме дивизионного генерала французской революционной армии. 1835 г.

и Гвиану). Но и на сей раз лондонские переговоры креола так и не привели к каким-либо практическим результатам.

Одновременно Миранда неоднократно обращался к своим влиятельным североамериканским знакомым Гамильтону и генералу Ноксу, а также к президенту США Дж. Адамсу с посланиями, содержавшими весьма прозрачные намеки на прежние заверения, данные во время его пребывания в США. Но никакого определенного ответа не дождался. Тем не менее победоносная освободительная война в Северной Америке в его представлении продолжала оставаться вдохновляющим примером. «У нас перед глазами два великих образца: американская и французская революции, – писал он в самом конце бурного XVIII столетия. – Будем же благоразумно подражать первой и с величайшей осторожностью избегать роковых последствий второй».

РУССКАЯ АМЕРИКА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Стремительное продвижение Российского государства на северо-восток к Тихоокеанскому региону в XVII в. получило заметный импульс (выход отряда И. Москвитина в Охотское море, экспедиция В. Атласова, обследовавшая в 1697 г. западное побережье Камчатки и частично ее внутренние районы, особенно же – знаменитое плавание С. Дежнева и Ф. Алексеева (Попова), которые достигли в 1648 г. северо-восточной оконечности Азии, открыли пролив, отделяющий евразийский материк от американского континента, и впервые обогнули Чукотский полуостров, добравшись до устья Анадыря). Это «открытие Америки со стороны России», в течение долгого времени остававшееся неизвестным как на родине отважных мореходов, так и за ее пределами, являлось, по словам российского историка Н.Н. Болховитинова, «закономерной частью широкого колонизационного движения через Сибирь к берегам Тихого океана, а затем и северо-западной части Америки».

Походы и географические открытия землепроходцев и мореплавателей XVII в. получили успешное продолжение в следующем столетии, чему несомненно способствовали территориальные приобретения России на ее северо-западных и юго-западных рубежах: убедительная победа над Швецией в Северной войне, увенчавшейся выходом к Балтийскому морю и утверждением на его берегах, взятие Азова, персидский поход 1722–1723 гг. и присоединение прикаспийских провинций Ирана. Ништадтский мирный договор 1721 г. закрепил существенное изменение международного статуса монархии Романовых и ее возросшую роль в мировой политике. Не прошло и двух месяцев, как Петр I принял титул императора, символизировавший превращение России в великую державу. Столь кардинальные перемены стимулировали намерение петербургского двора форсировать проникновение в северную часть Тихого океана, ее исследование и колонизацию. При этом крайне важным являлось создание необходимой материальной базы, появившейся в результате реформ Петра I: развитие отечественной металлургии, судостроения, торговли, астрономии и картографии. Перед тихоокеанскими экспедициями ставились не только научные, прежде всего географические, задачи, но также цели политического и стратегического характера.

История открытия и освоения Россией Северо-Запада Америки посвящена обширная литература, хотя в последнее время интенсивность изучения этой темы по ряду причин несколько снизилась. Вместе с тем, в условиях «холодной войны» и развернувшейся в нашей стране на рубеже 40–50-х годов XX в. ультрапатриотической пропаганды, явно усилилась тенденция к преувеличению приоритета и достижений российских мореплавателей и землепроходцев в исследовании указанного региона. На этом фоне всесторонний объективный анализ сложного и длительного процесса возникновения и развития Русской Америки приобрел особое значение. Именно поэтому появление в 1997–1999 гг. первого фундаментального трехтомного труда «История Русской Америки (1732–1867)», подготовленного под эгидой

«Новые открытия россиян в северной части Южного моря, как в Азии, так и в Америке». Карта А. Дзатты. 1776 г.

Института всеобщей истории РАН, равно как и публикация в 1984–2005 гг. четырех томов многотомной документальной серии «Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.» и других изданий, привлекло заинтересованное внимание научной общественности.

Еще Петр I поручил геодезистам И.Б. Евреинову и Ф.Ф. Лужину, совершившим в 1719–1722 гг. плавание к берегам Камчатки и Курильским островам, выяснить, «сошлася ли Америка с Азиею», что им, однако, не удалось сделать. Поэтому в инструкции начальнику Первой Камчатской экспедиции В. Берингу (6 января 1725 г.) император повторно поставил задачу, плывя от Камчатки «возле земли, которая идет на норд», опять-таки «искать, где оная сошлася с Америкою». Войдя в пролив, разделяющий Азию и Америку, экспедиция продолжала продвигаться на север и достигла широты 67°18′, после чего повернула обратно. В августе 1732 г. И. Фёдоров и М. Гвоздев на боте «Св. Гавриил» пересекли Берингов пролив с запада на восток и подошли к побережью Северной Америки в районе мыса, ныне именуемого мысом Принца Уэльского. Однако важные результаты их плавания остались неизвестными.

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Не удовлетворенное итогами экспедиции Беринга и полагая, что вопрос о том, соединяется ли Азия с Америкой, все еще не выяснен, российское правительство решило снарядить Вторую Камчатскую экспедицию. Инструкция Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г., обязывавшая Беринга и А.И. Чирикова (назначенного командиром одного из экспедиционных судов) «искать американских берегов и островов», не устанавливала конечного пункта плавания, а предлагала лишь следовать «подле тех берегов, сколько время и возможность допустит». Составленная в дополнение к ней сенатская инструкция 16 марта 1733 г. требовала хорошего обращения с населением вновь открытых земель и островов, кои добровольно пожелают принять российское подданство: «с такими поступать ласково, а никакого свирепства не показывать и жестокостью не поступать, и уговаривать, чтоб они с вами кого из лутчих людей отпустили до ее и.в. Причем обнадежить, что никакого зла и удержания им не будет».

Хотя официальные предписания не ставили перед Второй Камчатской экспедицией задачу продвижения до границы испанских владений в Северной Америке, влиятельные круги в Петербурге, несомненно, связывали с ней определенные расчеты на проникновение России в этот регион.

После многолетней подготовки 4 июня 1741 г. пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел», под командованием соответственно Беринга и Чирикова, отплыли из Петропавловска, взяв курс на юго-восток. Вскоре корабли в густом тумане потеряли друг друга и продолжали двигаться порознь. В середине июля оба почти одновременно достигли американского берега: Беринг – 58°14', Чириков – 55°20' с.ш. На обратном пути чириковского «Св. Павла» к Камчатке были открыты Уналашка, Умнак и некоторые другие из Алеутских островов.

Завершение Второй Камчатской экспедиции положило начало неуклонному продвижению русских торговых и промышленных людей, чье внимание привлекли земли, открытые в ходе плавания Беринга и Чирикова вдоль Алеутской гряды к американскому материку. Наслушавшись рассказов возвратившихся участников этой экспедиции, узнав от них об обилии морского зверя на островах Тихого океана, увидев привезенные ими ценные меха, предприимчивые сибирские купцы и охотники в поисках пушнины устремились на восток.

ПЛАВАНИЯ 40–50-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

На протяжении 40–50-х годов при содействии петербургского двора и местных властей были предприняты плавания Е. Басова, М. Неводчикова, Н. Трапезникова, Е. Югова, П. Башмакова, С. Кожевникова, Д. Панкова и др. Важные сведения о «матерой американской земле» добыла морская экспедиция, посланная в начале 60-х годов из Охотска главным командиром Чукотки и Камчатки подполковником Ф.Х. Плениснером. В апреле 1764 г. в столицу Российской империи была доставлена реляция губернатора Сибири Д.И. Чи-

черина об открытии в конце 50-х годов С. Глотовым и С. Пономаревым на судне «Св. Иулиан» западной части Лисьих островов.

Деятельность русских мореходов и промышленников в северной части Тихого океана (именовавшейся тогда Северо-Восточным морем) пользовалась полным одобрением и поддержкой властей. Их благожелательное отношение определялось не только стремлением к распространению влияния России в данном регионе, но и чисто материальными мотивами: десятая доля добытой «мягкой рухляди» удерживалась натурой или деньгами в пользу государства. В казну поступал также ясак – натуральная подать, взимавшаяся с населения вновь открытых островов, обращенного в российское подданство. Со временем она стала зачастую заменяться денежным сбором. Кроме того, значительный доход приносил сбыт пушного товара на внешнем рынке, главным образом китайском. Наиболее ценным являлся мех морской выдры, которую камчадалы называли каланом, а русские промышленники по традиции – морским (или камчатским) бобром. Большим спросом пользовались также шкуры песцов, морских котиков, камчатского соболя, черно-бурых и красных лисиц.

Добыча драгоценной пушнины осуществлялась в основном посредством экономического и внеэкономического принуждения коренных жителей. В этом смысле российская колонизация Северо-Западной Америки по своему характеру, формам и методам в принципе не отличалась от английской, французской или испанской. Аборигены – алеуты, кадьякцы, тлинкиты (колоши), танайна (кенайцы), чугачи и др. – являлись жертвами произвола и насилий (вплоть до бессовестного обмана, прямого ограбления и даже физической расправы) со стороны промышленников и купцов, подвергались беспощадной эксплуатации. Туземцы вынуждены были за бесценок отдавать добытую ими дорогостоящую пушнину в обмен на табак, водку, предметы одежды, бисер, бусы и иные украшения. Их насильно заставляли заниматься зверобойным промыслом в составе многочисленных байдарочных артелей и промысловых партий. Широкое распространение получила бесчеловечная практика захвата заложников – аманатов, эффективно обеспечивавшая подчинение коренного населения.

ПРОМЫСЛОВЫЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 60–70-х ГОДОВ

Начатый в 40-х годах XVIII в. и продолженный в следующем десятилетии пушной промысел приобрел еще больший размах в 60–70-е годы. Зимой 1761–1762 гг. Д. Панков и его спутники промышляли уже на самом восточном из Алеутских островов – Унимаке, а бот «Св. Гавриил» под командованием Г. Пушкарева побывал впервые после Второй Камчатской экспедиции у берегов Аляски. В 1761–1764 гг. А. Толстых обследовал шесть островов (частично до того неизвестных) группы, получившей с тех пор название Андреяновских. С. Глотов добрался в 1763 г. до острова Кадьяк, а затем в течение двух лет вел промысел на Лисьих островах. В январе 1766 г. Плениснер, переведенный к тому времени в Охотск, доложил об обнаруженных близ Чукотского мыса и устья Колымы островах и возможности присоединения к России территорий на американском материке.

Таким образом, к середине 60-х годов наряду с Командорскими были открыты Ближние (ближайшие к Камчатке), Крысьи, часть Андреяновских и Лисьи острова, т.е. почти вся Алеутская гряда.

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов экспедиции А. Очередина, а позднее Л. Вторушина промышляли пушного зверя и взимали ясак с алеутов на острове Умнак. В августе 1771 г. судно «Св. Павел», ведомое И. Соловьевым, обследуя Лисьи острова, подошло к одному из самых дальних, Са́наку, расположенному близ южной оконечности Аляски. Однако вследствие враждебного отношения аборигенов русские провели там менее года, и в июле 1772 г. вернулись на Уналашку, где оставались до мая 1775 г. В этот период они, видимо, и основали первое постоянное российское поселение в Северо-Западной Америке.

Особое значение для исследования островов к востоку от Камчатки имело продолжительное плавание к американскому побережью бота «Св. Владимир» (1772–1778), которым командовал П. Зайков. Достигнув в августе 1775 г. острова Унимака, отделенного от Аляски лишь узким проливом, он в течение почти трех лет совершал оттуда путешествия к ближним и дальним островам вплоть до Кадьяка. За время экспедиции Зайков составил подробную карту Алеутской гряды. В июле 1776 г. Кадьяк посетило судно «Св. Михаил» под командованием Д. Полутова, оставившего обстоятельное описание этого острова и Лисьих островов.

Всего с 1756 по 1780 г. купеческие компании снарядили 48 промысловых экспедиций. Общая стоимость пушнины, доставленной за 30-летие (1744–1775) в порты Камчатки и Охотск, составила более 3,2 млн руб.

Заинтересованность правительства Екатерины II в поиске и колонизации новых земель, развитии мореплавания, пушного промысла и торговли во многом способствовала хозяйственному освоению территорий, открытых в тот период русскими промышленными людьми в ареале Командорских и Алеутских островов, Аляски и Кадьяка. С середины 60-х годов купеческим и промысловым компаниям стали предоставляться государственные субсидии и ссуды, их инициатива всячески поощрялась. Так, в сентябре 1764 г. 12 совладельцев «Св. Иулиана» удостоились золотых медалей и им был дарован ряд привилегий. Полтора года спустя последовало награждение мореходa А. Толстых и его спутников П. Васютинского и М. Лазарева, открывших шесть островов Алеутского архипелага и приведших их обитателей в российское подданство. При этом императрица потребовала гуманного обращения с жителями вновь открытых земель. В 1767–1768 гг. «за усердие и ревность», проявленные с целью новых открытий в бассейне Камчатского (ныне Берингова) моря, а также составление подробной карты с изображением Камчатки, Алеутских островов и Аляски, Екатерина II наградила купцов Ф. Буренина (Вологда), В. Шилова (Великий Устюг) и компаньона последнего И. Лапина.

Хотя морские экспедиции осуществлялись с санкции местных властей, они все же носили частный характер, и потому их возможности были ограничены. Для более основательного изучения Алеутских островов и Северо-Запада Америки, с учетом политических, экономических, научных интересов России, требовались иные масштабы, средства и исполнители. Эти сложные задачи надо было решать на государственном уровне. По распо-

ряжению губернатора Сибири Ф.И. Соймонова галиот «Св. Екатерина» под командованием лейтенанта И. Синдта в сентябре 1764 г. отплыл из Охотского порта и почти два года спустя достиг 64°59′ с.ш., т.е. подошел довольно близко к Берингову проливу – судя по всему, возле юго-западного побережья полуострова Сьюард. Хотя до американского континента оставалось совсем немного, вследствие неблагоприятных климатических условий, крайней усталости команды и недостаточного оснащения экспедиции двигаться дальше оказалось невозможным. Повернув обратно, судно бросило якорь в водах Авачинской губы.

За открытиями, осуществлявшимися в Северо-Восточном море по мере приближения русских экспедиций к побережью Америки, внимательно следил М.В. Ломоносов. В поэме «Петр Великий», первая песнь которой была издана в декабре 1760 г., он вложил в уста своего героя ставшие хрестоматийными слова:

Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша досягнет в Америку держава.

Перспективу выхода России к американскому континенту Ломоносов связывал с весьма занимавшей его проблемой отыскания и освоения Северного морского пути. Наиболее обстоятельно возможности ее решения были изложены им в «Кратком описании разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (написанном в 1762–1763 гг.). В этой работе подчеркивалось, что Россия «в Японию, в Китай, в Индию и к западным берегам американским достигнуть в состоянии».

Весной 1764 г. правительство решило ускорить дальнейшее изучение и освоение северной части Тихого океана. На основании высочайшего указа от 4 мая 1764 г. была снаряжена секретная правительственная экспедиция П.К. Креницына и М.Д. Левашова с целью исследования Алеутского архипелага и Аляски. Отправившись в октябре 1766 г. из Охотска, она завершила открытие Алеутской гряды, обследовала около 200 км побережья Аляски, основательно изучила флору и фауну Лисьих островов. Почти одновременно эскадра капитана 1-го ранга В.Я. Чичагова в 1765–1766 гг. дважды пыталась, выйдя в море из Архангельска, достигнуть Берингова пролива, однако безуспешно.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.И. ШЕЛИХОВА

Сведения об открытиях испанских и английских мореплавателей в северной части Тихого океана (70-е годы XVIII в.) стимулировали усилия России по изучению и освоению этого региона. В первой половине 80-х годов заметно активизировались русские исследования и промыслы, поначалу остававшиеся в русле частной инициативы. Особую роль сыграл в этом смысле пионер российской колонизации Северо-Западной Америки, предприниматель и мореход Григорий Иванович Шелихов. Уроженец города Рыльска Курской губернии, он в начале 70-х годов переехал в Иркутск, где нанялся на службу к богатому купцу И. Голикову. С 1775 по 1781 г. Шелихов являлся участником

промысловых компаний, снарядивших несколько судов для добычи пушнины на Алеутских и Курильских островах. На основе приобретенного опыта он пришел к выводу о целесообразности сосредоточить все усилия по освоению Алеутского архипелага и северо-западного побережья Америки, добыче и сбыту мехов в руках одной крупной купеческой компании, которая пользовалась бы исключительным правом промышлять пушного зверя в северной части Тихого океана. В августе 1781 г. совместно с И. Голиковым и его племянником энергичный промышленник учредил в Петербурге новую торгово-промысловую компанию (впоследствии получившую название Северо-Восточной), в чью задачу входило «основать на берегах и островах американских селения и крепости».

Спустя два года шелиховские галиоты отплыли из Охотска и, обогнув мыс Лопатка (Камчатский Нос), вышли в Тихий океан. Приближаясь к американскому материку и двигаясь на северо-восток от Уналашки, где, как указывалось, находилась первая постоянная российская фактория, они после годичного плавания достигли острова Кадьяк. На его юго-восточном побережье, в гавани Трех Святителей, Шелихов «с товарищи» основали поселение, а в апреле–мае 1786 г. заложили крепости на северном берегу соседнего острова Афогнак и юго-западной оконечности Кенайского полуострова. Тогда же русские безуспешно пытались возвести укрепления на мысе Св. Ильи (южная оконечность острова Каяк).

Таким образом, компании, учрежденной по инициативе предприимчивого рыльского купца, к середине 80-х годов удалось на ближних подступах к полуострову Аляска создать цепь важных форпостов, расположенных на широте 57–59°. Вслед за тем главные правители российских владений в Новом Свете К.А. Самойлов, а позднее Е.И. Деларов, получили предписание относительно дальнейшего продвижения на юг, до 40° с.ш. То была первая попытка зафиксировать границу территориальных притязаний России на Северо-Западе Америки.

ИЗУЧЕНИЕ ТИХООКЕАНСКОГО СЕВЕРА НА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ УРОВНЕ

Сведения об успехах деятельного «Колумба Росского» (как метко окрестил его в дальнейшем поэт Г.Р. Державин) дошли до столицы империи лишь к началу 1788 г. Между тем в середине 80-х годов были предприняты серьезные шаги по изучению и освоению северной части тихоокеанского бассейна на государственном уровне. Осенью 1784 г. академик П.С. Паллас предложил организовать секретную правительственную экспедицию для комплексного исследования северо-востока Азии и северо-запада Америки. Ее научные и политические цели определил высочайший указ от 8 августа 1785 г., на основании которого Адмиралтейств-коллегия разработала более конкретное и подробное наставление руководителю Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Дж. Биллингсу. Помимо обследования и описания морей, островов и северо-западного побережья Америки, уточнения географических координат, гидрографических наблюдений, картирования, ему предписывалось в случае открытия земель, не принадлежащих

какому-либо европейскому государству, «стараться оные присвоить скипетру российскому». При этом, однако, предлагалось избегать конфликтов с представителями других держав. Особо подчеркивалась недопустимость насильственных действий по отношению к обитателям «ничейных» территорий.

В течение 1787–1792 гг. экспедиция, отплыв из Охотска, проделала огромную работу по описанию островов северной части Тихого океана и Берингова моря. Она подытожила все то, что было сделано русскими мореплавателями на протяжении XVIII в. Вместе с тем, из донесения Биллингса в Петербург стало известно о произволе и насилиях, чинимых Шелиховым, его компаньонами и подчиненными над населением обнаруженных ими земель, в связи с чем Екатерина II строжайше запретила «делать какие-либо жестокости, грабительства или притеснения жителям помянутых стран».

Опасения российских властей по поводу проникновения чужеземцев в северные районы тихоокеанского бассейна нашли отражение в записке секретаря императрицы генерал-майора П.А. Соймонова «О торге и звериных промыслах на Восточном море» (1786), где предлагалось вместо неудобного Охотска построить новый порт в устье реки Уды. Одобрив эту идею, президент Коммерц-коллегии А.Р. Воронцов и фактический глава Коллегии иностранных дел А.А. Безбородко предложили провозгласить права России на северо-западное побережье Америки к северу от 55°20' с.ш. (достигнутого Чириковым в 1741 г.), расположенные возле американского материка и Аляски острова, а также Алеутский архипелаг и Курильскую гряду. 22 декабря 1786 г. последовал высочайший указ об отправке из Балтийского моря в Тихий океан флотилии Г.И. Муловского, чьей задачей являлось закрепление прав Российской империи на земли, открытые там русскими мореплавателями. Одновременно с подготовкой этого плавания в Петербурге разрабатывался проект экспедиции Дж. Тревенена, предусматривавший посещение островов и побережья к северу от Калифорнии. Однако вследствие начала русско-турецкой войны и надвигавшейся войны со Швецией оба предприятия были отменены.

ЕКАТЕРИНА II И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ КОМПАНИЯ

Пока на берегах Невы решалась судьба обеих экспедиций, Шелихов и Голиков в феврале 1788 г. подали прошение на имя императрицы о выдаче денежной ссуды и признании монопольного статуса созданной ими компании. Комиссия о коммерции и Совет при высочайшем дворе рекомендовали удовлетворить ходатайство предпринимателей, однако царица не согласилась. Аргументируя свою негативную позицию, она ссылалась на недостаток финансовых средств, малочисленность сибирских гарнизонов, нежелание отступать от провозглашенного ранее намерения воздерживаться от предоставления монополии. Определенное значение имело и стремление петербургского двора в условиях военных конфликтов с Турцией и Швецией проявлять сдержанность в Тихоокеанском регионе, не форсируя там территориальную экспансию и ограничиваясь поощрением торговли. «Многое распространение в Тихое море, – подчеркивала императрица, – не принесет твердых польз. Торговать дело иное, завладеть дело другое».

Пытаясь понять мотивы отрицательной реакции Екатерины II на обращение Шелихова и Голикова, надо учитывать также и иные немаловажные обстоятельства, а именно: наличие разногласий по данному вопросу в правящих кругах империи, сомнения императрицы в достоверности сведений, исходивших от промышленников и купцов, опасение возможного возникновения в перспективе конфликта между российской метрополией и ее владениями в Америке – по аналогии с восстанием британских колоний против Англии. Не исключено, что известную роль сыграли и вести о жестоком обращении шелиховской команды с аборигенами колонизуемых земель. На монаршее решение повлияли, вероятно, и попытки екатерининской дипломатии подписать торговый договор с Испанией, достигшие кульминации как раз в феврале–марте 1788 г. В итоге заслуги Шелихова и Голикова были вознаграждены лишь пожалованием золотых медалей, шпаг и похвальных грамот.

Не встретив поддержки при дворе, Шелихов не отказался, тем не менее, от своих планов изучения и колонизации Северо-Западной Америки. Важной вехой на этом пути явилось плавание галиота «Три святителя» под командованием штурманов Г. Измайлова и Д. Бочарова, предпринятое в мае–июле 1788 г. Мореплаватели получили инструкцию: следовать от Кадьяка «близ берегов твердой Американской земли, как для открытия новых морских островов и приведения под власть Российской империи разных островных народов, так равно и для утверждения всей новоизобретенной Американской части знаками Величеству и названию Российскому свойственными». За два с половиной месяца Измайлов и Бочаров открыли несколько мелких островков, залив Якутат и бухту Льтуа.

Подготовленная Шелиховым обширная программа исследований в северной части Тихого и в бассейне Ледовитого океанов включала также отправку компанейских судов из устья Лены, Индигирки или Колымы «прямо на противолежащие американские берега», причем ставилась задача по возможности «вступить во взаимное дружественное обязательство и торговлю» с их обитателями. Осуществляя свои замыслы, энергичный предприниматель вместе с И. Голиковым наряду с вышеупомянутой Северо-Восточной американской компанией вскоре (в августе 1790 г.) основал Предтеченскую и Уналашкинскую компании*. Год спустя прибывший на Кадьяк новый главный правитель шелиховско-голиковского предприятия А.А. Баранов приступил к обследованию острова и омывающих его вод, а также Кенайского и Чугацкого заливов.

Прожекты Шелихова получили одобрение генерал-губернатора Иркутского и Колыванского И.А. Пиля, доложившего о намерениях своего протеже в Петербург. При этом сановник выдвинул идею объединения российских промысловых компаний в указанном регионе. В дальнейшем наместник регулярно докладывал императрице об «успехах усердия и стараний» Шелихова, и под влиянием этой информации отношение Екатерины II к начинаниям «Колумба Росского» стало более благожелательным. Указом от 31 декабря 1793 г. она удовлетворила его просьбу о передаче Северо-Восточной ком-

---

* Позднее были образованы Северная Американская и Атхинская (или Курильская) компании (1794–1795). Атха – остров из группы Андреяновских островов Алеутского архипелага.

пании работников из числа крестьян-переселенцев, ссыльных и каторжан, а Пилю повелела и впредь «доносить нам об успехах сей компании».

Через несколько месяцев генерал-губернатор направил Шелихову детальную программу дальнейших действий в Америке и на Курильских островах. Она предусматривала строительство крепости в подходящем месте американского побережья; возле нее предлагалось заложить поселение, с четкой планировкой улиц и площадей, жилыми домами, складскими помещениями и церковью. Пиль считал целесообразным, чтобы будущие поселенцы помимо «звериных промыслов» занимались также хлебопашеством, огородничеством, скотоводством и птицеводством, разведением льна и конопли, производством холста. При наличии залежей железной руды следовало, по его мнению, наладить на месте выплавку железа и изготовление якорей, болтов и гвоздей. Кроме того, русским вменялось в обязанность обучать жителей Америки «всем тем работам, изделиям и упражнениям, кои сами они знают». Этот документ означал, по существу, первый шаг к признанию шелиховско-голиковской компании единственной представительницей интересов России на Тихом океане.

На борту компанейских судов, доставивших осенью 1794 г. на Кадьяк инструкцию Пиля, туда прибыла также православная духовная миссия во главе с архимандритом Иоасафом. Она была отправлена из Петербурга в конце декабря 1793 г., через полгода после обнародования указа Екатерины II о создании церкви на Аляске, изданного 13 мая того же года. На миссию возлагалась задача «проповеди Слова Божия в Америке и просвещения тамошних народов в вере христианской и в познании должностей, в благоустроенных обществах необходимых».

Миссионеры много сделали для смягчения колонизационной практики. Они принимали участие в школьном обучении детей аборигенов, создали письменность для алеутов, оставили труды по этнографии Алеутских островов и Аляски. На Кадьяке была построена церковь (1796). Высочайшим указом от 19 июля 1796 г. Иоасаф был посвящен в сан «епископа Кадьякского и прочих прилежащих к тому в Америке островов». Однако, по ряду причин, хиротония (официальная церемония рукоположения) затянулась и состоялась лишь 10 апреля 1799 г. в Иркутске. На обратном пути епископ погиб при кораблекрушении, в результате чего деятельность православной миссии была надолго парализована.

ПОЗИЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО ДВОРА В СЕРЕДИНЕ 90-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

В очередном пространном донесении генерал-губернатору от 20 ноября 1794 г. Шелихов высказал мысль о целесообразности значительного расширения сферы и масштабов российского судоходства в тихоокеанском бассейне. Поддержав это предложение, наместник незамедлительно доложил о нем в столицу, причем рекомендовал императрице принять меры к посещению русскими судами Калифорнии и Мексики. В контексте вышеупомянутого донесения для обозначения владений России в Новом Свете был употреблен термин «Российская Америка». Он фигурировал, впрочем, уже в предыду-

щем «всеподданнейшем рапорте» И.А. Пиля от 28 февраля того же года, где присутствовало выражение «матерая Российская Америка с ее островами».

Однако, рассмотрев в начале 1795 г. рекомендацию высокопоставленного чиновника, Совет при высочайшем дворе никаких конкретных решений не принял, что объяснялось, скорее всего, отсутствием заинтересованности со стороны правительства. Готовое поощрять активность Шелихова, пока тот обходился в основном собственными ресурсами, оно не испытывало особого желания предпринимать какие-либо усилия на казенный счет. Сдержанная позиция петербургского двора, видимо, была отчасти обусловлена и сложившейся к середине 90-х годов международной ситуацией, в частности состоянием русско-испанских отношений. В тот период Россия стремилась втянуть Испанию в антифранцузскую коалицию, а затем удержать пиренейскую монархию в ее составе.

К тому же вскоре после того как упомянутый выше генерал-губернаторский рапорт достиг Петербурга и за год с небольшим до смерти императрицы, Шелихов внезапно скончался (20 июля 1795 г.), а в конце 1796 г. ушел в отставку его могущественный покровитель И.А. Пиль. Таким образом, не стало человека, являвшегося главным инициатором исследования и освоения Северо-Запада Америки, а петербургскому двору в сложной европейской обстановке второй половины 90-х годов хватало и иных забот.

ОБЪЕДИНЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ И ИРКУТСКОЙ КОМПАНИЙ

После кончины Г.И. Шелихова его конкуренты повели ожесточенную борьбу против созданной им компании с целью разорить ее крупнейших пайщиков и заставить их прекратить или по крайней мере ограничить свою деятельность.

Наибольшую опасность для наследников «Колумба Росского» представляли планы иркутского купца Н.П. Мыльникова, который в противовес шелиховскому предприятию учредил в начале 1797 г. в Иркутске коммерческую компанию «для произведения мореплавания, торговли и промыслов на американских землях и островах, принадлежащих высочайшему е.и. в-ва престолу, и других полезных открытий в неизвестных местах». Вскоре он, однако, убедился, что имевшегося у него капитала явно недостаточно, и без привлечения дополнительных средств новой компании грозит банкротство. Вместе с тем, в Петербурге весьма скептически отнеслись к образованию Иркутской компании, сомневаясь в ее способности отстоять российские владения в Америке от посягательств иностранных государств. В поисках выхода из сложившейся затруднительной ситуации Мыльников предложил объединить обе компании. В итоге, 18–19 июля 1797 г. в Иркутске были подписаны документы, закрепившие договоренность о слиянии Американской Северо-Восточной, Северной и Курильской компаний Шелихова и Голикова с «Иркутской коммерческой Мыльникова с товарищи компанией» под общим названием «Американская Голикова, Шелихова и Мыльникова компания».

Вести из Сибири достигли столицы империи в начале сентября 1797 г. Но еще до того позиция правительства в связи с деятельностью российских

купцов и промышленников на северо-западе Америки более или менее определилась.

5 августа генерал-прокурор Сената князь А.Б. Куракин представил императору Павлу I доклад об образовании Иркутской компании Мыльникова. К докладу была приложена записка, озаглавленная: «О вредности многих в Америке компаний и пользе от соединения их воедино». В документе рекомендовалось объединить все американские компании в одну, подчинив ее правительственному контролю. В тот же день монарх повелел, «дабы существующая ныне и вновь учреждаемая компании были под дирекциею Коммерц-коллегии». Именно последняя сыграла в дальнейшем существенную роль в формулировании политики петербургского двора на северо-западе Америки.

Между тем в российской столице был получен рапорт сменившего Пиля иркутского губернатора Л.Т. Нагеля о соглашении между двумя компаниями. То есть поступил сигнал о том, что процесс интеграции уже пошел, так сказать, «снизу», не дожидаясь директив «сверху». Именным указом 8 сентября 1797 г. император утвердил «соединение купцов Голикова, Шелихова и Мыльникова, для совместного отправления торговли и промыслов их на Американских островах». На следующий день Коммерц-коллегия доложила Павлу I о том, что подписанный в Иркутске акт об объединении компаний «признает весьма полезным» и предлагает обеспечить в будущем монопольное положение «сей вновь заводимой компании» путем привлечения желающих мелких промышленников.

Мнение коллегии было одобрено Советом при высочайшем дворе, который, в свою очередь, ходатайствовал перед императором о пожаловании новой компании привилегий, какими «пользуются и другие подобные компании иностранные». К этой просьбе Павел I отнесся положительно.

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Итак, к сентябрю 1797 г. в правящих кругах России окончательно утвердилась тенденция к созданию в американских владениях контролируемой правительством единой торгово-промысловой компании, обладающей монополией и достаточно мощной, чтобы успешно противостоять иноземным конкурентам, а также противодействовать территориальной экспансии соперничающих держав. По настоянию Коммерц-коллегии 3 августа 1798 г. в Иркутске было официально подтверждено «предварительное соединение» годом раньше двух компаний. В задачу Соединенной Американской компании входили торговля и промыслы на северо-западе Америки, «начиная от залива Льтуа и простирая на север за Берингов пролив», поиски новых земель, обращение местного населения в православную веру и российское подданство, забота об «умножении поселенцев в занятых уже россиянами и о заселении необитаемых еще мест, и о разведении в Америке и на островах хлебопашества и скотоводства».

Однако в этом тексте отсутствовало важное, с точки зрения петербургского правительства, провозглашение монопольного статуса создаваемого объединения и принципа обязательного вхождения в него всех русских

промышленников и купцов, действовавших в северной части Тихого океана. В документе не были также точно определены фактически сложившиеся границы интересов компании и российских владений в регионе.

Поскольку иркутский вариант никак не соответствовал намерениям властей, Коммерц-коллегии пришлось внести в него существенные коррективы. В результате, к январю 1799 г. она разработала два проекта: «Правила для учреждаемой компании» и «Содержание привилегий для учреждаемой компании». Но коллежские предложения вследствие происков врагов Шелиховых около полугода практически пролежали без движения. Лишь 8 июля 1799 г. указом Сенату император объявил, что компания, образованная для промыслов и торговли, «производимых верноподданными нашими по Северо-Восточному морю и в тамошнем крае Америки», отныне переходит под непосредственный патронат короны. Ей присваивалось наименование: «под высочайшим нашим покровительством Российская Американская компания», и даровались привилегии сроком на 20 лет. Одновременно Павел I утвердил «Правила» и «Содержание привилегий», определявшие и конкретизировавшие статус и права РАК.

За компанией признавалось «исключительное право на всякие приобретения, промыслы, торговлю, заведения и открытия новых стран» на северо-западном побережье Америки от 55° с.ш. до Берингова пролива и далее к северу, а также на Алеутских, Курильских и других островах. Поиски неизвестных земель разрешалось вести не только севернее, но и южнее 55-й параллели, обращая открываемые территории «в российское владение, ⟨...⟩ если оные никакими другими народами не были заняты и не вступили в их зависимость». Компании позволялось основывать поселения и строить укрепления, а также торговать с близлежащими государствами.

Руководство текущими делами РАК возлагалось на Главное правление в составе четырех директоров, с местопребыванием в Иркутске. В конце 1799 г. монарх препоручил ответственные функции «уполномоченного корреспондента» зятю покойного основателя семейного клана Шелиховых камергеру Н.П. Резанову. Немалую роль сыграл также верный сподвижник Г.И. Шелихова, главный правитель российских владений в Америке А.А. Баранов, способствовавший продвижению РАК на юг, к плодородным землям бассейна р. Колумбия и к Калифорнии.

После того как в декабре 1799 г. права и привилегии РАК были подтверждены и закреплены жалованной грамотой Павла I, наследники Шелихова, опасаясь дальнейших враждебных действий со стороны своих конкурентов, добились перевода Главного правления в столицу империи, ближе к поддерживавшим их должностным лицам и правительственным учреждениям.

Стремление Российской империи к созданию единой заокеанской компании как эффективного инструмента укрепления своего положения в северной части Тихого океана питалось и соображениями внешнеполитического характера. В Петербурге считали вполне реальной угрозу российским владениям в данном регионе со стороны других государств – Англии, США и Испании. В этих условиях появление действенной монопольной организации, обладавшей внушительным экономическим потенциалом и находившейся под непосредственным контролем правительства, несомненно затрудняло

чужеземное проникновение в те районы Северо-Западной Америки, которые петербургский двор считал сферой своих государственных интересов.

Декабрьская жалованная грамота стала на исходе XVIII столетия заключительным аккордом затянувшейся процедуры конституирования Российско-американской компании. Образование ее закономерно вытекало из традиционного направления внешней политики империи Романовых. Эта тенденция подразумевала, по словам ленинградского историка С.Б. Окуня, реализацию грандиозного плана экспансии, который предполагал «дальнейшее закрепление России на западном побережье Северной Америки, включая Калифорнию, на Гавайских островах, в южной части Сахалина и в устье Амура. Эти колонии, вместе с Камчаткой, Аляской и Алеутскими островами ⟨...⟩ должны были превратить ее в полновластного хозяина всего северного бассейна Тихого океана».

К оптимальному решению этой задачи в Петербурге шли исподволь, на основе тщательного анализа ситуации, при деятельном участии Коллегии иностранных дел, Коммерц-коллегии, Совета при высочайшем дворе и ряда других. Вместе с тем, на протяжении кратковременного царствования Павла I в целом сохранялась определенная преемственность в проведении курса американской политики, общие контуры которой были очерчены еще при Екатерине II. В частности, зафиксированная в 1799 г. июльским указом и жалованной грамотой императора линия южной границы сферы деятельности РАК на протяжении 80–90-х годов неоднократно фигурировала в официальных документах. Правда, в период Нутка-зундского кризиса петербургский двор временно согласился с притязаниями пиренейской монархии на побережье Америки до залива Принс-Уильям (русские обычно именовали его Чугацким).

Речь шла об обширной территории между 61° и 55°20′ с.ш., которую правительство Карла VI вслед за вступлением на престол этого монарха (декабрь 1788 г.) поспешило объявить принадлежащей Испании. Уже в середине апреля 1789 г. министр по делам Индий Антонио Вальдес довел до сведения первого министра графа Флоридабланки монаршее повеление обратить внимание российских властей на поступившие из-за океана вести о том, что «некоторые русские мореплаватели и первооткрыватели обосновались в местах, уже давно открытых и исследованных испанцами, именем короля вступившими во владение ими». Далее предлагалось предупредить правительство Екатерины II, чтобы «в случае, если в те моря и к тем берегам направятся другие российские первооткрыватели или мореплаватели», они не пытались «поселиться в указанных местах, находящихся под испанским господством».

Флоридабланка не замедлил выполнить полученное предписание, причем облек его в более конкретную форму. 23 апреля 1789 г. он направил посланнику в Петербурге Мигелю де Гальвесу инструкцию потребовать от петербургского двора, чтобы командирам судов, отплывающих с Камчатки для открытия новых земель, было отдано распоряжение не посягать на владения Испании «и не заходить дальше залива, именуемого Принс-Уильям».

3 июня Гальвес передал требование мадридского кабинета главноначальствующему Коллегии иностранных дел вице-канцлеру И.А. Остерману. Последний, выслушав это сообщение, сделал вид, будто крайне удивлен, и дважды переспросил, действительно ли русские обосновались в регионе, куда еще до них проникли испанцы, а затем заявил, что никакими сведениями о тех

краях не располагает. Тогда посланник сослался на составленную в России в 1787 г. «Генеральную карту», где были обозначены новейшие российские открытия в Западном полушарии. Вице-канцлер промолчал, и после короткой паузы пообещал доложить обо всем императрице. Две недели спустя Остерман уведомил испанского дипломата о том, что государыня поручила ему информировать Гальвеса: участникам экспедиций, отправляемых к американским берегам, якобы уже давно приказано не основывать поселений на землях, захваченных другими державами.

Впрочем, когда следующим летом мадридское министерство предложило Екатерине II заключить договор о границе российских и испанских владений на побережье Тихого океана, в Петербурге отказались закрепить достигнутую годом раньше устную договоренность формальным актом, базирующимся на нормах международного права.

Однако за исключением указанного десятилетия 1789–1799 гг. правительственные круги России исходили из ее неотъемлемого права на территорию Северо-Западной Америки севернее 55° (точнее, 55°20′) – начального пункта, достигнутого в ходе Второй Камчатской экспедиции А.И. Чириковым.

Таким образом, учреждением РАК был брошен прямой вызов Испании и другим соперникам России на северо-западе Америки, юридически закреплены пределы территориальных притязаний Российской империи в данном регионе, сделана заявка на расширение ее владений за счет «ничейных» земель южнее 55-й параллели. «Россия, – резонно отметил Н.Н. Болховитинов, – стала не только европейской и азиатской, но и в какой-то мере американской державой».

ТРОПИЧЕСКАЯ И ЮЖНАЯ АФРИКА

В XVIII в. абсолютное большинство народов Тропической и Южной Африки не имели письменности. Основными местными источниками по их истории служат данные так называемой устной исторической традиции, материалы археологических раскопок и лингвистических исследований. Письменные источники по этому периоду принадлежат в основном перу европейцев. В изучении истории этой части мира в последние годы преобладает цивилизационный подход и теория раннего государства, ведется поиск новых источников.

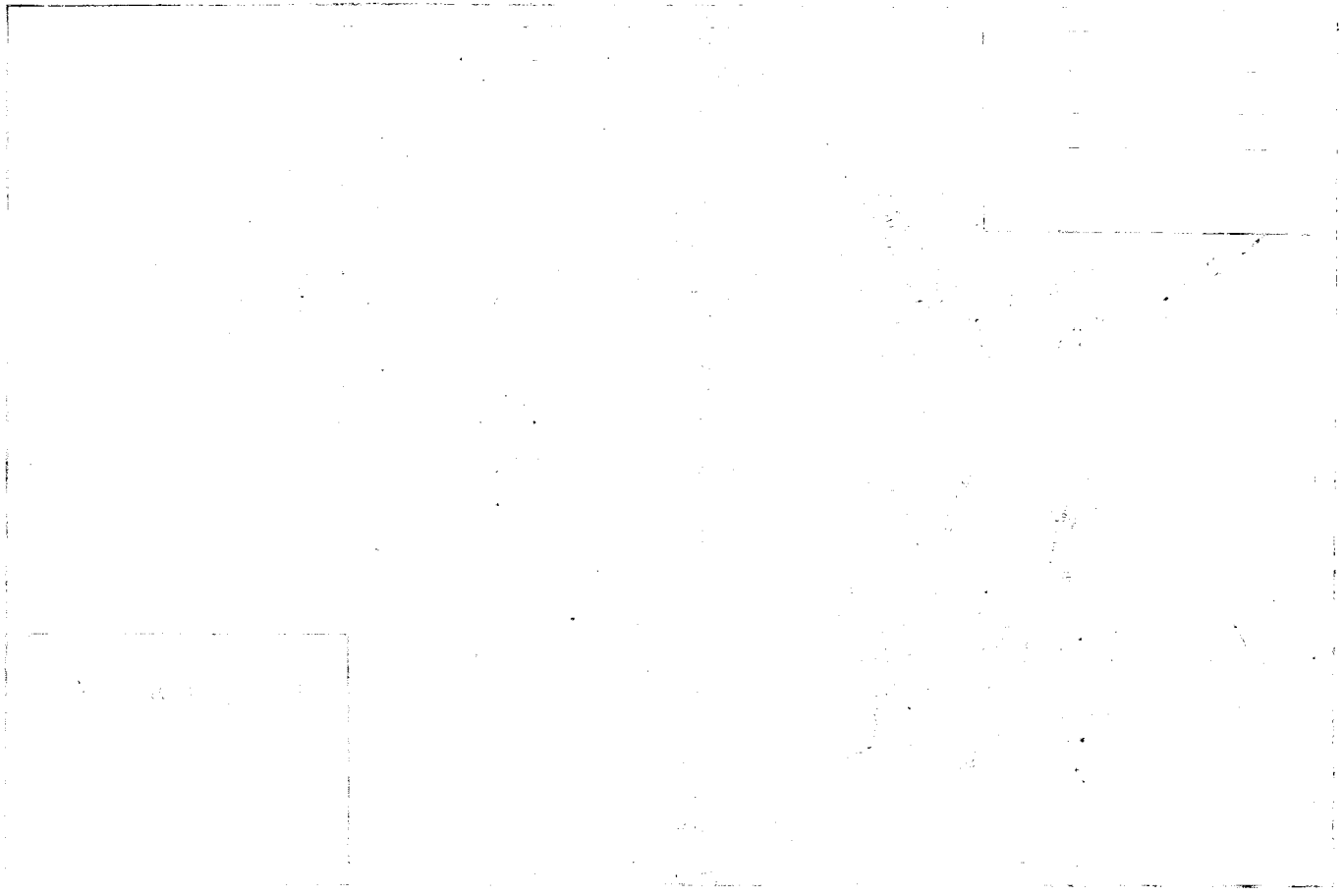
Основное содержание истории Тропической и Южной Африки XVIII в. по-прежнему составляли процессы, завершившиеся уже к тому времени в большей части мира – миграции, этно- и политогенез.

МИГРАЦИИ И ЭТНОГЕНЕЗ

В XVIII в. в Тропической и Южной Африке продолжались миграции народов, говоривших на языках *банту*. В этот период банту продолжали перемещение из района современной Танзании дальше к югу тремя путями: на территорию современной Замбии; на территорию современного Зимбабве через Малави и на территорию современной южноафриканской провинции Квазулу-Натал через Мозамбик.

Именно с банту связано распространение на большой части континента земледелия и орудий железного века. Банту были высокоорганизованными народами с развитой социальной иерархией и вождями, и именно они дали начало первым государственным образованиям на юге Африканского континента. Их отношения с жившими там издавна *саанами* (бушменами) и *койкой* (готтентотами) были сложными: они сосуществовали, обменивались различными товарами и продуктами, смешивались и перенимали языки друг друга, но они и воевали. Отступление родственных саанам народов из Восточной Африки, а затем на запад на территории Южной Африки было связано с продвижением на юг лучше вооруженных и организованных банту.

В части Тропической Африки, простирающейся широким поясом с запада на восток континента от Атлантического океана до Эфиопии и называемой Суданом, не было единых потоков крупных миграций. Отдельные группы двигались хаотично, селясь в местах, которые можно было защитить и где имелась вода. Местами разнообразие языков здесь так велико, что жители деревень, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга, не понимают языка соседей. Особо следует упомянуть миграции народа *фульбе,* или *пель*, пришедшего в Западную Африку из района Африканского Рога. Фульбе расселились на территории более десятка современных африканских государств, наибольшее количество – на территории нынешних Нигерии, Камеруна, Мали, Нигера и Сенегала. В XVIII в. они создали мусульманское государство на плато Фута-Джаллон горной системы в Гвинее, водоразделе рек Сенегал и Гамбия.



«Африка». Карта Р. Бонна. 1780 г.

С миграциями в Африке были тесно связаны процессы этногенеза. В XVIII в. большое воздействие на эти процессы оказали такие факторы, как работорговля, формирование раннегосударственных образований и появление европейцев.

Одним из результатов трансатлантической работорговли явилась дестабилизация и дробление этнических групп в районах, служивших источниками поставки рабов. В Западной Африке это районы верхнего течения реки Вольта и слияния рек Нигер и Бенуэ, т.е. территории от современной Нигерии до Буркина-Фасо, а в Центральной – район среднего и нижнего течения реки Касаи – притока Конго, на территории современной Демократической Республики Конго. Арабская работорговля в Северо-Восточной Африке оказала такое же воздействие на южные районы современного государства Судан, а в Восточной – на восточную часть современной Демократической Республики Конго, между озером Танганьика и рекой Луалабой – другим притоком Конго. В то же время необходимость сплочения для защиты от работорговли или стремление участвовать в ней в качестве посредников способствовала консолидации некоторых прежде разрозненных кланов в сплоченные и хорошо организованные группировки, как это произошло с народом *ньямвези* на территории современной Танзании и *яо* на территории современного Мозамбика.

Поселение в Африке португальцев привело к появлению первых групп смешанного населения. В первую очередь это относится к району долины Замбези, где к XVIII в. португальские поселенцы и потомки их браков с местными женщинами жили в своих поместьях – *празу*, полностью оторвавшись от метрополии и от колониальных властей, создавали свои вооруженные отряды (*чикунда*) и занимались торговлей и работорговлей. Чикунда, набранные из самых разных этнических групп постепенно стали самостоятельным этносом, а *празейруш* (владельцы празу) дали начало смешанному населению Мозамбика.

Сходная картина складывалась и в Южной Африке, где к XVIII в. браки голландцев с женщинами *койкой* (поначалу официальные) и рабынями, привезенными из Индонезии, с Цейлона и с Мадагаскара, привели к появлению многочисленного цветного населения. Большая его часть проживает в южноафриканских провинциях Западный и Северный Кейп, но часть мигрировала в другие районы. К концу XVIII в. несколько групп кои и потомков рабов покинули Капскую колонию и поселились в районе слияния рек Оранжевой и Вааль. Это были *кора* (корана), *бастеры* (которые позже переименовали себя в *гриква*) и *бергенаар*, ставшие самостоятельными этническими группами. Бастеры откочевали сначала в южные районы Намибии и часть из них поселилась там среди нама, одной из групп кои. Смешавшись с местным населением, они дали начало группе *орлам*. Бастеры носили голландские имена, и именно они впервые назвали себя «африканерами» – африканцами.

Наконец, важным этническим элементом юга Африки стали голландцы – буры. Расселение буров с территории Капской колонии шло на протяжении всего XVIII в., когда отдельные фермеры или фермерские семьи уходили со своим скотом и рабами все дальше в глубь страны.

ХАРАКТЕР ПОЛИТОГЕНЕЗА. СКЛАДЫВАНИЕ ВОЖДЕСТВ И РАННИХ ГОСУДАРСТВ

В XVIII в. социальная организация народов Африки по-прежнему отличалась пестротой. Наряду с крупными по местным масштабам государствами существовала так называемая первобытная периферия – народы, не создавшие иных социальных структур кроме общинно-родовых. При этом большую роль играл географический фактор – плодородие почв, близость к внешним очагам цивилизаций и пр. В африканских государствах этого времени, как правило, статусные группы еще четко не оформились, но институт наследственного верховного правителя, административное деление, несколько уровней управления, армия в том или ином виде наличествовали. Специалисты определяют такой тип государственности как раннее государство.

Раннему государству типологически предшествовали и одновременно сосуществовали с ним в XVIII в. другие формы социальной организации. Основной ячейкой африканского общества была и остается община, а все более крупные структуры являются разными формами объединения общин.

Наряду с общиной в XVIII в. существовали так называемые локальные группы, состоявшие из парных семей и насчитывавшие 25–50 человек. Это была непрочная структура, срок ее жизни был короток. Все члены локальной группы имели внутри нее равные права и обязанности, хотя ролевые функции молодежи и стариков, мужчин и женщин были различны.

Важной социальной ячейкой в XVIII в. была семейно-клановая группа, объединявшая потомков общего предка. Наиболее часто встречавшаяся в Африке форма такой группы – большая патриархальная семья. Во главе ее стоял наследственный старейшина, обладавший в силу возраста наибольшими знаниями и опытом. Старейшина, или отец, перераспределял весь продукт, который создавался внутри семьи. Он вел постоянную борьбу за положение своей семьи и свое собственное место в общине.

Община представляла собой, как правило, объединение нескольких таких групп. Зачастую община представляла собой клан, или, у скотоводческих народов, крааль. В XVIII в. у большинства народов Африки переход общины от родовой к соседской не был полностью завершен. Семейные группы, большие патриархальные семьи, входящие в состав кланов, и сами кланы вели свое происхождение от общих предков разного уровня удаленности.

Во главе общины стоял общинный лидер, обычно избираемый. При этом определяющим в выборе общинников было не имущественное положение кандидата, а его личные достоинства. Правда, избирался старейшина общины из привилегированных групп старших по возрасту, главной привилегией которых были знания и опыт. Ему принадлежало право принимать важнейшие для общины решения и осуществлять перераспределение имеющихся в распоряжении общины благ.

Совокупность таких практически самодостаточных общин, говорящих на одном языке и восходящих к общему предку, часто называют племенами. На самом деле более корректно в данном случае говорить об этнической группе. При этом следует учитывать, что этнические группы зачастую проживали и проживают не компактно, а представляют собой достаточно удаленные друг от друга сегменты.

Надобщинные структуры XVIII в. возникали первоначально временно, в случае опасности, и возглавлял их харизматический лидер, т.е., человек, обладавший в глазах большинства авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности.

Возникновению более прочных надобщинных структур способствовал ряд причин. Экологические факторы – рациональное использование пастбищ, долин рек и прочего, а также необходимость объединения для ведения войн с соседями являлись важнейшими из них. Лидером такого надобщинного объединения становился чаще всего лидер одной из общин. Структуру, в которой есть доминирующая община, называют коническим кланом, поскольку в ней существует неравенство между «основной» и «боковыми» ветвями. В коническом клане власть лидера передается по наследству именно в рамках доминирующей общины.

Надобщинной структурой, универсальной, как считают специалисты, для всего человечества на пути к созданию государства, является *вождество*. Вождество – структура этнически гомогенная, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью и возглавляемая лидером, зачастую сакрализованным. Как правило, главой вождества становился глава наиболее сильного из входящих в него конических кланов. Именно главу вождества и только его в доколониальной Африке и следует называть вождем.

Вождество – относительно сложная структура, имевшая несколько уровней управления – центральный, региональный и местный. Соответственно в населении вождества выделяется профессиональный управленческий слой. В то же время социальное неравенство в вождестве выражено не сильно – жизнь вождя не очень отличается по качеству от жизни его подданных.

Грань между вождеством и ранним государством в Тропической и Южной Африке в XVIII в. недостаточно четкая, однако все же существуют некоторые отличия.

– Раннее государство – более крупное объединение – не несколько тысяч, как в вождестве, а десятки и даже сотни тысяч человек.

– Раннее государство, как правило, этнически гетерогенно, а не гомогенно, как вождество.

– В раннем государстве более четко, нежели в вождестве, выделяются три уровня управления – общегосударственный, региональный и местный.

– В раннем государстве происходит специализация власти – из общего управленческого слоя выделяются «военачальники», «жрецы» и «канцеляристы»;

– В раннем государстве ведется урбанистическое строительство, т.е. возникают поселения городского типа.

Для африканских ранних государств характерны следующие черты:

– Государства эти возникали при отсутствии частной собственности на землю, так как в Африке считалось, что земля не может быть чьей-то; свободной земли было всегда достаточно практически везде; землю обрабатывали мотыгами, выжигая при необходимости новый участок тропического леса.

– Африканские ранние государства имели четкое административно-территориальное деление, выделялся общегосударственный, «областной» и «районный» уровень управления.

– Во главе государства стоял наследственный верховный правитель, часто обожествлявшийся своими подданными или являвшийся верховным жрецом.

– Население африканских ранних государств, как правило, принадлежало к разным народам – «основному» и покроенным, т.е. африканские ранние государства были, выражаясь современным языком, империями в широком смысле слова.

– В африканские ранние государства гармонично вросли институты родового общества, большую роль играла родовая аристократия и родственные связи.

– В Тропической и Южной Африке образование государств опережало образование статусных групп, поэтому в ранних государствах границы между господами и подчиненными, как правило, были нечеткими, и простолюдин мог в любую минуту стать важным сановником, а вельможа – простолюдином. Это зависело исключительно от воли верховного правителя.

– В африканских ранних государствах помимо господ и простолюдинов были и рабы, но заняты они были в основном в непроизводственной сфере и занимали зачастую высокое положение в обществе.

– В ранних государствах Тропической и Южной Африки ремесло отделилось от сельского хозяйства, выделились и другие социальные группы – чиновники, военачальники, жрецы.

– Велось активное городское строительство, в поселениях городского типа возводились дворцовые и храмовые постройки.

ОЧАГИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТРОПИЧЕСКОЙ И ЮЖНОЙ АФРИКЕ В XVIII ВЕКЕ

В Западной Африке к началу XVIII в. на плато Фута-Джалон (территория современной Гвинеи) обосновалось значительное количество скотоводов – *фульбе*, постепенно обращавшихся в ислам. В 1727–1728 гг. фульбе начали джихад под предводительством Ибрахима Самбегу Барии. К середине XVIII в. на плато Фута-Джалон сложилось сильное исламское государство. Местные жители были ассимилированы фульбе. Государство фульбе испытывало сильную нужду в рабах и, охотясь за ними, совершало постоянные набеги на соседей. Для него был характерен относительно высокий уровень развития культуры. Здесь широко распространилась письменность, причем не только арабская, но и на языке фульбе. Правил страной верховный глава *альмами,* который избирался Советом, в свою очередь выбиравшимся фульбской знатью.

Один из важных очагов цивилизации Западной Африки в XVIII в. – города-государства *йоруба*. Генезис государственности начался у йоруба на рубеже X–XII вв., колыбелью их государственности и культуры считается г. Иле-Ифе на юго-западе современной Нигерии. В XVIII в. одним из заметных центров йоруба стал город Ойо.

Ойо был основан примерно в XIV в., а с XVII в. начался период его возвышения и экспансии, продолжавшийся два века. В результате Ойо превратился в одно из крупнейших военно-политических образований региона. Не в последнюю очередь это обеспечила йорубская конница, которой не было у соседей. Основой хозяйства Ойо было мотыжное земледелие. Там возделывались ямс, просо, кукуруза, хлопчатник, бананы и овощи. Развитию скотоводства мешала муха цеце, поэтому мясо в Ойо всегда стоило дорого. Зато широкое развитие получили ремесла – ткачество, гончарство, резьба по дереву.

Основа социальной организации Ойо – кровнородственная община *идиле,* состоявшая из домохозяйств *агболе.* Земельные угодья находились в общем пользовании идиле, состоявшей из свободных общинников. Имелись также титульные земли, принадлежавшие правителю государства. В Ойо он носил титул *алафин* (вообще у йоруба правитель назывался *оба*). При правителе существовал верховный совет семи, т.е. совет высшей знати, состоявший из семи человек. Во главе его стоял *башорун* – высший сановник государства. Основное содержание политической истории Ойо составляла борьба между алафином и башоруном за реальную власть. Высший слой общества в Ойо включал также многочисленных придворных и наместников алафина.

Доходы знати складывались из дани, собиравшейся раз в год, из дополнительных поборов с податного населения, а также военной добычи, плодов труда несвободных и общественных работ свободных общинников. В категорию несвободных входили кабальники и рабы. Но рабы в Ойо, как и повсеместно в Тропической Африке, использовались в основном не в сфере производства – среди них были сборщики налогов, телохранители и евнухи при дворе алафина.

С 1724 г. Ойо вело войну с соседней Дагомеей, которую и покорило в 1730 г. В результате Ойо значительно расширилось территориально и получило выход к Атлантическому океану. Однако в начале XIX в. Дагомея вновь отпала от Ойо, ослабленного междоусобными войнами и внутренней борьбой.

Государство Дагомея образовалось около 1625 г. Его этническую основу составил народ *аджо* группы *фон*. Возвышение Дагомеи произошло к началу XVIII в. Дальнейшему усилению государства способствовал захват работорговых портов Ардра (Аллада) и Вида на побережье Атлантического океана в 1724–1725 гг. Этот же факт, однако, способствовал и подчинению Дагомеи мощным соседом Ойо, нуждавшимся в выходе к океанскому побережью. С 1730 г. Дагомея становится данником Ойо, а сын ее правителя отправляется туда в качестве заложника. В 1748 г. договор между Дагомеей и Ойо закрепил установившиеся отношения зависимости. Тем не менее в период правления в Дагомее Тегбесу (1740–1774), проведшего много лет в Ойо в качестве принца-заложника, произошло укрепление царской власти. В 1797 г. правитель Анголо попытался освободиться от зависимости от Ойо с помощью португальцев и даже объявил в Дагомее государственной религией католичество. Взамен португальцы потребовали помощи в организации работорговли. Но Анголо не нашел поддержки у подданных, и его убили. После смерти Анголо началось новое возвышение Дагомеи, и в конце XVIII – начале XIX в. она отпала от Ойо.

С развитием трансатлантической работорговли в дельте реки Нигер возникло несколько политических образований, которые принято называть государствами-посредниками. Важнейшими из них были Ардра (Аллада) и Вида, этническую основу которых составлял народ *аджа.* Ардра и Вида соперничали между собой, пока Дагомея не захватила первую. Еще одним из таких образований было Бонни, этническую основу которого составлял народ *иджо.* В конце XVIII в. Бонни был одним из крупнейших поставщиков рабов в регионе, а в XIX в. постепенно превратился в крупнейшего поставщика пальмового масла.

Еще одним очагом цивилизации в регионе были города-государства *хауса* на севере современной Нигерии. Государственность зародилась у хауса еще около XIII в., а в XIV–XV вв. среди них распространился ислам. С распространением ислама росло военно-политическое сословие и духовенство. Хаусанские эмираты в средние века находились в сфере влияния Мали, а затем – Сонгайской державы. Именно оттуда, из Тимбукту, пришла арабская письменность, на основе которой хауса создали собственный алфавит – *аджами.*

После падения Сонгайской державы в 1591 г. центры транссахарской торговли и мусульманского богословия переместились в хаусанские эмираты. В XVII–XVIII вв. возвышаются Кацина и Кано, в XVIII в. – Замфара и Гобир на западе Страны хауса. Но в 1764 г. Гобир разгромил Замфару и стал наряду с Кациной главным из хаусанских городов-государств.

В центральной части современной Ганы живут *ашанти.* Это в основном земледельцы, так как развитию скотоводства в регионе препятствовала муха цеце. Традиционно ашанти разводили ямс, маниоку, бататы и другие культуры. Они славились также искусными кузнечными изделиями и резьбой по дереву.

Основой этносоциальной организации ашанти был *оман* – объединение семейно-родовых общин. Во главе омана стоял *оманхене.* Оманхене управлял своим оманом с помощью совета старейшин, в который входили он сам и его военачальники. Оманхене обладал и сакральной властью, считаясь посредником между живыми и умершими. У него была соправительница – *оманхема* и ряд придворных, выполнявших определенные функции при его особе. Например, один из них назывался «уста оманхене» и выполнял функции переводчика.

Оманы были самодостаточными структурами, однако к началу XVIII в. ашанти создали так называемую конфедерацию – объединение оманов. Произошло это в силу внешних обстоятельств – для борьбы с соседним государственным образованием Денчьирой, которая и была успешно разгромлена. Первый *асантехене* – Осей Туту – объединил под своей властью всех ашанти в 1701 г. и правил 30 лет. Последующие правители контролировали все большую территорию, и в конце XVIII в. власть асантехене распространялась почти на всю территорию современной Ганы.

В западной части Восточного Судана, на одноименном плато на территории современного государства Судан в XVI–XIX вв. существовал султанат Дарфур. Его этническую основу составлял народ *фор (конджара).* Основным языком Дарфура был язык конджара. К концу XVIII в. население султаната составляло около 3–4 млн человек, а армия насчитывала

до 200 тыс. чел., что очень много для этого времени и места. Власть султана была практически абсолютной. Он опирался на главный совет из высшей знати, малый тайный совет и на несколько особо важных сановников – таких, как главный арбитр по земельным делам, министр по делам рабов и крупного рогатого скота, министр иностранных дел, верховный главнокомандующий – «правая рука султана».

Султанат делился на провинции во главе с наместниками, в распоряжении которых имелись полицейские силы – отряды вооруженных рабов. Делопроизводство в государственном аппарате вершили представители мусульманского духовенства (*факих*); один-два таких чиновника были и в самом низшем звене административной системы – в деревне. Деревенские жители должны были платить в пользу султана натуральный налог (почти десятую часть своего дохода) – зерном, кожами, мясом и пр. Это же касалось и кочевников-арабов, живших на территории султаната.

Земли султаната делились на султанский домен, земли наследственной и служилой аристократии. На этих землях трудились как свободные крестьяне (система отработок), так и рабы. В султанате преобладало натуральное хозяйство, но существовал обмен и рынки. Роль денег выполняли оловянные и медные кольца, бруски соли, рабы. Султанат вел и внешнюю торговлю, вывозя рабов, верблюдов, слоновую кость, страусовые перья, гуммиарабик. Ввозились в султанат прежде всего огнестрельное оружие, металлы, ткани, бумага и др. Города стояли на караванных путях, столицей султаната был город Эль-Фашер.

В восточной части Восточного Судана в XVI – XIX вв. существовал султанат Сеннар. Его этническую основу составлял народ *фунг*. Фунги – одна из загадок региона. Некоторые специалисты полагают, что это потомки жителей древнего государства Мероэ (VII в. до н. э. – IV в. н.э.), испытавшие на себе влияние как негроидных нилотских народов, так и арабов.

Сеннар представлял собой объединение под властью фунгов целой цепи территорий вдоль Нила от третьего порога на севере до собственно Сеннара (Голубой Нил) на юге. Султанат жил орошаемым земледелием, его жители умело строили каналы, плотины и водяные мельницы. Они выращивали пшеницу, просо, кукурузу, бахчевые, перец и хлопчатник. Разводили скот – мясной, молочный и тягловый и были искусны в изготовлении особой хлопчатобумажной ткани.

Принципы государственного устройства Сеннара были основаны на законах шариата. Верховный правитель – наследственный султан, при нем совет знати из высших сановников, тайный совет четырех, главный судья (*кади*). Провинции различались собственно сеннарские и покоренных областей. Зависимые провинции платили больше податей, а собственно сеннарские – *фитру* (подушный налог), *зякат* (налог на скот и земли) и *ушр* 1/10 урожая. Верховным собственником всех земель считался султан.

В султанате было широко развито строительство, даже в деревнях имелись укрепленные замки, в городах же богатые кварталы состояли из глинобитных домов с плоской крышей. Столица султаната – город Сеннар – насчитывал к концу XVIII в. около 100 тыс. жителей.

В султанате широко применялся рабский труд – только на султанских землях трудились до 8 тыс. рабов. Сильна была и армия, насчитывавшая

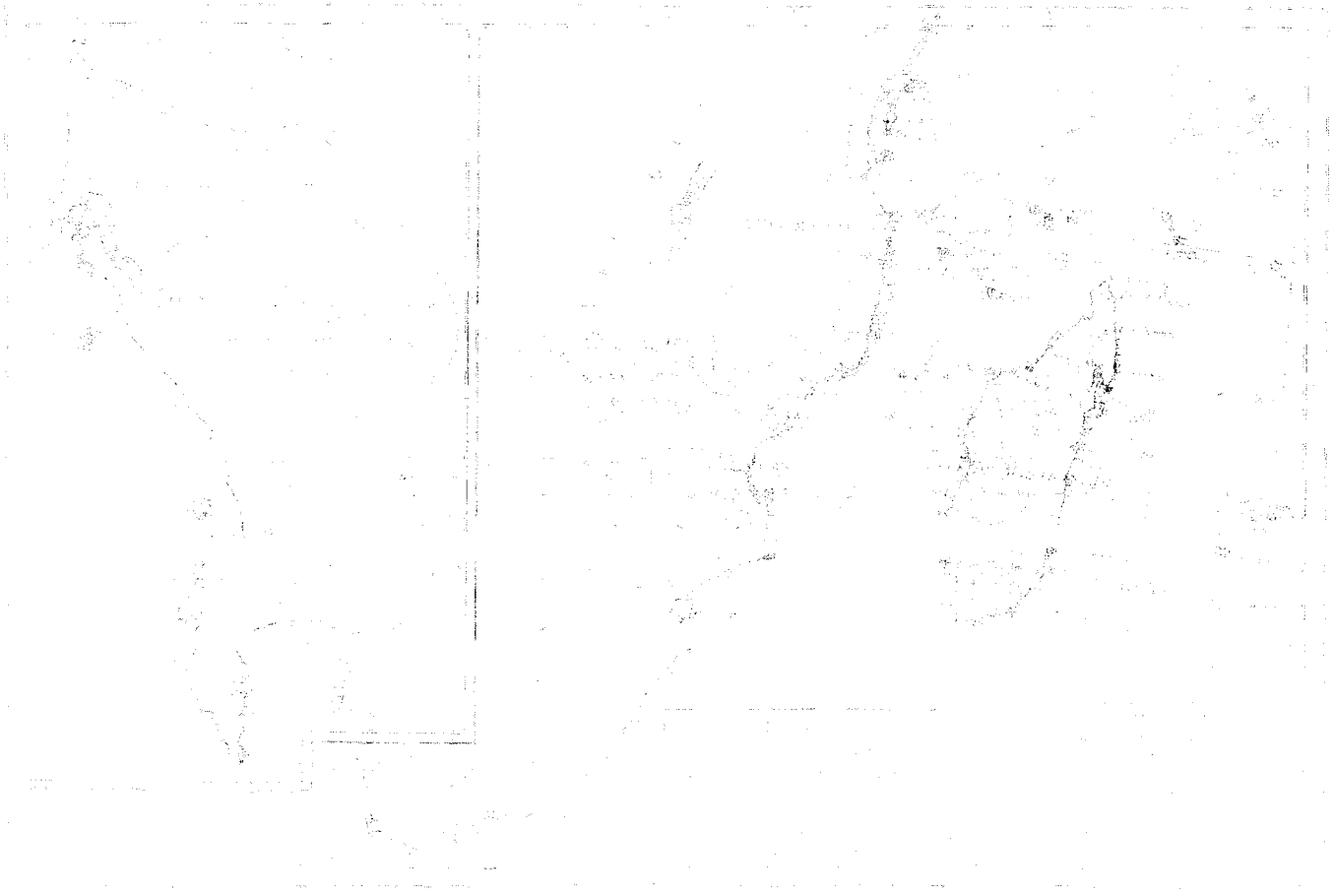
несколько десятков тысяч солдат. Сеннар являлся страной мусульманской учености. Государственным языком там был арабский. Велик был процент грамотных, обучавшихся в школах при мечетях. Было много ученых-богословов. От основания султаната до 1912 г. велись исторические хроники.

Эфиопия, наследница древнего государства Аксум, принявшего христианство еще в IV в., в XVIII в. оставалась раздробленной. Этому способствовало вторжение с красноморского побережья кочевников-*оромо,* часть которых приняла ислам. Событие это имело огромное значение в политической и этнической истории Эфиопии. Оромо сумели захватить плодородные области страны, в том числе и в ее центральной части. В результате территория христианской Эфиопии значительно сократилась. Ситуация осложнялась и отсутствием выхода к морю, поскольку с XVII в. все красноморское побережье находилось под властью Османской империи.

В течение почти всего последовавшего столетия внешний мир мало что знал об Эфиопии. Страна находилась в состоянии самоизоляции, и под страхом смерти европейцам было запрещено находиться в ее пределах. Основным содержанием внутриполитической жизни были постоянные междоусобные войны. Центробежные тенденции, усилившиеся к середине XVIII в., привели к эпохе, известной в эфиопской историографии под названием «времена князей». Власть императора была чисто номинальной, а страна превратилась в конгломерат фактически независимых областей-государств, важнейшими из которых были Тыграй, Шоа, Годжам, Гондэр, Амхара и Бэгэмдыр. Вместе с тем при ослаблении центральной власти шел процесс укрепления и развития отдельных частей Эфиопии, прежде всего Шоа. На протяжении нескольких десятилетий армия шоанских правителей завоевала обширные области к югу и юго-западу, значительно расширив пределы Шоа. Захваченные трофеи в виде рабов, слоновой кости и кофе шли на продажу в страны Аравийского полуострова, а выручка от продаж – на закупку огнестрельного оружия.

Восточноафриканское Межозерье – еще одна область политогенеза в Тропической Африке, образовавшаяся в результате взаимодействия земледельческих и скотоводческих народов. Контакты этих двух групп народов и породили Великую Китару, прародительницу крупнейших государств региона – Буньоро, Торо и Буганды.

К XVIII в. главенство в Межозерье захватила Буганда. Уже в то время страну покрывала сеть грунтовых дорог шириной до шести метров, по которым тянулись земледельцы и ремесленники, несшие дань правителю. Верховный наследственный правитель (*кабака*) считался если не божеством, то во всяком случае связующим звеном с духами своих предков, восходивших к легендарному основателю Буганды Кинту. Кабака в XVIII в. был абсолютным правителем Буганды. В XVIII в. происходило постепенное становление и укрепление служилой аристократии. Именно на нее, а не на родовую знать опирались, начиная с XVIII в., все кабаки, что одновременно укрепляло их собственную власть. Сыновья царствующего кабаки обладали равными правами на престол, кроме самого старшего сына, который носил титул *кивева* и был одним из главных наставников своих братьев. Неудивительно, что в Буганде часто возникали войны за престолонаследие, которые были большим бедствием для страны. Однако во второй половине XVIII в. им был положен конец: все «лишние» принцы, помимо единственного,



«Мозамбикский канал, остров Мадагаскар и Африканский берег от мыса Доброй Надежды до Мелинды [Малинди]». Карта Р. Бонна. 1780 г.

названного умирающим кабакой своим преемником, умерщвлялись еще в период междуцарствия. Ввел этот обычай 27-й кабака Семакокиро, вошедший в историю Буганды как радетель за укрепление государства.

Межозерье развивалось в относительной изоляции от внешнего мира. Торговцы, в том числе и работорговцы с побережья Индийского океана, попали сюда только во второй половине XVIII в. Они были представителями суахилийской цивилизации и несли с собой ислам.

Центральная Африка – один из самых трудных для жизни человека регионов. Здесь густые тропические леса уступают место саванновым плато, уступами поднимающимся от океана в глубь континента. На самом восточном из этих плато, Шаба, на рубеже I–II тысячелетий в ходе миграций консолидировались банту.

В глубине Экваториальной Африки последовательно достигали своего расцвета государства народов *бакуба, балуба* и *балунда*, принадлежащих к семейству банту.

Первое, называвшееся Бушонго, возникло к концу XVI в., а наивысшего расцвета достигло в середине XVIII в. Отличительными его чертами были, в частности, рабская гвардия и специализация судей по различным типам дел. Государство вело активную внешнюю торговлю с соседними районами Африки, но основой его процветания оставалось земледелие.

Расцвет государства Луба приходится на вторую половину XVIII – начало XIX в. В это время его границы с запада на восток простиралось на 600 км. При верховном правителе государства – *мулохве* – существовал совет знати и номинальная мать-соправительница. Наивысшего расцвета государство Лунда (балунда) достигло в XVIII – первой половине XIX в. Титул верховного правителя государства – *муата ямво.*

Экспансия муата ямво на восток привела к возникновению около 1750 г. государства Казембе, устроенного по образцу государства Лунда. К концу XVIII в. Казембе стало доминирующей силой в южной части нынешней Демократической Республики Конго и на территории современной Замбии. Государство вело торговлю с восточноафриканским океанским побережьем и в 1798–1799 гг. успешно отразило атаки военной экспедиции португальцев.

Эти государства внутренних районов Экваториальной Африки имели много общего. Они долгое время развивались практически в полной изоляции. В каждом из них существовал верховный наследственный правитель, определяемый по нормам материнского права. При правителе состояли совет знати и многочисленные придворные. Каждое государство имело несколько уровней административного управления. Резиденция правителя находилась в поселении городского типа, но местоположение столицы постоянно менялось. Денежным эквивалентом служили раковины *нзимбу,* более известные как каури. Самым стабильным по составу было государство бакуба, менее стабильным – балуба и еще менее – балунда.

Особую страницу доколониальной истории Африки представляет Мадагаскар. Этот гигантский остров населен в основном представителями не негроидной, а монголоидной расы, говорящими на языках малайско-полинезийской семьи. Археологические находки свидетельствуют, что народы, населяющие Мадагаскар, формировались в ходе многочисленных переселений и ассимиляции выходцев из Индонезии, Восточной Африки и стран Араб-

ского Востока. К началу XVI в. на острове насчитывалось около 18 этнических групп, отличавшихся друг от друга формой хозяйственной деятельности (*везу* – рыболовы, *мерина* – земледельцы-рисоводы, *сакалава* – скотоводы). В период XVI–XVII вв. на территории современного Мадагаскара возникло несколько раннеполитических образований: Имерина, Ариндрану, Исандра, Лалангина и др. Самое значительное из них – Имерина, его этническую основу составляли мерина. Государство это находилось на центральном высокогорном плато, на его территории был основан город Антананариву, первое упоминание о котором датировано 1726 г. В Имерине ширилось интенсивное ирригационное земледелие, развивались ремесла, особенно производство железа и кузнечное дело. Государство вело активную торговлю с другими районами острова и с побережьем.

До конца XVIII в. Имерина переживала период гражданских войн. Объединителем государства стал в конце XVIII в. Андрианампуйнимерина – правитель, которого иногда сравнивают с Петром I. Он говорил: «Мое рисовое поле будет простираться от моря до моря», и ему действительно удалось объединить под своей властью большую часть плато с помощью военных походов, дипломатии и династических браков. К этому времени в Имерине сложились три основных социальных слоя: *андриана* – знать, подразделявшаяся на шесть категорий, *хува* – рядовые общинники, в основном земледельцы-рисоводы, и *андеву* – патриархальные рабы.

В XVIII в. продолжались попытки европейских держав колонизовать Мадагаскар. На острове Сен-Мари у восточного побережья французские колонисты высадились еще в 1642 г. Заливы восточного побережья острова стали прибежищем пиратов. В 1750 г французы захватили остров Сен-Мари, а в 1774 г. высадились в бухте Антонжиль. Именно угроза иностранного господства ускорила процесс объединения в частности малагасийцев государства Имерина.

Капская колония ведет свое начало с 6 апреля 1652 г., когда на юге Африки появились первые европейские поселенцы. Это были в основном голландцы, а также немцы и представители некоторых других европейских народов. Возглавлял их служащий голландской Ост-Индской компании Ян ван Рибек. Они построили форт у подножья Столовой горы, и форт этот стал началом города Капстада (города у мыса), ныне носящего название Кейптаун.

В задачи колонии голландской Ост-Индской компании на юге Африки входило обеспечение кораблей компании свежими овощами, фруктами и мясом. В 1657 г. первые двенадцать европейских фермеров обосновались у восточных склонов Столовой горы. Число фермеров быстро росло за счет переселенцев из Нидерландов и немецких земель, а после 1685 г., когда в далекой Франции был отменен Нантский эдикт, разрешавший гугенотам свободу вероисповедания, – и за счет десятков гугенотских семейств из Франции. Уже в течение жизни одного поколения выходцы из Франции полностью слились с другими европейскими поселенцами.

Но для занятия фермерством нужны были обширные земельные угодья, и начался массовый сгон местного населения (*нама*) с земель. Войны сопровождали всю дальнейшую историю белых на юге Африки – это был основной способ территориального расширения Капской колонии. С ростом фермерского хозяйства выходцев из Европы возникла и еще одна проблема: нехват-

ка рабочих рук, и уже в 1654 г. Ост-Индская компания организовала доставку в Капскую колонию рабов с острова Мадагаскар. Ценились не только рабы-мужчины, но и рабыни. В колонии белых женщин не хватало, и поселенцы брали рабынь в наложницы, а поначалу даже в жены. Так на Капе возникла особая группа населения – так называемые цветные, результат смешения белых с небелыми. Как правило, они были христианами и говорили на языке белого населения – так называемом капско-голландском, позже получившим название африкаанс.

Но и сами буры (само слово *бур* на африкаанс означает «фермер»), как постепенно стали называть себя белые поселенцы на юге Африки, были новой этнической группой, возникшей там в результате смешения выходцев из Нидерландов, немецких земель, Франции. Их язык – капско-голландский – постепенно приобретал все новые отличия от классического голландского, в частности в нем появлялись слова из местных африканских языков. Именно в XVIII в. происходило складывание этого этноса.

Система управления Капской колонией, созданная еще ван Рибеком, оставалась почти неизменной на протяжении XVIII в. Во главе колонии стоял губернатор. Он председательствовал в Политическом совете (*политике раад)*, первоначально состоявшем из восьми богатейших торговцев и игравшем роль высшей инстанции в колонии. Во главе местного самоуправления провинций стояли *ланддросты,* возглавлявшие соответствующие советы. Постоянной армии не было, но фермеры обязаны были нести воинскую службу в случае военных действий. Они могли нанимать себе солдат – *кнехтов.* Живя в условиях постоянных войн с коренным населением этих краев, фермеры сами создавали по мере надобности военные отряды (*коммандос)* для грабительских набегов за скотом.

Официальной религией в Капской колонии был кальвинизм, «вывезенный» из Нидерландов первопоселенцами. В 1665 г. Реформатская церковь Нидерландов послала на Кап своего первого пастора, а год спустя был создан первый южноафриканский приход Реформатской церкви в Капстаде. К концу XVIII столетия в Капской колонии насчитывалось всего пять приходов. Приходские школы были единственными существовавшими там учебными заведениями, а пастор – наиболее образованным человеком в округе. Именно через пастора доходили до большинства буров сведения о том, что происходило в столице – Капстаде, да и во внешнем мире. Так, в работе, битвах и молитвах и проходила жизнь буров.

К концу голландского владычества на Капе, в 1798 г., в Капской колонии насчитывалось 21 746 европейцев, 52 753 черных раба. Две трети населения занимались земледелием (виноделием, выращиванием овощей и фруктов) при достаточно ограниченном сбыте, так как продать выращенное можно было только проходящим кораблям. Фермы достигали 1500–2000 га. Единственным ремеслом было производство фургонов.

В 1795 г. Капстад оккупировала Англия, а с 1806 г. колония окончательно вошла в сферу британского владычества, ее главный город стал называться Кейптауном.

История Южной Африки в XVIII в. отнюдь не исчерпывается бурами Капской колонии. Продвижение банту в глубь региона сопровождалось созданием вождеств. Такие вождества, в частности, создали народы *басуто*

и *педи*. *Коса* проникли дальше всех на юг, в XVIII в. они поглотили практически всех *койкой* и переживали период междоусобных войн. В конце века практических всех коса объединил в единое крупное вождество Нгкика.

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМА И ХРИСТИАНСТВА. ВСТРЕЧА КУЛЬТУР

Ислам начал проникать в Африку вскоре после своего возникновения. К XVIII в. он укоренился почти во всех регионах Тропической и Южной Африки.

В Восточной Африке он распространялся в основном на побережье Индийского океана, где еще в XII–XIV вв. бурного расцвета достигла суахилийская цивилизация, религиозной основой которой был ислам. Однако к XVIII в. в результате прихода и укоренения на побережье португальцев местные мусульмане оказались в подчиненном положении. Именно ислам зачастую служил им знаменем в многочисленных антипортугальских выступлениях.

В Западной Африке ислам появился еще в XI в. Из государств Западного Судана – Ганы, Мали и Сонгаи – его центр к XVIII в. переместился в халифат Борну – государство у озера Чад. К началу века там наблюдалось стремительное развитие династий исламских ученых: иногда улемами становились все члены большой семьи. Эти люди поначалу вели кочевой образ жизни, занимаясь торговлей, а в XVIII в. осели в сельской местности и основали собственные религиозные сообщества. В таких кланах состояли в среднем от 500 до 1000 человек, и там, где они оседали на постоянное место жительства, они учреждали школы и заключали браки с местными женщинами. Их ученики поселялись вместе с ними и участвовали в повседневной жизни своих учителей. Так молодые люди учились воплощению положений Корана в жизнь. Постепенно некоторые кланы мусульманских ученых перебрались в города и основали там исламские учебные заведения.

В Южной Африке ислам широко распространился еще в XVII в. Это происходило, в частности, и в результате колониальной политики Нидерландов, ссылавших исламских религиозных лидеров из своих владений в Азии на Кап. В XVIII в. ислам пустил глубокие корни в Капской колонии. В 1793 г. в Капстаде была открыта первая мечеть на юге Африки, а при ней – медресе, в котором могли учиться 500 детей.

Область самого давнего распространения христианства в Черной Африке – территория современной Эфиопии. Там христианство монофизитского толка было принято еще в IV в. при правителе Эзане. В XVIII столетии в Эфиопии, переживавшей период раздробленности, монофизитство продолжало оставаться государственной религией, здесь существовали монастыри, богатая духовная литература, в частности жития святых. Храмы и монастыри являлись крупными земельными собственниками.

Следующей областью распространения христианства на континенте было средневековое государство Конго, находившееся на территории современной Анголы. Первые португальские миссионеры прибыли туда еще в 1490 г.,

в 1518 г. в епископы был посвящен первый выходец из Конго, а в1597 г. Конго было выделено римским папой в отдельное епископство. Католичество оставалось государственной религией в стране, но в XVIII в. пришло в упадок вместе с упадком самого государства. Тем не менее в самом начале XVIII в. Конго потрясла так называемая антонианская ересь – религиозное движение, в котором нашли отражение и антимиссионерские настроения народа, и попытки объединить распадавшееся Конго. Во главе движения стала молодая женщина, Кимпа Вита, крещеная под именем Беатриче. Ее называют африканской Жанной д'Арк, ибо 1 июня 1706 г. она также закончила свою жизнь на костре.

Другие области распространения христианства в Черной Африке в XVIII в. связаны с деятельностью голландских протестантских миссионеров – в основном в Капской колонии и на Золотом Береге. В Капской колонии первым миссионером, прибывшим туда в 1737 г. со специальной миссией обращения в христианство готтентотов (нама), был священник голландской реформатской церкви Г. Шмидт. Его деятельность продолжавшаяся семь лет, особых результатов не дала. Более успешными оказались трое миссионеров из протестантской секты Моравских братьев, развернувшие свою деятельность на развалинах миссии Шмидта в 1792 г. В самом конце века, в 1797 г., в Капстаде начало действовать только что основанное Лондонское миссионерское общество.

Христианство не проникало так глубоко в массы африканцев, как ислам. Даже в Эфиопии оно оставалось все же верхушечной религией. Специалисты объясняют более глубокое распространение ислама в Африке несколькими факторами. Так, многие черты мусульманской религии близки традиционным африканским культам (например, многоженство, сравнительная простота богослужения, простота формального вступления в религиозное сообщество, простота религиозной иерархии и т.п.). Как христианство, так и ислам получили в Африке новые специфические черты, переняв многие из них у местных традиционных политеистических демонических культов. Для ислама и христианства в Африке в XVIII в. был характерен не только синкретизм, но и двоеверие, когда новообращенные продолжали совмещать веру в Аллаха с верой в собственных древних богов. В африканской религиозной традиции происходил сложный синтез ислама и христианства и местных культов. Очень многие африканские мусульмане и христиане не выполняли положенных религиозных ритуалов. Повсеместно наряду с исламом и христианством сохранялась вера в колдовство.

Живым олицетворением встречи европейских и африканских культур в XVIII в. можно считать Антона Вильгельма Амо (1707–1782), представителя народа *фанти,* живущего на юге современной Ганы. Ребенком он был вывезен в Европу, крещен и стал пажом при дворе герцога Брауншвейгского. Заметив его способности, его отправили учиться в университет города Галле на философский факультет. Свое обучение он продолжил в университете Виттенберга, где получил магистерскую, а затем и докторскую степень. Он преподавал 15 лет в университетах Галле и Йены, был членом нескольких европейских академий. Выступив еще в 1729 г. на диспуте в Галле с докладом «О правовом положении негров в Европе», Амо всю жизнь испытывал

насмешки окружающих и предпочел в конце концов в 1756 г. вернуться в Африку, где прожил еще 26 лет.

Еще один такой пример – это жизнь человека из народа *ибо* (юг Нигерии) – Олауде Эквиано. Проданный в рабство в 1756 г. в 11-летнем возрасте, он оказался на острове Барбадос. Затем судьба забросила его в Виргинию, потом вместе с хозяином он оказался на его родине в Англии. Молодой раб сопровождал хозяина, участвовавшего в Семилетней войне. В 1763 г. хозяин доверил ему должность своего помощника на плантациях в Вест-Индии. Там Олауде скопил деньги на выкуп, освободился и в 1767 г. вернулся в Англию. Обосновавшись здесь, он стал активным участником аболиционистского движения.

Самый известный для российского читателя пример такого рода – арап Петра Великого. Абрам Петрович (до крещения Ибрагим) Ганнибал родился в 1697 или 1698 г. (по другим сведениям – в 1688 г.). Долгое время местом его рождения считалась Эфиопия, ныне появились исследования, указывающие на другие части Африканского континента. Выдающийся деятель петровской и елизаветинской эпох, прадед Пушкина, он с детских лет находился при особе великого царя. Петр благоволил к нему, всюду возил с собой, сам учил его грамоте и разным наукам, а потом приставил к нему лучших учителей. В 1709 г. юный Абрам Петров (Ганнибалом он стал зваться позднее) участвовал в Полтавском сражении. В 1717 г. он приехал во Францию в свите царя, и тот оставил его там учиться. За шесть лет Ганнибал изучил военное искусство (участвовал в войне с Испанией), артиллерийское и инженерное дело, латынь и французский язык. По возвращении он был назначен смотрителем «Его Величества кабинета, в котором все чертежи, проекты и библиотека имелись», а также главным переводчиком иностранных книг при дворе; по приказанию царя стал обучать молодых офицеров инженерии и математическим наукам. Со смертью Петра началась долгая опала Ганнибала, которая закончилась лишь с воцарением Елизаветы Петровны: в память отца она щедро наградила его, пожаловала поместьями. С этого времени начинается новый расцвет его разнообразной деятельности, которая оставила заметный след. Образованнейший человек своего времени, он был строителем крепостей, руководил проведением Ладожского канала, был директором крепости Кронштадт, обер-комендантом Ревеля, выборгским губернатором, начальником российской артиллерии; дослужился до генерал-аншефа. Последние годы Абрам Петрович провел в имении Суйда под Петербургом, где и умер в 1781 г.

АФРИКА И ОСТАЛЬНОЙ МИР

Европейские путешественники

Исследователям из Европы на Африканском континенте предшествовали военные и торговцы. В XVIII в. европейцы, в основном англичане и французы, продолжали строительство фортов на Атлантическом побережье. Европейцы, как правило, не покидали прибрежной полосы, за двумя исключениями. Это были *помбейруш* – метисы португальцев с африканцами,

отправлявшиеся далеко во внутренние районы современной Анголы, и *буры* – потомки голландско-французско-немецких переселенцев на Кап, осваивавшие внутренние районы юга Африки.

До начала XVIII в. европейцы внутренними районами Африки практически не интересовались. Они пользовались картами, составленными на основе географии Птолемея и сведений арабских путешественников. Но в XVIII в. ситуация меняется, не в последнюю очередь благодаря идеям эпохи Просвещения.

Одним из самых известных исследователей Африки XVIII в. был шотландец Джеймс Брюс (1730–1794). В 1763 г. Брюс был назначен британским консулом в Алжир, где изучал восточные языки. В 1769–1774 гг. он путешествовал по Эфиопии, где в то время свирепствовала эпидемия оспы и где применением европейских способов лечения этой болезни он приобрел большое уважение как при дворе, так и в народе. Он пробыл в Эфиопии три года, открыл истоки Голубого Нила (озеро Тана). Брюс продолжал свое путешествие караванным путем через Сеннар и Нубию назад в Александрию, куда прибыл в мае 1773 г. Его пятитомный труд «Путешествия по Абиссинии», впервые изданный в 1790 г., познакомил Европу с этой африканской страной, давая подробные сведения о ее природе и людях и об одном из сильнейших эфиопских государств того времени, Гондэре.

Другой шотландец, Мунго Парк (1771–1806), внес, пожалуй, наибольший вклад в изучение Африки в XVIII в. Он был учеником врача, а затем изучал медицину в Эдинбурге. В качестве судового врача Парк отправился в Индонезию, в свободное время занимался научными изысканиями и по возвращении на родину сделал доклад в британском Линнеевском обществе, которое и порекомендовало его Африканской ассоциации. По ее заданию в мае 1795 г. Парк отбыл в Гамбию. Прибыв туда в июне 1795 г., он познакомился с народами мандинго, занимавшимися возделыванием риса и одновременно посредничеством в торговле рыбой, золотым песком, слоновой костью и воском. Парк обстоятельно описал одежду, занятия, жилища народов Гамбии – хижины, обмазанные глиной, домашнюю обстановку, которую составляют койки, несколько матрасов и приспособления для сидения, кухонную утварь.

Поднявшись вверх по течению реки Гамбии до английского торгового поселения Пизания, Парк вынужден был остаться там до декабря. В начале декабря он выступил на восток и повернул к верховьям Сенегала, на берегу которого расположился стоянкой 28 декабря. Оттуда он пошел дальше к северо-востоку. Парк быстро продвигался вперед, поскольку кроме двух сопровождавших, спутников у него не было. Когда он попал в район, где жили берберские племена, то сразу почувствовал их враждебное к себе отношение. Три месяца путешественник провел у них в плену. За время плена он обучился арабскому языку, а затем бежал – но не к побережью, а в глубь страны, в направлении реки Нигер. Он отправился вниз по течению этой реки и хотел добраться до Тимбукту или до Дженне, но заболел тропической малярией. В конце концов Парк прибыл в Бамако, а после множества приключений в июне 1797 г. добрался до Пизании. В декабре 1797 г. он возвратился на родину. Результаты его экспедиции свелись только к окончательному установлению того, что Нигер течет в восточном направлении и что между ним и

Сенегалом существует возвышенный водораздел. Куда именно несет свои воды Нигер, Парк разузнать не смог. С бóльшим энтузиазмом была воспринята весть о густонаселенных местностях, о прилежно ведущихся сельскохозяйственных работах и о железоплавильном промысле. Книга Мунго Парка «Путешествия во внутренние области Африки в 1795–1797 гг.» вышла в свет в Лондоне в 1799 г. и принесла молодому врачу мировую известность.

Позднее Мунго Парк отправился в новое путешествие по Африке с твердой решимостью проследить Нигер до его устья, но это случилось уже в следующем, XIX веке.

Торговые связи

В XVIII в. торговля привилегированных компаний с Африкой практически сменилась торговлей контрабандистов, т.е. частных лиц, имевших подчас только одно судно и торговавших на свой страх и риск. Эти торговцы должны были хорошо знать африканские условия. Деньги в Африке хождения не имели. В качестве всеобщего эквивалента иногда использовались раковины каури из Индийского океана. Основная доля сделок осуществлялась путем обмена. Единицами счета могли выступать брусок железа, «связки» из различных товаров в зависимости от местных условий и договоренности с конкретным торговым партнером-африканцем. Обмены могли совершаться и не напрямую: зачастую в торговле участвовали посредники, отправлявшиеся в глубь континента за товаром.

Европейцы ввозили в Африку прежде всего металлы – слитки железа или меди. Африканцы умели извлекать эти металлы из руды, но залежи железных руд имелись далеко не везде. Другим важным европейским товаром были ткани – грубое полотно, ситцы, платки, шелка, покрывала, а также старая европейская одежда. Спросом пользовались табак, ружья, порох и алкоголь.

Африканцы продавали прежде всего провизию для экипажей судов – просо, рис, ямс, рыбу, птицу, коз и овец, крупный рогатый скот, кукурузу и маниоку, апельсины и лимоны. Важным предметом африканского экспорта было золото. Только с Золотого Берега (нынешняя Гана) в начале XVIII в. его вывозили до 1700 кг ежегодно либо в слитках, либо, главным образом, в виде золотого песка. Важными статьями экспорта были также кожи, воск, пряности, красители, страусиные перья.

Однако одной из основных статей африканского экспорта в XVIII в. были рабы.

Работорговля

Работорговля в Африке существовала и до прихода европейцев, но после Великих географических открытий она приняла гигантские масштабы. Наиболее известна так называемая трансатлантическая работорговля, составившая важную и неотъемлемую часть истории Африки, Европы и обеих Америк. Она продолжалась более четырех столетий и стоила Африке, по разным подсчетам, потери от пятидесяти до ста миллионов человек. Историю трансатлантической работорговли принято делить на три

периода: середина XV в. – середина XVII в.; середина XVII в. – 1807/08 г.; 1807/08 г. – 1890 г.

На XVIII в. падает второй период трансатлантической работорговли, на который пришелся ее наивысший подъем. Это период так называемой «свободной», т.е. ничем не ограниченной, работорговли, когда за невольниками посылали в Африку свои корабли и крупные компании, и отдельные купцы.

В период расцвета работорговли африканских рабов выменивали за огнестрельное оружие, алкоголь, металлы, ткани и безделушки – те товары, которые пользовались спросом на Черном континенте. Работорговля имела самые пагубные последствия для народов Африки. Прежде всего континент лишился огромного количества людей, которых вывезли за его пределы. Многие из этих африканцев, по некоторым подсчетам до одной четверти, Нового Света так и не увидели – ведь их перевозили на кораблях в нечеловеческих условиях. Кроме того, работорговля оказала существенное негативное влияние на само развитие африканских народов. Считается, что в целом в результате работорговли оно было замедлено, с ней в значительной мере был связан и распад некоторых крупных африканских государств Атлантического побережья, как например, государства Бенин.

С другой стороны, в результате европейской работорговли в Африке в корне изменилось отношение к рабам и рабству. Прежде в Африке рабство в основном носило патриархальный характер. Это означает, что рабы использовались в основном в качестве домашних слуг, и их положение не слишком отличалось от положения свободных общинников. Кое-где рабы, наоборот, занимали даже привилегированное положение, в ряде западноафриканских государств из них формировалась королевская гвардия. Очевидцы отмечали отсутствие большой социальной разницы между рабом (которого его покровитель называет сыном) и детьми человека, у которого живет раб. Такие люди заключали между собой браки и часто становились во главе государства.

Рабами в африканских обществах становились плененные воины-чужаки или провинившиеся соплеменники. Они не играли большой роли в хозяйственной жизни общества. С развитием работорговли именно в XVIII в. рабы стали одним из источников накопления богатств. В результате возникли целые государства-паразиты, где люди ничего не выращивали, не разводили скот, но существовали за счет торговли живым товаром. Крупнейшими из таких государств-посредников, как их называли, в Западной Африке были Ардра (Аллада), Вида и др. Они росли и процветали за счет не только продажи людей в рабство, но и многочисленных сборов с европейских работорговцев.

Работорговля в Африке, однако, не ограничивалась ее Атлантическим побережьем и развивалась также на побережье Индийского океана. Одним из ее важных центров был остров Мозамбик, давший название целому государству, у побережья которого он находится. Отсюда рабов переправляли в Бразилию, а впоследствии и во французские владения в Индийском океане – острова Реюньон и Маврикий. Работорговлей здесь занимались не только европейцы: важную роль в ней играли арабы, вывозившие африканцев в страны Ближнего Востока. Они вывозили из Африки не только и не столько рабочую силу, сколько будущих служителей гаремов. Печальную известность обрел город Асьют на территории современного Египта – там здоровых мужчин-африканцев превращали в евнухов.

К началу XVIII в. сведения в России об Африке были весьма скудны. В основном они базировались на переводных «Космографиях» XVII столетия. Несколько туманно составленных фраз об Африке было в «Космографии» голландского географа и картографа XVI в. Герарда Меркатора. В России она ходила в рукописных списках под разными названиями. Одно из типичных: «Книга, глаголемая Космография, сиречь описание всего света земель и государств великих». В просторечии: «Космография 1670 года» или «Космография в "6 глав"» (хотя в разных списках – разное число глав). Она была рукописным учебником в Славяно-греко-латинской академии. Ее читали еще при Петре I.

В его царствование произошло значительное расширение общего географического кругозора россиян, в том числе и знаний об Африке. В печатных изданиях описание Африки началось с петровских «Географий». Несколько стран было упомянуто в книге «География, или Краткое Земного круга описание. Напечатано повелением Царского Величества в типографии московской Лета Господня 1710-го в месяце марте». Об Африке в этой книге говорилось: «Земли и страны, обретающиеся в части сей сии суть: Варвариа, Египет, Биледун, Герид, Сарадуни, Ефиопиа, Абиссини и Мономотата».

Более подробно об Африке рассказывалось в другой «Географии», переведенной с немецкого: «Земноводного круга краткое описание. Из старыя и новыя географии. По вопросам и ответам чрез Ягана Гибнера собранное и на немецком диалекте в Лейпцике напечатано. А ныне повелением Великого Государя Царя и Великого Князя Петра Первого Всероссийского императора, при наследственном благороднейшем Государе Царевиче Петре Петровиче на российском напечатано в Москве. Лета Господня 1719, в апреле месяце». Это первое подробное печатное описание Африки на русском языке начиналось так: «Понеже Африка под самою полуденною линиею лежит, того ради она безмерно жарка, так что во многих местах обретаются пустыни или степи на сто миль и больше, где ради песка и скудности воды невозможно жить. А где такие пустыни обретаются, тамо живут дикие звери, яко слоны, львы, тигры, рыси, барсы, змии, драконы, то есть змиеве великие и долгие, обезьяны, струсы [sic!] и сим подобная во множестве при реках находятся, так что никто может безопасно проехать».

В 1753 г. архивариус Санкт-Петербургской Академии наук Иван Иванович Стафенгаген (1728–1784) опубликовал объемистый компилятивный труд «Краткое руководство к древней географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель». Эту книгу ему «сочинить изволил приказать ясновельможный гетман и Академии наук господин президент его сиятельство граф Кирила Григорьевич Разумовский». В труде Стафенгагена об Африке в целом говорилось: «Ежели вообще о всей Африке рассуждать, то она таких как Европа и Азия не имеет преимуществ. Хотя оные золотом, серебром, драгоценными камнями или другими дорогими вещами ее и не превосходят, однако она такие имеет неспособности, что жители по большей части сокровищ своих употреблять не могут, как то чинится в других землях». А животный мир Черного континента описывался следующим образом: «Вся Африка наполнена слонами, львами, барсами, верблюдами, обезьянами, змиями, драконами, страусами, казуриями и многими другими лютыми и редкими зверьями, которые не токмо проезжим, но и жителям самим наскучили».

Однако в XVIII в. россияне смогли пополнить свои знания об Африке не только из печатных изданий, но и из личного опыта. Первая попытка россиян увидеть Африку своими глазами была предпринята еще в конце царствования Петра I. Со свойственной ему масштабностью Петр хотел отправить вокруг Африки целую эскадру, но этим планам не суждено было сбыться. Узнав о том, что пираты, обосновавшиеся на острове Мадагаскар, перед лицом возможного разгрома ищут покровительства у европейских государей, в частности у шведского короля, Петр решил предложить им свое покровительство и таким образом получить стратегически важный опорный пункт в Южных морях.

Немало сведений о Южной Африке Петр получил от бургомистра Амстердама Н. Витсена. Витсен сопровождал его в поездках в Гаагу и Утрехт, участвовал в приеме послов, рекомендовал преподавателей морского дела. Витсен был не только бургомистром Амстердама, но и одним из директоров голландской Ост-Индской компании, которой принадлежала тогда и Капская колония на юге Африки и Голландская Индия. Путешествуя с Витсеном и бывая в его доме, Петр, вероятно, слушал его рассказы об этих странах

Морскому делу Петр и его спутники обучались на верфях Ост-Индской компании. О пути вокруг Африки они могли узнать от голландских моряков и тогда, и позднее, когда Петр пригласил многих из этих мореходов на русскую службу.

В обстановке строгой секретности в 1723 г. была снаряжена эскадра в составе двух фрегатов под командованием вице-адмирала Д. Вильстера. 21 декабря эскадра вышла в море, но, потрепанная бурями, была вынуждена вернуться домой. Командир экспедиции имел письмо Петра к «королю мадагаскарскому» – главарю одной из групп пиратов Каспару Вильгельму Моргану. В этом письме, в частности, говорилось: «ежели вышеупомянутый Король Мадагаскарский склонность имеет у какой державы протекцию искать, то мы от сердца желаем, дабы мы то счастие имели оного в нашу протекцию принять и яко высокомудрая особа может он сам рассудить, где по нынешнему состоянию в Европе оную проекцию получить может лучше. ⟨…⟩ Мы с охотой позволим жить, где во владениях наших пожелает, и обещаем накрепко, ⟨…⟩ что мы от всех его неприятелей его, короля, и людей его, которые в наше государство прибудут, защищать будем, несмотря ни на что, что б от того произойти могло». Петр не знал, что к тому времени пиратские гнезда на Мадагаскаре были уже разгромлены. Его проект был первой, но не единственной попыткой послать русские корабли вокруг Африки.

Вторая попытка была предпринята в 1787 г., в царствование Екатерины II. К тому времени для окрепшего русского флота практическая значимость освоения этого пути стала более насущной. Не исключено, что немалую роль здесь сыграл и пример Петра, которому Екатерина во многом стремилась подражать. В экспедицию было назначено пять кораблей, они должны были сделать остановку на мысе Доброй Надежды и даже взять там образцы домашних животных и семян культурных растений для последующего разведения их на русском Дальнем Востоке. Однако и этим планам не суждено было осуществиться из-за вспыхнувших одна за другой войн России с Турцией в 1787 г. и Швецией в1788 г.

Первое осуществившееся путешествие россиян в Африку связано с бунтом ссыльных на Камчатке в Большерецком остроге в ночь на 27 апреля 1771 г. Во главе него стоял ссыльный польский военнопленный – полковник Барской конфедерации Мориц Бениовский. Он и еще около сотни узников захватили бот «Святой Петр» и вышли на нем в плавание. Постепенно они обогнули Африку и через Францию вернулись в Россию, чтобы вновь оказаться в сибирской ссылке. Россияне побывали на Мадагаскаре, стояли у мыса Доброй Надежды. О Бениовском и его товарищах написаны книги и даже романы.

И до, и после бунта Бениовского россияне бывали в Африке в составе иноземных экспедиций. Так, в 1762 г. несколько россиян по пути в Ост-Индию побывали на мысе Доброй Надежды. В последнее десятилетие XVIII столетия русские морские офицеры проходили стажировку в английском флоте, плавали в Индию и при этом заходили в африканские гавани, прежде всего в Капстад. В самом конце века в 1798 г. на Мысе десять месяцев провел русский музыкант и театральный деятель Г.С. Лебедев. Там же некоторое время с 1797 по 1799 гг. жил будущий командир кругосветного плавания Ю.Ф. Лисянский.

Таким образом, в XVIII в. круг знаний россиян об Африке постоянно расширялся. В это столетие в России был издан 31 учебник по географии, причем три четверти из них – во второй половине века. Сведения об Африке стали появляться и в русской периодической печати. Издавались и описания путешествий, одним из первых – перевод книги адмирала лорда Дж. Ансона о его кругосветном путешествии в 1741–1744 гг., вышедший в 1751 г. В конце века, в 1793 г., вышел перевод книги французского натуралиста Франсуа Ле Вайяна (1753–1824) о его путешествиях по Южной Африке. Это была первая в России книга не только о Южной, но и вообще о Черной Африке. Называлась она в русском переводе «Путешествие г. Вальяна во внутренность Африки чрез мыс Доброй Надежды в 1780,1781, 1782, 1783, 1784 и 1785 годах».

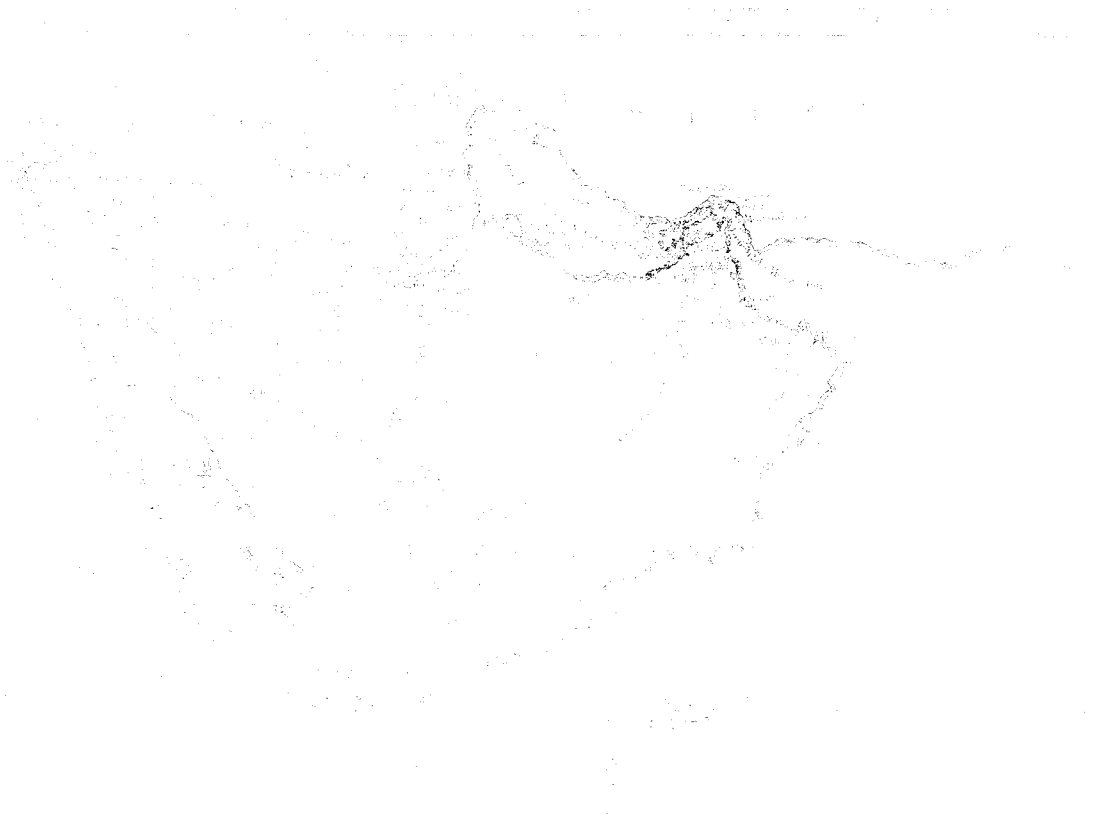
ВОСТОК

АРАБСКИЙ МИР

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В историю Ближнего Востока и Северной Африки XVIII столетие вошло как эпоха бурных и динамичных политических процессов. Их сущность состояла в разнообразных и неоднократных попытках лидеров арабских провинций Османской империи противопоставить себя центральной власти и достичь самостоятельности. Именно с этими проявлениями самовластия арабских правителей авторы источников XVIII в. и ученые-востоковеды последующих поколений связывали хозяйственное запустение, ухудшение материальных условий жизни населения, все нараставшую политическую дезинтеграцию Богохранимого государства, да и утрату политического равновесия внутри самих арабских провинций. К тому же провинциальные и общеимперские факторы дестабилизации на закате XVIII в. получили подкрепление извне – на рубеже XVIII–XIX вв. заметно усилились притязания европейских держав на особое положение в ближневосточном регионе, а «восточный вопрос» оказался в фокусе европейской политики. Тем самым арабские владения Стамбула все глубже вовлекались в создававшуюся Западом мировую экономическую систему. Наконец, к этому же времени (1798–1801) относится решительная попытка военного захвата арабских территорий европейцами – Восточная экспедиция Наполеона Бонапарта. Отдельные авторы пытались усмотреть в этой «анархии» и «своеволии пашей», а также в «пришествии Европы» полное бессилие Порты, торжество центробежных тенденций и фактический распад империи. Неудивительно, что в отечественных и зарубежных исследованиях, посвященных Ближнему Востоку XVIII в., широко распространилось представление о нем как о «темном», провальном времени – предвестнике превращения ближневосточных и североафриканских земель в периферийный элемент мировой капиталистической системы и их вхождения в состав колониальных империй Великобритании и Франции.

Подобные прямолинейные и категоричные оценки арабо-османской действительности XVIII столетия преобладали на страницах научных востоковедных трудов еще два десятилетия назад. Они неизбежно вызывали представление о некоем запрограммированном тупике, исторически обусловленной безысходности и неизбежности быстрого и неконтролируемого распада Османского государства. Любопытно, что этот подход разделяли и современники: так, вступая на престол, османский султан Селим III (1789–1808) в своем послании (*рисале*) в духе Апокалипсиса отметил, что «империя гибнет; еще немного и ничто не сможет ее спасти». Однако Османской империи



«Аравия, Персидский залив, Красное море, Египет, Нубия и Абиссиния». Карта Р. Бонна. 1780 г.

было суждено просуществовать еще более 100 лет после его свержения. Да и введение в круг научных интересов арабистов и османистов новых свидетельств этой неоднозначной эпохи все явственнее ставит перед ними новые вопросы. Насколько широко распространились в арабских провинциях империи деструктивные процессы? Сопровождались ли политические кризисы этого столетия социально-экономическим и культурным застоем? Можно ли говорить об упадке арабо-османского мира, и если да, то насколько глубок был этот упадок и как долго он длился? Действительно ли он охватил все многообразные компоненты имперского организма? Какую роль в развитии арабских провинций Османской империи сыграл внешний фактор?

Отвечая на эти вопросы, необходимо прежде всего представить себе общие векторы развития Османского государства. В первой половине XVIII в. правящей элите империи пришлось признать непреодолимый характер центробежных тенденций в ее политической жизни. Не располагая возможностью прямо подавить сепаратизм и своеволие наместников (*пашей*), Стамбул начал все шире прибегать, как в балканских, так и в арабских провинциях, к принципу «балансирования сил». Он заключался в постепенном ослаблении пашей за счет противопоставления им наиболее влиятельных *аянов* – представителей местных мусульманских общин. Еще в эпоху руководства делами империи везирским родом Кепрюлю (1656–1683) центральный аппарат власти Османской империи – Порта, которую европейские дипломаты часто называли османским правительством, начал выдвигать в противовес пашам «людей шариата» (тур. *ехл-и шер*, араб. *ахль аш-шари'а*), главным образом местных судей-кадиев, которые, в свою очередь, искали поддержки у богатых и влиятельных провинциальных землевладельцев, местных мусульманских духовных лиц (*улама*) и торгово-ремесленной верхушки городов. Однако наиболее благоприятные условия для укрепления авторитета аянов сложились в XVIII столетии, когда в Османской державе широко распространились откупа (*ильтизамы*), а также пожизненные права сбора налогов с государственных имений (*маликяне*). Формально государство делегировало держателю ильтизама (*мультазиму*) права публичной власти для управления податным населением на подотчетной ему территории. При этом землевладельцы выполняли судебные функции (основываясь на нормах обычного права, равно как и шариата), организовывали общественные работы, могли регламентировать производственно-хозяйственную и торговую деятельность. Как правило, их властные претензии подкреплялись собственными вооруженными дружинами. Политический эффект от легального обретения крупных массивов недвижимости уже в 20–30-х годах XVIII в. выразился в появлении на политической сцене целого ряда крупных и средних аянских «династий».

Однако уже к середине XVIII столетия надежды Стамбула на перманентное противопоставление местных элит и военно-бюрократической знати не оправдали себя. Политического равновесия на уровне провинций (*эйалетов*) достигнуть так и не удалось: используя аянов как противников произвола пашей, Порта была вынуждена позволить им участвовать в принятии мер по обеспечению общественного порядка, в регулировании финансово-административного управления, сборе налогов, рекрутировании войск, в кадровых вопросах провинциального управления и т.д. В конечном счете аяны в

большинстве османских провинций оформились в особую социальную категорию – часть господствующей верхушки, сочетавшей обладание значительным богатством с укорененной и освященной традицией системой местных связей и публично-правовых функций. Все эти прерогативы, подкрепленные государственной поддержкой, позволили аянам все решительнее проникать на высшие посты в провинциальной администрации. Однако на этих постах они выступали в качестве глашатаев местных, а не общеимперских интересов.

Во второй половине XVIII – начале XIX столетия аянские кланы уже отчетливо заявили о себе как о вождях на провинциальной арене центробежных, а не центростремительных сил. Формируя из наемников собственные боевые дружины, вооруженные не хуже, а порой и лучше имперских войск, они действовали в своих провинциях как подлинные удельные князьки, все меньше считаясь с требованиями и интересами Стамбула. Своеволие аянов, сопряженное с самовольством пашей, поставило под угрозу принципы османской административной системы, которая предусматривала независимость провинций друг от друга и одновременно непосредственное подчинение каждой из них центральной власти. При этом в XVI–XVII вв. Порта повсеместно пользовалась правом укрупнять или упразднять те или иные эйалеты и даже по необходимости использовать местные войска одних эйалетов против других. С середины XVIII столетия эта система начала давать сбои – под контролем крупных аянских родов началась политическая консолидация исторически сложившихся регионов, что объективно ослабляло централизацию управления империей.

Взлет аянских карьер в административной системе османских провинций окрасил собой и картину османского присутствия в арабском регионе. Здесь, как и в европейских или малоазийских регионах империи, идея использования аянства как гарантии незыблемости авторитета Порты быстро проявила свою малую эффективность. Начиная с 20–30-х годов XVIII в. большинство территорий на Ближнем Востоке и в Северной Африке превращались в полусамостоятельные политические образования. Их границы, часто совпадавшие с османским административно-территориальным делением, отражали издавна сложившиеся исторические связи между различными субрегионами арабского мира. Наиболее крупными и значимыми среди этих региональных образований были мамлюкский эмират в Египте, дейский Алжир и другие «регентства» Северной Африки, мекканское владение шерифов-Хашимитов в Хиджазе, мамлюкское государство Хасанидов в Среднем и Нижнем Ираке и владения Джалилидов в Мосуле, а также территории, подвластные роду аль-'Азмов в Сирии. Наряду с ними в горах Курдистана и Ливана, в пустынях Неджда вполне обособленно существовали вотчины местных землевладельческих кланов (одна из них – Дирʼийя – стала фундаментом для политического взлета рода Аль Сауд в союзе с ваххабитским движением, выступавшим за очищение исламского вероучения от «греховных нововведений» (*бидʻа*) и неподчинение Аравии османской власти). Наконец, в Южной Аравии наряду с имаматами зейдитов в Йемене и хариджитов в Омане действовали самодостаточные (как их нередко именуют, потестарные) этнополитические образования – аравийские султанаты Аден в Южном Йемене, аль-Касири и аль-Куайти в Хадрамауте, а на востоке Аравийского полуострова – города-

государства наподобие шейхства Кувейт. Все эти владения на родоплеменной периферии более развитых арабских обществ были крайне недолговечными. Во многом их эфемерный характер был обусловлен тем, что в их организации наследственная власть знати еще не была замещена государственным аппаратом. Распадаясь и возникая снова в других границах, в зависимости от переменчивых альянсов племенных верхушек, мелкие шейхства и эмираты Аравии не были способны сыграть сколько-нибудь значимую роль на ближневосточной арене XVIII столетия.

ИРАК ПРИ ХАСАНИДАХ И ДЖАЛАЛИДАХ

Одним из наиболее явных примеров могущества региональных элит на Ближнем Востоке служит правление Хасанидов и Джалалидов в Ираке. Эта восточная группа провинций империи (эйалеты Басра, Багдад, Мардин, Мосул, Шахризор) веками воспринималась в Стамбуле как неспокойный пограничный регион. Ирак всегда находился под угрозой вторжения со стороны Ирана, тем более, что доступ в Ирак был крайне значим для шиитов: на его территории находились важнейшие шиитские святые места, привлекавшие тысячи паломников, – Неджеф и Кербела. Существенной для развития политического противостояния местных верхушек со Стамбулом была также крайняя этническая неоднородность населения Ирака: здесь соседствовали и нередко соперничали арабы, курды, персы, турки, ассирийцы, евреи, армяне. Не менее пестрой была и конфессиональная карта османского Ирака. Хотя большинство населения составляли мусульмане (сунниты и шииты), довольно многочисленны были также христиане, иудеи, йезиды и сабии.

В сложных условиях раннего XVIII в., особенно после территориальных и финансовых потерь по итогам войны 1683–1699 гг. со «священной лигой» Австрии, Польши, Венеции и России, Стамбулу пришлось принять всерьез угрозу иранского вторжения в османские пределы. Поэтому султанское правительство было готово смириться со все возраставшей в Ираке консолидацией местных эйалетов в обмен на действенную оборону границы со стороны местных пашей. После того как в 1704 г. наместником в Багдаде был назначен опытный администратор, бывший пашой в Конье, Халебе, Урфе и Диярбакыре, Эйюб Хасан-паша – по одной версии, арнаут (албанец), а по другой – грузин, – привычная практика назначения и смещения пашей в Ираке прекратилась. Вместо нее установилась система фактической «семейной унии» между ставленниками и преемниками Хасан-паши, правившего в Багдаде до самой своей кончины в 1724 г. Тем временем его родственники добились прав на эйалеты Басра, Мардин и Шахризор, объединив, таким образом, все земли Ирака, кроме эйалета Мосул и курдских княжеств на севере.

Эйюб Хасан-паша вместе со своим сыном и преемником Ахмед-пашой (правил в 1724–1734 и 1736–1747 гг.) положили начало иракской мамлюкской гвардии (тур. *кюлемены*). Стремясь создать противовес военному преобладанию янычарского войска, они основали военную школу, в которой обучались и воспитывались пленные мальчики, привозимые из Закавказья, главным образом из Грузии. В их среде грузинский язык сохранялся как разговорный до 30-х годов XIX столетия; не прерывались и родственные связи

иракских кюлеменов с их исторической родиной. Первоначально закавказские мамлюки составляли личную гвардию правителей Багдада, но уже в 10-х годах XVIII столетия мамлюкские эмиры назначались Хасаном-пашой на ведущие посты в армии и государстве. В частности, из их среды обычно происходил своего рода «майордом» паши и управляющий делами эйалета (*кяхья*), канцлер (*диван эфендиси*), начальник финансового ведомства (*дефтердар*), казначей (*хазнадар*). Так военные приобрели опыт в делах правления и влились в ряды административного аппарата, что еще больше укрепило самовластие мамлюков в Ираке.

Важнейшей проблемой для Хасан-паши и его преемников была защита срединных османских земель от иранских вторжений. С развалом державы Сефевидов багдадские правители устремились в Иран для раздела сефевидского наследства. Как только русские войска заняли прикаспийские провинции Ирана, а османские силы – Грузию, Ширван и Тебриз, иракские контингенты оккупировали западную часть Ирана с городами Керманшах и Хамадан. Однако вторжение афганских племен в Иран и создание державы Надир-шаха вынудили иракских пашей оставить свои новые территории к 1730 г. Далее ирано-иракские столкновения приобрели затяжной характер; в 1733 г. Багдад даже пережил осаду Надир-шаха, которую удалось снять только при помощи османских войск, выдвинувшихся на помощь Ахмед-паше из Анатолии. Только убийство Надир-шаха в 1747 г. покончило с постоянной угрозой Ираку со стороны восточного соседа.

Другой проблемой правления мамлюков в Ираке были постоянные попытки османской метрополии свести на нет их могущество и положить предел срокам их правления. Редко согласуя свои действия с центральным правительством в Стамбуле, вожди кюлеменов и сами давали повод к вмешательству Порты в иракские дела. Так, в 1734 г. Ахмед-паша был отстранен от управления Ираком и направлен в Халеб, а в Багдад и Басру были назначены два разных паши. Однако через два года иранцы вторглись в Междуречье, и Порта сочла за благо немедленно вернуть Ахмед-пашу в Багдад и вновь вручить ему правление Багдадом и Басрой. Еще одна безуспешная попытка Стамбула обуздать самоволие мамлюков относилась к 1747–1748 гг. После кончины Ахмед-паши ставленники Порты трижды пытались поставить Багдад и Басру под свой контроль при поддержке янычар. Однако мамлюкские дружины с помощью городских ополчений Багдада и Басры сорвали кампанию по восстановлению старых порядков.

В конечном счете за отсутствием сыновей у покойного Ахмед-паши в Среднем и Нижнем Ираке укрепились мамлюки его дома. Первым из них был Сулейман-паша Абу Лейла – кяхья и зять Ахмед-паши, ранее представлявший его власть в Басре. За время его правления в Багдаде (1749–1761) ему удалось наладить с помощью подношений и интриг хорошие отношения со Стамбулом, особенно после 1755 г., когда его покровитель Рагиб-паша стал великим везиром султана Мустафы III (1757–1774). При помощи массовых репрессий он напомнил бедуинским племенам (прежде всего крупному южноиракскому племени мунтафик) об их обязательствах перед Багдадом, данных еще Эйюбу Хасан-паше и его сыну. На севере Сулейман унял буйные налеты курдов. Сходную политику проводили и его преемники – Омар-паша (1764–1775) и Сулейман-паша аль-Кабир, или Буюк Сулейман (1780–1802).

Оба они также были мамлюками Ахмед-паши и женились на его дочерях. При них внутреннее положение Ирака стало довольно устойчивым. Исключение составили отдельные попытки зендских правителей Ирана вмешаться в иракские дела (60–70-е годы XVIII в.) и вторжение аравийских ваххабитов в Западный Ирак, ознаменовавшееся массовой резней шиитов в Кербеле (1801). Но, несмотря на эти потрясения, Багдад был расчищен от руин, строились крепости и арсеналы, реставрировались мечети, медресе, базары и караван-сараи, наводились новые мосты через Тигр и Евфрат, предпринимались масштабные восстановительные и ирригационные работы. Мамлюки поощряли торговлю по Тигру и Евфрату, в конце XVIII в. вступили в союз с Британской Ост-Индской компанией и сделали Багдад крупным центром распределения потоков южноазиатских товаров на пути из Басры к Халебу, Дамаску и Мосулу.

Во второй половине XVIII столетия объединенный мамлюками-Хасанидами Ирак уже обладал хорошо налаженным административным аппаратом и боеспособным войском. О силе сподвижников Хасан-паши говорит и то, что Багдад, Басра, Мардин и Шахризор формально входили в состав Османской империи, но пользовались большой степенью автономии. Все должностные назначения в Ираке санкционировались багдадским правителем, налоги с объединенных эйалетов шли не в стамбульскую казну, а поступали в распоряжение казначейства в Багдаде, откуда часть денег перечислялась в Стамбул, а остальными паша распоряжался по своему усмотрению. К тому же за весь XVIII в. султанскому правительству ни разу не удалось на долгое время назначить на пост багдадского паши своих ставленников. Как писал в середине XVIII в. относительно Ирака переводчик российского посольства в Стамбуле Буйдий, «Порта Оттоманская, отчаявшись [иметь] владения в тех краях, не упоминает ни о Вавилоне, ни о Басре, ниже о Керкюте». Такое положение дел просуществовало до 1831 г., когда Стамбул, воспользовавшись эпидемией чумы в Ираке, силой восстановил свое прямое управление этой арабской территорией.

Подлинной столицей Ирака оставался Багдад, тогда как в других эйалетах правили доверенные мамлюки багдадского паши. Власть мамлюкских эмиров Багдада не распространялась только на североиракский город Мосул, расположенный вблизи османо-сефевидского фронта и на границе курдских владений и арабских земель. Здесь укрепилась семья Джалилидов, возводящая свои корни к христианским торговцам из восточной Анатолии. Предок Джалилидов переехал из Диярбакыра в Мосул в конце XVII в., а его семеро сыновей обратились в ислам. Старший из них, Исмаил ибн Абд аль-Джалиль, откупил право снабжения османских войск продовольствием в 1726 г., а вскоре получил под свое управление и эйалет Мосул. Хотя ирано-османские войны XVIII столетия в большей степени угрожали безопасности Среднего и Нижнего Ирака, в 1736 г. сыну Исмаила Хусейн-паше аль-Джалили пришлось энергично оборонять Мосул от афганских отрядов Надир-шаха; успех Хусейна поднял популярность его родственников в городе и позволил ему надеяться на усиление своих позиций в Ираке. Он даже смог в 1741 г. добиться поста паши Басры, поскольку отвечал за снабжение османских армий, боровшихся с Надир-шахом на юге страны. Однако мамлюки Ахмеда-паши, представлявшие значительную военную силу, решительно расстроили

его планы. После этого случая Джалилиды, преобладая в администрации эйалета Мосул, не пытались расширить пределы своих владений. Они больше, чем багдадские паши, зависели от назначений Порты, регулярно заменявшей одних из них на других, и стремились укрепить свои связи с янычарским корпусом Мосула и городским патрициатом. Пять поколений этой семьи правили эйалетом Мосул до 1834 г., когда соперничающие местные кланы свергли последнего пашу-Джалилида.

СИРО-ЛИВАНСКИЙ РЕГИОН

Внутриполитические процессы в сиро-ливанском регионе на протяжении XVIII столетия складывались менее однозначно, чем на восточных окраинах империи. Являясь в силу своего географического положения ключевым звеном доступа метрополии к азиатским провинциям, Большая Сирия (*Биляд аш-Шам*) даже превосходила Ирак в неоднородности природных и климатических условий: древнее финикийское ядро портовых городов и земледельческие прибрежные районы, а также горные территории Ливана и Палестины заметно отличались своим хозяйственным укладом от восточных и юго-восточных областей Приевфратья и Сирийской пустыни, населенных бедуинами.

Разнообразие природных условий Сирии дополнялось конфессиональной пестротой ее населения. Хотя мусульмане составляли большинство (около 85%), многие арабоязычные сирийцы (около 15%) исповедовали христианство. В мусульманской общине Сирии преобладали сунниты (около 80%), а шииты (в том числе алавиты, исмаилиты и друзы) составляли меньшинство. Наконец, в христианской среде были многочисленные православные и марониты, часто встречались общины сиро-яковитов, несториан, армяно-григориан. Иудеи, проживавшие главным образом в прибрежных городах, составляли в XVIII в. не более 1% от общей численности населения региона.

Городская традиция сиро-ливанского региона в конце XVII – начале XVIII столетия вступила в полосу кризисного развития. Этот процесс слабо затронул крупные торгово-ремесленные центры – Дамаск, Халеб, Иерусалим, Триполи, – через которые проходили караванные пути и маршруты продвижения османских войск на Месопотамию, Хиджаз, Анатолию и Иран. Однако средние и мелкие городские поселения (Сур [Тир], Джубейль, Наблус, Яффа, Сафад, Лидда, Аскалон, Рамла) заметно деградировали, а численность их населения уменьшилась. К тому же в ряде горных и прибрежных районов города традиционно были слабо связаны с окружающей сельской периферией (Хама, Латакия, Антакья) в силу религиозных различий между городским населением (в основном мусульмане-сунниты) и большинством местных поселян (во многих округах алавиты). В других частях Большой Сирии (Горный Ливан, нагорные округа Палестины) местные землевладельцы, наследственно управлявшие в сельских районах, проживали не в административных центрах, а в укрепленных поселениях-замках, стоящих в горах. Поэтому в отличие от Дамаска или Халеба, оказывавших заметное влияние на окружающие территории, ситуация в малых городах не сопрягалась с жизнью сельской округи: относительная стабильность в районном центре, как правило, сопровождалась непрерывными междоусобицами сельской знати.

Отчуждение сирийских городов и зависимых от них сельских территорий усугублялось участившимися с начала XVIII в. бедуинскими набегами. На протяжении всего столетия османским властям, несмотря на все их усилия, так и не удалось создать надежные рубежи обороны приморских регионов от посягательств со стороны кочевой и полукочевой периферии. Тем временем на племенной карте Сирии произошли крупные перемены: массы североаравийских племен (конфедерации *аназа* и *шаммар*) переместились на запад, «сдвигая» перед собой более мелкие племена *бану сакр*, *бану сахр*, *мавали*, *сардийя* и др. Причины этого явления были множественны (изменения климата, засухи, военное давление со стороны ваххабитов Неджда), но его результаты были однозначно отрицательны: расселяясь в земледельческих округах, бедуины неизменно навязывали крестьянам «плату за охрану и покровительство», а временами грабили находившиеся под их «защитой» селения, прерывали сообщения между городами. Особенно тяжкие политико-экономические последствия имели нападения бедуинов на сирийский караван, ежегодно выдвигавшийся к аравийским рубежам для совершения паломничества (*хаджа*). Захват следовавших с караваном священных символов духовного покровительства султана Мекке и Медине (*санджака* и *махмаля*) подрывал авторитет Порты в мусульманском мире, а прекращение организованного хаджа наносило удар по интересам сирийских ремесленников и купцов, а также племен, снабжавших паломников всем необходимым и обеспечивавших охрану караванов. Сдерживая натиск бедуинов, потерявших прежние пастбища и источники воды, османские губернаторы вели гибкую политику. Они то применяли военную силу наемников и янычар, то использовали для убеждения шейхов племен авторитет местных лидеров арабского происхождения, а то и просто выплачивали племенным вождям вознаграждения, чтобы отвратить их от грабежа земледельческих округов и торговых караванов.

Слабость военного контроля пашей над путями сообщения и динамизм хозяйственно-политических процессов Большой Сирии сочетались и с неустойчивостью границ сирийских эйалетов. Мелкие и средние административные единицы могли «мигрировать»: так, к эйалету Халеб приписывались районы южной Анатолии, а восточные границы этого эйалета, как и дамасского, вообще не были четко определены. Специфическое, по сути вассальное Стамбулу, территориальное образование окончательно оформилось к концу XVII столетия в Горном Ливане. Хотя его северные округа формально относились к эйалету Триполи, а южные – к эйалету Сайда, в реальности Горным Ливаном правили местные эмиры, обладавшие правами широкой автономии. Хотя округ Иерусалим (аль-Кудс) формально входил в состав эйалета Дамаск, его управление возлагалось на особого османского чиновника (*мутасаррифа*), подчинявшегося напрямую Порте, а не дамасскому наместнику.

Так же как в мамлюкском Ираке, в провинциях Сирии не сложилось устойчивых политических объединений – как проимперских сил, так и местной оппозиции. Не был характерен для сиро-ливанского региона и такой пост, как «главный аян» (тур. *баш аян*), получивший распространение в Египте под арабским названием *шейх аль-баляд*. Непрочность институционального оформления аянских «партий» и неоднозначность результатов участия

сирийского аянства в провинциальном управлении возможно объяснить как с социально-экономической точки зрения, так и с историко-культурной.

Во-первых, сирийская провинциальная знать являла собой очень пеструю социальную среду. В ней переплетались интересы традиционных оседлых землевладельческих кругов, шейхов бедуинских племен, выходцев из военно-служилой среды – главным образом, командного состава (*агават*) провинциальных формирований янычарского корпуса, а также нерегулярных наемных формирований наподобие стрельцов. Наконец, важным элементом сирийской знати выступали местные исламские ученые мужи (*улама*). Таким образом, в содержании понятия «аян» сопрягались крупные сельские кланы с многовековой историей и вожди племенных отрядов, верхушка высокообразованных служителей ислама и предводители городских наемников, о которых французский просветитель К.Ф. Вольней, посетивший Ближний Восток в 80-х годах XVIII в., верно заметил, что их «скорее можно почесть за разбойников, нежели солдат, и действительно, наибольшая часть из них занимается сим рукоделием». Из какой бы среды ни вышел аянский лидер, он в первую очередь стремился обеспечить свои личные или клановые интересы. В силу этого переменчивая экономическая конъюнктура и хаотическое движение политических мотивов не давали статистически заметного результата, т.е. складывания оформленных лагерей в масштабе всех сирийских провинций.

Во-вторых, политическая борьба в сирийских эйалетах XVIII в. во многом подогревалась противоречиями между местной клановой знатью (семейство аль-‘Азм, Дахир аль-‘Умар) и выходцами из других провинций Османской империи, которые смогли закрепиться в Сирии и развернуть здесь сеть политических связей (Ахмед-паша аль-Джеззар и его преемники). Кроме того, в конфликты аянов из-за доходов и власти часто вмешивались провинциальные янычарские гарнизоны, которые на протяжении XVIII в. потеряли свою корпоративную замкнутость и обособленность от городского населения. Свою роль в контроле аянов над земельными владениями и торговыми операциями играли также местные вооруженные формирования несирийского происхождения, образовывавшиеся на основе этнической или племенной общности (магрибинцы, курды, туркмены, албанцы и др.) и носившие названия *делийя*, *тюфенкджи, левендийя.* Эта необузданная городская вольница вкупе с характерным для Сирии чувством местной обособленности всякий раз предопределяла выбор союзников и средств борьбы в аянской среде.

В силу этих обстоятельств едва ли уместно говорить о постоянной «антиосманской» или «проосманской» позиции отдельных аянских кланов сироливанского региона. Скорее, интересы сирийских аянов то сталкивались, то переплетались с задачами османской провинциальной администрации. Главной целью Порты в Сирии было ограничить рост влияния местной знати и не допустить складывания «сильных домов» наподобие иракских кюлеменов. Здесь исторически сложились две тактики. Согласно одной из них, в сирийские эйалеты назначались должностные лица, не связанные с местной средой. В этом случае они рисковали стать игрушкой в руках местных лидеров и пытались найти себе союзников из их числа или столкнуть между собой своих противников. Другая тактика предусматривала временное привлечение на высшие должности в эйалетах видных провинциальных аянов.

Они, укрепляя свою власть на местах, объективно способствовали ослаблению роста центробежных сил в провинциях, ограничивали самоуправство янычар и боролись с налетами бедуинов. Однако результат применения этих тактических маневров был, как правило, один и тот же – османская администрация все в большей степени попадала в фокус междоусобной борьбы соперничающих кланов и группировок.

Наглядным примером взаимопереплетения интересов османской администрации и местного аянства служит история возвышения рода аль-'Азм. Уроженцы города Хама на северо-западе Сирии представители семьи аль-'Азм буквально оккупировали должность губернатора (*вали*) Дамаска: на протяжении XVIII в. они занимали этот пост 9 раз, управляя этим важнейшим сирийским эйалетом с 1725 по 1783 г. с небольшими перерывами. Фактически Исмаил-паша аль-'Азм (1725–1730 гг.) и его преемники – Сулейман-паша (1733–1743 гг.), Асад-паша (1743–1757 гг.), мамлюк Асад-паши 'Осман-паша ас-Садык (1761–1771 гг.) и Мухаммед-паша (1773–1783 гг.) – составили своеобразную династию повелителей Сирии. Временами под их власть переходили эйалеты Триполи и Сайда, а в 1730 и 1756–1757 гг. аль-'Азмы занимали посты губернаторов одновременно во всех сирийских провинциях. В истории Сирии аль-'Азмы остались как «сильная рука», обласканная Портой в расчете на обуздание своеволия янычар и других местных элит. Действительно, почти за 60-летний срок правления семейство аль-'Азм умело объединяло свои усилия с дамасскими *улама* – особенно с кланом аль-Муради, пользовавшимся влиянием в центральных кварталах города, против местных янычарских *агават*, штаб-квартирой которых служил южный пригород Дамаска – аль-Мейдан. Придерживаясь в целом проосманской ориентации, вали Дамаска использовали как тайные интриги своих покровителей в Стамбуле, так и прямые вооруженные столкновения с конкурентами. Так, в 1746–1747 гг. Асад-паша аль-'Азм с помощью столичных янычар (*капыкулу*), вызванных из Стамбула, и североафриканских наемников (*магариба*) жестоко разгромил янычар-*йерлийя*, поддержавших начальника финансового ведомства эйалета (*дефтердара*) Фатхи-эфенди в его попытке отстранить аль-'Азмов от власти. В непрерывной борьбе за раздел и передел сфер влияния аль-'Азмы остались значимы и после утери ими поста вали Дамаска. Так, в 1786 г. назначенный из Стамбула губернатор сирийской столицы Ибрахим Дели-паша ад-Далати был изгнан из города местными и столичными янычарами. Не имея реальной поддержки со стороны Стамбула, он на свой страх и риск вступил в коалицию с аль-'Азмами, засевшими в Хаме, и алимским кланом аль-Муради. «Оппозиция» янычарам, возглавляемая законным пашой, собрала наемников, мобилизовала туркоманские и бедуинские племена и осадила Дамаск. В результате пригород йерлийя аль-Мейдан был сожжен, капыкулу осаждены в цитадели, а «чужеродный» паша смог вступить в должность.

В качестве иллюстрации изменчивости и непостоянства политической ситуации в сирийских эйалетах можно привести и историю Халеба (Алеппо) в XVIII столетии. Этот город на северо-востоке Сирии, служивший резиденцией иностранных консульств и миссий, средоточием европейских торговых факторий, был в то же время ареной постоянного противоборства двух группировок – янычар и потомков Пророка (*шерифов*, араб. мн. ч. *ашраф*). Через

ремесленные цехи и суфийские братства в эту многолетнюю борьбу втягивались массовые слои горожан. Соперничающие группировки халебской знати были неоднородны по социальному составу. Более того, нередко влиятельные аянские кланы, отождествлявшие свои интересы с победой янычар или шерифов, переходили из одного лагеря в другой сообразно политической и экономической ситуации. Шерифы Халеба составляли сплоченную фракцию, обладавшую собственными вооруженными дружинами. Пост их главы (*накиб аль-ашраф*) в XVIII столетии уже не замещался из Стамбула, а был своеобразной «монополией» местной суннитской семьи алимов Тахазаде. В свою очередь, халебских янычар-йерлийя редко сменяли «столичные» янычары-капыкулу из Малой Азии. Поэтому они также оставались сравнительно однородным и сплоченным корпоративными интересами корпусом. Взаимные нападки соперничавших аянских группировок Халеба не дают основания говорить о противостоянии в этом городе «сепаратистских» и «централизующих» сил. Скорее речь может идти о переделе сфер влияния и борьбе за контроль над земельными владениями и торговыми путями Северной Сирии.

По специфическому пути происходило усиление позиций местного аянства в Ливане, формально находившемся под юрисдикцией пашей Триполи и Сайды. Мир и безопасность традиционно поддерживались здесь за счет разветвленной иерархии вассально-сюзеренных связей. В сложной этнорелигиозной обстановке (в Ливане проживали друзы, шииты, алавиты, марониты, а с XVIII в. сюда бежали также униаты и часть православных жителей Сирии) главы религиозных общин выступали не только в качестве духовных лидеров, но также землевладельцев, откупщиков-*мукатаадджи*, членов османской администрации и даже военачальников. Как отмечал российский дипломат XIX в. К.М. Базили, «гористые округа, … оставались во владении наследственных своих эмиров и шейхов, которые по-прежнему заключали конфедерации между собой, выступали в поход со своими ополчениями, вели друг с другом войну, не спрашиваясь у пашей или даже по навету пашей».

В XVIII столетии главенствующее положение в Ливанском эмирате заняли друзские эмиры и шейхи, зависимые от правящего эмира (*аль-амир аль-хаким*) Горного Ливана. С 1697 г. у власти в Ливане укрепилась династия Шихаб, возглавившая группировку друзов-кайситов и часто вынужденная отстаивать свои позиции от претензий друзов-йеменитов. В 1711 г. в сражении при Айн-Даре эмир Хайдар I Шихаб (1707–1732) нанес сокрушительное поражение йеменитам, что привело к их исходу из Ливана в горную область Хайран к югу от Дамаска, получившую название «горы друзов» (Джебель ад-Друз). Сокращение численности ливанских друзов совпало с возрастанием доли маронитского населения и интенсивной христианской колонизацией центральных районов Ливана. В наибольшей степени от этих процессов пострадали шииты: к 1759 г. мароните изгнали их из северных округов эмирата (Бшарри, Батруна, Джубейля и Кесруана) на юг и в район их традиционного расселения – долину Бекаа.

Возвышение маронитов, выступивших в роли младших партнеров друзской знати, оказало большое влияние на общественную и экономическую жизнь Ливана XVIII в. Оно привело к оживлению торговли, ремесла и террасного земледелия, а также шелководства. Обновление церковной жизни

маронитов, начавшееся на соборе 1736 г., сопровождалось латинизацией церкви и европеизацией духовенства. С ростом церковных богатств укреплялось политическое влияние маронитов: в 1756 г. сыновья ливанского правящего эмира Мульхима (1732–1754) приняли христианство, а в 1770 г. на трон Ливанского эмирата вступил первый христианин – Юсуф Шихаб (1770–1788). Однако дальнейшие этапы складывания самобытной ливанской государственности были омрачены многолетней и полной драм междоусобицей 1778–1788 гг., когда большинство друзских вождей во главе с родом Джумблат развернули нерегулярные боевые действия против правящего эмира. Не справившись с эскалацией насилия, Юсуф Шихаб был вынужден отречься от престола и в 1790 г. погиб в сирийской тюрьме. Его преемник Башир II (1788–1840) продолжал в конце XVIII в. напряженное противоборство с друзскими кланами и османскими пашами, стремясь утвердить автономию Ливанского эмирата.

В другом регионе Большой Сирии – Палестине – местные кланы и племенные группы также укрепили в XVIII в. свое независимое положение по отношению к Стамбулу. Однако вспышки их фракционной борьбы нередко выливались в открытое противостояние османским властям. К яркой, но неудачной попытке создать самостоятельное арабское государство в Палестине привела сепаратистская деятельность правителя г. Сафад шейха Дахира аль-‘Умара (ок. 1690–1775). Этот крупный землевладелец происходил из рода Абу Зейдан – традиционной знати области Галилея на севере Палестины. Формально он считался лишь откупщиком-*мультазимом*, но на деле уже к середине XVIII в. превратился в самостоятельного правителя всех земель Галилеи и Самарии, т.е. всей Северной Палестины. Расширив свои владения за счет откупов, шейх Дахир вступил в вооруженный конфликт с пашой Дамаска Сулейман-пашой аль-‘Азмом. Опираясь на военную силу арабских племен Заиорданья, магрибинских наемников и ливанских шиитов, он захватил в 1737–1743 гг. часть Дамасского эйалета – округа Тиверии, Назарета и Наблуса. В 1746 г. предприимчивый шейх пошел еще дальше – он выкупил у сайдского паши земельный участок на берегу Средиземного моря с древним поселением Акка. Дахир восстановил здесь торговый порт и новую крепость с мощными бастионами, вокруг которых сложился город, насчитывавший в 1770 г. 30 тыс. жителей. В 1750 г. он перенес сюда столицу своих владений и потребовал у османских властей высокий пост в провинциальной администрации. Неудача в этом предприятии привела честолюбивого шейха к открытой конфронтации с Портой.

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. шейх Дахир умело воспользовался появлением русской эскадры в Средиземноморье и разгромом османского флота при Чесме (июль 1770 г.). Он заключил союз с мамлюкским правителем Египта Али-беем аль-Кабиром (см. ниже), отказался от выплаты дани Порте, фактически отложился от Османской империи и начал совместно с войском Али-бея боевые действия против пашей Дамаска и Сайды. Зимой 1770/1771 г. египетские мамлюки совместно с войсками Дахира нанесли удар по сирийским контингентам под Яффой, а весной 1771 г. 56-тысячная мамлюкская армия при поддержке отрядов Дахира вторглась в Сирию. Летом 1771 г. египетский военачальник Мухаммед Абу-з-Захаб занял Дамаск, а войска Дахира аль-‘Умара – Сайду.

Однако этот успех был эфемерным. Война с Портой в союзе с «неверными московитами» оказалась непопулярна среди войск и мусульманского населения Сирии. Еще летом 1771 г. мамлюки отказались продолжать кампанию, чем вынудили Мухаммед-бея Абу-з-Захаба покинуть Дамаск и уйти с ними в Египет. В апреле 1772 г. в Палестине появился Али-бей аль-Кабир, который был низложен конкурирующими группировками мамлюков, а в мае 1773 г. он погиб при очередной попытке вернуть себе власть над Египтом. В этой ситуации Дахир аль-'Умар сначала подписал с представителем А.Г. Орлова графом Войновичем «Трактат о дружелюбии с Великой Россией» (чем фактически признал российский протекторат над своими владениями), а затем заявил о своей лояльности Порте и выговорил у нового османского султана Абдул Хамида I (1774–1789) «прощение» (*аман*) на условиях выплаты долга перед казной за шесть лет его мятежа. Поэтому Дахир отказался от союза с Юсуфом Шихабом, в 1773 г. также выражавшим желание принять российский протекторат. Этот политический маневр, впрочем, не помог галилейскому шейху: с подписанием Кючук-Кайнарджийского мира русский флот покинул Бейрут, а в августе 1775 г. в гавань Акки вошли крупные силы османского флота. Шейх Дахир погиб при попытке взятия Акки османскими войсками; возможно, он был убит своими же сторонниками. Его антиосманская кампания, иногда именуемая «восстанием», на деле не была массовым движением, так как его военные силы состояли только из наемных отрядов и ряда племенных контингентов. Она не привела к политическим сдвигам в масштабе всей Сирии и представляла опасность для Стамбула только в силу присутствия российской эскадры в Восточном Средиземноморье. Да и открытый бунт против султана при поддержке чужеземных христиан-«московитов» был столь нетипичен для сирийской политической культуры, что его вдохновитель рисковал потерять авторитет даже среди своих союзников, что и произошло с Дахиром.

Восстановление османских порядков в Сирии в конце XVIII – начале XIX в. связано с именем Ахмед-паши аль-Джаззара (1720–1804) – египетского мамлюка, босняка по происхождению. Он поставил своеобразный рекорд, бессменно занимая пост наместника Сайды в течение почти 30 лет. В 80–90-х годах XVIII столетия Ахмед-паше удалось за счет интриг и жесткого военного давления сломить своеволие друзской знати, пленить и устранить эмира Ливана Юсуфа Шихаба, а также добиться от Порты передачи под его управление эйалета Триполи. Параллельно волевой и беспринципный паша пытался подчинить своему влиянию Дамасский эйалет. Здесь интересам Ахмеда-паши и его группировки противостояли традиционные вожди Дамаска – кланы аль-'Азм и аль-Муради. В борьбе с этим политическим союзом аль-Джаззар четырежды добивался поста вали Дамаска (в 1785, 1790, 1798 и 1803 гг.). Временами он распространял свою власть почти на всю Сирию и Ливан. Административным центром своих владений он сделал Акку, а в другие сирийские города направлял наместников. Его главную опору и ударную силу боевых отрядов наряду с выходцами из Боснии составляли мамлюки, курды и албанцы. Кроме того, аль-Джаззару не раз удавалось создавать временные альянсы с местными аянскими кланами, за счет которых он заметно упорядочил управление Сирией. Массовые и показательные репрессии, интриги, политические убийства, с помощью которых он «приру-

чал» местную знать и низы, вполне оправдывали его прозвище (*аль-джаззар* – араб. «мясник») и вызывали панику среди сирийцев. В то же время успехи Ахмед-паши в борьбе с экспедицией Наполеона и организованная им защита Акки от французских войск (1799) придали ему престиж защитника веры и сирийских мусульман от «неверных».

Отношения Ахмед-паши со Стамбулом в конце XVIII в. оставались нестабильными. Правил он самостоятельно, но внешне демонстрировал лояльность султану и Порте, довольно аккуратно высылая дань в имперское казначейство. Влиятельные покровители в столице – в частности, адмирал (*капудан-паша*) Гази Хасан-паша аль-Джазаирли – содействовали не только его назначениям, но и присвоению ему высокого ранга трехбунчужного паши (*вазира*). Правда, интриги противников аль-Джаззара при султанском дворе трижды заставляли его оставлять свой пост в Дамаске и довольствоваться управлением делами Триполи и Сайды.

При всем различии исторических фигур Асад-паши аль-'Азма, шейха Дахира аль-'Умара или Ахмед-паши аль-Джаззара в их внутренней политике отчетливо прослеживаются общие черты. Это и применение, хотя и не везде, торговых монополий, и развертывание всеобъемлющей системы откупов, и использование войска из иноэтничных наемников (курдов, магрибинцев, албанцев, босняков), находящихся на твердом жаловании. Неизменным приемом политики сирийских пашей в XVIII в. оставались непрочные альянсы с местными аянскими родами в целях создания собственной политической группировки. Эта черта особенно заметна в деятельности аль-Джаззара, который в отличие от Асад-паши и шейха Дахира был иноземцем и не мог воспользоваться содействием своего семейного клана. Эта специфика сирийской политики предопределила и две главные угрозы для местных пашей – сплоченную оппозицию местной знати и твердый курс Стамбула, который не всегда благосклонно относился к самостоятельности своих губернаторов.

ЕГИПЕТ

На протяжении всего XVIII в. внутренняя стабильность Египетского пашалыка оставалась результатом взаимодействия трех соперничающих элит: османской бюрократии, мамлюкских беев и местного алимского корпуса. Противоречия между различными группировками «людей меча» (*ахль ассейф*) и «людей пера» (*ахль аль-калям*) в османском Египте достигли высшей точки во время «великого возмущения» или «мамлюкской революции» 1711 г. В первом десятилетии XVIII в., когда внутренний политический кризис в Египте вступил в завершающую фазу, окончательно оформились и продолжили непримиримую борьбу два военно-политических блока – черкесско-мамлюкский «дом» Факарийя и янычары, с одной стороны, и боснийско-мамлюкский «дом» Касимийя и войсковой корпус азабов – с другой. Весной и летом 1711 г. Каир и его предместья стали ареной ожесточенной гражданской войны. Военная конфронтация быстро привела к артиллерийскому обстрелу казарм как янычар, так и азабов. Ситуация усугубилась после того, как вожди янычарско-факаритской группировки вовлекли в конфликт

многочисленное бедуинское ополчение, а азабы в ответ задействовали верных себе бедуинов. Бурная эскалация конфликта, интенсивность и жестокость взаимных огневых ударов посеяли ужас среди местного населения. Как писал об этом кризисе каирский алим Хасан аль-Бадри аль-Хиджази, это было «время бедствий, когда не осталось места радости… горе выпало на долю Египта… ничего худшего не могло произойти». Драматические события, сопровождавшиеся перестрелками и рукопашными схватками в центре города и в окраинных садах на нильском побережье, разрешились в конце июня 1711 г. штурмом дворца одного из лидеров янычарско-факаритского блока Айюб-бея. Бегство Айюб-бея ознаменовало разгром его «партии». Губернатор (*вали*) и главный кади Египта, принявшие сторону янычар, были отстранены от своих должностей по решению Высокой Порты. Часть высшего офицерства янычарского корпуса была казнена, а многие янычары в панике, страшась возмездия, покинули египетскую столицу. «Революция» 1711 г. завершилась безоговорочной победой Касимийи и азабов, а также примкнувших к ним перебежчиков из числа янычар.

Локальный, хотя и кровопролитный конфликт (потери с обеих сторон составили около 4 тыс. человек) уходил корнями в постоянные столкновения внутри янычарского корпуса, случавшиеся в 1698, 1706 и 1707 гг. Катализатором этих противоборств послужило широко распространившееся в конце XVII в. фиктивное вхождение горожан в войсковые соединения. «Патронаж» (*химайя*) со стороны корпусов-оджаков над торгово-ремесленными корпорациями приносил немалые материальные выгоды военным. Более всех в получении дивидендов от химайи преуспел самый многочисленный и влиятельный оджак – янычарский. Своеобразный «симбиоз» этого оджака и гильдий вызывал зависть у вождей других воинских формирований и провоцировал раздоры внутри самого янычарского корпуса. Неутоленные финансовые ожидания, помноженные на личные амбиции и конфликты, в конце концов спровоцировали войну между военно-политическими блоками.

Триумф Касимийи, однако, был недолог. Победители продержались на вершинах власти до 1730 г., а затем касимитская группировка под напором оппозиционной коалиции распалась на малочисленные фракции. Новое возвышение Факарийи в начале 30-х годов XVIII в. вовсе не сопровождалось ослаблением внутриполитической напряженности. В течение 15 лет вожди Факарийи удерживали власть в стране, постоянно утверждая свое первенство в стычках с рвавшимися к власти соперниками. В итоге обескровленная Факарийя уступила пальму первенства своему союзнику – небольшому мамлюкскому «дому» Каздоглийя. Во второй половине 40-х годов в Египте образовался правящий дуумвират в составе предводителя этого «дома» Ибрахима Кяхьи (Катходы) аль-Каздоглу (ум. в 1754 г.) и влиятельного военачальника Ридвана Кяхьи аль-Джульфи, которые на деле осуществляли верховную власть в стране. Период их правления начал собой сорокалетие (1740–1780-е годы), отмеченное большей, чем в начале века, стабильностью и относительным благополучием. В эти годы в Египте несколько оживилась экономическая активность, а нильская долина не переживала ни крупных финансовых кризисов, ни необычных всплесков цен, ни серьезных эпидемий. Описывая продлившееся без малого семь лет правление Ибрахима Катходы аль-Каздоглу (1748–1754), выдающийся египетский летописец Абд

ар-Рахман аль-Джабарти отмечал в своей хронике «Аджа'иб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар» («Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий»), что «в Каире царили мир и спокойствие, и раздоры, несогласие и насилие не досаждали ему… цены были оправданными и условия [жизни] удовлетворительными… Каир блистал красотой и неподражаемым совершенством, торжествуя победу над соперниками… в то время жители… следовали отличавшимся… благородством и великодушием обычаям, кои нельзя было сыскать где-либо еще».

При всех преувеличениях доля истины в этой оценке, несомненно, содержится. Внутренней стабилизации способствовал тот факт, что к середине XVIII в. мамлюкские предводители устойчиво главенствовали на политической арене Египта. Еще в ходе «великого возмущения» 1711 г. военная элита пашалыка активно ассимилировалась с мамлюкской иерархией, а в 30-е годы политическое преобладание беев в военных корпусах приобрело стабильный характер уже на общеегипетском уровне. К неудовольствию османской администрации мамлюки не только господствовали в административной сфере, но и заняли ключевые позиции в экономике, выступая в качестве землевладельцев. По мере ослабления мощи и влияния османских оджаков вожди мамлюкских «домов» все больше чувствовали себя хозяевами положения и воссоздавали в Египте параллельные структуры власти. В первой трети XVIII в. среди наиболее авторитетных 24-х беев выделился неформальный лидер, получивший титул «главы страны» (*шейх аль-баляд*). Он приобрел статус лидера мамлюкской системы и скоро превратился в фактического правителя османского Египта, стоящего за спиной паши. Османским наместникам приходилось довольствоваться уже фикцией власти, хотя сложный, освященный традицией этикет их взаимоотношений с мамлюками продолжал методично соблюдаться.

Нарушение внутреннего равновесия в египетской политической системе на протяжении XVIII в. проявилось в росте центробежных тенденций, вовлекавших в свою орбиту местных правителей. Сепаратистские устремления мамлюкских предводителей неминуемо усиливались по мере ослабления османской провинциальной администрации, и Стамбулу оставалось надеяться только на отсутствие единства и сплоченности в их рядах.

Самая решительная попытка рассеять видимость османского правления и восстановить независимый мамлюкский султанат связана с именем выдающегося шейх аль-баляда Египта Али-бея аль-Кабира (1728–1773). Сделав блестящую карьеру от рядового мамлюка Ибрахима Катходы до высшего мамлюкского лидера, Али-бей в 1763 г. (по другим источникам – в 1760 г.) вступил в должность главы мамлюкской иерархии и получил соответствующую «инвеституру» со стороны Порты. На протяжении 60-х годов XVIII столетия этот деспотичный и проницательный эмир безжалостно утверждал себя в роли неограниченного властителя страны. По воспоминаниям хрониста Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, он «уничтожал непокорных, не церемонился с противниками и разоблачал тех, кто имитировал лояльность. Он низвергал устоявшиеся принципы, нарушая обычаи, разорял древние мамлюкские "дома" и отменял законы, казавшиеся ранее незыблемыми». Беспрецедентная кампания репрессий Али-бея против ведущих мамлюкских фракций не только сплотила беев против решительного властолюбца, но и

привлекла внимание Высокой Порты. Хотя мамлюкская оппозиция несколько раз отстраняла Али-бея от власти, в 1767 г. он полностью восстановил свое первенство при содействии османских властей.

Планы Стамбула обуздать мамлюкскую вольницу с помощью энергичного бея оказались необоснованными и вскоре рухнули. Сначала Али-бей, получивший за свою решительность прозвище *булут капан* (разверзающий тучи), обещал властям восстановить «истинный османский порядок» в Египте и в том числе регулярно выплачивать дань в центральную османскую казну, а также выполнять обязанности Египта в отношении священных городов Хиджаза. В ответ он получил от Порты санкцию на открытый террор против нелояльных мамлюкских «домов» и экспроприацию их имущества в свою пользу. Однако успех в сокрушении власти соперников привел Али-бея на путь открытой конфронтации с Портой. С начала 1770-х годов он, пользуясь своим могуществом, отказался платить османам ежегодную дань и объявил себя сувереном Египетской провинции. Его имя зазвучало в мечетях во время пятничной проповеди (*хутбы*) и чеканилось на монетах наряду с именем османского падишаха. Как писал Вольней, «гордость его оскорбляема была зависимостью от Константинополя; он ничего не желал, кроме как сделаться султаном всего Египта».

Между тем Порта, вовлеченная в 1768–1774 гг. в войну с Россией, была не в силах помешать сепаратистским планам Али-бея. Сохраняя видимость дружественных отношений с ним, султанское правительство поручило египетскому войску вмешаться в династийный конфликт в Хиджазе, где две группировки потомков Пророка (*хашимитов*) соперничали за право управлять священной округой Мекки и Медины. В 1770 г. ближайший соратник Али-бея Мухаммед Абу-з-Захаб во главе крупной военной экспедиции вторгся в святые земли ислама. Меньше чем за полгода Хиджаз был покорен, а в мекканской правящей верхушке возобладали сторонники и протеже Али-бея. Османский губернатор красноморского порта Джидды был заменен на мамлюкского бея, а правителем Мекки хашимиты провозгласили некоего Абдаллаха, который не замедлил титуловать своего благодетеля «султаном Египта и обоих морей». Этот средневековый мамлюкский титул символизировал как желание Али-бея возродить самостоятельную египетскую государственность, так и его претензии на господство над средиземноморским и красноморским бассейнами.

Возвышение Али-бея завершилось его авантюрной попыткой завоевать Сирию. Он вступил в сговор с палестинским шейхом Дахиром аль-'Умаром, однако интриги в его окружении и измена самого надежного союзника и фаворита Мухаммеда Абу-з-Захаба привели к тому, что Али-бей был вынужден бежать в 1772 г. в Палестину. В изгнании мамлюкский предводитель не оставлял мысли о походе на Каир. Весной 1773 г. он вновь двинулся на Египет, но в решающем сражении при Салихийе потерпел поражение от Мухаммеда Абу-з-Захаба и вскоре скончался от ран. С его смертью закончилась одна из наиболее серьезных в истории османского Египта попыток вырвать его из подчинения Порте. Несмотря на то что стремлению Али-бея обрести независимость в конечном итоге не суждено было сбыться, в течение второго его правления (1767–1772) Египет фактически находился вне суверенитета Османской империи. Прямым следствием этого явилось дальнейшее ослабление зависимости Египта от центральной османской администрации.

Преемник Али-бея на посту шейх аль-баляда Мухаммед Абу-з-Захаб стремился обеспечить себе безраздельное господство над Египтом без конфронтации со стамбульским правительством. Он признал власть османского наместника Халиль-паши (1773), разом погасил трехлетнюю задолженность Египта Порте и уступил пост заместителя наместника (*ка'иммакама*) собственному мамлюку Ибрахим-бею. Все это практически не повлияло на его положение фактического правителя пашалыка. В 1775 г. султан Абдул-Хамид I присвоил ему титул трехбунчужного паши (*вазира*) и возвел в должность вали Египта, которую тот присовокупил к посту шейх аль-баляда.

Мухаммед-бею Абу-з-Захабу, как и Али-бею, удалось достичь невиданной для XVIII столетия централизации власти и контроля над всеми областями Египта, включая территории, населенные беспокойными бедуинами. Абсолютное господство в сфере исполнительной власти они умело использовали для наращивания оборотов налоговой машины, употребляя доходы провинциальной казны для внутренних нужд и широкомасштабных военных мероприятий как внутри Египта, так и за его пределами. Эти государственные мужи смогли также извлечь зримую пользу из полуавтономного статуса Египта и активизировать его экономический потенциал. Их правление было отмечено активизацией египетских внешнеторговых операций, в том числе с европейскими государствами. Хотя в конечном итоге их далеко идущие планы по расширению торговли с Европой не воплотились в жизнь, они были значимы сам по себе. Интерес Али-бея и его преемника к сотрудничеству с Европой шел вразрез с традиционным отношением к европейцам как к презренным «неверным» иноземцам и свидетельствовал о прагматическом осознании экономических выгод от привлечения европейских коммерсантов в Египет. По мнению американского историка Д. Креселиуса, «не Наполеон "открыл"... Египет Западу, как и не Мухаммед Али был первооткрывателем курса на трансформацию Египта. В ретроспективном плане полный драматизма переломный момент в контактах двух цивилизаций наступил в период 1760–1775 гг., в период правления Али-бея и Мухаммед-бея Абу-з-Захаба». Политика «эффективной автономии» этих двух правителей свела на нет власть Османской империи над военными, финансовыми и бюрократическими структурами Египетской провинции, расшатала традиционное равновесие между его социальными группами и ослабила власть прежних правящих элит.

После внезапной смерти Мухаммеда Абу-з-Захаба в 1776 г. Египет вновь охватили междоусобицы. Распри между мамлюкскими фракциями, беспрестанная борьба внутри самих мамлюкских «домов», интриги и заговоры опять стали нормой политической жизни. «Если бы все беи, – сокрушался Совёр Люзиньян, служивший еще в 60-х годах XVIII столетия у Али-бея аль-Кабира, – жили между собой дружно, то не было бы их в этой части света сильней и богаче». Только к 1779 г. установилось равновесие сил: проявив корпоративную солидарность, два бывших мамлюка Мухаммеда Абу-з-Захаба – Мурад-бей и Ибрахим-бей – образовали дуумвират и поделили власть между собой. Захватив посты предводителя паломнического каравана (*амир аль-хадж*) и шейх аль-баляда, дуумвиры тщательно скрывали внутренние несогласия и проявляли солидарность в дележе доходов. Однако их партнерство в 80-х годах XVIII столетия вызывало все большие нарекания Стамбула, поскольку в отличие от Мухаммед-бея Абу-з-Захаба они постоянно сокращали размеры

дани в султанскую казну. Вместо полновесной монеты в Стамбул присылались мешки, наполненные долговыми расписками и пространными перечнями якобы произведенных в счет дани расходов внутри пашалыка. Все менее регулярно стали получать продовольствие из Египта священные города Хиджаза.

В 1786 г. султан Абдул-Хамид I в категорической форме потребовал от дуумвиров погасить непомерно возросшую задолженность Египта. Ультиматум Стамбула был подкреплен посылкой в Египет военной экспедиции под командованием Хасан-паши. Упрочение устоев османской администрации поначалу разворачивалось без особых трудностей. Хасан-паша подчинил Каир и с ним Дельту, а затем и всю долину Нила вплоть до Асуана. Неугодных беев османские корпуса оттеснили в Верхний Египет, а затем в Нубию. Шейх аль-балядом был провозглашен Исмаил-бей, который занимал этот пост после смерти Мухаммеда Абу-з-Захаба, но был свергнут дуумвирами. Казалось, османы вновь обрели в Египте прочные позиции. Однако уже в 1787 г. из-за русско-турецкой войны султан был вынужден отозвать экспедиционный корпус из Египта. Поэтому, несмотря на свое триумфальное начало, экспедиция Хасан-паши не принесла долгосрочных результатов и не оказала действенного влияния на мамлюкскую систему в Египте.

> «[7 июля 1786 г. Хасан-паша] прибыл в Александрию в сопровождении большого количества судов. Беспокойство и тревога усилились. [13 июля] Хасан-паша прибыл в Розетту. Он направил шейхам и старшинам бедуинских племен различные указы – фирманы, написанные по-арабски. Из числа посланных фирманов, вот копия фирмана, направленного бедуинам: “Ставим вас в известность, что до нашего господина султана – да пошлет ему Аллах победу! – дошли сведения о царящем в Египте произволе и притеснениях, чинимых над бедным людом, и о том, что чаша терпения народа переполнилась. Султан заявил, что причиной тому является вероотступничество Ибрахим-бея, Мурад-бея и их свиты. [Хасан-паша Гази назначен] во главе победоносных войск флота отправиться в Египет, чтобы положить конец тирании упомянутых и отомстить им”. ⟨...⟩ Но все это было лишь уловкой, рассчитанной на привлечение сердец. Тому же служили и россказни о том, что будет установлен справедливый поземельный налог. Услыхав это, люди очень обрадовались, в особенности феллахи. Утверждали также, что будет положен конец тирании. Не имея представления о правлении турок, люди склонились на их сторону и отвернулись от мамлюкских эмиров и тем самым ускорили их устранение. Из приезда Хасан-паши в Египет и отъезда его ничего, кроме вреда, не получилось. Он не отменил вновь введенные поборы, не положил предел произволу. Больше того, он узаконил злоупотребления и вновь введенные поборы. До него все это скрывалось из опасения, что все это станет известно Порте и все отрицалось. Возлагавшиеся на Хасан-пашу надежды и иллюзии утрачены. По прибытии Хасан-паши в Египет стал гибнуть скот, а ведь на нем свет держится. Хасан-паша усилил притеснения. Повышенные поборы, которые Хасан-паша по приезде отменил, но затем по совету Исмаил-бея восстановил, назвали налогами освобождения. Сверх основного поземельного налога – хараджа – во многих провинциях стали собирать новые налоги и многочисленные другие поборы. Если бы по приезде в Египет Хасан-паша умер в Александрии или в Розетте, то население Египта жалело бы умершего, воздвигло бы на его могиле мазар – усыпальницу, которая стала бы местом паломничества» (Ал-Джабарти, Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798) / пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М., 1978. С. 164, 166–167, 235).

Всего через три года, в 1790 г., на Египет обрушилась чума, которая унесла десятки тысяч жизней. Во время эпидемии скончался и ставленник Порты Исмаил-бей, а его конкуренты – Мурад-бей и Ибрахим-бей – восстановили свое тираническое правление. Все повидавшее и, казалось, свыкшееся со своеволием и деспотичностью мамлюков египетское население с неприязнью взирало на то, как рушатся установившиеся при каздоглитских эмирах стабильность и безопасность повседневной жизни. Египетский историограф Абд ар-Рахман аль-Джабарти, описывая состояние дел в пашалыке на протяжении 1796 г., не без иронии заметил, что «в течение этого года не произошло событий, заслуживающих быть отмеченными, за исключением притеснений и произвола со стороны эмиров». Современники крайне нелестно характеризовали действия мамлюкских дуумвиров, которые, вновь обретя власть, «упорно преступали границы дозволенного». Среди их ошибок и злоупотреблений аль-Джабарти отмечал и такие: «Они недооценивали своих врагов, и руки их протянулись к имуществу и товарам европейских купцов – французских и других, – они захватывали их без оплаты, презрительно относясь к владельцам». Именно жалобы французских коммерсантов на произвол мамлюков были использованы в конце XVIII в. как формальный предлог для посылки Восточной экспедиции генерала Бонапарта.

На рубеже XVIII–XIX вв. экономическое и стратегическое значение Египта как важного форпоста в Средиземноморье привлекло внимание французской Директории. В планах Наполеона Бонапарта Египет виделся не только как территория для утверждения французского господства в Средиземноморье, но и как плацдарм для последующего захвата английских колониальных владений в Азии.

Молниеносная высадка войск Бонапарта близ Александрии в начале июля 1798 г. и ошеломляюще быстрое взятие этого города застигло мамлюкских эмиров врасплох, однако вскоре они приступили к организации обороны. Было принято решение встретить французов на подступах к Каиру. 21 июля 1798 г. произошло генеральное сражение – битва при пирамидах, которая решила участь Каира и всего Египта. Мамлюкская конница была разбита, Мурад-бей с остатками войска бежал в Верхний Египет, а Ибрахим-бей – в Сирию. Заняв столицу, французский экспедиционный корпус по приказу Наполеона оккупировал провинции Дельты и начал планомерный захват Среднего и Нижнего Египта. Одновременно Бонапарт занялся упорядочением управления Египтом, с тем чтобы сохранить свои завоевания и обеспечить интенсивную эксплуатацию страны. Изначально он ориентировался на сохранение традиционных для Египта институтов государственной власти и стремился, подобно турецким властям, заручиться поддержкой местного населения. Французы взяли твердый курс на оттеснение от государственного управления мамлюков, которые представляли основную противостоящую оккупантам военную силу. При этом Бонапарт умело использовал недовольство султанов мамлюкским самовластием, провозгласив свою военную кампанию «возвращением Египта в лоно Османской империи».

Таким образом, основами внутренней политики Наполеона в Египте стали, во-первых, поиск социальной опоры среди местного населения и, во-вторых, сочетание оккупационной администрации с привычными для египтян элементами управления – совещательными советами (*диванами*). Реоргани-

зованный французами центральный каирский диван и провинциальные диваны представляли собой марионеточные органы власти. Они использовались прежде всего для узаконения мероприятий, предпринятых для укрепления устоев оккупационного режима. Если в XVIII в. мамлюки преобладали в высших эшелонах политико-управленческих структур, то при французах их место в системе управления заняли в основном представители корпуса *улама* – высшего мусульманского духовенства и альтернативной мамлюкам авторитетной социальной группы. Двойственная система управления, сочетавшая французскую оккупационную администрацию и местные органы власти, действовала на территории Нижнего и отчасти Среднего Египта. Верхний же Египет, ставший ареной затяжных боев между мамлюкскими формированиями и частями французского экспедиционного корпуса, был в итоге превращен в фактический французский протекторат. Его правителем французы назначили Мурад-бея. Ему был присвоен титул «вице-губернатора Верхнего Египта», действовавшего от имени Французской Республики; сам же Мурад-бей величал себя не иначе как «французским султаном».

Широковещательные заявления Наполеона о «бескорыстном стремлении оккупационной администрации обеспечить благосостояние и процветание египетского народа» на деле обернулись перекачкой за 40 месяцев оккупации ценностей на 80 млн франков из Египта в казну французского экспедиционного корпуса. Пребывание французской армии в египетских пределах сопровождалось мародерством, грабежами и насилиями. В результате истребления или изгнания значительной части мамлюков и конфискации их имущества в пользу французской казны «государственные владения Французской Республики» пополнились 2/3 лучших земель Египта. Как городское население, так и феллахи постепенно разорялись от частых контрибуций и принудительных займов, а также реквизиций продовольствия и скота. Неудивительно, что с первых дней похода Бонапарта началось сопротивление местного населения французам, которое постепенно стало приобретать организованный характер. К тому же действенным импульсом для развертывания освободительного движения послужил разгром британской эскадрой адмирала Г. Нельсона французского флота в Абукирской бухте (август 1798 г.). Осенью 1798 г. Порта объявила Франции войну и провозгласила *джихад* – священную войну с неверными. Вслед за этим Каир пережил два масштабных антифранцузских восстания (октябрь 1798 г. и март–апрель 1800 г.), которые, впрочем, были беспощадно подавлены. После первого каирского восстания, которое сопровождалось мощным взрывом неповиновения во всей провинции, Наполеон предпринял поход в Сирию, где были сосредоточены османские войска. По убеждению французского главнокомандующего, многоконфессиональная Сирия с ярко выраженным христианским элементом должна была гарантировать более благоприятную обстановку для военных действий против Османов. Однако сирийская кампания окончилась провалом, и французам пришлось отступить во враждебный Египет. В августе 1799 г. Бонапарт тайно отплыл во Францию, а его преемники – генералы Клебер (был убит в июне 1800 г.) и Мену – невзирая на титанические усилия, не смогли остановить неотвратимый ход событий. Участь Восточной экспедиции Бонапарта была вскоре решена, и ее окончательный крах стал только вопросом времени. Османская армия и английский десант дезорганизовали части и со-

единения французской армии, и осенью 1801 г. французы были вынуждены покинуть Египет.

Одним из важнейших итогов экспедиции Наполеона стал мощный удар по социально-политическим и экономическим позициям мамлюков. Несомненно, для истории Египта трехлетний период французской экспедиции стал переломным, поскольку он предопределил образование в XIX в. фактически независимого египетского государства. Формально же Египет возвратился под сюзеренитет османского султана по Амьенскому миру, заключенному в 1802 г. между Англией и Францией. После того как двадцатитысячная английская армия оставила Египет, страна осталась без сколько-нибудь действенного контроля. Хаос и анархия усугублялись раздорами между ослабленными, но продолжавшими соперничество мамлюкскими группировками, да и Порта не располагала возможностями установить в стране свое прямое правление.

На первый взгляд может создаться впечатление, что XVIII в. в египетской истории был до отказа заполнен следующими друг за другом всплесками народного недовольства, произволом свирепых деспотов и разнузданной анархией. Действительно, мамлюкское преобладание в османском Египте сопровождалось нестабильностью и безостановочной борьбой за верховенство. В первой половине и последней четверти XVIII в. в Египте явственно проявились внутренние противоречия, изначально присущие мамлюкской псевдокастовой системе. Это и неспособность мамлюков объединить собственные ряды, и безудержное соперничество между мамлюкскими «домами», переraставшее в затяжные локальные войны, и привычка к занятию выгодных и престижных должностей с помощью физического устранения соперников. Наконец, нужно отметить хаотичную миграцию рядовых и нерядовых мамлюков от одного патрона к другому, частые измены в отношении союзников, ориентацию на сиюминутную политическую конъюнктуру, от которой зависела не только карьера, но и сама жизнь. Все это приводило к тому, что заботы о благоденствии и процветании страны отходили у мамлюкских беев на второй план. Османы же, оставаясь скорее наблюдателями, нежели участниками политических перипетий, тем не менее изобретательно интриговали в мамлюкской среде, с тем чтобы сохранить свое присутствие в провинции и получить хотя бы часть причитающейся им дани.

В то же время частота мамлюкско-османских и межмамлюкских столкновений выглядит в источниках намного более впечатляющей, нежели число собственно народных волнений, вызванных экономическими неурядицами, резким подъемом цен или злоупотреблениями властей. Повседневная жизнь египтян в основном протекала в привычном русле, и склоки, раздиравшие мамлюкские «дома», волновали добропорядочных горожан и селян лишь тогда, когда нерастраченные силы беев и их приспешников выплескивались на улицы и непосредственно затрагивали интересы рядовых жителей. Да и движения народного протеста нарушали общественный порядок только в ограниченных зонах египетской столицы – в районах, прилегающих к цитадели и мусульманскому университету аль-Азхар. Это точно подметил немецкий путешественник Карстен Нибур (1733–1815), который, отмечая приемлемое состояние общественной безопасности в Каире, констатировал: «Несмотря на узость каирских улочек и тиранию правительства, здесь о грабежах и убийствах среди населения слышишь меньше, нежели в крупных городах Европы».

ВАХХАБИТЫ В АРАВИИ

Бурные события в Египте в последней четверти XVIII в. совпали с появлением в соседней Аравии нового духовно-политического движения, выступавшего под знаменем возвращения к первоначальной чистоте ислама и борьбы против «предосудительных нововведений» (*бида'ат*) – ваххабизма. Это название встречается главным образом в европейской традиции. Арабское же слово «ваххабиты» (*аль-ваххабийя*) представляет собой не самоназвание, а простонародное прозвище, возникшее в XVIII в. среди противников этого религиозно-обновленческого движения. Позже оно устоялось в востоковедной литературе и сейчас широко применяется в немусульманских ученых кругах. Сами же последователи основоположника движения – Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба – категорически возражают против выделения их в некое особое направление в исламе, поскольку Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб не претендовал на создание новых догматов, но лишь стремился восстановить среди арабов ислам в его первоначальной «чистоте». Также они не признавали и не признают названий «ваххабизм» и «ваххабиты», поскольку считают их неоправданным возвышением имени своего учителя. Сами они именовали и именуют себя «единобожниками» (*аль-муваххидун*) или просто мусульманами (*аль-муслимун*).

Уже первые европейские очевидцы определили ваххабитов как «пуритан» или «протестантов» ислама. Действительно, средневековая европейская реформация и ваххабизм могут быть сравниваемы, однако только по чисто формальному признаку – внешне сходному стремлению «очистить» первоначальную, «истинную» религию от последующих наслоений. В остальном же эти два феномена совершенно различны, в первую очередь, по общественно-политическому содержанию. Специфика ваххабизма вытекает из конкретных условий духовной жизни Ближнего Востока вообще и Центральной Аравии в частности.

Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб родился в 1703 г. в местности Неджд (Центральная Аравия) в оазисе Аяйна, среди оседлых земледельцев. Его семья славилась образованностью, отец его был потомственным ученым мужем (*алимом*), и юный Мухаммед тоже решил посвятить себя служению традиционной науке. Готовясь к духовной карьере, он много путешествовал. В Мекке и Медине он изучал богословие, а позже в Багдаде и Дамаске уже активно участвовал в диспутах с видными алимами своего времени. Продолжительные странствия Ибн Абд аль-Ваххаба и упорные занятия богословием оказали сильное воздействие на его взгляды. Он много размышлял над причинами хаоса и неурядиц, царивших у него на родине; их причины виделись ему в «порче» нравов и отступлении от ислама эпохи его «золотого века» (*аль-аср аз-захаби ли-ль-ислам*). В молодые годы он имел возможность познакомиться с культами и верованиями Аравии и соседних стран, определить свое отношение к ним. Позже его скрупулезно обучали тонкостям толкования Корана и хадисам (преданиям о словах и действиях пророка Мухаммеда). Отсюда будущий вероучитель почерпнул аргументы для своей духовной теории. Он вступил в зрелый возраст с развитым мировоззрением.

Основа религиозной платформы Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба заключалась в резкой критике распространенных в Аравии остатков доисламских

верований – почитания скал, камней, священных источников, деревьев и животных, культа святых и т.д. В своих проповедях Ибн Абд аль-Ваххаб призывал вернуться к нормам истинного и строгого единобожия (араб. *таухид*). Твердое следование таухиду – главный принцип и важнейшая идея ваххабизма. Аллах в ваххабитском толковании становился абсолютно абстрактным явлением, т.е. полностью отделялся от каких-либо черт земного суетного мира, тогда как все существующее на Земле не должно было возвеличиваться ни в какой степени. Отсюда происходило особое отношение ваххабитов к пророку Мухаммеду. Они считали провозвестника ислама обыкновенным человеком, которого Аллах избрал для пророческой миссии. При этом личность самого Мухаммеда, по их мнению, не заслуживала никакого поклонения. Его не следовало обожествлять, у него не следовало ничего просить, а памятные места, связанные с его жизнью, не следовало особо отмечать и устраивать вокруг них культовые сооружения. Все виды поклонения и верований, противоречащие этим установкам, считались многобожием (*ширк*) и подлежали жесткому наказанию.

Ибн Абд аль-Ваххаб выступал против магии, колдовства, прорицательства и всего, что с этим было связано – заклинаний, талисманов, языческих обрядов и т.д. В силу этого ваххабиты отрицательно относились к мусульманскому мистицизму (*тасаввуфу*) и связанному с ним культу святых. Вопросы морали также занимали значительное место в ваххабитском учении. Последователи Ибн Абд аль-Ваххаба должны были соблюдать строгую простоту нравов, граничащую с аскетизмом. Ваххабиты запрещали вино и, по некоторым данным, кофе, табак и гашиш, отвергали любые проявления роскоши, особенно в одежде. Азартные игры, пение и игра на музыкальных инструментах жестко преследовались как явления, отвлекающие мусульман от выполнения религиозного долга.

Иными словами, возрождение ислама в ваххабитской интерпретации предполагало возврат к Корану и «неповрежденной» Сунне и отрицание любых «незаконных новшеств», не существовавших при Пророке, – *бид'а*. Ваххабиты нетерпимо относились к любому инакомыслию, не считаясь даже с родственными узами. Брат Ибн Абд аль-Ваххаба – Сулейман, – осудивший его учение, был объявлен вероотступником. В целом ваххабиты скорее были готовы примириться с существованием в Аравии общин христиан и иудеев, нежели мусульман, не разделявших их взгляды.

Пламенная и непримиримая ваххабитская проповедь обладала и резкой политической заостренностью. Главными противниками веры Ибн Абд аль-Ваххаб считал шиитов, а также османских султанов (которых ваххабиты объявили «лжехалифами») и их прислужников, якобы виновных в «преступных нововведениях», которые, как он полагал, и вызвали развал и слабость исламского мира перед лицом европейцев. Поэтому в духовном плане ваххабизм противостоял официально признанному «отуреченному» варианту суннитского вероучения, который, по убеждению его сторонников, являлся результатом отступления от сунны Пророка.

Поначалу Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб не делал особого акцента на моральных и идеологических ограничениях, чтобы не отпугнуть возможных сподвижников. Несомненно, некоторые стороны ваххабитского учения были привлекательны для кочевого населения. Ваххабиты стремились к простоте,

присущей нравам бедуинов и образу их жизни. Кроме того, их сближала постоянная готовность к войнам и грабежам, которые ваххабиты расценивали как святое дело бескомпромиссного джихада, а бедуины, в более прагматическом стиле считали их возможностью нажиться. Кроме того, многие бедуинские племена были в долговой кабале у аравийских горожан, и ненависть ваххабитов к ростовщичеству не могла им не импонировать. Наряду с элементами уравнительности рядовых кочевников вдохновляла проповедь братства и социальной гармонии мусульман. Правда, другие требования ваххабитов обескураживали бедуинскую вольницу. Мухаммед Ибн Абд аль-Ваххаб требовал неукоснительно платить налоги, соблюдать полувоенную дисциплину и отказаться от древних языческих культов. Поэтому в дальнейшем аравийские племена подчинялись этим требованиям главным образом под давлением военной силы.

Поначалу Ибн Абд аль-Ваххаб проповедовал в своем родном оазисе Аяйна, однако его крайний фанатизм, проявившийся в непримиримости к местным святилищам, привел к тому, что жители решили избавиться от ретивого проповедника. Тогда изгнанник обосновался в неджийском городке ад-Диръийя. Союз между диръийским эмиром Мухаммедом ибн Саудом и Мухаммедом ибн Абд аль-Ваххабом был заключен в 1744 г. С этих пор Саудиды неразрывно связаны с ваххабитским учением. Сначала сам Ибн Сауд (1744–1765), а потом его сын Абд аль-Азиз (1765–1803) в течение полувека вели борьбу за объединение Аравии под знаменем ваххабизма. Начали ваххабиты с подчинения различных оазисов и областей Неджда. Первенство в этом регионе они оспаривали с правителями Эр-Рияда, вождями восточноаравийской провинции аль-Хасы и племенными вождями Наджрана. К 1770 г. большая часть Неджда присягнула на верность «обновленной» религии и Саудидам. В 1773 г. ваххабиты заняли Эр-Рияд, оставленный риядским эмиром Даххамом ибн Даввасом и жителями, опасавшимися мести своих противников. Консолидация неджийских земель вокруг ад-Даръийи завершилась в 80-х годах XVIII в.

Подчинив своей власти всю Центральную Аравию, ваххабиты стали главной силой на Аравийском полуострове. Поначалу основы их государства были непрочны. Старые правители на завоеванных землях формально принимали ваххабитское толкование веры и признавали саудовского эмира своим сюзереном и духовным главой. Однако в любой момент они могли восстать против своих повелителей. Поэтому в первые годы ваххабитские войска вынуждены были метаться по городам и весям, расправляясь с вероотступниками и наводя страх на колеблющихся. Только к концу XVIII столетия государство Саудидов централизуется, создается все более четкая административная организация. В 1788 г. правитель Диръийского эмирата Абд аль-Азиз и Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб решились на важный шаг, объявив Сауда, сына Абд аль-Азиза, наследником трона при жизни отца, тем самым они стремились укрепить династию Саудидов и гарантировать ее от покушений.

После закрепления своей власти в Центральной Аравии ваххабиты обратили взоры на богатую аль-Хасу, которая была завоевана к 1793 г. В разгар покорения аль-Хасы, в 1792 г. скончался почти девяностолетний Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, и Саудиды окончательно присоединили к своей свет-

ской власти власть религиозную. Неуемному честолюбию и жажде власти саудидских эмиров противопоставил себя правитель Омана. После того, как он был повержен в 1804 г., последним серьезным противником ваххабитов в Персидском заливе оставалась английская Ост-Индская компания. Несмотря на столкновение с Британией на море, которое завершилось поражением ваххабитов и их союзников, побережье Персидского залива осталось за аравийскими единобожниками. Таким образом, англичане преобладали на море, а ваххабиты на суше: в акватории Залива установилось status quo.

Одновременно с борьбой за Персидский залив Саудиды попытались присоединить к своим владениям Западную Аравию. Начиная с 1794 г. они устраивали налеты на Хиджаз, стремясь к своей заветной цели – овладению Меккой и Мединой. В 1796 г. на сторону ваххабитов перешли практически все племена Хиджаза. На стороне ваххабитов было моральное превосходство, они исступленно верили в правоту своего дела. Фанатизм в их рядах доходил временами до массового психоза, особенно во время боевых действий. Противники ваххабитов порой проигрывали им сражения даже при значительном численном перевесе. Убежденность, пылающая ненависть к врагу и красноречие сторонников ваххабизма оказали сильное психологическое воздействие на племена Хиджаза. В 1799 г. шериф Мекки был вынужден сложить оружие. В 1802 г. ваххабиты захватили и разграбили город-оазис Таиф, и в апреле 1803 г., соблюдая порядок, вошли в Мекку. С большим усердием они переделали мусульманскую святыню по своему вкусу. Все проявления идолопоклонства уничтожались: с Каабы было сорвано расшитое золотом шелковое покрывало. Гробницы деятелей раннего ислама, окружавшие главную мечеть мусульманского мира – аль-Масджид аль-Харам, были разрушены и сровнены с землей, равно как и купол над колодцем Зем-зем, а также все здания, превосходящие по высоте Каабу. Подобным же образом они «обустроили» Медину, захваченную в 1804 г. Ваххабиты столь изрядно потрудились там над гробницей Пророка, что позже пришлось отстраивать ее заново. Поминание имени османского падишаха во время молитвы было отменено сначала в Мекке, а впоследствии и по всей Аравии.

В начале XIX столетия государство ваххабитов, выросшее из Диръийского эмирата, достигло пределов своего роста и могущества. Диръийским эмирам подчинялись племена, обитавшие в зоне пустынь и полупустынь, которые граничили с землями Благодатного Полумесяца. Им платили дань даже султан Маската, имам Йемена, правители Хадрамаута. Диръийский эмират охватывал примерно 2,4 млн жителей. Более того, ваххабитское учение перестало быть достоянием лишь Аравии, но распространилось в некоторых других арабских и мусульманских землях. В апреле 1802 г. последователи Ибн аль-Ваххаба устроили одну из самых скандальных акций – набег на священный для шиитов город Кербела в Ираке. Сподвижники Саудидов в количестве 12 тыс. прорвались сквозь османские заслоны к Кербеле. По сообщениям очевидцев, было истреблено почти все население города, а огромные богатства мечети Хусейна – героя раннего ислама, сына «праведного халифа» Али, – были разграблены и вывезены в Аравию, для чего потребовалось 4 тыс. верблюдов. Особенно пострадали от бесчинствующих ваххабитов минареты и купола, поскольку ваххабиты посчитали, что кирпичи, из которых построены эти сооружения, сделаны из золота. Ваххабиты соверша-

ли систематические набеги на Сирию и Ирак до 1810 г., но закрепиться там не смогли, ограничиваясь разграблением незащищенных селений. Хотя в 1810 г. Сауд дошел почти до Дамаска, все же ваххабитский натиск не принес решающих побед и стал ослабевать. После кербельской катастрофы ни один укрепленный город в Сирии и Ираке не попал в руки ваххабитов, а попытки Саудидов объединить арабов в антиосманский фронт потерпели неудачу во всех арабских провинциях.

Что же привело к ослаблению ваххабитского натиска и последовавшему в 1819 г. краху Дирʼийского эмирата? Во-первых, деяния фанатичных единобожников вызвали неоднозначные чувства в арабо-мусульманском мире. В целом реставраторы «первоначального ислама» были восприняты как банда дикарей и святотатцев. Жители Сирии и Ирака рассматривали ваххабитов как чужеземных завоевателей и оказывали им сопротивление, не желая подчиняться выходцам из дикой бедуинской глубинки. Кроме того, в бурлящей духовной обстановке второй половины XVIII в. выкристаллизовалось непримиримое противоречие между молодым ваххабитским учением и старинными устоями суннитского традиционализма. Воинствующие Саудиды по праву воспринимались в суннитском мире как революционеры-новаторы, бунтовщики против нормативного ислама. Культивируемое ваххабитами восприятие себя в качестве монопольных носителей «истинного исламского учения» сыграло с ними злую шутку. Ирония истории проявилась в том, что те, кто считал любое новшество преступлением, сами расценивались в XVIII в. как авторы недопустимых и преступных новшеств.

Во-вторых, волна ваххабитских набегов и беспрецедентное ограничение ваххабитами паломничества (*хаджа*) из Османской империи бросили вызов Порте и османскому султану как «служителю священных городов» – Мекки и Медины. В ответ багдадский паша Буюк Сулейман снарядил военную экспедицию численностью 10 тыс. человек и вторгся в 1797 г. в аль-Хасу, однако через два года был вынужден заключить с дирʼийскими эмирами перемирие. Позже роль лидера антиваххабитской кампании перешла к энергичному и могущественному паше Египта Мухаммеду Али.

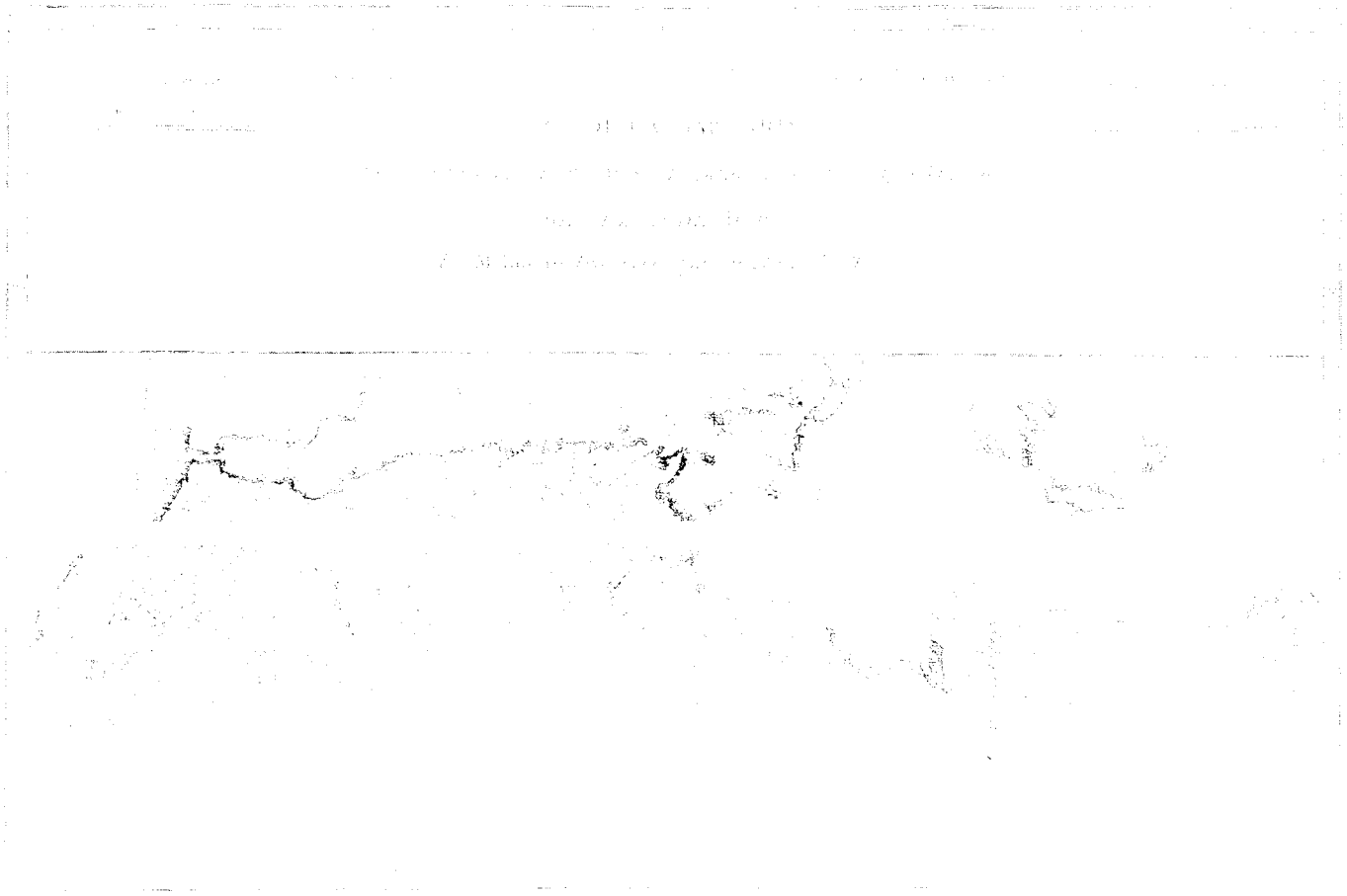
Наконец, в-третьих, постоянная угроза для соседей и грабительские походы изначально создавали предпосылки для распада и гибели государства ваххабитов. Непримиримый фанатизм последователей Ибн Абд аль-Ваххаба заставил их прервать торговые связи с «многобожниками», которыми для них были все, не разделяющие их воззрения. До 1810 г. была запрещена торговля с Сирией и Ираком. Однако экономические потребности были сильнее слепого фанатизма. Торговля Аравии с «многобожниками» сократилась, но продолжалась. Сделав тщетную попытку установить «самоблокаду» Аравии, но оказавшись не в состоянии обойтись без торговли с «многобожниками», Саудиды нанесли ущерб своему авторитету. К тому же за пределами Аравийского полуострова и зоны пустынь ваххабитское войско оказалось не в состоянии вести крупные успешные операции. Между тем в приостановке экспансии уже таилась угроза существованию государства Саудидов. Участие в победоносном грабеже – вот главное, что объединяло знать разрозненных оазисов и племен. Когда же военное расширение Дирʼийского эмирата, достигнув своих естественных границ, замедлилось, а потом практически прекратилось, объединение для аравийских вождей потеряло многие при-

влекательные черты. Противоречия, которые медленно подтачивали его изнутри, постепенно приобрели разрушительный характер. Достаточно было какого-либо внешнего толчка, чтобы начался процесс распада государства Саудидов. Этот момент наступил в 1811 г., когда Мухаммед Али по призыву Стамбула развернул против ваххабитов крупномасштабную войну.

МАГРИБ

В отличие от ваххабитского Неджда средние и восточные магрибинские территории XVIII в. (Алжир, Триполитания, Тунис) по-прежнему считались провинциями Османской империи, но фактически стали самостоятельными государствами и получили у европейцев названия «регентства» или даже «королевства». Их властители (янычарские деи в Алжире, вожди войсковых отрядов *кулугли* в Триполи, беи в Тунисе) имели собственную армию, флот и администрацию, проводили самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, заключали международные договоры. Символическое же главенство Стамбула выражалось в признании алжирцами, тунисцами и триполитанцами османского султана духовным главой мусульман-суннитов. Его имя чеканилось на монетах и упоминалось в проповеди после пятничной соборной молитвы. При вступлении нового падишаха на престол и по религиозным праздникам правители Магриба неизменно посылали в Стамбул богатые дары – ковры, одежды, золоченое оружие, львиные шкуры, арабских скакунов. В ответ имперские правители отправляли корабли, пушки, порох, селитру, свинец, ядра, а также символ инвеституры османского наместника – почетный кафтан паши, хотя эта должность имела в Магрибе номинальное значение. Подобные посольства с дарами сановники Порты считали данью, а магрибинские вожди – знаком внимания. Судьба пиратско-янычарской верхушки во многом зависела от постоянной помощи Стамбула, но и Порта была заинтересована в надежном союзнике на североафриканских берегах. Поэтому отношения Алжира, Туниса и Триполи с османской метрополией в XVIII в. скорее можно назвать взаимовыгодным союзом единоверцев, нежели зависимостью. Что же до западных территорий Магриба – Марокко и приатлантической Сахары – то они по-прежнему оставались вне границ Османской империи. Уровень политического развития у них был различен. В Марокко сложилась устойчивая, хотя и слабоцентрализованная монархия под руководством династии Алауитов, возводящих свое происхождение к пророку Мухаммеду. В приатлантической части Сахары легко возникали и рассыпались полукочевые «эмираты», то воевавшие, то объединявшиеся с негрскими государствами долины р. Сенегал.

В Триполитании XVIII в. распад османских порядков способствовал возрождению местных традиций общественной и политической жизни. Их основными носителями в Триполи были представители своеобразной этнической прослойки – потомки от браков турок с арабскими женщинами (араб. *кулугли*; от тур. *кул оглу*, букв. «сын раба [государева]», т.е. сын государственного служащего). Будучи арабами по языку и культуре, они несли военную службу, сочетая ее с занятиями земледелием и ремеслом. Эта привилегированная группа населения была связана кровными узами с местными



«Северная Африка или Берберия, включающая в себя королевства Триполи, Тунис, Алжир, Фес и Марокко». Карта Р. Бонна. 1780 г.

жителями и противопоставляла себя янычарам, сохранявшим турецкий язык и обычаи.

На рубеже XVII–XVIII вв. в обстановке янычарского своеволия, анархии и смут отряды кулугли стали в Триполи существенным противовесом дестабилизации общественной жизни. Их командир Ахмед Караманли в начале XVIII в. повел борьбу за отстранение от власти турецких ставленников, а затем открыто выступил против янычар при поддержке бедуинских племен и населения г. Триполи. 28 июля 1711 г. он организовал военный переворот, в ходе которого было истреблено более 300 янычарских командиров. Отказавшись принять наместника Порты, честолюбивый военачальник в 1713–1716 гг. объединил под своей властью всю территорию современной Ливии. Богатые дары султану и петиции населения с просьбой назначить Ахмеда наместником вынудили Порту признать сложившееся положение дел. В 1722 г. Ахмед Караманли официально вступил в должность наместника в Триполи с присвоением ему титулов бейлербея и паши.

Социальную опору новой династии Караманли составили общины воинов-*кулугли*, из которых формировались воинские части. Янычарский же оджак был расформирован и потерял былое значение. Со свободными арабскими племенами Караманли старались поддерживать союзнические отношения. Как Ахмед, так и его преемники придавали большое значение религии: восстанавливали шариатские суды, юрисдикция которых была ограничена при янычарах, оказывали почтение мусульманским духовным лидерам (*мурабитам*) и религиозным братствам. Хотя в управлении эйалетом сохранились османские традиции, переход власти в руки кулугли стимулировал арабизацию правящей группировки.

Внутренняя жизнь раннего государства Караманли была наполнена заговорами и междоусобицами. За 34 года правления (1711–1745) Ахмеду Караманли пришлось подавить более 20 восстаний и мятежей. Установление военной деспотии, укрепление администрации и ужесточение налоговой системы вызывали попытки оставшихся янычар вернуть себе былые привилегии. Однако уставшее от постоянных войн население было пассивно, и янычарские бунты не имели широкой поддержки. Поэтому к концу правления Ахмеда Караманли на территории эйалета Триполи сложилось уже вполне централизованное государство с полноценным административным аппаратом, армией и флотом. Это позволило основателю династии не только обеспечивать безопасность страны и установить порядок в ее внутренних районах, но и гарантировать постоянное поступление доходов, основными источниками которых являлись корсарство, транссахарская торговля и дань с европейских государств.

Контакты Триполи с Османской империей строились на двойственной основе. С одной стороны, Ахмед Караманли считал себя независимым от Стамбула и без согласия султана заключал договоры о мире с европейскими странами – Францией (1729), Англией (1716, 1730), Голландией (1728), Священной Римской империей (1726). С другой стороны, он понимал, что без патронажа Османской империи он не смог бы добиться стабильности и долго продержаться у власти. Поэтому он неизменно выплачивал Порте дань и признавал религиозный авторитет султана как халифа всех правоверных.

При преемнике Ахмеда Мухаммеде Караманли (1745–1754) Ливия достигла наибольшего расцвета. Укреплялись вооруженные силы, были построены собственные судоверфи, развивалось сельскохозяйственное производство, росло число кустарно-ремесленных мастерских. Триполи и другие города на побережье благоустраивались, воздвигались новые городские стены, строились школы и мечети. Общественная и культурная жизнь городов заметно оживилась. Однако все эти положительные сдвиги были обусловлены своего рода инерцией долгого и успешного правления Ахмеда Караманли. К концу правления Мухаммеда Караманли его власть над корсарами ослабела, а в 1752 г. против него был организован заговор моряков-албанцев (*арнаутов*), служивших на корсарских кораблях. Этот мятеж оказался верхушечным и не имел успеха, но третий из правителей династии – Али Караманли (1754–1793) постоянно сталкивался с попытками янычар и корсаров вернуть утраченные позиции. Оппозиционные Караманли силы во второй половине XVIII столетия уже не опасались открыто ориентироваться на Порту.

В 80-х годах XVIII в. в Триполитании развернулся экономический и общественный кризис. Недостаток товаров, рост цен и стихийные бедствия (голод 1784 г. и последовавшая за ним чума 1785 г.), финансовые затруднения власти и непоследовательная политика Али поставили режим Караманли на грань катастрофы. Почувствовавшая силу янычарская вольница способствовала росту междоусобиц, грабежам на дорогах и ослаблению торговли. Участились столкновения между племенами. На этом фоне Порта решилась на силовую реставрацию своего прямого управления в Триполи. В 1793 г. греческий авантюрист-ренегат Али Джезаирли при поддержке 300 наемников сверг правящую династию и вынудил Али Караманли с сыновьями бежать в Тунис. Однако воссозданная османами атмосфера репрессий и террора быстро вынудила триполийских кулугли вновь присягнуть династии в лице младшего из сыновей Али Караманли – Юсуфа. В январе 1795 г. при помощи тунисских подкреплений он смог взять Триполи и восстановить в эйалете прежние порядки.

Придя к власти, Юсуф Караманли наладил отношения с метрополией. Уже в 1796 г. он добился от султана Селима III указа (*фирмана*), официально признававшего его наместником эйалета Триполи. Однако Юсуф-паша лишь внешне ориентировался на Порту. Он прекратил высылать в Стамбул дань, а арабский язык при нем заменил староосманский в качестве официального языка двора и триполийского государства.

Тунис с первых лет XVIII в. оказался под властью местного арабского военачальника Хусейна ибн Али, также основавшего в 1705 г. собственную династию Хусейнидов. Уже ранних Хусейнидов можно назвать тунисской династией. Их основной общественной опорой были уже не янычары, утратившие в XVIII в. свое руководящее положение, а местная (тунисская и андалусская) элита и городские верхи. Особое положение при дворе Хусейнидов заняли также мамлюки, в основном уроженцы Кавказа. Из них комплектовалась личная гвардия бея, а наиболее способные мамлюки занимали ключевые посты в армии и администрации. Однако чувство тунисского партикуляризма и осознание обособленности Туниса не мешало Хусейнидам формально признавать себя подданными Османской империи. Стамбул использовал это двойственное положение для того, чтобы время от времени

вмешиваться в местные распри и, сообразно обстановке в Северной Африке, блюсти здесь свои военные и политические интересы.

Экономическое развитие Туниса в XVIII в. уже в большей степени опиралось на сельскохозяйственное производство и торговлю, нежели на доходы от пиратского промысла. Процветание внешней торговли в начале XVIII столетия побудило Хусейна ввести государственную монополию на вывоз товаров и заключить (безо всякого совета со Стамбулом) договоры о дружбе с Францией (1710, 1728), Англией (1716), Испанией (1720), Австрией (1725) и Голландией (1728). Однако корсарские вылазки подданных бея осложняли контакты с Европой: Франция дважды (в 1728 и 1731 г.) посылала свои корабли для бомбардировки тунисских портов.

Процветание и внутренняя безопасность Туниса, сложившиеся при Хусейне ибн Али, были серьезно поколеблены только в середине 30-х годов XVIII в., когда распри внутри хусейнидской семьи вылились в длительный мятеж Али, племянника Хусейна, не поделившего власть с его сыновьями. Эти события раскололи тунисские верхи на две враждующие лиги (*соффа*) – *башийя* (араб. сторонники паши), состоящей из сторонников нового бея, называвшего себя Али-паша, и *хассинийя* (араб. сторонники Хусейна), объединившей приверженцев незаконно свергнутого основателя династии. Сыновья Хусейна, возглавившие лигу хассинийя, при содействии алжирского дея свергли узурпатора в 1756 г. Утвердившись у власти при помощи алжирцев, Мухаммед-бей (1756–1759) и Али-бей (1759–1782) были вынуждены признать вассальную зависимость от Алжира.

На протяжении последующих 50 лет в Тунисе не было ни одного крупного восстания или мятежа. Братья-победители оказались людьми государственного ума. Они успешно восстановили мир и порядок в стране, страдавшей от непрерывных войн, и проводили последовательную экономическую политику. Предав забвению староосманские порядки, они отказались от государственной опеки и регламентации производства и торговли. В то же время Али-бей проявил себя как ловкий дипломат. Он благоволил Франции и вместо разрушенной французской фактории, основанной еще в XVII в., позволил французам основать сеть торговых контор в портах на севере страны.

Новая экономическая политика Али-бея получила дальнейшее развитие при его сыне Хамуда-паше (1782–1814). Этот правитель Туниса не случайно считается у историков наиболее выдающимся представителем династии Хусейнидов. Как и его отец, он искусно использовал в своих целях события в Европе. С одной стороны, открывая тунисскому судоходству путь на север, он дважды объявлял морской джихад Франции в самые сложные для французов времена – в 1789–1795 гг., пришедшиеся на Французскую революцию, а также во время схватки Англии и Франции за Мальту (1798–1800). С другой стороны, используя экономическую конъюнктуру, сложившуюся в Средиземноморье после наполеоновских войн, Хамуда-паша способствовал заметному оздоровлению экономики страны.

На рубеже XVIII и XIX веков возрождение оливководства, производства тканей, традиционных ремесел (в том числе прославленного производства фесок (*шеший*) для Турции и Египта) укрепило благосостояние тунисцев. Произошла постепенная консолидация тунисского общества, что предопределило и культурное развитие тунисской элиты, также бывшее в эту эпоху

на подъеме. Сам Хамуда-паша был просвещенным правителем. По свидетельствам современников, он свободно говорил и писал на арабском и староосманском языках, хорошо знал итальянский. Подражая средневековым арабским эмирам, он оказывал покровительство ученым и поэтам, строил мечети, школы и государственные учреждения. В их архитектурном стиле все более проявлялось европейское влияние, что неудивительно, поскольку жители Туниса чаще выезжали в Европу, чем подданные других арабских эйалетов Османской империи. Бурное развитие торговли и мир внутри страны сделали эпоху Хамуда-паши «золотым веком» для последующих поколений.

На протяжении XVIII столетия сложился как государство и янычарский Алжир. Хотя закат османского могущества отразился на его мощи и боеспособности его войска, в эту эпоху обрел окончательную форму режим алжирских деев. Алжирское государство являло собой выборную монархию, но в отличие от янычарских командиров деи выбирались без ограничения срока полномочий. По кандидатуре дея требовалось единогласие янычарских ага и пиратских капитанов, причем выборы превращались в долгую процедуру, сопровождавшуюся закулисными сделками и подкупами. Стороны нередко выясняли отношения при помощи оружия, однако налицо была стабилизация дейской власти: из 10 деев, правивших Алжиром в 1710–1798 гг., только трое были убиты в ходе переворотов.

Деи, присвоившие себе с 1711 г. полномочия османских пашей, выступали одновременно в роли главы государства и главы правительства. Свои функции они осуществляли вместе с правительственным советом (*диваном*), в состав которого входили 50–60 человек из числа видных военных, гражданских сановников и представителей мусульманского духовенства. Дей выступал в качестве главного хранителя янычарских традиций. С воцарением в своей резиденции Дженина он уже не принадлежал себе. Как все янычары, он жил отдельно от семьи и навещал собственный дом только раз в неделю. Руководя Алжиром, он не получал никаких доходов, кроме жалованья янычара. Однако деи всегда имели обильные побочные доходы, состоявшие из подношений должностных лиц, даров консулов, доли в пиратской добыче или коммерческих предприятиях. По сути дела правители Алжира были заложниками янычарского войска, и навязчивый страх за свою жизнь нередко толкал их на немотивированные расправы с возможными заговорщиками.

Управление Алжиром было децентрализовано. Реальная власть деев распространялась на приморскую равнину ($^1/_6$ территории страны), тогда как горцы Кабилии и пустынные племена им обычно не подчинялись. Обладая слабым государственным аппаратом и малочисленным войском (несколько тысяч янычар и кулугли), деи и беи все же удерживали в относительном повиновении большую часть населения страны. Это достигалось за счет ловкого использования межплеменных противоречий, контроля над рынками и торговыми путями, взятия заложников. Помощь дейскому правительству оказывали освобожденные от налогов служилые племена (*ахль аль-махзен*), расселенные в приморье и на окраинах Сахары. Но в целом турки, более интересовавшиеся морскими преимуществами алжирского побережья, чем подчинением самого Алжира, вступали лишь в слабое политическое и культурное взаимодействие с населявшими его народами.

Внешняя политика дейского государства в течение всего XVIII столетия не отличалась особым динамизмом, что было связано прежде всего с военным упадком. Янычарский оджак почти не восполнялся малоазийскими контингентами, и его численность катастрофически сокращалась – с 11 тыс. человек в начале века до 5–6 тыс. в его конце. Не лучшей была участь и пиратского сообщества. В XVIII в. ясно обозначилось военно-техническое превосходство европейцев на море. Поэтому деям поневоле приходилось выполнять свои обязательства перед державами. В то же время частые нападения французских и английских эскадр и нехватка опытных экипажей угнетали корсарский промысел. По сравнению с XVII в. добыча алжирских пиратов сократилась более чем в десять раз, вместо 30–35 тыс. пленников теперь в Алжире находилось менее 1 тысячи, а некогда грозный алжирский флот обветшал и частично вышел из строя: в 1724 г. его силы состояли из 24 кораблей, а в 1788 г. – уже только из 17.

Однако европейские державы и США заставляли деев уважать свои интересы скорее деньгами и подарками, чем военно-морскими кампаниями. Полномасштабное нападение на Алжир позволила себе только Испания: в 1775 г. Карл III организовал крупную экспедицию с целью расширить свои владения в Западном Алжире. Однако испанский десант был окружен под стенами алжирской столицы и полностью разгромлен. Бомбардировки Алжира испанским флотом (1783–1784) ничего не дали, и в 1786 г. Мадрид вынужден был подписать мирный договор с деем Мухаммедом бен Османом (1766–1791), а через шесть лет сдать алжирцам главный город Западного Алжира – Оран (1792). Заключение мира с Испанией в конце XVIII в. обернулось для Алжира некоторым возрождением пиратских традиций позднего Средневековья.

История Алауитского Марокко первой половины XVIII в. прошла под знаком царствования целеустремленного и властного государя – Мулай Исмаила (1672–1727), объединившего марокканские провинции и наведшего невиданный до его правления порядок в государственных делах. Он вступил на престол в 26 лет и скончался на нем же глубоким стариком. Европейские источники сохранили колоритный облик этого выдающегося монарха. Худощавый, высокий, светлокожий шатен с раздвоенной бородкой, Исмаил поражал современников жгучим проницательным взглядом, живостью ума, порывистостью движений и большой физической силой: даже в возрасте шестидесяти лет он вскакивал на коня одним прыжком. Вспыльчивость и жестокость шерифского султана вошли в Марокко в поговорку: всякая неудача или конфликт приводили его в бешенство, а его гнев на придворных нередко заканчивался убийством провинившегося. Исмаил страстно любил деньги и редко останавливался перед преступлением, чтобы пополнить казну или личный бюджет. В то же время в быту он был экономен и питал презрение к роскоши и чревоугодию. Лишь в одном он не отказывал себе на протяжении всей жизни – в любви к женщинам. В его гареме жили более 500 наложниц всех цветов кожи, включая европеек знатного происхождения, а число только его сыновей к концу правления достигло семисот. Сильный темперамент султана, его неистощимая энергия и выдумка проявлялись и в военном деле: он находил удовольствие в войнах, не щадил себя и отличался отвагой. Все эти качества своеобразно сочетались в его характере с истовой набожностью.

Мулай Исмаил, султан Марокко.
Гравюра. 1726 г.

На протяжении своего полувекового правления Исмаил сделал почти невозможное для традиционного Марокко – распространил влияние и контроль правительства на всю территорию страны. Даже племена Высокого Атласа, веками не признававшие никакой внешней власти, вынуждены были временами ему подчиняться. Во многом успех его политики обусловило создание мощного и хорошо вооруженного профессионального рабского войска, которое он сначала набирал из темнокожих невольников Западного Судана, а затем наладил его воспроизводство, выдавая воинам в жены юных негритянских рабынь. Всего негритянская армия Исмаила, получившая название *абид* (араб. рабы), насчитывала до 150 тыс. человек. Хорошо зная непокорность своей страны, Исмаил разместил постоянные гарнизоны новых войск в укрепленных опорных пунктах (*касбах*), расположенных в мятежных районах, вдоль торговых путей, а также поблизости от крупных городов. Крупным военным центром стал и новый столичный город – Мекнес, выстроенный Исмаилом к юго-западу от Феса среди оливковых плантаций и фруктовых садов.

Внешняя политика Исмаила была активной. Он приложил немало усилий для того, чтобы освободить марокканское побережье от европейцев. В конце XVII в. он вынудил англичан эвакуироваться из Танжера и отобрал у испанцев приатлантические крепости Лараш, Арсилу и Ультрамар (Маамуру). Таким образом, на атлантическом фасаде страны осталась одна европейская военная база (португальский Мазаган), но испанцы еще держались на средиземноморском побережье в крепостях (*пресидиос*), крупнейшими из которых были Сеута и Мелилья. Другим очагом напряженности при Мулай Исмаиле был северо-восток, где шерифское войско часто сталкивалось с янычарскими отрядами алжирских деев. Защищая целостность страны, Мулай Исмаил проявлял немало внимания к развитию торговли. Играя на противоречиях между европейскими державами, он в 1682 г. подписал с французским королем Людовиком XIV договор о свободе мореплавания и торговли, но в начале XVIII столетия уже благоволил к англичанам. Интерес Мулай Исмаила к Англии заметно усилился после того, как британцы в ходе войны за Испанское наследство (1701–1714) овладели крепостью Гибралтар и создали там военно-морскую базу. В начале XVIII столетия, явно предпочитая торговлю пиратству, шерифский государь разрешил европейским купцам селиться в Марокко, благоприятствовал выкупу христианских пленников, расширял порты и пристально следил за безопасностью караванных трасс.

Строгая централизация власти и государственная дисциплина, введенные Мулай Исмаилом, столь явно противоречили традициям Дальнего Магриба, что сразу же после смерти султана (1727) его режим рухнул. Горские племена отказывались платить государственные налоги и спускались на равнины для грабежа, в городах разгорались бунты, кочевники организовывали набеги на плодородные приатлантические равнины и ввязывались в распри с их населением. Тем временем многочисленные сыновья Исмаила начали затяжную борьбу за престолонаследие, известную как междуцарствие или Тридцатилетняя смута (1727–1757). В ходе этого длительного братоубийства ключевую роль сыграли «черные преторианцы» Исмаила, осознавшие, что они являются единственной организованной силой в Дальнем Магрибе. При их участии дети Исмаила часто менялись на престоле, в частности законный эмир-наследник Мулай Абдаллах в ходе боевых действий был четыре раза низложен (1728, 1735, 1736, 1745 гг.) и пять раз призван на правление (1727, 1729, 1736, 1740, 1745 гг.) различными общественно-политическими силами. Все это время Дальний Магриб оставался театром борьбы между темнокожими гвардейцами (*абид*), остававшимися хозяевами положения, горожанами Феса и Марракеша, привилегированными служилыми арабскими племенами и берберскими кочевниками. Возобновление кочевых миграций, частое разорение городов противоборствующими сторонами, засухи и голодный мор, поразившие страну в 40-х годах XVIII в., поставили под вопрос не только объем власти Алауитской династии, но и само ее существование.

Равновесие между противоборствующими силами Тридцатилетней смуты удалось восстановить лишь внуку Мулай Исмаила – Сиди Мухаммеду ибн Абдаллаху (1757–1790). Усталость населения от войн и ослабление негритянской гвардии позволили этому незаурядному правителю постепенно восстановить мир и относительный порядок в стране. В своих объединительных усилиях новый султан не мог полагаться на проведение силовой политики. Его военные силы были незначительны, а длительное междуцарствие и анархия раздробили Дальний Магриб на племенные территории, земли вольных портовых городов, владения влиятельных мурабитов и удельные княжества членов династии. Дальний Магриб слабо поддавался централизации. Наместники провинций были почти независимы от центра, а подчиненная власти султана территория редко превышала $^1/_3$ площади Марокко. Духовная власть шерифских правителей признавалась марокканцами повсеместно, тогда как их претензии на сбор налогов решительно отрицались населением труднодоступных Атласских гор и полупустынных областей юга.

Поэтому Сиди Мухаммед и его преемники Мулай Язид (1790–1792) и Мулай Слиман (1792–1822) старались пользоваться своим шерифским престижем, который был довольно высок, а также междоусобицами суфийских братств и берберских племен. Управление страной по-прежнему осуществлялось в традиции «кочующего двора». В XVIII–XIX вв. Марокко имело четыре столицы – Фес, Марракеш, Рабат и Мекнес – и в каждой из них султан пребывал по несколько месяцев в году, постоянно перемещаясь с семьей, приближенными и армией по провинциям своего султаната и взимая налоги. Слабость внутрихозяйственных связей, кочевые миграции и межплеменные

столкновения чрезвычайно затрудняли деятельность султанской администрации. Стабилизация внутреннего положения в Марокко была приостановлена только реформами Мулай Слимана. В начале XIX в. этот султан, подражая аравийским Саудидам, попытался ликвидировать автономию суфийских братств и вольницу берберских племен. Однако проваххабитские меры Мулай Слимана нарушили хрупкий баланс в отношениях государства и деятелей «народного ислама». В итоге насильственное очищение марокканского ислама от «незаконных нововведений» настроило против монарха-реформатора влиятельных местных мурабитов и суфийских наставников, обладавших безраздельным авторитетом у населения. Потерпев поражение в войне 1812–1822 гг. с берберскими племенами, Мулай Слиман вынужден был прекратить все реформы и отречься от трона.

К югу от Марокко, в приатлантической Сахаре с начала XVIII в. начали формироваться государства-эмираты. Их лидеры (*эмиры*) еще разделяли власть с собранием племенной знати (*джама'а*), но пост эмира уже переходил по наследству. Сами же джама'а в эмиратах все реже переизбирались племенем и превращались из племенного «парламента» в совещательный орган при вожде. Однако власть эмиров оставалась непрочной, а их государства были слабо централизованы. Эмир сохранял скорее военную, чем политическую власть. Его отношения с арабской элитой, берберами и негроидами представляли собой своеобразный «вассалитет», основанный не на свободном договоре (как в феодальной Европе), а на военном принуждении, когда подданных заставляли платить натуральную дань. Поскольку вожди покоренных племен постоянно стремились к автономии, арабские «сюзерены» вынуждены были постоянно подтверждать свои права карательными походами и набегами для пополнения своих средств к существованию.

Первым государством, возникшим у арабов Присахарья, был эмират Бракна, расположенный к северу от р. Сенегал. Он был создан еще в конце XVI в. и достиг наибольшего могущества в конце XVII столетия. Однако в следующем, XVIII веке на его окраинах возникли несколько сепаратистских движений. В 1718 г. вассальное племя траза подняло восстание против эмира Бракны и отказалось платить дань. Лидер повстанцев Али Шандора, успешно отразив первые атаки Бракны, в 1720 г. заручился поддержкой султана Марокко Мулай Исмаила. В 1721 г. он разгромил при помощи марокканцев эмират Бракна и укрепился в собственном эмирате Траза на землях между устьем Сенегала и атлантическим побережьем. В 60–70-е годы XVIII в. против Бракны подняли восстание сильные союзы берберских племен. Они основали в глубине Присахарья новые эмираты – Тагант и Адрар. Укрепляя свои силы в борьбе с берберами, Траза заключила союз с негрским государством Вало и к концу века покорила его. Бракна же, сначала положившись на марокканские дружины из потомков завоевателей империи Сонгай (1591 г.), в середине XVIII в. навязала вассальную зависимость местной фульбской династии Фута Торо.

Обстановка анархии и усобиц между эмирами Присахарья в немалой степени отражала обострение соперничества европейцев за монополию над атлантической торговлей у берегов Африки. В конце XVII – начале XVIII столетия главными соперниками в этом споре по-прежнему были

Голландия и Франция. После франко-голландской морской войны у берегов Африки (1718–1727) Голландия была вынуждена уступить Франции оба своих опорных пункта у сахарского побережья – остров Арген и торговую базу Портендик. Затем Голландию в качестве соперника Франции сменил намного более сильный противник – Великобритания. Франко-английское согласие в Присахарье продолжалось недолго. После войны за Австрийское наследство (1740–1748) резко обострилось морское соперничество двух держав, в том числе у берегов Западной Африки. В середине XVIII в. в Европе активно развивалась текстильная промышленность, и спрос на сенегальскую камедь резко возрос. Еще в ходе европейских баталий Англия заключила с Траразой соглашение (1746), по которому эмират соглашался продавать всю камедь «Ройял Африкен компани» в Портендике. Но междоусобицы в Траразе в 40–50-е годы XVIII в. смягчили трудности французов, поскольку претенденты на пост эмира охотно продавали камедь в Сен-Луи в обмен на огнестрельное оружие и боеприпасы.

В ходе Семилетней войны в Европе (1756–1763) Англия успешно действовала против французского влияния в Присахарье: в 1758 г. английский флот захватил Сен-Луи, а в 1762 г. – о. Арген. Согласно условиям Парижского мирного договора 1763 г. Англия получила полный контроль над всем западноафриканским побережьем. Временный реванш Франции произошел в конце XVIII столетия, когда французское правительство поддержало освободительную войну американских колоний против метрополии (1775–1783) и вернуло себе по Версальскому мирному договору 1783 г. права на атлантическое побережье Африки. Но в период Французской революции и наполеоновских войн Франция не смогла удержать свои позиции в приатлантической Сахаре и долине р. Сенегал в силу морских поражений от британцев (при Абукире в 1798 г., при Трафальгаре в 1805 г.) и явного господства Англии в Средиземноморье.

В то время, когда европейские государства усиленно соперничали за преобладание в различных частях арабо-мусульманского мира, османская государственность втягивалась в болезненный системный кризис. Это выразилось в утрате прямого контроля Османов над Египтом, Хиджазом, Ираком и Магрибом. На протяжении всего XVIII в. Порта не предпринимала сколько-нибудь значительных шагов по совершенствованию административного управления в своих сирийских владениях. Действительно, как раз в XVIII столетии процесс ослабления связей имперского центра и подвластных Порте арабских провинций принял практически необратимый характер. Однако сокращение османского военного присутствия в арабских эйалетах еще не означало того, что местные элиты полностью утрачивали внятные политические ориентиры и погружались в пучину анархии и безвластия.

Если вчитаться в анналы арабских хронистов XVIII в., то обыденная жизнь в них чаще всего представляется непрерывной чередой трагедий и катастроф, сменяемых лишь периодами ожидания прихода новых катаклизмов. Печальную констатацию марокканского историографа Ахмеда ан-Насири «Очарование молодости государства сменилось безобразием дряхлости» можно смело применить и к реалиям арабо-османского мира. В подобных заключениях ярко проявляется характерная для традиционного восточного

сознания неуверенность в завтрашнем дне, ощущение постоянной близости неумолимо надвигающихся несчастий. Однако оценки подобного рода, будучи односторонними, фиксируют внимание читателя только на изъянах османского имперского механизма и росте центробежных тенденций в державе Османов. В то же время искусство маневрирования Порты в ее взаимодействии с арабскими провинциями едва ли стоит недооценивать. Назначая представителей местной элиты на высокие посты в провинциальной администрации, Стамбул умело использовал их энергию и авторитет в своих целях. Древнее ближневосточное речение «целуй ту руку, которую не в силах укусить» по-прежнему сохраняло свою актуальность для арабских подданных падишаха, который, в свою очередь, руководствовался не менее древним правилом «разделяй и властвуй».

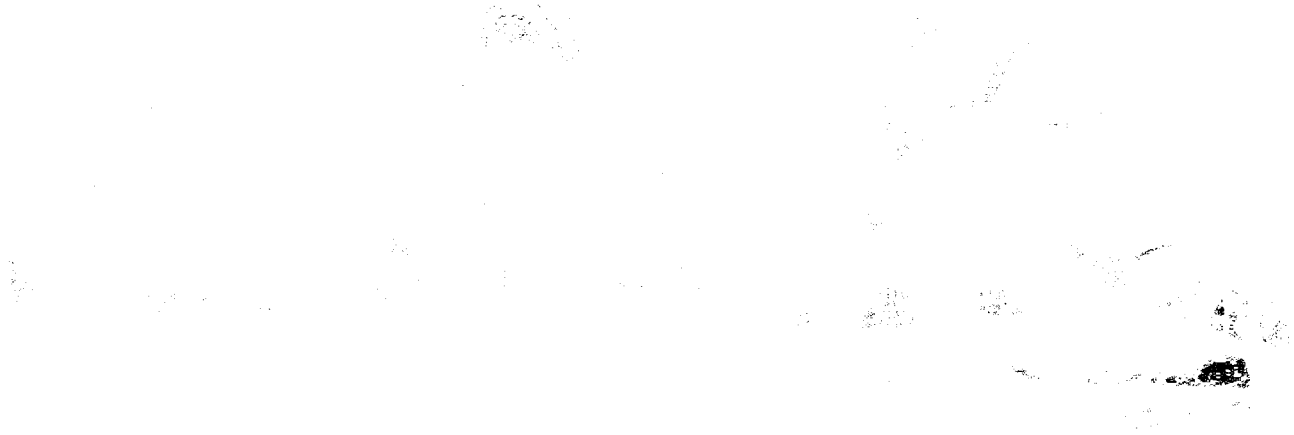
В. Эриксен. Екатерина II.
1762 г.

Р. Пил. Джордж Вашингтон.
1795 г.

Дж.Б. Тьеполо. Европа. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты». Вюрцбург. 1752–1753 гг.

Дж.Б. Тьеполо. Азия. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты». Вюрцбург. 1752–1753 гг.

Дж.Б. Тьеполо. Америка. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты». Вюрцбург. 1752–1753 гг.



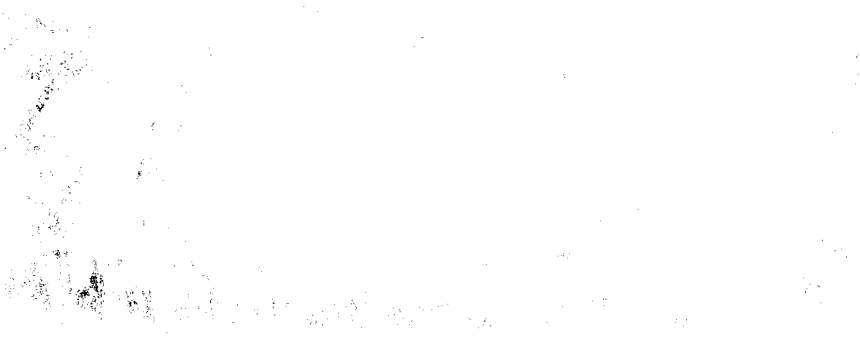
Дж.Б. Тьеполо. Африка. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты». Вюрцбург. 1752–1753 гг.

Ж.-Б. Пигаль. Смерть. Фрагмент надгробия Морица Саксонского. 1771–1776 гг. Церковь Сен-Тома, Страсбург

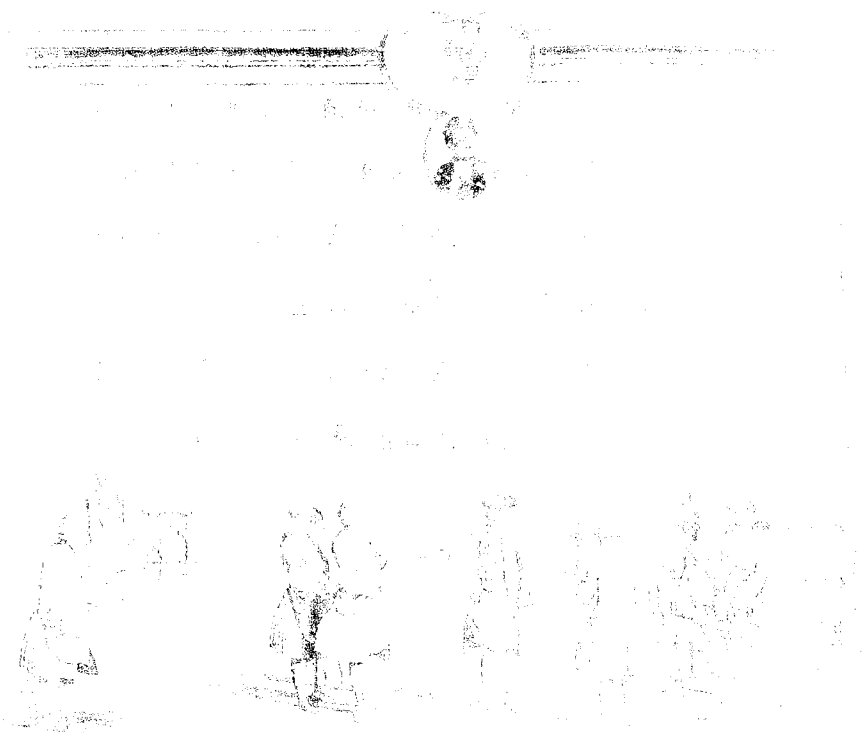
Д. и Дж. Масса. Фрагмент майолики из монастыря Санта-Кьяра в Неаполе. 1742–1745 гг.

«Monsieur des Trois États».
Эстамп. 1789 г.

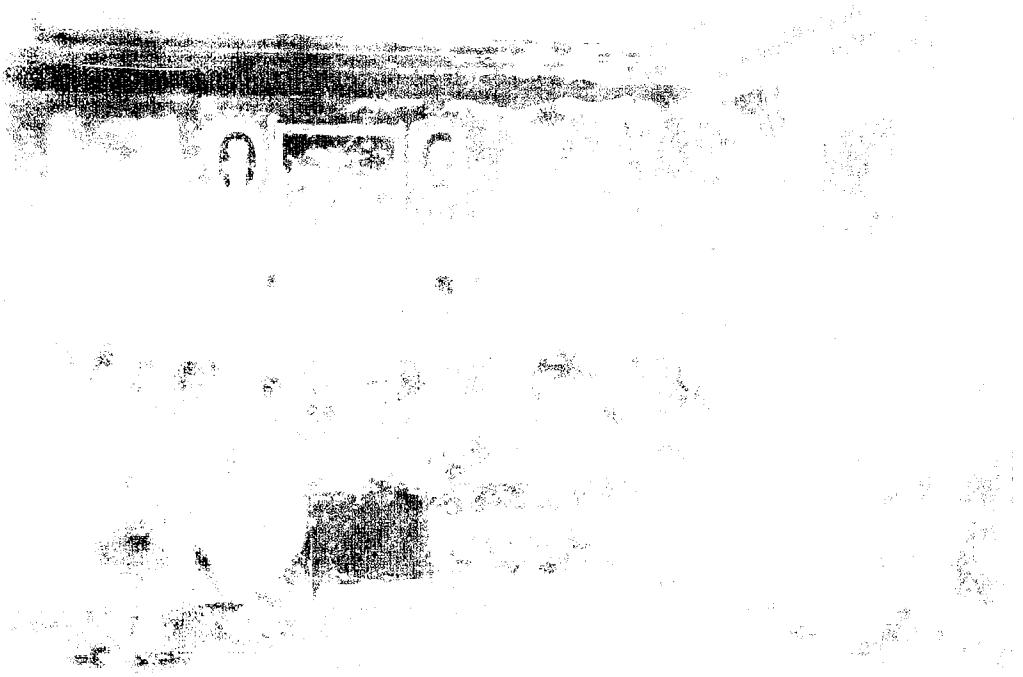
Карикатура на Старый порядок.
Эстамп. 1789 г.



М. ван Майтенс. Торжественный въезд принцессы Изабеллы Пармской в Вену по случаю ее бракосочетания с эрцгерцогом Иосифом. 1760 г.

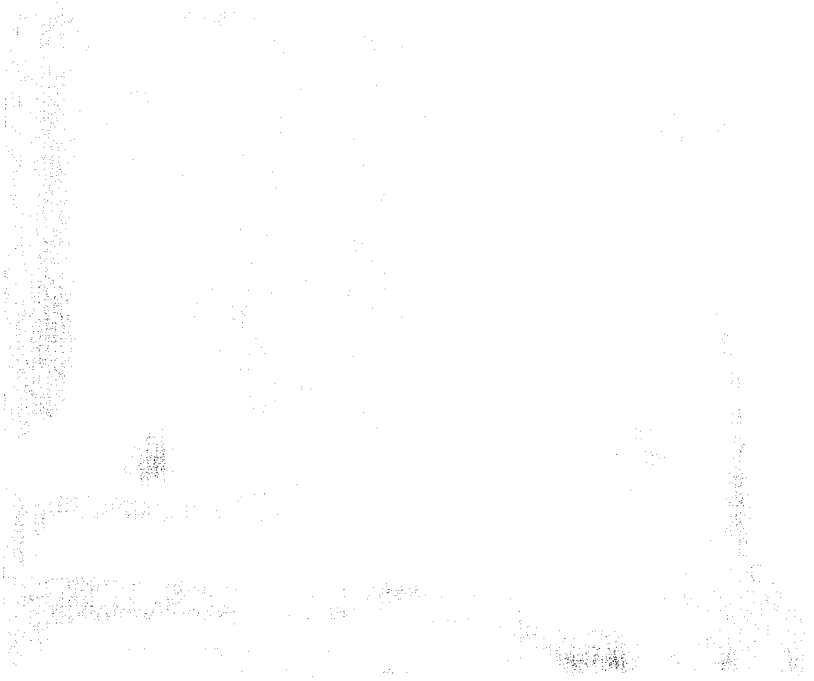


Собрание английских масонов. Гравюра XVIII в.



А.Ш.Г. Лемонье. Салон мадам Жоффрен в 1755 г. 1812 г.

Г. де Сент-Обен. Салон 1767 года в Лувре. 1767 г.



Ж.-Б.С. Шарден. Мальчик с юлой. 1741 г.

Ж.Л. Давид.
Антуан Лоран
Лавуазье
с супругой.
1788 г.

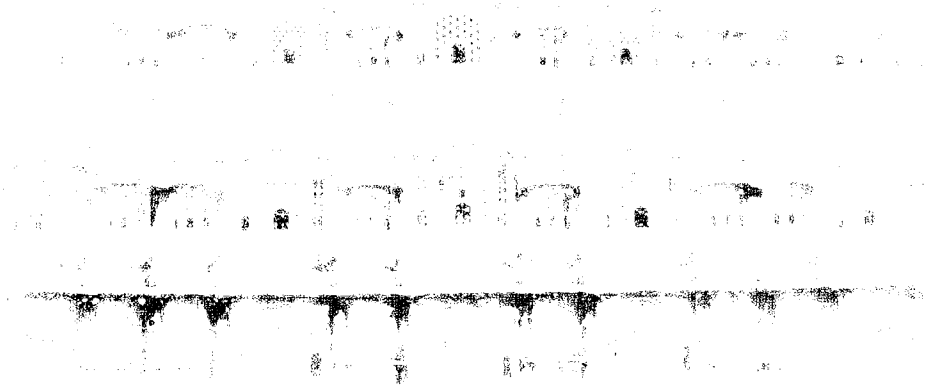
Битва при Таньере (Мальплаке) 11 сентября 1709 г. Эстамп

Картуш «Карты российских и турецких земель Северного и Южного Причерноморья» Д.Ф. Зоцмана. 1788 г.

Портрет императора Канси.
Конец эпохи Канси

Портрет императора Юнчжэна.
1723–1735 гг.

Дж. Кастильоне. Портрет императора
Цяньлуна.1739 г.

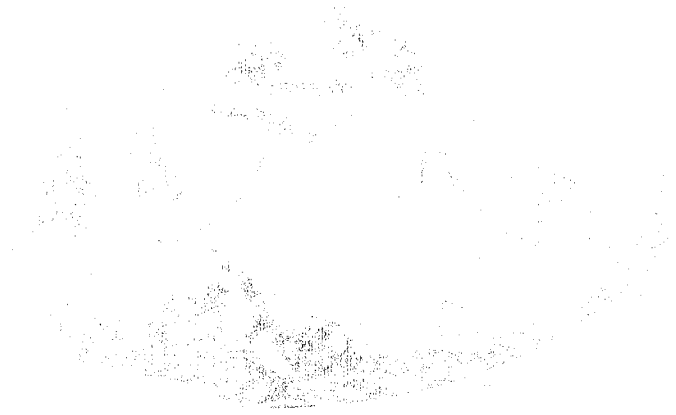


«Дворец ветров» в Джайпуре. Ок. 1799 г.

Утагава Тоёхару. Наслаждение прохладой у моста Эйтай на р. Сумида, Фукагава. Эстамп. Ок. 1771 г.

Ж.М. Моро Младший.
Робеспьер. Ок. 1793 г.

Палач, сам отрубающий себе голову.
Сатира на Робеспьера. Эстамп.
Ок. 1794 г.



С. Рома. Восток предлагает
свои богатства Британии. 1778 г.

Н. Данс Холланд. Джеймс Кук.
Ок. 1775 г.

ИРАН В XVIII СТОЛЕТИИ: ВЕК «ВЕЛИКОГО ЗАМЕШАНИЯ»

УПАДОК ГОСУДАРСТВА СЕФЕВИДОВ

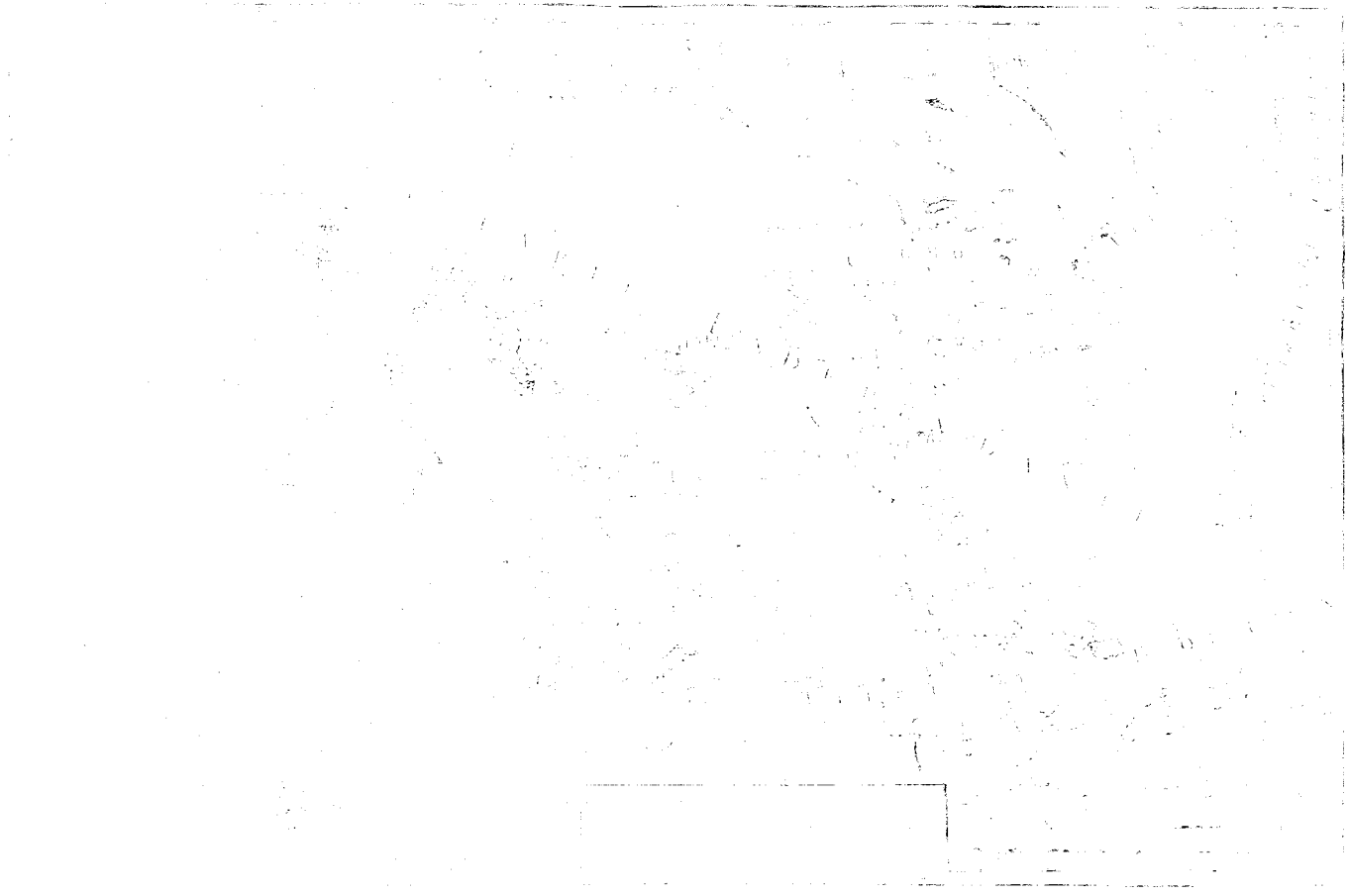
«Другого моим слабым разумом я не разсудил, кроме того, что бог ведет к падению сию корону», – писал о Сефевидах в своих дневниках посланник Петра I в Иране А.П. Волынский. Словам этим суждено было оказаться провидческими: несколько лет спустя шах Султан Хусейн был вынужден признать себя побежденным и отказаться от власти в пользу предводителя афганских племен Махмуд-хана. Правда, представители католических миссий, многие из которых прожили в Иране не одно десятилетие, были более осторожны в оценках, когда речь заходила о будущем трона, полагая, что династия сохраняет необходимый запас прочности.

Создавая свою империю, Аббас I Великий (1587–1629) сумел выстроить близкую к идеальной систему, которая обеспечивала максимум объединения разнородных в этническом, социальном и хозяйственном отношении сил. Успех реформ Аббаса I позволял его наследникам ограничиться поддержанием достигнутого уровня. Этому, казалось, благоприятствовало и отсутствие тревожных импульсов извне – более 80 лет после заключения мира с османами в 1639 г. сефевидский Иран не знал серьезных войн, если не считать борьбы с местными «ребилизантами», в роли которых чаще всего выступали племена.

Система, достигшая своего пика при Аббасе I, медленно вступала в стадию деградации, все еще сохраняя основные черты, а значит и устойчивость, приданную ей реформатором. Этот процесс, конечно, не носил линейного характера, а сопровождался периодами оживления различных сфер жизни, как это было в 60–70-е годы XVII в. при внуке реформатора Аббасе II.

Проявление сбоев в функционировании государственного организма может принимать разные формы, но они не несут в себе серьезную угрозу, пока сильны его компенсаторные возможности. Правление праздных, изнеженных шахов (шах Султан Хусейн может служить классическим примером отчуждения правителя от власти) компенсировалось деятельностью энергичных и властных временщиков; вспышки сепаратизма до поры гасил центр, обладавший достаточной силой, чтобы подавить сепаратистов, или необходимой гибкостью, чтобы договориться с ними за счет уступки некоторых административных прав или предоставления иных льгот. Внешние вызовы действовали жестче и оставляли меньше возможностей для подобных маневров.

Негативные изменения приняли необратимый характер в силу причин, которые заявляли о себе извне и коренились в процессах, происходивших в сфере международных торговых отношений. Для империи Сефевидов, целенаправленными усилиями Аббаса I занявшей важные торговые пути (и морские, и сухопутные), изменения конъюнктуры международной торговли имело самые серьезные последствия – заметенные песком караван-сараи, заброшенные дороги, уменьшение поступлений от торговли и, как следствие, в начале XVIII в. резкое увеличение налогов в два-три раза.



«Персия, Грузия и независимая Татария». Карта Р. Бонна. 1780 г.

Одной из главных забот правительства было поддержание необходимого баланса сил в отношениях с племенами, составлявшими, по приблизительным подсчетам, треть населения Ирана. Давление, которое испытывала центральная власть от кочевых и полукочевых обществ, многое объясняет в истории Ирана не только в Средние века, но и в Новое время. Заложничество (*аманатство*) как гарантия регулярной выплаты налогов, физическое уничтожение и насильственное переселение на окраины, которого не избежали и кызылбаши, традиционно служившие опорой Сефевидам, лишь на время снимали это противостояние. Когда центральная власть ослабевала, именно племена становились хозяевами ситуации. Но даже когда центр вновь обретал силу, ханы племен возглавляли провинции – это было признанием их естественной власти.

Начавшееся на востоке Сефевидского государства движение суннитов-афганцев, недовольных религиозной политикой, проводимой правительством Султан Хусейна, не представляло серьезной угрозы для династии, а обещало завершиться превращением Кандагара в наследственное владение вождей племени гильзаев. Борьба между представителями племенной верхушки и выдвижение нового предводителя Махмуд-хана ускорило подготовку военного похода, первоначальной целью которого был грабеж Исфахана – столицы и самого богатого города империи. Гильзаи провели несколько рекогносцировочных вылазок, старательно обходя города, и лишь потом их двадцатитысячное войско обрушилось на Исфахан. Никто не мог предположить в то время, что племенной набег обернется полным поражением Сефевидов. Город взять афганцы все-таки не смогли, но почти восьмимесячная осада, вызвавшая повальный голод в столице, полностью деморализовала власть и население. 22 октября 1722 г. Султан Хусейн сдал Исфахан неприятелю, а сефевидская знать присягнула новому шаху. Афганцы продолжили движение во внутренние области страны, грабежами и террором восстановив против себя население, отчаянно сопротивлявшееся завоевателям.

Только на севере страны в прикаспийских провинциях еще удерживал позиции представитель поверженной династии четвертый сын Султан Хусейна, Тахмасп, сумевший вырваться из столицы. В поисках надежной поддержки он сначала направился в Кум, потом в Кашан, на полгода задержался в Тебризе, где провозгласил себя шахом. Своей призрачной властью он был обязан милости хана тюркского племени каджаров, приютившего у себя скитальца. Но время работало на Тахмаспа. Вмешательство России, которая к 1723 г. оккупировала азербайджанское побережье Каспия и Гилян, военные действия османов на западе, заставившие афганцев в 1727 г. уступить им 40% территории Ирана и признать зависимость от султана, превратили тебризского шаха в заметную политическую фигуру, центр притяжения всех антиафганских сил. Примкнул к ним и отряд хорасанских воинов во главе со своим предводителем Надиром-кули, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в истории Ирана.

ИМПЕРИЯ НАДИР-ШАХА

Будущий покоритель Дели был в это время уже не молод. Он родился в 1688 г. в семье пастуха в Хорасане, куда афшары – одно из кызылбашских племен, не раз поднимавшее мятежи против власти, – были переселены

Аббасом I из Западного Ирана. Ритм жизни северной хорасанской окраины, расположенной на кромке туркменской степи, был задан сезонными перегонами скота и не менялся в течение столетий. Разведение верблюдов и выделка овчин чередовались с военными стычками и набегами на оседлые селения. Надир, как многие из его соплеменников, узнал тяжесть неволи, но сумел бежать из рабства, несколько лет служил в ополчениях местных ханов, занимался разбоем с ватагой лихих удальцов. В 1726 г. он поступил на службу к Тахмаспу. Начав новый этап своей карьеры как один из командиров его армии, Надир через несколько лет превратился в самую крупную в военном отношении фигуру на Среднем Востоке. Походы, почти всегда победоносные, следовали один за другим. Подчинив в 1726 г. Хорасан, наместником которого он был назначен Тахмаспом, Надир вернул короне святой Мешхед, захватил Герат и заставил афганцев бежать из страны. Восемь лет спустя после взятия Исфахана большая часть афганских племен во главе с новым предводителем устремилась назад, в Кандагар, увозя в обозе Султан Хусейна, который был убит по дороге. Надир очистил от турок обширные территории от Керманшаха до Тифлиса, с помощью русской артиллерии выбил их из крепостей Северного Азербайджана и добился от России по Гянджинскому миру 1735 г. освобождения Баку и Дербента. Его власть признали «великий могол» Мохаммед-шах, правители Бухары и Хивы.

Постепенно сосредоточивая в своих руках нити управления, Надир убирал сторонников шаха из административного аппарата, выдвигал свои креатуры на военные должности. Это дало ему возможность в критический момент обвинить Тахмаспа в неспособности руководить армией и государством и добиться провозглашения себя шахом. Достаточно стандартный для военачальника «путь наверх», пройденный мирозавоевателем, не объясняет тем не менее одного важного обстоятельства: только ли с полководческим даром Надира связаны одержанные им победы? Что их обеспечивало? Можно ли утверждать, что им был произведен поистине революционный переворот в военном деле?

Подобных вопросов, как правило, не возникает при соприкосновении с военными реалиями Европы. Огромное количество военных мемуаров, справочники с детальным анализом сражений, особенностей тактических приемов дают возможность составить исчерпывающее представление о характере европейской армии. Военные тактики принца Евгения Савойского или Фридриха II Прусского были при жизни их создателей описаны и рекомендованы для изучения армейским офицерам. Приметами времени стали солдат-пехотинец, вооруженный кремниевым ружьем со штыком, марш-маневр, стремительное развитие артиллерии и налаженная интендантская служба; победа часто доставалась тому, кто вовремя озаботился пополнением магазинов боеприпасами и провиантом.

Когда речь заходит о Востоке (исключение составляют лишь военные силы османов), господствует расхожее представление о том, что это орды кочевых племен, часто выходившие в поход с семьями и гнавшие за собой скот, который в противном случае мог стать легкой добычей соседей.

Такое мнение для Ирана XVIII в. близко к реальности, но не исчерпывает ее. К этому времени войско, созданное Аббасом I, постепенно приходило в упадок. А.П. Волынский, который, следуя инструкции Петра I, скрупулезно

выяснял все вопросы, относящиеся к состоянию армии, несколько раз снисходительно отметил, что «замков ни у однова ружья нет, только фитили». Похожими огнестрелами были вооружены русские стрельцы в первой половине XVII в. Обращение с ними заставляло постоянно быть начеку: следить, чтобы фитиль не погас, защищать его от влаги, а себя от тлеющего фитиля и возможного взрыва пороха, не говоря уже о длительной процедуре зарядки, количество приемов которой по уставам исчислялось десятками. В начале XVIII столетия фитильные мушкеты в Европе и России окончательно были заменены на ружья с кремниевым замком.

В плачевном состоянии находилась гордость Аббаса I – артиллерия. Из-за дороговизны и сложности транспортировки (отсутствия судоходных рек и слабого использования колесного транспорта) артиллерийский парк практически не пополнялся. Волынский за два года пребывания в Иране ни разу не слышал пушечного выстрела «хотя бы для какова торжества». «Немалая артиллерия» в Исфахане, около 100 пушек, совершенно обветшала. «Из них, я чаю, лет 100 стрельбы не бывало», – предположил посланник и не ошибся. Пушечные лафеты не соответствовали калибру орудий, а «некоторые и без колес положены на толстых бревенчатых обрубках» – очевидно, речь идет о тяжелой осадной артиллерии начала XVI в., образцах, способных сделать только один выстрел, после чего бревенчатый лафет (обрубки) раскалывался на части и его приходилось сооружать заново.

Надир поднял войско из руин. Особое внимание реформатор уделил пешим частям регулярной армии. Пехота была усилена отрядом шахских стрелков; на торжественных приемах они плотным кольцом окружали шаха, опираясь на свои громадные ружья, вес которых мог превышать 20 кг. Удар артиллерии и тяжелых пехотинцев, передвигавшихся на марше за всадником на крупах лошадей, обеспечил шаху победы над Моголами и открыл ворота Дели.

В спешном порядке в Мерве, с древности известном своими железными рудниками, отливаются пушки. На вооружение взята и заимствованная у афганцев верблюжья артиллерия – *замбуреки* (осы, шершни) – небольшие пушечки-фальконеты весом около 150 кг, которые крепились на спине верблюда. Замбуреки малого калибра не снимались с верблюдов, который при стрельбе становился на колени; более крупными стреляли с земли, укрепив дуло на специальной подставке.

Войско обрело четкую дробную структуру, дополненную заградительными и охранными частями, появились интендантские службы. В военный обиход, как и в Европе, прочно вошел учебный плац, а маневры стали такой же нормой, как и военные смотры.

Принято считать, что официальные историографы, ведшие счет победам Надира, умалчивали о том, как они достигались, потому что не были сведущи в вопросах военного дела. Но проблема в данном случае заключается не в отсутствии информации, а в особом характере иранской словесности. Она формировалась преимущественно как поэтическая, что определило сильное влияние характерных для нее приемов на «высокую» прозу. Это в равной мере свойственно летописным произведениям, неотъемлемой частью которых являются стихотворные включения в прозаический текст, обилие стилистических фигур, заимствованных из эпоса, где из всех тропов предпочте-

ние отдается метафоре и гиперболе. Рационализация стиля началась только к середине XIX в., когда в моду стал входить более простой язык, сокращавший расстояние между объектом и характером его описания. Это было продиктовано духом времени: участившимися поездками иранцев в Османскую империю и Европу, приобретшими стабильный характер дипломатическими контактами.

Тем не менее «украшенная литература», подчас очень произвольная в обращении с фактом, точно фиксирует главное, что отличало войну на Востоке, – здесь сохранялись традиции индивидуального боя, рыцарского поединка. Таким поединком завершилось в 1722 г. сражение с афганцами при Гульнабаде близ Исфахана, когда Ростом-мирза – глава шахских гуламов – схватился с Махмуд-ханом, но, уступив сопернику, бежал с поля боя. Его тяжелая лошадь, не приученная брать препятствия, завязла по пути в канаве, решив неудачным прыжком судьбу седока. Подоспевшие афганцы булавой выбили его из седла и искололи копьями.

С военными обычаями средневековья связан и культ холодного оружия. Описания войн XVII–XVIII вв. поражают в первую очередь смешением военных атрибутов разных эпох – булава, которой на атлетических состязаниях орудовали богатыри-пехлеваны, оставалась боевым оружием, лук соседствовал с мушкетом, а копье и щит – с артиллерией. Даже в начале XIX в., когда наследник каджарского престола Аббас-мирза энергично перестраивал армию на европейский лад, воинственные кызылбаши отказывались пользоваться огнестрельным оружием – они предпочитали ему копья и сабли, сохраняли верность шлему, кольчуге и щиту; правую руку воина, как и прежде, в бою оберегала латная рукавица.

Пожалуй, самое яркое представление о состоянии войска при Надире дают описания учебных боев, заведомо отрицавших опыт современных ему европейских армий. В Европе ценилось доведенное до виртуозности мастерство пеших построений, навыки ведения одновременного залпового огня, «на солдата смотрели как на сменяемую часть машины» (Х.Г. Дельбрюк). На маневрах Надира царил соревновательный дух. Он любил лично руководить движениями конницы, демонстрировать навыки владения холодным оружием, стрельбы по целям. Кстати, фитильные *джезаилы* – ветераны стрелкового вооружения – были прекрасно для этого приспособлены: сказывались преимущества веса, определявшие большую дальнобойность и меткость выстрела. Однажды Надир едва не погиб по вине неопытного артиллериста от разрыва пушки и с тех пор не жалел средств для обучения пушкарей.

Массовое использование дорогостоящего огнестрельного оружия, казенная поставка лошадей для регулярных частей конницы требовали колоссальных расходов, оказавшихся непосильными для населения. Манифесты шаха о временном прекращении взимания податей после возвращения из военных походов так и оставались на бумаге, а награбленные сокровища оседали неподалеку от Мешхеда, в крепости Келат, ставшей его родовым замком.

Усилия Надир-шаха при создании образцовой армии не имели продолжения. Устойчивость традиции, технологическое отставание Ирана смогли лишь на короткий срок обеспечить прорыв в военном деле. В XVIII–XIX вв. не пешие стрелки, которых опекал Надир, а военные контингенты ханов племен по-прежнему оставались единственной боеспособной силой. Пехота,

организацией которой при каджарах руководили военные инструкторы-иностранцы, пользовалась славой войска, созданного на радость неприятелю. Элитным подразделением регулярной армии по праву считалась Персидская казачья бригада, куда охотно шли служить сыновья ханов племен.

Сразу после убийства Надир-шаха, погибшего в результате заговора в 1747 г., созданная им армия распалась на враждующие станы, а весь накопленный арсенал оружия разошелся по рукам противников. Впрочем, оно быстро устаревало, вернее, по европейской мерке считалось устаревшим еще при жизни Афшара, и к началу XIX в. на вооружении сохранились только замбуреки, правда, боевое их значение было практически равно нулю.

Не уцелела и империя Надира. В восточной ее части, Хорасане, в 1748 г. утвердился его внук Шахрох, приходившийся по матери внуком также и Султан Хусейну. Правивший до 1795 г., он вынужденно делил свою власть с враждовавшими друг с другом сыновьями, дважды признавал себя вассалом Ахмад-шаха Дуррани. Центральный и Западный Иран переживал в это время процесс интенсивного дробления. Большую часть Иранского (Южного) Азербайджана контролировал афганец из племени гильзаев Азад-хан, уступивший через 6 лет эту территорию наследственному владетелю Урмии Фатх Али-хану Афшару. Самостоятельные ханства возникли в Карабахе, Маку, Мазендаране и Гиляне, северо-восток Ирана и часть каспийского побережья контролировали каджары и туркмены. В центре и на юге борьбу за власть начали иранские племена – бахтиары и зенды. В 20-е годы они вели партизанскую войну против турок, но за отказ повиноваться Надиру заплатили резней и выселением на восток. После его смерти часть зендов смогла вернуться на покинутые земли и под началом предводителя Мухаммеда Керим-бека расширить свою территорию. В 1750 г. признанный ханом зендов, он заключил союз с влиятельным бахтиаром Али Мардан-ханом, вместе с которым они захватили и разграбили Исфахан. Этот год стал вехой в политической карьере Керим-хана, но ему понадобилось более 10 лет, чтобы, сначала обратив орудие против своих союзников, бахтиарских ханов, подчинить себе практически весь Иран за исключением Хорасана, где правили потомки Надира. С 1765 г. Керим-хан обосновался в своей новой столице Ширазе, которую не покидал до своей смерти в 1779 г.

В начале 80-х годов XVIII в. политическая инициатива переходит к племени каджаров, кочевья которого в прикаспийской части Ирана практически не пострадали во время борьбы с афганцами, отражения агрессии Османской империи и междоусобных войн. Материальной базой для их успешного противостояния зендам стал сохранившийся торговый обмен с Россией, хотя интенсивность торговых потоков заметно ослабла. Но все же по сравнению с положением дел в Персидском заливе, где англичане были вынуждены свернуть торговые операции, все выглядело вполне благополучно. Военным успехам каджаров способствовало также и выдвижение такого энергичного руководителя, каким стал Ага-Мохаммед-хан, внук Фатх-Али-хана, приютившего в свое время шаха Тахмаспа II и погибшего в результате заговора Надира. Честолюбивый и целеустремленный вождь, потративший на образование годы вынужденного прозябания в Ширазе, где он жил заложником у зендов, Ага-Мохаммед-хан быстро включился в борьбу и наверстал упущенное.

Объединив вокруг себя вождей кочевых племен Северного Ирана, каджар в 1794 г. не только сумел овладеть Ширазом и Керманом, последним оплотом зендов, но и утвердил свою власть в Хорасане. С трудом удерживая позиции под военным давлением афганцев, потомки Надира не вмешивались в ход политических процессов в центре и на западе Ирана, а главные их соперники, зенды, не располагали необходимыми ресурсами для организации похода в далекий Хорасан. Решение этой задачи означало не только объединение основного массива земель под властью каджаров, но и превращало Ага-Мохаммед-хана во владельца сокровищницы Надира, которая пополнялась во время военных походов.

Судьба сокровищницы Надир-шаха

Надир-шах практически не прикасался к награбленным во время походов сокровищам, которые стали рассеиваться сразу после его смерти. Эпигоны – племянники, внук и правнуки мирозавоевателя начали широко расходовать накопленные им богатства, что-то попало в руки афганских шахов Дуррани. Афганцы предположительно вывезли из Ирана и прославленный алмаз Кохинур («Гора света»). В настоящее время остатки сокровищ Надира хранятся в Центральном (Государственном) банке Ирана, но наиболее знаменитые раритеты осели в землях франков: Кохинур, подаренный королеве Виктории представителями Ост-Индской компании, украшает английскую корону, Дарьяйе нур («Море света») стал камнем дома Романовых. Известный больше как бриллиант Орлов, он был приобретен в Амстердаме Г.Г. Орловым, преподнесшим камень Екатерине II в день ее тезоименитства в 1773 г.; алмаз «Шах», на котором выгравированы имена трех его бывших владельцев – Великих Моголов Низам-шаха и Джаханшаха и Фатх Али-шаха Каджара, попал в Россию как искупительный дар после разгрома в Тегеране русской миссии во главе с А.С. Грибоедовым. Оба камня хранятся в Алмазном фонде Кремля. Бесследно исчез принадлежавший Великим Моголам павлиний трон. Названный так по фигурам павлинов, украшавшим его балдахин, этот шедевр ювелирного искусства – почти две тонны золота, драгоценных камней и эмали – был изготовлен в XVII в. по приказанию Джахан-шаха. После взятия Дели вместе с другими богатствами трон (собственно *тахт* – диван) вывезли в Иран. В конце правления Надира или вскоре после его смерти он попал в руки курдов и разошелся по частям. Завладевшие сокровищницей Каджары пытались восстановить реликвию, но тщетно – даже лучшие образцы, изготовленные в Иране, соперничать с оригиналом не могли.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ

В течение XVIII в. в Иране сменилось несколько династий – Сефевиды, афганские шахи, Надир и его потомки, зендские ханы, включившиеся в борьбу за трон в 50-х годах, и, наконец, каджары. В таких условиях особую актуальность приобрела проблема легитимации власти, тем более что она была сопряжена с необходимостью религиозного выбора. В этом наполненном войнами столетии главная роль принадлежала племенам, многие из которых продолжали исповедовать суннизм.

Этот вопрос чрезвычайно волновал в свое время и Сефевидов. Основатель династии Исмаил стал первым шиитским шахом, а это означало, что

законность его правления нуждалась в убедительном теологическом обосновании с позиций шиизма. Результаты кропотливой работы шиитских богословов соотносили представления шиитов и традиции сасанидского времени, особенно в таких значимых частях, как составление родословия и принципов эталонного поведения правителя. Генеалогия «Тени Аллаха на земле» покоилась на двух основах: Исмаил, который был духовным вождем суфийского ордена Сафавийе, через седьмого шиитского имама Мусу Казима вел свое происхождение от Али и одновременно являлся потомком Сасанидов: по шиитским легендам, Хусейн, сын Али, был женат на дочери последнего сасанидского шаха – Йездигерда III. Древнеиранская идея сияющего *фарра, хварно* как символа огня и небесной благодати, знака избрания предназначенному на царство не противоречила шиитским принципам божественного света, почивающего на потомках Мухаммеда из дома Алидов. Каждый из новых искателей иранского трона в XVIII в. пытался найти свой путь решения этой непростой задачи, опираясь на концепцию Сефевидов, пытаясь обойти ее или вовсе отрицая.

Предводитель афганцев суннит Махмуд-хан в 1721 г. предварил свой набег на владения иранского шаха фетвой мекканских улемов, благословивших войну с еретиком-шиитом. Выйдя победителем из этой борьбы, он настаивал на личной передаче власти Султан Хусейном. Экс-шах униженно ждал аудиенции у своего бывшего подданного, вручил ему символ власти – *джиге* (эгрет в виде стилизованного пера серой цапли – символа счастья и удачи, который крепился на чалме крупным бриллиантом) и не был допущен к трапезе нового повелителя.

В январе 1736 г. в Муганской степи, где располагался один из военных лагерей Надира, кипела работа – наскоро раскидывались шатры, из камыша сооружались палатки. Здесь, в северо-западном углу Мугани, было решено созвать съезд – *курултай*, которому предстояло избрать нового шаха. Почетное место среди приглашенных занимали представители заинтересованных сторон – посланник османов Генч-Али-паша и русский резидент И.П. Калушкин.

Притязания Надира опирались не на шиитскую законность, а на кочевую, в данном случае тюрко-монгольскую традицию съездов, которые имели право передать власть новому более достойному предводителю. Возможно, мирозавоевателя, несколько лет назад провозгласившего себя регентом при малолетнем Сефевиде Аббасе III, вдохновлял пример сельджукидских *атабеков* (атабек – дядька, воспитатель, регент; у Сефевидов был схожий институт – *лале*). Воспитание, «опека» молодого правителя часто завершалась переворотом, в результате которого к власти приходили пестуны, основывающие собственные династии.

Исход выборов был предрешен, и после процедуры ритуального упрашивания Надир согласился принять на себя бремя власти. Но не все шло так гладко, и даже непререкаемый авторитет Надира не мог остановить слухи о том, что он будто бы отказался от шахского титула, предпочтя ему иное величанье – *валинемат* (благодетель, покровитель), а звание шаха, как передавал армянский католикос Авраам Кретаци, «вовсе отменил». Такой ход был не лишен смысла, так как превращал Сефевидов из правителей в подданных могущественного благодетеля. Впрочем, эта предосторожность оказа-

лась излишней, и на монетах, отчеканенных от его имени через десять дней, Надир назван шахом.

Там же, на Мугани, Надир обнародовал и свою религиозную программу. Суть ее состояла в отказе от поношения трех первых халифов Омара, Османа и Абу-Бакра, признание законности их власти и утверждение нового джафаритского толка ислама, последователи которого, наряду с другими суннитскими школами, должны получить отдельное место для молитвы в ограде Каабы. Правитель сделал еще один шаг, который должен был окончательно подорвать не только власть Сефевидов (они ее уже не имели несколько лет, являясь в сущности пленниками Надира), но и их репутацию духовных вождей шиитов. Реформа, по мысли Надира, сулила и улучшение отношений с Османской империей и суннитскими государствами Средней Азии, культурные контакты с которыми прервались с начала XVI в.

Высшие шиитские авторитеты, заметно усилившие свои позиции при Султан Хусейне, не приняли эту программу, но только *мулла-баши* (главный мулла) осмелился противоречить Надиру, публично осудив отказ от шиизма. Индивидуальный бунт был по приказу нового шаха пресечен удавкой, и улемам оставалось лишь уповать на то, что османы никогда не согласятся на введение такого новшества – учение джафаритов было известно в суннитской среде как еретическое. Так и получилось. Неоднократные обращения шаха к турецкому султану всякий раз заканчивались отказом. Надир прекрасно понимал, что одобрение шиитскими богословами унии имело вынужденный характер. Вскоре после курултая началась ревизия *вакфов* (имущества, переданного на религиозные и благотворительные цели), в результате которой большая его часть была передана в казну для покрытия расходов на содержание войска. При этом шах демонстративно благоволил армянам – во время посещения Эчмиадзина он внимательно расспрашивал католикоса о «святых ликах», сидя, наблюдал за вечерней службой и напоследок одарил монастырь милостыней.

Неудача реформы подвигла Надир-шаха на продолжение религиозных экспериментов. Коран, Ветхий завет, Деяния апостолов и четыре Евангелия следовало, по приказу шаха, в течение года перевести на персидский язык, чтобы потом он смог выбрать лучшее из них либо составить новое учение. Лично равнодушный к религии, он вкладывал в этот поиск практический смысл. Создание некой универсальной веры, которая могла бы сплотить его империю и создать дополнительные условия для ее расширения, оказалось проектом заманчивым, но неосуществимым и воспринималось шиитским населением как одна из шахских прихотей.

Безусловно, многое зависело от конкретных обстоятельств, в том числе от позиции вождей воинственных племен, на поддержку которых мог рассчитывать лидер. Надир, имевший репутацию непобедимого полководца, сумел привлечь на свою сторону, помимо афшаров и хорасанских курдов, также афганцев и узбеков. Центром его империи стал Хорасан, где традиционно были сильны позиции суннитов, а в его восьмидесятитысячном разноплеменном войске, богатевшем грабежами, были не столь важны религиозные различия.

Именно в это время набирает силу самозванчество. Движения «черни», выдвигавшей из своей среды «братьев» и «сыновей» Султан Хусейна, не

затихали в течение двадцати лет, с 20-х по 40-е годы XVIII в., которые пришлись на период афганского владычества и правление Надира. Причины этого явления изучены недостаточно. Безусловно, насилия афганцев и жестокая карательная политика Надира мало отличались друг от друга, а тот факт, что значительная часть афганских соединений влилась со временем в его войско, только подчеркивал сходство между ними. На этом фоне правление Сефевидов, которых еще недавно интеллектуалы упрекали в торгашеском расчете и низменном практицизме, стало казаться временем благоденствия. Хотя новоявленные «принцы» не призывали народ вернуться к прежней вере, самый факт их выступления от имени шиитской династии, отвергая законность новой власти, отвергал и все ее шаги. Реформа Надира, повергшая, по замечанию современника, «весь народ в великую печаль и несносные суеты», не вызвала тем не менее ожидаемого возмущения. Это заставляет предположить, что терроризированное им население обратилось к спасительной формуле *такыйи* – благоразумного умолчания, сокрытия веры, которая освобождала шиита от открытого противодействия. Достаточно было лишь мысленно отречься от вынужденных слов и действий и проклясть своего гонителя.

Прошиитские настроения в обществе лишь затихли, но не были сломлены. Возвращение к вере Сефевидов произошло так же быстро, как и распад созданной Надиром империи. Уже Адил-шах Афшар (1747–1748), чтобы удержаться на престоле, задабривал шиитских улемов подношениями, стремясь сгладить тяжкое впечатление от реквизиций Надира. Керим-хан, пришедший к власти при помощи афганцев и курдов, начал планомерное уничтожение суннитской части своего войска, как только необходимость в ее поддержке миновала.

Керим-хан Зенд не имел амбиций и военного таланта Надира. Получив власть в тяжкой борьбе, он оставался в лоне шиитского правоверия и в 1753 г. утвердился на троне в качестве *векиля* (представителя, уполномоченного) Сефевида, известного как Исмаил III. Эта нехитрая уловка уже была пущена в ход предшественниками Керим-хана. Исмаил, один из последних отпрысков дома Сефевидов, как боевой трофей переходивший от одного соискателя шахского престола к другому, поставил своеобразный рекорд: в течение трех лет он трижды провозглашался шахом – сначала предводителем объединения бахтиарских племен Абу-л-Фатх-ханом, который как регент намеревался править от его имени, но не прошло и года, как был разбит. Новым хозяином Исфахана стал также бахтиар Али Мардан-хан, взявшийся «опекать» Исмаила и формально подтвердивший его права. Вскоре и он потерпел поражение от своего бывшего союзника Керим-хана. Захваченный зендом в плен шах был помещен в одну из удаленных от новой столицы – Шираза – крепостей, где содержался с достаточным комфортом, скрашивая уединение занятиями каллиграфией. Это безбедное существование было прервано необходимостью сопровождать Керим-хана в походе против каджаров. Поход окончился неудачей, и векиль, лишившийся значительной части войска, лишился на время и своего подопечного, который был пленен каджарами. Всю жизнь остававшийся заложником враждующих сторон, Исмаил умер в 1773 г. в столице своих предков, Исфахане.

В апреле 1796 г. Муганская степь вновь стала ареной торжественной церемонии, в этот раз подтвердившей политический триумф каджаров и при-

знавшей права Ага-Мохаммед-хана на иранский трон. Новый шах препоясался мечом, освященным на могиле шейха Сафи ад-Дина, основателя рода Сефевидов, продемонстрировав таким образом верность принципам и делу шиизма, отказался от джиге впервые со времен Сасанидов, приняв их инсигнию – корону.

В первой трети XIX в. по приказу Фатх Али-шаха неподалеку от Тегерана на склонах невысоких лишенных растительности холмов были высечены барельефы с воспроизведением сюжетов, типичных для изобразительного искусства сасанидов. Подражательный характер их очевиден, за основу взяты характерные для сасанидской эпохи сцены царской охоты (Фатх-Али-шах, подобно Варахрану II, поражает льва) и интронизации (заказчик в окружении каджарских принцев, на голове каждого из которых красовалась корона как знак принадлежности к шахской семье). Если при первых каджарских шахах обращение к доисламской имперской традиции ограничивалось наивной визуальной апелляцией и символическими жестами, то уже с середины XIX в. оно стало оказывать влияние на глубинные процессы, происходившие в идеологической сфере.

Ага-Мохаммед-шах был в XVIII в. единственным правителем, который, получив власть, озаботился ее сохранением и сформулировал принципы престолонаследия, обеспечив права своего рода. Пришедшие на территорию Ирана в XIII в. каджары подобно другим племенам несколько раз переселялись, пока не утвердились тремя компактными группами на севере Ирана. Наиболее жизнеспособным оказалось горганское объединение, занявшее земли на юго-востоке Каспия по течению р. Горган. Река и стала природной демаркацией, разделившей местных каджаров на два соперничавших лагеря: низинных или нижних – кованлу и верхних – довалу, занимавших высокое правобережье. С 20-х годов XVIII в. каджары, постоянно враждовавшие друг с другом, оспаривали власть у Надира, потом у зендов, но всякий раз проигрывали своим противникам. Опыт борьбы с зендами, растратившими силы в клановых распрях, показал, что успех принадлежит тому, кто более сплочен. Этот принцип лег в основу устного завещания Ага-Мохаммед-шаха, согласно которому трон занимал представитель рода низинных каджаров с тем условием, что он будет рожден от знатной каджарки довалу. Следование этому завету определило характер передачи власти каджарами на протяжении всех 130 лет, которые она правила Ираном. Правда, смена правителя в XIX в. каждый раз осложнялась заговорами и мятежами, и законный наследник более уповал на поддержку европейских дипломатических миссий, нежели на собственные силы или предписания закона.

Иранская традиция не очень жалует первого каджарского шаха. Настоящим ее любимцем является Керим-хан, обеспечивший два десятилетия относительного спокойствия. При нем население, разбежавшееся в годы беспрестанных войн, стало возвращаться на насиженные места, был отстроен и расцвел Шираз. Ко двору повелителя начали стекаться поэты, которым покровительствовал неграмотный шах, и «сладкое перо» панегириста вновь обрело утраченную было силу. В Надире, который практически жил в военных лагерях, «кочуя» со своим войском от Дели до Кавказа, ценятся доблесть и талант полководца. Его репутация как вождя антиафганских сил, сумевшего дать решительный отпор и военным претензиям османов, почти безупречна.

Замкнутый и подозрительный Ага-Мохаммед-шах, оскопленный в детстве по законам междоусобной брани, в отличие от Надира не умел быть милосердным. Неуклонно следуя логике борьбы, он шел к власти, не зная снисхождения к соперникам, и предусмотрительно обрушивал первые удары на ближайших родственников как наиболее вероятных конкурентов.

ОТНОШЕНИЯ С ЕВРОПОЙ

Иран как транзитная территория и партнер, поставлявший на рынки Европы значительный ассортимент товаров, с XVI в. становится объектом коммерческих интересов европейских государств. Объединение страны Сафавидами создало необходимые условия для развития торгового предпринимательства. Средоточием деловой жизни стал расположенный в центре страны Исфахан и его пригород, армянская Джульфа, построенная в начале XVII в. при Аббасе I. Сюда же переместились и торговые пути. Караваны из столицы шли в Османскую империю через шелководческий Гилян в Алеппо и Дамаск, а потом – к левантийскому побережью. Часть ценного груза спускалась к Персидскому заливу, доставлялась на корабли и морем, огибая Африку, попадала в Европу. В этом отношении Аббас I следовал по пути Тимура – массовые переселения, стоившие десятки тысяч жизней подданных, возвращались огромными доходами от торговых операций и транзита, разорение окраин способствовало усилению нового экономического центра – за двадцать с небольшим лет население столицы выросло практически в 10 раз и перевалило за 500 тыс. Именно барыши, получаемые от торговли, давали огромную прибыль казне (деньги на содержание армии, закупку мушкетов и артиллерии) и обеспечивали низкую налоговую ставку (все европейцы, жившие в это время в Иране, сообщают о весьма умеренных налогах, правда, конечная их сумма зависела от потребностей правительственного агента, местного землевладельца или откупщика).

Поиск новых путей на Восток, развитие морских связей привели к тому, что фигура европейца в крупных городах Ирана постепенно становилась привычной. В столице обосновывались дипломатические представители, посланцы католической церкви, но иностранца-европейца знали в первую очередь как коммерсанта и агента торговых компаний. В XVIII столетии, наполненном бурными военными событиями, этот взгляд начинает меняться.

Петрос ди-Саргис Гиланенц, переживший осаду в 1722 г. Исфахана, приводит с своем дневнике любопытный эпизод – разговор, состоявшийся между Аманолла-ханом, *сардаром* (главнокомандующим) Махмуд-шаха, и неким армянином, который был переводчиком в одной из торговых французских компаний. Аманолла-хан дотошно расспрашивал своего собеседника, «что это за народ русские*? Франки* они (т.е. европейцы. – *Т.К.*), или что другое?» Вопрос был правомерен, в это время, летом 1723 г., уже год, как продолжался Персидский поход Петра I, а русская армия и флот стояли под Баку. Его информатор, хотя и затруднился с прямым ответом («они вроде франков»), смысл вопроса понял правильно. Позиции России на Востоке были еще слабы, но успешное завершение войны со шведами и присутствие русского флота на Каспии позволяли, пусть с оговорками, зачислить русских в разряд

франков. Сардар завершил разговор самоуверенной воинственной тирадой, на них не скупился и первый каджарский шах во время подготовки в 1797 г. карательного похода против Грузии. Осознание того что европейцы располагали такими возможностями для ведения войны, каких не было на Среднем Востоке, приходило постепенно.

Хотя сефевидский Иран превратился в крупнейшего поставщика шелка на рынки Европы, а караванные пути прочно связали Каспий с Персидским заливом, доступ к морской торговле был возможен только через посредничество европейских компаний. Участие Ирана в «торговых» войнах ограничивалось в XVII в. лишь несколькими эпизодами, связанными с изгнанием португальцев с острова Ормуз в Персидском заливе при помощи кораблей английского флота. Заключив союз с англичанами, Аббас I уступил им и часть своей победы – англичане получили монополию на торговлю шелком и освобождались от уплаты таможенных сборов в Исфахане. Впрочем, о том чтобы самим наладить морское сообщение с Европой, речь не шла, шах ограничился лишь переносом порта с острова на побережье и присвоением ему собственного имени – Бендер-Аббас («Гавань Аббаса»).

В начале XVIII в. Иран полностью лишился контроля над заливом, выступая в случае необходимости в роли просителя перед португальцами или французами.

Надир-шах первым попытался изменить положение дел, действуя сразу в двух направлениях – на Каспии и в Персидском заливе. В 1736 г. в Бушире были заложены верфи и начато строительство флота. Но, опережая события, Надир распорядился о покупке нескольких военных кораблей вместе с командами и начал весьма успешные военные операции в заливе. Правда, продвинуться дальше иранского побережья он не смог, и его экспедиция в Оман оказалась безрезультатной.

Освоение Ираном акватории Каспия было напрямую связано с усилившимся экономическим соперничеством России и Англии. Лавры первопроходца в прокладывании северного торгового пути на Восток сохраняла «Московская», с конца XVII в. «Русская торговая компания». Ее агент, создатель иранского флота капитан Джон Эльтон, как «человек, полезный в своих познаниях», был сначала принят на русскую службу и зачислен в состав Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева. Но путешествие по Аральскому морю было прервано из-за политических осложнений, и экспедиция вернулась с полпути. Вскоре Эльтон смог добиться у русских властей разрешения на строительство торговых кораблей для Англии на верфях Казани, а потом предложил иранскому правительству свои услуги в создании флота на Каспии. По слухам, расположение наследного принца Риза-кули-мирзы обошлось ему в порядочный запас хорошего рома и незначительные подарки, которыми была скреплена сделка. Но не этот скромный *пишкеш* (подношение, взятка) решил исход дела. Предложение Эльтона пришлось как нельзя кстати. Опытный офицер, предприимчивый и толковый администратор, Эльтон оказался чрезвычайно полезным и торговой компании, и английскому правительству, стоявшему за ее спиной. В 1745 г. с верфей Каспия были спущены два фрегата, которые начали каботажное плаванье вдоль западного побережья. На подходе стояло еще несколько военных кораблей.

Россия, которая по Рештскому договору 1735 г. отвела свои войска из прикаспийских провинций, была обеспокоена ростом иранского влияния на Каспии, рассматривала создание флота как военный вызов, особенно если учесть, что к строительству верфи приступили в 1742–1743 гг. в период обострения русско-иранских отношений. Заняться разрешением этого вопроса было поручено астраханскому губернатору; осенью 1751 г. в обстановке сугубой секретности он снарядил в Гилян диверсантов. Группа моряков Каспийского флота, как указывалось в рапорте о проведении этой операции, была переодета «в приличное платье под видом разбойников», получила в свое распоряжение два военных корабля с полным боевым оснащением и большое количество оружия. Но тщательная подготовка и этот военизированный маскарад оказались лишними – городок при верфи опустел, и его никто не охранял. Джон Эльтон был убит весной 1751 г. в начавшейся после смерти своего покровителя междоусобной схватке, а отстроенное им адмиралтейство разорил один из мазендаранских ханов, изрубивший во время погрома все шлюпки. На рейде Лангеруда оставались два готовых к спуску на воду военных корабля, построенных после смерти покорителя Дели. Один из русских мичманов обошел оба корабля и, прикинув необходимое количество дров и «зажигательных вещей», сжег их «без остатку».

Борьба России и Англии за обеспечение своих интересов на Каспии, общий контур которой лишь обозначился в это время, стала прологом к англо-русскому соперничеству на Среднем Востоке (так называемой Большой игре) и предвосхитила не только многие сюжеты истории их взаимоотношений в XIX в., но и оказала влияние на характер экономических и социально-политических процессов в Иране.

ТРИ МИРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Для Юго-Восточной Азии XVIII век представляет водораздел между традиционной историей и новой эпохой, начавшейся для региона в первой половине XIX столетия. Это последний период раннеколониальной эпохи (XVI–XVIII вв.) в истории региона, эпохи, которая хотя и внесла огромные перемены в жизнь местного общества, тем не менее еще не разрушила его, а лишь в различной степени деформировала. Вместе с тем, будучи наследником и продолжателем процессов и тенденций предшествующей эпохи, XVIII век, особенно его вторая половина, обнаруживает изменения как в традиционной структуре местного общества, так и в характере внешнего, колониального воздействия.

До середины XX в. Юго-Восточная Азия не воспринималась как отдельный регион, а потому практически не исследовалась как целое. Изучалась история ее частей, входивших в те или иные колониальные владения (нидерландские, английские, французские, американские). В XVI–XVIII вв. литература была представлена в основном сообщениями путешественников, записками миссионеров, случайными переводами отрывков из местных хроник и т.п. В XIX в. стали появляться первые общие истории стран региона и работы по отдельным сюжетам, главным образом колониальным. В первой половине XX в. в зарубежной историографии, а во второй половине в отечественной появились общие истории Нидерландской Ост-Индии (Индонезии), Малайи, Вьетнама, Камбоджи, Бирмы и Сиама (Таиланда). Это были работы преимущественно по политической истории, хотя для отечественных авторов с самого начала характерен интерес и к истории социально-экономической (Бирма, Таиланд, Малайя). В конце 20–30-х годов XX в. в голландской и английской историографии возникает интерес к социологическим и культурологическим аспектам истории региона (в основном доколониальной и колониальной эпох), эта тенденция получает развитие во второй половине XX – начале XXI в. В последней четверти XX в. стали появляться работы, посвященные XVIII веку в истории отдельных стран или областей Юго-Восточной Азии – Филиппин, Малайи, Индонезии, Бирмы, Таиланда, Вьетнама. В последние годы делаются попытки обобщения истории региона при комплексном и междисциплинарном подходах и выделения XVIII в. в отдельный этап.

Сложность характеристики XVIII столетия усугубляется тем, что Юго-Восточная Азия всегда отличалась колоссальным географическим, этническим и культурно-идеологическим разнообразием, и на это исконно присущее региону разнообразие наложилась усложнившаяся в данное столетие колониальная структура. На протяжении данного периода (но многое восходит к XVII в., а завершается в XIX в.) в регионе протекали процессы, которые можно считать основными (в приближенном к реалиям виде, с большой степенью огрубления).

1) Образование на материке (Индокитайском полуострове) централизованных государств, в которых ведущую роль играла основная этническая группа. Свое завершение этот процесс получил в государстве Конбаунов в

«Филиппины, остров Формоза [Тайвань], Южный Китай, королевства Тонкин [С. Вьетнам], Кохинхина [Ю. Вьетнам], Камбоджа, Сиам [ныне Таиланд], Лаос, а также часть королевств Пегу и Ава [ныне Бирма]». Карта Р. Бонна. 1780 г.

Бирме, при династии Чакри в Сиаме и Нгуенов во Вьетнаме. Моноэтнические государства, включая буферные – Лаос и Камбоджу, приходят на смену образованиям имперского типа предшествовавших эпох. Создание моноэтнических государств на Индокитайском полуострове в XVIII в. совпало с очередным витком возрождения государственности в циклическом развитии Вьетнама, Бирмы и Сиама.

2) Ослабление и дезинтеграция приморского мира Юго-Восточной Азии (Малаккский п-ов и Малайский архипелаг).

3) Перемены в колониальной составляющей.

ОБРАЗОВАНИЕ МОНОЭТНИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ИНДОКИТАЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Три мира, три системы, восходящие к доколониальным временам, определяли особенности местного общества.

Первый мир Юго-Восточной Азии – конфуцианско-буддийский Вьетнам.

Социально-политическую структуру доколониального Вьетнама можно назвать бюрократически-феодальной. Определяющим типом социальных отношений здесь были отношения административно-управленческого соподчинения. Этот тип отношений складывался начиная с эпохи китайского завоевания (последние века до н. э.) и дожил в основных своих чертах до колониальной эпохи XIX в.

Во главе страны стоял император, которому помогали шесть центральных ведомств, которые занимались культовыми церемониями, назначением чиновников, проведением кадастров (земельных и душевых), сбором налогов и распределением их среди чиновничества, военными делами, судом и общественными работами.

Община была поставлена под контроль властей, и деревенская верхушка стала постепенно превращаться в зависимых от государства мелких чиновников. К XVIII в. этот процесс усилился, и общинная верхушка получила функции низшего административного звена, действовавшего под надзором вышестоящих чиновников.

Характерной чертой этой господствующей социальной группы был ее «открытый» характер, что проявлялось в отсутствии наследственной закрепленности социального статуса. Через систему конкурсных экзаменов достигалась достаточно высокая социальная мобильность и устойчивость. Это положило начало формированию широкого слоя традиционной интеллигенции и мелкого чиновничества, связанного и переплетавшегося с деревенской верхушкой.

Основную массу населения составляли различные прослойки общинного крестьянства. В связи с оформлением бюрократической структуры общества произошло превращение крестьянина в государственно-тяглового земледельца.

Во Вьетнаме, несмотря на развитие частнособственнических тенденций в среде господствующего слоя и деревенской верхушки в XVII–XVIII вв., решающую роль играла государственная земельная собственность.

Структура общества определяла положение ремесла и торговли. Индивидуальное ремесло находилось под жестким контролем со стороны государства. На основе трудовой повинности создавались государственные мастерские. Государство контролировало внутреннюю торговлю, определяя списки товаров, обращавшихся на рынках, фиксируя цены на них, устанавливая внутренние таможенные пошлины. Над внешней торговлей был установлен контроль, целью которого было изолировать жителей приморских районов от контактов с иностранцами и обеспечить внешнеторговую монополию на важнейшие продукты экспорта.

Во второй половине XVII – 70-х годах XVIII в. развитие частной земельной собственности в разнообразных формах привело к ослаблению механизма государственно-феодальной системы и контроля государства над общиной. Этот процесс происходил на фоне раскола страны на Север и Юг во главе с кланами Чиней и Нгуенов при сохранении номинальной власти императоров династии Ле и ожесточенных социальных конфликтов, выливавшихся в невиданный в истории страны взрыв крестьянских бунтов, в волнения горных племен, выступления столичных войск в 30–60-е годы XVIII в. Высшей точкой кризиса явилось восстание тэйшонов (1771–1802).

Это самое мощное в истории доколониального Вьетнама народное движение началось в районе Тэйшон в северной части южного государства Нгуенов и с первых же дней приобрело массовый и радикальный характер. Коррупция чиновников, рост налогов и ослабление центральной власти, не прекращавшаяся после 1765 г. борьба соперничавших группировок при дворе вызывали у населения юга страны сильное недовольство.

Восстание возглавили три брата Нгуены, однофамильцы династии, правящей на юге страны. После захвата дельты Меконга с центром в Сайгоне (1778) и физического уничтожения почти всех членов правящей династии* в 1786 г. тэйшоны начали поход на север и после взятия столицы Хюэ продолжили наступление на владения Чиней и захватили их центр Тханглаунг (Ханой). В 1788 г. самый талантливый из братьев Нгуен Хюэ, ставший императором (1788–1792) после смерти старшего брата, отразил попытку Китая восстановить власть Чиней. После почти двухвекового разделения Вьетнам был вновь объединен.

Спасшийся принц Нгуен Ань, нашедший убежище в Сиаме и заручившийся поддержкой французов, в августе 1787 г. высадился на Юге, где объединил противников тэйшонов, движение которых претерпело обычную для крестьянских восстаний в рамках феодально-бюрократической (китайской) модели трансформацию – воссоздание этой модели. В 1799 г. пала главная цитадель тэйшонов – крепость Куинён, а вслед за тем войска Нгуен Аня двинулись на север и в 1802 г. после взятия Хюэ и Тханглаунга подавили восстание. Почти тридцатилетняя крестьянская (и одновременно гражданская) война тэйшонов дает пример разрешения кризиса бюрократически-феодальной системы посредством массового социального движения, в результате которого объединенный, моноэтнический Вьетнам воссоздал привычный социально-политический механизм.

---

* Спасся лишь 15-летний принц Нгуен Ань, который при помощи французского миссионера бежал на остров близ вьетнамского побережья.

Буддийский мир Индокитайского полуострова – Бирма и Сиам, а также Камбоджа и Лаос, равно как исламский Матарам на Центральной и Восточной Яве, развивались в рамках социально-политической системы, которую можно назвать государственно-патриархальной.

Здесь структурообразующим элементом отношений также выступала управленческая функция, но наряду с ней значительную роль играли связи группового (кланового) характера, обусловливавшие относительную самостоятельность по отношению к государству феодалов на местах; более стойкое, чем в феодально-бюрократическом типе, сохранение наследственного характера должностей, титулов, владений, особенно в средних и низших звеньях. В основе государственного механизма лежали иерархические отношения центра с самодовлеющими высоко автономными единицами, по «вертикальной» линии обеспечивавшиеся прямыми и личными связями между центром и носителями власти на местах.

Аппарат управления состоял из лично зависимых от монарха дворцовых служащих, его родственников, друзей или связанных с ним узами личной присяги и верности (в той или иной форме) феодалов-чиновников на местах, как правило, передававшихся по наследству.

В яванском султанате Матарам (XVII–XVIII вв.) вокруг столицы располагалась область, контролируемая центральной администрацией; здесь имели владения родственники султана и высшие сановники. На основной же территории государства сидели *бупати* – наследственные владетели, включенные в систему администрации, но подчинявшиеся непосредственно султану, с которым они были связаны узами личной зависимости. Каждое владение копировало административную систему столицы, так что султанат состоял из множества единиц, каждая из которых представляла собой замкнутую и единообразную систему, объединяющим же началом служила верховная власть, осуществлявшая контроль посредством личного вмешательства.

В Бирме такой единицей были округа – *мьо* во главе с *мьотуджи*. В XVII–XVIII вв. мьотуджи стали постепенно включаться в систему государственного управления. В реальности они являлись не столько чиновниками, сколько феодальными владетелями. Они передавали свои должности по наследству, при вступлении на должность являлись ко двору и приносили присягу правителю. Они осуществляли налоговую, судебную, административную и военную власть в своих владениях практически без вмешательства со стороны центра.

В Сиаме господствующий слой был разделен на две группы – наследственную знать и чиновничество. К наследственной знати относились только прямые потомки короля до пятого колена, причем титул детей в каждом поколении уменьшался на одну степень. Вся остальная знать обретала статус чиновников и соответственно сохраняла привилегии, пока находилась в этом статусе. Была создана более четкая, по сравнению с Бирмой или Явой, административная система: образованы пять *кромов* (министерств), ведавших внутренними делами, земледелием, финансами, двором и судопроизводством; реорганизации подверглась и провинциальная администрация.

В государственно-патриархальных обществах не существовало формально «благородных» по происхождению, чьи привилегии передавались бы по наследству. Правящий слой был таковым не в силу происхождения или об-

ладания земельной собственностью, а вследствие функционирования в государственном аппарате.

Если Вьетнам XVIII в. дает пример циклического кризиса традиционной системы, разрешенного народным движением при минимальном внешнем влиянии (французские миссионеры), то для Бирмы и Сиама эта проблема решалась в форме борьбы за этническую гегемонию (Бирма) и движения за независимость страны (Сиам).

В XVIII в. в бирманском государстве династии Таунгу наступил очередной кризисный этап циклического развития государственно-патриархальной системы. В течение достаточно длительного времени огонь не вырывался наружу. Но за внешним спокойствием и рутинным существованием дворца в столице Аве накапливались противоречия и вражда. Моны, населявшие юг страны и утратившие независимость в XVII в., были готовы восстать. Горные племена волновались, почувствовав ослабление Авы.

Толчок к событиям, которые потрясли Бирму и на долгие годы ввергли ее в хаос гражданской войны, был дан в 1738 г., когда очередной набег манипурской конницы (небольшое горное княжество Манипур близ границы с Индией, которое некогда было вассалом Бирмы, а потом добилось независимости) оказался особенно разрушительным. Горцы дошли до столицы, сожгли несколько бирманских городов и опустошили главную рисовую житницу страны. Для укрепления обороны центральных районов правитель Авы вынужден был перебросить значительные воинские подкрепления с юга на север. Этим немедленно воспользовались непокорные моны, которые подняли восстание против власти бирманцев. Они захватили ключевые города Юга и возвели на престол своего царя – буддийского монаха, который в 1747 г. передал власть более энергичному военному лидеру. Тот, получив финансовую поддержку от европейских купцов, имевших свои фактории в монских портах, реорганизовал армию, которая в 1752 г. взяла Аву, захватив последнего правителя династии Таунгу в плен.

Моны не стали завоевывать всю Верхнюю Бирму: для этого у них не было ни сил, ни, очевидно, желания. Да и власть удержать они не смогли. В тот момент, когда победоносная армия с добычей и царственными пленниками покидала Аву и торжествующие моны спешили домой, один из их отрядов потерпел неожиданное поражение от бирманцев у городка Моксобо, в нескольких километрах от разрушенной Авы. Местный владетель городка, вошедший в историю Бирмы под тронным именем Алаунпая, собрал под своим началом скрывшихся за стенами в Моксобо крестьян и остатки царских войск и уже в декабре 1753 г. освободил Аву. Эта победа превратила скромного мьотуджи в символ бирманского патриотизма, привлекла к нему тысячи добровольцев. Дойдя до дельты Иравади, Алаунпая в 1755 г. захватил монский порт Дагон и переименовал его в Янгон (Рангун) – «конец вражде». Бирманцы наносили монам поражение за поражением, и в мае 1757 г. взяли штурмом и разрушили монскую столицу Пегу. Подавление монов сопровождалось страшными жестокостями и гибелью десятков тысяч людей. С монской государственностью было покончено навсегда.

Алаунпая и его преемники проводили широкую завоевательную политику, главной целью которой был захват людей для заселения разоренных и пустующих земель в стране. Одновременно они создавали централизован-

ное государство, опираясь на средних и мелких феодалов, чьи наследственные владения становились административными единицами, а сами владетели – служилыми людьми. Принцы и крупные сановники получали доходы с пожалованных им наместничеств, но жили в столице, при царском дворе.

Вслед за монами разгрому подвергся и главный враг на севере – Манипур, а в 1760 г. бирманские войска стояли уже у стен сиамской столицы Аютии. На этот раз сиамцам повезло: Алаунпая был смертельно ранен, когда взорвалось осадное орудие, и бирманцы отступили. Смерть Алаунпаи не остановила агрессивных замыслов его сыновей, один из которых в 1767 г. взял штурмом Аютию и разрушил ее.

Сиам с конца XVII в. был охвачен непрекращающимися мятежами и восстаниями, которые осложнялись конфликтами внутри правящей верхушки.

В 1765 г. в Сиам вторглись три бирманские армии, соединившиеся в феврале 1766 г. у стен Аютии. Сиамцы, которым было отказано в почетном мире, сражались отчаянно, однако в апреле 1767 г. бирманцы штурмом овладели их столицей. Дворец, главные здания, тысячи жилых домов были сожжены. Разрушенный город так и не был восстановлен. Когда Сиам вновь добился независимости, новой столицей стал Бангкок. Движение сопротивления возглавил полководец Пья Таксин. Он вытеснил бирманцев с сиамской территории, а в 1776 г. нанес им решающее поражение. В 1782 г. в результате заговора Пья Таксин был убит и на сиамский трон взошел военачальник Чакри, короновавшийся под именем Рамы I.

Образование моноэтнических государств на Индокитайском полуострове внесло определенные изменения в циклический вариант развития свойственных им социально-политических систем. Не последнюю роль в этом процессе сыграло вовлечение Индокитая в сферу колониальной экспансии западных держав, начавшееся во второй половине XVIII в. и проявившееся в полную силу уже в XIX в.

ОСЛАБЛЕНИЕ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ПРИМОРСКОГО МИРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (МАЛАККСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И МАЛАЙСКИЙ АРХИПЕЛАГ)

Иная судьба была уготована в XVIII в. стране с той же, что Бирма и Сиам, социально-политической системой – яванскому Матараму. Уже в конце XVII в. Нидерландская Ост-Индская компания, которая помогла правителю Матарама подавить мощное восстание, потрясшее страну, установила контроль над частью территории султаната.

СУРАПАТИ

В Юго-Восточной Азии XVIII в. был веком сопротивления колониальной экспансии. Это сопротивление принимало разные формы – от закрытия стран до мощных народных движений. Одним из самых значительных стало восстание под руководством Сурапати на Яве.

Сурапати был балийцем, родившимся на Восточной Яве. В молодости он оказался рабом одного из почтенных голландских горожан Батавии (Джакарты). Дочь хозяина увлеклась красивым юношей, и когда связь раскрылась, Сурапати

бежал, спасаясь от неминуемой смерти, в горы Западной Явы. Там он организовал отряд удальцов, промышлявших разбоями. Когда началась война Нидерландской Ост-Индской компании с одним из местных княжеств, Сурапати со своим отрядом поступил на службу к голландцам и даже помог им захватить руководителей враждебной Компании партии в этом княжестве. Вслед за тем он поссорился с унизившим его голландским офицером и бежал во владения Матарама – государства, занимавшего центральную и восточную часть Явы.

С прибытием Сурапати в столице Матарама усилились антиголландские настроения, подогреваемые присутствием голландского гарнизона и вызывающим поведением служащих Компании. Обеспокоенные власти Батавии направили в Картасуру, столицу Матарама, в качестве посла того самого офицера, который некогда оскорбил Сурапати, – капитана Франса Така. Он должен был потребовать от матарамского двора выдачи Сурапати. Когда Так въехал в Картасуру, ему сообщили, что Сурапати бежал на восток острова. Голландцы бросились в погоню, оставив в столице незначительные силы. Сурапати же неожиданно вернулся. В рукопашной схватке перед кратоном (дворцом) правителя (сусухунана) Матарама все голландцы, включая Така, погибли. Сурапати же ушел на родину, на восток Явы, где создал независимое владение. К нему стекались люди, недовольные голландским владычеством, обездоленные крестьяне и рабы, за счет которых он пополнял свою армию.

В 1705 г. Сурапати выступил против голландцев на стороне одного из претендентов на трон Матарама. В следующем году захватчики осадили крепость Бангил, где находился Сурапати. Штурм крепости стоил им более 500 человек убитыми и ранеными. Однако защитники ее также понесли тяжелую потерю: 11 ноября 1706 г. Сурапати скончался от ран, полученных при защите Бангила. В июле 1707 г. голландцы осквернили могилу Сурапати: вырыли его прах и бросили в море. Сыновья и внуки человека, ставшего национальным героем современной Индонезии, продолжали сопротивление до 1723 г.

В первой половине XVIII в. в ходе двух «яванских войн за престолонаследие» Компания, поддерживая различных претендентов на матарамский трон, расширила свои владения на Яве, превратив Матарам в сравнительно небольшое государство, лишенное портовых городов. Заключительным актом матарамской драмы стали события 1749–1755 гг. – Третья яванская война за престолонаследие.

15 декабря 1749 г. в столице Суракарте голландский чиновник провозгласил *сусухунаном* (правителем) Пакубувоно III. Последний, в отличие от прежних, стал сусухунаном в качестве вассала Компании и на церемонии своего провозглашения занял место ниже двух высших служащих Компании. 16 декабря обосновавшийся в Джокьякарте дядя правителя, принц Мангкубуми, провозгласил себя султаном. Он разгромил голландские войска и отвоевал у врага значительную часть территории Матарама. Однако среди победителей начались усобицы: Мас Саид, племянник Мангкубуми, начал борьбу за власть с дядей. Этим воспользовались голландцы, которые предложили Мангкубуми подписать договор, согласно которому Матарам был разделен на два государства: Суракарту в восточной части, которая отошла под власть Пакубувоно III, сохранившего титул сусухунана, и Джокьякарту, занимавшую западную часть Матарама, где под именем султана Хаменгкубувоно I стал править сам Мангкубуми. В 1757 г. Мас Саид получил во владение на территории Суракарты вассальное княжество Мангкунегаран, и с единым Матарамом было навсегда покончено.

Слабые яванские княжества оказались в зависимости от нидерландской Ост-Индской компании, которая в середине XVIII в. стала полновластной хозяйкой всего острова, за исключением крайней восточной его части, покоренной в 70-е годы XVIII в. Подчинив экономику захваченных территорий цели производства культур, которые находили сбыт у европейских торговцев, голландцы положили начало превращению региона в район производства товарной продукции для мирового рынка.

Третьей частью Юго-Восточной Азии были мусульманские приморские общества островного мира, раскинувшегося от Малайи до Южных Филиппин. Они выросли из городов-государств, возникавших на морских путях через Юго-Восточную Азию, преимущественно на Суматре и в Малайе.

В основе социальной структуры приморского типа лежала военная функция. Связи внутри господствующего класса строились прежде всего как связи военного подчинения. Военно-феодальный тип социальной организации господствующего слоя не стремился к распространению на все общество, к полному контролю над низовыми социальными ячейками, к вовлечению их верхушки в систему организации господствующего класса, а тяготел к обособлению, замкнутости. Это отразилось в положении идеологии, сохранившей в обществе этого типа определенную самостоятельность. Религия здесь по сравнению с другими районами Юго-Восточной Азии несла меньшую функциональную нагрузку, была менее утилитарной; религиозная организация существовала отдельно от светской и в социальной, и в имущественной сферах.

В приморском типе не наблюдалось заметного стремления к централизации и жесткой иерархичности. Здесь четче проявлялись центробежные тенденции, возникновение автономий вокруг наместников и владетелей. Вокруг каждого из владетельных феодалов образовывался круг из родственников и других аристократов, становившихся помощниками, военачальниками, управителями, советниками, послами, секретарями. Обычным явлением были феодальные усобицы.

Верховная власть в обществе этого типа была более обособленной, более самостоятельной; она представляла собой не столько вершину иерархической пирамиды, сколько внешний (до некоторой степени) по отношению к этой пирамиде элемент, основанный на военном подчинении и личной власти. Такой характер верховной власти придавал ей огромную силу и известную самостоятельность в эпохи расцвета и завоеваний и служил источником ее слабости в те периоды, когда рушились или ослабевали государства этого типа. Государь из неограниченного владыки, распоряжавшегося судьбами своих подданных (в том числе и представителей господствующего класса), быстро превращался в первого среди равных или вообще лишался реальной власти. Именно так произошло в северосуматранском султанате Аче, достигшем предела своего могущества при султанах XVII в., завоевавших Малайю, Восточную Суматру и часть западного побережья Суматры. С ослаблением Аче в XVIII в. султаны из полновластных деспотов превратились во владетелей небольшого домена вокруг столицы, стали игрушкой в руках соперничавших феодальных клик. В Малайе после ослабления и распада султаната Риау-Джохор (после 1699 г.) власть султанов также распространялась лишь на домены в их княжествах. Социальные границы здесь были более жестки,

роль наследственной преемственности важнее, значительно бóльшее значение придавалось «благородству» происхождения.

Замкнутость господствующего класса приморского типа, его слабая социальная мобильность предоставили крестьянскому сопротивлению развиваться особенно успешно в русле религиозных исканий. Характерно, что именно в этой части региона произошла смена индуистско-буддийского культа исламом в XIII–XVII вв., тогда как в других областях региона сохранились прежние религии – конфуцианство и буддизм.

Специфическим было положение торговли в этом обществе. Она сосредоточивалась в руках султанов, феодальной знати и примыкавшего к последней богатого иноземного купечества. Несмотря на «торговый» характер приморского общества, его центрами оставались укрепленные деревни, а возникавшие периодически (и также периодически исчезавшие) «города», вызываемые к жизни в основном внешними обстоятельствами, представляли собой механическое соединение или разрастание тех же деревень. Эти эфемерные города – места встречи иностранных купцов, пиратские стоянки – были практически не связаны со своей периферией, поскольку их интересы лежали в межостровной и заморской торговле. Население этих городов было мало связано с местными жителями, поскольку основную массу его составляли пришельцы с разных концов Архипелага, а также из других стран (Индии, Китая, полуостровной Юго-Восточной Азии, Ирана и Аравии). Изменение внешнеполитических и внешнеторговых обстоятельств приводило к исчезновению таких городов и переселению горожан в другие места.

Для политической истории приморских обществ Юго-Восточной Азии XVIII в. характерны окончательное исчезновение под напором европейского торгового капитала центров посреднической торговли и дезинтеграция сравнительно крупных государственных образований. Наиболее явственно это прослеживается на примере султанатов Аче на Суматре и Риау-Джохор в Малайе.

Как и подобные образования приморского типа, султанат Аче был обязан своим могуществом благоприятной внешнеполитической (ослабление португальской Малакки) и внешнеторговой (конкуренция Ост-Индских компаний и вытеснение португальцев) обстановке. Упадок торговли и сокращение доходов вызвали внутренние осложнения в Аче. В 1699 г. появилась новая династия, которую в 1729 г. сменила следующая. Каждая из трех областей Аче поддерживала своего претендента на престол, и в 60–70-х годах XVIII в. в Аче было сразу три султана.

В 1699 г. началось крушение другого сильного государства западной части малайско-индонезийского мира – султаната Риау-Джохор, наследника некогда могущественного Малаккского султаната. Правители Риау-Джохора в XVI–XVII вв. успешно вели борьбу с португальской Малаккой, Аче и нидерландской Ост-Индской компанией, распространяя свою власть на архипелаг Риау (между Суматрой и Малаккским полуостровом), княжества Восточной Суматры и южную часть Малайи (Джохор). Толчком к дезинтеграции Риау-Джохора послужило убийство султана Махмуд-шаха II в результате заговора знати, не выдержавшей тиранической власти садиста и самодура. Новым султаном стал первый министр княжества. В 1718–1723 гг. разгорелась борьба за трон между претендентом на джохорский престол, происходившим из

правящей семьи Минангкабау (Центральная Суматра), по имени Раджа Кечиль, и новым султаном, поддерживаемым бугскими вождями, появившимися на архипелаге Риау и в Малайе после разгрома султаната Гова (Макасар) на Сулавеси (Целебесе) голландцами во второй половине XVII в. Победа осталась за бугами. Раджа Кечиль был изгнан на Суматру, бугские вожди стали фактическими хозяевами Риау-Джохора (с титулом «младших правителей»); в Малайе возникли княжества во главе с бугскими династиями. После неудачной войны 1783–1784 гг. с нидерландцами султанат распался: на Риау утвердились буги, державшие под контролем малайских султанов, а Джохор стал владением одного из сановников султанского двора.

ПЕРЕМЕНЫ В КОЛОНИАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Вторжение европейских колонизаторов в огромной степени повлияло на страны Юго-Восточной Азии. Хотя оно не сказалось немедленно на внутренней структуре общества и коснулось далеко не всех частей региона, оно принесло феномен постоянного присутствия новой силы. На первых порах европейцы воспринимались как еще одна политическая сила, не всегда могучая, но всегда непонятная (с точки зрения ее ценностей и устремлений) и отчужденная от местного общества. Однако, несмотря на то что основная масса государств и потестарных образований региона продолжала жить своими интересами, европейская колонизация (в отличие от власти местных империй или гегемонов) неотвратимо вовлекала регион – на разных уровнях и в разное время – в систему мирового рынка. Однажды утвердившись, колонизаторы неизбежно консолидировали свои позиции, вмешиваясь в дела местных государств, подавляя местную торговлю, переходя к прямой эксплуатации местного населения, т.е. создавали предпосылки для более глубокого влияния на жизнь, характер и направление развития общества Юго-Восточной Азии.

Из трех центров европейского присутствия, возникших в XVI–XVII вв. – Малакки, Манилы и Батавии (Джакарты) – значимость сохранили и упрочили два последних. Переход Малакки в руки нидерландской Ост-Индской компании (1641) привел к падению ее торговой привлекательности (голландцы перенесли торговлю в Батавию) и резко уменьшил европейское (португальское) население города, значительную часть которого вывели в ту же Батавию. Последней в XVIII в. была уготована иная судьба. Превращение Компании в территориальную державу (с центром в Батавии) на Яве и Мадуре привело к тому, что главной сферой ее деятельности и основным источником доходов стала не столько торговля, сколько управленческо-фискальные функции.

В середине XVIII в. окончательно оформилась административно-судебно-налоговая система голландского колониального управления. На протяжении почти всего своего существования администрация в Батавии управляла разбросанными от Японии до мыса Доброй Надежды территориями, поселениями, факториями и фортами. Вплоть до середины XVIII в. Компания воспринималась на Востоке скорее как торговая организация, нежели как суверен. Все европейские служащие Компании независимо от занимаемой

должности носили «торговые» ранги: старший торговец, торговец, младший торговец, бухгалтер, помощник бухгалтера и т.п.

По мере упрочения власти Компании ее владения превращались в огромную плантацию. В XVIII в. Компания приступила к насильственному внедрению культур, пользовавшихся спросом на мировом рынке. Наиболее важной из этих культур стал кофе. Зерна, из которых, как с удивлением заметил голландец, оказавшийся в 1616 г. в Аравии, приготовляют для питья черную горячую воду, попали в Республику Соединенных провинций в 1661 г. С 1696 г. предпринимались попытки разведения кофе на Яве, а в начале XVIII в. стараниями генерал-губернатора Йохана ван Хоорна (1704–1709) первые кофейные плантации появились в окрестностях Батавии. В 1711 г. на склады Компании были доставлены первые 100 фунтов кофе. Через девять лет производство кофе возросло до 100 тыс. фунтов, а еще через двенадцать лет – до 12 млн фунтов. В последующие годы голландские власти в зависимости от спроса то побуждали яванских крестьян делать новые посадки, то приступали к их уничтожению. Крестьяне получали жалкие гроши за сдаваемую ими продукцию, кроме того, они были обязаны своими силами осуществлять хранение и перевозку кофе. Львиная доля прибылей от реализации кофе попадала в руки Компании, ее служащих и местных феодалов – регентов. Другими важными экспортными культурами в XVIII в. стали сахарный тростник, индигоноска и хлопчатник.

С точки зрения политической основным результатом деятельности Компании было создание голландской колониальной империи в Индонезии. Превращение Ост-Индской компании в территориальную державу на Архипелаге внесло принципиально новую ноту в политическую жизнь всего Архипелага вне зависимости от установления прямого контроля Компании над теми или иными государствами и владениями. Отныне просто в силу своего военного и морского превосходства она могла в случае необходимости вмешиваться в отношения между любыми индонезийскими государствами. Существование голландских владений закрыло путь к политическому объединению посредством завоеваний или династических браков Архипелага или его значительных частей. Показательно, что раздел Матарама на Суракарту и Джокьякарту вначале воспринимался современниками как повторявшееся в яванской истории разделение, которое должно смениться новым объединением. Но отныне соединения двух государств без воли и согласия колонизаторов быть не могло, и это разделение сохранялось до конца колониального периода. Другим очень важным отличием было то, что голландская капиталистическая система и ее носители не встраивались в местное общество, не ассимилировались, как это произошло с носителями других культур, а существовали отдельно, причем центр этой системы, регулировавшей экономические, политические и культурно-психологические отношения с местным обществом, находился за пределами Индонезии.

Одним из самых заметных результатов деятельности Компании на Яве, имевшим далеко идущие последствия, стало усиление роли китайского капитала. Китайские торговцы, как и их собратья из других стран Азии, принимали участие в индонезийской торговле задолго до появления здесь европейцев и селились в небольших количествах в приморских городах. Первоначально Компания благожелательно отнеслась к появлению китайского – трудолюби-

вого и искусного – населения в своих владениях, но после того как она укрепила свои позиции на Яве, отношение к китайцам изменилось. В богатых китайцах Компания стала видеть более ловких, чем она сама, конкурентов, а в бедных – источник недовольства и социальной нестабильности. В июле 1740 г. генерал-губернатор Адриан Валкенир (1737–1741), человек необузданного темперамента, не всегда продумывавший последствия своих решений, распорядился выслать всех батавских китайцев, не имевших определенных занятий. Распоряжение было использовано служащими Компании в корыстных целях: хватали богатых китайцев-старожилов и под угрозой высылки вымогали у них деньги. Китайцы стали вооружаться. В ночь с 8 на 9 октября по прямому наущению властей солдаты и моряки вместе с городской чернью устроили в Батавии антикитайский погром. Убивали всех китайцев, без различия пола и возраста, дома разграблялись и сжигались. Бойня продолжалась в течение недели. В ответ вспыхнуло восстание китайского населения, с которым сомкнулось антиголландское движение в Матараме. Восстание удалось окончательно подавить лишь в 1743 г.

Во второй половине XVIII в. китайцы, которых Компания перестала преследовать, превратились в экономически важный элемент общества, сосредоточив в своих руках посреднические функции.

Немногочисленные голландцы и другие европейцы (около 10 тыс. человек в конце XVIII в.) в общем мало контактировали с индонезийцами, которые оставались вне воздействия европейской культуры и ее системы ценностей.

Европейцы концентрировались главным образом в Батавии. Хотя европейские колонии были в Семаранге, на Амбоне, в Макасаре и других местах, облик колонизаторов определял прежде всего Homo Bataviensis. Среди голландского населения Батавии различались две группы: служащие Компании и «свободные горожане». Если принять во внимание, что большинство голландцев устремлялись в Индонезию с одним лишь желанием – разбогатеть и что в массе своей эти люди составляли отнюдь не лучшую и не интеллектуальную часть голландского общества, то неудивительно, что из них формировались нувориши с соответствующими наклонностями. Косность, презрение к местному населению, привычка жить в роскоши, пренебрежение образованием и культурными ценностями характеризовали осевших в Батавии бывших служащих Компании, ставших «свободными горожанами». Поскольку Компания запрещала им заниматься частной торговлей и предпринимательством, они промышляли откупами и ростовщичеством – занятиями, не способствующими совершенствованию человеческой натуры. «Свободные искусства» были в Батавии не в почете. Когда Корнелис Сёйтхофф, зять великого Рембрандта, потеряв надежду прокормить себя живописью, занялся ремеслом, он был обвинен в нарушении монополии Компании и чуть было не попал в тюрьму. К счастью, помогли друзья, и Сёйтхофф стал служащим Компании – он получил место надзирателя в той тюрьме, куда его собирались отправить.

Культурная и интеллектуальная жизнь Батавии была небогатой. Список книг, опубликованных в Батавии на протяжении XVII–XVIII вв., включает множество сборников административных распоряжений, некоторое количество религиозных сочинений, немногочисленные перепечатки голландско-

малайских словарей и грамматик и, наконец, с 1731 г. ежегодный справочник с чинами и должностями служащих Компании. Монотонность официальных публикаций и перепечаток лишь изредка прерывалась такими книгами, как дидактическая поэма Якоба Стеендама для юношества или поэма Питера ван Хоорна о мудрости Конфуция. В этом списке промелькнуло историческое сочинение, рассказывающее об осаде Батавии войсками Матарама в 1629 г. Впоследствии это сочинение вдохновило батавского чиновника и поэта XVIII в. Питера де Вриса на сочинение драмы, «украшенной песнями, танцами и живыми картинами», под названием: «Ян Питерзоон Кун, Основатель батавской свободы. Драма о войне со счастливым концом».

В 1778 г. Якобус Радермахер, один из высших служащих Компании, основал Батавское общество искусств и наук. Хотя «сообщения о естественной истории, древностях и обычаях» народов Архипелага приветствовались Батавским обществом, в начальный период своей деятельности оно занималось в основном проблемами городского хозяйства. Тот же Радермахер стал основателем первых франкмасонских лож в Батавии в 60-х годах XVIII в. Идеи европейского Просвещения слабо затронули голландскую колонию, где царил дух стяжательства, презрения к «туземцам» и пренебрежения к образованности, художественным ценностям и знаниям.

Неискушенному наблюдателю конца XVIII в. мощь и богатство Компании казались непоколебимыми. Регулярно выплачивались дивиденды, и акции Компании в 1781 г. продавались по цене, в два с лишним раза превышавшей их номинальную стоимость. Блестящий фасад скрывал, однако, полностью прогнившее здание. Прибыли Компании падали: в 1724–1725 гг. ее баланс впервые был сведен с дефицитом, но поскольку отчеты не публиковались, а бухгалтерские книги в Батавии не соответствовали тем, что находились в Амстердаме, общественное мнение Нидерландов не имело представления об истинном положении дел. Расходы на войны и управление поглощали львиную долю доходов от дани, налогов и торговли, а дивиденды пайщикам (неизменные 18% годовых) выплачивались за счет постоянных займов.

Компания была коррумпирована сверху донизу. Генерал-губернаторы с жалованьем 700 гульденов в год привозили домой состояние в 10 млн гульденов, младший торговец платил (официально) 3500 гульденов за назначение на пост с жалованьем 40 гульденов в месяц и получал на этой должности годовой доход в размере 40 тыс. гульденов. Коррупция достигла таких размеров, что накануне падения Компании был введен официальный налог на взятки, которые получали ее должностные лица. Коррупция сочеталась с прямым воровством: недостача в миллион гульденов в казначействе Батавии не была раскрыта, пока скоропостижно не скончался главный кассир.

Причина упадка Ост-Индской компании была глубже, нежели дефицит в ее балансе и коррупция служащих. Упадок Компании с ее устаревшими методами, препятствиями, чинимыми ею частной инициативе, в том числе и голландских предпринимателей, был неизбежен и закономерен. Несмотря на сохранение и даже расширение нидерландской колониальной империи, в XVIII в. страна утратила свою колониальную, торговую и морскую гегемонию, которая перешла к Великобритании. Попытки наиболее дальновидных колониальных деятелей осуществить некоторые реформы натолкнулись на сопротивление торговой олигархии в метрополии. Окончательный удар по

колониальному могуществу Нидерландов и ее Ост-Индской компании нанесла Четвертая англо-голландская война (1780–1784). Тяжелее всего сказалась морская блокада. Все связи между Архипелагом и Европой были прерваны, огромное количество непроданных товаров скопилось на складах Батавии.

В 80–90-х годах XVIII в. правящая верхушка Соединенных провинций безуспешно старалась поправить дела Компании, создавая бесчисленные комиссии и выдвигая различные проекты реорганизации управления Компанией и ее колониальными владениями. Борьба вокруг предоставления Компании займов и проведения реформ в ее управлении оказалась тесно связанной с бурными внутриполитическими событиями в Республике Соединенных провинций во второй половине XVIII в.

В 1793 г. Франция начала войну с Англией и Нидерландами. Голландские эмигранты во Франции сформировали Батавский легион, одним из офицеров которого был Херман Виллем Данделс, бывший адвокат, будущий наполеоновский маршал и генерал-губернатор Индонезии. В январе 1795 г. французская армия заняла Нидерланды. Статхаудер Вильгельм V Оранский бежал в Англию. Падение Оранской династии ускорило конец Компании. 31 декабря 1799 г., в день, когда истекал срок действия хартии Компании, все ее владения и долги (134 млн гульденов) перешли Батавской республике, государству, образованному в 1795 г. на территории Соединенных провинций.

Третьим центром европейского присутствия в Юго-Восточной Азии была испанская Манила на Филиппинах. В XVIII в. под властью Испании оказался почти весь архипелаг за исключением мусульманского юга. Колонизаторы перенесли на Филиппины феодальные отношения, разрушив доколониальную социально-политическую структуру. Основным типом феодального землевладения стало поместье (*асьенда*). Наиболее крупными (коллективными) *асендеро* были монашеские ордена. Число остальных испанских помещиков было крайне незначительным. В основном это были представители администрации во главе с генерал-губернаторами. В XVIII в. довольно интенсивно шло формирование слоя помещиков-филиппинцев из представителей местной общинной верхушки, составлявшей низшее и среднее звено колониальной администрации. Основной формой эксплуатации была издольщина. Плантационное хозяйство по образцу Латинской Америки на Филиппинах появилось лишь в конце XVIII в.

Особенностью Филиппин была христианизация и сопровождавшая ее испанизация культуры, явственно обнаружившиеся в XVIII в. Объединенные в религиозные ордена монахи составляли более двух третей проживавших на архипелаге испанцев. Обладая экономической и финансовой самостоятельностью, юридическим иммунитетом, собственной системой административного управления, церковь представляла собой силу, почти независимую от колониальной администрации. В борьбе с администрацией, в XVII–XVIII вв. принимавшей характер острых конфликтов, перевес, как правило, оказывался на стороне церкви.

Во второй половине XVIII в. впервые появились тенденции к обновлению методов колониальной эксплуатации. Преобразования на Филиппинах (конец 60-х – 80-е годы XVIII в.) были частью программы реформ, проводившихся в метрополии и колониях в период просвещенного абсолютизма Карла III (1759–1788).

Основные экономические мероприятия осуществлялись в период правления генерал-губернатора Баско-и-Варгаса (1778–1787). При нем были сделаны первые шаги по развитию на Филиппинах производства экспортных культур – сахарного тростника, табака, индиго, пряностей, хлопчатника, какао, кофе, по созданию текстильной и табачной промышленности, по разработке минеральных ресурсов. В 1785 г. по образцу европейских Ост-Индских компаний была учреждена Королевская филиппинская компания. Ей предоставлялась абсолютная монополия на испано-филиппинскую торговлю и торговые операции с азиатскими странами. Ее деятельность способствовала в известной степени экономическому развитию Филиппин (в 80–90-е годы XVIII в. увеличились производство сахарного тростника и вывоз сахара, табака, кофе и других экспортных товаров), росту торговли с соседними азиатскими странами – Китаем, Индией, Индонезией.

ИТОГИ ВЕКА

Вряд ли можно утверждать, что XVIII век стал временем кардинальных перемен в Юго-Восточной Азии: во многом он лишь продолжил процессы, начавшиеся на заре раннеколониальной эпохи, которую век XVIII и завершает. Тем не менее с известной долей допущения можно наметить некоторые новые явления в демографической, политической, социально-экономической и культурно-идеологической сферах жизни региона.

В XVIII столетии Юго-Восточная Азия оказалась вовлеченной в систему международных отношений на значительно более масштабном уровне, нежели в первые два века европейской колониальной экспансии. Это было связано не только с продолжавшейся (но не с той степенью накала, как в XVII в.) англо-голландской борьбой, сколько с соперничеством Великобритании и Франции. Юго-Восточная Азия стала ареной (не главной, конечно) столкновения интересов этих держав во время войны за Испанское наследство и Семилетней войны. В 40-е годы XVIII в. они пытались утвердиться в Нижней (приморской) Бирме, чтобы создать там военно-морские базы и верфи, столь необходимые им в условиях борьбы за господство у берегов Индии, особенно в Бенгальском заливе. Объединение Бирмы под властью династии Конбаун в 50-х годах XVIII в. не позволило англичанам и французам закрепиться в этой стране. В 1762–1764 гг. англичане оккупировали Манилу – владение Испании, союзницы Франции, а французская эскадра захватила английские фактории на Западной Суматре.

Конец XVIII в. обозначил те изменения в расстановке колониальных сил в регионе, которые в полной мере проявились уже в следующем столетии. После поражения в Семилетней войне Франция свернула деятельность в Юго-Восточной Азии; лишь во Вьетнаме оставались католические миссионеры, поддержавшие принца Нгуен Аня, объединившего страну и ставшего (в 1802 г.) императором Зя-лонгом. Ослабевшая Испания сосредоточила все усилия на удержании Филиппин и прекратила экспансию в южных – мусульманских – районах архипелага. Нидерланды упрочили свои позиции на Малайском архипелаге, окончательно завоевав Яву и сокрушив местные торговые центры на островах Риау и Сулавеси, но после

неудачной для них войны с Англией были вынуждены допустить британских торговцев в свои владения.

Явственно возросло английское присутствие в регионе. В 1786 г. английская Ост-Индская компания утвердилась на о. Пинанг у северо-западного побережья Малаккского полуострова, положив начало созданию будущей колонии Стрейтс-Сетльментс, а в 1795 г., после вторжения французских войск в Нидерланды, захватила принадлежавшую последним Малакку. Завоевание бирманским правителем Бодопаей Аракана (1784) сделало британские владения в Бенгалии соседом Бирманской империи, а антибирманское восстание в Аракане (1794) и бегство его вождей в британские владения стали предпосылками англо-бирманских войн XIX в., покончивших с независимостью этой страны.

В политическом развитии стран Юго-Восточной Азии XVIII век развил и усилил то новое, что принесло появление и утверждение колониального начала, во многом подготовил перемены века девятнадцатого. Такие страны двух социально-политических систем – феодально-бюрократической и государственно-патриархальной, – как Вьетнам, Бирма и Сиам, которые испытали сравнительно слабое воздействие колониального начала, оставались в рамках присущей им модели. Вьетнам в конце XVIII – начале XIX в. вступил в фазу объединения и укрепления центральной власти обычного цикла своего политического развития. Сиам и Бирма во второй половине XVIII в. преодолели распад и были вновь объединены. Однако развитию этих стран по традиционной модели препятствовала западная колонизация. Самоизоляция не принесла им успеха: европейские торговцы, миссионеры, дипломаты настойчиво пробивали бреши в политике «закрытых дверей» дворов Хюэ, Бангкока и Авы. Показательно, что более гибкое поведение Сиама перед лицом внешнего вызова в значительной степени определило успех реформ в этой стране в XIX в., тогда как замкнутость Вьетнама и жесткая реакция Бирмы на внешний раздражитель в итоге содействовали их подчинению колониальным державам.

Судьба Малайского архипелага оказалась иной. Произошла «провинциализация» общественно-культурной жизни. Невозможность создания нового крупного государства на Яве, резкое ослабление приморских султанатов, нарушение сложившихся торгово-культурных связей с Индией и странами арабо-персидского мира – все это содействовало окостенению культурных форм, замыканию в традициях прошлого, ностальгии по «имперским» временам, не сопровождавшейся попытками выйти из круга устоявшихся норм и сюжетов. В наибольшей степени это отразилось в «яванском ренессансе», начавшемся в последней четверти XVIII в. после разделения Матарама на Суракарту и Джокьякарту. Матарам стал воссоздавать культурные традиции «имперского» периода. Раздел государства, сопровождавшийся утратой побережья, усилил чисто яванские элементы с их тягой к традиции и прошлому, стремлением отгородиться от печальной реальности стенами дворца, бережно хранившими аристократический мир идеальных форм.

Приморские султанаты (военно-феодальный мир Юго-Восточной Азии) на протяжении всего XVIII в. приходили в упадок и утрачивали свою значимость, продолжая тенденцию, обозначившуюся с началом европейской экспансии. На протяжении всего этого времени один за одним исчезали крупные

торговые центры на архипелаге и Малаккском полуострове. И если в XVI–XVII вв., как это было на протяжении всей истории Нусантары – региона Юго-Восточной Азии, населенного малайскими народами, – на смену одному местному торговому центру приходили другие, то в XVIII в. эта возможность исчезла: европейцы, в первую очередь голландцы, сокрушили приморские области и не давали возможности подняться новым центрам.

В социально-экономической жизни Юго-Восточной Азии в XVIII в. явственно проявились два феномена, восходивших еще к концу XVI – XVII в., но в полной мере давшие себя знать именно в веке восемнадцатом. Первым из них была массовая китайская иммиграция. Разрушение местной торговли привело к тому, что китайцы оказались востребованы голландскими и испанскими властями в качестве компрадоров и посредников. На Филиппинах после снятия ограничения на иммиграцию китайцев значительно возросло участие последних во внутренней торговле и производстве экспортных культур.

Другим новым явлением стало появление так называемой «дуальной экономики» в колониальных владениях – на Яве, Западной Суматре и на Филиппинах. Колониальная администрация принудительными методами побуждала население выращивать продукцию, предназначенную для экспорта, создавая сектор, ориентированный на внешний рынок, в то время как основная масса населения была занята в традиционном хозяйстве, слабо подверженном товарно-денежным отношениям.

Наконец, XVIII век внес определенные перемены религиозно-идеологического характера. Во Вьетнаме в обстановке падения авторитета власти и движения тэйшонов наблюдался кризис неоконфуцианства – идеологии элитарных слоев. Это выразилось в критике неоконфуцианских доктрин, а также в обращении крестьянской массы к буддизму и христианству. И хотя с начала XIX в. в объединенном Вьетнаме поощряемое императорским двором конфуцианство в определенной мере вернуло свои позиции, его деревенские корни оказались подорванными, что и предопределило конечное крушение этой идеологии в колониальный период истории страны.

Перемены в мусульманской части Юго-Восточной Азии (Малайский архипелаг, Малаккский полуостров, Южные Филиппины) были связаны с возросшими контактами с Аравией. В XVIII в. усилился поток паломников в Мекку и Медину, где жители Юго-Восточной Азии знакомились с идеями очищения ислама, прежде всего в форме *ваххабизма*. Свое наиболее полное воплощение эти идеи получили в самом начале XIX в. в области Минангкабау на Суматре, но предпосылки были созданы во второй половине XVIII в., когда стали возвращаться обучавшиеся в религиозных школах Мекки паломники.

XVIII век стал временем возрождения и расцвета буддизма в странах континентальной части региона, прежде всего в Сиаме и Бирме. В 1730 г. власти Сиама запретили проповедь христианства, обращение буддистов в христианскую веру, публичную критику буддизма и распространение христианских книг. В конце XVIII в. центральная власть в Бирме и Сиаме усилила контроль над буддийской общиной (*сангхой*). Наиболее жестко и последовательно эта политика проводилась в Бирме. Уже Алаунпая, первый правитель династии Конбаун, попытался запретить неортодоксальные школы буддизма, распорядился пересмотреть свод законов и устранить брахманистские обряды из ритуала. Бодопая поставил под жесткий контроль назначение глав монасты-

рей и монастырское землевладение, учредил Совет по религиозным делам и ввел экзамены на знание священных текстов для монахов. Сиамский король Рама I (1782–1809), вошедший в историю страны как реформатор буддизма, действовал значительно осторожнее. Он не вмешивался в богословские споры. В 1788–1789 гг. в Сиаме состоялся буддийский Собор, занявшийся пересмотром Типитаки – канона на языке *пали*. В Сиаме (в отличие от Бирмы) сангха оказалась более монолитной, и отношения ее со светской властью выглядели более сбалансированными. Открытие новых монашеских школ, их финансирование двором, обсуждение догматов с элементами рационализма, допущение возможности для человека быть более свободным в своем отношении к Бытию – все это не в малой степени способствовало успехам в реформировании сиамского общества в XIX в.

ИНДИЯ: НА ПЕРЕЛОМЕ

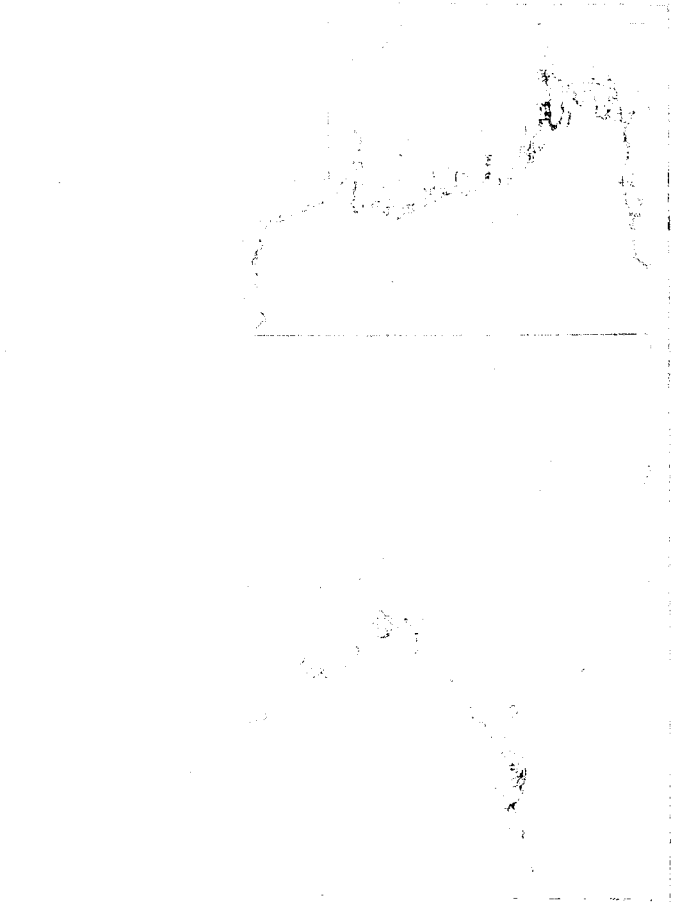
В начале XVIII в. империя Великих Моголов, в XVI и особенно XVII в. являвшаяся одним из богатейших государств Востока, рухнула под ударами мощных народных движений и сепаратистских выступлений местных элит. Наследники некогда всемогущих могольских падишахов обладали только номинальной властью, им подчинялась, да и то в значительной степени условно, область между двумя столицами империи – Дели и Агрой*. Завершающий удар Моголам нанесло нашествие на Индию в 1739 г. иранского правителя Надир-шаха, легко разбившего могольскую армию (она не горела желанием сражаться за падишаха) и предавшего Дели чудовищному разграблению. Победитель увез с собой казну и сокровищницу Моголов, включая даже императорский трон. Все наместники провинций империи объявили себя независимыми государями и тут же начали воевать друг с другом. За вторжением Надир-шаха последовали во второй половине 50-х – начале 60-х годов походы на Индию афганского правителя Ахмад-шаха Дуррани, также разграбившего Дели и многие окрестные территории.

В историографии (западной, отечественной и собственно индийской) долгое время существовала традиция рассматривать XVIII в. как трагическую эпоху всеобщего упадка, кризиса, социально-культурной, политической и моральной деградации общества. Такая оценка имела под собой основания и опиралась во многом на воззрения самих индийцев той эпохи, особенно поэтов и мыслителей, представлявших рухнувший имперский центр. В поэзии на языке урду, занявшей в XVIII в. лидирующее положение в индийской литературе, сложился даже специфический жанр *шахр-е ашоб* («потрясенный город») – плач по утратившим имперский блеск, разрушенным войнами и обнищавшим могольским столицам. Их сравнивали с высохшим, заброшенным садом, где от былой красоты остались лишь пыль да сухие колючки.

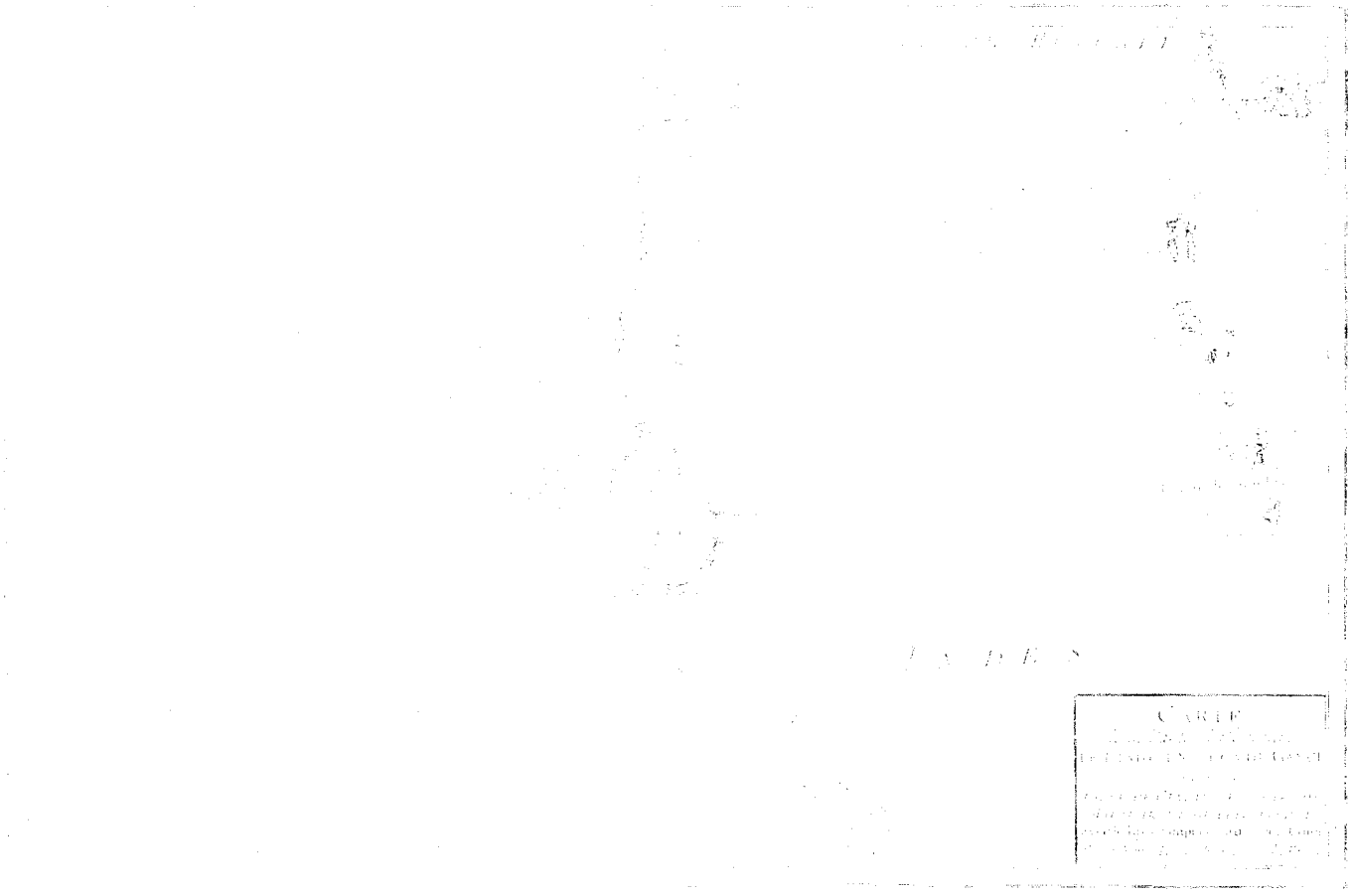
> Даже Мухаммаду Рафи Сауде, лучшему сатирику того времени и безжалостному обличителю моральной деградации могольских вельмож, изменял привычный сарказм, и боль диктовала полные искренней скорби строки:
>
> «Как описать мне опустошенный Дели? В жилых домах воют шакалы, мечети пусты, в редком доме горит светильник. Чудесные здания, при виде которых голодный путник забывал о своих мучениях, лежат теперь в руинах. В окрестных деревнях молодые женщины не собираются больше у колодцев, не судачат в тени деревьев: деревни опустели, деревья выжжены, колодцы забиты трупами. О Джаханабад ("Город мира", эпитет Дели. – *Е.В.*), не заслужил такой судьбы ты, к которому, словно к земле обетованной, стремились по волнам океана люди и собирали жемчуг в твоей пыли!»

---

* Формально власть могольских императоров сохранялась до 1857 г., когда последний из них, Бахадур Шах Зафар, был против воли поставлен мятежными сипаями во главе восстания, а после захвата Дели англичанами смещен и сослан в Бирму. Но уже к середине XVIII в. могольские падишахи превратились в покорных заложников тех, кто контролировал Северную Индию – афганских феодалов, маратхов, а затем англичан.



«Индия. Верхняя часть». Карта Р. Бонна. 1780 г.



«Индия. Нижняя часть». Карта Р. Бонна. 1780 г.

Упадок могольской столицы отметили многие иностранные путешественники, в том числе и наш соотечественник Ф.С. Ефремов (1774–1782), писавший о Дели: «прежде город сей был весьма велик, но ныне разорен и противу прежнего в половину не ответствует». Причину же он видел в том, что «здесь город с городом имеют распрю, и всегда бывают ссоры и сражения, и народ во всегдашнем беспокойстве». Многие индийцы, особенно в бывшем имперском центре, соглашались с высказыванием крупнейшего поэта урду той эпохи Мира Таки Мира: «Наше время – не то, в которое следует жить».

В современной историографии, однако, возобладал более сбалансированный взгляд на Индию XVIII в. Это связано со значительным расширением источниковедческой базы исследований. Не ограничиваясь более текстами, созданными в имперском центре и отражавшими реакцию могольской элиты на утрату прежнего величия и власти, исследователи стали активно привлекать источники, отражавшие жизнь провинций, ставших суверенными государствами. Это позволило выяснить, что упадок империи сопровождался во многих случаях расцветом регионов: там поднимались и отстраивались города, бурлила коммерческая деятельность, совершенствовались ремесла, развивались региональные стили в литературе и искусстве, иногда осуществлялись реформы.

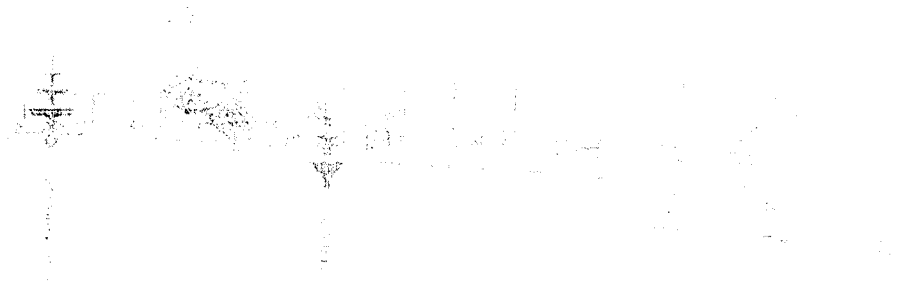
НАСЛЕДНИКИ МОГОЛОВ

Государства, возникшие на обломках империи Моголов, управлялись индусскими и мусульманскими династиями и находились на разных уровнях социально-экономического, политического и культурного развития; некоторые из них по территории и населению были сравнимы с европейскими странами. При всех своих различиях это были феодальные* государства; но во многих из них феодальная система, далеко не исчерпав еще резервов своего развития, была уже в значительной степени размыта, прежде всего, по словам британского индолога К. Бэйли, – растущей коммерциализацией всего и вся. Придворные и военные чины, бывшие ранее исключительной прерогативой феодальной знати, продавались и покупались; земли отдавались на откуп торговцам; представители «людей пера» (чиновничества) и «людей базара» (купечества) вместе с богатством активно претендовали на власть, в ряде случаев тесня старую аристократию**; последняя, забыв

---

* Вопрос о том, было ли предколониальное индийское общество феодальным, является дискуссионным как в отечественной, так и в зарубежной (индийской и западной) историографии. Силы сторонников и противников «индийского феодализма» примерно равны, причем противники не противопоставляют своим оппонентам сколько-нибудь аргументированной исторической идентификации изучаемого социума, ограничиваясь весьма туманными определениями типа «традиционное» или «предсовременное» (pre-modern) общество.

** Например, в первой половине XVIII в. в священном городе индусов Варанаси (Бенаресе) власть целиком принадлежала Наупатти – совету глав девяти крупнейших торгово-ростовщических домов. На Западе Индии, в богатых торговых городах Гуджарата, влиятельные купцы вели борьбу, иногда вооруженную, против местной феодальной администрации, защищая горожан от притеснений. Один из них, известный как «князь купцов», даже построил в 1731–1732 гг. на собственные деньги крепость, разместил в ней трехтысячный гарнизон и превратил в процветающий город. Конфликт с наместником ближайшего могольского порта Сурат привел к восстанию, в котором на стороне «князя купцов» сражались около десяти тысяч «простого народа и всякой черни» (выражение местного хрониста).



Дворец низамов Хайдарабада

о своем статусе, все чаще занималась коммерцией. В строительстве своей независимой государственности «наследники Моголов» ориентировались на различные модели. Одни стремились в той или иной степени сохранить верность могольскому наследию. Наибольшую лояльность ему проявил Хайдарабад – южноиндийское государство, основателем которого явился бывший могольский наместник Декана Низам ул-Мулк Асаф Джах (личное имя Мир Камр ул-Дин Чини Килич-хан). Даже после распада империи *низамы*, правители Хайдарабада из основанной им династии, искренне верили, что легитимность их власти основана на «постоянной службе и верности императору». Именно это, по их мнению, давало им право на главенство во всем Декане – право, которое на самом деле никто больше не признавал. В административной, политической и культурной сферах правители Хайдарабада подчеркнуто следовали могольским образцам. В свою очередь правители (*навабы*) североиндийской области Авадх (Ауд), также бывшие могольские наместники, заимствовав многое из могольского наследия, стремились утвердить свою идентичность. Они, в частности, активно развивали собственную придворно-аристократическую культуру (*лакхнавият*, от названия столицы Авадха – Лакхнау), давшую Индии немало выдающихся произведений литературы, музыки, архитектуры, и подчеркнуто противопоставляли ее делийским образцам. При этом и Хайдарабад, и Авадх относились к могольскому наследию избирательно, усваивая из него наиболее эффективные, с точки зрения новых правителей, элементы. Процесс консолидации элит в обоих государствах зашел гораздо дальше, чем в позднемогольские времена: будучи мусульманскими, они в равной степени проводили политику религиозной терпимости, активно привлекали на службу индусскую знать и торговую верхушку.

На несколько иных принципах строила свою политику маратхская конфедерация со столицей в Пуне. Этим государством, в отличие от Хайдарабада и Авадха, правила индусская элита, апеллировавшая в своей идеологии к индусским традициям, но в реальности также наследовавшая много элементов могольской политико-административной культуры. В XVIII в. оно уже имело мало общего с державой, основанной национальным героем маратхов Шиваджи в 1674 г. в результате антимогольского движения. С 1714 г. власть оказалась сосредоточенной в руках *пешв* – брахманов, бывших главных министров при наследниках Шиваджи. Однако власть пешв не была всеобъемлющей, поскольку их государство представляло собой конфедерацию пяти крупных (Нагпур, Гвалиор, Индор, Барода и собственно Махараштра) и ряда мелких княжеств. Каждый из правителей признавал власть пешвы лишь постольку, поскольку это было ему выгодно. Пунское правительство нередко затевало военные походы в различные регионы Индии лишь затем, чтобы держать жадных до власти и богатства маратхских феодалов подальше от столицы. От созданной Шиваджи единой, спаянной освободительной идеей и этнически однородной державы практически ничего не оставалось: государствообразующий народ – маратхи – составляли в конфедерации меньшинство. «К счастью, – отмечал в 1798 г. председатель контрольного совета английской Ост-Индской компании лорд Дандас, – ни глава (маратхской) империи, ни кто-либо из состава конфедерации не приобрел достаточно средств для того, чтобы спаять все силы маратхов в единое целое». Английский резидент в Пуне Ч. Малет называл маратхскую конфедерацию «телом, состоящим из конфликтующих между собою частей».

В середине XVIII в. маратхи пытались доминировать на индийской политической арене. Продолжая традиции времен Шиваджи, они требовали от соседних государств уплаты дани, совершали грабительские походы вплоть до Бенгалии, где поэты сравнивали их войска с эпическими чудовищами. Совместно с сикхами маратхи боролись на севере Индии против афганского нашествия. Однако, несмотря на афганское вторжение, союз между сикхами, маратхами, а также помогавшими им вначале раджпутскими князьями не сложился, чем не преминул воспользоваться Ахмад-шах Дуррани. Он нанес маратхам сокрушительное поражение при Панипате в 1761 г., от которого конфедерация оказалась не в состоянии оправиться в течение почти десятилетия. С этого времени маратхи уже не могли претендовать на главенство в Северной Индии, хотя их позиции там оставались довольно сильными.

В 1770–1771 гг. маратхское войско, возглавляемое князем Гвалиора Махаддаджи Синдхиа и властителем Индора Тукоджи Холкаром, захватило Дели. Маратхские вожди пригласили могольского императора Шах-Алама II, жившего в то время в Аллахабаде под защитой англичан, вернуться в Дели и занять престол. Согласившись на это приглашение, падишах вернулся в Дели, где стал по существу почетным пленником Синдхиа и Холкара, которые попытались от его имени взять под контроль столицу и тем самым претендовать на верховную власть в Северной Индии. Однако после смерти в 1772 г. пешвы Мадхава Рао I оба маратхских вождя спешно покинули Дели, чтобы принять участие в дележе власти в Пуне. Впоследствии, в конце 80-х годов маратхи снова попытались установить контроль над столицей.

Удобным предлогом для них стал мятеж, поднятый в 1788 г. афганским феодалом Гуламом Кадиром, которому удалось захватить в плен самого императора и овладеть обеими столицами – Дели и Агрой. Благодаря вмешательству маратхов, император был освобожден, мятежники казнены, а Махададжи Синдхиа стал фактическим правителем Дели при слабом, безвольном императоре, посвящавшем все время сочинению стихов и развлечениям. Укрепив таким образом свою власть в Северной Индии, Синдхиа подавил мятежи раджпутских князей, плативших дань маратхам, и вернулся в Пуну, где вступил в борьбу за власть, но вскоре, в феврале 1794 г., умер или, по версии некоторых современных ему историков, был убит по наущению своего основного соперника в борьбе за власть, главного министра пешвы Наны Пхадниса (Фарнависа) (1741–1800). В течение десятилетий этот талантливый, беспринципный и жестокий политик, выходец из семьи наследственных чиновников, являлся фактическим главой конфедерации и держал под своим полным контролем юного пешву Мадхао Рао II.

На Юге Индии главными соперниками маратхской конфедерации были Хайдарабад и Майсур. В течение долгого времени низам Хайдарабада вел с маратхами борьбу за стратегически важную и богатую область Карнатик. Пользуясь разгромом при Панипате, низам Хайдарабада попытался нанести пешве еще один удар. Однако, несмотря на то что силы маратхов были подорваны неудачной борьбой с афганским вторжением, пешва смог нанести поражение низаму и в 1763 г. навязать ему Аурангабадский договор, предусматривавший возвращение оккупированных им ранее земель и другие территориальные уступки маратхам. Это поражение еще более ослабило Хайдарабад и лишило сколько-нибудь серьезных оснований его претензии на главенство в Декане, хотя он по-прежнему оставался силой, с которой нельзя было не считаться. Главные внешнеполитические усилия низамов были направлены на борьбу с маратхами, и в этой борьбе Хайдарабад все более и более опирался на поддержку англичан, превратившись постепенно в главного союзника Компании на Декане.

Небольшое государство Майсур, занимавшее живописные плато в Южной Индии, управлялось индусской династией Водеяров. Однако к середине XVIII в. власть Водеяров значительно ослабла, майсурская армия потерпела ряд поражений от французов и маратхов, которые захватили несколько плодородных округов. Казна Майсура была пуста, так что в армии, которой не платили жалование, начались недовольство и массовое дезертирство. В этих условиях один из майсурских полководцев, мусульманин Хайдар Али, смог захватить власть, в результате чего махараджа оказался почетным пленником, не имевшим никакого влияния вне стен своего дворца. Начав службу простым наиком (унтер-офицером), Хайдар Али проявил храбрость, снискавшую ему всеобщее уважение в армии, настойчивость, дипломатический талант и умение с помощью интриг устранить противника. Благодаря всем этим качествам и в условиях острого политического кризиса этот выходец из простонародья, до конца жизни не постигший грамоту, смог захватить власть в Майсуре и успешно править им с 1761 по 1782 г. Реорганизовав армию и резко повысив ее боеспособность, Хайдар Али начал целую серию завоеваний, позволивших ему присоединить к Майсуру ряд стратегически важных и плодородных областей, среди которых Кург, Каннара и ряд районов Мала-

бара с их портами (Мангалур, Хоннур, Каликут и др.). Это обеспечило значительные поступления в казну, но и одновременно создало целый ряд проблем, поскольку покоренные им области таили опасность сепаратистских выступлений, и во время последующих войн правителю Майсура постоянно приходилось отражать удары в спину.

Усиление Майсура и завоевания Хайдара Али не могли не вызвать противодействия маратхов и низама Хайдарабада. В первом столкновении с маратхами в 1764 г. Хайдар Али потерпел поражение, однако впоследствии, когда его армия окрепла и набралась боевого опыта, он смог наносить и маратхам, и низаму чувствительные удары. В борьбе против Хайдара Али те пытались объединиться, но Хайдару Али почти всегда удавалось расколоть враждебную коалицию то с помощью подкупа, то путем политической интриги. Однако постепенно Хайдар Али почувствовал, что главным его врагом являются не маратхи и низам, а англичане. С ростом майсурского государства и укреплением его влияния на Декане столкновение с англичанами оказалось неминуемым.

К тому времени, когда в 1767 г. Хайдар Али впервые вступил в борьбу с колонизаторами, он успел значительно расширить территорию Майсура, а англичане были уже хозяевами Бенгалии, диктовали свою волю Авадху, держали в плену могольского императора. Первая англо-майсурская война (1767–1769) окончилась победой Хайдара Али, который со своей армией подошел к воротам Мадраса и даже велел своим солдатам прикрепить к стене крепости карикатуру на английского губернатора. Англичане подписали с Хайдаром Али договор о мире и взаимопомощи, но как только в 1770 г. на Майсур напали маратхи, англичане предали Хайдара Али. В течение 1770–1780 гг. Хайдар Али вел войны то с маратхами, то с Хайдарабадом, то с соседними княжествами.

В 1780 г. Хайдару Али удалось на короткий срок сколотить против англичан коалицию с участием маратхов и низама. Но в начавшейся вскоре второй англо-майсурской войне они оказались весьма ненадежными союзниками. Англичане вскоре раскололи союз, возвратив низаму часть его земель, а вслед за тем к 1782 г. вышли из борьбы маратхи, которым присланные из Бенгалии части нанесли ряд поражений, что заставило маратхов заключить сепаратный мир. Оставленный союзниками, Хайдар Али стал терпеть неудачу за неудачей, к тому же ему приходилось одновременно подавлять восстания в своем тылу. Тогда он заключил союз с французами, которые одержали победу над английским флотом.

В декабре 1782 г. Хайдар Али умер от рака, завещав своему тридцатидвухлетнему сыну Типу Султану майсурский престол и ненависть к английским захватчикам. Храбрость и неукротимо гордый нрав снискали Типу Султану в народе прозвище «Лев Майсура»; притом, в отличие от отца, он получил хорошее образование и был страстным библиофилом. В результате удачных маневров Типу удалось окружить в Беднуре бомбейскую армию генерала Мэттьюза, которая из-за плохого снабжения и низкой дисциплины потеряла боеспособность. Типу принял почетную капитуляцию Мэттьюза и согласился выпустить поверженного противника из крепости с честью, даже предоставил продовольствие и носилки для раненых, при условии, что город будет сдан ему нетронутым. Но когда Мэттьюз, не считавший необходимым

держать слово, данное индийцам, оставил город разрушенным и разграбил всю казну, Типу подверг обезоруженную армию повальному обыску, который обнаружил, что благородные английские джентльмены пытались спрятать драгоценные камни в самых интимных частях тела, и отправил пленных в цепях в Майсур. Это «варварство майсурского тирана», как выражались английские газеты, придало войне еще большую ожесточенность.

После Беднура Типу продолжал развивать успех, но в 1783 г. между Англией и Францией был подписан мир, и французские союзники покинули Типу, лишив его поддержки с моря. Одновременно над Майсуром нависла угроза нападения со стороны маратхов и низама. В этих условиях Типу был вынужден в 1784 г. подписать с англичанами Мангалурский мир, по которому его войска покинули Карнатик, а англичане – Малабар. В 1786–1787 гг. Типу нанес сокрушительное поражение объединенным силам маратхов и низама, что продемонстрировало возросшую боеспособность майсурской армии. Однако при заключении мирного договора с маратхами Типу, несмотря на свои победы, удовлетворил ряд их территориальных претензий, рассчитывая, что это поможет Нане Пхаднису осознать необходимость совместных действий против англичан.

Типу Султан понимал, что заключенный с ним Мангалурский договор для англичан – только передышка, поэтому он неоднократно обращался к низаму и Нане Пхаднису с предложением союза. Однако низам не мог согласиться на союз с Майсуром и из-за своей зависимости от англичан, и в не меньшей степени из-за плебейского происхождения самого Типу. «Вы не можете не знать, – писал низам в 1787 г. Коссиньи, губернатору французского владения Пондишери, – что я – представитель Великого государя (Могольского падишаха. – *Е. В.*), а этот негодяй – всего лишь мой вассал. Могу ли я унизить себя союзом с моим же вассалом?» Что же до маратхов, то, как отмечал английский генерал-губернатор лорд Корнуоллис, «вряд ли они способны поддержать своего заклятого врага, которого имеют столько причин бояться и ненавидеть». Все тайные письма Типу маратхи и низам любезно пересылали англичанам.

Поводом для третьей англо-майсурской войны послужил конфликт с верным вассалом англичан раджей Траванкура, который, отгородившись от Майсура многокилометровыми оборонительными линиями, укрывал мятежных феодалов, преследуемых Типу. Предыдущие войны с Майсуром нанесли Компании большой моральный и материальный ущерб, поэтому был принят парламентский акт, запрещавший начинать войны с индийскими государями, кроме случаев необходимой обороны. И Корнуоллису, и английскому правительству было ясно, что Типу превратился в главное препятствие английскому господству в Индии, поэтому англичане поспешили вмешаться в конфликт Майсура и Траванкура. Залогом своей победы Корнуоллис считал союз с маратхами и низамом, и 4 июля 1790 г. заключил с ними Тройственный договор, целью которого было «наказать его (Типу), насколько будет возможно, и лишить его средств для нарушения мира и покоя в дальнейшем».

Союзники напали на Майсур с трех сторон. На первых порах Типу удавалось наносить им чувствительные удары, а вездесущая майсурская кавалерия разорвала все коммуникации между союзными армиями. На помощь с огромными силами поспешил из Бенгалии лорд Корнуоллис, которому не

без помощи оппозиционно настроенных майсурских вельмож удалось подступить к стенам столицы Типу Шрирангапаттинама. Героическое сопротивление гарнизона и трудности со снабжением заставили Корнуоллиса отступить, но, соединившись с войсками маратхов и низама, он вновь осадил столицу. Типу был вынужден в марте 1792 г. подписать с англичанами мирный договор, по которому он лишался половины своих земель, должен был выплатить союзникам 33 млн рупий контрибуции, на время уплаты которой двое малолетних сыновей Типу стали заложниками англичан.

Разбитый и униженный, Лев Майсура не был сломлен. Он реорганизовал армию, укрепил экономику Майсура и вскоре обрел прежние силы. Типу помогла и вспыхнувшая между низамом и маратхами война, завершившаяся сокрушительным поражением низама при Кхарде в 1795 г. Эта война причинила много беспокойства англичанам, которые стремились сохранить антимайсурскую коалицию любой ценой. «Легко понять, – писал в 1796 г. один из очевидцев-французов, – что, как бы огромна ни была в настоящий момент власть англичан в Индостане, она всегда находится в весьма опасном положении и много слабее объединенных сил маратхов, низама Али и Типу Султана». Типу прекрасно понимал это и неустанно пытался добиться союза с низамом и маратхами. Он обращался ко всем индийским князьям, а также к правителям Ирана, Афганистана, Непала, к султану Турции и даже российскому императору* с предложением объединиться и «очистить Индию от этих негодяев». С победой во Франции революции у Типу вновь воскресла надежда на союз с новым правительством.

Англичане чувствовали смертельную опасность как в укреплении французского влияния на Декане, так и в распространении якобинских идей, проводниками которых в Индии были французские офицеры и солдаты, открывшие в Шрирангапаттинаме якобинский клуб под покровительством самого «гражданина Султана», как теперь обращались к Типу служившие в его армии французы. Когда же в 1797 г. Типу Султан прямо обратился к Наполеону с предложением военного союза и отправил посольство на французский остров Иль-де-Франс (Маврикий), в Лондоне забили настоящую тревогу. «Наш закоренелый враг Типу, укрывший в своей столице якобинский клуб французских республиканцев, открыто вступил в сговор с Францией с целью нашего уничтожения!» – так передает настроение английской печати и официальных лиц того времени опубликованный в 1807 г. анонимный «Обзор событий в Индии с 1798 по 1806 г.». Типу предлагал, чтобы войска Наполеона, находившиеся в Египте, высадились в одном из майсурских портов и вместе с его армией выступили против англичан. Однако французский флот был разбит адмиралом Нельсоном при Абукире, армия потерпела поражение в Египте. Франция была вынуждена отказаться от планов вторжения в Индию, а губернатор Маврикия прислал Типу лишь несколько десятков солдат. Несмотря на все это, англичане решили использовать контакты Типу с французами как предлог для агрессии.

В 1799 г. началась четвертая и последняя англо-майсурская война, которую Компания вела силами бомбейской и мадрасской армий, а также войск

---

* Майсурское посольство, судя по всему, добралось до Петербурга уже после гибели Типу Султана. Глава посольства остался в России, принял крещение и получил дворянский титул.

маратхов и низама. Целью войны, как открыто объявлялось, стало не отторжение от Майсура части земель и его ослабление, а уничтожение Типу. Англичане опирались на активную помощь многих министров и военачальников Майсура. Феодальная знать проявляла недовольство политикой Типу Султана, лишившего их власти над крестьянами и жестко преследовавшего коррупцию; к тому же они втайне презирали Типу как плебея. Особенно усердствовал министр Мир Садык, которого Типу некогда посадил в тюрьму за злоупотребления, но потом простил, что явилось, по признанию современников, непоправимой ошибкой. Стремясь отомстить Типу Султану, он полностью расстроил оборону Шрирангапаттинама, осажденного англичанами и их союзниками. Народ Майсура поддерживал Типу, а его войска, по признанию самих английских военных, проявляли исключительное мужество. Силы, однако, были неравны, и столица Майсура пала. Типу Султан бился во главе отряда своих гвардейцев на стенах; тяжело раненный, он отказался сдаться и был убит английским солдатом-мародером. Свою смерть в этом бою нашел и предатель Мир Садык, зарезанный кем-то из осажденных. Богатый и красивый Шрирангапаттинам англичане и их союзники разрушили и разграбили: новую столицу для майсурских раджей, которым англичане временно вернули власть, пришлось строить в другом месте. Так пало Майсурское государство, оказавшее наиболее сильное и упорное сопротивление английским колонизаторам.

В конце XVIII в. на севере Индии возникает мощное государство сикхов. Казалось, Моголам в свое время удалось справиться с мощным освободительным движением, развернувшимся под знаменем сикхизма. Гибель наиболее талантливых и преданных делу вождей, таких, как гуру Гобинд Сингх и Банда, массовое истребление объявленных вне закона сикхов могольскими армиями нанесли тяжелый удар движению, но не свели его на нет. Не случайно популярная среди сикхов песня сравнивала их с травой, которая растет тем обильнее, чем чаще ее выкашивают. Слабеющая держава Моголов не смогла довести борьбу против сикхов до конца. Поддерживаемое широкими массами крестьян, городских жителей, частью мелких и средних феодалов, движение выстояло и окрепло. Сикхское войско (*дал халса*) не только продолжало борьбу против войск могольских наместников, но и противостояло афганским вторжениям. В условиях, когда могольская администрация практически перестала существовать, сикхское войско осталось единственной силой, способной оказать сопротивление афганцам, особенно после того, как была наголову разбита при Панипате маратхская армия.

Сикхское войско в то время сохраняло почти все черты, свойственные ополчению. Руководил им совет верховных командиров. Наиболее часто применяемой ими тактикой была партизанская война. Сикхи осуществляли дерзкие набеги на соседние с Панджабом территории Сирхинда, Харьяны, даже раджпутские владения. Сикхское войско делилось на 12 крупных формирований (*мисалов*), командиры которых лишь номинально признавали верховную власть командующего одним из мисалов – Ахлувалиа. С изгнанием из Панджаба афганских войск почти вся территория была разделена между мисалами, которые присвоили себе право взимать с местного населения *ракхи* (букв.: защита) – особую подать, рассматриваемую в качестве

Основатель сикхского государства Ранджит Сингх. Посмертная литография с рис. Дж. Рама. 1831 г.

платы за защиту от афганцев. Постепенно мисалы превратились в княжества, возглавляемые сардарами – бывшими полевыми командирами. Княжества эти приобрели полную независимость от Амритсара, где находился формальный центр движения. «Правительство их (сикхов) – аристократическое, но весьма несовершенное, – свидетельствовал в 1785 г. английский путешественник Дж. Браун, – люди разделены между отдельными вождями, которые пользуются неограниченной властью». Стремясь расширить свои владения, сардары воевали друг с другом: так, в 1774–1782 г. мисалы вели кровопролитную войну за право контроля над княжеством Джамму, где сикхи вмешались в раздор между князем и его сыном. В результате этой войны наибольшая удача выпала Маха Сингху, возглавлявшему мисал Сукерчакиа: он не только овладел богатой добычей, но и занял ведущие позиции среди остальных сикхских княжеств.

В 90-е годы XVIII в. над Панджабом вновь нависла угроза афганского вторжения. Внук Ахмад-шаха Дуррани Заман-шах четыре раза пересекал границы Панджаба. В намерении покончить с господством сикхов он опирался на помощь части мусульманских феодалов и индусских князей, например правителя Кангры. Однако всякий раз Заман-шах был вынужден возвращаться в Афганистан, так как опасался удара в спину со стороны своих родственников и других афганских эмиров, претендовавших на его престол. В борьбе с захватчиками выдвинулся молодой правитель мисала Сукерчакиа сын Маха Сингха Ранджит Сингх. В январе 1797 г. он нанес афганским войскам сокрушительное поражение на берегу р. Джелам. Однако вскоре Заман-шах вновь вторгся в Панджаб, захватил Лахор и другие важные крепости, но был остановлен на подступах к Амритсару войсками Ранджита Сингха. Вскоре после этого, известия о мятеже в Кабуле и недовольство армии принудили Заман-шаха покинуть Панджаб. Этим немедленно воспользовался Ранджит Сингх, заключивший к тому времени союз с тремя другими мисалами – Канайя, Наккаи и Ахлувалиа. При поддержке богатых горожан Ранджит Сингх изгнал из Лахора правивших там сардаров и занял город. Захват Лахора восстановил против Ранджита Сингха правителей ряда других мисалов, но враждебная коалиция вскоре была разбита. «В настоящее время, – доносил

английский резидент в Дели Коллинз, – этот вождь (Ранджит Сингх. – *Е.В.*) почитается во всем Хиндустане защитником сикхов; все убеждены, что если бы не мужество и великолепные действия Ранджита Сингха, весь Панджаб давно превратился бы в пустыню, ибо эти северные дикари (афганцы. – *Е.В.*) хвастают, что даже трава не растет там, где прошли их кони». В 1799 г. Ранджит Сингх принял титул махараджи Панджаба и повел решительную борьбу за объединение всех территорий, ранее подвластных мисалам.

Итак, XVIII в. явился для Индии трагическим и переломным. Индостан стал ареной противоборства государств – наследников Моголов. Мало того, внутри многих из них тоже шла борьба за власть различных групп, каждая из которых преследовала собственные интересы и не слишком заботилась о нуждах своего княжества, региона, не говоря уже обо всей Индии. Непрекращающиеся войны разоряли города и села, губительно воздействовали на торговлю, ремесла, культуру. Вместе с тем во многих регионах продолжали существовать богатые города, развивалась торговля, набирали силу местные торговые дома и фирмы. «Тем, кто незнаком с обилием и разнообразием продуктов этой огромной империи, трудно представить себе масштабы торговли, осуществляемой в Индостане по суше и по воде. На дорогах множество караванов, на судоходных реках – лодок, а корабли, груженные богатейшими товарами, совершают плавания из одного конца империи в другой», – свидетельство чиновника английской Ост-Индской компании Р. Орма относится к бурному XVIII в. Этот век дал Индии новые литературные формы (поэзию урду, до сих пор любимую индийцами, развитие прозы, в том числе мемуарной, биографической и исторической, на новоиндийских языках), новые школы миниатюрной живописи и музыки. Он же оставил яркое архитектурное наследие – тяжеловесную роскошь лакхнауского и хайдарабадского «барокко», изысканность «розового города» Джайпура, строгую величественность маратхских крепостей и дворцов, мужественную простоту майсурских построек.

И все же, хотя представление о XVIII в. в истории Индии как о темном времени всеобщего упадка не вполне отражает исторические реалии, нельзя не признать, что все позитивные достижения этого периода были результатом мучительного противостояния – войнам, разрухе, обнищанию, распаду государств, предательству и эгоизму. Тревогу, разочарование, пессимизм, утрату ориентиров, владевшие многими в эту переломную эпоху, выразил Мир Таки Мир:

> Воры, плуты, сикхи, маратхи, шах и нищий – все золота жаждут.
> У тех, кому ныне неведом покой, есть богатство одно – нищета.

«ЛЮДИ В ШЛЯПАХ»

«Благородная английская Ост-Индская компания», как она именовалась в официальных документах, к середине XVIII в. уже сохраняла не много сходства с Компанией времен ее основания – мирным сообществом торговцев, стремившихся получить как можно больше прибылей от торговли индийскими товарами. Основной целью ее политики было теперь не получение торговых привилегий от индийских государей, а установление непосредственного

контроля над различными районами Индии и присвоение того, чем богаты эти районы – прежде всего налоговых поступлений (подробнее о трансформации британской Ост-Индской компании «из купца в державу-купца» см. в гл. «Эволюция Британской империи»). В условиях непрестанных войн между индийскими государствами существовали многочисленные предпосылки для выполнения этой задачи.

Однако для того чтобы политика территориальных захватов увенчалась успехом, Англии необходимо было одержать победу над другой европейской державой, претендовавшей на абсолютное влияние в Индии – Францией. Соперничество в Индии являлось лишь одной из сторон военного противоборства между двумя державами, ареной которого стала, без преувеличения, большая часть земного шара, от Канады до Индии. В военных действиях на индийской территории успеха сначала добились французы, которым в 1746 г. удалось взять главный опорный пункт англичан на юге – Мадрас. Однако в результате Семилетней войны (1756–1763) Франция лишилась своих владений в Карнатике и Хайдарабаде. В ее распоряжении остались лишь пять городов, укрепления которых, согласно Парижскому мирному договору, предстояло разрушить.

Причины поражения Франции хорошо известны. Французское правительство было поглощено военными действиями в Европе, в то время как англичане вели активные действия в колониях. Великобритания имела значительно более сильный флот, обеспечивший ей господство на море. Французские военачальники совершили целый ряд тактических и стратегических ошибок в Индии, плохо координировали свои действия и нередко конфликтовали друг с другом. Английское и французское правительства по-разному относились к деятельности своих Ост-Индских компаний. Для французского короля и его министров Индия была лишь поставщиком экзотических товаров, торговля которыми обогащала купцов и казну, но без которых вполне можно было обойтись. Для Англии, передовой капиталистической державы того времени, колониальные захваты в Индии и других частях света входили в сферу жизненных интересов. Дальнейшее развитие и особенно промышленная революция, превратившая Англию в «мастерскую мира», требовали не только дохода от торговли, но все в большей степени миллионных налоговых поступлений из захваченных районов Индии, а позже – рынка сбыта промышленных товаров. Именно поэтому Франция, «засидевшаяся» в своей индийской политике на уровне первоначального накопления, была вытеснена с юга Индии английской Ост-Индской компанией.

В победе Англии далеко не последнюю роль сыграл тот факт, что в 50–60-е годы XVIII в. ей удалось захватить Бенгалию – богатейшую область высокоразвитого сельского хозяйства и всемирно известного ткачества. Еще во второй половине XVII в. английские купцы получали баснословные прибыли от вывоза бенгальских товаров, строили в различных городах фактории, на которых трудились ремесленники. Но в середине XVIII в. англичанам были нужны не торговые привилегии, даруемые могольскими наместниками, а полный контроль над Бенгалией, тем более что вступивший на престол правитель (наваб) этой области, Сирадж уд-Даула, был настроен враждебно к англичанам, которые открыто поддерживали других претендентов на его престол.

Известия об английских захватах на юге подстегнули наваба, и в июне 1756 г. он начал войну с английской Компанией, захватил Касимбазар и Калькутту. Эти действия встревожили англичан, которые направили в Бенгалию из Мадраса отряд Роберта Клайва и эскадру адмирала Уотсона. Клайву удалось, подкупив коменданта, взять Калькутту и овладеть стратегически важным городом Хугли. В это время в Индию вновь вторгся Ахмад-шах Дуррани, и наваб Бенгалии счел за лучшее заключить мир, согласно которому англичанам возвращались все привилегии, дарованные Моголами, в обмен на военный союз против афганцев. Однако, несмотря на мирный договор, Клайв твердо решил разделаться с навабом, а для этого «войти в союз с любыми силами в Бенгалии, которые недовольны навабом или претендуют на его престол».

Такой силой оказался главнокомандующий армией наваба, его зять Мир Джафар. Обвинив наваба в нарушении мирного договора, Клайв с трехтысячным отрядом наголову разбил его многотысячное войско 23 июня 1757 г. при местечке Палаши (Плесси), чему в немалой степени способствовал Мир Джафар, который вывел из боя подчиненные ему войска. Вскоре после битвы Сирадж уд-Даула был захвачен сыном Мир Джафара и казнен. Мир Джафар взошел на престол, но истинным правителем Бенгалии стал Клайв, присвоивший за время своего правления (до 1767 г.) астрономические суммы.

Возведенный на бенгальский трон англичанами, Мир Джафар оказался в тяжелом положении, поскольку Клайв не только сам грабил страну, но и не препятствовал маратхам взимать традиционную дань с Бенгалии. В 1760 г. Г. Ванситтарт, сменивший Клайва на посту губернатора Бенгалии, возвел на престол зятя нового правителя Мир Касима, которому в результате ряда административных реформ удалось поправить финансовые дела и укрепить экономику, но его попытки с помощью французских и других европейских специалистов реорганизовать армию возбудили подозрения англичан. В 1763 г. Мир Касим поднял восстание при поддержке бенгальского и бихарского населения, доведенного до отчаяния притеснениями англичан. Он заключил союз с навабом Авадха и могольским императором Шах-Аламом II. Соединенная армия союзников была в 1764 г. наголову разбита при Буксаре.

Вновь назначенный губернатором Бенгалии Клайв вынудил императора даровать Компании права *дивани*. Согласно этой системе, получившей название Двойственного управления, судебная власть и полицейские функции остались за местной администрацией, а сбор налогов взяла на себя Компания. Впрочем, такое управление вскоре стало двойственным лишь по названию: после смерти Мир Джафара, которого англичане вновь возвели на престол, трон занимали его малолетние родственники, не способные влиять на состояние дел.

Так был открыт путь к ограблению богатейшей области, а также соседних с ней районов Бихара и Ориссы. Торговля постепенно отодвигалась на второй и даже третий план, главный интерес англичан состоял теперь в присвоении всех налоговых поступлений с городов и сел Бенгалии. При Клайве налоговый аппарат оставался таким же, как при могольских наместниках. Но Уоррен Хейстингс, ставший в 1772 г. губернатором Бенгалии, а впоследствии – генерал-губернатором (пост был введен парламентским актом 1773 г.), предпочел отдавать сбор земельного налога в бессрочный откуп. Это позволило удвоить налоговые поступления и привело к массовому голо-

ду, который в Бенгалии, Бихаре и Ориссе погубил около миллиона крестьян. Из сферы торговли постепенно вытеснялись местные купцы. Гибли ремесла, которыми Бенгалия некогда славилась на всем Востоке.

Лицемерно осуждая «восточных деспотов», английские администраторы устанавливали в своих владениях режим эксплуатации, которого не знала и средневековая Индия. Например, согласно установлению 1766 г., все ремесленники, особенно строительных специальностей, подлежали регистрации, и никто не имел права нанимать их без специального разрешения Ост-Индской компании, которая устанавливала плату за труд, и превысить ее не мог ни один частный наниматель. Законодательно закреплялась кастовая организация в городах. Для занятия ремеслом и торговлей требовалось приобретать особую лицензию, стоившую до четверти месячного дохода. Принудительный труд использовался с размахом не меньшим, чем при Моголах: только на строительство укреплений в Калькутте силой согнали 8 тыс. работников.

Овладение Бенгалией открыло англичанам дорогу к захвату священного города индусов Варанаси и богатой области Авадх. Варанаси отошел к англичанам по договору с навабом Авадха, подписанному в 1775 г. В 1781 г. в Варанаси и окрестных районах вспыхнуло восстание, которое было жестоко подавлено. Правителю Авадха был навязан субсидиарный договор, согласно которому тот был обязан субсидировать английские войска, расквартированные на его территории. Именно этим войскам, а не собственной армии наваба надлежало собирать налоги, защищать в случае войны. Вся внутренняя и внешняя политика Авадха должна была осуществляться через Компанию. Такие договоры являлись основой взаимоотношений англичан с индийскими государями там, где по тем или иным соображениям колонизаторы считали необходимым сохранить номинально власть князей. По субсидиарному договору индийский правитель был обязан выделять ряд областей, налог с которых шел на содержание английских войск. Когда эти области приходили в запустение, правитель должен был выделять новые.

Под двойным гнетом англичан и купавшегося в роскоши князя местное население обычно терпело неисчислимые бедствия и нередко восставало. Это часто давало повод для того, чтобы «ради сохранения закона и порядка» окончательно присоединить ту или иную область к владениям Компании. Так, несмотря на договор, к концу XVIII в. половина территории Авадха была отторгнута англичанами. Начатое Хейстингсом ограбление Авадха и других североиндийских территорий продолжили его преемники, особенно Джон Шор (1793–1798). После смерти наваба Асафа уд-Даулы он вмешался в спор между приемным сыном покойного Вазиром Али, которого тот перед смертью объявил наследником, и братом Саадатом Али. Несмотря на волю покойного государя, Джон Шор возвел на престол Саадата Али, а Вазира Али сослал в Варанаси, где тот предпринял безуспешную попытку поднять восстание. Это послужило поводом для отторжения новых земель от Авадха.

ЕВРОПА – ИНДИЯ: ИЗУЧАТЬ, УПРАВЛЯТЬ, УЛУЧШАТЬ

На протяжении многих веков представления европейцев об Индии формировались из двух основных источников: античных текстов и сообщений, устных или письменных, тех редких путешественников, которым довелось

побывать там. Легендарные представления об Индии как стране чудесных сокровищ и всезнающих мудрецов, где находился рай и жил легендарный «поборник по вере Христовой», царь Иоанн Пресвитер, постепенно канули в Лету вместе со Средневековьем, их породившим. Великие географические открытия, растущая заинтересованность Запада в индийских товарах, учреждение Ост-Индских торговых компаний и активизация их деятельности открыли для Запада невиданные раньше возможности знакомства с Индией, ее обществом и культурой. Сочинения европейских путешественников широко публиковались на Западе, так что каждый, кто отправлялся в Индию в XVIII в., мог перед началом путешествия ознакомиться с довольно обширной библиотекой записок своих предшественников. Многие из европейских путешественников уже в XVII в. не просто описывали свои впечатления, но и пытались анализировать, оценивать, объяснять то, что видели в Индии. XVIII век не только продолжил, но и заметно усилил эту тенденцию: в сочинениях таких авторов, как Р. Орм, П. Шварц, М. Мартин, Ф. Бьюкенен, Г.Т. Коулбрук, Ж. Дюбуа и других, весьма ощутим именно исследовательский аспект, нередко с элементами научного анализа.

На раннем этапе изучения Индии европейцами господствовал утилитарный подход: исследовалось то, что могло способствовать коммерческому успеху европейских компаний, защитить их от неудач и потерь. Поэтому в записках путешественников основное место отводилось описанию торговых путей, номенклатуре товаров и цен, способам ведения торговой деятельности, взаимоотношениям с местными торговцами и европейскими конкурентами, налаживанию контактов с индийскими феодальными властями. «Нравы и обычаи» туземцев, их религиозные представления и культура чаще всего упоминались в общем контексте индийской экзотики. Именно эти разделы в записках путешественников раннего периода изобиловали ошибками и искажениями. Как правило, европейские путешественники не владели индийскими языками и не стремились их изучать даже в тех случаях, когда жили в Индии не одно десятилетие. В лучшем случае некоторые из них (обычно коммерсанты, имевшие до приезда в Индию опыт торговли на Ближнем и Среднем Востоке) знали арабский, тюркский и фарси, так что в Индии их контакты были ограничены только мусульманской придворной элитой и частью торгового сообщества.

Таких познаний хватало на то, чтобы дать представления о товарах и ценах, но было явно недостаточно для понимания страны и образа жизни ее народов. Это накладывалось также на абсолютную убежденность европейцев в превосходстве собственной религии и культуры: «язычниками» и «дикарями» представлялись им даже христиане иных конфессий, что уж говорить о последователях индуизма или ислама. Поэтому большинство авторов довольствовались тем, что развлекали читателей (иногда, как показали современные исследования, без особого смущения переписывая друг у друга), историями об индусах – язычниках, поклоняющихся корове и «дьяволам»*, о самосожжении вдов, «чудовищных суевериях» и фокусах факиров.

Среди европейцев были, однако, люди, высокий интеллект которых не мог удовлетвориться этими сообщениями и стремился узнать индийскую

* Так европейцам представлялись изображения богов в индусских храмах.

культуру из первоисточника. Еще в конце XVII в. голландский миссионер Абрахам Рогер познакомил европейскую публику с философской лирикой крупнейшего санскритского поэта VII–VIII вв. Бхартрихари. Француз Анкетиль дю Перрон, путешествовавший по Индии в 1754–1761 гг., перевел фрагменты важнейшего свода религиозно-философских текстов брахманизма – упанишад – под названием «Упнекхат». Правда, перевод этот был сделан не с санскритского оригинала, а с перевода на фарси, выполненного в XVII в. талантливым ученым-мусульманином, могольским принцем Дарой Шукохом. Желание изучать древние индийские рукописи было у французского путешественника столь сильным, что он даже пытался отнимать их у брахманов под дулом пистолета.

С началом создания в Индии британской колониальной империи все сильнее стала осознаваться необходимость изучать культуру, образ жизни, историю подвластного народа – главным образом для того, чтобы эффективно управлять Индией, избегать по возможности конфликтов между индийской традицией и британским колониальным законодательством. «Мы сочли необходимым, – заявлял У. Хейстингс, – адаптировать наши правила к обычаям и пониманию народа и потребностям страны, следуя так полно, как это только возможно, их древним устоям и институтам». В 1767 г. губернатор Бенгалии Дж.З. Холуэлл, пытаясь разобраться в том сложном нагромождении культов и обрядов, которое европейцы впоследствии назвали индуизмом, опубликовал книгу «Религиозные учения индусов». Три года спустя А. Доу издал свою «Историю Индостана», которая приобрела широкую известность и выходила в переводах на различные языки, включая русский. В 1776 г. Н.Б. Халхед опубликовал «Кодекс туземных законов», для подготовки которого привлек одиннадцать ученых брахманов. Они составили компиляцию из ряда древних правовых текстов на санскрите; эту компиляцию затем перевели на фарси, а с него – на английский язык. Данный труд был необходим, по заявлению Халхеда, для того, чтобы английская власть получила «точное представление об обычаях и манерах этого народа» в целях «законодательного оформления новой (колониальной. – *Е.В.*) системы власти в Бенгалии».

Европейцы, изучавшие Индию, разделились на два основных типа. Принадлежавшие к первому из них занялись исследованием и статистическим описанием различных сторон экономической и социальной жизни современных индийцев с сугубо утилитарной целью – наладить наиболее эффективную и выгодную для метрополии систему колониальной эксплуатации всего того, чем располагала Индия: земли, минеральных ресурсов, сельскохозяйственного и ремесленного производства, торговли, транспорта и, разумеется, населения. Европейцев второго типа интересовало, главным образом, прошлое Индии – классическая литературная традиция, религиозно-философские учения, древняя история. Из второго направления и возникла индология – одно из первых и наиболее развитых направлений ориентализма.

В 1784 г. английский судья сэр Уильям Джонс, человек выдающихся научных способностей и энциклопедической образованности, основал в Калькутте Бенгальское (впоследствии Королевское) азиатское общество, объеди-

нившее английских любителей «восточных древностей и редкостей». Его членами стали чиновники колониального аппарата, коммерсанты, миссионеры, военные, врачи, путешественники – все те, кто по долгу службы или по зову сердца изучал страны Востока. С 1788 по 1839 г. Общество издало 20 сборников своих трудов под названием «Азиатские исследования» (Asiatic Researches). Круг этих исследований был чрезвычайно широк: растительный и животный мир азиатских стран, распространенные там болезни и опыт их лечения, языки, литература, история, переводы текстов, археологические находки. Индийский материал, естественно, доминировал, ибо в прочих странах Востока европейские ученые тогда не имели таких возможностей для исследований, как в Индии.

Сам У. Джонс, несмотря на свои обязанности судьи, активно занялся изучением санскрита с помощью местных брахманов. Публикация переводов на английский язык трех памятников санскритской классики – лирической пьесы великого драматурга IV–V вв. Калидасы «Шакунтала», созданного между II в. до н.э. и II в. н.э. правового текста «Законы Ману» и фрагментов из средневековой поэмы о любовных похождениях Кришны «Гита-говинда» («Песнь пастуха») – принесли ему заслуженную славу. Не меньший резонанс вызвало открытое У. Джонсом сходство между санскритом, латинским и греческим языками – настоящий научный прорыв в мировой лингвистике, позволивший сделать вывод о существовании индоевропейской языковой семьи.

Вслед за переводами Джонса европейские читатели смогли познакомиться с важнейшим религиозно-философским текстом индуизма «Бхагавад-гитой», в английском переводе Чарлза Уилкинса. Труды Джонса и Уилкинса приобрели широчайшую популярность: их активно переводили с английского на все европейские языки. Немецким переводом «Шакунталы», автором которого был Г. Форстер, восхищались Гердер и Гёте: считается, что «Пролог в театре» к «Фаусту» навеян аналогичным прологом санскритской драмы. У Гёте, как известно, есть несколько стихотворений, навеянных индийской тематикой: например, баллада «Бог и баядера» (1797) или миниатюра «Сакунтала» (1784–1785)*, отразившая отношение поэта к драме Калидасы:

> Хочешь цветенье весны и плоды осенние, хочешь
> Все, что пленяет нам взор, все, что питает нам плоть,
> Хочешь и землю и небо объять единым лишь словом?
> Молви: Сакунтала. Так все будет сказано вмиг.
>
> (*пер. С. Ошерова*)

Если индологи школы Джонса увлекались в основном санскритом и классической древностью Индии, то в изучение новоиндийских языков важный вклад внесли миссионеры. Необходимость проповеди христианства широким массам индийцев (главным образом из низших каст, неприкасае-

---

* Здесь упомянуты лишь стихотворения, написанные в XVIII в. «Индийскую тему» Гёте продолжал и впоследствии; например, к 1823 г. относится цикл «Пария» из трех стихотворений: «Молитва парии», «Легенда», «Благодарность парии». Высокая оценка драмы «Шакунтала» высказана им и в литературно-критических статьях.

мых и племен, составлявших основную массу потенциальных прозелитов) заставляла их учить разговорные языки. На этом поприще особенно прославился итальянец К.Дж. Бески: возглавив в 1710 г. миссию иезуитов в одном из южноиндийских городов, он изучил санскрит, телугу и особенно тамильский язык. В последнем Бески достиг такого совершенства, что смог составить целую серию словарей (литературного и разговорного тамильского языка, синонимический, тамильско-латинский и латинско-тамильско-португальский). Бески даже прославился как тамильский поэт и прозаик: под псевдонимом Вирамамунивар он стал автором поэтических сочинений о житиях католических святых и поэм на библейские сюжеты, а также «Повести о наставнике Парамартхе» – сатирической поэмы, высмеивающей брахманов. Все это принесло ему заслуженную славу одного из создателей современного тамильского литературного языка и талантливого лингвиста.

Переводы, труды ученых, записки путешественников, миссионеров и колониальных чиновников имели не только научное и утилитарно-практическое значение. Во многих случаях являясь настоящим научным подвигом, они формировали образ Индии в европейской читательской среде, создавали представления и стереотипы, многие из которых живы и поныне. Эти тексты долгое время, вплоть до 70-х годов XX в., воспринимались учеными как надежные источники достоверной информации об Индии. Лишь после выхода в свет знаменитой книги Э. Саида «Ориентализм» началось критическое изучение наследия первых индологов, которые, как прояснили современные исследования, не только изучали Индию, но и «воображали» ее.

Одна из причин интереса У. Джонса и его коллег к Древней Индии, к классическим текстам санскритской литературы состояла в том, что краеугольным камнем европейского образования в то время было, как известно, всестороннее изучение греко-римской античности. Начиная с эпохи Возрождения, именно Афины и Рим выступали для образованных европейцев подлинными источниками и законодателями культуры, искусств, «цивилизованности» вообще*. Никакой другой модели историко-культурного развития для них не существовало, поэтому они и Индию рассматривали в тех же рамках и были счастливы узнать, что там тоже имелся свой «золотой век» санскритской древности. У. Джонс обращался к членам Азиатского общества: «Мы сейчас живем среди тех же богов, которым под другими именами поклонялись в старой Греции и Италии, среди последователей философских учений, проиллюстрированных аттическими и ионическими писателями со всей красотой их мелодичного языка... Шесть философских школ (древнеиндийских. – *Е.В.*), принципы которых разъясняет Даршана шастра, содержат всю метафизику старой Академии,

---

* Поскольку искусство стран Востока, включая Индию, не походило на греко-римскую классику, европейцы долго отказывали азиатским народам в художественном вкусе. Так, в статье «Вкус» для «Философского словаря» Вольтер утверждал: «Азиаты так и не создали хороших произведений ни в одном почти жанре, и вкус остался достоянием лишь нескольких европейских наций». Европейские путешественники с удивлением писали о красоте Тадж-Махала и упорно искали в его архитектуре и декоре европейское влияние.

стоиков, Лицея. Точно так же невозможно читать веданту и множество замечательных сочинений, иллюстрирующих ее учение, не убедившись, что Пифагор и Платон черпали свои возвышенные теории из того же источника, что и индийские мудрецы»*.

Любвеобильный Кришна казался Джонсу и его коллегам Аполлоном, слоноголовый Ганеша – двуликим Янусом, воинственный Индра – Зевсом-громовержцем. Сюжет древнеиндийского эпоса «Рамаяна», кульминацией которого является похищение жены героя и его борьба за ее освобождение, представлялся копией «Илиады».

Развивая традиционные представления об Индии как стране мудрецов, которыми восхищался еще Александр Македонский, некоторые европейские интеллектуалы провозгласили ее родиной религий и философский учений, даже праматерью наук и искусств. Вольтер в «Опыте о нравах» (1756) утверждал, что индийцы – древнейший народ мира, и что именно от них и греки, и египтяне, и китайцы заимствовали научные знания и теологические идеи. «Все, о да, все имеет истоки в Индии», – восклицал прославленный немецкий философ, один из основоположников романтизма Фридрих Шлегель. Такого же мнения придерживались Гердер, Шеллинг, другие германские мыслители. В 1791 г. была опубликована книга эдинбургского профессора У. Робертсона под заглавием «Историческое рассуждение о том, какие познания древние имели об Индии и о развитии торговли до открытия пути туда через мыс Доброй Надежды». В ней автор доказывал, что индийцы сделали многие научные открытия задолго до греков и римлян, которые лишь заимствовали знания с Востока, а также восторгался социальными установлениями Древней Индии, особенно кастовой системой. Основой для рассуждений Робертсона послужили, помимо античных текстов, работы британских индологов.

Важную роль в формировании таких взглядов сыграло то обстоятельство, что основными наставниками, учителями, информаторами первых индологов, равно как и колониальных законодателей, стали брахманы – знатоки санскрита, хранители священного знания. Ни один англичанин в Индии, кем бы он ни был, не мог действовать без помощи «туземных помощников» – переводчиков, референтов, секретарей, торговых агентов, учителей и, в значительной степени, смотрел на Индию их глазами. Брахманы, носители традиционной санскритской учености и ортодоксального индуизма, были еще в древних и средневековых государствах оттеснены от реальной власти сначала индусскими монархами-кшатриями, затем мусульманскими завоевателями и даже низкородными чиновниками. Установление английского колониального господства, физическое уничтожение или лишение власти многих феодальных родов создали возможности, которыми брахманы поспешили воспользоваться, предложив новым властям свои услуги и собственную интерпретацию устоев индийского общества. Эта интерпретация включала представления о «хороших» (древних) и «плохих» (последующих) временах, об абсолютном превосходстве санскрита над «грубыми» местными язы-

---

* *Даршана шастра* – имеется в виду один из санскритских философских компендиумов. *Веданта* – одна из школ древнеиндийской философии.

ками, а ортодоксального «брахманского» индуизма – над «дикими» народными культами и в целом ту систему социальных и культурных ценностей, которую ориенталисты воспринимали как единственно существующую «индийскую традицию» и изучали, игнорируя все прочие интерпретации.

Вот почему единственным достойным изучения и уважения в Индии было, по мнению ориенталистов, ее древнее наследие. «Золотой век индусской Индии» завершался, по их мнению, с распадом империи Гуптов в VI в. н.э., а дальше наступала бесконечная эпоха упадка и застоя, кровавых нашествий (особенно мусульманских), деградации всего и вся. Санскрит, который с таким энтузиазмом изучали индологи, уступил место, как они полагали, грубым «базарным» языкам, литература на которых представлялась лишь жалким перепевом великих творений санскритской древности. Здоровая, оптимистичная религия ведийской эпохи и следовавший за ней философско-возвышенный брахманизм сменились индуизмом с его хаосом богов и шокирующей обрядностью. Мощные империи с их разветвленным аппаратом управления и сильной властью царей выродились в конгломерат мелких княжеств, управлявшихся жестокими, аморальными раджами и навабами. И, главное, морально деградировали сами люди, забывшие о великих традициях древности. Ориенталисты видели одну из своих задач в том, чтобы «открыть» классическое наследие Индии не только для Запада, но и для самих индийцев.

Постепенно в европейских воззрениях на Индию стáли складываться два направления – «индофобия» и «индофилия». «Индофобы» (среди них преобладали миссионеры и значительное число чиновников-практиков колониального аппарата) видели в индийцах невежественных, злобных, трусливых и ленивых дикарей, лишенных каких бы то ни было добродетелей. Так, баптистский миссионер Уильям Кэри, переведший Библию на бенгали и санскрит, утверждал, что индусы «на самом деле погружены в глубины порока, мораль не является частью их религиозной системы». Хейстингс заявлял: «Индус представляется существом, функции которого ограничены чисто животными, но даже и к ним он относится равнодушно». Популярные английские журналы печатали статью за статьей, в которых побывавшие в Индии путешественники, миссионеры и коммерсанты повествовали о «варварских обычаях» индийцев, описывали их как коварных, жестоких, грубых и суеверных язычников, которые веруют и живут неправильно и нечестиво. Единственное, что может их как-то исправить – это обращение в христианство и отказ от «варварских обычаев». Манифестом «индофобов» стала вышедшая в 1817 г. «История Британской Индии» Джеймса Милля. Этот страстный обвинительный акт Индии и ее народу, отрицавший наличие у индийцев, в прошлом или настоящем, хоть каких-то положительных черт, надолго стал учебником как для колониальных чиновников, так и для индийцев, получавших европейское образование.

«Индофилы» восхищались культурой Древней Индии, стремились изучить ее наследие, но относились к современной Индии и ее жителям если не с гневным отвращением, присущим «индофобам», то с немалой долей осуждения за «деградацию» в сравнении с «золотым веком». Холуэлл считал древних индийцев «могущественными, богатыми, цивилизованными, мудрыми и образованными людьми» и сетовал на то, что потомки их избрали

себе религию, которая «препятствовала общению с другими народами мира и поставила их в рабскую зависимость от брахманов». Джонс опасался, что неприглядный, по его мнению, облик современных индийцев может заслонить от его коллег их древние достижения*. «Какими бы деградировавшими и опустившимися индийцы ни выглядели в наше время, – писал он, – мы не можем сомневаться, что в некие древние времена они были великолепны в искусствах и оружии, счастливы в управлении и мудры в законодательстве». Таким образом, «индофилы» и «индофобы» объединялись в негативном отношении к современной им Индии, в презрении к индийцам нового времени и недоверии к ним. Они были равно и непоколебимо убеждены в абсолютном превосходстве европейской цивилизации над любой другой, включая индийскую: Джонс называл индийскую культуру «служанкой трансцендентально величественной Европы». Он и его коллеги даже утверждали, что овладели санскритом и фарси – языком мусульманской элиты и могольского законодательства – намного лучше самих *пандитов* и *маулави* (соответственно индусских и мусульманских ученых). Индийцам, заявляли они, нельзя доверять даже в том, что касается их собственной культуры, языков, религии и литературы; они либо с присущим им коварством намеренно вводят европейцев в заблуждение, либо просто не в состоянии рационально осмыслить собственное наследие. «Если мы будем судить только по тому, что думают туземные законоведы и ученые, мы не можем быть уверены, что они не обманывают нас», – писал Джонс генерал-губернатору лорду Корнуоллису. Изучив санскрит и фарси, продолжал он, «мы не будем введены в заблуждение пандитами или маулави». Корнуоллис был полностью согласен с ученым судьей, заявив: «По моему глубокому убеждению, каждый из жителей Индостана порочен»**.

Так закладывались основы колониальной идеологии, а также колониальной индологии. Индологи изучали классическое прошлое Индии не только ради удовлетворения собственных интеллектуальных запросов и интереса западной аудитории, но и для того, чтобы сделать колониальную политику более эффективной. Они были убеждены в том, что самим индийцам нужно вернуть их древнее наследие, причем вернуть из надежных, европейских рук.

---

* В XIX в. прославленный немецкий индолог Макс Мюллер пошел еще дальше: он сам никогда не ступал на индийскую почву и запрещал делать это своим студентам, дабы ужасная действительность «деградировавшей» Индии не разрушила созданную его воображением картину «арийской цивилизации».

** Уже в конце XVIII в. сложилась традиция считать случаи коррупции и аморального поведения, которые были нередкими в среде служащих британской Ост-Индской компании, результатом воздействия порочности «туземцев». Чтобы избежать этого «тлетворного влияния», в начале XIX в. был введен запрет на браки служащих Компании с индийскими женщинами, даже христианками. Такой подход, видимо, ставший одной из черт колониальной идеологии и формирующегося расизма, был свойствен не только англичанам: в Португалии и Испании, как показал Б. Андерсон, относились с недоверием даже к белым выходцам из колоний, поскольку, предостерегал один францисканец из Гоа, «если в их жилах и течет чистая белая кровь, она осквернена, ибо их питали индийские кормилицы». На англичан, родившихся в Индии или долго служивших там, в метрополии тоже смотрели неприязненно: считалось, что они приносили на английскую почву чуждые манеры, могли быть заражены «туземной порочностью». Достаточно вспомнить, например, как часто в рассказах о Шерлоке Холмсе именно эти люди оказываются подозрительными, странными и просто преступными.

Они не просто писали научные трактаты, но создавали «туземные кодексы» законов, основанные на санскритских памятниках начала нашей эры. В том, что сама Индия давно забыла это наследие, они видели ее «деградацию» и при этом, нимало не смущаясь явным логическим противоречием, обвиняли Индию в консерватизме и отсутствии «прогресса». «Индофилы» и «индофобы» были одинаково убеждены в том, что индийское общество – неправильное и нуждается в исправлении. Разница была лишь в том, что «индофобы» видели единственный путь исправления в христианизации и искоренении всех «индийских суеверий», а «индофилы» настаивали, что «исправление» должно учитывать собственно индийские традиции.

В отличие от Китая, который казался многим европейским мыслителям XVIII в. образцом просвещенной монархии, «государством философов», Индия с ее хаосом этносов, культур, религий, каст, да еще в обстановке «войн всех против всех», не могла выглядеть особо привлекательной. Она представлялась обиталищем порочных варваров-язычников, в лучшем случае – страной мечтателей, погруженных в размышления о трансцендентальном. Даже в начале XIX в. Гегелю, например, Индия виделась неподвижным, навеки застывшим «в сомнамбулическом сне» миром, ее жители – бесстрастными и бездеятельными рабами собственных абстракций, способными лишь «жить в мире грез и обретать счастье безумия в опиуме». Здесь он выступал явным оппонентом Джонса и его коллег, которые тоже полагали, что «основные черты индийцев не изменились со времен Дионисия»: то, что для Джонса было достоинством, для Гегеля, с его идеями диалектического развития, являлось патологией, сомнамбулизмом. В «Лекциях по философии истории» (1837) Гегель заявлял, что у индийцев нет и никогда не было истории и философии, одни лишь «грезы» при абсолютном равнодушии к земной юдоли, к реальной жизни. Вольтер также полагал, что «древние брамы, несомненно, были столь же скверными метафизиками и нелепыми теологами, как халдеи и персы, а также все основные народы, живущие западнее Китая». «Но зато, – восклицал он в эссе “Невежественный философ” (1766), – какая возвышенная мораль!.. Они не ограничивались справедливостью в отношении других, но были крайне строги по отношению к себе самим: покой, умеренность, созерцательность, отказ от всех удовольствий были их главным долгом. И все мудрецы других наций отправлялись к ним учиться тому, что именовалось мудростью». Опираясь во многом на книгу А. Доу, Вольтер в трактате «О душе» (1775) разъяснял: «Климат, в котором они живут, столь мягок, плоды, которыми там питаются, столь изобильны, а заботы, отягощающие в иных местах человека в течение всей его печальной жизни, так незначительны, что все располагает к бездействию, а бездействие – к созерцательности». Эта картина, разумеется, имела мало общего с реальной Индией и скорее походила на европейские утопии. Век Просвещения нашел в Индии свой идеал если не «благородного дикаря», то мудрого человека, близкого к природе и древним жизненным устоям.

Параллельно с романтическими мечтами о «нетронутом цивилизацией» Востоке, хранящем утраченные Западом духовные истины, среди европейцев XVIII в. были широко распространены представления об Индии как стране «восточного деспотизма». Этот образ был одинаково удобен для различных оппонирующих друг другу направлений европейской мысли. Те, кого

существовавший в европейских странах порядок вещей устраивал, активно использовал Индию как контрастный темный фон, на котором достижения европейской цивилизации должны были выглядеть особенно ярко. Тем, кто был настроен критически, было гораздо удобнее и безопаснее бичевать общественные пороки на восточном – турецком, персидском или индийском примере. Если следовало обличить суеверия, к услугам мыслителей были брахманы, факиры и безумные фанатики, добровольно гибнувшие под колесами «Джаггернаута»*, если надлежало заклеймить жестокость и насилие – это легко было сделать на примере самосожжения вдов, «тугов»** и прочего «варварства индийцев»; если нужно было осудить тиранию, то проще всего – на примере «восточного деспотизма»; если требовалось выступить против порока, сладострастия и разврата – легко было вспомнить о гаремах, танцовщицах и «азиатской роскоши».

Ни «индофилы», ни европейское общественное мнение в целом не ставили под сомнение законность и необходимость британского колониального подчинения Индии. Джонс слыл в Англии радикалом и даже имел смелость поддержать борьбу американских колоний за независимость, что создало проблемы в его карьере судьи. За индийцами, однако, он права на независимость не признавал. Все непоколебимо верили, что, как писал Ч. Уилкинс, индийцы были обязаны оценить «либеральное отношение, которое они испытали на себе благодаря мягкости нашего правительства». Если же они не испытывали благодарности к своим благодетелям и слишком обращали внимание на такие «мелочи», как массовая голодная смерть крестьян в Бенгалии, разорение ремесленников и купцов, упадок знатных родов или пренебрежительное отношение английских чиновников к индийской культуре, то это воспринималось в Европе как лишнее свидетельство глубокой порочности и неблагодарности «туземцев». В Европе находились люди, подобные Э. Бёрку, аббату Г. Рейналю и другим, которые осуждали британские колониальные порядки в Индии. Но и они обычно не ставили под сомнение само право англичан управлять Индией и эксплуатировать ее ресурсы: чаще всего критика была направлена лишь на «злоупотребления», «ошибки», «недостатки» британской администрации, которую призывали относиться к индийцам по-отечески, убеждать их в преимуществах европейской цивилизации мягкими гуманными методами, с учетом местных традиций. Законность и необходи-

---

* «Джаггернаут» – Джаганнатх, одна из местных ипостасей бога Вишну. В знаменитом храме Джаганнатха (г. Пури) ежегодно проходит праздничная процессия статуи бога на колеснице: желая обрести спасение, верующие раньше бросались под ее колеса. Так родился популярнейший в европейских сочинениях об Индии образец безумного фанатизма. О самоистязаниях христианских монахов, флагеллантов и иных фанатиков обличители «Джаггернаута» обычно умалчивали. В XVI в. португальцы познакомили население захваченной ими на западе Индии территории Гоа с таким «достижением» европейской цивилизации, как аутодафе. В «Письмах Амабеда» (1769) Вольтер осуждал в самых резких выражениях преступления португальцев в Гоа: для великого француза это было частью борьбы, которую он неутомимо вел против католической церкви. Аффонсу д'Албукерки, первого португальского вице-короля Гоа, он заклеймил как разбойника, а введенную в Гоа инквизицию обрисовал как институт террора и насилия.

** Туги (правильно: *тхаги*) – полулегендарная секта «душителей». Как показали современные исследования, опасность и распространенность этой секты была вымышлена английскими чиновниками.

мость для Индии британского колониального подчинения и «приобщения к цивилизации» под сомнение не ставились.

Определенной спецификой обладал российский взгляд. Россия в течение многих веков стремилась установить торговые и дипломатические контакты с Индией. Важнейшим источником информации об этой стране были записки путешественников. В XVIII в. в Индии побывало несколько подданных Российской империи: татарский купец Исмаил Бекмухаммедов (1751), унтер-офицер русской армии Филипп Ефремов (1774–1782) – захваченный в плен сначала пугачевцами, затем «киргизцами», он был продан в рабство в Бухару и оттуда бежал в Индию; татарин Губайдулла Амиров, также захваченный кочевниками во время Пугачевского восстания; грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили и музыкант Г.С. Лебедев, о котором речь пойдет ниже. Их записки публиковались и привлекали большое внимание читателей. Другой, также весьма информативный источник, составляли члены индийской торговой колонии, существовавшей с XVII в. в Астрахани – Петр I встречался с представителями этого сообщества и расспрашивал их об Индии. В 1716–1717 гг. Петр I направил к могольскому двору купца А.И. Кожина с официальным письмом, в котором вместе с «любительным поздравлением» падишаху содержалась просьба разрешить Кожину продать в Индии русские товары и купить индийские: «А в чем вашему шахову величеству в государстве нашем есть потребность, о том изволите с ним, купчиною, к нашему царскому величеству писать или словесно наказать. И мы, великий государь, то по желанию и для дружбы и любви вашего величества охотно исправить укажем»*.

К сожалению, направленная Петром I в Среднюю Азию экспедиция, в составе которой ехал Кожин, была уничтожена по приказу хивинского хана. Об интересе российского государства к событиям в Индии свидетельствует факт пребывания в армии иранского правителя Надир-шаха, разорившего в 1739 г. Дели, «известного человека», сообщавшего все подробности русскому консулу в Исфахане И. Калушкину, который пересылал информацию в Коллегию иностранных дел. Разумеется, российское правительство интересовал прежде всего сам Надир-шах и передвижения его армии, но и ситуация в Индии, очевидно, была важна не меньше, иначе информатор не описывал бы ее столь подробно.

В 1762 г. в Петербурге вышел первый сборник индийских «поучительных басен» в переводе с французского. В 1788 г. была опубликована «Багуат-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном, с примечаниями, переведенная с подлинника, писанного на древнем браминском языке, называемом санскрита, на английской, а с сего на российский язык»; переводчиком английской версии «Бхагавад-гиты» был А.А. Петров. В 1792 г. Н.М. Карамзин опубликовал в своем переводе сцены из драмы «Шакунтала». Источником послужил немецкий перевод с английского текста У. Джонса, вышедший в 1791 г. «Калидас

---

* При подготовке этого письма секретари Посольского приказа специально обратились к «здесь (в России. – *Е.В.*) обретающимся индейцам» с вопросом о том, как надлежит титуловать могольского императора – моголом или шахом и получили ответ: «то слово – могол, написано из немецких книг титулярных», т.е. используется европейцами, а правильный титул – шах. От индийцев же чиновники узнали полное имя могольского государя.

для меня столь же велик, как и Гомер, – писал Карамзин. – Оба они получили кисть свою из рук Натуры, и оба изображали Натуру».

Подлинным основателем российской индологии стал музыкант Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). «Возпламеняемая ревность к обозрению света» подвигла его предпринять путешествие в Вену, оттуда в Париж, затем в Лондон. В 1789 г. Лебедев отправился в Мадрас, откуда переехал в Калькутту и поселился там, зарабатывая на пропитание игрой на виолончели и уроками музыки. Сблизившись с образованными бенгальцами, он стал брать у них уроки санскрита, бенгальского языка и хиндустани. В то время как практически все европейские индологи сталкивались в Индии с нежеланием местных жителей обучать, даже за большие деньги, европейцев своим языкам, допускать их в храмы, излагать догматы индуизма, бедный музыкант Лебедев добился свой цели без труда. Причина была проста: русский путешественник явился к индийцам как искренне жаждущий познания, доброжелательный и непредвзятый собеседник. Он хотел изучить языки и культуру Индии для того, чтобы понять их и познакомить с ними русского читателя, а не для того, чтобы управлять «туземцами» и «улучшать» их. Предложив индийцам в обмен на уроки местных языков уроки европейской музыки, он выступил перед калькуттскими учеными, поэтами и музыкантами как равный, готовый к познанию и культурному обмену, и индийцы не могли не почувствовать это и не откликнуться.

Вместе с индийскими друзьями Лебедев открыл в Калькутте первый публичный театр европейского типа, имевший огромный успех. Английской администрации деятельность Лебедева и его дружба с индийцами не могли понравиться: театр был разорен при помощи целой серии интриг, а русского музыканта объявили банкротом и выслали из Индии. Вернувшись после многих злоключений в Россию, он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, подготовил шрифты для печатания в России текстов на бенгали и хинди и, наконец, написал свой главный труд – книгу «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев» (1805).

Эта книга, ставшая первым трудом российской индологии, во многом шла в русле «индофильского» направления европейской индологии той эпохи, в частности «христианизируя» индуизм и идеализируя «древнюю мудрость» индийцев. Однако она отличалась одной важной чертой: «беспристрастное созерцание» русского исследователя касалось не только классического прошлого, но и современной Индии, которую автор, активно полемизируя с западными учеными и осуждая колониальные порядки, рассматривал не как отсталое и морально деградировавшее, а как динамичное и вполне здоровое общество, хотя и не идеальное, но сохранившее «достойную подражения непреклонность во благочестии». В описании Лебедева жители Бенгалии выглядят трудолюбивыми и предприимчивыми, искусными в земледелии, ремеслах и торговле, ревностными в просвещении (исследователь обращает особое внимание на обилие школ в городах и деревнях), честными и гостеприимными, строгими и справедливыми в вопросах морали. Индийцы, заключает Лебедев, «ни мало не похожи на диких, и более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожаждущие лютые звери. Они не похожи на идолопоклонников,

Надгробная плита Г.С. Лебедева на Георгиевском кладбище в Санкт-Петербурге

а признают такими тех собою надмевающихся нашельцов, которые, жертвуя ненасытной своей алчности на обогащение, к нещастию рода человеча пожирают целыя государства». В этой цитате – не только уважение к индийцам, но и резкое неприятие колониальных порядков. Лебедев был не слишком высокого мнения и об английских ученых и даже пытался вызвать У. Джонса на публичное состязание в правильном произнесении санскритских слов. На вызов бедного русского музыканта английский судья не ответил.

Таким образом, с самого начала Индия в русском общественном мнении была позиционирована как богатая и высококультурная страна, ставшая жертвой несправедливости и алчности англичан. Важно отметить, что такая позиция сложилась задолго до того, как Россия и Великобритания в XIX в.

стали активно соперничать в Азии. Причем уважительное отношение русского общественного мнения распространялось не только на классическую древность, но и на современную Индию, с «деградацией» которой русские авторы либо вообще не соглашались, либо относили ее за счет воздействия европейских колонизаторов. Не исключено, что Лебедев мог усвоить такой взгляд на Индию еще до поездки в Индию. «Сия столь богатая и счастливая нация под новым владением пришла столь скоро в упадок и бедность, что сему также нет примера в истории», – писал в 1784 г. известный журналист и просветитель Н.И. Новиков. Он предрекал, что «сии народы рано или поздно одержат паки верх и сумеют выгнать одну европейскую нацию за другою». А.Н. Радищев в «Песни исторической» (опубл. 1807) заявлял:

Се потомки мудрых брамов,
Узники злодеев наглых.
По чреде хранят священной
Свой закон в Езурведаме*
Буквой древнего Самскрита
Древней славы их останка
И свидетеля их срама.

В главе «Чудово» в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) Радищев повествует о крушении пассажирского судна, севшего на камни под Кронштадтом. Когда один из моряков с бесконечными трудностями достиг берега и попытался обратиться за помощью к портовому коменданту, дежурный отказался потревожить своего начальника, который в то время спал. Пассажиров спасли лишь караульные солдаты на своих лодках. Эта история напомнила рассказчику трагедию калькуттской Черной ямы**. В примечании Радищев излагает историю гибели английских пленников, негодует на жестокость наваба и в еще большей степени – на раболепие его слуг, которые пренебрегли человеческими жизнями ради того, чтобы не нарушить покой повелителя. Подобными эпизодами изобилуют все европейские книги об Индии того времени и последующих эпох. Но разница в интерпретации ощутима. Западные авторы чаще обличают лишь «туземное варварство» и дают понять, прямо или косвенно, что в цивилизованной Европе такое невозможно; само выступление бенгальского правителя против англичан рассматривается как подтверждение этого варварства, а захват Бенгалии – как законное и гуманное деяние. Радищев же, осуждая индийского правителя и его слуг, не забывает поведать о том, что ненависть наваба к англичанам была справедливой и, главное, вписывает историю Черной ямы в контекст общечеловеческих пороков, которые существуют везде и везде одинаково достойны осуждения.

---

* По мнению ряда исследователей, Радищев имел в виду одну из четырех вед – Яджурведу (искаженно Езурведам). Однако данный текст не был еще переведен в те времена на европейские языки. Скорее всего, Радищев был знаком с французским текстом, который действительно назывался «Езурведам» и претендовал на изложение «священного писания» индусов, но на самом деле был, как выяснилось уже в конце XVIII в., подделкой, авторство которой принадлежало французским миссионерам-иезуитам.

** В 1756 г. наваб Бенгалии захватил Калькутту и заточил пленных англичан в тесной и темной подземной тюрьме, известной как Черная яма. Задыхаясь от невыносимой жары и духоты, англичане просили стражника сообщить об их страданиях навабу, но стражник отказался сделать это даже за деньги, опасаясь побеспокоить своего господина. В результате большинство пленников умерли.

ИНДИЯ – ЕВРОПА: КОНЕЦ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАМКНУТОСТИ

Современный индийский историк С. Субрахманиам заметил, что на первых порах в представлениях индийцев доминировали «европейцы без Европы»: они анализировали впечатления, полученные от контактов с «людьми в шляпах» на индийской территории. Такие контакты стали регулярными с начала XVI в., когда сначала португальцы, затем англичане, французы, голландцы и другие европейцы начали в Индии свою коммерческую, военно-политическую и миссионерскую деятельность. Как свидетельствуют многие европейские путешественники эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени, образованные индийцы проявляли любопытство, а в некоторых случаях – активный и осознанный интерес к жизни западных стран. Одних интересовали религия и научные достижения европейцев, других – политическая ситуация в Европе, и послу английской Ост-Индской компании сэру Уильяму Норрису, посетившему в 1701 г. ставку императора Аурангзеба на Декане, пришлось долго и подробно отвечать на вопросы могольского государя и его придворных о тонкостях европейской политики. В домах индийской знати и богатых купцов появились копии картин европейских художников, часы, венецианские зеркала и иные западные диковины; в быт многих аристократов, как индусов, так и мусульман, входили испанские и французские вина. Вместе с тем начало колониального проникновения европейских держав вызвало, как свидетельствуют источники, у многих индийцев вполне естественное чувство угрозы и неприязни. *Шветамукха* (белолицые) сравниваются в некоторых текстах с мифическими демонами-*ракшасами*: они жестоки, грубы, кровожадны, не почитают брахманов и не заботятся о чистоте. Любопытно, что последнее обстоятельство упоминается в источниках довольно часто: видимо, оно вызывало особенное раздражение («Франки моются очень редко и не делают этого, даже когда ходят по нужде», – сетовал один из индийских авторов той эпохи).

До нас дошли записки индийцев, посетивших Западную Европу в XVIII в.: «Новая история» Мунши Измаила (70-е годы), «Книга чудес Англии» Мирзы Ихтисам ад-дина, «Книга о современном» Пареммаккала Томмакаттанара из Кералы и др. Эти сочинения, при всех различиях, объединяет одно: они представляют собой уже не характерные для средневековой литературы повествования о странствиях по воображаемым «чужим краям», фантастическим и одновременно неотличимым от родины путешественника, не рассказы о «чудесах», а описания вполне реальных стран. Их авторы вполне четко осознавали пространственно-географическую и этнокультурную специфику посещаемых территорий, проявляли живой интерес к различным сторонам жизни европейских народов, объективно фиксировали позитивные и негативные стороны европейской жизни, при этом сохраняя достоинство и вступая в контакт с западной культурой как равноправная сторона.

Нередко такие записки индийских путешественников XVIII в. отличались ярко выраженной просветительской направленностью, особенно характерной для книги авадхского чиновника Мирзы Абу Талиба (1752–1806) «Путешествия Талиба в стране франков». Покинув в 1787 г. свой пост в налоговой администрации Авадха в знак протеста против процветавшей в кня-

жестве коррупции, Абу Талиб переехал в Калькутту. Он не нашел там работы и сел на отправлявшийся в Ирландию корабль, надеясь заинтересовать английское общество своим проектом открытия в Лондоне учебного заведения с преподаванием восточных языков. Через Ирландию, нищета жителей которой поразила даже Абу Талиба, хорошо знакомого с тяжелым положением авадхских крестьян, он прибыл в Лондон. Но там, несмотря на предоставленную возможность побывать в самых аристократических салонах и даже при дворе, индийский гость никого не заинтересовал своими предложениями (английское общество было убеждено, что познания ориенталистов вполне достаточны, а самим «азиатам», как упоминалось выше, не доверяли даже в том, что касалось их собственной культуры) и в конце концов отправился обратно через Францию, Италию и Турцию.

Вернувшись в Индию, Абу Талиб написал свою книгу о путешествии в Европу, в которой стремился не просто поведать своим читателям о том, что видел в пути, но и рассуждал о том, что из опыта европейцев было бы полезно перенести на индийскую почву, а что ни в коем случае заимствовать не следует. Среди полезных для Индии достижений Запада Абу Талиб, равно как и другие индийцы, посетившие Европу в XVIII в., особо выделяет книгопечатание и прессу, общедоступный театр, ряд новых технических изобретений (например, паровой двигатель), парламентскую демократию; негативное отношение вызывают судебная система («судья часто оказывает давление на присяжных и диктует им свою волю») и то, что индийцам по контрасту с их страной казалось сексуальной распущенностью европейцев, особенно женщин, а также самоуверенность, абсолютная убежденность европейцев в своем превосходстве. Последнее особенно раздражало Абу Талиба, который не пожалел критических стрел для британских ориенталистов с их непоколебимой уверенностью в том, что они знанием восточных языков превосходят самих жителей изучаемых стран: «Если кто-либо из них приобретает хоть малую толику знаний в какой-нибудь науке или иностранном языке, он тут же садится и пишет целый трактат».

Воспитанный в условиях характерного для Индии культурного плюрализма, Абу Талиб осуждал в своих британских хозяевах их нетерпимость, неуважение к традициям иных народов. Его беседы с английскими джентльменами превращались в словесные турниры, в которых индийский гость проявлял остроумие и полемические способности: «В спорах они часто нападали на меня, утверждая, что мусульманские обычаи глупы и неразумны. Зная английский характер, я не счел необходимым вести с ними философские диспуты, а просто парировал удары. Когда они высмеивали обряды, совершаемые паломниками в Мекке, я спрашивал, что они находят разумного в церемонии крещения, означающей приобщение к богу ничего не сознающего младенца. Когда они высмеивали наш обычай есть руками, я напоминал им, что все лондонские пекари месят тесто ногами».

Индийская мысль не сразу осознала, какую угрозу представляли собой европейцы для независимого существования индийских государств, культуры и образа жизни народов субконтинента. Долгое время в них видели просто предприимчивых и удачливых купцов, которые платили за индийские товары звонкой монетой и поставляли местной знати западные редкости. Находились, правда, люди, верно оценивавшие грозящую опасность. Так,

в 1716 г. дальновидный государственный деятель из Махараштры Рамчандра Пант Аматья написал в политическом трактате «Книга повелений» следующие пророческие слова: «Португальцы, англичане, голландцы, французы – люди в шляпах занимаются торговлей. Но они не такие, как все прочие купцы, ибо они служат своим монархам и по их приказу приезжают сюда торговать. Может ли быть, чтобы монархи не жаждали новых земель? Люди в шляпах стремятся прийти сюда, укрепиться, захватить новые земли и установить свою религию. В некоторых местах им это удалось. К тому же это очень упрямое племя, и если им удастся захватить клочок земли, они не отдадут его и под угрозой смерти.

Посему их присутствие должно быть ограничено лишь торговой деятельностью. Им можно позволять строить фактории, но не на море, а под контролем близлежащих городов, ибо главная их сила – флот. Довольно с них будет и того, что они приезжают и уезжают, не трогая нас, мы же не тронем их. Если во время войны они попадут в плен, их следует отпускать за выкуп, но обходиться с ними вежливо».

Чем сильнее становились позиции европейцев, и особенно англичан в Индии, тем активнее проявлялись в индийской мысли и политике три основных типа восприятия этого процесса. Первый из них может быть выражен индийской пословицей: «живешь в реке – не ссорься с крокодилом». Чем больше европейцы превращались в грозного крокодила, чем больше им принадлежала «река» индийской политики, тем охотнее правящие элиты индийских княжеств предлагали европейцам свои услуги в качестве военно-политических союзников и более или менее верных вассалов. Здесь, разумеется, был сугубо эгоистический расчет: в своих непрекращающихся междоусобных войнах индийские правители нуждались в помощи европейцев, превосходство военной организации и техники которых становилось ясным для всех.

Неверно считать, будто коварные европейцы натравливали друг на друга наивных туземцев: расчетливость, интрига, эгоизм проявлялись с обеих сторон, стремившихся как можно выгоднее использовать друг друга. При этом следует иметь в виду, что Индия никогда не была единым государством и не воспринималась в качестве такового даже самыми передовыми ее мыслителями. Феодальные княжества, с которыми столкнулись европейцы, соперничали друг с другом, поэтому в поддержке тем или иным правителем европейцев никто не видел национального предательства. Бенгальские солдаты, шедшие под английскими знаменами, вместе со своими маратхскими и хайдарабадскими союзниками, на штурм столицы Майсура, не видели особой разницы между Типу Султаном и лордом Корнуоллисом – оба были для них чужаками, иностранцами.

Важную роль играло и то обстоятельство, что во второй половине XVIII в. Индия не стремилась к объединению, но испытывала, несомненно, усталость от постоянных войн и катаклизмов, что ярко отразила литература той эпохи. В мечтах о некоем «порядке» индийцы обращались к своему историческому прошлому, которое по крайней мере дважды подсказывало им одну и ту же модель: страна погружена в хаос и усобицы, но приходит, причем извне, новый завоеватель, который огнем и мечом устанавливает новый «имперский порядок». В XII в. это был Мухаммад Гури, создатель Делийского султаната, в XVI в. – Бабур, основатель империи Великих Моголов. Надежды некото-

рых представителей мусульманской элиты на то, что в роли нового Бабура выступит либо Надир-шах, либо Ахмад-шах Дуррани (эти чаяния наиболее последовательно выражал в своих письмах-памфлетах известный делийский писатель и религиозный реформатор Шах Валиулла Дехлави) оказались напрасными. Точно так же не оправдались надежды части индусской элиты на то, что установление маратхского господства над Индией возродит индусскую империю. Англичане с их морской и сухопутной мощью, организацией и просто удачливостью вполне подходили на роль нового строителя империи. Они и сами активно позиционировали себя в качестве преемника Моголов: не случайно для административной системы в Бенгалии была принята могольская терминология, официальным языком в британских владениях до 1835 г. был фарси.

Второй подход заключался в резком неприятии британской власти в Индии. Идейные течения и организации, ставившие своей целью борьбу с влиянием западной культуры и защиту индусского и мусульманского наследия, возникли позже, в XIX в., когда колониальные власти стали поддерживать миссионерскую деятельность в Индии и внедрять европейское образование, когда англичане образовали в индийском обществе особую касту, более закрытую и надменную, чем даже брахманы, и сделали основой своего отношения с индийцами неприкрытый расизм. В XVIII в. часть индусской и мусульманской элиты сопротивлялась британской колонизации не столько в сфере культуры, сколько на военно-политической арене. При этом некоторые правители Индии стремились перенимать европейский опыт, особенно в военно-технической сфере. В ряде государств (Хайдарабад, Авадх, Бенгалия, Махараштра) строились оружейные мануфактуры, работавшие под руководством европейских мастеров. В армиях появлялись регулярные соединения, обученные на западный лад европейскими офицерами. Но, разумеется, эти «архитектурные украшения» не меняли военного и политического облика государств.

Самые радикальные реформы были осуществлены в Майсуре, причем их инициаторы Хайдар Али и особенно Типу Султан неоднократно подчеркивали, что главным поводом к проведению этих реформ была угроза английского колониального подчинения. Майсурское войско было реорганизовано и превращено из феодального ополчения в регулярную, обученную на европейский лад французскими инструкторами армию. Эта армия, впервые в истории Индии, была одета в форму (коричнево-красную под цвет местной почвы, с тигровыми полосами), имела четкую структуру (от бригады до взвода) и боевой устав, в преамбуле которого прямо говорилось о необходимости перенимать европейский опыт для борьбы с колонизаторами. Богатая майсурская казна платила хорошее жалование офицерам и солдатам, пенсии раненым и семьям погибших, содержала медицинскую службу и школы для солдат. Для офицеров были введены четкие критерии продвижения по службе (не больше чем через два чина, вне зависимости от происхождения и религиозной принадлежности), присяга и суды чести.

Реформы в Майсуре не ограничились реорганизацией армии. Типу Султан ликвидировал владельческие права местных феодалов, прекратил раздачу служебных земельных пожалований. Теперь за службу жалование платили только деньгами, а налоги со всех земель Майсура поступали исключительно

в казну. На организованных по приказу Типу Султана «опытных станциях» разводили новые сельскохозяйственные культуры, распространявшиеся по всей стране. Впервые в истории Индии в Майсуре произошло разделение военной, гражданской и судебной властей: в каждую провинцию назначались военный губернатор, гражданский губернатор и главный судья, которые не должны были вмешиваться в сферу компетенции друг друга. Центральный аппарат делился на министерства, управлявшиеся коллегиями, где вопросы решались большинством голосов.

Типу Султан активно покровительствовал развитию промышленности и торговли, устанавливал льготные ставки налогов для ремесленников, расширявших свое дело и использовавших наемный труд. На казенных мануфактурах под руководством французских инженеров изготовлялись пушки и мушкеты высокого качества. Казна имела собственные торговые фактории в различных районах Индии, а также в Пегу (Бирма), Маскате и Джидде. Видимо, используя опыт европейских компаний, майсурское правительство учредило акционерное общество: каждый желающий мог внести в государственную торговую компанию свои средства и получать дивиденды от операций. Понимая в отличие от многих индийских правителей значение флота, Типу Султан учредил казенные верфи, где строились боевые фрегаты и яхты европейского типа. Первым заданием для молодого майсурского флота стало сопровождение торгового каравана, прибывшего в Майсур с китайскими товарами. Известно о намерении (увы, не осуществленном) Типу Султана учредить навигационные школы, где местных моряков обучали бы европейские офицеры. Ненависть к англичанам не мешала Типу Султану живо интересоваться достижениями европейской науки. Посольство, отправленное им ко двору Людовика XVI, обсуждало возможность обучения во французском университете одного из сыновей Типу и отправки в Майсур французского специалиста для налаживания книгопечатного дела.

Модернизация в Майсуре в значительной степени напоминает Петровские реформы в России. Главной причиной неудачи этой подлинно героической попытки представляется присущая всем индийским государствам той эпохи нестабильность, «текучесть» территории, что, несомненно, препятствовало созданию новой идентичности. Активное расширение границ Майсура за счет захвата его правителями новых земель, во многих случаях населенных иным этносом, давало государству новые источники доходов от богатых регионов, но одновременно порождало сепаратизм. Англичане с легкостью находили союзников в лице части местных элит, не испытывавших никаких патриотических чувств в отношении новообразованного регионального государства и мечтавших о возвращении себе полной власти на «своей» территории, вошедшей в состав этого государства.

Если петровские преобразования проходили в централизованном национальном государстве с уже оформившимся ядром, то правители-реформаторы в Майсуре были заняты одновременно «собиранием земель», созданием новой региональной идентичности, модернизацией и противостоянием колонизаторам, что было практически неосуществимо и обрекало их на неизбежное поражение. В результате Петр I смог опереться на значительную часть русского дворянства, уже осознававшего свою кровную связь с русской землей, с Россией, а Типу Султана предали феодалы, составлявшие основу высшего

офицерства и чиновничества и ассоциировавшие себя не с единой страной Майсур, а с теми регионами, откуда они происходили и где владели землями. Англичанам было достаточно пообещать им возвращение отнятых централизованным государством привилегий и власти над «своими» территориями, и мощные крепости сдавались без единого выстрела. Майсурские купцы, поддерживавшие преобразования Типу Султана, крестьяне и ремесленники, сражавшиеся в его войске (их храбрость и преданность были вынуждены признать сами англичане), не могли составить достойного противовеса феодалам. Лингвистического единства, общей этнокультурной принадлежности оказалось явно недостаточно, а территориальный, государственный аспект региональной идентичности не успел выработаться, что в конечном счете и обусловило поражение Майсура и крушение осуществлявшихся его правителями реформ.

В отношении индийцев к европейскому присутствию на их территории во второй половине XVIII в. все заметнее стал обнаруживаться еще один, третий, подход. Проявилось формирование того социального слоя, в сознании которого европейцы и особенно англичане стали воплощением некоей более справедливой и прогрессивной идеи. Эти люди, ставшие до определенного времени опорой британской власти в Индии, были представителями двух социальных групп: «людей пера» (индусского и мусульманского чиновничества и «интеллигенции») и купечества. Можно предположить, что бенгальские купцы финансировали Клайва и помогали ему в борьбе против наваба именно потому, что связывали с установлением английского контроля над Бенгалией надежды на более защищенные и комфортные условия для себя и своей коммерции, чем те, которые существовали при навабе.

Придя в Индию, европейцы нашли немало тех, кто, с одной стороны, разочаровался в существовавших феодальных порядках, а с другой – мог понять и оценить многие аспекты социально-политического строя и культуры Запада. Среди них был, например, тамильский купец Ананда Ранга Пиллей (1709–1761), служивший в 40-х годах XVIII в. главным торговым агентом при Франсуа Дюплексе, французском губернаторе Пондишери, и оставивший интереснейшие мемуары. В этом тексте отражены глубокий интерес Ананды Ранги к общественному устройству европейских стран, а также его убежденность в том, что это устройство разумней и справедливей того, которое существует в Индии. Сын и духовный наследник выдающегося мусульманского мыслителя Шаха Валиуллы Дехлави Абдул Азиз (1745–1823) был страстным противником английского господства и осуждал тех мусульман, которые шли на английскую службу и изучали английский язык, чтобы угодить новым хозяевам; вместе с тем он высоко ценил достижения науки и техники европейцев и считал, что только для их изучения необходимо знание английского языка. Гулам Хусейн Салим, автор «Истории Бенгалии» (1786–1788) был убежден в том, что новые хозяева Бенгалии, англичане, – «удивительные мастера и изобретатели», не имеющие себе равных «в справедливости и законности своей администрации, благополучии подданных, поддержке слабых, уничтожении тиранов». Разумеется, и Ананда Ранга Пиллей, и Гулам Хусейн Салим могут быть обвинены в элементарном стремлении льстить тем, кому служили. Но несомненно, что тамильский купец и бенгальский

чиновник-мусульманин видели в «новом порядке» более справедливое общественное устройство, чем то, которое существовало в Индии.

Особенно выраженным был этот мотив у Мирзы Абу Талиба, который еще до поездки в Англию написал историю Авадха, по силе своего разоблачения темных сторон жизни индийского княжества не знающую равных в индийской литературе того времени. Приводя убийственные примеры того, как «наваб проявляет трогательную заботу обо всем, кроме народа», Абу Талиб сетует на расточительность двора, коррупцию, развал армии, разорение крестьян и ремесленников и приходит к выводу, что единственным выходом из кризиса может быть переход княжества под английский контроль: «Администрацию должен возглавить знающий Индию англичанин. Расходы наваба должны быть ограничены, и пусть он не имеет права голоса в военных и налоговых делах. Английские офицеры должны обучить армию. Следует избавиться ото всех старых чиновников, сборщиков налогов и прочих, преисполненных чванства и расточительства, а на их место назначить людей бедных и среднего достатка. Налог должен быть таким, чтобы, уплатив его, человек мог жить в благополучии».

Руками англичан, таким образом, Абу Талиб мечтает привести в Авадхе к власти «третье сословие» и осуществить реформы. Отвечая воображаемому оппоненту, советующему не верить англичанам, Абу Талиб резюмирует: «Наш народ живет сейчас в таких условиях, что худшее обращение с ним невозможно. Пусть лучше пострадают те немногие, кто сейчас преуспевает и грабит тысячи людей, но результатом будет благополучие этих тысяч». Здесь очевидно зарождение того взгляда, который будет присущ всем индийским реформаторам и просветителям следующего века: английское господство – горькое, но необходимое лекарство для тяжело больного общества, единственное оружие против «тирании раджей и навабов», единственная возможность для Индии модернизироваться. Подобно тому, как некоторые европейские мыслители видели на Востоке «царство духа» и «просвещенную монархию», Абу Талиб и его единомышленники идеализировали Запад как царство прогресса и справедливости. К своим запискам о поездке в Европу Абу Талиб приложил сочиненную им оду, в которой воспевал Коперника и Ньютона. Проехав в 1801 г. через Францию, он включил в свои записки историю Французской революции и краткое жизнеописание Наполеона – очевидно, первые, вышедшие из-под пера индийца. Главной причиной революции он называет возмущение народа тиранией короля – еще в авадхской хронике он заявлял, что такое восстание в его родном княжестве было бы желательным, но невозможным «из-за апатии народа, его привычной покорности индийским обычаям, отсутствия единства и военной помощи англичан навабу». Наполеон же привлек симпатии Абу Талиба главным образом тем, что сумел сделать головокружительную карьеру, будучи человеком незнатного происхождения. Это, видимо, было связано с симпатиями автора к тем, кто не принадлежал к знати и был, по его убеждению, более полезен для страны, чем наваб и его придворные.

Интересно, что англичане видели в знакомстве индийцев с идеями Французской революции прямую угрозу своим интересам. В 1795 г. английский резидент в Хайдарабаде писал главе маратхской конфедерации об опасности «группы людей во Франции, которые называют себя философами и защит-

никами прав человека. Они проповедуют новую веру, отрицающую бога, выступают против государей и знати, которых считают тиранами». Типу Султан был хорошо осведомлен о Французской революции и позволил служившим у него французам основать в Майсуре якобинский клуб. Разумеется, его привлекали не эгалитарные идеи революции, а те энергичные и смелые люди, которых она привела к власти. С ними майсурскому султану было легче вступить в союз против Англии, чем с представителями королевской власти, которые не раз обманывали его отца и его самого. Быть может, именно своим низким происхождением и личной храбростью генерал Бонапарт был симпатичен Типу, которого все индийские князья презирали как плебея. Как бы то ни было, одним из пунктов ультиматума, предъявленного Типу Султану генерал-губернатором Уэлсли* перед началом последней англо-майсурской войны, было требование выдать англичанам всех «французских якобинцев», служивших в Майсуре, на что Типу ответил гордым отказом.

Не в первый раз в своей истории Индия переживала хаос междоусобных войн и становилась жертвой завоевания. Но никогда еще завоевание не влекло за собой столь далеко идущих последствий. При этом не следует думать, что в XVIII в. и даже впоследствии английское завоевание ознаменовало радикальный переворот в жизни Индии. Сама власть английской Ост-Индской компании в Индии по своей структуре и содержанию являлась, как подчеркивают современные исследователи (например, Р. Инден), в значительной степени феодальной, особенно на раннем этапе. Не случайно многие индийцы воспринимали Компанию как некую знатную даму, родственницу и вассала британского короля. Она и сама охотно претендовала на роль преемницы Моголов. В договорах, которые заключала Компания с индийскими князьями, было немало черт традиционных для Индии отношений: князья становились такими же данниками и вассалами Компании, какими некогда были у Моголов. Как некогда поступали раджпуты, Моголы, маратхи и прочие создатели империй, в обмен на лояльность и уплату дани англичане оставляли у князей значительную часть их властных привилегий. Не лишним будет напомнить, что в 1947 г., когда Индия и Пакистан получили независимость, на их совокупной территории находилось более 600 княжеств – от совсем мелких до равных по площади и населению европейским странам. В районах, находившихся под непосредственным управлением британской администрации, новые власти признавали права на земельные пожалования, полученные местными феодалами от предшествующих правителей. Кастовая система получила законодательную фиксацию в созданных ориенталистами «туземных кодексах» и была затем оформлена в переписях населения, иных формах колониальной статистики. Старый порядок, таким образом, не рушился, а приспосабливался к потребностям колониального управления.

Несомненно, определенные предпосылки для колониальной модернизации закладывались в Индии уже в XVIII в. Однако они проявлялись не только в самой колониальной политике. Модернизация, начавшаяся в колониальный период, не пришла как влага в лишенную растительности пустыню:

---

* Его брат Артур – прославленный герцог Веллингтон, победитель Наполеона при Ватерлоо. В чине полковника участвовал в последней англо-майсурской войне, был назначен комендантом поверженного Шрирангапаттинама.

в индийском обществе к началу колониальной эры сложился целый ряд структур, отношений, социальных групп (пусть даже не доминировавших), которые были уже подготовлены к восприятию новых идей и ценностей. Ничтожный по протяженности исторический период в два-четыре десятилетия отделяет «еще средневековую» коммерческую, чиновничью и интеллектуальную элиту от тех, кто уже в 20-е годы XIX в. сознательно приобщался к европейскому образованию и публично отстаивал его превосходство над традиционным индийским, переводил европейскую литературу, инициировал создание прессы на индийских языках, основывал просветительские и реформаторские организации. Столь же краткий период времени, во многих случаях равный жизни одного поколения, понадобился на то, чтобы эти же социальные слои впоследствии заложили основу индийского национально-освободительного движения.

КИТАЙ: ВЁСНЫ И ОСЕНИ ПОСЛЕДНЕЙ ИМПЕРИИ

XVIII век по праву считается «золотым» веком цинского Китая. Этот период, ставший для империи временем наибольшей социальной стабильности, финансового благополучия, огромных территориальных приобретений и впечатляющих интеллектуальных достижений, связывается с правлениями трех императоров маньчжурской династии: Канси (1661–1722), Юнчжэна (1722–1735) и Цяньлуна (1735–1796)*. Гигантское государство простиралось тогда от оленьих пастбищ Северного Приамурья до тропических лесов острова Хайнань и от рыбацких деревень Восточного Тайваня до отрогов Памира. Между этими крайними рубежами империи жили сотни миллионов подданных, а по дорогам, рекам и каналам перемещались гигантские массы товаров и огромные финансовые средства. Ко двору императора прибывали «даннические» посольства из Кореи и Вьетнама, от правителей островов Люцю и казахских ханов. Одновременно XVIII в. в Китае был периодом, когда империя, проходя зенит, постепенно вступала в полосу кризиса, полностью проявившегося уже в следующем столетии.

КИТАЙ ПРИ КАНСИ: ОТ ДЕПРЕССИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

Китай вступил в новый век под властью императора Айсиньгиоро Сюанье (4 мая 1654 – 20 декабря 1722), к этому времени уже 39 лет пребывавшего на троне под девизом правления Канси («Благоденствие и счастье»). Канси, которого многие исследователи ставят в один ряд с его современниками Петром I и Людовиком XIV, за первый период своего царствования успел добиться впечатляющих результатов в управлении государством. Вступив на трон в шестилетнем возрасте, уже к пятнадцати годам он сумел отстранить правивших за него регентов, а к 27 годам подавить восстание «трех князей-данников» (1673–1681), ставшее последней серьезной угрозой для власти маньчжурской династии вплоть до середины XIX в. В 1683 г. объединение страны завершилось капитуляцией государства Чжэнов на Тайване, а сам остров был разбит на три уезда и присоединен к провинции Фуцзянь.

Столь же впечатляющими были мероприятия по расширению границ. В 1689 г. после серии военных конфликтов был подписан Нерчинский договор с Россией, по которому проводилось разграничение участка границы между двумя странами в верхнем течении Амура и на прилегающих землях, а также устанавливались правила взаимной торговли. Вслед за этим была выиграна первая война с Джунгарским ханством (1690–1697), в результате

---

* Здесь и далее императоры именуются по девизам правления. Именно так их обычно называют западные и китайские исследователи, часто добавляя к девизу слово «император» (эта практика восходит к одной из форм именования императоров в цинском Китае). В отечественных научных работах цинских императоров иногда также называют по личным, храмовым или сокращенным посмертным именам.

«Китайская империя, Китайская Татария, королевство Корея и Японские острова». Карта Р. Бонна. 1780 г.

чего джунгарский Галдан Бошокту-хан покончил с собой, а в состав Цинской империи вошла Халха-Монголия.

Император Китая представлял собой высшую власть в государстве: издавал эдикты, имеющие силу закона, руководил деятельностью исполнительных органов, являлся высшей апелляционной инстанцией и военным лидером (решающее сражение с Галданом Канси возглавил лично); кроме того, он почитался высшим авторитетом в религиозных, ритуальных и интеллектуальных вопросах. Центральный аппарат империи включал в себя такие структуры, как Императорский секретариат, шесть ведомств (Чинов, Церемоний, Налогов, Наказаний, Общественных работ и Военное ведомство), а также Цензорат – контрольный орган, наблюдавший за деятельностью чиновников на всех административных уровнях. Столице подчинялись провинции и военные губернаторства на северо-востоке, а впоследствии на присоединенных к империи западных землях. В результате проведенной в первый период правления Канси административно-территориальной реформы три крупные провинции страны (Шэньси, Цзяннань и Хугуан) были разделены надвое, так что общее число провинций возросло до 18. Кроме того, над провинциальным уровнем был создан более высокий – наместничество, обычно объединявшее две или три провинции. Провинциальная администрация возглавлялась губернатором, подчинявшимся наместнику, и чиновниками по финансовым, экзаменационным и судебным делам. Местная администрация располагалась в округах и уездах. Всего в Китае XVIII в. в 18 провинций входило около 180 областей и более 1200 уездов.

Основой китайской армии в цинский период стало сословие «знаменных» (*цижэнь*), состоявшее главным образом из потомков тех, кто принимал участие в завоевании Китая. Оно было объединено в восемь маньчжурских, восемь монгольских и восемь китайских «знамен». Базовой единицей «знамен» были *цзолин* – объединения семей, которые при мобилизации должны были выставить определенное количество боеспособных мужчин (принадлежность к цзолинам обычно передавалась по наследству). При этом цзолины были прежде всего структурами, использовавшимися для учета, а реальную службу знаменные проходили в частях и гарнизонах, где военнослужащие, относившиеся к разным «знаменам», служили вместе. Кроме «знаменных войск» (*цибин*) в состав армии империи также входили войска «зеленого знамени», состоявшие почти исключительно из китайцев. Они использовались, главным образом, для поддержания внутреннего порядка, хотя часть из них принимали участие и в войнах Цинской империи с ее соседями.

Одной из центральных проблем, вставших перед императором после объединения страны, стала консолидация управленческой элиты. Важным аспектом этой проблемы являлось соблюдение в государственном аппарате баланса между маньчжурскими и китайскими чиновниками, а также между выходцами из разных регионов страны. В период регентства (1661–1669) предпочтение решительным образом отдавалось маньчжурской аристократии и традиционным маньчжурским властным институтам, тогда как китайская ученая элита оказалась отодвинутой на второй план и даже во многих случаях столкнулась с угрозой репрессий за недостаточно лояльное отношение к новой правящей династии, коррупцию и неуплату налогов. Получив реальную власть, император Канси старался учитывать интересы всех груп-

пировок: он приостановил преследования неплательщиков налогов, восстановил стабильную работу системы экзаменов на конфуцианскую ученую степень и ввел региональные и этнические квоты в госаппарате, а также на экзаменах на степень *цзюйжэнь*, открывавшую путь к получению чиновничьей должности. В 1679 г. по инициативе императора были проведены еще и специальные экзамены, в ходе которых предполагалось отобрать наиболее талантливых ученых из числа тех, кто не находился на государственной службе (во многом, из-за своих антиманьчжурских настроений), и привлечь их к участию в реализации государственных проектов. Ожидания, возлагавшиеся на эти экзамены, не вполне оправдались, однако такая мера положила начало сближению власти с ученым сословием.

Для предотвращения раскола среди чиновничьей и интеллектуальной элиты император во многом полагался на неофициальную систему управления. Им был создан так называемый «Южный кабинет» (*Наньшуфан*) – личный секретариат, действовавший параллельно и во многом взявший на себя функции Императорского секретариата (*Нэйгэ*). В «Южном кабинете», противопоставленном как официальному бюрократическому аппарату, так и маньчжурской аристократии, были собраны виднейшие китайские ученые, ставшие советниками и наставниками императора, а также знаменитые каллиграфы и живописцы того времени.

Вопросы дворцового управления, ранее входившие в ведение евнухов, теперь были переданы Управлению императорского двора (*Нэйуфу*), которое состояло в основном из потомков китайцев, перешедших на службу маньчжурам до начала завоевания Внутреннего Китая в 1644 г. и имевших статус лично зависимых слуг императора. Эти люди зачастую свободно владели как китайским, так и маньчжурским языком, и были преданы императору, что делало их надежными посредниками. Именно они осуществляли контроль над такими ключевыми (и доходными для дворцовой казны) отраслями, как соляные монополии, императорские текстильные мануфактуры в Сучжоу и Нанкине, фарфоровое производство в Цзиндэчжэне, взимание пошлин с внутренней и иностранной торговли и т.д. Первоначально именно на основе Управления императорского дворца была введена в практику система так называемых «конфиденциальных докладов», которые доставлялись лично императору в запечатанном виде, а после прочтения им отсылались обратно с его пометками и резолюцией. Такая система позволяла императору получать информацию о положении дел на местах и фракционной борьбе при дворе и позднее была распространена на «Южный кабинет» и провинциальную администрацию, а в правление следующего императора стала одной из основ государственного устройства. Император Канси также имел обыкновение назначать для разрешения кризисных ситуаций специальных уполномоченных – часто из чиновников низших рангов или даже членов императорской гвардии. Таким образом, была создана неофициальная система государственного управления, действовавшая параллельно бюрократическому аппарату, имевшая собственные информационные каналы и подчинявшаяся непосредственно императору.

Еще одной важнейшей проблемой для Китая того периода стало преодоление экономической депрессии второй половины XVII в., ставшей результатом опустошительных войн в период маньчжурского завоевания.

Серьезный удар по экономике страны нанес и мятеж трех «князей-данников» (*саньфань*) – китайского военачальника У Саньгуя и потомков военачальников Шан Кэси и Гэн Чжунмина, активно участвовавших в завоевании Китая на стороне маньчжуров, за что они и их семьи получили в управление огромные территории на юге и юго-западе Китая. Позднее они выступили против цинских властей. В 1681 г. мятеж был подавлен, однако к этому времени хозяйство центральных и восточных провинций пришло в упадок, западная провинция Сычуань в значительной степени обезлюдела и начала заселяться заново только в начале XVIII в. В целях блокады государства Чжэнов на Тайване все население прибрежной полосы юго-восточных провинций было отселено в глубь страны, что негативно сказалось не только на самих переселенцах, но и на состоянии внешней торговли. Благодаря этому Китай, не имевший с позднеминского времени значительного внутреннего источника серебра и импортировавший его из Юго-Восточной Азии, Филиппин и Японии, столкнулся с резким дисбалансом серебра и меди, являвшихся основой его двусоставной денежной системы. В этих условиях выплата значительной части налогов в серебре означала для большинства населения страны существенное падение уровня доходов и, как следствие, покупательной способности. Кроме того, большие объемы серебра изымались государством из оборота для покрытия военных расходов. Все это в конечном итоге и привело к депрессии в экономике.

Одной из важнейших мер по восстановлению хозяйства в период Канси стало приведение в порядок разрушенной системы ирригационных сооружений. Исполнение ключевых проектов в этой области контролировалось самим императором. Так, в период с 1684 по 1707 г. Канси совершил шесть инспекционных поездок в регион нижнего течения Янцзы, целью которых помимо установления контактов с китайской ученой элитой Янчжоу, Сучжоу и Нанкина стал надзор за ирригационными работами на Хуанхэ и Великом канале (центральной водной артерии между Южным и Северным Китаем, по которой к столице доставляли рис, полученный в качестве налоговых поступлений). Позитивное значение для восстановления внешней торговли, финансов государства и экономики юго-восточных провинций имело снятие запрета на проживание в прибрежной полосе после капитуляции тайваньских властей и присоединения острова в 1683 г.: многие жители провинции Фуцзянь смогли вернуться к прежним занятиям морскими промыслами и торговлей.

Другой серией экономических мероприятий стали налоговые послабления для беженцев, возвращавшихся на брошенные поля. Для облегчения последствий депрессии и голода в ряде областей страны было увеличено количество зерна, выдаваемого голодающим из государственных запасов. Важнейшей экономической реформой этого периода стал указ от 1712 г., зафиксировавший взимаемую подушную подать на уровне количества населения, учтенного переписью 1711 г. Эта мера имела двоякие последствия. Она несколько уменьшила налоговую нагрузку для части подданных, однако рост населения теперь в меньшей степени ограничивался экономическими факторами, что в долгосрочной перспективе стало одной из причин демографического взрыва (за XVIII в. население Китая увеличилось по одним подсчетам в два с половиной раза, а по другим – втрое), привело к нехватке земли

в восточных и центральных регионах империи и в конечном итоге к ряду социальных конфликтов.

В целом к началу XVIII в. властям удалось создать условия для стабилизации экономической обстановки, восстановить систему сельского хозяйства и торговые связи между регионами, а также значительно пополнить казну. Впрочем, после 1710 г. содержимое казны вновь уменьшилось. Одной из причин этого стали растущие финансовые злоупотребления в государственном аппарате. Балансируя между различными политическими силами при дворе (маньчжурской аристократией, северной и южной группировками китайских ученых, неофициальными доверенными лицами), Канси предпочитал без особой на то необходимости не вмешиваться в деятельность чиновников, проявляя терпимость к умеренной коррупции. Несколько состоявшихся процессов над коррупционерами, однако, выявили весьма значительные масштабы таких злоупотреблений. Ряд высших сановников через подставных лиц и под вымышленными именами имели свои доли в наиболее доходных предприятиях и торговых операциях, давали деньги в рост, вымогали подношения у местных чиновников и даже использовали государственные средства в качестве инвестиционного капитала. Коррупция на местах во многом была обусловлена тем, что окружные и уездные чиновники получали достаточно символическое жалование, которого было явно недостаточно, особенно с учетом того, что они должны были не только содержать себя, но и оплачивать работу служащих управы, поддерживать в порядке городские стены, дороги и мосты, пополнять местные зернохранилища на случай голода, а также давать взятки вышестоящим. Свою роль в такой ситуации, возможно, сыграло и ухудшающееся здоровье императора, не позволявшее ему эффективно контролировать государственный аппарат.

Другой причиной финансовых проблем стали военные расходы. Несмотря на победу в первой джунгарской войне в 1697 г., Джунгарское ханство, возглавляемое теперь племянником Галдана Цэван-Рабданом, продолжало оставаться для Цинской империи серьезной угрозой. Опасаясь усиления Джунгарии, Канси еще в 1712 г. направил особое посольство к Аюки-хану, правителю калмыков, в XVII в. откочевавших на Волгу и позднее принявших русское подданство. Однако склонить его к совместным действиям не удалось.

Вторая война с Джунгарским ханством (1715–1739) началась с неудачной попытки джунгарских войск атаковать оазис Хами, находившийся под властью Цинского государства. Однако основной ареной конфликта стал Тибет. Контролировавший Тибет кукунорский Лхавсан-хан настроил против себя значительную часть ламаистского духовенства своим вмешательством в решение вопроса о том, кто будет следующим далай-ламой. Оппозиция призвала на помощь Цэван-Рабдана, который направил в Тибет шеститысячный корпус под командованием своего брата Цэрин-Дондуба. В 1717 г. джунгарские войска разгромили Лхавсан-хана, взяли Лхасу и установили контроль над Тибетом. С точки зрения китайской дипломатии, Тибет считался данником Цинского государства со времени визита пятого Далай-ламы в Пекин и получения им инвеституры от императора Шуньчжи в 1652 г.; кроме того, Кукунорское ханство тоже находилось под покровительством Китая. Китай предпринял ответные меры, и в 1720 г. маньчжурские войска вошли в Лхасу,

обратив в бегство джунгарскую армию, и формально присоединили Тибет к Цинской империи. В городе был размещен трехтысячный цинский гарнизон, на который опирались представители императора, фактически взявшие под контроль власти Тибета. Однако война продолжалась еще почти два десятилетия с переменным для обеих сторон успехом и немалыми финансовыми затратами. Последней значительной победой при жизни императора Канси стало присоединение Турфанского султаната в 1720 г., позволившее Цинской империи создать плацдарм на подступах к Джунгарскому ханству.

В XVIII веке была заложена основа отношений (и будущих конфликтов) Китая со странами Запада. Главными посредниками в этих отношениях являлись находившиеся при дворе Канси католические миссионеры, для которых предыдущее столетие завершилось весьма оптимистично: многие из них состояли на государственной службе в качестве астрономов, картографов, математиков, художников, переводчиков и даже советников и наставников императора. Например, иезуит Фердинанд Вербист (1623–1688) занимал должности главы Астрономической палаты, а затем заместителя главы Ведомства общественных работ; Жан-Франсуа Жербийон (1654–1707) и Томаш Перейра (1645–1708) по приказу императора участвовали в подготовке Нерчинского договора с Россией. Упрочению положения миссионеров при дворе также способствовало излечение Канси от малярии (с помощью хинина) французскими иезуитами в 1693 г. Влияние миссионеров на императора усиливал активный интерес Канси к западной науке, музыке и техническим новинкам. Наконец, в 1692 г. был издан императорский указ о веротерпимости, открывавший для миссионеров более широкие возможности для проповеди и позволявший строить храмы в некоторых городах страны. На рубеже XVII–XVIII вв. в Китае находилось от 140 до 160 христианских миссионеров и насчитывалось около 200 тыс. обращенных китайцев-христиан.

Однако уже вскоре надежды на христианизацию Китая рухнули; причиной этого стал развернувшийся на рубеже XVII и XVIII вв. «спор о ритуалах». Суть его состояла в проблеме совместимости христианских догм и китайских обрядов. Иезуиты отстаивали мнение, которого придерживался еще Маттео Риччи, основатель их миссии в Пекине: культ предков и иные обряды жертвоприношений, принятые в Китае, следовало считать ритуалами светскими, а потому вполне совместимыми с христианской практикой. Выступившие же против иезуитов доминиканцы, напротив, уподобляли китайские культы идолопоклонству и требовали от новообращенных полного отказа от них. Папа Климент XI поддержал доминиканцев, донеся свою бескомпромиссную позицию до миссионеров в Китае и самого императора через двух легатов – Мэйяра де Турнона в 1705 г. и кардинала Меццабарба в 1720 г. Вмешательство Ватикана в интерпретацию китайских ритуалов сильно уронило авторитет христианства в глазах императора. Уже в 1706–1707 гг. Канси издал указы, поставившие миссионеров перед трудным выбором: согласиться с императорской трактовкой христианства и остаться в Китае (рискуя быть отлученными от церкви) или последовать папской булле, но покинуть страну. После этих указов количество миссионеров в Китае сократилось наполовину, а их деятельность формально стала сводиться к придворной службе.

В 1707 г. по приказу императора Канси в Европу также был направлен католик Фань Шоуи, ставший первым китайцем, побывавшим там с офи-

циальной миссией. В Европе он встречался с королем Португалии Жоао V и папой Климентом XI, где рассказал им о положении католической церкви в Китае. Затем он прожил девять лет в Италии и вернулся на родину только в 1719 г., после чего получил аудиенцию у Канси и доложил о своей поездке. До этого единственной миссией, направленной для переговоров с европейцами, было китайское посольство к нидерландским властям на Яве в 1679–1680 гг.

Торговые отношения со странами Запада также претерпели определенные изменения. Вопросы расширения торговых связей ставились всеми миссиями, направлявшимися к цинскому двору: голландскими посольствами 1656, 1667, 1686 гг.; португальцами в 1670 и 1678 гг., а также россиянами после подписания Нерчинского договора: посольствами Избранта Идеса в 1693–1694 гг. и Л.В. Измайлова в 1720–1721 гг. Тем не менее император Канси был склонен скорее к ограничению, нежели к расширению торговли. Так, в 1720 г. в Гуанчжоу (Кантоне) была воссоздана существовавшая еще в минский период торговая гильдия Гунхан, контролировавшаяся государством. Ей были переданы монопольные права на торговлю с западными странами (за исключением России). Эта мера положила начало изоляции Китая и созданию «кантонской системы торговли», окончательно сложившейся к 1759 г., когда торговля с Западом была ограничена лишь одним портом – Гуанчжоу.

В целом правление Канси стало важным этапом в укреплении власти маньчжурской династии в Китае, преодолении экономических и внешнеполитических проблем, достижении социальной стабильности. Немалую роль в этом сыграла личность самого императора. Канси, так же как его сын Юнчжэн и внук Цяньлун, принимал активное личное участие в государственном управлении. Обычно он вставал до рассвета и уже в пять часов утра начинал принимать высших сановников (позднее время начала приема было сдвинуто на семь часов утра для удобства тех, кто жил далеко от дворца). После аудиенций Канси посвящал несколько часов разбору докладов с мест; вторая половина дня была занята лекциями императорских наставников, занятиями каллиграфией и поэзией.

Все биографы императора отмечают его интерес к знаниям, к науке и искусству. Маньчжур по происхождению, Канси уделял особое внимание освоению китайского классического наследия, справедливо полагая, что в стране, где культура и этика традиционно почитались и поддерживали легитимность власти, просвещенность монарха способна оправдать правление «варварской» династии завоевателей. Отдавая много времени и усилий ученым штудиям, Канси считал себя знатоком конфуцианских канонов, хорошим поэтом и каллиграфом, ученым, превзошедшим основы западной математики и музыки. Не исключено, что интеллектуальные достижения императора были все же не такими впечатляющими: оставленные им каллиграфические автографы не поднимаются выше ученического уровня, а его наставники-иезуиты жаловались на непонимание им базовых основ преподаваемых ими дисциплин. Тем не менее нельзя отрицать влияние Канси на идеологический и культурный климат страны. В частности, позиция императора стала определяющей при выборе неоконфуцианства в интерпретации сунского философа Чжу Си (1130–1200) в качестве одной из основ государственной идеологии. Под императорским патронажем были созданы такие впечатляющие труды, как «История династии Мин» (Мин ши), многотомная энциклопедия

«Высочайше утвержденное полное собрание книг, карт, чертежей и рисунков с древности до нашего времени» (Циньдин гуцзинь тушу цзичэн), толковый словарь «Канси цзыдянь», словарь рифм «Пэйвэнь юньфу» и т.д. При дворце были открыты мастерские, где работали придворные механики, мастера по росписям, эмалям, резьбе по кости, дереву, нефриту и т.д. В Академии живописи возрождались классические традиции пейзажа (к их числу относятся, например, работы одного из крупнейших мастеров того периода Ван Хуя) и создавались новые направления, сочетавшие китайские традиционные живописные сюжеты и жанры с западной техникой живописи. Иезуит Джузеппе Кастильоне (1688–1766), получивший в Китае имя Лан Шинин и ставший крупнейшим придворным художником XVIII в., начал свою карьеру при дворе императора Канси.

Не менее впечатляющим образом развивалось в этот период и неофициальное творчество. Эпоха Канси дала Китаю таких великих художников, как Ши-тао (1642–1707) и Бада Шаньжэнь (1626–1705), потомков минского императорского дома Чжу, которые после маньчжурского завоевания стали буддийскими монахами; а также известного новеллиста Пу Сунлина (1640–1715), автора «Странных историй из Кабинета Неудачника».

В последние десятилетия правления Канси среди его сыновей развернулась скрытая борьба за право наследования престола. Шансы будущего императора Юнчжэна с самого начала были весьма небольшими – четвертый по старшинству среди сыновей Канси, он был рожден не императрицей, а одной из наложниц императора. Борьба усилилась, когда длительное время являвшийся официальным наследником Иньжэн (1674–1725) был в 1708 г. лишен этого звания. Через некоторое время его вновь объявили наследником престола, однако в 1712 г. он был смещен уже окончательно (оба раза он попадал в опалу по подозрению в намерении отстранить императора от власти).

После 1708 г. скрытая до этого борьба за трон вышла на поверхность. В ту пору будущий император Юнчжэн все еще не рассматривался в числе наиболее вероятных кандидатов. Его братья быстрее него делали карьеру и получали должности и ранги знатности, были более влиятельными и заметными фигурами при дворе. После первой опалы Иньжэна в 1708 г. многие чиновники делали ставку на его брата Иньсы (1681–1726). Среди военных значительным влиянием пользовался Иньчжи (1672–1734), старший сын императора. Парадоксальным образом именно аутсайдерский статус будущего монарха на первом этапе во многом и способствовал его последующему приходу к власти. Активность основных участников борьбы вызвала недовольство императора Канси и привела к их падению. В дальнейшем новый круг претендентов должен был действовать весьма осторожно, так как попытка создать вокруг себя группу приверженцев могла вызвать подозрение стареющего правителя. Будущему императору Юнчжэну удалось переиграть своих конкурентов, обеспечив симпатии Канси, а также создав к моменту его смерти собственный круг сторонников, куда вошли и те, кто раньше поддерживал опальных к тому времени претендентов, в том числе Лункэдо, командовавший силами, отвечавшими за безопасность в столице, и Нянь Гэнъяо, которому подчинялись провинции Сычуань и Шэньси, являвшиеся своего рода ближним тылом войск, воевавших с Джунгарией (последнее обстоятельство

позволяло Юнчжэну до известной степени контролировать положение дел в действующей армии).

После прихода Юнчжэна к власти некоторые современники считали, что произошла узурпация престола, а на самом деле император назначил своим наследником другого сына, Иньти (1688–1767), который незадолго до этого в 1718 г. стал командующим армией, действовавшей против Джунгарии. В Китае до сих пор обсуждается вопрос о возможной подделке завещания Канси, однако сейчас с большой уверенностью можно сказать, что распоряжение о назначении наследника было отдано им устно и завещания просто не существовало.

Император Канси умер 20 декабря 1722 г. в 68 лет, оставив после себя, с одной стороны, сильное единое государство, укрепляющуюся экономику, отлаженную систему управления и 20 сыновей; с другой – затяжную войну, назревавший демографический кризис, пораженную хроническим дефицитом казну, коррумпированный бюрократический аппарат, кризис наследования и взаимную ненависть среди своего многочисленного потомства.

КИТАЙ ПРИ ЮНЧЖЭНЕ: ОТ ГОСУДАРСТВА ЧИНОВНИКОВ К АВТОРИТАРИЗМУ

Император Юнчжэн (13 декабря 1678 – 8 октября 1735, личное имя Айсиньгиоро Иньчжэнь, примерное значение девиза правления Юнчжэн – «гармоничная справедливость»), третий император маньчжурской династии в Китае, находился у власти с 27 декабря 1722 г. до своей смерти в 1735 г. Он начал править уже имея некоторый административный опыт и не испытывая иллюзий по поводу состояния государственного аппарата. Положение дел в финансовой сфере также подталкивало его к осуществлению реформ – бюджеты всех уровней испытывали постоянную нехватку средств, что было связано главным образом с присвоением чиновниками части собираемых налогов.

По сути многие последующие действия Юнчжэна можно рассматривать как новый период конфликта между маньчжурской и китайской моделями власти, т.е. моделями, сформировавшимися в знаменных войсках и среди гражданского чиновничества. При этом каждая из них несла в себе скрытые противоречия. В маньчжурском варианте власть правителя должна была осуществляться с оглядкой на права наследственной аристократии, включая родственников императора (им была подчинена значительная часть войск). В китайской же традиции власть императора вязла в бюрократических структурах, а кроме того ей в определенной степени противостоял слой *шэньши* (конфуцианских книжников), из которых и набирались чиновники и которые считали себя духовной элитой общества. Свои претензии на такой статус шэньши основывали на постулатах конфуцианской идеологии, но в реальной жизни за ними часто стояло стремление сохранить неофициальные привилегии своего сословия – право платить налоги в ограниченном масштабе или не платить их вовсе, возможность, находясь на службе, распоряжаться подведомственными финансами, а уйдя со службы или не поступив на нее, – влиять на дела в своих родных местах. Юнчжэн решил ограничить власть маньчжурской аристократии, создать эффективную систему гражданского

администрирования во всей империи, установить контроль над государственным аппаратом и сделать общество более единообразным. Для этого предполагалось создать систему информации, снизить коррупцию, провести определенное выравнивание статуса подданных, который должен был определяться властями, а не традицией.

Прежде всего Юнчжэн изменил систему информирования и принятия решений по наиболее важным делам. Он резко расширил начавшуюся при Канси практику подачи императору конфиденциальных докладов и превратил ее в отлаженную систему. Первые меры он начал осуществлять сразу после вступления на трон. Обычные доклады проходили через целый ряд чиновников, которые готовили решения по рассматриваемым проблемам, а затем императору фактически оставалось их только завизировать. Информация при этом была доступна весьма широкому кругу лиц. Конфиденциальные доклады поступали к императору сразу, и решения по ним принимал он лично, причем обычно в день получения доклада. В одном из указов 1730 г., где содержались подробные инструкции по представлению докладов, а фактически развернутое описание позиции императора по этому вопросу, Юнчжэн сообщал, что он получает по 20–30, а в особых случаях – до 50–60 докладов в день и работает с ними сам без архива и помощников. В таких докладах сообщалось о положении дел со сбором налогов, злоупотреблениях чиновников, о наиболее крупных уголовных преступлениях, ценах на основные продукты и даже о погоде.

Позднее, когда вновь возобновилась война с джунгарами и объем документов резко возрос, императору потребовался Военный совет, так как решений по поступавшим докладам требовалось принимать очень много. Тогда Военный совет еще соответствовал своему названию и главным образом руководил всем, что было связано с ведением войны. В следующее правление, при Цяньлуне, Военный совет стал высшим органом государственного управления в империи.

Кроме того, Юнчжэн реформировал и систему выплаты жалованья чиновникам. Раньше, в условиях, когда государство стремилось извлечь максимальные средства из местных бюджетов, чиновники обеспечивали свое существование и работу подведомственных органов прежде всего за счет установления неофициальных надбавок к налогам; из этого же источника они получали средства, которые откладывали на будущее, а также передавали вышестоящим. Наиболее известной из этих надбавок была *хохао*, взимание которой мотивировалось необходимостью последующей переплавки небольших кусочков серебра, которыми собирались налоги, в крупные слитки. Сложности в финансовой сфере чиновники также решали путем нецелевого использования части средств и манипуляций с имевшимися в их распоряжении фондами – за дефицит они отвечали лишь своей карьерой, да и то не всегда. При Юнчжэне хохао стали взимать официально и из нее выплачивать чиновникам жалованье и деньги на содержание казенных управ (этих средств, разумеется, было меньше, чем чиновники получали раньше; практика поборов продолжалась, хотя и в меньшем масштабе – многие просто стали бояться это делать). За дефицит чиновник стал отвечать своим имуществом и свободой. При принятии мер по возмещению дефицита, накопившегося за прежние годы, многие оказались разорены (так, Иньтао, брат

императора, с этой целью был вынужден даже продавать домашнюю утварь). Жесткая политика императора привела к массовым увольнениям чиновников среднего уровня.

Юнчжэн также предпринял меры по отстранению от власти своих родственников. Двое его братьев, которые уже находились в тюрьме или под домашним арестом на момент его прихода к власти, продолжали там оставаться, а через несколько лет он отправил в заключение еще пятерых, при этом Иньсы и поддерживавшему его в борьбе за власть Иньтану имена были изменены на имеющие уничижительный смысл; пятеро из семерых опальных братьев императора умерли в заключении. Был отменен порядок, по которому некоторые члены императорской семьи управляли отдельными подразделениями знаменных войск, и армия полностью перешла в подчинение непосредственно Юнчжэну и назначенным им лицам. Родственники императора фактически утратили свое влияние. Кроме того, была установлена практика передачи престола – наследник определялся императором заранее, однако соответствующее распоряжение хранилось в особых шкатулках в двух дворцах и знали о его содержании только несколько сановников.

При назначении чиновников император продолжал линию своего отца, направленную на ослабление влиятельных групп цинской элиты. Репрессии коснулись даже таких высокопоставленных лиц, как Нянь Гэнъяо и Лункэдо, на которых император опирался при приходе к власти. Дело было не только в том, что крупные чиновники часто создавали группировки своих сторонников, действовавшие в их интересах. Юнчжэн также весьма негативно оценивал систему связей, традиционно существовавших между определенными категориями шэньши (например, между теми, кто учился у одного учителя, теми, кто сдавал экзамены в один год, а также между экзаменующим и экзаменуемыми; такие связи сохранялись и в следующем поколении). Дав этому явлению негативную оценку в специальном эссе «О группировках», император активно назначал на государственные должности шэньши, купивших степень и в силу этого обстоятельства оказывавшихся вне системы личных связей (в Китае степени продавались вполне официально, однако репутация тех, кто их покупал, была обычно не слишком хорошей). При нем такие чиновники получили новые возможности для карьерного роста: теперь они могли служить даже в Цензорате и в Ведомстве чинов.

При Юнчжэне также практиковалось снятие с должностей чиновников по обвинению в плохом отношении к народу и наказание тех конфуцианских книжников, которые преследовали личную выгоду и шли для этого на нарушение закона (в частности, перекладывая свои обязательства по налогообложению на простолюдинов).

Кроме того, Юнчжэн установил более жесткий контроль над литературой, образованием и старался «исправить нравы» своих подданных. Примечательно, однако, что объектом цензуры в это время становятся прежде всего те произведения, где он видел намек на существование группировок (например, оды в честь чрезмерно укрепивших свое влияние чиновников), а не тексты, где могли содержаться антиманьчжурские аллюзии.

Среди конфуцианских ценностей он придавал особое значение сыновней почтительности, традиционно воспринимавшейся как основа последующей лояльности к правителю. При этом Юнчжэн отстаивал примат преданности

правителю над верностью родителям и писал в уже упоминавшемся эссе «О группировках», что чиновник, вверивший себя государю, после этого уже не принадлежит отцу и матери. При Канси после 1702 г. «Канон сыновней почтительности» (Сяо цзин) был исключен из списка литературы, по которому проводились экзамены, однако вскоре после прихода к власти Юнчжэн восстановил его в этом списке, в 1728 г. приказал переиздать текст на китайском и маньчжурском языках, и в том же году отдал распоряжение провинциальным чиновникам сообщать ему о людях, отличающихся сыновней почтительностью или целомудренным поведением.

Император также опубликовал свои комментарии к «Священным поучениям» (правилам поведения подданных императора, изданным еще Канси в 1670 г.). В 1725 г. был установлен порядок, согласно которому участники экзаменов на конфуцианскую ученую степень должны были знать наизусть 16 правил «Поучений» и комментарии к ним (на экзамене им давалось одно из правил, которое они должны были написать вместе с комментарием по памяти).

Юнчжэн укрепил чиновничий аппарат, курировавший систему образования и экзаменов, а также постарался взять эту сферу под государственный контроль. В 1733 г. был издан указ, согласно которому провинциальные власти обязаны финансировать по одной академии в каждой провинции; преподаватели и студенты получали стипендии от правительства. Это способствовало изменению характера деятельности академий и их последующей ориентации не на философские штудии, а главным образом на подготовку к экзаменам.

На более низком уровне действовала система *сянъюэ* (букв.: сельских бесед). Первого и пятнадцатого числа каждого месяца по лунному календарю чиновникам, учащимся, офицерам, солдатам и простолюдинам надлежало слушать лекции о правилах «Священных поучений». В сельской местности проводили их шэньши.

Кроме того, вводилась должность «надзирающего за нравами и исправляющего обычаи». Как правило, такие чиновники назначались в соответствующую провинцию после какого-то происшествия, связанного с деятельностью шэньши, будь то сфера идеологии или просто сдача экзаменов. После «улучшения ситуации» их отзывали.

Ограничения коснулись и жизни простолюдинов: были запрещены азартные игры, а также петушиные бои и бои сверчков. Впрочем, в Китае запреты на азартные игры всегда реализовывались примерно с тем же успехом, с каким в России боролись с пьянством.

Вообще, император верил в силу убеждения. Показательно, что наиболее заметным политическим процессом его правления стало дело шэньши Цзэн Цзина и Чжан Си. Первый под влиянием циркулировавших в обществе рассказов о новом императоре и идей умершего к тому времени философа Люй Люляна (считавшего маньчжурскую династию «варварской» и выступавшего за возврат к устоям древности) послал второго (своего единственного ученика) к губернатору провинции Шаньси Юэ Чжунци, об оппозиционных настроениях которого он слышал, с целью уговорить того поднять восстание. Заговорщиков арестовали. Дальнейшие события более интересны, чем сам нелепый заговор. В ходе допросов выяснилось содержание слу-

хов, которые циркулировали по империи. Опровергая их, император написал специальный текст «Записи, содержащие великую истину, пробуждающую от заблуждений» (Да и цзюэ ми лу) в четырех главах и разослал его во все основные учебные заведения империи; в дальнейшем эту книгу было приказано читать и объяснять народу едва ли не как «Священные поучения». В этом тексте император не ограничился подробным разбором таких сюжетов, как легитимность маньчжурского правления в Китае и место «варваров» в китайской истории, но также объяснял подданным, что он, например, не погряз в пьянстве, не узурпировал трон и не убивал отца. Оба заговорщика раскаялись, были прощены и затем некоторое время жили под наблюдением властей. Значительно больше в то время пострадали родственники Люй Люляна – они были казнены или сосланы (тело самого философа-оппозиционера, оскорбившего отца Юнчжэна, было извлечено из могилы и расчленено). Следующий император, однако, приказал казнить Цзэн Цзина и Чжан Си, а также уничтожить все копии «Записей», видимо, считая, что существование такой книги лишь способствует распространению слухов о его отце.

Государство также предпринимало меры для унификации общественного и государственного устройства. Китайцев стали больше выдвигать на чиновничьи должности (если в правление Канси на посты губернаторов назначались китайцы, служившие в знаменных войсках, то в конце правления Юнчжэна на эти посты чаще попадали китайцы из числа шэньши). В Юго-Западном Китае на смену местным вождям пришли чиновники. Некоторые группы населения, прежде считавшиеся «подлым людом», стали формально полноправными. В их числе были, например, так называемые «люди на лодках» в провинции Гуандун (китайцы, жившие на воде и не имевшие дома на суше), нищие в провинциях Аньхой и Цзянсу, часть крепостных, принадлежавших знаменным, и так далее. Эта мера больших результатов не дала и носила главным образом декларативный характер.

В экономической сфере перед императором стояли две проблемы: бедность значительной части населения и быстрый рост его численности. Негативное воздействие этих факторов Юнчжэн стремился ослабить рядом законодательных и хозяйственных мер. Он продолжил реализацию налоговой реформы Канси, которая фактически осуществлялась в виде замены подушного налога на надбавку к поземельному. Эта реформа улучшила положение тех, кто жил в деревне, но не занимался сельским хозяйством и не имел земли, а также безземельных крестьян, отходников и пр.

Однако бедность в те годы была распространена не только среди крестьян-китайцев. К этому времени значительно обеднели и знаменные, часть из которых заложила и продала выделенные им казной земельные участки и даже дома. Формально большая часть этих сделок была незаконной, т.к. продавать землю знаменные могли только в пределах свого «знамени», однако власти были вынуждены считаться со сложившейся ситуацией и пошли на выкуп таких земель, что не дало, однако, долгосрочного эффекта, и этот процесс продолжился.

Еще одной из мер, направленных на повышение благосостояния китайцев, стали масштабные гидрохозяйственные проекты, реализовывавшиеся по инициативе Юнчжэна. Они включали меры как по ирригации плохо оро-

шаемых земель, так и по поддержанию в должном порядке защитных сооружений на реках. Последняя мера для Китая была едва ли не более важна, чем первая; достаточно сказать, что постоянные отложения подняли дно крупнейших китайских рек выше уровня окружающей местности и сами эти реки были окружены системой дамб. Юнчжэн значительно расширил масштабы таких работ: если Канси основное внимание уделял Хуанхэ и Великому каналу, то новый император также вел работы вокруг Пекина, в Юго-Западном, Юго-Восточном и Северо-Западном регионах. Для поддержания в должном порядке защитных сооружений были назначены специальные чиновники и усилены превентивные меры. По указу 1729 г. дамбы должны были наращиваться на определенную величину (ок. 16 см) каждый год. Вдоль крупных рек примерно через один километр были установлены посты с двумя охранниками, которые должны были осматривать и чинить свой участок дамб. Всего было создано свыше тысячи таких постов.

Растущая финансовая сфера пополнялась поступавшим из-за границы серебром. Для восполнения дефицита медной монеты были открыты монетные дворы в провинциальных центрах.

Основной внешнеполитической проблемой для империи в то время была продолжавшаяся борьба с Джунгарским ханством. Вторая джунгарская война началась еще до прихода Юнчжэна к власти в 1715 г., с перерывами продолжалась почти все его правление до 1734 г., а итоги ее были подведены лишь в договоре 1739 г. уже после смерти императора.

Перед Россией и Китаем в начале века стоял вопрос о разграничении монгольских земель, которые вошли в их состав. Его удалось разрешить посредством заключения Кяхтинского договора в 1727 г.; в ходе переговоров китайская сторона стремилась разделить территорию, исходя из того, чье подданство принял ее прежний правитель, а представлявший Россию С.Л. Владиславич-Рагузинский отстаивал разделение по фактическому владению, в результате чего к России и Цинской империи должны были отойти территории, которые они контролировали в то время. Эффективно используя стремление Цинской империи обезопасить свой северный фланг в войне с Джунгарией, Рагузинский заключил договор в основном на российских условиях.

Еще одним фактором, косвенно повлиявшим на эти события, стало ухудшение отношений между китайским императорским двором и католическими миссионерами. Юнчжэн продолжил и активизировал политику отца, направленную на ослабление влияния миссионеров и борьбу с христианством (считается, что при Юнчжэне в Китае было закрыто более 300 церквей). Фактически деятельность миссионеров была ограничена одним Пекином, церкви в других местностях прекратили свое существование; в Китае постепенно сформировалось католическое подполье. Недовольные политикой императора миссионеры пошли на активный контакт с Владиславичем-Рагузинским, что дало последнему необходимую информацию и выход на Маци – видного чиновника, согласившегося за определенную сумму лоббировать интересы России при заключении договора.

Кяхтинским договором также устанавливался новый формат ведения торговли. Если в начале XVIII в. она осуществлялась посредством посылки караванов в Пекин, а также в Урге (совр. Улан-Батор) и Цицикаре (в то время административный центр пограничной с Россией провинции Хэйлунцзян),

то теперь центром торговли стала основанная тогда же Кяхта, располагавшаяся к югу от Иркутска на границе России и входивших в состав Китая монгольских земель (напротив нее возникло китайское поселение Маймайчэн). Другим местом проведения торговых операций стало поселение Цурухайту (на р. Аргунь).

Данный договор также закрепил официальный статус православной миссии в Пекине, действовавшей там фактически с 1715 г. Ее священники должны были осуществлять духовное руководство православными христианами, жившими в цинской столице.

В 1729–1733 гг. в России дважды побывали китайские посольства (формально они должны были поздравить Петра II и Анну Иоанновну со вступлением на престол, а фактически обсудить политику на джунгарском направлении с российскими властями и новым ханом калмыков), но каких-либо существенных результатов они не принесли.

Более успешно развивались действия на тибетском направлении. К Китаю были присоединены Цинхай и Восточный Тибет, включенный в провинцию Сычуань. Основная часть Тибета в это время фактически являлась протекторатом Китая.

Юнчжэн умер, не дожив до 57 лет. Императорская власть при нем значительно усилилась, но установленный им режим во многом противоречил интересам чиновничества. Часть реформ была отменена его сыном, но некоторые установления Юнчжэна стали частью китайского государственного устройства. Многие из проблем, полученных им в наследство от Канси, так и не были решены, и их пришлось решать следующим правителям империи. Противостояние с Джунгарией продолжилось и закончилось только в середине XVIII в. ее разгромом. Демографическая проблема дала о себе знать через несколько десятилетий, а тяжелые последствия нараставшей изоляции Китая от окружающего мира в Китае стали осознавать только в середине следующего столетия.

КИТАЙ ПРИ ЦЯНЬЛУНЕ: ОТ МОГУЩЕСТВА К УПАДКУ

Император Цяньлун (25 сентября1711 – 7 февраля 1799, личное имя Хунли, примерное значение девиза правления Цяньлун – «небесное процветание»), четвертый император маньчжурской династии в Китае, формально правил с 18 октября 1735 по 8 февраля 1796 г., а фактически оказывал решающее влияние на политику империи до своей смерти в начале 1799 г. Во многом китайский XVIII в. – это век Цяньлуна, и именно в его правление в полной мере проявились те процессы, которые определили течение китайской истории в этот период.

Назначение Цяньлуна наследником и его приход к власти были предсказуемы – из трех оставшихся к тому времени в живых наследных принцев он был единственным, у кого мать принадлежала к маньчжурам (двоих его братьев родили дочери китайцев, служивших в знаменных войсках; кроме того, одному из них, Хунъяню тогда исполнилось всего два года).

Новый император по своим взглядам достаточно сильно отличался от отца. Если Юнчжэн был, судя по всему, уверен в том, что в стране в основ-

ном можно установить должный порядок и добиться того, чтобы общество и государственный аппарат действовали в рамках определенных правил, то Цяньлун требовал от чиновников прежде всего личной лояльности; коррупцию он, видимо, считал неизбежным злом, но был склонен ограничивать ее масштабы. По мнению некоторых историков, Цяньлун верил скорее не в законы и просвещение, а в ритуал. Он не сомневался в своем особом предназначении и не считал необходимым оповещать подданных о собственных планах. Свою деятельность он начал с ревизии реформ отца и проведения более умеренного «среднего пути».

После прихода к власти им был распущен Военный совет, в военных делах подменявший собой обычные органы государственной власти. Кроме того, Цяньлуном в дальнейшем были помилованы или частично реабилитированы лица, осужденные по нескольким наиболее громким делам предыдущих правлений. Так, в частности, возвращались титулы и имущество потомкам уже упоминавшихся Иньсы, Иньтана, Нянь Гэнъяо и Лункэдо; были освобождены, а затем также получили титулы и имущество братья умершего императора Иньти и Иньэ. Посмертная судьба некоторых политиков при этом принимала причудливые формы. Так, Доргоню (1612–1650), дяде императора Шуньчжи, выполнявшему при нем функции регента и фактически возглавлявшему завоевание Китая, после смерти был дан титул императора. Однако вскоре его обвинили в ряде преступлений и осудили. Цяньлун выбрал средний вариант и фактически реабилитировал Доргоня, но при этом лишь вернул ему титул князя первой степени, который тот имел при жизни. Все эти действия, очевидно, должны были показать родственникам Цяньлуна и высшей бюрократии, что он не намерен в дальнейшем проводить репрессивную политику, подобную той, что осуществлял его отец. Кроме того, новый император, видимо, вообще не любил выносить внутридворцовые дела на всеобщее обозрение.

Одновременно Цяньлун ослабил противостояние между императорской властью и чиновничеством, а в какой-то степени и между императором и шэньши в целом. Прекратились массовые увольнения государственных служащих, активно практиковавшиеся его отцом. Цяньлун даже отменил правило, по которому чиновник был обязан компенсировать возникшую в подчиненном ему ведомстве недостачу. Сотни тех, кто подвергся осуждению за это раньше, получили прощение.

Однако затем сама логика государственного управления потребовала возобновления деятельности Военного совета, репрессий против родственников и восстановления части отмененных норм, регулировавших деятельность чиновничества.

Активные меры по консолидации власти Цяньлун начал предпринимать с самого начала своего пребывания на троне. В соответствии с волей Юнчжэна при новом императоре были назначены своего рода регенты, в число которых вошли сановники Оэртай (1672–1755) и Чжан Тинъюй (1672–1755), а также дяди Цяньлуна Юньлу и Юньли. Такое положение дел, однако, сохранялось всего три дня, после чего эти должности были заменены другой структурой, более многочисленной по составу, и позиции бывших регентов сразу ослабли. Затем в 1737 г., когда истекли 27 месяцев траура, император ликвидировал и ее, воссоздав распущенный ранее Военный совет. При

этом он увеличил его состав с трех человек (как это было в предшествующее правление) до шести и принял решение, что в него не должны входить члены императорского дома. Кроме того, если при Юнчжэне Совет действительно рассматривал преимущественно военные вопросы, то в правление Цяньлуна он стал главным органом власти империи, оформлявшим личную волю императора в систему решений.

Политика Цяньлуна по отношению к его родственникам также претерпела изменения. Постепенно он стал ограничивать их властные полномочия, выявлять среди них недовольных и подвергать последних разнообразным наказаниям. Через несколько лет после вступления Цяньлуна на трон, в 1739 г., его дядя Юньли, входивший в число бывших регентов, стал объектом политического разбирательства (другой дядя, Юньлу, к этому времени умер), так как у него собирались двоюродные братья императора, судя по всему, недовольные своим положением. В результате все они были наказаны, а сам Юньли понижен в ранге и лишен должностей. Два оставшихся в живых брата Цяньлуна, Хунчжоу и Хунъянь, также со временем были отстранены от государственных дел. Хунчжоу сначала было назначено наказание за неуважение к особе императора, а затем за неудачное выполнение распоряжения Цяньлуна по инспекции казенных зернохранилищ. Очередь Хунъяня пришла позднее. Когда император понизил его титул в наказание за использование своего положения в корыстных целях, это произвело на Хунъяня такое впечатление, что он заболел и умер в возрасте 32 лет.

Примерно с 1740 г. Цяньлун также постепенно начал отстранять от власти двух наиболее видных соратников Юнчжэна – сначала своего бывшего учителя, уже упоминавшегося известного конфуцианского книжника и видного сановника Чжан Тинъюя, а затем Оэртая, проводившего в предыдущее правление масштабные реформы, призванные интегрировать Юго-Западный Китай в политический организм империи. Оба они при новом императоре постепенно стали главами двух противоборствовавших чиновничьих группировок. Если Оэртай успел умереть будучи членом Военного совета, и его группировка была разгромлена уже после его смерти (этот процесс продолжался до середины 50-х годов), то Чжан Тинъюй окончательно ушел в отставку в 1750 г., пройдя через ряд унизительных процедур и лишившись звания императорского секретаря и титула *бо* (третьего в иерархии титулов китайской аристократии), причем его приближенных начали преследовать еще при его жизни.

Столкнувшись с проблемой недостачи государственных средств, в 1747 г. Цяньлун восстановил уже упоминавшееся ранее отмененное им положение о взыскании недоимок с ответственных чиновников. В целом Цяньлун, как считают некоторые исследователи, продолжал, хотя и в меньших масштабах, борьбу с коррупцией местной бюрократии (разного рода наказаниям по обвинению в злоупотреблениях такого рода были подвергнуты 30 из 139 чиновников, занимавших в период этого правления должность губернаторов провинций и наместников), но ослабил ее в отношении столичных верхов. В правление Цяньлуна также продолжала действовать система конфиденциальных докладов. В стране сохранялся достаточно жесткий режим личной власти императора.

К ужесточению политики Цяньлуна в отношении чиновничества во многом привел и политический кризис 1748 г., возникший после смерти императрицы Сяосяньчунь, когда значительная часть чиновников не выполнила одну из норм траура, до этого не соблюдавшуюся более ста лет (в эти дни им следовало воздерживаться от бритья головы, что в обычное время было необходимо для соблюдения установленной маньчжурами формы прически). Император воспринял их поведение как проявление нелояльности. Казус заключался в том, что хотя провинившихся обвиняли в нарушении закона и норм, идущих от предков, подобного закона на тот момент не существовало. По сути здесь произошел конфликт между моделью управления, существовавшей в сознании Цяньлуна и основанной на следовании ритуалу и личной преданности, с одной стороны, и устоями чиновничества, ориентированными на соблюдение письменных установлений и многолетнего обычая, – с другой.

В целом у императора возникло ощущение, что чиновники недостаточно преданны монарху или обманывают его. В дальнейшем он решил ужесточить контроль государства над подданными, и прежде всего над чиновничеством и интеллектуалами. Помимо борьбы с коррупцией, которая стала набирать обороты уже после 1745 г., власти также активизировали свои действия и на идеологическом направлении, включая изъятие неприемлемой для них литературы, пресечение инакомыслия, а также исправление текстов, которые содержали крамольные фрагменты.

В начале правления Цяньлуна политика в области идеологии отличалась относительной либеральностью, и лишь затем ужесточилась. Одной из причин этого стали события, связанные с так называемым «Докладом Сунь Цзяганя», который подверг резкой критике некоторые действия императора (Сунь Цзягань одно время возглавлял Ведомство общественных работ и имел репутацию принципиального чиновника; «доклад» был написан от его имени, однако в реальности сам он не имел к нему никакого отношения). Этот текст, начиная с 1750 г., получил в Китае широкое хождение. Документ привлек внимание самого Цяньлуна, поиски автора и распространителей приобрели огромные масштабы. Число обнаруженных властями лиц, которые переписывали или читали «доклад», измерялось сотнями (среди них встречались самые разные люди, от торговцев до военнослужащих знаменных войск), но найти автора и прекратить распространение текста не удавалось. Примечательно, что в архиве не осталось ни одного экземпляра этого документа – все конфискованные копии были уничтожены. Император выказывал крайнее недовольство (вероятно, на него произвели впечатление масштабы происходившего), число арестованных превысило тысячу, более десяти чиновников в связи с этим делом были сняты с занимаемых постов. Дело формально закончилось в начале 1753 г., когда автором «доклада» объявили сравнительно мелкого чиновника из Цзянси, которого вскоре казнили. Однако историки склонны считать, что власти просто предпочли таким образом закрыть дело и сохранить лицо. Сам Цяньлун, по мнению ряда историков, понимал, что истинный автор не найден и продолжил поиски недовольных среди людей, связанных с Оэртаем (множество копий «доклада» было обнаружено в прежде управлявшихся им провинциях Юго-Западного Китая), что привело затем к новым репрессиям.

После дела близкого к Оэртаю чиновника и поэта Ху Чжунцзао, в стихах которого были найдены аллюзии крамольного характера, политика в области идеологии ужесточилась и начались преследования, получившие название, весьма условно переводимое на европейские языки как «литературная инквизиция». С 1755 по 1795 г. дел такого рода насчитывалось более ста. При этом если при Юнчжэне в ходе аналогичных кампаний основной упор делался на борьбу с группировками чиновников (их обвиняли, в частности, в прославлении отдельных политиков за их заслуги, которые традиционно следовало относить на счет руководства императора), то при Цяньлуне эти действия приобрели иной характер. Было организовано активное изъятие литературы, где содержались трактовки завоевания Китая маньчжурами, отличавшиеся от официальной версии (в том числе и такие, чья крамола заключалась лишь в ведении летоисчисления по годам правления китайских, а не маньчжурских императоров той эпохи), где нарушались табу и правила употребления имен императоров (например, использовались иероглифы, входившие в их личные имена) или где просто содержались сведения о пограничных и приморских территориях. Количество наименований изъятых книг, по некоторым оценкам, превысило 3 тыс., а число уничтоженных экземпляров исчислялось десятками (если не сотнями) тысяч.

Одновременно преследовались и авторы подобного рода сочинений. Объектом репрессий могли стать поэты, в стихах которых кто-то замечал скрытые антиманьчжурские мотивы, психически больные сочинители крамольных текстов и даже вполне безобидные прожектеры, наивно предлагавшие изменить что-то в сферах, находившихся, по мнению императора, в исключительной компетенции верховных властей (например, в правилах ношения одежды или в ритуальной музыке). Со временем цензуре стали подвергаться даже надписи на надгробных стелах китайских полководцев прошлых веков и тексты пьес простонародного театра.

Помимо «литературной инквизиции» в Китае в этот период проходили кампании репрессий против «сектантов» (последователей китайских синкретических религий, чье учение обычно представляло собой синтез буддизма, даосизма и конфуцианства и часто имело эсхатологическую направленность), а также против христиан.

Усиление идеологического контроля в Китае в правление Цяньлуна включало в себя не только ужесточение цензуры, но и развитие ортодоксальных направлений традиционной науки. Следствием этого стало осуществление нового масштабного академического проекта, в ходе реализации которого в императорской библиотеке было создано «Сы ку цюань шу» (Полное собрание книг по четырем хранилищам), призванное вобрать в себя все ценные тексты, созданные в рамках китайской культуры за весь период ее развития. «Четырьмя хранилищами» были четыре раздела библиотеки (*цзин*, *ши*, *цзы*, *цзи*), включавшие, соответственно, конфуцианские канонические тексты, их исследования и комментарии к ним, а также конфуцианскую учебную литературу и словари; сочинения по истории и географии; философские, искусствоведческие и научные трактаты; собрания произведений китайской литературы.

Император, считавший себя знатоком и покровителем традиционной словесности и философии, продолжал в этой области политику своего деда

Канси. Сочетая сбор классических текстов и «литературную инквизицию», он также в определенном смысле противопоставлял классицизм и академизм нонконформизму; кроме того, усилия власти по сохранению наследия китайской цивилизации должны были сделать неактуальным вопрос о «варварском» происхождении правящей династии.

Фактически реализация этого проекта началась в 1772 г., когда Цяньлун издал эдикт о сборе редких и неизвестных текстов. В следующем году была создана Палата по делам Полного собрания книг четырех хранилищ. Работа над формирующимся собранием шла с 1773 по 1782 год. К 1781 г. была готова первая копия «Сы ку цюань шу». Всего к работе с собранными материалами был привлечен 361 редактор, сам текст копировали 3826 переписчиков.

Вначале предполагалось, что готовящееся собрание будет размещено в четырех императорских дворцовых комплексах. Однако затем было решено изготовить еще три копии, размещенные позднее в городах Цзяннани (в Чжэньцзяне, Янчжоу и в Ханчжоу), где ими могли пользоваться местные шэньши. Еще одна копия находилась в Академии Ханьлинь в Пекине.

Все собрание книг в итоге включало около трех с половиной тысяч сочинений, которые в совокупности состояли из более чем 36 тыс. томов. Общий объем одного экземпляра собрания составлял 2,3 млн страниц. Кроме того, часть представленных книг не была скопирована и не вошла в «Сы ку цюань шу», но сведения о них, наряду с информацией о книгах, включенных в свод, содержались в подготовленном тогда же гигантском библиографическом справочнике, где было учтено более 10 тыс. произведений.

В целом благодаря мощному государственному финансированию и привлечению квалифицированных специалистов в короткие сроки был собран огромный корпус текстов. Однако теми же причинами объясняется и ряд недостатков этого предприятия. Большие масштабы и короткие сроки подготовки «Сы ку цюань шу» привели к появлению многочисленных пропусков и ошибок; осуществление проекта под руководством конфуцианских ортодоксов способствовало тому, что в собрание не попали сочинения, казавшиеся им неважными (например, работы по естественнонаучным дисциплинам); в условиях жесткого государственного контроля туда также не были включены тексты, которые могли показаться неортодоксальными, причем часть таких книг в тот же период была уничтожена, а в некоторые публикуемые тексты по идеологическим мотивам вносилась цензурная правка. В последующие годы «Сы ку цюань шу» стало своего рода основой для дальнейшей работы с китайским классическим наследием.

В этот период формируется не только огромное книжное собрание императорской библиотеки; значительно увеличивается и коллекция предметов искусства в императорском дворце. Некоторыми исследователями, правда, ставился под сомнение художественный вкус и эрудированность императора: его обыкновение украшать свитки старых мастеров громоздкими печатями коллекционера вызывало нарекания ценителей китайского искусства, а некоторые экспонаты его коллекции впоследствии признавались подделками. В период правления Цяньлуна также наибольшего расцвета достигли императорские ремесленные мастерские, где производились изделия из фарфора, нефрита, лака и эмали.

Известно также, что сам император гордился своим вкладом в приумножение и сохранение китайской культуры. Формально он считается автором 43 тыс. стихотворных и более тысячи прозаических произведений (скорее всего, часть этого удивительно обширного литературного наследия все же принадлежала кисти его секретарей).

Но развитие культуры в Китае продолжалось и в условиях господства казенного официоза. XVIII век дал китайской литературе романы «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзинцзы (напечатан в конце 70-х годов XVIII в.) и «Сон в Красном тереме» Цао Сюэциня (опубликован впервые в 1791 г., уже после смерти автора). К концу XVIII в. относят и становление новой театральной формы, впоследствии получившей название «пекинской оперы».

Относительно небольшие масштабы распространения инакомыслия в правление Цяньлуна отчасти связаны с тем, что экономическая ситуация в империи тогда была относительно стабильной, хотя в ней уже нарастало внутреннее напряжение, резко усилившееся к концу века.

Экономика Китая в этот период, очевидно, представляла собой одну из наиболее крупных в мире, а возможно и крупнейшую. Регионы Китая были связаны между собой сложной сетью торговых отношений. К 1786 г. примерно 45% населения проживало в местностях с избытком зерна, а 47% – там, где его не хватало, и огромные массы зерна перетекали из региона в регион. Дефицит зерна испытывали прежде всего густонаселенные провинции Восточного Китая, где располагались крупные города и где многие территории уже были переориентированы на производство технических культур. В Китае была весьма развита и местная торговля. В стране имелось примерно 20 тыс. поселков, имевших рынки (вдвое больше, чем в предшествующий минский период), однако и в этих условиях три четверти (или даже больше) того, что, например, в 1780 г. производила деревня, перераспределялось в рамках натуральной экономики, и только остальное шло на рынок. В городах к началу XIX в. по некоторым подсчетам жило лишь 6–7% населения.

В эти же годы по стране перемещались и огромные человеческие потоки. Население Китая за XVIII в., как уже говорилось, по меньшей мере удвоилось. Его рост привел к тому, что часть сельских жителей не имела достаточно земли, чтобы получить необходимое количество продовольствия для пропитания. В этот период были освоены неудобья (например, склоны холмов), распространились новые культуры, пришедшие еще в XVI–XVII вв. из Америки (батат, кукуруза, подсолнечник, арахис, томаты), которые можно было выращивать там, где не произрастали культуры традиционные. Однако изменить ситуацию в целом не удалось, и миллионы крестьян из Центрального и Восточного Китая устремлялись на юго-запад и запад империи, где проблема дефицита земли не стояла так остро. Многим из них удавалось обосноваться там и жить в относительно неплохих условиях, однако значительная часть переселенцев, особенно в последнюю четверть XVIII в., была вынуждена наниматься на низко оплачиваемые работы, переходить с места на место, распахивая малоплодородные земли и т.д. В целом по стране рост объема освоенных земель заметно отставал от роста численности населения. В конце XVIII в. также нарастает эмиграция китайцев из приморских провинций юга империи в Юго-Восточной Азии, причем на Калимантане они

даже основали самоуправляемые общины, часть из которых по сути представляли собой небольшие государства с выборными властями.

Свидетельства современников об этом времени весьма противоречивы. С одной стороны, известно, что это был период, когда возникали огромные состояния, с другой – источники полны сведений об увеличении масс безземельных крестьян, об усиливавшемся разорении солдат и офицеров знаменных войск, а также о бедности части конфуцианских книжников.

Все эти явления имели свои причины. Так, система обеспечения знаменных, созданная в начале периода маньчжурского господства, к тому времени уже не работала. В соответствии с ней знаменный, служивший в городе, получал небольшое жалование и рисовый паек, но при этом ему предоставлялись земля и дом. В условиях, когда гарнизоны оказались встроенными в мир китайских городов, с изобилием постепенно дорожавших товаров и развлечений, значительная часть солдат и офицеров не могли свести концы с концами и постепенно лишились земель и домов, а также накопили большие долги. Неоднократные попытки властей выкупить заложенные или проданные земли (при Цяньлуне они происходили в 1739, 1746 и 1757 гг.), а также попытки переселить часть знаменных из Пекина в Маньчжурию и вернуть бывших горожан к земледелию особых результатов не дали. Кроме того, с 1758 г. фактически была легализована торговля землей между знаменными, приписанными к разным «знаменам», что также способствовало их дальнейшему социальному расслоению. На их положении сказалось и то обстоятельство, что численность знаменных, как и всего населения империи, за предшествующие десятилетия существенно возросла. Бедняки в этот период появились даже среди ставших весьма многочисленными родственников императора.

Бедность части шэньши также имела свои причины. Количество чиновничьих должностей в стране значительно уступало численности этого сословия. Шэньши обычно мог претендовать на получение чиновничьей должности низового уровня после сдачи экзамена на вторую степень *цзюйжэнь* (из имевших первую степень *шэнъюань* служили немногие). Низшим звеном службы был уезд, где имелось несколько чиновничьих должностей, однако каждые три года степень *цзюйжэнь* на экзаменах получали примерно столько же человек, сколько во всем Китае насчитывалось уездов, и порой назначения на должность обладателям этой степени приходилось ждать десятилетиями. Гарантировала получение места только степень *цзиньши,* которую получали *цзюйжэни*, успешно сдавшие экзамены в столице, однако таких было немного. В целом китайская система государственной службы не была адаптирована к реальной ситуации в стране, а возможность кардинальных реформ в этой сфере властями не рассматривалась.

Ответить на вопрос о том, лучше или хуже стали жить люди в Китае в XVIII в., в определенной степени можно, сравнив изменения цен на рис с изменениями в уровне оплаты труда. Для денежных расчетов в Китае использовались серебряные слитки и медная монета. Курс «серебро–медь» также менялся, поэтому проще всего будет рассмотреть, как изменялись цены на зерно в медной монете. В среднем за период с 10-х по 90-е годы цены на зерно удвоились. При этом динамика роста цен в разных регионах различалась весьма существенно. Что касается уровня оплаты труда, то тут ситуа-

цию в масштабе всей страны проследить довольно сложно. На сегодняшний день в распоряжении исследователей есть только фрагментарные сведения по данному вопросу. В целом ситуация в Китае тогда, видимо, складывалась довольно сложная: в городах рост цен мог обгонять рост оплаты труда, однако рост доходов власть имущих значительно обгонял рост цен. В деревне рост цен был скорее выгоден для крестьянина в том случае, если у него было достаточно земли, чтобы продавать излишки произведенного; если же крестьянин имел небольшой надел и должен был совмещать выращивание зерновых с разведением технических культур или с занятием ремеслом, то он оказывался в более сложном положении, так как был вынужден покупать часть продуктов на рынке.

Характер денежного обращения в Китае требовал постоянного притока меди и серебра, которых там, как уже говорилось, добывалось недостаточно. До 1715 г. проблем с медью не было. В стране еще имелись старые минские монеты (их можно было переплавлять), медь стабильно поступала из Японии, а из-за войны потребность в монете была небольшой. В 1715 г. Япония ограничила торговлю с Китаем, и импорт меди затем сократился. Китай в это время наращивал добычу медной руды в Юньнани, но ее объемы еще не вышли на достаточно высокий уровень, и медь подорожала, а серебро, соответственно, подешевело. Его стоимость даже опустилась ниже номинального курса 1000 медных монет за один *лян* (37,3 гр.) серебра, который, впрочем, был довольно условным – его не придерживались ни власти, устанавливавшие иной официальный курс для своих расчетов, ни менялы и банкиры, которые использовали реальный курс обмена, складывавшийся на рынке. Позднее объемы производства меди в Китае выросли, и она снова подешевела. В период правления Цяньлун иностранная медь занимала уже только 12% ее общего объема.

Однако на изменение курса влияло и то, что в этот период европейские государства (прежде всего Великобритания) ввозили в Китай много серебра, которым они расплачивались за вывозимые товары. Добыча серебра в самом Китае покрывала примерно треть его потребностей, импорт давал все остальное. Всего европейцами и американцами (без испанского золота) в Китай с 1700 по 1840 г. было ввезено 6341,2 т (170 млн лян) серебра.

На курс «серебро–медь» влияли изменения масштабов производства и импорта меди, ввоза серебра и уровня общей деловой активности в стране. В результате воздействия всех этих факторов в начале века (для Северного Китая примерно к 1720 г.), как уже говорилось, медь подорожала, серебро подешевело и курс опустился несколько ниже отметки 1000 монет за лян (обычно он находился на уровне 800–900 монет, порой опускаясь даже ниже 800), но в 80-е годы он снова поднялся и стал выше номинального соотношения. Только в 90-е годы он вырос до 1300–1400 монет за лян. В целом же большую часть XVIII в. курс оставался относительно стабильным. Затем поток серебра начал иссякать – его заменил ввоз индийских и отчасти британских товаров. Дальнейшее изменение курсового соотношения двух основных элементов китайской денежной системы в XIX в. было связано не только и не столько с вывозом серебра в физических объемах. В тех условиях, когда объем ввозимого серебра уменьшился, а юньнаньские

рудники и монетные дворы по всей стране работали в обычном режиме, рост курса серебра был уже неизбежен.

Налоги китайские крестьяне в XVIII в. платили относительно небольшие. Так, в Восточном Китае налог мог составлять всего 5% от стоимости урожая. Чиновники собирали его с разного рода коэффициентами и надбавками, часть которых обеспечивала работу госаппарата, часть шла самим чиновникам, а часть использовалась на местные нужды (например, на поддержание ирригационных сооружений), однако и в этом случае выплата даже выросших в два-три раза налогов была для крестьянина хотя и малоприятным, но не разорительным делом. Гораздо более сложным было положение арендаторов, выплачивавших хозяину земли до 40% урожая (впрочем, тот еще должен был внести из этой суммы налоговые платежи местным властям). Нужно также учитывать, что значительная часть земли скрывалась от налогообложения.

Финансовая система государства в это время была относительно стабильной. Доходы (более 60% которых в середине XVIII в. составлял налог на землю, а свыше 20% вместе давали соляная монополия и таможни) превышали расходы (примерно 50% бюджетных расходов приходилось на армию, немногим меньше трети – на местные расходы и поддержание ирригационных сооружений). Бюджет центральных властей обычно сводился с профицитом (так, в бюджете 1766 г. доходы составляли 48,54 млн лян, а расходы – 34,51 млн лян), и казна располагала значительными финансовыми резервами, которые порой превышали доходы государства за год. Однако эти резервы могли легко истощаться, например, при ведении боевых действий. В связи с этим при больших непредусмотренных в бюджете тратах (будь то война или день рождения императора) власти прибегали к пожертвованиям предпринимателей-монополистов (прежде всего торговцев солью и купцов из Гунхана). Так, в конце века они вносили многомиллионные суммы, которые по имеющимся оценкам могли покрывать до половины расходов на некоторые военные кампании империи.

Смягчить социально-экономическую напряженность в Китае помогали многочисленные акции по полному или частичному отказу государства от сбора тех или иных видов налогов и по прощению недоимок. Обычно это делалось в местностях, где происходили стихийные бедствия, но такие меры могли применяться и к территориям, где размещались войска, ведущие боевые действия, а также к землям, по которым путешествовал император (такие поездки были весьма накладны для местных жителей, однако император в определенной степени понимал это – после шести его поездок на юг объем налоговых освобождений составил более 20 млн лян). Дважды недоимки прощались в масштабах всей страны: при вступлении Цяньлуна на престол и в 1794 г., незадолго до формальной передачи власти его сыну. Затем четыре раза (1745, 1770, 1777, 1790) объявлялась отмена поземельного налога по всей стране, когда в течение года не собиралась основная сумма как серебром, так и зерном, а взималась только надбавка *хохао*. Страна при этом делилась на три части, в каждой из которых поочередно один год из следующих трех лет не собирался поземельный налог. Последнее такое решение было принято относительно налога за 1796 г. – первого года правления нового императора. Вместе с другими «налого-

выми освобождениями» общая сумма невзысканных налогов в правление Цяньлун составила свыше 250 млн лян.

Внешняя торговля Китая велась практически по всей протяженности его границы. Во второй половине XVIII в. на местном рынке усилилось присутствие британских и индийских коммерсантов; на севере основным торговым партнером Цинской империи была Россия. С Китаем торговали и другие государства, но они попадали в поле зрения китайских властей значительно меньше. Так, в Гуанчжоу имели свои фактории коммерсанты из Франции, Швеции и Дании, а с конца XVIII в. там также начали торговлю возникшие незадолго до этого США; через испанцев на Филиппинах велась торговля и с Латинской Америкой. Сохранялись и традиционные торговые связи с Кореей, Японией и странами Юго-Восточной Азии. Кроме того, на западе Тибет торговал с сопредельными гималайскими и индийскими государствами, а завоеванные джунгарские земли и Кашгария – со странами Центральной Азии и казахскими ханствами.

Как уже было сказано, с конца 50-х годов XVIII в. торговля с европейцами оказалась сосредоточена в одном порту – Гуанчжоу, располагавшемся на крайнем юге Китая. Крупнейшим торговым партнером Цинской империи среди западных государств тогда являлась Великобритания, точнее, британская Ост-Индская компания. Ее торговая деятельность включала в себя импорт, который с течением времени все больше сводился к закупкам чая за серебро, и экспорт в Китай весьма ограниченного круга товаров из Великобритании (шерстяная одежда, свинец, олово, медь, одежда из хлопчатобумажной ткани, железо) и Индии (хлопок, перец, дерево). Экспорт покрывал лишь часть импорта, и перед Компанией стояла проблема обеспечения торгового баланса. Такая возможность имелась благодаря второму виду коммерции – частной торговле служащих Компании (например, тех, что плавали на судах, которые везли ее грузы) или частной торговле тех, кто имел ее специальные разрешения (это могли быть самые разные люди – те, кто раньше служил в Компании, ее торговые партнеры и тому подобные лица, а также их друзья и родственники). Они экспортировали и импортировали гораздо больший ассортимент товаров (в их число могли входить как большие объемы хлопка и олова, так и птичьи гнезда с Суматры, музыкальные шкатулки, математические инструменты и ротанговое дерево) и имели в торговле с Китаем положительный баланс. Продав там свой товар, коммерсанты переводили свою прибыль Компании, получая затем соответствующую сумму в Индии или в Лондоне, что позволяло ей использовать для своих закупок их средства и уйти от необходимости ввозить в Китай серебро. Номенклатура товаров на протяжении XVIII в. менялась. Экспорт из Китая фарфора и шелка сокращался, объемы закупаемого там чая возрастали. Этому способствовало принятие в Великобритании в 1785 г. закона, который резко снизил ввозные пошлины на чай, что привело к исчезновению контрабандной торговли этим товаром и росту его легального ввоза. Процесс не был линейным, доля чая то повышалась, то падала, но общая тенденция была очевидна, и в 1825 г. чай уже составлял 100% закупок Компании. Среди товаров, ввозимых британцами и индийцами в Китай, в XVIII в. одно из ведущих мест занимал хлопок, который был дешевле китайского даже с учетом стоимости перевозки, однако постепенно в общем объеме товаров начинает увеличиваться доля опиума.

Во второй половине XVIII в. торговля с Россией претерпела определенные изменения. После 1755 г., как уже сказано, прекратилась посылка караванов в Пекин, российско-китайская торговля сосредоточилась в Кяхте и Маймайчэне. Запрет на торговлю в Кяхте китайские власти нередко использовали как средство давления на Россию. С 1744 по 1792 г. этот запрет объявлялся 10 раз с продолжительностью от одного дня (1751 г.) до шести (с 1762 г.) или почти семи (1785 г.) лет. Всего с 1762 по 1792 г. торговля не велась более 14 лет. Однако масштабы ее постоянно возрастали. При этом во внешней торговле России кяхтинская торговля занимала не слишком значительное место (в 1775 г. она составляла 8,3% ее общего объема). Вывозились главным образом меха (70–85% экспорта) и кожи, ввозились хлопчатобумажные ткани. Чай стал доминировать в китайском экспорте в Россию только в XIX в. Кяхтинская торговля была выгодна для казны, и сохранение торговых отношений с Китаем стало одной из основ российской политики в отношении Китая в правление Екатерины II.

Во второй половине XVIII в. значительная часть финансовых ресурсов Цинской империи расходовалась на многочисленные войны. С начала 50-х годов XVIII в. китайские власти стали предпринимать активные действия, призванные усилить влияние Китая на сопредельных территориях или окончательно подчинить их ему. Начиная с конца 40-х годов Пекину также пришлось подавлять антиправительственные выступления на периферии страны. В эти годы прошла первая война в Цзиньчуани (северо-запад провинции Сычуань), в 50-х годах окончательно была установлена власть империи над Тибетом и занят так называемый «Западный край» (это потребовало трех походов в Джунгарию и экспедиции в Кашгарию), в 60-х годах состоялись четыре похода в Бирму, в 70-е годы прошла вторая война в Цзиньчуани, в 80-е годы было подавлено восстание на Тайване и осуществлен поход во Вьетнам, в 90-х годах состоялись две войны с Непалом.

Во многом эти походы, хотя и соответствовали уже сложившимся направлениям внешней экспансии Китая, были вызваны происходившими на сопредельных территориях событиями. Так, поход в Тибет и его окончательное подчинение произошли после того, как китайские *амбани* (наместники) в 1750 г. убили правителя Тибета Чжурмэднамчжала, стремившегося ликвидировать китайский сюзеренитет, что, в свою очередь, привело к восстанию в Лхасе и гибели большей части находившихся там китайских чиновников, военнослужащих и торговцев. Поход в Джунгарию в 1755 г. был предпринят во многом по инициативе Амурсаны – одного из джунгарских аристократов, потерпевших поражение в борьбе за власть и перешедших на сторону Китая. После того как через несколько месяцев страна была завоевана, ханский престол перестал существовать и джунгарские земли были разделены на четыре удела, во главе одного из которых был поставлен Амурсана. Недовольный этим обстоятельством и претендовавший на власть над всей Джунгарией, он поднял восстание, для подавления которого Пекин в начале 1756 г. предпринял новый поход. В следующем году в Джунгарии опять началось восстание, которое вновь потерпело поражение. При его подавлении в первой половине 1757 г. были приняты указы, по которым вначале уничтожались джунгарские аристократы, выступившие против Китая, а затем и их подданные. Эти действия, вместе с эпидемией чумы, привели к гибели

большей части джунгаров; кроме того, часть их ушла на казахские земли и в Россию (по оценке китайского историка Вэй Юаня, Джунгария потеряла тогда 90% своего населения). Амурсана также бежал в Россию, некоторое время скрывался под Тобольском и вел переговоры с российскими властями, однако уже в сентябре того же года умер от оспы. После бегства Амурсаны по поводу его выдачи возникла длительная переписка между российским Сенатом и китайской Палатой по делам вассальных территорий. В результате было решено перевезти тело умершего на границу в Кяхту, где его осмотрели специально присланные китайские чиновники, которые хотели убедиться, что враг императора мертв.

После получения известия о смерти Амурсаны китайские власти приступили к организации экспедиции в Кашгарию. Фактически основной политической силой там был суфийский орден накшбандие-ходжаган, разделившийся на два течения: белогорцы (*ишкия*) и черногорцы (*исхакия*). В июне 1755 г. в ходе джунгарского похода были освобождены два белогорских ходжи – братья Бурхан ад-Дин-ходжа и Хан-ходжа, находившиеся в столице Джунгарского ханства в качестве заложников. Они предложили китайским силам свое содействие в установлении власти на Кашгарией. В конце 1755 – начале 1756 г. Бурхан ад-Дин-ходжа одержал победу над черногорцами и установил контроль над Кашгаром и Яркендом. При этом Хан-ходжа был оставлен китайскими властями в Или. После восстания Амурсаны он уговорил брата летом 1757 г. выступить против Китая.

Вначале Цяньлун недооценил боевые качества жителей этих мест, и китайские войска действовали достаточно неудачно, а при попытке взять Яркенд в конце 1758 г. на три месяца попали в окружение. Однако затем подошло подкрепление и через несколько месяцев Кашгария была завоевана. Бурхан ад-Дин-ходжа и его брат бежали в Бадахшан. Цинские власти потребовали от бадахшанского правителя Султан-шаха выдать их Китаю. Братья были убиты, а голова одного из них и тело другого были отправлены в Пекин. Кашгария и Джунгария перешли под контроль местной знати и китайских чиновников, с 1762 г. подчиненных китайскому военному губернатору в Или.

Завоевание Джунгарии и Кашгарии вместе с установлением власти Пекина над Тибетом стало главным событием в военной и внешнеполитической истории Китая XVIII в. Оно привело к ликвидации Джунгарского государства, которое было его основным противником в борьбе за влияние на Халху, Турфан и Тибет, к колоссальному увеличению территории Цинской империи, а также к ее выходу на новые рубежи. Китай стал граничить с Бадахшаном, Кокандским ханством, Старшим и Средним казахскими жузами и с Россией в районе Алтая.

Последующие войны Китая с соседями были значительно менее удачными. Так, во второй половине 60-х годов Китай предпринял активные попытки взять под свой контроль Бирму. Первопричиной конфликта послужил неопределенный политический статус ряда территорий на границе между Бирмой и Китаем. Вначале конфликт разворачивался на местном уровне, и китайские силы потерпели поражение. Затем китайские войска дважды безуспешно вторгались в Бирму, причем уже в целях установления контроля над всей страной. Мирный договор был подписан только после третьего похода

1769 г. Он, как и два предыдущих похода, начался удачно (и если бы Китай тогда ограничился занятием приграничных территорий, скорее всего, удачно и закончился бы), но затем климат, болезни, растянутые коммуникации, отрыв от мест базирования, невозможность использовать конницу, а также активное сопротивление бирманцев и на этот раз изменили ход боевых действий. Однако Бирма в то время также находилась в тяжелом положении, так как незадолго перед китайским вторжением параллельно была вовлечена в войну с Сиамом; в результате она пошла на заключение мира с Китаем. В ходе переговоров было достигнуто соглашение о взаимном возврате ряда территорий. Цинские войска, потерявшие к этому времени более половины личного состава, расплавили пушки, сожгли суда и отошли с бирманских земель.

По некоторым сведениям, соглашения были заключены бирманскими военными, находившимися на фронте, и бирманский монарх затем отказался их признавать. Пограничные территории не были возвращены Китаю, и отношения между странами длительное время оставались напряженными. Цяньлун даже ввел эмбарго на торговлю с Бирмой, которое бирманцы, правда, относительно легко обходили, торгуя морем через Гуанчжоу. Только в конце 80-х годов ситуация изменилась. В условиях противостояния с Сиамом (признававшим себя тогда данником Китая) бирманский правитель предпочел в 1788 г. направить посольство в Китай и тоже принести «дань», что означало формальную нормализацию китайско-бирманских отношений.

Еще одна неудача постигла цинские войска во Вьетнаме. После бегства к китайской границе вьетнамского правителя Ле Тьиеу Тхонга в ходе тайшонского восстания в конце 1788 г. по инициативе генерал-губернатора Гуандуна и Гуанси Сунь Шии китайская армия предприняла вторжение во Вьетнам и уже в декабре заняла Тханглаунг (совр. Ханой). Однако один из лидеров повстанцев Нгуен Ван Хюэ, провозгласивший себя императором, в январе 1789 г., в первый день нового года по лунному календарю, атаковал цинские силы, и они вынуждены были отойти. Спешно отступавший Сунь Шии даже разрушил за собой мост, в результате чего китайские войска оказались прижатыми к реке и были уничтожены или взяты в плен. Ле Тьиеу Тхонг также бежал (он смог нагнать Сунь Шии только у самой границы). Цяньлун принял решение о подготовке нового похода во Вьетнам, однако Нгуен Ван Хюэ сразу начал налаживать отношения с Пекином. После четырехкратного обращения к китайским властям и согласия выполнить их условия (вернуть взятых в плен китайских военнослужащих, построить храм в честь убитых цинских военачальников и т.д.) он был признан законным правителем Вьетнама. Ненужного в новых условиях Ле Тьиеу Тхонга пекинские власти оставили в Китае, включив в состав знаменных войск в качестве ротного командира (в 1793 г. он умер).

В дальнейшем тайшоны потерпели поражение, и к 1802 г. потомок семьи Нгуенов (однофамильцев тайшонских вождей), правившей прежде Южным Вьетнамом, установил свою власть по всей стране. Цинский двор через некоторое время признал легитимность новой династии.

Подавление антиправительственных выступлений на окраинных землях также требовало значительных усилий. В этом отношении показательны действия по «умиротворению» Цзиньчуани – достаточно небольшой мест-

ности, расположенной на северо-западе провинции Сычуань и населенной тибетцами. Ее правитель вышел из повиновения китайским властям и начал нападать на сопредельные земли. Подчинить Цзиньчуань удалось только после двух кампаний (в 1747–1749 и 1771–1776 гг.), каждая из которых растянулась на несколько лет. Во время второй из них там были сосредоточены войска, численность которых составляла, по разным оценкам, от 70 до 100 тыс. человек. При этом даже по докладу разгромившего цзиньчуаньцев военачальника Агуя общая численность их войск составляла всего 15 тыс. человек, а все местное население не превышало 30 тыс. Сам Цяньлун позднее заявлял, что две кампании против Цзиньчуани обошлись ему вдвое дороже, чем завоевание Джунгарии и Кашгарии.

После этих событий стало очевидным, что, действуя в непривычных условиях, цинская армия не может справиться даже с небольшими боеспособными силами противника.

Аналогичные проблемы возникли и в конце 80-х годов XVIII в., когда вспыхнуло восстание на Тайване, в ходе которого цинские власти на некоторое время утратили контроль над значительной частью острова. Восстание было начато членами тайного общества Неба и Земли (Тяньдихуй), служившего для защиты профессиональных (а зачастую и криминальных) интересов своих членов и нередко оформлявшего движения социального протеста. Действия повстанцев во многом стали реакцией на произвол властей. Две попытки подавить его закончились неудачей, и только после того как на Тайвань с материка были переброшены значительные силы (более 100 тыс. человек), а прибывшие на остров чиновники смогли использовать противоречия между переселенцами из разных местностей, восстание было подавлено.

Последней войной с сопредельным государством в правление Цяньлун была война с Непалом. Она началась в 1788 г. с вторжения непальских сил (в это время к власти там пришла гуркхская династия Шахов) в Тибет. Поводом к войне стало требование непальцев к Тибету использовать новую непальскую монету с высоким содержанием серебра (в Тибете имели хождение непальские деньги, своей монеты там не чеканили) и изъять из обращения старую, низкой пробы. На деле же непальские власти, видимо, хотели усилить свое влияние в Тибете. Совместными усилиями китайских и тибетских войск непальские силы были вытеснены с большей части тибетской территории. Однако в результате последующих переговоров при посредничестве Китая было заключено соглашение, весьма выгодное для Непала (по нему Непал получал ежегодную контрибуцию, непальские подданные должны были пользоваться в Тибете правом экстерриториальности и т.д.). Однако затем тибетские власти попытались прекратить выплату контрибуции, и в 1791 г. непальцы предприняли второе вторжение. Переброшенные туда китайские войска смогли разгромить их и продвинуться на территорию противника. В 1792 г. война закончилась мирным соглашением, по которому Непал признавал себя вассалом Китая и обязался посылать посольство в Пекин раз в пять лет.

После разгрома Джунгарии для Китая самой важной проблемой в отношениях с Россией стало удержание в границах Цинской империи монгольского населения, а главным для российской политики в отношении Китая –

сохранение мира на плохо защищенной и отдаленной границе и выгодной для казны торговли.

Отношения между Россией и Китаем во второй половине XVIII в. были достаточно напряженными. Наиболее масштабным дипломатическим конфликтом того времени стал уход в Китай в 1771–1772 гг. части калмыков, которых китайские власти отказались возвращать.

В Китай в этот период направлялись российские дипломаты В.Ф. Братищев (1757) и дважды И.И. Кропотов (1763 и 1768). Братищеву было поручено провести переговоры о получении разрешения для русских судов плавать по Амуру (они кончились ничем). Кропотов должен был договориться о возобновлении торговли, уточнении границы и правовом режиме в пограничных местностях; вторая его миссия оказалась более успешной, и в результате проведенных переговоров была подписана дополнительная статья к Кяхтинскому договору, уточнявшая его положения. В 1792 г. иркутским губернатором Л.Т. Нагелем и представителями китайских властей было также подписано дополнительное соглашение, регулировавшее, главным образом, отношения между их администрациями в приграничной полосе.

Дипломатические контакты Китая с Западной Европой в этот период были незначительными – в 1752–1753 гг. там побывало португальское посольство, а в конце века посольства Великобритании (1793–1794) и Нидерландов (1794–1795).

СРЕДИ «ЧЕТЫРЕХ МОРЕЙ»

В целом внешняя политика Китая в XVIII в. осуществлялась на основе традиционных представлений, в соответствии с которыми он рассматривал себя как центр мира, окруженный вассальной периферией. В империю во второй половине столетия входили маньчжурские земли, собственно Китай, Монголия, Тибет, Джунгария и «земли мусульман» (Кашгария). На внешнем ее периметре находились государства, в разное время формально признавшие себя данниками Китая: Корея, Люцю (яп. Рюкю), Вьетнам, Сиам, Бирма, Непал, Бадахшан, Коканд, а также казахские Средний и частично Старший жузы; кроме того, на востоке был расположен захваченный испанцами Лусон, который раньше входил в этот список, а на севере – номинально считавшаяся данником Россия. На значительном удалении от Китая располагались европейские страны, две из которых присылали посольства ко двору императора (Португалия и Голландия).

Политические и культурные контакты с иностранными государствами были в основном сосредоточены в Пекине, куда время от времени прибывали иностранные посольства и где находились христианские миссионеры.

Контакты Европы и Китая, прервавшиеся после падения монгольской династии, стали восстанавливаться еще в XVI в., когда к побережью Гуандуна и Фуцзяни прибыли португальцы (1514) и испанцы (1557), а в начале XVII в. их конкурентами в борьбе за установление торговых связей с Минской империей стали голландцы (в 1604 г. они достигли островов Пэнху). Начиная с XVI в. в Китае появились первые сведения о контактах и происходивших при этом столкновениях с европейцами на юге страны.

Впрочем, постепенно отношения с европейцами наладились. В 50-е годы португальцы получили право обосноваться в Макао (Аомэнь), и на китайской территории возник небольшой европейский город, описания которого стали одним из источников сведений о европейцах (на посетивших его китайцев сильное впечатление производили здания европейской архитектуры и привезенные из Африки черные невольники). Сама эта территория колонией Португалии до второй половины XIX в. (формально, до 1887 г.) не являлась – местный португальский Сенат был подчинен китайским властям, также определявшим для Макао и правила внешней торговли. В XVIII в. были изданы специальные императорские указы, согласно которым дела между «варварами» решали сами «варвары», но конфликты китайцев и европейцев были подсудны китайскому суду. Голландцы же в XVII в. некоторое время даже были союзниками Цинской империи в войне с вытеснившими их с Тайваня антиманьчжурскими силами во главе с сыном Чжэн Чэнгуна Чжэн Цзином.

Затем в Китае побывали иностранные посольства – главным образом, как уже говорилось, португальские и нидерландские; в XVIII в. первых было два (1726–1727, 1752–1753), а второе и вовсе одно (1794–1795). Их приезд не повлиял на китайский образ внешнего мира, так как они в основном выполняли установленные для послов из вассальных земель нормы этикета.

Гораздо большее значение, чем приезд посольств, для отношений Цинской империи с Западом имели контакты с католическими миссионерами. Ограничения, которые в XVIII в. были наложены на их деятельность, привели к негативным последствиям. Китай во многом лишился источника сведений о положении в мире, а также перестал пользоваться услугами консультантов, разбиравшихся в европейской и мировой внешней политике. Численность миссионеров в Пекине продолжала сокращаться, и в 1838 г., незадолго до Опиумной войны, умер последний из них. Часть их действовала в подполье, однако там по понятным причинам постепенно увеличивалась доля священников-китайцев. В 1800 г. они составляли уже две трети католических священнослужителей в Цинской империи.

Единственным западным языком, который в XVIII в. систематически преподавался в Китае, была латынь. Для подготовки переводчиков латинского языка в Пекине в 1729 г. даже была создана специальная школа, просуществовавшая до 1748 г. В Гуанчжоу же, где с конца 50-х годов XVIII в. сосредоточилась торговля с Западом, имелись, главным образом, люди, способные объясниться с иностранцами на *пиджине* или знавшие основы тех или иных европейских языков, однако квалифицированных переводчиков-китайцев там тоже почти не было. В XVIII в. в Китае резко сократилось издание переводной литературы. Если в XVII в. было переведено несколько сотен работ (примерно три четверти их составляли книги о христианстве, одну четверть – европейские научные сочинения), то в XVIII в. публиковались главным образом старые переводы. Наибольшее влияние европейская наука оказала на китайскую астрономию и картографию. Астрономия в этот период оставалась в руках европейских миссионеров, а китайская картография под их руководством в начале XVIII в. вышла на новый уровень. Император Канси организовал работу по картографированию территории импе-

рии, которая осуществлялась в основном силами европейских миссионеров (результатом ее стал составленный в 1717 г. атлас, на базе которого был подготовлен атлас Ж.-Б. Дю Альда, опубликованный позднее в Европе). Затем, однако, картография в Китае деградировала, с китайских карт исчезла сетка параллелей и меридианов, а контуры материков становились все более условными.

Контакты с Европой не оказали большого влияния и на китайскую культуру. Европейцы в XVIII в. уже не привлекали особого внимания китайцев. Все это время они лишь эпизодически появляются в китайской эссеистике или на картинах, где изображались иностранцы в Макао и Гуанчжоу. Как ни странно, гораздо больше повлияла европейская культура на придворную жизнь. В правление Цяньлуна при дворе появляется мода на европейский стиль. Проводниками ее становятся католические миссионеры, служившие при дворе художниками, архитекторами и инженерами. Одной из главных фигур среди законодателей «европейского стиля» считается уже упоминавшийся итальянский иезуит Джузеппе Кастильоне, работавший при китайской Академии живописи на протяжении значительной части XVIII в. В число его живописных работ входят парадные портреты императоров и императриц, выполненные в европейской технике письма, и многочисленные картины, изображающие сцены придворной жизни. Он также отвечал за проектирование европейских архитектурных сооружений, которые решено было построить в императорской летней резиденции Юаньминюань (впоследствии разрушенной в ходе войны с Великобританией и Францией в 1860 г.). Под влиянием Кастильоне, Аттире и других миссионеров-художников «европейский стиль» так прочно вошел в традицию Академии живописи, что ему стали следовать и китайские живописцы. Источником развлечений при дворе также служили многочисленные технические новшества, демонстрировавшиеся миссионерами императору и наложницам; среди них наибольшее изумление и восхищение, по отзывам миссионеров, вызвал проекционный аппарат и камера обскура, позволявшая наблюдать происходившее в людном Внутреннем городе.

Все эти европейские новинки и диковинки, однако, не дали Китаю никакого сколь бы то ни было систематического знания об уровне технического развития стран Запада. В следующем столетии, в период, когда Китай вступит в активную конфронтацию с Англией, выяснится, что у него почти нет ни сведений о противнике, ни кадров, которые могут их добыть, и всю информацию придется собирать в экстренном порядке, привлекая для этого китайцев, ранее живших за границей.

В Европе, где основным источником сведений о Китае длительное время оставались рассказы Марко Поло, записанные Рустикелло, новая информация об этой стране стала доступна только после появления записок португальских путешественников, побывавших там в XVI в., и сочинений миссионеров. Последние также часто были авторами первых работ о китайском языке, и именно по их инициативе были созданы первые учебные заведения, где преподавался китайский язык.

Созданный католическими миссионерами образ Китая – страны, управляемой интеллектуалами, надолго стал частью «картины мира» европейцев.

Иезуит Жан-Батист Дю Альд в своем труде «Географическое описание Китайской империи и Китайской Татарии», изданном в Гааге в 1736 г., писал: «...можно с уверенностью утверждать, что Китай – самое большое и самое прекрасное из известных нам царств... Когда, покинув Европу, вступаешь на земли, наиболее близкие к Африке, не кажется ли, что попадаешь в другой мир? Хоть народы Индий и чуть менее грубы, они все же столь неотесанны, что при сравнении с нашими цивилизованными нациями могут легко сойти за полуварваров. Кто мог бы поверить, что на краю таких варварских земель живет народ сильный, культурный, искушенный в искусствах и прилежный в занятиях науками?»

В Европе вошел в моду стиль *шинуазри* (в котором построены, например, китайский чайный домик в дворцовом парке Сан-Суси в Потсдаме, китайский павильон в шведской королевской резиденции в Дроттнингхольме, пагода в садах Кью в Лондоне; в этом же стиле оформлены некоторые интерьеры Китайского дворца в Ораниенбауме), китайские мотивы появились в литературе и живописи. В это же время в Европе стали публиковаться переводы и пересказы собственно китайских текстов, включая первую «Общую историю Китая» Ж.А.М. де Мойрияка де Майя (опубл. в 1777–1785 гг.; создана на основе китайских исторических сочинений), и переводы китайской художественной литературы. Вольтер рассматривал Китай как страну, где правят ученые, а общество основано на естественных законах и естественной религии. Лейбниц предложил идею академии, где работали бы китайские и европейские ученые (он же говорил о необходимости приезда в Европу китайских миссионеров, которые обучали бы европейцев нравственной философии). Во Франции увлечение Китаем вышло за рамки интеллектуальной моды. Физиократы вполне серьезно обсуждали использование китайского опыта во французской экономике, А.Р.Ж. Тюрго встречался с китайцами, находившимися в Европе, а А.Л.Ж.Б. Бертен, один из его предшественников на посту генерального контролера финансов, собирал материалы о Китае через находившихся там миссионеров. Весной 1754 г. Людовик XV по примеру китайских императоров даже провел в Версале первую борозду в начале посевной. Впрочем, подобный взгляд на Китай разделяли не все. Так, к китайскому опыту отрицательно относились Монтескье, который видел в нем прежде всего деспотическое государство, и Руссо, для которого культура в Китае слишком подавляла человека.

Со временем образ Цинской империи начинает меняться, и к концу XVIII в. он уже воспринимается прежде всего как символ отсталости, косности, деспотизма и произвола. Меняются и формы контактов, и осуществлявшие их посредники – на место миссионеров приходят моряки и коммерсанты, которые сразу отмечают коррумпированность и произвол чиновников, отсутствие в Китае независимого суда и технологическую отсталость страны. Кроме того, на протяжении XVIII в. инфраструктура Европы (особенно Великобритании) и уровень жизни ее обитателей постепенно меняются в лучшую сторону, ее наука и технологии развиваются, что составляет все более разительный контраст с соответствующими сторонами китайской жизни.

Одним из главных, если не главным, внешнеполитическим партнером Китая была Российская империя. Причиной пристального внимания к ней служила угроза, исходившая от главного противника Китая в борьбе за влияние

в Центральной Азии – Джунгарского ханства. В результате Китай дважды направлял посольства в Россию (единственные посольства в европейскую страну за весь раннецинский период, если не считать уже упоминавшихся китайскую миссию, направленную к нидерландским властям на Яве, или поездку Фань Шоуи к Папскому престолу) и один раз к подчиненным России калмыкам.

Потребности дипломатической практики в ходе этих контактов постоянно вступали в противоречие с китаецентристской идеологией Цинского государства и требовали поиска компромиссных решений. Так, в отношениях с европейскими странами всегда вставала проблема этикета – европейцы отказывались класть земные поклоны перед императором, как это предписывали нормы, установленные в Китае для вассалов. В ситуации, когда китайские власти были заинтересованы в контактах с Россией, они изъявляли готовность к неожиданным компромиссам в этом вопросе. Так, посол Измайлов вынужден был встать на колени перед императором, однако тот согласился взять у него послание Петра I лично, а не через присутствовавших на аудиенции сановников, как предписывали традиционные нормы. В свою очередь, китайский посол, побывавший в Санкт-Петербурге в 1732 г., получил перед этим инструкцию в случае необходимости выполнить на аудиенции у императрицы Анны Иоанновны поклоны, которые в Китае полагалось совершать перед князьями, но не перед императором; впрочем, это вполне устроило российскую сторону, не вдававшуюся в тонкости китайского этикета.

Контакты между двумя государствами поддерживались посредством переписки между Сенатом и Палатой по делам вассальных территорий (Лифаньюань) – это позволяло избежать спора о старшинстве, который возник бы в случае, если бы переписка велась между монархами.

Первые упоминания о России в китайских текстах появились после монгольских походов в Европу, однако ни эти походы, ни последующее появление русских военнослужащих в императорских войсках в юаньский период, ни первые русские посольства, побывавшие в Китае уже в XVII в., не оказали существенного влияния на географические представления китайцев. Небольшие описания Московии также имелись в переведенных на китайский язык работах миссионеров (впрочем, в Китае длительное время не понимали, что Московия и Россия – это одно и то же государство). С самими россиянами маньчжуры столкнулись на Амуре, но получили от местных жителей и пленных лишь краткие сведения об их стране.

Подробной информацией о России китайские власти не располагали до возвращения уже упоминавшегося посольства к Аюки-хану (1712–1715). Выполнить свои задачи миссия не смогла, но привезла обширную информацию о географии, административном устройстве и быте России того времени, которые надолго стали основой представлений китайцев о нашей стране. Последовавшие за ней два китайских посольства, видимо, не собрали значительной информации. Это подтверждает и тот факт, что сведений о них в китайских источниках сохранилось довольно мало, хотя членам посольств, безусловно, было что рассказать (так, члены второго посольства побывали в Санкт-Петербурге в самых разных местах – от императорского дворца до Кунсткамеры и Академии наук).

В самом Китае делами России занималась Палата по делам вассальных территорий, которая курировала северо-западное направление китайской политики, а также управляла завоеванными там землями. Переводчиков готовила созданная в 1708 г. Школа русского языка (Элосы тунвэнь гуань), находившаяся в подчинении Палаты (позднее Палаты и Дворцовой канцелярии). Преподавателями ее вначале были русские, по тем или иным причинам оказавшиеся в Китае, затем их сменили китайцы и маньчжуры, однако в школе продолжали работать и ученики из Духовной миссии. Одним из них, И.К. Россохиным, вместе с его маньчжурскими коллегами был составлен первый учебник русского языка для китайцев (работу над ним закончил А.Л. Леонтьев), созданный, правда, на базе популярной тогда грамматики М. Смотрицкого (очевидно, использовалось одно из более поздних, приближенных к нормам русского языка изданий, однако следует учитывать, что сама книга была опубликована еще в 1618–1619 гг. и представляла собой грамматику церковнославянского языка). Качество подготовки учащихся в этой школе было невысоким. Известный синолог Н.Я. Бичурин, живший в Китае в начале XIX в., в примечаниях к «Описанию Пекина» отмечал, что учителя там «знают российскую словесность немного лучше ученика, который только что поступает в сие училище». В связи с этим китайские власти в тех случаях, когда требовался устный перевод, вынуждены были использовать перебежчиков из России или все тех же учеников из Духовной миссии.

Решениями проблем, возникавших в приграничных местностях, занимались власти Хэйлунцзяна и Монголии. В начале XVIII в. китайская сторона также вела там достаточно активный сбор разведывательной информации (осуществлялся он классическими путями: опросом перебежчиков, сбором сведений через ездивших на российскую сторону китайских чиновников, записью бесед с российскими купцами, приезжавшими в приграничные китайские территории). В результате китайские власти получали сведения о плохом урожае в окрестностях Нерчинска, о реакции местных жителей на дело царевича Алексея, негативном отношении части россиян к появлению на троне императрицы, а не императора и т.д.

К концу века, однако, информированность китайских властей о российских делах снижается; с исчезновением джунгарской угрозы исчезает и стимул для изучения северного соседа, а Китай в целом все больше и больше замыкается в себе. В 1778 г. китайские власти одно время даже не знали, кто находится на российском престоле, и считали, что Екатерина II уже умерла, а правит ее сын.

Для России основными источниками информации о Китае были посещавшие Китай посольства и курьеры, а также Духовная миссия, которая, как уже говорилось, действовала в Пекине с 1715 г. (некоторые сведения также можно было получить из имевшихся переводов китайских текстов и из выходивших в Европе книг). Священники миссии и имевшиеся при ней ученики приезжали в Пекин на определенный срок; за XVIII в. там побывало восемь миссий (восьмая уехала из Пекина в уже в 1807 г.). Православные священнослужители практически не вели миссионерскую работу, и это положительно сказалось на статусе миссии, так как китайские власти не рассматривали ее как угрозу местным устоям. Наличие учеников также не вызывало у них

возражений, вполне вписываясь в китайский исторический опыт; во многом они воспринимались как молодежь, приехавшая из сопредельных стран приобщаться к конфуцианству и изучать китайский язык. Успехи членов миссии в познании Китая также были крайне ограниченными, и длительное время большая часть священнослужителей не интересовалась синологией. Среди них имела место весьма высокая смертность, встречались случаи сумасшествия, не было редкостью и пьянство.

Пожалуй, единственной относительно успешной стороной деятельности миссии была подготовка учеников, изучавших китайский и маньчжурский языки. В школе, созданной китайскими властями для учеников, дела обстояли плохо (не получая дополнительного жалования, местные учителя вели занятия крайне нерегулярно), и работу там удалось наладить только в конце XVIII в., просто введя дополнительную плату для преподавателей. Однако в более ранний период эти недостатки компенсировались тем, что ученики миссии проводили в Китае обычно лет по десять и среди почти каждого состава находились те, кто к концу пребывания в Китае знал китайский и маньчжурский языки достаточно хорошо. В результате в России на протяжении всего XVIII в. на государственной службе обычно постоянно имелось по два-три специалиста, владевших этими языками и знавших Китай изнутри. Четыре попытки организовать преподавание китайского и маньчжурского в Москве и Петербурге дали весьма скромные результаты.

Российское китаеведение в этот период представляло собой парадоксальную картину. Отечественная наука тогда располагала высококвалифицированными переводчиками и знатоками Китая. Однако при этом в России за весь XVIII в. подавляющая часть работ о Китае представляла собой лишь переводы с маньчжурского, китайского или с западных языков. Исключение составляют прежде всего том примечаний к описанию маньчжурских войск, фактически являвшийся своего рода справочником по вопросам китайского государственного устройства, а также статьи Г.Ф. Миллера о русско-китайских отношениях. Художественная литература с китайского на русский язык тогда почти не переводилась. В целом в XVIII в. наше китаеведение относительно неплохо обслуживало потребности государства и весьма слабо развивалось как научная дисциплина.

Из старых дипломатических партнеров в этот период наиболее активные контакты сохранялись у Китая с сопредельными странами, устойчиво признававшими китайский сюзеренитет – с Кореей и Люцю. Корейские посольства прибывали в Пекин ежегодно, китайские посольства также регулярно направлялись в Корею. Однако в этот период реального влияния Китая на корейские дела и политику местных правителей почти не ощущается. Пожалуй, самым значимым результатом этих контактов стало появление дневников корейских послов, хорошо ориентировавшихся в положении дел при китайском дворе, которые являются весьма важным историческим источником.

Правители Люцю также отправляли в Китай посольства и принимали их у себя, а местная молодежь из аристократических семей время от времени ездила туда учиться. Положение этого государства было весьма своеобразным – оно одновременно являлось данником как Китая, так и южнояпонского княжества Сацума, что от китайских властей тщательно скрывалось.

В последние десятилетия XVIII в. кризисные явления в жизни Китая стали усиливаться. Выросла коррупция, все больше начали проявляться проблемы в финансовой сфере, нарастала социальная напряженность. Заканчивалось не только правление императора – завершалась эпоха относительной стабильности и роста. Знаковой фигурой для этого времени становится императорский фаворит Хэшэнь (1750–1799), с деятельностью которого в Китае традиционно связывали многие проблемы тех лет. Так же, как нельзя не сказать о Распутине, описывая годы, предшествовавшие крушению монархии в России, так нельзя не сказать и о Хэшэне, говоря о последнем периоде правления Цяньлуна.

Стремительная карьера Хэшэня, служившего в императорской охране с 1772 г., началась в 1775 г., когда он обратил на себя внимание Цяньлуна. Вскоре он получил должность *фудутун*, сопоставимую с генеральской в европейских армиях, стал членом Военного совета, а затем, побывав на должностях главы Ведомства финансов, командующего силами, обеспечивающими безопасность в Пекине, и главы Ведомства чинов, к 1786 г. стал одним из канцлеров (*дасюэши*) и незадолго до своего падения и смерти получил высший для китайской аристократии титул *гун*. Иногда Хэшэнь занимал до двадцати должностей одновременно, включая должность одного из руководителей проекта по составлению «Сы ку цюань шу». Его родственники и связанные с ним чиновники были назначены на важные посты в империи. В 1790 г. Цяньлун выдал свою дочь за сына Хэшэня (они были помолвлены еще с 1780 г.).

В 1796 г. Цяньлун формально передал трон своему сыну (еще задолго до этого он заявлял, что считает непочтительным по отношению к своему деду Канси править дольше того). Когда началось правление нового императора Цзяцина, Хэшэнь продолжал сохранять свое влияние, однако после смерти Цяньлуна почти сразу же был арестован. Затем бывшего фаворита приговорили к смерти, но в конечном итоге ему было разрешено покончить жизнь самоубийством. В том же году император Цзяцин наложил на доклад одного из сановников резолюцию, во многом поясняющую мотивы этих действий: «Если бы Мы не устранили Хэшэня, то люди в Поднебесной знали бы только, что есть Хэшэнь, и не знали бы, что есть Мы».

Если причины падения фаворита достаточно понятны, то причины его возвышения неясны до сих пор. Согласно классической версии, он напоминал Цяньлуну наложницу его отца, с которой у Цяньлуна был роман и которая из-за этого погибла. По другой, более реалистичной гипотезе, Хэшэнь просто идеально вписался в авторитарную систему, созданную Цяньлуном, так как обладал талантом понимать ход мыслей императора и угадывать его намерения, а его незаконная финансовая деятельность давала средства, необходимые для развлечений Цяньлуна, не предусмотренных бюджетом. Кроме того, возможно, император видел в Хэшэне тот человеческий тип, который соответствовал его представлениям о том, какими должны быть маньчжуры.

Реальный облик временщика до сих пор остается скрытым за массой рассказов и негативных суждений, оставшихся в неофициальных исторических

работах цинского времени. Традиционно его принято было считать безродным, необразованным, бесталанным, всевластным, манипулирующим императором и т.д. На самом деле он родился в семье, принадлежавшей к одному из кланов старой маньчжурской аристократии (его предок Эиду был соратником основателя династии Нурхаци). Отец, как в дальнейшем и он сам, занимал должность фудутуна, а дед по матери был канцлером. Известно, что сам он имел степень шэнъюаня (что предполагало достаточно основательное изучение конфуцианской канонической литературы), знал помимо китайского и маньчжурского монгольский и тибетский языки, а после его смерти осталась книга стихов, последний из которых был написан уже в тюрьме.

Цяньлун был способен критически относиться к действиям Хэшэня и несколько раз наказывал его, понижая в должности, или привлекал к ответственности его приближенных. Противники временщика составляли значительную часть членов Военного совета. Правильнее было бы говорить не о всевластии, а о большом влиянии Хэшэня на процесс назначения и смещения чиновников и на финансовую сферу. Кроме того, его влияние на Цяньлуна в последние годы было значительно больше, чем у других сановников, и у них не имелось возможности сместить фаворита, так как обвинение в его адрес затрагивало репутацию самого императора. Во многом дело было не в Хэшэне, а в эпохе.

К числу основных обвинений, выдвигавшихся в его адрес, относятся взимание денег за назначение на те или иные должности и последующие поборы с чиновников, а также хищение огромных сумм, отпускавшихся на подавление восстания «сектантов» в Северо-Западном Китае. Принято считать, что Хэшэнь в конце жизни был самым богатым человеком в Китае, однако размеры его состояния неизвестны до сих пор. Документов, где имелись бы сведения о его имуществе, сохранилось немного. Оценка его размеров затруднена и в связи с тем, что значительную часть конфискованного имущества составили драгоценности, а значительные суммы денег были вложены им в недвижимость или использовались как оборотные средства в принадлежавших ему закладных лавках. В императорских хрониках правления Цзяцин есть документ, датированный 1799 г., согласно которому подсчет стоимости 26 из 109 позиций конфискованного у Хэшэня имущества дает сумму свыше 223 млн 890 тыс. лянов. Британский дипломат и синолог Стаунтон, лично встречавшийся с Хэшэнем, приводит более скромную оценку конфискованной у него собственности и считает, что она составляла 80 млн лян (по его оценке, 23,33 млн фунтов стерлингов).

В конце XVIII в. также дал о себе знать назревавший социальный и мировоззренческий кризис. По совпадению именно в первый год нового правления после формального ухода Цяньлуна с трона началось крупнейшее в этом столетии восстание, поднятое приверженцами синкретических религий. Согласно их учению, будда будущего Майтрейя уже родился, но перед установлением его власти должны были произойти разного рода бедствия, избежать которых могли только те, кто примкнет к повстанческому движению. Восстание это часто называют восстанием последователей «учения Белого Лотоса», но реально его основу составили приверженцы двух других религий (учение Белого Лотоса к этому времени уже не имело сторонников, а

само это название стало своего рода традиционным обозначением для «еретиков»). У восстания, несомненно, имелись сильные социальные корни; оно развернулось на территориях, куда в предшествующие десятилетия мигрировали жители местностей, в которых ощущалась нехватка земли.

Само восстание началось в 1796 г., а подавлено было только к концу 1804 г. Оно приняло огромные масштабы и распространилось на ряд провинций Северо-Западного и Западного Китая. Властям длительное время не удавалось с ним справиться, однако в 1798–1799 гг. повстанцы потеряли нескольких лидеров и утратили часть контролируемых ими территорий. Кроме того, Пекин направил на подавление восстания более компетентных военачальников. Дала свои результаты и новая стратегия властей, которые стали активно использовать местное ополчение, а также стремились опустошать районы, которые могли занять восставшие, вывозя оттуда население и продовольствие в особые укрепленные поселения. К концу 1802 г. основные силы повстанцев были разгромлены.

В конце века стал очевиден не только внутренний кризис Цинской империи. Переговоры властей с побывавшим там в 1793–1794 гг. британским посольством во главе с Дж. Макартни (имевшем к тому времени опыт службы в Индии и дипломатической работы в России) вновь выявили их неспособность выработать адекватную политику в отношении окружающего мира. Он в числе прочего предложил китайской стороне расширить перечень мест, где могла бы происходить торговля, и разрешить Великобритании иметь постоянное представительство в Пекине. В Китае британцев приняли чрезвычайно любезно, но на оба их предложения ответили отказом, а к ним самим относились как к посольству даннической страны. Всякий, кто желал иметь дело с Китаем, по-прежнему должен был играть по установленным им правилам, заранее обрекая себя на неудачу при попытках изменить порядок вещей.

В целом Китай заканчивал XVIII в., пребывая во власти иллюзий. Огромная страна до 90-х годов сохраняла относительную социальную и экономическую стабильность. Внешний мир еще изъявлял готовность общаться с Китаем, соблюдая установленные им нормы. В официальной китайской риторике о Цинской империи говорилось как о процветающем государстве, находящемся под властью монарха, равного которому по длительности правления и масштабам сделанного в истории страны до тех пор не встречалось.

Однако рост населения в условиях стабильности и отсутствия внутренних потрясений перерос в демографический кризис, экономика и финансовая система уже несли в себе признаки нездоровья. После разгрома Джунгарии, главного внешнеполитического и военного противника, армия ослабла, щедро поддержанный государством мертвящий классицизм официальной культуры во многом парализовал развитие китайской науки и литературы. Авторитарная система управления выродилась в коррумпированный режим во главе со стареющим правителем и предприимчивым корыстным фаворитом. Государственный аппарат еще функционировал, и власть пока еще могла за себя постоять, но в целом страна уже с трудом была способна реагировать на новые внутренние и внешние вызовы и даже утратила ранее приобретенные знания.

Внешний мир тем временем стремительно менялся. Если в начале века Европа и Китай во многом имели весьма иллюзорные представления друг о друге, то к концу века европейские иллюзии рассеялись и теперь мир знал о Китае больше, чем Китай о мире. Возникающая в глубине империи и на ее границах новая реальность через несколько десятилетий даст о себе знать поражением в «опиумной войне» и разрушительным Тайпинским восстанием.

> «Китайская империя – старый, обезумевший первоклассный военный корабль, который ряд сменявшихся один за другим способных и бдительных офицеров в течение прошедших полутора веков умудрялся поддерживать на плаву, внушая благоговейный страх своим соседям его большим размером и внешним видом. Но когда неподходящему человеку случится принять команду на палубе, то можно попрощаться с дисциплиной на корабле, и он уже более не будет в безопасности. Он, возможно, не потонет сразу, но станет дрейфовать какое-то время как остов потерпевшего крушение судна, а потом разобьется у берега на куски и его никогда уже не удастся отстроить заново» (*Дж. Макартни*. «Китайский дневник». Записи, сделанные в январе 1794 г.).

ЯПОНИЯ: МИР ЗА «БАМБУКОВЫМ ЗАНАВЕСОМ»

XVIII век не был рубежным в истории Японии. Он явился продолжением прошлого XVII в. XIX столетие сначала медленно, а затем все быстрее приступило к демонтажу того уклада государственной и социальной жизни, который сложился к XVIII в. и достиг в нем своего расцвета. Ни до, ни после него Япония не знала такого длительного мирного и спокойного периода, когда силы населения японского архипелага были направлены исключительно на мирный труд и созидание.

Для того чтобы охарактеризовать исторические процессы XVIII в. необходимо обратиться к веку XVII, ибо в его начале произошли те события и были приняты те решения, которые определили на долгое время будущее страны. Главнейшим из этих событий следует признать установление сёгуната Токугава.

СЁГУНАТ ТОКУГАВА

В 15-й день девятой луны (21 октября) 1600 г. семидесятитысячное войско коалиции княжеств Восточной Японии под водительством *даймё* (князя) Токугава Иэясу (1542–1616) одержало решающую победу над армией (80 тыс. человек) коалиции княжеств Западной Японии в битве при Сэкигахара (пров. Мино, совр. преф. Гифу). В самом скором времени после своей победы Иэясу удалось объединить Японию, которую последние десятилетия сотрясали кровопролитные междоусобные войны. В 1603 г. Токугава Иэясу получил указ императора Гоёдзэй (1586–1611) о назначении его военным правителем – *сёгуном*. Полная должность звучала как «великий сёгун, покоритель восточных варваров». Эта должность имела древнее происхождение, на нее назначались военачальники, выступавшие походом на восток (северо-восток) острова Хонсю против *эдзо* (или эмиси) – предков айнов. В древности должность сёгуна была временной, для Иэясу и его потомков она стала постоянной и наследственной.

Должность сёгуна первоначально предполагала, что он будет защищать императора от нападений «варваров». На самом деле немногочисленные эдзо (полукочевые земледельцы, рыболовы, охотники и собиратели) не представляли никакой реальной угрозы режиму. Настоящих внешних врагов у Японии не существовало. Однако после окончания прошлых войн Иэясу предстояло восстановить спокойствие и мир в самой Японии. В 1615 г. его войска взяли штурмом осакский замок Тоётоми Хидэёри (1593–1615), последнего возможного конкурента в борьбе за власть. После самоубийства Хидэёри дом Токугава окончательно утвердился в своем положении.

Всего через два года после назначения сёгуном Иэясу отрекся в пользу своего сына Хидэтада (1579–1632), который повелением императора был также назначен сёгуном. Так началась династия Токугава. Однако сам Иэясу до самой смерти оставался реальным главой сёгуната. Он использовал политическую технику, давно апробированную в императорском доме,

«Японская империя, состоящая из семи основных частей, подразделяющихся на тридцать шесть королевств». Карта Т. Китчина и Р. Сейера. 1794 г.

где отрекшийся император зачастую получал большие полномочия по сравнению с тем временем, когда он находился на троне. Назначив преемника (т.е. обеспечив преемственность власти), он по праву старшинства оставался главой дома, но избавлялся при этом от многих ритуальных и церемониальных ограничений, которые накладывал на него императорский титул. Отречения сёгунов были достаточно распространенной практикой и в дальнейшем.

Свою ставку Иэясу основал на востоке Японии – в деревушке Эдо (современный Токио), которая была расположена в 500 км от Киото, где находился дворец императора. Теперь это поселение стало стремительно преображаться в гигантский город – главный административный центр страны. Однако, помня о своем военном прошлом, правительство Токугава по-прежнему именовалось «полевой ставкой» (*бакуфу*). Она находилась на побережье Тихого океана в долине Канто, самом большом рисопроизводящем районе страны. Это обстоятельство оказалось для Токугава более важным, чем близость к императору и Киото – традиционному политическому центру Японии. Получив контроль над Канто, Токугава приобрели ресурсную основу для содержания разветвленного бюрократического аппарата и самой большой армии в стране, конкуренцию которой не могла составить ни одна княжеская дружина.

ЗАКРЫТИЕ СТРАНЫ

Второе важнейшее событие в истории Японии XVII в. – это закрытие страны. В 1639 г. были изданы сёгунские указы, окончательно запретившие пребывание в Японии христианских миссионеров (в основном, это были иезуиты) и европейских купцов. Европейцев сочли силой, которая оказывала на Японию дестабилизирующее влияние. Лучшим доказательством этому послужило крестьянское восстание 1637–1638 гг. в Симабара (пров. Хидзэн, совр. преф. Нагасаки). Именно там, на острове Кюсю, влияние христиан было самым сильным в Японии (даже часть тамошних князей приняли христианство). Восстание началось из-за повышения налогов, в нем участвовали 37 тыс. человек, его возглавляли японские христиане, и оно было окрашено в милленаристические тона. В подавлении восстания приняли участие около 120 тыс. воинов.

После усмирения крестьян нападки на христианство со стороны властей усиливаются. Его квалифицируют как религию, которая учит неповиновению властям, отказу от веры в синтоистских божеств и будд, в глазах элиты оно предстает как разрушитель традиционных этических ценностей. Прежде всего имелись в виду семейные отношения. Заявления миссионеров о том, что только крещение избавляет от ада, распространялось ими и на некрещеных предков японских христиан, что входило в вопиющее противоречие с культом предков. В качестве практического обоснования изгнания европейцев выступало и то соображение, что через них осуществляется доставка в Японию огнестрельного оружия.

Теперь общение с внешним миром было ограничено несколькими китайскими, корейскими и голландскими кораблями. Лимит для последних был самым жестким и составлял всего два корабля в год. Фактория Ост-Индской

компании, занимавшейся в Японии торговлей предметами роскоши, располагалась на крошечном насыпном островке Дэсима возле Нагасаки. Именно голландские купцы стали на долгое время японским «окном в Европу». Более мягкое отношение к голландцам было обусловлено тем, что они принадлежали не к католикам, а к протестантам и не занимались прозелитизмом. Прибывая в Японию, они были обязаны представить детальный отчет о том, что произошло в Европе за истекший «отчетный период». Хотя голландцы временами отправлялись в Эдо на аудиенцию к сёгуну, без специального на то разрешения они не имели права покидать пределы Дэсима. Христианство же в самой Японии подверглось строжайшему запрету. Всем японцам предлагалось доказать, что они не являются приверженцами этой религии: им следовало попрать сделанную из меди христианскую икону с изображением девы Марии. Последователей христианства преследовали и даже казнили.

После подавления симабарского восстания Япония вступила в полосу стабильности и мира. Европейцы, разочарованные отсутствием в Японии тех ресурсов и товаров, которые в избытке имелись в других странах Восточной Азии (прежде всего в Индии), в течение длительного времени не беспокоили Японию непрошенными вторжениями. Вместе с запретом «на въезд» был введен и запрет на выезд японцев за пределы архипелага. Строительство крупных судов также не разрешалось. Для Японии наступило время крайне ограниченных контактов с внешним миром. Поскольку стабильный XVIII в. оказался беден происшествиями, событиями «общенациональной» и международной значимости, то основное внимание историков традиционно уделяется не столько истории «событийной», сколько институциональной.

СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

Основателю сёгунской династии Токугава Иэясу и его потомкам удалось сформировать такую политическую систему, которая доказывала свою прочность в течение двух с половиной веков. К XVIII в. страна оказалась разбита на две с половиной сотни княжеств. Их размеры были ничтожны, в среднем всего около тысячи квадратных километров. Князья были ранжированы на две основные категории: прямые вассалы дома Токугава – *фудай даймё* («внутренние князья»; в их число попали союзники Иэясу по борьбе против западной коалиции; в конце XVIII в. их насчитывалось 145) и *тодзама даймё* («внешние князья», бывшие противники Иэясу, их число составляло 98). Кроме того, отдельную группу образовывали «родственные княжества» (*симпан*, в количестве 23), т.е. княжества, которые возглавлялись родственными Токугава домами. Внутри этих категорий существовали и другие подразделения, что создавало достаточно запутанную систему вассальных отношений. При этом переход из одной категории в другую был мало возможен. Хотя из этого правила и существовали исключения, но общим курсом Токугава по отношению к княжествам являлась не их интеграция, а фиксация того типа отношений, который существовал при Иэясу. Это не означает, что правительство бакуфу не занималось конфискацией и перераспределением земель при первых сёгунах, но они были весьма далеки от идеи полной централизации управления. К XVIII в. система обрела стабильность, случаи перераспреде-

ления земли и переводов даймё с места на место стали скорее не правилом, а исключением. Идеалом периода Токугава была конфедерация княжеств, а не государство абсолютистского типа. Это было не только политическое, но и мировоззренческое убеждение: Иэясу завещал своим потомкам оставлять без изменения нравы и обычаи провинций, входивших в Японию, на том основании, что то, что хорошо для одних, не подходит другим. Политический строй Токугава держался на системе «сдержек и противовесов».

Тем не менее на поведение князей были наложены серьезные ограничения. Им запрещалось строительство новых оборонительных сооружений (замков); для предотвращения создания скрепленных кровным родством коалиций заключать браки они могли только с согласия бакуфу; по всей стране было запрещено иметь огнестрельное оружие; крупнейшие города (Эдо, Киото, Осака, Нагоя), порты и рудники были выведены из-под контроля князей и находились под непосредственным управлением бакуфу. Сёгунат всячески препятствовал контактам князей с императорским домом.

Одной из форм контроля над князьями была «система заложничества» (*санкин котай*), которая предписывала даймё и их семьям обязательное нахождение в столице. Только по прошествии года князю разрешалось вернуться в родные места – тоже на год. Семья же продолжала оставаться в Эдо. Затем князь и его дружина снова возвращались в Эдо. Живя «на два дома», даймё истощали свои материальные ресурсы – расходы на путешествия, в которых участвовали многочисленные дружины, и содержание резиденций в Эдо отнимали 35–40% доходов, источников пополнения которых у них имелось не слишком много. Крошечные размеры княжеств не давали реальной возможности для создания сколько-то значительного прибавочного продукта. Держа князей в Эдо под присмотром своих бдительных агентов, сёгуны предотвращали возможность сговора. Система доказала свою эффективность – вплоть до середины XIX в. ни одного сколько-нибудь серьезного заговора выявлено не было.

Это, разумеется, не означало, что внутри элиты отсутствовали группировки с разными интересами. Однако политическая борьба того времени заключалась не в попытках свержения сёгунской династии, а в лоббировании своих кандидатов на пост сёгуна и другие высшие правительственные должности. Поскольку в Японии отсутствовал фиксированный порядок наследования (внутри императорского, сёгунского и княжеских домов), это создавало прекрасные возможности для составления политических коалиций, которые, однако, не посягали на основополагающие принципы устройства сёгуната. При этом с течением времени наблюдается уменьшение роли личности сёгуна, все большее значение в принятии решений приобретают сёгунские советники и администраторы. В XVIII в. на должности сёгунов часто назначались люди юные, болезненные, сластолюбивые или не имевшие никакой склонности к активной государственной деятельности. Модель, при которой номинальный глава режима осуществляет церемониальные функции и имеет мало отношения к принятию практических решений, не была изобретением этого времени. Точно так же обстояли дела и в императорском доме еще в глубокой древности. Во многих княжествах ситуация складывалась точно таким же образом. Одним из последствий такого стиля управления было почти полное отсутствие лидеров диктаторского типа на всем протяжении японской

истории. Управление страной и княжествами осуществлялось коллективно на основе достижения компромиссных «аппаратных» решений. Главным органом управления бакуфу стал «совет старейшин» (*родзю*), в состав которого входили четыре-пять ротируемых представителей из среды фудай даймё.

Несмотря на жесткий контроль со стороны бакуфу, включавший в себя полный запрет на публичное обсуждение политических вопросов, следует иметь в виду, что даймё не рассматривались как враги режима. Каждый князь имел свою вооруженную дружину самураев. Сёгуны редко вмешивались во внутренние дела княжеств, где даймё выступали в качестве верховных распорядителей и судей. Даймё обладали правом сбора податей с подведомственной им территории в свою пользу, но они не платили налогов в государственную казну. В случае экстренной необходимости (ремонт сёгунского замка, ликвидация последствий пожара, землетрясения, тайфуна и т.п.) правительство могло только просить князей поучаствовать в каком-нибудь проекте, но не более того. Обычно князья соглашались на такие предложения, но объем участия решался на основе компромисса. Резиденции даймё в Эдо обладали экстерриториальностью – преступник мог скрыться там, и правительство бакуфу не имело легальной возможности вытребовать его оттуда. В случае опасности князья были обязаны поставлять центральной власти в Эдо свои войска, но в условиях отсутствия реальной военной угрозы их главная обязанность превращалась в XVIII в. в фикцию. Иными словами, князья имели достаточно прав, которые позволяли им сохранять весьма большую самостоятельность и чувство достоинства.

Самостоятельности княжеств способствовало и слабое развитие коммуникаций в стране. Панически опасаясь заговоров и мятежей, сёгунат не разрешал их принципиального улучшения (ширина главного тракта Токайдо, соединявшего Эдо, Осака и Киото, составляла около пяти метров), на строительства новых дорог и мостов накладывались серьезные ограничения. В то же самое время в 53 пунктах тракта Токайдо содержались постоялые дворы для путешественников, служба пеших гонцов с письмами и бандеролями преодолевала расстояние между Эдо и Осака за два-шесть дней. Для того чтобы процессия, сопровождающая даймё, преодолела то же самое расстояние, требовалось около 20 дней. Таким образом, внезапность передислокации воинских соединений была исключена.

ДУАЛИЗМ ВЛАСТИ

Отношения сёгуната и императорского двора в Киото отличались двойственностью. С одной стороны, сёгун полностью контролировал двор. Император постоянно находился «под дворцовым арестом» – ему запрещалось покидать пределы своего дворца, охрану которого поочередно несли дружины самураев из разных княжеств. После визита в Киото Токугава Иэмицу в 1634 г. сёгуны перестали бывать в Киото. Зримым присутствием сёгуната в Киото был принадлежавший бакуфу огромный замок Нидзёдзё, который превосходил императорский дворец как размерами, так и убранством. Император и его аристократическое окружение (около 300 семей), которое вело свое происхождение от синтоистских божеств, не имели никаких военных и

почти никаких материальных ресурсов и находились в этом отношении в полной зависимости от благорасположения бакуфу.

С другой стороны, несмотря на то что император не имел никакого влияния на принятие решений, он продолжал обладать достаточно высоким ритуальным и церемониальным статусом. Император («сын Неба») считался земным воплощением Полярной звезды (*тэнно*) и отправлял ритуалы, ставящие своей целью обеспечение благоденствия страны. Новый сёгун обретал официальный статус только после указа императора. Его окружение получало придворные ранги и придворные должности тоже только с согласия императорского двора. Для придворных из Киото такая «продажа» должностей служила одним из немногих средств пополнения своего бюджета. В отличие от древности придворные ранги и должности не обеспечивались соответствующим содержанием, но без них военные чувствовали себя людьми «неполноценными». Сёгуны временами подкрепляли свой авторитет с помощью «династических» браков. Так, в 1620 г. дочь сёгуна Токугава Хидэтада была отдана замуж за императора Гомидзуноо (1611–1629), а их семилетняя дочь Мэйсё даже заняла в 1629 г. императорский трон; впервые после VIII в. на троне оказалась женщина. Члены императорского рода обеспечивали и ритуальную охрану сёгунских предков: в буддийском храме Бодайдзи в Эдо, где отправлялись поминальные службы по членам сёгунского рода, настоятелем служил принц крови, местом рождения которого был Киото.

Иными словами, императорский двор обеспечивал легитимность режиму сёгуната. Токугава возводили свое происхождение к роду Гэндзи (Минамото), который, в свою очередь, считал своим предком императора Сэйва (858–876). Токугава не имели на то никаких реальных генеалогических подтверждений, но эта фальсификация, тем не менее, служила для них основанием легитимности их власти. Император, который считался в дальневосточной политической философии «хозяином времени» (в том числе погоды, а значит, и урожая), сохранил эту функцию и при Токугава; именно от его имени провозглашались девизы правления, в соответствии с которыми жила вся страна. В документе, известном как «Завещание Токугава Иэясу», его автор фактически признавал, что сёгунская династия в отличие от императорской конечна. Считалось, что китайская по своему происхождению концепция «мандата Неба» (смена династии, растратившей свою сакральную энергетику) применима к сёгунам, а не к императорам. История подтверждала это умозаключение: если императорская династия не знала перерыва с самых древних времен, то у сёгуната Токугава имелось два предшественника – сёгунаты Минамото (1185–1333) и Асикага (1333–1573). «Золотой век» Японии сёгуны относили к правлению мифического первоимператора Дзимму, а не к своим предшественникам. Закрепленный за императором статус покровителя наук и искусств (основным из которых считалась поэзия) служил важнейшим средством поддержания его статуса и авторитета, поскольку в японской (дальневосточной) традиции поэзия является мощным и общепризнанным средством гармонизации космоса и уничтожения хаоса. Поскольку сёгуны Токугава сделали основой своей идеологии неоконфуцианство, они не могли игнорировать его важнейший постулат: примат светско-духовной власти над военной. Ибо только ритуалы и церемонии обеспечивают порядок в Поднебесной, отделяют человека культурного от варвара.

Таким образом, в стране наблюдалось определенное двоевластие, которое давало в перспективе возможность для коренных изменений в политическом устройстве страны. Не подвергавшееся сомнению происхождение императорского рода от синтоистской богини солнца Аматэрасу создавало ему такой «ритуальный авторитет», что сёгуны не помышляли об узурпации его жреческих полномочий. В связи с этим сёгунам не оставалось ничего другого, как позиционировать себя в качестве защитников императора и двора, т.е. выполнять служебную функцию. Это находило выражение в заботе о материальном положении двора и в восстановлении (финансировании) тех ритуалов, которые перестали отправляться в период междоусобиц, когда положение двора в Киото бывало временами попросту бедственным.

ТОКУГАВА ЦУНАЁСИ

К XVIII в. административная система управления стабилизируется. Она была выстроена таким образом, что решения, как правило, принимались коллегиально, а личность самого сёгуна, его пристрастия и «чудачества» не оказывали существенного влияния на порядки в стране. Среди правителей Японии XVIII в. Токугава Цунаёси (1646–1709, сёгун в 1680–1709 гг.), пожалуй, был единственным, кто выпадает из этого ряда. После него таких «эксцентричных» сёгунов больше не встречается.

Цунаёси стал известен благодаря тому, что издал множество указов, предписывавших заботу о животных и запрет на их убийство. Это касалось как млекопитающих, так и рыб и даже моллюсков. Охота и рыбалка были строжайше запрещены. Будучи рожден в год собаки и остававшийся бездетным, Цунаёси особенное внимание уделял собакам. Он провел перепись собак, находившихся в частном владении у обитателей Эдо, запретил убийство бродячих псов, устроил для них множество приютов (считается, что там содержалось не менее 50 тыс. животных), предписал ласковое обращение с ними и т.д. Нарушившие его распоряжения подлежали строгому наказанию. За все эти «сумасбродства» Цунаёси заслужил прозвище «собачьего сёгуна». Наследника у него, правда, так и не появилось, а после смерти Цунаёси все его распоряжения относительно животных были немедленно отменены. 8800 человек, томившихся в тюрьмах за нарушения законов о животных, отпустили на волю.

Следует вспомнить, что некоторые древние японские императоры также проявляли повышенную заботу о животных, запрещали соколиную охоту и предписывали выпускать в пруды уже пойманных рыб. Они одушевлялись буддистской идеей спасения всех живых существ. Однако ни один из них не вызывал насмешек. Дурная слава Цунаёси была обусловлена не только его эксцентричностью, но также и тем, что религиозные идеалы уже не вызывали прежнего энтузиазма. Эпоха Токугава характеризовалась более «приземленными» нормами, которыми руководствовались тогдашние японцы.

НАСЕЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ, ДЕМОГРАФИЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Стратификация токугавского общества XVIII в. была проведена с большой строгостью. Социологическая мысль того времени полагала, что управляемое из Эдо население страны делится (должно делиться) на четыре основных сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и купцы. Самураи

были наиболее привилегированным сословием. Только они имели право на фамилию, ношение оружия, шелковых одежд, особую «самурайскую» прическу. При этом переход из одной категории в другую был почти невозможен, браки между представителями разных сословий не допускались. Такая структура, когда на верху социальной лестницы находятся военные и земледельцы, а на самом низу ютятся имеющие дело с презренными деньгами торгаши, не является чем-то уникальным для средневекового общества. Предметом гордости для самураев было то, что они не умеют (или якобы не умеют) распознавать номиналы монет.

Однако в отличие от Европы клирики находились за пределами этой социальной сетки. Период Токугава характеризуется утерей религиозной пассионарности, которая до значительной степени была свойственна для Японии прошлых веков. Это время не порождает религиозных личностей того масштаба, какие рождала страна в прежние времена. В обществе доминирует неоконфуцианское понимание религии, когда она считается в значительной степени предрассудком. Японцев XVIII в. (во всяком случае, интеллектуальную элиту) больше волновал не потусторонний, а посюсторонний мир. Во времена Токугава не существовало официальной религиозной ортодоксии (ни буддийской, ни синтоистской). Жители были лишены свободы посещать буддийские храмы полюбившейся им школы (а их существовало множество). Они были приписаны к одному из ближайших буддийских храмов, которые превратились в одно из подразделений административного аппарата. Так, в их функцию входила регистрация рождений и смертей, выдача справок о том, что прихожанин не является приверженцем христианства (такая справка требовалась при отправлении в далекое путешествие – обычно это было паломничество).

На окончание усобиц страна отреагировала резким повышением рождаемости. Считается, что в 1600 г. численность населения составляла чуть более 12 млн человек. Перепись населения, проведенная в 1721 г., показала, что в стране проживает уже около 31 млн человек. К концу века эта цифра практически не изменилась. Можно полагать это «застоем», а можно считать, что общество и его хозяйство находилось в уравновешенном и стабильном состоянии. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что японское государство не предпринимало никаких усилий по расширению своей территории, хотя Хоккайдо, например, представлял собой прекрасную возможность для экспансии и освоения. Иными словами, Япония располагала достаточной ресурсной основой для того, чтобы поддерживать высокую численность населения.

Этому же способствовала и достаточно развитая гигиеническая культура населения. Чистоплотность и ежедневная баня являлись нормой, катастрофических эпидемий Япония не знала. Традиционные для Дальнего Востока методы врачевания включали, помимо растительных и минеральных лекарств, акупунктуру, прижигания моксой, массаж, тщательно разработанную диету. Несмотря на высокую детскую смертность, средняя продолжительность жизни составляла около 40 лет.

При крайне ограниченном количестве пригодной для хозяйственного освоения земли сама цифра в 30 млн не может не вызывать удивления. Тем более что значительная часть населения не занималась производительным

трудом. К непроизводительному слою следует отнести прежде всего самураев, которым в теории запрещались любые занятия, кроме военных и административных. Это не означает, что никто из самураев не крестьянствовал, не врачевал или не открывал частных школ, но все-таки подавляющее их большинство (вместе с семьями их насчитывалось около двух миллионов человек) жили исключительно за счет фиксированных рисовых пайков, которые платились им сюзеренами. Таким образом, непроизводительный слой в Японии был значительно больше, чем в Европе или России. И японское крестьянство вполне успешно кормило и одевало дворян-самураев, лишенных земли. В XVII–XVIII вв. слово «трудолюбие» начинает появляться в источниках, и оно позиционируется в качестве общепризнанной добродетели. Крестьян, которые добились особенно больших хозяйственных успехов, было принято отмечать особыми табличками, которые устанавливались перед их домами. Праздность не входила в список достоинств и считалась вредной для здоровья из-за вызываемого ею застоя пневмы (яп. *ки*, кит. *ци*). Нищие не считались «божьими людьми», даже буддийские монахи были обязаны трудиться.

Производительность крестьянских хозяйств была весьма высокой. Ввиду ограниченной территории, которой располагает Япония для эффективного хозяйственного использования (три четверти страны покрывают горы), японский крестьянин не выращивал, как правило, никакого скота, отдавая все силы растениеводству. Животный белок японцы получали почти исключительно из рыбы. Наряду с фекалиями и компостом, рыба употреблялась также в качестве удобрения. Поскольку из всех зерновых рис давал самый высокий урожай и поскольку он являлся наиболее престижным видом питания (его основным потребителем выступали самураи и городские жители), крестьянам вменялось в обязанность сосредоточиваться именно на заливном рисосеянии. Это требовало постоянных усилий для сооружения и поддержания в порядке ирригационных сооружений (плотин, водохранилищ, каналов), что заметно понижало зависимость крестьянина от погодных условий (в особенности от частых в Японии летних засух). В условиях почти полного отсутствия скота практически все работы выполнялись вручную. Период Токугава отмечен резким сокращением поголовья лошадей. С наступлением мира надобность в боевой коннице отпала, а содержание лошадей оказывалось настолько хозяйственно неоправданным, что в Японии отсутствовал гужевой транспорт. Знатные люди путешествовали в паланкинах, простой люд – пешком. Короткие, порожистые и пересыхающие летом реки не давали возможности и для широкого распространения речных перевозок. В этих условиях основным средством транспортировки тяжелых грузов выступало каботажное судоходство.

В то время два урожая были уже нормой во многих районах японского архипелага. Первый составлял рис, второй – сажаемые на его месте после сбора урожая другие культуры. Основным видом обложения был поземельный налог, взимавшийся рисом. Его размер зависел от качества обрабатываемой земли (по всей стране она была ранжирована по признаку плодородия), погодных условий, местных традиций и составлял около 30–40% от урожая. Оставшаяся часть урожая была достаточной для поддержания

жизни, но она, как правило, не оставляла возможностей для расширенного воспроизводства.

Трудовая повинность (строительство и ремонт ирригационных сооружений, дорог, административных учреждений и т.п.) отнимала у крестьян немало времени. Однако сложившийся тип хозяйствования, социального уклада и эффективные формы государственного регулирования (включавшие в себя помощь пострадавшим от недорода регионам) приводили к тому, что случаи массового голода происходили достаточно редко. Точно так же, как и крестьянские выступления. Обычно они принимали форму петиционного движения. Просьбы крестьян были весьма скромны. По большей части они просили избавить их от произвола местного начальника. Случалось, что такие петиции подавались с нарушением субординации, через голову непосредственного начальника, что было строжайше запрещено. В таком случае типичным исходом являлась казнь зачинщиков и удовлетворение их требований. Протесты городского населения против повышения цен на рис (блюдя интересы самураев, которые продавали часть своего пайка, сёгунат старался держать цены на рис высокими) временами заканчивались погромами рисовых лавок (например, в 1783 г.), но такие случаи были исключительно редки. В любом случае легитимность власти сёгуна и даймё под сомнение никогда не ставилась. Этому способствовало и то обстоятельство, что элита предъявляла достаточно высокие требования по отношению к себе, что помогало значительно минимизировать коррупцию и беззаконие.

Основная доля поземельного налога шла на выплату пайков самураям и содержание административного аппарата. Эта часть составляла около половины расходной части бюджета – как самого бакуфу, так и княжеского. В этих условиях правительство не имело возможности для осуществления крупных «общенациональных» проектов. Ремонт замка сёгуна или князя вызывал заметное напряжение финансов. Многокилометровые процессии, периодически направлявшиеся к храму в Никко (преф. Тотиги, примерно в 120 км к северу от Эдо), где почитался дух основателя династии Токугава Иэясу, были наиболее видимым проявлением могущества власти. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что это мероприятие также являлось для бакуфу весьма затратным, так как сёгуна сопровождала огромная свита из князей и их дружин, которая растягивалась на десятки километров. Однако если оценивать ситуацию в целом, следует сделать вывод, что режим бакуфу не страдал комплексом гигантомании.

Значительная часть японского населения концентрировалась в городах. Считается, что в начале XVIII в. там проживали 7–10% населения. Основу городского населения составляли самураи, которым предписывалось проживание рядом со своим сюзереном. В связи с этим большинство японских городов того времени представляли собой разросшиеся призамковые поселения. Самыми большими городами были Киото, Осака и Эдо. Киото – древняя столица страны, Осака – ее «кухня» (крупнейший торговый город), Эдо – резиденция сёгунов. Население Эдо составляло около миллиона человек, Киото и Осака – 500 тыс.

Мужское многолюдье Эдо поддерживалось концентрацией там правительственных учреждений и системой заложничества. Самураи, которые находились в Эдо в составе княжеских дружин, прибывали туда без семей.

И это имело огромное влияние на всю городскую инфраструктуру. В Эдо процветали магазины, гостиницы, харчевни, публичные бани и дома, театры. Происхождение заведений такого рода следует отнести к более раннему времени, однако эпоха Токугава значительно увеличила их концентрацию. Точно так же, как и концентрацию ремесленников. В то же самое время следует помнить, что урбанизация не сопровождалась значительными изменениями в производстве, а сам рост городов был обусловлен не экономическими, а административными причинами. Городская Япония не знала ничего подобного «промышленной революции». Улучшения в технологии производства не носили принципиального характера. Даже самые крупные города являлись, по сути, очень «большими деревнями». В то же самое время можно говорить о «коммерческо-торговой революции», поскольку была создана разветвленная торговая сеть и протобанковская система, которая занималась страхованием морских грузов, выдачей аккредитивов, кредитованием князей и оптовых торговцев. Последние, в свою очередь, кредитовали крестьян.

Основой развития торговли был рис. Получив свой рисовый паек, многие самураи конвертировали определенную его часть в деньги. Через Осака, где находилась крупнейшая в стране рисовая биржа, ежегодно проходило около 600 тыс. т риса.

Стабильность режима и общественное спокойствие были характерной особенностью почти всего периода Токугава. В особенности это касается XVIII в. Власть, не отвлекавшаяся на внешние дела (в стране отсутствовало даже специализированное учреждение, в ведении которого находились внешние сношения), всю свою энергетику употребляла на обеспечение незыблемости принятого порядка. Реформаторская деятельность была направлена на уточнение базовых социально-экономических параметров, а не на их кардинальное изменение. Именно такой характер имели две самые значительные реформы периода Токугава. Они носят названия по девизам правлений: реформы годов Кёхо (1716–1735) и Кансэй 1789–1800), затрагивавшие вопросы налогообложения, финансовой системы, трудовой миграции (ее ограничения).

Запрет на изменение сословного состояния, создание крестьянских пятидворок с их принципом круговой поруки и коллективной ответственности (за недоимки, преступления, организацию общественных работ и т.д.) подкреплялись детальнейшей регламентацией жизни всех сословий. Одежда, прически, еда, размер и устройство жилища, материалы для его постройки, способы передвижения (простолюдинам запрещалось путешествие в паланкине), формы публичного поведения (поклоны, приветствия, этикетность устной и письменной речи, самурайские самоубийства и т.д.) и социальные роли были разработаны с пугающей детализацией. Законотворческая деятельность, которая в значительной степени носила запретительный (регламентирующий) характер, отнимала у властей колоссальное количество времени и бумаги. Распоряжения правительства и князей доводились до сведения жителей либо письменно (на досках объявлений), либо устно (оглашение на деревенских сходах). Отличительной особенностью таких распоряжений было отсутствие «мотивировочной» части – жителям предписывался тот или иной способ поведения без объяснения его причин.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЖИЗНИ. СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Японец проживал в регламентированном и предсказуемом пространстве, не только социальном, но и физическом. В этом пространстве частные дома, учреждения, магазины, театры, публичные дома, возделанные поля занимали раз и навсегда определенное властями и традицией место. Занятия были наследственными, местожительство – тоже. Для совершения путешествия требовалось разрешение властей. Люди не искали «лучшей доли» за морем, «пионерский» дух отсутствовал, степень оседлости была чрезвычайно высокой. Общий ритм жизни был выстроен из расчета на извечность существующих порядков, будущее время тоже рассматривалось как предсказуемое. В 1836 г. залезший в долги даймё княжества Сацума заключил с кредиторами соглашение, согласно которому завершение выплаты долга предусматривалось в 2085 г.

Обучение, осуществлявшееся в разветвленной сети частных школ (как для самураев, так и для простонародья) было направлено на усвоение того, что высшей добродетелью является безоговорочное послушание – главе семьи, старосте, уездному и городскому начальству. Образцом послушания выступали самураи – главной добродетелью их неписаного кодекса чести (*бусидо*) выступала верность своему сюзерену. Таким образом, от общества требовалось, чтобы оно вело себя в соответствии с идеалами военного сословия. Сохранилось большое количество сочинений представителей всех сословий, которые свидетельствуют о том, что вопросам этики уделялось огромное внимание. При всей разности подходов для большинства из них характерно воспевание послушания, трудолюбия, честности, этикетности поведения, долга, личной верности, подчиненности человека интересам коллектива.

Образованность глубоко проникла в японское общество. Считается, что в середине XIX в. грамотой в той или иной степени владели около 40% мужчин и 15% женщин. Что до самураев, то практически все из них были грамотными. В связи с этим ксилографическое книгопечатание получило широкое распространение, в крупнейших городах действовали сотни библиотек.

Сёгунат мыслил себя не только административным распорядителем, но и моральным лидером, учителем народа, который открыто позиционировался как «неразумный». В связи с этим прилагались настойчивые усилия по внедрению в его среду моральных ценностей. Периодически издавались указы, призывающие к неукоснительному исполнению семейных обязанностей; перед частными домами устанавливались таблички, свидетельствующие о том, что здесь проживают чадолюбивые (многодетные) родители и родителелюбивые дети. Часты были и указы, запрещающие (ограничивающие) излишества и роскошь – фейерверки, посещение зрелищных мероприятий (выступления уличных артистов, театральных постановок и соревнований по борьбе сумо). Осуждалось ношение драгоценностей, изысканные курительные трубки, гребни, шелковая одежда, пышные свадьбы, дорогое питание (например, сладости, ранние овощи и фрукты), неумеренное винопитие и т.д. Всячески поощрялись экономность и бережливость: жителям предлагалось пользоваться домашней утварью максимально долго, откладывать до последней возможности ремонтные работы в своем доме, не тратиться на

излишества и т.п. Никого не удивляли и запреты на азартные игры, «нескромные» картинки и книжки (в их число попадал и знаменитый средневековый роман «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу), «безнравственные» театральные постановки. Свободная любовь считалась проявлением неконтролируемой и разрушительной страсти, а потому не подлежала воспеванию. Место любви занимал семейный долг. Физическое наслаждение мужчин обеспечивали обитательницы лицензированных «веселых кварталов». Закрепленное в указах власти раздражение вызывалось не столько их «аморальностью» или же «развращенностью», сколько их шикарными нарядами. То есть им предъявлялись те же самые требования, что и другим обитателям страны.

Все эти ограничения и регламентации проводились в жизнь с завидной последовательностью – нарушители попадали в тюрьму, магазины, где торговали товарами сверх порога указанных цен, безжалостно закрывались. Общий курс сёгуната был рассчитан не столько на увеличение производства, сколько на ограничение потребления. Это касается не только «простонародья», но также самураев и самих князей, и даже сёгунов, которые, бывало, являли себя своим вассалам в самых простых одеждах. Статусный разрыв между различными социальными группами был огромным, но, если судить по европейским стандартам, разница в материальном положении не была столь кричащей. Несмотря на ограниченность средств, бакуфу и князья не предпринимали серьезных усилий для увеличения налоговой базы, которая на протяжении всего XVIII в. оставалась практически неизменной.

Для обеспечения выполнения своих указов, администрация бакуфу обладала огромным административным и полицейским аппаратом (как центральным, так и княжеским), доносительство было в порядке вещей, должность тайного агента пользовалась спросом. Несмотря на то что эффективность многих мелочных ограничений подлежит сомнению (их иногда называли «трехдневными законами»), основные распоряжения все-таки исполнялись. Все это приводило к тому, что японское население отличалось беспрецедентным послушанием, а управляемость страной следует признать очень высокой. В перспективе это сильно облегчило в стране проведение модернизации второй половины XIX в., которая осуществлялась в соответствии с планами, разработанными властями.

ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ

Имея минимальное количество физических контактов с Западом, Япония (по крайней мере ее управленческая верхушка и интеллектуальная элита) отчетливо помнила о времени пребывания европейцев в Японии. Христианские сочинения находились под запретом, но небольшой группе ученых дозволялся доступ к европейским книгам научного содержания. Эти ученые получили прозвище «голландоведов» (*рангакуся*). Они занимались штудированием медицины, биологии, астрономии, географии, физики, химии. Однако прямое воздействие европейской науки на японский интеллектуальный климат следует признать минимальным. Начинавшееся нативистское (патриотическое) движение (так называемая Школа национального учения – *кокугаку*) объявляло Японию «страной синтоистских богов» и противопоставляло ее Китаю,

Корее и Западу. Многие из ученых, принадлежавших к этой школе, полагали, что страны Запада стремятся к завоеванию Японии, а потому следует быть готовыми к отпору. Хотя конфуцианский ученый и государственный деятель Араи Хакусэки (1657–1725) не думал так, он находил, что распространение христианства с неизбежностью вызывает дух мятежности. Именно игнорирование христианством такого основополагающего элемента, как сыновняя почтительность, многократно приводило к смене династий в Европе, чего Япония сумела счастливо избежать. Араи Хакусэки и ему подобные с недоумением и гневом цитировали соответствующие части Писания, где умалялось значение кровнородственных связей, составлявших каркас японского общества: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня…»

Ученые школы кокугаку (такие как Камо-но Мабути, 1697–1769, Мотоори Норинага, 1730–1801, и др.) занимались изучением и комментированием древних письменных текстов. Они были озабочены выявлением в культуре «чисто» японских элементов, что во времена господства неоконфуцианства не являлось для власти первоочередной идеологической задачей. В связи с этим школа кокугаку не являлась особенно влиятельной. Однако труды ее ученых еще сыграют во второй половине XIX в. огромную роль в формировании японского государства-нации (в XVIII в. жители страны Японии еще не позиционировали себя в качестве «японцев»).

Конец XVIII – начало XIX в. принесли Японии немало угроз ее изолированному существованию. Западным державам становилось «тесно» в прежнем мировом пространстве. Один за другим в Японию прибывали английские, американские и русские корабли. В 1792 г. на корабле «Св. Екатерина» прибыл поручик А. Лаксман. В 1804 – камергер Н.П. Резанов, в 1806 г. – лейтенант Н.А. Хвостов и мичман Г.И. Давыдов, в 1811 – капитан В.М. Головнин. Все непрошенные гости требовали одного: чтобы Япония открыла свои двери для торговли. Иными словами, они требовали порвать с одним из основополагающих принципов существования сёгуната и потому получали отказ. Система сёгуната была выстроена таким образом, что она хорошо держалась в условиях автаркии и располагала достаточной гибкостью и ресурсом для самоподстройки. Однако малейшее внешнее вмешательство в ее работу грозило катастрофой. Так и произошло. В середине XIX в. сёгунское правительство под давлением (в том числе и силовым) западных держав (прежде всего США, России, Англии и Франции) было вынуждено пойти на открытие нескольких портов, а всего через десятилетие, в 1867 г., сёгунат Токугава пал.

Глядя из сегодняшнего дня, кажется, что век XVIII оказался для Японии поистине «золотым». В прошлом XVII столетии еще чувствовались последствия кровопролитных междоусобных войн, которые сотрясали страну ранее. Век XIX принес Японии полноформатное столкновение с европейской цивилизацией, результатом которого стал крах всей прежней системы жизни, гражданская война, лихорадочный поиск ответов на вызовы Запада, болезненные реформы, уничтожение культурного разнообразия. Все это

сопровождалось развитием комплекса национальной неполноценности и жуткими психологическими стрессами. Именно в то время сформировалось устойчивое представление о том, что все правление сёгуната Токугава было «временем застоя». Заимствованный на Западе термин «феодализм» приобрел отрицательный привкус – стало считаться, что в мирном правлении сёгуната невозможно обнаружить ничего хорошего. Сёгунат стали обвинять во всех смертных грехах, включая техническую и военную отсталость, закрытие страны, ее изоляцию от «благодатного» международного общения, под которым разумелось прежде всего общение с Западом.

Это убеждение подпитывалось западной историографией, которая, свято веря в «прогресс», находила прошлые времена мирного правления сёгуната мало соответствующими своим идеям о благодатности движения. Японский XVIII в. казался им классическим образцом «спящей Азии», которую Запад пробудил к активной и деятельной жизни. Западные историки, публицисты, политические и общественные деятели были поражены быстротой перемен, происходивших в Японии второй половины XIX – начале XX в., и наперебой восхищались ими. Они находили, что, выйдя из изоляции, Япония сделала правильный выбор. Индустриализация, всеобщее обязательное обучение, всеобщая воинская повинность, успехи в империалистических войнах (японо-китайская война 1894–1895 гг. и японо-русская 1904–1905 гг.) свидетельствовали о том, что Япония приняла западные правила мировой игры и находится на верном пути. В самом скором историческом будущем этот путь привел ее к потере чувства реальности, фантастическому по своей непродуманности участию во Второй мировой войне и полному военному и моральному краху. Однако историки-марксисты, которые долгое время правили бал в послевоенной Японии, тоже не отнеслись к эпохе Токугава благожелательно. Они тоже были продуктом прогрессистской концепции развития мировой истории и пытались найти в этой эпохе лишь потенциальную предтечу грядущей революции. Но поскольку, несмотря на все их старания, во времена Токугава им не удавалось отыскать убедительных свидетельств развития капиталистических отношений и нарастания накала классовой борьбы, они тоже объявляли это время «косным».

Отношение к эпохе Токугава стало меняться только в последние два десятилетия XX в. Тогда историки разглядели за абстрактным зданием «феодализма» живого человека, только тогда был поставлен вопрос, действительно ли вековая изоляция страны была для нее такой вредоносной, как то утверждалось ранее. Ныне огромное количество исследований, посвященных сёгунату Токугава, делают основной акцент на изучении эволюции социальных и экономических отношений, а также на описании стиля жизни разных социальных слоев токугавской Японии.

PAX EUROPEA: СОЮЗЫ И ВОЙНЫ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ, ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ НА КАРТЕ МИРА

История международных отношений – не только одна из наиболее старых (еще в XVIII в. она входила в курс подготовки будущих дипломатов), но и одна из наиболее консервативных отраслей исторической науки. Даже сегодня, в начале XXI столетия, у ее исследователей считается в порядке вещей ссылаться на публикации дипломатических документов и даже на монографии по данной тематике, вышедшие еще в XIX в., при том что во многих других сферах историографии издания аналогичной давности представляют интерес лишь для историков науки. Тем не менее и в разработке истории международных отношений за последние десятилетия произошли важные изменения. Теперь она не только изучается сугубо в политическом ракурсе, но и включается в более широкий социально-экономический и социокультурный контекст. То есть, с одной стороны, история межгосударственных отношений рассматривается в неразрывной связи с происходившими в обществе экономическими процессами и социальными сдвигами. С другой – трактуется как одна из сфер культуры в широком смысле слова, обладающая всеми теми характерными особенностями, что и культура той или иной эпохи в целом. Так, при изучении взаимоотношений европейских государств в XVIII в. учитывается прямое или опосредованное влияние на них культуры Просвещения.

В научной литературе по истории дипломатии XVIII столетие нередко именуется «веком договоров» или «веком альянсов». Действительно, именно тогда впервые утвердилась единая для всей Европы система международных отношений, построенная на более или менее развитой правовой основе. И если на Западе европейского региона основы такой системы были заложены еще Вестфальским миром 1648 г., то в течение XVIII в. ее действие постепенно распространилось и на восточную часть. В это же время активная колониальная экспансия европейских держав привела к вовлечению в орбиту их политики обширных территорий Азии, Африки и Америки, поэтому можно говорить и о складывании мировой системы международных отношений.

Во многом эти процессы были стимулированы результатами двух продолжительных войн, вспыхнувших в самом начале XVIII столетия на разных краях Европы, а именно – войны за Испанское наследство (1701–1714) и Великой Северной войны (1700–1725). Будучи прямым следствием тех тенденций европейской политики, которые доминировали в XVII в., эти войны в итоге создали совершенно новое соотношение сил на международной арене.

ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Последняя из войн Людовика XIV продолжила ту политику, которую «король-солнце» вел на протяжении всей второй половины XVII в. В его долгое царствование (1643–1715 гг., к единоличному управлению он приступил в 1661 г.) Франция обрела столь огромную экономическую, военную и морскую мощь, что могла на протяжении нескольких десятилетий осуществлять активную территориальную экспансию за счет соседних стран. Растущая французская гегемония заставила ведущие западноевропейские державы объединить свои усилия для совместного противодействия ей. Созданная ими Аугсбургская лига в ходе изнурительной Девятилетней войны (1688–1697) не только помешала Людовику XIV овладеть Пфальцским наследством, но и вынудила Францию при подписании Рисвикского мира (1697) отказаться от части территориальных приобретений более раннего времени.

После заключения Рисвикского мира великие державы начали сложные дипломатические маневры в ожидании скорой кончины тяжело больного и бездетного испанского короля Карла II. Наследников мужского пола у него не было, но поскольку законы Испании допускали наследование короны по женской линии, наибольшие права на трон имели внук Людовика XIV герцог Филипп Анжуйский и австрийский эрцгерцог Карл. Чтобы избежать новой войны и мирным путем урегулировать проблему, Людовик XIV предложил другим державам заранее договориться о разделе Испанского наследства. В марте 1700 г. Франция подписала соответствующее соглашение с Англией и Нидерландами. Однако Карл II, не желая, чтобы Испания подверглась после его смерти разделу, перед самой кончиной (1 ноября) завещал корону Филиппу Анжуйскому.

После нескольких дней напряженного обсуждения этой ситуации со своими министрами Людовик XIV заявил, что его внук принимает наследство и становится испанским королем Филиппом V, сохраняя права и на французскую корону. Ведущие державы Европы стали готовиться к войне.

В 1701 г. австрийская армия под командованием одного из лучших полководцев того времени принца Евгения Савойского вторглась без объявления войны в Северную Италию, угрожая испанским владениям на Апеннинах. 7 сентября 1701 г. Австрия, Англия и Голландия подписали договор о союзе, а 15 мая 1702 г. официально объявили войну Франции и Испании. На стороне бурбонских монархий сначала выступили Савойя и Португалия, но затем обе покинули коалицию и некоторое время спустя перешли на сторону противника.

Военные действия приобрели широкий размах и шли в самой Испании, в Испанских Нидерландах, Италии, на Рейне, в колониях и на морях. Первое время они развивались с переменным успехом. Если на море испанский флот потерпел поражение от англичан и голландцев в бухте Виго (23 октября 1702 г.), а в Нидерландах французам приходилось отступать под натиском коалиционной армии герцога Мальборо, то в Италии и на Рейне они имели заметный перевес. Однако уже в 1704 г. чаша весов склонилась в пользу антифранцузской коалиции: англичане захватили Гибралтар, а герцог Мальборо и Евгений Савойский наголову разбили французов при Хёхштедте.

В 1706 г. армии Людовика XIV пережили новую серию неудач. Мальборо нанес сокрушительное поражение французам при Рамийи, а Евгений Савойский – под Турином. В 1707 г. австрийцы заняли принадлежавший Испании Неаполь, а принц Евгений атаковал Тулон. Единственным театром военных действий, где успех оказался на стороне Бурбонов, была Испания: благодаря победам маршала Бервика в 1707 г. Филипп V окончательно утвердился в Мадриде. В 1708 г. французы вновь потерпели поражение от герцога Мальборо и Евгения Савойского в Нидерландах, на этот раз при Ауденарде.

В довершение обрушившихся на Францию бедствий зимой 1709 г. ударили страшные морозы. Только в Париже за январь от холода умерли более 24 тыс. человек. В большинстве областей вымерзли озимые, погибло много скота и домашней птицы. Начался голод. Весной 1709 г. Людовик XIV предложил противнику огромные уступки в обмен на прекращение войны, соглашаясь вернуться к условиям Вестфальского мира 1648 г. и отказаться от Испанского наследства, сохранив лишь Неаполь в качестве компенсации для Филиппа V. Однако союзники, воодушевленные победами, потребовали от французского короля невыполнимого – послать свою армию в Испанию и силой лишить внука короны. На такое унижение Людовик XIV пойти не мог.

12 июня он совершил беспрецедентный шаг, напрямую обратившись к своему народу. По всей стране было разослано письмо короля, где он объяснял подданным, почему оказались сорваны мирные переговоры. Обращение Людовика XIV произвело сильное впечатление на французов, высоко подняв их боевой дух. 11 сентября при Мальплаке французская армия маршала Виллара оказала ожесточенное сопротивление войскам Мальборо и Евгения Савойского, нанеся им такие потери, что союзники вынуждены были отказаться от дальнейшего наступления.

После прихода к власти в Великобритании правительства тори (1710), настроенных в пользу скорейшего прекращения войны, герцог Мальборо был отстранен от командования; начались мирные переговоры. В начале 1712 г. открылся мирный конгресс в Утрехте. Работу французских дипломатов облегчил успех французского оружия: маршал Виллар под Дененом разгромил часть армии принца Евгения.

11 апреля 1713 г. представители Людовика XIV заключили Утрехтский мир со всеми противниками, кроме Австрии. Война с ней продолжалась еще год и завершилась подписанием Раштадтского мира 6 марта 1714 г. По мирным договорам Франция отдала ряд крепостей во Фландрии и на правом берегу Рейна, а также ряд своих североамериканских колоний – Ньюфаундленд, Акадию и земли вокруг Гудзонова залива. Зато Филипп V сохранил испанскую корону, хотя и был вынужден отказаться от прав на французскую. Австрийские Габсбурги отказались от прав на испанскую корону, получив в качестве компенсации Нидерланды, Неаполь, Сардинию и Тоскану.

Таким образом, Людовику XIV в целом удалось добиться своего: Бурбоны воцарились на испанском троне, а Франция, несмотря на крайне неудачный ход войны, сумела избежать серьезных территориальных потерь. Однако она была настолько ослаблена, что о ее доминирующем положении в Европе теперь не могло идти и речи.

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

В то время, как на западе Европы широкая коалиция держав вела борьбу против претензий Франции на европейское господство, на востоке Европы другая коалиция сражалась против региональной гегемонии Швеции. В мировой историографии эту войну обычно называют Великой Северной, чтобы отличать от Северной войны 1655–1660 гг., однако в российской научной литературе ее чаще упоминают без прилагательного «великая».

К началу XVIII в. Швеция была одной из сильнейших европейских держав и практически безраздельно господствовала на Балтийском море, со всех сторон окруженном ее владениями. Недовольные ее доминированием соседние государства – Россия, Дания и состоявшие в династической унии Саксония с Польшей – создали альянс, начавший в 1700 г. войну против шведов. Впрочем, первое время союзников преследовали неудачи. Юный шведский король Карл XII, действуя быстро и решительно, принудил к миру Данию и нанес тяжелое поражение русской армии под Нарвой, после чего обратил оружие против Августа II, польского короля и саксонского курфюрста.

За те несколько лет, которые Карл потратил на борьбу с Августом и возведение на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского, царь Петр I сумел завершить реорганизацию русской армии на европейский лад и заложить основы военно-морского флота России. Пока шведский король преследовал Августа в Германии и Польше, русские одну за другой занимали шведские крепости в Ингерманландии и Эстляндии – Нотебург, Ниеншанц, Нарву, Дерпт.

Навязав в 1706 г. унизительный мир саксонскому курфюрсту, Карл XII в следующем году начал поход против России. В 1708 г. на его сторону перешел украинский гетман Иван Мазепа. Однако придя на Украину, шведы не получили ожидавшейся ими поддержки со стороны местного населения. Их силы таяли в стычках с русской армией, а отправленные из Прибалтики подкрепления были рассеяны Петром I в сражении при Лесной. Суровая зима 1709 г. еще больше ослабила шведскую армию, и 27 июня русские разбили ее под Полтавой.

Карл XII бежал в турецкие владения, где предпринял активные усилия, чтобы столкнуть Османскую империю с Россией. В 1710 г. Турция объявила России войну. В 1711 г. Петр I предпринял Прутский поход, двинувшись со своей армией в глубь неприятельской территории, где был окружен превосходящими силами неприятеля. Только благодаря счастливому стечению обстоятельств ему удалось избежать полного разгрома, подписав мир на достаточно мягких условиях: Россия возвращала султану Азов и обязалась снести все свои укрепления на Азовском море.

После поражения шведов под Полтавой в антишведскую коалицию вернулись Дания, Саксония и Польша, где на трон, изгнав Станислава Лещинского, опять взошел Август II. Позднее в коалицию некоторое время входили также Пруссия и Великобритания. К 1716 г. Швеция потеряла все свои владения на южном побережье Балтийского моря, кроме Померании.

В 1721 г. был подписан Ништадтский мир, по которому Российская империя получала Ингерманландию, Лифляндию и Эстляндию. «Прорубив окно в Европу», она вошла в число великих держав континента. Швеция же таковой статус навсегда утратила.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЕВРОПЫ В XVIII ВЕКЕ

Итоги двух войн, открывавших столетие, привели к радикальному изменению геополитической ситуации в Европе. Получив отпор от объединенных сил западноевропейских государств, Франция впредь уже не могла рассчитывать на продолжение политики территориальной экспансии, подобной той, которую ранее проводил Людовик XIV. Вместе с тем ее ослабление не привело и к нарушению паритета в противостоянии французских королей с Габсбургами, каковое являлось одним из определяющих факторов европейской политики XVI–XVII вв. Лишившись такого союзника, как Испания, австрийские Габсбурги уже не могли надеяться на восстановление той доминирующей позиции в Европе, которую они занимали до Тридцатилетней войны. Более того, с потерей и Бурбонами, и Габсбургами надежд на установление своей абсолютной гегемонии в регионе, многовековое соперничество двух династий утратило былую остроту, а затем и вовсе сошло на нет, что позволило им в середине XVIII в. даже стать союзниками.

Вынужденная отказаться от экспансии на континенте, Франция активизировала свою колониальную политику. Для этого она имела хорошие исходные позиции: сильный и многочисленный флот, созданный при Людовике XIV под руководством Кольбера, и опорные пункты в Индии (Пондишери, Чандернагор, Масулипатам), в Индийском океане (о-ва Иль-де-Франс и Бурбон), на западном побережье Африки, в Вест-Индии (Мартиника, Гваделупа, Гаити) и Северной Америке (Квебек). Сразу после войны за Испанское наследство развернулось энергичное освоение французами Луизианы, исследованной ими еще в 80–90-е годы XVII в. В 1718 г. здесь был основан Новый Орлеан, а в 1721 г. Луизиана была разделена на 9 военных округов. В 1727 г. началось строительство фортов на реках Гудзон и Мохок. Столь же активную экспансию французы проводили и в Индии. В 1721 г. они утвердились в Маэ на Малабарском побережье. В 1724 г. руководство Ост-Индской компанией взяло на себя непосредственно французское правительство. Особенно больших успехов в расширении своих владений и влияния в Индостане французы добились при генерал-губернаторе Дюплексе (1742–1754).

Однако колониальная экспансия Франции очень быстро привела ее к затяжному конфликту с Великобританией, также энергично стремившейся к приумножению своих заморских владений.

По Утрехтскому миру Великобритания получила Гибралтар и право в течение 30 лет поставлять чернокожих рабов в испанские колонии. Эти достаточно скромные приобретения оказались явно непропорциональны тем огромным затратам, в которые обошлась стране изнурительная война за Испанское наследство. Поэтому в последующее двадцатилетие британские правящие круги проявляли крайнюю осторожность в международных отношениях, избегая непосредственного вмешательства в континентальные дела. А вскоре они и вовсе сделали ставку на другое, менее рискованное, но экономически более выгодное направление внешней политики – колониальное. Для этого Британия имела примерно такие же исходные позиции, как Франция: опорные пункты в Западной Африке, фактории в Индии (Мадрас, Бомбей и Калькутта), несколько островков в Вест-Индии (Сен-Кристофер, Антигуа и др.), колонии на побережье Северной Америки.

Поддержка британским правительством колониальной экспансии существенно активизировалась со второй половины 30-х годов XVIII в. под давлением парламентской группировки «патриотов», резко критиковавших излишне миролюбивый, по их мнению, курс премьер-министра Р. Уолпола и призывавших к захвату новых заморских территорий. В 40-е годы идеи «патриотов» стали во многом определяющими для внешнеполитического курса страны, а лидер этой группировки У. Питт Старший с 1746 г. постоянно входил в состав кабинета министров. С 1756 г. он возглавлял военное и дипломатическое ведомства, а в 1757–1761 гг. (с небольшим перерывом) фактически руководил правительством.

Разумеется, геополитические интересы Великобритании и Франции – двух держав, наиболее активно осуществлявших колониальную экспансию, не могли не войти в противоречие между собой. Уже во время Девятилетней войны и войны за Испанское наследство вооруженные столкновения между французами и англичанами происходили не только в Европе, но и в Канаде, Африке, Вест- и Ост-Индии. Однако тогда эти театры военных действий имели второстепенное значение. В крупнейших же войнах XVIII в. – войне за Австрийское наследство, Семилетней войне и Войне за независимость североамериканских колоний – именно заморские территории в Северной Америке, Вест- и Ост-Индии стали основным полем военного противоборства между Великобританией и Францией. Более того, именно конфликты в колониях привели к началу второй и третьей из названных войн. Характерно также, что результатом всех этих конфликтов, независимо от того, кто в них побеждал, было перераспределение владений в колониях, при сохранении в целом статус-кво в Европе и для Франции, и для Великобритании.

Таким образом, на смену противостоянию французских королей и Габсбургов, во многом определявшему международный климат в Европе в XVI–XVII вв., пришло новое – соперничество между Францией и Великобританией за колонии, ставшее одной из доминант европейской и мировой политики на следующие двести лет.

На протяжении XVIII в. это соперничество складывалось не в пользу Франции, во многом из-за присущей ее внешней политике в тот период ярко выраженной противоречивости – стремления одновременно преследовать ряд практически не связанных между собой, но весьма амбициозных стратегических целей, что вело к распылению имевшихся у страны сил и средств. Если британские власти, во многом под влиянием идей «патриотов», уже в середине столетия сконцентрировали усилия и ресурсы на колониальной экспансии, избегая непосредственного вмешательства в военные конфликты на континенте, то правительства Людовика XV и Людовика XVI постоянно разрывались на международной арене между двумя главными направлениями – колониальным и континентальным. С одной стороны, принимая во внимание экономические потребности и геополитические реалии XVIII в., правящие круги Франции охотно оказывали поддержку завоеванию и освоению заморских территорий. Но такая поддержка далеко не всегда оказывалась достаточной, поскольку, с другой стороны, Франция прилагала немало усилий для того, чтобы, как и в предшествующем столетии, оставаться арбитром в германских делах и гарантом существования так называемого «восточного барьера», состоявшего из Швеции, Польши и Турции.

Подобная раздвоенность доходила до того, что при Людовике XV одновременно существовали две параллельные системы французской дипломатии, преследовавшие разные, порой противоречившие друг другу цели. Так, например, во время Семилетней войны приоритетом для официальной дипломатии Франции было обеспечение союза с Россией, в том числе ценой согласия с российской политикой в отношении Польши и Турции. Но в то же время сеть подчиненных лично Людовику XV дипломатических агентов («секрет короля») проводила диаметрально противоположную линию и противодействовала российской политике в этих странах.

Когда-то, в условиях противостояния французских королей и Габсбургов, поддержание «восточного барьера» было для Франции действительно необходимо, ибо входившие в него страны нередко, по наущению Парижа, оказывали давление с востока на Священную Римскую империю, отвлекая на себя силы австрийских Габсбургов. Но после прекращения такого противостояния и уж тем более после установления между Францией и Австрией союзнических отношений, французская политика «восточного барьера» утратила прежнее значение, превратившись, по оценке многих современных историков международных отношений, в своего рода анахронизм. Тем не менее в силу определенной инерции и отчасти по династическим мотивам (Людовик XV был зятем бывшего польского короля Станислава Лещинского) власти Франции продолжали проводить ее, не считаясь с затратами. Более того, в XVIII в. идея «восточного барьера» приобрела ярко выраженную антироссийскую направленность, ибо смысл его сохранения объясняли, прежде всего, необходимостью сдержать «напор русских варваров» на Европу. И это при том, что Россия тогда непосредственно не угрожала французским интересам ни в одной из сфер, а активизация торговли с нею сулила выгоды для экономики Франции. Во всяком случае так утверждали французские коммерсанты в многочисленных записках и проектах, направляемых ими своему правительству, а ныне хранящихся в парижском архиве МИДа.

В конечном счете стремление вести одинаково активную, но не подкрепленную должными ресурсами внешнюю политику и на колониальном, и на континентальном направлениях привело Францию к краху на обоих из них. С одной стороны, недостаточная материальная поддержка метрополией своих колоний имела следствием утрату французами прежних позиций в Северной Америке и в Индии, с другой – все усилия Франции по сохранению «восточного барьера» не уберегли Османскую империю от разгрома в русско-турецких войнах, а Польшу от раздела 1772 г. Более того, французская монархия и сама не выдержала взятого на себя бремени: огромные расходы на участие в Войне североамериканских колоний за независимость – войне, принесшей Франции, несмотря на одержанную ею победу, чисто символические приобретения, – спровоцировали катастрофический рост ее государственного долга и, в конечном счете, финансовый кризис, ставший одной из причин Французской революции.

На востоке Европы Великая Северная война привела к столь же радикальному изменению геополитических ролей, как это сделала война за Испанское наследство на Западе. До Северной войны положение в регионе на протяжении полутора столетий определялось соперничеством за гегемонию

между членами восточноевропейского «квартета»: Швеции, Польши (Речи Посполитой), России и Османской империи (Турции). Последняя влияла на ситуацию в Восточной Европе как непосредственно, так и через зависимое от нее Крымское ханство. Эта борьба шла с переменным успехом: если на протяжении XVI в. наиболее сильным из участников «квартета» была Турция, являвшаяся тогда великой державой общеевропейского масштаба, то в XVII в. такой статус получила Швеция. Великая Северная война, в которой так или иначе приняли участие все четыре соперника, решающим образом изменила соотношение сил среди них в пользу России.

Швеция, потерпев поражение, отныне была обречена жить лишь воспоминаниями о былом величии и мечтами однажды воспользоваться трудностями своих более удачливых соседей, чтобы взять реванш. Однако на деле все попытки такого реванша – и по отношению к Пруссии (Семилетняя война), и по отношению к России (русско-шведские войны 1741–1743 и 1788–1790 гг.) – окончились полным провалом. Вместе с тем, как подчеркивают современные шведские историки, крах имперских амбиций, больно ударив по национальной гордости шведов, оказался для них мощным стимулом к развитию и залогом будущего преуспеяния их страны.

Польша, вступившая в Северную войну как равноправный член антишведского альянса, в ходе нее превратилась из субъекта политики в объект – сферу соперничества между Швецией и Россией, стремившихся возвести на польский престол своих претендентов. И хотя Польша, в течение войны примыкавшая то к одному лагерю, то к другому, оказалась в конечном счете на стороне победителей, король Август II своей короной отныне был полностью обязан русскому царю, который вернул ему ее, отняв у шведского ставленника Станислава Лещинского. В еще большей зависимости от России оказался следующий польский монарх Август III, сумевший только благодаря русской армии в ходе войны за Польское наследство 1733–1738 гг. отвоевать престол у все того же Станислава Лещинского, на сей раз поддержанного Францией. Последний обладатель польской короны, Станислав Август Понятовский, был также возведен на свой престол русской императрицей, как потом ею же и снят.

Османская империя, ослабленная тяжелым поражением в австро-турецкой войне 1683–1697 гг. и внутренними разногласиями, не только не решилась принять полноценного участия в войне Северной, к чему ее настойчиво подталкивал Карл XII, но даже не сумела воспользоваться той благоприятной возможностью изменить к своей выгоде соотношение сил в восточноевропейском «квартете», которую ей предоставил опрометчиво затеянный Петром I Прутский поход 1711 г. В итоге турки получили на своих северных границах мощного соперника, который вскоре посягнул на их владения в Северном Причерноморье и на Кавказе.

Напротив, Россию Северная война не только возвысила над соседями-конкурентами по «квартету», но и вывела на уровень великой державы. Завоевания в Прибалтике открыли ей выход к Балтийскому морю, сделав полноправным участником европейской международной системы.

Еще одним важным результатом этой войны, способствовавшим усилению Российской империи, стала полная интеграция Украины в ее состав. Хотя украинский гетман Богдан Хмельницкий еще в середине XVII в.

перешел со своими соотечественниками под протекторат России, и он, и его преемники сохраняли высокую степень автономии во внутренних делах, а на протяжении какого-то времени и во внешних. Некоторые из гетманов даже прибегали к покровительству других участников «восточноевропейского квартета» – Польши (И. Выговский) или Турции (П. Дорошенко). Да и сам Хмельницкий в конце жизни вступил в союз со Швецией, воевавшей тогда против России, что позволило позднее Мазепе ссылаться на этот прецедент в оправдание своих действий. Однако союз Мазепы с Карлом XII стал последней из попыток украинских гетманов выйти из-под российского влияния, ибо дал повод Петру I еще больше ограничить казацкие вольности на Украине, с коими его наследники и вовсе покончили.

Но главное, из Северной войны Россия вышла во много крат усилившейся в военном отношении, поскольку, благодаря преобразованиям царя-реформатора, обрела военно-морской флот и современную армию, организованную на европейский манер.

Получив после Северной войны большое военно-стратегическое преимущество над своими традиционными соперниками по восточноевропейскому «квартету», Российская империя развернула в отношении них такую же активную территориальную экспансию, какая в XVIII в. была характерной чертой внешней политики всех великих держав. Объектом подобной экспансии стали прежде всего владения Турции и Польши. И здесь естественным союзником России оказалась Австрия, имевшая схожие внешнеполитические интересы.

После войны за Испанское наследство Австрия практически избавилась от необходимости противодействовать на Западе французской экспансии, что развязало Габсбургам руки для продвижения на Восток – на турецкие, а затем и польские территории. Близость геополитических интересов Австрии и России в этот период определила устойчивую тенденцию к существованию между ними союзнических отношений. Действительно, на протяжении XVIII столетия при всех конъюнктурных переменах внешнеполитической линии каждой из этих держав они в критические моменты всякий раз оказывались союзниками.

Так, несмотря на произошедший в 1719 г. между двумя странами разрыв отношений, уже в 1726 г. Австрия вступила в альянс с Россией, а в 1727 г. подписала с нею конвенцию о военной помощи. В войне за Польское наследство Россия была союзником Австрии. Во время русско-турецкой войны (1735–1739) также была заключена конвенция о взаимной помощи между Австрией и Россией, возобновленная в 1739 г. В 1746 г., во время войны за Австрийское наследство, Россия вновь вступила в союз с Австрией и год спустя приняла участие в войне на ее стороне. После начала Семилетней войны Россия в декабре 1756 г. опять же присоединилась к австро-французскому союзу. И если Вена во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. занимала в целом достаточно враждебную позицию по отношению к России (хотя и приняла вместе с ней участие в разделе Польши 1772 г.), то уже в 1781 г. Иосиф II заключил с Екатериной II союз против Турции. Иначе говоря, несмотря на все конъюнктурные колебания, объективная потребность Австрии и России в союзнических отношениях оставалась геополитической константой на протяжении всего XVIII в.

Помимо названных мотивов австрийские Габсбурги были заинтересованы в союзе с Россией также для совместного противодействия прусской экспансии в Центральной Европе. С воцарением Фридриха II (1740) Пруссия стала проводить активную политику, направленную на поглощение соседних земель – Силезии, Саксонии, части польских владений. Тем самым ее король нарушил геополитическое равновесие в этой части Европы, где традиционно доминировала Австрия. Началось длительное австро-прусское противостояние, которое во многом будет определять европейский политический климат на протяжении последующих ста с лишним лет. И в ряде случаев именно вмешательство России позволяло Габсбургам удержать равновесие в этом противостоянии: в Семилетней войне Россия, как уже говорилось, выступала союзником Австрии, а в войне за Баварское наследство 1778–1779 гг. – посредником австро-прусского примирения.

Таким образом, в европейской, а во многом и в мировой политике XVIII в. тон задавала «пентархия» великих держав – Великобритании, Франции, Австрии, России и Пруссии. В отношениях же между ними определяющими являлись три константы: англо-французское колониальное соперничество, австро-прусское противоборство в Центральной Европе и обоюдная заинтересованность России и Австрии в захвате владений Османской империи. В остальном же система международных отношений того периода отличалась достаточно высокой подвижностью и переменчивостью: великие державы в разных сочетаниях заключали между собою более или менее краткосрочные союзы, которые в своей совокупности обеспечивали общее европейское равновесие и не позволяли ни одной из них чрезмерно усилиться по сравнению с другими.

ДИПЛОМАТИЯ ВЕКА ПРОСВЕЩЕНИЯ

В столь переменчивой международной ситуации правительствам всех европейских держав приходилось прилагать непрестанные усилия, ища себе союзников и пытаясь помешать в этом конкурентам, дабы не допустить нарушения «европейского баланса» в невыгодную для себя сторону. Все это вело к усилению значимости дипломатии, достигшей в XVIII в. уровня настоящего искусства.

Дипломатическая карьера тогда считалась не менее престижной, чем военная. Послами при иностранных дворах обычно назначались аристократы, нередко носившие титулы князей, маркизов, графов. Посол должен был не только хорошо разбираться в тонкостях международной политики, но и досконально знать хитросплетения придворных и политических интриг в стране своего пребывания, быть осведомленным о ее экономическом и военном потенциале. Чтобы получать необходимую информацию, заводить нужные знакомства и иметь свободный доступ к влиятельным лицам, послы должны были вести активную светскую жизнь, часто бывая при дворе, посещая и устраивая балы и званые обеды; их дома, как правило, являлись центрами притяжения для местного бомонда. Нередко значительную часть расходов на подобную «представительскую» деятельность дипломатам приходилось оплачивать из своего кармана, из-за чего высшие посты на этом поприще были доступны лишь достаточно состоятельным людям.

Веер «Бал наций». 1733 г.

Для этого периода характерна также профессионализация дипломатии, проявившаяся, в частности, в возникновении специализированных центров подготовки кадров для нее. Первым учебным заведением такого рода стала Политическая академия, основанная в 1712 г. маркизом Ж.-Б. Кольбером де Торси, руководителем внешнеполитического ведомства Франции в 1696–1715 гг. Помимо общеобразовательных дисциплин учащиеся постигали там искусство ведения дипломатической переписки и умение работать в соответствующих архивах. Однако академия эта просуществовала недолго: лишившись после отставки Торси своего главного покровителя, она пришла в упадок и в 1719 г. была закрыта.

В Германии искусству дипломатии учили в Гёттингенском университете, причем как немецких, так и иностранных студентов. Однако еще большую известность имел во второй половине столетия Историко-политический институт, основанный в 1752 г. при Страсбургском университете немецким историком И.Д. Шёпфлином. Здесь студенты из германских и прибалтийских государств, из Австрии и России изучали историю европейских династий и международных отношений. Именно тут постигал дипломатическую науку знаменитый в дальнейшем австрийский государственный деятель князь К.В.Л. Меттерних.

Профессионализация дипломатии находила также отражение в формировании постоянного аппарата внешнеполитических ведомств, каковой составляли министерские и посольские секретари, шифровальщики, переводчики и дипкурьеры. Существование профессиональных штатов обеспечивало устойчивость и преемственность текущей деятельности дипломатических служб при любых переменах министров.

Главным движущим мотивом внешней политики европейских держав в XVIII в. был прагматизм, «национальный» (государственный) интерес (raison d'État), определявшийся соотношением интересов тех элит страны,

которые могли влиять на принятие решений в данной сфере. Подробное теоретическое обоснование принцип приоритета «национальных интересов» по отношению ко всем иным («если речь идет о спасении государства, то нельзя быть излишне предусмотрительным») получил в трактате швейцарского юриста Э. Ваттеля «Международное право, или Принципы естественного права в их применении к поведению и делам наций и государей», впервые увидевшем свет в Невшателе в 1758 г., а затем переизданном во многих европейских странах.

Напротив, значение династических мотивов, некогда доминировавших во внешней политике, в XVIII в. существенно снизилось. И хотя они, как показывает продолжение практики войн за «наследства»: Польское, Австрийское и Баварское, – еще играли некоторую роль, правительства исходили теперь из намного более широкого, чем ранее, спектра мотивов, в котором династические связи и личные пристрастия монархов занимали далеко не первое место. Некоторым королям для осуществления тех или иных внешнеполитических шагов в защиту, как они считали, своих династических интересов приходилось прибегать к параллельной дипломатии, действовавшей более или менее автономно от официальных внешнеполитических ведомств их государств. Такую «персональную» дипломатию Людовик XV проводил через своих личных дипломатических агентов, входивших в уже упоминавшийся выше «секрет короля», а британский монарх Георг I, являвшийся также курфюрстом Ганновера, – через непосредственно подчиненных ему ганноверских дипломатов.

Религиозные мотивы, доминировавшие в международных отношениях XVI в. и сохранявшие еще немалое значение в XVII в., теперь, в XVIII в., перестали играть сколько-нибудь существенную роль в этой сфере. Они использовались, пожалуй, лишь для оправдания вмешательства России и Пруссии в польские дела под предлогом защиты религиозных меньшинств («диссидентов») – соответственно, православных и протестантов – от притеснений со стороны католиков и для обоснования роли России в качестве гаранта безопасности православных подданных Оттоманской империи.

В целом же о дипломатии XVIII в. можно сказать, что по сравнению с предшествующим периодом она стала более профессиональной, более светской и, условно говоря, более «национальной», т.е. принимающей во внимание интересы значительно более широкого круга национальных элит, чем ранее.

ВОЙНА КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

Печальный опыт долгих и разорительных войн XVII – начала XVIII в., которые часто до такой степени истощали экономику воюющих стран, что те, несмотря ни на какие победы, вынуждены были идти на «мир пустой казны», побудил европейцев существенно модифицировать взгляды на войну как инструмент международной политики. Эти перемены проявились в разных аспектах.

Значительно обновились представления о принципах военной стратегии. Если прежде главной целью военных действий считалось взятие крепостей

и оккупация территории, то в XVIII в. получает распространение идея короткой (а значит и менее затратной) войны, где победа достигается быстрым маневром и победой в генеральном сражении. Эта доктрина была разработана в ряде сочинений 1719–1730 гг. бывшим французским офицером, участником войны за Испанское наследство и Великой Северной войны, Ж.Ш. де Фоларом. В частности, он предложил решать исход сражения стремительным штыковым ударом колонн, без долгой перестрелки между выстроенными в линии армиями.

Аналогичные мысли были развиты в трудах таких выдающихся полководцев своего времени, как Мориц Саксонский («Мои мечтания, или Записки о военном искусстве», 1732, опубл. 1757) и Фридрих Великий («Общие принципы войны», 1748; «Военные наставления короля Пруссии его генералам», 1762; «Военное завещание», 1768 и пр.). Первый обосновал преимущества маневренных действий армий. Второй разработал теорию наступательной войны с разгромом неприятеля на его собственной территории. Наконец, в 1772 г. французский военный теоретик граф Ж.А.И. де Гибер рекомендовал в качестве кратчайшего пути к победе генеральное сражение, в котором командиры отдельных частей армии должны иметь максимально широкие возможности для проявления творческой инициативы в рамках общего плана.

Новые методы ведения войны предъявляли более высокие требования к выучке армий. В этот период ведущие европейские державы стали делать упор не столько на количество войск, сколько на их качество. Наибольшую известность приобрела прусская система организации военного дела. Превратив страну в настоящий военный лагерь, Фридрих Вильгельм I («король-сержант»), а затем его сын Фридрих II создали блестяще выученную и хорошо дисциплинированную армию, действовавшую, как точный механизм. И хотя по размерам своей территории Пруссия занимала среди европейских стран лишь десятое место, а по количеству населения – тринадцатое, ее армия считалась одной из сильнейших в Европе. После войны за Австрийское наследство австрийцы, а после Семилетней – французы приняли на вооружение прусский опыт подготовки и организации своих вооруженных сил.

Во всех этих странах был осуществлен переход от практики размещения войск на постой среди населения к содержанию их в казармах, что способствовало повышению воинской дисциплины личного состава и расширению возможностей для его обучения. Введение униформы позволило улучшить контроль над солдатами и также благоприятно сказалось на состоянии дисциплины. Для подготовки квалифицированных офицерских кадров создавались военные школы, успешное окончание которых считалось, по крайней мере в инженерных войсках и артиллерии, даже более важным условием для последующей успешной карьеры, нежели родовитость.

В результате произошедших перемен война в XVIII в. стала несколько менее тяжким бременем для общества, нежели была ранее. Военные действия теперь велись относительно небольшими профессиональными армиями, существенно уступавшими по численности тем, что использовались в эпоху Людовика XIV. Так, если в войну за Испанское наследство на поле боя при Мальплаке (1709) 70 тыс. французов сражалось против 110 тыс. союзников, то в Семилетнюю войну при Росбахе лишь 25 тыс. пруссаков – против

50 тыс. французов и их союзников, при Лейтене 40 тыс. пруссаков – против 65 тыс. австрийцев, при Кунерсдорфе численность прусской и русско-австрийской армий составляла примерно по 50 тыс. В решающем же сражении Войны за независимость, при Йорктауне, франко-американская армия и вовсе насчитывала около 17 тыс., британская – 7 тыс.

Содержание менее многочисленных армий дешевле обходилось населению региона, ставшего ареной военных действий. Тем более что теперь практика такого содержания была существенно упорядочена: взимание контрибуций с местных властей положило конец тому массовому и бесконтрольному грабежу, которому ранее, в соответствии с принципом «война кормит войну», подвергали мирных жителей как свои, так и чужие войска. И хотя мародерство в той или иной степени продолжало практиковаться личным составом и регулярных частей и особенно иррегулярных, оно носило спонтанный характер и никоим образом не являлось результатом целенаправленной политики военного командования.

С фактическим исчезновением из европейской политики религиозных мотивов война лишилась былого ожесточения. Пленные больше не становились жертвами религиозного фанатизма своих противников и подлежали обмену в соответствии с точно установленными правилами. Исключение составляли, пожалуй, только войны на Востоке, где турки и европейцы проявляли по отношению друг к другу гораздо бóльшую жестокость, чем та, которую допускали в отношениях между собой «цивилизованные» нации.

Вместе с тем при несомненном сокращении непосредственных издержек от войны для общества, война все же оставалась тем, чем была всегда – массовым смертоубийством, и люди, воспитанные на гуманистических идеалах века Просвещения, это хорошо понимали.

> … Мне бы не досталось по очереди в поход, потому что я был младший капитан-поручик, но казалось стыдно в такое время жить дома и ежели не забавляться, по крайней мере, ощущать всю негу спокойнейшей жизни, тогда как товарищи мои должны были стоять под ядрами и лишаться последнего дыхания. Подействовал восторг мужественный и на меня. Я запылал и предался природному энтузиазму к славе. В мои тогдашние лета редко рассуждали о том, в чем состояла настоящая. Шум и треск оружия похищали ее место, и там только, казалось, обитала слава, где можно или свой череп дать раскроить, или разнести его другому во исполнение высочайшего манифеста. …
>
> … Всякий шел с радостию на войну. Иной хотел креста, чину, выгод, славы, а я вооружался из одного повиновения законам чести. Я не любил военного ремесла, ни его трофеев. Моя занятии, вкусы, склонности готовили меня более к жизни спокойного гражданина, и при таком расположении я, однако, шел резать людей. Вызов отечества сделан. Царь приказал, начальники нарядили, я плакал, – но покорялся. Я не искал отличий, но шел в ряду с теми, кои для них только и служат, искать своей смерти или дать ее другому. О как ужасно военное состояние! Но монархи этого не чувствуют, а войска – отоматы. ⟨…⟩ По малодушию моих лет, я тужил, что не поспел на сраженье и не схватил креста, но, подумавши хорошенько о сем и без излишнего энтузиазма, благодарил Бога, что он меня избавил от такого бесчеловечного позорища» (*Долгоруков И.М.* Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего / изд. подг. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. М., 2004. Т. 1. С. 185–186, 217–218).

Кроме того, война оставалась достаточно дорогостоящим предприятием, особенно для стран, ведущих колониальное соперничество. Строительство и вооружение флотов, снаряжение экспедиционных корпусов в колонии, а затем их снабжение ложились на государственную казну нелегким грузом. Еще более тяжким он становился, если стране одновременно приходилось воевать и в Европе. Для сухопутных же держав, хотя они и были свободны от расходов на колониальные экспедиции, положение осложнялось, если им приходилось вести военные действия одновременно на двух-трех фронтах. А в XVIII в. все наиболее значительные войны в Европе именно так и шли – сразу на нескольких театрах военных действий.

ВОЙНА ЗА ПОЛЬСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Это был первый военный конфликт, который наглядно продемонстрировал специфику геополитической ситуации, сложившейся после больших войн начала XVIII столетия. Тогда состав их основных участников еще более или менее четко отражал традиционно существовавшее деление Европы на Запад и Восток; и то, что было предметом спора на одном ее краю, напрямую мало затрагивало интересы обитателей другого. Теперь же, с возникновением единой европейской международной системы, уже любой конфликт – на Западе ли, на Востоке – имел самое непосредственное отношение к каждому из ее членов, ибо мог привести к нарушению общего баланса сил.

Вопрос о Польском наследстве активно обсуждался дипломатами европейских держав еще со второй половины 20-х годов XVIII в., когда саксонский курфюрст и одновременно польский король Август II предпринял ряд шагов, чтобы заручиться согласием соседних государств на передачу короны Пястов своему сыну, тоже Августу. В Польше, где монарха традиционно выбирали, идея сохранить престол за саксонской династией Веттинов встретила враждебный прием у наиболее влиятельных аристократических родов Потоцких и Чарторыйских, ведь избранный король гораздо больше зависел бы от магнатов, чем наследственный. Соседи Польши Россия, Австрия и Пруссия также предпочли бы видеть во главе нее более слабую фигуру, например португальского принца. Отчаявшись добиться их согласия, Август II в начале 1733 г. даже предложил им поделить польские владения между Австрией, Пруссией, Россией и родной ему Саксонией.

После его кончины (1 февраля 1733 г.) Потоцкие и Чарторыйские стали готовить повторное избрание на польский престол Станислава Лещинского, который уже занимал его в 1704–1711 гг. Кандидатуру Лещинского активно поддерживал его тесть, король Франции Людовик XV. Россия, не желавшая допустить воцарения в Польше своего бывшего противника по Северной войне, решила поддержать Августа Саксонского и отправила ему на помощь 30-тысячный корпус. Содействия же Австрии, находившейся тогда в союзе с Россией, Август добился, признав Прагматическую санкцию 1713 г. (подробнее о ней см. ниже). 12 сентября в Варшаве собравшееся на сейм большинство польских дворян отдало корону Станиславу Лещинскому. Но в тот же день на другом сейме в пригороде столицы несогласное с ними меньшинство объявило королем Августа III. Претензии последнего на престол

оказались, благодаря помощи России и Австрии, гораздо более весомыми, чем у его конкурента. С приближением русских войск Станислав вынужден был бежать в Данциг, откуда обратился к Людовику XV за помощью.

10 октября Франция объявила Австрии войну. Кардинал А.Э. де Флёри, руководивший французским правительством, попытался найти союзников в Европе, но сумел заручиться поддержкой только сардинского и испанского монархов. Хотя Станислав Лещинский в свое время был ставленником Карла XII, Швеция, еще не до конца восстановившаяся после Северной войны, предпочла на сей раз не вмешиваться. Не сумели французы втянуть в войну и Турцию, вовлеченную в конфликт с Персией. Хотя Великобритания и не приняла в конфликте вокруг Польского наследства чьей-либо стороны, ее позиция по отношению к Франции была не слишком дружественной: Георг II выражал готовность воспользоваться случаем ослабить французов и вступить в войну, от чего его смог удержать только премьер-министр Р. Уолпол. В столь неопределенной ситуации Флёри опасался непосредственно ввязываться в польские дела и ограничился отправкой в Данциг на помощь Станиславу Лещинскому эскадры с небольшим отрядом войск. Основные же усилия Франция со своими союзниками сосредоточила на ближних театрах военных действий – в Прирейнских областях и в Италии.

Не удивительно, что при такой расстановке сил дело Станислава Лещинского оказалось практически безнадежным. Ему удалось набрать лишь около 10 тыс. человек, да и тех преимущественно в составе полурегулярных отрядов, существенно уступавших по боевым качествам российским регулярным частям. В феврале 1734 г. русская армия под командованием генерал-фельдмаршала Б.К. Миниха обложила Данциг, где Станислав укрылся под защитой своих сторонников и небольшого французского отряда. Прусский король, формально соблюдавший нейтралитет, позволил доставить через свои владения тяжелую артиллерию в русский лагерь. В начале июля, после короткой, но кровопролитной осады, крепость капитулировала. Станислав, переодевшись крестьянином, бежал в Кёнигсберг.

На западном направлении названия мест, где шли сражения, и имена главных действующих лиц заставляли вспомнить о событиях войны за Испанское наследство: французскими армиями на Рейне и в Италии командовали восьмидесятилетние полководцы «короля-солнца» – маршалы Бервик и Виллар, австрийскую армию возглавлял престарелый Евгений Савойский. Однако на этом аналогии заканчивались: итог военных действий на сей раз был в пользу французов. Армия Бервика, осадив в мае 1734 г. Филиппсбург, уже в июле заставила эту крепость капитулировать, хотя сам маршал погиб во время осады. Виллар в ноябре взял Милан, но вскоре умер от старости. Испанцы полностью очистили от австрийцев юг Апеннинского полуострова и Сицилию. После этого за дело взялись дипломаты.

В октябре 1735 г. в Вене был подписан прелиминарный мирный договор, окончательно утвержденный в 1738 г. По нему Станислав Лещинский формально объявлялся польским королем, после чего отрекался от престола и получал в качестве компенсации Лотарингию, каковая после его смерти отходила к Франции. Выиграли также Испания и Россия: сын испанского монарха стал королем Неаполя и Сицилии под именем Карла VII, а польская корона осталась за союзником России Августом III.

ВОЙНА ЗА АВСТРИЙСКОЕ НАСЛЕДСТВО

В 1713 г. не имевший сыновей император Карл VI принял Прагматическую санкцию – закон о престолонаследии, которым оговаривалась неделимость владений австрийских Габсбургов и право женщин на их наследование. В последующие годы император добился официального признания Прагматической санкции практически всеми европейскими монархами. Однако сразу после его смерти (октябрь 1740 г.) некоторые из них поспешили оспорить права его дочери Марии Терезии на Австрийское наследство. Уже в декабре молодой прусский король Фридрих II под надуманным предлогом аннексировал принадлежавшую Габсбургам Силезию, подав тем самым сигнал к новой общеевропейской войне.

Кроме Фридриха свои права на часть Австрийского наследства, а также на императорский титул предъявил баварский курфюрст Карл Альбрехт, союзник и родственник французского короля. Сам Людовик XV некоторое время колебался, ибо в его окружении мнения на сей счет разделились: кардинал Флёри выступал за нейтралитет, однако гораздо большую поддержку у французских элит и в конечном счете у самого короля получила точка зрения о необходимости активного вмешательства, каковую отстаивал влиятельный при дворе Ш. Фуке граф де Бель-Иль. Враждебность к Австрии проявляла также Испания, стремившаяся вытеснить Габсбургов с Апеннин.

Мария Терезия оказалась в сложной ситуации. Рассчитывать на своего главного союзника, Россию, она не могла, поскольку в Петербурге после смерти Анны Иоанновны шла борьба аристократических группировок за власть. Влияние России на международные дела в тот момент настолько ослабло, что ее сателлит, польский король и саксонский курфюрст Август III, стал вести самостоятельную линию и предъявил после поражения австрийцев от Фридриха II при Мольвице (апрель 1741 г.) собственные претензии на долю Австрийского наследства. В Великобритании, к которой Мария Терезия обратилась с просьбой выполнить союзнические обязательства по австро-британскому договору 1732 г., возобладало мнение Р. Уолпола о нежелательности вмешательства в континентальные дела. К тому же англичане с 1739 г. уже вели колониальную войну против Испании.

Антиавстрийский же лагерь продолжал усиливаться. В июне 1741 г. Бель-Иль, ставший маршалом Франции и присутствовавший в качестве французского посла на общегерманском сейме, подписал союзный договор Франции с Пруссией. В следующем месяце французская дипломатия преуспела, побудив Швецию напасть на Россию и окончательно лишив тем самым Марию Терезию надежды получить помощь от Петербурга в ближайшем будущем. Осенью испанская армия высадилась в Италии, чтобы вести военные действия против австрийцев.

Хотя на этом этапе войны Франция формально в ней не участвовала, она предоставила баварскому курфюрсту войска, с которыми тот вторгся в Богемию и в ноябре 1741 г. занял Прагу. 24 января 1742 г. имперский сейм избрал Карла Альбрехта императором под именем Карла VII.

Однако тем временем Мария Терезия, проявив в свои 23 года незаурядные качества государственного деятеля, обеспечила себе признание в Венгрии. С австрийскими и венгерскими войсками она вторглась в Баварию и в

феврале 1742 г. захватила Мюнхен. Фридрих II, чья казна уже была истощена, вступил с ней в тайные переговоры и подписал в июне 1742 г. прелиминарный мирный договор, закрепив за собой Силезию. Этим он фактически предал своих союзников, оставив французскую армию блокированной в Праге. Лишь с большим трудом Бель-Иль в тяжелых зимних условиях сумел вывести ее из окружения (декабрь 1742 г.).

Вступление в войну на стороне австрийцев Сардинского королевства (февраль 1742) позволило остановить испанское наступление в Италии. А отставка Уолпола открыла путь для британского вмешательства на континенте, куда без объявления войны в 1743 г. отправилась на защиту Прагматической санкции армия Георга II.

Весной 1744 г. Франция официально объявила войну Великобритании и Австрии. В июне французы заключили новый договор с Фридрихом II, после чего Пруссия опять вошла в число воюющих сторон. Министры Людовика XV предпринимали энергичные меры по реорганизации вооруженных сил и повышению их боеспособности. Во главе армии встал маршал Мориц Саксонский. С его назначением французы окончательно перехватили инициативу на нидерландском театре военных действий. В апреле 1745 г. Мориц Саксонский наголову разгромил англичан при Фонтенуа, в 1746 г. занял Брюссель и нанес поражение австрийской армии, в 1747 г. разбил англичан у Маастрихта, а в 1748 г. взял этот важный город.

Правда, на других фронтах события складывались не в пользу Франции и ее союзников. В феврале 1744 г. англичане разбили французский флот в Ла-Манше, а в декабре 1745 г. атаковали с моря Дюнкерк, сумев оба раза сорвать подготовку французского десанта на Британские острова. Потерпела крах и поддержанная Францией высадка в Шотландии принца Карла Эдуарда Стюарта, претендента на британский престол (1745). В Северной Америке неожиданный рейд английского отряда привел к падению стратегически важной французской крепости Луисбург. Австрийские войска не только выбили французов из Италии в феврале 1746 г., но и сами вторглись в Прованс, откуда их с большим трудом вытеснил Бель-Иль в январе 1747 г. Действия английского флота наносили серьезный ущерб торговле Испании и Франции с их американскими колониями.

Антиавстрийская коалиция постепенно таяла, а число союзников Австрии, напротив, росло. После смерти в 1745 г. Карла VII его сын отказался от претензий на императорскую корону и на сейме поддержал кандидатуру супруга Марии Терезии, ставшего императором под именем Франца I. Саксонский курфюрст также перешел на сторону Австрии. В 1746 г. российская императрица Елизавета Петровна заключила с Марией Терезией союзный договор, и в 1748 г. русский корпус присоединился к австрийской армии.

18 октября 1748 г. представители воюющих сторон подписали в Аахене мирный договор. Мария Терезия добилась общего признания Прагматической санкции, заплатив за это частью собственных владений. Фридрих II удержал аннексированную Силезию, увеличив тем самым число своих подданных в 1,5 раза. Испанский инфант дон Фелипе получил от Австрии Парму. А вот Франция, затратившая на эту войну массу сил и средств, не получила в итоге ничего. Она отказалась от всех своих завоеваний в Нидерландах, оккупированных армией Морица Саксонского, и в Индии, где губернатор

Дюплекс одержал над англичанами ряд побед и захватил Мадрас. Взамен она обрела лишь восстановление статус-кво в Северной Америке, где французам вернули Луисбург. Оказалось, что они «воевали для прусского короля». Во Франции тогда появилась даже поговорка «глуп, как мир».

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Аахенский мир не разрешил коренных противоречий между европейскими державами. Колониальное соперничество Франции и Великобритании не только продолжалось, но и усиливалось (подробнее об этом см. гл. «Эволюция Британской империи»). Особенно острую форму оно приобрело в Северной Америке, где неоднократно происходили столкновения между французскими и английскими поселенцами в районе озера Онтарио. Метрополии вели между собою трудные переговоры о разграничении владений и одновременно оказывали военную помощь своим колонистам. В июне 1755 г. английская эскадра захватила шедшие в Квебек французские суда с оружием и припасами. В декабре того же года французское правительство предъявило ультиматум, требуя их освободить. В январе 1756 г. Великобритания ультиматум отклонила, что означало неизбежность войны.

Спешно готовясь к ней, обе державы стремились заручиться поддержкой союзников. Однако ни той, ни другой не удалось сохранить альянсы времен войны за Австрийское наследство. Приходилось искать друзей среди прежних противников. Эта радикальная перемена союзов получила в исторической литературе название «дипломатической революции». В январе 1756 г. англичане заключили Вестминстерскую конвенцию – союзный договор с Пруссией. Франция, в свою очередь, подписала 1 мая 1756 г. Версальский пакт с Австрией, являвшейся союзницей России, и сама предприняла шаги по сближению с Петербургом. Получив субсидии от Франции, Швеция также выразила готовность поддержать ее.

В мае 1756 г. Франция захватила принадлежавший британцам остров Минорка в Средиземном море, после чего Великобритания официально объявила ей войну. В августе французы захватили форт Освего на берегу озера Онтарио и, по соглашению с Генуей, оккупировали принадлежавшую той Корсику.

В августе 1756 г. военные действия развернулись и на континенте. Не дожидаясь, пока его противники соберут силы, Фридрих II без объявления войны атаковал Саксонию и в течение осени оккупировал ее. Правда, Августу III удалось продержаться достаточно долго для того, чтобы Австрия успела подготовиться к войне.

В феврале 1757 г. Россия, а в марте Швеция официально присоединились к Версальскому пакту. Летом того же года русская армия вторглась в Восточную Пруссию и 30 августа нанесла пруссакам поражение при Гросс-Егерсдорфе. Осенью шведские войска высадились в Померании, а наступление австрийцев вынудило Фридриха II оставить Силезию. На западе Германии французская армия нанесла поражение английскому корпусу в Ганновере.

Попав, казалось бы, в безвыходное положение, прусский король, тем не менее, энергичными действиями сумел переломить ситуацию. 5 ноября он

разгромил франко-имперскую армию при Росбахе (Саксония), затем совершил стремительный марш-бросок в Силезию и 5 декабря разбил австрийцев при Лейтене.

В 1758 г. Фридрих II вновь вынужден был метаться от одной границы своих владений к другой, пытаясь остановить наступавшие со всех направлений армии коалиции. В январе русские войска оккупировали Восточную Пруссию, а к лету продвинулись до Одера, заставив прусского короля отказаться от вторжения в Богемию и двинуться им навстречу. Кровопролитное сражение при Цорндорфе (25 августа) не принесло победы ни одной из сторон, но заставило русское командование отказаться от дальнейшего наступления, что развязало Фридриху II руки для атаки на австрийцев. Хотя при Хохкирхе в Саксонии (14 октября) он и потерпел неудачу, австрийское наступление тоже было остановлено. На западном же направлении союзник Пруссии герцог Фердинанд Брауншвейгский еще 23 июня разбил французскую армию при Крефельде в Вестфалии, после чего Франция практически прекратила активные действия на континенте.

В колониях же и на морях, где Франции приходилось рассчитывать только на себя, дела ее шли и того хуже. В 1758 г. англичане выбили французов из Сенегала, взяли в Северной Америке Луисбург и не раз атаковали с моря побережье самой Франции. В 1759 г. английский флот разгромил французскую эскадру, предназначавшуюся для высадки десанта в Шотландии. В том же году Великобритания захватила почти все французские колонии в Вест-Индии, а в 1760 г. – в Канаде и в Индии.

А вот для союзников Франции события на континенте развивались в благоприятном направлении. В 1759 г. Фридрих II, испытывая уже серьезную нехватку финансовых и людских ресурсов, вынужден был перейти к стратегической обороне. Его генералы потерпели ряд поражений, а сам он был 12 августа разбит при Кунерсдорфе (близ Франкфурта-на-Одере) русско-австрийской армией. В 1760 г. союзники даже заняли на несколько дней Берлин. Однако Фридрих, одержав ряд побед над австрийцами, вновь сумел избежать окончательного краха. Впрочем, своим спасением он был обязан не только собственным военным талантам, но и постоянным разногласиям между противниками, которым никак не удавалось эффективно скоординировать свои усилия. В 1761 г. эти разногласия еще больше углубились, и война на континенте приняла вялотекущий характер.

Когда в январе 1762 г. на стороне коалиции в войну вступила Испания, многие решили, что поражение англо-прусского альянса является теперь лишь делом времени. Однако всего несколько дней спустя произошло так называемое «чудо бранденбургского дома», действительно, определившее исход войны, но прямо противоположный ожидавшемуся. После смерти императрицы Елизаветы Петровны на русский престол взошел ее племянник Петр III, горячий поклонник Фридриха Великого. Новый император не только вернул Фридриху все ранее завоеванные русскими территории, но в июне и сам вступил с ним в союз. Хотя вскоре Петр III был свергнут своей супругой Екатериной II, которая разорвала альянс с Пруссией, в войне Россия больше не участвовала. Вслед за ней из войны вышла и Швеция.

Избавившись от противников на севере и востоке, Фридрих II бросил все свои силы на юг против австрийцев и, одержав ряд побед, восстановил

контроль над Силезией и Саксонией. На западе же его генералы вновь нанесли поражение французам. Осенью военные действия в Европе прекратились, начались переговоры о мире.

Итоги войне в 1763 г. подвели два мирных договора. По Губертусбургскому – между Пруссией, Австрией и Саксонией – Фридрих II окончательно закрепил за собой Силезию. По Парижскому – между Великобританией, Францией и Испанией – французы уступили англичанам большую часть своих колониальных владений: Канаду, Восточную Луизиану, Сенегал, ряд островов в Вест-Индии и все свои владения в Ост-Индии, кроме нескольких торговых факторий; Испания отдала Великобритании Флориду, получив взамен Западную Луизиану, ранее принадлежавшую Франции.

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ

После поражения в Семилетней войне престиж и влияние Франции в Старом Свете ослабли. Ее возможности вмешиваться в дела Восточной Европы и, в частности, поддерживать «восточный барьер» существенно сократились. Да и само восточноевропейское направление отошло во французской внешней политике на второй план, так как доминирующей для страны стала идея реванша у Великобритании.

Последняя, поглощенная колониальными заботами и, в частности, кризисом в ее североамериканских колониях, также имела не много возможностей оказывать сколько-нибудь реальное воздействие на континентальные дела и практически вообще никаких, чтобы влиять на события в Восточной Европе. В такой ситуации вершителями судеб этого региона оказались три «черных орла», как называли Россию, Пруссию и Австрию, чьи гербы несли изображение этой птицы.

В 1763 г. ухудшение здоровья, а затем и смерть (5 октября) Августа III поставили в повестку дня вопрос о судьбе Польского наследства. На сей раз Франция вместе с Австрией высказались за сохранение короны у Саксонской династии. Екатерина II, не желая усиления королевской власти в Польше, к чему могла привести очередная передача престола по наследству внутри одной династии, сделала ставку на своего бывшего фаворита Станислава Августа Понятовского, родственника влиятельного семейства Чарторыйских. В этом российскую императрицу поддержал Фридрих II, заключивший с ней в апреле 1764 г. союз. Русские войска вступили в Польшу, заняли Варшаву, а 7 сентября польский сейм избрал Понятовского королем.

Взойдя на трон, Станислав Август, однако, начал преобразования, направленные на постепенное укрепление королевской власти и ограничение традиционных вольностей шляхты. Под давлением России и Пруссии эти реформы были отменены, а в 1768 г. Понятовский по требованию тех же держав был вынужден провозгласить равноправие религиозных меньшинств (православных и протестантов) с католиками.

Недовольная уступками короля в религиозном вопросе и откровенным вмешательством России в польские дела, часть шляхты в сентябре 1768 г. подняла мятеж и объявила в городе Бар о создании союза для борьбы за свои традиционные вольности. Отряды Барской конфедерации развернули воен-

ные действия против войск польского короля, русской армии и отрядов гайдамаков, созданных православным населением Украины.

Преследуя конфедератов, один из казацких отрядов вторгся на турецкую территорию, что дало Османской империи повод начать войну против России (1768–1774). Необходимость сражаться на двух фронтах создавала для России существенные сложности и вела к затягиванию обеих войн. Восстановить российский контроль над Польшей в прежнем объеме не удавалось. Воспользовавшись ситуацией, Фридрих II выдвинул идею прямого раздела польских территорий между Пруссией, Россией и Австрией.

После продолжительных переговоров 5 августа 1772 г. была заключена соответствующая конвенция между тремя державами. Австрия получила Галицию и Червонную Русь (83 тыс. кв. км и 2,6 млн жителей), Пруссия – Польскую Пруссию без Данцига (35 тыс. кв. км и 580 тыс. жителей), Россия – Польскую Лифляндию и Белоруссию (92 тыс. кв. км и 1, 3 млн жителей).

ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ АНГЛИИ

Победа в Семилетней войне дорого обошлась Великобритании. Огромные военные расходы вызвали тяжелое расстройство государственных финансов. Для исправления ситуации правительству пришлось предпринимать жесткие фискальные меры, в том числе в североамериканских владениях Англии, где налоги раньше вообще не взимались. Это спровоцировало затяжной кризис в отношениях метрополии с колониями, который на протяжении 12 лет только углублялся и в 1775 г. привел к началу военных действий между правительственными войсками и отрядами колонистов (подробнее см. гл. «Война за независимость и образование США»). Сугубо внутренний конфликт постепенно приобрел международное значение и вылился в войну между Великобританией и коалицией государств.

Французский король Людовик XVI, взойдя на престол в 1774 г., доверил руководство внешнеполитическим ведомством графу Ш. де Верженну. Этот кадровый дипломат, с огромным опытом, сделал главной целью своей политики колониальное соперничество с Великобританией, в чем его активно поддерживало общественное мнение Франции, жаждавшее реванша за поражение в Семилетней войне. Конфликт в колониях предоставил такой шанс, и Верженн поспешил им воспользоваться. Уже в мае 1776 г. было принято решение о поставках американским повстанцам оружия и боеприпасов через частную фирму, возглавлявшуюся Бомарше, известным драматургом и одновременно секретным агентом французского правительства. Эта помощь имела стратегическое значение для молодой американской армии: в первый год войны 90% необходимого ей для ведения боевых действий пороха она получила именно через фирму Бомарше.

После принятия колониями Декларации независимости 4 июля 1776 г. американцы направили в Версаль делегацию во главе с известным ученым и философом-просветителем Б. Франклином. Тот начал убеждать французов признать новое государство и заключить с ним торговый договор. Однако Людовик XVI не решался на такой шаг, чреватый открытым разрывом

с Великобританией, пока не удалось заручиться поддержкой союзной ему Испании. Верженн, напротив, уговаривал короля действовать самостоятельно, опасаясь, что Лондон раньше согласится с независимостью колоний, чем Франция успеет воспользоваться благоприятным для реванша моментом. Только узнав о разгроме повстанцами в октябре 1777 г. английских войск под Саратогой, Людовик XVI 17 декабря признал независимость Соединенных Штатов. 6 февраля 1778 г. Франция заключила с ними союзный договор и вступила в войну.

Французская стратегия в этом конфликте определялась не столько военными соображениями, сколько дипломатическими. Учитывая сугубо военные факторы, пожалуй, ни в одной из войн XVIII в. Франция не имела более благоприятных возможностей для десантирования своей армии на Британские острова. Состояние английского флота в тот момент оставляло желать лучшего из-за проводившейся после Семилетней войны политики строгой экономии. Сухопутных войск в Англии было мало, поскольку основные их контингенты находились в Северной Америке. Напротив, Франция, благодаря военным реформам герцога де Шуазеля в 60-х – начале 70-х годов XVIII в., обладала достаточно сильными армией и флотом. Однако Верженн, имевший наибольший авторитет в правительстве, выступал против высадки в Англии, опасаясь, что подобная угроза европейскому балансу сил вызовет негативную реакцию других держав. Соответственно выбор был сделан в пользу морской и колониальной войны, и уже в марте 1778 г. эскадра адмирала Ш. д'Эстена отправилась воевать против англичан в Вест-Индии.

В июне 1779 г. на стороне Франции в войну вступила Испания. В отличие от французов правительство Карла III с большим подозрением относилось к американским колонистам, считая их мятеж опасным примером для жителей Испанской Америки. Основной целью войны для себя испанцы ставили возврат Гибралтара, а наиболее эффективным средством ее достижения считали как раз высадку в Англии. Верженн, скрепя сердце, вынужден был дать согласие на этот шаг, но соответствующая операция, предпринятая летом 1779 г., провалилась еще до начала собственно десантирования из-за нескоординированных действий союзников.

Зимой 1779–1780 гг. американская армия Дж. Вашингтона оказалась в столь трудной ситуации, что Франция приняла решение отправить в Америку свои сухопутные войска. В июле 1780 г. корпус под командованием генерала Ж.Б. де Рошамбо прибыл в Ньюпорт.

Международная обстановка благоприятствовала союзникам. Великобритания фактически оказалась в дипломатической изоляции. Страны, не участвовавшие в конфликте, были недовольны действиями ее флота против нейтральных торговых судов, направлявшихся в порты ее противников, и в 1780 г. по предложению России объявили о создании Лиги вооруженного нейтралитета. Участники Лиги – Россия, Дания, Швеция и Нидерланды – обязались использовать свои военные корабли для пресечения любых нарушений свободы мореплавания. Дабы остановить поток оружия, контрабандой поставлявшегося американским повстанцам через голландские владения, Великобритания в конце 1780 г. объявила Нидерландам войну.

В октябре 1781 г. на сухопутном театре военных действий наступил решающий перелом. Английская армия, блокированная в Йорктауне американ-

скими и французскими войсками с суши и французским флотом с моря, капитулировала. Хотя у англичан в Америке еще имелись значительные силы, военные действия на суше прекратились.

Война еще некоторое время продолжалась на морях. В Карибском море она шла с переменным успехом, в Средиземном испанцы сумели овладеть Миноркой, а в Индийском океане французский адмирал П.А. де Сюффрен успешно действовал на жизненно важных для англичан коммуникациях между метрополией и ее восточными владениями.

В 1782 г. в Париже начались мирные переговоры. На них каждый из участников антибританской коалиции стремился достичь своих целей, не слишком считаясь с союзниками. Англичане сумели успешно воспользоваться этими разногласиями. После сепаратного подписания Великобританией прелиминарных условий мира с представителями колоний, Испании и Франции пришлось умерить свои требования и согласиться на довольно скромные уступки со стороны Лондона. По заключенному в 1783 г. Версальскому мирному договору США получили независимость, Испания – Минорку и Флориду, Франция – Сенегал и Тобаго.

Однако, пожалуй, главным приобретением французов стало чувство морального удовлетворения от реванша за позор Семилетней войны. Но за такое удовольствие им пришлось дорого заплатить: огромные расходы на войну Ж. Неккер, руководивший французскими финансами, покрывал преимущественно за счет иностранных займов, не повышая налогов. Это привело к гигантскому росту государственного долга и финансовому кризису.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Первое время события Французской революции (подробнее о них будет сказано ниже, в соответствующей главе) не воспринимались правительствами других европейских держав как угроза существовавшему порядку международных отношений. Ее значение видели лишь в том, что ослабленная внутренними неурядицами страна надолго выбыла из числа ведущих участников европейской политики. Русский посол во Франции И.М. Симолин писал в ноябре 1789 г. из Парижа: «Возможно, что в течение нескольких лет Франция не будет иметь никакого значения в политическом равновесии Европы». Торжественная декларация Учредительного собрания от 22 мая 1790 г. о том, что «французская нация отказывается от ведения каких-либо завоевательных войн и не станет обращать свои вооруженные силы против свободы какого-либо народа», тоже на первый взгляд свидетельствовала о готовности Франции отрешиться от великодержавных амбиций.

Однако развитие событий показало, что подобная позиция означала не уход революционной Франции из большой международной игры, а лишь желание вести такую игру по собственным правилам. Отменив сеньориальные права имперских князей в Эльзасе, гарантированные Вестфальским (1648) и Рисвикским (1697) мирными договорами, Учредительное собрание заявило, что не считает себя связанным действующими международными конвенциями. Их Ф.А. Мерлен (из Дуэ) в докладе от 28 октября 1790 г. определил как

«плоды заблуждений королей и ухищрений их министров». Взамен конвенционального международного права предлагалось руководствоваться принципом «суверенитета народов», в соответствии с которым утверждалось, что Эльзас находится в составе Франции не в силу каких-либо межгосударственных договоров, а потому что такова «воля его народа». В силу того же принципа – «идя навстречу желанию народа» Авиньона и Конта-Венессен – Собрание 14 сентября 1791 г. приняло решение об аннексии этих территорий, принадлежавших римскому папе.

Правда, порывая в теории с существующим международным правом, Учредительное собрание на практике стремилось, по возможности, смягчить этот разрыв, дабы не вызвать для Франции немедленных внешнеполитических осложнений. Имперским князьям за отмену их прав в Эльзасе была назначена компенсация, а решение о присоединении Авиньона принималось поэтапно в течение года. Однако подобные шаги, шедшие вразрез с принятым порядком международных отношений, воспринимались другими европейскими державами не менее негативно, чем имевшие место во Франции акты насилия по отношению к королю и его семье, ограничение власти монарха, а также революционная пропаганда французов, направленная на другие страны.

Вместе с тем ведущие государства Старого Света стремились прежде всего к обеспечению собственных интересов, слишком различавшихся между собой для того, чтобы этим странам удалось договориться о согласованных действиях против революционной Франции. Россия была поглощена войнами с Турцией (1787–1791) и Швецией (1788–1790), затем – польскими делами, и Екатерина II, на словах поддерживая противников Революции, на деле уклонялась от какого бы то ни было участия в военных акциях против нее. Великобритания получала от вызванного революционными событиями расстройства дел во Франции больше преимуществ, чем от любой выигранной войны: не прилагая никаких дополнительных усилий, англичане избавлялись от конкуренции со стороны своего наиболее сильного соперника по заморской торговле и колониальной экспансии. В отличие от России и Великобритании, Австрия и Пруссия в силу своего геополитического положения болезненно реагировали на происходящее во Франции: все-таки в Эльзасе нарушались права немецких князей, а французская королева приходилась сестрой императору. Однако поначалу и тут единственным реальным шагом, о котором смогли договориться между собой эти государства, стало принятие 27 августа 1791 г. Пильницкой декларации, где в довольно гипотетической манере объявлялось о возможности их совместной военной акции в защиту монархического правления во Франции, ежели на сей счет будет достигнуто единство мнений всех европейских держав. Поскольку такое всеобщее согласие на тот момент представлялось утопией, действующие европейские политики этой декларации серьезного значения не придали.

Осенью 1791 г. во Франции было избрано Законодательное собрание, где вскоре доминирующее влияние приобрели жирондисты – политическая группировка, видевшая во внешней войне путь к углублению революции внутри страны. Зимой 1791–1792 гг. они развернули широкую пропагандистскую кампанию в пользу войны против «тиранов мира». Все громче звучавшая из

Парижа воинственная риторика побудила Австрию и Пруссию к дальнейшему сближению: 7 февраля 1792 г. они заключили оборонительный договор.

К обострению отношений с соседними государствами стремились во Франции не только радикальные революционеры. Людовик XVI и его ближайшее окружение надеялись, что война заставит, наконец, другие державы вмешаться во внутренние дела Франции и восстановить в прежнем объеме власть монарха. В марте 1792 г. король назначил министрами людей, близких к жирондистам, и уже 20 апреля Франция объявила войну императору.

В мае французские войска, почти не встречая сопротивления, вторглись в Австрийские Нидерланды. Однако очень скоро стало ясно, что Франция к войне не готова. Экономический кризис углублялся, налоги собирались плохо, государству не хватало средств. Армия испытывала недостаток квалифицированных офицеров, поскольку многие из них эмигрировали. Тем же, кто остался, солдаты не доверяли. Дисциплина в войсках была низка. При первых же серьезных столкновениях с австрийцами французы бежали. Военные неудачи привели к обострению внутриполитической ситуации во Франции и падению монархии 10 августа 1792 г.

20 сентября в Париже собрался Национальный Конвент, провозгласивший Францию республикой. Начало его работы ознаменовалось первыми успехами революционных войск на фронте. В тот же день при Вальми армия под командованием Ш.Ф. Дюмурье и Ф.К. Келлермана после продолжительной артиллерийской перестрелки заставила пруссаков отступить, а 6 ноября нанесла поражение австрийцам при Жемаппе. Развивая наступление, французские войска вновь перенесли боевые действия на территорию Австрийских Нидерландов (Бельгии).

Казнь короля, состоявшаяся 21 января 1793 г., окончательно испортила отношения Франции с большинством европейских государств, которых и так уже тревожила ее аннексионистская политика. Отказываясь на словах от завоеваний, Конвент на деле присоединил к Франции Савойю и готовил аннексию Бельгии (состоялась 1 марта 1793 г.). После того как ряд стран отозвал из Парижа своих послов, Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Великобритании, а 18 марта – Испании. Втянутые в войну с Францией державы образовали коалицию (Первая антифранцузская коалиция), к которой присоединились также Нидерланды, Португалия, итальянские и германские государства.

Весной 1793 г. военная ситуация Республики резко ухудшилась. После поражения при Неервиндене, Дюмурье попытался повернуть свою армию против Конвента, но, потерпев неудачу, бежал к неприятелю. Измена командующего деморализовала французские войска: под натиском австрийцев они оставили Австрийские Нидерланды. На Рейне пруссаки также перешли в наступление.

После насильственного отстранения летом 1793 г. жирондистов от власти еще более радикальной группировкой монтаньяров во Франции была установлена жестко централизованная диктатура – режим «революционного правления». Монтаньяры, прибегнув к массовым мобилизациям, сумели сформировать и вооружить многочисленные армии, изменив военную ситуацию в пользу Франции. К концу 1793 г. армии Республики практически на всех направлениях, кроме пиренейского, вытеснили неприятеля с француз-

ской территории. Своими победами они во многом были обязаны эффективному стратегическому руководству, благодаря которому практически всегда имели на решающих направлениях численный перевес над неприятелем.

Вместе с тем неудачи коалиции в немалой степени были связаны с разобщенностью действий ее членов, стремившихся не столько к общей победе, сколько к обеспечению своих частных интересов. Так, Великобритания сосредоточила основные усилия не на континентальных театрах военных действий, а на завоевании еще остававшихся у Франции колоний. Прусская же армия вела себя крайне пассивно, перекладывая бремя войны преимущественно на плечи союзников.

Гораздо большую активность Пруссия проявляла на востоке, где в 1793 г. осуществила вместе с Россией второй раздел Польши. Поводом для него стало принятие в 1791 г. польским сеймом новой конституции, усилившей централизацию страны. Партия «патриотов», добившаяся принятия этой меры, широко использовала в своей пропаганде риторику Французской революции. В 1792 г. Екатерина II потребовала восстановить прежнее государственное устройство Речи Посполитой, гарантами которого Россия, Австрия и Пруссия считались еще со времен Первого раздела. Воодушевленные ее поддержкой, противники новой конституции в самой Польше создали Тарговицкую конфедерацию, к которой потом примкнул король Станислав Август, и начали военные действия против «патриотов». Вмешавшиеся в конфликт на стороне Конфедерации Россия и Пруссия подписали в январе 1793 г. соглашение о втором разделе Польши, в результате которого Россия получила Западную Белоруссию, Подолию и Волынь, Пруссия – Данциг, Торн и часть Великой Польши.

В кампанию 1794 г. французские войска вели боевые действия уже на территории неприятеля. Наиболее важной в этом году стала их победа над силами коалиции при Флерюсе 26 июня, после чего вся Бельгия перешла в руки французов. Перипетии внутриполитической борьбы, приведшей к падению диктатуры монтаньяров, не помешали дальнейшим военным успехам Республики. В апреле 1795 г. она подписала мир с Пруссией, в мае – с Нидерландами, в июле – с Испанией. Франция присоединила к себе Бельгию и оккупировала правый берег Рейна.

Свои поражения и потери на западе Австрия и Пруссия компенсировали за счет польских земель. После разгрома 1794 г. восстания, возглавлявшегося Т. Костюшко, Австрия, Пруссия и Россия осуществили в 1795 г. Третий и окончательный раздел Польши. К России отошли Курляндия и Семигалия, Литва, западная часть Черной Руси, Западное Полесье и Западная Волынь; к Пруссии – основная часть Подляшья и Мазовии с Варшавой; к Австрии – Южная Мазовия, Южное Подляшье и северная часть Малой Польши с Краковом и Люблином. Речь Посполитая исчезла с карты Европы.

В Западной же Европе следующие годы принесли новые военные успехи французам. В 1796 г. молодой генерал Бонапарт разгромил в Северной Италии австрийские и сардинские войска. Сардиния вышла из войны, уступив Франции Савойю и Ниццу. После еще одной победоносной кампании Бонапарта в 1797 г. Австрия подписала мир в Кампо-Формио, признав французские права на Бельгию, Ионические острова и левый берег Рейна. Кроме того, Франция существенно укрепила свои международные позиции, создав

зависимые от себя дочерние республики – Батавскую (Нидерланды), Гельветическую (Швейцария), Цизальпинскую (Ломбардия), Лигурийскую (Генуя), Римскую, Партенопейскую (Неаполь).

В 1798 г. единственным противником Французской республики оставалась Великобритания. Стремясь подорвать ее экономическую мощь, Франция направила в Египет армию под командованием Бонапарта, чтобы перерезать английские коммуникации с Индией и Левантом. Но после успешного начала экспедиции и захвата Бонапартом Египта британский адмирал Нельсон потопил французский флот в сражении при Абукире, а позднее французские войска понесли большие потери в Сирии. Одновременно в Европе образовалась Вторая антифранцузская коалиция, куда, кроме Великобритании, вошли Австрия, Россия, Османская империя и Неаполитанское королевство. В 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А.В. Суворова разбили французов в Италии. «Дочерние» республики на Апеннинском полуострове пали. Англо-русский корпус высадился в Нидерландах. Однако к концу года Республике удалось стабилизировать ситуацию, нанеся поражение войскам коалиции в Голландии и вытеснив русских из Швейцарии, после чего Россия покинула коалицию.

Осенью 1799 г. Бонапарт вернулся из Египта и произвел государственный переворот, установив военную диктатуру. В 1800 г. он разбил австрийцев в Италии при Маренго (14 июня), а Моро – в Германии при Гогенлиндене (2 декабря). В 1801 г. Франция заключила с Австрией мир в Люневиле, а с Неаполем во Флоренции, после чего военные действия в Европе прекратились. Отныне восточной границей Франции стал Рейн. От восстановления же Римской и Партенопейской республик ей пришлось отказаться. В марте 1802 г. был подписан Амьенский мир с Великобританией, по которому та была вынуждена вернуть все свои колониальные завоевания, произведенные с 1793 г., кроме Цейлона и Тринидада, принадлежавших ранее соответственно Нидерландам и Испании.

Впрочем, мир оказался весьма непродолжительным, и уже в мае 1803 г. между Великобританией и Францией вновь развернулись военные действия, положившие начало длинной череде Наполеоновских войн, продолжавшихся без перерыва до 1814 г. Однако эта тема освещается в следующем томе настоящего издания.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XVIII ВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В октябре 1721 г. во время празднования победного окончания Северной войны Правительствующий Сенат преподнес царю Петру I титулы Великий, Отец Отечества и Император Всероссийский. С этого момента Россия стала официально именоваться Российской империей. Очевидно, однако, что соответствующий акт Сената знаменовал собою лишь формальное закрепление итогов длительного процесса эволюции российской государственности, берущего свое начало по крайней мере в XVI в., когда, завершив объединение русских земель, Москва начала постепенно осваивать прилегающее пространство, инкорпорируя территории Поволжья и Сибири, прежде входившие в состав Монгольской империи, и превращаться в огромную полиэтничную державу.

История формирования пространства Российской империи, механизмы управления ею, политика центра на национальных окраинах и многие другие связанные с этим проблемы всегда интересовали историков и являлись объектом многочисленных исследований. Однако сам феномен империи как особой формы политической организации и то, как он определял политические, социальные и иные процессы, долгое время оставался почти вне поля зрения исторической науки и лишь с начала 1990-х годов оказался включенным в проблематику исторических исследований. Важную роль в формировании новых подходов сыграло появление в 1992 г. в Германии книги А. Каппелера «Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад», в которой впервые была предпринята попытка комплексного изучения эволюции российской национальной политики на протяжении нескольких столетий и на всем имперском пространстве. Существенное значение для формирования нового научного направления имела возможность привлечь накопленные к этому времени в мировой науке методологические достижения в области изучения культуры, проблем конструирования наций и национализма, социальных, культурных и национальных идентичностей, колониальной истории и т.д. Исследования в области имперской истории оказались созвучны и характерным для современной мировой исторической науки поискам в русле так называемой «глобальной истории». Особенностью изучения истории России, и в частности в XVIII столетии, сквозь призму концепта империи является компаративный подход, предполагающий отказ от рассмотрения Российской империи как особого исторического феномена и направленный на выявление типологически общего в истории России и иных империй Нового времени – Османской, Австрийской (Священной Римской), Британской и т.д.

С середины 1990-х годов «новая имперская история», как ее иногда называют, стала полем активного сотрудничества российских и зарубежных ученых, многочисленных совместных исследовательских проектов и научных конференций. Результатом этого сотрудничества явились десятки статей и

«Российская империя». Карта Р. Бонна. 1780 г.

монографий, посвященных взаимоотношениям центра и периферии, имперским элитам, языкам самоописания империи, «имперскому сознанию», наследию империи, имперской экономике, пространственным представлениям жителей империи и их правителей, «местам памяти» империи и пр. Однако многие вопросы, в том числе имеющие непосредственное отношение к России XVIII в., остаются далеко не решенными. Так, к примеру, хотя большинство исследователей согласны в том, что отличительными признаками империи являются обширность территории, многонациональный состав населения, выраженные центр и периферия, а также некоторые другие, в современной науке нет общепринятой дефиниции империи как политического образования. Далеко не решенной является и проблема типологии империй. Российскую империю, наряду с Османской и Австрийской, принято относить к континентальным или протяженным империям, отличающимся от морских – Британской, Французской, Испанской и т.д. Никто не сомневается в том, что периферии морских империй – это их заморские колонии, однако остается открытым вопрос о том, в какой степени можно считать колониями периферии континентальных империй.

Применительно к истории России еще сложнее обстоит дело с соотношением понятий «империя» и «государство». В современных социальных и политических науках принято считать, что государство – это феномен Нового времени и этим термином следует обозначать лишь ту политическую организацию, которая возникает на рубеже XV–XVI вв. При этом государство и империя обычно рассматриваются как различные типы политической организации и, соответственно, империя не является государством. Подобный подход противоречит принятому в российской историографии представлению о существовании государства на Руси по крайней мере с IX в.* Все это порождает определенную терминологическую путаницу. Так, к примеру, известный политолог М. ван Кревельд в своей книге «Расцвет и упадок государства» утверждает, что «самыми ранними политическими образованиями, которые можно назвать государствами, были Франция, Испания, Португалия, Великобритания, страны, составлявшие Священную Римскую империю, страны Скандинавии и Голландия», а «первой страной после вышеперечисленных, которая стала государством или чем-то вроде того, была Россия. Его строительство началось, когда Петр I Великий обрел фактическую власть». При этом, однако, уже «Россию в XVI – XVII вв. можно охарактеризовать как развивающуюся патриархальную империю, управляемую царем, чья власть, благодаря завоеванию новых земель становилась все более и более абсолютной». Отмечая затем особенности созданного Петром I государства, в частности, отсутствие в нем гражданского общества, Кревельд затем приходит к противоречивому выводу о том, что, с одной стороны, в России было успешно построено «централизованное политическое сообщество», а с другой – она так и не превратилась в «полноценное государство». Российский

---

* Впрочем, подобная позиция окончательно закрепилась в историографии лишь в 1930-е годы. В начале 1980-х годов появились работы ленинградских историков во главе с И.Я. Фрояновым, в которых доказывалось, что Киевская Русь носила доклассовый, потестарный, т.е. «догосударственный» характер, иначе говоря, была еще не государством, а протогосударством. По их мнению, государство на Руси возникает не ранее XIV–XV вв.

исследователь А.И. Миллер предлагает своего рода компромисс, отмечая, что «империи Нового времени более или менее успешно стремились стать государствами, а в своем ядре – даже национальными государствами».

Несмотря на наличие нерешенных методологических проблем, изучение истории России сквозь призму концепта империи дало и ряд позитивных результатов. Так, например, стало очевидным, что проблема управления окраинами империи, а соответственно, и в целом проблема эффективности управления имперским пространством на протяжении всего XVIII столетия имела для центральной власти первостепенное значение, что проявлялось и в политической, и в социальной, и в экономической сферах. При этом формы и способы управления вырабатывались и складывались постепенно и по отношению к разным территориям носили дифференцированный характер. При общем стремлении к унификации системы управления и попытках добиться получения от окраин максимальной политической и экономической пользы для империи центральная власть в основном избегала резких действий, которые могли бы привести к нарушению политической стабильности и возникновению угрозы целостности страны. Одним из важнейших способов инкорпорации новых территорий было включение местных элит в состав российского дворянства и формирование общеимперской политической элиты.

Постепенно и достаточно противоречиво шел также процесс формирования имперского сознания и общеимперских представлений. В петровское время в политическом лексиконе прочно закрепляется словосочетание «российский народ», под которым понимают всю совокупность населяющих империю народов. Практически до конца XVIII в., когда впервые начинают складываться понятия нации и национального, формирующееся на новой основе национальное самосознание, понятия патриотизма, любви к отечеству и т.д. еще не имели этнической окрашенности и носили общероссийский характер, а населяющие Россию народы в глазах современников различались по вероисповеданию, месту расселения и обычаям.

Наряду с изучением истории России XVIII в. в рамках «новой имперской истории» с конца 1980-х годов российскими и зарубежными историками было немало сделано для переосмысления многих сложившихся стереотипных представлений, а также для заполнения «белых пятен» истории этого периода, в том числе путем расширения проблемного поля исследований. Это привело, в частности, к переоценке места и роли XVIII столетия в русском историческом процессе в целом, а также отдельных сюжетов истории этого времени. Прежде всего переосмыслению и переоценке подверглись преобразования Петра Великого. Первоначально в вышедшей в 1989 г. книге Е.В. Анисимова «Время петровских реформ» была дана общая оценка этим реформам с точки зрения того, какой именно тип политических институтов и какой тип социальных отношений были ими созданы. Историк также заново переформулировал впервые поставленный еще в конце XIX в. П.Н. Милюковым вопрос о «цене реформ», перенеся его из экономической в социальную сферу. В работах А.Н. Медушевского была предпринята попытка рассмотреть реформы Петра в сравнительно-исторической перспективе и проанализировать их с позиций теории модернизации. Важнейшим результатом новых исследований стало закрепившееся в историографии

представление о том, что итогом реформ явилось создание государства военно-полицейского типа с резким усилением в нем по сравнению с предшествующим периодом степени несвободы всех социальных слоев. При этом утвердился патерналистский характер отношений власти и подданных: понятие государство, фактически слившееся с петровским концептом «общего блага», стало самоцелью и высшей ценностью. Что же касается экономической сферы, то осуществленная Петром индустриализация России с опорой на тяжелую промышленность была проведена таким образом, что, преодолев технологическое отставание от ведущих европейских держав, она фактически создала лишь минимальные стимулы дальнейшего развития. Причем, основанная главным образом на труде крепостных, реформа не только не способствовала зарождению капиталистических отношений, но, напротив, подавила некоторые уже существовавшие их ростки. Вместе с тем петровские преобразования представляют собой своего рода модель модернизации, что в первую очередь выразилось в создании в ходе реформ эффективной бюрократической системы управления. Многие черты этой модели были затем воспроизведены в ходе модернизации стран Восточной Европы, Азии и других регионов мира.

Несколько позднее в современной историографии сложилось представление о том, что Петровским реформам предшествовал системный кризис (кризис традиционализма) русского общества и государства, который не только сделал реформы жизненно необходимыми для России, но и обеспечил их осуществление, поскольку в условиях кризиса ни один социальный слой не был в состоянии оказать реформатору сколько-нибудь серьезного сопротивления. Итоги же петровских преобразований представляют собой сложное и весьма противоречивое явление, не поддающееся однозначной оценке. Однако очевидно, что, поскольку именно реформы Петра Великого предопределили историческое развитие России на все последующее время, их противоречивость сказывалась еще очень долго. К числу важнейших противоречий следует отнести то, что реформы, с одной стороны, заложили основы формирования в России полноценных юридических сословий, а с другой – фактически распространили на все социальные слои крепостнические принципы их взаимоотношений с государством. Это предопределило неравномерность темпов складывания в России отдельных сословий, а значит, и дисбаланс в социальном развитии страны. Одновременно это противоречие означало, что в итогах Петровских реформ были заложены две различные тенденции, две возможности будущего социально-политического развития: либо развитие военно-полицейского начала, предполагающего полное закрепощение всех социальных слоев, либо сословного, которое могло бы стать основой формирования гражданского общества.

Формированию нового взгляда на Петровскую эпоху способствовало и появление исследований М.О. Акишина, Е.В. Анисимова, Д.А. Редина, Д.О. Серова и других, посвященных отдельным направлениям реформ и созданным в ходе них политическим институтам, а также проведению реформ на локальном уровне. Так, в частности, было доказано, что административная реформа Петра не была резкой ломкой прежде существовавшей системы, но довольно длительным и постепенным процессом преобразования структуры управления на новой основе, причем вновь возникшая система унасле-

довала немало черт прежней. Еще одна группа новых исследований посвящена судьбам отдельных деятелей Петровской эпохи.

Празднование в 2003 г. 300-летия основания Санкт-Петербурга породило целый поток новых исследований по истории города, в том числе о первых десятилетиях его существования. Важно при этом заметить, что некоторые исследователи видят в основании Петербурга едва ли не самое важное из преобразований Петра Великого, обращая внимание на то, что в течение нескольких последующих столетий этот город создавал образцы высокой культуры, модели поведения и моды для всей России.

Продолжая изучение истории реформ в России XVIII в., историки обратились к эпохе Екатерины Великой и ее преобразовательной деятельности, которая в предшествующее время либо игнорировалась, либо трактовалась весьма тенденциозно. Коренному пересмотру подверглось долгое время существовавшее в историографии представление о двух этапах царствования Екатерины – либеральном и реакционном. Сегодня абсолютное большинство специалистов считают, что по своим целям и задачам политика императрицы была единой на протяжении всего царствования и определялась политической программой, с которой Екатерина пришла к власти и которая основывалась на принципах Просвещения. Главной ее целью было создание «законной монархии», т.е. политического строя, который по существу, выражаясь современным языком, должен был содержать в себе элементы правового государства. Историки пришли к выводу, что в целом Екатерина была едва ли самым успешным из всех российских реформаторов, поскольку ей удалось осуществить задуманное ровно в той степени, в какой это было возможно без серьезных социальных потрясений. Обращает на себя внимание, в частности, ответ императрицы на вызовы, связанные с восстанием под руководством Е.И. Пугачева. Непосредственно после него была осуществлена губернская реформа 1775 г., готовившаяся задолго до этого, но после Пугачевщины, несомненно, получившая дополнительную цель – создать механизмы предотвращения подобных событий в будущем. В ходе этой реформы, как доказывается новейшими исследованиями, фактически произошло перераспределение власти между центром и периферией в пользу последней, сделан акцент на местное самоуправление и создана судебная ветвь власти, впервые в русской истории отделенная от исполнительной. Одним из важнейших результатов реформы явилось создание благоприятных условий для формирования элементов того, что позднее стали называть «гражданским обществом», что подтверждается новейшими исследованиями на локальном уровне. Главным препятствием для развития этого процесса являлось крепостничество. В современной историографии подчеркивается, что Екатерина II была первой из правителей России, кто осознал, что оно тормозит социально-экономическое развитие страны. Именно по ее инициативе крестьянский вопрос впервые стал предметом общественного обсуждения, были предприняты шаги, направленные на облегчение положения крестьянства в Прибалтике, в законодательстве появились нормы, запрещающие закрепощение лично свободных и отпущенных на волю. Однако зависимость верховной власти от поддержки дворянства не позволяла императрице пойти на более решительные меры, а само крепостничество как социальный институт продолжая развиваться, именно к концу XVIII в. достигло высшей точки.

Эпоха Екатерины II имела также огромное значение для развития русской культуры, причем в этом велика была роль самой императрицы, поощрявшей занятия наукой и искусством, создавшей Эрмитаж и Публичную библиотеку, осуществившей школьную реформу, основавшей первое учебное заведение для женщин и т.д. Собственно сама личность Екатерины – человека, жившего разнообразными духовными интересами и оставившего после себя огромное литературное наследство, оказала колоссальное воздействие на русское общество. С ее временем и с ее именем связано также зарождение российской благотворительности и ее традиций. Постепенно в современной историографии вырабатывается и иной взгляд на такое характерное явление екатерининского времени, как фаворитизм. Историки подчеркивают, что при Екатерине он окончательно превратился в своеобразный социально-политический институт в системе власти, игравший роль медиатора между монархом и обществом.

Эпоха Екатерины II – это еще и время целой плеяды ярких личностей – государственных и военных деятелей, дипломатов и литераторов, ученых и художников. Наиболее значительные историографические изменения в этом плане связаны с оценкой личности и деятельности Г.А. Потемкина. Уже в начале 1990-х годов В.С. Лопатину удалось опровергнуть долгое время царивший в историографии и общественном сознании миф о фаворите императрицы как о притеснителе и гонителе великого полководца А.В. Суворова. Появившееся немного позднее подготовленное им же издание переписки Потемкина с Екатериной II стало стимулом к обращению целого ряда исследователей к различным аспектам его деятельности и почти одновременному созданию сразу нескольких основанных на новых источниках научных биографий этого крупнейшего политического деятеля второй половины XVIII в., незаурядного и яркого человека (С. Себаг-Монтефиоре, О.И. Елисеева, Н.Ю. Болотина).

С первой половины 1990-х годов началась и планомерная работа по переоценке событий царствования Анны Иоанновны. Уже в первой работе Т.В. Черниковой на эту тему на архивных документах убедительно доказывалось, что «засилье иностранцев», с которым часто связывают это время – историографический миф, возникший в более позднее время и практически не отразившийся в восприятии современников. Позднее Е.В. Анисимову и И.В. Курукину удалось показать, что политическая борьба в России аннинского времени представляла собой не противостояние никогда в действительности не существовавших «немецкой» и «русской» партий, а вполне заурядную борьбу за влияние разных политических деятелей, объединявшихся в «партии», независимо от своей этнической принадлежности. Иной, чем принято считать, была и роль в этой борьбе Бирона, который со страниц современных исследований уже не предстает более как злодей, в личности которого сосредоточены все человеческие пороки, но как вполне прагматичный и разумный политик. Значительно более сложным видится сегодня и феномен «дворцовых переворотов». Прежде всего, они были далеко не однородны ни по причинам, их вызывавшим, ни по своему характеру, ни по составу участников. Конечно, определенную роль играла и неопределенность законодательства о порядке престолонаследия, и особое положение гвардии, однако также следует принять во внимание династический кризис, разразившийся в 1730 г.

после смерти Петра II, когда не осталось прямых потомков Петра Великого по мужской линии. Но еще важнее, что по крайней мере некоторые из переворотов (1762 г., 1801 г.) были отражением общественного мнения, настроенного против того, кто, как казалось, нарушал канон поведения императора, созданный Петром I. К тому же перевороты 1741 и 1762 гг. были фактически не дворцовыми, а государственными, поскольку привели к свержению законных монархов и установлению нового политического режима, что выражалось, в частности, в смене персонального состава правящей верхушки.

В современной историографии постепенно закрепляется и более взвешенный взгляд на внутреннюю политику послепетровского времени. В ней видят уже не столько попытку контрреформы, сколько комплекс мероприятий, связанных с адаптацией преобразований Петра к реалиям русской жизни и в значительной мере продиктованных острейшим финансовым кризисом, разразившимся в России после смерти царя. При этом подчеркивается, что основными средствами выхода из кризиса стали экономия расходов на государственное управление и меры по развитию внутренней и внешней торговли, причем на последнем из этих направлений, как показано в работах Н.Н. Репина, именно в аннинское время были достигнуты серьезные успехи. Кризис был в основном преодолен лишь к концу 40-х годов XVIII в., когда в ходе реформ П.И. Шувалова правительство попыталось перенести акцент в сфере налогообложения с прямого на косвенное. Таким образом, период русской истории со смерти Петра Великого и до воцарения Елизаветы Петровны рассматривается современной историографией уже не как «безвременье», но, напротив, как важный исторический период, в течение которого основные итоги петровских преобразований укоренились и приобрели необратимый характер.

Внимание историков вновь привлекли и события 1730 г., сопровождавшие вступление на престол Анны Иоанновны. Современные исследователи склонны видеть в этих событиях реальную историческую альтернативу автократическому развитию страны, как попытку ограничения самодержавия, неудавшуюся в значительной мере из-за неразвитости политической культуры общества.

Пересматривая базовые понятия политической истории России XVIII в., историки не могли не задуматься над сущностью самого Российского государства этого времени. Прежде всего эти размышления коснулись понятия «абсолютизм». Как и с некоторыми иными терминами и понятиями, изначально разработанными при описании исторических процессов в странах Западной Европы, при применении его к российским историческим реалиям возникают определенные сложности. В настоящее время многие историки продолжают использовать этот термин для обозначения политического режима, при котором власть государя никак законодательно не ограничена. Однако существует и иная точка зрения, подчеркивающая, что при подобной трактовке абсолютизм ничем не отличается от самодержавия, что в реальности и в XVIII столетии, и позже самодержавная власть имела немало ограничений, связанных прежде всего с ограниченными возможностями контроля над огромной территорией страны.

Новое звучание в современной историографии приобрела и тема идеологии. Под влиянием достижений в области изучения культуры в центре вни-

мания исследователей (Р. Уортман, А.Л. Зорин, О.Г. Агеева, Е.А. Погосян, В.Ю. Проскурина) оказались такие проявления и механизмы формирования идеологии, как символы и ритуалы власти, ее саморепрезентация, публичные празднества и практики взаимодействия с подданными, роль литературы и искусства в формировании идеологем и мифов. Интересный аспект этой проблематики связан с изучением путешествий Екатерины II по стране, в ходе которых вырабатывались принципы имперской политики, определялись ее конкретные направления, складывались новые формы взаимодействия власти и подданных и происходило политическое освоение имперского пространства (работы Н.В. Бессарабовой и Г.В. Ибнеевой). Особое место в современной историографии заняла проблематика, связанная с изучением праздничной культуры, игравшей важную роль и в становлении собственно новой русской культуры и новых культурных традиций, и в формировании идеологии.

С середины 1990-х годов в отечественной историографии стали появляться первые попытки применения к материалу русской истории XVIII в. подходов и проблематики исторической антропологии. Одной из тем, оказавшихся в сфере внимания исследователей, стала народная религиозность. Новые исследования А.С. Лаврова и Е.Б. Смилянской документально подтвердили распространенность в XVIII в. двоеверия, веры в магическое и даже слабого различения простыми людьми старообрядчества и официального православия. Одновременно с этим исследователям удалось проследить, как менялась религиозная политика государства, его отношение к суевериям (подробнее см. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения»). Новые данные были получены и о церковной реформе Петра I. В настоящее время очевидно, что она не сводилась лишь к институциональному подчинению церкви государству, выразившемуся в ликвидации патриаршества, но была частью предпринимавшихся властью усилий по социальному дисциплинированию общества. Как показано в работах В.М. Живова, реформа проявилась и в обрядовых новшествах, приведших к изменению богослужебного канона, что вызывало сопротивление высших церковных иерархов.

«Антропологический поворот» в исторической науке привел к тому, что в фокусе внимания историков оказался Человек, причем зачастую человек самый обычный, ничем не выдающийся. Внутренний мир такого человека, его представления о себе и окружающих, его повседневная жизнь, быт, взаимоотношения с близкими и пр. – все это очень интересует сегодня исследователей, ведь именно на жизни простых людей в первую очередь отражаются (или не отражаются) крупные исторические процессы. Изучение этой проблематики применительно к России XVIII в. затруднено скудостью источниковой базы, однако работы К.А. Писаренко, О.Е. Кошелевой, А.Б. Каменского, О.И. Елисеевой, А.В. Беловой и других показывают, что и тут существуют определенные возможности, открывающие подчас совершенно неожиданные страницы истории. Собранные историками данные открывают перед нами жизнь простых людей в эпоху петровских преобразований, показывают, как они приспосабливались к новым реалиям жизни, как складывались внутрисемейные отношения и как выстраивались отношения с соседями, что представлял собой мир вещей, окружавших человека в его повседневной жизни, как люди ссорились и мирились и т.д.

Перечисленными выше сюжетами и проблемами то новое, что появилось в историографии России XVIII в. за последние годы, далеко не исчерпывается, однако очевидно, что со страниц вышедших за это время работ предстает фактически иной, отличный от традиционного, образ России XVIII столетия.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ПРЕВРАЩЕНИЕ РОССИИ В МИРОВУЮ ДЕРЖАВУ

Рубеж XVII–XVIII вв. – это рубеж и в целом в русской истории, и в истории формирования территории страны. Преобразования Петра I предполагали не только модернизацию внутренней жизни страны, но и кардинальное изменение характера внешней политики, отказ от самоизоляции, активное включение России в мировую политику, основное содержание которой было связано в то время с борьбой за зоны влияния и контроль над территориями в Европе и Азии. Несмотря на то что именно в XVIII в. закрепляются основные нормы международных отношений, в том числе понятие государственного суверенитета, формируется представление о необходимости поддержания баланса сил и status quo в Европе, а мирное разрешение конфликтов обретает все большую моральную ценность, война по-прежнему остается важнейшим средством достижения внешнеполитических целей и территориальные приобретения в результате войн рассматриваются как их естественный итог (см. гл. «Pax Europea: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира»). Резкое увеличение военного потенциала России в результате создания регулярной армии и обеспечивающих ее отраслей тяжелой и легкой промышленности, наряду с введением рекрутской повинности и подушной подати, сделало возможным решение важнейших для России внешнеполитических задач, связанных с закреплением на берегах Балтийского и Черного морей и обеспечением безопасности южных и западных рубежей страны. В целом на XVIII в. пришелся пик внешнеполитической экспансии России, результатом которого стало значительное расширение ее территориальных владений.

Первые шаги Петра I на внешнеполитической арене были связаны с продолжением политики предшествующего царствования по продвижению на юг в рамках противостояния с Османской империей в составе антитурецкой Священной лиги европейских государств. Уже в 1696 г. в результате второго Азовского похода происходит первоначальное закрепление России в Приазовье. Позднее, однако, после неудачного Прутского похода 1711 г. России пришлось вернуть соответствующие территории Турции и разрушить созданные там оборонительные укрепления. Окончательное присоединение Приазовья к Российской империи состоялось уже во второй половине XVIII в. в ходе русско-турецкой войны 1769–1774 гг.

Закончившиеся неудачей переговоры об активизации войны с Турцией, проводившиеся в ходе Великого посольства Петра I в Европу в 1697–1698 гг., привели к переориентации основных внешнеполитических усилий России с южного на западное направление. В результате успешной Северной войны 1700–1721 гг. со Швецией частью империи становятся Лифляндия и

Эстляндия. Россия получает крупные торговые порты на Балтике – Ригу и Ревель (Таллин) и укрепляет свое положение в качестве морской державы строительством Санкт-Петербурга. Последующие попытки реванша со стороны Швеции успеха не имели и по Абосскому миру 1743 г. Россия даже расширила свои владения в Прибалтике, присоединив часть Финляндии до р. Кюммен.

Победа над Швецией вывела Россию в число ведущих европейских держав, определявших мировую политику того времени. В самом конце царствования Петра I во время Персидского похода 1722–1723 гг. была предпринята первая попытка наступления на Северный Кавказ; были завоеваны Северный Азербайджан и Дагестан. Однако отсутствие достаточных ресурсов для освоения этих территорий привело к тому, что спустя десять лет они были возвращены Персии.

Первостепенное значение для укрепления статуса России в качестве мировой державы имело заключение в 1726 г. союзного договора с Австрией. Именно с этого момента Россия оказывается интегрирована в систему международных отношений и от присоединения ее к той или иной европейской коалиции зависит расстановка сил на мировой арене. Это особенно ярко проявилось во время Семилетней войны 1755–1762 гг., когда, выступив на стороне Австрии против Пруссии, русские войска оккупируют Восточную Пруссию, которая провозглашается частью империи, но затем, после вступления на престол Петра III, вновь переходит под власть Пруссии.

Наибольшие внешнеполитические успехи были достигнуты Российской империей в царствование Екатерины II. В результате победы в русско-турецкой войне 1769–1774 гг., согласно заключенному с Турцией Кучюк-Кайнарджийскому миру, Россия получила крепости Керчь и Еникале, а также право на свободный проход русских судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Турция признала независимость Крыма, что позволило затем России распространить на него свое влияние и сперва добиться его лояльности, а затем в 1783 г. включить его и Кубань в состав империи, тем самым окончательно закрепившись на берегах Черного моря.

В 80-е годы в России разрабатывается новая внешнеполитическая доктрина, воплотившаяся в так называемом «греческом проекте», согласно которому планировалось полное уничтожение Османской империи и восстановление на ее месте Греческой империи со столицей в Константинополе и представителем российского императорского дома на престоле. Попытка осуществления этого плана была предпринята во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг., однако отсутствие достаточной поддержки со стороны Австрии и противодействие Пруссии и Франции не позволили его реализовать. Итогом войны, воплощенном в Ясском мире, стало признание Турцией аннексии Россией Крыма и установление новой границы между двумя державами по Днестру. Турция также отказалась от претензий на Грузию, признав тем самым Георгиевский трактат 1783 г., по которому Картли-Кахетинское царство перешло под протекторат России, гарантировавшей его неприкосновенность и территориальную целостность.

Уже с конца XVII в. Россия стала активно вмешиваться во внутренние дела Речи Посполитой, добиваясь избрания на польский престол своих ставленников. Будучи заинтересованными в сохранении в Польше существую-

щего строя, гарантировавшего политическую слабость этой страны, российские политики одновременно рассматривали ее в качестве буфера между Россией и Западной Европой и пытались решить проблему польских диссидентов. Непоследовательность российской политики в Польше привела к тому, что она стала своего рода разменной монетой в разрешении противоречий между Россией, Австрией и Пруссией. В ходе трех разделов Польши 1772, 1792 и 1795 гг., покончивших с польской государственностью, к России были присоединены сперва территории Литвы, Южной Латвии и части Белоруссии площадью 92 тыс. кв. км, затем Восточная Белоруссия и Правобережная Украина общей площадью 250 тыс. кв. км и, наконец, еще 120 тыс. кв. км территорий, включавших Западную Волынь, Западную Белоруссию, оставшуюся часть Литвы и Курляндию (Западная Латвия).

XVIII век стал также временем постепенного продвижения России на территорию современного Казахстана: уже в 1731 г. русское подданство приняли казахи Младшего жуза; в 1785 г. было принято решение о ликвидации у них ханской власти. Дальнейшее продвижение в Казахскую степь и постепенное распространение на казахов общероссийской системы административного управления продолжалось на протяжении всего следующего столетия.

Впечатляющие военные и внешнеполитические успехи России во второй половине XVIII в. значительно укрепили ее авторитет на международной арене, так что екатерининский вельможа А.А. Безбородко хвастался, что «при матушке» ни одна пушка в Европе не смела выстрелить без разрешения Петербурга. Однако в долговременной перспективе многие из территориальных завоеваний XVIII в. обернулись серьезными проблемами. Одним из следствий значительного расширения территории империи стало изменение соотношения разных народов в населении страны. Так, если в 1762 г. доля русского народа составляла 62,3%, то к 1796 г. она снизилась до 48,9%.

СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Новый, имперский характер политической власти в России XVIII в., воплотившийся уже в титуле государей – Император и Самодержец Всероссийский, потребовал коренной реорганизации всей системы административного управления, формирования жесткой и эффективной структуры власти, сосредоточенной в центре и охватывающей всю территорию страны и все сферы жизни.

Накануне петровских преобразований административное управление России носило весьма архаичный и одновременно запутанный характер. Центральная власть была представлена несколькими десятками московских приказов с отраслевыми функциями, но при этом власть большинства приказов была ограничена определенными территориями страны и отдельными категориями населения. К тому же многие приказы обладали еще и судебными функциями, также распространявшимися лишь на определенные территории и категории населения. В условиях неудачного начала Северной войны со Швецией, когда на карту была поставлена судьба страны и потребовалась концентрация всех государственных ресурсов, обеспечение которой напрямую зависело от эффективности и оперативности управления, стало очевид-

ным, что громоздкая приказная система не справляется с новыми задачами. Необходима была более четкая, разветвленная, многофункциональная и одновременно значительно более гибкая и эффективная система управления. К тому же Петр I в отличие от своих предшественников постоянно перемещался по стране, а приказное управление было организовано таким образом, что предполагало непосредственное участие государя в принятии решений. Однако реформа центрального управления, как уже упоминалось, не означала единовременной ломки старого и создания вместо него нового аппарата, а осуществлялась постепенно на протяжении всего царствования Петра.

На первом этапе административной реформы новые учреждения создавались там, где в этот момент находился царь, дабы они всегда были у него под рукой и можно было бы быстро оформить всякое новое решение. Старые учреждения при этом не ликвидировались, а продолжали функционировать параллельно с новыми. С основанием Петербурга вновь созданные учреждения в большинстве своем обосновались в новой столице, и центр тяжести в системе управления стал смещаться туда, в то время как московские приказы превращались фактически в филиалы петербургских канцелярий. В Петербург перебралась и Консилия министров, возникшая первоначально в качестве боярской комиссии, которой поручалось управлять Москвой в отсутствие царя. Постепенно, однако, компетенция Консилии расширялась, распространяясь на всю территорию страны, а в ее состав стали входить не бояре, а руководители важнейших приказов. Хотя статус Консилии министров в системе центральной власти и сфера ее полномочий не были законодательно определены, Петр стремился упорядочить и регламентировать ее деятельность на бюрократических началах.

> Организация деятельности Консилии министров стала прообразом нового бюрократического порядка делопроизводства, позднее распространенного и на другие вновь создаваемые государственные учреждения. Этот порядок предусматривал, в частности, обязательное составление протоколов заседаний, которые затем должны были подписываться каждым из присутствовавших. По замыслу Петра, тем самым обеспечивалась индивидуальная ответственность чиновников за коллективно принимаемые ими решения.
>
> Именно этот порядок породил и один из наиболее известных афоризмов Петра Великого. 7 октября 1707 г. царь писал князю Федору Юрьевичу Ромодановскому: «Siir. Изволь объявить при съезде в полате всем министром, которые в конзилию съезжаютца, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждой бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно надобно, и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет. Piter» (Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. 6. С. 129).

В 1711 г. на смену Консилии министров пришел Правительствующий Сенат – учреждение, задуманное царем в качестве центрального звена всей системы управления, которое должно было обеспечивать ее бесперебойную работу, контролируя все остальные центральные и местные органы власти и координируя их деятельность. Так, важным средством контроля должны были стать регулярные сенаторские ревизии на местах. Сенату также поручалось решение таких стратегически важных вопросов, как поиск новых источников доходов, забота о внутренней и внешней торговле, борьба с уклонениями от военной службы и т.д. Он же стал высшей судебной инстанцией. Таким

образом, Сенат сочетал в себе функции высшего органа исполнительной и судебной власти. При этом он имел право издавать указы общегосударственного значения, но лишь в рамках уже существующих законодательных норм. На практике, однако, на отдельных этапах истории России XVIII в. в связи с ослаблением верховной власти Сенат на короткие моменты брал на себя и законодательную инициативу. Создание Сената повлекло за собой изменения в структуре центральных ведомств и ликвидацию ряда приказов. Одновременно с этим сам Сенат постепенно обрастал различными дочерними организациями – конторами, канцеляриями, палатами, необходимыми для исполнения его функций и бравшими на себя обязанности прежних учреждений.

Почти одновременно с Сенатом был создан институт фискалитета во главе с обер-фискалом, который был призван обеспечить соблюдение законности чиновниками всех рангов и, таким образом, был направлен на борьбу с коррупцией и казнокрадством. В 1722 г. с этой же целью возникли органы прокуратуры во главе с генерал-прокурором, который одновременно фактически руководил работой Сената и являлся посредником между ним и государем. В последующие годы роль и место генерал-прокурора в системе административного управления менялись в зависимости от места и роли Сената, а также от того, как складывались отношения между конкретными лицами, занимавшими этот пост, и монархами.

С 1717 г. Петр I приступил к созданию коллегий – наиболее значимой части его административной реформы. В качестве образца была использована шведская система центрального управления, основанная на принципах камерализма. Эта теория государственного строительства предполагала наделение каждого ведомства в системе исполнительной власти функциями управления в строго определенной сфере. Власть новых учреждений распространялась уже на всю территорию страны. При этом ряд специальных актов строго фиксировал сферу компетенции каждой коллегии, ее функции, штатное расписание, обязанности каждого чиновника. На первом этапе реформы было создано девять коллегий: Иностранных дел, Военная, Адмиралтейская, Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия, Ревизион-коллегия, Юстиц-коллегия, Коммерц-коллегия и Берг-мануфактур-коллегия. Первые три занимали в коллежской системе особое место и были подотчетны непосредственно государю. В последующее время статус и функции ряда коллегий, в особенности связанных с управлением финансами и промышленностью, менялся в связи с изменениями правительственной политики. Уточнялся и претерпевал изменения и состав коллегий. Уже в 1721 г. они пополнились особой, Духовной коллегией – Святейшим Синодом. В 1722 г. была создана Вотчинная коллегия, а из Берг-мануфактур-коллегии выделилась Мануфактур-коллегия.

При жизни Петра I возникло еще несколько центральных ведомств, по своему статусу равных коллегиям. Одним из них был Главный магистрат, которому было вменено в обязанность контролировать деятельность образованных тогда же городовых магистратов в уездных, провинциальных и губернских городах. Создание Главного магистрата завершило начатую еще в 1699 г. реформу городского управления, с этого времени выделившегося в отдельную ветвь власти, сочетавшую элементы самоуправления с государственным контролем и регулированием. Еще одним центральным ведомством, обязанным своим рождением Петру Великому, стала Тайная канцелярия –

орган политического сыска, первоначально созданный как временное учреждение для следствия по делу царевича Алексея Петровича, но затем заменивший существовавший до этого Преображенский приказ. Тайная канцелярия просуществовала до 1762 г., а после ее ликвидации Петром III функции политического сыска перешли к Тайной экспедиции Сената.

Новая административная система задумывалась и создавалась Петром I таким образом, чтобы на основании законов, уставов и регламентов она работала четко, бесперебойно, как хорошо отлаженный часовой механизм. Однако поскольку при этом законодательство никак не определяло статус самой самодержавной власти, и она, таким образом, носила внеправовой характер, а на практике государь мог вмешиваться в решение любых вопросов на любом уровне, в полной мере достичь задуманного было в принципе невозможно.

После смерти Петра Великого, в условиях, когда на престоле последовательно оказывались люди, не обладавшие достаточной политической волей, видением и пониманием стратегических задач развития страны или попросту способностями к управлению, стало очевидно, что созданная первым российским императором система управления имеет существенную лакуну. Правительствующий Сенат в силу своей широчайшей компетенции и принятых в нем процедур обсуждения и согласования решений не мог выполнять функции оперативного управления. Это привело к созданию сперва Верховного тайного совета (1726–1730), а затем Кабинета министров (1730–1740) – законосовещательных и одновременно правительственных органов, состоявших из руководителей важнейших коллегий и наиболее доверенных лиц императоров и императриц. Статус и роль в управлении этих и иных аналогичных органов (Конференция при Высочайшем дворе, 1756–1762; Совет при Высочайшем дворе, 1769–1796), наряду с личными канцеляриями государей (Кабинет Петра I, Кабинет Елизаветы Петровны, канцелярии статс-секретарей Екатерины II), были различны, однако сам факт их существования указывает на особенности российского самодержавия XVIII в.

В первые послепетровские десятилетия в условиях жесточайшего финансового кризиса были приняты меры по сокращению расходов на содержание государственного аппарата, что привело к ликвидации ряда ведомств как в центре, так и на местах. С восшествием на престол в 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны созданная ее отцом структура органов управления была восстановлена в полном объеме, а в царствование Екатерины II (1762–1796) начался новый этап ее реорганизации, связанный с перераспределением властных полномочий между центром и периферией, с одной стороны, и сосредоточением в центре отраслей управления, связанных исключительно с обеспечением безопасности страны (финансы, иностранные дела, армия и флот) – с другой. В 1763 г. была также осуществлена реформа Сената, разделенного отныне на шесть департаментов, между которыми были распределены все его основные функции. По замыслу Екатерины, Сенат в первую очередь должен быть «хранилищем законов», т.е. его основная обязанность состояла в контроле за соблюдением законности всей системы управления страной. В 1773 г. было создано новое центральное ведомство – Экспедиция государственных доходов, заменившая ряд прежних финансовых учреждений и постепенно сосредоточившая в своих руках управление всеми финан-

сами страны, что позволило упорядочить в целом финансовую сферу и предпринять первую попытку составления государственного бюджета.

В конце XVIII в. с приходом к власти Павла I была фактически осуществлена контрреформа: восстановлены ликвидированные в 80-е годы центральные ведомства, связанные с управлением промышленностью и торговлей, и соответствующие функции вновь сосредоточены в центре, причем теперь они были подчинены непосредственно императору. По мнению некоторых исследователей, павловская реформа обнаружила и тенденцию к отходу от заложенных Петром I принципов коллегиального управления и переходу к министерской системе, что выразилось, в частности, в наименовании министром главы реорганизованной в 1800 г. Коммерц-коллегии.

Помимо центральных органов административного управления в качестве общеимперского института в течение XVIII столетия постепенно формируется и институт императорского двора. Начало этому процессу было положено уже Табелью о рангах Петра Великого, в которой придворные чины были введены в единую систему государственной службы наравне со статскими и военными. В дальнейшем двор как институт складывался на основе преимущественно западноевропейских образцов, а также с учетом имперских традиций Античности и Византии. Со временем он приобрел значение важнейшего политического символа со специфическими ритуалами, обрядами, нормами и правилами поведения. При Павле I в 1797 г. на свет появилось Учреждение об императорской фамилии: законодательный акт, которым семья российского императора была также фактически превращена в один из государственных институтов. Для управления имуществом царской семьи в том же году было создано специальное центральное ведомство – Департамент уделов, причем его глава тоже получил наименование министра.

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

К концу XVII в. территориально-административное устройство России и соответствующая ему система управления отдельными регионами страны имели неоднородный характер. Постепенно входившие в состав Московской Руси земли в соответствии со средневековыми традициями получали различный правовой статус, зачастую сохраняя некоторые традиционные органы власти местных народов. В центре для руководства ими создавались специальные ведомства. Так, например, после покорения Казанского ханства, примерно на рубеже 50–60-х годов XVI в. возник Приказ Казанского дворца. В XVII в. в его юрисдикцию входили Казань и Свияжск с пригородами, Сурско-Волжское междуречье, левобережье Волги, Приуралье, мещерские города и Нижняя Волга, включая Астрахань, Саратов и Царицын. В середине XVII в. Астрахань перешла в ведение Посольского приказа, т.е. внешнеполитического ведомства. До 1637 г. Приказ Казанского дворца ведал также Сибирью. В 1637 г. для управления ею был создан специальный Сибирский приказ. Особым было управление и Новгородской землей, в отличие от Центральной России, делившейся не на уезды, а на пятины: с 1599 г. существо-

вал Новгородский приказ (Новгородская четверть). В 1670 г. в ведение этого приказа была передана Смоленская земля, до этого (с 1654 г.) находившаяся в ведомстве Посольского приказа, а в 1673 г. был создан Приказ княжества Смоленского. Совершенно особым было управление присоединенной в 1654 г. Левобережной Украиной, имевшей по существу статус автономии, где сохранялись особое административно-территориальное деление на полки, выборные гетман и старшина, а в городах – ратушное самоуправление. В 1662 г. возник Малороссийский приказ, подчиненный Посольскому приказу. В его ведении находились официальные сношения русского правительства с украинскими гетманами, обеспечение размещенных на территории Украины русских войск и т.д.

Особенности управления Украиной были связаны и с тем, что на нее фактически не распространялось действие российских законов: там продолжал действовать Литовский статут 1588 г. Но иным, чем в центре, было и правовое положение населения некоторых других окраин страны. Так, например, после окончательного присоединения в 1667 г. Смоленской земли московский царь гарантировал местной шляхте сохранение привилегий, данных польским королем. Основной формой обложения коренных народов Сибири и Дальнего Востока служил ясак. Даже действие такого важнейшего социального института, как крепостничество, распространялось преимущественно лишь на Центральную Россию: оно практически отсутствовало на Украине, в Сибири и на Русском Севере.

С изменением положения России на мировой арене, обретением ею имперского статуса и дальнейшим расширением ее территории перед центральной властью с особой остротой встали новые задачи, связанные не только с повышением эффективности управления всем имперским пространством, но и предотвращением распада страны и отделения от нее тех или иных территорий имперской периферии. В этих условиях был взят курс на унификацию системы управления, однако в отношении отдельных территорий власть проявляла большую осторожность и воздерживалась от слишком резких действий. Так, когда в 1710 г. к России были присоединены Лифляндия и Эстляндия, там были сохранены многие органы местного сословного и городского самоуправления, а дворянству было гарантировано соблюдение традиционных привилегий, пожалованных шведскими королями, в том числе привилегий судебных.

Начало унификации системы управления было положено губернской реформой Петра I 1708–1709 гг., когда было создано восемь губерний: Санкт-Петербургская (Ингерманландская), Московская, Архангельская, Смоленская, Киевская, Казанская, Азовская и Сибирская. В 1710 г. из Казанской губернии были выделены Астраханская и Нижегородская. Это привело к постепенной ликвидации территориальных приказов: в 1709 г. – Приказа Казанского дворца, в 1710 г. – Приказа княжества Смоленского, в 1711 г. – Сибирского приказа и т.д. Впрочем, Сибирский приказ в 1730 г. был восстановлен и просуществовал до 1763 г., но уже исключительно с финансовыми функциями.

Восшествие на престол в 1762 г. Екатерины II ознаменовало начало нового этапа в унификации системы управления, причем императрица была сознательной и последовательной сторонницей этой политики. В 1764 г. в

секретной инструкции вновь назначаемому генерал-прокурору она писала: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия – суть провинции, которые правятся конфирмованными им привилегиями; нарушить оные все вдруг весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностию глупостию. Сии провинции, также и Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу… когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб навек и имя гетманов исчезло».

В 1775 г. Екатерина II осуществила новую губернскую реформу, основанную на «Учреждениях о губерниях Всероссийской империи», согласно которым было введено административно-территориальное деление страны на наместничества (генерал-губернаторства), губернии и уезды. Все территории, вошедшие в состав империи после этой реформы: Белоруссия, Литва, Правобережная Украина, Крым, – теперь сразу получали систему управления в соответствии с «Учреждениями». Сложнее обстояло дело с теми имперскими периферияими, которые уже находились в составе империи, обладая при этом особым статусом.

Первая попытка заменить гетманское правление на Украине имперскими учреждениями была предпринята еще в петровское время, когда в 1722 г. учредили Малороссийскую коллегию, располагавшуюся непосредственно в гетманской резиденции в Глухове. При этом на коллегию возлагались обязанности контроля за деятельностью всех местных органов самоуправления и приема от населения жалоб на Генеральную войсковую и полковые канцелярии, а также на судебные органы. Иначе говоря, имперская власть брала на себя роль защитника населения от местного произвола. Однако деятельность коллегии привела к росту недовольства казацкой старшины и распространению в ее среде сепаратистских настроений. Поскольку это совпало с обострением отношений с Турцией и, соответственно, создавало угрозу безопасности страны, в 1727 г. Малороссийская коллегия была ликвидирована, а избрание гетмана возобновлено. В 1734–1750 гг. гетман вновь не избирался, а Украиной управляли Правление гетманского уряду и Канцелярия министерского правления, ликвидированные с избранием гетманом К.Г. Разумовского. Но восстановление «самостийности» не остановило процесс экономической интеграции украинских земель в общеимперское пространство. Так, в 1754 г. после отмены в России внутренних таможен они были ликвидированы и на границе с Украиной.

В 1764 г. Екатерина II приняла отставку последнего украинского гетмана и назначила П.А. Румянцева малороссийским губернатором. В данной ему инструкции подчеркивалось, что центр рассматривает Украину исключительно как имперскую периферию, которая должна приносить ему соответствующую выгоду, в то время как «Россия при всем том весьма малую, а во время последнего гетманского правления почти и никакой от [украинского] народа пользы и доходов поныне не имела». Румянцев возглавил и вновь созданную Малороссийскую коллегию, в которой заседали четверо русских и четверо украинских членов. Но процесс политической и административной интеграции Украины осуществлялся при этом осторожно и постепенно. В 1765 г. были распущены казацкие полки в Слободской Украине, а еще

через десять лет упразднена Запорожская Сечь. Однако лишь в 1781 г. было окончательно ликвидировано деление на полки и сотни, и на Левобережной Украине учреждено три наместничества: Киевское, Черниговское и Новгород-Северское. Одновременно была упразднена и ставшая уже ненужной Малороссийская коллегия. В 1783 г. последовал указ, окончательно запретивший крестьянские переходы и, таким образом, утвердивший на Украине крепостное право.

В Уложенной комиссии 1767–1768 гг. представители украинской шляхты требовали уравнения ее в правах с российским дворянством. В последующие годы начался процесс интенсивной миграции представителей украинского дворянства в Россию; некоторые из них получили видные места при российском дворе, что не только означало их личный карьерный рост, но в определенной степени давало им возможность, став частью общеимперской политической элиты, отстаивать интересы своего региона.

Еще осторожнее обращалась центральная власть с прибалтийскими провинциями. На протяжении XVIII в. существовал ряд центральных ведомств (Камер-контора лифляндских, эстляндских и финляндских дел, Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел, Коллегия лифляндских и эстляндских дел), ведавших финансовыми вопросами и управлением государственными имениями на этих территориях, исполнявших функции высшей апелляционной инстанции и т.д. Однако при этом сохранялись местные органы самоуправления, а также система судебных учреждений, обеспечивавшая важнейшую привилегию прибалтийского дворянства – возможность судиться в соответствии со шведскими законами и процедурами. Более того, делопроизводство в Прибалтике велось на немецком языке, в латышской части Лифляндии жалованье местным чиновникам выплачивалось не русскими рублями, а в иностранной валюте; местное население не было положено в подушный оклад и на него не распространялась рекрутская повинность.

Как и на других имперских окраинах, центральная власть сознавала, что важнейшим путем инкорпорации Прибалтики в состав империи является включение местного дворянства в общероссийскую элиту. Так, в 1730 г. был создан лейб-гвардии Измайловский полк, офицерский состав которого формировался из лифляндцев, эстляндцев и курляндцев. В 1731 г. основан Сухопутный Шляхетный кадетский корпус для дворянских детей, причем из 200 его воспитанников 50 должны были быть остзейцами. В уставе корпуса специально оговаривалось, что «в одном покое могут жить по 6 и по 7 человек кадетов, и у всех позволяется быть двум служителем; и можно определить к российским чужестранных, а к эстляндским и лифляндским российских служителей, дабы тем способом всякой наилучше другим языком обучаться и к оным привыкать мог». Требования представителей лифляндского и эстляндского рыцарства в Уложенной комиссии подтвердить его традиционные привилегии вызвало у Екатерины II нескрываемое раздражение, и в последующие годы на прибалтийское дворянство было оказано сильное давление, в частности с целью уменьшить произвол в его отношениях с крепостными. Вместе с тем императрица активно использовала опыт прибалтийских провинций в организации местного управления при подготовке Учреждений для управления губерниями 1775 г.

Общая направленность губернской реформы Екатерины II, как уже говорилось, была связана с перераспределением власти между центром и регионами в пользу последних, что, по-видимому, по мысли императрицы, должно было предотвратить повторение событий, подобных Пугачевщине. При этом одной из причин, вызвавших это восстание, было как раз стремление центра регламентировать жизнь яицких и донских казаков, а также народов Поволжья.

Среди историков нет единства мнений относительно влияния реформы 1775 г., имевшей многоаспектный характер, на управление страной с точки зрения централизации власти. Так, некоторые исследователи полагают, что смысл политики централизма остался неизменным, в то время как другие обращают внимание на то, что контроль за низшими звеньями местного управления переместился из центра непосредственно в губернии. По мнению одних (О.А. Омельченко), именно этой реформой Екатерина построила «грандиозное здание бюрократической монархии», а другие историки (Я. Зутис, Дж. ЛеДонн) считают, что она, напротив, носила антибюрократический характер. Не вызывает, однако, сомнения, что центральная власть в результате реформы не ослабла, а ее проведение способствовало унификации системы управления империи в целом, ликвидации остатков автономии провинций и превращению России в унитарное политическое образование.

Так, в прибалтийских губерниях начиная с 1779 г. началось постепенное вытеснение традиционных административных и судебных органов институциями, предусмотренными Учреждениями 1775 г., что вызвало сопротивление местного дворянства, и потому процесс растянулся на несколько лет. Правительство при этом действовало крайне осторожно: в 1783 г. права прибалтийских дворян по владению земельными имениями были приведены в соответствие с общероссийскими, а на местное население распространена подушная подать, но одновременно было подтверждено освобождение от рекрутской повинности. Окончательная ликвидация элементов остзейской автономии была осуществлена в 1785–1786 гг. после издания жалованных грамот дворянству и городам, что привело фактически к ликвидации остзейского рыцарства в качестве особой привилегированной корпорации. Неслучайно с конца XVIII в. начинается процесс ассимиляции прибалтийских дворян, в частности посредством заключения браков с представителями русского дворянства, и обрусения значительной их части.

Аналогичные процессы шли и на других имперских окраинах, в том числе в Северном Казахстане, где после ликвидации в 1785 г. ханской власти началось создание учреждений, предусмотренных реформой 1775 г., причем предпринимались усилия по инкорпорации традиционной родовой знати в российскую административную структуру и переводу кочевников на оседлый образ жизни. Важное с точки зрения взаимоотношений имперского центра и окраин значение имела проводившаяся с начала царствования Екатерины II политика веротерпимости, в частности в отношении мусульманского населения Поволжья. Она значительно облегчила, например, интеграцию в состав империи Крымского полуострова и Кубани, хотя при этом значительное число крымских татар и ногайцев все-таки предпочли эмигрировать в пределы Османской империи. С другой стороны, невозможность вписать в общеимперскую социальную структуру многочисленное еврейское населе-

ние территорий, полученных в результате разделов Польши, привела к установлению в 1791 г. черты оседлости, ограничивавшей расселение евреев сперва Белорусской, Екатеринославской и Таврической губерниями, а позднее Минской, Волынской, Подольской, Витебской, Могилевской, Киевской, Черниговской и Новгород-Северской, Виленской, Гродненской и Курляндской губерниями.

Пришедший в 1796 г. к власти Павел I и в сфере взаимоотношений центра и регионов попытался осуществить своего рода ревизию политики своей предшественницы. Так, на Украине и в Прибалтике были восстановлены некоторые ликвидированные ранее традиционные органы управления и одновременно в масштабе всей страны сокращены полномочия введенных Учреждениями 1775 г. органов сословного самоуправления. Новая губернская реформа привела к сокращению общего числа губерний, но при этом в особый регион была выделена Область Войска Донского. С одной стороны, за всеми этими действиями императора просматривается стремление к усилению централизма за счет сокращения властных полномочий на местах, что соответствовало представлениям Павла о принципах организации монархической власти. Но одновременно с этим восстановление на местах органов власти, отличных от общеимперских, было, по-видимому, попыткой предотвратить там возможные конфликты и вызвано страхом перед распространением на Россию вредного влияния Французской революции. Однако остановить тенденцию унификации имперского пространства эти меры Павла уже не могли.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА

Для описания социальной организации российского общества XVIII в. в исторической литературе используются различные термины и понятия: классы, социальные группы, страты, социальные категории и др. Наиболее употребительным является понятие «сословия». При этом долгое время считалось, что процесс формирования сословий на Руси начался едва ли не в древнейшее время и к XVIII в. они уже несомненно сложились. Однако, по мнению ряда современных историков, юридических сословий, подобных тем, что имелись в Западной Европе, т.е. таких, чьи обязанности, права и привилегии зафиксированы в законодательстве, к концу XVII в. в России еще не было, и они лишь начали постепенно формироваться благодаря реформам Петра I, изменившим в том числе и характер российского права.

Особенностью процесса формирования в России сословного строя была неравномерность темпов образования отдельных сословий. Быстрее всего шел процесс складывания дворянского сословия. Уже начало создания регулярной армии накануне Северной войны, завершившееся введением в 1705 г. рекрутской повинности, разрушив прежде существовавший порядок службы, привело к исчезновению системы поместного верстания и окончательно ликвидировало формальную разницу между московскими и городовыми дворянами, служилыми по отечеству и по прибору. Таким образом, возникли условия для слияния различных категорий служилых людей в единую социальную корпорацию. Еще одно препятствие на этом пути было уничтоже-

но Указом о единонаследии 1714 г., завершившим шедший в течение всего XVII в. процесс слияния поместья и вотчины и придавшим всем земельным владениям дворянства наследственный статус. Следующей важной вехой стало появление в 1722 г. Табели о рангах, упорядочившей систему государственной службы. Вместе с тем петровское законодательство о дворянстве было достаточно противоречивым. Степень личной свободы дворян оказалась еще более ограниченной, чем прежде: дворянин был обязан служить, причем теперь не время от времени, а постоянно и бессрочно, а всякое уклонение от службы, по крайней мере формально, было чревато конфискацией имений и уголовным преследованием. С обязанностью служить была связана и важнейшая привилегия дворянства – его неподатной статус. Табель о рангах при этом открывала возможность получения дворянства представителями иных социальных групп и, таким образом, это сословие изначально формировалось не как замкнутая корпорация. Большое недовольство дворян вызывала норма Указа о единонаследии, запрещавшая раздел имений между всеми наследниками, а также необходимость начинать службу с нижних чинов. Владение крепостными душами, согласно петровскому законодательству, также не являлось еще монополией дворянства: по указу 1721 г. предпринимателям недворянского происхождения разрешалось покупать крестьян для работы на промышленных предприятиях.

Важнейшую роль в процессе реформирования социальной структуры населения России сыграла податная реформа 1718–1724 гг., в ходе которой был ликвидирован ряд маргинальных групп, уменьшена дробность социального деления и в целом упорядочена социальная структура. Все население делилось теперь на податную (крестьяне, горожане, казачество) и неподатную (дворянство, духовенство, все военнослужащие) части. Что касается крестьянства, то оно было представлено тремя основными группами: помещичьими, монастырскими и государственными крестьянами. При этом была ликвидирована социальная категория холопства, а все зависимые от помещика люди определены как крепостные, вне зависимости от того, занимались ли они сельским трудом или работали в помещичьем доме. Были ликвидированы и различия между жителями разных городских слобод, а все городское население получило единое наименование – «купечество», что, впрочем, далеко не соответствовало реальным занятиям горожан. Распространив освобождение от уплаты подушной подати на духовенство, петровское законодательство стремилось к ограничению численности этой социальной группы, регламентируя право пострижения в монашество и превращая сан священника в наследственный, в результате чего именно духовенство стало наиболее замкнутой сословной корпорацией.

Вместе с тем, поскольку на первом месте при проведении податной реформы стояли фискальные интересы и законодатель стремился прежде всего к максимальному охвату населения податной системой, основанной на душе мужского пола как счетной единице, возникшая в результате реформы социальная структура не соответствовала реальностям социального и экономического развития страны. Введение в ходе реформы паспортной системы, резко ограничило географическую мобильность, а жесткая социальная структура препятствовала социальной мобильности населения. Между тем достаточно быстрое развитие экономики, появление таких сфер обществен-

ной жизни, как наука, образование, медицина и прочее, порождали ряд новых занятий населения, не предусмотренных созданной социальной структурой, и привели к возникновению особой социальной категории разночинцев. В целом же следствием податной реформы Петра I стало ограничение личной свободы практически всех социальных групп и закрепление крепостнических по своей сути принципов их взаимоотношений с государственной властью. Еще одним следствием реформы было предельное сужение возможностей возникновения рынка свободной рабочей силы, развитие экономики на крепостнической основе и, соответственно, уничтожение условий развития капитализма.

Первые послепетровские десятилетия отмечены борьбой дворянства за закрепление и законодательное оформление своих сословных привилегий. Уже во время событий, сопровождавших восшествие на престол в 1730 г. императрицы Анны Иоанновны, дворянство заявило о себе как о серьезной политической силе, с которой верховная власть не могла не считаться. В последующие десять лет дворянство добивается отмены положений Указа 1714 г. о единонаследии в части порядка наследования имений, ограничения срока службы 25 годами и возможности обойти необходимость начинать службу с нижних чинов получением образования в специально созданном для дворянства Шляхетном кадетском корпусе. В середине века дворянство обрело монопольное право на винокурение, а при проведении возобновленных с конца 40-х годов ревизий душ правительство стремилось ограничить право недворян на владение крепостными. Хотя при этом указ 1721 г., разрешавший покупку крестьян к заводам, продолжал действовать, а в 1736 г. все работающие на предприятиях были объявлены собственностью заводчиков (посессионные крестьяне), количество вновь покупаемых крестьян теперь жестко увязывалось с объемами производства. В созданном Уложенной комиссией 1754–1761 гг. проекте прав дворянства была предпринята попытка законодательно регламентировать владельческие права дворянства в отношении крепостных, но утвержден проект не был.

Итогом борьбы дворянства за оформление своего привилегированного статуса стал Манифест о вольности дворянства 1762 г., освободивший дворян от обязательной службы и разрешивший им свободный выезд за границу. Отныне владение крепостными душами уже никак не было связано с обязанностью служить. Тогда же недворянам было запрещено покупать крестьян к заводам и, таким образом, окончательно установлена дворянская монополия в этой сфере. Следствием Манифеста 1762 г. явился также массовый отток дворян с государственной службы. Они все чаще селились в своих имениях, что привело к возникновению особого социального типа – русского сельского помещика и появлению русской усадебной культуры.

Восшествие на престол Екатерины II, видевшей в формировании юридических сословий важнейшую цель своего царствования, знаменовало собой новый этап в развитии социального строя России. Уже в процессе подготовки Уложенной комиссии 1767–1768 гг. были созданы первые органы дворянского сословного самоуправления, чей правовой статус был затем оформлен Учреждениями о губерниях 1775 г. и Жалованной грамотой дворянству 1785 г. В 1775 г. было также восстановлено значение введенных еще Петром I купеческих гильдий, принадлежность к которым была

теперь обусловлена размерами объявленного капитала. Гильдейское купечество получило ряд привилегий, важнейшей из которых явилась замена подушной подати налогом с капитала, что, по мысли законодательницы, должно было стимулировать предпринимательство. В результате гильдейское купечество было отделено от массы городского населения в качестве особой привилегированной группы, чей правовой статус был окончательно закреплен Жалованной грамотой городам 1785 г. Согласно грамоте, не вошедшее в купеческие гильдии городское население стало именоваться мещанством.

Как уже упоминалось, Екатерина II была первой из российских монархов, кто сознавал негативное воздействие крепостного права на социальное и экономическое развитие страны, о чем свидетельствуют многие ее высказывания по этому поводу. По инициативе императрицы основанное ею в 1765 г. Вольное Экономическое общество объявило конкурс на лучшую работу о крестьянской собственности, превратив крестьянский вопрос в предмет общественного обсуждения. В 1775 г. сама возможность освобождения крестьян была закреплена законодательно. Однако попытки императрицы поставить вопрос об отмене крепостного права на обсуждение Уложенной комиссии вызвали такое яростное сопротивление дворянства, что, опасаясь за свою власть, она вынуждена была отступить. В результате к концу XVIII в. процесс модернизации исчерпал свой потенциал и все новые реформаторские замыслы неизбежно упирались в необходимость отмены крепостного права. Вместе с тем власть сумела противостоять всем попыткам дворянства законодательно зафиксировать его владельческие права. Жалованная грамота дворянству 1785 г., аккумулировав уже существовавшие к этому времени дворянские привилегии, провозгласив монопольное право дворянства на владение землей и недрами, неотчуждаемость родовых имений и освобождение представителей благородного сословия от телесных наказаний, вопрос о владении крепостными душами обошла молчанием.

С момента появления жалованных грамот дворянству и городам 1785 г., по мнению ряда историков, можно говорить о существовании в России юридических сословий. Однако сложившийся социальный строй, по сравнению с западноевропейскими аналогами, был искажен неравномерностью развития отдельных сословий. Так, русское дворянство к концу XVIII в., хотя и отличалось особенностями сословного самосознания, связанными с владением крепостными душами, было уже вполне сложившейся и консолидированной сословной корпорацией с достаточно выраженными сословными интересами. Процесс складывания в России аналога третьего сословия шел медленно и тормозился отсутствием юридических гарантий частной собственности и ограниченностью пределов социальной мобильности. Екатериной II был подготовлен проект жалованной грамоты государственным крестьянам и вместе с грамотами дворянству и городам все три должны были играть роль своего рода конституции – фундаментальных законов, как их понимали просветители XVIII в. Однако проект остался нереализованным. Именно диспропорции в развитии отдельных сословий породили явление, которое получило в исторической литературе наименование «золотой век русского дворянства».

ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА XVIII ВЕКА

Как и во всех иных сферах, Петровские реформы внесли радикальные изменения в культуру и духовную жизнь русского общества. Уже первые шаги царя в этой области – введение европейского платья для служилых людей и горожан, указы о бритье бород – фактически разделили население страны на две неравные части – тех, кому были предназначены эти нововведения и кто с этого времени превратился в носителей и распространителей новой культуры европейского типа, и массу крестьянского населения, образ жизни которого оставался в основном неизменным. Это привело по сути к культурному расколу русского общества, со временем усилившемуся и ставшему в дальнейшем одной из причин крупных социальных потрясений. Одновременно целый комплекс мероприятий Петра I: создание первых светских учебных заведений, реформа календаря и алфавита, основание первого русского музея и Академии наук, распространение книгопечатания, регламентация на европейский манер повседневной жизни, введение обязательного образования для дворян, строительство на основе европейских архитектурно-пространственных принципов новой столицы страны – все это заложило основы того, что с этого времени стали именовать «русской культурой».

Русский человек, помещенный в иное, чем в старинных русских городах, городское пространство Петербурга, живший теперь в каменном, построенном по европейским образцам доме, где его окружали предметы европейского быта, одетый в европейское платье и получивший начальное светское образование, волей-неволей кардинально менял образ жизни, формы времяпрепровождения, стиль и характер отношений с членами своей семьи. Важной категорией повседневности становится свободное время, которое тратится на чтение, слушание музыки, прогулки на природе, посещение ассамблей, курение табака и т.д. Постепенно в качестве важной составляющей быта высших слоев общества формируется понятие светской жизни как особого свойства политической элиты. Вместе с тем, по сравнению с достаточно стремительным появлением внешних признаков европеизации повседневной жизни дворянства и в целом русского города, изменения сознания происходили значительно медленнее, а рецепции различных понятий и явлений европейской культуры была свойственна определенная трансформация, зачастую радикально менявшая их содержание.

Уже в петровское время «ученость», образование становятся постепенно моральной и социальной ценностью, появляются первые частные библиотеки, собрания произведений искусства. Тогда же резкие перемены в жизни заставляют задуматься об их значении и порождают интерес к истории, что приводит к появлению русской исторической науки как попытки, с одной стороны, осмыслить место России в мире, а с другой – легитимизировать его. Современное понимание, представление о прошлом как о феномене, отличном от настоящего и будущего, возникает именно в это время, и интерес к нему проявляется, например, в первых попытках коллекционирования предметов старины. Этот же интерес к прошлому, обостренное ощущение историчности происходящего наряду с осознанием значимости личности вследствие общей секуляризации культуры порождают и появление первых русских мемуаров. Однако наиболее зримые, реальные плоды осущест-

вленной Петром I «культурной революции» проявились в середине XVIII в., в царствование Елизаветы Петровны, когда свое место в социальной и политической жизни страны заняло поколение людей, родившихся уже в петровское время. Не случайно именно на 40–50-е годы приходятся основание Московского университета и Академии художеств, появление русского драматического театра, начало отечественной журналистики, расцвет творчества В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова. Именно в это время в Россию впервые проникают идеи просветителей, а французский язык вытесняет немецкий в качестве языка общения элиты.

Важнейшее значение для духовной жизни России XVIII в. имело царствование Екатерины II, отличавшейся широкими интеллектуальными запросами и выступавшей в качестве автора статей, пьес и сказок, а также исследователя-историка и языковеда. При этом и в елизаветинское, и тем более в екатерининское царствование власть выступает в качестве мецената, поощряя развитие отечественной литературы, архитектуры, живописи, музыкального и театрального искусства, которые постепенно обретают специфические национальные черты, отвечая тем самым потребностям общества, в котором вызревают идеи нации и национального. Однако к концу царствования Екатерины в недрах союза власти и культуры постепенно созревает конфликт, порожденный обостряющейся рефлексией мыслящей части общества по поводу особенностей социальной жизни России и выразившийся в том числе в судьбе Н.И. Новикова и А.Н. Радищева. Другим проявлением неудовлетворенности созданного модернизацией образованного слоя стало увлечение масонством как альтернативой официальной идеологии.

Появление в России науки как особой сферы общественной жизни, системы светского образования – сперва в виде элитарных учебных заведений (Академический университет, Шляхетный корпус, Московский университет, Смольный институт, частные пансионы), а затем, с середины 80-х годов, и более широкой сети школьных учреждений – также породили новые для России повседневные практики: научные занятия, лабораторные эксперименты, лекции, научные диспуты, частные уроки, чтение естественнонаучной литературы и т.д. Посвятившие себя этим занятиям люди постепенно образовывали особый социальный слой русского общества, в котором вырабатывались собственные ценности и нормы поведения и который стал основой для возникновения в последующее время русской интеллигенции. Именно в XVIII в. были заложены основы русской культуры, уже в следующем столетии получившей общемировое значение.

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СДВИГИ. НАЧАЛО ВКЛЮЧЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ

Новое столетие началось для ведущей державы мусульманского мира, Османской империи, совсем неудачно. Ко всем невзгодам, связанным с поражением и территориальными потерями в войне 1684–1699 гг. против государств «Священной лиги», добавилось еще одно унижение от *москов кралы* (московского царя). Летом 1699 г. жители Стамбула с изумлением и тревогой взирали на российский военный корабль «Крепость», который в нарушение двухвекового владычества турок на Черном море доставил из Азова полномочного представителя Петра I Емельяна Украинцева. Думный дьяк должен был завершить мирные переговоры двух недавних противников. Заключенный 3(13) июля 1700 г. Константинопольский договор не только отменял уплату Россией ежегодной «дачи» крымскому хану, но и оставлял за ней Азов с окрестными землями. Этот пункт договора открывал русским перспективу добиться в дальнейшем свободы мореплавания по Черному морю и проливам.

Вся совокупность мирных соглашений, завершивших 16-летнюю войну, была воспринята многими современниками, а позже и историками, как явное свидетельство начавшегося упадка могущества Османской державы. С того времени среди европейских и русских дипломатов в Стамбуле утвердились представления о неспособности ее к нормальному функционированию и о близкой и неминуемой гибели. Российский резидент в Стамбуле А.А. Вешняков одно из своих писем, где он описывал состояние «Турецкой империи» в 1743 г., закончил такими строками: «Сие есть... краткое изображение сей великой разваливающейся машины и которая от разорения своего совсем уже недалека». Тем не менее вплоть до последних десятилетий XVIII в. османские правители не испытывали серьезных потрясений и сохраняли контроль над своими огромными владениями, общая площадь которых составляла 3,5 млн кв. км. Сведения о состоянии социально-экономической жизни также не дают оснований для безоговорочных выводов о застое или упадке.

Более того, материалы по исторической демографии позволяют с определенной долей уверенности говорить о том, что после заметного снижения численности населения империи в первой половине XVII в. в последующие 150 лет проявилась устойчивая тенденция к росту данного показателя до уровня 16–18 млн к середине XVIII в. и до 18–20 млн на рубеже XIX в.

Применительно к исследуемому периоду можно говорить и о важных сдвигах в аграрных отношениях. Утверждение крупного частного землевладения способствовало окончательному разложению сипахийской системы условных держаний. Новые производственные порядки, складывавшиеся в деревне, вызвали существенные перемены в сельском хозяйстве, изменились и условия существования крестьян. С одной стороны, исследователи отмечают повышение производительности труда, рост товарности земледелия,

«Европейская и Азиатская Турция (помимо части, находящейся в Аравии)». Карта Р. Бонна. 1780 г.

расширение посевов технических культур, а с другой – сокращение общей площади обрабатываемых земель, понижение уровня жизни и общественного статуса многих сельских жителей, увеличение крестьянской миграции из одних районов в другие и из деревни в город.

Жизнь довольно быстро растущих городов также отмечена рядом новых явлений, определивших изменение условий их существования. Города стали терять свое привилегированное положение, что соответственно уменьшало долю прибавочного продукта, на который могли рассчитывать разные категории горожан. Поэтому заметно вырос уровень их активности. Широкие масштабы и разнообразные формы взаимных связей купечества, ремесленников и янычар позволяют говорить о тенденции к складыванию в городской среде широкой социальной общности, располагавшей не только известными материальными возможностями, но и несомненным политическим влиянием. Для деятельности ее членов характерно осознание некоторых общих интересов, связанных с состоянием жизни в городе и отношениями с центральной властью. Торгово-ремесленное население было заинтересовано в сближении с янычарами, чтобы противостоять попыткам Порты усилить налоговое обложение горожан. Янычары, все чаще обращавшиеся к хозяйственной деятельности и потому не склонные к участию в военных экспедициях, также нуждались в таком союзе. Он мог принести им немалые выгоды и позволял одновременно рассчитывать на массовую поддержку в борьбе с правительством, пытавшимся добиться улучшения состояния своей армии.

Асимметричность происходившего процесса имела и другое выражение. Сближение с янычарами ставило в более выгодное положение мусульманских горожан по сравнению с немусульманскими. То обстоятельство, что мусульмане сумели потеснить немусульман в ключевых позициях экономической жизни городов, наиболее явственно ощущалось в европейских провинциях империи. С одной стороны, это заставляло часть наиболее зажиточного христианского населения искать сближения с властной верхушкой посредством обращения в ислам и включения в господствующую конфессиональную общность – мусульманский *миллет*. С другой – резко обострился этнорелигиозный конфликт, приведший во второй половине XVIII в. к массовым выступлениям на Балканах против османского господства, примером которых может служить греческое восстание 1770 г.

При всей неполноте сведений о внешней и внутренней торговле Османской империи в XVIII в. имеющиеся материалы позволяют сделать выводы о заметном увеличении роли товарно-денежных отношений, об упрочении связей между отдельными областями, а также о стабильном расширении внешнеторгового обмена, особенно со странами Западной Европы. Традиционно торговля со странами Востока была для османцев наиболее прибыльной и привлекательной. Однако заметное уменьшение потока транзитных грузов (особенно пряностей и красителей) после открытия морского пути вокруг Африки привело к соответствующему сокращению таможенных сборов. Из-за пассивного баланса торговли с Востоком усилился отток ценных металлов из Османской империи в Иран и Индию. В подобных обстоятельствах возрос интерес Стамбула к расширению товарообмена с Европой.

Хозяйственные связи между европейскими государствами и владениями турецких султанов сегодня привлекают особое внимание исследователей,

ибо позволяют проследить начавшийся процесс включения Османской державы в мировую экономическую систему. Анализ сдвигов в левантийской торговле показал, что уже в первые десятилетия XVIII в. вывоз сырья для французских мануфактур составлял три четверти ежегодного импорта ведущего участника торговых операций в странах Леванта – Франции. С учетом же закупаемого продовольствия удельный вес сельскохозяйственной продукции оказывался еще выше. Ожесточенная борьба, развернувшаяся между Англией, Голландией и Францией за преимущества в поставке сукна в османские провинции, позволяет говорить о том, насколько левантийский рынок был важен для сбыта продукции европейских мануфактур.

То обстоятельство, что империя стала превращаться в источник сельскохозяйственного сырья и продовольствия для европейских стран, в немалой степени способствовало укреплению позиций новой социальной группы, представленной провинциальной землевладельческой верхушкой – *аянами*. В рамках властной общности она резко отличалась от прежде столь влиятельной военно-служилой элиты. Своим возвышением аяны были обязаны не принадлежностью к сипахийской среде или к влиятельным при дворе султанским рабам (*капыкулу*), но присвоению ими обширных земельных владений, денежному богатству и прочным связям в среде местного мусульманского населения. Принадлежавшие им поместья зачастую являлись центрами разведения технических культур – хлопчатника и табака, а также производства шерсти и пшеницы для экспортной торговли. Под их контролем оказалась и значительная часть городской недвижимости. Большое значение для роста влияния аянов имела реформа откупной системы, по которой были учреждены пожизненные откупа (*маликяне*). С помощью маликяне они сумели расширить свои земельные владения и упрочить собственнические претензии на них. Такова история появления в XVIII в. ряда крупнейших аянских династий – Чапаноглу, Караосманоглу, Джаникли, Казаноглу, а также многих менее известных аянских кланов в различных провинциях империи.

Сдвиги в структуре правящей верхушки происходили не только на провинциальном, но и на столичном уровне, где потомственная бюрократия постепенно оттесняла на второй план представителей старой военно-служилой элиты. Новую группу отличала прежде всего тенденция к совершению карьеры в рамках определенного ведомства. Ограничение деловых интересов какой-то одной сферой деятельности создавало возможности накопления и передачи опыта и навыков, приобретенных за время службы. Представляется, что столичная бюрократия XVIII в. может рассматриваться как переходная социальная группа от военно-служилого сословия к профессиональному чиновничеству XIX в.

Изучение борьбы за власть в Стамбуле показывает, что неизменным ее участником являлись *улемы* – высшие духовные авторитеты, входившие в категорию ученых богословов (*ильмийе*). Будучи наиболее образованной частью общества, они достаточно хорошо представляли себе состояние империи. Иностранные дипломаты при султанском дворе постоянно отмечали активность улемов при обсуждении важнейших вопросов внешней и внутренней политики в диванах, собираемых великим везиром. Их значительное влияние отметил и князь Н.В. Репнин, направленный в качестве чрезвычайного посла для ратификации Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Он писал, что «и сам султан, когда они говорят, что закон так велит, противиться не смеет». Восприятие нововведений лицами духовного звания было неоднозначным. Фактически реформаторы и улемы далеко не всегда занимали противоположные позиции. Даже такие новшества, как открытие типографии и учреждение военно-инженерной школы, не привели всех столичных богословов в лагерь противников реформ. Определяя свое отношение к «гяурским» новациям, они руководствовались скорее не корпоративными соображениями, но тем пониманием интересов государства, которое было им присуще как представителям правящей элиты. Вместе с тем их «благоразумие» позволяет говорить и об усилившемся конформизме наиболее авторитетных членов ильмийе, продиктованном интересами личной выгоды, соображениями карьеры, желанием подольше удержаться на доходных и престижных постах.

Сдвиги в экономической и социальной сферах жизни империи показывают, что основные компоненты османского социума не утратили способностей к развитию. К тому же заметное ослабление контроля центральной власти над всеми формами жизнедеятельности способствовало переходу от состояния, близкого к поголовному рабству, к более дифференцированным и индивидуализированным отношениям, на уровне как эксплуатации, так и взаимопомощи. Конечно, динамичность эволюционных процессов относительна, особенно в сравнении с темпами прогресса передовых держав Европы.

ПЕРЕМЕНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НИМИ

Определить существо перемен в политической жизни труднее. Если в период складывания османской государственности ответ на изменявшуюся ситуацию выражался преимущественно в учреждении новых институтов, то после обретения правящим режимом своих «классических» форм добавление каких-то новых элементов ко вполне отлаженному организму было трудным делом и воспринималось как ненужное новшество или ересь. Поэтому процесс регулировки механизма управления в XVIII в. выступал обычно в виде внутренней трансформации органов власти. Процедура «вливания нового вина в старые мехи» заключалась в своеобразном «перераспределении ролей»: одни институты постепенно теряли свое значение, сфера их деятельности сокращалась. Другие расширялись, становясь более престижными. К числу первых можно отнести многие дворцовые службы и школы, готовившие кадры для султанского двора, высших эшелонов столичной бюрократии и провинциальной администрации; среди вторых назовем канцелярии при великом везире и главном казначее. Трудно сказать, в какой мере эти перемены были результатом осознанных и целесообразных начинаний османской правящей верхушки, но объективно ее усилия определялись нарушением прежде существовавшего баланса сил в связи с падением роли сипахи в общественно-политической жизни империи.

Новшества в ходе принятия и осуществления решений более заметны. К XVIII в. в османской политической системе на столичном уровне сложились

три центра власти: султанский двор, резиденция великого везира (*Бабиали*, в исторической литературе – Блистательная Порта) и резиденция главного муфтия (*шейхульислама*). Их взаимоотношения обусловливались многими обстоятельствами общественной жизни и потому не могли оставаться неизменными. В одних случаях султанский двор совместно с мусульманскими религиозными авторитетами пытался ограничить возможности Порты, в других высшая столичная бюрократия совместно с улемами выступала против всевластия султанских фаворитов. Их сосуществование и постоянное противоборство, несомненно, ограничивали возможности своевременного принятия решений и порождали серьезные колебания политического курса. Тем не менее важнейшим результатом «перераспределения ролей» можно считать укрепление позиций Порты в механизме центральной власти. С подобной ситуацией связано и повышение деловой компетентности ведущих государственных сановников (*риджалей*), что обеспечивало более реалистическую оценку ими положения империи.

Какой бы сложной ни была обстановка в столице, предсказания о скором и неминуемом крахе Османской империи питались главным образом известиями из провинции. Именно там наиболее явственно ощущались сбои в работе механизма государственного управления, вызванные усилившимся дисбалансом власти. Ситуация на местах вызывала особую озабоченность в Стамбуле, поскольку под ударом оказались те связи, которые обеспечивали устойчивое господство центра над периферией. Нарушение их нормального функционирования делало невозможным постоянное получение средств, пополнение людских и материальных ресурсов, необходимых для воспроизводства имперского организма, и тем самым создавало условия для усиления сепаратистских тенденций. По мнению известного турецкого историка Х. Иналджика, в Стамбуле ощутили угрозу, исходившую от своеволия провинциальных наместников, *бейлербеев*, еще во второй половине XVII в., когда губернаторы начали содержать наемников как часть своего двора. Начиная с 1688 г. отряды наемников неоднократно упразднялись султанскими указами, но они возникали вновь под новыми названиями.

В XVIII в. открытые мятежи провинциальных наместников случались не так часто. Для этого времени характерна иная картина: приказы Порты на местах, как правило, игнорировались, но обе стороны воздерживались от открытого конфликта. Многие паши были просто не в состоянии враждовать с центральным правительством из-за оскудения своих ресурсов. В таком же положении оказались и султанские власти. Для них основными соперниками вскоре стали аяны. Еще в середине столетия Порта была в состоянии посредством казней и конфискаций приостанавливать рост могущества отдельных аянских династий. Однако в 70-е годы отношения провинциальной знати с Портой достигли точки разрыва, а в 80-е – перешли в открытое и повсеместное противоборство. Это состояние воспринималось многими современниками как агония государства. На деле же в острых столкновениях различных сил выстраивалось новое соотношение группировок внутри правящего класса на провинциальном уровне и новая практика связей центра с периферией. Отныне она предполагала не только прямые, но и обратные связи, позволявшие новым провинциальным лидерам оказывать влияние на политику центра.

ОБРАЩЕНИЕ К ЕВРОПЕЙСКОМУ ОПЫТУ: «ЭПОХА ТЮЛЬПАНОВ»

Среди множества правительственных акций, относящихся к описываемому времени, особое внимание привлекают нововведения и преобразования, отражающие знакомство османских политических деятелей с жизнью европейских стран и направленные на повышение авторитета центральной власти и улучшение деятельности системы управления. Одни исследователи склонны видеть в них свидетельства радикальных перемен в воззрениях османских государственных деятелей, другие интересуются ими, пытаясь определить возможности докапиталистического («традиционного») общества адаптироваться к меняющимся условиям существования, третьи объясняют их воздействием внешних сил. На деле же, во всяких начинаниях, касались ли они внешней или внутренней политики, приходится учитывать совокупное воздействие всех трех факторов.

Наибольшее внимание османских правителей на протяжении XVII–XVIII вв. было сосредоточено на проблеме возрождения былой военной мощи. Первоначально основные усилия обращались на восстановление тех институтов, которые когда-то обеспечивали успех завоевательных экспедиций, – сипахийского ополчения и янычарского корпуса. После заключения Карловицкого мира 1699 г. на первый план постепенно выходит идея усвоения опыта европейских держав. Инициаторами подобных проектов стали видные представители столичной бюрократической элиты, которых по современным меркам можно было бы назвать «западниками». Наряду с мероприятиями по поднятию боеспособности османской армии все большее внимание ими уделялось развитию дипломатических контактов с европейскими странами и заимствованию их достижений в науке и технике.

В самом начале века к сторонникам преобразований принадлежали известный дипломат Рами Мехмед-паша (1654–1703), ставший незадолго до своей гибели великим везиром, его личный советник Нефиоглу, занимавший пост реис-эфенди (руководителя дипломатической службы), главный драгоман Порты Александр Маврокордато (Шкарлат), будущий молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Последний в одной из своих работ описывал Нефиоглу как человека с широким кругозором, пытавшегося сочетать элементы восточной и западной культур и потому выучившего латынь. Одним из самых просвещенных людей в османской столице считался выходец с острова Хиос А. Маврокордато (1637–1709), получивший образование в университетах Рима и Падуи и преподававший риторику в греческой школе при Константинопольской патриархии.

Воздействие идей и взглядов ученого грека ощущается в трудах Дм. Кантемира (1673–1723) и его современника Николая Маврокордато (1670–1730), унаследовавшего от отца должность главного переводчика Порты. Участвуя в переговорах о заключении Пожаревацкого мира в 1718 г., Николай сблизился с будущим великим везиром Ибрагимом Невшехирли (1662/3–1730) и стал его ближайшим советником. Суть рекомендаций драгомана, по сообщениям А.А. Вешнякова, состояла в том, чтобы избегать конфронтации с европейцами и занимать людей войной в Иране, искоренять возможных соперников и насаждать свои креатуры, не вступать в конфронтацию с улемами, поскольку

«оное наибольшую силу имеет в поведении народного лехкомыслия», активно вести строительство дворцов, «дабы был случай к движению и обращению денег в народе, всего бы была дешевизнь по изобилию, а паче в пище», наконец, ублажать султана, развлекая его «разными забавами и веселиями». При всей тенденциозности картины, нарисованной дипломатом со слов восхваляемого им персонажа, в ней есть и рациональное содержание. Несомненно, отношения Ибрагима Невшехирли и драгомана Порты были схожи со связями, сложившимися между Рами Мехмед-пашой и Александром Шкарлатом. В их основе лежал интерес части правящей верхушки к жизни Европы. Со времени Пожаревацкого мира завязались контакты великого везира с другими «западниками», а также с французским послом де Боннаком. При участии последнего было направлено во Францию торжественное посольство во главе с Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди (ум. 1732). Помимо официальных задач (переговоры о заключении союза с Францией против Австрии) турецкий посол должен был, по указанию великого везира, «разузнать о средствах культуры и образования во Франции и сообщить о тех, которые можно было применить».

Сведения о первых «западниках» позволяют предполагать, что приобщение османской элиты к достижениям европейской цивилизации шло преимущественно через ее контакты с просвещенными фанариотами – жителями греческого квартала Стамбула, поставлявшего Порте кадры драгоманов, господарей Валахии и Молдовы, дипломатических агентов. Другим источником информации стали донесения османских послов, направляемых в европейские страны. Практика регулярной отправки таких посольств начала складываться со второй половины XVII в., но особенно частыми подобные посольские поездки стали при великом везире Ибрагиме Невшехирли. Среди них можно назвать миссии дефтердара Ибрагим-паши в Вену (1719), Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Францию (1720–1721), Нишли Мехмед-аги (1722–1723) и миралема Мехмед-аги (1729) в Россию, Мустафы Козбекчи в Швецию (1726), пребывание в Вене первого турецкого резидента Омер-аги (1725–1732). Значение этих посольств выходило далеко за рамки обычных дипломатических акций Порты. Прежде всего они способствовали преодолению традиционного для османских политиков убеждения в превосходстве «Дар-уль-ислама» (мира ислама). Существование многочисленных копий *сефаретнаме* (отчета о пребывании в стране) Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди, одного из наиболее известных «западников» того времени, весьма показательно. Ведь основу этого произведения составило не изложение дипломатических переговоров, а описание того, что показалось послу достопримечательным и вызвало его восхищение (загородные резиденции короля, смотры войск, опера, игра на органе, Академия наук с ее приборами, ботанический сад, телескоп, развлечения французской знати). По такому же принципу создавались и другие сефаретнаме, определившие отдельный жанр турецкой литературы, где путевые заметки занимали больше места, чем перечисление того, что сделал сам посол.

> «Наконец, осмотрев адмиралтейство, мы вернулись в Петербург и вслед за тем были приглашены посетить дом диковинок ⟨Кунсткамеру⟩, библиотеку и типографию... Мы отправились сперва в их типографию, которая представляет собой огромное удивительное предприятие, расположенное в трехэтажном

здании, имеющем до ста комнат. Каждая комната была заполнена бесчисленными типографскими инструментами. Формами и оттисками, огромным количеством людей, занятых печатным искусством и отделыванием картин. Когда упомянутый церемониймейстер Юргаки ⟨капитан Чичерин⟩ был спрошен: "Не является ли бесполезным и никчемным делом загромождение дворца, расходование инструментов и припасов, а также столь щедрое расточительство людских сил?" – то в ответ было сказано: "Эта типография не является бесполезной и ненужной. Помимо того, что она составляет значительную статью доходов нашей казны, несколько тысяч бедняков, занятых работой в ней, получают от нее средства для своего существования. И кроме того, – утверждал он, – это искусство крайне полезно и необходимо для государства"» (*Тверитинова А.С.* Извлечение из описания посольства в Россию Шехди Османа в 1758 г. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II. С. 300–301).

Еще одним источником информации о Европе были сами европейцы, перешедшие на службу к Порте. Один из таких «ренегатов», итальянец из Ливорно, известный под именем Мехмед-аги, стал автором проекта по организации суконных мануфактур в Салониках и Эдирне, который пытался осуществить Рами Мехмед-паша. Другие выходцы из Европы были причастны к различным предложениям о реорганизации османской армии по европейским образцам. В конце 1710 г. австрийский посланник в Стамбуле И. Тальман сообщал в Вену, что обретавшийся в Бендерах при шведском короле Карле XII поляк Станислав Понятовский через французского посла П. Дезальёра передал тогдашнему великому везиру Балтаджи Мехмед-паше проект, объяснявший «как в короткое время сделать турецкое войско регулярным и непобедимым». Вряд ли у Балтаджи, занятого начавшейся русско-турецкой войной, было достаточно времени и желания знакомиться с подобным документом, но сама акция породила опасения Тальмана, что под шведским руководством османское войско переймет европейские навыки ведения боевых действий и вновь станет «страшной опасностью для христиан». С этого времени австрийские резиденты в Стамбуле бдительно следили за каждым шагом Порты в направлении военных преобразований и предпринимали всяческие усилия, чтобы не допустить их реализации. Заинтересованность Венского двора определялась также тем, что ряд аналогичных проектов был прямо или косвенно связан с именем князя Ференца II Ракоци (1676–1735), руководителя антигабсбургского восстания венгров в 1703–1711 гг., получившего затем убежище на территории Османской империи. Именно с ним вел переговоры другой великий везир Шехид Али-паша относительно создания корпуса регулярных войск из христиан и мусульман под командованием самого князя. Однако Ракоци прибыл в султанские владения только в октябре 1717 г., спустя год после гибели Али-паши, когда война Османской империи с Австрией и Венецией была фактически завершена и шли переговоры о мире.

Он же мог быть автором другого документа о необходимости военных реформ, созданного, судя по тексту, именно в период мирных переговоров. Содержание *ляихи* (записки), опубликованной турецким историком Ф.Р. Унатом, составляет беседа между мусульманским и христианским офицерами. Первый из них излагает причины падения боеспособности мусульманских войск, а второй раскрывает истоки военных успехов европейцев, имея в виду

австрийскую армию, которая под руководством Евгения Савойского только что нанесла несколько сокрушительных поражений туркам. Сочинение подводит к мысли о необходимости реорганизации османской армии посредством повышения профессиональной выучки и дисциплины солдат, освоения новой линейной тактики ведения боя, подготовки образованных и опытных офицеров, для чего следует воспользоваться знаниями христианских военных специалистов. В качестве положительного примера приводится опыт Петра I, использовавшего западную модель реформы армии. Унат считал, что «ляиха» была составлена по указанию Ибрагим-паши Невшехирли, дабы склонить султана к скорейшему заключению мира. Однако он не исключал того, что авторами опубликованного им документа могли быть и другие лица, например Ибрагим Мютеферрика – выходец из Трансильвании, принявший ислам и ставший видным османским политическим деятелем, основателем первой турецкой типографии (1727). Поскольку Ибрагим-эфенди поддерживал постоянную связь с Ракоци, став с 1717 г. его переводчиком, а позже агентом князя при Порте, сходство идей, высказанных Ракоци и турецким первопечатником в его сочинении «Основы мудрости в устройстве народов», вполне объяснимо.

В 1726 г. вновь был поднят вопрос о перестройке османской армии. По сообщению русского дипломата И.И. Неплюева, новая инициатива исходила от Ракоци, который предложил создать корпус регулярных войск из венгров, запорожцев и албанцев. Можно предположить, что к составлению этого проекта имел отношение и Ибрагим Мютеферрика, поскольку тот же Неплюев в феврале 1725 г. узнал, что «эфендий, который был прежде венгренин и с молодых лет обусурманился», передал для великого везира свое сочинение. В нем он «изобразил о важности и прибыли географии и прочих наук, также как нужно регулярное войско, и какое оное плод принести может». Хотя имя «эфендия» и название его труда не упомянуты, ясно, что речь идет о написанном к началу 1725 г. трактате «Основы мудрости».

Даже если допустить, что сочинение Ибрагим-эфенди не было связано с проектом Ракоци, совершенно очевидно, что все названные предложения исходили от иностранцев, главным образом представителей венгерской эмиграции в Османской империи. Антиавстрийская направленность их планов очевидна. Французский посол де Боннак, известный своей близостью к Ибрагиму Невшехирли, утверждал, что сама Порта в начале 20-х годов готовилась создать корпус из 12 тыс. обученных солдат. Пока не имеется подтверждений словам осведомленного дипломата, но нет и оснований не верить ему. Во всяком случае в деле организации типографии великий везир оказывал поддержку Ибрагиму Мютеферрике и его соратникам. С большим интересом относился он и к испытаниям новых видов оружия. Так, в 1723 г. в предместье Стамбула Кяытхане, в его присутствии, были проведены пробные стрельбы под руководством испанского офицера-артиллериста, поступившего на османскую службу и обещавшего наладить изготовление новых мортир, снарядов и гранат большой убойной силы.

Планы реорганизации армии при Ибрагим-паше Невшехирли остались нереализованными, поскольку попытки их осуществления грозили серьезными осложнениями. Это обстоятельство и имел в виду Неплюев, когда в 1726 г. сообщал об отказе Порты от проекта Ракоци: «...князя Рагоцкого

предложения о регулярном войске в действо не произошли, яко то по состоянию здешняго народа без крайней нужд учиница не может». Более решительно нововведения в армии осуществлялись в 30-е годы, когда к прежним сторонникам военных реформ присоединился еще один «ренегат» – Александр Клод де Бонневаль (1675–1747). Выходец из французской аристократической фамилии, профессиональный военный, сражавшийся сначала в рядах французской армии, а затем австрийской, Бонневаль в 20-е годы вступил в конфликт с австрийскими властями и был уволен со службы. После этого он решил принять ислам и предложить свои услуги Ибрагим-паше, зная, что великий везир благосклонно относится к ренегатам и интересуется географическими картами и моделями «очень полезных машин». После восстания под руководством Патрона Халила в сентябре 1730 г., которое привело к свержению султана Ахмеда III и гибели его зятя Ибрагим-паши Невшехирли, Бонневаль (действовавший под именем Ахмед-паши) некоторое время находился при Ракоци, а в начале 1732 г. был вызван новым великим везиром Топал Осман-пашой в Стамбул. По приказу последнего он был назначен *хумбараджибаши* («главным действительным бомбардирским командиром», как писал Вешняков) для реорганизации корпуса бомбардиров по европейскому образцу. Видимо, тогда же он представил план перестройки всей военной системы.

Наиболее полно деятельность Бонневаля развернулась в первой половине 30-х годов. По распоряжению великого везира Хекимоглу Али-паши ему были предоставлены плацы, бараки и мастерские на азиатском берегу Босфора. Здесь было решено открыть военно-инженерную школу (*хендесхане*): «Из албанцев и арнаутов магометан набрать три тысячи человек и обучать военному регулу под его Бонневалового дирекциею всякой бомбардирской должности, учредя им из ренегатов же французов, при нем находящихся». Свидетельство Вешнякова интересно и тем, что он отмечает участие в работе «хендесхане» и других европейцев. Русский дипломат назвал двух из них – графа Рамзея и Морне, об остальных же отозвался довольно пренебрежительно («они достойных к тому качеств, ни знания не имеют»).

После падения Хекимоглу Али-паши влияние Бонневаля сильно пошатнулось, а сам он из-за ссоры с очередным султанским фаворитом был временно сослан в Кастамону, но корпус хумбараджи продолжал существовать, а школа – работать. В феврале 1736 г. Вешняков сообщал об очередных учениях, проведенных у султанской загородной резиденции в Саадабаде. Действия солдат «салтану и всем зело понравились, того ради велено ему ⟨Бонневалю⟩ число удвоить и сим жалование регулярно платить». Начавшаяся война с Австрией и Россией 1736–1739 гг. не только сорвала планы расширения «Бонневалова завода», но и привела к гибели большей части обученных и хорошо себя показавших в ходе боев солдат. Последнее сообщение о судьбе корпуса относится к 1743 г., когда к власти опять пришел Хекимоглу Али-паша. В ходе его встречи с Бонневалем речь зашла о хумбараджи. Однако француз явно охладел к своему замыслу, поскольку его реализация не обеспечила ему достаточно высокого и устойчивого положения в османской столице. После смерти Бонневаля в 1747 г. под давлением янычар бомбардирские части были на довольно длительный срок упразднены, а школа закрыта. Изменившаяся внутренняя обстановка, связанная с временным уси-

лением дворцовой клики, где особым влиянием пользовался глава «черных евнухов» султанского дворца (*кызлар агасы*) Хафиз Бешир-ага, также не благоприятствовала быстрому возрождению начинаний 20–30-х годов.

Тем не менее попытки реорганизации османской армии, вне зависимости от конечного результата, очень показательны как пример пробуждения интереса в среде столичной бюрократической элиты к достижениям христианского мира и готовности некоторых ее представителей использовать опыт европейцев. Особенно явственно данная тенденция проявилась в начинаниях периода *Ляле деври* (эпохи тюльпанов), которую большинство историков отождествляют с годами деятельности великого везира Ибрагим-паши Невшехирли (1718–1730). Действительно, он и некоторые близкие ему деятели Порты проявляли устойчивый интерес к военному опыту европейских держав, к их политической и культурной жизни. Именно в это время в среде столичной знати возникла мода на все европейское (*алафранга*). Впрочем, вряд ли можно определять хронологические рамки рассматриваемого явления датами правления султанов и великих везиров, ведь речь идет об идеях, получивших распространение, по крайней мере, в среде правящей верхушки империи. Показательно, что со свержением Ахмеда III, гибелью великого везира и некоторых людей из его окружения интерес столичной элиты к Европе не угас. Более того, попытки «европеизации» османского общества продолжались и при преемниках Ибрагима Невшехирли, причем в 30-е годы они осуществлялись более активно, чем в годы его везирата. Эти соображения позволяют определить время возникновения тенденции к заимствованию европейского опыта более широко – от Карловицких мирных договоров 1699 г., зафиксировавших начало отступления турок из Европы, до 1740 г., когда султан Махмуд I (1730–1754) своим декретом вынужден был провозгласить бессрочное действие льготных условий торговли («капитуляционных прав»), предоставленных Франции. Вскоре тот же принцип был распространен на торговлю с другими европейскими державами. Тем самым было фактически признано могущество Европы.

ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА

Активность «западников» и широта их интересов позволяют увидеть связь между модой «алафранга», нововведениями и изменениями во внешней политике Порты. Становление нового подхода к проблемам взаимоотношений Османской империи со странами Европы является еще одним выражением перемен, позволяющим связать в единую картину свидетельства подобного рода. Более того, само развитие событий на протяжении столетия дает основание говорить, что сановники Порты придавали большее значение новациям во внешней политике, чем в других сферах деятельности. Поэтому сдвиги в расстановке сил на международной арене были осмыслены раньше и полнее, чем существо процессов во внутренней жизни. Уже первым «западникам» было ясно, что немедленное перенесение европейских институтов на османскую почву чревато серьезными политическими осложнениями. Об этом говорит явная диспропорция между обилием проектов преобразова-

ний и малыми усилиями по их реализации. В подобных условиях единственной более или менее широкой областью их активности оставались международные отношения.

Российский дипломат А.М. Обрезков (1720–1787), опираясь на длительный опыт контактов с турецкими *эркян-и девлет* (государственными мужами), сформулировал основные положения, традиционно определявшие суть внешней политики Османской империи. На первое место он поставил положение о том, чтобы с «христианскими потентатами в союзы не вступать». Оно опиралось на общее убеждение, что основатели империи создали ее с помощью военной силы и религиозного рвения («имея в одной руке саблю, а в другой Алкоран»), а также на веру в «надмерное могущество империи их, и которая всякую державу покорить может без посторонней помощи». После Карловицкого мира части столичной бюрократической элиты стало ясно, что строить европейскую политику на подобных основах Порта вряд ли могла. Поэтому уже в первое десятилетие XVIII в. обозначилось их стремление к более обдуманным и осторожным действиям.

Между тем международная обстановка в Европе тех лет предоставляла немалые возможности для возобновления военных экспедиций. Так, после подписания Альтранштадтского мира (1706) между Карлом XII и саксонским курфюрстом Фридрихом Августом I, которого шведский король заставил отречься от польской короны и обещать покровительство лютеранам в Саксонии, резко обострились отношения между Австрией и Швецией из-за вопроса о положении протестантов. Многие европейские политики ожидали, что турки воспользуются этими осложнениями, а также начавшимся восстанием под руководством Ф. Ракоци в венгерских провинциях австрийского императора, чтобы взять реванш за поражение в войне 1684–1699 гг. и вернуть уступленные австрийцам земли. Однако Порта не спешила с объявлением войны, выжидая дальнейшего развития событий. Аналогичная ситуация сложилась после начала русского похода Карла XII. Она открывала заманчивые возможности для реализации агрессивных замыслов той части османской и крымской элит, которая придерживалась откровенно антироссийской позиции. К числу явных недоброжелателей России относился и Чорлулу Али-паша, занимавший в 1706–1710 гг. пост великого везира. Тем не менее он не принял предложений Карла XII о совместном выступлении. Его главный драгоман Александр Маврокордато в ответ на запрос российского посла П.А. Толстого (1645–1729) о возможности заключения военного союза между Османской империей и Швецией сослался на упомянутый выше основополагающий принцип внешней политики Порты, заявив, что такие соглашения не практикуются султанским правительством. Дм. Кантемир позже писал об Али-паше: «Он не любил русских и неоднократно старался им навредить, однако в то же время был приветлив с ними, поскольку боялся быть втянутым в войну, в которую его пытался вовлечь Карл XII… Он стремился к завоеваниям, но не хотел подставлять страну под угрозу потерять многое из-за надежд на завоевание малого. Это и сделало его таким противником войны; опыт последних войн убедил его в силе хорошо дисциплинированных христианских войск и в слабости огромных мусульманских армий».

Впрочем, внутренние проблемы, давление представителей военно-служилой знати и опасения народных бунтов время от времени заставляли

Порту вновь обращаться к военным действиям. Таковы причины русско-турецкого конфликта 1710–1711 гг. и войны Османской империи против Венеции и Австрии в 1714–1718 гг. Новые территориальные потери, зафиксированные Пожаревацким миром, существенно усилили позиции сторонников более реалистического курса внешней политики. Его выразителями стали Ибрагим Невшехирли и Николай Маврокордато. Правда, в первые годы «Ляле деври» французские дипломаты еще рассчитывали на возможность нового австро-турецкого конфликта с целью возвращения Белграда и Темешвара. Поскольку великий везир не надеялся на силу своих войск, он попытался организовать антиавстрийскую коалицию в составе Франции, России и Османской империи. Важное место в этих замыслах отводилось посольству Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди во Франции. Неудачный исход переговоров в Париже и вовсе охладил Ибрагим-пашу к планам реванша.

Примерно с того же времени важной чертой внешнеполитического курса Порты стали усилия по нормализации отношений с основными противниками империи – Австрией и Россией. Сближение последних заставило Ибрагим-пашу Невшехирли заключить соглашение с Петербургом о разграничении российских и османских владений в Закавказье и отказаться от прямой конфронтации с Венским двором. Была и другая причина, вынуждавшая великого везира избегать конфликтов в Европе. Речь идет о восточном аспекте внешней политики Порты. Если соотношение сил на Западе было явно не в пользу Стамбула, то острый политический кризис в Иране в связи с фактическим крахом власти Сефевидов в 1722 г. создал благоприятную ситуацию для удовлетворения агрессивных замыслов тех, кто ратовал за продолжение завоевательных походов. Стамбул незамедлительно воспользовался положением, сложившимся в Иране, надеясь с помощью громких побед поднять авторитет правительства. Однако расчеты на легкий успех не оправдались. На смену первым удачам, обещавшим расширение сферы османского влияния на Кавказе и обильную добычу, к концу 20-х годов пришли поражения, ставшие губительными не только для тысяч солдат, но в конечном счете и для самого великого везира.

Начавшаяся в 1722 г. турецко-иранская война растянулась, с некоторыми перерывами, на 25 лет и привела к опустошению государственной казны, разорению многих районов Анатолии, способствовала росту сепаратизма в восточных провинциях. При объяснении причин продолжительности столь непопулярной в народе войны можно выделить два момента. Во-первых, правителям империи она была нужна, чтобы, в соответствии с советом А. Маврокордато, «неприятелей своих и неспокойствия духи было куда отдалить». Во-вторых, наличие «персидской войны» помогало Порте противостоять натиску своих ближайших союзников тех лет – Франции и Швеции, стремившихся вновь толкнуть Османскую империю на открытый конфликт с Россией и Австрией. Показательна позиция видного дипломата Мехмеда Саид-эфенди во время его посольства в Швецию в 1732 г. На обеде, данном королем в честь посла, речь зашла о турецко-иранской войне. Король предложил направить на помощь туркам 20–30 тыс. шведских солдат. Отвечая ему, «западник» Саид-эфенди вновь сослался на традиционные принципы османской внешней политики: «Как Вам известно, Османское государство в своих войнах не нуждается ни в чьей помощи, все наши завоевания и победы

добыты нами с помощью собственных мечей. Вы, наши друзья, не должны утруждать себя ни материально, ни физически. Достаточно, что Вы оказываете нам моральную поддержку».

Попытки преемников Ибрагима Невшехирли, в частности Хекимоглу Али-паши, опытного политика и дипломата, неоднократно занимавшего пост великого везира (1732–1735, 1742–1743, февраль–май 1745 г.), принять более самостоятельное участие в европейских делах выявило слабое знание «министрами» Порты принципов и методов европейской дипломатии, что повлекло за собой крупные просчеты в оценке общей ситуации и намерениях отдельных держав. Следствием этих ошибок стала война с Австрией и Россией, от которой пытались удержать султана более осторожные политики. Тем не менее султанский двор поверил «внушениям» французского посла Вильнёва, что Россия при преемниках Петра I не в состоянии начать войну против Османской империи и что другие европейские державы до того не допустят. Габсбурги, по его утверждению, не осмелятся поддержать Петербург потому, что их руки связаны войной за Польское наследство. Париж же будет противодействовать австрийцам, пока не закончится русско-турецкий конфликт.

Ход военных операций быстро выявил несостоятельность заверений Вильнёва. После того как русские войска в 1737 г. оказались в Крыму, Порта была вынуждена предложить мирные переговоры. Несогласованность позиций союзников на Немировском конгрессе 1737 г. позволила османским делегатам уйти от принятия жестких требований русской стороны, сформулированных А.И. Остерманом. Поддержка посредника, французского посла, в ходе мирных переговоров под Белградом помогла Порте не только сохранить отвоеванные у австрийцев территории, но и свести на нет претензии России, несмотря на ее военные победы. Усердие Вильнёва Порте пришлось оплатить дорогой ценой. В 1740 г. султан, «во внимание к старинной дружбе» и «к недавно еще данным доказательствам особой искренности», возобновил, как уже отмечалось, все привилегии французским подданным, предоставленные им по раннее данным «капитуляциям». Однако если прежние подобные акты действовали в течение жизни тех правителей, которые их предоставляли, и даже могли быть ими же отменены, то Махмуд I дал обязательство от своего имени и за всех своих преемников не допускать никаких нарушений статей договора 1740 г.

После заключения Белградского мира османская правящая верхушка продолжила курс на активное участие в европейских делах, постепенно осваивая новые принципы дипломатии и отказываясь от традиционных представлений османских правителей, привыкших осуществлять свой курс, не связывая себя какими-либо обязательствами в отношении «врагов веры». Об этом свидетельствует заключение первых двусторонних договоров с христианскими государствами: вначале турецко-шведского оборонительного союза, затем турецко-неаполитанского (с Королевством обеих Сицилий) о дружбе и торговле. В первом случае французская дипломатия приложила большие усилия, чтобы «помочь» османским политикам преодолеть колебания и заключить союз, во втором она активно противодействовала, но султанский двор не посчитался с открытым заявлением Вильнёва о том, что подобная акция противоречит французским интересам. Еще большую самостоятель-

ность проявила Порта, заключив «вечный мир» с Габсбургами в 1747 г. Его подписание не означало полного урегулирования отношений между двумя империями, но обозначило смену представлений в правящей верхушке о наибольшей угрозе Османской империи.

По существу «вечный мир» 1747 г. можно рассматривать как очень важный рубеж во внешней политике Порты. До этого времени основным противником считалась империя Габсбургов. В дальнейшем на первое место вышла Россия, а Габсбурги представляли угрозу для Порты лишь в качестве союзника Петербурга. Укрепление России, по мнению стамбульских властей, создавало грозную опасность, заключавшуюся не столько в устойчивом, но не очень эффективном австро-русском союзе, сколько в развитии тесных связей между Петербургом и балканскими народами, находившимися под османским владычеством. Подобные обстоятельства и заставляли Порту быть весьма осторожной в отношениях с российскими самодержцами и почти 30 лет избегать открытого столкновения. Восприятие султаном Махмудом I и его окружением новой ситуации хорошо раскрывается в одном из докладов переводчика российского посольства в Стамбуле Николая Буйдия, представленных в Коллегию иностранных дел в 1752 г. Автор отмечает, что султан «безпрестанно в сердце носит столь великий страх от России» из-за роста ее военного могущества. Поэтому он требует от великого везира «дабы всегда к российским делам употреблял разумные средства, которые бы не могли подать повод слышать оному султану несогласие с Россией».

Пересмотр прежних представлений о роли России в международной политике означал и изменение всей внешнеполитической доктрины. Это нашло свое выражение в повороте к развитию дружественных отношений с европейскими государствами, особенно с теми, которые находились в открытом конфликте с Россией – Швецией, Польшей, Пруссией. Одновременно османские дипломаты должны были искать союза с ведущими державами Европы тех лет, чьей целью было помешать расширению влияния Петербурга на международной арене. Чаще всего это была Франция, «издревле истинный Порты друг», но в ряде случаев Порта обращалась к Лондону. Так, после подписания 1 мая 1756 г. в Версале договора между представителями Франции и Австрии, Англия на какое-то время была признана главным инструментом, определявшим османскую политику в Европе. По совету британского посла Дж. Портера султанское правительство решило немедленно заключить с Данией договор о дружбе и торговле, против которого возражали австрийские и российские дипломаты в Стамбуле.

Замыслы и деятельность османской правящей верхушки во второй половине XVIII в. производят более противоречивое впечатление. Сообщения дипломатов из Стамбула в 50–60-е годы содержат мало упоминаний о мероприятиях, которые можно было бы рассматривать как продолжение новаций «эпохи тюльпанов». Основное внимание Порты переключилось на события внутренней жизни и прежде всего на усилия по сохранению контроля над провинциями, борьбу с мятежами и другими проявлениями недовольства политикой центрального правительства, а также на изобретение средств к пополнению истощенной казны. Современники пытались объяснить отмеченное обстоятельство пристрастиями нового султана Османа III (1754–1757). В отличие от своего предшественника он выступал как ревностный мусуль-

манин и блюститель канонов империи. Выйдя, наконец, из внутренних покоев дворца, где он пробыл в заключении 50 лет, новый монарх произвел настоящую «революцию» в серале, сократив число придворных служителей, изгнав шутов и карликов, уволив прежних евнухов, приказав убрать из дворцовых помещений все «гяурские» украшения – картины, фарфор, часы, дорогие гобелены. При нем вновь стали строго следить за соблюдением запретов в отношении курения и вида одежды для немусульман, за правилами поведения женщин в общественных местах. Однако Осман III оставался на троне лишь три года и, следовательно, «переменчивость его нрава» вряд ли могла серьезно повлиять на политику Порты.

Значительно более интересной фигурой для того времени был Коджа Рагыб Мехмед-паша, ставший великим везиром при Османе и сохранивший свой пост при следующем султане Мустафе III (1757–1774). Многолетней службой в канцеляриях Порты, выполнением обязанностей реис-эфенди в 1741–1744 гг. и деятельностью в качестве провинциального губернатора он заслужил отменную репутацию. Коджа Рагыб-паша был также известен своей образованностью и назывался в числе лучших поэтов своего времени. Оставаясь на посту великого везира в течении семи лет (1757–1763), он сумел подчинить себе весь правительственный аппарат и умело противостоять интригам дворцовой партии, направляемой главой «черных евнухов». В более широком смысле можно считать везират Коджа Рагыба временем окончательного утверждения роли столичных бюрократов-*риджалей* в османской политической системе. Укрепление позиций бюрократической элиты сопровождалось новыми усилиями, направленными на повышение военного потенциала империи. Власти попытались восстановить деятельность инженерной школы (*хендесхане*). Традиционными стали султанские смотры войск, на которых проверялся уровень подготовки солдат.

Акции, инициатором которых выступал Коджа Рагыб-паша, демонстрировали верность принципам внешней политики 20–30-х годов. Для их правильной оценки важно учитывать, что Мустафа III предпочитал брать пример со своих предков, делавших ставку на военные действия, что и не удивительно для правителя, долгие годы остававшегося отрезанным от всякого участия в жизни страны. Поэтому Рагыб-паше неоднократно приходилось идти наперекор султану, доказывая преимущества дипломатических методов политики над военными. Так, осенью 1758 г. на одном из заседаний Дивана рассматривалась возможность объявления войны России, которая вела в то время военные действия против прусского короля Фридриха II. В противовес султану, считавшему, что нужно принять все меры, дабы сорвать наступление русских войск в Пруссии, партия великого везира, по свидетельству А.М. Обрескова, доказывала, что в интересах империи «оставить христианские державы между собой разорятца и ослабевать», иначе «оные примирятца, следственно Порта найдется в весма тяжкой и многим опасностям подвергшейся войне». После побед русских войск под Цорндорфом и Кунерсдорфом положение прусского короля стало критическим. Именно в это время в Стамбуле по инициативе английских дипломатов начались переговоры о турецко-прусском соглашении. В марте 1761 г. они завершились подписанием согласованного документа, антироссийского по своей направленности. Однако его реальную значимость не следует преувеличивать. Вопреки всем домогательствам

эмиссаров Фридриха о заключении «наступательного или, по крайней мере, оборонительного союза», великий везир согласился лишь на трактат «дружбы и коммерции» по образцу акта, заключенного ранее с Данией. Объясняя смысл позиции Коджи Рагыба, А.М. Обресков отмечал, что тот «простым трактатом дружбы Порту ничем не компрометирует». Готовность великого везира пойти на заключение договора, по мнению русского дипломата, определялась его желанием заставить прусского короля продолжать войну как можно дольше. Такого же мнения придерживались в Петербурге. Н.И. Панин, ставший в 1763 г. ближайшим советником Екатерины II по внешнеполитическим делам, отмечал, что «король прусский знает из союзов других держав, сколь мало оне из того получили действительной пользы от турок».

О правоте выводов А.М. Обрескова свидетельствует еще один эпизод, связанный с Семилетней войной. С 1760 г. в переписке между Фридрихом II и Портой обсуждался вопрос о возможности выступления турок против Австрии. В порядке компенсации Берлин обещал содействовать возвращению туркам Темешвара и Петервардена. Однако к лету 1762 г. стало ясно, что Порта вовсе не готовилась к войне. Те военные приготовления, которые открыто осуществлялись в европейских провинциях империи, совсем не означали, что османские правители собирались выступать против австрийцев. Тот же Обресков расценил их как «позолоченную пилюлю», которую Порта приготовила для Фридриха, ибо в Стамбуле хотели провести лишь демонстрацию «для устрашения Венского двора» в надежде заполучить утраченные крепости, «не обнажая сабли». Такая «пилюля» предназначалась не только для Пруссии, но и для Мустафы III. Затеянные маневры были, несомненно, созвучны его воинственному («марциальному») духу. Они не произвели слишком большого впечатления на Венский двор, который отказался уступить захваченные города на австро-турецкой границе. Более того, они ничего не изменили в «миролюбительных сентиментах» Порты, но избавили великого везира от «навлекания на себя какого нарекания».

Коджа Рагыб умер, оставаясь, вероятно, в уверенности, что его курс на дипломатическую игру и использование взаимного соперничества европейских держав дает османскому обществу достаточную возможность адаптироваться к новым условиям существования. Однако реальных плодов этот курс не принес. Время, когда Порта могла бы попытаться применить европейский опыт для реорганизации своих политических институтов, особенно армии, было упущено. С окончанием Семилетней войны стала ясна несбыточность надежд на то, что Османскую империю по-прежнему будут «содержать в почтении». Чем активнее Порта стремилась включиться в «концерт» европейских держав, тем больше зависела от противоречий, которые разделяли его участников. Внешняя политика теряла свою самостоятельность, все больше подпадая под влияние противников растущего влияния России. В итоге сама логика выбора османской элитой сторонников («своих») и противников («чужих») в Европе привела к новой русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

Побуждаемая Францией, Порта вмешалась в польские дела, мобилизовав огромную армию. Однако война показала явную неготовность империи к боевым действиям. Она вскрыла качественную отсталость турецких войск с точки зрения организации, уровня материально-технического оснащения и состояния военных знаний. На первом же военном совете великий везир

признался, что ничего не понимает в военном деле. Не лучше были и другие военачальники, преуспевшие в основном в казнокрадстве. Уже в 1771 г. под влиянием тяжелых поражений в Крыму и на Дунае в армии началось повальное дезертирство. Втянувшая Порту в войну Франция по существу ничем не помогла ей. Военные победы России оказали большое влияние на пробуждение национального самосознания в среде немусульманского населения Балкан, вселив в него надежду на скорое избавление от чужеземного господства. Появление в Средиземном море небольшой русской эскадры под командованием адмирала Г.А. Спиридова стало сигналом для восстания греческого населения Мореи в 1770 г. Оно было подавлено, но показало, что идеи борьбы за свободу уже довольно глубоко проникли в сознание балканских народов.

Завершивший войну Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. имел важное значение как для России, так и для Османской империи. Он предоставил России право торгового судоходства по Черному морю и торговые льготы российским купцам. Крым был объявлен независимым от Стамбула. Правители России получали право покровительства молдавским и валашским господарям и православной церкви в султанских владениях. Поражение в войне со всей остротой поставило перед османскими властями вопрос о будущем империи и дало толчок новым проектам и программам преобразований. Наиболее дальновидные реформаторы во главе с великим везиром Халилом Хамид-пашой (1736–1785), наряду с осуществлением начальных шагов по реорганизации армии, выступили за более серьезные перемены, в частности за ликвидацию сипахийской системы и реорганизацию янычарского корпуса. Стремясь заручиться поддержкой европейских держав, сторонники нововведений закрывали глаза на то, что для Франции и других западных государств помощь реформаторам была лишь прикрытием их политики, направленной на усиление своих экономических позиций и политического влияния на Ближнем Востоке.

Те перемены в социальной структуре османского общества, которые происходили на протяжении столетия, и те нововведения, что начали осуществлять османские реформаторы на рубеже 80-х годов, вряд ли серьезно повлияли на религиозно-этнические символы идентичности, определявшие сознание разных народов империи. Действия правящей верхушки и реакция на них горожан и сельских жителей по-прежнему диктовались категориями религиозного сознания (мир ислама – христианский мир). Их сохранению способствовало существование тех традиционных институтов, за упразднение которых выступили сторонники преобразований. Их противники умело использовали недовольство народа ухудшением материального положения в годы войны. Присоединение Крыма к России в 1783 г. стало сигналом к началу выступлений в Стамбуле против реформаторов, задумавших, по мнению их участников, погубить империю, войдя в сговор с «гяурами». В 1785 г. Халил Хамид-паша был свергнут, а затем казнен вместе с группой своих сторонников. Новые руководители Порты решили бороться за возвращение Крыма и в 1787 г. объявили войну России. После ряда сокрушительных поражений от русских войск Порте пришлось вновь запрашивать мира. С заключением Ясского мира 1792 г., который подтвердил ранее подписанные российско-османские соглашения и установил новую границу между Россией и Османской империей по Днестру, совпало и значительное усиление роли Восточного вопроса в международных отношениях.

Существо этой проблемы выступает как совокупный результат экономических, социально-политических и этнорелигиозных перемен, связанных с вовлечением Османской империи в мировую экономическую систему. Возникновение Восточного вопроса в середине XVIII в. отчасти связано с обострением соперничества европейских держав за преобладающее влияние на Балканах и Ближнем Востоке, отчасти с возрастающей ролью России на международной арене и распространением в среде балканских народов идей освободительного движения, успех которого напрямую связывался с военными победами России. Само ее вступление в данную сферу международной политики, вероятно, было связано с преувеличенной оценкой степени слабости Османской империи в окружении Екатерины II, отразившейся в известном «Греческом проекте». Политическая комбинация, положенная в основу проекта, была явно неосуществима, но ее выдвижение помогло Петербургу реализовать свой план присоединения Крыма. Именно поэтому Ясский договор, предусмотревший окончательное включение Крыма в состав России, вызвал резкую активизацию дипломатической активности европейских держав, выступавших против усиления влияния российской дипломатии в Восточном вопросе. В Париже и других западных столицах заговорили о «русской угрозе» территориальной целостности Османской империи.

Османским ответом на эти предсказания можно считать реформы, предпринятые в 1792–1793 гг. новым султаном Селимом III (1789–1807). Основная цель преобразований, получивших название *низам-и джедид* (обновленный порядок), состояла в укреплении центральной власти за счет воссоздания боеспособной и сильной армии. Подобные идеи были не новы, их пытались осуществить и предшественники Селима. Подобно им реформаторы из окружения молодого султана стремились усилить армию за счет создания регулярных, по-европейски обученных частей. Для проведения подобных начинаний были приглашены иностранные инструкторы, главным образом французские офицеры и военные инженеры. Выполнение задуманных проектов было возможным лишь в условиях сохранения мирных отношений с Россией и Австрией. Поэтому последнее десятилетие XVIII в. было отмечено тенденцией на укрепление и развитие русско-турецких и австро-турецких связей. Благодаря усилиям миссии М.И. Кутузова в Стамбуле был погашен острый конфликт между султанским двором и Веной. В свою очередь, Порта решительно отказалась выступить с враждебным демаршем по поводу второго раздела Польши. Охлаждением франко-турецких отношений воспользовался Наполеон, который выдвинул идею захвата Ионических островов и побережья Адриатического моря, а затем возглавил высадку французского экспедиционного корпуса в Александрии. Оккупация Египта привела к разрыву франко-турецких отношений, заставив Порту искать поддержки у Павла I. Выражением этих перемен стал союзный договор между Россией и Османской империей, подписанный 3 января 1799 г. Петербург обещал своему новому союзнику военную помощь в 12 линейных кораблей и 75–80 тыс. солдат. Порта обязалась открыть проливы для прохода российской эскадры Ф.Ф. Ушакова. Договор оказался недолговечным, но для историков он важен тем, что впервые показал возможность кардинально иного курса международной политики Порты и значение проблемы проливов для русско-турецких отношений.

ИТОГИ СТОЛЕТИЯ

Целое столетие отделяет проход эскадры Ушакова через проливы от появления первого российского военного корабля у берегов Босфора. Такой длительный срок понадобился османской правящей верхушке для осознания перемен в самой империи и в мире. Медленное осмысление изменившихся возможностей государства и его роли на международной арене определялось прежде всего прочностью архетипов традиционного сознания, ориентированного на религиозные приоритеты и на веру в военную мощь и неисчерпаемость человеческих и материальных ресурсов державы. Наряду с этим обстоятельством нужно учитывать и другие факторы. К числу таковых следует отнести начавшееся вовлечение империи в мировую экономическую систему в качестве ее периферийного компонента. Разумеется, ни сельское хозяйство, ни городское производство в османских землях еще не были готовы к функционированию в рамках капиталистического рынка. Однако социально-экономические последствия данного процесса проявились в XVIII в. в явной неравномерности наступления перемен в разных подсистемах османского общества, что и определило кризисное состояние всего организма. Ранее всего они выявились в сфере материального производства, позже – в области социально-политических отношений. Менее всего оказалась задета духовная жизнь, о чем можно судить не только по состоянию литературы и искусства, но и по замедленной реакции правящей элиты на новые явления в османской действительности. Наличие подобных диспропорций и породило социально-политический кризис в империи. Поскольку предсказания о ее скорой гибели не подтвердились, существо процессов, переживаемых в рассматриваемый период, можно определить как «выравнивание», по крайней мере частичное, диспропорций, возникших между отдельными сферами общественной жизни. Направленность подобных усилий лучше всего демонстрируют реформаторские начинания, предпринятые при Селиме III и показавшие их ориентацию на западные институты. Попытки их осуществления показали, что преодоление кризиса достигается дорогой ценой, ибо занимает длительное время и сопровождается большими потерями. Тем не менее, дав толчок переменам, кризис, в конечном счете, содействовал более устойчивому функционированию всей общественной системы. С его помощью были обеспечены необходимые ресурсы для дальнейшего существования империи, чего современники не могли предвидеть.

ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Историки говорят о «коротких» и «длинных» веках, не совпадающих с хронологическими. Так, одни пишут о «коротком XX веке» (1914–1991), другие – о «длинном XVI веке» (1453–1648). В истории Британской империи эпоху 1689–1815 гг. можно назвать «длинным XVIII веком»: империя ковалась прежде всего в войнах с Францией, а как раз на этот период пришлась англо-французская «вторая Столетняя война» (термин британского геополитика Дж.Р. Сили).

Если бы европейцам, современникам англо-голландских войн и английской «Славной революции», сказали, что в начале XIX в. Англия (в виде Великобритании) станет гегемоном не только европейской, но и мировой системы, владычицей морей и «мастерской мира», а XIX в. будет именоваться британским, они едва ли поверили бы в такую перспективу. В последней четверти XVII в. – в эпоху блестящей и могучей Франции Людовика XIV – об этом трудно было и подумать.

Метаморфоза произошла за какие-то полтора столетия – миг в масштабе истории. И именно XVIII столетие подготовило эту метаморфозу. В «длинном XVIII веке» англичане/британцы разработали и противопоставили миру целый ряд принципиально новых технологий, причем собственно технические были далеко не главными. Речь идет прежде всего о финансово-экономических, военно-морских и организационно-управленческих технологиях, в развитии которых они не просто опередили мир, но в чем-то даже «забежали» в XIX в., и с этой точки зрения их успешная экспансия в XVIII в. приобретает черты «вторжения из будущего» – того будущего, где Великобритания раньше других станет «обществом профессионалов», использующих в качестве организационного оружия не только силу, но и то, что М. Фуко назвал «властью-знанием».

На рубеж XVII–XVIII вв. приходится один из хронорazделов в истории мировой капиталистической системы. Согласно схеме одного из сторонников мир-системного подхода американского историка И. Валлерстайна, эта эпоха была периодом упадка гегемонии Нидерландов и начала борьбы двух новых претендентов на гегемонию – Англии (с 1707 г. Великобритании) и Франции. Пик голландской гегемонии пришелся на 1618–1652 гг., а начало ее упадка ознаменовала первая англо-голландская война (1652–1654), основной причиной которой было принятие парламентом Английской республики Навигационного акта 1651 г. (разрешившего ввозить в Англию иностранные товары только на судах Англии или стран-импортеров). К концу XVII в. Нидерланды серьезно ослабели под военными ударами Англии на море и Франции на суше, а также в результате протекционистских мер обеих держав.

В это же время, согласно теории системных циклов накопления другого представителя мир-системного подхода, Дж. Арриги, подходила к концу первая фаза голландского цикла накопления (конец XVI – конец XVIII в.) – фаза материальной экспансии (когда денежный капитал приводит в движение растущую массу товаров); вскоре она сменится второй, завершающей,

фазой – «финанциализации» (когда денежный капитал освобождается от своей товарной массы и дальнейшее накопление происходит посредством финансовых сделок).

С середины XVIII в. стартует следующий цикл накопления – британский (середина XVIII – начало XX в.), а точнее его материальная фаза, фаза подъема. Каждый новый цикл накопления (в схеме Дж. Арриги их четыре: генуэзский, голландский, британский, американский) отличался от предыдущего интернализацией (обращением вовнутрь) какого-то вида издержек, которая резко сокращала зависимость субъекта накопления от внешнего мира. Если голландская буржуазия осуществила интернализацию оборонных издержек (ей, в отличие от генуэзцев, уже не приходилось покупать военную защиту у крупных государств, так как Нидерланды сами были одним из них), то британской буржуазии беспрецедентный контроль над трудовыми и природными ресурсами позволил интернализовать производственные издержки. Благодаря этому капитализм превратился в способ производства в строгом смысле слова, т.е. обрел адекватную ему производственную основу – индустриальную систему производительных сил.

Одним из ключевых факторов (и одновременно результатов) успеха Великобритании в достижении военно-политической гегемонии и экономического господства была ее мировая империя – крупнейшая в истории человечества.

В настоящем кратком очерке истории Британской империи в XVIII в. будут затронуты общие вопросы ее политико-экономического развития, вопросы англо-французской борьбы за гегемонию, формирования основных зон Британской империи (Америка, Индия), перехода от первой Британской империи ко второй.

ИМПЕРИЯ В НАЧАЛЕ «ДЛИННОГО XVIII ВЕКА»

К рубежу XVII–XVIII вв. заморская Британская империя состояла из одиннадцати колоний на восточном побережье Северной Америки: Нью-Хэмпшира, Массачусетса, Род-Айленда, Коннектикута, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Пенсильвании, Мэриленда, Дэлавера, Виргинии, Каролины (в 1712 г. ее разделят на Северную и Южную Каролину, в 1732 г. возникнет Джорджия), а также Британского Гондураса и ряда островов в Вест-Индии, крупнейшими из которых были Ямайка и Барбадос. В 1700 г. площадь заморской империи равнялась 19 тыс. кв. миль, а численность ее населения – 400 тыс. человек. В историографии период истории Британской империи с 1607 г. (основания первой колонии – Виргинии) до 1783 г. (отделения тринадцати североамериканских колоний) принято считать эпохой первой империи.

В этническом отношении первая Британская империя была по преимуществу белой англосаксонской: население североамериканских колоний насчитывало около 250 тыс. человек, вест-индских – около 150 тыс. (правда, здесь не менее двух третей населения составляли негритянские рабы, на континенте их доля была существенно меньше).

Структура имперского управления была следующей. Роль министерства колоний играл Совет по торговле, подчинявшийся Тайному совету во главе с

королем. Исполнительной властью в каждой колонии обладал назначаемый из Лондона губернатор и совещательный орган – колониальный совет (он же выступал в роли верхней палаты законодательного органа и апелляционного суда); законодательная власть находилась в руках представительного органа – ассамблеи, депутаты которой избирались свободными колонистами на основе высокого имущественного ценза. Принимаемые ассамблеей законы подлежали одобрению короной. Стержнем политической жизни колоний почти с момента их возникновения была постоянная и повсеместная конституционная борьба ассамблей с губернаторами за расширение сферы предметов ведения и в конечном счете за полную законодательную автономию. К середине XVIII в. эта борьба в целом увенчается успехом: ассамблеи сосредоточат в своих руках всю реальную власть в колониях, главным образом благодаря контролю над их финансами: у королевской администрации в Америке не было достаточных источников дохода, и регулирование их жалований служило ассамблеям действенным рычагом давления.

В 1688–1689 гг. в Англии произошла «Славная революция»: политические партии вигов и тори объединились и свергли короля Якова II Стюарта, проводившего курс на установление режима личной власти. На престол вступили зять Якова статхаудер Нидерландов Вильгельм Оранский и дочь Якова Мария. Главным политическим результатом «Славной революции» было установление в Англии парламентской монархии. Столь важное конституционное изменение не могло не оказать воздействия на империю.

Яков II стремился выстроить вертикаль личной власти не только в метрополии, но и в колониях. Поэтому, узнав о его свержении, североамериканские колонии тоже восстали и свергли губернаторов Якова. Новая власть в Англии была вынуждена пойти колонистам на конституционные уступки: распространить избирательное право в Массачусетсе на всех фригольдеров колонии, восстановить отмененные Яковом хартии Род-Айленда и Коннектикута, благодаря чему они стали самыми автономными территориями империи.

После «Славной революции» в Америке выделяют два типа отношений метрополии с колониями – вест-индский и североамериканский. Первый тип определяли интересы крупных сахарных плантаторов. После 1689 г. они вернули себе контроль над политической и социальной сферой жизни островов, отнятый Яковом. В то же время оборона островов всецело зависела от королевского флота, они нуждались в гарнизонах на случай восстания рабов, и их монокультурная сахарная экономика была крепко привязана к экономике метрополии; все это усиливало зависимый статус Вест-Индии. Экономически более самодостаточные колонии Северной Америки, напротив, стремились уменьшить зависимость от Лондона. Послереволюционное урегулирование лишь укрепило их уверенность в собственных силах.

Территориально экономическая система первой Британской империи представляла собой два торговых треугольника: Великобритания – Западная Африка – Вест-Индия и Великобритания – Западная Африка – Северная Америка. Кроме того, две группы американских колоний торговали между собой. Британцы экспортировали в Африку ткани, мушкеты, порох, безделушки, которые выменивали на рабов, золото и слоновую кость. Трансатлантическая работорговля была исключительно прибыльным занятием, и еще с

70-х годов XVII в. английские купцы лидировали в ней, обогнав голландцев. Они перевозили рабов в английские колонии в Америке, откуда около четверти (нелегально) продавали в испанские и французские колонии.

Главным продуктом английской Вест-Индии был сахар. К середине XVIII в. он вышел на первое место по стоимости во всем импорте Великобритании и удерживал его примерно до 1825 г., когда был оттеснен хлопком. Благодаря этому Вест-Индия экономически была наиболее ценной частью империи. При столкновении экономических интересов производителей и купечества Вест-Индии с интересами аналогичных слоев Северной Америки парламент неизменно отдавал приоритет первым. Показательно, что в конце XVII в. стоимость английского импорта с Барбадоса вдесятеро превышала таковую из всей Новой Англии. Таким же было соотношение долей этих территорий в английском экспорте; правда, с ростом населения колоний Северной Америки к 70-м годам XVIII в. они станут для метрополии намного более ценным рынком сбыта промышленной продукции.

Важными статьями экспорта Вест-Индии служили и побочные продукты переработки сахарного тростника – ром и патока. Другими экспортными культурами были табак, индиго, хлопок-сырец, с 30-х годов – кофе.

Северная Америка экспортировала табак, зерно, хлеб, скот, рыбу, судостроительные материалы (лес, смолу, деготь), но ее экономика была значительно меньше ориентирована на экспорт, чем в Вест-Индии (значительная часть колоний континента находилась в умеренной климатической зоне, а значит, немалая доля их продукции была неинтересна Англии).

Львиную долю импорта всех колоний составляла продукция английской мануфактуры (сукно, предметы одежды и мебели, стекло, зеркала и т.д.). Хотя во внешней торговле Англии доля колоний в 1700 г. составляла всего 20%, росла она весьма быстрыми темпами и для развития английской экономики имела стратегическое значение.

Головным органом империи не случайно был Совет по торговле: метрополия стремилась прежде всего обеспечить себя сырьем и рынками сбыта. Законодательной основой ее деятельности служили Торговые акты – ряд меркантилистских законов, принятых парламентом в середине XVII – середине XVIII в.: они были направлены на превращение империи в закрытый торговый блок, чтобы свести к минимуму отток из нее драгоценных металлов (торговая политика, характерная для всех колониальных империй раннесовременной Европы). Первыми в череде Торговых актов были Навигационные акты 1650 и 1651 гг. Согласно первому из них, парламент утвердил свое право запрещать колониям вести торговлю с любыми странами, кроме метрополии. Согласно второму, как сказано выше, иностранные товары разрешалось ввозить в Англию и ее колонии только на английских судах или судах страны-импортера (мера против посреднической торговли голландцев).

Одним из ключевых понятий имперской экономики рассматриваемого периода являлись так называемые «перечисленные товары», т.е. наиболее ценные статьи колониального экспорта, подлежавшие вывозу только или по преимуществу в метрополию. С ростом нужд английской мануфактуры и таможенных поступлений парламент расширял список таких товаров. В него постепенно включили сахар, табак, хлопок-сырец, индиго, красильное дерево, патоку, судостроительные материалы, медь, меха, кофе, гвоздичный пе-

рец, шелк-сырец, шкуры, железо. Колонисты протестовали против принудительного сужения рынков сбыта своей продукции, но Лондон отвечал, что их требования противоречат интересам метрополии. Американцам оставалось вести контрабанду.

Своеобразным экономическим придатком Британской империи этого времени можно назвать азиатские фактории основанной в 1600 г. английской Ост-Индской компании, которая по королевской хартии обладала монополией на торговлю Англии с Востоком. Центром деятельности Компании была Индия, откуда англичане вывозили хлопчатобумажные и шелковые ткани, перец, индиго, селитру и шелк-сырец. Экономисты Компании (Томас Ман, 1571–1641) сделали важный шаг в развитии меркантилизма, доказав, что для экономики страны пагубен не всякий экспорт серебра, а лишь такой, который не ведет к возмещению объема драгоценных металлов (переход от теории денежного баланса к теории торгового баланса). Компания впервые в истории Англии втянула ее в многостороннюю торговлю: приобретала в Нидерландах испанские риалы, закупала на них в Азии товары и выгодно сбывала их в Европе. Баланс торговли Англии с Азией действительно был отрицательным (до промышленной революции англичане мало что могли предложить самодостаточным азиатам), зато его более чем окупал положительный баланс торговли с Европой.

Ост-Индская компания вносила немалый вклад в экономику империи благодаря не только накоплению капитала, но и реализации азиатской продукции в американских колониях и на побережье Африки (индийские ткани составляли до трети товаров, которые английские работорговцы привозили для бартерного обмена). Правда, уже к концу XVII в. ввозимые Компанией индийские ткани составили серьезную конкуренцию отечественной мануфактуре, и в 1700 г. парламент запретил англичанам носить импортный крашеный коленкор и шелк, а в 1720 г. – и белый коленкор.

НАЧАЛО «ВТОРОЙ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ»

Первым этапом «второй Столетней войны» были Девятилетняя война (1689–1697 гг., в рамках войны Аугсбургской лиги) и война за Испанское наследство (1702–1713).

Франция приступила к строительству своей империи примерно в одно время с Англией: ко второй половине XVI в. относится проникновение французов в Америку, а к началу XVII в. систематическая колонизация Новой Франции (Канады) и основание владений на Антильских островах. Однако вследствие социально-экономической отсталости метрополии и скованности частной инициативы французская колонизация шла намного медленнее английской.

В последней трети XVII в. благодаря реформам Ж.-Б. Кольбера (1619–1683), генерального контролера (с 1665 г.) и морского министра (с 1669 г.), Франция совершила экономический и военно-политический рывок. Правительство ввело протекционистские тарифы, защищая свою мануфактуру от голландской конкуренции, и построило мощный военно-морской флот.

В результате в Девятилетнюю войну Франция бросила вызов Англии в ее собственной стихии, на море, и даже поначалу добилась крупного успеха – победы при мысе Бичи-хед у южного побережья Англии (1690). Людовик XIV готовил десант для вторжения в Англию, но его замысел потерпел неудачу, так же как аналогичные проекты до и после него (испанская Армада 1588 г., Булонский план Наполеона и операция Гитлера «Морской лев»). Французы не сумели развить успех, так как в 1692 г. англичане наголову разгромили их флот при Ла Уг (полуостров Котантен). После этого поражения Франция отказалась от широкомасштабного использования флота и впредь основное внимание в морских войнах с Великобританией уделяла крейсерским операциям (так же поступит Германия в XX в.).

Эпоха войн, начавшаяся в 1689 г., резко отличалась от предыдущих интенсивностью и «тотальностью» в современном смысле: экономики главных государств-соперников в значительной степени работали на нужды армии. При заключении Рисвикского мира 1697 г. впервые в европейской истории позицию держав в большей степени определял их материальный потенциал, чем захваченные в ходе войны города и территории.

Продолжением Девятилетней войны стала война за Испанское наследство: Людовик XIV хотел поставить под контроль Испанскую империю. Однако сил для борьбы с объединенной Европой ему не хватило. По Утрехтскому миру 1713 г. Великобритания сохранила за собой захваченные испанские Гибралтар и Минорку и французскую колонию Акадия (стала Новой Шотландией); французы признали исключительные права британцев на Ньюфаундленд с его богатейшим ареалом промысла трески и территории вокруг Гудзонова залива, которые осваивала английская компания по торговле пушниной. Поражение имперских амбиций Франции подчеркнул факт передачи британским купцам права *асьенто* – монопольного снабжения африканскими рабами испанских колоний в Америке. Великобритания стала сильнейшей морской державой, а Франция утратила роль политического гегемона Европы, каким была с Вестфальского мира 1648 г.

Как Франция на рубеже XVII–XVIII вв. стояла перед выбором: развивать флот или быть по преимуществу континентальной державой, – так и Англии пришлось выбирать: развивать армию или быть прежде всего морской державой? Здесь спорили две школы военно-стратегической мысли, причем за стратегическим спором стоял экономический. Представители первой утверждали, что сухопутные войны ведут к высоким налогам, а это косвенно вредит торговле. Представители второй опасались, что отказ от участия в европейских войнах позволит Франции втянуть в свою орбиту другие государства и исключить Англию из торговли с континентом, введя общеевропейскую тарифную систему.

Англия также попробовала свои силы и в сухопутной войне: впервые после первой Столетней войны на континенте сражался ее крупный экспедиционный корпус. Представители обеих противоборствующих школ были правы по-своему: угрозу, о которой предупреждала континентальная школа, попытается осуществить Наполеон (континентальная блокада). Однако ресурсы Великобритании были небезграничны, ей приходилось определять свои приоритеты, и она остановила выбор на флоте. Отныне и до войны на Пиренейском полуострове с Наполеоном преобладающей линией британ-

ской внешней политики будет так называемая стратегия «голубой воды»: активное освоение заморских территорий при стремлении свести к минимуму вмешательство в континентальной Европе (правда, здесь с 1714 г. мертвым грузом на британцах висел Ганновер, династия которого правила в Великобритании в 1714–1901 гг.).

После войны за Испанское наследство на тридцать лет наступило затишье: антагонисты восстанавливали силы для новых схваток, которые объективно были неизбежны. К 40-м годам XVIII в. Франция стала наиболее опасным торговым конкурентом Великобритании. Один французский Сан-Доминго производил сахара больше, чем все острова Британской Вест-Индии. Все ближе подходили друг к другу цепи британских и французских фортов в Северной Америке. Острой была и конкуренция Ост-Индской компании с французской Компанией Индий в Азии.

Второй этап англо-французских войн включил войну за Австрийское наследство (1740–1748) и Семилетнюю войну (1756–1763), которую в историографии часто называют подлинной первой мировой: впервые полномасштабные боевые действия между главными соперниками шли и в европейских водах, и в Америке, и в Индии.

Как и на предыдущем этапе, первая война не разрешила противоречий между воюющими державами и, чтобы чаша весов склонилась в пользу одной из сторон конфликта, понадобилась вторая – Семилетняя. На втором этапе британцы не воевали в континентальной Европе сами, а платили военную субсидию своим сухопутным союзникам – сначала Австрии, затем Пруссии.

Семилетняя война стала для страны самой дорогостоящей и тяжелой, но переломной в англо-французской борьбе за гегемонию. Главным архитектором победы британцев считается военный министр Уильям Питт Старший, фактический глава правительства в 1757–1761 гг., выдающийся организатор, превративший верфи королевского флота в крупнейшее предприятие в мире.

В 1759 г. генерал Дж. Вулф обеспечил взятие центра Новой Франции – Квебека (сам он погиб за пять дней до сдачи города). В том же году одна французская эскадра была разгромлена адмиралом Э. Боскауэном в бухте Лагуш у южного берега Португалии, а другая адмиралом Э. Хоуком в бухте Киберон у бискайского побережья Франции. В 1760 г. британцы разбили основные силы французов в Южной Индии. Семилетняя война закончилась полным поражением Франции и ее союзницы Испании. По Парижскому мирному договору 1763 г. Франция уступила Великобритании Канаду (Квебек), несколько островов Вест-Индии и Сенегал и обязалась не восстанавливать укреплений в индийских факториях.

В историографии существует дискуссионная точка зрения, согласно которой благодаря победоносной Семилетней войне характер Британской империи начал меняться: ее торговая природа стала уступать место политической. Хотя сторонники этой точки зрения (американские историки Л.Г. Джипсон и Ч.М. Эндрюз) остаются в меньшинстве и бóльшая часть специалистов настаивает на преемственности развития империи до и после Семилетней войны, в контексте этой дискуссии имеет смысл обратить внимание на спор «Канада или Гваделупа?», разгоревшийся в Лондоне при обсуждении условий Парижского мира.

Одни британские политики настаивали на том, чтобы забрать у побежденной Франции огромные пространства Квебека, тогда как другие мечтали прибрать к рукам все ее владения на Антильских островах: эти владения были невелики, но производили ценные экспортные культуры. В конце концов возобладала точка зрения Питта Старшего, выступавшего за экспансию в Северной Америке. Известный французский историк Ф. Бродель объяснял это решение лоббированием британских вест-индских плантаторов, которые не хотели появления конкурентов во внутриимперской торговле. Вместе с тем заставляет задуматься мнение немецкого историка середины XX в. Л. Дехийо, считавшего, что при заключении мира 1763 г. над идеей простой торговой и налоговой эксплуатации колоний взяла верх мощная новая империалистическая тенденция; возникло понятие мировой морской империи. Подход британцев контрастировал с подходом французов. Так, Вольтер пренебрежительно заметил, что Франции нет нужды держаться за Канаду: ведь это лишь «несколько арпанов покрытой снегом земли».

Победу Великобритании в конечном счете обеспечило превосходство ее государственной кредитной системы и военно-морского флота. Во Франции, несмотря на кажущееся всесилие государства, не существовало централизованной системы государственных финансов, подобной британской, а основным механизмом налогообложения служили сравнительно неэффективные откупа. В Англии же после «Славной революции» началась «финансовая революция» конца XVII – первой половины XVIII в. (термин специалиста по экономической истории П. Диксона). В 1693 г. был законодательно введен национальный долг, а в 1694 г. основан Английский банк – первый в истории частный акционерный банк с правом выпуска банкнот. Весь свой капитал (1,2 млн ф.ст.) он предоставил в виде бессрочного займа правительству, которое взамен отдало банку часть таможенных поступлений и обещало держать в нем все свои средства.

Эти реформы заложили основы финансовой мощи Великобритании в последующие два столетия. Впервые в истории созданные в виде банкнот деньги оставались стабильными, что привело к значительному росту их предложения без существенного роста инфляции. Помимо прочего существование защищенной от произвольного вмешательства стабильной валюты открыло дорогу промышленной революции. Созданию Английского банка способствовали голландские инвестиции, которые потекли в страну после «Славной революции» и личной унии с Нидерландами. Британский цикл накопления капитала плавно вырос из предыдущего: в фазе финанциализации голландского цикла (по схеме Дж. Арриги) именно Англия стала главным объектом помещения голландского капитала. Аналогичный Английскому Французский банк появится только в 1800 г.

Кроме того, в XVIII в. британцы платили примерно вдвое больше налогов, чем французы. При этом налоги не вызывали такого недовольства, как во Франции: они вводились парламентом (представительным органом), и многие из них были косвенными, малозаметными для населения. Так Великобритания стала «фискально-военным государством», способным собирать на военные нужды крупные суммы денег, причем главным образом путем долгосрочных займов под низкие проценты.

Превосходство британской кредитной системы продемонстрировал общеевропейский финансовый кризис 1720 г. – первый кризис современного типа, вызванный крахом спекулятивной аферы Джона Лоу во Франции и Компании Южных морей в Великобритании. Если Великобритания преодолела последствия кризиса достаточно быстро, то Франция так и не оправилась от него вплоть до революции.

Финансовая мощь Великобритании стала решающим фактором в обретении военно-морского превосходства. Например, в 1702 г. британский флот насчитывал 124 линейных корабля, французский – 96; в 1744 г. соответственно 107 и 46. Кроме того, сказалось превосходство британцев в управлении флотом, технике и тактике, а также профессионализм офицеров и команд. Вообще, как выразился военно-морской историк Н. Роджер, учреждения британского флота во многих отношениях представляли собой островки XIX в. в XVIII в., причем они в немалой степени стимулировали развитие и интеграцию национальной экономики в целом.

НАЧАЛО ПОКОРЕНИЯ ИНДИИ

Одним из важнейших результатов англо-французских войн 40 – начала 60-х годов XVIII в. было начало покорения Индии. Агентом Британской империи здесь выступила Ост-Индская компания, а залогом успеха стала ее двойственная политико-экономическая природа. Первые полтора столетия своей жизни Компания была по преимуществу торговой организацией. Вместе с тем с самого начала она обладала характеристиками суверенного государства: корона делегировала ей законодательную, исполнительную и судебную власть над своими подданными – ее служащими, а также право на самостоятельную внешнюю политику. Этого требовал сам характер деятельности Компании как монопольной организации, ведущей торговлю в другой части света, где Англия как государство еще не присутствовала никоим образом. Чтобы успешно торговать, Компании пришлось самой превратиться в государство для своих служащих и обладать вооруженной силой (корабли, небольшие отряды), чтобы выполнять полицейские функции в своих факториях и заставлять считаться с собой восточных правителей.

Однако возможностей превратиться в территориальную державу у Компании еще не было: сохраняла силу общеиндийская империя – Могольский султанат, а свое государство еще не оказывало Компании полномасштабной военной помощи. Ситуация изменилась к середине XVIII в.: держава Моголов фактически распалась, а обострение соперничества британцев и французов впервые привело к их сухопутной войне в Индии. Французская, а за ней британская Компании набрали крупные армии из индийцев, обучив и вооружив их по европейскому образцу, и с помощью этих солдат-*сипаев* стали воевать между собой на территории южноиндийских княжеств Карнатик и Хайдарабад, стремясь уничтожить фактории друг друга. Столкновение французов с *навабом* (мусульманским правителем) Карнатика в 1746 г. продемонстрировало неоспоримое превосходство современной армии европейского образца над азиатскими войсками. Это заставило компании и индийских князей вступить в принципиально новые, субсидиарные, отношения:

правитель нанимал у компании военный отряд, обычно выделяя на его содержание ряд налоговых округов. Получая такие пожалования, европейские торговые компании встроились в военно-податную систему восточных империй, уходящую корнями в эпоху арабского халифата Аббасидов (750–1258).

В исторической науке ранней независимой Индии и СССР британцев и французов уже на этой стадии клеймили как колонизаторов, стремившихся поработить индийцев. Это представление не вполне соответствует реальности. Когда выяснилось, что армии европейского типа намного эффективнее азиатских, компании встретили немалый спрос на свои военные услуги у индийских князей. Каждая сторона решала собственные задачи. Индийские правители рассчитывали с помощью новых наемников победить конкурентов в борьбе за власть, а компании – содержать за счет правителей свои армии и использовать приобретенное на них влияние, чтобы подорвать торговлю конкурента. Другое дело, что при субсидиарной практике существовал риск установления «работником» военного контроля над «работодателем». В случае с европейцами так оно и вышло.

Поначалу французам удалось взять британский Мадрас и, воспользовавшись династической борьбой в Карнатике и Хайдарабаде, привести там к власти своих ставленников. Однако в Карнатике британцы к 1754 г. одержали верх. В 1757 г. они стали прибирать к рукам и Бенгалию, что переломило ход англо-французской борьбы за Индию.

Конфликт Ост-Индской компании с навабом Бенгалии Сираджем уд-Даула (1756–1757) развивался в контексте мировой англо-французской борьбы, но во многом имел местные причины. Видя, как британцы и французы воюют друг с другом в Южной Индии, наваб опасался, что это может повториться в Бенгалии и реальная власть уйдет из его рук. В 1756 г. Сирадж потребовал срыть новые укрепления Калькутты и выдать бежавшего туда одного из его врагов. Британский губернатор открыто не подчинился навабу, и тот взял город штурмом.

Сирадж стремился свести британцев к положению простых купцов, в качестве которых они начинали свою деятельность в Бенгалии в XVII в. К середине XVIII в. центры президентств Компании (торгово-территориальных единиц, на которые она поделила всю Азию) – Калькутта, Мадрас и Бомбей – представляли собой нечто большее, чем торговые фактории. Это были уже крупные приморские города с населением 100–150 тыс. человек, значительные центры ремесленного ткацкого производства, с мощными фортами и гарнизонами. Пользуясь экстерриториальностью (население подпадало под юрисдикцию Компании, а не индийского правителя, на территории которого находился порт), британские (в меньшей степени французские) анклавы объективно становились не только экономическими и демографическими, но и властными конкурентами индийских княжеств.

Взяв Калькутту, наваб Бенгалии посчитал, будто упредил британцев в их замыслах отнять у него власть. На самом деле он спровоцировал их на это, недооценив их силу. Бенгальский наваб больше не мог опираться на всю мощь Могольского султаната, а в Южной Индии Компания уже располагала боеспособной армией.

Вступив в союз с недовольными Сираджем придворными и военачальниками, Ост-Индская компания стала бронированным кулаком заговора. Осо-

бенно активно ее поддержала значительная часть бенгальских купцов – ее торговых партнеров и кредиторов. Когда наваб разграбил Калькутту, тем, кто радовался наказанию британцев, противостояли те, кто увидел в этом угрозу динамично развивающемуся сектору экономики Бенгалии. В 1757 г. королевская эскадра и войска Компании под командованием подполковника Роберта Клайва отбили Калькутту, взяли французскую укрепленную факторию Шандернагор, а 23 июня 1757 г. Клайв разбил наваба в битве при Палаши. Военное превосходство британцев сыграло важную роль в их победе, но определили ее деньги, собранные бенгальскими купцами: они подкупили большинство военачальников наваба, и во время сражения те бездействовали.

После победы Клайв провозгласил новым навабом одного из придворных, ибо поначалу британцы не собирались сами захватывать власть. Они хотели только посадить на престол более сговорчивого наваба, который не ограничивал бы их торговлю. Однако к 1757 г. Ост-Индской компании недоставало в Бенгалии только реальной власти, соразмерной ее экономическому влиянию и военной мощи. Поэтому, когда заговорщики при дворе решили использовать ее в своих интересах, она оказалась способна взять в руки намного больше власти, чем те рассчитывали.

Весьма заманчивым для британцев был доступ к казне Бенгалии. Поскольку новый наваб рассчитывал и дальше опираться на армию Компании, он вступил с ней в субсидиарные отношения. Если раньше Компании приходилось оплачивать свои военные расходы из торговых прибылей, то теперь это частично делали за нее бенгальские налогоплательщики. Более того, излишек полученных от наваба средств она могла направлять и в сферу своих непосредственных интересов – на максимизацию торговой прибыли. Обретение некоммерческого источника доходов позволило британцам резко сократить импорт в Бенгалию драгоценных металлов: на покупку товаров страны они тратили ее же деньги. Если в 1729–1758 гг. Ост-Индская компания ввозила на Восток драгоценных металлов на сумму в среднем 611 тыс. ф.ст. в год, то в 1759 г. их импорт резко упал до 173 тыс. ф.ст.

В историографии существуют противоположные точки зрения на роль случайности и закономерности в превращении британской торговой корпорации в индийскую державу. Имперские историки считали завоевание Индии случайностью. По их мнению, англичане вступили на этот путь исключительно в целях самообороны от агрессивных французов и местных князей. Ранние индийские, а также советские историки впадали в другую крайность: видели в покорении Индии закономерность, а в европейцах – агрессивных колонизаторов. По-видимому, истина здесь лежит посередине.

Захват власти в Бенгалии действительно произошел под воздействием внешнего стимула – угрозы деловым интересам Компании со стороны наваба и французов. Однако случай помог подготовленному. К середине XVIII в. Компания уже обладала в Индии не только немалым экономическим и военным весом, но и политическим потенциалом. Когда сложились благоприятные обстоятельства, этот потенциал раскрылся. Британская Ост-Индская компания по сути трансформировала свое самоуправление (уже имевшуюся квазигосударственную власть над собственными служащими) в политическую власть над населением азиатской страны.

60-е – середина 70-х годов – это период становления Британской империи в Индии. В Карнатике Ост-Индская компания поставила наваба под военный контроль, а в Бенгалии постепенно сама превращалась в территориальную державу, отбирая у навабов одну административную функцию за другой. В 1765 г. Клайв заставил могольского шаха, который ненадолго оказался под контролем Компании*, официально пожаловать ей в Бенгалии право *дивани* (сбор налогов и осуществление гражданской юрисдикции). Так британская коммерческая корпорация официально заняла видное место в юридически по-прежнему существовавшей иерархии Могольского султаната.

Превращение Ост-Индской компании в территориальную державу – самый яркий в истории Британской империи пример субимпериализма, автономной от имперского центра экспансии, основанной на собственной инициативе чиновников на местах. При этом немалую роль сыграло стремление чиновников Компании к личному обогащению; кроме того, ее директора просто не разглядели преимуществ имперской перспективы, мысля еще бухгалтерскими категориями краткосрочной прибыли. Проявлению чиновничей инициативы на местах способствовала и отдаленность Индии от Великобритании (морской путь до Лондона занимал полгода). В XIX в. феномен субимпериализма сыграет значительную роль в расширении Британской империи по всему миру.

Присвоению Компанией бенгальского дивани способствовало важное событие в мировой экономике. После 1760 г. резко упала добыча золота в Бразилии (с 15 до 5 тонн в год), а увеличение добычи серебра в альтернативном источнике драгоценных металлов, Мексике, возобновилось только с 1775 г. Поскольку британская Ост-Индская компания была экономическим агентом мирового уровня, неудивительно, что к захвату власти в отдельно взятой стране ее подтолкнули экономические колебания в противоположной части земного шара. К 1772 г. она переориентировала на себя все ветви власти в Бенгалии и стала своего рода княжеством со всеми полагающимися атрибутами: армией, сбором налогов, отправлением правосудия, самостоятельным внешним курсом и даже сателлитами, в которые превратила Карнатик и Авадх.

Именно в это время в парламенте Великобритании был поднят вопрос: имеет ли право купеческая корпорация управлять целой страной? С 1767 г. правительство и парламент развернули юридическое наступление на Ост-Индскую компанию, стремясь лишить ее политической самостоятельности. Причинами этого стали, во-первых, поиски средств после истощившей казну Семилетней войны, во-вторых – приток в политическую жизнь Великобритании «набобов» (разбогатевших в Индии служащих Компании), которые начали теснить земельную аристократию в парламенте и администрации, в-третьих – само по себе превращение Компании в азиатское княжество.

В 60-е годы XVIII в. сложилась ситуация, при которой британское государство могло контролировать Ост-Индскую компанию как корпорацию лондонских купцов (путем хартий о продлении монополии), но не располагало

---

* Шах Алам II (1759–1806), еще будучи принцем, из-за происков врагов при дворе бежал из Дели на восток, в Авадх. После смерти отца он номинально стал шахом, но остался в Авадхе и фактически попал под контроль местного наваба Шуджи уд-Даула (который, как и другие наместники империи, был к тому времени уже самостоятелен). Когда британцы в 1764 г. разбили этого наваба при Баксаре, контроль над шахом перешел от него к Ост-Индской компании.

механизмом контроля той же организации в ее ипостаси индийского правителя. Известный британский историк Т.Б. Маколей точно охарактеризовал Ост-Индскую компанию после середины XVIII в. как «подданного в одном полушарии и суверена в другом». Когда правительство осознало эту аномалию, оно и повело наступление на Компанию.

В 1767 г. парламент по сути навязал ей даннические отношения, обязав ее выплачивать казначейству 400 тыс. ф.ст. в год. В 1773 г. он принял резолюцию, объявив, что все территориальные приобретения Компании «по праву принадлежат государству», т.е. являются частью Британской империи. В том же году правительство Ф. Норта добилось принятия Акта о регулировании, который поставил компанию-державу под частичный контроль государства. Главным пунктом акта стало назначение ставленников Норта в совет генерал-губернатора Бенгальского президентства Компании.

Однако для эффективного контроля над ней акта 1773 г. оказалось недостаточно: и в Калькутте, и в Лондоне чиновники, директора и акционеры Компании блокировали попытки правительства лишить ее политической самостоятельности. Одну из ключевых ролей здесь сыграл Уоррен Хейстингс (1732–1818), первый генерал-губернатор Бенгалии (1773–1785), который, с одной стороны, многое сделал для упрочения завоеваний Клайва, а с другой – отчаянно сопротивлялся попыткам империи подчинить Компанию.

Уоррен Хейстингс – одна из ключевых, самых противоречивых и интересных фигур истории Британской Индии. Если Р. Клайв со шпагой в руке добыл Бенгалию для империи, то именно Хейстингс впервые посадил там чиновников Ост-Индской компании на сбор налогов и заложил основы знаменитой Индийской гражданской службы. Находясь у власти в Калькутте в самый опасный период для Компании как державы, Хейстингс подкупом и военными экспедициями в начале 80-х годов XVIII в. сумел развалить единственную в истории Индии коалицию всех крупнейших княжеств, которая реально грозила сбросить британцев в море. При этом Хейстингсу постоянно мешали его коллеги – три назначенных парламентом советника, через которых премьер-министр Норт рассчитывал контролировать Компанию и которые занимались исключительно сбором на Хейстингса компромата, взвалив на него всю административную работу. Однако генерал-губернатору удалось переиграть их: так и не добившись его отставки, два советника умерли, а третьего он ранил на дуэли и тот вернулся в Лондон.

Хейстингс был жестким администратором, и его методы по выведению Компании из кризиса не были безупречными с моральной точки зрения (чем позднее воспользовались его противники во время парламентского суда над ним, хотя и

И.Й. Цоффани. Уоррен Хейстингс. 1783–1784 гг.

неудавшегося). Например, он вымогал средства у ряда представителей индийской знати и повесил раджу Нанда Кумара, заткнув рот группе недовольных его мерами бенгальцев.

Вместе с тем Хейстингс уважал культуру Индии и покровительствовал первым британским индологам. Сам он бегло говорил на фарси и урду, ведя переговоры с правителем княжества Авадх с глазу на глаз. Интересом к жизни и культуре индийцев Хейстингс и многие его сослуживцы выгодно отличались от британцев более позднего, викторианского, общества, которые смотрели на «туземцев» уже исключительно сверху вниз.

Неудивительно, что оценки Хейстингса в историографии сильно разнятся. Если британский историк Р. Мьюир назвал его самым великим англичанином XVIII в., то для советского историка Е.В. Тарле Хейстингс остался «законченным палачом по натуре».

Дальнейшее наступление на Ост-Индскую компанию правительство было вынуждено приостановить из-за драматических событий по другую сторону Атлантики.

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

К 70-м годам XVIII в. назрел системный кризис первой Британской империи. Меркантилистская система привела к широкому распространению контрабанды в колониях Северной Америки. В 1763 г. британцы подсчитали, что 90% потребляемых там чая, вина, фруктов, сахара и патоки ввозятся нелегально, лишая доходов королевскую таможню и купцов метрополии. Когда с аннексией Новой Франции британцы устранили внешнюю угрозу своим континентальным колониям, они почувствовали себя здесь увереннее и решили покончить с нарушениями. К тому же в Великобритании крепло мнение, что американские колонисты обязаны вносить вклад в оборону империи, благами которой пользуются. Поиски средств в самой Америке на содержание административного аппарата и имперских гарнизонов, а также попытки метрополии пресечь контрабанду стали катализатором американской революции. Не случайно три четверти из подписавших в 1776 г. Декларацию независимости 56 членов Континентального конгресса нажили состояния именно на торговле и контрабанде. Американская революция была подспудно зревшей реакцией колоний на меркантилистский характер первой империи.

Как пишет британский историк Н. Фергюсон, парадокс этой революции заключался в том, что восставшие колонисты были в то время самыми зажиточными жителями не только Британской империи, но и всего мира. Обитатели Новой Англии имели бóльшие по размерам фермы, семьи и лучшее образование, чем жители метрополии. Если средний британец в начале 60-х годов платил налоги в размере 26 шиллингов в год, то средний житель Массачусетса – всего 1 шиллинг.

Американскую революцию вызвали не высокие налоги (их не было) и даже не отсутствие представительства (колонисты были представлены в своих ассамблеях), а попытки метрополии ослабить позиции колониальной элиты. Долгое время эта элита выступала посредником между Лондоном и американским населением, но ее господствующее положение не было узаконено

статутами или хартиями, а держалось на прецеденте и взаимопонимании сторон. Именно положение колониальной элиты в первую очередь поставили под угрозу меры правительства, принятые после 1763 г.

Великобритания после Семилетней войны по сути стала угрожать из Канады своим тринадцати колониям так же, как прежде угрожала им Франция. Имеется в виду Квебекский акт 1774 г.: все земли западнее Аллеганских гор парламент присоединил к Канаде, поставив заслон дальнейшей колонизации Северной Америки с востока. В литературе иногда утверждают, что принятием Квебекского акта Великобритания потеряла Америку, зато сохранила Канаду. В самом деле, согласно тому же акту британцы отменили в Квебеке оккупационный режим, восстановили французское гражданское право и сбор десятины в пользу католической церкви. Во многом это обеспечило им лояльность франкоканадцев во время американской Войны за независимость.

Образованию США посвящен специальный раздел настоящего тома, поэтому здесь имеет смысл остановиться только на дискуссии о причинах победы американских патриотов.

В британской имперской историографии решающим фактором называли вступление в войну Франции (1778) и Испании (1779) в самый неподходящий для Великобритании момент и неудовлетворительное состояние британского флота. После Семилетней войны британцы действительно несколько расслабились и «почили на лаврах». В 1778 г. объединенный флот Франции и Испании по численности линейных кораблей превосходил британский (149 против 104).

Война с Францией и Испанией одновременно с войной в Америке действительно привела к максимальному напряжению сил англичан, и на несколько лет они – единственный раз за весь период XVIII–XIX вв. – утратили господство на морях. Эта война стала третьим этапом «второй Столетней войны» – самым успешным для французов. Воспользовавшись распыленностью британских сил, они отвоевали Сенегал, а испанцы – Минорку. И все же благодаря победам адмирала Дж. Родни Великобритания восстановила морское владычество.

Американские историки объясняют победу патриотов прежде всего тем, что против захватчиков поднялось все население колоний, британская армия не была подготовлена к партизанской тактике, а ее командование было некомпетентно и коррумпировано. Так же считали Ф. Энгельс и многие советские историки-американисты.

Эту точку зрения недавно оспорили британские историки М. Бэйджент и Р. Ли. По их мнению, причины поражения Великобритании носили вовсе не военный характер. Даже капитуляция генерала Ч. Корнуоллиса под Йорктауном в 1781 г. не подорвала сил Великобритании, там сдалась лишь малая часть ее войск в Америке. Доля лоялистов (сторонников метрополии) в колониях была значительной (до 38% населения). Вопреки распространенному мнению бóльшая часть военной кампании не включала партизанских действий, но и в этих условиях партизанской войны английские войска были способны бить колонистов их собственными методами, так как освоили их еще в 40-е годы XVIII в.

Несправедливо и обвинение британского командования в некомпетентности. Генералы У. Хоу, Г. Клинтон и Ч. Корнуоллис выиграли больше сраже-

ний с американцами, чем проиграли, причем их победы были значительнее американских. Другое дело, что они проявляли странную медлительность и бездеятельность, которую не могут объяснить историки.

Как настаивают М. Бэйджент и Р. Ли, причина поражения кроется в том, что в британском обществе война с собственными колониями была абсолютно непопулярной, как позднее вьетнамская война в обществе американском. За войну стояли только сам король, часть аристократии-тори, англиканская церковь и адвокатура. Большинство жителей метрополии воспринимало войну в Америке как гражданскую. Не случайно правительству пришлось нанимать солдат в немецких княжествах, а многие офицеры вышли в отставку. Командующие сражались с явной неохотой и открыто выражали недовольство приказами Лондона. Британцы считали, что их натравливают по сути на соотечественников, с которыми их связывают общие язык, история, традиции, взгляды, а нередко и родственные узы (еще одним фактором было общее членство в масонских ложах, что нередко недооценивают исследователи).

В метрополии происходила поляризация общественного мнения. Многие опасались, что, расправившись с колонистами, король станет насаждать режим личной власти в самой Великобритании. Дошло до того, что в дебатах в палате общин виги называли американские войска «нашей армией». Неудивительно, что приход к власти главы вигов маркиза Рокингэма в 1782 г. означал конец войны.

Отделение тринадцати североамериканских колоний оказало огромное психологическое воздействие на британское общество, породив пессимизм и скептическое отношение к колонизации. Символично, что в 1776 г. была не только принята Декларация независимости, но и вышел первый том фундаментального труда Э. Гиббона «Закат и падение Римской империи».

Снижение значения империи в глазах британцев демонстрирует тот факт, что в 1782 г. парламент передал функции колониального статс-секретаря министру внутренних дел. В 1801 г., в условиях войны с революционной Францией, управление колониями передадут военному министерству, и только в 1854 г. возникнет отдельное министерство колоний.

И все же, как выразился британский историк Э.А. Бенианс, чувство неудачи было скорее настроением, чем убеждением. В экономическом отношении Великобритания все увереннее уходила в отрыв от остальной Европы. Именно 80-е годы XVIII столетия были, по выражению известного американского экономиста У.У. Ростоу, началом «взлета» (take-off) британской экономики. Набирала обороты промышленная революция. Именно 1783–1784 гг. специалисты по экономической истории выделяют как начало экономического роста современного типа. С этого же времени вел отсчет своим циклам экономической конъюнктуры известный русский экономист Н.Д. Кондратьев.

ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII ВЕКА: ОТ ПЕРВОЙ ИМПЕРИИ КО ВТОРОЙ

Британский правящий класс усвоил из Американской революции некоторые уроки. После 1783 г. колониальная политика страны претерпела серьезные изменения.

Еще в 1778 г., пытаясь умиротворить восставшую Америку, парламент отказался от права облагать колонии налогами. Вместе с тем одной из причин Американской революции британцы считали слишком большую степень демократии в колониях. Упущение решили исправить путем усиления исполнительной власти. В 1791 г. парламент принял Канадский конституционный акт: Квебек разделили на две провинции – англоязычную Верхнюю Канаду и франкоязычную Нижнюю Канаду. В обеих провинциях были созданы легислатуры, состоящие из законодательного совета и ассамблеи. Ассамблея избиралась населением на основе имущественного ценза, а членов законодательного совета назначал губернатор пожизненно и с передачей мест по наследству. По замыслу Лондона, верхняя палата должна была стать чем-то вроде колониальной палаты лордов и дополнительным противовесом ассамблее в помощь исполнительной власти.

Таким образом, с одной стороны, население Канады впервые получило представительство в органах власти. Была введена система «представительного управления» (representative government). Однако правительство «белых» переселенческих колоний еще не несло ответственности перед избирателями; только в середине XIX в. на смену представительному придет «ответственное управление» (responsible government). С другой стороны, центр стремился максимально ограничить возможности колонистов влиять на управление.

И все же имперская политика Лондона по-прежнему не отличалась последовательностью: слишком велики были социально-экономические и политические различия в колониях. В Вест-Индии старую систему управления сохранили практически без изменений. Политическое развитие этих колоний во многом шло в том же направлении, что и североамериканских. Не восстали они лишь потому, что сильно зависели от метрополии в оборонном и экономическом отношениях. Однако, как и в континентальной Америке, вест-индские ассамблеи постепенно взяли в свои руки реальную власть. Поэтому правительство старалось не раздражать колонистов.

Что касается колоний, захваченных у революционной и наполеоновской Франции и ее сателлитов (см. ниже), то здесь был введен принцип жесткого контроля. Так как большинство населения этих колоний составляли небританцы, в Лондоне сочли, что британская конституционная модель к этим территориям неприменима. Как и в Квебеке, иноязычное население продолжало жить по своим законам и обычаям, ему была гарантирована свобода вероисповедания. Именно на этих территориях впервые ввели и опробовали модель коронной колонии, где вся полнота власти принадлежала губернатору, а представительные органы если и существовали, то видной роли не играли. В XIX–XX вв. коронная колония будет стандартной административно-территориальной единицей империи в афро-азиатском мире.

Утрата основной части Северной Америки заставила Великобританию изменить не только колониальную политику, но и географический ареал строительства империи. В 1787 г. была основана первая британская колония в Африке – Сьерра-Леоне, где поселили освобожденных в метрополии чернокожих рабов. Их освобождения добились евангелисты, представители набиравшего силу религиозного движения, которое делало акцент на спасении христианином своей души через спасение других. Другим регионом, к которому Великобритания проявила интерес, стала Австралия. Цель здесь была

схожей с предыдущей: разместить за пределами Великобритании определенную группу населения. На этот раз речь шла об осужденных преступниках, которых прежде ссылали в Виргинию. В 1788 г. в Новый Южный Уэльс прибыл знаменитый «Первый Флот» с партией каторжников.

Центральным событием в истории империи последней четверти XVIII в. стал Индийский акт премьер-министра Уильяма Питта Младшего 1784 г., который положил конец политической самостоятельности Ост-Индской компании. Парламент создал при правительстве Контрольный совет по делам Индии, который должен был надзирать за всей некоммерческой деятельностью Компании на Востоке – военной, административной, дипломатической. Директоров Компании обязали представлять Контрольному совету копии всех донесений от служащих Компании в Азии и копии всех отправляемых им инструкций; Контрольный совет имел право вносить в эти инструкции изменения. Корона получила право смещать генерал-губернатора Бенгалии, губернаторов и советников других президентств.

Таким образом, в 1784 г. в управлении Британской Индией установилась система диархии (двоевластия): государство и Ост-Индская компания стали партнерами в управлении Индией, причем неравноправными. Эта система просуществует до 1858 г., до перехода управления Британской Индией непосредственно к короне. До этого времени парламент с помощью ряда актов будет постепенно расширять сферу своей юрисдикции в управлении Индией за счет полномочий Компании.

В ходе дебатов по Ост-Индской компании один из лидеров партии вигов известный публицист Э. Бёрк высказал идею опеки (trust), которая станет ключевым компонентом идейного аппарата империи. Согласно этой идее (заимствованной из римского права), британцы имели право и даже были обязаны опекать попавшие под их власть народы, так как те, по их мнению, пока не доросли до самоуправления. Эту идею постепенно распространили на все части империи, включая переселенческие англосаксонские колонии.

Одновременно и в связи с появлением идеи опеки в Великобритании ускорилось развитие идеи расы как одного из идейных столпов империи. Право повелевать другими народами британцы обосновывали своим якобы превосходством в моральном и волевом отношениях (такое оправдание уже давно действовало для Ирландии). Соединяясь с религиозным протестантским фактором, данное убеждение давало британцам уверенность в духовном превосходстве над прочими народами. Эта уверенность была поставлена на службу империи, а отчасти и порождена ею.

Законотворческая активность парламента в отношении Ост-Индской компании сразу после признания Великобританией США в 1783 г. не случайна. По сути установлением контроля над Компанией британское государство возместило себе потерю в Америке. Индия стала ядром рождающейся второй Британской империи.

В том же 1784 г. парламент принял еще один закон, касавшийся Ост-Индской компании. По Акту о замене была вдесятеро снижена пошлина на чай, импортируемый Компанией из Китая. Таким образом правительство решило компенсировать Компании потерю политической самостоятельности и североамериканского рынка, а также поправить собственные финансы, лишая контрабандистов почвы под ногами.

Акт о замене 1784 г. имел колоссальное значение. В азиатско-британской торговле он привел к резкому росту импорта чая. Его объем за последнюю четверть XVIII в. вырос с 9 млн до 23 млн фунтов. Поскольку Ост-Индская компания закупала чай на средства, вырученные от сбыта в Китае же опиума из Бенгалии и хлопка-сырца из Гуджарата, их производство в этих странах получило мощный импульс. Это, в свою очередь, подтолкнуло развитие Бомбея как крупного торгового и судостроительного центра и стимулировало дальнейшую военную экспансию Компании в Индии (основные хлопкопроизводящие районы пока находились вне военно-административного контроля англичан). Необходимость в перевалочном пункте на пути в Китай заставила ее арендовать у султанов Малайи острова Пинанг в 1786 г. и Сингапур в 1819 г. Наконец, увеличив предложение чая, Акт о замене вызвал рост спроса на сахар, стимулировал его производство в Вест-Индии, а значит и вывоз рабов из Африки.

В историографии Британской империи видное место занимает проблема периодизации ее истории и хроноразделa между первой и второй империями. Большинство историков сходятся во мнении, что первая Британская империя завершила свое существование в 1783 г. Первую (старую) и вторую (новую) империи противопоставляют в географическом, экономическом, политическом отношениях. Географический фактор споров не вызывает: если владения первой империи располагались преимущественно в Атлантическом океане и Северной Америке, то второй империи – в Индийском океане и Индии. Зато весьма разнообразны мнения о политической и экономической природе второй империи.

Историография конца XIX–XX в. настаивала на либеральном характере империи после 1783 г., проявлявшемся, с одной стороны, в демонтаже меркантилистской системы и подъеме свободной торговли, а с другой – в распространении самоуправления в «белых» колониях. Особую позицию занимал британский историк середины XX в. В. Харлоу. Он тоже связывал рождение второй империи с истоками фритреда и самоуправления, но прослеживал ее начало не с 1783, а с 1763 г., когда резко ослабло колониальное соперничество со стороны Франции. Если прежде историки считали, что Британская империя из поселенческой стала торговой после отделения Америки, то, по мнению В. Харлоу, этот переход стал не вынужденной альтернативой, а возвратом к замыслам и деятельности эпохи Тюдоров. То был возврат к концепции морской нации, которую исказили и временно затмили превратности английской истории XVII в., породившие эмиграцию преследуемых и недовольных общин.

Наконец, в 1989 г. вышла книга британского историка К. Бэйли «Имперский меридиан: Британская империя и мир, 1780–1830 гг.». Ее автор подверг убедительной критике сложившиеся взгляды на вторую империю и пересмотрел само это понятие. Многие историки рассматривали период 1780–1830 гг. как некий этап в утверждении либеральных ценностей. К. Бэйли, согласившись, что после Американской революции началась вторая империя, настаивает, что в 30–50-е годы XIX в. она пришла в упадок и сменилась третьей – действительно империей фритреда и автономных «белых» колоний.

Риторика свободной торговли, безусловно, сыграла роль в расширении империи в 1780–1830-е годы (в Южной Америке, Юго-Восточной Азии, тор-

говле Бомбея с Китаем). Однако главной движущей силой экспансии Ост-Индской компании в Индии была ее армия, основной целью британцев являлись налоговые поступления, а не торговля. Как и ряд других колониальных государств в это время, Великобритания сделала сознательную попытку сохранить или даже возродить формы принудительного труда. На Цейлоне британцы сохраняли традиционную систему трудовых повинностей в пользу центральной власти; лишь в 1833 г. в империи будет отменено рабство.

Действительно, хотя медленный демонтаж меркантилистской системы начался еще в XVIII в. (открытие шести «свободных портов» на Ямайке и Доминике в 1766 г., ослабление монополии Ост-Индской компании в 1793 г.), настоящий переход к фритреду наметится только в 20-е годы XIX в. в связи с реформами председателя Совета по торговле У. Хаскиссона.

Феноменальный рост Британской империи на рубеже XVIII–XIX вв. был ответом британского правящего класса сразу на внутренний и внешний вызовы. К этому времени в метрополии сложилась взрывоопасная социальная ситуация. Слишком резкая ломка традиционных социально-экономических отношений с развитием капитализма в сельском хозяйстве и промышленной революцией привела к появлению огромного числа людей без средств к существованию. Частично власти решили проблему с помощью патерналистского закона Спинхэмленда 1795 г., затормозившего складывание рынка рабочей силы (создание системы приходского обеспечения безработных, действовавшей до 1834 г.). Другим решением стала бурная экспансия Великобритании, позволившая вытолкнуть часть социально опасного населения за пределы страны.

Активизация строительства империи была ответом и на внешний вызов – обострившееся на рубеже XVIII–XIX вв. противостояние с Францией на финальном этапе «второй Столетней войны» (см. ниже).

Реакция правящего класса Великобритании на эти вызовы, считает К. Бэйли, и была главной движущей силой строительства второй империи, что сделало британский империализм 1790–1830 гг. автономным от экономических интересов в узком смысле. Показательно, что до 40-х годов XIX в. сбыт британских промышленных изделий на Востоке не поспевал за стремительным расширением там Британской империи. Колониальные режимы начала XIX в. были отражением нового консерватизма в метрополии, а вовсе не деспотичным придатком либерального фритредерского государства, каким пытаются представить Великобританию историки, которые смотрят ретроспективно из середины XIX в. К. Бэйли называет колониальные режимы второй империи режимами «проконсульского деспотизма», стремившимися к искоренению представительных институтов, усилению исполнительной власти и созданию слоя чиновников, не занимающихся торговлей и чуждых «туземному» образу жизни. Новому чиновничеству выплачивалось внушительное жалованье, а местное население исключалось из управления. Зато крупные землевладельцы получили неограниченные права на землю за счет арендаторов и деревенских общин в целом. Расовую иерархию избавили от наиболее одиозных черт, зато узаконили юридически. В экономическом плане в ходе дорогостоящих войн и последовавшей депрессии правительство поощряло переход колоний на самоокупаемость, пусть и ценой укрепления монополий и налоговых систем, неприемлемых для приверженцев свободной торговли.

Таким образом, социальная и политическая система первой трети XIX в. не была последним вздохом умиравшего монархического порядка. Вообще эпоха 1780-х–1830-х годов – это совершенно особый период в истории Британской империи, качественно отличающийся как от предшествовавшего, так и от последующего.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП «ВТОРОЙ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ»: ЕВРОПА И ИНДИЯ

XVIII век завершился для Британской империи четвертым этапом англо-французского соперничества (1793–1815). Революционные и Наполеоновские войны стали последним и решительным боем британцев и французов за гегемонию. Этот бой происходил в контексте процесса, который К. Бэйли назвал «мировым кризисом 1720–1820 гг.» Его компонентами были войны и революции в Европе и Америке, неспокойное состояние Азии после распада султанатов Сефевидов и Моголов (во многом связанное с небывалым давлением на финансы империй вследствие распространения достижений европейской военной революции), начало военно-политической экспансии Европы в афро-азиатском мире, резкая переориентация торговых путей, ряд неурожаев и эпидемий. Кульминацией этого кризиса стали 1790–1810-е годы, а одним из его главных результатов – укрепление Британской империи.

На этот раз Франция противостояла Великобритании в качественно новом, революционном и имперском, обличье. В континентальной Европе французы били одну вражескую коалицию за другой, но на море и в колониях непрерывно теряли позиции.

К концу столетия стало полностью очевидным превосходство британского флота над французским. За морем важнейшим театром военных действий была Вест-Индия – по-прежнему главное «яблоко раздора» между европейскими державами. Колонии в регионе еще сохраняли первое место по капиталовложениям в империи: 70 млн ф.ст. в сравнении с 18 млн в ост-индской торговле. В 1795 г. правительство направило в регион 35 тыс. солдат, которые подавили восстания беглых рабов Ямайки и населения отнятых у французов островов, захватили голландскую Гвиану и испанский Тринидад. В 1800-е годы под британский контроль перешли все колонии в Антильском архипелаге (кроме испанских).

Воспользовавшись превращением Нидерландов в сателлита Франции, британцы округлили империю и за их счет: захватили Капскую колонию, побережье Цейлона и Малакку (1796), которые ввиду их стратегической ценности так и не вернули колониальным хозяевам, а также Молуккские острова и Яву (которые удержали до окончания Наполеоновских войн). Индийский океан по сути стал британским озером, каким и оставался до Второй мировой войны. В такое же озеро превратилось Средиземное море, где британцы временно заняли Сицилию с Сардинией и захватили Мальту с Ионическими островами.

Катализатором активной имперской политики Великобритании в Средиземноморье и Азии стал египетский поход Бонапарта (1798), мечтавшего прорваться в Индию и подорвать там могущество Ост-Индской компании.

Его планы разрушила победа адмирала Г. Нельсона при Абукире и переброска войск в Египет одновременно из Великобритании и Индии. Чтобы обезопасить подступы к Индии из Европы на будущее, англичане начали создавать базы в Восточном Средиземноморье.

В Индии сложилась любопытная ситуация: Ост-Индская компания стала континентальной державой внутри Британской морской империи. Так в 1789 г. армия Великобритании насчитывала всего 40 тыс. человек, тогда как армия Компании – уже 115 тыс. В Европе Великобритания была внешним игроком, островной державой. Поэтому она могла позволить себе только поддерживать равновесие между континентальными державами. Ост-Индская компания в Индии сама стала одной из континентальных держав наряду с союзом пяти маратхских княжеств, Майсуром и Хайдарабадом и была вынуждена действовать в соответствии с логикой внутрииндийской борьбы за ресурсы.

Серьезными противниками британцев в Индии во второй половине XVIII в. были маратхи и особенно Майсур, правители которого Хайдар Али и Типу Султан провели комплекс реформ в целях усиления центральной власти (см. гл. «Индия: на переломе»). Только третья война Ост-Индской компании с Майсуром (1790–1792) подорвала его силы. Первая англо-маратхская война (1775–1782), как и две первые англо-майсурские, не привела к существенным изменениям в расстановке сил.

Часть британского общества испытывала тревогу за судьбы империи, причем пессимизм вызывали как утрата колоний в Северной Америке, так и приобретения новых территорий в Азии.

Высказывалось мнение, что Британскую империю погубит сверхрасширение – так, как оно погубило Римскую. Угрозу видели даже не столько в возможном перенапряжении сил, сколько в пагубных последствиях управления совершенно чуждыми Европе обществами с их автократическим характером власти. Опасались, что Великобритания может «заразиться» авторитаризмом, что у части власть имущих возникнет соблазн перенести на родину характерные для Востока методы управления и попрать ее свободы, тем более что у них в руках окажется подходящий инструмент – огромная сухопутная армия, которую создадут для завоеваний и обороны империи (во всем этом видели причину разложения и упадка Рима). Не случайно в британском обществе поднялось такое негодование против «набобов»: эти «новые англичане», сказочно разбогатев в Индии и привыкнув там править авторитарными методами, просачивались в парламент – по идее, sanctum sanctorum свободной страны, оплот ее конституции.

И все же подобные опасения постепенно уступили место гордости за цивилизаторскую миссию британцев, которые, по их собственным представлениям, сокрушали восточных тиранов и несли Азии мир, справедливость и процветание.

Войны в Индии возобновились сразу после египетского похода Бонапарта, который обещал Типу Султану освободить Майсур «от железного ярма Англии». Чтобы лишить Францию потенциальных союзников в Индии, Ричард Уэлсли (1760–1842), энергичный генерал-губернатор Бенгалии (1798–1805), старший брат будущего герцога Веллингтона, развернул экспансию по всему субконтиненту. По сути он и его куратор, председатель Контроль-

ного совета по делам Индии и военный министр Генри Дандас, стремились создать в Индии континентальный противовес сухопутной империи Франции в Европе. Одновременно Компания привела к логическому завершению свои конфликты с рядом индийских княжеств, начавшиеся в 60–70-е годы XVIII в. и имевшие сугубо местные причины.

Сначала Уэлсли нейтрализовал Хайдарабад, разоружив там сипайский корпус под командованием французских офицеров. Затем он развязал четвертую войну с Майсуром, превратив его в сателлита Компании (1799). Наконец, в ходе второй англо-маратхской войны 1803–1805 гг. Компания «сломала хребет» союзу маратхских княжеств. В 1818 г., добив маратхов в третьей войне с ними, Компания провозгласила себя «верховной державой» Индии: значительная часть субконтинента стала Британской Индией, а остальную составили подконтрольные англичанам княжества (непокоренными до 40-х годов XIX в. оставались лишь Синд и Панджаб).

Имперская историография усматривала причины успехов Ост-Индской компании в Индии второй половины XVIII в. в техническом и особенно нравственном и расовом превосходстве британцев, а также в их особом экономическом динамизме.

Индийские историки 1950–1970-х годов и советские индологи объясняли успех Компании колоссальной разницей в социально-экономическом развитии Великобритании и Индии, а также предательством определенных слоев индийского общества (князей, крупных землевладельцев, «компрадорского» купечества).

В 1980–1990-е годы многие оценки в западной и индийской индологии подверглись пересмотру, не в последнюю очередь под влиянием Э. Саида с его концепцией «ориентализма» – сознательно сконструированного Западом типа знания о «статичном и отсталом» Востоке как идейного оружия колонизаторов. Современные историки подчеркивают, что азиатский мир в XVIII в. вовсе не был статичным, его экономика развивалась достаточно быстрыми темпами. Европейцы действительно заняли к середине столетия важное место в экономике Азии (прежде всего Южной), но переоценивать их вес не следует. Например, к 1800 г. общая стоимость торговых перевозок на средние и длинные расстояния в области среднего и верхнего течения Ганга намного превышала 40 млн рупий в год, тогда как прямые инвестиции всех европейских купцов в этом регионе едва ли превосходили 2,5 млн.

И все-таки к 50-м годам XVIII в. британцы стали ценными торговыми партнерами для купечества прибрежной Индии, которое во многом именно по этой причине поддержало их в борьбе с бенгальским навабом. Второй составляющей успеха было, конечно, военно-техническое превосходство европейцев. Существовал и третий, очень важный, фактор – принесенные Компанией институты британской государственной и правовой системы. Как подчеркивают индологи Б. Стайн, К. Бэйли, Д. Уошбрук, Ост-Индская компания смогла предложить новым господствующим группам Индии (вышедшим на первый план после распада Могольского султаната), а именно крупным землевладельцам, мелкому чиновничеству и купечеству, не только более стабильный порядок, но и более прочные, чем ранее, права собственности и привилегии. Поэтому во многих княжествах Индии второй половины XVIII – первой половины XIX в. повторился бенгальский сценарий:

ключевые социальные группы переориентировались с собственных правителей на Компанию; она победила этих правителей в конкурентной борьбе за лояльность указанных групп.

В объяснении успеха Ост-Индской компании на поприще власти в Индии трудно переоценить двойственную, властно-торговую, сущность Компании. Она очень хорошо вписалась в набиравший силу с конца XVII в. процесс «коммерциализации власти» (термин К. Бэйли), который привел к гибели Могольскую империю. Из-за распространения к этому времени в Индии европейских вооружений и появления наемных регулярных армий правители все больше нуждались в звонкой монете. Это заставило пришедшие на смену Моголам режимы создать более безопасные условия для торговли, что способствовало укреплению социальных позиций купцов и работавших на рынок крестьян.

Рост денежных отношений привел к распространению откупов и взаимопроникновению властной, торговой, военной и налоговой сфер. Как отметил К. Бэйли, они оказались столь тесно переплетены, что любому крупному предпринимателю, чтобы преуспеть, стало необходимо действовать во всех них одновременно. В долгосрочной перспективе это и создало внутрииндийские предпосылки для прорыва Ост-Индской компании во власть. Компания оказалась лучше приспособленной к сложившейся ситуации, чем сами индийские участники событий. Никто из ее соперников не располагал одновременно мощной военной машиной и достаточными источниками финансирования, сочетающими доходы от успешной торговли и весьма эффективной системы налогообложения (которую вскоре ввела Компания на приобретенных территориях).

Наконец, еще один важный фактор, обеспечивший Компании триумфальное шествие по Индии, – организационный. Маратхи не могли расколоть ряды британских командиров и резидентов так, как в свое время сделали это с могольскими (играя на их противоречиях). Если индийские княжества напоминали сложносоставные молекулы, которые относительно легко перетягивали друг у друга образующие их атомы, то Ост-Индская компания представляла собой молекулу-монолит. Ведь она изначально была формально-рациональной бюрократической организацией в том смысле, какой вкладывал в это понятие М. Вебер. К тому же британцы были уже представителями качественно иной, пока чуждой для Индии, общности – нации. Все это обеспечило Компании иммунитет по отношению к действовавшим в Индии мощным силам ассимиляции и фрагментации.

Представляется ненаучным называть национальным предательством поддержку, оказанную британцам некоторыми индийскими социальными группами. В Азии XVIII в. не сложилось государств-наций, а, как пишет голландский индолог А. Винк, при их отсутствии суверенитет – это всего лишь вопрос лояльностей; патримониальное княжество организовывало себя вокруг какого-то уже существующего конфликта и оставалось открытым, с размытыми, принципиально подвижными и меняющимися границами, а не территориально ограниченным государственным образованием (как в Европе Нового времени).

Правящую верхушку многих индийских княжеств составляли военные авантюристы чужеземного происхождения (тюркского, персидского, афган-

ского, маратхского). Перевороты в княжествах были обычным делом и не затрагивали основной массы населения. Наемными войсками правителей двигал вовсе не патриотизм, а деньги или чувство личной преданности господину. В Индии шли процессы этнической консолидации, не более того. Не существовало и понятия единой Индии: как и сами индийские нации, это продукт британского колониализма.

Одна из заметных дискуссионных проблем современной индологии и истории Британской империи – начало колониализма в Индии. И в имперской, и в антиимперской (индийской и советской) литературе было принято отсчитывать колониальный период уже с 1757 г., с победы Клайва при Палаши. Однако в последние полтора-два десятилетия в зарубежной науке получил распространение тезис о том, что поворот к колониализму в Индии начался только в 20–30-е годы XIX в. Ряд крупных специалистов делают акцент на преемственности развития Индии в XVIII – первой четверти XIX в. и на симбиозе внешних (британцы) и внутренних сил.

Этот симбиоз был настолько тесным, что американский индолог Б. Стайн даже считал правомерным называть режим Ост-Индской компании меркантилистским: ведь она защищала социальные и экономические интересы многих групп индийского купечества и землевладельцев, создавала им благоприятные условия. Другое дело, что потребность британцев в поддержке со стороны этих слоев убывала прямо пропорционально распространению власти Компании. В 20–30-е годы XIX в. англичане приступили к реструктуризации индийского общества и экономики, которая отвечала уже преимущественно их собственным интересам. Правда, этот новый курс по сути будет курсом не столько Ост-Индской компании, сколько правительства Великобритании, которое по мере экономического ослабления Компании все больше определяло ее политику. После отмены парламентом в 1813 г. монополии Компании на торговлю с Индией последняя станет превращаться в рынок сбыта и источник сырья для британского промышленного капитала. Для Ост-Индской компании, вывозившей из Индии продукцию ткацкого ремесла, в такой экономической ситуации места не останется.

Вопреки распространенному когда-то среди индийских националистов мнению, Компания не являлась душителем хлопчатобумажного ремесленного производства их страны, а, напротив, пыталась защитить его от наступления британской фабрики. Не случайно с развитием промышленной революции парламент заставлял Компанию экспортировать в Индию определенный объем британской продукции, облагал ввозимый ею индийский текстиль астрономическими пошлинами (до 80% стоимости). Только с 20-х годов XIX в. правомерно говорить о подчиненной, компрадорской, роли индийского купечества, которое начало обслуживать интересы британских промышленников (до этого многие купцы выступали в общем равными партнерами Компании: ведь она зависела от их кредита и сбывала индийскую продукцию).

Вот почему, обратив вспять развивавшиеся с конца XVII в. центробежные властные тенденции и вновь «собрав» Индию под властью одной державы, Ост-Индская компания, строго говоря, лишь подготовила условия для установления в Индии колониального режима Британской империи (за которым стояли промышленный капитал и национальное государство Великобритании), но сама колониальной организацией так и не стала. Как отметил

британский индолог Д. Уошбрук, до конца первой четверти XIX в. режим Компании был государством индийского капитала не в меньшей степени, чем британского. В этом заключался один из парадоксов ее истории: подготовив условия для колониализма, в какой-то момент Компания стала преградой для его развития.

Заключительный этап англо-французского соперничества дал импульс британской экспансии не только в Индии, но и по всей Азии. На рубеже XVIII–XIX вв. Ост-Индская компания направила постоянного резидента в Багдад, создала посольство в Тегеране, отправила миссии в Синд, Панджаб и Афганистан. В 1810 г. военная экспедиция из Британской Индии захватила французские острова Бонапарт (Реюньон) и иль-де-Франс (Маврикий), а в 1811 г. – голландскую Яву. Обладание Индией ввиду ее стратегического положения и значительных людских и материальных ресурсов позволило британцам наносить удары по окружности с огромным радиусом – от Египта до Маврикия и Индонезии. Так была задана модель, которая будет работать на протяжении последующей истории Британской империи до Второй мировой войны включительно.

«Вторая Столетняя война» закончилась в 1815 г. Ее главным итогом было установление в мире Pax Britannica и начало того, что И. Валлерстайн называет пиком британской гегемонии в капиталистической мир-системе 1815–1873 гг. (после которого опять наступил период борьбы за гегемонию, уже между США и Германией).

ИМПЕРИЯ В КОНЦЕ «ДЛИННОГО XVIII ВЕКА»

В конце рассмотренного периода империя выглядела совсем иначе, чем в его начале. За это время бóльшая часть французской заморской империи успела перейти к Великобритании, основные колонии Северной Америки, напротив, отделиться от нее, а торговая Ост-Индская компания превратиться в обширную территориальную державу в Индии. В корне изменился характер имперской власти. Если прежде основную часть населения империи составляли переселенцы с Британских островов, то теперь – азиатские народы, что потребовало принципиально иных методов управления.

В 1815 г. площадь Британской империи (без метрополии) равнялась 138 тыс. кв. миль, а численность населения (без метрополии) – 50 млн человек. Это значит, что за рассмотренный период ее земельные ресурсы выросли в семь раз, а людские – в 125. В империю входили владения Компании Гудзонова залива, Британская Северная Америка (Верхняя и Нижняя Канада, Морские провинции и Ньюфаундленд), островные и материковые территории в Вест-Индии (число которых выросло), Гибралтар, Мальта и Ионические острова, Гамбия, Сьерра-Леоне и Капская колония, Маврикий, владения Ост-Индской компании в Индии и Малайе (Пинанг), Цейлон, Новый Южный Уэльс и Земля Ван-Димена. Таким образом, если первая империя была региональной, то вторая – поистине мировой. Кроме того, уже намечалось то, что вслед за кембриджскими историками Дж. Галлахером и Р. Робинсоном именуют «неформальной империей», – зоны преобладающего политического и экономического влияния британцев. В начале XIX в. это были прежде всего американские колонии Испании и Португалии, торговое

освоение которых британцами ускорилось с ослаблением их метрополий в войне с Наполеоном. Именно содействие мирового гегемона к середине 20-х годов XIX в. позволило этим колониям добиться независимости.

Вообще в результате Наполеоновских войн все остальные колониальные империи существенно ослабли. От Французской не осталось почти ничего, Испанская стояла на пороге войн за независимость, Голландская после пятилетней оккупации Явы британцами стала нуждаться в их поддержке, а от Португалии в 1822 г. отделится Бразилия. Таким образом, в Британской империи к этому времени преобладали центростремительные тенденции, тогда как во всех прочих – центробежные. Наиболее красноречивое свидетельство изменения расстановки сил в мире – численность военно-морских сил. В 1815 г. британский флот насчитывал 134 линейных корабля – впервые больше, чем у остальных держав Европы вместе взятых.

XVIII в. принес империи коренные демографические изменения – количественные и этнического состава. К моменту отделения североамериканских колоний их население уже составляло треть населения метрополии; за 1700–1776 гг. оно выросло в 10 раз – с 250 тыс. до 2,5 млн человек (из них 0,5 млн – чернокожие рабы). Именно в XVIII в. рост населения здесь стал обеспечиваться главным образом за счет естественного воспроизводства, а иммиграция отошла на второй план. Образование США привело к массовой миграции внутри Северной Америки: около 46 тыс. лоялистов переехали в Канаду. Так потеря обернулась приобретением: массовый въезд англосаксов во франкоязычный Квебек способствовал его интеграции в империю. К 1815 г. в Британской Северной Америке всего проживало 500 тыс. человек.

Население Британской Вест-Индии к 1815 г. составляло около 900 тыс. человек, из них чернокожие рабы – 750 тыс. Налицо тенденция к дальнейшему росту доли негритянского населения: климат Карибского моря был нездоровым для европейцев и по-прежнему не привлекал белых работников.

К концу рассматриваемого периода существенно изменился и расовый состав империи. Она перестала быть по преимуществу империей белых людей (даже если бы не отделилась Северная Америка): львиную долю подданных «британского льва» составили индийцы – около 40 млн жителей территорий Ост-Индской компании.

Вскоре после завершения Наполеоновских войн возобновилась массовая эмиграция из Соединенного Королевства (в 1801 г. Великобритания и Ирландия заключили парламентскую унию). Эмиграционная политика империи совершила полный круг: как в конце XVI в., в метрополии вновь заговорили о «лишнем населении» (теперь во многом под влиянием идей Т. Мальтуса, видевшего причину массовой бедности в опережении роста производительных сил ростом численности населения). В 1660–1815 г. власти, напротив, препятствовали эмиграции, так как в условиях противостояния с Нидерландами и Францией на рост населения смотрели скорее как на источник богатства и силы для страны, нежели как на угрозу ее стабильности. Выиграв борьбу за гегемонию, Великобритания могла позволить себе (и считала необходимым) снять ограничения на эмиграцию. Более того, стали появляться проекты выезда в «белые» колонии, субсидируемого государством, включая знаменитую идею «систематической колонизации» Э.Г. Уэйкфилда.

Экономическим каркасом империи по-прежнему служила меркантилистская система, хотя подъем британской промышленной буржуазии неизбежно вел к ее ослаблению. Роль империи в экономике метрополии неуклонно росла, а континентальная блокада Наполеона дала этому процессу дополнительный импульс. К 1773 г. на территории вне Европы приходился 51% британского экспорта, в 1806 г. – две трети. Экономическая ценность разных частей империи на протяжении столетия менялась.

Северная Америка все больше выпадала из системы Торговых актов, а кампании бойкота британских товаров накануне войны за независимость оказались достаточно эффективными. Поэтому после Американской революции многие англичане предрекали экономический упадок страны из-за потери рынков сбыта. Однако эти опасения диктовались жесткой схемой меркантилизма. Между тем в Великобритании уже давала о себе знать промышленная революция, которая сделает страну «мастерской мира». Символично, что принятие американскими колониями Декларации независимости (1776) практически совпало по времени с выходом знаменитого труда Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». Смит защищал принципы свободной торговли и утверждал, что в экономическом отношении Великобритания не нуждается в империи: ее фабричная продукция завоюет для нее любые рынки. Действительно, отделение колоний лишь подтолкнуло развитие англо-американской торговли. Если в 1771–1773 гг. ежегодный экспорт Великобритании в Северную Америку составлял около 3 млн ф.ст., то в 1798–1800 гг. – уже 6,5 млн. В XIX в. США станут основным источником сырья для хлопчатобумажной промышленности Великобритании и крупнейшим рынком сбыта ее фабричной продукции.

Вест-Индия еще оставалась ценнейшей группой колоний. Если в первой половине XVIII в. ее доля в британском экспорте и импорте составляла около 10%, то к 1815 г. выросла до 20% и лишь после этого стала неуклонно падать, во многом из-за конкуренции Кубы и Бразилии. Острые споры в связи с этим вызвали причины запрета парламентом работорговли в 1807 г. Сами аболиционисты (сторонники отмены рабства) объясняли свой успех улучшением общественной морали. По мнению вест-индского историка середины XX в. Э. Уильямса, причина крылась в упадке плантационного хозяйства Вест-Индии, начало которого он датировал еще второй половиной XVIII в. Однако приведенные выше новейшие данные опровергают этот тезис. С 80-х годов XVIII в. превышение смертности над рождаемостью среди рабов сокращалось, и стало казаться, что пополнение чернокожего населения Вест-Индии теперь будет обеспечиваться естественным воспроизводством. К тому же против аболиционизма не возражали многие плантаторы, так как он затормозил бы развитие недавно приобретенных колоний (которые могли бы составить конкуренцию внутри империи). Наконец, на последнем этапе войн с Францией главной опорой платежного баланса Великобритании служила уже не сахарная экономика Вест-Индии, а экспорт фабричных изделий.

Промышленная революция в корне изменила и структуру импорта Ост-Индской компании в Великобританию: к началу XIX в. его половину составлял китайский чай, а рынок сбыта индийских тканей в Европе постепенно сужался. Стремительный подъем торговли чаем был главным фактором

«торговой революции» в индоокеанской экономике (термин специалиста по экономической истории Х. Фербера), которую к 80-м годам XVIII в. произвели британские частные купцы Калькутты и Бомбея. Эта революция заключалась в занятии ими господствующего положения в морской торговле Индии, особенно с Китаем и Малайей.

Из новых территорий колонии Канады специализировались на экспорте зерна и корабельного леса, а Капская колония и Новый Южный Уэльс – на экспорте шерсти. Основной статьей вывоза метрополии в колонии попрежнему служили готовые изделия.

Историки уделяли немало внимания роли империи в промышленной революции. В СССР и бывших колониальных странах Азии и Африки господствовала точка зрения, согласно которой эксплуатация колоний внесла весомый вклад в промышленный рывок Великобритании. Современные западные историки подходят к этому вопросу осторожнее: подчеркивая решающую роль внутренних факторов, вместе с тем они считают, что колониальная торговля действительно способствовала развитию фабричного производства. Именно рост совокупного спроса создал в британской промышленности «узкие места», что способствовало применению новых методов в прядении и металлургии. Однако стимулом промышленной революции послужил не только заокеанский спрос, но и заокеанское предложение: так, индийский специалист по экономической истории Ост-Индской компании К.Н. Чаудхари считает уместным взглянуть на механизацию британского производства как на создание импортзамещающей промышленности в ответ на ввоз Компанией дешевых хлопчатобумажных тканей из Индии.

Завершая тему экономики, следует подчеркнуть, что Британская империя никогда не была самодостаточным экономическим организмом, несмотря на усилия меркантилистов XVII–XVIII вв. и сторонников имперских преференций конца XIX – первой половины XX в. Империя всегда оставалась мозаичным скоплением территорий, которые британцы отхватывали то тут, то там, исходя из ситуации. Не надо забывать, что строители империи руководствовались отнюдь не только экономическими соображениями; в их расчетах присутствовали геополитика, державный престиж и административные нужды.

Сам процесс строительства империи не был выполнением какого-то грандиозного целенаправленного плана. Широко известна фраза Дж.Р. Сили: британцы «завоевали и заселили полмира по рассеянности». Империя действительно расширялась в зависимости от обстоятельств, поэтому и представляла собой набор слабо связанных друг с другом владений, приобретенных в разное время, разным способом и управляемых совершенно по-разному. Вместе с тем рост империи был вполне закономерным процессом.

Таким образом, «длинный XVIII век» стал решающим в образовании Британской империи. В этот период она одолела основного противника в борьбе за мировую гегемонию, сформировался ее территориальный каркас, были сформулированы или даже опробованы главные административные принципы, наметился тип экономических отношений метрополии с колониями (кроме Индии, которая превратится в рынок сбыта только в XIX в.), были заложены идейные основы империи, наметились три ее основные части: переселенческие белые колонии (в перспективе самоуправляющиеся доминионы), Индийская империя и коронные колонии в тропиках.

БРИТАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ДРУГИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ИМПЕРИИ

Рамки данной главы не позволяют провести полный и систематический сравнительный анализ Британской империи с другими колониальными империями и дать очерк ее отношений с ними; поэтому следует ограничиться лишь некоторыми замечаниями на эту тему. Решающую роль в победе Британской империи над прочими к началу XIX в. сыграла, естественно, более развитая экономика метрополии.

Португалия и ее заморские владения стали попадать в политическую и экономическую зависимость от Англии сразу после освобождения от испанского владычества в 1640 г. Этот процесс был закреплен несколькими англо-португальскими договорами, венцом которых был договор лорда Метьюэна 1703 г. В XVIII в. Португалия и ее империя служили рынком сбыта для мануфактурной продукции Великобритании и источником золота для ее экономики (именно благодаря бразильскому золоту Великобритания уже в 1774 г. фактически ввела золотой стандарт).

Испанская империя была намного более закрытой, но и сюда все настойчивее проникали британские купцы. Не случайно главной причиной англо-испанской «войны из-за уха Дженкинса» 1739–1748 гг. было стремление британцев навязать Испанской империи свою контрабанду*.

Нидерланды в XVIII в. все больше становились источником кредитов для Великобритании, куда все больше смещался и центр европейского производства, а после четвертой (последней) англо-голландской войны 1780–1784 гг. в Лондон из Амстердама переместился и мировой финансовый центр.

Наконец, Франция активно развивала отечественное производство, но показательно, что она еще более Великобритании стремилась к подписанию англо-французского торгового договора 1786 г.: по сути это уже было признанием господства Великобритании над мировой экономикой.

Превосходство национальной экономики Великобритании над национальными экономиками других держав не только работало непосредственно на триумф Британской империи. Во многом именно оно обусловило ее качественное отличие от остальных – ту гибкость, которая и привела к победе за океаном.

Британская империя одержала верх потому, что ей удалось сочетать черты всех своих конкурентов. Колониальные империи Европы Нового времени можно разделить, по меньшей мере, на две пары категорий: 1) переселенческие (с «белыми» колониями) и восточные (как преемницы традиционных азиатских империй); 2) морские и континентальные. И лишь Британская империя выступала во всех этих ипостасях одновременно.

Испанская империя была по преимуществу переселенческой империей, хотя далеко не чистым случаем (иначе не было бы феномена «конкисты»: наряду с испанскими колонистами значительную долю населения составля-

---

* Поводом для войны послужила жалоба, с которой некий капитан Р. Дженкинс обратился в Палату общин. Он продемонстрировал членам палаты свое заспиртованное ухо в баночке, утверждая, что его отрубил распоясавшийся испанский пограничник. В Британии поднялась буря негодования, и оппозиция заставила премьер-министра Р. Уолпола объявить Испании войну.

ли индейцы, превращенные в податной слой). Сосредоточив внимание на Америке в соответствии с Тордесильясским и Сарагосским договорами с Португалией 1494 и 1529 гг., крупными владениями в Азии Испания так и не обзавелась (за исключением Филиппин), что закрепило переселенческий характер ее империи. Вообще Испанская империя законсервировалась еще к концу XVI в., а в XVIII в. переживала упадок.

Португальская империя по типу ближе Британской: во многом это «провалившаяся» Британская империя. Она начиналась так же: создание сети опорных пунктов в Африке и Азии и одновременная колонизация Америки – Бразилии (хотя в противоположность британцам основной упор делался сначала на Востоке, а не на Западе). Однако в Индийском океане Португальская империя была скорее перераспределяющим предприятием, нежели торговым организмом, и быстро пришла в упадок из-за пронизавшей ее насквозь коррупции. В Азии ослабевшую Португальскую империю добили новые претенденты на господство – голландцы и англичане. К тому же Португалии просто не хватило людских и материальных ресурсов для создания мировой империи, и она предпочла сосредоточиться на своей части Америки, т.е. стать по преимуществу переселенческой по примеру Испанской.

Голландская империя, напротив, отличалась почти полным отсутствием колонизации (исключения – Новые Нидерланды в долине реки Хадсон в 1614–1667 гг. и Капская колония, 1652–1806 гг.). Здесь тоже сказалась ограниченность людских ресурсов метрополии. Империя Нидерландов, первой европейской «мастерской мира», зиждилась на торговле, а с конца XVII в., с захватами территорий на Яве, приобретала черты восточной державы. Правда, это произошло уже на закате голландской гегемонии и голландского цикла накопления капитала.

Типологически ближе всех к Британской, по крайней мере по интенции, была Французская империя. Она тоже стартовала как группа переселенческих колоний в Северной Америке и производящих экспортные культуры островов Вест-Индии. Вместе с тем, пусть намного позднее англичан, французы тоже покрыли Восток сетью своих факторий, из которых в 40-е годы XVIII в. в Индии тоже стала вырастать территориальная держава. Собственно именно французы инициировали в Азии борьбу на суше: во-первых, Франция сама была прежде всего континентальной державой; во-вторых, уже ощущавшееся преимущество британского флота поставило на повестку дня приобретение в Индии автономного от Франции внеэкономического источника доходов. Однако, великолепно начав, французы в Семилетней войне проиграли схватку и за азиатскую, и за американскую империю. Наполеон попытался компенсировать это захватами в Европе. В результате к началу XIX в. Французская колониальная империя не состоялась ни как переселенческая (переселенцы остались в британском Квебеке), ни как восточная (в Индии у французов сохранились лишь пять портов, да и те были оккупированы британцами, как и все антильские владения). Первая колониальная империя Франции погибла, и только началом завоевания Алжира в 1830 г. датируют рождение ее второй колониальной империи (не путать с Первой и Второй империями Бонапартов).

Таким образом, к концу рассмотренного периода Британская империя оказалась единственной, сочетавшей (несмотря на отпадение тринадцати

колоний в 1783 г.) черты переселенческой и восточной державы. В Америке она пошла по пути иберийских держав, колонизовав обширные малозаселенные пространства; на Востоке она пошла по пути Нидерландов, создав территориальную державу в Индии с многочисленным коренным населением. Британцы оказались в лучшем положении, чем голландцы: если вторые приступили к строительству территориальной державы в Азии уже на закате своего могущества и в XIX в. обладание Индонезией лишь позволит им смягчить последствия упадка, то первые – с началом своего цикла накопления, причем обладание Индией станет залогом могущества Британской империи. При этом в XVIII в. британцы пользовались голландской помощью: как отметил Х. Фербер, в этот период почти все европейцы, делавшие карьеру на Востоке, были заняты строительством по преимуществу Британской империи. Уже установив власть британской Ост-Индской компании над Бенгалией, ее служащие охотно пользовались финансовыми каналами других компаний, прежде всего голландской, для перевода накопленных и награбленных средств в Великобританию. Так остальные Ост-Индские компании обслуживали нужды британской.

Сами современники, авторы памфлетов XVII–XVIII вв., четко противопоставляли Британскую империю всем прочим, находя интересные античные параллели. Например, шотландец Э. Флетчер, положив в основу классификации степень контроля метрополии, в 1704 г. отмечал: слабо централизованная и во многом основанная на частной инициативе Британская империя возникла на основе древнегреческого типа колонизации и напоминала Ахейский союз (именно его модель позднее предложат Дж. Мэдисон и Дж. Уилсон для федеральной структуры США), тогда как жестко контролируемые из центра Испанская и отчасти Французская империи в Америке развивались скорее по древнеримскому пути. Об этих различиях писали также испанские и французские авторы.

Вторая дихотомия – морская и континентальная империи. В этом отношении к началу XIX в. Британская империя тоже оказалась единственной империей, сочетавшей черты обеих.

Как показывает история раннесовременных европейских империй, «континентальность» по сути соответствует переселенческому характеру империи, а ее морская сущность – наличию восточных владений; одно качество по необходимости сопровождало другое. Освоение обширных пространств Америки, как правило, обусловливало сухопутный характер державы; строительство империи в Азии требовало в первую очередь господства на морях.

Испанская империя по сути никогда не была морской державой, несмотря на внушительные армады, бороздившие в XVI в. Атлантику. Как отмечают исследователи, испанские флоты по сути оставались скоплениями «плавучих замков» для перевозки солдат и колонистов, а не для осуществления господства на море. Испанская империя была империей континентальной (или трансконтинентальной: раскинулась по обоим континентам Америки).

Похожая судьба была уготована Португальской империи. В XVI в. она являлась главной силой в Индийском океане, впервые в его истории поставив под контроль основные торговые потоки. Однако португальские галеоны оказались хороши только против арабских *дхау* и малайских *праху*; как только в начале XVII в. на Восток проникли серьезные европейские сопер-

ники – голландцы и англичане, – возведенное португальцами имперское здание рэкета и торговли рухнуло. Смещение центра тяжести империи в Бразилию означало приобретение империей континентального характера.

Настоящей первой морской империей в Новое время была Голландская; не случайно именно голландцы создали и первую европейскую территориальную державу в Азии. Однако гегемония Нидерландов покоилась в значительно меньшей степени на военно-морской мощи, чем на мануфактурном производстве, судостроении и торговле (включая посредническую). Доказательство – поражение Нидерландов уже в первой англо-голландской войне (1652–1654). С подъемом Англии морской (как и прочие) компонент могущества Нидерландов сошел на нет.

Максимально приблизились к британцам опять же французы. Они пытались не только освоить пространства Северной Америки, но и бросить британцам вызов на морях. Не случайно на протяжении всего XVIII в. Франция занимала второе место в мире по численности линейных кораблей (после Великобритании). И все же, несмотря на усилия министров Кольбера, Шуазеля и Морепа, французский флот хронически отставал от британского по многим параметрам. К началу XIX в. Французская империя не состоялась ни как (заморская) континентальная, ни как морская.

Британская империя исходно была морской: еще во второй половине XVI в. изобретатель самого термина «Британская империя» астролог Елизаветы I и разведчик Джон Ди подразумевал не столько Англию или ее поселения за морем, сколько зону Северной Атлантики, океанское пространство, где должны господствовать английские военные корабли и рыболовные суда. Колонизация Северной Америки добавила империи континентальное качество, а приобретение Индии закрепило его. Так и получилось, что в XIX в. Британская империя вошла одновременно владычицей морей и крупной азиатской державой.

В какой-то момент существование автономной от британского государства Ост-Индской компании породило противоречие между морской империей Великобритании и сухопутной империей Компании. Однако к началу XIX в. парламент устранил это противоречие, полностью подчинив Компанию. Принцип господства морской державы над континентальной восторжествовал. Логично, что, имея владения на пяти континентах, Британская империя оставалась прежде всего морской державой – по выражению Дж.Р. Сили, «мировой Венецией, с морями вместо улиц».

Типологически Британская империя была гибридом, сочетанием черт других империй, а исторически – их наследником.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ США

«Кому следует писать историю американской революции? Кто может написать ее?» – вопрошал в письме к Томасу Джефферсону Джон Адамс. «История нашей революции будет одной сплошной ложью с начала и до конца. По сути она сведется к тому, что громоотвод доктора Франклина ударил оземь, и оттуда выпрыгнул Джордж Вашингтон». Несмотря на столь пессимистичный прогноз одного из «отцов-основателей» американского государства, революция по-прежнему остается одной из центральных и наиболее дискуссионных тем американской историографии. Сложность феномена американской Войны за независимость состоит в том, что в рамках англо-американского конфликта одновременно получили развитие и освободительная антиколониальная война, и политическая революция, и гражданская война. В результате антиколониальной войны бывшие британские колонии стали независимым суверенным государством. Политическая революция привела к рождению первого республиканского государства, основанного на новых, демократических по своей природе, политических и правовых принципах. Противостояние сторонников и противников революции вылилось по сути в гражданскую войну, обнажившую серьезный социальный конфликт внутри американского общества. Наряду с изучением радикальных политических доктрин и экономических факторов, ставших причиной оформления освободительного движения в британских колониях, современные исследователи стремятся учесть сложные религиозные и психологические мотивы поведения людей. Наконец, особое звучание в новейшей американской историографии получили гендерная и расовая история.

ПУРИТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА И ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Комплекс идейных предпосылок Войны за независимость весьма неоднороден. На протяжении многих лет традиционно центральное место отводилось Просвещению по аналогии с привычным взглядом на Просвещение как на идеологическую основу Французской революции. Однако в последние годы все больше внимания исследователей привлекают изменения в массовом сознании колонистов и радикализация религиозной жизни в результате первого «Великого пробуждения», охватившего все британские колонии в Северной Америке в 30–50-е годы XVIII в. и протекавшего параллельно с просветительским движением. Впервые жители колоний, исповедующие различные религиозные взгляды, пережили общий духовный подъем, сильнейшее эмоциональное потрясение. Раскрепощающее воздействие религиозного обновления испытали на себе и верхушка, и низы колониального общества, для которых «дикая» экзальтация означала временное освобождение от рутины каждодневного тяжелого труда и обретение жизненного стержня, уверенности. Ничего подобного «Великому пробуждению» по своим масштабам и степени влияния на общество колонии прежде не видели.

«Северная Америка». Карта Р. Бонна. 1780 г.

Проповедник Джонатан Эдвардс, один из вдохновителей «Великого пробуждения», писал: «Религиозное оживление затронуло самых разных людей, порочных и праведных, занимающих высокое и низкое положение в обществе, богатых и бедных, благоразумных и грешников». Оно стало первым движением в американской истории, носившим по-настоящему межколониальный характер, способствуя формированию в Британской Америке единого религиозного и отчасти идеологического пространства. Осознание общности религиозных переживаний постепенно переходило в осознание общности интересов. Став первым совместным духовным опытом, «Великое пробуждение» положило начало процессу формирования общности колонистов – будущей американской нации.

В конечном счете отрицание института официальной церкви способствовало утверждению принципа свободы личного выбора веры, подразумевавшего также и возможность осознанного отказа от религии или равнодушного отношения к ней. Следствием «Великого пробуждения» стала смена традиционного общественного уклада, утверждение принципа религиозного плюрализма, индивидуализма, а также добровольного участия в различных объединениях.

В результате событий «Великого пробуждения» постепенно сходила на нет негативная коннотация слова «энтузиазм», бывшего долгое время синонимом религиозного экстремизма. Интересно, что с течением времени такие ключевые понятия протестантской религиозной культуры, как «оживление», «пробуждение», «энтузиазм» перекочуют в политический лексикон. Во время Войны за независимость характерна постоянная апелляция лидеров патриотического лагеря к энтузиазму, теперь воспринимаемому как синоним высокой, благородной убежденности в идеалах свободы и независимости. «Ведь что такое энтузиазм, – вопрошал член законодательной ассамблеи Нью-Йорка, – как не отречение от самого себя и растворение… в идее, которая обрела большую значимость, чем личные интересы». Ему вторит и Джон Адамс, подчеркивая, что «ни одно великое предприятие в истории человечества не было совершенно без изрядной доли благородного энтузиазма».

Преобладающий в современной американской историографии так называемый «трансатлантический подход», изучающий сложную природу связей между метрополией и ее американскими колониями, особое внимание акцентирует на взаимовлиянии идей набиравшего силу английского методизма и религиозного «бума» в Британской Америке. Именно приезд известного английского проповедника Джорджа Уитфилда привнес новые элементы евангелического протестантизма в американские колонии. Уитфилд объехал весь англосаксонский мир, помимо британских колоний в Северной Америке, он побывал в Уэльсе, Шотландии, на островах Карибского бассейна, став самым известным религиозным деятелем XVIII столетия для Британской империи (за период 1738–1770 г. он 13 раз пересекал Атлантику). В глазах английского евангелиста все разрозненные религиозные «оживления» (рост влияния методизма в различных регионах Великобритании, расцвет пиетизма на европейском континенте, евангелизация американского протестантизма) объединяются в грандиозную картину масштабного обновления веры.

Точно так же и американская просветительская идеология, опираясь на идейный опыт накопленный общественно-политической мыслью колоний,

получила мощнейший интеллектуальный импульс извне. Американское Просвещение формировалось под сильным влиянием английской и французской просветительской мысли, прежде всего сочинений Дж. Локка, Ш. Монтескье, Э. Шефтсбери. Однако все почерпнутые у европейских мыслителей идеи переосмысливались применительно к конкретной исторической и культурной ситуации в Новом Свете. Характерной особенностью американского Просвещения стала ориентация на практическое использование новых теорий познания, государства, права, размышлений о природе человека. Любые отвлеченные европейские теории приобретали конкретную направленность в Америке; американцам важно было знать, как просветительские идеалы могут быть реализованы в Новом Свете. Воспитанные в традициях кальвинистской предубежденности в отношении природы человека, американские просветители не склонны были к благостнооптимистическим оценкам человеческой природы. Напротив, большинство из них придерживались скептической точки зрения, полагая, вслед за Франклином, что люди гораздо «более расположены к тому, чтобы причинять друг другу вред, нежели искупать свою вину, легче поддаются, чем противятся обману». Целый ряд пуританских догматов, регламентировавших повседневную жизнь, таких, как забота о земном благополучии, трудолюбие, умеренность, вполне согласовывались с утилитаристскими элементами просветительской доктрины.

Население британских колоний в Северной Америке было подготовлено к восприятию идей европейского Просвещения во многом благодаря радикальной политической концепции американского пуританизма. Пуританизм стал своего рода «связующим звеном» между традиционными религиозными представлениями и более свободным, рационалистическим мировоззрением. Работы радикальных пуританских авторов XVIII в. (Дж. Уайза, Дж. Мэйхью и др.) были написаны в традиционной форме проповеди или комментария к тому́ или иному тексту Священного Писания. Однако главными критериями истины, даже при анализе библейских текстов, признавались «чистый разум» и «всеобщее благо» людей. Человек, его разум, интересы, естественные права и свободы вышли на первый план философских сочинений радикальных пуританских священников. Именно человек, а не божественный промысел, предстает в их работах главным творцом политических институтов общества. Проводя постоянные параллели между главными принципами американского пуританизма и светскими институтами власти, Джон Уайз приходил к выводу, что «согласно велению истинного разума, демократия в церкви и государстве является весьма почетной и законной формой правления». Полностью отвергая доктрину «наследственной, неотъемлемой божественной власти королей», считая «абсурдной, противоречащей здравому смыслу ситуацию, когда миллионы людей должны подчиняться капризам одного единственного человека» (Дж. Мэйхью), пуританские авторы провозглашали право народа на восстание против деспотического правления, считали народный суверенитет основой любого политического строя, настаивали на отделении церкви от институтов светской власти.

Именно в сочинениях радикальных пуританских авторов был впервые поднят вопрос о равенстве политических прав жителей колоний и метрополии, что стало реакцией на централизацию управления и ликвидацию

законодательных ассамблей колоний Новой Англии в середине 80-х годов XVII в. Когда Уайз призвал колонистов не платить налогов, не утвержденных их представительными учреждениями, о нем заговорила вся Америка. Во время суда Уайз апеллировал к Великой хартии вольностей и отстаивал право колонистов на представительное правление и суд присяжных, считая их «двумя великими столпами английских свобод». Неудивительно, что как только стало известно о событиях «Славной революции» в метрополии, жители колоний Новой Англии и Нью-Йорка восстали и свергли ненавистный режим. Объясняя причины, побудившие их взяться за оружие весной 1689 г., авторы многочисленных пуританских памфлетов приводили исключительно светские (а не религиозные) доводы, обвиняя королевского губернатора Андроса прежде всего в нарушении прав собственности и ликвидации представительных учреждений, а не в преступлениях против веры. Таким образом, обладая огромным влиянием на политическое мировоззрение колонистов, радикальное течение американского пуританизма подготовило почву для восприятия населением Британской Америки идеологии Просвещения и революционных политических идей эпохи Войны за независимость.

Огромное влияние на формирование идеологического климата колоний оказывал рост политического радикализма в Англии в 60–70-е годы XVIII в., ставшего следствием усиления консервативных начал в государственной политике после восшествия на престол Георга III. Вопросы, оказавшиеся впоследствии в центре англо-американского конфликта – о природе и границах государственной власти, о методах противодействия коррумпированной власти, о правах индивида в гражданском обществе – были подняты вигской оппозицией в Англии. Ряд исследователей, указывая на преемственность политических идей американских патриотов и левого крыла английских вигов, называют Американскую революцию «третьей в триаде Британских революций».

ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА МЕТРОПОЛИИ И РАЗВИТИЕ КОЛОНИЙ

При анализе социально-экономических причин революционных событий в Северной Америке современные исследователи скорее склонны говорить о более широких временных рамках и длительном периоде трансформации колониального общества, нежели о конкретных событиях социально-экономического плана.

Одной из наиболее дискуссионных в историографии остается проблема негативного влияния экономической политики метрополии на развитие колоний. Торговля и промышленное развитие американских колоний были поставлены в жесткие рамки зависимости от метрополии в результате провозглашенных Англией Навигационных актов. Американская экономика развивалась традиционным для колоний путем. Метрополия сбывала в колониях свои промышленные изделия. Колониям же отводилась роль поставщиков сырья, необходимого для развития британской промышленности. В соответствии с экономической доктриной меркантилизма колониальная торговля должна была обогащать метрополию при обязательном соблюдении условия

благоприятного для метрополии торгового баланса, когда сумма вывозимых промышленных товаров превышала стоимость ввозимого сырья.

Политика английских властей препятствовала развитию мануфактур в Америке, они испытывали острую нехватку специалистов и рабочих рук, а потому часто терпели крах. Принятые английским парламентом шерстяной, шляпный, кожаный, железный и другие акты запрещали производство определенных видов товаров в колониях. В XVIII в. были введены ограничения на переселение в Америку квалифицированных рабочих. Успехи колониальной промышленности были невелики: во второй половине XVIII в. одиннадцать из двенадцати жителей провинции Нью-Йорк носили одежду британского производства. Однако многие запреты, исходившие из Англии, имели скорее предупредительный характер. Так, например, американские шерстяные изделия были пока еще слишком низкого качества, чтобы конкурировать с английскими.

Вместе с тем нельзя однозначно негативно оценивать последствия политики меркантилизма для развития колоний. В них быстро развивалось производство материалов, на которые в Англии существовал повышенный спрос. Они поставляли в изобилии лес и другие материалы, необходимые для английского судостроения. Другим важным видом промышленного сырья, получаемым Англией из колоний, был чугун. К 70-м годам XVIII в. Америка становится одним из основных производителей необработанного железа в мире. Выплавка черных металлов в колониях возросла с 1,5 тыс. т. в 1700 г. до 30 тыс. в 1775 г., что составляло примерно седьмую часть мирового производства. Больше других преуспела судостроительная промышленность, в развитии которой была заинтересована метрополия. К 1775 г. треть судов, плававших под британским флагом, сошла с верфей Новой Англии; три четверти английской торговли с заморскими владениями обслуживалось кораблями колоний.

«ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Современные американские и британские авторы полагают, что колониальное общество, равно как и общество метрополии, постепенно вступало в эпоху «потребительской революции», ставшей следствием роста объема производства, масштабов обращения капитала и появления феномена свободного времени. Многие товары стали продаваться по значительно более доступным ценам. То что прежде считалось предметами роскоши (хорошая мебель, одежда, посуда и т.д.), стало теперь более доступным, иначе говоря, нормой потребления. Потребление на душу населения росло неслыханными ранее темпами. Важнейшим двигателем этой «революции» было стремление и, главное, возможность подражать стилю жизни элиты. Менялись вкусы как жителей метрополии, так и колоний: чай, шоколад, кофе стали входить в обиход не только состоятельных особ, но и людей небогатых, подражавших привычкам верхушки общества. На долю американских колоний в середине XVIII в. приходилось до 20% всего британского экспорта; рос и вывоз американской сельскохозяйственной продукции (табака, риса, индиго, пшеницы) в метрополию. Складывалась и развивалась

инфраструктура доставки, распространения, хранения и продажи товаров. Колонии, конечно же, пока еще сильно отставали от метрополии по степени развитости транспортной системы. Сообщение между отдельными населенными пунктами было нерегулярным, и связь осуществлялась практически исключительно через каботажное плавание. Лишь около 3% колониального населения приходилось на долю городов, которые по европейским масштабам были невелики – ко времени Войны за независимость Филадельфия насчитывала 24 тыс. жителей, Нью-Йорк – 18 тыс., Бостон – 16 тыс. Вся торговая и предпринимательская деятельность в колониальной Америке была сосредоточена на Атлантическом побережье; чем дальше продвигались колонисты в глубь континента, тем сильнее они отрывались от «цивилизации». Однако набиравшая обороты трансатлантическая торговля все больше приближала портовые города восточного побережья Северной Америки к метрополии. За первую половину XVIII в. число кораблей в Атлантике увеличилось вдвое, и регулярность их движения стала определяться расписанием. Время в пути заметно сократилось, а стоимость транспортировки грузов к концу колониального периода снизилась в два раза (по сравнению с XVII в.). Безопасность перевозок и сохранность грузов обеспечивали как самый могучий в мире британский военно-морской флот, так и знаменитая страховая фирма Ллойд.

Первая «потребительская революция» имела весьма неоднозначные последствия, став причиной повышения уровня жизни и одновременно роста задолженности жителей колоний. Здесь в полной мере сказалась зависимость колониальной экономики от колебаний мировой экономической конъюнктуры и мировых цен на выращиваемые в Америке сельскохозяйственные культуры. После крайне благоприятного для американской экономики периода 40-х – начала 60-х годов XVIII в. (когда, например, цены на зерно в Филадельфии, главном центре хлебной торговли, выросли на 50%) наступил ощутимый спад. Продолжая по инерции пользоваться кредитами английских торговых домов, многие плантаторы влезали в долги. Богатейшие люди колониальной Америки оказались заложниками монокультурности своего хозяйства. Задолженность плантаторов британским торговым домам составляла астрономическую для того времени цифру. Общий долг американских колоний Англии накануне Войны за независимость достигал 5 млн ф.ст., из которых пять шестых приходилось на долю плантаторов. Один этот факт служил постоянным источником раздражения и ненависти к британским кредиторам.

Потребительский бум в колониях в середине XVIII в. во многом стал возможен благодаря рекламе различных товаров, которая печаталась в американских газетах. Первая колониальная газета «Бостон Ньюслеттер» появилась в 1704 г. К 1739 г. газеты издавались уже во всех крупных портовых городах Америки – Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне, Чарльстоне, Уильямсбурге. В период назревания англо-американского конфликта газеты, журналы и прочие периодические издания оказывались аренами для продвижения не только товаров, но и идей, различных точек зрения. Предназначенные в первую очередь для торговцев и предпринимателей, колониальные газеты практически не публиковали местных новостей, за исключением информации о прибытии судов, рекламы ввезенных товаров или сведений о поимке

беглых рабов и сервентов*. Основные материалы перепечатывались почти исключительно из английской прессы и, как несложно догадаться, с чудовищным опозданием.

Такой характер статей в колониальной прессе лишний раз свидетельствует об огромном культурном влиянии метрополии на население Северной Америки. Большинство колонистов не считали себя американцами, а предпочитали с гордостью именовать себя подданными британской короны. Для них было характерно искреннее восхищение «идеальным» политическим строем метрополии, утонченностью манер английского джентри, глубиной мысли английской литературы. Богатейшие люди колоний пытались, как могли, копировать стиль жизни английского дворянства. Виргинские плантаторы строили роскошные дома в георгианском стиле, выписывали английские журналы, одевались по английской моде, приглашали к своим сыновьям английских гувернеров. Резкий перелом в отношении колонистов к метрополии произойдет в результате событий, последовавших после окончания Семилетней войны.

ОБОСТРЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ И РАЗРАБОТКА АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Семилетняя война стала важнейшим рубежом американской истории; правда, в Северной Америке она велась на протяжении девяти лет (1754–1763). По Парижскому мирному договору (февраль 1763 г.) Франция потеряла почти все свои североамериканские владения, в том числе Канаду и Восточную Луизиану (земли, лежащие к востоку от р. Миссисипи). Западная Луизиана отошла к Испании как компенсация за передачу Англии Флориды. Семилетняя война стала самой успешной войной, которую Британия когда-либо вела. Морское и колониальное лидерство Англии было упрочено.

Однако война опустошила английскую казну – государственный долг достиг небывалого уровня; огромное территориальное расширение империи потребовало от Великобритании значительно больших расходов на содержание администрации и военных сил. С другой стороны, английские колонисты почувствовали себя менее зависимыми от военной мощи Англии – ведь в результате войны была ликвидирована угроза нападения на британские поселения со стороны колонистов других европейских держав. Как следствие, активизировалось движение на Запад, развернулась спекуляция западными землями, которые колонисты считали уже «своими», т.е. открытыми для британской колонизации. Во время войны, нарушившей торговые связи

---

* Сервенты, или «законтрактованные слуги», доставлялись в Америку в основном для работы на южных плантациях. С этими людьми заключался контракт на определенный срок (четыре-пять лет, реже семь лет), в течение которого они обязывались «отработать» те деньги, которые были потрачены на их транспортировку в Америку. Согласно английскому законодательству XVII в., положение сервентов мало чем отличалось от рабского, поэтому их часто называли «белыми рабами». Институт законтрактованных слуг не обеспечил полного решения проблемы рабочей силы на плантациях Юга, и с 80-х годов XVII в. здесь начался широкомасштабный переход на использование труда черных рабов. Рабство негров в XVIII в. стало преобладающей формой труда на плантациях Юга, использование труда законтрактованных слуг сохранялось, однако в значительно меньшем объеме.

метрополии с колониями, контроль за торговыми операциями ослаб, пышным цветом расцвела контрабандная торговля. Так, американские колонисты, в нарушение официальных предписаний и требований Навигационных актов, напрямую торговали с французскими вест-индскими колониями; нередки были случаи подкупа таможенников. В начале 60-х годов XVIII в. расходы метрополии на содержание таможенной службы превысили доходы от ввозных пошлин.

Таким образом, сложился определенный парадокс: колонии стали более независимыми (автономными) в военном, экономическом и психологическом смыслах, а метрополия более жестко, чем когда-либо, взялась за наведение порядка в своих североамериканских владениях. Колонисты в 1763 г. питали надежды на более или менее равноправное сотрудничество с метрополией, на ничем не сдерживаемое продвижение на западные земли, но власти метрополии быстро и недвусмысленно дали им понять, кто будет определять правила игры. Специальной прокламацией 1763 г. запрещалось дальнейшее продвижение за Аллеганы. Английское правительство справедливо опасалось, что дальнейшая экспансия в западном направлении неизбежно спровоцирует новые войны с индейскими племенами, а денег на очередную дорогостоящую войну попросту не было. Но с запретом метрополии посчитались далеко не все; начала быстро заселяться территория современного штата Кентукки, расположенная за запретительной линией. Скваттерство – самовольный захват земель в «глубине» американского континента, куда по сути не распространялась власть колониальной администрации, – стало обычным явлением еще на заре колонизации в первой половине XVII в. Фермерские хозяйства «пионеров границы» были свободны от каких-либо платежей; из-за неразвитости путей сообщения и удаленности от центров торговли, расположенных на Атлантическом побережье, они носили полунатуральный характер. Но для успешного продвижения в глубь американского континента колонистам требовалась военная помощь в борьбе с индейцами, чьи земли они занимали. Запретительная политика метрополии затрагивала интересы подавляющего большинства белого населения колоний, занимавшегося аграрным производством, как мелких фермеров, так и крупных плантаторов. Плантационное хозяйство требовало постоянной экспансии, смены земельных участков из-за того, что выращиваемые в плантационном хозяйстве культуры достаточно быстро истощали почву. Запрет (или всевозможные ограничения) на экспансию в западном направлении – это по сути отложенный смертный приговор для плантационного хозяйства. Таким образом, британская аграрная политика вызывала недовольство самых разных групп колониального общества.

Возможность предотвращения финансовой катастрофы английский кабинет лорда Гренвилла видел в максимальном налогообложении жителей как метрополии, так и колоний. Выступая с трибуны английского парламента, Гренвилл подчеркивал те преимущества, которые получили жители американских колоний в результате Семилетней войны, и одновременно обращал внимание на более чем скромный (финансовый и военный) вклад колонистов в общую победу. Хотя изначально участие Англии в войне определялось задачами европейской политики, после ее окончания правительство Великобритании объявило, что главной целью войны была защита колонистов и

обеспечение для них лучших возможностей колонизации Америки. Глава английского кабинета предложил вниманию лондонских законодателей целый пакет законов, среди которых был Currency Act (запрет на использование бумажных денег в колониях), Sugar Act (налог на сахар, хотя взимать его было практически невозможно, так как сахар ввозился контрабандистами из французских колоний Карибского бассейна) и, конечно, знаменитый Stamp Act (или закон о гербовом сборе), означавший введение впервые в истории взаимоотношений колоний и метрополии прямого парламентского налога на собственность жителей Северной Америки. Согласно этому закону, налогами облагались все печатные издания и юридические документы – брачные контракты, торговые соглашения, бумаги о наследстве, газеты, даже игральные карты.

Хотя сам размер налога был незначителен, американцы были возмущены тем, что их пытаются обложить налогами в обход колониальных ассамблей. Им отказывали в праве, составлявшем главную заповедь Английской революции XVII в., – налогообложение и представительство неотделимы! В колониях развернулось антигербовое движение, которое выдвинуло и первых лидеров патриотического лагеря. Безвестный до этого виргинец Патрик Генри выступил с пламенной речью на заседании законодательной ассамблеи Виргинии, первой обратившейся к обсуждению проекта закона о гербовом сборе. В результате было принято постановление: только жители Виргинии, представленные в колониальной ассамблее, имеют право вводить новые налоги. Эта же мысль в точности воспроизводилась в решениях законодательных собраний Массачусетса, Мэриленда, Коннектикута и Род-Айленда. Американцы были уверены, что эти законы «лишают колонистов, как британских подданных, некоторых наиболее важных прав». Бостонец Джон Адамс в письме к английскому другу жаловался, что в результате этого акта оказались попраны «главные столпы британской конституции – право на представительное правление и суд присяжных».

Впервые в американской истории был созван межколониальный конгресс для обсуждения закона о гербовом сборе (осень 1765 г., Нью-Йорк); в его работе участвовали делегаты от девяти колоний. Конгресс принял декларацию о правах и жалобах британских колоний в Америке, а также направил верноподданническое обращение к королю и парламенту. Несмотря на умеренный характер этих документов, сам факт созыва конгресса знаменовал начало важных изменений. В Америке происходило то, что совсем недавно казалось невозможным: объединение колоний.

Повсеместно в колониях развернулась кампания против гербового сбора, в ходе которой образовались первые массовые патриотические организации – «Сыны свободы». Одной из наиболее эффективных мер отпора британской политике стало решение о бойкоте британских товаров. Особенно активно в эту кампанию включились жители крупнейших портовых городов на Северо-Востоке – Бостона и Нью-Йорка. Филадельфийское купечество, вовлеченное в трансатлантическую торговлю зерном и тесно связанное с крупнейшими британскими торговыми домами, медлило с принятием решения о поддержке кампании бойкота. Бойкот колонистами английских товаров весьма болезненно сказался на английской экономике и торговле. Если среднегодовой дефицит колоний в торговых операциях с метрополией состав-

лял порядка 500 тыс. ф., то в 1768 г. этот показатель сократился до 230 тыс. В 1769 г., когда к кампании бойкота присоединились филадельфийские купцы и виргинские плантаторы, торговое сальдо колоний впервые стало активным и превысило 816 тыс. ф.

В кампанию бойкота активно вступили и женские патриотические организации, получившие название «Дочери свободы», которые, поддерживая своих отцов и мужей, ввели моду на домотканую одежду в высшем бостонском и филадельфийском обществе. В результате беспрецедентной в истории колоний вспышки протеста, сопровождавшейся активными массовыми действиями, закон о гербовом сборе провалился. Оппозиция в самой Англии, петиции купечества, заинтересованного в торговле с Америкой, резкая критика со стороны депутатов-вигов заставили правительство тори уступить: британский парламент отменил закон о гербовом сборе в 1766 г. Однако уже через год по предложению министра финансов Чарлза Тауншенда он принял несколько законов, получивших по имени их автора название актов Тауншенда. Один из этих актов предусматривал установление новых пошлин на ввозимые в колонии товары: бумагу, стекло, краски и чай. Другой акт провозглашал создание Высшего таможенного управления со штаб-квартирой в Бостоне и широкими полномочиями. Наконец, третий акт приостанавливал деятельность законодательной ассамблеи Нью-Йорка до тех пор, пока она не утвердит специальные налоги на содержание расквартированных на территории колонии британских частей. Депутаты колониального собрания вопрошали: почему, когда им больше не угрожает французское вторжение с территории Канады, они должны платить больше налогов на содержание армии?

Принятие законов Тауншенда вызвало новый взрыв возмущения в колониях. Эдмунд Бёрк, выступая с трибуны Палаты общин, отметил, что «американцы сделали открытие, или думают, что они его сделали, что мы собираемся угнетать их; а мы сделали открытие, или думаем, что сделали его, что они имеют намерение восстать. Мы не знаем, как перейти в наступление; они не знают, как отступить». Бёрк прекрасно уловил умонастроение американцев, убежденных, что действия парламента – это свидетельство некоего тайного сговора, цель которого лишить жителей колоний их «исконных прав и свобод», которыми они пользовались как подданные британской короны. Патриот Джозеф Уоррен отмечал, что принятые парламентом акты были частью детально проработанного плана, целью которого было спровоцировать восстание колоний, а затем воспользоваться «военной силой, чтобы покорить их и держать в порабощении».

Деятельность патриотических организаций, созданных для противодействия «несправедливой» политике метрополии, постепенно становится более радикальной, в ряде случаев на первый план выходят социальные противоречия, а отнюдь не только политические пристрастия. В 1765 г. сторонники «Сынов свободы» разнесли дом вице-губернатора Массачусетса Томаса Хатчинсона в Бостоне, причем не только в силу политического протеста, но и как символ богатства, роскоши. Социальный протест городской толпы в ряде случаев пугал зажиточных колонистов, многие из них утратили интерес к массовому патриотическому движению. По-другому повели себя крупнейшие бостонские контрабандисты Сэмюэл Адамс и Джон Хэнкок.

В то время как большинство идеологов патриотического лагеря ратовали за меры морального воздействия на английские власти и уповали на подачу петиций королю и парламенту, С. Адамс обосновал и стал активно претворять в жизнь радикальную тактику борьбы. Он стал инициатором создания Комитетов связи (или корреспондентских комитетов), новых революционных органов сопротивления британской политике. Первый Комитет связи начал действовать с ноября 1772 г. в Бостоне. Уже через три месяца на территории Массачусетса было создано 80 комитетов. Со временем комитеты связи раскинули сеть своих нелегальных организаций по всей территории британских колоний. Призывы Адамса полагаться главным образом на силу в борьбе с англичанами находили отклик среди бостонцев. Именно в Бостоне 5 марта 1770 г. произошло первое столкновение горожан с английскими солдатами, известное как «бостонская резня». Здесь же, в Бостоне, состоялось и знаменитое «бостонское чаепитие».

С обеих сторон активно практиковались методы экономического воздействия. Колонисты довольно успешно использовали бойкот как меру давления на британских законодателей (и действительно, и закон о гербовом сборе, и акты Тауншенда были отменены в результате многочисленных петиций английского купечества, несшего серьезные потери). В свою очередь и английское правительство решило бороться с контрабандистами экономическими мерами. Были отменены пошлины на стекло, краску, бумагу; сохранялась лишь пошлина на чай – символ верховенства английского парламента. Борьба против пошлины на чай приобрела характер политической кампании. Чай был самым популярным напитком в колониях и считался предметом первой необходимости. Ирония ситуации заключалось в том, что колонисты, борясь с зависимостью от Англии, всячески культивировали английский стиль жизни, ведь кроме Англии и колоний в Северной Америке чай пользовался популярностью только в Голландии. Население колоний отказывалось приобретать облагаемый пошлиной чай, предпочитая покупать его у контрабандистов. Но цена на чай значительно снижалась, так как Ост-Индская компания, которой в тот момент британское правительство пыталось помочь выйти из сложной финансовой ситуации, получила право беспошлинного ввоза чая в британские колонии. Инициаторы «чайного закона» рассчитывали таким образом лишить американских контрабандистов, доставлявших чай из Голландии, возможности конкурировать с легальной английской торговлей. Изданием «чайного закона» английское правительство предполагало привлечь на свою сторону рядовых потребителей в колониях, так как в результате цена на чай должна была снизиться почти вдвое. Тем самым планировалось нанести сокрушительный удар по контрабандной торговле, «гнездом» которой был Бостон.

Патриотические организации приняли решение вообще не допускать выгрузки чая на американский берег. Когда в декабре 1773 г. в Бостонский порт была доставлена крупная партия чая, принадлежавшая Ост-Индской компании, патриоты, ведомые Дж. Хэнкоком и С. Адамсом, переодевшись индейцами, ночью пробрались на суда компании, стоявшие в Бостонском порту, и выбросили чай в море. Получив известие о «бостонском чаепитии», правительство стало на путь репрессий, несмотря на оппозицию вигов, убеждавших парламент сделать еще одну попытку мирного разрешения конфликта.

Взбешенный Георг III, заявив, что «уступки только усугубили ситуацию» в колониях, потребовал решительных мер. Было издано четыре, как их называли в Англии, «репрессивных акта» (а в Америке они получили название «нестерпимых» – intolerable acts). Был закрыт Бостонский порт; колония Массачусетс лишена хартии, а королевский губернатор генерал Гейдж получил чрезвычайные полномочия; лица, обвинявшиеся в антиправительственной деятельности, могли направляться для суда либо в Англию, либо в любую из колоний по усмотрению британской администрации; был подтвержден акт о расквартировании британских войск в частных домах колонистов. Тогда же принимается Квебекский акт, провозгласивший свободу вероисповедания для французских католиков в Квебеке, возможность использовать французский язык, а главное – расширение границ Канады за счет включения долины реки Огайо – а ведь американцы уже считали эти земли своими!

Бостон обратился к другим Комитетам связи с очередной резолюцией о бойкоте английских товаров. Началась кампания поддержки бостонцев. «South Carolina Gazette» писала: «Мы считаем, что эти отвратительные нападки на Бостон направлены не только против города, но и всего континента». Протест против репрессивных мероприятий короны повлек за собой роспуск законодательной ассамблеи Виргинии. Это становилось уже традицией – население той или иной непокорной колонии наказывали роспуском представительного учреждения как символа политических прав ее жителей. Виргиния обратилась к другим колониям с инициативой прислать своих делегатов на I Континентальный конгресс для организации совместной борьбы против репрессивных действий метрополии. Вновь, как и в 1765 г., представители колоний собрались на общеколониальный форум. Вновь принимается петиция верноподданнического характера. «Мы не хотим революции», – заявил делегат от Северной Каролины. Однако в работе этого конгресса приняли участие уже двенадцать, а не девять колоний (лишь Джорджия не прислала своих представителей). К этому моменту патриотическое движение имело уже серьезное идеологическое оружие – антиколониальную доктрину.

Эта доктрина начала разрабатываться в 1764 г., когда в ходе дебатов вокруг проекта гербового сбора были обозначены ее исходные принципы. Вопрос о правовом положении североамериканских колоний в Британской империи стал лейтмотивом большинства памфлетов и выступлений этого периода. Из стремления максимально широко трактовать полномочия местных выборных органов власти постепенно выкристаллизовывалась доктрина независимости. Идеология патриотического движения получила наиболее полное воплощение в памфлетах, авторы которых – Дж. Отис, Дж. Дикинсон, А. Гамильтон, Дж. Адамс, Т. Джефферсон – мгновенно становились известными людьми. Оригинальную концепцию государственно-правовой автономии Северной Америки в рамках Британской империи (или homerule), сформулированную впервые Б. Франклином, к середине 70-х годов XVIII в. разделяли большинство идеологов патриотического лагеря. По замыслу Франклина, североамериканские колонии и Англия должны были стать двумя равноправными и суверенными частями империи, высшая законодательная власть в которых должна принадлежать собственным представительным собраниям. Символическим связующим звеном между двумя политически-

ми сообществами должен был стать английский монарх. Собственно говоря, Франклин первым стал называть колонии штатами (т.е. государствами), еще за несколько лет до объявления независимости.

В памфлетах Т. Джефферсона, А. Гамильтона, Дж. Адамса идея гомруля получила дальнейшее развитие, причем отличительной чертой их работ стала апелляция исключительно к естественно-правовому учению (почерпнутому прежде всего в работах английских философов Д. Юма, Ф. Хатчесона, Дж. Локка) для обоснования социально-политических устремлений колоний. Для первых работ, выходивших, как правило, из-под пера колониальных юристов, был характерен поиск «свобод и привилегий» американцев в колониальных хартиях и английском общем праве. Однако постепенно «свобода» начинает трактоваться скорее как абстрактное естественное право, а не конкретная привилегия.

ВОЙНА: ПАТРИОТЫ И ЛОЯЛИСТЫ

Ситуация в Британской Америке после проведения I Континентального конгресса развивается стремительно. Генерал-губернатор Массачусетса получает приказ из Лондона арестовать зачинщиков мятежа – С. Адамса и Дж. Хэнкока. В окрестностях Бостона, в Лексингтоне и Конкорде 19 апреля 1775 г. произошли первые столкновения патриотов с английскими войсками, которыми в историографии датируется начало Войны за независимость. Собравшийся в Филадельфии в мае 1775 г. II Континентальный конгресс принимает решение о создании континентальной армии и назначает виргинского плантатора, ветерана войн с индейцами и французскими колонистами Джорджа Вашингтона ее главнокомандующим. Несмотря на то что военные действия были в полном разгаре, большинство делегатов Континентального конгресса не рассматривали их как войну за независимость и все еще рассчитывали на возможность примирения с метрополией. Конгресс принимает «Петицию оливковой ветви» (the Olive Branch Petition), в которой умеренные делегаты выражали свои верноподданнические чувства Георгу III и просили о «восстановлении» прав американцев в рамках империи. Радикально настроенные делегаты конгресса (С. Адамс, П. Генри) подготовили иной документ – «Декларацию о причинах, заставивших взяться за оружие». В свою очередь Георг III в августе 1775 г. выпустил прокламацию о необходимости подавления мятежа в американских колониях.

Несмотря на бурные события 1775 г., центральным требованием патриотического антиколониального движения продолжало оставаться введение государственно-правовой автономии Северной Америки. Призыв к независимости впервые прозвучал со страниц памфлета «Здравый смысл», опубликованного 10 января 1776 г. в Филадельфии. Его автор, англичанин Томас Пейн прибыл в Америку двумя годами ранее с рекомендательным письмом Франклина. В очень простой и доходчивой форме Пейн сделал то, на что не осмеливался ни один из признанных лидеров патриотического движения: он впервые выдвинул и всесторонне аргументировал концепцию независимости и республиканизма. Выступив с жесткой критикой института монархии, автор «Здравого смысла» развенчал монархические иллюзии американцев

и остроумно высмеял их преклонение перед конституционной монархией английского образца. Отвергнув сомнения в отношении жизнеспособности республиканской формы государственного устройства, которые разделялись многими идеологами Просвещения, Пейн выступил в защиту республики.

Памфлет Т. Пейна, совершив настоящий переворот в настроениях американцев, по сути подготовил почву для принятия Декларации независимости, которая стала венцом антиколониальной доктрины. Хотя для подготовки текста Декларации Конгрессом был назначен комитет в составе пяти человек (Джона Адамса, Роджера Шермана, Бенджамина Франклина, Роберта Ливингстона и Томаса Джефферсона), автором документа стал 33-летний виргинский плантатор и адвокат Томас Джефферсон. Гений его состоял в том, что он не стремился, по его собственным словам, «раскрыть новые принципы или новые доказательства», а хотел «выразить умонастроения Америки», – и сделал это великолепно!

Изложение обвинений в адрес метрополии и лично короля Георга III занимает большую часть текста Декларации. Однако подлинное философское и политическое кредо Американской революции Джефферсон лаконично сформулировал так: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они наделены создателем определенными неотчуждаемыми правами, к которым принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав люди учредили правительства, берущие на себя справедливую власть с согласия управляемых. Всякий раз, когда какая-либо форма правления ведет к нарушению этих принципов, народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких началах, какие, по мнению народа, более всего способствуют его безопасности и счастью». Перед нами три основополагающих политических принципа Просвещения: равенство естественных прав человека, общественный договор как основа любой политической власти и признание права народа на восстание против деспотического правления. С точки зрения международного права абсолютной новостью был способ возникновения нового государства путем самопровозглашения.

Американское общество оказалось расколото на сторонников независимости (патриотов) и лоялистов, сохранивших верность британской короне. Точной статистики численности патриотического и лоялистского движения нет, однако широко известно высказывание Джона Адамса о том, что треть населения бывших колоний оказалась среди сторонников революции, треть сохранила верность Англии и треть осталась нейтральной. Сейчас большинство исследователей склонны полагать, что лоялистских позиций придерживалась несколько меньшая часть населения, а значительная часть колонистов стремилась остаться в стороне от вооруженного конфликта.

Как правило, к числу лоялистов принадлежали представители колониальной элиты, опасавшиеся «безумства черни» и установления «тирании толпы», казавшейся им намного страшнее, чем деспотические начала королевского управления колониями. Слишком сильна была историческая традиция принадлежности к английской короне, многие верили в то, что английская система правления служила надежной гарантией защиты их прав, свобод и привилегий. Многие боялись английской карательной экспедиции. Англиканский священник Чарлз Инглис взывал к жителям Америки: «Как

только мы выступим за независимость, безжалостная война, со всеми ее чудовищными ужасами, опустошит нашу некогда счастливую землю… Потоки крови прольются, и тысячи людей будут низведены до состояния нищеты и крайней нужды…»

Основная и наиболее влиятельная часть лоялистов состояла из бывших представителей колониальной администрации, духовенства англиканской церкви и купцов, имевших тесные торговые связи с Великобританией. Социальный конфликт в колониях иногда самым причудливым образом влиял на политические предпочтения различных групп населения. Так, например, в долине р. Гудзон (Нью-Йорк) богатые землевладельцы приняли сторону патриотов, в то время как фермеры-арендаторы сохранили верность короне. Был и некий этнический аспект лоялизма – многие колонисты шотландского происхождения выступили в поддержку короны. Что касается географии лоялизма, то он получил наибольшее распространение в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Джорджии и Южной Каролине. Во время войны существовали целые армейские соединения, сформированные из лоялистов; тем не менее их действия мало повлияли на исход всего англо-американского конфликта.

Главным средством борьбы с лоялистами стала конфискация их собственности. Во время революции подверглись экспроприации земли, принадлежавшие короне, англиканской церкви, собственникам колоний. Потеряли свои владения семейства Пенн в Пенсильвании и Балтимор в Мэриленде. Тем не менее это не привело к серьезному переделу собственности; конфискации затронули лишь небольшую часть недвижимости. Преследования лоялистов не переросли в террор, а репрессии – в массовые казни. Однако более 100 тыс. человек оказались вынуждены покинуть бывшие колонии, понеся серьезные имущественные потери. Основной поток лоялистов устремился в Канаду, Британскую Вест-Индию и метрополию.

Гражданское противостояние в колониях имело и расовый аспект, так как в него оказались вовлечены негры и индейцы. Английское правительство, запретившее жителям колоний переселяться за Аллеганы, убеждало индейцев в дружественности своей политики, одновременно не забывая напоминать вождям племен об агрессивном захвате индейских земель колонистами. Эта агитация удалась: в целом большинство индейских племен выступили на стороне Англии в рамках англо-американского конфликта, хотя и не спешили с какими-либо активными действиями. Однако, принимая решение о поддержке той или иной стороны, вожди руководствовались соображениями межплеменного соперничества. Так, среди племен ирокезов началась по сути своя гражданская война.

Что касается негров, то в самом начале войны (в ноябре 1775 г.) королевский губернатор Виргинии Данмор обещал освободить тех рабов, которые с оружием в руках будут сражаться на стороне Англии. Среди рабов постоянно муссировались слухи о том, что лично английский король, возглавив английское вторжение, «придет с Библией, и изменит весь мир, и освободит негров». Многие негры откликнулись на призывы английских властей; из бывших рабов был сформирован Негритянский полк (Ethiopian regiment), на форме у солдат была надпись «Свободу рабам». Значительно меньшая часть негров участвовала в военных действиях на стороне патриотов и была впоследствии выкуплена правительством у их бывших хозяев. До 50 тыс. негров, сражав-

шихся с обеих сторон, смогли в результате войны обрести свободу. И хотя институт рабства на плантаторском Юге остался в неприкосновенности, на Севере постепенно разворачивалась кампания по его отмене. Многие патриоты понимали несовместимость провозглашенных в Декларации независимости принципов и сохранявшегося рабства негров. Абигайль Адамс писала мужу в 1774 г. в разгар работы I Континентального конгресса: «Мне всегда казалось удивительно чудовищным и несправедливым ⟨...⟩ самим бороться за то, в чем мы отказываем тем, кто имеет такое же право на свободу, как и мы сами».

Война с американцами расколола и саму Англию. Так, например, в достаточно консервативном Ланкашире было собрано 6,5 тыс. подписей в поддержку войны, однако проживавшие на территории графства квакеры, сохранявшие тесные духовные и экономические узы с «друзьями» в американской Пенсильвании и верные пацифистским идеалам, собрали 4 тыс. подписей против войны. Особенно сильна оппозиция войне была в графствах Восточной Англии и в Уэльсе. Напротив, север Англии и Шотландия выступили горячими поборниками войны с североамериканскими колониями, подав адреса (петиции) королю от городских советов, различных корпораций, групп граждан и полков милиции. Даже два крупнейших университета Англии разошлись во мнениях по этому вопросу: Кембриджский университет выступил против войны, а Оксфорд ее поддержал.

Английское правительство испытывало сложности с набором солдат в Британии для отправки их в Америку и было вынуждено обратиться к германским государствам с предложением подписать соглашение о поставке наемников. На заключительном этапе войны в британском экспедиционном корпусе служило так много немецких наемников, что сама кампания 1780–1781 гг. получила название «гессенской» (ландграф Фридрих II Гессен-Кассельский прислал англичанам большую часть этих наемных войск). В армии же Вашингтона сражалось немало добровольцев из Европы. Достаточно назвать имена француза М.Ж. Лафайета, поляка Т. Костюшко, пруссака Ф.В. фон Штюбена.

Английский триумф в Семилетней войне парадоксальным образом отразился на международной ситуации эпохи Войны за независимость. Жажда реванша подталкивала Францию воспользоваться первой удобной возможностью выступить против Британии. Такая возможность представилась с началом англо-американского вооруженного конфликта. В 1778 г. Франция объявила войну Англии, ко Франции присоединились Испания и Голландия. Страны континентальной Европы, не желавшие дальнейшего усиления Англии, организовали так называемую Лигу нейтральных в 1780 г., в составе России, Австрии, Пруссии, Швеции, Дании, Португалии, Королевства обеих Сицилий и Голландии. Провозгласив принцип свободы мореплавания и «вооруженного нейтралитета» (т.е. готовность защищать свою торговлю силой оружия), эти страны внесли определенный вклад в победу американских колоний. Таким образом, Война за независимость имела и существенное внешнеполитическое измерение, став важным этапом англо-французского противостояния, а главное, приведя к возникновению первого суверенного государства по другую сторону Атлантики. С точки зрения эволюции международных отношений в результате войны были заложены условия для будущего преодоления европоцентризма.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ США

С принятием Парижского мира 1783 г. и признанием США независимым государством закончилась антиколониальная война. Однако политическая революция была далека от завершения. Как писал американский просветитель Бенджамин Раш: «Закончилась американская война, но не американская революция. Завершился лишь только первый акт великой исторической драмы. Осталось учредить и усовершенствовать нашу новую форму правления».

Процесс государственного строительства в каждом штате начинался с принятия конституции. Первой это сделала Виргиния, став самостоятельным штатом еще до провозглашения Декларации независимости. В одних штатах были приняты более демократичные конституции, в других – более умеренные. Особенно выделялась своим демократизмом конституция Пенсильвании, которая провозгласила отмену имущественного ценза на выборах; в штате учреждалось однопалатное собрание и вводилась система ежегодных выборов. Конституция Нью-Джерси 1776 г. предоставила право голоса всем свободным жителям, обладавшим собственностью, лишив, таким образом, права голоса неимущих мужчин, но даровав его обладавшим собственностью женщинам. Особенно радикальным изменениям подвергся институт губернаторской власти. Своеобразной реакцией на всевластие королевских губернаторов и царившую в колониальной администрации коррупцию стало стремление патриотов максимально ограничить полномочия исполнительной власти. В большинстве штатов губернатор избирался сроком всего на один год, был лишен права вето. Избиравшее его законодательное собрание назначало ему жалование. В двух штатах, в Нью-Йорке и Массачусетсе, губернатор избирался прямым голосованием.

Государственное строительство в штатах проходило под знаменем республиканизма, доктрина которого, по мнению американского историка Г. Вуда, «означала для американцев нечто большее, чем простое устранение короля и учреждение выборной системы. Она добавляла нравственное измерение, утопическую глубину политическому отделению от Англии – глубину, которая предопределила характер их общества». В становлении государственной власти в Америке обычно выделяют период 1775–1778 гг., когда происходило формирование органов власти на уровне штатов. Что же касается центральной власти, то были выработаны «Статьи Конфедерации и вечного союза», которые стали неким прообразом общеамериканской конституции, но не содержали никаких правовых гарантий и не предоставляли центральной власти, т.е. Континентальному конгрессу, сколько-нибудь серьезных полномочий для управления страной, сохраняя за отдельными штатами полный суверенитет по целому ряду вопросов. Поэтому правоведы считают, что «Статьи Конфедерации» были своеобразным международным договором для объединения усилий отдельных штатов в борьбе против Англии, а не основным законом единого государства.

Объединение штатов носило пока в значительной степени символический характер, так как центральная власть в лице Континентального конгресса была крайне слабой. Континентальный конгресс представлял собой аморфное политическое образование с весьма непонятными, нечетко очерченными

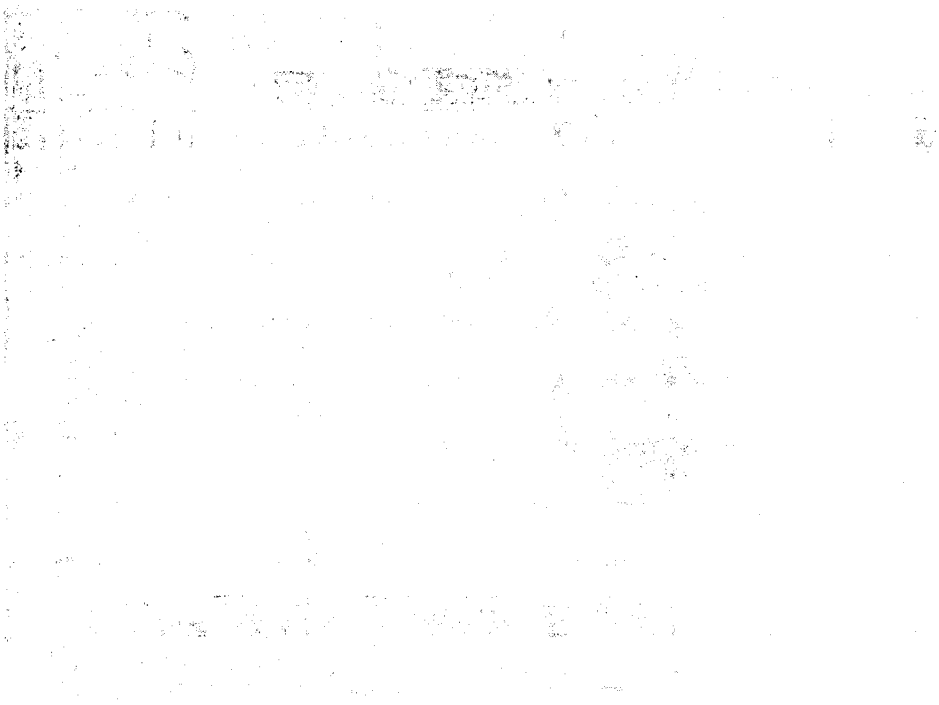
полномочиями. Каждый штат имел свое представительство – своеобразное «посольство» в Континентальном конгрессе. При голосовании каждый штат, вне зависимости от размера территории или количества жителей (или размера делегации) обладал одним голосом.

Несмотря на достигнутую определенную политическую, идеологическую и культурную общность, между штатами сохранялись довольно серьезные противоречия, служившие постоянным источником центробежных тенденций. В дневниковых записях Джон Адамс называет свой штат Массачусетс не иначе как «наша страна», а делегацию Массачусетса в континентальном конгрессе – «нашим посольством». Сравнивая столицы двух колоний, Пенсильвании и Массачусетса, он пишет: «Филадельфия со всей ее торговлей, богатством и правильностью – все-таки не Бостон. Мораль наших жителей много лучше; их манеры более изящны и приятны; они больше похожи на англичан; у нас правильный язык, лучше вкус, более красивые люди; мы превосходим других духовно, наши законы более разумны, наша религия более возвышенна, у нас лучшее образование».

«Статьи Конфедерации» всячески подчеркивали прерогативы местных властей, в частности их «самое главное право» – вводить налоги. Не имея права вводить налоги и пошлины, Конгресс сразу же столкнулся с серьезными финансовыми трудностями, так как наиболее крупные расходы шли на покупку оружия, военной амуниции и продовольствия, а также на уплату жалованья солдатам и офицерам континентальной армии. Те средства и методы, к которым обратился Конгресс в своей экономической и финансовой политике, были во многом показательными для состояния и характера центральной государственной власти США периода Войны за независимость. Чтобы получить необходимые средства, Конгресс прибег к массовой эмиссии бумажных денег. Было решено выпускать собственные деньги – доллары, стоимость которых приравняли к стоимости «испанского доллара».

История возникновения американского доллара, ныне ведущей мировой валюты, уходит своими корнями в европейское Средневековье. В 1519 г. в Богемии стали чеканить монету для Священной Римской империи, серебро для которой добывали в расположенной поблизости горной долине Святого Иоахима. Монета, весом в одну унцию, получила название «иоахимсталер» или просто «талер» (от нем. «тал», или «таль» – долина). Талер, превратившийся, по сути, в мировую валюту, на севере Европы стали именовать «далером» (в Швеции и Дании), «даллером», «далларом» и, наконец, «долларом» (в Англии).

В британских колониях в Северной Америке долларами называли, как правило, любые крупные серебряные монеты, среди них и испанский песо (так называемый «испанский доллар»). Бумажные деньги, называвшиеся долларами, с 1775 г. стали печатать и Континентальный конгресс («континентальные доллары»), и правительства штатов. Например, законодательная ассамблея Виргинии предпочла приравнять свою валюту к испанскому золотому доллару, однако оговорила эквивалент своей денежной единицы и в фунтах (1200 долларов равны 360 фунтам, соотношение 3,3 к 1). Но удержаться в заявленных рамках оказалось невозможно. К 1781 г. Виргиния напечатала так много бумажных денег, что покупательная способность 40 виргинских бумажных долларов равнялась монете в один испанский доллар. После окончания Войны за независимость Континентальный конгресс, по предложению Томаса Джефферсона, объявил американский доллар национальной валютой. Начиная с 1792 г., первые доллары США стали чеканить на Филадельфийском монетном дворе.



Трехдолларовая купюра. 1775 г.

Среди исследователей нет единого мнения о происхождении символа доллара ($). Возможно, это условное изображение двух перевитых лентой Геркулесовых стопов с герба испанской королевской семьи. Среди американских нумизматов и коллекционеров популярна версия о том, что знак доллара возник в результате наложения букв US (составляющих название страны) друг на друга.

Со временем выпуск бумажных денег приобрел катастрофический характер. Континентальный конгресс был вынужден прибегать ко все новым и новым эмиссиям, вызвав инфляцию огромных масштабов. Общая сумма бумажных денег составила 226 млн долларов. Еще порядка 260 млн долларов «напечатали» власти отдельных штатов. В результате подскочили цены на все товары, но особенно больно инфляция ударила по рядовым жителям штатов. Основные расходы на войну несли фермеры и ремесленники: за приобретаемую у них продукцию власти штатов и Континентальный конгресс расплачивались бумажными деньгами. Так же расплачивались и с солдатами континентальной армии. Мешок соли в Мэриленде стоил в 1776 г. 1 доллар, а несколько лет спустя за него уже просили 3900 долларов в бумажных деньгах. В результате власти нескольких штатов пытались регламентировать рыночные цены и ввести «справедливые цены» на предметы первой необходимости. Тем не менее практически нигде не удалось избежать беспорядков, связанных с ростом цен. Например, в Бостоне толпа женщин обвинила торговца в том, что он «придерживал» товар, его «схватили за шею» и силой

заставили продавать по «старым ценам». Несмотря на то что большинство идеологов патриотического движения выступали за принципы свободной торговли и экономического либерализма, рядовые американцы поддерживали политику регулирования рыночных цен. Например, на городском собрании Филадельфии (богатейшем городе Америки!) в 1779 г. более двух тысяч граждан проголосовали за политику регулирования цен и только 300 человек выступили против.

Таким образом, созданная на основе «Статей Конфедерации» модель государственного устройства обнаружила очевидную слабость и неспособность эффективно решать стоящие перед обществом проблемы. Американская интеллектуальная и политическая элита продолжила поиск оптимальной модели «республиканского эксперимента», сосредоточив свои усилия на разработке доктрины республиканизма и основополагающих принципах нового государства, создаваемого на ее основе. И кризисные явления в американской экономике, и нарастающий социальный конфликт (вылившийся в восстание Д. Шейса в Массачусетсе), и желание добиться стабилизации политических институтов подтолкнули американскую верхушку к осознанию необходимости изменения политической системы и создания сильного централизованного государства. Федералисты дали развернутое идеологическое обоснование идеи сильного национального правительства, способного надежно гарантировать права собственности, обуздать разгул «демократической стихии» и консолидировать государственную власть в руках имущей элиты. «Отцы-основатели» США, собравшиеся в 1787 г. на Конституционный конвент в Филадельфии, открыто говорили о том, что «главная опасность проистекает от демократических статей существующих конституций. В этой конституции должен быть установлен барьер против демократии» (Э. Рэндольф); «народ должен быть как можно меньше допущен к делам управления. Народ всегда подвержен заблуждениям» (Р. Шерман).

Критикуя «чистую демократию», установившуюся в американских штатах, автор Виргинского конституционного проекта (легшего в основу федеральной конституции 1787 г.) Джеймс Мэдисон утверждал, что «демократии всегда являют собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали недолго и кончали насильственной смертью».

Несмотря на столь откровенную критику демократии, созданная в результате многочисленных компромиссов модель государственного устройства оказалась с ней вполне совместимой, получив в дальнейшем название представительной демократии. Главной задачей участников конституционного конвента, по мнению Мэдисона, было «совместить необходимость в устойчивом и сильном правительстве с должной заботой о свободе и республиканской форме правления». Конституция США не отвергла, а напротив, сохранила и развила доктрину разделения властей, гарантию гражданских и политических свобод, концепцию правового государства. Опираясь на идеи Локка и Монтескье, американские «отцы-основатели» сформулировали принцип «сдержек и противовесов», т.е. механизма, при котором ветви власти не просто разведены, но сдерживают и надежно контролируют друг друга, предотвращая возможность установления системы авторитарного правления. Возобладавший среди участников конвента политический реализм позволил

достичь определенного компромисса между демократическими нововведениями революционной эпохи и необходимостью стабилизации политических институтов в интересах верхушки американского общества. Как заявил один из участников конституционного конвента, «мы должны следовать примеру Солона, который дал афинянам не лучшую систему правления, которую мог придумать, а лучшую, какую они могли принять».

Доктрина республиканизма обрела в Америке еще одно интересное измерение: там стал формироваться «культ республиканского материнства», позволявший интегрировать женщин, не обладавших политическими правами, в политическое сообщество. Мерси Отис Уоррен, размышляя о политическом предназначении женщин в американской республике, отмечала, что они «будут поддерживать гражданскую добродетель, подчинив свою собственную самореализацию нуждам республики. Они будут воспитывать своих сыновей, чтобы они становились активными гражданами, приверженными общему благу республики».

Идеология республиканизма становится своеобразным каркасом, на основе которого постепенно формируется американская нация. Процесс складывания новой нации растянется вплоть до середины 20-х годов XIX в. Однако именно американской революции принадлежит решающая роль в этом процессе. По образному замечанию Э. Моргана, «не нация родила революцию, а напротив, революция создала нацию». Война за независимость вызвала небывалый всплеск патриотических чувств и пробудила национальное сознание американцев. Возведенный в ранг высочайшей республиканской добродетели, патриотизм стал отправной точкой формирования американской национальной идеи. Все последующее ее развитие проходило под знаменем Американской революции, постепенно превращавшейся в главный национальный миф.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ

«Французская революция и все то, что происходит в Европе в сей час, столь же чудесны в своем роде, как и внезапное плодоношение дерева в январе», – писал Ж. де Местр в 1797 г. Его слова ярко выражают ту крайнюю степень изумления, с которым современники на исходе XVIII в. наблюдали за происходившим во Франции. Случившееся в этой стране выглядело настолько необычным, настолько беспрецедентным для истории человечества, что требовало и столь же нетрадиционных объяснений. Хотя непосредственная причина политического кризиса в королевстве – катастрофическое положение государственных финансов – лежала, казалось, на поверхности, мало кто из писавших тогда о французских событиях довольствовался ссылкой на нее и не пытался найти некие глубинные истоки происшедшего. Появившиеся тогда многочисленные трактовки причин Французской революции можно разделить на две большие группы, условно обозначив их как интерпретации идеологические и социальные.

Авторы первых видели в революции, прежде всего, результат широкого распространения идей Просвещения. Те их них, кто Революцию поддерживал, утверждали, что политические и общественные институты Старого порядка были порождением «невежества» и «заблуждений», которые в XVIII в. оказались постепенно рассеяны усилиями философов-просветителей, что и привело в конечном счете к ниспровержению монархии. «Выше голову, вы, друзья свободы, и писатели, ее защищающие! – восклицал в 1791 г. английский публицист Т. Пейн, активный участник сначала Американской, затем Французской революций. – ...Смотрите, как зажженный вами свет, сделав свободной Америку, достиг Франции и вспыхнул там пламенем, испепелившим деспотизм, согревшим и озарившим всю Европу!» В труде другого видного участника Французской революции, математика М.Ж.А.Н. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1793–1794) эта точка зрения получила солидное философское обоснование. Считая главной движущей силой человеческой истории совершенствование разума и развитие науки, Кондорсе видел в революции естественный результат этого процесса: просвещенные учеными люди сносят с пути интеллектуального прогресса препятствия, некогда воздвигнутые «суеверием» и «тиранией».

Среди противников революции мнение о том, что ее «виновниками» были философы Просвещения, также получило широкое распространение. Большой популярностью в Европе на рубеже XVIII–XIX вв. пользовались «Записки по истории якобинизма» (1797–1798) французского аббата О. Баррюэля, переведенные на многие иностранные языки. Их автор пытался до-

казать, что революция во Франции явилась следствием «заговора против религии, монархии и общества», составленного философами, масонами и иллюминатами.

В отличие от идеологических трактовок причин Французской революции, социальные интерпретации первое время встречались не столь часто, однако и они звучали из уст как ее поклонников, так и критиков. Из последних, пожалуй, наиболее известен британский политик и мыслитель Э. Бёрк. В своем труде «Размышления о революции во Франции» (1790) он, в частности, высказал предположение, что важной предпосылкой к произошедшему стало нарушение во французском обществе баланса между представителями «денежного» и «земельного» интересов. Первые, или предприниматели, были недовольны своим недостаточным политическим влиянием, которое, как полагал Бёрк, не соответствовало их растущему экономическому весу. Это, по его мнению, и побудило их выступить против Старого порядка, при котором ведущие позиции в обществе занимали владельцы земельных богатств. На подобный социальный конфликт как причину революции указывал и оппонент Бёрка по развернувшейся в английской печати дискуссии Дж. Макинтош, а в самой Франции известный революционный деятель А. Барнав, отошедший в 1791 г. от политики и написавший книгу «Введение во Французскую революцию» (1793, опубл. 1843). Впрочем, эти авторы подчеркивали также и важную роль Просвещения в идейной подготовке революционных перемен.

Дальнейшее развитие социальная интерпретация истоков Французской революции получила в трудах либеральных историков эпохи Реставрации. Защищая революционное наследие от критики со стороны легитимистских авторов, они доказывали, что Революция стала закономерным результатом исторического развития Франции, а именно следствием нараставшего в предшествующие столетия и особенно на протяжении всего XVIII в. конфликта между «средним сословием» («буржуазией») и сословиями привилегированными. Поскольку монархия оказалась не способна осуществить реформы, которые могли бы привести общественно-политический строй Франции в соответствие с растущими запросами буржуазии, революция стала естественным средством разрешения такого противоречия. «Сила, богатство, просвещенность, самостоятельность среднего сословия, – писал Ф.О. Минье, автор весьма популярной тогда «Истории Французской революции» (1824), – увеличивались со дня на день, и оно должно было побороть королевскую власть и ограничить ее».

В дальнейшем эта схема легла в основу всей так называемой «классической» (либеральной и социалистической*) историографии Французской революции. В конце 1970-х годов французский историк-марксист А. Собуль,

---

* Если представители либеральной историографии (О. Минье, А. Тьер, А. Олар и др.) сводили содержание Французской революции преимущественно к конфликту между «средним классом» («буржуазией») и «аристократией», то историки социалистического направления (Ф. Буонарроти, Л. Блан, Ж. Жорес, исследователи-марксисты и др.) придавали также важное значение проявлявшимся все более отчетливо по мере развития событий противоречиям внутри революционного лагеря – между «буржуазией» и «народом» («трудящимися классами»). Разумеется, как и любая классификация, подобное деление историографии революции на «либеральную» и «социалистическую» носит достаточно условный характер.

оценивая ведущие тенденции развития исследований по Французской революции, так характеризовал либеральную составляющую «классического» направления: «Со времен Реставрации историки либеральной школы, даже если они нисколько не интересовались экономическими истоками общественного развития, энергично подчеркивали одну из главных особенностей нашей национальной истории: появление, рост и конечную победу буржуазии; занимая промежуточное место между народом и аристократией, буржуазия постепенно создала кадры и выработала идеи нового общества, освящением которого стал 1789 год».

В социалистической же историографии, прежде всего в марксистской, эта социальная трактовка, говоря словами Собуля, была «углублена», а именно увязана с экономическими процессами, происходившими в предреволюционной Франции. Согласно марксистской теории, Французская революция являла собою классический образец революции «буржуазной», обеспечившей переход от старого, «феодального» способа производства к новому, «капиталистическому». Соответственно, социально-политическая структура Старого порядка в данном контексте трактовалась как безнадежно косная, препятствовавшая прогрессивному развитию страны и абсолютно неспособная к самореформированию.

Подобная интерпретация истоков Французской революции – ее условно можно назвать «социально-экономической» – с конца XIX в. возобладала в историографии, находя отражение в работах не только собственно марксистских авторов, но и тех исследователей, кто хоть в малой степени испытал на себе влияние марксизма.

Так, по мнению Н.И. Кареева, общественно-экономический строй предреволюционной Франции был тормозом для развития страны, которая переживала тогда эпоху «государственного расстройства», «экономического разорения», «задержки в развитии». Любопытно, что в своем многотомном курсе Новой истории Кареев даже счел излишним подробно освещать данный период, именно потому, что с точки зрения прогресса, тот являл собою «застой», а то и «возвращение вспять».

Е.В. Тарле утверждал в 1907 г., что существовавшая во Франции накануне Революции общественно-политическая система являла собой настоящее «экономическое бедствие», ибо вела к «экономическому распаду» и «хроническому голоданию нации». Ну а поскольку, считал историк, она по сути своей оказалась не способна ни к какому реформированию, «результат был предрешен всей исторической эволюцией французского народа, революционному поколению оставалось выполнить продиктованную задачу».

Едва ли не в еще более драматичном тоне описывала Францию Старого порядка советская историография. «Те самые основные причины, которые делали неизбежной революцию, – писал А.З. Манфред, – глубокое противоречие между феодальным строем и вырастающим из его недр капитализмом и его классовое выражение – противоречия между третьим сословием и привилегированными сословиями, – являлись определяющими и в обострении кризиса всего феодального строя. Этот кризис, углублявшийся на протяжении XVIII в., к концу столетия принял крайне острые формы».

При том, что на протяжении почти всего XX в. историки искали истоки Французской революции прежде всего в социально-экономической сфере,

идеологические аспекты также постоянно оставались в поле зрения исследователей. Процесс распространения просветительских идей теперь считали если и не прямой причиной Революции, то ее «идеологической подготовкой» или, как образно выразился тот же Манфред, «идеологической бомбардировкой феодально-абсолютистского строя».

Подобная трактовка причин Французской революции доминировала в отечественной науке практически до конца советского периода, однако за рубежом уже во второй половине XX столетия многочисленные конкретные исследования по проблемам социологии, экономики, политики и культуры Франции XVIII в. позволили в чем-то полностью пересмотреть, в чем-то существенно уточнить те представления об истоках Французской революции, которые долгое время господствовали в ее «классической» историографии.

Тот факт, что в 1788–1789 гг. Франция переживала тяжелый экономический кризис, является общим местом всех исторических трудов о Французской революции и никем под сомнение не ставится. Источники того времени свидетельствуют о значительном повышении цен на сельскохозяйственную продукцию и прежде всего на продовольствие, о массовом разорении промышленных предприятий и росте безработицы. Однако чем были вызваны эти явления: кризисным состоянием социально-экономической системы Старого порядка в целом или неблагоприятной экономической конъюнктурой вкупе с ошибками властей? На сей счет историками высказывались разные мнения: представители «классической» историографии, в соответствии с давней традицией, придерживались первой точки зрения, современные же специалисты по экономической истории, опираясь на данные новейших исследований, отдают предпочтение второй.

И действительно, если выйти за рамки нескольких предшествовавших Революции кризисных лет и взглянуть на развитие французской экономики в более широкой ретроспективе, то мы увидим, что с 20-х по 80-е годы XVIII в. страна переживала устойчивый экономический рост.

Особенно быстро развивались сектора экономики, связанные с колониальной торговлей. По ее общему объему, выросшему за этот период в четыре раза, Франция вышла на второе место в мире после Англии. Причем разрыв между двумя странами в данной сфере постепенно сокращался, поскольку французская внешняя торговля росла более высокими темпами. Сотни французских судов курсировали в «атлантическом треугольнике»: из Франции они везли в Африку ром и ткани, там наполняли трюмы чернокожими рабами для плантаций Вест-Индии, откуда возвращались в метрополию груженные сахаром-сырцом, кофе, индиго и хлопком. Колониальное сырье перерабатывалось на многочисленных предприятиях, окружавших морские порты, после чего готовые продукты частично потреблялись в самой стране, частично продавались за рубеж. Атлантическая торговля стимулировала развитие судостроения, текстильной и пищевой промышленности.

Больших успехов в XVIII в. добилась и тяжелая индустрия Франции. Богатые дворянские семьи охотно вкладывали в нее средства. В 80-е годы свыше 50% металлургических предприятий в стране принадлежали дворянам, более 9% – церкви. Так, именно в этот период капитан артиллерии Ф.И. де Вандель д'Эйянж вместе с английским инженером У. Уилкинсоном основали

знаменитый металлургический завод в Крезо, где в 1787 г. была проведена первая во Франции плавка с использованием кокса. В 80-е годы началось применение и первых паровых машин.

Заметный прогресс имел место и в сельском хозяйстве. Интенсивная пропаганда новейших методов агрикультуры, которую при поддержке властей осуществляли просветительские сельскохозяйственные общества, со временем принесла свои плоды. Передовые достижения агрономической науки постепенно воспринимались и крестьянской средой, получая все более широкое применение. Особенно же восприимчивы к ним оказались ориентированные на рынок крупные дворянские и фермерские хозяйства, ставшие своего рода «матрицей капитализма». В целом рост валового продукта сельского хозяйства с 1709 по 1780 г. составил до 40%. Развернутое государством строительство дорог, мостов и каналов способствовало расширению внутренней торговли и специализации различных регионов на производстве определенных видов продукции для рынка.

Устойчивый экономический подъем способствовал настоящему демографическому буму, не прекращавшемуся на протяжении всего столетия. К концу XVIII в. по численности населения (27 млн в 1775 г.) Франция лишь немногим уступала России (30 млн) и находилась на более или менее одинаковом уровне с монархией Габсбургов, значительно обгоняя остальные европейские страны (Испания и Англия – примерно по 10 млн, Пруссия – 6 млн).

Тем не менее ко второй половине 80-х годов XVIII в. в различных отраслях хозяйства Франции наметились серьезные кризисные явления, которые были вызваны целым рядом факторов, напрямую не связанных между собой. Эти факторы можно разделить на субъективные (просчеты в экономической политике правительства) и объективные, а последние, в свою очередь, – на долговременные (смена фаз многолетнего экономического цикла) и краткосрочные (неблагоприятная сезонная конъюнктура).

В функционировании экономики Старого порядка существовала определенная объективная цикличность: многолетние периоды роста цен на зерно сменялись столь же продолжительными периодами их снижения. Первая из этих тенденций была выгодна для производителей сельскохозяйственной продукции и способствовала расширению их хозяйственной деятельности, вторая, напротив, вела к сокращению их доходов и оказывала сдерживающее влияние на развитие аграрного сектора, да и всей экономики в целом, поскольку именно он составлял ее основу.

На протяжении большей части XVIII в. цены на зерно постепенно росли, но в 1776 г. эта фаза цикла закончилась, и они пошли вниз. Вскоре стали падать и цены на вино, важнейший продукт французского экспорта. Снижение доходов производителей сопровождалось сокращением найма рабочей силы и, соответственно, ростом безработицы в сельской местности. Чтобы поднять спрос на сельскохозяйственную продукцию и стимулировать ее производство, правительство предприняло ряд мер, направленных на расширение ее экспорта. В 1786 г. оно заключило торговый договор с Англией, который открывал британский рынок для французских вин. Взамен французский рынок открывался для продукции английских мануфактур. В 1787 г. был разрешен свободный вывоз зерна за рубеж и заключен торговый договор с

Россией, также предусматривавший выгодные условия для экспорта французских вин. Но требовалось время, чтобы русско-французский договор принес реальную выгоду. Остальные же, правильные в принципе, меры на деле не только не улучшили ситуацию, но еще больше ее усугубили.

Разрешение экспортировать пшеницу привело к тому, что значительная часть запасов зерна ушла за рубеж. Лето же 1788 г. выдалось неурожайным. В некоторых областях из-за дождей и страшных бурь погибло до четверти урожая. Цены на рынках взлетели. Стали распространяться панические настроения: люди боялись голода.

Торговый договор с Англией сулил французским земледельцам в перспективе немалую выгоду, однако гораздо быстрее промышленники Франции ощутили его издержки. Английские текстильные мануфактуры, имевшие лучшее техническое оснащение, заполнили своей дешевой продукцией французский рынок, вытесняя с него местных производителей. Вдобавок у тех возникли серьезные проблемы с сырьем. В 1787 г. сбор шелка-сырца был крайне низким, а неурожай 1788 г. спровоцировал забой овец и, соответственно, резкое сокращение их поголовья, что вызвало еще и дефицит шерсти. Все это вместе взятое привело к острому кризису французской текстильной промышленности: сотни предприятий закрылись, тысячи работников оказались на улице.

Ни один из названных факторов не являлся беспрецедентным для французской истории. И в предшествующие периоды негативное воздействие на экономику каждого из них время от времени имело место. Но уникальность ситуации 80-х годов XVIII в. состояла в том, что на сей раз проявление всех этих факторов совпало по времени, что сделало экономический кризис особенно глубоким и тяжелым.

Однако кризисное положение страны вскоре превратилось в катастрофическое, когда в столь сложной экономической ситуации власти оказались вынуждены приступить к реформе государственных финансов, крайне непопулярной среди привилегированных сословий.

О том важнейшем значении, которое имел дефицит государственных финансов для углубления во Франции политического кризиса, приведшего в конце концов к революции, много и охотно писали уже современники событий, причем не только в самой стране, но и за ее пределами. Вот, к примеру, мнение на сей счет ранее упоминавшегося Т. Пейна: «Доходов Франции, составлявших почти 24 млн фунтов в год, не хватало на покрытие расходов не потому, что доходы уменьшились, а потому, что возросли расходы. Этим обстоятельством и воспользовалась нация, чтобы совершить революцию».

Наличие серьезного финансового кризиса в предреволюционной Франции не ставится под сомнение никем из историков. В отношении же его причин единой точки зрения нет. Можно ли считать его свидетельством нежизнеспособности государственной системы Старого порядка в целом? Была ли она настолько недоступна для самореформирования, что ее революционная ломка оказалась неизбежной? Исследователями на сей счет высказывались разные мнения.

Дефицит средств преследовал французское государство на протяжении всех трех столетий существования Старого порядка (XVI–XVIII вв.).

Утверждение в этот период абсолютной монархии вело к быстрому росту административного аппарата и сопровождалось многократным, по сравнению со Средними веками, повышением расходов на его содержание. Кроме того, происходившие тогда же радикальные перемены в способах ведения войны (настолько радикальные, что даже получили в исторической литературе название «военной революции») сделали настоятельной необходимостью для Франции, как, впрочем, и для других европейских держав, иметь постоянную армию, что тоже потребовало существенного увеличения расходов.

Для удовлетворения этих радикально выросших финансовых потребностей государству приходилось использовать старую, унаследованную еще от Средневековья фискальную систему. Особенностью ее было крайне неравномерное распределение налогового бремени среди населения. Поземельный налог – талья, являвшийся основным источником государственных доходов, выплачивался непривилегированными сословиями, а дворянские и церковные земли были от него освобождены.

Помимо сословных привилегий, избавлявших от уплаты этого налога, специфика фискальной системы Франции состояла в том, что за долгую историю существования тальи монархи даровали и продали слишком много частных освобождений от нее. Особенно активно это происходило в периоды гражданских смут, когда короли для привлечения на свою сторону того или иного города, могли его освободить от тальи навечно. Такие же привилегии порою получали для своих владений и отдельные лица, не обладавшие сословными привилегиями. В результате подобного сокращения налогооблагаемых территорий увеличивалась доля оставшихся плательщиков, ибо общая сумма налога не сокращалась. Кроме того, при покупке дворянином крестьянской земли этот участок также освобождался от поземельного налога. Ну а поскольку расширение подобным способом дворянских владений приобрело в XVII–XVIII вв. массовый характер, это еще больше сокращало базу налогообложения и отягощало фискальный гнет для тех, кто привилегий не имел.

Правящие круги хорошо понимали опасность положения и уже в начале XVIII в. пытались скорректировать финансовую политику монархии. Первым шагом в этом направлении стало введение Людовиком XIV поголовного налога (капитации) – сначала временно, а с 1701 г. на постоянной основе. В 1710 г. этим же королем был установлен еще один всесословный налог – десятина. Хотя сами по себе эти меры еще не означали радикальных перемен в фискальной системе государства, они утвердили принцип всесословного налогообложения, реализация которого стала лейтмотивом действий последующих правительств.

В мае 1749 г., по инициативе Ж.-Б. Машо д'Арнувиля, министра Людовика XV, правительство отменило десятину, временный прямой налог, заменив ее постоянным налогом – двадцатиной, поступления с которого должны были идти в специальную кассу погашения государственного долга. В преамбуле особо подчеркивалось, что налог носит всесословный характер: «ничто не может быть более правильным и справедливым, чем распределение его между всеми французами в зависимости от их возможностей и размеров доходов». Причем основная тяжесть двадцатины ложилась на имущие слои населения, так как обложению подлежал лишь «чистый доход» – от земельной

собственности, торговли, промышленности, движимого имущества и должностей, но не плата наемных работников. Однако реформы Машо вызвали ожесточенное сопротивление традиционных государственных институтов – парламентов, провинциальных штатов, а также церкви. Поскольку преобразования были предприняты в крайне неблагоприятной обстановке широкого распространения оппозиционных настроений и падения авторитета власти, они не получили поддержки даже тех слоев общества, которые в перспективе должны были выиграть от более равномерного перераспределения фискального гнета. В результате правительство вынуждено было пойти на уступки церкви и в 1751 г. подтвердило налоговый иммунитет духовенства. Таким образом, хотя Машо и удалось добиться введения двадцатины, данный налог лишился своего принципиального преимущества – всесословности.

От правительства Людовика XV исходила инициатива и решительной судебной реформы – «революции Мопу» 1770–1774 гг., призванной устранить с политической арены те влиятельные традиционные суды, прежде всего парламенты, которые ранее оказывали упорное сопротивление политике центральных властей в различных сферах, в частности препятствуя любым попыткам финансовых преобразований, направленных на отмену фискального иммунитета привилегированных сословий. Довести до конца задуманное канцлеру Р.Н. де Мопу помешала, как известно, только скоропостижная кончина Людовика XV: новый король восстановил парламенты в их правах и отправил канцлера в отставку.

Министры Людовика XVI А.Р.Ж. Тюрго, Ш.А. Калонн и Э.Ш. Ломени де Бриенн также предпринимали с большей или меньшей степенью решительности меры против налоговых привилегий. Однако все их попытки модернизировать финансовую систему государства натолкнулись на упорное сопротивление привилегированных сословий и традиционных судебных учреждений.

Между тем к концу 80-х годов XVIII в. ситуация в сфере государственных финансов из хронически трудной превратилась в критическую из-за серьезных деформаций в кредитной политике, допущенных Ж. Неккером, генеральным директором финансов в 1777–1781 гг. Для финансирования участия Франции в войне против Англии на стороне североамериканских колоний Неккер использовал принципиально новую, не применявшуюся до него в столь широком масштабе схему покрытия военных расходов. Чуткий, как никто другой из министров, к реакции общественного мнения, он старался изыскивать средства на ведение войны, не повышая налогов, исключительно за счет займов. Новизна его политики состояла в том, что главными кредиторами государства, в отличие от предшествующих периодов, были не французские финансисты, а швейцарские и голландские банкиры. Столь радикальное изменение основных источников кредитования имело для французской монархии далеко идущие негативные последствия. Ранее (в 1601–1602, 1605–1607, 1623, 1661 и 1716 гг.) традиционным для нее средством преодоления послевоенных финансовых трудностей была политика «выжимания губок», т.е. расследование совершенных финансистами в годы войны злоупотреблений, за которые налагались огромные штрафы, что всякий раз позволяло существенно снизить государственный долг. По отношению же к иностранным кредиторам применить подобные методы оказалось просто

невозможно. И хотя за время своего министерства Неккер приобрел в глазах общественного мнения высочайшую популярность как человек, способный доставать деньги «из воздуха», своим преемникам он оставил гигантский государственный долг, поставивший страну на грань банкротства. В 1787 г. на обслуживание этого долга уходило до 50% всего бюджета. Для сравнения заметим, что военные расходы забирали 26%, а затраты на содержание двора – любимая тема оппозиционной печати – вместе с пенсиями (в том числе ветеранам) составляли лишь 8%.

Таким образом, несмотря на сложившуюся тогда в силу упомянутых ранее факторов крайне трудную экономическую ситуацию, французская монархия была вынуждена пойти на финансовые реформы, которые не могли не встретить ожесточенного сопротивления со стороны прежних элит, не желавших расставаться с привилегиями. Причем, как показало собрание нотаблей 1787 г., в своей борьбе за узкокорпоративные интересы привилегированные сословия охотно использовали, в духе времени, идеи и фразеологию Просвещения. Критика, которой оппозиционная публицистика подвергала власти, подрывала авторитет монархии среди значительной части подданных, особенно в городах. И если в прежние годы участие «низов» в политической борьбе сводилось в основном к моральной поддержке оппозиции и лишь изредка принимало форму уличных беспорядков, непродолжительных и спорадических, то во второй половине 80-х, когда снижение уровня жизни в результате экономического кризиса вызвало резкий всплеск активности этой ранее политически индифферентной части общества, ситуация резко изменилась в худшую сторону.

Как видим, вопреки некогда распространенному в либеральной историографии мнению о «косности» французской монархии Старого порядка, импульс к переменам шел на деле именно «сверху», от самой власти. Однако ей пришлось искать пути выхода из тяжелейшего финансового кризиса в крайне неблагоприятной общественной обстановке. Экономический спад до предела обострил недовольство «низов» и сделал их весьма восприимчивыми к популистским лозунгам антиправительственной оппозиции. Напротив, правительство, пытавшееся проводить преобразования, не пользовалось в обществе ни авторитетом, ни доверием, а слабый, нерешительный король по своим личным качествам совершенно не отвечал тем требованиям, которые предъявлялись к главе государства в столь критической ситуации.

Финансовый дефицит, падение цен, неурожаи, фронда знати и парламентов, голодные бунты, слабость центральной власти – все это бывало в истории Франции и раньше, но в разные периоды. Одновременное же действие всех этих негативных факторов вызвало тот социальный резонанс, который и привел к краху Старого порядка.

Впрочем, для того чтобы кризис превратился в революцию, ведущую к смене правящих элит, нужна была та самая новая элита, которая заменила бы прежние.

Как уже отмечалось выше, долгое время в «классической» историографии доминировала точка зрения о том, что социальной группой, возглавившей революционное движение против монархии Старого порядка, была предпринимательская буржуазия, якобы отстранившая в результате революю-

ции дворянство от власти. Однако во второй половине XX в. исследования по социальной и экономической истории, проводившиеся французскими, английскими и американскими учеными, показали, что лица, занимавшиеся во Франции XVIII в. капиталистическим предпринимательством, не представляли собой сколько-нибудь целостной социальной группы, обладавшей общими и тем более осознанными интересами. Различными видами предпринимательства тогда занимался широкий круг людей, принадлежавших к самым разным сословиям. Мы уже видели, что в металлургической промышленности доминировал дворянский капитал, а духовенство контролировало в этой сфере экономики довольно существенный сектор. Дворяне активно участвовали также в трансатлантической торговле и финансовых операциях. С другой стороны, представители третьего сословия, достигавшие предпринимательской деятельностью определенного преуспеяния, нередко аноблировались, покупая земельные владения или должности, дающие право на дворянский титул. При крайней пестроте социального состава круга лиц, занятых предпринимательством, ничуть не удивительно, что в ходе Революции эта общественная группа не демонстрировала сколько-нибудь единой, более или менее четко выраженной политической позиции. Представителей предпринимательской буржуазии можно было встретить среди как сторонников революционных преобразований, так и их противников, причем среди ни тех, ни других они не находились на первых ролях. Иными словами, если какая-либо социальная группа и может претендовать на звание лидера или «гегемона» Революции, то уж явно не эта, идеологически крайне разрозненная и политически весьма пассивная.

Проводившиеся во второй половине XX в. исторические исследования вдохнули новую жизнь в идеологическую интерпретацию истоков Французской революции, разумеется, на принципиально новом научном уровне. Как показывают социокультурные разыскания последних десятилетий, общим знаменателем, позволяющим рассматривать в качестве некого целого тот круг лиц, что стоял во главе революционного движения, было не их отношение к тем или иным видам хозяйственной деятельности, а готовность (декларируемая или искренняя) реализовать на практике принципы Просвещения. Соответственно в современной исторической литературе для обозначения данной социальной группы используется условное понятие «просвещенная элита».

Это политически активное меньшинство сформировалось во второй половине XVIII в., когда вся Франция мало-помалу покрылась густой сетью разнообразных общественных объединений: естественнонаучных, философских и агрономических кружков, провинциальных академий, библиотек, масонских лож, музеев, литературных салонов и т.п., – ставших источниками распространения просветительских идей. В отличие от традиционных для Старого порядка объединений эти ассоциации имели надсословный характер и строились на более или менее демократической основе. Среди их членов можно было встретить и дворян, и священнослужителей, и чиновников, и представителей образованной верхушки третьего сословия. Должностные лица таких обществ, как правило, избирались голосованием на альтернативной основе. Просветительские ассоциации разных городов имели между собой тесные и постоянные связи, образуя единую социокультурную среду,

в которой и сформировалось сообщество представителей всех сословий, стремившихся к воплощению в жизнь таких идей Просвещения, как народный суверенитет, права человека, веротерпимость и т.д.

Мощный толчок для распространения подобных настроений во Франции дала Американская революция, продемонстрировавшая возможность реализации этих принципов на практике. Она вызывала горячие симпатии просвещенных французов и способствовала росту популярности в их среде революционных идей.

С осени 1788 г. «просвещенная элита» фактически возглавила общенациональное движение во Франции за решительные изменения в общественном и государственном строе. Перехватив у правительства инициативу в осуществлении преобразований, она придала им такой размах и радикализм, при которых конечной целью перемен становилось уже не реформирование Старого порядка, а его полная ликвидация и замена новым.

ОТ СТАРОГО ПОРЯДКА К НОВОМУ

Начиная свой рассказ о Революции, французский историк Ф. Фюре писал, что «она дала имя тому, что сама же упразднила. Она назвала это “Старым порядком”. Однако тем самым она определяла не столько то, что уничтожала, сколько то, чем стремилась стать: радикальным разрывом с прошлым, отбрасываемым назад, во тьму варварства». Хотя данное определение Старого порядка и кажется, на первый взгляд, слишком расплывчатым, оно в то же время абсолютно верно. Это понятие с феноменальной быстротой формировалось прежде всего в области воображаемого и имело весьма опосредованное отношение к реальности – к той политической системе и к тому экономическому состоянию Франции, которые были рассмотрены в предыдущем разделе. Могущественная страна, пытавшаяся выйти из экономического кризиса, тысячелетняя монархия, отчаянно старавшаяся самореформироваться, представала в многочисленных газетах и памфлетах государством, находящимся на пороге катастрофы и руководимым настолько волюнтаристки бездарно, что к ее королю и правительству можно было применить лишь одно слово: «деспотизм». Словосочетание «Старый порядок» очень быстро стало синонимом косности, непроизводительных трат, бессмысленной смены министров, национального унижения едва ли не во всех войнах XVIII в.

Причину подобного состояния дел современники видели в первую очередь в бесконтрольности королевской власти. На эти мысли наводили сравнения с давним и куда более успешным соперником – Англией, однако не только они. Любопытный парадокс: хотя обе попытки ограничить влияние парламентов, позиционировавших себя в качестве защитников интересов народа, потерпели крах (реформа Мопу в 70-х и реформа Ламуаньона в 80-х годах XVIII в.), в обеих случаях монархия шла на попятный по своей воле (хотя и под давлением обстоятельств). Это лишь подкрепляло ощущение произвола королевской власти. Покончить с ним считали своим долгом многие депутаты Генеральных штатов, и не только от третьего сословия.

Однако открытие Генеральных штатов 5 мая 1789 г. разочаровало сторонников перемен. Людовик XVI стремился прежде всего к решению финансовых проблем, широкой программы реформ правительство не предложило. Судя по всему, власть не до конца осознавала, что за предшествовавшие несколько лет ее положение в обществе существеннейшим образом изменилось. Выборы в Генеральные штаты неожиданно для правительства вызвали бурный всплеск публицистической активности. Оппозиция уже не представляла собой конгломерат разнонаправленных и разрозненных сил, часть ее сумела самоорганизоваться и провозгласить себя «патриотической партией». Ее ядром стала группировка, которая впоследствии получит название «Комитета тридцати». В него входили такие влиятельные политики и публицисты, как А. Дюпор; епископ Отена Ш.М. Талейран-Перигор; М.Ж. дю Мотье, маркиз де Лафайет; О.Г. Рикети, граф де Мирабо; аббат Э.Ж. Сийес. Избранные в Генеральные штаты, они стремились стать лидерами рвущихся к власти депутатов от третьего сословия. Вместе с другими выдвинувшимися в 1787–1789 гг. политиками (такими как адвокат из Гренобля Ж.Ж. Мунье

и астроном Ж.С. Байи) они взяли курс на утверждение верховенства третьего сословия в Генеральных штатах. Как писал незадолго до того популярный журналист и аналитик Ж. Малле дю Пан: «Характер полемики совершенно изменился. Король, деспотизм и конституция – теперь уже вопросы второстепенные. Война разгорелась между третьим сословием и двумя другими».

Для сторонников доминирования третьего сословия идейным обоснованием этой «войны» стала новая система ориентиров и ценностей, краеугольным камнем которой сделалось понятие «нация». К 1789 г. оно уже не было новым, однако взлет популярности этого слова оказался настолько быстр, что даже не все успевали разобраться, что за ним стоит. Еще до начала революции аббат Сийес выдвинул парадоксальную идею о том, что «если удалить привилегированное сословие, нация отнюдь не станет меньше, она лишь станет больше»; имелось в виду, что дворянство и духовенство необходимо вывести за пределы нации, поскольку она должна объединять лишь тех, кто вносит вклад в общее дело. Зримым выражением будущего единства, по его мнению, должно было стать упразднение всех привилегий. При этом понятие «нация» оказалось для депутатов значительно более приемлемым, чем слово «народ», вызывающее ненужные ассоциации с плебсом.

Концепция нации оказалась востребована в это время отнюдь не случайно. Депутаты Генеральных штатов традиционно считались собранными по воле короля представителями нации, и именно эта двойственность положения открывала для них возможность играть самостоятельную политическую роль. Ведь в соответствии с популярными идеологическими концепциями века Просвещения публичная власть основывалась не на божественном праве, а на заключенном в незапамятные времена общественном договоре, создавшем верховного суверена – народ, нацию, обладающую общей волей. Именно в силу решения этого суверена в ряде стран верховная власть была «временно» вручена королям. Соответственно официальное признание подобных идей давало безграничные возможности по «легальному» реформированию политического устройства Франции вплоть до изменения формы правления, стоило лишь депутатам объявить себя полновластными представителями нации и добиться всеобщего признания в качестве таковых.

Следуя этой логике, депутаты Генеральных штатов (прежде всего от третьего сословия) вскоре после открытия заседаний стали претендовать на полномочия, немыслимые в рамках Старого порядка. Хотя по традиции они должны были руководствоваться составленными избирателями наказами (т.е. исполнять императивный мандат), 17 июня 1789 г. даже не все Генеральные штаты, а лишь представители третьего сословия объявили себя Национальным собранием, которому одному «принадлежит право выражать и представлять общую волю нации». Впоследствии к ним присоединились и представители двух других сословий. Развивая успех, меньше чем через месяц Национальное собрание провозгласило себя Учредительным, обязавшись тем самым дать стране конституцию.

К концу лета депутаты подготовили и 26 августа утвердили ее преамбулу – Декларацию прав человека и гражданина. По этому тексту видно, как к 1789 г. формируется относительно единая система ценностей, выработанная Просвещением. Декларация открывалась следующими словами: «Представители французского народа, объединенные в Национальное собрание и

полагая, что невежество, забвение прав человека и пренебрежение к ним являются единственными причинами общественных бедствий и пороков правительств, приняли решение изложить в торжественной декларации естественные, неотъемлемые и священные права человека».

Первая статья Декларации гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Естественными и неотъемлемыми правами человека объявлялись свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. В их число не входило равенство, однако Декларация провозглашала, что все граждане имеют право участвовать в разработке законов, которые должны быть едины для всех. Также постулировалось равное налогообложение и равный доступ к общественным должностям. Депутаты сочли необходимым пояснить, что «свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому», и отдельно закрепили в Декларации свободу слова и вероисповеданий, а также презумпцию невиновности. Все привилегии, сословия, цехи и корпорации, титулы и рыцарские ордена упразднялись.

Таким образом, Декларация прав человека и гражданина возвещала гибель Старого порядка и вместе с тем формулировала программу на будущее. При этом никакая конкретная форма правления Декларацией не предусматривалась. Законодатели предпочли не связывать себе руки и намеренно составили текст, способный лечь в основу любого государственного устройства. Тем не менее ссылка на необходимость обеспечить разделение властей фактически исключала как возможность возвращения к неограниченной монархии, так и возможность установления прямой демократии.

Эти принципы, на которых должно быть основано новое общество, станут впоследствии называть «принципами 1789 года». Именно их нередко будут рассматривать в качестве одного из самых важных завоеваний революции, со временем они сделаются неотъемлемой частью современных политических теорий. Предполагалось, что их провозглашение даст законодателям необходимые ориентиры для создания новой конституции, в центре которой окажется уже не суверенитет короля, а суверенитет нации. Дебаты по отдельным ее статьям заняли более двух лет, и лишь в начале сентября 1791 г. Франция превратилась в конституционную монархию в полном смысле этого слова.

Как отмечал исследователь французской исторической лексики Ф. Брюно, за эти годы «все, что было королевским, стало национальным». И значительная часть усилий Учредительного собрания была направлена именно на то, чтобы превратить французов в монолитную нацию. На пути к единству стояли сословные привилегии – их отменили вместе с самими сословиями и дворянскими титулами. Национальному единству препятствовал партикуляризм провинций, поэтому сначала отказались от их привилегий, а затем и вовсе покончили со старым административным делением страны, создав 83 более или менее равных по территории департамента, получивших названия от топонимов (Сена-и-Марна, Верхние Альпы, и т.д.). В 1790 г. специальной комиссии с участием знаменитых математиков, астрономов, физиков и химиков было поручено разработать новую единую систему мер и весов, способную заменить конгломерат крайне запутанных локальных систем

измерений; эта работа была завершена значительно позже, уже во времена Конвента.

Особого осмысления потребовала проблема выражения воли нации. При невозможности организовать референдум по каждому законопроекту было решено, что «нация, единственный источник всей власти, осуществляет ее лишь путем делегирования» своих полномочий будущему законодательному корпусу и королю. Противоречие между принадлежностью к нации всех жителей страны и нежеланием депутатов доверять избрание членов законодательного корпуса и других органов власти женщинам и беднякам было устранено путем разделения всех граждан страны на «активных» и «пассивных». Мужчины старше 25 лет, не находившиеся в услужении и уплачивавшие прямой налог в размере стоимости трех рабочих дней, считались «активными» и получали право голоса; остальные пользовались лишь защитой закона.

Одновременно предполагалось, что депутаты, нынешние и будущие, получают свои полномочия от всего народа, а не от избравшего их города или департамента, поскольку воля нации едина и неделима. В силу этой же идеологемы оказалось невозможным и возникновение политических партий, подобных английским вигам и тори. Напротив, само слово «партия» носило негативный оттенок, поскольку принадлежность к ней, как полагали, неминуемо раскалывала волю нации, заставляла человека поступать по воле руководства партии, а не избирателей, принимать решения в соответствии с партийными интересами, а значит, во вред общему благу.

Другое дело, что в реальности те или иные объединения граждан все равно возникали. Для первых лет революции они нередко принимали облик традиционной для Старого порядка клиентелы, следующей в фарватере своего патрона (такие разветвленные клиентелы, к примеру, были у героя Войны за независимость США, популярного генерала Лафайета и у обладавших немалым влиянием братьев А. и Ш. Ламетов). С 1788 г. стали появляться и новые формы – клубы, создававшиеся по аналогии с теми многочисленными общественными объединениями XVIII в., о которых шла речь в предыдущем разделе этой главы. В некоторых из них существовал вступительный взнос, часть клубов предполагала четко оформленное членство, однако участие в работе клуба, как правило, не предусматривало ни «партийной дисциплины», ни совместного участия в выборах, ни солидарного голосования в органах власти.

Первым из таких объединений считается Бретонский клуб, организованный в июне 1789 г. вокруг депутатов Генеральных штатов из Бретани. Осенью 1789 г. образуется знаменитое «Общество друзей конституции», в которое также входила часть депутатов Учредительного собрания. Переехав из Версаля в Париж, оно обосновалось в бывшем монастыре якобинцев на улице Сент-Оноре, в двух шагах от дворца Тюильри, и вскоре получило название Якобинского клуба. Постепенно в других городах стали появляться его филиалы, которые обладали значительной автономией и не подчинялись напрямую центральному обществу, однако активно обменивались с ним текстами речей, петициями, информацией. Это позволяло Якобинскому клубу хорошо представлять себе, что происходит в стране и одновременно оказывать влияние на ситуацию на местах. В июне 1790 г. таких филиалов насчи-

тывалось уже около ста, а через год – более четырехсот. Более демократичным по своему составу был другой, не менее знаменитый клуб «Общество друзей прав человека и гражданина», заседавшее в монастыре кордельеров (соответственно, его называли Клубом кордельеров). Оно возникло весной 1790 г., членские взносы там были ниже, чем у якобинцев, меньше было и депутатов, однако в нем выступали молодые революционеры, которые приобрели широкую известность чуть позже: адвокат Ж.Ж. Дантон, журналист К. Демулен. Именно этот клуб со временем стал ядром республиканского движения в Париже.

Члены клубов более или менее регулярно собирались для обсуждения политических проблем. Подобно журналистам и публицистам они формировали общественное мнение, высказывали различные точки зрения на происходящее, осуществляли контроль «народа» за властями. Но, разумеется, свобода слова реализовывалась отнюдь не только в рамках клубного движения. Участие в выборах в Генеральные штаты, а затем и в работе Учредительного собрания во многом предусматривало публичность. Выпускалось множество памфлетов, проводились многочисленные собрания, самые яркие речи попадали в газеты, возникавшие одна за другой как на местном уровне, так и в столице. По подсчетам исследователей, с 5 мая 1789 г. до конца года стало выходить не менее 250 регулярных изданий, за 1790 г. – еще 350 (всего же с 1789 по 1800 г. существовало более 1350 газет). Благодаря прессе, популярные ораторы в одночасье приобретали национальную известность и превращались в не имевших формальной власти, но пользовавшихся огромным влиянием «владык умов» (chefs d'opinion).

Пожалуй, самым популярным из них в эти годы был Мирабо. Прирожденный оратор, огромный, могучий, с громовым голосом, он легко подчинял себе Учредительное собрание и казался многим живым воплощением революции. В юности он вел весьма разгульную жизнь, несколько раз попадал в тюрьму, рассорился с семьей. Шанса удовлетворить свои амбиции в рамках традиционных институтов при такой репутации у него не было, и Мирабо сделал ставку на перемены, пройдя в Генеральные штаты по спискам третьего сословия. Когда весной 1791 г. он скончался в зените славы, Собрание постановило похоронить его в церкви Св. Женевьевы в Париже, превращенной по такому случаю в Пантеон великих людей. И лишь позднее, после падения монархии, выяснилось, что долгое время Мирабо состоял в тайной переписке с королевской семьей и принимал от нее деньги. Кумир был развенчан.

Хотя все стремившиеся к популярности «владыки умов» выдвигали в начале революции требование ограничения королевской власти, среди революционеров не было единства. Самым ярким свидетельством этого стал стремительный уход с политической арены группы приверженцев конституционной монархии по английскому образцу (monarchiens), оказывавших немалое влияние на работу Собрания (в их число среди прочих входили члены конституционного комитета Ж.Ж. Мунье, П.В. Малуэ и Т.Ж. Лалли-Толендаль). Оказавшись не в силах добиться согласия коллег на формирование двухпалатного законодательного корпуса и на признание права короля налагать безусловное вето на решения депутатов, потрясенные агрессивностью наро-

да по отношению к королевской семье, эти политики постепенно покидали Учредительное собрание и отправлялись в эмиграцию.

Эмиграция стала прибежищем многих из тех, кто не смог или не захотел принять перемены. Исследователи сходятся во мнении, что общее число эмигрантов за годы революции достигло 100–150 тыс. человек, дворянство составляло из них всего 17%, около 25% – духовенство, остальные принадлежали к третьему сословию (крестьян уехало из страны больше, чем дворян). Таким образом, нация оказалась расколота не только политически, но и физически.

На пути к национальному единству существовало немало и иных препятствий. Прежде всего стремясь сделать революцию необратимой на всей территории страны, Учредительное собрание постаралось, чтобы назначение должностных лиц было заменено их выборностью. Старые органы местной власти смещались и заменялись новыми – муниципалитетами (этот процесс получил название «муниципальной революции»). Однако платой за внедрение демократических начал стало превращение французов, по словам Мирабо, в «аморфную массу разобщенных народов», перед которыми встала задача превратиться в «осознающую саму себя и свой суверенитет нацию». Эта задача была решена за счет идеи федерации, т.е. своеобразной формы объединения, «братского союза» представителей различных муниципалитетов, выступавших за проводимые в стране преобразования и готовых дать отпор их противникам. Ее высшей точкой стал проведенный в Париже 14 июля 1790 г. праздник Федерации, в ходе которого съехавшиеся со всех концов страны французы в полной мере ощутили свое единство не только друг с другом, но и с королем, публично поклявшимся соблюдать конституцию. «Предатели нации боятся федерации», – пели тогда в Париже.

Другой проблемой стало трудноразрешимое противоречие: жесткая централизаторская политика сплачивала французов в единую нацию, но в результате декреты, принимавшиеся в Версале, а затем в Париже, нередко воспринимались на местах как стремление столицы навязать народу свою волю и тем самым вызывали отторжение. В своем стремлении объединить нацию депутаты в то же самое время усиливали факторы, нарушающие это единство. К 1793 г., когда давление центра станет особенно сильным, неожиданно выяснится, что в различных по уровню экономического развития и по силе привязанности к локальным обычаям частях страны люди готовы браться за оружие, чтобы отстоять свою самостоятельность. Слово «федерализм» станет синонимом «сепаратизма», восстанут Лион, Бордо, Марсель, начнутся волнения в Бретани и Нормандии, поднимутся юг и юго-запад. Во времена диктатуры монтаньяров против столицы выступят более 60 департаментов из 83-х.

Ситуация усугублялась тем, что с первых дней революции парижане ощутили себя ее движущей силой и уверовали, что народное восстание является самым эффективным инструментом для того, чтобы подталкивать ее «вперед». Датой начала революции традиционно считается восстание 14 июля 1789 г., когда ответом на стягивание войск к Версалю и увольнение популярного министра Неккера штурмом была взята знаменитая королевская тюрьма Бастилия – символ деспотизма. Тремя месяцами позже, после событий 5–6 октября, резиденция короля и Собрания была перенесена в Париж.

В результате власти оказались под постоянным надзором парижан, которые получили возможность оказывать на них прямое давление.

Еще одним фактором, раскалывавшим единство нации, сделался религиозный конфликт, развивавшийся совсем по иным направлениям, нежели в предшествующие века. Для Учредительного собрания он стал во многом неожиданным: казалось бы, правительственная политика в духовной сфере, напротив, должна была исключить всякую конфронтацию. Еще на излете Старого порядка монархии практически удалось решить проблему протестантов: поставленные в жесткую оппозицию к власти после отмены Нантского эдикта в 1685 г., они обрели гражданские права по королевскому указу 1787 г. Полтора десятка из них стали депутатами Учредительного собрания. В это число входили шесть пасторов и ряд политиков, приобретших вскоре национальную известность: в частности Ж.П. Рабо Сент-Этьен, будущий жирондист и депутат Конвента, прославившийся выступлениями по религиозным вопросам (в историю вошла его знаменитая фраза: «Я требую не терпимости, а свободы!») и будущий влиятельный термидорианец Ф.А. Буасси д'Англа. В декабре 1789 г. Учредительное собрание открыло протестантам свободный доступ ко всем должностям в администрации и в армии, а затем приняло декрет, по которому потомкам протестантов, эмигрировавших из страны в ходе Религиозных войн, возвращались их земли. Значительно позже и с существенно большими сложностями получили права гражданства и евреи, хотя, в отличие от протестантов, они в основной массе не спешили участвовать в революции или использовать свое право голоса.

Таким образом, Учредительное собрание сумело сгладить остроту религиозных противоречий. И тут же разрушило хрупкий мир своими же руками. 2 ноября 1789 г. оно издало декрет, объявив все церковные имущества перешедшими в собственность нации (отсюда и название «национальные имущества», принятое в ходе революции для конфискованных владений). Эта идея была предложена одним из иерархов французской Католической церкви Талейраном, епископом Отенским. Несмотря на протесты духовенства, он с легкостью убедил депутатов, что эта мера поможет решить финансовые проблемы и в то же время не затронет базовый принцип собственности, поскольку церковь нельзя признать таким же собственником, как и остальных. Под обеспечение национальных имуществ были выпущены специальные ценные бумаги, ассигнаты, превратившиеся вскоре в результате дополнительных эмиссий в стремительно обесценивающиеся бумажные деньги. Люди, приобретавшие национальные имущества или получавшие прибыль от их перепродажи, вливались в слой новых собственников, кровно заинтересованных в необратимости произошедших перемен.

Летом–осенью 1790 г. церковная реформа вступила в новую фазу. По решению законодателей было учреждено так называемое «гражданское устройство духовенства»: французская церковь полностью выводилась из сферы влияния папы римского и переходила под контроль государства. Должности епископов и священников становились выборными, все клирики начали получать от государства жалованье и должны были присягнуть на верность «нации, закону и королю». Ряд функций церкви (регистрация рождений, смертей и браков) передавался в руки светских властей.

На первый взгляд, в этой реформе был свой смысл: раз духовенство оказалось лишено возможности жить за счет земельных владений церкви, государство вынуждено было взять его на содержание, требуя взамен полной лояльности. К тому же изменение основ существования церкви во Франции следовало той же логике, что и преобразования в других сферах. На всей территории страны жизнь духовенства была унифицирована, кюре и епископы избирались активными гражданами по приходам и департаментам, сокращался характерный для Старого порядка разрыв между высшим и низшим клиром.

Однако неожиданно для законодателей реформа расколола духовенство на «присягнувшее» и «неприсягнувшее». Лишь семь епископов, включая Талейрана и Ж.Б.Ж. Гобеля, который позднее примкнул к эбертистам и отрекся от сана, согласились принести присягу. Дать клятву согласились примерно 52% священников. При том, что папа римский весной 1791 г. осудил реформу, а «неприсягнувшим» поначалу было разрешено продолжать свою пастырскую деятельность (хотя они лишались денежного содержания), вокруг них получили легальную возможность группироваться противники нового режима. Впоследствии немало священников сыграли значительную роль в контрреволюционном движении, епископы Тура и Арраса стали советниками и помощниками эмигрировавших принцев.

На примере гражданского устройства духовенства просматривается весьма характерный для революции ожесточенный конфликт интересов, граница которого проходила отнюдь не между социальными слоями. Не менее показательным примером такого конфликта могут послужить и противоречия между интересами крестьян и городского населения, сыгравшего в революции ведущую роль. Когда с весны 1789 г. по всей стране начались крестьянские восстания, заслужившие в историографии название «крестьянской революции», Учредительное собрание отреагировало на них запоздало, хотя и весьма эффектно. 4–11 августа 1789 г. по инициативе дворянства, обеспокоенного ситуацией в деревне, оно обсудило и приняло серию декретов, провозглашавших, в частности, отказ от личных сеньориальных прав: судебных, исключительного права охоты, права «мертвой руки» и ряда других. Все крестьяне во Франции становились лично свободными. Десятина упразднялась. Что же касается платежей и повинностей, они были расценены как обычная частная собственность владельцев земель, их дозволялось лишь выкупать.

Ночь с 4 на 5 августа, когда аристократы один за другим поднимались на трибуну Собрания, отрекаясь от своих привилегий, вошла в историю как «Ночь чудес». Однако беспрецедентные по сути, эти решения оказались на удивление малоэффективны с точки зрения крестьянства. Удовлетворив его в символическом плане, они совершенно не устроили население деревень в плане материальном. Узнав о том, что «Национальное собрание полностью разрушило феодальный порядок», сельские жители стали отказываться платить землевладельцам вообще что бы то ни было, а попытка и далее взимать сеньориальные платежи вызвала лишь новую волну восстаний. Организовать их подавление депутатам так и не удалось. Будучи преимущественно городскими жителями, они плохо понимали причины ожесточения крестьян. К тому же в новой системе ценностей отношение к бунтам и восстаниям

начало приобретать совершенно иные черты, нежели ранее. Стремясь легитимизировать задним числом те события, которые расшатывали основы королевской власти и тем самым укрепляли могущество Национального собрания, депутаты включили в Декларацию прав столь же расплывчатое, сколь и многозначительное «право на сопротивление угнетению». Оценивая крестьянские восстания, бушевавшие летом 1789 г., герцог д'Эгийон, один из самых богатых людей Франции, говорил: «Это не просто разбойники, стремящиеся с оружием в руках обогатиться во времена бедствий. Во многих провинциях весь Народ ⟨...⟩ стремится сбросить наконец то ярмо, которое давило на него на протяжении стольких веков. Стоит признать, господа, что это восстание хотя и преступно, как преступно любое неистовое насилие, может все же найти себе оправдание в притеснениях».

Таким образом, хотя в реальности французская нация складывалась еще долгие годы, хотя к факторам, исторически препятствовавшим единству, Учредительное собрание, само того не желая, добавило ряд новых, 1789 год ознаменовал рождение этой нации по крайней мере на идейном и законодательном уровнях. На смену самому страшному преступлению Старого порядка, «оскорблению величества» (lèse-majesté) пришло «оскорбление нации» (lèse-nation). Изменилась и символика. Знаменем революционной Франции стал знаменитый «триколор» с синей, белой и красной полосами. Существует несколько легенд о его возникновении. Согласно самой распространенной, его появление датируется 17 июля 1789 г., когда Людовик XVI согласился в знак примирения разместить на своей шляпе рядом с белой монархической кокардой синие и красные ленты цветов города Парижа. Другая легенда утверждает, что этот знак должен был показывать единство трех сословий: голубой цвет символизировал третье сословие, белый – духовенство, красный – дворянство. Так или иначе, поначалу и порядок цветов и ориентация полос варьировались, пока 15 февраля 1794 г. Конвент не принял декрет, увековечивший их современное расположение.

Однако Старый порядок сменился новым отнюдь не только в символическом плане. К 1791 г. на месте древнего королевства оказалась совершенно новая страна. Остались в прошлом монархия божественного права и сеньориальный порядок, законодательная власть перешла из рук короля в руки «представителей народа», церковь была взята под контроль государства. Административно-территориальное деление и законодательство этой страны стали совершенно иными, сменилась и идейная основа самой власти: на смену традициям и фундаментальным законам монархии пришла конституция, в которой закреплялись принципы народовластия и естественного права. Суверенитет короля уступил место суверенитету нации.

ТЕРРОР

5 сентября 1793 г. многолюдная манифестация парижан в стенах Конвента потребовала от национального представительства «поставить террор в порядок дня». Предложение было с готовностью встречено депутатами, которые тут же приняли ряд мер, облегчавших преследование «врагов революции». В последующие месяцы, вплоть до 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.), репрессивная политика революционного правительства приобретала все более систематизированный и широкий характер. Соответственно весь этот период революции в исторической литературе получил краткое, но зловещее наименование: «Террор».

Хотя в хронологии революции 1789–1799 гг. эпоха Террора занимает относительно небольшой отрезок времени (менее года), ей традиционно придается важное значение при оценке всего революционного десятилетия. Ведь сколько бы апологеты Французской революции не восхищались ее достижениями, им неизбежно приходится возвращаться к неудобному и трудному для себя вопросу: почему начатая во имя идей свободы, справедливости и терпимости эта революция затем породила систему целенаправленного и хладнокровного уничтожения тысяч людей, в большинстве своем далеких от политики и ни в чем не виноватых? Без сколько-нибудь четкого ответа на этот вопрос никакая трактовка Революции не выглядит убедительной.

За двести с лишним лет, минувших после Французской революции, феномену Террора предлагалось множество объяснений, сначала современниками революционных событий, затем историками. Однако, несмотря на кажущуюся разноголосицу столь многолюдного хора в партиях всех его участников, если внимательно к ним прислушаться, легко различимы три доминирующих мотива, звучащие либо по отдельности, либо в различных сочетаниях. Их можно условно определить как «мотив обстоятельств», «социальный мотив» и «мотив утопии».

«Мотив обстоятельств» впервые прозвучал едва ли не сразу по окончании Террора – уже в ближайшие недели после «революции 9 термидора». Не прошло и месяца после свержения «робеспьеристского триумвирата», как некоторые депутаты Конвента попытались возложить вину за преступления Террора также на Б. Барера, Ж.Н. Бийо-Варенна и Ж.М. Колло д'Эрбуа – тех членов Комитета общественного спасения, которые и сами участвовали в перевороте. В свое оправдание обвиняемые выдвинули тезис о том, что их действия, в отличие от политики «кровожадных» робеспьеристов, диктовались исключительно силой обстоятельств. Классическую формулировку этого мотива дал Л. Карно, выступивший весной 1795 г. в защиту своих бывших коллег по Комитету общественного спасения: «Не следует ли, наконец, сопоставить факты с теми ужасными обстоятельствами, которые их вызвали? Разве обстоятельства, в которых находилась Франция, были обычными? ⟨...⟩ неприятель вторгся со всех сторон; для защиты крепостей в арсеналах не имелось ни пушек, ни пороха; мы обладали малочисленными, плохо дисциплинированными войсками с генералами-предателями во главе;

надо было призвать миллион солдат в тот момент, когда уже первый набор в 300 тыс. человек вызвал восстание, вооружить их, хотя склады были пусты, экипировать при недостатке сырья, наконец, прокормить их в границах Республики продовольствием с ее же территории при том, что часть этой территории была опустошена вражескими армиями и повсюду ощущалась нехватка провизии; и все это происходило в обстановке самого упорного сопротивления и в окружении активно действующих фракций. Не считаете ли вы, граждане, что все это можно было сделать без средств принуждения?»

Особенно громко «мотив обстоятельств» зазвучал во время Реставрации, когда большинство «цареубийц» – депутатов Конвента, проголосовавших за казнь Людовика XVI, – подверглись гонениям, а роялистская публицистика стала отождествлять прошедшую революцию с Террором. Вот тогда-то в воспоминаниях многих бывших революционеров и людей им сочувствующих апелляция к «обстоятельствам» стала общим местом. Писатель Ш. Нодье, например, утверждал: «События бывают гораздо сильнее характеров и ⟨...⟩ если некоторые люди давили на своем пути народы, то лишь потому, что их толкала сила столь же непреодолимая, как та, что пробуждает вулканы и низвергает водопады».

Этот же «мотив» доминировал и в получивших широкую известность мемуарах бывшего члена Конвента Р. Левассёра: «Никто не думал устанавливать систему террора. Она была создана силой обстоятельств...» По его словам, репрессии 1793–1794 гг. были вызваны необходимостью борьбы с интервенцией и внутренней контрреволюцией.

Бывший член Конвента, а затем граф империи А.К. Тибодо в своих «Мемуарах о Конвенте и Директории» (1824) также писал о стихийном характере возникновения и распространения Террора. «Ничто не было так далеко от систематичности, как террор ⟨...⟩, – доказывал он. – Именно сопротивление внешних и внутренних врагов революции мало-помалу довело дело до террора».

Из сочинений участников революционных событий «мотив обстоятельств» перекочевал в труды либеральных историков XIX в., которые, объясняя происхождение Террора «силой вещей», стремились оправдать Революцию в глазах новых поколений французов, ее не заставших. «Как могли они [революционеры], – риторически вопрошал Ф. Минье, – победить иностранных врагов без фанатизма, обуздать клики, не сея террор, накормить толпу без максимума и содержать армию без реквизиций?»

Доминировал «мотив обстоятельств» на исходе XIX – начале XX в. и в работах А. Олара, главного официального историографа Французской революции при Третьей республике. Да и сегодня «мотив обстоятельств» сам по себе или в сочетании с другими по-прежнему достаточно часто встречается в исторической литературе, в частности во многих учебных пособиях.

Между тем уже некоторые современники революционных событий высказывали сомнения относительно возможности объяснить Террор одной лишь «силой вещей». Так, П. Баррас, активный участник термидорианского переворота, а затем фактический глава Директории, в своих «Мемуарах» (опубл. 1895–1896) отмечал, что ссылка на обстоятельства не позволяет понять явление в целом: «...Хотя может показаться, что ту эпоху легко объяснить чувствами, побуждениями и взглядами, обусловленными вторжением в

страну неприятеля, тем не менее в причинах, которые привели к подобному состоянию всеобщего террора, есть нечто до сих пор не постижимое...»

В 60-е годы XIX в. французский историк Э. Кине подверг «мотив обстоятельств» обстоятельной критике, сохранившей свое значение и доныне. Он обратил внимание на то, что сторонники подобного объяснения постоянно совершают хронологическую инверсию, поскольку ни один из актов Террора не становился непосредственной причиной или условием последующих военных успехов; напротив, самые жестокие репрессии всегда имели место уже *после* одержанных побед. Восставший против революционного правительства Лион пал 9 октября 1793 г. в результате массированного артиллерийского обстрела и захвата республиканской армией высот на правом берегу Соны. Массовый же террор в этом городе начался только месяц спустя, после прибытия туда представителей Конвента Колло д'Эрбуа и Фуше. Вандейские повстанцы потерпели поражение под Нантом еще в июне 1793 г., а тысячи пленных и арестованных были утоплены в Нанте по приказу представителя Конвента Ж.Б. Каррье лишь в конце того же года.

ТЕРРОР В НАНТЕ

> «Получив распоряжение военной комиссии засвидетельствовать беременность большого количества женщин, содержавшихся в помещении складов, я обнаружил там множество трупов; я видел там детей, бьющихся или утопленных в полных экскрементами лоханях. Я проходил по огромным помещениям; мое появление заставляло женщин трепетать: они не видели других мужчин, кроме палачей... Я засвидетельствовал беременность тридцати из них; многие из них были беременны уже семь или восемь месяцев; через несколько дней я вернулся, чтобы вновь их осмотреть... Я свидетельствую, и душа моя разрывается от горя: эти несчастные женщины были сброшены в реку! Эти картины мучительны, они поражают человечество; однако я должен дать суду самый точный отчет о том, что знаю».
>
> *Показания врача Жоржа Тома, свидетеля на проходившем в Париже в сентябре–декабре 1794 г. процессе над членами Революционного комитета Нанта и бывшим представителем Конвента в Нанте Ж.-Б. Каррье.*

Главные силы вандейцев были разгромлены в декабре 1793 г. при Ле Мане, и только после этого в январе 1794 г. карательные отряды (так называемые «адские колонны») генерала Л.М. Тюрро вторглись в уже беззащитную Вандею для массового истребления ее жителей. Печально знаменитый декрет от 22 прериаля II года Республики (10 июня 1794 г.), положивший начало наиболее интенсивному или «Великому» террору, и вовсе был принят в тот момент, когда французские армии вели успешное наступление по всем фронтам на территории неприятеля. «Станем ли мы утверждать, – резюмировал Кине, – что в нашей системе следствие предшествует причине? Нам придется это сделать, если мы по-прежнему будем утверждать, что Террор был необходим для обеспечения республиканских побед, которые ему предшествовали».

При введении Конвентом той или иной меры, направленной на ужесточение Террора, ее инициаторы практически никогда не мотивировали свое предложение угрожавшей Республике военной опасностью, а всегда ссылались на некие внутренние заговоры против Революции. Иначе говоря, сами

творцы Террора отнюдь не считали его вынужденным ответом на исключительные обстоятельства военного времени, а вспомнили о последних, только когда пришла пора отвечать за свои действия. Что же касается «врагов внутренних», то, как известно, наибольшего размаха Террор достиг летом 1794 г., когда не только какое-либо открытое сопротивление, но даже самая умеренная политическая оппозиция революционному правительству были сведены на нет.

Одним словом, стремление объяснить Террор «мотивом обстоятельств» противоречит и фактам, и хронологии.

Также вскоре после Термидора впервые прозвучал и «социальный мотив», а именно мнение, что возглавлявшие революционное правительство в период Террора робеспьеристы, проводя репрессивную политику, защищали интересы определенного общественного слоя. Уже в январе 1795 г. Г. Бабёф в нашумевшем памфлете «О системе уничтожения населения» заявил, что Робеспьер и его «партия» следовали тщательно разработанному плану перераспределения имуществ в пользу бедняков, для чего занимались массовым истреблением крупных собственников. Впрочем, далее автор выдвинул гипотезу о намерении робеспьеристов уничтожить также часть самих бедняков, дабы освободить страну от избыточного населения. Разумеется, подобная трактовка событий была продиктована в значительной степени конъюнктурными соображениями: в те месяцы Бабёф, только что вышедший из тюрьмы благодаря Термидору, выступал одним из наиболее ярых критиков свергнутой власти и с гордостью носил титул «Аттилы робеспьеризма». В дальнейшем же, когда Бабёф встал во главе коммунистического «заговора равных» и сменил отрицательное отношение к Робеспьеру на апологетическое, он отказался от последней гипотезы, сохранив до конца жизни уверенность в том, что «Неподкупный» и его окружение, проводя политику Террора, руководствовались заботой о неимущей части общества и стремились к установлению «подлинного равенства».

Такая интерпретация Террора получила развитие в сочинении Ф. Буонарроти «Заговор во имя равенства» (1828). Бывший сподвижник Робеспьера, а затем Бабёфа, Буонарроти называл сторонников Неподкупного «друзьями равенства» и утверждал, что их доктрина предполагала установление «справедливого» общественного строя путем перераспределения собственности в пользу неимущих. По мнению Буонарроти, Террор был прежде всего средством реализации социально-экономической программы революционного правительства: «Мудрость, с какой оно подготовило новый порядок распределения имуществ и обязанностей, не может ускользнуть от взоров здравомыслящих людей ⟨...⟩. В конфискации имущества осужденных контрреволюционеров они усмотрят не фискальное мероприятие, а обширный план реформатора».

Тот же самый «социальный мотив», но с несколько иными интонациями встречается и в «Истории Национального конвента», написанной в конце 90-х годов XVIII в. одним из бывших лидеров «равнины» в Конвенте, а затем активным термидорианцем П.Т. Дюраном де Майяном. Он называл Робеспьера «народным диктатором ⟨…⟩ возвысившимся благодаря расположению к нему черни». По мнению этого автора, Робеспьер и его сторонники хотели,

чтобы «наказание богатых врагов революции обернулось выгодой для бедных патриотов». Правда, в отличие от Бабёфа и Буонарроти, Дюран относился к подобным устремлениям крайне отрицательно.

В XIX в. мысль о том, что робеспьеристская политика периода Террора выражала интересы «народа» («низов», «малоимущих») прочно вошла в социалистическую историографию. В несколько абстрактном виде эта идея пронизывала всю многотомную «Историю Французской революции» (1847–1862) Л. Блана. «Партия» Робеспьера, полагал он, стремилась «оказать покровительство слабым, прокормить бедняков, спасти несчастных не только от угнетения, но и от заброшенности». Впрочем, «социальный мотив» у Блана тесно переплетался и с «мотивом обстоятельств»: историк пытался отделить политику революционного правительства эпохи Террора от собственно террора, каковой считал вынужденным ответом на текущую ситуацию: «нет, нет, правление террора вовсе не было продуктом системы; оно вышло во всеоружии и роковым образом из самого положения дел».

Ж. Жорес, говоря о политике робеспьеристов периода Террора, также делал упор на ее социальном содержании. «Это – политика террора с оттенком социализма», – писал он о предложенных Сен-Жюстом вантозских декретах*. Впрочем, Жорес признавал, что вопрос о том, насколько политическое поведение робеспьеристов было продиктовано их экономической концепцией, ему «еще не достаточно ясен». Поэтому он тоже широко сочетал «социальный мотив» с «мотивом обстоятельств», объясняя террор, помимо прочего, революционной необходимостью.

Сомнения Жореса постарался разрешить другой французский историк, считавший себя его учеником, А. Матьез, многие годы посвятивший изучению биографии и политической деятельности Робеспьера. Результатом его исследований стал вывод: политика робеспьеристов в 1794 г. была направлена на реализацию определенного социального идеала, каковой, по мнению Матьеза, заключался в том, чтобы «при помощи террора перераспределить собственность в пользу бедных классов, уменьшить в конечном счете неравенство состояний и создать из разных слоев обеспеченную санкюлотерию, которая была бы защитой и опорой республики». Матьез считал террор необходимым условием и средством проведения этой линии, а одну из своих важнейших концептуальных статей так и назвал: «Террор – инструмент социальной политики робеспьеристов». После изысканий этого историка оказалось весьма непросто отрицать идеологическую подоплеку в политике «партии», игравшей ведущую роль в правительстве эпохи Террора. Однако по-прежнему оставался открытым вопрос: интересам какого именно социального слоя отвечала эта политика? Так же как и его предшественники, Матьез предлагал здесь весьма неопределенный ответ, говоря о «неимущих» или «малоимущих».

С развитием марксистского направления историографии Французской революции на смену этим расплывчатым и относительно гибким определениям пришли жесткие дефиниции, заимствованные из марксистской

---

* «Вантозские декреты» – декреты Конвента от 26 февраля и 3 марта 1794 г. (по революционному календарю – 8 и 13 вантоза II года Республики), которые предусматривали наделение неимущих землей, конфискованной у «врагов народа».

социологии. Отныне «социальный мотив» приобрел звучание «классового». Г. Кунов в Германии, Н.М. Лукин и его ученики в СССР объявили робеспьеристов выразителями интересов «мелкой буржуазии» города и села. Именно такой подход в той или иной форме доминировал в советской историографии практически до 80-х годов XX в. Предложенная А.З. Манфредом и получившая тогда широкую известность концепция «якобинского блока» являла собою лишь несколько модернизированную версию точки зрения Лукина. Сторонники подобной интерпретации немало сделали для выявления «антибуржуазной» направленности робеспьеристской политики.

Вместе с тем с конца 40-х годов в марксистской историографии существовала и другая вариация «социального мотива». Во Франции сначала Д. Герен, затем А. Собуль, а в Советском Союзе В.Г. Ревуненков отстаивали мнение о том, что политическая линия, проводившаяся робеспьеристами в период Террора, не только не отвечала интересам городских «низов», но и прямо противоречила им. Соответственно указанные авторы определяли ее (с теми или иными нюансами) как «буржуазную».

Особой точки зрения придерживался историк-марксист Ж. Лефевр, изучавший аграрную историю Революции. Он пришел к выводу, что политика робеспьеристов, центральным стержнем которой был террор, не отвечала чаяниям ни одной из социальных групп французской деревни.

Таким образом, попытка объяснить «социальным мотивом» действия революционного правительства периода Террора дала весьма любопытные результаты, правда, скорее негативного порядка. Сторонникам «социальных» трактовок удалось гораздо более убедительно показать, чьим интересам политика Робеспьера и его сторонников *противоречила*, нежели то, чьим интересам она *отвечала*.

Если говорить, например, о торговцах и предпринимателях, то робеспьеристы в отличие от ультралевых не были противниками этих социальных групп как таковых. Конечно, близость людей подобных профессий к богатству, источнику пороков (Сен-Жюст: «богатство – позор»), вызывала в отношении к ним некоторую настороженность. Тем не менее лидеры робеспьеристов никогда не порицали коммерсантов вообще, хотя в публичных выступлениях Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона можно найти немало резких слов о спекулянтах, скупщиках и недобросовестных поставщиках, т.е. о предпринимателях, *нарушавших закон*. Составленный Сен-Жюстом по поручению Конвента план совершенного устройства общества, известный в историографии как «Республиканские установления», предполагал существование при идеальном строе и негоциантов, и промышленников.

Согласившись под давлением плебса на введение в сентябре 1793 г. всеобщего «максимума» – законодательного ограничения цен и заработной платы, робеспьеристы в дальнейшем не раз его порицали, подчеркивая, что являются противниками государственного вмешательства в экономику. Они считали, что установление норм «естественной морали», в каковом видели свою главную цель, само по себе должно гарантировать «справедливое» распределение материальных благ. Истинный республиканец непременно захочет избавиться от излишков, потратив их на общественные нужды. Вот как это выглядело в представлении Робеспьера: «Патриоты чисты; если же судьба наделила их дарами, которые добродетель презирает, а жадность уважает,

они и не думают скрывать их. Они стремятся использовать их благородным образом».

Применительно к коммерсантам данный принцип фактически означал требование отказаться от прибыли в пользу общества. Однако большинство предпринимателей вовсе не были готовы к этому и не спешили следовать требованиям «естественной морали», что, в свою очередь, трактовалось робеспьеристами как «нравственная испорченность» и соответственно «контрреволюционность», подлежащая искоренению средствами террора.

Что касается городского плебса, которого не могло «развратить» богатство по причине отсутствия такового, то и его политические требования шли вразрез с робеспьеристскими представлениями о добродетели. Будучи противниками непосредственного вмешательства государства в экономику, робеспьеристы крайне негативно относились к требованиям плебса усилить регулирование торговли, находившим отражение в лозунгах ультралевых. Движение «бешеных», секционные общества, эбертистская Коммуна были поочередно разгромлены сторонниками Робеспьера. Высказываясь с симпатией о «неимущих патриотах», о тех, кто носит «почетную одежду бедности», робеспьеристы рассматривали любое стремление «низов» к материальному благосостоянию как проявление алчности и результат пагубного влияния врагов революции. Так, когда парижские портовые рабочие потребовали повысить им жалование, командующий национальной гвардией Парижа Ф. Анрио, близкий к робеспьеристам, в своем приказе сурово осудил их за то, что они не хотят «переносить лишения, столь привычные для бедных санкюлотов-демократов».

Еще меньше окружение Робеспьера и он сам были осведомлены о подлинных чаяниях крестьянства. Это проявлялось даже в языке их выступлений. Мыслители века Просвещения и законодатели эпохи Революции, действительно интересовавшиеся аграрными проблемами, обсуждали их, используя специфическую конкретную терминологию. Так, вместо обобщающего и потому излишне абстрактного понятия «крестьяне» (paysans) применялись термины, обозначавшие те социальные группы, на которые реально делилось население французской деревни: «арендаторы» (fermiers), «пахари» (laboureurs), «земледельцы» (cultivateurs), «работники» (manouvriers), «поденщики» (journaliers) и т.д. Однако тщетно было бы искать аналогичные понятия в выступлениях робеспьеристов. Сторонники «Неподкупного» с неизменной симпатией отзывались о тех, «кто возделывает землю собственными руками», но никогда не опускались в своих речах с уровня философской абстракции до рассмотрения конкретных проблем деревни. И даже знаменитые вантозские декреты, рассматривавшиеся многими историками как вершина социальной политики робеспьеристов, были составлены в столь абстрактных категориях морали, что оказались неприменимыми на практике.

Таким образом, результаты исследований, проведенных к настоящему времени сторонниками различных вариаций «социального мотива», пока не позволяют утверждать, что политика робеспьеристов, возглавлявших в период Террора революционное правительство, выражала интересы какого-либо из более или менее значимых слоев французского общества.

Третий из названных мотивов, мотив утопии, также впервые был предложен еще современниками Революции. Пожалуй, наиболее ярко он представлен в знаменитом докладе Комиссии по изучению найденных у Робеспьера и его сторонников бумаг, который зачитал в Конвенте 16 нивоза III года (5 января 1795 г.) депутат Э.Б. Куртуа. По убеждению автора доклада, трагедия Террора стала результатом грубого нарушения естественного хода вещей, в соответствии с которым до того времени развивалась революция: «Всемирный разум... что приводит в движение миры и обеспечивает их гармонию, был подменен разумом одной партии... Революция, которую считали более или менее постепенным переходом от зла к благу, была отныне уподоблена лишь удару молнии».

Причину столь фатального развития событий, прервавшего естественный ход эволюции общества, автор доклада видел в желании робеспьеристов провести в жизнь путем жесточайшего государственного принуждения умозрительно созданный ими план социального устройства, совершенно не учитывавший реального положения дел. Так, Куртуа говорил о Сен-Жюсте: «Повеса двадцати шести лет, едва стряхнув с себя школьную пыль и раздуваясь от гордости за свои куцые знания, прочел книгу одного великого человека (Монтескье), в которой ничего не понял, кроме того, что роскошь, дитя искусств и торговли, портит народ. Еще он вычитал, что другой великий человек (Ликург), коего он понял и того меньше, воспитал народ храбрецов на пространстве в несколько тысяч стадий. Тут же наш незадачливый подражатель античности, не изучив ни местных особенностей, ни нравов, ни состава населения и применяя принципы, которые вообще неприменимы на практике, заявил нам здесь тоном, полным самодовольства, которое было бы смешно, если бы не было столь ужасно: “Мы обещаем вам не счастье Персеполиса, а счастье Спарты”».

Такая интерпретация (независимо от намерений Куртуа) перекликалась со взглядами авторов консервативного направления, в частности Э. Бёрка. Еще в юности, пришедшейся на середину века, Бёрк критиковал английских и французских просветителей за то, что они полагали возможным разработать умозрительным путем схему идеального общественного строя, лишенного противоречий. Неудивительно, что Французская революция, в которой многие современники (по крайней мере на ранней ее стадии) видели триумф идей Просвещения, была воспринята им как попытка осуществления этих абстрактных систем на практике. Уже в «Размышлениях о революции во Франции» Бёрк осудил происшедшее по другую сторону Ла-Манша как насилие над исторически сформировавшимся и вполне жизнеспособным общественным организмом во имя торжества мертворожденной абстракции. В период же Террора, по его мнению, пропасть между реальностью и тем абстрактным идеалом, к которому они пытались привести нацию, оказалась как никогда широка: «Эти философы – фанатики, не связанные с какими-либо реальными интересами, кои уже сами по себе могли бы сделать их гораздо более гибкими; они с таким тупым остервенением проводят безрассудные эксперименты, что готовы принести в жертву все человечество ради успеха даже самого незначительного из своих опытов».

Весьма похожее объяснение феномену Террора предложила и А.Л.Ж. де Сталь, участница революционных событий и автор одной из первых исто-

рических работ о них, написанной в 1816–1817 гг. Эпоха Террора, по ее утверждению, была отмечена беспрецедентным господством политического фанатизма: «Земные страсти всегда примешиваются к религиозному фанатизму, но часто бывает и наоборот: искренняя вера в некоторые абстрактные идеи питает политический фанатизм».

Машина террора, сложившаяся в значительной степени стихийно, в период революционного правления, по мнению этого автора, приводилась в действие пружиной идеологии. Большинство политиков, считала де Сталь, выступали в роли статистов, поскольку их индивидуальные действия не оказывали практически никакого влияния на ход событий: «Политические догмы, если такое название может быть использовано по отношению к подобным заблуждениям, царили в то время, но уж никак не люди». И все же, полагала она, существовал один человек, олицетворявший собой господство идеологии, породившей массовый террор. Им был Робеспьер. По словам мадам де Сталь, именно непоколебимая приверженность Робеспьера совершенно абсурдным и неосуществимым на практике идеям позволила ему сыграть ведущую политическую роль в эпоху Террора.

Позднее «мотив утопии» также находил отзвук в воспоминаниях о революции ее участников. Уже упоминавшийся выше Левассёр, хотя и не скрывал своих симпатий к робеспьеристам и старался по возможности реабилитировать их перед потомством, тем не менее отмечал в своих мемуарах, что политика этой «партии» строилась в соответствии с теоретическими принципами, едва ли осуществимыми на практике. Причем верность робеспьеристов своей доктрине доходила, по словам Левассёра, до фанатизма: «Робеспьер и Сен-Жюст в применении своих теорий не останавливались ни перед чем; оспаривать их идеи значило объявить себя их личным врагом, а это могло закончиться только смертью».

В конце XIX – начале XX в. «мотив утопии» звучал преимущественно в трудах историков консервативного направления. Так, И. Тэн считал Робеспьера олицетворением режима Террора, ибо этот политик являл собою законченный тип догматика и утописта. Именно Робеспьер дал наиболее развернутое обоснование революционного террора абстрактными принципами «республиканской морали»: «Согласно его толкованию, теория делит французов на две категории: с одной стороны – аристократы, фанатики, эгоисты, нравственно испорченные люди, словом, дурные граждане; с другой стороны – патриоты, философы, люди добродетельные, иначе говоря, члены секты. Благодаря такому разграничению, весь необъятный мир моральных и общественных отношений, к которому оно применяется, оказывается определен, описан и выражен одной единственной антитезой. И задача государственной власти становится более чем очевидна: нужно подчинить злых добрым или, что еще проще, уничтожить злых…»

Революционное правление воспринималось Тэном как власть приверженцев абстрактной рационалистической идеологии, пытавшихся перекроить по ее меркам исторически сложившуюся социальную реальность. С подобной интерпретацией некоторым образом перекликалась и выдвинутая О. Кошеном идея о том, что в период Террора якобинское меньшинство пыталось навязать соотечественникам абстрактные ценности выдуманного философами идеального общества.

Мысль о присутствии в политике революционных властей, особенно в якобинский период, ярко выраженной тенденции к практической реализации некоего умозрительного идеала, утопии, неоднократно встречается в работах французского историка так называемого «критического» направления Ф. Фюре. В своем труде «Революция: от Тюрго до Жюля Ферри. 1770–1880» (1988) он утверждал, что политика монтаньяров в значительной степени определялась идеологическими догмами, абстракциями, лишенными реального содержания. Следствием этого было превращение с конца 1793 г. террора в целенаправленно применяемое государством средство перехода к совершенному состоянию общества посредством «очищения» нации от морально несовершенных индивидов. Главным идеологом такой программы Фюре признавал Робеспьера, который в своих речах доказывал «неизбежность обновления людей через добродетель, через установление Республики истинных граждан. Но это воспитание нации в 1794 г. осуществлялось посредством террора, не ограниченного писанными законами и имевшего целью выполнение моральной миссии – разделить “добрых” и “злых”». В своем стремлении реализовать «утопию социальной гармонии, соответствующую требованиям природы», робеспьеристы не могли рассчитывать на поддержку сколько-нибудь значительной части общества и опирались исключительно на репрессивный аппарат, на «террористическую бюрократию, управлявшую при помощи арестов и устрашения».

Итак, «мотив утопии» в различных вариациях звучал на протяжении всего существования историографии Французской революции и продолжает звучать до сих пор. И это не удивительно: он находит подтверждение в фактическом материале.

Когда в июне–июле 1793 г. триумвират единомышленников – М. Робеспьер, Л.А. Сен-Жюст, Ж. Кутон – вошел в Комитет общественного спасения, ни у кого из них, даже у Робеспьера, признанного лидера «партии», имевшего наибольший опыт государственной деятельности в национальном масштабе, еще не было ясного представления о том общественном строе, который должен появиться в результате революции. С самого начала революционных событий Робеспьер играл в них весьма заметную роль, однако она носила отнюдь не созидательный, а скорее разрушительный характер. Будучи еще членом Учредительного собрания, он охотно и весьма резко порицал как реалии Старого порядка, так и усилия либеральных депутатов их изменить. Сам же участия в законодательной работе комитетов упорно избегал, не желая брать на себя ответственности за какие-либо позитивные меры. Присвоенная им функция бескомпромиссно критиковать от имени народа все и вся принесла Робеспьеру широкую популярность и прозвище Неподкупного.

Сторонники «концепции обстоятельств» отчасти правы в том, что первые месяцы пребывания у власти политика робеспьеристов, как и всего революционного правительства, определялась не далеко идущими планами, а текущей ситуацией. Отвечая на требования парижского плебса, власти поставили террор «в порядок дня» и ввели всеобщий «максимум» на цены. Реагируя на усиление военной угрозы, Конвент наделил Комитет общественного спасения фактически диктаторскими полномочиями. Следствием этого во многом стихийного развития ситуации стало постепенное сосредоточение к концу 1793 г. основных рычагов власти в руках робеспьеристов. Очевидно, подоб-

ный поворот событий оказался в значительной степени неожиданным и для самой «партии», о чем некоторое время спустя Сен-Жюст скажет: «Сила вещей ведет нас, быть может, к результатам, о которых мы и не помышляли».

Хотя численно сподвижники Робеспьера составляли меньшинство и в Конвенте, и в правительственных комитетах, тем не менее отличавшая эту группу сплоченность, приверженность общим идеям и обладание ключевыми постами в репрессивном аппарате обеспечивали ей ведущую роль в революционном правительстве. «Только у партии Робеспьера имелись доктрины, связная система и организационная оформленность», – отмечал позднее Левассёр. Определяющее влияние робеспьеристов на правительственную политику обеспечивалось также поддержкой Якобинского клуба, где их авторитет был непререкаем и где в значительной степени формировалось общественное мнение не только столицы, но и всей страны. И наконец, нельзя не отметить высокую мобильность сторонников Неподкупного, часто выезжавших в провинции, чтобы там направлять ход событий в нужное для себя русло.

К концу 1793 г. пресс сиюминутных обстоятельств заметно ослаб: армии Республики нанесли решающие поражения внешним и внутренним врагам. Обстановка несколько стабилизировалось. Именно тогда Робеспьер и его сторонники, обладая практически неограниченной властью, почувствовали, что имеют достаточно возможностей для осуществления своего социального идеала. Оставалось лишь конкретизировать содержание последнего. 14 декабря 1793 г. Сен-Жюст в письме из действующей армии попросил Робеспьера привлечь внимание якобинцев «к фундаментальным принципам общественного блага», дабы они позаботились о способах управления «свободным государством». О том же думал и сам Робеспьер. 25 декабря он объявил в Конвенте, что перед нацией стоит задача «прийти к торжеству принципов, на которых должно покоиться процветание общества». В программной речи 5 февраля 1794 г. он снова подчеркнул: «Настало время ясно определить цель революции и предел, к которому мы хотим прийти; настало время дать себе отчет ⟨...⟩ в средствах, которые мы должны принять, чтобы достичь его».

Выступления Робеспьера, Сен-Жюста и Кутона в Конвенте и Якобинском клубе дают достаточно подробное представление о том, каким виделось им идеальное общество. Кроме того, в распоряжении историков имеются фрагменты плана совершенного государственного устройства, который Сен-Жюст составлял по поручению Конвента и который по степени проработки деталей может соперничать с самыми подробными из утопий.

Робеспьеристы, считая своим учителем Руссо, подобно ему видели в морали универсальный регулятор социальных отношений и мечтали построить «царство добродетели». Все проблемы общества воспринимались ими прежде всего в этическом аспекте, а сама Революция представлялась кульминацией великого противоборства Добра и Зла, продолжающегося на протяжении всей истории человечества. «Порок и добродетель, – говорил Робеспьер, – составляют судьбу земли: это два противоположных духа, оспаривающих ее друг у друга... Революция, которая стремится установить добродетель, – это лишь переход от царства преступления к царству справедливости». Он и его последователи верили, что «душой республиканского строя» должны стать именно моральные добродетели и что соответствующее изменение нравов непременно приведет к усовершенствованию общества. Торжество «естест-

венной» морали должно было, по их мнению, решить все социальные проблемы. «Давайте же утвердим среди нас с помощью мудрости и морали мир и счастье! – призывал Робеспьер с трибуны Конвента. – Такова истинная цель наших трудов, такова самая героическая и самая сложная задача».

Набор добродетелей «истинного республиканца» был составлен робеспьеристами на основе идеализированных представлений об античных государствах Спарты и раннего Рима. Согласно этой абстрактной модели, совершенный гражданин не имеет «лишних» потребностей, аскетичен, не обременен избытком знаний, не знает жалости ни к себе, ни к врагам, презирает чувственные наслаждения и готов безоговорочно пожертвовать всеми своими личными интересами во имя общественных. «Все, что сосредотачивается в гнусном слове "личное", возбуждает пристрастие к мелким делам и презрение к крупным, должно быть отброшено или подавлено вами», – учил соотечественников Робеспьер. О том же говорил и Кутон: «Сколь безрассудны люди! Что нужно им для жизни и счастья? Несколько унций пищи в день, радость творить добро и сознание того, что совесть чиста – вот и все».

Но кто мог соответствовать подобным требованиям? Чьим интересам отвечал робеспьеристский проект идеального общества? При рассмотрении проблемы на уровне абстракции ответ кажется очевидным: добродетель, по мнению сторонников Робеспьера, это врожденное качество бедного люда, тех, кто своим трудом кормит себя и семью. «Добродетели просты, скромны, бедны, часто невежественны, иногда грубы; они – удел несчастных и естественное достояние народа», – утверждал Неподкупный. Однако при решении конкретных проблем неизменно оказывалось, что едва ли не любое действие реального человека могло быть истолковано как нарушение абстрактных норм «естественной» морали. Ну а поскольку лейтмотивом политики робеспьеристов было повсеместное утверждение новых этических ценностей, то проступок в сфере нравственности приравнивался ими к контрреволюционному деянию. Робеспьер говорил: «В системе французской революции то, что является безнравственным и неблагоразумным, то, что является развращающим, – все это контрреволюционно. Слабость, пороки, предрассудки – это путь королевской власти».

Чем усерднее он и его сторонники пытались перенести свою утопию из заоблачного мира мечтаний на грешную землю, тем чаще реальные общественные отношения вступали в конфликт с умозрительным идеалом. Причину подобных противоречий робеспьеристы видели в «нравственной испорченности» некоторой части населения и в происках контрреволюции. Главным средством разрешения конфликта между Добродетелью и Пороком и соответственно построения совершенного общества робеспьеристы считали террор. Робеспьер говорил: «Если движущей силой народного правления в период мира должны быть добродетели, то движущей силой народного правления в революционный период должны быть одновременно и добродетель, и террор».

Чем активнее робеспьеристы насаждали свой социальный идеал, тем большим было пассивное сопротивление со стороны общества и тем сильнее они раскручивали маховик террора. Предлагая Конвенту принять репрессивный декрет от 22 прериаля, отменявший защиту подсудимых и прочие «ненужные» Революционному трибуналу формальности, Кутон объяснял

эту беспрецедентную меру необходимостью очистить Республику от людей, не способных жить в «царстве добродетели»: «Задержка в наказании врагов отечества не должна превышать времени, необходимого для установления их личности. Речь идет не столько о том, чтобы наказать их, сколько о том, чтобы уничтожить».

Определения «враги отечества», «враги народа» обозначали не только политических противников, но имели гораздо более широкое толкование. Закон от 22 прериаля легализовал и ранее имевшую место практику привлечения к ответственности за «моральные преступления». «Врагами народа», подлежащими смертной казни, объявлялись, в частности, те, кто «пытается ввести народ в заблуждение и препятствовать его просвещению, испортить нравы и развратить общественное сознание, повредить энергии и чистоте революционных и республиканских принципов».

Предпринятые робеспьеристами меры по осуществлению утопии фактически означали войну государства, возглавляемого фанатичными приверженцами «естественной» морали, против общества. Война эта продолжалась до тех пор, пока «революция 9-го термидора» не положила начало постепенному возвращению из мира утопии на твердую почву реальности.

Хотя обращение к «мотиву утопии» дает возможность достаточно убедительно интерпретировать политику робеспьеристов, возглавлявших революционное правительство, этот мотив не является универсальным ключом к решению проблемы Террора в целом, ибо последний к деятельности этой «партии» отнюдь не сводится. Сторонники Неподкупного лишь в определенный момент воспользовались для реализации своего социального идеала уже сложившимся репрессивным аппаратом и той практикой уничтожения несогласных с политикой революционных властей, которая применялась к тому времени не один месяц.

Для объяснения же процесса зарождения и становления политики Террора «мотив утопии» мало что дает. В ее формирование внесли свой вклад не только сподвижники Неподкупного, хотя их роль тут переоценить невозможно, но и другие революционные группировки, которые, хотя и конкурировали с ними, но не имели столь же четко сформулированного социального идеала. Массовые казни в Лионе и утопления в Нанте происходили еще до того, как робеспьеристы заговорили о построении в ближайшем будущем «царства добродетели», а главными действующими лицами там выступали Колло д'Эрбуа, Фуше и Каррье – представители соперничавшего с робеспьеристами ультралевого крыла революционеров.

Однако какой-либо универсальной и тем более общепризнанной трактовки Террора, свободной от вышеперечисленных недостатков, исследователи пока не предложили. До сих пор данный сюжет является одним из наиболее дискуссионных в историографии Французской революции.

Новый виток споров о нем начался с выходом в 2000 г. книги французского историка П. Генифе «Политика революционного террора 1789–1794 гг.». Автор предпринял попытку исследовать указанный феномен в контексте истории политической культуры с применением методов, привнесенных в историографию «лингвистическим поворотом» конца XX в. Рассматривая политику как «деятельность, посредством которой индивиды и группы фор-

мулируют, согласовывают, применяют и заставляют уважать взаимные претензии и требования, предъявляемые друг другу и всем вместе», а политическую культуру как «совокупность дискурсов или символических практик, через которые эти требования выражаются», Генифе показывает, что во время революции вместе со старой властью рушится и общественный консенсус относительно норм, определявших в обычное время содержание политического дискурса. В результате с началом революции происходит стремительное и бесконтрольное распространение новых дискурсов, конкурирующих друг с другом по своей радикальности. Иными словами, чтобы удержаться на гребне революционной волны и выглядеть в глазах общественного мнения выразителями революционной легитимности, отдельные политики и политические группы соревнуются между собой в радикальности выдвигаемых требований.

В такой постоянно нараставшей радикализации дискурсов и политики собственно и состояла, по мнению Генифе, динамика Революции, «признающей легитимность лишь за самыми радикальными из своих действующих лиц». Подобная динамика, считает Генифе, характерна для любой революции, однако довести радикализацию до самой крайней степени она может лишь при одновременном совпадении ряда благоприятствующих этому факторов: «а именно – когда расхождение в целях враждующих группировок оказывается настолько глубоким, что исключает любые компромиссы; когда расторжение общественного договора возвращает противников и конкурентов в своего рода естественное состояние, где сила замещает право; когда, наконец, затянувшееся отсутствие власти открывает неожиданную возможность для возвышения даже самым маргинальным политическим течениям». Совпадение всех этих факторов, по мнению Генифе, имело место во Франции конца XVIII в., в результате чего революционная динамика и привела к возникновению Террора.

Предложенная Генифе интерпретация истоков Террора стимулировала дальнейшую историографическую дискуссию, о результатах которой судить пока рано. Споры историков Французской революции о феномене Террора продолжаются…

На первый взгляд оба эти понятия кажутся совершенно ясными и однозначными, особенно если учесть то наполнение, которое они приобрели в XX в., в частности в нашей стране. Однако для Франции XVIII столетия это было отнюдь не так. Прежде всего термин «революция» изначально употреблялся в абсолютно ином значении, восходящем к латинскому глаголу «volvere» («катить», «вращать», «кружить»). На протяжении долгого времени под словом «революция» по большей части понимали движение, которое приводит к возврату в некую исходную точку; так говорили о перемещении планет по своим орбитам, о выздоровлении после болезни. Иначе говоря, в этом термине не были заложены ни политический подтекст, ни связь с насилием. Он означал лишь «возвращение на круги своя», подчиняющееся неким заранее установленным (скорее богом, нежели людьми) законам. Именно так воспринимали Славную революцию (вопреки деспотическим устремлениям монархов Англия нашла в себе силы вернуться к старым добрым законам и традициям) и, что может показаться еще более парадоксальным, Американскую революцию (как возвращение к незабытым колонистами исконным английским свободам).

Развитие данного понятия шло во Франции параллельно с двумя другими, имеющими тот же корень. Примерно с XVI в. применительно к перемещению пехоты начинают употреблять слово «эволюция», несколько позже термин распространяется на маневры кавалерии и флота. В XVII в. из английского языка заимствуются и другие его значения: «ход событий», «этапы, которые проходит живой организм на пути взросления». Некоторые историки полагают, что в XVIII в. во Франции именно в биологии активно употребляли слова «эволюция» (медленное изменение живых организмов) и «революции» (изменения быстрые). Одновременно термин «революция» проник и в общественно-политическую сферу. Здесь его развитие происходит параллельно с еще одним однокоренным заимствованным понятием, «révolte», которое в течение XVI–XVIII вв. эволюционирует от «резкой перемены» (политических симпатий или веры) к более привычному для нас сегодня значению «бунт, восстание». Так под «революцией» стали понимать «государственный переворот», «быструю смену существующего образа правления», именно по этой линии она противопоставлялась реформам. И все же почти до самого конца XVIII в. «революция» могла трактоваться и как «возвращение к былой гармонии», в минувший «золотой век».

В любом случае словом «революция» обозначали изменения не просто резкие, но и достаточно масштабные. Хорошо известен исторический анекдот: узнав о взятии Бастилии, герцог Ф.А. де Лианкур сообщил о нем Людовику XVI и в ответ на робкий вопрос короля: «Так что, это бунт?», будто бы ответил, выбирая слово, которое должно было подчеркнуть всю значимость происходящего: «Нет, сир, это революция!» Трудно сказать, действительно ли такой разговор имел место, но для понимания современниками термина «революция» этот анекдот весьма показателен.

Уточнение семантики этого слова тесно связано с вопросом о том, когда же «в действительности» началась и когда закончилась Французская рево-

люция – если, конечно, предположить, что у столь масштабных событий в принципе возможно определить четкие хронологические рамки. Общепризнанной датой начала революции, как известно, считается 14 июля 1789 г., однако с не меньшими основаниями на эту честь могли бы претендовать другие даты – 17 июня, когда часть депутатов Генеральных штатов объявила себя Национальным собранием, или 7 июля, когда оно преобразовало себя в собрание Учредительное. По крайней мере провозглашение суверенитета нации, неповиновение королевской воле и первый шаг к отмене сословий видятся значительно более принципиальными и даже не менее символичными событиями, нежели штурм крепости, которую и без того собирались снести, поскольку ее было слишком дорого содержать.

Попытки определить, когда же закончилась Французская революция, влекут за собой не менее серьезные проблемы. Ведь если исходить из этимологии самого слова, ее финалом должен был стать момент, когда потрясения остались позади и установилась некая новая форма власти, а на смену изменениям пришла стабильность. Но при такой постановке вопроса неожиданно оказываются правы те французские историки, которые утверждают, что революция не завершилась до сих пор. И в самом деле, в каком году во Франции воцарилась стабильность? Очевидно, не в 1794-м, хотя на протяжении десятилетий многие историки датировали окончание революции именно термидорианским переворотом. И после 1794 г. продолжал действовать режим революционного правления, у руля по-прежнему находился Конвент, объединявший в своих руках и исполнительную, и законодательную власть, а европейские монархии все еще надеялись победить Францию силой оружия. Сегодня чаще называют 1799 год – год бонапартистского переворота, но и эта дата кажется не бесспорной: перспективы наполеоновского режима были тогда весьма туманны, радикальные преобразования шли полным ходом. В 1804 г. была установлена империя и принят Гражданский кодекс, но можно ли всерьез говорить о стабильности в условиях продолжающихся войн со всей Европой, в которых в итоге Франция потерпела поражение? Некоторые историки считают, что стабилизация наступила к 1814–1815 гг., однако не показала ли Июльская революция 1830 г., что прочный общественный компромисс тогда так и не был достигнут?

Одной из главных причин того, что споры о хронологических рамках Французской революции (равно как о ее предпосылках и итогах) едва ли имеют шанс когда-либо завершиться, служит высокая степень абстрактности самого понятия «революция». Не существует согласия даже по поводу того, представляет ли собой революция некое целостное явление или же это разнородная череда событий (синхронных или асинхронных). Да и попытка привести взгляды и деятельность вершивших революцию группировок к какому-то единому знаменателю, помимо более или менее полного отторжения Старого порядка (что бы они под ним ни понимали), изначально оказывается обречена на провал: «революционеры» могли быть монархистами и республиканцами, католиками и атеистами, защитниками собственности и сторонниками ее отмены, выходцами из любого сословия и любого социального слоя.

Однако как в 1789–1799 гг. политические группировки, делавшие ставку на благосклонность французского народа, неизбежно ассоциировали себя с революцией (одни предлагали продвигать ее «вперед», другие – завершить,

сохранив ее завоевания), так и в XIX в. левые партии и движения постоянно искали своих предшественников в рядах революционеров. В 1848 г. вновь распевали «Марсельезу», сажали «деревья свободы», вернули в обиход обращение «гражданин». Каждая партия могла найти во Французской революции конца XVIII в. объекты для поклонения и подражания по своему вкусу – и это, безусловно, укореняло революционную традицию, делало ее привычной, создавало общие стереотипы. Но одновременно закреплялся и раскол французского общества, в том числе и в символическом плане. Даже в условиях сменявших друг друга монархических режимов республиканцы не находили в себе сил, чтобы объединиться, оставаясь разделенными на «красных» (использовавших красное знамя, поклонников якобинцев) и «трехцветных» (поднимавших трехцветное знамя, либералов). В силу этого со времени падения Второй империи и до наших дней правительства традиционно стремились положить конец данному символическому противостоянию, представить революцию (и революционеров) единым целым. Как сказал в 1891 г. будущий премьер-министр Франции Ж. Клемансо: «Революция – это блок, от которого ничего нельзя отнять».

Тем самым на государственном уровне проблема трактовки революции была решена. Однако в науке почва для дискуссии сохранялась. Чрезвычайное разнообразие политических и экономических интересов различных деятелей, группировок и социальных слоев, участвовавших в революции, относительная асинхронность их действий, множество форм и методов борьбы заставляло многие поколения исследователей задаваться одним и тем же вопросом: можно ли в принципе говорить о единой Французской революции, или же она стала итогом нескольких разнонаправленных «революций», не согласованных ни во времени, ни в пространстве? Так, к примеру, в 20–30-е годы XX в. Ж. Лефевр поставил проблему существования отдельной «крестьянской революции» – со своими целями и задачами, часто противоположными или по крайней мере мало сопрягающимися с теми, которые выходили на первый план в Париже или других городах. Эти идеи вызвали оживленное обсуждение, однако так и не смогли стать преобладающими.

Значительно чаще имели место попытки разбить Французскую революцию на несколько самостоятельных «революций» не по социальному, а по сугубо хронологическому принципу. Действительно, между людьми, стремившимися ограничить власть Людовика XVI в 1789 г., и теми, кто голосовал за его казнь в январе 1793 г., общего весьма немного; либеральные дворяне времен выборов в Генеральные штаты едва ли нашли бы общий язык с санкюлотами эпохи диктатуры монтаньяров (не говоря уже о том, что последние приложили немало усилий для физического уничтожения первых). Не случайно современникам казалось, что каждую новую политическую группировку приводит к власти своя, отдельная революция. Так, в конце XVIII в. ораторы и памфлетисты говорили о «революции 14 июля», направленной против «королевского деспотизма»; «революции 10 августа», свергнувшей в 1792 г. монархию; «революции 31 мая», в ходе которой монтаньяры избавились от своих политических противников в Конвенте; «революции 9 термидора», положившей конец «тирании Робеспьера».

В измененном виде эту тенденцию унаследовала и историография, выдвинув идею последовательных, сменяющих друг друга «этапов» революю-

ции – со своей проблематикой, своими «движущими силами», своими свершениями и «завоеваниями». Формально это позволяло исходить из «единства и неделимости» революции, однако в реальности в зависимости от идеологического credo исследователей какой-то один «этап» неминуемо становился самым важным, а результаты остальных рассматривались либо как промежуточные, либо как отступление от революционных «завоеваний». Чаще всего объектами противопоставления становились «революция 1789 года» и «революция 1793 года». Еще в XIX в. консервативные французские историки не раз высказывались на тему о том, что попытка якобинцев реализовать на практике утопию оказалась бесплодной. Как писал И. Тэн, «покорившаяся революционному правительству Франция похожа на человеческое существо, которое заставляют ходить на голове и думать ногами». В середине XX в. на заре возникновения так называемого «критического» направления в историографии Французской революции его основоположники Ф. Фюре и Д. Рише сформулировали концепцию, при которой принципиальными для будущего Франции виделись те перемены, которые происходили в первые годы революции (провозглашение прав человека, отмена сословий, крушение Старого порядка и т.д.), а диктатура монтаньяров трактовалась ими как своего рода «занос» в сторону от магистрального пути. Порой у историков, мысливших сходным образом, можно было встретить и своеобразную реанимацию концепции Лефевра: среди трех революций, которые более или менее параллельно проводили горожане, крестьяне и либеральные дворяне вкупе с буржуа, наиболее плодотворной считалась последняя: именно она заложила основы для развития парламентаризма и капитализма, тогда как две другие ей в этом лишь мешали. Таким образом, на последующие поколения оказали влияние лишь события 1789–1792 и 1795–1799 гг., а без ужасов 1792–1794 гг. вполне можно было бы обойтись, избежав голода, Террора, уничтожения культурного наследия, вакханалии плебса.

Противоположную позицию занимали историки-социалисты и марксисты. Еще Л. Блан в середине XIX в. считал, что Французская революция распадается на две: совершенную в 1789 г. во имя индивидуализма и в 1793 г. – во имя братства, плодотворную и неизбежную, хотя и оборвавшуюся 9 термидора (после чего наступила контрреволюция). Со временем под пером исследователей революция приобрела четко видимый вектор развития, различные ее этапы превратились в стадии, сменявшие друг друга во имя выполнения некой предопределенной цели – так неожиданно в марксистской теории проросло изначальное наполнение термина «революция». «За господством *конституционалистов*, – писал К. Маркс в работе “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”, – следует господство *жирондистов*, за господством *жирондистов* следует господство *якобинцев*. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии».

Эти концепции были развиты многими левыми французскими историками в конце XIX и на протяжении всего XX в. Вслед за Ж. Жоресом с его чеканной формулой: «Робеспьеризм – это демократия» они видели квинтэссенцию революции в диктатуре монтаньяров. То, что было до нее, тракто-

валось как своеобразный пролог к «главным» событиям революции. Тому, что случилось после, долго отказывали даже в праве считаться ее эпилогом. В полной мере эта концепция была унаследована и советскими историками: период 1794–1799 гг. долго трактовался ими как контрреволюция («9 термидора стало последним днем революции», подчеркивал А.З. Манфред) и лишь позднее был включен в хронологические рамки революции в качестве ее «нисходящей линии».

Вместе с тем все попытки поделить Французскую революцию на этапы отнюдь не исключали ее целостного восприятия. Уже с конца XVIII в. слово «революция» стало стремительно обретать в глазах французского общественного мнения важнейший символический смысл, обзавелось длинным шлейфом положительных коннотаций, начало ассоциироваться с «прогрессом», «свободой», «счастьем», «общественным благом», с исторической миссией французов. Оно превратилось в своеобразную точку отсчета, в ту грань, по одну сторону которой навсегда остался в прошлом Старый порядок, а по другую – рождался новый. Эта революция обладала глобальным характером. Она была предназначена для того, чтобы не только реформировать систему управления страной или исправить ее отдельные недостатки, она должна была разом решить все проблемы – экономического, политического, социального и морального плана, создать на месте Франции совершенно иную страну, изменить нравы французов. Однако и этого было мало: предполагалось, что революция принесет свободу не только Франции, но и всем народам мира, просветит их, подарит им счастье. «Патриотизм должен иметь лишь одну границу – вселенную!» – восклицал Дантон. Соответственно, окончанием революции становилось не просто принятие новой конституции, не смена политических бурь обретенной на новом уровне стабильностью. Как говорилось в одном из многочисленных «катехизисов», рассчитанных на то, чтобы донести революционные принципы до не слишком грамотного населения, «революция не должна иметь иного окончания, кроме как уничтожение тиранов и всех пороков – источников тирании».

Какой ценой должны произойти столь глобальные перемены становилось все менее важным. Если в начале июля 1789 г. Мирабо утверждал, что «эта великая революция обойдется без злодеяний и без слез», то во времена диктатуры монтаньяров проблема виделась уже совсем по-иному.

«Вы не должны больше щадить врагов нового порядка вещей; свобода должна победить какой угодно ценой, – призывал Сен-Жюст в докладе, посвященном введению революционного порядка управления. – Нельзя надеяться на благоденствие до тех пор, пока не погибнет последний враг свободы. Вы должны карать не только изменников, но и равнодушных; вы должны карать тех, кто остается бездеятельным в Республике и ничего не делает для нее. Ибо с тех пор как французский народ изъявил свою волю, всякий, кто противостоит ей, находится вне суверена, а тот, кто вне суверена, является его врагом».

Отрезвление пришло в Термидоре. Как с горечью напишет в то время один из публицистов, «революция, дух которой я столь люблю, уничтожила мою страну».

Восприятие революции как единого целого нередко приводило не только к ее абсолютизации, но и к антропоморфизации; она уподоблялась живому

существу, обладающему собственной логикой поступков. Хорошо известна приписываемая Дантону фраза: «Революция подобна Сатурну: она пожирает своих детей». Революция выбирала тот или иной путь, преподносила уроки и проявляла нерешительность. Воспринимая эту традицию, в своих трудах историки нередко пишут о том, что революция должна была сделать и что не должна (или не сумела), ставят перед ней те или иные задачи и придирчиво отмечают, с какими из них революция справилась, а с какими нет.

Таким образом, революция – как в глазах современников, так и под пером историков – превращалась в событие, с одной стороны, целостное и символичное, а с другой – противоречивое и аморфное. Неминуемо аналогичным образом выглядела и контрреволюция.

Первая сложность, которая возникает при попытке обрисовать ее очертания – чрезвычайно скромное количество исследований по сюжетам, связанным с сопротивлением революции. Доминирующая сегодня во Франции и за ее пределами историография в силу известных обстоятельств носит республиканский характер, зачастую открыто декларирует свою приверженность революционным ценностям. Ведущее научное общество, объединяющее в своих рядах историков этой эпохи, носит характерное название «Общества *робеспьеристских* исследований». В результате ни в одной стране не сложилось научной школы изучения контрреволюции, посвященные ей работы периферийны, а то и откровенно маргинальны. Их авторами зачастую становятся не имеющие исторического образования монархисты и журналисты, значительное количество книг носит развлекательный, в лучшем случае научно-популярный характер. Единственными сюжетами, более или менее активно разрабатывающимися во Франции профессиональными историками, стали история Вандеи (К. Птифрер, А. Жерар, Ж.К. Мартен) и шуанов (Р. Дюпюи и др.).

Вторая сложность, как и в случае с понятием «революция», носит преимущественно терминологический характер. Кого считать контрреволюционерами? Безусловных сторонников Старого порядка? Тех, кто оказывал вооруженное сопротивление революции? Отвергал ее ценности? Был убежденным роялистом? По мере радикализации революции многие активные ее участники, сыгравшие немалую роль в крушении Старого порядка и в превращении Франции в конституционную монархию, а затем и в республику, переходили в оппозицию, покидали страну, а то и платили жизнью за сопротивление находившимся у власти. Правомерно ли считать контрреволюционером графа С. де Клермон-Тоннера, входившего в число тех депутатов Генеральных штатов от дворянства, которые первыми присоединились к третьему сословию, замечательного оратора, призывавшего в стенах Национального собрания к установлению конституционной монархии – но пытавшегося впоследствии спасти короля из революционного Парижа и убитого толпой 10 августа 1792 г.? Или одного из первых республиканцев, ставшего центром притяжения для «жирондистов», якобинца, депутата Законодательного собрания и Конвента Ж.П. Бриссо, осужденного и гильотинированного во время диктатуры монтаньяров?

В историографии обычно принято считать контрреволюционерами сторонников монархии, однако и здесь есть любопытный парадокс: хотя наиболее значительные перемены во Франции произошли в 1789–1791 гг., для

контрреволюции своеобразной точкой консенсуса становится август 1792 г., поскольку до того часть роялистов поддерживала введение конституции, а соответственно и развитие революции.

Еще большие сложности возникают при попытке анализа массовых «контрреволюционных» настроений. Является ли Вандейское восстание осознанным сопротивлением революции или реакцией на агрессивное поведение центральной власти, презревшей традиции сельской автономии? Служит ли фактическая победа роялистов на выборах в законодательный корпус в 1795 г. показателем того, что большинство избирателей того времени высказывались за реставрацию монархии? В попытке разрешить эти противоречия английский историк К. Лукас выдвинул ставший затем популярным в мировой историографии термин «антиреволюция», под которым начали понимать массовое недовольство революцией – разнородное, лишенное разработанной программы и плана действий, спонтанное, нередко направленное не против революции в целом, а против конкретных ее проявлений, затрагивающих те или иные слои населения и регионы. С точки зрения сторонников этой идеи «антиреволюция» в значительной степени отличается от «контрреволюции», проявлявшейся осознанно, характерной для образованных слоев общества, обладающей идейной программой, противостоящей революции в институциональном и идеологическом плане.

Подобное терминологическое разведение этих понятий действительно может способствовать анализу стоящих за ними феноменов. Но одновременно оно значительно усложняет понимание тех процессов, которые лежат в зоне их пересечения, поскольку затрудняет ответ на вопрос, может ли (и если «да», то в какой мере) «контрреволюция» опираться на «антиреволюцию»? И с другой стороны, почему революционеры столь жестко и непримиримо боролись с «антиреволюцией», тратили на эту борьбу столько сил и ресурсов вместо того, чтобы просто скорректировать свою политику?

Нам видится, что оба феномена все же не были столь далеки друг от друга, чтобы оправдать подобное противопоставление. Достаточно отметить, что один из лидеров вандейцев генерал Ф. Шаретт был назначен Людовиком XVIII главнокомандующим королевской армией и ему отводилась немалая роль в планах реставрации монархии; войска шуанов объединились с подразделениями эмигрантов во время их высадки на полуострове Киберон под руководством брата короля графа д'Артуа летом 1795 г.; а кажущиеся латентными «антиреволюционые» настроения едва не обеспечили приход роялистов к власти в стране парламентским путем в 1795–1799 гг.

Третьей проблемой при попытке очертить «контрреволюцию» становится невозможность опереться на терминологию и политический язык эпохи. Находившиеся у власти немедленно объявляли любые выступавшие против их политики силы «контрреволюционными». Но сделало ли «жирондистов» участие в мятеже против монтаньяров контрреволюционерами? На взгляд самих монтаньяров – безусловно. Исходя из целей и лозунгов «мятежников» – отнюдь нет: они выступали за республику, за признание совершенных в 1789–1792 гг. перемен. Напротив, после Термидора «контрреволюцией» начинают именовать восстание 31 мая – 2 июня, что опять же мало говорит о его истинных целях. Вне зависимости от их политической ориентации даже самые радикальные революционеры, такие как Робеспьер, Дантон, Эбер, об-

винялись современниками в желании восстановить монархию; даже кучера могли называть «аристократом», если его подозревали в симпатиях к королю. С другой стороны, в условиях все более усиливающегося надзора государства и многочисленных народных обществ за действиями и умами многие из тех, кто стремился положить конец революции и восстановить династию Бурбонов, не спешили публично заявлять о своих взглядах. Были ли роялисты в Конвенте? Безусловно. Однако за редким исключением историки испытывают большие затруднения с тем, чтобы уверенно назвать их поименно.

Не менее сложным оказывается вопрос и о признанных лидерах контрреволюционного движения. В соответствии с фундаментальными законами французской монархии король не имел права ни отречься от престола, ни избрать себе наследника. Обряд коронации считался крайне важным, однако в известном смысле он не был обязательным: наследник становился королем в момент смерти своего предшественника. Таким образом, до 21 января 1793 г., когда Людовик XVI взошел на эшафот, именно он должен был считаться законным государем и в силу этого символом, объединяющим противников революции. После смерти Людовика XVI корона переходила к его единственному оставшемуся в живых сыну – восьмилетнему Луи Шарлю, дофину, ставшему Людовиком XVII. Несмотря на то что королевская семья находилась к тому времени в тюрьме, по легенде Мария Антуанетта преклонила колени перед сыном и провозгласила, как это было принято: «Король умер! Да здравствует король!» Когда же в июне 1795 г. Национальный Конвент объявил о том, что Людовик Капет скончался, законным королем сделался его дядя, Луи Станислас Ксавье, граф Прованский, принявший имя Людовика XVIII.

Однако то, что было абсолютно однозначным с формальной точки зрения, не выдержало испытания практикой. Попытки совместить традиции с беспрецедентной политической ситуацией во Франции приводили к многочисленным дискуссиям и склокам, раскалывавшим единство противников революции, и определенная их консолидация наметилась лишь после 1795 г.

Поначалу основной проблемой стало то, что Людовик XVI уже с осени 1789 г. фактически превратился в заложника своих мятежных подданных. Под большинством основополагающих документов, постепенно разрушавших Старый порядок, в конце концов появлялась его подпись. Таким образом, противники революции оказывались вынужденными, защищая монархию, противопоставлять себя самому монарху. Вопрос о том, как относиться к государю, своими руками уничтожавшему тысячелетний фундамент, на который доселе опиралась династия, смущал многие умы. Усугубляло ситуацию и то, что к 1791 г. члены королевской семьи были лишены свободы передвижения – часть роялистов сомневалась в их дееспособности и заявляла, что государь вынужден руководствоваться не благом страны, а опасениями за свою жизнь.

Попытка создать в эмиграции второй центр власти также не удалась. Хотя младший брат короля, граф д'Артуа, быстро покинул страну, объединившись в Турине с влиятельными семействами Конде и Полиньяков, эмигрантам не хватало ни денег, ни политической воли: Людовик XVI отказывался передать им бразды правления и крайне скептически воспринимал их деятельность, ухудшавшую его и без того непростое положение в столице. Не изменилась

ситуация и тогда, когда за границей оказался средний брат короля, граф Прованский. Королевская чета до последнего отказывалась покинуть страну, а все претензии графа на регентство под тем предлогом, что Людовик XVI лишен свободы действий, отвергались как самим королем, так и европейскими державами. Не доверяя братьям, Людовик XVI не давал им полномочий на силовые варианты борьбы с революцией, а после принятия Конституции 1791 г. и вовсе повелел и им, и другим эмигрантам вернуться на родину.

Когда после казни Людовика XVI граф Прованский вновь заявил свои претензии на регентство, его ждала новая неудача: по французским традициям править при малолетнем короле в равной степени могли и его мать, и старший ближайший родственник мужского пола. Но и после казни Марии Антуанетты иностранные державы не торопились признавать права графа Прованского, лишенного возможности реально влиять на ситуацию. Со временем центром борьбы с революцией с оружием в руках становится город Кобленц, расположенный между Кёльном и Франкфуртом на территории курфюршества Трир, чей государь, архиепископ Клеменс Венцеслав, приходился дядей королю Франции и его братьям. Там Луи Жозеф де Бурбон, принц де Конде, завоевавший славу еще на полях Семилетней войны, объединил вокруг себя войска эмигрантов, однако успехи его армии были весьма скромными.

Обретению признанного всеми лидера мешали и три других фактора. Первый из них – отсутствие более или менее единого видения будущего Франции и путей реставрации монархии. В историографии принято делить сторонников королевской власти на два враждующих лагеря – роялистов и конституционных монархистов, однако такое деление представляется нам слишком большим упрощением. Они действительно нередко конфликтовали на личном уровне, однако это отнюдь не исключало поддержки законного государя многими конституционными монархистами. Если в начале революции либеральные промонархически настроенные депутаты Учредительного собрания постоянно стремились к сотрудничеству с Людовиком XVI, то и позднее видные конституционные монархисты находились в постоянной переписке с Людовиком XVIII, направляли ему свои политические проекты, вставали под его знамена.

Гораздо важнее оказывалось иное. Симпатии к монархии значительных масс населения возрастали по мере разочарования в республиканских ценностях, в способности властей накормить народ и даровать ему мир и стабильность. Отторжение политики группировки Бриссо, монтаньяров, термидорианцев, раскол духовенства и дехристианизация толкали на путь противостояния революции не только крестьянство Бретани и Вандеи, но и многих других людей. Далеко не все они хранили верность трону и мечтали возродить Старый порядок. Однако революционные потрясения, разруха, голод заставляли их идеализировать более спокойное недавнее прошлое, а оно ассоциировалось с королевской властью. Выступая за возвращение монарха, французы не обязательно готовы были целиком отвергнуть те перемены, которые принесла с собой революция, многие выступали за синтез былого и нового.

Вторым фактором, раскалывавшим единство монархистов, стала именно позиция европейских держав. Вскоре после начала революции королевский двор начал просить помощи у других государей, прежде всего у брата Марии

Антуанетты императора Священной Римской империи Иосифа II. После его смерти в феврале 1790 г. королева не раз обращалась к другому брату, унаследовавшему престол, Леопольду II. Однако революция создала беспрецедентную для Европы ситуацию, когда новые политические реалии заставили государей пересмотреть многовековые принципы монархической солидарности: они готовы были сражаться с революционной Францией за свои интересы, но не за династию Бурбонов и не по их указке. Подготовка к войне велась и Австрией, и Пруссией весьма вяло. Не улучшила ситуацию и очередная перемена на австрийском троне: в марте 1792 г. Леопольду II наследовал его сын Франц II, с которым Мария Антуанетта никогда в жизни не виделась. В том же месяце погиб от руки убийцы один из немногих сторонников активной помощи французским Бурбонам – король Швеции Густав III.

Начавшаяся в апреле 1792 г. (по инициативе Франции) война с Австрией, а затем и с Пруссией также не привела к победе контрреволюции. Напротив, составленная в угрожающем тоне декларация командующего объединенной армией герцога Брауншвейгского лишь ожесточила парижан и спровоцировала падение монархии. Формирование в 1793 г. широкой антифранцузской коалиции в составе Австрии, Пруссии, Англии, республики Соединенных провинций, Сардинии и Испании также не принесло успеха: уже к 1794 г. Франция стала уверенно одерживать победы, а в 1795 г. коалиция фактически распалась.

Между тем, несмотря на открытые военные действия, позиция этих стран в отношении судеб Бурбонов оставалась весьма двусмысленной: хотя борьба с революцией и провозглашалась целью войны, это отнюдь не означало бескорыстного восстановления в правах легитимного французского государя. Еще в марте 1791 г. граф Ф. Мерси д'Аржанто, много лет бывший послом Австрии в Париже, намекал Марии Антуанетте, что великие державы «просто так ничего не делают» и напоминал, что у всех есть свои интересы: немецкие государи поглядывают на Эльзас, Испания – на Наварру, Сардиния хотела бы получить поддержку в своих притязаниях на Женеву и т.д.

И Австрия, и тем более Англия рассматривались многими роялистами как давние враги Франции. Ходили слухи об их желании расчленить страну, обеспечить себе территориальные приобретения за ее счет. Помощь иноземным войскам воспринималась как постыдное дело, а восстановление монархии их руками – как национальное унижение. Это отношение усугублялось постоянным стремлением входивших в коалицию стран сопровождать помощь Бурбонам множеством условий, жестко контролировать братьев короля и полки эмигрантов, которые были вынуждены подчиняться то австрийскому, то английскому, то русскому командованию. После провозглашения королем Людовика XVIII его не признала ни одна держава, кроме России. Причины для такого решения были весьма разнообразны – от нежелания закрывать таким признанием дорогу к переговорам с Францией до сомнений в том, что Людовик XVII действительно скончался в тюрьме (уверенности в этом у историков нет до сих пор).

Третьим фактором, не позволившим противникам революции выступить единым фронтом, стали соображения политической целесообразности, пришедшие в противоречие с фундаментальными законами французской монархии: не следует ли в ситуации, когда государь беспомощен и непопулярен,

сделать королем кого-либо другого? По сути французы начали задаваться этим вопросом еще до революции. Принято считать, что и граф Прованский, и герцог Орлеанский (потомок Людовика XIII, до 1785 г. герцог Шартрский), мечтавшие о троне, поддерживали памфлетную кампанию по дискредитации королевской семьи. Одной из ее целей было распространение слухов о том, что король не является отцом детей Марии Антуанетты: таким образом провоцировались сомнения в том, кто именно должен наследовать престол после Людовика XVI. Второй мощный удар традициям нанесла одобренная королем Конституция 1791 г., провозглашавшая, что монарх правит в силу закона, может быть отрешен от власти, должен поклясться в верности нации, обязан возвращаться в страну по первому требованию законодательного корпуса. После этого одобрения далеко не все монархисты готовы были поддерживать старшую ветвь Бурбонов. Хотя герцог Орлеанский, прежде чем погибнуть на эшафоте, голосовал за казнь короля, некоторые считали приемлемым претендентом на престол его сына, унаследовавшего титул: революционное прошлое отца и его самого гарантировало, что он не вернется к Старому порядку, а измена республике и переход к австрийцам вместе с генералом Ш.Ф. Дюмурье делали его своим для либеральных монархистов. Напротив, ультрароялисты считали гораздо более подходящей кандидатурой графа д'Артуа, имевшего репутацию закоренелого консерватора и не запятнанного, в отличие от графа Прованского, заигрыванием с либералами. Часть наиболее воинственных роялистов симпатизировала принцу Конде – единственному из видных принцев крови, постоянно сражавшемуся с революцией с оружием в руках. Всерьез рассматривались в качестве претендентов и два иностранных принца, особенно близких тем, кто скомпрометировал себя сотрудничеством с революционерами. Один, Фредерик Август, герцог Йоркский, второй сын английского короля Георга III, командовал в 1793–1795 гг. во Фландрии английскими войсками, сражавшимися против республиканских армий. Другой, принц Генрих Прусский, младший брат Фридриха II, имел славу одного из лучших полководцев Семилетней войны.

Ситуация в значительной степени изменилась лишь после 1795 г. Провозгласив себя королем, Людовик XVIII сделал все, чтобы выказать себя монархом, способным возглавить борьбу с революцией. Постаравшись примирить между собой конституционных монархистов и роялистов, Людовик XVIII постепенно стал той компромиссной фигурой, которая устраивала большинство противников Республики, хотя в либеральных монархических кругах по-прежнему обсуждались и другие кандидаты.

Отсутствие единого лидера делало невозможным и выработку единой тактики противников революции. В 1790–1795 гг. многие из них возлагали надежды на помощь европейских государей, однако на деле борьба с революцией распадалась на множество разрозненных действий: многочисленные заговоры в целях спасения оставшихся во Франции членов королевской семьи; отчаянное стремление добыть средства на содержание войск и подрывную деятельность; более или менее успешную разведывательную активность; неоднократные попытки использовать недовольство французов сменявшими друг друга политическими режимами. После 1795 г. роялисты по-прежнему внимательно наблюдали за ситуацией на фронтах, однако постоянные поражения держав коалиции заставляли сосредоточить основ-

ные усилия на реставрации монархии с опорой на самих французов: либо мирным путем через выборы в законодательный корпус (что в 1795–1797 гг. было абсолютно реально), либо путем государственного переворота с участием одного из популярных генералов.

Формирование идейного и программного багажа у сторонников и противников революции шло совершенно различными путями, хотя и имело некоторые общие черты.

Всего через несколько лет после начала революции задним числом происходит стремительная консолидация ее идейного фундамента: общепринятым становится мнение, что она подготовлена просветителями (несмотря на все различие в их концепциях и на то, что практически никто из них не призывал к свержению существовавшего во Франции политического строя). Монтескье, Вольтер, Руссо и другие просветители начинают восприниматься как люди, объединенные в своеобразный пантеон философов. Их труды и мысли постепенно канонизируются, служат бесконечным источником цитат, опорой для законодателей. Как англичане в годы революции искали подтверждения своей правоты в Библии, так теперь французы ищут его в трудах просветителей. При этом моральный авторитет философов оказывается значительно более важным, чем их концепции, которые мало кто действительно пытался применить к стремительно разворачивавшимся во Франции событиям.

Исторический опыт предшествовавших эпох использовался революционерами весьма избирательно. Как ни парадоксально, параллели и с английской, и с американской революциями постоянно возникали в речах и памфлетах французских революционеров, однако по большей части этот опыт виделся неприменимым. Хотя французские законодатели называли американский народ «нашим старшим братом на поприще свободы» и внимательно анализировали заморские конституции, они считали условия, в которых жили и творили английские колонисты в Новом Свете (отсутствие наследственной знати, малая плотность населения, сельская простота нравов), слишком отличающимися от Франции, чтобы заимствования оказались благотворными. Что же касается Англии, то, несмотря на англофилию части либерального дворянства в 1789 г., традиционное соперничество с Британией заставляло усматривать в апелляциях к ее конституционной модели отсутствие патриотизма, а республиканцы не уставали напоминать, что революция в Англии закончилась реставрацией монархии, сохранила короля и знать, вылилась лишь в иллюзию демократии.

Вместо этого по мере развития революции во Франции все больше поднималась на щит просветительская идея республиканских добродетелей, процветавших в эпоху Античности, когда в обществе якобы царили героизм, патриотизм, почетная бедность, уважение к заслугам. Времена Древней Греции и Древнего Рима рассматривались при этом как идеальные; в них не столько искали аналогии, сколько черпали вдохновение. Хрестоматийными стали слова из одного доклада Л.А. Сен-Жюста: «Мы предлагаем вам счастье Спарты и Афин в их лучшие времена; мы предлагаем вам счастье добродетели и скромного достатка; мы предлагаем вам счастье наслаждаться необходимым и отказываться от излишеств».

Сотни и тысячи французов в эти годы становились авторами газетных статей и политических памфлетов, выдвигали проекты политических, эко-

номических и социальных реформ. Теоретических штудий были не чужды и сами лидеры революции. Близкий к жирондистам Кондорсе, которого нередко называют «последним просветителем», после свержения монархии разработал республиканский конституционный проект, а затем, скрываясь от преследований при диктатуре монтаньяров, создал уже упоминавшийся «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». Сийес пытался сформировать основы новой политической науки, приложил руку к нескольким конституциям Франции. Сен-Жюст, как уже говорилось, составил план совершенного устройства общества; немалое внимание проблемам реформирования морали и сотворения «нового человека» уделял и Робеспьер.

Противники Республики также порой увлекались трудами просветителей; газеты, памфлеты, аналитические записки и проекты и здесь стали массовым явлением; теоретики также далеки были от единства; популярные слова «нация» и «общественный договор» не раз слетали с уст Людовика XVI и Людовика XVIII. Однако существовало и несколько кардинальных отличий. Одним из них стал совершенно иной символический ряд исторических прецедентов и героев прошлого, среди которых по большей части фигурировали монархи и великие военачальники. Это Людовик XII, вошедший в историю как «добрый король», «отец народа»; Луи II Бурбон, четвертый принц Конде, заслуживший прозвище Великого – полководец Людовика XIV и предок командовавшего эмигрантами принца Конде; Генрих IV, которому пришлось одержать над противниками ряд побед на поле боя, чтобы прекратить гражданскую войну и стать монархом не только по закону, но и де-факто. Вообще со временами Генриха IV проводилось максимальное количество параллелей, в его фигуре видели пример не только воинской доблести, но и немалой политической гибкости, а победа этого короля над противниками при, казалось бы, безнадежных стартовых условиях вселяла надежды.

Значительно более существенным отличием «контрреволюционеров» от «революционеров» стал величайший разрыв между теорией и практикой. Авторы теоретических трудов этого времени ставили перед собой две основные задачи: понять истоки революции и дать рекомендации на будущее. Огромный резонанс в Европе получила уже упоминавшаяся работа Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции», в которой революция трактовалась как попытка воплощения в жизнь абстрактной, утопической схемы, созревшей в умах «литературных политиков» и использованной «обладателями капитала». С интересом читали «Размышления о Франции» (1797) Ж. де Местра, называвшего главной причиной революции тот моральный и религиозный упадок, в котором находилась Европа, и видевшего в революции удар, нанесенный рукой провидения, за которым должно последовать моральное возрождение и усиление религиозности. В том же ключе была написана и «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе» (1796) Л. де Бональда. Ее автор прослеживал истоки революции в распространении идей Реформации, осуждал философский индивидуализм и полагал, что в финале революции на место «Декларации прав человека» должна прийти «Декларация прав бога».

Однако политическое прогнозирование в условиях быстро меняющихся и часто непредсказуемых событий оказалось делом неблагодарным, а попытки вскрыть «истинные» причины революции мало помогали при составлении планов борьбы с ней. Люди, направлявшие практическую деятельность «контрреволюционеров», несомненно, читали и Бёрка, и де Местра, но руководствовались все же не их творениями. В этой ситуации наибольшее влияние приобретали не чистые теоретики, а аналитики, такие, скажем, как конституционный монархист Ж. Малле дю Пан, выпустивший в 1793 г. знаменитый памфлет «Размышления о французской революции», а впоследствии, параллельно с журналистской работой, консультировавший французский, венский, прусский и португальский королевские дворы. Показательно, что в своем журнале «Mercure britannique» Малле отказывался печатать даже проблемные статьи своих друзей, поясняя, что рассуждения о той форме правления, которая установится во Франции, «не интересуют более иностранцев, совершенно не попадают на территорию Франции» и «служат лишь для поощрения праздности и страстей человеческих». Другой влиятельной фигурой постепенно становится Ж.Ж.А. де Курвуазье, бессменный юрисконсульт Людовика XVIII, секретарь его Совета, автор многочисленных докладных записок и проектов документов, которые должны были лечь в основу реставрированной монархии. Его тексты полны теоретических изысканий, но в то же время имеют и сугубо практическую направленность.

На основе работ аналитиков, донесений многочисленных агентов и дипломатов создавались документы, имевшие теоретический и программный характер и в то же время направленные на реализацию конкретных тактических целей. Наследие Людовика XVI и Марии Антуанетты в этом плане весьма скромно. С одной стороны, в отличие от многих других государей эпохи Просвещения писали они довольно мало, с другой – вскоре после начала революции король начинает стремиться не провоцировать своими действиями мятежных подданных. Напротив, эмигрировавшие принцы и в частности граф Прованский не раз высказывали свои взгляды как публично, так и в частной переписке, но прежде всего призывали к восстановлению монархии в том виде, в котором она существовала до 1789 г., в соответствии с разработанной ими формулой «Старый порядок без злоупотреблений».

1795 год во многом стал переломным моментом с точки зрения не только тактики, но и программных документов роялистов. Королевский титул заставил графа Прованского осознать, что отныне задача координации действий сторонников монархии лежит исключительно на его плечах, а это неминуемо означало поиски консенсуса с конституционными монархистами. Поражения войск коалиции и ставка на реставрацию изнутри создавали необходимость в такой программе действий, которая устроила бы и эмигрантов, и французов, остававшихся внутри страны и не веривших в возможность возвращения Старого порядка (да зачастую и не желавших его). В качестве важного фактора для такой модели реставрации начинает рассматриваться помощь активно действующих политиков, возможно, даже «цареубийц».

Для Людовика XVIII стало очевидно, что трон придется не только завоевывать, но и покупать, а шансы на победу во многом зависят от того,

насколько привлекательным окажется образ короля и обещанного им будущего на страницах его программных документов. Новая политическая линия вырабатывалась в 1795–1799 гг. методом проб и ошибок. Изданный им при вступлении на престол манифест (так называемая Веронская декларация) вызвал отторжение и во Франции, и у европейских держав, и у части роялистов: в нем не совсем справедливо увидели лишь непримиримое отношение к «цареубийцам» и призывы к возвращению Старого порядка. Однако Людовик XVIII сумел извлечь урок из этой ситуации. Уже в 1796 г. он постарался объяснить французам, что не является сторонником реставрации Старого порядка, а стремится лишь основываться на фундаментальных законах монархии; примерно в то же время король выразил готовность даровать конституционную хартию.

Итогом этой новой политической линии стал корпус документов, созданный в окружении Людовика XVIII к 1799 г. и наглядно опровергавший расхожую фразу о том, что «Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились». Основные цели королевской власти были обозначены в одном из проектов обращения к народу весьма лаконично: «Простить, восстановить умеренную мудростью монархию, исправить злоупотребления и предотвратить их повторение». Первым королевским актом должен был стать закон об амнистии. В случае реставрации монархии во Франции король готов был привлечь нацию к обсуждению новой конституции, давал согласие на созыв Генеральных штатов, выступал за отмену сеньориальных прав. Он намеревался искать общий язык с новыми владельцами конфискованной в годы революции собственности, обещал сохранить по крайней мере на время всю систему налогообложения, а также структуру государственного управления и офицерский состав в армии (при условии, что чиновники и военные ему присягнут).

Тем не менее все эти усилия не привели к ожидавшимся результатам. После перелома в ходе войны зимой 1793–1794 гг. антифранцузская коалиция так и не приблизилась к победе. Заплатив за это существенными потерями для экономики страны, революционеры смогли поставить под ружье более миллиона человек – сопоставимой армии не было ни у одного государя Европы. К тому же, начиная со второй половины 90-х годов, республиканская армия стала способствовать перекачиванию ресурсов уже в саму Францию, что и позволило впоследствии, уже при Наполеоне, добиться повсеместной поддержки режима.

Не сбылись надежды и на победу роялистов парламентским путем. В 1795–1797 гг. революционеры и «контрреволюционеры» словно поменялись местами: сторонники монархии отказались от силовых методов и попытались сыграть с республиканцами на их поле, а те, напротив, пошли на неоднократное нарушение ими же созданной Конституции III года, чтобы при помощи армии не допустить реставрации. Государственный переворот 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.) и последовавшая за ним чистка законодательного корпуса поставили окончательный крест на планах роялистов добиться плавной смены формы правления, опираясь на волеизъявление народа.

Оказалась бита и третья козырная карта монархистов: найти, как некогда в Англии, своего Монка, который при помощи верных ему войск покончил бы

с Директорией и предложил трон Людовику XVIII. Генерал Л. Гош доложил правительству о попытках его перевербовать и всецело встал на сторону властей; генерал Ш. Пишегрю, предавший республику в обмен на маршальский жезл, сошел с политической арены после 18 фрюктидора; генерал Ж.В. Моро, вопреки ожиданиям роялистов, так и не перешел на их сторону, и в итоге генерал Бонапарт сверг Директорию ради себя самого.

Одни историки до сих пор считают его переворот 18 брюмера VIII года Республики (9 ноября 1799 г.) самой настоящей контрреволюцией: он фактически положил конец представительному правлению и открыл дорогу к тому, что стали называть «режимом личной власти» Бонапарта. Другие, напротив, уверены, что Наполеон лишь перевел революцию в новую фазу: сохранил произведенный ею передел собственности и подчинение церкви государству, не допустил репрессий и реставрации Бурбонов. Третьи же и вовсе убеждены, что Наполеону удалось то, что долгие годы казалось немыслимым: добиться консенсуса в расколотом преобразованиями обществе путем создания прочного сплава революции и контрреволюции.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И МИР

Мысль о том, что Французская революция имеет огромное историческое значение не только для самой Франции, но и для всего мира, высказывали еще современники революционных событий. Эдмунд Бёрк уже в 1790 г. отмечал: «Мне кажется, что я присутствую при великом кризисе в делах не только Франции, но и всей Европы, а, возможно, и не одной лишь Европы. Если учесть все обстоятельства, то окажется, что Французская революция – это самое удивительное из происходившего до сих пор в мире». В революции видели и урок Божественного Провидения (Ж. де Местр), и важный рубеж в самопознании абсолютного духа (Г.В.Ф. Гегель), и завершающий аккорд определенной стадии развития Западного мира (стадии «культуры»), после чего тот перешел в консервативную стадию «цивилизации» (О. Шпенглер), и пр. Однако рассмотрение всех когда-либо предлагавшихся трактовок всемирно-исторического значения Французской революции в нашу задачу не входит, а потому мы ограничимся здесь анализом только тех из них, что имели широкое распространение в историографии последних десятилетий.

На протяжении всего XX в. над изучением Французской революции весьма активно работали историки-марксисты, считавшие ее классическим образцом революции «буржуазной», т.е. обеспечившей переход от «феодального» способа производства к капиталистическому. А.З. Манфред так, например, оценивал значение этого события: «Французская революция сокрушила феодально-абсолютистский строй, до конца добила феодализм, “исполинской метлой” вымела из Франции хлам средневековья и расчистила почву для капиталистического развития. Французская революция разрушила феодальные производственные отношения и установила – на определенное время – соответствие между производственными отношениями и характером производительных сил. Эта огромная разрушительная работа имела крупнейшее прогрессивное значение не только для Франции, но и для судеб всей Европы. Французская буржуазная революция открыла новый исторический период – период победы и утверждения капитализма в передовых странах».

Однако проводившиеся во второй половине XX в. исследования по истории Старого порядка (в частности экономической) позволили существенно уточнить и во многом пересмотреть представления «классической» историографии о значении Французской революции для капиталистического развития как собственно Франции, так и Европы в целом.

Некогда хрестоматийное утверждение о том, что эта революция разрушила «феодальный строй», теперь выглядит анахронизмом. И дело не только в том, что само по себе существование «феодализма» как всеобъемлющей социально-экономической системы сегодня оспаривается даже для периода Средних веков многими медиевистами, которые считают это понятие абстрактной теоретической конструкцией, созданной юристами раннего Нового времени и весьма далекой от средневековых реалий. Если даже не вдаваться в детали этой еще продолжающейся дискуссии и ограничиться рассмотрением только лишь отношений в аграрной сфере предреволюционной Франции, то

и в таком случае приходится констатировать, что сеньориальный комплекс в целом по стране находился к концу XVIII в. в стадии глубокого разложения. Сеньориальные платежи, составлявшие в среднем от 10% до 20% чистого (за вычетом производственных издержек) дохода земледельца, являлись своего рода рыночным товаром: очень часто владельцы сеньорий продавали право на их взимание каким-либо третьим лицам, например предприимчивым горожанам или даже преуспевающим крестьянам, оставляя за собой саму сеньорию. Стремясь повысить прибыли, новые хозяева добивались, чтобы размеры платежей по сеньориальному комплексу время от времени пересматривались в соответствии с рыночной конъюнктурой. Иными словами, внешне сохраняя прежнюю форму, сеньориальный комплекс приобретал новую сущность – превращался из средневекового держания на постоянных, веками не менявшихся условиях в капиталистическую аренду, условия которой напрямую диктовались рынком. Своеобразными «матрицами капитализма» являлись также крупные сеньориальные поместья и появившиеся тогда же во Франции отдельные большие фермы, собственники которых стремились организовать производство по английским образцам. Таким образом, даже в аграрной сфере, традиционно наиболее консервативной, развитие капиталистических отношений активно шло и до революции.

Вместе с тем нередко сохранялись и различного рода реликтовые формы сеньориальных отношений, унаследованные еще от Средневековья: исключительное право сеньоров охотиться в лесах и держать голубятни, их монопольные права (баналитеты) на владение мельницей, виноградным или масличным прессом и даже отдельные нормы обычного права, напоминавшие о былой личной зависимости земледельцев от сеньора, например право «мертвой руки» – обязанность крестьянина при вступлении в наследство наделом заплатить сеньору фиксированный взнос. И если экономическое значение подобных «осколков» сеньориального строя зачастую было не слишком велико, то в психологическом плане они обычно вызывали у крестьян ничуть не меньшее, а нередко даже большее раздражение, чем собственно сеньориальные платежи, ибо подчеркивали приниженное положение земледельцев.

Конечно, решительные действия революционных властей в аграрной сфере, начиная с декретов Учредительного собрания от 5–11 августа 1789 г. об отмене (частично за выкуп) еще сохранявшихся сеньориальных повинностей и заканчивая декретом Конвента от 17 июня 1793 г. о полной и безвозмездной ликвидации таковых, радикально ускорили тянувшийся уже не одно десятилетие процесс постепенного демонтажа сеньориального комплекса, который в ходе революции был в целом ликвидирован (хотя местами отдельные его элементы сохранялись еще и в XIX в.). Аналогичные меры, проводившиеся на территории оккупированных французами стран в период революционных и Наполеоновских войн, также многократно ускорили и радикализировали процессы постепенной ликвидации сеньориального режима, которые, однако, начались в Европе еще до Французской революции. Так, в Савойе личная зависимость крестьян от сеньора была отменена еще в 1771 г., в Бадене – в 1783-м, в Дании – в 1788 г.; активные меры по эмансипации крестьян предпринимались в 80-е годы XVIII в. эрцгерцогом Леопольдом в Тоскане и его братом императором Иосифом II в монархии Габсбургов.

Ликвидируя во Франции ремесленные цехи, внутренние таможни и пошлины, налоговый иммунитет привилегированных сословий, революционные власти также лишь продолжали политику, ранее начатую королевскими министрами-реформаторами. Правда, обладая гораздо большей поддержкой в обществе, нежели правительства Старого порядка, революционеры могли осуществить подобные преобразования намного более решительным образом. То же самое относится и к соответствующему воздействию Французской революции на Европу. Разрушая на занятых французскими войсками территориях аналогичные препоны развитию свободного рынка, республиканская, а затем и наполеоновская оккупационные администрации осуществляли лишь более радикальными методами и более ускоренно, но в принципе ту же самую линию, которую проводил во второй половине XVIII в. просвещенный абсолютизм в разных странах континента.

Если абстрактно рассматривать осуществленные в ходе Французской революции меры по освобождению экономики от «реликтов» Средневековья, отвлекаясь от сопутствовавших этому обстоятельств, то вывод о том, что по своему содержанию такие действия *должны были* способствовать ускорению капиталистического развития Франции, едва ли вызовет возражения. Однако, осмысливая значение произошедшего, историк не может позволить себе абстрагироваться от подобных обстоятельств, во многом определивших реальную «цену» Революции. А эта «цена», как показали в конце XX в. французские исследователи экономической истории Ф. Карон, Ф. Крузе, М. Леви-Лебуайе и другие, оказалась чрезвычайно высока для экономики страны, особенно для тех секторов, где капиталистические отношения достигли наибольшего развития. Настолько высока, что Леви-Лебуайе даже назвал экономические последствия Революции «национальной катастрофой». И основания для такого вывода он и его коллеги привели достаточно убедительные.

Торгово-промышленные круги французского общества тяжело пострадали от революции. Посягательства на крупную собственность были неотъемлемым атрибутом массовых волнений революционной эпохи, начиная с печально известного «дела Ревельона», когда в апреле 1789 г., еще до начала работы Генеральных штатов, люмпены разгромили в Париже большую и процветающую обойную мануфактуру в Сент-Антуанском предместье. А в эпоху Террора уже и сам по себе «негоциантизм» рассматривался как вполне достаточный повод для преследований, которым в качестве «спекулянтов» подверглись многие предприниматели. Характерен в данном отношении пример уже упоминавшейся выше семьи Вандель, создавшей металлургический завод Крезо. Большинство ее членов подверглось в период революции преследованиям, а само предприятие, славившееся в 80-е годы XVIII в. наиболее передовыми во Франции технологиями, к 1795 г. пришло в полный упадок и было восстановлено уже только при империи. И данный случай отнюдь не единичен. К примеру, из 88 предпринимателей, являвшихся депутатами Генеральных штатов от третьего сословия, в период Террора так или иначе пострадало 28, т.е. почти треть: из них 22 были репрессированы, трое обанкротились, трое были вынуждены эмигрировать. Ну а поскольку в Генеральных штатах, а затем в Национальном собрании эта категория депутатов

в большинстве своем проявляла довольно слабую политическую активность, то главной причиной обрушившихся на них гонений очевидно были отнюдь не политические мотивы, а социальные.

В целом революция привела к глубочайшему упадку экономики Франции. По подсчетам Ф. Крузе, к 1800 г. промышленное производство в стране составляло только 60% от предреволюционного. Вновь на уровень 1789 г. оно вернулось лишь к 1810 г. И это несмотря на существовавший с 1792 г. высокий спрос на военную продукцию.

Если война по крайней мере стимулировала активность тех отраслей промышленности, что были связаны с производством вооружений, боеприпасов и амуниции, то на внешнюю торговлю она повлияла исключительно негативным образом. Морская блокада и утрата Францией вест-индских колоний привели к практически полному краху атлантической торговли, в которой капиталистические формы предпринимательства достигли в предреволюционный период особенно высокого уровня развития. Обслуживавшие ее французские порты, являвшиеся ранее ведущими центрами национальной торговли и промышленности, пришли за время революции и империи в полное запустение. К тому же, наиболее крупные из них – Нант, Бордо, Марсель – особенно сильно пострадали от репрессий в период Террора. Так, население Бордо в результате общего воздействия всех этих неблагоприятных факторов с 1789 г. по 1810 г. сократилось со 110 тыс. до 60 тыс. И если в 1789 г. Франция имела 2 тыс. торговых судов дальнего плавания, то к 1812 г. таковых насчитывалось лишь 179. В целом же, упадок во внешней торговле оказался столь глубок, что по ее абсолютным показателям страна вернулась на уровень 1789 г. только в 1825 г. В процентном же отношении ту долю в мировой торговле, которую Франция имела до революционных потрясений, она не восстановила уже никогда.

Еще более долгосрочные негативные последствия для развития капитализма во Франции имело происшедшее в результате революции перераспределение земельной собственности, самое большое в истории страны. Продажа национальных имуществ – бывших владений церкви и короны, конфискованной собственности эмигрантов и лиц, осужденных революционными судами, – затронула до 10% всего земельного фонда. Значительная часть этих земель (до 40% по новейшим подсчетам французских историков Б. Бодинье и Э. Тейссье) перешла в собственность крестьян. Подобный передел земли в пользу мелких собственников и связанное с ним упрочение традиционных форм крестьянского хозяйства оказали во многом решающее влияние на темпы и специфику промышленного переворота во Франции XIX в.

Это влияние известный российский специалист по аграрной истории А.В. Адо определял следующим образом: «Шедшая в этот период парцелляция земельной собственности в сочетании с сохранением традиционных общинных институтов вела к тому, что даже обнищавший крестьянин имел возможность не покидать деревню, обладая клочком земли и обращаясь к общинным угодьям и правам пользования. Это усиливало аграрное перенаселение, задерживало отлив бедноты в города и создавало в деревнях громадный резерв рабочей силы, остро нуждавшейся в дополнительном заработке. Тем самым продлевалась во времени относительная стойкость “доиндустриальных” (ремесленных и мануфактурных) форм промышлен-

ного производства, прибыльность которых обеспечивалась использованием дешевого труда деревенской бедноты, а не модернизацией с применением машин и новой технологии. Агротехническая перестройка также шла замедленно, черты традиционной системы ведения хозяйства обнаруживали большую живучесть».

Вывод о не слишком высоком уровне агрикультуры в хозяйствах новых владельцев земли подтверждается и статистическими данными, собранными французским историком Ж.К. Тутэном и свидетельствующими о резком падении урожайности большинства зерновых в послереволюционный период. Так, по сравнению с 1781–1790 гг. среднестатистическая урожайность зерновых в 1815–1824 гг. снизилась с 8 до 7,5, пшеницы – с 11,5 до 8,24, ржи – с 8 до 6,5, ячменя – с 11 до 8,4 центнера с гектара.

Кроме того, массовая распродажа национальных имуществ вызвала переориентацию владельцев капиталов на спекулятивные операции с недвижимостью, получившие широкий размах. Свободные средства теперь гораздо более охотно вкладывались в недвижимую собственность, чем в развитие. Возникший в результате этого «инвестиционный голод» стал одним из важнейших факторов, затормозивших проведение во Франции промышленной революции и аграрного переворота.

Рассмотрев разные оценки итогов перераспределения в ходе Революции земельной собственности, которые высказывались на протяжении последних ста лет специалистами по аграрной истории, Бодинье и Тейссье пишут: «Итак, была ли продажа национальных имуществ “наиболее важным событием Революции”? Без сомнения, и да, и нет. Да – для тех, кто считает, что реализация на рынке одной десятой части земельного фонда страны радикально изменила в течение нескольких лет социально-профессиональный состав собственников, привязала к земле множество мелких приобретателей и способствовала тем самым сохранению значительной доли населения в сельской местности, что могло стать причиной экономической отсталости сельского хозяйства Франции. ⟨…⟩ Бесспорное нет – для тех, кто придает наибольшее значение Декларации прав человека и гражданина, свободе, равенству, рождению Республики и демократии, гражданскому кодексу или метрической системе… Но все эти элементы составляют абстрактные принципы Революции, для воплощения которых в жизнь потребовались десятилетия и даже больше того. При том, что конкретные и немедленные приобретения (а что может быть конкретнее земли?) сказались на жизни гораздо раньше, особенно для массы сельских жителей. В этом отношении продажа национальных имуществ, действительно является “наиболее важным событием Революции”».

Несмотря на все сложности и задержки, капитализм во Франции продолжал развиваться. Однако причинно-следственная связь этого процесса с революционными событиями конца XVIII в. выглядит в свете новых исследований по экономической истории уже далеко не столь однозначной, как ее изображали сравнительно недавно. Значительное и все более усугублявшееся на протяжении первой половины XIX в. экономическое отставание Франции от Англии, а во второй половине столетия – и от Германии, побуждает историков задаваться вопросом о том, происходило ли развитие французского капитализма «благодаря революции» или же «несмотря на нее».

Столь же неоднозначным выглядит в свете современных исследований и вопрос о «цене» ускоренной ликвидации французами Старого порядка в соседних европейских странах.

На оккупированных французскими войсками территориях Бельгии, Прирейнской Германии, Швейцарии, Италии и Испании действительно проводились решительные социально-экономические преобразования по образцу тех, что уже имели к тому времени место во Франции: демонтаж сеньориального комплекса, отмена сословных привилегий и корпораций, унификация права и административных органов, и т.д. Однако социальная база подобных реформ в самих этих странах была крайне слабой – их поддерживал лишь узкий слой образованных людей, воспитанных на идеях Просвещения. Главной же движущей силой перемен выступала французская администрация, опиравшаяся на оккупационную армию. Иными словами, французская свобода была принесена в завоеванные страны на штыках солдат. Платой же за нее стало тяжкое бремя военной оккупации.

Начиная военный конфликт с европейскими державами под лозунгом освобождения соседних народов от «деспотизма» их правителей, французские революционеры провозглашали «мир хижинам, войну дворцам». Однако уже в 1793 г., как только войска Республики изгнали неприятеля со своей территории и пересекли границу, в основу французской политики на оккупированных землях был фактически положен старинный принцип кондотьеров «война кормит войну». 18 сентября 1793 г. Комитет общественного спасения приказал командующим армий самим изыскивать на занятых территориях все необходимые средства для содержания войск. По мере продвижения республиканских армий в глубь соседних стран политика выкачивания ресурсов с оккупированных земель приобретала все более систематизированный характер. В мае 1794 г. для этой цели были учреждены особые агентства, имевшие своей задачей «вывозить во Францию предметы потребления, торговли, науки и искусства, которые можно использовать на благо Республики».

Как отмечает современный английский историк А. Форрест, «цена вторжения и завоевания часто оказывалась непосильной для экономики соседей Франции. Во внимание не принимались ни чувства местного населения, ни его реальные возможности нести это бремя». Так, в 1795 г. С. Бурсье, уполномоченный французского правительства в Бельгии, приказал изъять для нужд Республики половину (!) всего зерна, сена и соломы, имевшихся в этой стране и соседних областях.

Да собственно и многие преобразования, осуществлявшиеся французской администрацией на оккупированных территориях, в значительной степени были направлены именно на то, чтобы повысить эффективность эксплуатации их ресурсов. В Италии, например, проводилась такая же продажа национальных имуществ, какая ранее имела место во Франции. Однако выручка от этой операции пошла в доход не местных, пусть даже профранцузски настроенных властей, а напрямую в бюджет Французской республики.

Ужесточению фискального пресса служила и унификация в этих странах системы управления. Власти созданных здесь так называемых «дочерних республик» являлись снизу доверху – от органов управления дистриктами до собственно правительств – своего рода филиалами французской оккупационной администрации. Вопреки провозглашенному революцией праву

народов на самоопределение, Париж и не думал считаться с суверенитетом «братских» государств и откровенно эксплуатировал их в своих интересах. В 1798 г. несколько кантонов Гельветической республики, формально являвшейся союзником Франции, были обложены огромной контрибуцией в 16 млн ливров, для скорейшего выколачивания которой из местных жителей французы брали тех в заложники и принудительно размещали в их домах солдат на постой.

Помимо такого, проводившегося в государственном масштабе, «узаконенного» выкачивания ресурсов, население «освобожденных от деспотов» стран подвергалось жестокому мародерству со стороны французских солдат. В большей или меньшей степени грабить позволяли себе солдаты всех армий, однако, как показывают относительно недавние исследования Т. Блэннинга и А. Форреста, именно во французских войсках мародерство приобрело беспрецедентный размах. Во многом это было связано со спецификой комплектования армий Республики. Если войска других государств состояли преимущественно из профессиональных солдат, муштровавшихся годами, то массовые призывы новобранцев, которые практиковались во Франции с 1793 г., наполнили воинские части людьми, просто не имевшими времени научиться «жить по уставу».

Не удивительно, что значительная часть населения стран, оккупированных французами, с неприязнью относилась к новому порядку, принесенному на штыках иностранных солдат. Гарантией его стабильности была лишь мощь французской армии. Если же военная удача отворачивалась от французов, то всем осуществленным ими реформам грозил полный крах. Именно так случилось в 1799 г. на Юге Италии, когда Партенопейская республика пала под натиском войск Второй антифранцузской коалиции и массового контрреволюционного движения крестьян Калабрии и плебса Неаполя.

Потребовалось время, чтобы преимущества тех нововведений, которыми страны Старого Света были обязаны Французской революции, стали для европейцев более значимы, чем сопряженные с появлением этих новшеств издержки.

Если социальные последствия Революции XVIII в. для Франции и окружающих ее стран выглядят в свете новейших исследований далеко не столь однозначными, как их долгое время изображала «классическая» историография, и являются сегодня предметом острой дискуссии в научной литературе, то относительно влияния Французской революции на политическую культуру взгляды историков разных направлений достаточно близки. Согласно преобладающей в историографии точке зрения, большинством ключевых понятий политического дискурса наших дней мы обязаны именно Французской революции. Какие-то из них были порождены непосредственно ею, другим, появившимся в предыдущие эпохи, она придала тот смысл, в котором мы их используем и поныне. Для примера рассмотрим, как происходило в ходе Французской революции оформление некоторых из них.

Хотя такое основополагающее понятие современной политической культуры, как *демократия*, возникло еще в Древней Греции, тем не менее до конца XVIII в. оно использовалось в крайне узком смысле – для обозначения формы власти некогда существовавшей в тех античных городах-государ-

ствах, где все граждане напрямую участвовали в принятии политических решений. Л. де Жокур, автор статьи «Демократия» в «Энциклопедии», так определял это государственное устройство: «одна из простых форм правления, при которой народ во всей его совокупности обладает верховной властью». По-разному относясь к подобному строю, философы Просвещения были единодушны в том, что само понятие имело преимущественно теоретическое значение, ибо в условиях XVIII в. такое государственное устройство не представлялось возможным. Причины тому Руссо объяснял в «Общественном договоре» (1762) следующим образом: «Во-первых, для этого требуется Государство столь малое, чтобы там можно было без труда собирать народ и где каждый гражданин легко мог бы знать всех остальных; во-вторых, – большая простота нравов, что предотвращало бы скопление дел и возникновение трудноразрешимых споров, затем – превеликое равенство в общественном и имущественном положении, без чего не смогло бы надолго сохраниться равенство в правах и в обладании властью; наконец, необходимо, чтобы роскоши было очень мало или чтобы она полностью отсутствовала. ⟨...⟩ Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлял бы собою демократически. Но Правление столь совершенное не подходит людям».

Заметим, что на первое место среди обстоятельств, препятствующих установлению демократического правления, Руссо вынес все же не моральные факторы (утрата «простоты нравов» и т.д.), а географический аспект – размеры государства, не позволяющие всем гражданам большой страны непосредственно участвовать в управлении. Именно всем, поскольку согласно преобладавшему тогда пониманию демократии, она мыслилась как *прямое* правление народа. Руссо особо подчеркивал невозможность существования *представительной* демократии: «Суверенитет не может быть представляем по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается, в сущности, в общей воле, а воля никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает».

Однако во время Французской революции логика политической борьбы очень быстро заставила сторонников радикальных преобразований, так называемую «патриотическую партию», обратиться к разработке нового, более широкого подхода к проблеме реализации суверенитета нации. Эти поиски развернулись еще во второй половине 1788 г., когда в стране шло активное обсуждение будущего порядка работы Генеральных штатов. Идеологи революции, в частности аббат Сийес, автор знаменитого памфлета «Что такое Третье сословие?», доказывали, что само по себе создание представительного органа отнюдь не означает отчуждения суверенитета нации. Таковое происходит только если общая воля нации подменяется частной волей деспота или привилегированных сословий, что неминуемо случится, если Штаты будут действовать в соответствии с традиционным порядком. Подобное стремление соединить основополагающий принцип демократии – положение о принадлежности верховной власти народу – с идеей национального представительства (как это имело место в США) получило развитие летом–осенью 1789 г., в период борьбы между монархией и Учредительным собранием за обладание суверенитетом. Левые депутаты и революционные публицисты доказывали, что именно деятельность Собрания, получившего свои полно-

мочия непосредственно от народа, служит превращению множества частных интересов в единую и неделимую волю нации.

Таким образом, идея национального представительства как необходимого инструмента реализации суверенитета народа уже с самого начала революции стала одной из центральных констант революционной общественной мысли. Вместе с тем, на протяжении первой половины революционного десятилетия постоянно предпринимались попытки тем или иным образом совместить представительную демократию с элементами прямой демократии. К последним, в частности, можно отнести право на восстание, включенное в Декларацию прав человека и гражданина как в 1789 г., так и в 1793 г., принцип утверждения законов первичными собраниями избирателей, содержавшийся в конституционном проекте Кондорсе, предусмотренное Конституцией 1793 г. право первичных собраний требовать утверждения на референдуме принимаемых законов, и т.д. О праве народа непосредственно осуществлять свой суверенитет часто упоминали и монтаньяры, оправдывая насилие парижской толпы по отношению к Конвенту в ходе восстания 31 мая – 2 июня 1793 г.

Следующий этап активной разработки теории представительной демократии начался после 9 термидора II года Республики и был связан с подготовкой Конституции 1795 г. Многие депутаты Конвента и публицисты, размышляя над трагическим опытом Террора, связывали произошедшее с попыткой осуществления во Франции принципов прямой демократии и критиковали их. Если в начале революции ее идеологам приходилось доказывать совместимость принципа национального представительства с идеей суверенитета народа, то теперь существование представительства было признано необходимым в качестве гарантии от тиранического применения народом своей неограниченной власти по отношению к индивидам. В частности, эту тему подробно развил Сийес в речи от 2 термидора III года Республики (20 июля 1795 г.), заявив, что главной целью свободного государственного устройства должно быть обеспечение прав отдельного человека. По отношению к ним суверенитет народа отнюдь не является абсолютным. Развивая идею о необходимости ограничения сферы применения государственной власти, Б. Констан тогда же писал в своих памфлетах, что античное понимание свободы как коллективного осуществления верховной власти неприемлемо для людей Нового времени, которые связывают свободу прежде всего с обеспечением прав каждого индивида.

Таким образом, в течение всего нескольких лет Революции французская общественная мысль от традиционного, восходящего к Античности представления о демократии фактически пришла к современной формулировке ее основополагающих принципов.

Столь же радикально изменился в годы Французской революции и смысл понятия «республика». Правда, к началу революционных событий оно все же не выглядело столь же древним анахронизмом, как «демократия», поскольку обладало несколько более широким спектром смысловых значений. Политическая мысль XVIII в. относила к республикам не только демократии, но и аристократии. Монтескье в «Духе законов» предлагал различать их следующим образом: «Если в республике верховная власть принадлежит

всему народу, то это – демократия. Если верховная власть находится в руках части народа, то такое правление называется аристократией». И если для характеристики первых философам и правоведам, действительно, приходилось оперировать лишь примерами из древней истории, то при описании аристократических республик они вполне могли ссылаться на современные им государства с подобным политическим устройством – Венецию, Геную, швейцарские кантоны, Нидерланды. Впрочем, все европейские республики XVIII в. обладали одной немаловажной особенностью: их территория была невелика. Соответственно политическая философия того времени считала аксиомой то, что республиканский строй пригоден только для малых стран. И хотя в Северной Америке с 1776 г. на весьма обширной территории существовала республика Соединенных Штатов, ее воспринимали в Старом Свете как своего рода исключение: это было молодое государство, возникшее на малонаселенных землях, где политические институты имели довольно короткую историю и не слишком сложное устройство. Возможность же установления республиканского строя в большой стране с давними монархическими традициями философы Просвещения в практической плоскости не рассматривали.

Не удивительно, что на начальном этапе Революции большинство ее сторонников довольно скептически относилось к республиканским идеям. К тому же, образ республики был сопряжен в общественном сознании с негативными историческими коннотациями: опыт позднего периода существования античных городов-государств заставлял ассоциировать республиканскую форму правления с господством демагогов и охлократией. Вот почему многие, в том числе наиболее радикальные, деятели Революции считали для себя оскорбительными любые подозрения в республиканских симпатиях. Робеспьер даже во время Варенненского кризиса летом 1791 г. возмущался: «Пусть обвиняют меня, если хотят, в республиканизме: я заявляю, что ненавижу любую форму правления, где господствуют клики».

Вместе с тем, признавая на словах необходимость сохранения во Франции монархии, пусть и в ограниченной форме, депутаты Учредительного собрания в ходе работы над Конституцией фактически трактовали королевскую власть как силу, противостоящую нации и враждебную ей. В течение всего лишь нескольких месяцев монарх, ранее являвшийся воплощением государственного суверенитета, превратился де юре всего лишь в главу исполнительной ветви власти. Но де факто с ним после принудительного перемещения из Версаля в Париж обращались даже не как с таковым, а как с пленником. Революционная пресса и вовсе день за днем писала о «контрреволюционном заговоре», свившем гнездо при королевском дворе. Разумеется, прямым следствием этого было дальнейшее снижение авторитета монархии. Однако наиболее тяжкий ущерб ему нанес сам Людовик XVI, предприняв в июне 1791 г. попытку бегства из страны, лишь по случайности пресеченную революционными активистами в городке Варенн. Именно с этого времени в революционных кругах стала быстро распространяться идея республики.

В Законодательном собрании, пришедшем осенью 1791 г. на смену Учредительному, многие депутаты уже откровенно исповедовали республиканские взгляды. Собрание целенаправленно провоцировало конфликт между ветвями власти и настойчиво пыталось дискредитировать институт монар-

хии в глазах общественного мнения. С началом войны революционная пресса постаралась направить прежде всего против королевского двора то недовольство общества, вызванное чередой неудач на фронте. В ходе беспорядков 20 июня 1792 г. ворвавшаяся в Тюильри парижская толпа подвергла короля, чья особа некогда считалась священной, прямому оскорблению. В конце концов, восстание 10 августа 1792 г. и вовсе лишило Людовика XVI власти.

21 сентября 1792 г. Франция была провозглашена республикой. Эта Первая, как ее сегодня называют, республика формально просуществовала 12 лет, однако фактически за это время французы испытали, по меньшей мере, пять разных республиканских режимов, радикально отличавшихся один от другого: жирондистский, монтаньярский, термидорианский, Директорию и Консулат.

Позднее к этому богатейшему опыту строительства республиканских институтов в большой стране обращались на протяжении всего XIX в. и даже начала XX в. многие политики Франции и других государств, выбирая на свой вкус наиболее подходящие модели политического устройства. И если французские революционеры конца XVIII столетия черпали вдохновение в истории, образах и символике республиканской традиции Античности, то для последующих поколений республиканцев они уже сами стали образцом для подражания.

В отличие от понятий «демократия» и «республика», которые, хотя во многом и обязаны Французской революции своим нынешним содержанием, но появились все же гораздо раньше, деление политических сил на «правые» и «левые», основополагающее для современной политической культуры, возникло именно в период Революции.

С началом работы Генеральных штатов их депутатам пришлось решать множество технических вопросов, связанных с организацией своей деятельности. Поскольку большинство представителей третьего сословия отказывалось следовать тому распорядку, что применялся в предыдущих Генеральных штатах 1614 г., встала задача создать новый регламент с чистого листа, определив правила ведения дискуссии, голосования, организации парламентских комитетов и т.д. Причем все эти процедурные моменты представители третьего сословия вынуждены были согласовывать, находясь одновременно в противостоянии с привилегированными сословиями по вопросу о проверке полномочий депутатов. Не удивительно, что в подобной ситуации полной неопределенности возникали порою и довольно необычные предложения. Так, если верить дневнику депутата П.П. Нерака, уже 8 мая при обсуждении представителями третьего сословия высказанных Малуэ и Мирабо мнений о том, как следует проверять полномочия депутатов – по сословиям или на общем заседании палат, от кого-то из депутатов поступило предложение разделиться на две части, дабы получить четкую картину преобладающих настроений: пусть те, кто согласен с Малуэ, отойдут направо, а те, кто поддерживает Мирабо, – налево. Рекомендация носила чисто технический характер, не содержала политического подтекста и никакого реального продолжения не имела, однако, заметим, уже тогда, возможно в силу случайного совпадения, направо было предложено идти сторонникам более консервативной позиции, налево – более радикальной.

После объединения представителей всех сословий в стенах Национального собрания, вскоре объявившего себя Учредительным, тем водоразделом, по которому происходило дальнейшее политическое размежевание между депутатами, стали положения будущей конституции. В августе 1789 г. острая борьба разгорелась вокруг утверждения Декларации прав человека и гражданина, а также по вопросу о том, какое вето может налагать король на решения Учредительного собрания – абсолютное или отлагательное. В ходе этой дискуссии, о чем свидетельствуют многие источники, и произошло постепенное разделение депутатов по политическим пристрастиям: сторонники Декларации прав и отлагательного вето сели по левую сторону от председателя, их оппоненты и соответственно сторонники абсолютного вето – по правую.

Трудно сказать, почему так произошло. Возможно, потому что правую сторону традиционно занимало духовенство, большая часть которого, включая высших иерархов церкви, входила в «партию» сторонников короля. Как вспоминали позднее некоторые из депутатов, составлявших в Собрании правое меньшинство, они старались держаться как можно сплоченнее, чтобы избежать психологического давления со стороны революционно настроенного большинства. В сентябре деление Собрания на два крыла окончательно оформилось, после чего уже и пресса стала использовать понятия «правая сторона» и «левая сторона» как собирательные названия двух противоборствующих политических «партий». В декабре же эти понятия и вовсе приняли ту обобщающую форму, в которой их до сих пор применяют во Франции и за ее пределами: «правая» (la droite) и «левая» (la gauche), без связи с местоположением в зале заседаний.

К завершению деятельности Учредительного собрания традиция использования этих понятий уже настолько устоялась, что была сразу же воспроизведена и в Законодательном собрании. Это, по мнению некоторых современников, сыграло злую шутку с приверженцами Конституции 1791 г. – фельянами (фейянами). Как вспоминал М. Дюма, принадлежавший к данной «партии», левую сторону в зале заседаний сразу же заняли сторонники республиканских взглядов и продолжения революции. В центре расселась основная масса провинциальных депутатов, не имевших первое время четких политических пристрастий и придерживавшихся достаточно пассивной позиции. В результате, конституционалистам-фельянам, чтобы держаться вместе, уже не оставалось ничего другого, как занять скамьи в правой части зала. И хотя в этом Собрании уже не было столь же ярко выраженных сторонников сохранения королевских прерогатив, как в Учредительном, их место в общественном мнении заняла новая «правая» – фельяны, на которых только в силу самого этого факта была отчасти перенесена та неприязнь, которой ранее удостаивали роялистов.

В Конвенте опять произошла смена ролей. Жирондисты, составлявшие «левую» в Законодательном собрании, вынуждены были уступить эту сторону своим более радикальным оппонентам – монтаньярам, отдать центр пассивной массе «болота» и занять места справа, приняв на себя все связанные с этим негативные коннотации. Не удивительно, что после изгнания жирондистов из Конвента в результате восстания 31 мая – 2 июня 1793 г. никто из депутатов больше не хотел сидеть справа, и эта сторона зала была отдана

делегациям первичных собраний избирателей, приходившим наблюдать за работой национального представительства.

После «революции 9 термидора» правую сторону занимали сторонники ликвидации режима Террора, в том числе оставшиеся в живых и возвращенные в Конвент жирондисты. Характерно, что в последовавший за переворотом период ожесточенной политической борьбы, когда решалось, будет ли осуществлен полный демонтаж машины Террора или же линия «революционного правления» сохранится и без Робеспьера, на «правую» и «левую» делился не только сам зал заседаний, но и занятые зрителями трибуны.

Члены законодательных органов, избранных в соответствии с Конституцией 1795 г., постарались уйти от прежнего деления депутатского корпуса по политическим пристрастиям и занимали свои места в зале согласно жребию. На некоторое время понятия «правые» и «левые» ушли из парламентской практики, но сама по себе традиция не была забыта и возобновилась в период Реставрации, чтобы уже не прекращаться до наших дней.

Аналогичные экскурсы в историю Революции можно было бы сделать и для других понятий политического лексикона нашего времени, приобретших тогда именно тот смысл, в котором их используют до сих пор: права человека, конституция, свобода, равенство и т.д. Однако и сказанное выше позволяет понять, почему в современной литературе по гуманитарным наукам Французскую революцию принято считать колыбелью нынешней политической культуры. И хотя многие из провозглашенных ею принципов тогда так и не были реализованы, уже сама по себе постановка их в порядок дня определила важнейшее значение данного события в истории мировой цивилизации.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ

1643–1715	Правление во Франции Людовика XIV
1661–1722	Правление в Китае императора Канси
1672–1727	Правление в Марокко султана Мулая Исмаила
1680–1709	Правление в Японии сёгуна Токугава Цунаёси
1682–1725	Правление Петра I в России
1683	Турецкая армия в последний раз осаждает Вену. Начало вытеснения Османской империи из Центральной Европы
1694–1722	Правление в Иране шаха Султан Хусейна из династии Сефевидов
1697–1698	«Великое посольство» Петра I в Западную Европу
1700 (1 ноября)	Воцарение Бурбонов на испанском престоле
1700–1721	Великая Северная война (1721 – Ништадтский мир)
1701 (18 января)	Провозглашение королевства Пруссия
1701	Р. Декарт «Разыскание истины посредством естественного света»
1701	Образование государства ашанти в Западной Африке
1701 (12 июня)	Акт о престолонаследии (Акт об устроении), лишивший католическую мужскую линию Стюартов прав на английский престол и закрепивший их за потомством курфюрстины Софии Ганноверской, правнучки короля Якова I
1701–1714	Война за Испанское наследство (1713 – Утрехтский мир, 1714 – Раштаттский мир)
1702–1715	Восстание камизаров в Севеннах
1703 (16/27 мая)	Основание Санкт-Петербурга
1703–1711	Антигабсбургское восстание в Венгрии под руководством Ференца II Ракоци (1711 – Сатмарский мир)
1703–1792	Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, основатель ваххабитского учения
1704	Первая европейская публикация арабских сказок «Тысячи и одной ночи» во французском переводе А. Галлана
1704 (31 июля – 4 августа)	Захват Гибралтара англо-голландским флотом
1705	Начало правления династии Хусейнидов в Тунисе
1707 (3 марта)	Смерть Аурангзеба, последнего крупного правителя Могольского султаната в Индии
1707 (1 мая)	Вступает в действие «Акт об унии» Англии и Шотландии, их парламенты объединяются в единый парламент Великобритании
1707–1708	Восстание Кондратия Булавина
1708	Введение гражданского шрифта в России
1708 (11 июля)	Битва при Ауденарде

1708 (7 октября)	Смерть десятого и последнего гуру сикхов Гобинд Сингха в Индии
1709, 1714	Изобретение спиртового, а затем и ртутного термометра Г.Д. Фаренгейтом
1709 (27 июня/8 июля)	Полтавская битва
1709 (11 сентября)	Битва при Мальплаке
1709–1710	Голод во Франции
1710	Завершение строительства Версальского дворца
1711 (июнь–июль)	Прутский поход Петра I
1711–1740	Правление Карла VI, императора Священной Римской империи
1711	«Мамлюкская революция» в Египте
1711	Алжир добивается фактической независимости от Османской империи
1711–1765	М.В. Ломоносов
1712	Т. Ньюкомен создает первую паровую машину для откачки воды из шахт при помощи поршня
1713 (19 апреля)	Прагматическая санкция Карла VI
1713 (8 сентября)	Булла «Unigenitus»
1713–1716	Объединение территории современной Ливии Ахмедом Караманли
1714	Воцарение Ганноверской династии в Великобритании
1714	Приход династии пешв к власти в Маратхской конфедерации (Индия)
1715–1723	Период Регентства во Франции
1715–1774	Правление Людовика XV во Франции
1715–1739	Вторая война Китая с Джунгарским ханством
1716–1718	Австро-турецкая война (1718 – Пожаревацкий мир)
1716–1735	Реформы в Японии периода Кёхо
1717 (июнь–август)	Осада и взятие Белграда принцем Евгением Савойским
1717 (24 июня)	Образование масонской Великой ложи Лондона
1718	Обоснование Э. Галлеем собственного движения звезд
1718–1720	Упразднение института энкомьенды в американских колониях Испании
1718–1730	«Эпоха тюльпанов» – период правления в Османской империи великого везира Ибрагим-паши Невшехарли
1719	Д. Дефо «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо»
1719–1722	Плавание И.Б. Евреинова и Ф.Ф. Лужина к берегам Камчатки
1719–1772	«Эра свободы» в Швеции
1720	Подчинение Тибета Китаем
1720	Г.В. Лейбниц «Монадология»
1720	Крах финансовой системы Дж. Лоу во Франции
1720–1722	Марсельская чума
1720-е–1730-е гг.	Восстание «комунерос» в Парагвае
1721 (январь–февраль)	Отмена Петром I патриаршества и учреждение Синода
1721 (22 октября/ 2 ноября)	Провозглашение Российской империи – Петр I принимает титулы Отца Отечества, Великого и Императора Всероссийского

1722 (24 января/ 4 февраля)	Учреждение Петром I Табели о рангах
1722–1723	Персидский поход Петра I
1722–1729	Афганское владычество в Иране
1722–1735	Правление в Китае императора Юнчжэна
1723–1727	Вторжение джунгар в казахские земли («Годы великого бедствия»)
1723–1810	Индийский урдуязычный поэт Мир Таки Мир
1724 (28 января/ 8 февраля)	Учреждение Петербургской Академии наук
1725–1730	Первая Камчатская экспедиция
1726	Дж. Свифт «Путешествия Гулливера»
1725–1743	Администрация кардинала А.Э. де Флёри во Франции
1727 (31 марта)	Смерть И. Ньютона
1727 (21 октября)	Кяхтинский договор между Китаем и Россией
1727–1728	Начало джихада фульбе в Западной Африке
1730 (28 сентября – 25 ноября)	Восстание Патрона Халила в Стамбуле
1730–1740	Правление императрицы Анны Иоанновны в России
1730–1742	Р. Уолпол во главе правительства Великобритании (с 1721 – первый лорд казначейства)
1730-е–1750-е	Первое «Великое пробуждение» в британских колониях Северной Америки
1732	Голод годов Кёхо на юго-западе Японии
1733	С. Хейлз изобретает первый способ измерения артериального давления
1733	Дж. Кей изобретает ткацкий станок с быстрым («летающим») челноком
1733–1738	Война за Польское наследство (1738 – Венский мир)
1733–1743	Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция
1734	Вольтер «Философские письма»
1735	К. Линней «Система природы»
1735	Внедрение А. Дерби доменной плавки на коксе
1735–1739	Русско-турецкая война (1739 – Нишский мир)
1735–1796	Правление в Китае императора Цяньлуна
1736–1743	Экспедиция Парижской Академии наук во главе с Ш.М. де Ла Кондамином в Перу
1736–1747	Правление в Иране Надир-шаха Афшара
1737 (11 октября)	Землетрясение в Калькутте (ок. 300 тыс. жертв)
1737–1739	Австро-турецкая война (1739 – Белградский мир)
1738–1739	Нашествие на Индию Надир-шаха
1738–1740	Эпидемия чумы на Балканах
1740–1741	Голод в Ирландии
1740–1748	Война за Австрийское наследство (1748 – Аахенский мир)
1740–1780	Правление Марии Терезии в наследственных землях Австрийской монархии
1740–1786	Правление Фридриха II в Пруссии
1741–1743	Русско-шведская война (1743 – Абоский мир)
1741–1761	Правление в России императрицы Елизаветы Петровны
1742	А. Цельсий предлагает новую шкалу для измерения температуры

1742–1754	Генерал-губернатор французских владений в Индии Ж.Ф. Дюплекс
1744–1794	Борьба за объединение Аравии под знаменем ваххабитов
1745–1765	Правление Франца I, императора Священной Римской империи
1747	Заключение Портой «вечного мира» с Габсбургами
1747	Образование Дурранийской державы в Афганистане
1747–1772	«Энциклопедия» Д. Дидро и Ж. Л. Даламбера
1748	Ш. Монтескье «О духе законов»
1748	Д. Юм «Исследование о человеческом разумении»
1748	Л. Эйлер «Введение в анализ бесконечно малых»
1748	Начало раскопок Помпей
1749	Ж.Л. Бюффон «Естественная история» (первые три тома)
1749–1755	Третья яванская война за престолонаследие и раздел Матарама (1755 – Гиянтское соглашение)
1750-е–1760-е гг.	Захват Бенгалии Великобританией
1750 (13 января)	Подписание Мадридского «договора о границах» между Испанией и Португалией
1750 (28 июля)	Смерть И.С. Баха
1750 (ок.)	Возникновение государства Казембе в Центральной Африке
1750–1816	Ф. де Миранда – предтеча испаноамериканской независимости
1751	Установление полного контроля Китая над Тибетом
1752, 1753	Введение григорианского календаря в Великобритании и Швеции
1752–1759	Объединение Бирмы династией Конбаун
1753–1792	В.А. Кауниц – австрийский государственный канцлер
1753 (7 июня)	Основание Британского музея в Лондоне
1753 (7 июля)	Принятие в Великобритании билля о натурализации евреев
1755 (24 января/ 4 февраля)	Указ об учреждении Московского университета
1755 (1 ноября)	Лиссабонское землетрясение (ок. 100 тыс. жертв в Португалии и Марокко)
1755–1757	Конец единого яванского Матарама
1755–1759	Завоевание Джунгарии и Кашгарии Китаем
1755–1777	Министерство С.Ж. Помбала – период «просвещенного абсолютизма» в Португалии
1756 (30 августа/ 10 сентября)	Учреждение первого русского постоянно действующего общедоступного театра
1756–1757	Сирадж уд-Даула – последний независимый наваб Бенгалии
1756–1763	Семилетняя война (1763 – Парижский мир, Губертусбургский мир)
1750-е – начало 1760-х гг.	Походы в Индию афганского правителя Ахмад-Шаха Дуррани
1757 (23 июня)	Битва при Палаши (Плесси) между войсками британской Ост-Индской компании и армией наваба Бенгалии
1757	Закрытие всех портов Китая, кроме Гуанчжоу (Кантона) для торговли с Западом
1757–1773	Правление Али-бея аль-Кабира в Египте

1757–1774	Правление османского султана Мустафы III
1758	Ф. Кенэ «Экономическая таблица»
1759–1788	Правление Карла III в Испании
1759–1767	Изгнание иезуитов из пиренейских королевств и их заморских владений (Новой Испании, Кубы, Парагвая и других провинций Рио-де-ла-Платы, Бразилии)
1760–1820	Правление Георга III в Великобритании
1760-е гг.	Начало промышленной революции в Англии
1761 (14 января)	Поражение в Индии Маратхской конфедерации на Панипатском поле
1761–1782	Хайдар Али – правитель Майсура, возглавивший сопротивление британцам на юге Индии
1762–1764	Изгнание иезуитов из Франции
1762	Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре»
1762	«Манифест о вольности дворянства» Петра III
1762–1796	Правление Екатерины II в России
1763	И.И. Винкельман «История искусства древности»
1763	Аурангабадский договор между Маратхской федерацией и Хайдарабадом (Индия)
1763–1764	Антибританское выступление в Бенгалии под руководством Мира Касима
1764 (26 февраля/ 9 марта)	Указ Екатерины II о секуляризации церковных земель
1764 (10/21 ноября)	Указ Екатерины II о ликвидации гетманства на Украине
1764	Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях»
1764	Изобретение Дж. Харгривсом механической прялки «Дженни»
1765 (22 марта)	Закон о гербовом сборе в североамериканских колониях Британии
1765 (31 октября/ 11 ноября)	Основание в России Вольного экономического общества
1765–1790	Правление Иосифа II, императора Священной Римской империи, с 1780 – единоличного правителя наследственных земель Австрийской монархии
1765–1769	Бирмано-китайская война
1765–1784	Создание Дж. Уаттом универсальной паровой машины
1766–1773	Реформы графа П. де Аранды – период «просвещенного абсолютизма» в Испании
1766–1769	Кругосветное плавание Л.А. де Бугенвиля
1767–1769	Первая англо-майсурская война
1767	«Наказ» Екатерины II; созыв Уложенной комиссии
1768	Начало издания «Британской энциклопедии»
1768–1772	Барская конфедерация
1768–1774	Русско-турецкая война (1774 – Кючук-Кайнарджийский мир)
1768–1771, 1772–1775, 1776–1779	Три кругосветных экспедиции Дж. Кука
1769	Начало выпуска ассигнаций в России
1769–1773	Голод в Бенгалии
1770	Пелопоннесское восстание против османского господства
1770	Г.Т.Ф. Рейналь «История обеих Индий»

1770–1771	«Революция Мопу» – попытка судебной реформы во Франции
1770–1772	И.Ф. Струэнзе у власти в Дании
1771 (15–17/ 26–28 сентября)	Чумной бунт в Москве
1771–1792	Правление Густава III в Швеции
1771–1802	Восстание тэйшонов, крестьянская война во Вьетнаме
1772	Первый раздел Польши
1772–1783	«Химическая революция» А.Л. Лавуазье
1773 (21 июля)	Папа римский Климент XIV своим посланием «Dominus ac Redemptor» объявляет об упразднении Общества Иисуса (Ордена иезуитов)
1773 (16 декабря)	«Бостонское чаепитие»
1773–1775	Крестьянская война в России под предводительством Емельяна Пугачева
1774–1776	Реформы А.Р.Ж. Тюрго во Франции
1775 (5/16 августа)	Упразднение Запорожской Сечи
1775–1782	Эпидемия оспы в Северной Америке
1775–1783	Война за независимость США (1783 – Версальский мир)
1776	Т. Пейн «Здравый смысл»
1776 (4 июля)	Принятие Декларации независимости США
1776	А. Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»
1776	Освобождение Сиама от бирманцев
1777 (1 октября)	Договор в Сан-Ильдефонсо между Испанией и Португалией об урегулировании территориальных споров в районе реки Ла-Плата
1778–1779	Война за Баварское наследство (1779 – Тешенский мир)
1778–1779	Вторжение Китая во Вьетнам
1779	Начало Кафрских войн в Южной Африке
1780 (28 февраля)	Землетрясение в Иране (ок. 200 тыс. жертв)
1780 (2–7 июня)	Бунт лорда Гордона в Лондоне
1780–1781	Восстание индейцев под предводительством Х.Г. Кондорканки в Перу. Народное движение в Новой Гранаде. «Заговор трех Антонио» в Чили
1780–1784	Вторая англо-майсурская война (1784 – Мангалурское мирное соглашение)
1780–1784	Четвертая англо-голландская война (1784 – Парижский мир)
1780–1802	Правление в Багдаде Буюк Сулейман-паши аль-Кабира
1781 (13 марта)	У. Гершель открывает планету Уран
1781 (13 октября)	Патент о веротерпимости Иосифа II, императора Священной Римской империи
1781 (19 октября)	Капитуляция армии Ч. Корнуоллиса под Йорктауном
1781	И. Кант «Критика чистого разума»
1782	Приход к власти в Сиаме династии Чакри
1782–1784	Голод в Северной Индии
1782–1799	Типу Султан – правитель Майсура
1782–1809	Правление короля Сиама Рамы I
1782–1814	Правление в Тунисе бея Хамуда-паши
1782–1832	«Методическая энциклопедия» Ш.Ж. Панкука
1783 (8/19 апреля)	Манифест о включении Крыма и Правобережной Кубани в состав Российской империи

1783	Первые опыты братьев Монгольфье с воздушными шарами
1783 (24 июля/ 4 августа)	Георгиевский трактат между Россией и Картли-Кахетинским царством
1783 (30 сентября/ 11 октября)	Учреждение Российской Академии для изучения русского языка и словесности
1783–1786	Первая экспедиция Г.И. Шелихова к берегам Нового Света
1783–1788	Голод годов Тэммэй в Японии
1783–1801, 1804–1806	У. Питт Младший – премьер-министр Великобритании
1784	Начало «времени князей» (периода раздробленности) в Эфиопии
1784	Конец политической самостоятельности британской Ост-Индской компании
1784–1791	И.Г. Гердер «Идеи к философии истории человечества»
1785	Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам Российской империи
1785	Получение Э. Картрайтом патента на механический ткацкий станок с ножным приводом
1785–1788	Морская экспедиция Ж.Ф. Лаперуза
1786 (1 июня)	Землетрясение в Сычуани (ок. 100 тыс. жертв)
1786	Первый сборник поэзии Р. Бёрнса
1786	Утверждение англичан в Малайе
1787 (17 сентября)	Принятие Конституции США на Филадельфийском конвенте
1787	Основание британскими аболиционистами «Провинции Свободы» в Сьерра-Леоне
1787–1791	Русско-турецкая война (Ясский мир – 1791/1792)
1788	Начало колонизации британцами Австралии
1788	Восстановление гражданских прав протестантов во Франции
1788–1790	Русско-шведская война (1790 – Верельский мир)
1788–1790	Австро-турецкая война (1790 – Систовский мир)
1788–1792	Император Нгуен Хюэ – объединитель Вьетнама
1789	Республиканский заговор «инконфидентов» в Бразилии
1789 (5 мая)	Созыв Генеральных штатов во Франции
1789 (17 июня)	Депутаты Генеральных штатов от третьего сословия провозглашают себя Национальным собранием
1789 (14 июля)	Взятие Бастилии
1789	Дж. Бентам «Введение в принципы морали и права»
1789–1790	Англо-испанский конфликт из-за Нутка-зунда
1789–1794	Исследование западного побережья Южной и Северной Америки кругосветной экспедицией А. Маласпины
1789–1800	Реформы в Японии периода Кансэй
1789–1808	Правление османского султана Селима III
1790	Э. Бёрк «Размышления о революции во Франции»
1790–1792	Третья англо-майсурская война
1791/1792 (23 декабря/3 января)	Указ Екатерины II о предоставлении евреям прав гражданства сверх белорусских губерний в Екатеринославском наместничестве и Таврической области: создание черты оседлости в Российской империи
1790 (12 июля)	Декрет о гражданском устройстве духовенства во Франции
1791	В.А. Моцарт «Реквием»
1791	Цао Сюэцинь «Сон в красном тереме»

1791 (3 мая)	Принятие конституции Речи Посполитой и прекращение действия Люблинской унии 1569 г.
1791 (3 сентября)	Принятие первой конституции во Франции
1791–1801	Гаитянская революция – восстание рабов в Сан-Доминго
1792	Эпидемия чумы в Египте
1792 (2 апреля)	Монетный акт Конгресса США, определивший законодательную основу чеканки национальной валюты – доллара
1792 (10 августа)	Свержение монархии во Франции
1792 (20 сентября)	Сражение при Вальми
1792–1804	Первая Республика во Франции
1793	Второй раздел Польши
1793 (21 января)	Казнь Людовика XVI
1793	Земельно-налоговые реформы генерал-губернатора Ч. Корнуоллиса в Индии
1793–1796	Вандейская война
1793–1797, 1798–1802	Первая и Вторая антифранцузские коалиции
1794 (20 марта)	Ага-Мохаммед-хан Каджар становится единоличным правителем Ирана (с 1796 – шахом). Приход к власти династии Каджаров, удерживавшей ее до 1925 г.
1794	Восстание польских патриотов во главе с Т. Костюшко
1794	Ж.А.Н. Кондорсе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»
1794 (10 июня)	Декрет Конвента об упрощении судопроизводства в Революционном трибунале открывает эпоху «Великого террора» во Франции
1794 (27 июля)	Термидорианский переворот во Франции
1795	Третий раздел Польши
1795	Захват британцами нидерландской Малакки
1795	Война между Маратхской конфедерацией и Хайдарабадом
1795	Оккупация Капстада Великобританией
1795	Поход Ага-Мохаммед-хана в Закавказье. Разрушение Тбилиси
1795–1797	Первое путешествие М. Парка в Западной Африке
1796–1801	Правление Павла I в России
1796–1804	Восстание тайного общества «Белый лотос» в Китае
1797 (17 октября)	Подписание мира Франции с Австрией в Кампо-Формио
1798 (май–сентябрь)	Ирландское восстание
1798–1801	Египетская экспедиция Наполеона Бонапарта
1798 (1–2 августа)	Морское сражение в Абукирской бухте
1798	Т.Р. Мальтус «Опыт о законе народонаселения»
1799	П.С. Лаплас «Небесная механика» (первые два тома)
1799	Четвертая англо-майсурская война
1799	Начало создания Ранджит Сингхом сикхской империи в Панджабе
1799	Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова
1799 (9 ноября)	Государственный переворот Наполеона Бонапарта. Установление режима Консульства во Франции
1799 (31 декабря)	Ликвидация нидерландской Ост-Индской компании, ее владения переходят к Батавской республике
1799–1804	«Второе открытие Америки» – путешествие А. фон Гумбольдта и Э. Бонплана

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ: ВОСТОК И ЗАПАД В XVIII ВЕКЕ

Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996.

Мельянцев В.А. Как это произошло. Возникновение и распространение современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России // Вестник Москов. ун-та. Сер. 13: Востоковедение. 2004. № 3. С. 3–43.

Bairoch P. Economics and World History: Myths and Paradoxes. Chicago, 1993.

Bairoch P. International Industrialization Levels from 1750 to 1980 // The Journal of European Economic History. 1982. Vol. 11, № 2. P. 269–333.

Bairoch P. Victoires et déboires. Histoire économique et sociale du monde. P., 1997. T. 1–2.

A Dictionary of Eighteenth-Century World History / Ed. J. Black, R. Porter. L., 1994.

The Global Eighteenth Century / Ed. F.A. Nussbaum. Baltimore; L., 2003.

Hobson J.M. The Eastern Origins of Western Civilisation. Cambridge, 2004.

Maddison A. The World Economy. A Millennial Perspective. P., 2001.

ЕВРОПА: ПРОСТРАНСТВО, ЛЮДИ, СОЦИУМ

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Пер. с фр. М., 2008.

Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. Смоленск, 1993.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. М., 1986–1992. Т. 1–3.

Бродель Ф. Что такое Франция? / Пер. с фр. М., 1994–1997. Т. 1–3.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. М., 2003.

Дэвис Н. История Европы / Пер. с англ. М., 2007.

Ерофеев Н.А. Промышленная революция в Англии. М., 1963.

Запарий В.В., Нефёдов С.А. История науки и техники. Екатеринбург, 2003.

История Европы. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века) / Отв. ред. М.А. Барг. М., 1994.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений / Отв. ред. Ю.Ю. Кахк. М., 1986.

Кёнигсбергер Г. Европа раннего Нового времени. 1500–1789 / Пер. с англ. М., 2006.

Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 года / Пер. с фр. Л., 1971.

Лилли С. Люди, машины и история. История орудий труда и машин в ее связи с общественным прогрессом / Пер. с англ. М., 1970.

Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978.

Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша; пер. с ит. М., 2003.

Мантy П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии / Пер. с фр. М., 1937.

Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е. (мл.) Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира / Пер. с англ. Новосибирск, 1995.

Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. СПб., 2008.

Фуко М. Власть и тело. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. М., 2002.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. М., 1999.

Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. М., 1998.

Хобсбаум Э. Век революций. Европа 1789–1848 гг. / Пер. с англ. Ростов-на/Д., 1999.

Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. М., 2001.

Шоню П. Цивилизация классической Европы / Пер. с фр. Екатеринбург, 2005.

Atlas historique, l'histoire du monde en 317 cartes / Sous la dir. de G. Duby. P., 1987.

Black J. The Eighteenth-Century Europe, 1700–1789. N.Y., 1999.

Carroll P.E. Medical Police and the History of Public Health // Medical History. 2002. 46(4). P. 461–469.

Crouzet F. De la supériorité de l'Angleterre sur la France. L'économique et l'imaginaire, XVIIe–XXe siècles. P., 1985.

Dictionnaire de l'Ancien Régime / Sous la dir. de L. Bély. P., 1996.

Goubert P., Roche D. Les Français et l'Ancien Régime: 2 vol. P., 2000.

Histoire de la France / Sous la dir. de J. Revel, A. Burguière: 4 vol. P., 1989–1999.

Hudson P. The Industrial Revolution. L., 1993.

Landes D.S. L'Europe technicienne ou le Prométhée libéré. Révolution technique et libre essor industriel en Europe occidentale de 1750 à nos jours. P., 2000.

Lepetit B. Les villes dans la France moderne (1740–1840). P., 1988.

Lesky E. Österreichisches Gesundheitswesen im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus. Wien, 1959.

Perrot J.-C. Genèse d'une ville moderne: Caen au XVIIIe siècle. P.; La Haye, 1975.

Pinol J.-L. Histoire de l'Europe urbaine: 2 vol. P., 2003.

The First Industrial Revolutions / Ed. P. Mathias, J.A. Davis. Oxford, 1989.

Thompson E.P. The Making of the English Working Class. Harmondsworth, 1991.

Tournay V. Le concept de police médicale // Politix. 1/2007 (n° 77). P. 173–199.

Verley P. La Révolution industrielle. P., 1997.

ПОРЯДОК И БЕСПОРЯДОК

История Европы. Т. 4: Европа нового времени (XVII–XVIII века) / Отв. ред. М.А. Барг. М., 1994.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений / Отв. ред. Ю.Ю. Кахк. М., 1986.

Озуф М. Революционный праздник. 1789–1799 / Пер. с фр. М., 2003.

Предваряя союзы. Наемные рабочие и коллективные действия в Европе 1300–1850 (Приложение 2 к International Review of Social History) / Под ред. К. Лиз, Я. Лукассена, Х. Соли. М., 1997.

Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848 / Пер. с англ. М., 1984.

Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996.

Фор Э. Опала Тюрго. 12 мая 1776 // Пер. с фр. М., 1979.

Bercé Y.-M. Fête et révolte: des mentalités populaires du XVIe au XVIIIe siècle. P., 2006.

Bercé Y.-M. Révoltes et révolutions dans l'Europe moderne: XVIe–XVIIIe siècles. P., 1980.

Biard M., Dupuy P. La Révolution française. Dynamiques, influences, débats, 1787–1804. P., 2004.

Burke P. Popular Culture in Early Modern Europe. Farnham, 2009.

Le Roy Ladurie E. Histoire des paysans français, de la peste noire à la Révolution. P., 2002.

Lefebvre G. La Grande peur de 1789. Les foules révolutionnaires. P., 1988.

Muchembled R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XVe–XVIIIe siècle). P., 1978.

Mouvements populaires et conscience sociale: XVIe–XIXe siècles: Actes du colloque de Paris, 24–26 mai 1984. P., 1985.

Nicolas J. La Rébellion française, mouvements populaires et conscience sociale, 1661–1789. P., 2008.

Thompson E.P. Customs in Common. L., 1991.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЕРАРХИИ И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ НРАВОВ»

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. М., 1986–1992. Т. 1–3.

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Отв. ред. О.Е. Глаголева, И. Ширле. М., 2012.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / Пер. с нем. М.; СПб., 2001. Т. 1–2.

Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии / Пер. с нем. М., 2002.

Bourdieu P. De la maison du roi à la raison d'Etat. Un modèle de la genèse du champ bureaucratique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. N 118. P. 55–68.

Bush M.L. Noble Privilege. N.Y., 1983.

Cannon J.A. Aristocratic Century: the Peerage of Eighteenth-Century England. Cambridge, 1984.

Dinges M. Der Maurermeister und der Finanzrichter. Ehre, Geld und soziale Kontrolle im Paris des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1994.

Duhamelle C. L'héritage collectif. La noblesse d'Église rhénane, 17e–18e siècles. P., 1998.

L'identité nobiliaire. Dix siècles de métamorphoses (IXe–XIXe siècles). Le Mans, 1997.

Kwass M. Privilege and the Politics of Taxation in Eighteenth-Century France: liberté, égalité, fiscalité. Cambridge, 2000.

Marraud M. La noblesse de Paris au XVIIIe siècle. P., 2000.

Medick H. Weben und Überleben in Laichingen 1650–1900: Lokalgeschichte als allgemeine Geschichte. Göttingen, 1996.

Meyer J. Noblesses et pouvoirs dans l'Europe d'Ancien régime. P., 1973.

Nassiet M. Noblesse et pauvreté. La petite noblesse en Bretagne, XVe–XVIIIe siècle. Rennes, 1993.

Pedlow G.W. The Survival of the Hessian Nobility, 1770–1870. Princeton, 1988.

Perkin H. The Origins of Modern English Society. L., 2002.

Péronnet M. Les éveques de l'ancienne France. P., 1977. Vol. 1–2.

Power Elites and State Building / Ed. W. Reinhard. Oxford, 1996.

Royle E. Modern Britain: a Social History, 1750–1985. L., 1988.

Ruggiu F.-J. Les élites et les villes moyennes en France et en Angleterre (XVIIe–XVIIIe siècles). P.; Montréal, 1997.

Smith J.M. Nobility Reimagined: the Patriotic Nation in Eighteenth-Century France. Ithaca; L., 2005.

Social Change in the Habsburg Monarchy / Les transformations de la société dans la monarchie des Habsbourg: l'époque des Lumières / Ed. H. Heppner, P. Urbanitsch, R. Zedinger. Bochum, 2011.

Stone L., Fawtier-Stone J.C. An Open Elite? England, 1540–1880. Oxford, N.Y., 1984.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЕГО ПРАКТИКИ

ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?

Карп С.Я. Французские просветители и Россия. Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998.

Мир Просвещения / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша / Пер. с ит. М., 2003.

Общественно-политическая мысль европейского Просвещения / Под ред. Н.М. Мещеряковой. М., 2002.

Шоню П. Цивилизация Просвещения / Пер. с фр. Екатеринбург; М., 2008.

Centre(s) et périphérie(s). Les Lumières de Belfast à Beijing / Ed. M.-C. Skuncke. P., 2003.

Dictionnaire européen des Lumières / Sous la dir. de M. Delon. P., 1997.

The Enlightenment World / Ed. M. Fitzpatrick, P. Jones, C. Knellwolf, I. McCalman. L.; N.-Y., 2007.

Peripheries of the Enlightenment / Ed. R. Butterwick, S. Davis, G. Sánchez Espinosa. Oxford, 2008.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ВЛАСТЬ

Каменский А.Б. К вопросу о российском «просвещенном абсолютизме» в современной историографии // Памяти Лукичева: Сб. ст. по истории и источниковедению / Отв. ред. Ю.М. Эскин. М., 2006. С. 88–95.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.

Сюч Е. Три исторических региона Европы / Пер. с венг. // Центральная Европа как исторический регион / Отв. ред. А.И. Миллер. М., 1996. С. 147–265.

Anderson P. Lineages of the Absolutist State. L., 1979.

Beales D. Joseph II. Cambridge, 1987–2009. 2 vol.

Birtsch G. Der Idealtyp des aufgeklärten Herrschers: Friedrich der Große, Karl Friederich von Baden und Joseph II. im Vergleich // Aufklärung. 1987. N 2/1. S. 9–47.

Black J. The Eighteenth-Century Europe, 1700–1789. N.Y., 1999.

Der aufgeklärte Absolutismus im europäischen Vergleich / Hrsg. H. Reinalter, H. Klueting. Wien; Köln; Weimar, 2002.

The Eighteenth Century: Europe, 1688–1815 / Ed. T.C.W. Blanning. Oxford, 2000.

Enlightened Absolutism: Reform and Reformers in Later Eighteenth-Century Europe Ed. H.M. Scott. Basingstoke, 1990.

Hellmuth E. Enlightenment and Government // The Enlightenment World / Ed. M. Fitzpatrick, P. Jones, C. Knellwolf, I. McCalman. L.; N.-Y., 2007. P. 442–455.

Ingrao Ch.W. The Hessian Mercenary State: Ideas, Institutions and Reform under Frederick II, 1760–1785. Cambridge, 1987.

Umbach M. Federalism and Enlightenment in Germany, 1740–1806. L., 2000.

РЕЛИГИЯ И ЦЕРКОВЬ В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Клиер Дж.Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России. 1772–1825 / Пер. с англ. М.; Иерусалим, 2000.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

Aston N. Christianity and Revolutionary Europe, c. 1750–1830. Cambridge, 2002.

Barnett S.J. The Enlightenment and Religion: the Myths of Modernity. Manchester, 2003.

Cracraft J.E. The Church Reform of Peter the Great. Stanford, 1971.

Delumeau J. Le catholicisme entre Luther et Voltaire. P., 1995.

Enlightenment, Reawakening, and Revolution, 1660–1815 / Ed. S.J. Brown, T. Tackett. Cambridge, 2006.

Härtel H.J. Byzantinisches Erbe und Orthodoxie bei Feofan Prokopovič. Würzburg, 1970.

Hunter I. The Secularization of the Confessional State: the Political Thought of Christian Thomasius. Cambridge, 2007.

Kitromilides P.M. Enlightenment, Nationalism, Orthodoxy: Studies in the Culture and Political Thought of South-Eastern Europe. Aldershot, 1994.

Monarchy and Religion: the Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe / Ed. M. Schaich. Oxford, 2007.

Po-chia Hsia R. The World of Catholic Renewal, 1540–1770. Cambridge, 2005.

Religion and Politics in Enlightenment Europe / Ed. J. Bradley, D.K. Van Kley. Notre Dame (Ind.), 2001.

Sheehan J. Enlightenment, Religion, and the Enigma of Secularization: a Review Essay // American Historical Review. 2003. October. Vol. 108, N. 4. P. 1061–1080.

Smilyanskaya E. Popular Christianity in Russian and Western Scholarship: Problems and Perspectives // Имперская Россия / Classical Russia. 1700–1825. 2006. Vol. 1. P. 55–66.

Tsapina O. Beyond the Synodal Church: Problems and Perspectives in the Studes of Eighteenth-Century Russian Orthodoxy // Имперская Россия / Classical Russia. 1700–1825. 2006. Vol. 1. P. 19–54.

Van Kley D.K. The Religious Origins of the French Revolution: from Calvin to the Civil Constitution, 1560–1791. New Haven (Conn.), 1999.

Ward W.R. Christianity under the Ancien Régime, 1648–1789. Cambridge; N.Y., 1999.

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005.

Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов. Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп и С.А. Мезин. М., 2004. С. 318–329.

Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997.

Роджеро М. Воспитание // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003.

Французский ежегодник. 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX веков / Под ред. А.В. Чудинова, В.С. Ржеуцкого. М., 2011.

Чудинов А.В. Французские гувернеры в России конца XVIII в.: стереотипы и реальность // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 330–340.

Brown J. A History of Western Education. T. 3: The Modern West, Europe and the New World. L., 1981.

Charle Ch., Verger J. Histoire des universités. P., 1994.

Frijhoff W.T.M., Chartier R., Revel J. Université et société dans l'Europe moderne: position des problèmes // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1978. N 3. P. 353–374.

Grell Ch. Histoire intellectuelle et culturelle de la France et du Grand Siècle (1654–1715). P., 2000.

Histoire de l'enfance en Occident / Sous la dir. de E. Becchi, D. Julia. T. 2: Du XVIIIe siècle à nos jours. P., 1998.

Histoire mondiale de l'éducation / Sous la dir. de G. Mialaret, J. Vial. T. 2: De 1515 à 1815. P., 1981.

Julia D., Revel J., Chartier R. Les Universités européennes du XVIe au XVIIIe siècle. P., 1986–1989. T. 1–2.

Lebrun F., Venard M., Quéniart J. Histoire générale de l'enseignement et de l'éducation en France. P., 2003. T. 2.

Mause L. de. The History of Childhood. N.Y., 1974.

Melton J.V.H. Absolutism and the Eighteenth-Century Origins of Compulsory Schooling in Prussia and Austria. Cambridge, 1988.

Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe à l'époque des Lumières // Cahiers du monde russe. 2005. N 46/3. Juillet–septembre. P. 473–528.

Roche D. Le Précepteur dans la Noblesse française: instituteur privilégié ou domestique? // L'éducation des jeunes filles nobles en Europe, XVIIe–XVIIIe s. / Sous la dir. de Ch. Grell, A. Ramière de Fortanier. P., 2004. P. 225–244.

Sonnet M. L'Education des filles au temps des Lumières. P., 1987.

ЧТЕНИЕ

Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века. М., 2000.

Французская книга в России в XVIII веке. Л., 1986.

Шартье Р. Книги, читатели, чтение // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. М., 2001.

Buch und Buchhandel in Europa im achtzehnten Jahrhundert / The Book and the Book Trade in Eighteenth Century Europe / Hrsg. G. Barber, B. Fabian. Hamburg, 1981.

Engelsing R. Der Bücher als Leser. Lesergeschichte in Deutschland, 1500–1800. Stuttgart, 1974.

Histoire de l'édition française. T. 2: Le livre triomphant. 1660–1830 / Sous la dir. de R. Chartier, H.-J. Martin. P., 1990.

Histoire du livre. Nouvelles orientations / Sous la dir. de H.E. Bödeker. P., 1995.

Chartier R. Lectures et lecteurs dans la France de l'Ancien Régime. P., 1987.

Duchet M. Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. P., 1977.

Revolution in Print. The Press in France, 1775–1800 / Ed. R. Darnton, D. Roche. Berkeley, 1989.

Rose M. Authors and Owners. The Invention of Copyright. Cambridge (Mass.), 1985.

ПУТЕШЕСТВИЯ

Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб., 2003.

Рош Д. Путешествия // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003.

Black J. The British Abroad. The Grand Tour in the Eighteenth Century. N.Y., 1992.

Goger J.-M. Le temps de la route exclusive en France: histoire, économie, société. P., 1992.

Michea R. Le voyage en Italie de Goethe. P., 1945.

Moureau F. Métamorphoses des récits de voyage. P., 1986.

Van Strien-Chardonneau M. Le voyage de Hollande: récits de voyageurs français dans les Provinces-Unies, 1748–1795. Oxford, 1994.

Viola G.E. Viaggiatori del Grand Tour in Italia. Milano, 1987.

Wuthenow R.R. Die erfahrene Welt. Europäische Reiseliteratur im Zeitalter der Aufklärung. Frankfurt a. M., 1980.

ФИЛАНТРОПИЯ

Хант Л. Филантропия // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.

Duchet M. Anthropologie et histoire au siècle des Lumières. P., 1977.

Duprat C. «Pour l'amour de l'humanité»: le temps des philanthropes. La philanthropie parisienne des Lumières à la monarchie de Juillet: 2 vol. P., 1993.

Marshall D. The English Poor in the Eighteenth Century. A Study in Social and Administrative History. L., 1969.

Oppici P. L'idea di «bienfaisance» nel Settecento francese o il laccio di Aglaia. Pisa, 1989.

Owen D. English Philantrophy 1660–1960. Cambridge (Mass.), 1965.

Sassier Ph. Du bon usage des pauvres. Histoire d'un thème politique, XVIe–XXe siècle. P., 1990.

Sherwood J. Poverty in Eighteenth-Century Spain: The Women and Children of the Inclusa. Toronto, 1988.

Schwartz R.M. Policing the Poor in Eighteenth-Century France. Chapel Hill, 1988.

ФРАНКМАСОНСТВО

Джейкоб М. Масонство // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003. С. 274–285.

Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг.: Энциклопедический словарь. М., 2001.

Смит Д. Работа над диким камнем. Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006.

Beaurepaire P.Y. L'espace des francs-maçons: une sociabilité européenne au XVIIIe siècle. Rennes, 2003.

Dictionnaire de la franc-maçonnerie / Sous la dir. de D. Ligou. P., 2004.

Franc-maçonnerie et religions dans l'Europe des Lumières / Textes réunis par Ch. Porset, C. Révauger. P., 2006.

Giarrizzo G. Massoneria e illuminismo nell'Europa del Settecento. Venezia, 1994.

Jacob M. Living the Enlightenment: Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe. N.Y., 1991.

Porset Ch. Franc-maçonnerie, Lumières et Révolution. P., 2001.

Révauger M.C. Le fait maçonnique au XVIIIe siècle en Grande-Bretagne et aux Etats-Unis. P., 1990.

Stevenson D. The Origins of Freemasonry: Scotland's Century, 1590–1710. Cambridge, 1988.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Baker K.M. Au tribunal de l'opinion. Essais sur l'imaginaire politique au XVIIIe siècle. P., 1993.

Champagne P. Faire l'opinion. Le nouveau jeu politique. P., 1990.

Farge A. Dire et mal dire. L'opinion publique au XVIIIe siècle. P., 1992.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Neuwied, 1962.

Koselleck R. Kritik und Krise. Eine Studie zur Pathogenese der bürgerlichen Welt. Frankfurt a.M., 1959.

Maza S. Private Lives and Public Affairs. The Causes Célèbres of Prerevolutionary France. Berkeley; Los Angeles; L., 1993.

Ozouf M. Le concept d'opinion publique au XVIIIe siècle // L'homme régénéré. P., 1989. P. 21–53.

Walter E. L'affaire La Barre et le concept d'opinion publique // Le journalisme de l'Ancien Régime. Questions et propositions. Lyon, 1982. P. 361–392.

«ПАРТИЯ ФИЛОСОФОВ»

Рикуперати Дж. Человек Просвещения // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003.

Balcou J. Fréron contre les philosophes. Genève, 1975.

Baysson H. L'Idée de l'étranger chez les philosophes des Lumières. P., 2002.

Ferrone V. I profeti dell'Illuminismo. Le metamorfosi della ragione nel tardo Settecento italiano. Roma; Bari, 1989.

Gumprecht H.U., Reichardt R. «Philosophe», «Philosophie» // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680–1820. München, 1985. T. 3.

Masseau D. Les ennemis des philosophes. L'antiphilosophie au siècle des Lumières. P., 2000.

Schlobach J. «Philosophe» // Dictionnaire européen des Lumières / Sous la dir. de M. Delon. P., 1977. P. 851–854.

Viala A. Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique. P., 1985.

«ОТКРЫТИЕ» МИРА

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ: «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» ДИДРО И ДАЛАМБЕРА

Бёрн Р. «Энциклопедии» // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 185–193.

Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002 (Гл. 5: Философы подстригают древо знания: эпистемологическая стратегия «Энциклопедии»).

Collison R.L. Encyclopaedias: their History throughout the Ages; a Bibliographical Guide with Extensive Historical Notes to the General Encyclopaedias Issued throughout the World from 350 B.C. to the Present Day. N.Y., 1966.

Darnton R. The Business of Enlightenment: a Publishing History of the *Encyclopédie*, 1775–1800. Cambridge (Mass.), 1979.

Dix-huitième siècle. 2006. N 38 (тематический выпуск «Dictionnaires des Lumières»).

Kafker F.A., Kafker S.L. The Encyclopedists as Individuals: a Biographical Dictionary of the Authors of the *Encyclopédie*. Oxford, 1988.

Matoré G. Histoire des dictionnaires français. P., 1967.

Notable Encyclopedias of the Late Eighteenth Century. Eleven Successors of the *Encyclopédie* / Ed. F.A. Kafker. Oxford, 1994.

Notable Encyclopedias of the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Nine Predecessors of the *Encyclopédie* / Ed. F.A. Kafker. Oxford, 1981.

«ОТКРЫТИЕ» ПРИРОДЫ

Боркин Л.Я. Линней как зоолог // Труды Зоологического ин-та РАН. 2009. Прил. № 1. С. 9–78.

Дмитриев И.С. «Союз ума и фурий»: французская наука в эпоху революционного кризиса конца XVIII столетия // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-составитель Э.И. Колчинский. СПб., 2003. С. 157–229.

Дорфман Я.Г. Лавуазье. М., 1962.

Старосельская-Никитина О.А. Очерки по истории науки и техники периода Французской буржуазной революции (1789–1794) / Под ред. С.И. Вавилова и В.П. Волгина. М.; Л., 1946.

Barrière P. L'Académie de Bordeaux: centre de culture internationale au XVIIIe siècle (1712–1792). Bordeaux, 1951.

Burns W.E. Science in the Enlightenment. An Encyclopedia. Santa Barbara, (Calif.), 2003.

Gillespie Ch.C. Science and Polity in France: the End of the Old Regime. Princeton (N. J.); Oxford, 2004.

Gillispie Ch.C. Science and Polity in France: the Revolutionary and Napoleonic Years. Princeton (N.J.); Oxford, 2004.

Hahn R. The Anatomy of a Scientific Institution: the Paris Academy of Sciences, 1666–1803. Berkeley, 1971.

Mazliak P. La biologie au siècle des Lumières. P., 2006.

The Quantifying Spirit in the Eighteenth Century / Ed. T. Frängsmyr, J.L. Heilbron, R.E. Rider. Berkeley, 1990.

Reill P.H. Vitalizing nature in the Enlightenment. Berkeley, 2005.

Roche D. Le Siècle des Lumières en province: académies et académiciens provinciaux, 1680–1789. P., 1978.

«ОТКРЫТИЕ» ПРОШЛОГО

Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Ц.Г. Арзаканяна. М., 1995.

Бузескул В.П. Открытия XIX и начала XX вв. в области истории древнего мира: В 2-х ч. Пг., 1924. Ч. 1: Восток. Ч. 2: Греческий мир.

Век Просвещения. Вып. IV: Античное наследие в европейской культуре XVIII века. М., 2012.

Генинг В.Ф., Левченко В.Н. Археология древностей – период зарождения науки (конец XVIII–70-е годы XIX в.). Киев, 1992.

Жебелёв С.А. Введение в археологию: В 2-х ч. Пг., 1923. Ч. 1: История археологического знания.

Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980.

Историография истории Древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. М., 2008–2009. Т. 1–2.

Клейн Л.С. Археологические источники. 2-е изд. доп. Л., СПб., 1995.

Лауэр Ж.Ф. Загадки египетских пирамид / Пер. с фр. М., 1966.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. СПб., 1992.

Монгайт А.Л. История археологии // Монгайт А.Л. Археология Западной Европы: Каменный век. М., 1973. С. 10–100.

Новосадский Н.И. Греческая эпиграфика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте. М., 1915. Ч. 1.

Потин В.М. Монеты. Клады. Коллекции: Очерки нумизматики. СПб., 1993.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Фёдорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982.

Фихман И.Ф. Введение в документальную папирологию. М., 1987.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

Daniel G.E. A Hundred and Fifty Years of Archaeology. Cambridge (Mass.), 1976.

Grummond N.T. de. An Encyclopedia of the History of Classical Archaeology. L.; Chicago, 1996.

Sandys J.E. A History of Classical Scholarship. Cambridge, 1903–1908. T. 1–3.

Schnapp A. The Discovery of the Past: the Origins of Archaeology. L., 1999.

Stiebing William H., Jr. Uncovering the Past: a History of Archaeology. N.Y.; Oxford, 1994.

Cambridge Illustrated History of Archaeology / Ed. P.G. Bahn. Cambridge, 1996.

Trigger B.G. A History of Archaeological Thought. Cambridge, 1989.

ОТКРЫТИЕ «ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Бенвенист Э. Цивилизация: к истории слова // Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. М., 1974. С. 386–396.

Годжи Дж. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С.Я. Карп, С.А. Мезин. М., 2004. С. 212–237.

Старобинский Ж. Слово «цивилизация» // Старобинский Ж. Поэзия и знание. История литературы и культуры / Пер. с фр. М., 2002. Т. 1. С. 110–149.

Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю / Пер. с фр. М., 1991. С. 239–281.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования / Пер. с нем. М.; СПб., 2001. Т. 1–2.

Les équivoques de la civilisation / Sous la direction de B. Binoche. Seyssel, 2005.

Fisch J. Zivilisation, Kultur // Geschichtliche Grundbegriffe, Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1992. Bd. 7. S. 679–774.

Goggi G. Diderot et le concept de civilisation // Dix-huitième siècle. 1997. N 29. P. 353–373.

Thoma H. Macht und Ohnmacht von Deutingsmustern, Civilisation/Kultur-Culture/ Zivilisation // Landeskunde und Kulturwissenschaft in der Romanistik: Theorieansätze, Unterrichtsmodelle, Forschungsperspektiven / Hrsg. H.-J. Lüsebrink, D. Röseberg. Tübingen, 1995. S. 13–22.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

ОКЕАНИЯ

Малаховский К.В. История колониализма в Океании. М., 1979.

Свет Я.М. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966.

Black J. Europe and the World, 1650–1830. L., 2002.

Edmond R. Representing the South Pacific: Colonial Discourse from Cook to Gauguin. Cambridge, 1997.

Jimack P., Mander J. Reuniting the World: The Pacific in Raynal's Histoire des deux Indes // Eighteenth-Century Studies. 2008. Vol. 41, N. 2. P. 189–202.

Jolly M. Imagining Oceania: Indigenous and Foreign Representations of a Sea of Islands // The Contemporary Pacific. 2007. Vol. 19, N 2. P. 508–545.

Muthu S. Enlightenment against Empire. Princeton (N.J.), 2003.

Smith B. European Vision and the South Pacific. Melbourne, 1989.

Thomas N. Colonialism's Culture: Anthropology, Travel and Government. Cambridge, 1994.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986.

Григулевич И.Р. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке XVI–XVIII вв. М., 1977.

Мирошевский В.М. Освободительные движения в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492–1810 гг.). М.; Л., 1946.

Хаген В. Их призвала Южная Америка / Сокр. пер. с англ. М., 1961.

Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М., 2001.

Alcázar Molina C. Los virreinatos en el siglo XVIII. Barcelona, 1959.

Hernández Sánchez-Barba M. La última expansión española en América. Madrid, 1957.

Pérez J. Los movimientos precursores de la emancipación en Hispanoamérica. Madrid, 1977.

Polanco Alcántara T. Francisco de Miranda: ¿don Juan o don Quijote? Barcelona, 2004.

Robertson W.S. The Life of Miranda. N.Y., 1969. Vol. 1–2.

Rodríguez M. La revolución americana de 1776 y el mundo hispánico: ensayos y documentos. Madrid, 1976.

РУССКАЯ АМЕРИКА

Алексеев А.И. Судьба Русской Америки. Магадан, 1975.

Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991.

Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775–1815. М., 1966.

Дивин В.А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке. М., 1971.

Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. М., 1984–2005. Т. 1–4.

История Русской Америки (1732–1867) / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М., 1997–1999. Т. 1–3.

Магидович И.П. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962.

Макарова Р.В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М., 1968.

Окунь С.Б. Российско-американская компания. М.; Л., 1939.

Ситников Л.А. Григорий Шелихов. Иркутск, 1990.

Фёдорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века – 1867 г. М., 1971.

Vila Vilar E. Los rusos en América. Sevilla, 1966.

Völkl E. Rußland und Lateinamerika 1741–1841. Wiesbaden, 1968.

ТРОПИЧЕСКАЯ И ЮЖНАЯ АФРИКА

Балезин А.С. Тропическая и Южная Африка в Новое и Новейшее время: люди, проблемы, события. М., 2008.

Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен до 1884 г. / Пер. с нем. М., 1981.

Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и Южная Африка: три века связей. М., 2010.

История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время / Под ред. М.Ю. Френкеля. М., 1976.

История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.) / Отв. ред. Д.А. Ольдерогге. М., 1984.

Africa from the Sixteenth to the Eighteenth Century / Ed. B.A. Ogot. Oxford, 1999.

L'Afrique du siècle des Lumières: savoirs et représentations / Sous la dir. de C. Gallouët, D. Diop, M. Bocquillon et G. Lahouati. Oxford, 2009.

ВОСТОК

АРАБСКИЙ МИР

Ацамба Ф.М., Кириллина С.А. Религия и власть: ислам в Османском Египте (XVIII – первая четверть XIX в.). М., 1996.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.). М., 1999.

Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.,1987.

Жантиев Д.Р. Традиция и модернизация на Арабском Востоке. Реформы в сирийских провинциях Османской империи (конец XVIII – начало XX века). М., 1998.

Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000.

Кобищанов Т.Ю. Христианские общины в арабо-османском мире (XVII – первая треть XIX века). М., 2003.

Ланда Р.Г. История арабских стран. М., 2005.

Мейер М.С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Орлов В.В. Традиционная социальная организация алауитского Марокко (середина XVIII – начало XIX века). Концепции – структуры – взаимосвязи. М., 1998.

Панченко К.А. Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX века). М., 1998.

Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979.

Abun-Nasr J.M. A History of the Maghrib in the Islamic Period. Cambridge, 1987.

Barbir K.K. Ottoman Rule in Damascus, 1708–1758. Princeton (N.J.), 1980.

Bodman H.L. Political Factions in Aleppo, 1760–1826. Chapel Hill, 1963.

Cohen A. Palestine in the 18th Century. Patterns of Government and Administration. Jerusalem, 1973.

Eighteenth-Century Renewal and Reform in Islam / Ed. N. Levtzion and J.O. Voll. Siracuse (N.Y.), 1987.

Harik I. Politics and Change in a Traditional Society: Lebanon, 1711–1845. Princeton (N. J.), 1968.

Hathaway J. The Arab Lands under Ottoman Rule, 1516–1800. Harlow, 2008.

Holt P.M. Egypt and the Fertile Crescent 1516–1922: a Political History. L., 1966.

Marcus A. The Middle East on the Eve of Modernity: Aleppo in the Eighteenth Century. N.Y., 1992.

Palestine in the Late Ottoman Period: Political, Social and Economic Transformation / Ed. D. Kushner. Jerusalem; Leiden, 1986.

Raymond A. Artisans et commerçants au Caire au XVIIIe siècle. Le Caire, 1999. Vol. 1–2.

Rafeq A.K. The Province of Damascus, 1723–1783. Beirut, 1966.

Shaw St.J. Ottoman Egypt in the 18th Century. The Nizamname-i Misir of Cezzar Ahmed Pasha. Cambridge (Mass.), 1962.

Studies in Eighteenth Century Islamic History / Ed. Th. Naff, R. Owen. Carbondale; L., 1977.

Winter M. Egyptian Society under Ottoman Rule, 1517–1788. L.; N.Y., 1992.

ИРАН В XVIII СТОЛЕТИИ: ВЕК «ВЕЛИКОГО ЗАМЕШАНИЯ»

Кузнецова Н.А. Иран в первой половине XIX века. М., 1983.

Axworthy M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. L., 2009.

Newman A.J. Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire. L.; N.Y., 2009.

Perry J.R. Karīm Khān Zand: a History of Iran, 1747–1779. Chicago, 1979.

Floor W., Herzig E. Iran and the World in the Safavid Age. L., 2001.

ТРИ МИРА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Берзин Э.О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М., 1966.

История Востока. Т. III: Восток на рубеже средних веков и нового времени. XVI – XVIII вв. М., 1999.

Козлова М.Г. Бирма накануне английского завоевания. Общественный и государственный строй. М., 1962.

Кузнецова С.С. У истоков индонезийской культуры (яванская культурная традиция XVIII–XIX вв.). М., 1984.

Левтонова Ю.О. История Филиппин. М., 1979.

Мосяков Д.В., Тюрин В.А. История Юго-Восточной Азии. М., 2004.

Подберезский И.В. Католическая церковь на Филиппинах. М., 1985.

Ребрикова Н.В. Таиланд: социально-экономическая история (XIII–XVIII вв.). М., 1977.

Рябинин А.Л. Рождение империи Нгуенов. Социально-политическая история Вьетнама в начале XIX в. М., 1988.

Спекторов Л.Д. Феодальные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората. М., 1979.

Тюрин В.А. История Индонезии. М., 2004.
Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
Andaya B.W. Perak, the Abode of Grace: a Study of an Eighteenth-Century Malay State. Kuala Lumpur; N.Y., 1979.
Andaya L.Y. The Kingdom of Johor, 1641–1728. Kuala Lumpur; N.Y., 1975.
The Cambridge History of Southeast Asia. Vol. II, pt 1: From c. 1500 to c. 1800 / Ed. N. Tarling. Cambridge; N.Y., 1999.
Dobbin C. Islamic Revivalism in a Changing Peasant Economy: Central Sumatra, 1784–1847. L., 1983.
Fernandez P. History of the Church in the Philippines (1521–1898). Manila, 1979.
Leur J.C. van. Indonesian Trade and Society; Essays in Asian Social and Economic History. The Hague, 1955.
Liberman V.B. Burmese Administrative Cycles: Anarchy and Conquest, c. 1580–1760. Princeton (N.J.), 1984.
Lombard D. Le carrefour javanais: essai d'histoire globale: 3 vols. P., 1990.
Mak Phoeun. Histoire du Cambodge de la fin du XVIe siècle au début du XVIIIe. P., 1995.
Maybon C. Histoire moderne du pays d'Annam (1592–1820). P., 1920.
Ricklefs M.C. Jogjakarta under Sultan Mangkubumi, 1749–1792: a History of the Division of Java. L.; N.Y., 1974.
Routledge D. Diego Silang and the Origins of Philippine Nationalism. Diliman; Quezon City, 1979.
Schrieke B.J.O. Indonesian Sociological Studies; Selected Writings: 2 vols. The Hague, 1955–1957.

ИНДИЯ: НА ПЕРЕЛОМЕ

Антонова К.А. Английское завоевание Индии в XVIII в. М., 1958.
Ванина Е.Ю. Идеи и общество в Индии XVI –XVIII в. М., 1993.
Ванина Е.Ю. Средневековое мышление: индийский вариант. М., 2007.
Индия: общество, власть, реформы: Памяти Г.Г. Котовского. М., 2003.
Новая история Индии / Отв. ред. К.А. Антонова и др. М., 1961.
Россия и Индия / Отв. ред. Н.А. Халфин, П.М. Шаститко. М., 1986.
Русско-индийские отношения в XVIII в.: Сб. док. М., 1965.
Суворова А.А. Ностальгия по Лакхнау. М., 1995.
Alam M. The Crisis of Empire in Mughal North India, Awadh and the Punjab, 1707–1748. Delhi, 1986.
Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y., 2006.
Bayly C.A. Indian Society and the Making of the British Empire. The New Cambridge History of India. Cambridge; N.Y., 1987.
Bayly C.A. Origins of Nationality in South Asia: Patriotism and Ethical Government in the Making of Modern India. Delhi; N.Y., 1998.
Bayly S. Caste, Society and Politics in India from the Eighteenth Century to the Modern Age. The New Cambridge History of India. Cambridge; N.Y., 1999.
Briggs H.G. The Nizam, His History and Relations with the British Government. Delhi, 1985.
Calendar of Persian Correspondence: being Letters, Referring Mainly to Affairs in Bengal, which Passed between some of the Company's Servants and Indian Rulers and Notables. Vol. XI: 1794–1795. Calcutta; Delhi, 1969.
Chatterjee A. Representations of India, 1740–1840: the Creation of India in the Colonial Imagination. N.Y., 1998.

Clarke J.J. Oriental Enlightenment: the Encounter between Asian and Western Thought. L.; N.Y., 1997.

Confronting Capitalism. Resistance and Modernization under Haidar Ali and Tipu Sultan / Ed. Irfan Habib. Delhi, 1999.

Dirks N.B. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton (N.J.), 2001.

The Eighteenth Century in Indian History: Evolution or Revolution? / Ed. P.J. Marshall. New Delhi, 2003.

English Records of Maratha History. Poona Residency Correspondence. Bombay, 1937. Vol. 1–3.

Gopal M.H. Tipu Sultan's Mysore; an Economic Study. Bombay, 1971.

Gordon S. Marathas, Marauders, and State Formation in Eighteenth-Century India. Delhi; N.Y., 1994.

Halbfass W. India and Europe: an Essay in Philosophical Understanding. Delhi, 1990.

Inden R. Imagining India. L., 2000.

King R. Orientalism and Religion: Postcolonial Theory, India and the Mystic East. L., 1999.

Metkalf T.R. Ideologies of the Raj. The New Cambridge History of India. Cambridge, 1998.

Orientalism and the Postcolonial Predicament: Perspectives on South Asia / Ed. C.A. Breckenridge and P. van der Veer. Philadelphia, 1993.

Spear P. The Nabobs: a Study of the Social Life of the English in Eighteenth-Century India. L., 1998.

Teltscher K. India Inscribed: European and British writing on India 1600–1800. Delhi, 1997.

Two Views of British India: the Private Correspondence of Mr. Dundas and Lord Wellesley, 1798–1801 / Ed. E. Ingram. Bath, 1970.

КИТАЙ: ВЁСНЫ И ОСЕНИ ПОСЛЕДНЕЙ ИМПЕРИИ

Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М., 2002.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М., 2002.

Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность. XIII—XVIII вв. СПб., 2003.

Bartlett B.S. Monarchs and Ministers: the Grand Council in mid-Ch'ing China, 1723–1820. Berkeley; Oxford, 1991.

The Cambridge History of China. Vol. 9, pt 1: The Ch'ing Empire to 1800 / Ed. W.J. Peterson. Cambridge, 2002.

Ch'u Tung-tsu. Local Government in China under the Ch'ing. Cambridge, (Mass.), 1962.

The City in Late Imperial China / Ed. G.W. Skinner. Ann Arbor, 2000.

Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644–1912) / Ed. A.W. Hummel: 2 vol. Taipei, 1991.

Emperor of China: Self-Portrait of K'ang-hsi / Compiled and Transl. from the Chinese. Harmondsworth, 1977.

Huang Pei. Autocracy at Work: a Study of the Yung-cheng Period, 1723–1735. Bloomington, 1974.

Naquin S., Rawski E.S. Chinese Society in the Eighteenth Century. New Haven, 1987.

Rawski E.S. The Last Emperors: a Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley, 1998.

Zelin M. The Magistrate's Tael: Rationalizing Fiscal Reform in Eighteenth-Century Ch'ing China. Berkeley, 1984.

Гальперин А.Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963.

Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720–1830. М., 1972.

Филиппов А.В. «Стостатейные установления Токугава» и «Кодекс из ста статей». СПб., 1998.

Bolitho H. Treasures among Men: the Fudai Daimyo in Tokugawa Japan. New Haven; L., 1974.

Harootunian H.D. Things Seen and Unseen: Discourse and Ideology in Tokugawa Nativism. Chicago, 1988.

The Cambridge History of Japan. Vol. 4: Early Modern Japan / Ed. J.W. Hall. Cambridge, 1991.

Totman C.D. Politics in the Tokugawa bakufu, 1600–1843. Berkeley; L., 1989.

ПЕРЕМЕНЫ НА КАРТЕ МИРА. СУДЬБЫ ИМПЕРИЙ

PAX EUROPEA: СОЮЗЫ И ВОЙНЫ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ, ИХ РЕЗУЛЬТАТЫ НА КАРТЕ МИРА

Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М., 1993.

Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века. М., 2012.

Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы, 1709–1714. М., 1990.

Век Екатерины II: Дела балканские / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2000.

Век Екатерины II: Россия и Балканы / Отв. ред. И.И. Лещиловская. М., 1998.

Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.

Лиштенан Ф.Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740–1750 гг. М., 2000.

Нелипович С.Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII века. М., 2010.

Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: Формирование российско-австрийского союза. 1780–1790. М., 2011.

Плешков В.Н. Внешняя политика США в конце XVIII в. (Очерки англо-американских отношений). Л., 1984.

Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М., 2011.

Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995.

Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. М., 2001.

Энглунд П. Полтава. М., 2009.

Anderson M.S. Europe in the Eighteenth Century: 1713–1783. Harlow, 2000.

Anderson M.S. The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. L.; N.Y., 2001.

Anderson M.S. War and Society in Europe of the Old Regime, 1618–1789. Montreal; L., 1998.

Aretin K.O. von. Das Alte Reich, 1648–1806. Stuttgart, 1997–2000. Bd. 1–4.

Beaulac S. The Power of Language in the Making of International Law: the World Sovereignty in Bodin and Vattel and the Myth of Westphalia. Leiden; Boston, 2004.

Beaurepaire P.Y. L'Europe des Lumières. P., 2004.

Belissa M. Fraternité universelle et intérêt national (1713–1795): les cosmopolitiques du droit des gens. P., 1998.

Bély L. Les Relations internationales en Europe (XVIIe–XVIIIe siècles). P., 2007.

Black J. European International Relations, 1648–1815. Basingstoke, 2002.

Black J. War in European History, 1660–1792. Wash., 2009.

Blanning T.C.W. The French Revolutionary Wars, 1787–1802. L., 1996.

Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century / Ed. H. Scott, B. Simms. Cambridge, 2007.

Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie: Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn, 1997.

Frey L.S., Frey M.S. The History of Diplomatic Immunity. Columbus, 1999.

Scott H.M. The Birth of a Great Power System, 1740–1815. Harlow, 2006.

Treasure G. The Making of Modern Europe, 1648–1780. L., 2003.

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете – град святого Петра»: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999.

Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008.

Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.

Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М., 2003.

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Анисимов Е.В. Россия без Петра, 1725–1740. СПб., 1994.

Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997.

Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М., 2002.

Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003.

Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.

Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул, 2003.

Елисеева О.И. Потемкин. М., 2005.

Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008.

Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004.

Западные окраины Российской империи / Науч. ред. М.Д. Долбилов, А.И. Миллер. М., 2006.

Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2001.

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946.

Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: Опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006.

Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: Традиции и модернизация. М., 1999.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999.

Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997.

Келлер Е.Э. Праздничная культура Петербурга: Очерки истории. СПб., 2001.

Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова петровского времени. М., 2004.

Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М., 2006.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003.

Курукин И.В. Бирон. М., 2006.

Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.

Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер и А.М. Семенова. Казань, 2004.

Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Писаренко К. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003.

Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001.

«Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.А. Сдвижков, И. Ширле. М. 2012. Т. 1–2.

Проскурина В.Ю. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / Сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.

Себаг-Монтефиоре С. Потемкин / Пер. с англ. М., 2003.

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй. М., 2004.

Серов Д.О. Прокуратура Петра I (1722–1725 гг.): Историко-правовой очерк. Новосибирск, 2002.

Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2008.

Сибирь в составе Российской империи / Отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М., 2007.

Скиннер К. Понятие государства в четырех языках / Пер. с англ. СПб., 2002.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. I: От Петра Великого до смерти Николая I / Пер. с англ. М., 2002.

LeDonne J. Absolutism and Ruling Class. The Formation of the Russian Political Order, 1700–1825. N.Y.; Oxford, 1991.

Витол А.В. Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987.

Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века). М., 1965.

Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.

Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971.

Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки. М., 1990.

Aksan V. An Ottoman Statesman in War and Peace: Ahmed Resmi Efendi, 1700–1783. Leiden, 1995.

Benedikt H. Der Pascha-Graf Alexander von Bonneval, 1675–1747. Graz; Köln, 1959.

Camariano N. Alexandre Mavrocordato, le grand drogman, son activité diplomatique 1673–1709. Thessaloniki, 1970.

Inalcik H. Essays in Ottoman History. Istanbul, 1998.

Zilfi M. The Politics of Piety: the Ottoman Ulema in the Postclassical Age (1600–1800). Minneapolis, 1988.

ЭВОЛЮЦИЯ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Британская империя: становление, эволюция, распад / Под общ. ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург, 2010.

Соколов А.Б. «Правь, Британия, морями»? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII в. Ярославль, 1996.

Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М., 2006.

Фурсов К.А. Львы Пятиречья: сикхи – великие воины Азии. М., 2011.

Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of our Times. L.; N.Y., 1994.

Bayly C.A. Imperial Meridian: the British Empire and the World, 1780–1830. L.; N.Y., 1989.

Bayly C.A. Indian Society and the Making of the British Empire. Cambridge; N.Y., 1987.

Cain P.J., Hopkins A.G. British Imperialism, 1688–2000. L., 2001.

Chaudhuri K.N. The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760. Cambridge; N.Y., 1978.

The Eighteenth Century in Indian History: Evolution or Revolution? / Ed. P.J. Marshall. New Delhi, 2003.

Ferguson N. Empire: the Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N.Y., 2002.

Frank A.G. World Accumulation, 1492–1789. L., 1978.

Furber H. Rival Empires of Trade in the Orient, 1600–1800. Minneapolis, 1976.

James L. The Rise and Fall of the British Empire. L., 1994.

Judd D. Empire: the British Imperial Experience from 1765 to the Present. L., 1996.

Keay J. The Honourable Company: a History of the English East India Company. N.Y.; Toronto, 1994.

Marshall P.J. Bengal – the British Bridgehead: Eastern India, 1740–1828. Cambridge; N.Y., 2006.

The Oxford History of the British Empire: 5 vols. Vol. II: The Eighteenth Century / Ed. P.J. Marshall. Oxford, 1998.

Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500 – c.1800. New Haven (Conn.), 1995.

Rodger N.A.M. The Command of the Ocean: a Naval History of Britain, 1649–1815. L., 2004.

Wallerstein I. The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750. N.Y., 1980.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ США

Согрин В.В. Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1980.

Становление американского государства / Отв. ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1992.

Andrews D. The Methodists and Revolutionary America, 1760–1800: the Shaping of an Evangelical Culture. Princeton (N.J.), 2000.

Beyond the American Revolution: Explorations in the History of American Radicalism / Ed. A.F. Young. DeKalb (Ill.), 1993.

The Blackwell Encyclopedia of the American Revolution / Ed. J.P. Greene and J.R. Pole. Cambridge (Mass.), 1991.

Butler J. Becoming America: the Revolution before 1776. Cambridge (Mass.), 2000.

Calloway C.G. The American Revolution in Indian Country: Crisis and Diversity in Native American Communities. Cambridge; N.Y., 1995.

Egnal M. A Mighty Empire: the Origins of the American Revolution. Ithaca (N.Y.), 2010.

Kerber L.K. Women of the Republic: Intellect and Ideology in Revolutionary America. N.Y., 1986.

Lambert F. Inventing the «Great Awakening». Princeton (N.J.); Oxford, 1999.

Middlekauff R. The Glorious Cause: the American Revolution, 1763–1789. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2005.

Morgan E. The Birth of the Republic, 1763–89. Chicago; L., 1992.

Nash G. The Unknown American Revolution: the Unruly Birth of Democracy and the Struggle to Create America. N.Y., 2005.

Rakove J. Original Meanings: Politics and Ideas in the Making of the Constitution. N.Y., 1996.

Wood G.S. The Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill (N.C.), 1998.

Wood G.S. The Radicalism of the American Revolution. N.Y., 1993.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция конца XVIII века. М., 1987.

Бачко Б. Как выйти из Террора? Термидор и революция / Пер. с фр. М., 2006.

Бовыкин Д.Ю. Революция окончена? Итоги Термидора. М., 2005.

Великая французская революция и Россия / Под ред. А.В. Адо и В.Г. Сироткина. М., 1989.

Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794 / Пер. с фр. М., 2003.

Левер Э. Мария Антуанетта / Пер. с фр. Ростов-н/Д., 1997.

Мягкова Е.М. «Необъяснимая Вандея»: сельский мир на Западе Франции в XVII–XVIII веках. М., 2006.

Озуф М. Революционный праздник 1789–1799 / Пер. с фр. М., 2003.

Погосян В.А. Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004.

Тырсенко А.В. Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.

Фюре Ф. Постижение французской революции / Пер. с фр. СПб., 1998.

Черкасов П.П. Лафайет. Политическая биография. М., 1991.

Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / Пер. с фр. М., 2001.

Baczko B. Politiques de la Révolution française. P., 2008.

Bluche F., Rials S., Tulard J. La Révolution française. P., 2003.

Dictionnaire critique de la Révolution française / Sous la dir. de F. Furet et M. Ozouf. P., 2007. Vol. 1–5.

Dictionnaire historique de la Révolution française / Sous la dir. d'A. Soboul, J.-R. Suratteau, F. Gendron. P., 2004.

Furet F., Halévi R. La monarchie républicaine: la constitution de 1791. P., 1996.

Furet F. La Révolution française. P., 2007.

Jaume L. Le discours jacobin et la démocratie. P., 1989.

La Révolution française: une histoire toujours vivante / Sous la dir. de M. Biard. P., 2010.

Troper M. Terminer la Révolution: la Constitution de 1795. P., 2006.

Vovelle M. La Révolution française: images et récit. 1789–1799. P., 1986. Vol. 1–5.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Аббас I Великий, шах Ирана 385, 388, 389, 397, 398
Аббас II, шах Ирана 385
Аббас III, шах Ирана 393
Аббасиды 598
Аббас-мирза 390
Абд аль-Азиз 370
Абд ар-Рахман аль-Джабарти 360, 361, 364, 365
Абдаллах 362
Абдул Хамид I, султан Османской империи 358, 363, 364
д'Абреу Антониу 265
Абу Зейдан, род 337
Абу Талиб, Мирза Абу Талиб 448, 449, 454
Абу-Бакр ас-Сиддик, халиф Арабского халифата 394
Абу-л-Фатх-хан 395
Август II, король Польши (Фридрих Август I, курфюрст Саксонии) 153, 517, 521, 528, 580
Август III, король Польши (Фридрих Август II, курфюрст Саксонии) 521, 528, 529, 532, 534
Август Октавиан 243
Августин Блаженный Аврелий 133, 156
Ага-Мохаммед-шах (Ага-Мохаммед-хан) Каджар, шах Ирана 391, 392, 396, 397, 714
Агеева О.Г. 555, *731*
Агуй, военачальник 486
Адам Джон 241
Адам Роберт 241
Адамс Абигайль 638
Адамс Джон 302, 306, 622, 624, 631, 634–636, 640
Адамс Сэмюэл 302, 632, 633, 635
Адансон Мишель 180
Аддисон Джозеф 238
Адил-шах Афшар, шах Ирана 395
Адо А.В. 697, 734
Адорно Т. 101
Адриан, патриарх 146
Адриан, римский император 242
Азад-хан 391
Азар П. 207
Айюб-бей 360
Айяла Хуан Мануэль де 289
Акишин М.О. 546, *731*
Алауиты, династия 373
Алаунпая, правитель Бирмы 405, 406, 417
д'Албукерки Аффонсу 443
Алегре Франсиско Хавьер 302
Александр I, российский император 168
Александр Македонский 439
Алексеев (Попов) Федот 307
Алексеев А.И. 725
Алексеев Петр Алексеевич 140, 217
Алексей Петрович, царевич 492, 556
Али Джезаирли 376
Али Мардан-хан 391, 395
Али Шандора 382
Али-бей аль-Кабир, правитель Египта 357, 358, 361–363, 710
Али-бей, бей Туниса 377
Алиды, род 393
Али-паша 377
аль-'Азм, род 348, 354, 355, 358
аль-Муради, клан 355, 358
Аль Сауд, династия 348
Альгаротти Франческо 207
Алькубьерре Роке Хоакин де 240, 241

* Курсивом выделены фамилии авторов, фигурирующие только в перечне избранной литературы, а также ссылки на этот перечень.

Альперович М.С. 725, 730
Альсате Хосе Антонио 302
Аманолла-хан 397
Амат-и-Хуньет Мануэль де 282
Амвросий (А.С. Зертис-Каменский) 154
Амело де Шайю Антуан Жан 231
Амиров Губайдулла 444
Амо Антон Вильгельм 337
Амурсана 483, 484
Ананда Ранга Пиллей 453
Анголо, правитель Дагомеи 328
Андерсон (Anderson) Б. 15, 441, *728*
Андерсон (Anderson) П. 104, *718*
Андерсон Джеймс 189
Андерсон Уильям 279
Андиа-и-Варела Хосе де 282
Андреев А.Ю. 173, *719*
Андрианампуйнимерина, правитель Имерины 334
Андрос Эдмунд 626
Анисимов Е.В. 545, 546, 548, *731*
Анисимов М.Ю. 730
Анкетиль дю Перрон Абрахам Гиацинт 436
Анна Иоанновна, российская императрица 147, 155, 157, 472, 491, 530, 548, 549, 564, 709
Анна Леопольдовна, правительница 117
Анрио Франсуа 670
Анса Хуан Баутиста де 289
Ансон Джордж 270, 344
Антекера-и-Кастро Хосе 299
Антонини Джузеппе 245
Антонова К.А. 728
д'Антркасто Жозеф Антуан 283
Апацаи-Чере Янош 210
Апкаримова Е.Ю. 732
Араго Доминик Франсуа 231
Араи Хакусэки 512
Аранда Педро Пабло де 711
Ардашев Павел Николаевич 33
Аренберг Леопольд Филипп 165
д'Аржансон Антуан-Рене де Польми 175
д'Аржанталь, Жанна Грация Боск дю Бюше 206
Аристотель 111
д'Арк Жанна 337
д'Арканвиль Пьер Франсуа Гюг 242
Аркрайт Ричард 55
Арндт Иоганн 135
Арндт Эрнст Мориц 262
Аро Гонсало Лопес де 289
Арриги (Arrighi) Дж. 589, 596, *733*
Артамонов В.А. 730
Артеага Игнасио де 289
д'Артуа Шарль, граф (Карл X, король Франции) 684, 685, 688
Арундел Томас Говард 236
Асад-паша аль-'Азм 355, 359
Асаф уд-Даула 434
Асикага, род 504
Ассенфрац Жан Анри 231
Атласов Владимир Васильевич 307
Аттире Жан Дени (Ван Чжи-чэн) 489
Аурангзеб, падишах Могольской империи 448, 707
Ахмад-шах, шах Дурранийской империи 391, 419, 424, 430, 433, 451, 710
Ахмед III, султан Османской империи 578, 579
Ахмед ан-Насири 383
Ахмед-паша аль-Джеззар, паша Дамаска 354, 358, 359
Ахмед-паша, паша Багдада 349–351
Ацамба Ф.М. 726
Ашмол Элайас 189
Аюки-хан, правитель калмыков 462, 491

Бабёф Гракх (Франсуа Ноэль) 667, 668
Бабур, Захир ад-Дин Мухаммед, падишах Могольской империи 450, 451
Бада Шаньжэнь 465
Базедов Иоганн Бернхард 186, 187
Базен Ж. 723
Базили Константин Михайлович 356
Байи Жан Сильвен 231, 656
Байрон Джон 270, 271
Байрон Джордж Ноэл Гордон 245
Балезин А.С. 726
Балку (Balcou) Ж. 209, *722*
Балтаджи Мехмед-паша 576
Балтимор, семейство 637
Бальбоа Васко де 265
Банда Сингх Бахадур 429
Баранов Александр Андреевич 315, 319
Баратынский Евгений Абрамович 219
Барер Бертран 664
Барнав Антуан 645
Баррас Поль 665
Баррюэль Огюстен 198, 199, 644

Бартелеми Жан Жак 245, 246, 249
Бартолаче Хосе Игнасио 302
Баско-и-Варгас Хосе 415
Басов Емельян 309
Басс Джордж 284
Батони Помпео 112
Бах Иоганн Себастьян 710
Бахадур Шах Зафар, падишах Могольской империи 419
Бачко Б. 734
Башмаков Петр 309
Беарде де Лабей 32
Беат Ренан (Бильд из Рейнау) 252
Безбородко Александр Андреевич 304, 314, 553
Бейкер К. 201, 204
Бейли Уильям 276, 279
Бейль Пьер 114, 210, 211
Бекет Томас 190
Беккариа Чезаре 59, 124, 125, 129, 131, 711
Беккер Карл 133
Бекмухаммедов Исмаил 444
Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич 279
Бёме Антон Вильгельм 136
Бенвенист Э. 724
Бенедикт XIV, папа римский 144, 157, 192
Бенианс Э.А. 604
Бениовский Мориц 344
Бентам Джереми 125, 126, 132, 713
Бервик Джеймс 516, 529
Бергман Торберн Улаф 220
Берд Джон 43
Берелович В. 719
Берзин Э.О. 727
Беринг Витус 180, 229, 270, 308, 309, 709
Бёрк Эдмунд 203, 443, 606, 632, 645, 671, 690, 691, 694, 713
Бёрн Р. 722
Бернини Джованни Лоренцо 6
Бёрнс Роберт 713
Бернулли Даниэль 220
Бернулли Иоганн I 220, 221
Бернулли Якоб I 221
Бернулли, семья 221, 222
Бернэ Антонио 300
Берсе (Bercé) И.М. 16, 67, 68, 72, *717*
Бертен Анри Леонар Жан Батист 490
Бертолле Клод Луи 230
Бески Констанцо Джузеппе (Вирамамунивар) 438
Бессарабова Н.В. 550, *731*
Бёттигер Карл Август 254
Бецкой Иван Иванович 168
Биглхоул Джон Коут 284
Бийо-Варенн Жан Никола 664
Биллингс Джозеф (Иосиф Иосифович) 313, 314
Бинош Б. 204
Био Жан-Батист 231
Бирдцелл Л.Е. 51, 54, 55, *716*
Бирон Эрнст Иоганн 116, 117, 548
Бирч (Birtsch) Г. 106, *718*
Бистер Иоганн Эрих 100, 203
Бичурин Никита Яковлевич 492, 729
Блай Уильям 286
Блан Луи Жан Жозеф 645, 668, 681
Бланки Жером Адольф 51
Блондель Франсуа 213
Блуменбах Иоганн Фридрих 285
Блэк (Black) Дж. 20, 105, *716, 718, 721, 725, 731*
Блэкстон Уильям 125, 126
Блэннинг (Blanning) Т. 700, 718, 731
Блюш (Bluche) Ф. 105, *734*
Бовыкин Д.Ю. 734
Бодега-и-Куадра Хуан Франсиско де ла 289
Боден Жан 104
Бодинье Б. 698
Бодо Никола 257, 258
Бодопая, правитель Бирмы 416, 417
Бозе Никола 213
Бойль Роберт 219
Болингброк Г. см. Сент-Джон Болингброк Г.
Болотина Н.Ю. 548
Болховитинов Н.Н. 307, 321, *725*
Бомарше Пьер Огюстен 535
Бомон Кристоф де 202, 212
Бональд Луи Габриэль Амбруаз де 690
Бонапарт см. Наполеон I Бонапарт
Бонапарты, династия 619
Бонечеа Доминго де 282
Бонн Ригобер 11
Боннак, Жан Луи д'Юссон де 575, 577
Бонневаль Александр Клод (Ахмед-паша) 578

Бонплан Эме 287, 714
Боргезе Камилло 242
Бордазар Антонио 211
Борджиа Стефано 237
Борепер П.И. 194, 195
Боркин Л.Я. 723
Борра Джованни Баттиста 243
Боскауэн Эдуард 595
Ботан-Бопре Шарль 268
Бочаров Дмитрий Иванович 315
Бошар де Сарон Жан-Батист Гаспар 231
Браганса, династия 301
Брассёль Ж. 51
Братищев Василий Федорович 487
Браун Джеймс 430
Брекер Ульрих 261
Бретез Луи 37
Бриассон Антуан Клод 211
Бриссо Жак Пьер 186, 683, 686
Бродель Ф. 12, 18, 20, 40–42, 47, 49, 51, 65, 74, 596, *715, 717*
Бросс Шарль де 272
Брэдли Джеймс 220
Брюно Ф. 657
Брюс Джеймс 180, 339
Буагильбер Пьер Лепезан 113
Буасси д'Англа Франсуа-Антуан 661
Буве де Лозье Жан-Батист 276
Бувье де Ла Мотт Гийон Жанна Мари 134
Бугенвиль Луи Антуан де 180, 271–274, 278, 285, 711
Бужо Луи 167
Бузескул В.П. 723
Буйдий Николай 351, 583
Булавин Кондратий Афанасьевич 63, 707
Буланже Никола Антуан 258
Булгарис Елевферий (Евгений) 140
Буонаротти Филиппо 240
Буонарроти Филипп 645, 667, 668
Бурбоны, династия 82, 516, 518, 685, 687, 688, 692, 693, 707
Бурге М.Н. 59
Бургиньон Луи Доминик (Картуш) 126
Бурдах Карл Фридрих 224
Бурдьё П. 83, 84
Буренин Федор 311
Бурриель Андрес Маркос 287
Бурсье Сабен 699
Бурхан ад-Дин-ходжа 484
Буше д'Аржи Антуан Гаспар 200
Буше Франсуа 12
Буюк Сулейман см. Сулейман-паша аль-Кабир
Быков А.Ю. 731
Бьюкенен Фрэнсис 435
Бьют Джон Стюарт 117
Бьянкини Франческо 239
Бэйджент М. 603, 604
Бэйли (Bayly) Кристофер 422, 607–609, 611, 612, *728, 733*
Бэкон Френсис 213–215, 233, 235
Бэнкс Джозеф 274
Бэрок П. 6
Бюржа Абель 167
Бюттнер Т. 726
Бюффон Жорж Луи Леклерк 183, 226, 227, 710

Вазир Али 434
Валкенир Адриан 412
Валлерстайн (Wallerstein) И. 589, 614, *734*
Валлисниери Антонио 211
Вальдес Антонио 320
Ван Сыи 217
Ван Хуй 465
Ван Ци 217
Вандель д'Эйянж Франсуа Игнас де 647
Вандель, семья 696
Вандермонд Александр Теофиль 231
Ванина Е.Ю. 728
Ванситтарт Генри 433
Ванька Каин (Иван Осипов) 126
Варахран (Бахрам) II, шах Ирана 396
Вариньон Пьер 221, 222
Васильев А.М. 726
Васильев Алексей Иванович 23, 25
Васютинский Петр 311
Ваттель Эмер (Эмерих) 525
Вашингтон Джордж 302, 536, 635, 638
Вебер Джеймс 279
Вебер Карл 240
Вебер Макс 69, 83, 612
Веджвуд Джозайя 242
Вейланд Якоб 268
Вейсгаупт Адам 193
Велижев М.Б. 730

Веллингтон Артур Уэлсли 455, 610
Вёллльнер Иоганн Христофор 151
Вентури Ф. 101, 205
Венути Марчелло 241
Венцель Готфрид Иммануил 259
Вербист Фердинанд 463
Верженн Шарль Гравье де 535, 536
Верле П. 51
Вернон Эдвард 300
Веронезе Паоло 12
Веттины, династия 528
Вешняков Алексей Андреевич 568, 574, 578
Видясова М.Ф. 726
Вик Д'Азир Феликс 23, 231
Вико Джамбаттиста 205
Виктор Амадей II, король Сардинии 121, 128
Виктория, королева Великобритании 392
Виланд Кристоф Мартин 193, 203, 205
Виллар Клод Луи 517, 529
Вильгельм II Оранский, стадхаудер Нидерландов 22
Вильгельм III Оранский, стадхаудер Нидерландов, король Англии и Шотландии 108
Вильгельм V Оранский, стадхаудер Нидерландов 108, 414, 591
Вильнёв Луи Совер де 582
Вильстер Даниэль Якоб 343
Вильялобос Руй Лопес де 265
Винк А. 612
Винкельман Иоганн Иоахим 253–255, 711
Вискардо-и-Гусман Хуан Пабло 303
Висконти Джованни Баттиста 242
Висконти Эннио Квирино 242
Витол А.В. 733
Витсен Николай Корнелий 234, 343
Виттрам Рейнхард 105
Владиславич-Рагузинский Савва Лукич 471
Вобан Себастьян де 54
Водеяры, династия 425
Возгрин В.Е. 730
Войнович Марко Иванович 358
Волков Федор Григорьевич 167
Волынский Артемий Петрович 385, 388
Вольке Христиан 187
Вольней Константин Франсуа 354, 362
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) 17, 20, 32, 114, 147, 148, 150, 153, 162, 167, 169, 175, 179, 191, 202, 205–207, 209, 213, 235, 236, 256, 257, 301, 303, 438, 442, 443, 490, 596, 689, 709
Вольф Фридрих Август 233, 254
Вольф Христиан 110, 138, 140, 172
Воронцов Александр Романович 314
Врис Питер де 413
Вторушин Лука 311
Вуд Г. 639
Вуд Роберт 243
Вулф Джеймс 595
Вульф Ларри 13, 15, 16, *715*
Выговский Иван Остапович 522
Вэй Юань 484
Вюнанбурже Жан Жак 12

Габсбурги, династия 23, 29, 35, 64, 69, 82, 85, 108, 134, 142, 143, 150, 151, 193, 516, 518–520, 522, 523, 530, 582, 583, 648, 695, 710
Гавриил (П.П. Петров) 140, 154
Гази Хасан-паша аль-Джазаирли 359, 364
Галдан Бошокту-хан 459, 462
Галилей Галилео 219
Галлан Антуан 707
Галлахер Дж. 614
Галлей Эдмунд 220, 250, 708
Гальвес Мигель де 320, 321
Гальперин А.Л. 730
Гамильтон Александр 302, 306, 634, 635
Гамильтон Уильям 242
Ганнибал Абрам Петрович (Ибрагим) 338
Ганноверская династия 107, 708
Гарсес Франсиско 289
Гаянос Томас 282
Гвоздев Михаил Спиридонович 308
Гегель Георг Вильгельм Фридрих 442, 694
Гедике Фридрих 203
Геер Луи де 49
Гейдж Томас 634
Гей-Люссак Жозеф Луи 231
Гейне Христиан Готтлоб 254

Гелвинк Йоан 268
Гельвеций Анна Катрин де Линьвиль д'Отрикур 198
Гельвеций Клод Адриан 114, 191, 195, 200, 209, 212
Генинг В.Ф. 724
Генифе П. 676, 677, *734*
Геннин Георг Вильгельм де 49
Генри Патрик 631, 635
Генрих IV, король Франции 690
Генрих Прусский, принц 688
Генч-Али-паша 393
Георг I, король Великобритании 146, 525
Георг II, король Великобритании 529, 531
Георг III, король Великобритании 117, 626, 634–636, 688, 711
Георг (Йорген) Датский, принц 136
Георги Иоганн Готлиб 229
Георгий (Г.О. Конисский) 140
Гердер Иоганн Готфрид 17, 205, 258, 260, 261, 437, 439, 713
Герен Д. 669
Герман Леонард Давид 252
Герреро Хуан 304
Гершель Уильям 220, 712
Гесиод 249
Гёте Иоганн Вольфганг 78, 177, 193, 207, 245, 260, 437, 438
Геттар Жан Этьен 223
Гиббон Эдуард 205, 604
Гибер Жак Антуан Ипполит де 526
Гизо Франсуа 261
Гиланенц Петрос ди-Саргис 397
Гилберт Томас 284
Гильденштедт Иоганн Антон 229
Гитлер Адольф 594
Гитон де Морво Луи Бернар 230
Глотов Степан 310
Гмелин Иоганн Георг 226
Гмелин Самуэль Готлиб 229
Гоббс Томас 109, 213
Гобель Жан-Батист Жозеф 143, 662
Гобинд Сингх 429, 708
Говард Джон 132
Гогенцоллерны, династия 82, 135, 145
Годвин Уильям 203
Годжи Дж. 724
Гоёдзэй, император Японии 498
Голди М. 133
Голиков Иван 312–315, 317, 318
Голикова С.В. 732
Голицын Борис Владимирович 166
Голицын Дмитрий Владимирович 166
Головнин Василий Михайлович 512
Гольбах Поль Анри 191, 200, 205, 206, 213
Гольдони Карло 162
Гомер 249
Гомес Пачеко Хуан Висенте де, граф Ревильяхихедо 290
Гомидзуноо, император Японии 504
Гор Джон 281
Гордон Джордж 150, 712
Гордон Роберт 180
Гори Антонио Франческо 240
Горн Джон 275
Гош Луи Лазар 693
Гошá Габриэль 208
Грамюссэ Антонио 300
Грегуар Анри 143, 259
Гренвилл Уильям 630
Грибоедов Александр Сергеевич 392
Гривз Джон 216
Григорий XIII, папа римский 44
Григулевич И.Р. 725
Гризелини Франческо 216
Гримм Фридрих Мельхиор 209, 213, 258
Грин Чарлз 274
Гроций, Гуго де Гроот 109, 110
Гуаль Мануэль 304
Гулам Кадир 425
Гулам Хусейн Салим 453
Гумбольдт Александр фон 287, 303, 714
Гумбольдт Вильгельм фон 258, 260
Гунд Карл фон 192
Гундесхаймер Андреас 242
Гупты, династия 440
Густав II Адольф, король Швеции 234
Густав III, король Швеции 105, 107, 113, 206, 687, 712
Гуттенберг Иоганн 176
Гэн Чжунмин 461
Гэндзи (Минамото), род 504
Гюйгенс Христиан 219, 229

Давид Мишель Антуан 211
Давидсон А.Б. 726
Давыдов Гавриил Иванович 512

Даламбер Жан Лерон 35, 76, 114, 162, 164, 191, 200, 206, 208, 209, 211–216, 222, 223, 235, 301, 710
Далримпл Александр 270, 273
Дампир Уильям 267–269, 271
Дандас Генри 424, 611
Данделс Херман Виллем 414
Данибегашвили Рафаил 444
Данмор Джон Мюррей 637
Дантон Жорж Жак 659, 682–684
Дара Шукох 436
Дарнтон (Darnton) Р. 102, 201, 212, 213, *723*
Даукинс Джеймс 243
Дахир аль-'Умар, семейство 354
Дахир аль-'Умар, шейх 357–359, 362
Даххам ибн Даввас, эмир Эр-Рияда 370
Дашкова Екатерина Романовна 159, 168, 217, 227, 241
Дегоде Антуан 239
Дежнев Семён Иванович 307
Дезагюлье Джон Теофил 189
Дезальёр Пьер Пюшо де 576
Дезе Луи Шарль Антуан 247
Дезессар Антуан Жозеф 165
Декарт Рене 140, 162, 221, 235, 258, 707
Деларов Евстратий Иванович 313
Дельбрюк Ханс Готлиб 390
Делюмо (Delumeau) Ж.155, *719*
Демпстер Томас 239
Демулен Камиль 659
Денон Доминик Виван 247
Дерби Авраам 54, 709
Дерби, семья 54
Дергам Уильям 137
Державин Гавриил Романович 313
Дессалин Жан Жак 301
Дефо Даниэль 78, 90, 184, 268, 708
Деффан Мари де Виши-Шамрон дю 168
Дехийо Л. 596
Джалилиды, род 348, 349, 351, 352
Джаникли, династия 571
Джанноне Пьетро 205
Джахан-шах (Шах-Джахан), падишах Могольской империи 392
Джейкоб (Jacob) М. 188, *721*
Дженкинс Роберт 618
Дженнер Эдвард 30
Джефферсон Томас 114, 125, 259, 260, 302, 622, 634–636, 640
Джипсон Л.Г. 595
Джонс Уильям 436–439, 441–445, 446
Джонсон Сэмюэл 77, 249
Джумблат, род 357
Ди Джон 621
Диас де Гамарра-и-Давалос Хуан Бенито 302
Дивин В.А. 725
Дидро Дени 35, 76, 114, 159, 162, 164, 167, 175, 179, 183, 184, 186, 200, 205, 207, 209, 211–217, 235, 258, 259, 285, 286, 301, 710
Дикинсон Джон 634
Диксон П. 596
Диллон Питер 283
Димен Антони ван 267
Димитрий Ростовский (Д.С. Туптало) 158
Диогнет Афинский 236
Дитрих Филипп Фредерик 231
Дмитриев И.С. 723
Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич 304
Добантон Луи Жан Мари 213, 227
Доббс Артур 180
Додвел Эдуард 237
Долгоруков И.М. 527
Доргонь 473
Дорошенко Петр Дорофеевич 522
Дорфман Я.Г. 723
Доу Александр 436, 442
Дрейк Френсис 267
Дуглас Джеймс 251
Дуглас Мэри 68
Дэвис Н. 715
Дэвис Эдвард 269
Дю Альд Жан Батист 489, 490
Дюбо Жан-Батист 209
Дюбуа Ж. 435
Дюклесмёр Амбруаз 282
Дюкло Шарль Пино 200
Дюма Матьё 705
Дюмарсе Сезар Шено 207
Дюмурье Шарль Франсуа 539, 688
Дюплекс Жозеф Франсуа 453, 518, 532, 710
Дюплен Пьер Жак 167
Дюпон де Немур Пьер Самюэль 113, 114, 202
Дюпор Адриен 655
Дюпюи Р. 683

Дюран де Майян Пьер Туссен 667, 668
Дюран Лоран 211
Дюфе Шарль Франсуа 220
Дюшен Никола 206

Евгений Савойский, принц 388, 515, 516, 529, 577, 708
Евреинов Иван Борисович 308, 708
Екатерина II, российская императрица 32, 38, 42, 44, 105, 112, 113, 115, 116, 118, 121, 122, 124, 129, 139, 147, 153–155, 162–164, 168, 175, 182, 187, 193, 206, 212, 234, 251, 257, 304, 305, 311, 314–316, 320, 321, 343, 392, 483, 492, 522, 533, 534, 538, 540, 547, 548, 550, 552, 556, 558, 559–561, 564, 565, 567, 585, 587, 711, 713
Елизавета Петровна, российская императрица 114, 129, 147, 154, 155, 173, 338, 531, 533, 549, 556, 567, 709
Елизавета I, королева Англии 621
Елисеева О.И. 548, 550, *731*
Епифаний Славинецкий 163
Ерофеев Н.А. 715
Ефремов Филипп Сергеевич 422, 444

Жамере-Дюваль Валентен 262
Жан Поль (Иоганн Пауль Рихтер) 177
Жантиев Д.Р. 726
Жебелёв С.А. 724
Желтяков А.Д. 733
Жерар А. 683
Жербийон Жан Франсуа 463
Живов В.М. 550, 719, *731*
Жоао (Жуан) V, король Португалии 464
Жозе I, король Португалии 118, 120, 192
Жокур Луи де 35, 76, 81, 213, 701
Жомар Франсуа 247
Жонвиль Огюстен Шайон де 198
Жорес Жан 645, 668, 681
Жоффрен Мария Тереза 168
Жюссьё Антуан де 249

Завадовский Петр Васильевич 174
Зайков Потап 311
Зак Август Фридрих Вильгельм 138
Заман-шах, шах Дурранийской империи 430, 431
Запарий В.В. 49, *715*
Зелов Д.Д. 731
Землер Иоганн Соломон 138
Земон Дэвис Н. 68
Зибенкес Иоганн Филипп 254
Зидер Р. 720
Зомбарт Вернер 41
Зонненфельс Йозеф 23, 203
Зорин А.Л. 550, *731*
Зутис Я. 561, *731*

Ибнеева Г.В. 550, *731*
Ибрагим-паша Невшехирли 578, 579, 582
Ибрагим-паша, дефтердар 575
Ибрахим Дели-паша ад-Далати 355
Ибрахим Кяхья (Катхода) аль-Каздоглу 360, 361
Ибрахим Самбегу Бария 327
Ибрахим-бей 363–365
Ивон Клод 209
Игнатьев Иван Михайлович 165
Избрант Идес 464
Измайлов Герасим Григорьевич 315
Измайлов Лев Васильевич 464, 491
Иналджик (Inalcik) Халил 573, *733*
Инглис Чарлз 636
Инграо (Ingrao) Чарлз 105, 106, *719*
Инден (Inden) Р. 455, *729*
Иннокентий XI, папа римский 134
Иньжэн 465
Иньсы 465, 468, 473
Иньтан 468, 473
Иньтао 467
Иньти 466, 473
Иньчжи 465
Иньэ 473
Иоасаф (И.И. Болотов) 316
Иосиф I, император Священной Римской империи 22, 128
Иосиф II, император Священной Римской империи 29, 64, 105, 113, 117, 121–123, 127, 129, 143, 144, 151, 152, 158, 182, 194, 195, 206, 522, 687, 695, 711, 712
Исмаил I Сефевид 392, 393
Исмаил III Сефевид 395
Исмаил ибн Абд аль-Джалиль 351
Исмаил-бей 364, 365
Исмаил-паша аль-'Азм 355

Йирмисекиз Челеби Мехмед-эфенди 575, 581

Кабанис Пьер 23, 27
Каво Андрес 302
Казаноглу, династия 571
Калас Жан 114, 150, 202
Калидаса 437, 445
Каллендер Джон 272, 273
Калонн Шарль Александр де 651
Калушкин Иван 444
Каменский А.Б. 550, *718, 731, 732*
Камерон Р. 51
Камо-но Мабути 512
Кампе Иоахим Генрих 187, 261
Канси (Айсиньгиоро Сюанье), император Цин 457, 459–467, 469–472, 477, 488, 494, 707
Кант Иммануил 78, 101, 205, 220, 260, 712
Кантемир Дмитрий 574, 580
Каплан С. 41, 71
Каппелер А. 542, *732*
Караманли Али 376
Караманли Ахмед 375, 376, 708
Караманли Мухаммед 376
Караманли Юсуф 376
Карамзин Николай Михайлович 444
Караосманоглу, династия 571
Карвер Джонатан 180
Кареев Николай Иванович 646
Карл II, король Англии и Шотландии 234
Карл II, король Испании 515
Карл III, король Испании (Карл VII, король Неаполя и Сицилии) 92, 105, 142, 157, 182, 240, 289, 293, 294, 300, 379, 414, 529, 536, 711
Карл IV, король Испании 290
Карл V, император Священной Римской империи 266
Карл VI, император Священной Римской империи (Карл, эрцгерцог) 108, 151, 320, 515, 530, 708
Карл VII, император Священной Римской империи (Карл Альбрехт, курфюрст Баварии) 530, 531
Карл XII, король Швеции 49, 107, 517, 521, 522, 529, 576, 580
Карл Вильгельм Фердинанд, герцог Брауншвейгский 687
Карл Теодор, курфюрст Баварии 160
Карл Эдуард Стюарт, принц 531
Карл Эммануил III, король Сардинии 121
Карно Лазар Никола 664
Каролина Матильда, королева Дании 116
Карон Ф. 696
Карп С.Я. 718
Каррей Жак 243
Каррье Жан-Батист 666, 676
Карстенс Ян 266
Картерет Филип 271, 272
Картрайт Эдмунд 54, 713
Кассини Джованни Доменико 229
Кассирер Э. 101
Кастильон Иоганн (Джованни Франческо; Жан Франсуа) де 100
Кастильоне Джузеппе (Лан Шинин) 465, 489
Кауниц Венцель Антон 113, 121, 129, 710
Кей Джон 709
Кейлюс Анн Клод Филипп де Тюбьер де 254
Кейслер Георг 250, 252
Кейт Джеймс 193
Кекроп, царь 236
Келлер Е.Э. 731
Келлерман Франсуа Кристоф 539
Кенель Паскье 142
Кёнигсбергер Г. 715
Кенэ Франсуа 77, 78, 95, 113, 213, 711
Кепрюлю, род 347
Керим-хан Зенд (Мухаммед Керим-бек) 391, 395, 396
Кёрл Роберт 222
Кермадек Жан Мишель Юон де 283
Кернер Юстиниус 262
Кимпа Вита 337
Кин Д. 730
Кине Эдгар 666
Кириллина С.А. 726
Кирос Педро Фернандес де 265, 271, 272
Кирх Готфрид 227
Кирх Мария Маргарете 227
Кирхер Атанасиус (Афанасий) 246
Клавихеро Франсиско Хавьер 302
Клайв Роберт 433, 434, 453, 599–601, 613

Кларк Чарлз 279, 281
Кларк Эдвард Даниэль 245
Клебер Жан Батист 366
Клейн Л.С. 724
Клемансо Жорж 680
Клеменс Венцеслав 686
Клер (Леклерк) Никола Габриэль 167
Клериссо Шарль Луи 241
Клермон Луи де Бурбон-Конде де 191, 198
Клермон-Тоннер Станислав де 683
Клиер Дж.Д. 719
Климент XI, папа римский 142, 463, 464
Климент XII, папа римский 191
Климент XIII, папа римский 144
Климент XIV, папа римский 144, 162, 712
Клинтон Генри 603
Кобищанов Т.Ю. 726
Коваррубиас Себастьян де 210
Коджа Рагыб Мехмед-паша 584, 585
Кожевников Степан 309
Кожин Александр Иванович 44
Козбекчи Мустафа 575
Козеллек (Koselleck) Р. 101, 204, *723*
Козлов С.А. 721
Козлова М.Г. 727
Кои Джованни 216
Кокцеи Самуэль фон 128, 129
Колесников Силуан 140
Коллинз Энтони 207
Коллинз, резидент 431
Колло д'Эрбуа Жан Мари 664, 666, 676
Кольбер Жан-Батист 61, 169, 229, 518, 593
Кольбер де Торси Жан-Батист 524, 621
Коммерсон Филибер 272
Конбаун, династия 400, 415, 417, 710
Конде Луи Жозеф де Бурбон, принц 686, 688, 690
Конде Луи II де Бурбон, принц 690
Конде, род 685
Кондильяк Этьен Бонно де 161, 209, 219
Кондорканки Хосе Габриэль (Тупак Амару) 299, 712
Кондорсе Мари Жан Антуан Никола 168, 169, 174, 186, 191, 231, 258, 260, 644, 690, 702, 714
Кондратьев Николай Дмитриевич 604
Констан де Ребек Бенжамен Анри 702
Конфуций 413
Коперник Николай 221, 454
Корберон Мари Даниель Бурре де 168
Корволь А. 68
Кордова Антонио де 289
Корнель Тома 210
Корнуоллис Чарлз 427, 428, 441, 450, 603, 712, 714
Коронелли Винченцо 6, 211
Корт Генри 54
Коссиньи Давид 427
Костюшко Тадеуш 59, 540, 638, 714
Коук Томас 239
Коулбрук Генри Томас 435
Кочеткова Н.Д. 193
Кочубей Виктор Павлович 25
Кошелева О.Е. 550, *732*
Кошен Огюстен 672
Коши Огюстен Луи 231
Кранедж Джордж 54
Кранедж Томас 54
Крашенинников Степан Петрович 180
Кревельд Мартин ван 544, 732
Креницын Пётр Кузьмич 312
Креселиус Д. 363
Кретаци Авраам 393
Кристева Ю. 71
Кропотов Иван Иванович 487
Крото Харолд Уолтер 222
Крузе (Crouzet) Ф. 51, 696, 697, *716*
Куайе Габриэль Франсуа 94
Кузнецова Н.А. 727
Кузнецова С.С. 727
Кук Джеймс 180, 273–282, 284–286, 711
Кук Джон 267
Кук Эдвард 269
Кулон Шарль Огюстен де 220
Кунов Г. 669
Куракин Алексей Борисович 318
Курвуазье Жан Жозеф Антуан де 691
Куртуа Эдм Бонавантюр 671
Курукин И.В. 548, *732*
Кутон Жорж Огюст 669, 673–675
Кутузов Михаил Илларионович 587
Кэмпбелл Джон 272, 279
Кэри Уильям 440

Ла Барр Жан Франсуа де 202
Ла Вега Франческо де 240, 241

Ла Кондамин Шарль Мари де 180, 183, 213, 287, 709
Ла Салль Жан-Батист де 170
Ла Фосс Шарль де 6
Ла Шалоте Луи Рене де 174
Лабрусс Э. 74, 102
Лавров А.С. 550, *719*
Лавуазье Антуан Лоран де 218, 219, 221, 230, 231, 712
Лагарп Фредерик Сезар 165
Лагранж Жозеф Луи 222–224
Лазарев Максим 311
Лазарев Михаил Петрович 279
Лакло Пьер Амбруаз Франсуа Шодерло де 89, 197
Лаксман Адам 512
Лалли-Толендаль Трофим Жерар де 659
Ламарк Жан-Батист 224
Ламбаль Мария Тереза Луиза 198
Ламбер Анна Тереза де 168
Ламет Александр 658
Ламет Шарль 658
Ламетри Жюльен Офре де 207
Лампе Фредерик Адольф 136
Ламуаньон К.Г. см. Мальзерб К.Г. Ламуаньон
Лангар Каэтано 282
Ланда Р.Г. 726
Лансон Г. 102
Лаперуз Жан Франсуа де 283, 713
Лапин Иван 311
Лаплас Пьер Симон 218, 220, 223, 714
Ларошфуко д'Анвиль Луи Александр де 231
Ларусс Пьер 216
Ласепед Бернар Жермен Этьен де 227
Лассон Жозеф Мари Франсуа де 23, 25
Лаунс Калеб 123
Лауэр Ж.Ф. 724
Лафайет Мари Жозеф дю Мотье де 186, 638, 655, 658
Лафито Жозеф Франсуа 249
Лафон Софи де 168
Ле Бретон Андре 211
Ле Вайян Франсуа 344
Ле Тьиеу Тхонг 485
Ле, династия 403
Лебедев Герасим Степанович 344, 444–447
Лебедев Г.С. 724
Лебрен Пьер 158
Лебрен Шарль 6
Левассёр Рене 665, 672, 674
Левашов Михаил Дмитриевич 312
Левек Пьерь Шарль 167
Левер Э. 734
Леви-Лебуайе М. 696
Левичева И.Н. 46
Левтонова Ю.О. 727
Левченко В.Н. 724
Легаспи Мигель Лопес де 265
Легран Жак Гийом 241
Легран Никола 38
Ле Донн (Le Donne) Джон 561, *732*
Лежандр Жильбер Шарль де Сент-Обен 200
Лейбниц Готфрид Вильгельм 101, 110, 114, 140, 219, 221, 225, 227, 246, 301, 490, 708
Ле-Мер Якоб 266, 267, 269
Леонтьев Алексей Леонтьевич 492
Леопольд II, император Священной Римской империи (Петр Леопольд I, великий герцог Тосканский) 105, 112, 121, 123, 129, 142, 687, 695
Лепехин Иван Иванович 229
Лепренс де Бомон Жанна Мари 166
Лепти (Lepetit) Бернар 37, *716*
Леруа Жюльен Давид 244
Ле Руа Ладюри (Le Roy Ladurie) Э. 17, 18, 39, *715, 717*
Лессер Фридрих Христиан 225
Лессинг Готхольд Эфраим 193, 196
Лефевр (Lefebvre) Ж. 72, 669, 680, 681, *717*
Лефран Жак Франсуа 198
Ли Р. 603, 604
Лианкур (Ларошфуко-Лианкур) Франсуа Александр Фредерик де 94, 678
Ливингстон Роберт 636
Лигорио Пирро 237
Лигу Д. 190
Лилли С. 715
Лингард Джон 138
Линней Карл 180, 225, 226, 709
Липсий Юст 252
Лисянский Юрий Федорович 344
Литтлтон Чарлз 249
Лихуды, Иоанникий и Софроний 163
Лиштенан Ф.Д. 730

Ллойд Эдвард 43
Лоайса Гарсия Хофре де 265
Лойпольд Якоб 211
Локк Джон 101, 109, 110, 112, 148, 161, 162, 200, 213, 625, 635, 642
Ломанов А.В. 729
Ломени де Бриенн Этьенн Шарль де 175, 651
Ломоносов Михаил Васильевич 173, 312, 567, 708
Лопатин В.С. 548, *732*
Лопиталь Гийом Франсуа Антуан де 221
Лоррен Клод 12
Лоу Джон 47, 597, 708
Лувуа Франсуа Мишель де 64
Лудд Нед 65
Лудольф Генрих Вильгельм 136
Лужин Федор Федорович 308, 708
Луи Филипп (II) Жозеф, герцог Орлеанский 688
Лукас К. 684
Лукин Н.М. 669
Лункэдо 465, 468, 473
Лхавсан-хан 462
Лызлов Андрей Иванович 251
Люблинская А.Д. 23, *715*
Людовик XII, король Франции 690
Людовик XIII, король Франции 688
Людовик XIV, король Франции 105, 115, 142, 168, 246, 269, 380, 457, 515, 516, 518, 526, 589, 594, 650, 690, 707
Людовик XV, король Франции 21 22, 90, 113, 116, 144, 202, 237, 246, 272, 490, 519, 520, 525, 528–531, 650, 651, 708
Людовик XVI, король Франции 25, 113–115, 150, 178, 202, 452, 519, 535, 536, 539, 651, 655, 663, 665, 678, 680, 685, 686, 688, 690, 691, 703, 704, 714
Людовик XVII, король Франции (Луи Шарль, дофин) 685, 687
Людовик XVIII, король Франции (Луи Станислас Ксавье, граф Прованский) 684–688, 690–692
Люзиньян Совёр 363
Люй Люлян 469, 470
Люка Клод 260
Люка Поль 243
Лютер Мартин 135, 144
Мабильон Жан 236
Мабли Габриель Бонно де 200
Маврокордато Александр (Шкарлат) 574, 575, 580, 581
Маврокордато Николай 574, 581
Магеллан Фернан 265
Магидович И.П. 726
Магюдель Никола 248
Мадариага И. де 732
Мадер Йозеф 238
Мадхао Рао II, пешва 424, 425
Мазепа Иван Степанович 517, 522
Майер Тобиас Иоганн 222
Майянс-и-Сискар Грегорио 211
Макарова Р.В. 726
Макартни Джордж 496, 497
Макинтош Джеймс 203, 645
Маколей Кэтрин 203
Маколей Томас Бабингтон 601
Максвелл Джеймс Клерк 222
Маласпина Алессандро (Алехандро) 290
Малаховский К.В. 725
Малет Чарлз 424
Малле дю Пан Жак 656, 691
Малуэ Виктор 197
Малуэ Пьер Виктор 659, 704
Мальборо Джон Черчилль 515, 516
Мальбранш Никола 221
Мальзерб Кретьен Гийом Ламуаньон де 178, 179, 202, 231, 655
Мальтус Томас Роберт 20, 99, 615, 714
Малюс Этьен Луи 231
Ман Томас 593
Мангкубуми, принц (Хаменгкубувоно I, султан Матарама) 407
Мандевиль Бернард де 40
Мандрен Луи 62, 126
Манту Поль 51, 52, 716
Манфред А.З. 646, 647, 669, 682, 694
Марат-Будри Давид 165
Марини Гаэтано 237
Марион-Дюфрен Марк Жозеф 282, 286
Мария II, королева Англии и Шотландии 22, 591
Мария Антуанетта, королева Франции 685–688, 691
Мария Терезия, императрица Священной Римской империи 25, 30, 108,

114, 121, 129, 143, 144, 157, 158, 182, 194, 530, 531, 709
Маркофф Дж. 59
Маркс Карл 681
Мармонтель Жан Франсуа 32, 179, 209, 213
Мартен Ж.К. 683
Мартин М. 435
Мартинес Эстеван Хосе 289
Маршалл Джон 284
Мас Саид 407
Массо (Masseau) Д. 208, *722*
Массон Шарль Франсуа 165
Матьез А. 668
Маурелье Антонио 282
Маффеи Шипионе 236, 237
Маха Сингх 430, 431
Махмуд I, султан Османской империи 579, 582, 583
Махмуд-шах II, султан Малакки 409
Махмуд-хан (Мир Махмуд-шах) 385, 387, 390, 393, 397
Маци, чиновник 471
Машо д'Арнувиль Жан-Батист де 231, 650, 651
Медушевский А.Н. 105, 545, 718, 732
Мейджор Томас 245
Мейер М.С. 726, 733
Меланхтон Филипп 144
Мельгунов Алексей Петрович 251
Мельянцев В.А. 715
Менар де Шузи Дидье Франсуа Рене 231
Менданья Альваро 265, 271, 272, 277
Мендельсон Мозес 101, 151, 196, 261
Менезиш Жоржи де 265
Ментенон Франсуаза д'Обинье де 168
Мену де Бюсси Жак Франсуа де 366
Меркати Микеле 248
Меркатор Герард 342
Мерлен Филипп Антуан 537
Мёрнер М. 296
Мерси д'Аржанто Флоримон 687
Мерсье де Ла Ривьер Поль Пьер 32, 113
Мерсье Луи Себастьян 89, 176, 201
Местр Жозеф де 197, 644, 690, 691, 694
Меттерних Клеменс Венцель Лотар 524
Метьюэн (Метуэн) Джон 618
Мехмед Саид-эфенди 581
Мехмед-ага, миралем 575
Мехмед-ага 576
Меццабарба Карло Амброзио 463
Миллар Джон 186
Миллен де Грандмезон Обер Луи 251
Миллер А.И. 545, *718, 732*
Миллер Герард Фридрих (Федор Иванович) 229, 248, 249, 252, 493
Милль Джеймс 439
Милюков Павел Николаевич 545
Миненко Н.А. 732
Миних Бурхард Кристоф 529
Минье Франсуа Огюст 645, 665
Мир Джафар 433
Мир Касим 433, 711
Мир Садык 429
Мир Таки Мир 422, 431, 709
Мирабо Виктор Рикети де 151, 165, 200, 257, 261
Мирабо Оноре Габриэль Рикети де 186, 655, 659, 660, 682, 704
Миранда Франсиско де 304, 710
Мирза Ихтисам ад-дин 448
Мирошевский В.М. 725
Моголы (Великие Моголы), династия 389, 392, 419, 422, 423, 429, 431, 433, 434, 450, 451, 455, 597, 609, 612
Модрю Жан-Батист дю Бокаж 167
Моисиодакс Иосипос 140
Мойрияк де Майя Жозеф Анн Мари де 490
Молинос Мигель 134
Мольер (Жан-Батист Поклен) 162
Мольтро Габриэль Никола 150
Монгайт А.Л. 724
Монгольфье, Жозеф Мишель и Жак Этьен 713
Монж Гаспар 221
Монк Джордж 692
Монтегю Джон 189
Монтескье Шарль Луи де Секонда де Ла Бред де 13, 17, 18, 20, 76, 81, 101, 111–113, 124, 178, 183, 184, 191, 205–208, 213, 301, 490, 642, 671, 689, 702, 710
Монтеспан Франсуаза Атенаис де 116
Монфокон Бернар де 236, 237, 252, 253
Мопертюи Пьер Луи 229, 272
Мопу Никола Рене де 129, 202, 651, 655, 712
Мор Томас 272

Морган (Morgan) Эдмунд 643, *734*
Морган Каспар Вильгельм 343
Морелле Андре 213
Морепа Жан Фредерик Фелиппо де 237, 621
Морери Луи 211
Мори (Морей) Роберт 189
Мориц Саксонский 526, 531
Морне 578
Моро Жакоб Никола 209
Моро Жан Виктор 541, 693
Мортье Р. 205
Морчелли Стефано Антонио 237
Москвитин Иван Юрьевич 307
Мосяков Д.В. 727
Мотоори Норинага 512
Моцарт Вольфганг Амадей 713
Мулай Абдаллах 381
Мулай Исмаил, султан Марокко 379–382, 707
Мулай Слиман 381, 382
Мулай Язид 381
Муловский Григорий Иванович 314
Мульхим, эмир Ливана 357
Мунши Измаил 448
Мунье Жан Жозеф 199, 655, 659
Мурад-бей 363–366
Мурасаки Сикибу 511
Муратори Лудовико Антонио 138, 207, 237
Муса Казим 393
Мустафа III, султан Османской империи 350, 584, 585, 711
Мутис Хосе Селестино 289
Мухаммад Гури 450
Мухаммад Рафи Сауда 419
Мухаммед Абу-з-Захаб 357, 358, 362–364
Мухаммед Али, паша Египта 372, 373
Мухаммед бен Осман, дей Алжира 379
Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб 368–370, 372, 707
Мухаммед ибн Сауд, эмир Эд-Дирьии 370
Мухаммед Керим-бек 391
Мухаммед-бей, бей Туниса 377
Мухаммед-паша, паша Дамаска 355
Мыльников Николай Прокофьевич 317, 319
Мьюир Р. 602
Мэддисон (Maddison) Ангус 6, *715*
Мэдисон Джеймс 620, 642
Мэйсё, императрица Японии 504
Мэйхью Джонатан 625
Мэйяр де Турнон Шарль Тома 463
Мэттьюз Ричард 426
Мюллер Макс 441
Мютеферрика Ибрагим 577
Мюшамбле (Muchembled) Робер 58, *717*
Мягкова Е.М. 734

Нагель Людвиг (Ларион Тимофеевич) 318, 487
Надир-шах Афшар 350, 351, 387–398, 419, 444, 451, 709
Нана Пхаднис (Фарнавис) 425, 427
Нанда Кумар, раджа 602
Наполеон I Бонапарт 115, 198, 218, 242, 246, 247, 261, 345, 359, 363, 365–367, 428, 454, 455, 540, 541, 587, 594, 609, 610, 615, 616, 619, 692, 693, 714
Нариньо Антонио 302, 304
Нгкика 336
Нгуен Ань, принц (Зя-лонг, император Вьетнама) 415
Нгуен Ван Хюэ 485, 713
Нгуены, династия 402, 403
Нгуены, семья 403, 485
Неводчиков Михаил 309
Неккер Жак 205, 537, 651, 652, 660
Нелипович С.Г. 730
Нельсон Горацио 366, 428, 541, 610
Нельсон Джеймс 79
Неплюев Иван Иванович 577
Нерак Пьер Поль 704
Нери Филиппо 221
Нефёдов С.А. 49, 50, *715*
Нефиоглу 574
Нибур Карстен 243, 247, 367
Нивлт Антонин 64
Низам ул-Мулк Асаф Джах (Мир Камр ул-Дин Чини Килич-хан) 423
Низам-шах (Бурхан Низам-шах II), султан Ахмаднагара 392
Никон, патриарх (Никита Минов) 139
Нишли Мехмед-ага 575
Новиков Николай Иванович 155, 160, 193, 207, 447, 567
Новосадский Н.И. 724
Нодье Шарль 665
Нойман А. 15

Нокс Генри 306
Норден Фредерик Людвиг 246
Норрис Уильям 448
Норт Дуглас Сесил 51
Норт Фредерик 117, 601
Нуантель Шарль Мари Франсуа 243
Нурхаци, маньчжурский хан 495
Ньюкомен Томас 53, 708
Ньютон Исаак 218–223, 454, 709
Нянь Гэнъяо 465, 468, 473

Обрезков Алексей Михайлович 580, 584, 585
Обри Клод 242
Озуф (Ozouf) М. 60, 204, *716, 722, 734*
Окерблад Юхан Давид 248
О'Конор Чарлз 138
Окунь С.Б. 320, *726*
Олавиде Пабло де 182, 303
Олар А. 645, 665
Олауде Эквиано 338
Оливье Мишель 166
О'Лири Артур 138
Омар ибн аль-Хаттаб, халиф Арабского халифата 394
Омар-паша 350
Омельченко О.А. 561, *732*
Омер-ага 575
Оранская династия 108, 414
Орешкова С.Ф. 733
Орлов Алексей Григорьевич 358
Орлов В.В. 726
Орлов Григорий Григорьевич 392
Орм Роберт 431, 435
Орри Филибер 63
Осей Туту 329
Осес Франсиско 267
Осман ибн Аффан, халиф Арабского халифата 394
Осман III, Османский султан 583, 584
Осман-паша ас-Садык 355
Османы, династия 366, 367, 383, 384
Остерман Иван Андреевич 320, 321, 582
Отис Джеймс 634
Оуэн Роберт 51
Очередин Афанасий 311
Ошеров С.А. 438
Оэртай 473–476

Павел I, российский император (Павел Петрович, вел. князь) 155, 173, 193, 304, 318–320, 557, 562, 587, 714
Павон-и-Хименес Хосе 289
Пакубувоно III, сусухунан Суракарты 407
Палиссо Шарль 208, 209
Паллас Петр Симон 229, 313
Панин Никита Иванович 585
Панков Дмитрий 309, 310
Панкук Шарль Жозеф 176, 200, 201, 216, 217, 712
Панченко К.А. 726
Папеброх Даниэль 236
Пареммаккал Томмакаттанар 448
Парк Мунго 339, 340, 714
Паркер Сэмюэл 137
Паркинсон Сидней 274
Парс Уильям 244
Паскаль Блез 200
Патрона Халил 578, 709
Паттерсон Уильям 180
Пейн Джордж 189
Пейн Томас 203, 258, 260, 302, 635, 636, 644, 649, 712
Пеллерен Жозеф 238
Пенн, семейство 637
Пеплие Жан Робер де 166
Перейра Томаш 463
Перес Эрнандес Хуан Хосе 289
Песталоцци Иоганн Генрих 261
Петр I, российский император 38, 44–46, 49, 51, 92, 97, 111, 119, 146, 147, 153, 154, 158, 159, 206, 229, 234, 257, 307, 308, 334, 338, 342, 343, 385, 388, 397, 444, 452, 457, 491, 517, 521, 522, 542, 544–546, 549–552, 554–558, 562, 564, 566–568, 577, 582, 707–709
Петр II, российский император 22, 472, 549
Петр III, российский император 147, 166, 533, 552, 556, 711
Петр Могила 163
Петрей де Эрлезунда Пётр (Пер Перссон) 21
Петров Александр Андреевич 444
Петрова М.А. 730
Петросян Ю.А. 733
Пивати Джанфранческо 211

Пий IV, папа римский 237
Пий VI, папа римский 242
Пиль Иван Алферьевич 315–318
Пинель Филипп 27
Пиранези Джованни Баттиста 245
Писаренко К.А. 550, *732*
Питт Уильям Младший 305, 606, 713
Питт Уильям Старший 117, 519, 595, 596
Пишегрю Шарль 693
Платон (П.Г. Левшин), митрополит 140, 155
Плениснер Федор Христианович 309, 310
Плешков В.Н. 730
Погосян В.А. 734
Погосян Е.А. 550, *732*
Подберезский И.В. 727
Покок Ричард 243, 246
Поленов Алексей Яковлевич 32
Полиньяки, род 685
Поллард С. 51
Поло Марко 489
Полутов Дмитрий 311
Польян Эме Анри 209
Помбал Себастьян Жозе де Карвалью-и-Мелу де 80, 118, 120, 121, 142, 144, 192, 204, 293, 294, 710
Помпадур, Жанна Антуанетта Пуассон де 113, 116
Помпоний Мела 266
Пономарев Савин 310
Понтоппидан Эрик Людвигсен 249
Понятовский Станислав 576
Портер Джеймс 583
Портилья Педро де ла 304
Портола Гаспар де 289
Потемкин Григорий Александрович 116, 155, 304, 548
Потин В.М. 724
Потоцкие, род 528
Потоцкий Ян 252
Потье де Ла Фромандье Пьер (Павел Петрович Фромандьер) 167
Поццо Андреа 6
Прад Жан Мартен де 212
Прево Антуан Франсуа 183
Пригожин И.Р. 58
Прион Пьер 22
Пристли Джозеф 203
Проскурина В.Ю. 550, *732*
Прочко И.С. 49
Пруст Ж. 217
Птифрер К. 683
Птолемей V Эпифан, царь Египта 247
Птолемей Клавдий 266, 339
Пу Сунлин 465
Пуассон Симеон Дени 231
Пугачев Емельян Иванович 62, 547, 712
Пуфендорф Самуэль 109, 110
Пушкарев Гаврила 310
Пушкин Александр Сергеевич 338
Пья Таксин 406
Пьяджо Антонио 240
Пясты, династия 528

Рабо Сент-Этьен Жан Поль 661
Радермахер Якобус 413
Раджа Кечиль 410
Радищев Александр Николаевич 447, 567
Разумовский Кирилл Григорьевич 559
Райл (Reill) П. 225, *723*
Ракоци Ференц II 59, 69, 576–578, 580, 707
Рама I, король Сиама 406, 418, 712
Рамзей, граф 578
Рами Мехмед-паша 574–576
Рамчандра Пант Аматья 450
Ранджит Сингх 430, 431, 714
Раш Бенджамин 639
Ребрикова Н.В. 727
Реветт Николас 243, 244
Ревуненков В.Г. 669
Редин Д.А. 546, *732*
Резанов Николай Петрович 512
Рей Марк Мишель 206
Реймон Анри 143
Рейналь Гийом Тома Франсуа 11, 20, 183, 186, 201, 208, 217, 258–260, 286, 302, 441, 713
Рейхель Иоганн Готтлоб (Иван Карлович) 193
Рембрандт Харменс ван Рейн 12, 412
Рёмер Оле 220
Рен Кристофер 189
Репин Н.Н. 549
Репнин Николай Васильевич 571
Ресто Пьер 166
Рибек Ян ван 334, 335

Ривера-и-Монкада Фернандо де 289
Рид Джон 267
Ридван Кяхья аль-Джульфи 360
Риза-кули-мирза 398
Рикуперати Дж. 206, *722*
Рихтер Иеремия Вениамин 223
Ричардсон Сэмюэл 177, 207
Ричардсон Джонатан Младший 239
Ричардсон Джонатан Старший 239
Риччи Маттео 463
Риччи Шипионе де 123, 142
Рише Д. 681
Рише Эдмон 143
Ришелье Арман Жан дю Плесси де 169
Ришелье Арман Эмманюэль дю Плесси де 81
Ришле Сезар 210
Робер Гюбер (Юбер) 248
Робертсон Уильям 301, 439
Робеспьер Максимильен 673, 667–675, 680, 684, 690, 703, 706
Робинсон Р. 614
Робисон Джон 198
Роггевен Якоб 268, 269, 272, 277
Рогер Абрахам 436
Роджер Н. 597
Роджеро М. 720
Роджерс Вудс 268, 269
Родни Джордж Брайджес 603
Родригес Симон 302
Розенберг Н. 51, 54, 55, *716*
Ройл (Royle) Э. 74, *718*
Рокингэм Чарлз Уотсон-Уэнтуорт 604
Роллен Шарль 165
Романовы, династия 307, 320, 392
Ромм Жильбер 164–166
Ромодановский Федор Юрьевич 554
Роозе Теодор Георг Август 224
Россохин Иларион Калинович 492
Ростом-мирза 390
Ростоу У.У. 604
Ротшильды 42
Рохас Хосе Антонио де 300
Рош (Roche) Д. 102, 103, 170, *721, 723*
Рошамбо Жан Батист де 536
Рубенс Питер Пауль 12
Рудбек Улоф 248, 251
Руис Лопес Иполито 289
Румянцев (Румянцев-Задунайский) Петр Александрович 304, 559
Руссо Жан Жак 101, 110, 113, 161, 162, 164, 168, 169, 177, 179, 187, 200, 205, 207, 209, 213, 257, 272, 301, 303, 490, 674, 689, 701, 711
Рустикелло (Рустичано) из Пизы 489
Рэй Джон 225, 256
Рэндольф Эдмунд 642
Рюде Дж. 716
Рябинин А.Л. 727

Сааведра Альваро 265, 266
Саадат Али 434
Сад Донасьен Альфонс Франсуа де 207
Саид Э. 5, 15, 438, 611
Сальморан Гальен де 167
Самарин А.Ю. 720
Самойлов Константин Алексеевич 313
Сандвич Джон Монтегю 280
Санта Крус-и-Эспехо Франсиско Хавьер Эухенио де 302
Санта-Круз де Марсенадо де 211
Сантос Хуан 299
Санча Антонио де 217
Сасаниды, династия 393
Сауд II ибн Абд аль-Азиз 370, 372
Саудиды 370, 371, 373, 382
Сафи ад-Дин, шейх 396
Сведенборг Эмануэль 138
Свет Я.М. 725
Свитен Герард ван 23, 25
Свифт Джонатан 123, 184, 709
Себаг-Монтефиоре С. 548, *732*
Север Уильям 284
Севери Томас 53
Сейер Энтони 189
Сёйтхофф Корнелис 412
Селим III, султан Османской империи 345, 376, 587, 588, 713
Селкирк Александр 184, 268
Семакокиро, кабака Буганды 333
Сен-Жюст Луи Антуан 668, 671–674, 682, 689, 690
Сен-Нон Жан Клод Ришар де 245
Сен-Пьер Бернарден де 177
Сен-Сир Жозеф Жири де 209
Сент-Джон Болингброк Генри 78
Середа Н.В. 732
Серков А.И. 193, *721*
Серов Валентин Александрович 12
Серов Д.О. 546, *732*

Сефевиды, династия 350, 385, 387, 392–396, 581, 609
Сиди Мухаммед ибн Абдаллах 381
Сийес Эммануэль Жозеф 655, 656, 690, 701, 702
Сикар Клод 246
Сикар Пьер де 197
Силва Шавьер Жуакин Жозе да 300
Сили Дж.Р. 589, 617, 621
Сильвестр де Саси Антуан Исаак 247
Симеон Полоцкий 163
Симолин Иван Матвеевич 537
Симон Ришар 235
Синдт Иван 312
Синдхиа Махададжи 424, 425
Сирадж уд-Даула 432, 433, 598, 710
Сирвен Пьер Поль 114
Ситников Л.А. 726
Скиннер К. 732
Смилянская (Smilyanskaya) Е.Б. 550, 719, *730*
Смилянская И.М. 727, 730
Смит Адам 40, 56, 91, 128, 205, 616, 712
Смит Д. 721
Смолли Ричард 222
Смотрицкий Мелетий 492
Собуль А. 645, 646, 669
Согрин В.В. 734
Соймонов Петр Александрович 314
Соймонов Федор Иванович 312
Соколов А.Б. 733
Соландер Даниэль 274
Соловьев Иван 311
Солон 643
Сориа Вильяроэль Педро де 299
София Ганноверская 707
Соэга (Цоэга) Иоганн Георг 246, 254
Спекторов Л.Д. 727
Спиноза Бенедикт 133
Спиридов Григорий Андреевич 586
Спон Жак 254
Стайн Б. 611, 613
Стакли Уильям 250
Сталь Анна Луиза Жермена де 671, 672
Станислав II Август Понятовский, король Польши 108, 153, 521, 534, 540
Станислав Лещинский, король Польши 517, 520, 521, 528, 529
Старобинский Ж. 724
Старосельская-Никитина О.А. 723
Стаунтон Джордж Томас 495
Стафенгаген Иван Иванович 342
Стеендам Якоб 413
Стерн Лоренс 184
Стивенсон Д. 188
Стоун (Stone) Л. 87, 91, 171, *718*
Строганов Александр Сергеевич 166
Строганов Павел Александрович 164, 166
Струэнзе Иоганн Фридрих 116, 117, 121, 712
Стюарт Джеймс 243
Стюарты, династия 149, 707
Субрахманиам С. 448
Суворов Александр Васильевич 159, 541, 548, 714
Суворова А.А. 728
Сулейман Ибн Абд аль-Ваххаб 369
Сулейман-паша Абу Лейла 350
Сулейман-паша аль-'Азм 355, 357
Сулейман-паша аль-Кабир (Буюк Сулейман) 350, 372, 712
Султан Хусейн, шах Ирана 385, 387, 388, 391, 393, 394, 707
Султан-шах, бадахшанский правитель 484
Сумароков Александр Петрович 167, 567
Сунь Цзягань 475
Сунь Шии 485, 487
Сурапати 406, 407
Суфло Жак Жермен 245
Схаутен Виллем 266, 267, 269
Сэйва, император Японии 504
Сюрвиль Жан Франсуа Мари де 273, 282
Сюффрен Пьер Андре де 537
Сюч Е. 105, *718*

Тайе Жак 150
Так Франс 407
Тальман Иоганн Михаэль фон 576
Тарле Е.В. 602, 646
Тасман Абел Янсзон 266, 275, 276
Тассо Торквато 162
Татищев Василий Никитич 49, 398
Таунгу, династия 405
Тауншенд Чарлз 632, 633

Тахазаде, семья 356
Тахмасп II, шах Ирана 387, 388, 391
Тацит Публий Корнелий 251, 252
Тверитинова А.С. 576
Тегбесу, правитель Дагомеи 328
Тейссье Э. 697, 698
Терре Жозеф Мари 90
Терре, род 90
Тибодо Антуан Клэр 665
Тимур (Тамерлан) 397
Типу Султан 426–429, 450–453, 455, 610, 712
Тиссо Самюэль Огюст Андре Давид 22
Тициан Вечеллио 12
Тоётоми Хидэёри 498
Тойнби Арнольд 51, 56
Токугава Иэмицу, сёгун 503
Токугава Иэясу, сёгун 498, 501
Токугава Хидэтада, сёгун 498, 504
Токугава Цунаёси, сёгун 505, 707
Токугава, династия 498, 500–502, 504–509, 512, 513
Толанд Джон 76
Толстой Петр Андреевич 580
Толстых Андреян 310, 311
Тома Жорж 666
Томазий Христиан 172
Томас (Thomas) Н. 285, *725*
Томпсон (Thompson) Э.П. 61, 68, *716, 717*
Томпсон Фелипе 282
Топал Осман-паша 578
Торре Бернардо де ла 265
Тортароло Э. 202
Торча Микеле 42
Трапезников Никифор 309
Тревенен Джеймс 314
Тревиранус Готфрид Рейнхольд 224
Тредиаковский Василий Кириллович 567
Тулишэнь 462
Тункина И.В. 724
Тунман Иоганн Эрих 252
Тупак Инка Юпанки 266
Тупиа 274, 275
Турнефор Жозеф Питтон де 225, 242, 243
Турреттини Жан Альфонс 137
Туссен-Лувертюр Франсуа Доминик 301
Тутэн Ж.К. 698
Тырсенко А.В. 734
Тьеполо Джованни Баттиста 5, 12
Тьер Адольф 645
Тьер Жан-Батист 158
Тэн Ипполит 672, 681
Тэрадзима Рёан 217
Тюдоры, династия 607
Тюрго Анн Робер Жак 61, 63, 77, 113, 213, 490, 651, 712
Тюрго Мишель Этьен 37
Тюрин В.А. 728
Тюрро Луи Мари 666

У Саньгуй 461
У Цзинцзы 478
Уайз Джон 625, 626
Уатт Джеймс 53, 55, 711
Уилкинс Джон 189
Уилкинс Чарлз 437, 443
Уилкинсон Уильям 647
Уилкис Джон 117
Уилсон Джеймс 620
Уильямс Роджер 148
Уильямс Э. 616
Уитфилд Джордж 136, 624
Уклеин Семён Матвеевич 140
Украинцев Емельян Игнатьевич 568
Умбах (Umbach) М. 106, *719*
Унат Ф.Р. 576, 577
Уоллес Роберт 20
Уоллис Сэмюэл 271, 272, 274, 284, 285
Уолпол Роберт 117, 519, 529–531, 618, 709
Уолстонкрафт Мэри 203
Уоррен Джозеф 632
Уоррен Мерси Отис 643
Уортман Р.С. 550, *732*
Уортон Филипп 189, 191
Уотсон Чарлз 433
Уошбрук Дэвид 611
Ушаков Федор Федорович 587, 588
Уэйкфилд Эдвард Гиббон 615
Уэйлз Уильям 276
Уэйфер Лайонел 269
Уэлсли Ричард 455, 610, 611
Уэль Жан Пьер 245
Уэсли Джон 136

Фальк Иоганн Петер 229
Фальконе Этьен Морис 213
Фаннелл Уильям 269

Фань Шоуи 463, 491
Фаренгейт Габриэль Даниэль 708
Фарж (Farge) А. 68, *722*
Фатх Али-хан Афшар, хан Урмии 391
Фатх Али-шах Каджар, шах Ирана 392, 396
Февр Л. 102, *724*
Фёдоров Иван 308
Фёдорова Е.В. 724
Фёдорова С.Г. 726
Фелипе, испанский инфант 531
Феличе Фортунато Бартоломео де 206, 216
Фенелон де Салиньяк де Ла Мот Франсуа 134, 162, 166
Феотоки Никифор 140, 155
Феофан Прокопович 146
Фербер Х. 617, 620
Фергюсон (Ferguson) Н. 602, *733*
Фердинанд IV, король Неаполя 241
Фердинанд VI, король Испании 92, 192
Фердинанд I Бурбон, герцог Пармский 142
Фердинанд, герцог Брауншвейгский 533
Ферроне (Ferrone) В. 102, 103, *722*
Фидий 242
Филанджиери Гаэтано 204
Филатова И.И. 726
Филд Джеймс 126
Филдинг Генри 124, 127, 184
Филдинг Джон 127
Филипп V, король Испании (Филипп Анжуйский, герцог) 127, 515, 516
Филиппов А.В. 730
Филипс Молсуорт 281
Филлип Артур 284
Филмер Роберт 104
Фихман И.Ф. 723
Фихте Иоганн Готлиб 262
Фишер Иоганн Эберхард 249
Фишман О.Л. 729
Флёри Андре Эркюль де 529, 530, 709
Флетчер Эндрю 620
Флиндерс Мэтью 284
Флорес Мальдональдо Мануэль Антонио 289
Флоридабланка Хосе Моньино-и-Редондо 320
Фовель Луи 244
Фолар Жан Шарль де 526
Фома Аквинский 156
Фонтана Карло 239
Фор Э. 717
Формей Иоганн Генрих Самуэль 209
Формозов А.А. 724
Форрест А. 699, 700
Форстер Георг 193, 258, 276, 277, 437
Форстер Иоганн Рейнгольд 276
Фоссетт Брайан 251
Франк Иоганн Петер 23
Франке Август Герман 135, 136, 172
Франклин Бенджамин 260, 302, 535, 622, 625, 634–636
Франс А. 218
Франциск I, король Франции
Фредерик Август, герцог Йоркский 688
Фредерик, принц датский 117
Фрейхоф В. 171
Фрелих Эразм 238
Фрерон Эли Катрин 209
Фридрих II, король Пруссии 51, 92, 100, 105, 106, 111, 113, 116, 121, 127, 129, 150, 151, 174, 192, 203, 206, 229, 388, 523, 526, 530–535, 584, 585, 688, 709
Фридрих II, ландграф Гессен-Кассельский 123, 638
Фридрих Вильгельм I, король Пруссии 111, 121, 128, 150, 526
Фридрих Вильгельм II, король Пруссии 151
Фроянов И.Я. 544
Фуке де Бель-Иль, Шарль Луи Огюст 530, 531
Фуко М. 24, 30, 31, 58, 101, 589, *716*
Фуркруа Антуан Франсуа де 230, 231
Фурмон Мишель 237
Фурсов К.А. 733
Фута Торо, династия 382
Фюксель Георг Христиан 223
Фюре (Furet) Франсуа 204, 655, 665, 673, 681, *735*
Фюретьер Антуан 74, 210
Фюрно Тобайс 276

Хабермас (Habermas) Ю. 101, 204, *722*
Хаген В. 725
Хайдар I Шихаб, эмир Ливана 356
Хайдар Али, правитель Майсура 425, 426, 451, 610, 711

Хайнеке (Гейнекций) Иоганн Готлиб 237
Халил Хамид-паша 586
Халиль-паша, наместник Египта 363
Халхед Натаниэль Бресси 436
Хамуда-паша, бей Туниса 377, 378, 712
Хант Л. 721
Хан-ходжа 484
Харгривс Джеймс 53, 711
Харлоу Винсент 607
Харрис Джон 211
Харрисон Джон 43
Хартог Дерк 266
Хасан аль-Бадри аль-Хиджази 360
Хасаниды, династия 348, 349, 351
Хасан-паша, адмирал см. Гази Хасан-паша аль-Джаза'ирли
Хасан-паша, паша см. Эйюб Хасан-паша
Хасинто Канек (Ук де лос Сантос) 299
Хаскиссон Уильям 608
Хатчесон Фрэнсис 635
Хатчинсон Томас 632
Хафиз Бешир-ага 579
Хвостов Николай Александрович 512
Хейлз Стивен 709
Хейстингс (Гастингс) Уоррен 433–436, 440, 601, 602
Хекимоглу Али-паша 578, 582
Хервас-и-Пандуро Лоренсо 198
Хилл Джордж Уильям 222
Хмельницкий Богдан 521, 522
Хобсбаум Э. 716
Хобсон (Hobson) Джон 6, *715*
Ховельянос Гаспар Мельчор де 169
Хогарт Уильям 78
Холкар Тукоджи 424
Холуэлл Джон Зефанайя 436, 440
Хонтхайм (Гонтгейм) Иоганн Николаус фон (Юстин Феброний) 144
Хоорн Йохан ван 411
Хоорн Питер ван 413
Хоп Хендрик 180
Хоркхаймер М. 101
Хоу Уильям 603
Хоук Эдвард 595
Христиан VI, король Дании и Норвегии 246
Ху Чжунцзао 476
Хугстратен Давид ван 211
Хунчжоу 474
Хунъянь 472, 474
Хусейн ибн Али 376, 377
Хусейниды, династия 376, 377
Хусейн-паша аль-Джалили 351
Хэдли Джон 43
Хэнкок Джон 632, 633, 635
Хэшэнь 494, 495
Хюбнер Иоганн 217

Цао Сюэцинь 478, 713
Цедлер Иоганн Генрих 211
Цёльнер Иоганн Фридрих 100
Цельсий Андерс 709
Цзэн Цзин 469, 470
Цзяцин (Айсиньгиоро Юнъянь), император Цин 494, 495
Цинцендорф Николай Людвиг 136
Цэван-Рабдан 462
Цэрин-Дондуб 462
Цяньлун (Хунли), император Цин 457, 464, 467, 472–478, 480–482, 484–486, 489, 494, 495, 709

Чаадаев Петр Яковлевич 5
Чакри, династия 402, 712
Чапаноглу, династия 571
Чарторыйские, род 528
Чаудхари К.Н. 617
Чеймберз Эфраим 211, 213, 214
Чеканцева З.А. 716,717
Чендлер Ричард 244
Черкасов П.П. 730, 734
Черникова Т.В. 548
Чжан Си 469, 470
Чжан Тинъюй 473, 474
Чжу (Мин), династия 465
Чжу Си 464
Чжурмэднамчжал, правитель Тибета 483
Чжэн Цзин 488
Чжэн Чэнгун 488
Чжэны 457, 461
Чинь, род 403
Чириков Андрей Ильич 229, 279, 309, 314, 321
Чичагов Василий Яковлевич 312
Чичерин Денис Иванович 309, 310, 576
Чорлулу Али-паша 580
Чуди Теодор Анри де 165
Чудинов А.В. 720, 734

Шампольон Жан Франсуа 248
Шан Кэси 461
Шапталь де Шантелу Жан Антуан Клод 231
Шаретт Франсуа 684
Шарлевуа Пьер Франсуа Ксавье де 180
Шартье (Chartier) Р. 175, 178, *716, 720, 721, 734*
Шарьер Изабель де 168
Шатле Габриэль Эмили дю 168
Шах Валиулла Дехлави 451, 453
Шах-Алам II, падишах Могольской империи 424, 433, 600
Шахи, гуркхская династия 486
Шахрох, шах Ирана 391
Шварц Иван Григорьевич 193
Шварц П. 435
Шееле Карл Вильгельм 220
Шейс Дэниэл 642
Шейхцер Иоганн Якоб 137
Шелвок Джордж 268
Шелихов Григорий Иванович 312–319, 713
Шелиховы 319
Шеллинг Фридрих Вильгельм 439
Шемякин Я.Г. 725
Шёпфлин Иоганн 173, 524
Шерман Роджер 636, 642
Шершов А.П. 49
Шефтсбери Энтони Эшли Купер 625
Шехид Али-паша 576
Шиваджи 424
Шилов Василий 311
Ши-тао 465
Шихаб, династия 356
Шлегель Фридрих 439
Шлёцер Людвиг Август 173, 203, 235, 236
Шмидт Георг 337
Шмитт Ж.К. 155
Шодон Луи-Майёль 209
Шомекс Абрахам 208
Шоню П. 21, 37, 716, 718
Шор Джон 435
Шортленд Джон 284
Шоу Нильс Иварсен 237
Шпальдинг Иоганн Иоахим 138
Шпанхайм Эзекиль 238
Шпенглер Освальд 694
Шпенер Филипп Якоб 135
Штарк Иоганн Август фон 198
Штюбен Фридрих Вильгельм фон 638
Шуазель Этьен Франсуа де 94, 536, 621
Шуазель-Гуфье Мари Габриэль Флоран Огюст де 244, 245
Шувалов Иван Иванович 116
Шувалов Петр Иванович 49, 51, 549
Шуджа-уд-Даула 600

Щербатов Михаил Михайлович 154, 159

Эбер Жак 684
Эвклид 222
Эдвардс Джонатан 624
Эдмонд (Edmond) Р. 285, *725*
Эиду 495
Эйлер Леонард 221–224, 710
Эйнштейн Альберт 222
Эйюб Хасан-паша 349–351
Эккель Иоганн Йозеф Иларий 238
Элиас Н. 58, 88, 165, *717, 724*
д'Эльбёф, Эмманюэль Морис, принц Лотарингский 240
Эльгин Томас Брюс 245
Эльтон Джон 398, 399
Энгельс Фридрих 51, 603
Энглунд П. 730
Эндрюз Ч.М. 595
Эрик Рыжий 16
Эсета Бруно де 289
Эспанья Хосе Мария 304
Эспен Зегер Бернхард ван 141
Эспиноса Гонсало Гомес де 265
д'Эстен Шарль Анри 536
Эстерлинг Иоганнес 248, 252
Эштон Т.С. 51

Югов Емельян 309
Юм Дэвид 20, 101, 256, 635, 710
Юнг (Янг) Томас 247
Юнг Иоахим 225
Юнчжэн (Айсиньгиоро Иньчжэнь), император Цин 457, 464–474, 476, 709
Юньли 473, 474
Юньлу 473, 474
Юсти Иоганн Генрих Готтлиб фон 110
Юсуф Шихаб, эмир Ливана 357, 358
Юэ Чжунци 469

Якоби Фридрих Генрих 193
Яков I, король Англии и Шотландии 707

Яков II, король Англии, Шотландии и Ирландии 591
Янкович де Мириево Теодор (Федор Иванович) 123, 174
Янсен (Янсений) Корнелий 134
Янсзон Виллем 266

Abun-Nasr J.M. 727
Aksan V. 733
Alam M. 728
Alcázar Molina C. 725
Andaya B.W. 728
Andaya L.Y. 728
Anderson B. см. Андерсон Б.
Anderson M.S. 730
Anderson P. см. Андерсон П.
Andrews D. 734
Aretin K.O. 730
Arrighi G. см. Арриги Дж.
Axworthy M. 727

Baczko B. 735
Bairoch P. 715
Balcou J. см. Балку Ж.
Barbir K.K. 727
Barnett S.J. 719
Barrière P. 723
Bartlett B.S. 729
Bayly C.A. см. Бэйли К.
Bayly S. 728
Baysson H. 722
Beales D. 718
Beaulac S. 731
Beaurepaire P.Y. 721, 730
Belissa M. 731
Bély L. 731
Benedikt H. 733
Bercé Y.-M. см. Берсе И.М.
Biard M. 717
Birtsch G. см. Бирч Г.
Black J. см. Блэк Дж.
Blanning T.C.W. см. Блэннинг Т.
Bluche F. 735
Bodman H.L. 727
Bolitho H. 730
Bourdieu P. 717
Briggs H.G. 728
Brown J. 720
Burke P. 717
Burns W.E. 723
Bush M.L. 717
Butler J. 734

Cain P.J. 733
Calloway C.G. 734
Camariano N. 733
Cannon J.A. 717
Carroll P.E. 716
Ch'u Tung-tsu 729
Champagne P. 722
Charle Ch. 720
Chartier R. см. Шартье Р.
Chatterjee A. 728
Chaudhuri K.N. 733
Clarke J.J. 729
Cohen A. 727
Collison R.L. 723
Cracraft J.E. 719
Crouzet F. см. Крузе Ф.

Daniel G.E. 724
Darnton R. см. Дарнтон Р.
Delumeau J. см. Делюмо Ж.
Dinges M. 717
Dirks N.B. 729
Dobbin C. 728
Duchet M. 720, 721
Duchhardt H. 731
Duhamelle C. 717
Duprat C. 721
Dupuy P. 717

Edmond R. см. Эдмонд Р.
Egnal M. 734
Engelsing R. 720

Farge A. см. Фарж А.
Fawtier-Stone J.C. 718
Ferguson N. см. Фергюсон Н.
Fernandez P. 728
Ferrone V. см. Ферроне В.
Fisch J. 724
Floor W. 727
Frank A.G.733
Frey L.S., Frey M.S. 731
Frijhoff W.T.M. 720
Furber H. 733
Furet F. см. Фюре Ф.

Giarrizzo G. 721
Gillespie Ch.C. 723

Goger J.-M. 721
Goggi G. 724
Gopal M.H. 729
Gordon S. 729
Goubert P. 716
Grell Ch. 720
Grummond N.T. 724
Gumprecht H.U. 722

***H**abermas J. см. Хабермас Ю.*
Hahn R. 723
Halbfass W. 729
Halévi R. 735
Harik I. 727
Harootunian H.D. 730
Härtel H.J. 719
Hathaway J. 727
Hellmuth E. 719
Hernández Sánchez-Barba M. 725
Herzig E. 727
Hobson J.M. см. Хобсон Дж.
Holt P.M. 727
Hopkins A.G. 733
Huang Pei. 729
Hudson P. 716
Hunter I. 719

***I**nalcik H. см. Иналджик Х.*
Inden R. см. Инден Р.
Ingrao Ch.W. см. Инграо Ч.

***J**acob M. см. Джейкоб М.*
James L. 733
Jaume L. 735
Jimack P. 725
Jolly M. 725
Judd D.733
Julia D. 720

***K**afker F.A., Kafker S.L. 723*
Keay J. 733
Kerber L.K. 734
King R. 728
Kitromilides P.M. 719
Koselleck R. см. Козеллек Р.
Kwass M. 717

***L**ambert F. 734*
Landes D.S. 716
Le Roy Ladurie E. см. Леруа Ладюри Э.
Lebrun F. 720
LeDonne J. см. ЛеДонн Дж.
Lefebvre G. см. Лефевр Ж.
Lepetit B. см. Лепти Б.
Lesky E. 716
Leur J.C. van. 728
Liberman V.B. 728
Lombard D. 728

***M**addison A. см. Мэддисон А.*
Mak Phoeun 728
Mander J. 725
Marcus A. 727
Marraud M. 717
Marshall D. 721
Marshall P.J. 733
Masseau D. см. Массо Д.
Matoré G. 723
Mause L. de. 720
Maybon C. 728
Maza S. 722
Mazliak P. 723
Medick H. 717
Melton J.V.H. 720
Metkalf T.R. 729
Meyer J. 717
Michea R. 721
Middlekauff R. 734
Morgan E. см. Морган Э.
Moureau F. 721
Muchembled R. см. Мюшамбле Р.
Muthu S. 725

***N**aquin S. 729*
Nash G. 734
Nassiet M. 717
Newman A.J. 727
Nicolas J. 717

***O**ppici P. 721*
Owen D. 721
Ozouf M. см. Озуф М.

***P**agden A.733*
Pedlow G.W. 717
Pérez J. 725
Perkin H. 717
Péronnet M. 718
Perrot J.-C. 716
Perry J.R. 727
Pinol J.-L. 716

Po-chia Hsia R. 719
Polanco Alcántara T. 725
Porset Ch. 721

***Q**uéniart J. 720*

***R**afeq A.K. 727*
Rakove J. 734
Rawski E.S. 730
Raymond A. 727
Reichardt R. 722
Reill P.H. см. Райл П.
Révauger M.C. 721
Revel J. 720
Rials S. 734
Ricklefs M. C. 728
Rjéoutski V. 720
Robertson W.S. 725
Rodger N.A.M. 734
Rodríguez M. 725
Rose M. 720
Routledge D. 728
Royle E. см. Ройл Э.
Ruggiu F.-J. 718

***S**andys J.E. 724*
Sassier Ph. 721
Schlobach J. 722
Schnapp A. 724
Schrieke B.J.O. 728
Schwartz R.M. 721
Scott H.M. 731
Shaw St. J. 727
Sheehan J. 719
Sherwood J. 721
Smilyanskaya E. см. Смилянская Е.Б.
Smith B. 725
Smith J.M. 718
Sonnet M. 720
Spear P. 729
Stevenson D. 721
Stiebing W.H., Jr. 724
Stone L. см. Стоун Л.

***T**eltscher K. 729*
Thoma H. 725
Thomas N. см. Томас Н.
Thompson E.P. см. Томпсон Э.П.
Totman C.D. 730
Tournay V. 716
Treasure G. 731
Trigger B.G. 724
Troper M. 735
Tsapina O. 719
Tulard J. 734

***U**mbach M. см. Умбах М.*

***V**an Kley D.K. 719*
Van Strien-Chardonneau M. 721
Venard M. 720
Verger J. 720
Verley P. 716
Viala A. 722
Vila Vilar E. 726
Viola G.E. 721
Völkl E. 726
Vovelle M. 735

***W**allerstein I. см. Валлерстайн И.*
Walter E. 722
Ward W.R. 719
Winter M. 727
Wood G.S. 734
Wuthenow R.R. 721

***Z**elin M. 729*
Zilfi M. 733

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абукир, залив, Абукирская бухта 366, 383, 428, 541, 610, 714
Ава, г. 405, 416
Авадх (Ауд), княжество 424, 426, 433–435, 448, 451, 454, 600, 602
Авачинская губа (бухта) 312
Авиньон, г. 22, 23, 538
Австралия 12, 180, 266, 272, 273, 275, 282–284, 605, 713
Австрия 24–26, 30, 51, 53, 80, 105, 108, 117, 120, 126–129, 158, 174, 349, 377, 515, 516, 520, 522–524, 528–532, 534, 535, 538–541, 552, 553, 576, 578, 580–583, 585, 587, 595, 638, 687, 714
  Верхняя 114
Агра, г. 419, 425
ад-Дирʼийя, г. см. Дирʼийя
Аден, султанат 348
Адмиралтейства о-ва 265, 266, 282, 283
Адрар, эмират 382
Адриатическое море 16, 587
Азербайджан
  Иранский (Южный) 391
  Северный 388, 552
Азия 5, 6, 17, 43, 108, 135, 229, 242, 252, 265, 270, 279, 282, 307–309, 313, 336, 365, 411, 447, 514, 546, 551, 595, 598, 606, 609–612, 614, 617, 619–621
  Восточная 265, 501
  Средняя 394, 444
  Центральная 482, 490
  Юго-Восточная 265, 266, 268, 271, 400, 402, 406, 408–410, 414–417, 461, 478, 482, 607
  Южная 266, 611
Азов, г. 307, 517, 568
Азовская губерния 558
Азовское море 517
Айн-Дар, г. 356
Акадия (Новая Шотландия), колония 516, 594
Акапулько, г. 268
Акка, г. 357–359
Аксум, гос-во 331
Александрия, г. 246, 247, 339, 364, 365, 587
Алеппо (Халеб, см.), г. и эйалет 397
Алеутские о-ва (архипелаг), Алеутская гряда 279, 309–316, 319, 320
Алжир 339, 348, 373, 377–379, 619, 708
  Западный 379
Аллахабад, г. 424
Аллеганские горы, Аллеганы 603, 630, 637
Алтай, горы 484
аль-Касири, султанат 348
аль-Куайти, султанат 348
Альпы Верхние, департамент 657
аль-Хаса, провинция 370, 372
Аляска, п-ов 283, 289, 310–314, 316, 320
Амазонка, р. 180
Амбон (Амбоина), о. 283, 412
Америка 5, 6, 12, 43, 63, 135, 148, 180, 181, 186, 197, 229, 259, 265, 266, 269–271, 274, 279, 280, 287, 289, 290, 293, 296, 300, 302, 305, 307–309, 312–321, 478, 514, 536, 537, 590–595, 602–607, 609, 619, 620, 625–636, 638, 639, 642, 643
  Британская 614, 615, 624, 626, 635
  Испанская 269, 291, 294, 298, 302, 303, 305, 536
  Русская 307
  Северная 6, 59, 86, 114, 181, 205, 227, 252, 284, 291, 301–304, 306, 308, 309, 320, 340, 518, 519, 531–533, 536, 590–592, 595, 596, 602, 603, 605, 607, 610, 614–616, 619, 621, 622, 624–626, 628, 629, 631, 633–635, 640, 703, 709, 712, 713

Северо-Западная 310–312, 315, 320, 321
Центральная 181, 290, 291, 303
Южная 6, 180, 267, 269, 273, 279, 289–291, 299, 303, 305, 340, 607, 713
Амритсар, г. 430
Амстердам 38, 42, 43, 130, 196, 229, 234, 343, 393, 413, 618
Амур, р. 320, 457, 487, 491
Амхара, обл.-гос-во 331
Анадырь, р. 307
Анатолия, ист. обл. 350–353, 581
Англия (см. также Великобритания) 13, 21, 23, 29, 30, 34, 38, 42–44, 46–48, 50–54, 56, 57, 61, 63, 65, 68, 90, 93, 96, 107, 112, 114, 117, 118, 121, 124, 126, 127, 131, 132, 136, 157, 165, 170, 172, 175, 176, 178, 181, 183, 185, 186, 188–190, 198, 204, 211, 227, 234, 245, 250, 251, 256, 262, 267–271, 275–279, 282, 284, 289, 290, 297, 300, 304, 305, 315, 319, 335, 338, 367, 375, 377, 380, 383, 398, 399, 414, 416, 432, 433, 443, 454, 455, 489, 512, 515, 535, 536, 571, 583, 589, 591–594, 596, 597, 618, 621, 626–630, 632–634, 636–640, 647–649, 651, 655, 678, 687, 689, 692, 698, 707, 711
Восточная 638
Ангола, гос-во 336, 339
Андалусия, ист. обл. 22
Андреяновские о-ва 310, 311, 315
Анжу, провинция 20
Анкара, г. 243
Антакья, г. 352
Антананариву, г. 334
Антарктида 267, 277, 279
Антигуа, о. 518
Антильские о-ва 304, 593, 596, 609
Большие 267
Малые 290
Антонжиль, бухта 334
Аньхой, провинция 470
Апеннинский п-ов, Апеннины 204, 515, 529, 530, 541
Аполима, о. 283
Арабский Восток 333–334
Аравийский п-ов 331, 348, 370, 372
Аравия 243, 348, 349, 368–372, 409, 411, 417, 710
Западная 371
Центральная 368, 370
Южная 348
Арагон, ист. обл. 82, 127
Аракан, ист. обл. 416
Аральское море 398
Арген, о. 383
Аргентина, совр. гос-во 291
Аргунь, р. 472
Ардра (Аллада), г. 328, 329, 341
Ариндрану, гос-во 334
Армения 242
Аррас, г. 662
Арсила, крепость 380
Аруба, о. 290
Архангельск, г. 193, 312
Архангельская губерния 558
Аскалон, г. 352
Астраханская губерния 558
Астрахань, г. 444, 557
Асуан, г. 364
Асунсьон, г. 299
Асьют, г. 341
Атиу, о. 279
Атлантический океан (Атлантика) 12, 13, 56, 268, 270, 276, 278, 278, 305, 322, 328, 602, 607, 620, 621, 624, 628, 638
Атласские горы 381
Атха, о. 315
Ауденарде, г. 516, 707
Аустральные о-ва 282
Афганистан 428, 431, 614, 710
Афины 243, 244, 253, 438
Афогнак, о. 313
Африка 5, 6, 108, 135, 180, 242, 252, 259, 271, 294, 295, 300, 324–326, 333–335, 337–344, 382, 383, 397, 488, 514, 518, 519, 570, 591, 593, 605, 617, 619, 647
Восточная 322, 333, 336
Западная 322, 324, 327, 336, 341, 383, 518, 591, 707, 709, 714
Северная 195, 345, 348, 377
Северо–Восточная 324
Тропическая 322, 326–328, 331, 336
Центральная 324, 333, 710
Черная 336, 337, 344
Экваториальная 333
Южная 322, 324, 326, 327, 335, 336, 343, 344, 712
Африканский Рог, п-ов 322

Аче, султанат 408, 409
Аютия, г. 406
Аяйна, оазис 368, 370

Баальбек, г. 243, 244
Бавария, ист. обл., гос-во 42, 82, 108, 116, 129, 157, 530
Багамский архипелаг 290
Багдад, г. и эйалет 349–351, 368, 614, 712
Бадахшан, ист. обл. 484, 487
Баден, ист. обл., гос-во 129, 695
Базель, г. 171
Баксар, г. 600
Баку, г. 388, 397
Балканы 19, 21, 22, 29, 101, 570, 586, 587, 709
Балтийское море, Балтика 10, 54, 307, 314, 517, 521, 551, 552
Бамако, г. 339
Банат, ист. обл. 182
Бангил, крепость 407
Бангкок, г. 406, 416
Бар, г. 534
Барбадос, о. 338, 590, 592
Барода, княжество 424
Басков Область 127
Басра, г. и эйалет 349–351
Бат, г. 38
Батавия (Джакарта), г. 227, 266, 268, 269, 271, 272, 276, 284, 406, 407, 410–414
Батавская республика 108, 414, 541, 714
Батрун, округ 356
Беднур, г. 426, 427
Бедфордшир, графство 131
Бежецкий уезд 64
Бейрут, г. 358
Бекаа, р. 358
Белград 581, 582, 708
Белиз, обл. (Гондурас Британский, см.) 290
Белое море 166
Белоруссия 154, 535, 553, 559
  Восточная 553
  Западная 540, 553
Белорусская губерния 562
Белосток, г. 193
Бельгия 53, 59, 539, 540, 699
Бенгалия, ист. обл. 416, 424, 426, 427, 432, 434, 436, 437, 443, 445, 447, 451, 453, 598–601, 606, 607, 610, 620, 710, 711
Бенгальский залив 415
Бендер-Аббас (гавань Аббаса), г. 398
Бендеры, г. 576
Бенин, гос-во 341
Бенуэ, р. 324
Берингов пролив 308, 312, 318, 319
Берингово (Камчатское) море 311
Берлин 17, 38, 42, 166, 192, 228, 238, 533, 585
Бермудский архипелаг 290
Бирма 400, 402, 404–406, 415–419, 452, 483–485, 487, 710
  Верхняя 405
  Нижняя 415
Бирмингем, г. 38
Бихар, ист. обл. 433, 434
Благодатного Полумесяца земли 371
Бланко, мыс 289
Ближние, о-ва 311
Ближний Восток 6, 7, 9, 135, 341, 345, 348, 349, 354, 368, 435, 586, 587
Богемия, ист. обл. 21, 80, 82, 108, 128, 134, 530, 533, 640
Богота, г. 299
Болонья, г. 35, 229
Большерецкий острог, селение 344
Большие Киклады, о-ва (Новые Гебриды, см.) 278
Большой Барьерный риф 272, 275
Бомбей, г. 518, 598, 607, 608, 617
Бонайре, о. 290
Бонапарт (Реюньон, см.), о. 614
Бонни, гос-во 329
Бордо, г. 34, 43, 191, 196, 229, 660, 697
Борну, халифат 336
Босния, ист. обл. 358
Бостон, г. 190, 284, 628, 631–635, 641
Босфор, пролив 552, 578, 588
Ботан-Бопре, о. 283
Ботани-Бей, Ботанический залив 275, 284
Брабант, ист. обл., провинция 19, 34, 113
Бразилия 287, 289, 291, 293–295, 297, 300, 301, 305, 341, 600, 615, 616, 619, 621, 711, 713
  Южная 295
Бракна, эмират 382
Бранденбург, ист. обл., гос-во 82, 135
Бремен, г. 136, 224

Брест, г. 34, 283
Бретань, провинция 55, 93, 157, 174, 658, 660, 686
Нижняя 174
Бристоль, г. 38, 131
Британия см. Великобритания
Британская империя 542, 544, 589–591, 593, 595, 597, 600–602, 606–610, 613–615, 617–621, 624, 634
Британские о-ва 57, 188, 198, 531, 536, 614, 629, 635, 638, 689, 711
Бруни, о. 283
Брюссель 531
Буганда, гос-во 331, 333
Бугенвиль, о. 272
Буковина, ист. обл. 182
Буксар, г. 433
Буньоро, гос-во 331
Бурбон (Иль-Бурбон) (Реюньон, см.), о. 518
Буркина-Фасо, гос-во 324
Бухара, г. 388, 444
Бушир, г. 398
Бушонго, гос-во 333
Буэнос-Айрес, г. и провинция 272, 291, 298
Бшарри, округ 356
Бэгэмдыр, обл.-гос-во 331

Вааль, р. 324
Вавау, о-ва 282
Вайгео, о. 283
Валахия, гос-во 575
Валенсия, ист. обл. 20, 127
Вало, гос-во 382
Вальми, селение 539, 714
Вандея, провинция 666, 683, 686
Ван-Димена Земля (Тасмания, см.) 267, 276, 279, 283, 614
Ваникоро, о. 283
Варанаси (Бенарес), г. 422, 434
Варен, г. 703
Варшава 528, 534, 540
Ватерлоо, селение 455
Ватикан 144, 234, 239, 242, 248, 463
Везувий, гора 240, 241
Великая Китара, гос-во 331
Великий Канал 461, 471
Великий Устюг, г. 311
Великобритания (Британия, см. также Англия) 19, 43–45, 47, 50, 52–54, 56, 57, 61, 91, 95, 134, 136, 145, 146, 149, 150, 158, 166, 169, 181, 182, 188, 203, 226, 228, 230, 249, 242, 269, 270, 272, 284, 301, 305, 345, 371, 383, 413, 415, 432, 446, 480, 482, 487, 489, 490, 496, 516–519, 523, 529–541, 544, 589, 591, 592, 594–597, 600, 602–606, 608–611, 613–618, 620, 621, 624, 629, 630, 637, 707–711, 713, 714
Вена 17, 22, 27, 35, 38, 42, 150, 193, 194, 229, 238, 445, 522, 529, 575, 576, 587, 707
Венгрия 13, 21, 53, 58, 64, 79–81, 96, 108, 122, 193, 530, 707
Венесуэла, обл. 290, 291, 294–296, 298, 300, 304
Венецианская республика 108
Венеция, г. 16, 19, 22, 349, 576, 581, 703
Веракрус, г. 293
Верона, г. 22, 35, 239, 242
Версаль, г. 490, 535, 583, 658, 660, 703
Вест-Индия 290, 291, 294, 296, 298, 300, 303, 338, 518, 519, 533, 534, 536, 590–592, 595, 605, 607, 609, 614–616, 619, 637, 647
Британская 595
Вест-Индские о-ва 43
Вестфалия, ист. обл. 533
Веттерау, р-н 136
Виго, бухта 515
Вида, г. 328, 329, 341
Византия, Византийская империя 146, 236, 557
Виленская губерния 562
Вильно, г. 25, 193
Виргиния, колония и штат 149, 338, 590, 606, 631, 634, 637, 639, 640
Виргинские о-ва 290
Витебская губерния 562
Виттенберг, г. 337
Вогелкоп, п-ов 268
Войска Донского Область 562
Волга, р. 44, 462, 557
Нижняя 557
Вологда, г. 193, 311
Волынская губерния 562
Волынь, ист. обл. 540
Западная 540, 553
Вольта, р. 324
Вольтерра, г. 240
Воронежская губерния 140

Восточноафриканское Межозерье, обл. 331, 333
Восточный Берег (Банда Ориенталь), обл. 291, 298
Выборг, г. 304
Высокий Атлас, горы 380
Вьетнам 400, 402, 403, 405, 415–417, 457, 483, 485, 487, 712, 713
Южный 485

Гаага, г. 197, 343, 490
Гавайи (Большой остров), о. 280
Гавайские (Сандвичевы) о-ва, Гавайи 263, 273, 280, 283, 284, 286, 320
Гавана, г. 300
Гавр, г. 43
Гаити, о. и гос-во (см. также Сан-Доминго; Санто-Доминго) 227, 267, 290, 291, 301, 518
Галилея, ист. обл. 357
Галиция, ист. обл. 82, 129, 182, 535
Галле, г. 110, 135, 172, 237, 252, 337
Галлия, ист. обл. 78
Гамбия, гос-во 339, 614
Гамбия, р. 322, 339
Гамбург, г. 43, 192
Гана, гос-во (Золотой Берег, см.) 329, 336, 337, 340
Ганг, р. 611
Ганновер, г. и гос-во 108, 525, 532, 595
Гатчина, г. 304
Гваделупа, колония 290, 518, 595
Гвалиор, княжество 424
Гватемала, гос-во 291, 303
Гвиана, колония 197, 290, 306, 609
Гвинейский залив 301
Гвинея, колония и гос-во 322, 327
Гелвинка залив 268
Гелдерланд, провинция 67
Гельветическая республика 541, 700
Генуя 35, 42, 108, 532, 541, 703
Герат, г. 388
Геркуланум, г. 240–242, 253
Германия 16, 38, 53, 57, 78, 85, 97, 115, 123, 165, 166, 172, 176, 177, 182, 190, 192, 211, 216, 246, 249, 251, 254, 256, 258, 260, 261, 517, 524, 532, 541, 542, 594, 614, 669, 698
Восточная 96
Прирейнская 699
Северная 22
Гернгут, г. 136
Гессен, ист. обл. 85, 252
Гессен-Кассель, княжество 87
Гёттинген, г. 110, 173
Гибралтар, терр. 380, 515, 518, 536, 594, 614, 707
Гилберта о-ва 284
Гилян, ист. обл. 387, 391, 397, 399
Глазго, г. 91, 128
Глухов, г. 559
Гоа, колония 441, 443
Гобир, гос-во 329
Гова (Макасар), султанат 410
Гогенлинден, селение 541
Годжам, обл.-гос-во 331
Голландия (см. также Нидерланды) 16, 42–44, 46, 52, 108, 114, 130, 144, 163, 166, 178, 181, 182, 211, 216, 228, 267–269, 283, 290, 297, 304, 375, 377, 382, 383, 487, 515, 541, 544, 571, 633, 638
Голубой Нил, р. 180, 330, 339
Гондурас Британский, колония (см. также Белиз) 590
Гондэр, обл.-гос-во 331, 339
Горган, р. 396
Горн, мыс 266, 268, 274, 278, 283, 305
Гренландия, о. 16
Гренобль, г. 34, 655
Греция (Эллада) 165, 237, 241–245, 252, 253, 304
Греческий архипелаг 242
Гродненская губерния 562
Гросс-Егерсдорф, селение 532
Грузия 242, 349, 350, 398, 552
Гуам, о. 265, 282
Гуанахуато, провинция 299
Гуандун, провинция 470, 485, 487
Гуанси, провинция 485
Гуанчжоу (Кантон), г. 464, 482, 485, 488, 489, 711
Гуджарат, ист. обл. 422, 607
Гудзон, р. 518, 637
Гудзонов залив 516, 594
Гульнабад, селение 390

Дагестан, ист. обл. 552
Дагомея, гос-во 328, 329
Дагон, Янгон (Рангун), г. 405
Далмация, ист. обл. 241
Дальний Восток 181, 183, 229, 249, 266, 343, 506, 558
Дамаск, г. и эйалет 351–353, 355–359, 368, 372, 397

Дания 42, 44, 96, 106, 128, 144, 174, 190, 229, 250, 290, 482, 517, 585, 638, 640, 695, 712
Данциг, г. 529, 535, 536, 540
Дарданеллы, пролив 522
Дарфур, султанат 329
Декан, ист. обл. 423, 425, 426, 428, 448
Дели 387, 389, 392, 396, 399, 419, 422, 425, 431, 444, 600
Делийский султанат 450
Денен, селение 516
Денчьира, гос-во 329
Дербент, г. 388
Дерпт, г. 25, 517
Дессау, г. 186
Джайпур, г. 431
Джакарта (Батавия, см.), г. 266
Джамму, княжество 430
Джелам, р. 430
Дженне, г. 339
Джидда, г. 362, 452
Джокьякарта, гос-во 407, 411, 416
Джорджия, колония и штат 590, 634, 637
Джохор, обл. 409, 410
Джубейль, г. и округ 352, 356
Джунгария, Джунгарское ханство 457, 462, 463, 465, 466, 471, 472, 483, 484, 486, 487, 490, 496, 708, 710
Дидимы (Дидим), г. 244
Дижон, г. 70, 202, 227
Диомидовы о-ва 279
Диръийский эмират 370–372
Диръийя, ад-Диръийя, г. 348, 370
Диярбакыр, г. 349, 351
Днестр, р. 552, 586
Доброй Надежды мыс 271, 272, 277, 279, 343, 344, 410
Доминика, о. 608
Дон, р. 63, 139
Дофине, провинция 62
Древний Египет 246, 247
Древний Рим, Римская империя, Рим 610, 675, 689
Древняя Греция 689, 700
Дрезден, г. 136
Дрейка пролив 267
Дружбы о-ва 276
Дублин, г. 127, 167
Дунай, р. 16, 586
Дурранийская империя 710
Дэлавер, колония и штат 590
Дэсима, о. 501
Дюнкерк, г. 163, 531

Евразия 12, 279
Европа 5–8, 10, 12, 13, 15–23, 25, 30–35, 37–39, 41–49, 51, 53, 57–65, 72, 79, 81, 86, 91, 96, 97, 103–106, 110, 112, 115, 118, 121, 127, 134, 135, 140, 158, 160, 162–166, 168–175, 179–183, 185, 186, 188, 190, 197, 198, 201, 205, 207, 216, 217, 228, 230, 233, 236, 238, 245, 246, 248, 249, 252, 259, 260, 262, 263, 270, 282, 304, 305, 334, 337–340, 363, 377, 378, 382, 383, 388–390, 397, 398, 414, 432, 444, 447–449, 453, 463, 464, 487, 489–492, 496, 501, 506, 507, 512, 514–520, 523, 526, 528, 529, 534, 540, 541, 551, 553, 570, 572, 575, 576, 579–581, 583, 585, 592–595, 604, 609–612, 615, 616, 618, 619, 638, 640, 644, 679, 687, 690, 692, 694–696
  Восточная 15, 16, 21, 97, 190, 243, 251, 252, 521, 534, 546
  Западная 6–9, 15, 32–34, 61, 96, 97, 172, 182, 188, 245, 255, 294, 448, 487, 540, 549, 553, 562, 570, 707
  Северная 15, 44, 190, 234, 245, 250
  Северо-Западная 8
  Центральная 15, 33, 35, 49, 234, 523, 707
  Юго-Западная 15
  Южная 108, 245
Евфрат, р. 351
Египет 9, 236, 241, 243, 245–247, 341, 348, 353, 357–368, 372, 377, 383, 428, 541, 587, 610, 614, 708, 711, 714
  Верхний 246, 364–366
  Нижний 365, 366
  Средний 365, 366
Египетская провинция Османской империи 363
Екатеринославская губерния 562
Екатеринославское наместничество 713
Еникале, крепость 552

Жеводан, графство 22
Жемапп, селение 539
Женева, г. 42, 108, 687
Житомир, г. 193

Заиорданье, обл. 357
Закавказье 154, 349, 581, 714

Замбези, р. 324
Замбия, совр. гос-во 322, 333
Замфара, гос-во 329
Зейдландт (Новая Зеландия, см.) 266
Зеландия, о. 250
Зимбабве, совр. гос-во 322
Золотой Берег (совр. Гана), гос-во 337, 340

Иберийский п-ов 204
Иберо-Америка 204
Иерусалим (аль-Кудс), г. и округ 352, 353
Иле-Ифе, г. 327
Или, обл. 484
Илисса, о. 243
Иль-де-Франс (Маврикий, см.), о. 428, 518, 614
Иль-де-Франс, обл. 173
Имерина, гос-во 334
Ингерманландия, обл. 517
Индигирка, р. 315
Индийский океан 268, 271, 272, 276, 278, 279, 282, 283, 333, 340, 341, 518, 537, 607, 609, 619, 620
Индия 6, 7, 9, 22, 30, 181, 266, 270, 344, 405, 415, 416, 419, 422–425, 427–429, 431–455, 482, 496, 501, 518, 520, 531, 533, 541, 570, 590, 593, 595, 597–602, 606–614, 617, 619–621, 707–711, 714
  Британская 601, 606, 611, 614
  Голландская (Нидерландская) 343
  Северная 419, 424, 425, 712
  Южная 425, 595, 598
Индокитай, п-ов 400, 402, 404, 406
Индонезия 324, 333, 339, 400, 407, 411, 412, 414, 415, 614, 620
Индор, княжество 424
Индостан, п-ов 428, 431, 518
Ионические о-ва 540, 587, 609, 614
Иравади, р. 405
Ирак 349–353, 371, 372, 383
  Западный 351
  Нижний 348, 350, 351
  Средний 348, 350, 351
Иран 307, 349–352, 385, 387–392, 396–399, 409, 428, 570, 574, 581, 707, 709, 712, 714
  Западный 388, 391
  Северный 392
  Центральный 391
Иркутск, г. 312, 316, 318, 319, 472
Ирландия 20, 21, 63, 138, 149, 169, 449, 606, 615, 709
Исандра, гос-во 334
Испания 19, 21, 22, 42, 45, 61, 63, 79, 80, 86, 92–94, 96, 101, 105, 106, 108, 121, 126, 127, 142, 144, 157, 163, 174, 178, 185, 190, 192, 198, 211, 227, 265, 267–269, 271, 282, 290–293, 297, 300–304, 315, 317, 319–321, 338, 377, 379, 414, 415, 441, 515, 516, 518, 529–531, 533, 534, 536, 537, 539–541, 544, 595, 603, 614, 618, 619, 629, 638, 648, 687, 699, 708, 710–712
Испанская империя 544, 594, 615, 618–620
Исфахан, г. 387–391, 395, 397, 398, 444
Италия 19, 21, 35, 42, 57, 61, 63, 79, 84, 101, 108, 120, 138, 142, 163, 165, 166, 174, 178, 182, 190, 204, 211, 216, 227, 233, 236, 238, 239, 242, 245, 246, 252, 256, 304, 449, 464, 515, 529–531, 541, 699, 700
  Северная 515, 540
  Южная 242

Йемен 243, 348, 371
  Южный 348
Йена, г. 337
Йорк, г. 189
Йорктаун, г. 527, 536, 603, 712

Кабилия, обл. 378
Кабул 430
Кавказ 154, 229, 376, 396, 521, 581
Кавказ Северный 552
Кадис, г. 293
Кадьяк, о. 310, 311, 313, 315, 316
Казанская губерния 558
Казанское ханство 557
Казань, г. 25, 153, 193, 398, 557
Казахская степь, р-н 553
Казахстан 553, 561
Казембе, гос-во 333, 710
Каир 246, 247, 359, 361, 362, 364–367
Калабрия, обл. 21, 700
Каликут, г. 426
Калимантан, о. 478
Калифорния, п-ов 287
Калифорния, регион 269, 314, 316, 319, 320
  Верхняя 289

Нижняя 289
Калужская провинция 64
Калькутта, г. 433, 434, 436, 445, 447, 449, 518, 598, 599, 601, 617, 709
Кальяо, г. 267, 273
Камбоджа 400, 402, 404
Каменск, г. 49
Камерун, совр. гос-во 322
Кампания, обл. 245
Кампо-Формио, селение 540, 714
Камчатка, п-ов 180, 279, 281, 283, 307–309, 311, 320, 344, 708
Камчатское море см. Берингово море
Канада 181, 270, 284, 432, 519, 533, 534, 593, 595, 596, 603, 605, 615, 617, 629, 632, 634, 637
Верхняя 605, 614
Нижняя 605, 614
Кангра, обл. 430
Кандагар, г. 387, 388
Каннара, обл. 425
Кано, гос-во 329
Канто, долина 500
Кап, Капская колония 324, 334–337, 339, 343, 609, 614, 617, 619
Капстад (совр. Кейптаун), г. 276, 279, 334–337, 344, 714
Карабах, ист. обл. 391
Каракас, г. 304
Карелия, обл. 139
Карибские о-ва 249
Карибский бассейн 259, 295, 298, 300, 624, 631
Карибское море 290, 291, 294, 300, 537, 615
Карлскруна, г. 167
Карнак, селение 246
Карнатик, обл. 425, 427, 432, 597, 598, 600
Каролина, колония 590
Северная, колония и штат 590, 634
Южная, колония и штат 590, 637
Каролинские о-ва (архипелаг) 265, 282
Картасура, обл. 407
Картахена, г. 293, 300
Картли-Кахетинское царство 552, 713
Касаи, р. 324
Касимбазар, г. 433
Каспий 387, 396–399
Кассель, г. 38
Кастамону, г. 578
Кастилия, ист. обл. 80, 172
Каталония, ист. обл. 127
Кауаи, о. 280
Каула, о. 280
Кацина, гос-во 329
Кашан, г. 387
Кашгар, г. 484
Кашгария, обл. 482–484, 486, 487, 710
Каяк, о. 313
Квазулу-Натал, провинция 322
Квебек, г. и провинция 518, 538, 595, 596, 603, 605, 615, 619, 634
Кеалакекуа, бухта 280
Кейп Западный; Кейп Северный, провинции (см. Кап) 324
Кейп-Йорк, п-ов 266
Келат, г. 390
Кёльн, г. 99, 686
Кембридж, г. 171
Кенайский залив 315
Кенайский п-ов 313
Кёнигсберг, г. 172, 529
Кент, графство 251
Кентукки, штат 630
Керала, обл. 448
Кербела, г. 349, 351, 371
Кермадек, архипелаг 283
Керман, г. 392
Керманшах, г. 350, 388
Керчь, г. 552
Кесруан, округ 356
Киев 21, 193, 304
Киевская губерния 558, 562
Киевская Русь 544
Киевское наместничество 560
Кикладские о-ва 243
Кипр, о. 243
Китай 6–10, 30, 227, 284, 312, 403, 409, 415, 442, 457, 459–466, 468–473, 475, 476, 478–493, 495, 496, 511, 606–608, 617, 707–712, 714
Внутренний 460
Восточный 478, 481
Западный 495
Северный 461, 480
Северо-Западный 495
Центральный 478
Юго-Западный 470, 474, 475
Южный 461
Кито, г. 302
Кобленц, г. 686
Коимбра, г. 120, 172, 192
Кокандское ханство, Коканд 484, 487

Колумбия, р. 319
Колыма, р. 310, 315
Командорские о-ва 311
Конго, гос-во на территории совр. Анголы 336, 337
Конго, Демократическая республика 324, 333
Конго, р. 324
Конкорд, г. 635
Коннектикут, колония и штат 590, 591, 631
Константинополь (см. также Стамбул) 34, 197, 244, 552
Конта-Венессен, ист. обл. 538
Конья, г. 349
Кордова, г. (Тукуман, Аргентина) 295
Корея 282, 457, 482, 487, 493, 512
Корсика, о. 532
Кортона, г. 239
Кошерель, селение 252
Крайний Север 181
Краков, г. 99, 171, 540
Крезо, г. 648
Кременчуг, г. 46
Крефельд, г. 533
Крит, о. 12, 243
Кронштадт, г.-крепость, 304, 338
Крым, Крымский п-ов 154, 304, 552, 559, 561, 582, 586, 587, 712
Крымское ханство 521
Крысьи о-ва 311
Куба, о. 290, 291, 298, 303, 616, 711
Кубань, обл. 552, 561
Правобережная 713
Кубань, р. 139
Кувейт, шейхство 349
Куинён, г. 403
Кука о-ва 270, 279
Кукунорское ханство 462
Кум, г. 387
Кунерсдорф, селение 49, 527, 533, 584
Кург, обл. 425
Курдистан, ист. обл. 348
Курильские о-ва, Курильская гряда 308, 313, 314, 316, 319
Курляндия, герцогство и ист. обл. 154, 540, 553
Курляндская губерния 562
Курская губерния 312
Кхарда, г. 428
Кюммен, р. 552
Кюрасао, о. 290
Кюсю, о. 500
Кяхта, г. 472, 483, 484
Лавонгай, о. 266
Ладожский канал 338
Лайхинген, г. 89
Лакхнау, г. 423
Лалангина, гос-во 334
Ла-Манш, пролив 53, 531, 671
Лангедок, ист. обл. 22, 157, 174
Лангеруд, г. 399
Ланкашир, графство 638
Лаос, гос-во 402, 404
Ла-Плата, р. см. Рио-де-ла-Плата
Лараш, крепость 380
Ла-Рошель, г. 42, 191
Латакия, г. 352
Латвия 553
Латинская Америка 121, 287, 292–296, 298, 301, 414, 482
Лахор, г. 430
Левант см. Средиземноморье Восточное
Лейден, г. 171–173
Лейпциг, г. 123, 135, 172, 173, 192
Лейтен, селение 527, 533
Лексингтон, г. 635
Ле-Ман, г., 666
Ле-Мер, пролив 274
Лена, р. 315
Лесная, деревня 517
Лехуа, о. 280
Ливан 243, 348, 352, 356, 358
Горный 352, 353, 356
Ливанский эмират 356, 357
Ливерпуль, г. 38
Ливия 375, 376, 708
Ливония, ист. обл. 21
Ливорно, г. 216, 576
Лигурийская республика 541
Лидда, г. 352
Лилль, г. 99
Лима, г. 192, 299, 303
Лимож, г. 38
Лимузен, обл. 22, 182
Лион, г. 34, 176, 660, 676
Лионнэ, обл. 55
Лиссабон 35, 43, 99, 120, 191, 192
Лисьи о-ва 310–312
Литва 22, 540, 553, 559
Лифляндия, ист. обл. 517, 551, 558–560
Польская 535
Ломбардия, ист. обл. 82, 541
Лондон 17, 34, 38, 42, 43, 47, 48, 90, 91, 117, 127, 130, 131, 150, 166, 169, 176,

182, 183, 189–191, 193, 196, 203, 229, 234, 238, 243, 245, 284, 305, 340, 428, 445, 449, 482, 490, 536, 537, 583, 591, 593, 595, 600–602, 604, 605, 618, 635, 708, 710, 712
Лопатка (Камчатский Нос), мыс 313
Лорд Хау, о. 284
Лотарингия, ист. обл. 529
Луалаба, р. 324
Луба, гос-во 333
Луизиада, архипелаг 272, 283
Луизиана Восточная 181, 534, 629
Луизиана Западная 534, 629
Луизиана, обл., колония 518
Луисбург, крепость 531–533
Лукка, г. и гос-во 108, 216
Луксор, г. 246
Лунда, гос-во 333
Лусон, гос-во 487
Лхаса, г. 462, 483
Льеж, г. 197
Льтуа, залив 315, 318
Л'Эсперанс, о. 283
Люблин, г. 540
Люневиль, г. 541
Люцю (яп. Рюкю), о-ва 457, 487, 493

Маастрихт, г. 531
Маврикий (Иль-де-Франс, см.), о. 227, 283, 341, 428, 614
Магелланов пролив 265, 267, 270, 271, 289
Магриб, регион 373, 383
Дальний 381
Мадагаскар, о. 324, 333–335, 343, 344
Мадрас, г. 426, 432, 433, 445, 518, 532, 598
Мадрид 38, 192, 287, 289, 379, 516
Мадура, о. 410
Мазаган, г. 380
Мазендаран, ист. обл. 391
Мазовия; Мазовия Южная, ист. обл. 540
Маймайчэн, селение 472, 483
Майнц, г. 42
Майсур, Майсурское государство 425–429, 450–453, 455, 610, 611, 711, 712
Макао (Аомэнь), г. 488, 489
Макасар, г. 410, 412
Маку, обл. 391
Малабар, ист. обл. 425–427
Малабарское побережье 518
Малави, гос-во 322
Малаита, о. 273
Малайский архипелаг 271, 402, 415–417
Малайя, колонии, гос-ва, ю. оконечность Малаккского п-ва 400, 408–410, 607, 614, 617, 713
Малакка, Малаккский п-ов 266, 402, 409, 410, 416, 417, 609, 714
Малаккский султанат 409
Малая Азия, п-ов 242–245, 356
Мали, гос-во 322, 329, 336
Малороссия, ист. обл. 173
Мальплак, селение 516, 526, 708
Мальта, о. 377, 609, 614
Мангаиа, о. 279
Мангалур, г. 426
Мангкунегаран, княжество 407
Манила, г. 268, 270, 282, 410, 414, 415
Манипур, княжество 405
Маноно, о. 283
Мануа, о., 269
Манчестер, г. 38
Маньчжурия, ист. обл. 479
Марбург, г. 123, 173, 192
Мардин, эйалет 349, 351
Маренго, селение 541
Марианские о-ва 265, 270
Маркизские о-ва 265, 277, 284
Марокко 22, 373, 379–382, 707, 710
Марракеш, г. 381
Марсель, г. 22, 43, 98, 131, 191, 245, 660, 697
Мартиника, о. 144, 290, 518
Маршалловы о-ва 265, 270, 271, 284
Маскат, султанат 371, 452
Массачусетс, колония и штат 132, 590, 591, 602, 631–635, 639, 640, 642
Масулипатам, г. 518
Матаваи, бухта (Порт-Ройял) 271, 274, 277
Матарам, султанат 404, 406, 407, 411–413, 416, 710
Мауи, о. 280
Махараштра, княжество 424, 450, 451
Маэ, г. 518
Медина, г. 353, 362, 368, 371, 372, 417
Междуречье (Месопотамия, см.), обл. 350
Мекка, г. 353, 362, 368, 371, 372, 417, 449

Мекнес, г. 380, 381
Меконг, р. 403
Мексика 316, 600
Мексиканский залив 287, 293
Мелилья, крепость 380
Мендосино, мыс 289
Мерв, г. 389
Мероэ, гос-во 330
Месопотамия 243, 352
Мехико 303
Мешхед, г. 388, 390
Милан, г. 22, 35, 85, 529
Милет, г. 244
Минангкабау, обл. 409, 417
Минас-Жерайс, обл., штат 300
Минорка, о. 532, 537, 594, 603
Минская губерния 562
Минская империя 487
Мисима, о. 283
Миссисипи, р. 305, 629
Мистра, г. 237
Митава, г. 193
Мичоакан, провинция 299
Младший жуз, гос-во 553
Могилевская губерния 562
Могольский султанат, Могольская империя 597, 598, 600, 611, 612, 707
Модена, г. 129, 242
Мозамбик, о. 322, 341
Мозамбик, совр. гос-во 324
Моксобо, г. 405
Молдова, гос-во 575
Молуккские о-ва 266, 283, 609
Мольвиц, селение 530
Монголия 487, 492
Монгольская империя 542
Монпелье, г. 25, 171, 191, 227, 229
Монс, г. 190
Монтерей, залив 289
Моравия, обл. 64, 128
Мореплавателей о-ва (Самоа, см.) 272
Морея (Пелопоннес), п-ов 586
Москва 21, 25, 29, 31, 35, 38, 46, 48, 49, 97, 139, 140, 163, 193, 304, 493, 542, 554, 712
Москва, р. 16
Москитовый берег 290
Московская губерния 558
Московская Русь, Московия 21, 234, 491, 557
Мосул, г. и эйалет 348, 349, 351, 352
Мохок, р. 518
Муганская степь, Мугань 393–395
Мэриленд, колония и штат 590, 631, 637, 641
Мюнхен, г. 192, 531

Наблус, г. и округ 352, 357
Наварра, ист. обл. 127, 687
Нагасаки, г. 500, 501
Нагоя, г. 502
Нагпур, княжество 424
Наджран, провинция 370
Назарет, округ 357
Намибия, обл. 324
Намука, о. 267
Нанкин, г. 460, 461
Нант, г. 34, 43, 666, 676, 697
Нарва, г. 22, 49, 517
Неаполитанское королевство 21, 240, 241, 541
Неаполь, г. и гос-во 34, 35, 38, 45, 129, 144, 240–242, 516, 529, 541, 700
Нева, р. 38, 314
Невшатель, г. 525
Неджд, ист. обл. 348, 353, 368, 370, 373
Неджеф, г. 349
Неервинден, селение 539
Непал 428, 483, 486, 487
Нерчинск, г. 492
Нигер, р. 180, 324, 329, 339, 340
Нигер, совр. гос-во 322
Нигерия, гос-во 322, 327, 329, 338
Нидерланды (см. также Соединённых провинций Нидерландов республика, Голландия) 22, 23, 32, 34, 42, 47, 50, 57, 59, 65, 67, 108, 136, 163, 196, 334–336, 413–416, 487, 515, 516, 531, 536, 539, 541, 589–591, 593, 596, 609, 615, 618, 620, 621, 703
Австрийские 122, 123, 144, 165, 193, 194, 539
Испанские 142, 515
Южные 34, 108
Ниеншанц, г. 517
Нижегородская губерния 558
Нижний Новгород, г. 44
Ниихау, о. 280
Никарагуа, гос-во 290
Никко, г. (префектура Тотиги) 508
Нил, р. 246, 247, 364
Ним, г. 174, 191, 241
Ниуатобутабу, о. 266
Ницца, г. 540

Новая Англия, колония 149, 592, 602, 626, 627
Новая Британия, о. 272, 283
Новая Гвинея, о. 263, 265, 266, 268, 269, 271, 272, 275, 278, 282, 283
Новая Голландия (Австралия) 267, 268, 275
Новая Гранада, вице-королевство 289, 291, 293–296, 298, 299, 304, 712
Новая Зеландия 267, 273–279, 282, 286
Северный о.; Южный о. 267, 273, 275, 278
Новая Ирландия, о. 266, 283
Новая Испания, колония 266, 289, 291, 292, 294, 295, 298, 299, 302, 304, 711
Новая Каледония, архипелаг 271, 273, 278, 283, 284
Новая Кифера (Таити, см.) 285
Новая Франция, колония 249, 593, 595, 602
Новая Шотландия см. Акадия
Новгород-Северская губерния 562
Новгород-Северское наместничество 560
Новгородская земля 557
Новогвинейское море 272, 283
Новые Гебриды, архипелаг 180, 278, 280, 283
Новые Нидерланды, колония 619
Новый Орлеан, г. 518
Новый Южный Уэльс, штат 275, 283, 284, 606, 614, 617
Нормандия, обл. 22, 660
Нортумберленд, графство 87
Нортхэмптоншир, графство 87
Нотебург, г. 517
Нубия, ист. обл. 246, 339, 364
Нусантара, обл. 417
Нутка, о. 289
Нутка-зунд, бухта 289, 290, 713
Нью-Джерси, колония и штат 590, 637, 639
Нью-Йорк, колония и г. 42, 132, 590, 624, 626–628, 631, 632, 637
Ньюпорт, г. 536
Ньюфаундленд, о. 516, 594, 614
Нью-Хэмпшир, колония и штат 590

Оаху, о. 280
Общества о-ва (архипелаг) 269, 271, 274, 280
Овернь, ист. обл. 22
Оверэйсел, провинция 67
Огайо, р. 634
Огненная Земля, архипелаг 18, 266, 267, 274, 278
Одер, р. 533
Одесса, г. 46, 245
Ойо, г. 327, 328
Океания 180, 181, 249, 263, 265, 270, 273, 277, 278, 280, 282–286
Западная 263, 278
Центральная 282
Юго-Западная 283
Оксфорд, г. 171, 172, 638
Олонец, г. 63
Олонецкий округ 51
Оман, гос-во 348, 371, 398
Онтарио, оз. 532
Онтонг-Джава, о. 267, 273
Оран, г. 379
Оранжевая, р. 180, 324
Ораниенбаум, г. 490
Орел, г. 193
Оренбург, г. 154
Орисса, ист. обл. 433, 434
Ормуз, о. 398
Осака, г. 502, 503, 508, 509
Освего, г. 532
Османская (Оттоманская) империя (Турция, см.) 21, 29, 58, 108, 139, 143, 242, 331, 345, 347, 351, 354, 357, 362, 363, 365, 372, 373, 375, 376, 378, 390, 391, 394, 397, 517, 520, 521, 523, 525, 535, 541, 542, 544, 551, 552, 561, 568, 570, 571, 573, 576, 577, 579–583, 585–587, 707, 708
Ост-Индия 267, 344, 519, 534
Нидерландская см. Индонезия
Охотск, г. 309–314
Охотское море 307

Падуя, г. 574
Пакистан, гос-во 455
Палау, о-ва 266
Палаши (Плесси), селение 433, 599, 613, 710
Палермо, г. 20, 35
Палестина, ист. обл. 243, 244, 352, 357, 358, 362
Северная 357
Пальмира, г. 243, 244
Памир, горы 457

Панама, обл. 267, 291, 300
Панамский перешеек 300
Панджаб (Пенджаб), обл., провинция 429–431, 611, 614, 714
Панипат, г. 424, 425, 429
Панипатское поле 711
Парагвай, гос-во 291, 295, 297–299, 708, 711
Парагвай, р. 295
Парана, р. 295
Париж 16, 23, 25, 27, 29, 31, 34, 37, 38, 42, 47, 73, 97, 99, 165–168, 173, 175, 176, 178, 182, 183, 185, 186, 203, 212, 221, 228, 238, 242, 283, 445, 516, 520, 537, 539, 581, 582, 587, 658–660, 663, 680, 683, 687, 696, 700, 703
Парма, г. 144, 531
Парос, о. 236
Партенопейская республика 541, 700
Пасхи, о. 265, 269, 277, 283
Пегу (Баго), г. 405
Пегу, гос-во 452
Пекин 462, 463, 471, 472, 477, 479, 483–488, 492–494, 496
Пенсильвания, колония и штат 590, 637–640
Пермь, г. 193
Персеполь, г. 243
Персидский залив 371, 391, 397, 398
Персия 243, 552
Перу 180, 266, 282, 287, 289, 291, 292, 294, 295, 298, 299, 709, 712
Перу Верхнее (совр. Боливия), обл. 291, 298
Пестум, г. 245, 253
Петербург см. Санкт-Петербург
Петербургский округ 51
Петерварден, г. 585
Петрозаводск, г. 193
Петропавловск (Камчатский), г. 281, 309
Пизания, селение 339
Пинанг, о. 416, 607, 614
Пиренейский п-ов 293, 594
Пистойя, г. 123, 142, 158
Питкэрн, о. 271
Питт, о. 284
Плимут, г. 131, 271
Поволжье 63, 153, 182, 229, 542, 561
Подветренные о-ва 274, 290
Подляшье, Подляшье Южное, ист. обл. 540
Подолия, ист. обл. 540
Подольская губерния 562
Полесье Западное, ист. обл. 540
Полинезия
  Восточная 265, 282
  Центральная 282
Полоцк, г. 144
Полтава, г. 49, 135, 517
Польша (Речь Посполитая, см.) 13, 15, 42, 49, 63, 79, 81, 82, 96, 101, 108, 118, 150–154, 163, 174, 182, 190, 349, 517, 519–522, 528, 534, 535, 540, 552, 553, 562, 583, 587, 712, 714
  Великая 540
  Восточная 22
  Малая 540
Померания, ист. обл. 517, 532
Поморье, ист. обл. 139
Помпеи, г. 240–242, 253, 710
Пондишери, г. и губернаторство 273, 427, 453, 518
Порт-Джексон, бухта 275, 283, 284
Портендик, г. 383
Портичи, г. 241
Портобельо (Портобело), г. 300
Портсмут, г. 131
Порту, г. 192
Португалия 35, 43, 44, 80, 86, 101, 106–108, 118, 120, 121, 142, 144, 172, 178, 190–192, 204, 290, 291, 293, 297, 300, 301, 441, 464, 487, 488, 515, 539, 544, 595, 614, 615, 618, 619, 638, 710, 712
Португальская империя 619, 620
Поссешн, о. 275
Потсдам, г. 490
Прага 35, 530, 531
Прато, г. 123, 142
Приазовье 551
Приамурье Северное 457
Прибалтика 63, 139, 517, 521, 547, 552, 560, 562
Приднепровье 251
Приевфратье 352
Приена, г. 244
Прикаспий 229
Принс-Уильям (Чугацкий, см.), залив 289, 320
Принца Уэльского мыс 308
Принца Уэльского о. 266

Прирейнские области 529
Присахарье 382, 383
Приуралье 557
Причерноморье Северное 521
Прованс, ист. обл. 22, 23, 171, 531
Пруссия, гос-во 44, 51, 80, 91, 92, 96, 100, 105, 106, 108, 111, 116, 120, 121, 128, 129, 144, 145, 150, 151, 153, 157, 166, 174, 181, 203, 227, 304, 517, 521, 523, 525, 526, 528, 530–535, 538–540, 552, 553, 583–585, 595, 638, 648, 687, 707, 709
Восточная, обл. 533
Польская, обл. 535, 552
Пуна, г. 423–425
Пури, г. 443
Пуэрто-Рико, о. 290, 291
Пэнху, о-ва 487

Рабат, г. 381
Раиатеа, о. 274, 275
Рамийи, селение 516
Рамла, г. 352
Рауль, о. 283
Ревель (Таллин), г. 193, 338, 552
Реймс, г. 19
Рейн, р. 42, 515, 516, 529, 539–541
Рейнская обл. 85
Ренар, о. 283
Ренн, г. 38
Речь Посполитая, гос-во (см. также Польша) 63, 69, 107, 139, 153, 521, 540, 552, 714
Решерш, залив 283
Реюньон (Бурбон; Бонапарт), о. 227, 341, 518, 614
Риау, о-ва (архипелаг) 409, 410, 415
Риау-Джохор, султанат 408–410
Рига 193, 552
Рим 35, 134, 141–144, 151, 154, 183, 221, 241, 295, 438, 574
Римская империя, Рим см. Древний Рим
Римская республика 541
Ринтельн, г. 123
Рио-де-Жанейро, г. 272, 274
Рио-де-ла-Плата (Ла-Плата), р. 267, 289, 295, 301, 712
Рио-де-ла-Плата, обл. 291, 292, 298, 711
Род-Айленд, колония и штат 148, 580, 591, 631
Рождества о. 280
Ромодановская волость 64
Рона, р. 55
Ронгелап, о. 271
Ронгерик, о. 271
Росбах, селение 526, 533
Российская империя 10, 21, 46, 58, 108, 115, 140, 144, 153, 154, 249, 257, 309, 314, 315, 319, 321, 444, 490, 517, 521, 522, 542, 544, 549, 551, 552, 708, 712
Россия 6, 9, 10, 15, 16, 19, 22–27, 31–33, 35, 42–49, 51, 61–63, 69, 79, 80, 82, 89, 92, 96, 97, 101, 106–109, 111, 114–116, 118, 119, 121, 122, 126, 129, 135, 139, 140, 146, 153–155, 157, 158, 160, 162–168, 170, 172–174, 176, 178, 182, 187, 190, 193, 197, 207, 212, 216, 217, 221, 227, 229, 245, 249, 254, 257–259, 279, 289, 304, 307, 309–314, 316–318, 320, 321, 342–344, 349, 362, 387–389, 391, 392, 397–399, 428, 444–446, 452, 457, 463, 464, 469, 471, 472, 482–484, 486, 487, 491–494, 496, 507, 512, 517, 520–525, 528–530, 532–536, 538, 540–542, 544–553, 555, 557–568, 575, 578, 580–587, 638, 648, 649, 687, 707, 709, 711–714
Центральная 63, 139, 557, 558
Руан, г. 197, 229
Румыния, совр. гос-во 19
Русский Север 229, 558
Русь 544, 562
Рыбинск, г. 46
Рыльск, г. 312

Са́наку, о. 311
Саадабад, г. 578
Савайи, о. 283
Савойя, ист. обл. 126, 515, 539, 540, 695
Савойя-Пьемонт, гос-во 106
Сайгон, г. 403
Сайда, эйалет 353, 355–359
Саксония, ист. обл. и гос-во 21, 42, 82, 108, 129, 134, 135, 153, 517, 523, 528, 532–534, 580
Саламанка, г. 171
Салем, г. 284
Салихийя, селение 362
Салоники, г. 576
Самария, ист. обл. 357

Самоа, о-ва (архипелаг) 263, 269, 272, 283
Самос, о. 244
Сандвичевы (Гавайские, см.) о-ва 280
Сан-Диего, залив и миссия 289
Сан-Доминго (зап. часть о. Гаити), колония 197, 227, 290, 301, 595, 714
Сан-Ильдефонсо, г. 301, 712
Санкт-Петербург, Петербург 25, 31, 35, 38, 46, 48, 97, 163, 165, 166, 168, 187, 193, 228, 229, 234, 238, 244, 258, 282, 304, 309, 313–317, 319–321, 338, 428, 444, 491, 493, 530, 532, 547, 552–554, 566, 575, 581–583, 585, 587, 707
Санкт-Петербургская (Ингерманландская) губерния 558
Сан-Луис-Потоси, провинция 299
Сан-Лукас, мыс 289
Санта-Исабель, о. 273
Санта-Крус, о-ва 265, 271, 283
Санто-Доминго (вост. часть о. Гаити), колония 290, 291, 300
Сан-Франциско, залив, миссия, г. 289
Саратов, г. 557
Саратога, г. 536
Сардиния, Сардинское королевство 121, 516, 531, 540, 609, 687
Сафад, г. 352, 357
Сахалин, о. 283, 320
Сахара, пустыня 373, 378, 382, 383
Сацума, княжество 493, 510
Св. Ильи мыс 313
Свияжск, г. 557
Священная Римская империя германской нации 22, 45, 58, 79, 85, 108, 123, 127, 375, 520, 542, 544, 640, 687, 708, 710–712
Севенны, горы 707
Северное море 54, 268
Северный Ледовитый океан 315
Северо-Американские Соединенные Штаты, США 114, 125, 140, 170, 186, 196, 282, 284, 302, 304, 306, 319, 379, 482, 512, 536, 537, 603, 606, 614–616, 620, 639, 640, 642, 658, 701, 712–714
Северо-Восточное море 310, 312, 319
Севилья, г. 293
Семаранг, г. 412
Семигалия, ист. обл. 540
Сена, р. 16, 29, 37
Сена-и-Марна, департамент 657
Сенегал, гос-во 322, 533, 534, 537, 595, 603
Сенегал, р. 322, 339, 340, 373, 382, 383
Сен-Кристофер, о. 518
Сен-Луи, г. 383
Сен-Мари, о. 334
Сеннар, г. и султанат 330, 331, 339
Сент-Джон, о. 290
Сент-Круа, о. 290
Сент-Томас, о. 290
Сеута, крепость 380
Сиам (Таиланд) 400, 402–406, 416–418, 485, 485, 712
Сибирская губерния 558
Сибирь 63, 116, 139, 180, 229, 235, 249, 307, 309, 312, 317, 542, 557, 558
Сидней, г. 284
Силезия, ист. обл. 20, 64, 108, 127, 134, 151, 523, 530, 531–534
  Нижняя 252
Симабара, г. 500
Сирийская пустыня 532
Сирия 243–245, 348, 352–358, 362, 365, 366, 372, 541
  Большая (Биляд аш-Шам) 352, 353, 357
  Северная 356
Сирконсизьон, мыс 276
Сирхинд, г. 429
Сицилий обеих Королевство 582, 638
Сицилия 21, 157, 245, 529, 609
Скандинавия 21, 112, 169, 216, 251, 544
Смирна, г. 236, 245
Смоленская губерния, Смоленская земля 558
Снежные горы 266
Соединенные Штаты см. Северо-Американские Соединенные Штаты
Соединенных провинций Нидерландов республика (см. также Нидерланды) 108, 148, 411, 687
Сож, р. 139
Соломоновы о-ва 271–273, 283
Сонгай, империя, Сонгайская держава 329, 336, 382
Сонна, р. 666
Сонора, провинция 289
Спарта, г. 12, 237, 675
Спитхед, гавань 278
Сплит (Спалато), г. 241

Спорады Центральные Полинезийские, о-ва 280
Средиземное море 56, 357, 532, 537, 586, 609
Средиземноморье 22, 38, 357, 365, 377, 383, 609
Восточное (Левант) 242, 255, 358, 541, 571, 610
Средний Восток 388, 398, 399, 435
СССР, Советский Союз 598, 617, 669
Стабии, г. 240
Стамбул (Константинополь, см.) 34, 38, 345, 347–351, 353, 355–359, 361–364, 373, 375–377, 384, 571, 573, 575–578, 581, 583–587, 709
Старший жуз; Средний жуз, гос-ва 484, 487
Стаффордшир, графство 55
Стокгольм 227–229
Столовая, гора 334
Страсбург, г. 25, 42, 166, 173, 220
Стрейтс-Сетльментс, колония 416
Судан, обл. 322
Восточный 329, 330
Западный 336, 380
Судан, совр. гос-во 324, 329
Суйда, селение 338
Сулавеси (Целебес), о. 271, 410, 415
Сулу, гос-во 487
Суматра, о. 408–410, 417, 482
Восточная 408, 409
Западная 415, 417
Центральная 410
Суний, мыс 244
Сур [Тир], г. 352
Суракарта, г. 407, 411, 416
Сурат, г. 422
Сурско-Волжское междуречье 557
Сучжоу, г. 460, 461
Суэц, г. 282
США см. Северо-Американские Соединенные Штаты
Сычуань, провинция 461, 465, 472, 483, 486, 713
Сьерра-Леоне, колония 605, 614, 713
Сьерра-Морена, р-н 182
Сьюард, п-ов 312
Сэкигахара, селение 498

Табаско, штат 291
Таврическая губерния 562
Таврическая обл. 713
Тагант, эмират 382
Таиланд см. Сиам
Таити, о. 263, 271–277, 280, 282, 284–286
Таиф, г. 371
Тайвань, о. 400, 457, 461, 483, 486, 488
Восточный 457
Такутеа, о. 279
Тамбовская губерния 140
Тана, оз. 339
Танганьика, оз. 324
Танжер, г. 380
Танзания 322, 324
Тасмания, о. (Ван-Димена Земля, см.) 267, 283, 284
Тафахи, о. 266
Тебриз, г. 350, 387
Тегеран 392, 396, 614
Тексель (Тексел), о. и г. 268
Темешвар, г. 581, 585
Темза, р. 16, 131
Тибет, регион 462, 463, 472, 482–484, 486, 487, 708, 710
Восточный 472
Тиверия, округ 357
Тигр, р. 351
Тимбукту, г. 329, 339
Тимор, о. 276
Тифлис, г. 388
Тихий океан 10, 180, 263, 265–280, 282–284, 287, 301, 305, 307, 309, 310, 312–316, 319, 321, 500
Тобаго, о. 290, 537
Тобольск, г. 135, 484
Токайдо, тракт 503
Токелау, о-ва 270
Тонга, архипелаг 266, 267, 276, 279, 280, 282, 283
Тонгатабу, о. 267, 276, 280
Торн, г. см. Торунь
Торо, гос-во 331
Торресов пролив 266, 275
Торунь (Торн), г. 152, 540
Тоскана, ист. обл. 120, 123, 129, 142, 158, 239, 516, 695
Траванкур, княжество 427
Трансильвания, ист. обл. 64, 114, 193, 577
Тразра, эмират 382, 383
Трафальгар, мыс 383
Трех Святителей гавань 313
Тринидад, о. 290, 300, 541, 609
Триполи, г. и эйалет 352, 353, 355, 356, 358, 359, 373, 375, 376

Триполитания, ист. обл. 373, 376
Трир, курфюршество 686
Тробриан, архипелаг 283
Туамоту, архипелаг 265, 266, 269–272, 274, 282
Тубуаи, о. 280
Тулон, г. 22, 516
Тулуза, г. 114, 196, 227
Тульский округ 51
Тунис 373, 376–378, 707, 712
Тур, г. 170, 662
Турень, провинция 20
Турин, г. 35, 242, 516, 685
Турфан, г. 484
Турфанский султанат 463
Турция (см. также Османская империя) 30, 63, 76, 82, 244, 245, 304, 314, 343, 377, 428, 449, 517, 519–522, 529, 538, 551, 552, 559
Тутуила, о. 269
Тханглаунг, (Тханглонг, совр. Ханой), г. 403, 485
Тыграй, обл.-гос-во 331
Тэйшон, обл. 403

Увеа, о-ва 271
Уильямсбург, г. 628
Украина 21, 63, 517, 521, 522, 535, 558–560, 562, 711
  Левобережная 558, 560
  Правобережная 553, 559
  Слободская 559
Ультрамар (Маамура), крепость 380
Умнак, о. 309, 311
Уналашка, о. 309, 311, 313
Унимак, о. 310, 311
Уполу, о. 269
Упсала, г. 229
Урал, горы и ист. обл. 12, 13, 49, 63, 166, 229, 235
Уральский округ 51
Ургa (совр. Улан-Батор), г. 471
Урмия, г. 391
Уругвай, р. 291, 295
Урфа, г. 349
Утрехт, г. и провинция 67, 343, 516
Уфа, г. 153
Уэльс, провинция 84, 189, 624, 638

Ферней-Вольтер, г. 11
Фес, г. 380, 381
Фивы, г. 246
Фиджи, архипелаг 263, 267
Филадельфия, г. 132, 628, 635, 640, 642
Филе, о-ва 247
Филиппины, Филиппинские о-ва 265, 269, 400, 414, 415, 417, 461, 482, 619
  Южные 408, 417
Филиппсбург, г. 529
Финляндия 552, 559
Фландрия, ист. обл. 34, 55, 516
Флерюс, селение 540
Флоренция, г. 20, 35, 239, 242, 541
Флорида, п-ов 181, 291, 300, 534, 537, 629
Фолкленд Восточный, о.; Фолкленд Западный, о. 270
Фолклендские о-ва (Фолкленды) 270, 272
Фонтенуа, селение 531
Франкония, ист. обл. 85
Франкфурт-на-Майне, г. 110, 136, 175, 192, 686
Франкфурт-на-Одере, г. 192, 533
Франция 11, 13, 17, 19–27, 30–35, 37–39, 42–47, 51–65, 68, 69, 72, 75, 77–80, 82–84, 87, 90, 94, 95, 97, 98, 104–108, 115–117, 129, 131, 134, 142–144, 150, 157, 159, 162, 163, 165–168, 172–177, 181–183, 185, 188, 190–192, 195, 197, 198, 201–204, 207, 209, 210, 213, 221, 227, 228, 230, 231, 236, 239–241, 244–246, 249, 251, 252, 256–258, 261, 262, 269–272, 282–284, 290, 291, 294, 295, 300–305, 334, 335, 338, 344, 345, 366, 367, 375, 377, 382, 383, 414, 415, 427, 428, 432, 433, 449, 454, 482, 489, 490, 512, 515–521, 523, 524, 528–541, 544, 552, 571, 575, 579, 581, 583, 585, 586, 589, 593–597, 603–605, 607–611, 615, 616, 618, 619, 621, 629, 638, 644–657, 662–664, 669, 677–683, 685–692, 694–700, 702–705, 707–709, 711–714
Французская империя 544, 615, 619–621
Французская республика 366, 541
Фута-Джаллон, плато 322, 327
Фуцзянь, провинция 457, 461, 487

Хаапай, о. 279
Хадрамаут, ист. обл. 348, 371

Хадсон, р. 619
Хайдарабад, г. 423, 424, 426, 432, 451, 454, 597, 598, 610, 611, 711, 714
Хайнань, о. 457
Хайран (Джебель ад-Друз), горная обл. 356
Халеб (Алеппо, см.), г. и эйалет 349–353, 355, 356
Халха, Халха-Монголия, ист. обл. 484, 459
Хама, г. 352, 355
Хамадан, г. 350
Хами, оазис 462
Ханчжоу, г. 477
Харьяна, штат 429
Харьков, г. 25, 193
Херсон, г. 21, 304
Хертфордшир, графство 87
Хёхштедт, г. 515
Хива, г. 388
Хиджаз, ист. обл. 348, 352, 362, 364, 371, 383
Хиос, о. 574
Хоккайдо, о. 506
Хоннур, г. 426
Хонсю, о. 498
Хорасан, ист. обл. 387, 388, 391, 392, 394
Хорн, о-ва 266
Хохкирх, селение 533
Хуана Фернандеса архипелаг 268
Хуан-де-Фука, пролив 290
Хуанхэ, р. 461, 471
Хугли, г. 433
Хугуан, провинция 459
Хэйлунцзян, провинция 471, 492
Хюэ, г. 403, 416

Царицын, г. 557
Царское село, г. 304
Цейлон (Шри Ланка), о. 266, 324, 541, 608, 609, 614
Цзиндэчжэнь, г. 460
Цзиньчуань, г. 483, 485, 486
Цзяннань, провинция 459, 477
Цзянси, провинция 475
Цзянсу, провинция 470
Цизальпинская республика 541
Цинская империя, Цинское государство 459, 462, 463, 471, 482–484, 486, 488, 490, 491, 496
Цинхай, провинция 472
Цицикар, г. 471
Цорндорф, селение 533, 584
Цурухайту, селение 472

Чад, оз. 336
Чандернагор, г. 518
Чарльстон, г. 628
Червонная Русь, ист. обл. 535
Черная Русь, ист. обл. 540
Черниговская губерния 562
Черниговское наместничество 560
Черное море 16, 166, 242, 551, 552, 568, 586
Чесма (Чешме), г. и бухта 357
Честер, г. 189
Четем, о. 284
Чехия 13, 64, 96
Чжэньцзян, г. 477
Чили 289, 291, 292, 298, 300, 712
Чугацкий (Принс-Уильям, см.) залив 315, 320
Чукотский мыс 310
Чукотский п-ов, Чукотка 307, 309

Шаба, плато 333
Шалон-на-Марне, г. 32
Шампань, ист. обл. 32, 173
Шандернагор, г. 599
Шаньси, провинция 469
Шахризор, эйалет 349, 351
Шацкий уезд 64
Швабия, ист. обл. 85
Швейцария 22, 59, 136, 166, 216, 221, 229, 304, 541, 699
Швеция 16, 22, 42, 44, 45, 49, 52, 53, 79, 80, 82, 83, 107, 111, 113, 117, 128, 164, 167, 190, 227, 251, 304, 307, 314, 343, 482, 517, 519, 521, 522, 529, 530, 532, 533, 536, 538, 551–553, 575, 580, 581, 583, 638, 640, 687, 708, 710, 712
Шип-Коув, бухта 278, 279
Шираз, г. 391, 392, 395, 396
Ширван, ист. обл. и гос-во 350
Шлезвиг-Гольштейн, ист. обл. 251
Шоа, обл.-гос-во 331
Шотландия 21, 38, 128, 146, 157, 227, 531, 533, 624, 638, 707
Шрирангапаттинам, г. 427–429, 455
Шуазель, о. 272, 273
Шэньси, провинция 459

Эгейское море 243
Эгина, о. 244
Эдинбург, г. 38, 128, 216, 234, 339
Эдирне, г. 576
Эдо, селение, г. (совр. Токио) 500–505, 508, 509
Эллада см. Греция
Эльба, р. 96
Эльзас, ист. обл. 55, 191, 537, 538, 687
Эль-Фашер, г. 330
Эндрахт Земля, о-ва и часть побережья Австралии 266
Эр, р. 252
Эр-Рияд, г. 370
Эстляндия, ист. обл. 517, 552, 558
Этрурия, ист. обл. 242
Эуа, о. 267, 276, 280
Эфиопия 322, 331, 336–339, 713
Эчмиадзин, г. 394

Южная Георгия, о. 278
Южная земля Святого Духа, о-ва (Большие Киклады, см.; Новые Гебриды, см.) 272, 278
Южно-Китайское море 271
Южные Сандвичевы о-ва 278
Юкатан, п-ов 290, 291, 299
Юньнань, провинция 480
Юон, о. 283
Юон, п-ов 283

Ява, о. 266, 404, 406, 407, 410–412, 415–417, 464, 491, 609, 614, 615, 619
Восточная 404, 406
Западная 407
Центральная 406
Яик, р. 139
Якутат, залив 315
Ямайка, о. 267, 286, 290, 590, 608, 609
Янцзы, р. 461
Янчжоу, г. 461, 477
Япония 6, 8, 10, 217, 227, 312, 410, 461, 480, 482, 498, 500–502, 504–507, 509, 511–513, 707–709, 713
Яркенд, г. 484
Ярославль, г. 193
Яффа, г. 352, 357

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

КАРТЫ

«Европа». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Образ Европы. География, климат».

«Старый Свет и Новый Свет на двух полушариях». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Океания».

«Южная Америка». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Латинская Америка».

«Новые открытия россиян в северной части Южного моря, как в Азии, так и в Америке» (1776). Карта из «Новейшего атласа» Антонио Дзатты (Венеция, 1775–1785). – К гл. «Русская Америка».

«Африка». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Тропическая и Южная Африка».

«Мозамбикский канал, остров Мадагаскар и Африканский берег от мыса Доброй Надежды до Мелинды [Малинди]». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Тропическая и Южная Африка».

«Аравия, Персидский залив, Красное море, Египет, Нубия и Абиссиния». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Арабский мир».

«Северная Африка или Берберия, включающая в себя королевства Триполи, Тунис, Алжир, Фес и Марокко». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Арабский мир».

«Персия, Грузия и независимая Татария». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Иран в XVIII столетии: век “великого замешания”».

«Филиппины, остров Формоза [Тайвань], Южный Китай, королевства Тонкин [С. Вьетнам], Кохинхина [Ю. Вьетнам], Камбоджа, Сиам [ныне Таиланд], Лаос, а также часть королевств Пегу и Ава [ныне Бирма]. Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Три мира Юго-Восточной Азии».

«Индия. Верхняя часть». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Индия: на переломе».

«Индия. Нижняя часть». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Индия: на переломе».

«Китайская империя, Китайская Татария, королевство Корея и Японские острова». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Китай: вёсны и осени последней империи».

«Японская империя, состоящая из семи основных частей, подразделяющихся на тридцать шесть королевств». Карта Томаса Китчина и Роберта Сейера (Лондон, 1794). – К гл. «Япония: мир за “бамбуковым занавесом”».

«Российская империя». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Становление Российской империи».

«Европейская и Азиатская Турция (помимо части, находящейся в Аравии)». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Между Востоком и Западом: Османская империя».

«Северная Америка». Карта из «Атласа всех известных частей Земного шара» Ригобера Бонна (1780). – К гл. «Война за независимость и образование США».

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Луи Бретез. Западная оконечность о-ва Сите и левый берег Сены. 11-й лист «Плана Тюрго». 1739. – К гл. «Миры, утратившие равновесие: город и деревня».

Линейный корабль третьего ранга. Гравюра из 2-го тома «Циклопедии» Э. Чеймберза. 1728. – К гл. «Люди и техника. Начало промышленной революции».

Фридрих Великий. Гравюра Карла Эрнста Форберга (1872) с картины Вильгельма Кампхаузена (1871). – К гл. «Просвещение и власть».

«Показной энтузиазм». Гравюра Роберта Пранкера, по картине Джона Гриффитса. Лондон, ок. 1755. Сатирическое изображение проповедника-методиста, вероятно Джорджа Уитфилда. Фоном служит здание лондонской больницы св. Луки для умалишенных, основанной в 1751 г. – К гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения».

Бреве папы Климента XIV «Dominus ac Redemptor» о роспуске Ордена иезуитов. Мадрид, 1773. – К гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения».

«Сцены ужасной трагедии в Торуни». Гравюра на меди. Лондон, 1725. – К гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения».

Титульный лист первого тома «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел». Париж, 1751. – К гл. «Систематизация знаний. "Энциклопедия" Дидро и Даламбера».

Восточный фронтон Парфенона в Афинах. Гравюра с рис. Уильяма Парса. 1765 г. Из кн.: *Stuart J., Revett N.* The Antiquities of Athens. London: John Nichols, 1787. Vol. 2. – К гл. «"Открытие" прошлого».

Французские ученые египетской экспедиции Наполеона измеряют сфинкса. Гравюра с рис. Доминика Виван Денона (*Vivant Denon D.* Voyage dans la Basse et la Haute Égypte, pendant les campagnes du général Bonaparte. Paris: P. Didot l'aîné, an X-1802). – К гл. «"Открытие" прошлого».

«Семь идолов в образе разных зверей, выкопанных из могил в районе Енисея в Красноярском уезде близ Абаканского и Саянского острогов», приобретенные акад. Г.Ф. Миллером в Красноярске. Бронзовые древности тагарской археологической культуры VII–IV вв. до н.э. Рис. художника академического отряда Второй Камчатской экспедиции Иоганна Вильгельма Люрсениуса. 1735. © Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21 (Г.Ф. Миллер). Оп. 5. Д. 39/54. Л. 1. – К гл. «"Открытие" прошлого».

Смерть капитана Кука 15 февраля 1779 г. Гравюра Клода Матьё Фессара (1780-е гг.) с картины Джона Уэббера (1784). – К гл. «Океания».

Жорж Руже. Портрет Франсиско де Миранды в форме дивизионного генерала французской революционной армии. 1835. Версальский дворец. – К гл. «Латинская Америка».

Мулай Исмаил, султан Марокко. Гравюра. Из кн.: *Windus J.* Reise nach Mequinetz, der Residentz des heutigen Käysers von Fetz und Marocco welche C. Stuart als Groß-Britannischer Gesandter Anno 1721 zur Erledigung der dortigen Gefangenen abgelegt hat. Hannover: Förster, 1726. – К гл. «Арабский мир».

Дворец низамов Хайдарабада. – К гл. «Индия: на переломе».

Портрет основателя сикхского государства Ранджита Сингха. Посмертная литография с рисунка Дживана Рама (1831).– К гл. «Индия: на переломе».

Надгробная плита Г.С. Лебедева на Георгиевском кладбище в Санкт-Петербурге. – К гл. «Индия: на переломе».

Веер «Бал наций». 1733 г. Национальная библиотека Франции, Париж. – К гл. «Pax Europea: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира».

Иоганн Йозеф Цоффани. Уоррен Хейстингс. 1783–1784. Собрание Пола Мелона, Йельский центр британского искусства, Нью-Хейвен. – К гл. «Эволюция Британской империи».

Трехдолларовая купюра, выпущенная по решению Континентального конгресса в 1775 г. – К гл. «Война за независимость и образование США».

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Вигилиус Эриксен. Екатерина II. 1762. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. – К гл. «Становление Российской империи».

Рембрандт Пил. Джордж Вашингтон. 1795. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. – К гл. «Война за независимость и образование США».

Джованни Баттиста Тьеполо. Европа (Аполлон чествует князя-епископа). Фрагмент фрески «Аполлон и континенты» в епископской резиденции в Вюрцбурге. 1752–1753. © 2011. Photo Scala, Florence. – К введению «Восток и Запад в XVIII веке».

Джованни Баттиста Тьеполо. Азия. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты» в епископской резиденции в Вюрцбурге. 1752–1753. © 2011. Photo Scala, Florence. – К введению «Восток и Запад в XVIII веке».

Джованни Баттиста Тьеполо. Америка. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты в епископской резиденции в Вюрцбурге. 1752–1753. © 2011. Photo Scala, Florence. – К введению «Восток и Запад в XVIII веке».

Джованни Баттиста Тьеполо. Африка. Фрагмент фрески «Аполлон и континенты» в епископской резиденции в Вюрцбурге. 1752–1753. © 2011. Photo Scala, Florence. – К введению «Восток и Запад в XVIII веке».

Жан-Батист Пигаль. Смерть. Фрагмент надгробия Морица Саксонского (1696–1750), маршала Франции. 1771–1776. Церковь Сен-Тома, Страсбург. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Жизнь, опережающая смерть: население».

Донато и Джузеппе Масса. Фрагмент майолики (по рис. Доменико Антонио Вакаро), украшающей клуатр монастыря Санта-Кьяра в Неаполе. 1742–1745. Фото С.Я. Карпа. – К гл. «Жизнь, опережающая смерть: население».

«Monsieur des Trois États» – представитель трех сословий французского общества: одетый наполовину, как священник, наполовину, как дворянин, он держит в руке крестьянскую лопату. Эстамп. 1789. Библиотека Арсенала, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Социальные иерархии и “цивилизация нравов”».

Карикатура на Старый порядок: крестьянка (третье сословие) несет на себе монахиню (духовенство) и знатную даму (дворянство). Эстамп. 1789. Библиотека Арсенала, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Социальные иерархии и "цивилизация нравов"».

Мартин ван Майтенс. Торжественный въезд принцессы Изабеллы Пармской в Вену по случаю ее бракосочетания с эрцгерцогом Иосифом (будущим императором Иосифом II). 1760. Музей истории искусств, Вена. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Социальные иерархии и "цивилизация нравов"».

Франкмасонство. Собрание английских масонов на фоне символов основных масонских лож. Гравюра XVIII в. Музей декоративно-прикладного искусства, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Франкмасонство».

Анисе Шарль Габриэль Лемонье. Салон мадам Жоффрен в 1755 г.: чтение драмы Вольтера «Китайский сирота». 1812. Музей дворца Буа-Прео, Рюэй-Мальмезон. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Партия философов».

Габриэль де Сент-Обен. Салон 1767 года в Лувре. 1767. Рисунок пером, акварель, гуашь. Частное собрание, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Открытие прошлого».

Жан-Батист Симеон Шарден. Мальчик с юлой. 1741. Лувр, Париж. © 2011. Photo Scala, Florence. – К гл. «Воспитание и образование».

Жак Луи Давид. Антуан Лоран Лавуазье с супругой. 1788. Метрополитен-музей, Нью-Йорк. © 2011. The Metropolitan Museum of Art/Art Resource/Scala, Florence. – К гл. «"Открытие" природы».

Война за Испанское наследство. Битва при Таньере (Мальплаке) 11 сентября 1709 г. Эстамп. Национальная библиотека Франции, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Pax Europea: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира».

Фрагмент (картуш) «Карты российских и турецких земель Северного и Южного Причерноморья» Даниэля Фридриха Зоцмана (Берлин, 1788). На картуше изображен султан, предъявляющий императрице ультиматум – развернутый свиток с надписью «Крым». – К гл. «Между Востоком и Западом: Османская империя в XVIII веке».

Портрет императора Канси в парадном облачении. Конец эпохи Канси. Неизвестный художник. Шелк. Дворцовый музей, Пекин. – К гл. «Китай: вёсны и осени последней империи».

Портрет императора Юнчжэна в парадном облачении. Неизвестный художник. 1723–1735. Шелк. Дворцовый музей, Пекин. – К гл. «Китай: вёсны и осени последней империи».

Джузеппе Кастильоне. Портрет императора Цяньлуна в парадном куяке. Шелк. 1739. Дворцовый музей, Пекин. – К гл. «Китай: вёсны и осени последней империи».

«Дворец ветров», построенный в Джайпуре махараджей Савай Пратап Сингхом. Фасад из розового песчаника в форме венца Кришны. Ок. 1799. Фото Е.Ю. Ваниной. – К гл. «Индия: на переломе».

Утагава Тоёхару. Наслаждение прохладой у моста Эйтай на р. Сумида. Фукагава. Ок. 1771. Эстамп. Ньюаркский музей, Ньюарк (Нью-Джерси). © 2011. Photo The Newark Museum/Art Resource/Scala, Florence. – К гл. «Япония: мир за "бамбуковым занавесом"».

Жан Мишель Моро Младший. Робеспьер. Рисунок карандашом. Ок. 1793. Музей Ламбине, Версаль. © 2011. Photo Scala, Florence. – К гл. «Террор».

Палач, сам отрубающий себе голову. Сатира на Робеспьера. Эстамп. Ок. 1794 г. Музей Карнавале, Париж. © 2011. White Images/Scala, Florence. – К гл. «Революция и контрреволюция».

Спиридион Рома. Восток предлагает свои богатства Британии. 1778. Роспись плафона в здании Министерства иностранных дел и по делам Содружества в Лондоне. Выполнена по заказу Ост-Индской компании для зала заседаний Комитета по доходам в ее штаб-квартире на Леденхол-стрит. © 2011. Photo Scala Florence/Heritage Images. – К гл. «Эволюция Британской империи».

Натаниэль Данс Холланд. Джеймс Кук. Ок. 1775. Национальный военно-морской музей, Гринвич. © 2011. Photo Ann Ronan/Heritage. Images/Scala, Florence. – К гл. «Океания».

Карта Африки Иоганна Маттиаса Хазе (1737). – К гл. «Тропическая и Южная Африка».

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ВОСТОК И ЗАПАД В XVIII ВЕКЕ
С.Я. Карп, В.А. Мельянцев 5

ЕВРОПА: ПРОСТРАНСТВО, ЛЮДИ, СОЦИУМ

Образ Европы. География, климат
З.А. Чеканцева 12

Жизнь, опережающая смерть: население
З.А. Чеканцева (*при участии А.М. Сточика, С.Н. Затравкина*) 19

Миры, утратившие равновесие: город и деревня
З.А. Чеканцева 32

Обмен: рынок, деньги, кредит
З.А. Чеканцева 40

Люди и техника. Начало промышленной революции
З.А. Чеканцева 49

Порядок и беспорядок
З.А. Чеканцева 58

Социальные иерархии и «цивилизация нравов»
Л.А. Пименова 74

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЕГО ПРАКТИКИ

Что такое Просвещение?
С.Я. Карп 100

Просвещение и власть
А.Б. Каменский 104

Религия и церковь в эпоху Просвещения
Е.Б. Смилянская, О.А. Цапина 133

Воспитание и образование
В.С. Ржеуцкий 161

Чтение
Е.И. Лебедева 175

Путешествия
Е.И. Лебедева 180

Филантропия
Е.И. Лебедева 185

Франкмасонство
Н.Ю. Плавинская 188

Общественное мнение
Н.Ю. Плавинская 200

«Партия философов»
Н.Ю. Плавинская 205

«ОТКРЫТИЕ» МИРА

Систематизация знаний. «Энциклопедия» Дидро и Даламбера
Н.Ю. Плавинская 210

«Открытие» Природы
И.С. Дмитриев, Э.И. Колчинский 218

«Открытие» прошлого
И.В. Тункина 233

Открытие «цивилизации»
Ханс Юрген Люзебринк (перевод Н.Ю. Плавинской) 256

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Океания
В.П. Николаев 263

Латинская Америка
М.С. Альперович 287

Русская Америка
М.С. Альперович 307

Тропическая и Южная Африка
А.С. Балезин 322

ВОСТОК

Арабский мир
С.А. Кириллина, В.В. Орлов 345

Иран в XVIII столетии: век «великого замешания»
Т.А. Коняшкина 385

Три мира Юго-Восточной Азии
В.А. Тюрин 400

Индия: на переломе
Е.Ю. Ванина 419

Китай: вёсны и осени последней империи
К.М. Тертицкий, Е.В. Волчкова 457

Япония: мир за «бамбуковым занавесом»
А.Н. Мещеряков 498

ПЕРЕМЕНЫ НА КАРТЕ МИРА. СУДЬБЫ ИМПЕРИЙ

Pax Europea: союзы и войны между европейскими державами, их результаты на карте мира
А.В. Чудинов 514

Становление Российской империи
А.Б. Каменский 542

Между Востоком и Западом: Османская империя
М.С. Мейер 568

Эволюция Британской империи
К.А. Фурсов 589

Война за независимость и образование США
И.Ю. Хрулёва 622

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Истоки революции
А.В. Чудинов 644

От Старого порядка к новому
Д.Ю. Бовыкин 655

Террор
А.В. Чудинов 664

Революция и контрреволюция
Д.Ю. Бовыкин 678

Французская революция и мир
А.В. Чудинов 694

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология 707

Избранная литература 715

Указатель имен (*составитель Е.Н. Балашова*) 736

Указатель географических названий (*составитель Е.Н. Балашова*) 761

Перечень иллюстративного материала 780

Научное издание

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В ШЕСТИ ТОМАХ

Том 4

МИР В XVIII ВЕКЕ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Редакторы *В.Н. Токмаков, Г.В. Шевцова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.А. Желнова, Т.А. Печко*

Иллюстрации воспроизведены
в соответствии с представленными
архивными оригиналами

Подписано к печати 16.09.2013
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 65,7. Усл.кр.-отт. 70,6. Уч.-изд.л. 67,0
Тираж 1470 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 4074

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ООО «Цифровая типография № 21»
123022, Москва, Рочдельская ул., 15, стр. 13

АДРЕСА МАГАЗИНОВ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины с отделом “Книга-почтой”

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01
Сайт: **http://LitRAS.ru/** e-mail:**okb@LitRAS.ru**

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64
e-mail: **ak@akbook.ru**

Магазины с букинистическим отделом

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; (код 3952) 42-96-20 akademkniga@list.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)

101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19

142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1 (код 49677) 3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)

199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12

199034 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б” (код 812) 230-13-28
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт:http://LitRAS.ru/
e-mail: info@LitRAS.ru
Отдел логистики, телефон (код 495) 932-74-71
Факс (код 499) 143-84-24

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru